2,30

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА

ИЗД-Т-ВА МІРЪ

Титульный листъ и орнаментированныя буквы исполнены

Р. БЕРНШТЕЙНЪ-ВИШНИЦЕРЪ.

Istoriia evreiskago naroda.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: во **„ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ“ (тт. I—X): Балабанъ, М.** д-ръ (Львовъ); **Бернфельдъ, С.**, д-ръ (Берлинъ); **Блохъ, М.**, проф. (Познань); **Вахштейнъ, Б.**, д-ръ (Вѣна); **Вишницеръ, М. Л.** (С.-Петербургъ); **Гессенъ, Ю.** (С.-Петербургъ); **Гурляндъ, А. С.** (С.-Петербургъ); **Гутманъ, М.**, проф. (Будапештъ); **Гюдеманъ, М.**, д-ръ (Вѣна); **Джекобсъ, Дж.** (Нью-Іоркъ); **Дикштейнъ, Ф. М.** (С.-Петербургъ); **Канъ, С.** (Нимъ); **Кассуто, У.** (Флоренція); **Киттель, Р.**, проф. (Лейпцигъ); **Кракауэръ, И.**, проф. (Франкф. н/М.); **Крауссъ, С.**, проф. (Вѣна); **Кренье, А.** (Марсель); **Либеръ, М.** проф. (Парижъ); **Лозинскій, С. Г.** (С.-Петербургъ); **Неймаркъ, Д.**, проф. (Цинциннати); **Ригеръ, П.**, д-ръ (Гамбургъ); **Симонсенъ, Д.**, проф. (Копенгагенъ); **Соловейчикъ, М. А.** (С.-Петербургъ); **Сусницкій, А.**, д-ръ (Берлинъ); **Тейблеръ, Е.**, д-ръ (Берлинъ); **Тыкоцинскій, Г.**, д-ръ (Берлинъ); **Филиппсонъ, М.**, проф. (Берлинъ); **Фогельштейнъ, Г.**, д-ръ (Кенигсбергъ); **Фрейманъ, А.**, д-ръ (Франкф. н/М.); **Функъ, С.**, д-ръ (Босковицъ); **Хаіесъ, Г. П.**, проф. (Тріестъ); **Хайамсонъ, А. М.** (Cheshunt); **Эльбогенъ, И.**, д-ръ (Берлинъ); **Эппенштейнъ, С.**, д-ръ (Берлинъ).

Въ **„ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ“ (тт. XI—XV): Балабанъ, М.**, д-ръ; **Бернштейнъ-Вишницеръ, Р. В.** (С.-Петербургъ); **Браудо, А. И.** (С.-Петербургъ); **Вермель, С. С.** (Москва); **Винеръ, С. Е.** (С.-Петербургъ); **Вишницеръ, М. Л.**; **Гессенъ, Ю.**; **Гинзбургъ, С. М.** (С.-Петербургъ); **Гуревичъ, Х. Д.**, д-ръ (С.-Петербургъ); **Дубновъ, С. М.** (С.-Петербургъ); **Іоффе, И. Е.**, д-ръ (Рига); **Кацъ, Б. А.** (Вильна); **Кутшеба, С.** проф. (Краковъ); **Маггидъ, Д. Г.** (С.-Петербургъ); **Марекъ, П. С.** (Москва); **Френкъ, Э. Н.** (Варшава); **Цинбергъ, С. Л.** (С.-Петербургъ); **Шипперъ, И.**, д-ръ (Львовъ) и др.

Томъ I

Изданіе Т-ва „Міръ“

Москва

1914.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

Въ редактированіи «Всемірной исторіи евреевъ»

ПРИНИМАЮТЪ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ:

М. Вишницеръ, Ю. Гессенъ, А. С. Гурляндъ,
М. А. Соловейчикъ.

ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

„ОБЩЕСТВА

ДЛЯ НАУЧНЫХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ

ИЗДАНІЙ“.

Типо-литографія Т-ва **И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.** Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1914.

Отъ Редакціи.

Приступая къ изданію многотомнаго труда по исторіи еврейскаго народа, мы полагаемъ, что идемъ навстрѣчу уже давно назрѣвшей потребности. Съ развитіемъ еврейской общественности за послѣднія десятилѣтія расширился и углубился интересъ къ собственному прошлому, къ уясненію тѣхъ, различныхъ въ разныя эпохи, но всегда своеобразныхъ, формирующихъ началъ, которыя опредѣляли собою историческое бытіе еврейскаго народа, пронесшаго черезъ тысячелѣтія свое единство, не только какъ расовую общность, но и какъ самобытный, сохранившій свои творческія силы, духовный укладъ.

Минувшая эпоха еврейской историографіи, выдающимся представителемъ которой является Генрихъ Гретцъ, разсматривала нашъ народъ, поскольку рѣчь шла о его внѣшнемъ, политическомъ бытіи, исключительно какъ объектъ милости и гнѣва окружающихъ народовъ и ихъ правителей; внутренняя же жизнь еврейства, по взглядамъ нашихъ историковъ середины XIX вѣка, исчерпывалась умственной дѣятельностью его духовныхъ вождей и офиціальныхъ учителей.

Но дѣйствительная и полная лѣтопись еврейскаго народа заключаетъ въ себѣ не одну только пеструю смѣну періодовъ покровительства и гоненія, гостепріимства и изгнанія—она должна въ постоянной связи съ событіями міровой исторіи изображать подлинную жизнь народа, который во всѣ эпохи своей исторіи и во всѣхъ странахъ своего разсѣянія не только бывалъ терпимъ или гонимъ, но и жилъ, приспособляясь къ измѣнчивымъ политическимъ и соціально-экономическимъ условіямъ окружающей среды, борясь за свою самобытную національную культуру и участвуя, какъ народное цѣлое, въ матеріальной, соціальной и духовной эволюціи человѣчества.

Что касается, въ частности, умственной культуры еврейства, которая въ силу историческихъ условій составляла въ теченіе двухъ тысячелѣтій основу его народнаго бытія, то и ея пути были значительно шире, чѣмъ это обычно рисовала наша историографія, интересъ которой исчерпывался, съ одной стороны, дѣятельностью однихъ только руководящихъ умовъ, съ другой стороны, лишь тѣми областями ду-

ховной жизни, которыя были впослѣдствіи, санкціонированы официальнымъ іудаизмомъ.

Но индивидуальныя черты и исторически-дѣйственная сущность духовной культуры проявляются не только въ ея высшихъ достиженіяхъ, но и въ ея бытовыхъ, устойчивыхъ формахъ; между тѣмъ еврейскій бытъ, замѣнявшій народу утраченную имъ государственность, оставался до послѣдняго времени внѣ поля зрѣнія нашей исторіографіи. Что касается содержанія духовнаго творчества народа, то надо имѣть въ виду, что на поворотныхъ пунктахъ своей исторіи, въ эпохи наибольшаго напряженія всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ, еврейскій народъ, стиснутый въ рамкахъ синагогальнаго міропониманія, искалъ другихъ путей для своей идеологіи, которые бы дали выходъ накопившейся въ немъ духовной энергіи и осмыслили бы его безпримѣрный мартирологъ. И очень часто біеніе подлинной жизни народной историкъ услышитъ не въ раввинизмѣ, а въ мистическихъ схемахъ каббалы, въ исканіяхъ хасидизма, въ заблужденіяхъ саббатіанцевъ.

Однако развитіе нашей исторіографіи, сказавшееся въ послѣднія десятилѣтія, выражается не въ одномъ только расширеніи объема историческаго изслѣдованія, не въ одномъ лишь освѣщеніи событій и въ новыхъ, соотвѣтствующихъ общему состоянію исторической науки, предпосылкахъ изложенія. Самые матеріалы, которыми нынѣ располагаетъ еврейская исторіографія, открываютъ богатое поле для новой трактовки темныхъ эпохъ и мало изученныхъ доселѣ сторонъ еврейскаго прошлаго.

Изъ многочисленныхъ новыхъ источниковъ, которыми оперируетъ наша историческая наука, укажемъ на ряду съ раскопками въ Палестинѣ, Месопотаміи и Телль-эль-Амарнѣ, составившими эру въ развитіи нашего знанія о древнѣйшемъ періодѣ еврейской исторіи, еще на раскопки въ Элефантинѣ, на богатѣйшія открытія въ Каирской Генизѣ, на начатую въ рядѣ странъ разработку государственныхъ архивовъ, на изданіе первоисточниковъ по исторіи многихъ еврейскихъ общинъ и, наконецъ, на многочисленныя изслѣдованія, какъ монографическія, такъ и опубликованныя въ спеціальной повременной печати, выходящей на многихъ языкахъ. Изслѣдованія эти, посвященныя вопросамъ экономической и духовной культуры еврейскаго народа въ различныя эпохи, открывали подчасъ совершенно новыя перспективы для выясненія роли еврейства во всемірной исторіи и для раскрытія, на ряду съ внѣшними, и внутреннихъ причинъ тѣхъ глубокихъ потрясеній и массовыхъ передвиженій, которыми такъ богаты всѣ періоды исторіи еврейскаго народа со времени утраты имъ государственной независимости.

Изъ этого кратко намѣченнаго пути, пройденнаго еврейской исторіографіей за послѣднія четыре десятилѣтія, видно [1]), почему „Исторія

[1]) Болѣе подробныя данныя о развитіи еврейской исторіографіи въ XIX в. даны ниже, въ статьѣ д-ра С. Бернфельда.

евреевъ" Гретца, бывшая до сихъ поръ единственнымъ законченнымъ капитальнымъ трудомъ по еврейской исторіи, настолько устарѣла, что даже новый, дополненный переводъ ея не могъ бы никакъ удовлетворить народившейся среди русскаго еврейства потребности. Даже представители еврейской науки въ Германіи, на почвѣ которой выросла „Исторія" Гретца, сознаютъ, что фундаментальнаго труда по еврейской исторіи, который бы удовлетворялъ запросамъ современной научной мысли, у нихъ не имѣется. Тѣмъ яснѣе должно сознавать и чувствовать отсутствіе такого труда русское еврейство, которому всегда были до извѣстной степени чужды предпосылки старой нѣмецко-еврейской исторіографіи, и для котораго почти совершенно закрытъ доступъ къ историческимъ источникамъ, издающимся и разрабатываемымъ почти исключительно на западно-европейскихъ языкахъ.

Мы хотимъ надѣяться, что предпринимаемый нами первый обширный трудъ по еврейской исторіи на русскомъ языкѣ не только отвѣтитъ на запросы читающихъ круговъ еврейства, но и будетъ призванъ сыграть извѣстную роль въ развитіи нашей молодой исторіографіи.

Настоящее изданіе мыслилось съ самаго начала какъ коллективное, т.-е. какъ сумма цѣлаго ряда трудовъ, объединенныхъ общимъ пониманіемъ задачи и опредѣленнымъ, заранѣе разработаннымъ планомъ, трудовъ, принадлежащихъ перу спеціалистовъ въ тѣхъ или иныхъ областяхъ еврейской исторической науки.

Мы, конечно, не скрывали отъ себя всѣхъ трудностей коллективнаго труда, который, несмотря на большое число участниковъ, долженъ сохранить не только внѣшнее, но, по возможности, и внутреннее единство. Мы полагали, что соотвѣтственный выборъ сотрудниковъ, ихъ предварительное ознакомленіе съ подробно разработанной программой всего труда, ихъ постоянныя и тѣсныя сношенія съ руководящей изданіемъ коллегіей и, наконецъ редакціонная работа послѣдней, направленная не столько на сглаживаніе частныхъ разногласій между отдѣльными авторами, сколько на созданіе внутренней согласованности и архитектурной законченности этого историческаго труда, съ избыткомъ покроютъ тѣ неизбѣжные недостатки, которые присущи всякому коллективному труду. Кромѣ того, спеціально въ области еврейской исторіографіи, при нынѣшней степени разработки матеріаловъ, при необходимости почти для каждаго періода не только изучать, но еще и самому отыскивать необходимые источники, столь обширное изданіе, какъ задуманная нами пятнадцатитомная „Исторія еврейскаго народа", можетъ быть, на нашъ взглядъ, только продуктомъ коллективнаго труда.

Крупное мѣсто въ общемъ планѣ предпринятаго изданія удѣлено иллюстраціямъ. Врядъ ли приходится останавливаться на томъ, какое значеніе для выясненія исторіи быта, для пониманія культурныхъ взаимо-

отношеній народовъ, для проникновенія въ сущность духовнаго уклада націй имѣютъ всѣ сохранившіеся остатки его матеріальной культуры, дающіе возможность въ той или иной степени возсоздать его жизнь въ давно минувшія эпохи. До сихъ поръ въ этой области еврейской исторіи сдѣлано чрезвычайно мало, и мы поставили себѣ цѣлью, по возможности, восполнить этотъ пробѣлъ. Изданіе наше будетъ снабжено большимъ количествомъ рисунковъ, иллюстрирующихъ домашній бытъ и религіозно-общественную жизнь, снимковъ съ древнихъ рукописей, книгъ и архитектурныхъ памятниковъ, видовъ историческихъ мѣстъ, портретовъ выдающихся людей, географическихъ картъ и плановъ.

Все изданіе разсчитано на пятнадцать томовъ, изъ коихъ послѣдніе пять выдѣлены въ самостоятельную часть, посвященную „Исторіи евреевъ въ Россіи".

Предисловіе къ I тому.

Планъ I тома „Исторіи еврейскаго народа“ былъ выработанъ редакціонной коллегіей, которая должна была принять на себя всѣ труды по редактированію этого тома. По выработанному ею плану въ основу I тома положенъ двухтомный трудъ извѣстнаго нѣмецкаго ветхозавѣтника, Рудольфа Киттеля,—Geschichte des Volkes Israel, II. neubearbeitete Auflage, Gotha, 1909—1912. При этомъ редакція нашла нужнымъ подвергнуть, въ интересахъ нашей читающей публики, текстъ Киттеля значительной переработкѣ, а именно: опустить всѣ экскурсы въ область библейской критики, замѣнивъ ихъ особой статьей „Библія какъ историческій памятникъ“ (во II-мъ томѣ), сдѣлать рядъ пропусковъ въ остальномъ текстѣ, подвергнуть самый текстъ редакціонной переработкѣ и снабдить его нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями, сверхъ тѣхъ, которыя имѣются уже у Киттеля. Такую переработку необходимо было произвести, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что Киттель по своимъ воззрѣніямъ является прежде всего богословомъ, и притомъ очень консервативнымъ (только во II-мъ изданіи своего труда онъ призналъ, и то съ большими оговорками, общепринятую критической школой теорію Графа-Велльгаузена о времени происхожденія составныхъ частей Пятикнижія), и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что мѣстами изложеніе Киттеля очень спеціально и недоступно для широкой публики. Сообразно съ этимъ общимъ планомъ, съ переработаннаго М. А. Соловейчикомъ нѣмецкаго текста былъ сдѣланъ и проредактированъ переводъ обоихъ томовъ Киттеля; однако окончательно обработать изъ него къ печати редакціонной коллегіи удалось только три первыхъ листа, а затѣмъ продолженію работы помѣшали военныя событія. Вслѣдствіе этого, Т-во „Міръ“ предложило мнѣ принять на себя работу по дальнѣйшему редактированію I тома, не отступая, по возможности, отъ предварительнаго плана. Такимъ образомъ, начиная съ 4-го листа, весь матеріалъ I тома проредактированъ мною. При этомъ я нашелъ необходимымъ сдѣлать въ текстѣ Киттеля пропуски болѣе значительные, чѣмъ предполагалось раньше, нѣкоторые экскурсы просто изложить въ сокра-

щенномъ видѣ и для связи сдѣлать нѣкоторыя дополненія отчасти чисто редакціоннаго, отчасти фактическаго характера [1]. При сокращеніи текста Киттеля я опустилъ всѣ тѣ пункты, въ которыхъ Киттель отстаиваетъ свои личныя точки зрѣнія, кромѣ него, почти никѣмъ изъ ветхозавѣтниковъ не раздѣляемыя; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого нельзя было сдѣлать, не нарушая связности изложенія, текстъ снабженъ соотвѣтствующими примѣчаніями. Для иллюстрацій использованъ богатый археологическій матеріалъ, добытый новѣйшими раскопками въ Палестинѣ, археологическій матеріалъ изъ Египта и Вавилоніи, имѣющій отношеніе къ Ханаану и Израилю, а также географическій матеріалъ. Работа по подбору иллюстративнаго матеріала была начата М. А. Соловейчикомъ (карты, фототипіи, иллюстраціи въ краскахъ, таблицы по этнографіи, исторіи Египта и Вавилона и часть таблицъ по археологіи) и закончена мною.

Н. Никольскій.

Москва, 5 октября 1915 г.

---

[1]) Примѣчанія мои подписаны *Ред.* (стр. 214 и 415). и *Н. Н.*

Еврейская исторіографія въ XIX вѣкѣ.

Д-ра С. Бернфельда.

Ярко выраженное историческое сознаніе еврейскаго народа, которое уже въ библейскую эпоху вызвало къ жизни несравненныя произведенія исторіографіи, далеко не было утрачено имъ и въ болѣе позднюю эпоху. Не приходится, конечно, удивляться тому, что народъ, насчитывающій за собою тысячелѣтія полнаго превратностей историческаго бытія, всегда свято хранилъ память о своемъ далекомъ прошломъ; особыя условія развитія духовной жизни еврейства заставляли его не только относиться къ своему прошлому съ любовью и благоговѣніемъ, но и разсматривать его подъ угломъ глубоко своеобразныхъ философско-историческихъ обобщеній. Однако послѣ утраты государственной независимости еврейство какъ бы утратило способность творчески воспринимать свое историческое прошлое и проявлять въ ея разработкѣ ту же интуицію и тотъ же художественный геній, которые были характерны для него въ былыя времена. Въ области исторіи евреи въ эпоху разсѣянія не только не создали такихъ произведеній, какъ библейскія историческія книги,—равныхъ которымъ не создалъ ни одинъ народъ древности, кромѣ грековъ,—но даже такіе историческіе памятники, какъ первая книга Маккавеевъ, входящая въ составъ апокрифической литературы, и труды Іосифа Флавія, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ еврейской литературѣ послѣдующихъ вѣковъ.

Правда, въ средніе вѣка, а также въ первыя столѣтія новаго времени появился не одинъ трудъ по еврейской исторіи. Но какъ ни значительны и ни достойны они сами по себѣ, ихъ нельзя назвать историческими изслѣдованіями въ современномъ смыслѣ слова. Въ нихъ отсутствуютъ какъ научность изложенія, такъ и критическое отношеніе къ предмету. Исторіей считали всякое когда-либо записанное преданіе, и даже хронологія, являющаяся скелетомъ исторіи, изобиловала въ этихъ произведеніяхъ многочисленными пробѣлами и ошибками. Этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что французскіе энциклопедисты XVIII вѣка были вынужденны совершенно отказаться отъ мысли изложить судьбы еврейскаго народа въ ихъ исторической послѣдовательности.

Научная разработка исторіи еврейскаго народа и іудаизма началась не ранѣе, чѣмъ въ началѣ прошлаго вѣка, и еврейской наукѣ слѣдуетъ вмѣнить въ большую заслугу, что эта отрасль ея въ сравнительно короткій промежутокъ времени достигла высокой степени развитія. Еврейскіе изслѣдователи первоначально обратились къ по-библейской эпохѣ, такъ какъ исторію библейскаго періода они считали либо извѣстной и достаточно изученной или же неподлежащей научной критикѣ. Имъ казалось, что наиболѣе труднымъ является изложеніе исторіи тѣхъ эпохъ, источники которыхъ слѣдуетъ искать внѣ Библіи и апокрифовъ. І. М. Іостъ въ 1820 г. первый приступилъ къ изданію обширнаго (девятитомнаго) историческаго труда, хотя въ то время еще не существовало необходимыхъ подготовительныхъ изслѣдованій (если не считать исторіи Ж. Банажа). Свое историческое изложеніе Іостъ начинаетъ съ эпохи возстанія Маккавеевъ: оно, такимъ образомъ, примыкаетъ къ апокрифической письменности, а именно—къ первой и второй книгамъ Маккавеевъ. Очевидно, Іостъ не рѣшался выступить съ критикой библейской исторіи; критика эта въ то время едва лишь зарождалась. Правда, въ изложеніи своемъ онъ часто возвращается къ болѣе древней эпохѣ, подвергая при этомъ научной критикѣ библейскіе историческіе источники. Однако критика эта носитъ несистематическій характеръ и особенной цѣнности не имѣетъ. Главнымъ достоинствомъ широко задуманнаго труда Іоста является методъ, при помощи котораго авторъ подвергаетъ оцѣнкѣ по-библейскіе источники, а также его критическое отношеніе къ многочисленнымъ историческимъ воспоминаніямъ, разсѣяннымъ въ обширной талмудической письменности. При этомъ характерный для Іоста критическій методъ сводится у него главнымъ образомъ къ тому, что онъ умѣлъ использовать для цѣлей исторіографіи тотъ богатый историческій матеріалъ, который заключается въ Талмудѣ и который вслѣдствіе несистематичности изложенія могъ многимъ казаться не имѣющимъ никакой цѣны и никому не нужнымъ балластомъ. Іостъ первый отрѣшился отъ пріема—относиться къ необыкновенно цѣннымъ историческимъ преданіямъ, разсѣяннымъ въ Талмудѣ и другихъ произведеніяхъ по-библейской литературы, какъ къ „плоду фантазіи раввиновъ",—пріема, столь характернаго для изслѣдователей-раціоналистовъ эпохи Просвѣщенія. Съ другой стороны, онъ не принималъ ихъ на вѣру, какъ подлинную исторію,—что дѣлали обычно изслѣдователи-евреи.

Іостъ первый показалъ, какъ слѣдуетъ вылущивать историческое зерно изъ народныхъ преданій, сначала передававшихся изустно, а затѣмъ закрѣпленныхъ въ письменной формѣ. Методъ, имъ примѣнявшійся, состоялъ въ постоянномъ сопоставленіи еврейскихъ и не-еврейскихъ источниковъ и въ провѣркѣ однихъ при помощи другихъ въ цѣляхъ обнаруженія исторической истины. Ибо то, что сохранилось въ преданіяхъ евреевъ, могло въ не меньшей степени пріобрѣсти субъективную окраску, чѣмъ то, что записано не-еврейскими писателями. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что не-еврейскіе авторы, греки и римляне, а впослѣдствіи—отцы церкви и другіе христіанскіе хрони-

сты, имѣли дѣло съ чуждымъ для нихъ міромъ, когда описывали событія, относящіяся къ исторіи евреевъ. Такимъ образомъ, на ряду съ отступленіями отъ фактовъ, вызванными субъективными причинами, значительную роль играли и объективныя ошибки, неизбѣжныя недоразумѣнія. Для того, чтобы выяснить историческую истину, недостаточно сопоставить и подвергнуть критическому анализу разнообразныя несогласныя между собой утвержденія очевидцевъ; необходимо, кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается противорѣчіе, вскрыть причину заблужденія той или другой стороны и дать ему психологическое объясненіе.

Тотъ фактъ, что Іостъ въ обширномъ историческомъ трудѣ далъ образецъ примѣненія этого метода, является, безспорно, важнѣйшей его заслугой. Другой вопросъ, конечно,—примѣнялъ ли онъ его всегда самъ, и на вопросъ этотъ, несмотря на объективное признаніе цѣнности трудовъ Іоста придется отвѣтить, въ общемъ, отрицательно. Его стремленіемъ было всюду оставаться объективнымъ, т.-е. не создавать апологіи еврейскаго народа и іудаизма; всего менѣе онъ желалъ сдѣлать еврейскую исторію орудіемъ апологетики. Но эта объективность приводила его часто къ субъективности въ противоположномъ смыслѣ: опасаясь быть несправедливымъ по отношенію къ не-еврейскому міру, онъ нерѣдко оказывается несправедливымъ по отношенію къ евреямъ и еврейству. Независимо отъ этого, въ трудахъ Іоста сильно сказывается его раціонализмъ, который онъ усвоилъ себѣ, повидимому, въ началѣ XIX вѣка въ реформаторски настроенныхъ кругахъ берлинскаго еврейства, хотя онъ и былъ чуждъ послѣднему по духу. Раціонализмъ этотъ сказывается болѣе всего въ томъ, что Іостъ, опасаясь умалить научное содержаніе своего труда, не желалъ или не могъ считаться съ національной психологіей еврейскаго народа, безъ чего не можетъ быть вполнѣ понята и его исторія.

Въ то время, когда Іостъ работалъ надъ своей обширной исторіей, встрѣченной всеобщимъ вниманіемъ, еврейская наука переживала періодъ расцвѣта. Особенно много вниманія удѣлялось исторіи и археологіи, и немалой заслугой Іоста является то, что онъ изданіемъ своей исторіи въ значительной мѣрѣ способствовалъ пробужденію интереса еврейскихъ изслѣдователей именно въ этомъ направленіи. Въ томъ же году, когда появился послѣдній томъ исторіи Іоста, выступилъ С. Л. Рапопортъ (שי״ר) со своими біографическими монографіями, которыя несомнѣнно вызвали переворотъ въ еврейской исторіографіи. Изданныя имъ пять біографій великихъ дѣятелей средневѣковья (Саади Гаона, Рабби Хананеля, Гай-Гаона, Эліэзера Калира и Натана Роми) представляютъ собою гораздо больше того, чѣмъ можно было бы предположить, судя по ихъ скромному заглавію. Они — сущій кладъ для археолога и историка іудаизма и касаются почти всѣхъ областей духовной жизни евреевъ въ средніе вѣка. Пусть многое въ этихъ біографическихъ трудахъ является устарѣвшимъ съ точки зрѣнія современнаго состоянія науки, а многое—даже ошибочнымъ, но тотъ методъ, котораго придерживался Рапопортъ, покоится на правильномъ пониманіи вещей

въ ихъ исторической связи. Немногіе могутъ сравниться съ Рапопортомъ какъ въ необыкновенно тонкомъ пониманіи характера еврейской исторіи, такъ и въ уразумѣніи внутренней связи между политическими событіями и культурной жизнью еврейскаго народа. Рапопортъ прямо указываетъ на то, что толчокъ къ его изслѣдованію былъ ему данъ историческимъ трудомъ Іоста. И если онъ не далъ историческаго изображенія какой-либо одной цѣльной эпохи, то онъ зато несомнѣнно стоитъ выше Іоста въ смыслѣ критическаго чутья и яснаго пониманія органической связи событій. Методъ Рапопорта показалъ, сколь обширныя и богатыя сокровища историческаго и культурно-историческаго содержанія скрыты въ еврейской письменности древнихъ и среднихъ вѣковъ. Подъ вліяніемъ его пріема изслѣдованія все оживало: еврейская письменность, еврейская литургія, языкознаніе и даже библіографія. Одно какое-нибудь еврейское слово или выраженіе, заимствованное изъ греческаго, латинскаго или персидскаго, литургическая пѣснь, заглавіе утраченнаго произведенія, которое онъ старается точно установить въ его первоначальномъ видѣ,—все пріобрѣтаетъ у него значеніе полнаго историческаго смысла памятника еврейскаго духа, все подымается имъ на ступень живого свидѣтельства еврейскаго прошлаго.

Въ исторіи науки часто можно наблюдать подобныя явленія, что изслѣдованія, фактическіе выводы которыхъ оказываются спустя сто лѣтъ устарѣвшими, еще на долгое время сохраняютъ свою цѣнность благодаря примѣненному въ нихъ методу. И, дѣйствительно, громадная заслуга Рапопорта состоитъ не только въ томъ, что сдѣлано непосредственно имъ самимъ для освѣщенія еврейской исторіи, но и въ томъ, что сдѣлано другими подъ вліяніемъ его произведеній и разработаннаго имъ метода. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать двухъ выдающихся ученныхъ, которые всегда съ благодарностью признавали заслуги Рапопорта въ области археологіи, открыто заявляя, что только благодаря ему имъ удалось найти надлежащій путь. Этими учеными были: Леопольдъ Цунцъ и Самуилъ Давидъ Луццато (שד"ל).

Цунцъ былъ другомъ дѣтства І. М. Іоста, и ихъ соединяла дружба, завязавшаяся еще на школьной скамьѣ. Оба они получили свое воспитаніе и научную подготовку въ нѣмецкихъ школахъ и нѣмецкихъ университетахъ. Подобно Іосту, Цунцъ имѣлъ передъ Рапопортомъ преимущество систематическаго образованія; онъ не былъ самоучкой и не былъ вынужденъ пріобрѣтать общія знанія съ трудомъ и урывками— и притомъ все же постоянно страдать отъ пробѣловъ въ своемъ образованіи. Цунцъ обнаруживалъ глубокое пониманіе еврейской исторіи, научный фундаментъ которой еще только предстояло создать. И именно благодаря этому глубокому пониманію онъ не имѣлъ смѣлости приступить къ разработкѣ современной научной исторіи евреевъ безъ необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Онъ началъ поэтому съ собиранія необходимаго матеріала и прежде всего стремился внести свѣтъ въ хаосъ еврейской исторіи. Правда, Іостъ опередилъ его на этомъ пути, но такой ученый, какъ Цунцъ, не могъ, конечно, удовлетвориться

этимъ первымъ опытомъ еврейской исторіи, и онъ стремился поэтому проникнуть возможно глубже въ культурно-историческій смыслъ явленій, уразумѣть исторію еврейскаго народа въ постоянной и органической связи съ проявленіями его духовной жизни. Но въ то время, какъ онъ углублялся въ средневѣковую письменность евреевъ, чтобы понять, при ея помощи, духовную жизнь создавшаго ее народа,—появились біографическія монографіи Рапопорта. Цунцъ сразу понялъ всю ихъ цѣнность, и такъ какъ онъ прошелъ лучшую научную школу, чѣмъ Рапопортъ, и мышленіе его вслѣдствіе этого было болѣе дисциплинировано, то онъ — подъ вліяніемъ этого труда Рапопорта — могъ приступить къ болѣе систематическому изученію культурной исторіи евреевъ. Онъ началъ съ изображенія духовной жизни еврейскаго народа, въ которой онъ подмѣтилъ изумительную, выдержанную въ теченіе вѣковъ, послѣдовательность. Но этого мало, — онъ уразумѣлъ также—и въ этомъ отношеніи Цунцъ стоитъ выше Рапопорта—громадное значеніе культурной жизни евревъ для всего культурнаго человѣчества. Онъ находилъ, что извѣстное изреченіе Іегуды Галеви: „Израиль—сердце народовъ“ вполнѣ оправдывалось имманентнымъ ходомъ историческаго процесса, и въ своемъ первомъ обширномъ трудѣ „Die gottesdienstlichen Vorträge der Juden“ онъ далъ систематическую исторію духовнаго развитія еврейскаго народа въ тѣсной связи съ исторіей всего культурнаго человѣчества. Тотъ же методъ и та же точка зрѣнія проводится и въ другихъ произведеніяхъ Цунца, который во всѣхъ случаяхъ, когда духовная жизнь еврейскаго народа такъ или иначе отражается въ историческихъ явленіяхъ, неуклонно приводилъ ее въ связь съ духовной жизнью другихъ культурныхъ народовъ.

Тѣмъ же духомъ исполнены и научныя работы Луццато, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на подготовительный матеріалъ къ обширной исторіи еврейскаго народа и іудаизма. Если онъ и не отличался тѣмъ универсализмомъ, который присущъ былъ Цунцу, то ему зато несравненно болѣе удалось проникнуть въ характеръ еврейскаго народа и уразумѣть его психологію. Подобно Цунцу, и онъ сдѣлалъ предметомъ своего изслѣдованія преимущественно духовную жизнь еврейскаго народа и его культурную исторію. Онъ внесъ въ историческое пониманіе національно-психологическій моментъ, и тѣмъ положилъ начало тому направленію мысли, которымъ проникнутъ громадный историческій трудъ Генриха Гретца.

Четвертое и пятое десятилѣтія XIX вѣка были вообще богаты цѣнными подготовительными трудами для обширнаго научнаго синтеза еврейской исторіи. Всѣ изслѣдователи, не сговариваясь между собою, пришли къ единогласному мнѣнію, что исторія Іоста неудовлетворительна, и что необходимо созданіе новаго обширнаго историческаго труда, основаннаго на болѣе богатомъ фактическомъ матеріалѣ и на болѣе критическомъ освѣщеніи событій. Но и теперь снова повторилось то же самое явленіе, которое мы наблюдали при появленіи перваго обширнаго труда по еврейской исторіи. И на этотъ разъ казалось, будто дѣйствительно явился человѣкъ, какъ бы самой судьбою

предназначенный написать, на основѣ критическихъ методовъ изслѣдованія, обширную еврейскую исторію. То былъ Авраамъ Гейгеръ, ученый, обладавшій широкой, всесторонней и основательной эрудиціей, необыкновеннымъ критическимъ чутьемъ и рѣдкою въ то время смѣлостью мысли. Къ тому же Гейгеръ обладалъ даромъ художественнаго творчества; изложеніе его было мастерскимъ, его діалектика отличалась необыкновенной проницательностью мысли. Но его постигла та же судьба, какая выпала на долю Цунца тридцать лѣтъ тому назадъ. Пока онъ обдумывалъ планъ и задавался разрѣшеніемъ вопроса, наступила ли уже пора написать научно-критическую исторію евреевъ,— его предупредилъ въ этомъ дѣлѣ Грецъ.

„Исторія евреевъ" Греца, которую онъ началъ издавать съ IV тома (эпоха послѣ іудео-римскихъ войнъ),—три первыхъ тома, имѣющіе своимъ предметомъ болѣе древнюю исторію, появились лишь позднѣе,— не только была встрѣчена всеобщимъ признаніемъ и сразу пріобрѣла большое распространеніе, но и на долгое время предопредѣлила форму и общій тонъ трудовъ, посвященныхъ еврейской исторіи. Она совершенно вытѣснила исторію Іоста и продолжаетъ по настоящее время играть первенствующую роль, хотя во многихъ частяхъ своихъ она, соотвѣтственно современному состоянію науки, нуждается въ коренномъ пересмотрѣ и въ цѣломъ рядѣ дополненій.

Историческій трудъ Греца несомнѣнно обладаетъ крупными достоинствами. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести увлекательность изложенія, приковывающее вниманіе читателя. Эта широко задуманная исторія написана авторомъ, обладающимъ не только большими знаніями, но и рѣдкой исторической интуиціей, дающей ему возможность вновь переживать и возсоздавать событія давно минувшихъ вѣковъ. Она не объективна и не претендуетъ на объективность: Грецъ выступаетъ въ роли апологета—не только въ томъ смыслѣ, что опровергаетъ научными доводами обвиненія, выдвинутыя противъ еврейскаго народа и іудаизма, но и въ томъ смыслѣ, что онъ самъ выступаетъ обвинителемъ тѣхъ, кто преслѣдовалъ Израиля во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, указывая на историческую несправедливость, которая въ теченіе тысячелѣтій причинялась евреямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу всего человѣчества. Грецъ использовалъ, конечно, въ своемъ трудѣ всѣ тѣ подготовительныя работы, которыя создали Рапопортъ, Цунцъ, Луццато, Захарія Франкель, основатель новѣйшей талмудической науки, Гейгеръ, А. Іеллинекъ, изслѣдователь Каббалы, Пинскеръ, авторъ труда לקוטי קדמוניות, посвященнаго выясненію караимства, и др. свои культурно-историческіе взгляды онъ заимствовалъ главнымъ образомъ изъ трудовъ Луццато. Главная заслуга Греца состоитъ преимущественно въ томъ, что онъ первый далъ яркое изображеніе великой трагедіи исторіи еврейскаго народа во всемъ ея объемѣ и со всѣми ея потрясающими подробностями.

На ряду съ достоинствами этого замѣчательнаго историческаго труда слѣдуетъ отмѣтить и присущіе ему значительные внутренніе недостатки, прежде всего неравномѣрность разработки отдѣльныхъ

эпохъ еврейской исторіи и неустойчивость въ критическомъ отношеніи къ источникамъ. Какъ уже было указано, Гретцъ началъ свой трудъ съ IV тома, который посвященъ талмудической эпохѣ. Эта часть во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе ему удалась. Третій томъ, начинающійся эпохой возстанія Маккавеевъ и заканчивающійся паденіемъ Іерусалима (70 г. хр. эры), былъ опубликованъ позднѣе. Эта великая эпоха еврейской исторіи описана Гретцомъ тепло и въ большинствѣ случаевъ вѣрными и яркими штрихами. Однако нѣкоторыя существенныя части этого тома ему не удались—въ особенности изображеніе внутренней религіозной и политической борьбы въ Іудеѣ. Авраамъ Гейгеръ въ своей смѣлой и яркой работѣ „Die Urschrift“ весьма удачно изобразилъ партійную жизнь евреевъ въ эпоху соферовъ, въ особенности взгляды саддукеевъ и фарисеевъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Гретцъ не пожелалъ принять точки зрѣнія Гейгера, которая въ научныхъ кругахъ раздѣлялась почти единодушно; но все же онъ былъ слишкомъ ученый для того, чтобы принять за историческую истину описаніе Іосифа Флавія, предназначенное для языческихъ читателей, или чтобы примкнуть къ господствующему въ христіанско-богословскихъ кругахъ представленію о саддукеяхъ и фарисеяхъ. Если онъ и отвергалъ точку зрѣнія Гейгера, считая ее непріемлемой, то все же онъ не могъ вполнѣ отъ нея отказаться, вслѣдствіе чего изложеніе его въ этой части становится крайне неувѣреннымъ. Сверхъ того, здѣсь часто слишкомъ сильно сказывается свойственная Гретцу субъективность. Нерѣдко исторія превращается у него въ судилище, и онъ выступаетъ яростнымъ обвинителемъ отдѣльныхъ лицъ и партій, вмѣсто того, чтобы стараться уразумѣть событія и изобразить ихъ въ ихъ внутренней послѣдовательности.

Не приходится останавливаться на тѣхъ недостаткахъ этого выдающагося труда, которые должны быть отнесены на счетъ состоянія науки въ то время. Такъ, едва ли можно упрекнуть Гретца въ томъ, что въ V томѣ, въ которомъ изложена гаонейская эпоха и караимское движеніе, содержится много промаховъ. Вполнѣ удался ему VI томъ, который посвященъ эпохѣ блестящаго расцвѣта еврейства среднихъ вѣковъ, періоду испанско-мавританскаго возрожденія классической религіозной философіи и религіозной поэзіи. Напротивъ того, въ VII томѣ, гдѣ Гретцу пришлось занять опредѣленную позицію по отношенію къ Каббалѣ, вновь сказывается тотъ недостатокъ объективности, который преграждалъ ему путь къ пониманію религіозныхъ движеній внутри еврейства. Гретцъ является, въ сущности, исторіографомъ офиціальнаго іудаизма, т.-е. онъ обнаруживаетъ пониманіе только тѣхъ явленій духовной жизни еврейства, которыя офиціально включены въ іудаизмъ. Но у него не было вѣрнаго чутья по отношенію къ внутренне-религіознымъ движеніямъ, которыя хотя и противорѣчили офиціальному іудаизму, но имѣли въ немъ глубокіе корни и оставили въ исторіи еврейства замѣтные слѣды. Этимъ объясняется, почему онъ такъ рѣзко возстаетъ противъ саддукеевъ, противъ караимовъ, противъ Каббалы и, главнымъ образомъ, противъ книги „Зогаръ“, въ которой, на ряду съ ли-

шенными всякаго значенія частями, встрѣчаются отдѣльные отрывки рѣдкой поэтической красоты, проникнутые возвышеннымъ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ. Ко всему этому онъ относился со строгимъ осужденіемъ и полнымъ пренебреженіемъ.

Такую же точку зрѣнія онъ высказываетъ и по отношенію къ аналогичнымъ явленіямъ болѣе позднихъ эпохъ, напр., по отношенію къ мессіанскимъ движеніямъ XVII и XVIII вѣковъ, между тѣмъ психологически они объясняются преимущественно невыносимымъ положеніемъ евреевъ, которымъ стало не въ моготу терпѣть вѣчныя притѣсненія и гнетущій позоръ. То же слѣдуетъ сказать и о хассидизмѣ, а также и относительно реформатскихъ чаяній западно-европейскаго еврейства. Дѣло не только въ томъ, что Гретцъ выступаетъ въ роли строгаго судьи или, вѣрнѣе, рѣзкаго обличителя этихъ движеній: его отрицательное отношеніе къ осуждаемымъ имъ явленіямъ часто мѣшаетъ ему даже безпристрастно изображать относящіяся къ нимъ событія. Отрицательное отношеніе къ нимъ дѣлаетъ его изложеніе не только несправедливымъ, но и не заслуживающимъ довѣрія. Приходится вслѣдствіе этого признать значительную часть X и XI томовъ Гретцовскаго труда совершенно неудавшейся. Относительно десятаго тома, который начинается съ исторіи XVII столѣтія, приходится отмѣтить еще и другой крупный недостатокъ: здѣсь появляется на исторической сценѣ польско-русское еврейство, объ исторіи котораго Гретцъ не располагалъ почти никакими источниками. Одиннадцатый томъ, который посвященъ послѣ-Мендельсоновской эпохѣ, имѣетъ своимъ предметомъ почти исключительно исторію западно-европейскаго—прежде всего германскаго—еврейства, и тутъ Гретцъ выступаетъ защитникомъ консервативной партіи противъ партіи реформистовъ: онъ отказывается даже отъ историческаго тона, и исторія его становится памфлетомъ.

Только закончивъ одиннадцатый томъ, Гретцъ приступилъ къ изложенію первыхъ двухъ томовъ, т.-е. къ исторіи еврейскаго народа съ первыхъ временъ до геройской смерти Іуды Маккавея. При оцѣнкѣ этой части его труда слѣдуетъ имѣть въ виду, что тогда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, не было никакихъ матеріаловъ, кромѣ библейскихъ источниковъ. Ни въ одной области не добыто съ тѣхъ поръ столько новаго матеріала, какъ въ исторіи названной эпохи. Ассиріологія, какъ наука, правда, тогда уже существовала, но использованіе ея для древнѣйшей исторіи еврейскаго народа началось тоже лишь въ послѣднія десятилѣтія. Едва ли можно объять все то, что сдѣлано съ тѣхъ поръ для освѣщенія древнѣйшей еврейской исторіи, въ особенности послѣ открытія архива Телль-эль-Амарны и Элефантинскихъ папирусовъ. Но независимо отъ новыхъ, неизвѣстныхъ Гретцу источниковъ, слѣдуетъ указать на то, что его взгляды въ области библейской критики лишены всякой научной цѣнности. Конечно, онъ не могъ признавать вслѣдъ за традиціей абсолютной достовѣрности Пятикнижія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшался примкнуть и къ научно-критическому пониманію Библіи. По его мнѣнію, совершенно, впрочемъ, необоснованному, первыя четыре книги Пятикнижія были „опубликованы" проро-

ками въ эпоху царя Ахаза въ цѣляхъ боробы со все болѣе распространяющимся въ еврейскомъ народѣ идолопоклонствомъ. Гретцъ не сообщаетъ, однако, къ какому времени относится, по его мнѣнію, возникновеніе этихъ книгъ, и какова была ихъ судьба до „опубликованія".

Общимъ недостаткомъ труда Гретца является также и то, что культурную жизнь еврейскаго народа авторъ изображаетъ лишь со стороны историко-литературной; это скорѣе исторія смѣнявшихъ другъ друга поколѣній ученыхъ, чѣмъ исторія народа. Хозяйственной жизни, какъ и другимъ сторонамъ народной жизни, Гретцъ почти не удѣляетъ вниманія. Напримѣръ, у читателя шестого тома могло бы возникнуть представленіе, что весь народъ былъ погруженъ въ религіозную философію, занимался изученіемъ Библіи и языковѣдѣніемъ, создавалъ возвышенныя произведенія религіозной поэзіи или даже занимался преніями по вопросу о правовѣріи Маймонида. О томъ, какъ и чѣмъ жилъ народъ, какъ онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, какъ складывалась его семейная жизнь, каковы были народные обычаи, въ чемъ выражались народное веселіе и народная скорбь,—обо всемъ этомъ исторія евреевъ Гретца намъ почти ничего не сообщаетъ. Его трудъ есть не болѣе, какъ политическая исторія и исторія литературы.

Но какъ бы то ни было, работа Гретца остается до настоящаго времени единственнымъ широко задуманнымъ трудомъ по еврейской исторіи; она переведена цѣликомъ или частями на многіе языки и подвергалась многочисленнымъ дополненіямъ.

Уже выше было указано, что Авраамъ Гейгеръ лелѣялъ мысль написать исторію евреевъ. Трудно сказать, выполнилъ ли бы онъ его даже и въ томъ случаѣ, если бы Гретцъ не предупредилъ его. Но нельзя умолчать о томъ, что Гейгеръ по всему своему душевному складу мало былъ приспособленъ къ тому, чтобы написать объективную исторію. Вся дѣятельность его была проникнута одной идеей—идеей религіозной реформы. Онъ читалъ блестящія лекціи о „Еврействѣ и его исторіи", впослѣдствіи появившіяся въ печати и имѣвшія своимъ предметомъ еврейскую исторію, начиная съ древнѣйшей эпохи вплоть до новаго времени; эти лекціи представляютъ собою понынѣ одну изъ наиболѣе глубокихъ книгъ по исторіи еврейскаго народа, но онѣ являются скорѣе философіей исторіи, чѣмъ собственно исторіей, и какъ ни превосходны и глубоки нѣкоторые отдѣлы этой книги, все же въ цѣломъ она доказываетъ, что Гейгеръ, который, всегда былъ страстнымъ борцомъ за реформу, едва ли былъ призванъ написать систематическую исторію евреевъ.

Спеціальную отрасль исторіографіи XIX вѣка составляютъ многочисленныя произведенія, принадлежащія перу христіанскихъ богослововъ и посвященныя не исторіи еврейскаго народа въ цѣломъ, а лишь библейской и по-библейской эпохѣ, до великой войны съ Римомъ (66—70) или до возстанія при Адріанѣ (132—135). Эти произведеніе не относятся, въ сущности, къ еврейской исторіографіи въ точномъ смыслѣ этого слова и выходятъ такимъ образомъ за предѣлы даннаго очер-

ка [1]). Изъ еврейскихъ авторовъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть Л. Герцфельда, автора трехтомной „Geschichte des Volkes Jsrael", посвященной исторіи евреевъ отъ вавилонскаго изгнанія до окончательной побѣды Хасмонеевъ и назначенія Симона первосвященникомъ и независимымъ княземъ еврейскаго государства. Границы эпохи опредѣлены здѣсь не произвольно, какъ могло бы показаться на первый взглядъ: здѣсь описана, какъ нѣчто единое, эпоха пребыванія еврейскаго народа на положеніи вассала, пока онъ, послѣ продолжительной упорной борьбы подъ предводительствомъ Хасмонеевъ, не пріобрѣтаетъ вновь политической независимости, хотя лишь на короткое время. Трудъ Герцфельда отличается глубоко проникновеннымъ пониманіемъ духовной жизни еврейскаго народа, но этимъ и ограничивается его значеніе: это скорѣе исторія іудаизма, чѣмъ исторія еврейскаго народа. Весьма цѣнны въ этомъ трудѣ историко-литературные отдѣлы, а также отличающееся богатствомъ мысли изслѣдованіе о еврейской письменности (въ особенности относящейся къ іудео-эллинской эпохѣ), въ чемъ Герцфельдъ обнаруживаетъ большое мастерство. Трудъ этотъ не былъ оцѣненъ по заслугамъ, что слѣдуетъ приписать его мало удачному плану. Но и въ настоящее время онъ еще далеко не утратилъ своего значенія и представляетъ въ качествѣ источника несомнѣнную цѣнность.

Кромѣ обширныхъ историческихъ трудовъ, обнимающихъ собою всю исторію еврейскаго народа или библейскую эпоху ея, въ XIX столѣтіи появилось большое число историческихъ монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ періодамъ или отдѣльнымъ проблемамъ еврейской исторіи. Изъ первыхъ отмѣтимъ лишь монографіи М. Кайзерлинга, имѣющія своимъ предметомъ исторію испанско-португальскаго еврейства; двухтомный трудъ Фогельштейна и Ригера „Geschichte der Juden in Rom"; монографію по исторіи евреевъ въ Англіи Хайамсона (A. M. Hyamson, A history ol the Jews in England). Что же касается вторыхъ, то надо отмѣтить, что въ противоположность политической исторіи еврейства—исторіей культуры его, если понимать подъ нею народную жизнь и экономическое положеніе евреевъ въ разныхъ странахъ, въ различныя эпохи, занимались до недавняго времени сравнительно мало. Лишь въ послѣднее время были сдѣланы шаги къ изученію этой столь важной области еврейской исторіи, при чемъ стали удѣлять вниманіе и еврейскому фольклору. Удачное начало положилъ этому направленію М. Гюдеманъ своими трудами „Das jüdische Unterrichtswesen während der spanisch-arabischen Epoche", „Geschichte des Erziehungswesens und der Kultur der abendländischen Juden" и „Quellenschriften zur Geschichte des Unterrichts und der Erziehung bei den deutschen Juden". Вслѣдъ за нимъ изображеніе еврейской народной жизни въ средніе вѣка даютъ А. Берлинеръ въ своемъ произведеніи „Aus dem Leben der deutschen Juden im Mittelalter", I. Эбрегемсъ въ

[1]) О нихъ см. „Очеркъ разработки исторіи древняго Израиля въ XIX вѣкѣ" *Н. М. Никольскаго* въ концѣ тома.

своемъ культурно-историческомъ изслѣдованiи „Jewish life in the middle-ages“. Экономическую жизнь и правовое положенiе евреевъ въ средніе вѣка сдѣлали предметомъ своего изслѣдованія: Деппингъ („Les juifs dans le moyen âge“), Штобб е („Die Juden in Deutschland während des Mittelalters“), Шереръ („Die Rechtsverhältnisse der Juden in den deutsch-oesterreichischen Ländern“) и въ новѣйшее время Георгъ Каро („Social-und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und Neuzeit“) и Вернеръ Зомбартъ („Die Juden und das Wirtschaftsleben“), трудъ котораго имѣетъ весьма сомнительное научное значенiе.

Въ исторiю Талмуда и талмудической эпохи внесли систему и отдѣльныя цѣнныя изслѣдованія Захарія Франкель, Яковъ Брюлль и А. Г. Вейсъ. Послѣднiй далъ въ своемъ трудѣ דור דור ודורשיו стройную картину послѣдовательной и безпрерывной эволюции устнаго ученiя, начиная съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Шулханъ-Аруха. Новѣйшая попытка охватить эту тему въ обширномъ трудѣ сдѣлана И. Галеви въ דורות הראשונים. На гаонейскiй перiодъ и зародившiяся въ то время и въ послѣдующiе за ними вѣка еврейскiя секты пролили много свѣта работы А. Я. Гаркави, С. Познанскаго, Л. Гинцберга, С. Эппенштейна и ряда другихъ ученыхъ.

Движенiе хассидизма и соотвѣтственные эпохи исторiи евреевъ въ Польшѣ и Россiи получили новое освѣщенiе въ работахъ С. М. Дубнова, перу котораго принадлежатъ также труды по всеобщей исторiи евреевъ, отмѣченные печатью послѣдовательно проведеннаго мiровоззрѣнiя.

Огромное число спецiальныхъ историческихъ трудовъ и монографiй, посвященныхъ отдѣльнымъ событiямъ еврейской исторiи, единичнымъ явленiямъ культуры и литературы, а равно и изслѣдованiя, зиждущiяся на раскопкахъ и архивныхъ изысканiяхъ,—всѣ эти работы минувшихъ десятилѣтiй даютъ возможность въ настоящее время приступить къ созданiю общаго труда по исторiи еврейскаго народа, въ которомъ нашли бы себѣ мѣсто всѣ добытыя спецiальными изслѣдованiями данныя, и который широкимъ освѣщенiемъ всѣхъ сторонъ народной жизни могъ бы возстановить полную картину еврейскаго прошлаго во всѣ вѣка.

Общій видъ Іерусалима (съ сѣверо-востока).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна Израиля, ея природа и населеніе.

Страна, въ которой протекла древняя исторія еврейскаго народа, въ которой создалась и окрѣпла его самобытная культура, тянется небольшой полосой вдоль сирійскаго побережья Средиземнаго моря и, простираясь отъ подножія Ливана до Синайскаго плоскогорья и отъ Средиземнаго моря до Сирійско-аравійской пустыни, занимаетъ пространство въ 30.000 кв. килом.

Израильтяне называли свою землю страной Ханаанской или Ханааномъ, и такъ обычно именуется въ Библіи полоса земли, лежащая къ западу отъ Іордана; область же, расположенная къ востоку отъ этой рѣки, носила имя Гилеада, а въ сѣверной части—Башана. Обычно употребляемое теперь названіе „Палестина“ происходитъ отъ слова „Пелешетъ“ (פלשת): такъ называли евреи принадлежавшую филистимлянамъ прибрежную равнину, и лишь греки со временъ Геродота (ἡ Παλαιστίνη), а вслѣдъ за ними и римляне—стали употреблять это имя для обозначенія всей страны.

До сихъ поръ еще не выяснено происхожденіе и подлинное значеніе коренного названія страны—Ханаанъ, встрѣчающагося также въ египетскихъ и клинописныхъ памятникахъ подъ именемъ Канна или Кинахни. Одно время полагали, что это слово означаетъ „низменность“ (отъ корня כנע—понизиться, лежать низко), въ противоположность слову

Арамъ, означающему „возвышенность". Но, такъ какъ страна Израиля по преимуществу гориста и лишь мѣстами представляетъ собой равнину или низменность, то возникло предположеніе, что названіе Ханаанъ употреблялось первоначально финикіянами, жителями морского побережья, для обозначенія обитаемой ими страны, и что по мѣрѣ того, какъ финикіяне передвигались къ востоку—отъ моря къ горамъ—оно постепенно распространялось на всю западно-іорданскую область. Однако, противопоставленіе Ханаана, какъ низменности, Араму, какъ горной странѣ, представляется вообще спорнымъ; спорной является также гипотеза, будто слово ханаанеяне означаетъ „подчиненные", „подъяремные" (отъ слова הכניע) и является такимъ образомъ наименованіемъ покореннаго народа: противъ этого предположенія говоритъ уже тотъ фактъ, что названіе „ханаанеяне" существовало еще до того, какъ жители Ханаана были покорены евреями. Первоначальное значеніе слова Ханаанъ остается, такимъ образомъ, донынѣ невыясненнымъ.

Вся Палестина раздѣляется на двѣ части впадиной, которая тянется отъ сѣвера къ югу и, пересѣкая всю страну Израиля, доходитъ на югѣ до Акабскаго залива. Отъ подножья Хермона до Мертваго моря она образуетъ долину, по которой протекаетъ главная рѣка страны—Іорданъ. Начинаясь у подножія Хермона, на незначительной высотѣ надъ уровнемъ моря, эта глубочайшая на земномъ шарѣ впадина достигаетъ наибольшей глубины (391 м. ниже уровня моря [1]), при впаденіи Іордана въ Мертвое море, а потомъ снова медленно начинаетъ подыматься по мѣрѣ приближенія къ Чермному морю. Длина Іордана отъ Тиверіадскаго или Генисаретскаго озера (208 м. ниже уровня) до Мертваго моря составляетъ 220 килом., разница же высотъ между этими двумя озерами равна 183 м.; такимъ образомъ на 1 килом. длины приходится 1,7 м. уклона. Необычайная крутизна русла вызываетъ столь быстрое теченіе, что судоходство по Іордану, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Генисаретскаго озера, совершенно невозможно. Въ „Эль-Рорѣ"—такъ нынѣ называется долина между Генисаретскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ — быстрое теченіе Іордана нѣсколько замедляется вслѣдствіе извилистой линіи береговъ, но и здѣсь пороги и водовороты дѣлаютъ рѣку несудоходной. Кромѣ того, въ Іорданѣ немало мелководныхъ мѣстъ и насчитываютъ около шестидесяти мелей, по которымъ въ лѣтнее время рѣку можно переходить въ бродъ.

Іорданъ часто сравнивали съ Ниломъ. Дѣйствительно, обѣ рѣки дѣлятъ на двѣ приблизительно равныя части всю страну, по которой протекаютъ, и опредѣляютъ ея природу. Но этимъ и исчерпывается все сходство между ними: ибо въ то время, какъ Нилъ является для Египта источникомъ плодородія и главной артеріей движенія, Іорданъ столь рѣзко разъединяетъ обѣ части Палестины, что онѣ, какъ показываетъ исторія, нерѣдко пріобрѣтали характеръ совершенно обособленныхъ областей.

Изъ другихъ рѣкъ Ханаана слѣдуетъ, прежде всего, назвать притоки Іордана: на западѣ—Нахръ-эль-Джалудъ и Вади-Фарія, на востокѣ—

[1]) Согласно Zeitschr. d. Deutschen Palästina-Vereins, 1913, вып. 2, стр. 147.

Ярмукъ и Яббокъ, а также потоки, впадающіе въ Мертвое море — Кидронъ съ запада и Арнонъ съ востока. Рѣка эль-Джалудъ беретъ начало въ горахъ Самаріи, вблизи древняго Изреэля; она образуется изъ двухъ пробившихся на поверхность земли источниковъ. Одинъ изъ нихъ есть, повидимому, не что иное, какъ упоминаемый въ Книгѣ Судей источникъ Энъ-Хародъ, извѣстный намъ изъ исторіи царя Саула подъ названіемъ „Изреэльскаго источника". Эль-Джалудъ тянется вдоль подножія горнаго хребта Гильбоа и впадаетъ въ Іорданъ близъ Бетъ-Шеана. Вади-Фарія — одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ Палестины: она очень многоводна, и берега ея покрыты пышной растительностью. Слѣва Іорданъ принимаетъ въ себя воды рѣки Ярмука, которую Плиній называетъ „Hieromices." На разстояніи двухъ часовъ къ югу отъ Генисаретскаго озера ея воды подъ острымъ угломъ сливаются съ водами Іордана. Беря начало на склонахъ Хаурана и принимая въ себя по пути обильные притоки, особенно съ сѣвера, Ярмукъ можетъ считаться самой многоводной рѣкой Палестины послѣ Іордана. Богатый пастбищами Гилеадъ даетъ питаніе плавному Яббоку, который теперь носитъ названіе Нахръ-эзъ-Зерка. Началомъ его служитъ рѣка Нахръ-Аммонъ, истоки которой находятся неподалеку отъ извѣстнаго въ Библіи города Раббатъ-Аммонъ, лежащаго на высотѣ 900 м. надъ уровнемъ моря.

Въ Мертвое море съ востока впадаетъ Арнонъ, нынѣ называемый Вади-Моджибъ. Долина этой рѣки по мѣрѣ приближенія къ морю постепенно суживается, и крутые, скалистые склоны ея образуютъ великолѣпное ущелье, черезъ которое рѣка съ ревомъ прокладываетъ себѣ путь къ Мертвому морю. Съ запада, въ Мертвое море впадаетъ Кидронъ. Долина Кидрона начинается въ разстояніи получаса къ сѣверо-западу отъ Іерусалима и окаймляетъ городъ съ двухъ сторонъ—съ сѣвера и съ востока. Отсюда она спускается къ юго-востоку, по направленію къ Мертвому морю. Долина эта только послѣ сильныхъ ливней наполняется водой.

Изъ рѣкъ Палестины въ Средиземное море впадаетъ лишь одна значительная рѣка—Кишонъ, называемая теперь Эль-Мукатта. Она течетъ по плодородной долинѣ Мегиддо, болѣе извѣстной подъ именемъ долины Изреэльской, нынѣ Мерджъ-ибнъ-Амиръ. Эта долина, отдѣляющая Самарію отъ Галилеи, въ теченіе тысячелѣтій служила постоянной ареной битвъ. Ея почва впитала въ себя кровь сотней поколѣній,— начиная съ Тутмоса III, Деборы, Гидеона, Ахаба и фараона Нехо и кончая крестоносцами и Наполеономъ I. Кишонъ питается водой многочисленныхъ ручьевъ, берущихъ начало въ горахъ Гильбоа, на склонахъ Табора и Малаго Хермона (Неби-Даги), и въ возвышенностяхъ Эфраима, впадая въ море недалеко отъ горы Кармель.

На ряду съ этими рѣками, Палестина орошается еще тремя большими озерами. Всѣ они расположены по прямой линіи, начертанной русломъ Іордана и тянущейся съ сѣвера на югъ. Уже въ своемъ верхнемъ теченіи главная рѣка страны Израильской пересѣкаетъ два довольно большихъ бассейна прѣсной воды. Бассейны эти возникли въ ложбинахъ, которыя образовались въ долинѣ Іордана подъ вліяніемъ

вулканическихъ явленій. Первый бассейнъ—это озеро, которое арабы назвали Бахръ-эль-Хуле, а новѣйшіе географы именуютъ Меромскимъ озеромъ, предполагая, что оно соотвѣтствуетъ упоминаемымъ въ Книгѣ Іошуи (11,5) „Водамъ Мерома". Озеро это находится на высотѣ двухъ метровъ надъ уровнемъ моря. На разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ него расположено другое: бурно стремясь многочисленными водоскатами по скалистому глубокому ущелью, Іорданъ низвергается въ прѣсноводное озеро Киннеретъ, которое въ Евангеліи и у Іосифа Флавія называется Генисаретскимъ (גינוסר). Это озеро имѣетъ 20 килом. въ длину, около 10 килом. въ ширину и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ—45 м. глубины. Оно богато рыбой и судоходно; большей частью оно мирно дремлетъ среди окружающихъ горъ, подобное синему зеркалу, но по временамъ сильныя бури нарушаютъ его покой.

Въ нижнемъ теченіи своемъ Іорданъ встрѣчаетъ залежи каменной соли, расположенныя у южнаго края впадины и огражденныя высокими крутыми скалами. Замкнутый въ этихъ скалахъ бассейнъ, имѣющій около 75 килом. въ длину и 17,8 килом. въ ширину, принимая въ себя воды Іордана, образуетъ продолговатое соленое озеро — Мертвое море, которое въ одинаковой степени можетъ называться какъ озеромъ, такъ и моремъ. Нагроможденныя на южномъ берегу его груды соли, а также осѣдающія вслѣдствіе сильныхъ испареній [1]) другія минеральныя вещества, придаютъ водѣ Іордана очень соленый и въ то ж-время непріятный горьковатый вкусъ. Удѣльный вѣсъ воды больше вѣса человѣческаго тѣла, и поэтому человѣкъ не погружается въ нее. Ни одно живое существо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ микробовъ, не можетъ здѣсь существовать; мы не находимъ въ этомъ морѣ ни рыбъ, ни раковинъ, ни коралловъ. И тѣмъ не менѣе, его окрестности плѣняютъ насъ своей суровой красотой и разнообразіемъ величественныхъ пейзажей. Поверхность его теперь на 391 м. ниже уровня моря, но въ прежнія времена она лежала значительно выше: постоянныя сильныя испаренія мало-по-малу понизили уровень воды въ Мертвомъ морѣ. Максимальная глубина его—399 м., средняя глубина — 329 м., а южная бухта (Эсъ-Себха) имѣетъ всего 3 м. глубины.

Кромѣ долины Іордана и равнины Мегиддо, въ странѣ Израильской есть еще одна большая низменность—приморская равнина, тянущаяся вдоль Средиземнаго моря отъ Газы до Цезареи и Дора (Тантуры). Въ южной части она носитъ названіе „Шефела", а въ сѣверной—„Шаронъ" (Саронъ). Не только Библія, но и современные путешественники превозносятъ плодородіе и красоту этой равнины.

Вся остальная страна представляетъ собой гористую мѣстность. По обоимъ берегамъ Іордана тянутся во всѣ стороны отроги двухъ большихъ горныхъ хребтовъ, составляющихъ продолженіе Ливана и Антиливана. Это, по преимуществу, горы известковаго состава, идущія съ сѣвера на югъ и образующія множество долинъ и ущелій. Онѣ

[1]) Вычислено, что въ Мертвое море каждыя сутки вливается шесть милліоновъ тоннъ воды, которыя цѣликомъ испаряются.

понижаются въ Галилеѣ до высоты въ 1200—1300 м., въ другихъ частяхъ западной Палестины высота ихъ достигаетъ 800—900 м., а въ Заіорданьѣ—немногимъ больше 1000 м. Если, такимъ образомъ, горы страны Израильской не могутъ соперничать съ Ливаномъ и Хермономъ, достигающими высоты въ 3000 м., онѣ все же представляютъ собой внушительную громаду, особенно если смотрѣть на нихъ изъ долины Іордана, лежащей значительно ниже уровня моря. Здѣсь рѣдко встрѣчаются уединенно стоящія вершины; большей частью горный хребетъ образуетъ плоскогорія, которыя вплоть до самыхъ возвышенныхъ мѣстъ пригодны для земледѣлія; вотъ почему и въ гористыхъ частяхъ страны почти повсюду растетъ хлѣбъ и плодовыя деревья. Мѣстность къ востоку отъ Іордана, гдѣ горныя вершины достигаютъ высоты отъ 900 въ области Моаба до 1300 метровъ около Хермона, представляетъ собою въ сѣверной своей части плоскогорье Джоланъ, нѣкогда густо покрытое лѣсомъ; высота плоскогорья, въ среднемъ, 700 м. Во многихъ мѣстахъ Джоланъ усѣянъ глыбами застывшей лавы; тамъ же, гдѣ этихъ глыбъ нѣтъ, почва отличается необыкновеннымъ плодородіемъ. Къ плоскогорью примыкаетъ долина Хауранъ (нынѣ Энъ-Нукра), носившая въ древности имя Башанъ. Эта мѣстность, красновато-коричневая почва которой содержитъ въ себѣ много лавы, является житницей всей страны. Обиліе лавы въ почвѣ, въ связи со множествомъ потухшихъ вулкановъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь находятся большіе очаги былыхъ вулканическихъ изверженій. Вулканы тянутся на югѣ до Моаба и Арнона, и ими объясняется происхожденіе многочисленныхъ горячихъ источниковъ, расположенныхъ вокругъ Генисаретскаго озера. Явленія, обусловившія позднѣйшую формацію Мертваго моря, происходили, вѣроятно, не только въ доисторическую, но и въ историческую эпоху въ широкомъ смыслѣ этого слова. О сравнительно недавнихъ вулканическихъ изверженіяхъ говоритъ еще и тотъ фактъ, что процессъ вывѣтриванія многихъ кратеровъ еще не закончился, и что въ самомъ бассейнѣ Іордана имѣется много остатковъ лавы. На это указываетъ также библейская легенда о происхожденіи Мертваго моря, а также—что особенно важно—новѣйшія раскопки въ Хауранѣ, выяснившія, что въ пластахъ лавы погребены цѣлыя стада домашнихъ животныхъ, которыя, слѣдовательно, уже въ ту пору были приручены. Мѣстность къ югу отъ Ярмука, нынѣ называемая Аджлунъ, еще и теперь изобилуетъ прекрасными лѣсами; горы ея сохранили по сіе время древнее свое названіе—Гилеадъ (Джебель Джиладъ). Къ юго-востоку отъ Ярмука лежитъ высокая равнина древняго Аммона, а къ востоку отъ Мертваго моря—область древняго Моаба (нынѣ Эль-Белка).

Къ западу отъ Іордана тянутся два горныхъ хребта—горы Эфраимовы и горы Іудейскія. Онѣ очень схожи по своимъ естественнымъ свойствамъ и представляютъ собою двѣ части одной горной цѣпи, тянущейся къ югу отъ Кармеля и долины Кишона. Въ этой горной странѣ разыгрались наиболѣе важныя событія израильской исторіи.

Въ горахъ Эфраима, особенно въ сѣверной ихъ части, много плодородныхъ полей и пастбищъ. Только на западномъ склонѣ ихъ

часто встрѣчаются невоздѣланныя пространства, и холмы здѣсь круты, голы и изрѣзаны дикими ущельями. Однако, и тутъ нерѣдко попадаются плодородные участки земли, а множество встрѣчающихся развалинъ свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда страна эта стояла на высокой ступени культуры. Горы Іудейскія—это, по большей части, голыя возвышенности, еще болѣе изрѣзанныя ущельями, чѣмъ горы Эфраимовы. Однако, и ихъ склоны во многихъ мѣстахъ покрыты густыми лѣсами; въ долинахъ въ изобиліи произрастаютъ хлѣбные злаки, масличныя деревья и виноградъ, и можно съ увѣренностью сказать, что въ прежнія времена растительность здѣсь была еще болѣе богата.

Своеобразный отпечатокъ придаютъ Іудейской области примыкающія къ ней на западѣ и на югѣ пустыни и степи. Южная степь, называемая въ Библіи „Негевъ" (т.-е. югъ), сильно приближается по своему характеру къ каменистымъ пустынямъ Синайскаго полуострова, съ которымъ она и сливается, а западная степь доходитъ до Іорданской впадины, называемой „Эль-Роръ". Обѣ эти степи нельзя назвать пустынями въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Когда выпадаютъ дожди, онѣ покрываются пышной, сверкающей красками растительностью, но спустя нѣсколько недѣль все увядаетъ, и степь превращается въ голую равнину. Въ общемъ, эта мѣстность всегда сохраняла одинъ и тотъ же характеръ, но въ разные періоды мѣнялась пограничная линія, отдѣляющая плодородныя земли отъ пустыни. Въ эпоху римскаго владычества Негевъ былъ заселенъ гораздо дальше къ югу, чѣмъ нынѣ; но и теперь при поддержкѣ со стороны турецкой власти поселенія проникаютъ все болѣе и болѣе на югъ.

Жители этихъ степныхъ областей—не земледѣльцы, а кочующіе скотоводы. Однако, различіе между этими двумя состояніями часто стирается. Особенно въ пограничныхъ мѣстностяхъ бедуины большую часть года живутъ осѣдло. Нерѣдко встрѣчаются цѣлыя племена, обрабатывающія скудную почву, но продолжающія жить, какъ настоящіе бедуины, въ шатрахъ. Ихъ можно поэтому считать полу-номадами. По примѣру настоящихъ бедуиновъ, они, ради большей безопасности, разбиваютъ свой станъ въ видѣ круга, овала или четырехугольника, въ центрѣ котораго помѣщается скотъ: такой станъ съ теченіемъ времени принимаетъ характеръ настоящаго селенія.

Поверхность Палестины, какъ мы видѣли, крайне волниста; поэтому и климатъ ея, естественно, отличается разнообразіемъ. Однако, и здѣсь можно подмѣтить нѣкоторыя общія явленія. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ древнія времена, когда земля обрабатывалась тщательнѣе, чѣмъ теперь, климатъ, по всей вѣроятности, былъ нѣсколько инымъ.

Въ силу своего географическаго положенія, Палестина имѣетъ климатъ, свойственный подтропическимъ странамъ. На берегахъ и горныхъ вершинахъ онъ приближается скорѣе къ умѣренному, а въ замкнутой глубокой котловинѣ „Эль-Роръ"—къ тропическому; окрестности Мертваго моря отличаются чисто тропическимъ климатомъ.

Палестина знаетъ лишь два времени года — лѣто и зиму, т.-е. сухое время и періодъ дождей. Такъ называемый „ранній дождь" (יורה),

выпадающій обычно въ концѣ октября, возвѣщаетъ наступленіе дождливаго времени. Настоящіе зимніе мѣсяцы—январь и февраль. Въ ноябрѣ большей частью стоятъ теплые и ясные, въ декабрѣ—пасмурные, вѣтренные дни. Январь и февраль на равнинѣ приносятъ съ собою обильные дожди и грозы, а въ горахъ нерѣдко и снѣгъ. Въ мартѣ и апрѣлѣ выпадаютъ такъ назыв. „поздніе дожди“ (מלקוש); благодаря имъ появляется новая растительность, и дозрѣваютъ зимніе плоды. Когда дождей не бываетъ, странѣ угрожаетъ голодъ; объ этомъ повѣствуетъ намъ исторія Палестины въ древности. Въ маѣ начинается лѣтнее время; до конца октября облачные и дождливые дни составляютъ рѣдкое исключеніе. Постепенно разсѣиваются горные туманы—остатки зимы; небо по цѣлымъ мѣсяцамъ бываетъ безоблачно-яснымъ; мѣсяцъ и звѣзды по ночамъ озаряютъ землю волшебнымъ сіяніемъ; послѣ жаркихъ дней ночи, напоенныя свѣжестью росы, полны прохлады.

Пшеница почти вездѣ, кромѣ возвышенностей, дозрѣваетъ въ маѣ, а въ долинахъ ячмень готовъ къ жатвѣ уже въ апрѣлѣ. Въ „Эль-Горѣ“, гдѣ климатъ почти тропическій, плоды созрѣваютъ значительно раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Флора Палестины, въ общемъ, напоминаетъ флору другихъ частей побережья Средиземнаго моря, но ей присущи также и нѣкоторыя специфическія, ей одной свойственныя, особенности. Для историческаго изслѣдованія перечень важнѣйшихъ хлѣбныхъ злаковъ и древесныхъ породъ страны представляетъ несомнѣнный интересъ.

Хлѣбъ, и на ряду нимъ елей и вино, приготовляемые въ давильняхъ и точилахъ,—вотъ главные продукты сельскаго хозяйства Палестины. Исторія царя Соломона, обязавшагося доставлять Хираму много зерна и елея, свидѣтельствуетъ о томъ, что страна была въ состояніи не только удовлетворять собственныя потребности, но и вывозить значительное количество своихъ произведеній въ чужія страны. Среди хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто занимала,—да и понынѣ занимаетъ,—пшеница; въ Библіи часто упоминается и ячмень, служившій, преимущественно, пищей бѣднякамъ. Помимо этого здѣсь произрастаетъ полба, просо, рожь, маисъ, бобы, чечевица и разные виды овощей.

Кромѣ хлѣбныхъ злаковъ, большую роль въ жизни страны играютъ виноградная лоза, масличное и фиговое деревья. „Виноградникъ, маслина и фиговое дерево“ постоянно сопоставляются въ Библіи тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о плодородіи страны. Виноградъ, который растетъ повсюду, но особенно часто встрѣчается на склонахъ Ливана и въ горахъ Іудеи, потребляется какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ сушеномъ и прессованномъ: онъ служилъ столько же предметомъ питанія, сколько и лакомствомъ. Масличныхъ деревьевъ особенно много на Финикійскомъ побережьѣ. Фиговое дерево приноситъ плоды почти круглый годъ; ихъ употребляютъ иногда сырыми, а иногда, подобно винограду, прессованными. Въ Палестинѣ растутъ также, хотя и въ меньшемъ количествѣ, сикоморы, гранатовыя деревья, яблони, груши, миндальныя, персиковыя, абрикосовыя и апельсинныя деревья; нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, какъ, напр., абрикосовыя и апельсинныя, появи-

лись лишь въ недавнее время. Финики встрѣчаются почти исключительно въ окрестностяхъ Іерихона, „города пальмъ“.

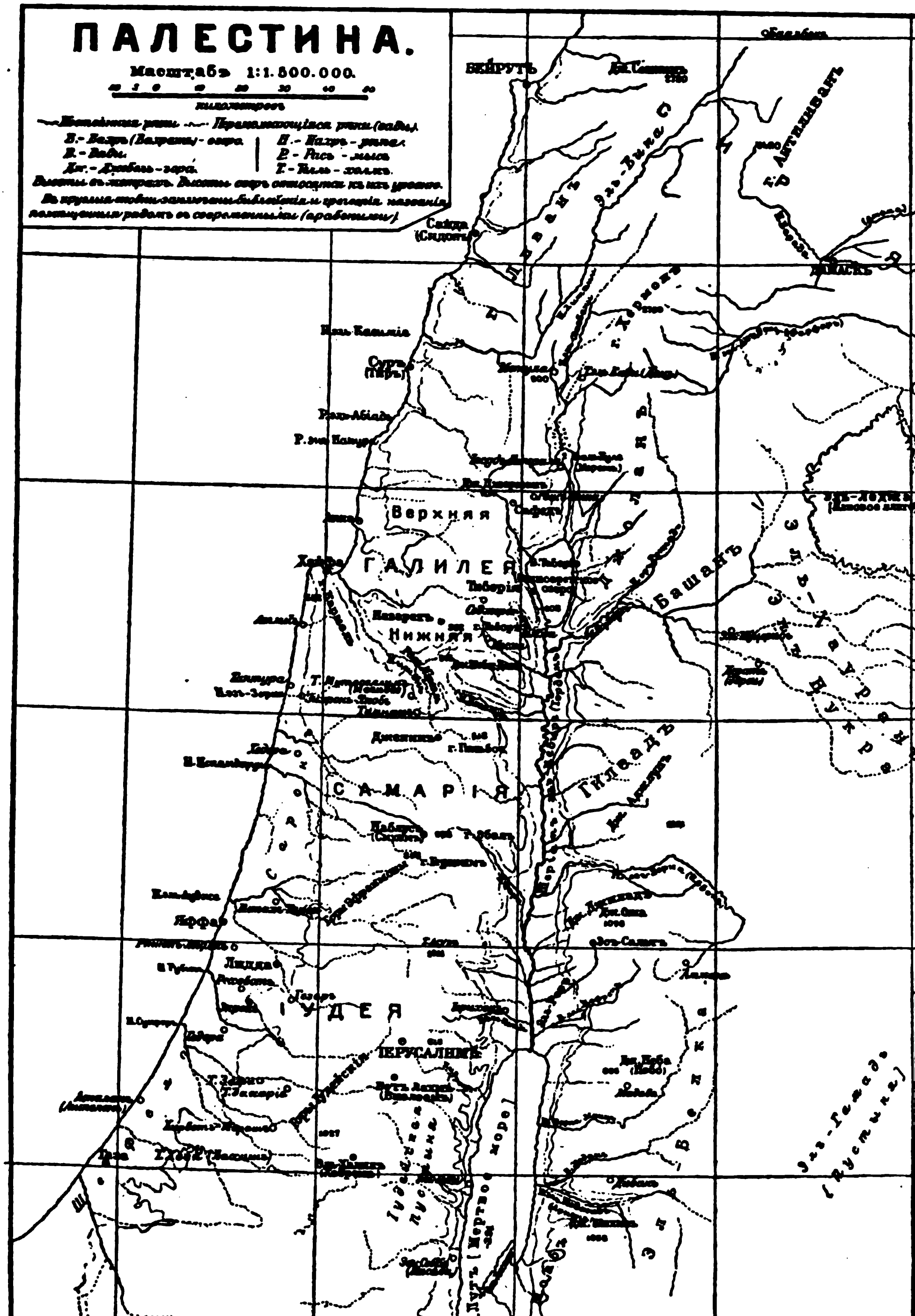
Кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, читающему Библію хорошо знакомо благороднѣйшее дерево Сиріи—ливанскій кедръ. Нѣкогда кедровыя рощи почти сплошь покрывали склоны Ливанскихъ горъ, теперь же это дерево почти совершенно исчезло. Зато дубы, теребинты, тамариски, кипарисы встрѣчаются теперь столь же часто, какъ и въ библейскую эпоху.

Изъ домашнихъ животныхъ въ Библіи чаще другихъ упоминаются овцы и быки. Большую роль въ домашнемъ хозяйствѣ играетъ коза и оселъ: первая доставляла молоко, второй употреблялся для перевозки людей и кладей. Лошадь появляется у древнихъ израильтянъ лишь въ эпоху царей. Но и тогда, повидимому, она считалась рѣдкимъ и дорогимъ животнымъ, такъ что лошади имѣлись лишь у царей и вельможъ. Верблюдъ, конечно, хорошо былъ извѣстенъ и израильтянамъ, но пользовались имъ гораздо больше кочевые жители пустынь, чѣмъ осѣдлое населеніе.

Первое мѣсто среди дикихъ звѣрей,—къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести безхозяйную собаку, а также неприрученную кошку,—занимаетъ левъ, столь часто упоминаемый въ поэтической и прозаической частяхъ библейской письменности. Нынѣ львы почти совершенно вывелись въ Палестинѣ, но въ древности они встрѣчались очень часто, особенно въ густыхъ лѣсахъ Іорданской долины и отчасти на Ливанѣ. Волкъ и медвѣдь еще понынѣ—постоянные обитатели Ливана. Въ ущельяхъ Кармеля и теперь попадаются пантеры, а въ Крокодиловой рѣкѣ (Нахръ-эзъ-Зерка), впадающей въ Средиземное море,—крокодилы. Гіены и шакалы водятся повсюду въ пустынныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ прибрежныхъ дюнахъ. Въ сѣверной Сиріи въ болѣе древнія времена встрѣчались и слоны.

Историческому изслѣдователю приходится сталкиваться съ труднымъ, но крайне важнымъ вопросомъ о томъ, какимъ измѣненіямъ подверглись на протяженіи многихъ вѣковъ поверхность, климатъ и производительность страны. Въ общемъ, конечно, ареной исторіи израильскаго народа была Палестина въ теперешнемъ ея видѣ, такъ какъ въ историческую эпоху въ странѣ не происходило никакихъ чрезвычайныхъ катастрофъ. Однако, огромные историческіе перевороты, равныхъ которымъ не знаетъ ни одна страна, должны были неизбѣжно оказать вліяніе и на самую природу Палестины. Съ другой стороны, воля человѣка создала здѣсь много новаго и внесла рядъ измѣненій въ природныя условія страны.

Среди историческихъ событій, оказавшихъ серьезное вліяніе на жизнь страны, слѣдуетъ упомянуть, прежде всего, арабское нашествіе въ VII в. хр. эры. Многочисленныя орды, пришедшія изъ глуби Аравійскаго полуострова, прочно осѣли въ областяхъ Палестины, имѣвшихъ за собой уже довольно богатую культурную исторію. Арабъ-завоеватель, въ силу всего своего племенного характера, чуждъ, въ общемъ, культурѣ и враждебно относится ко всякому труду; къ тому же,

„ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА." ИЗД. Т-ВА „МІРЪ".

со времени Магомета, онъ изъ религіозныхъ побужденій питаетъ отвращеніе къ вину. Поэтому многія селенія подверглись разоренію, цвѣтущіе виноградники были истреблены, земледѣліе пало. Въ пограничныхъ областяхъ шире раскинулись степи, а внутри страны пришли въ запустѣніе многіе участки воздѣланной земли, расположенные террасами по склонамъ горъ. Но самыя пагубныя послѣдствія для страны, несомнѣнно, имѣло почти повсемѣстное истребленіе лѣсовъ. Въ древнія времена огромныя пространства земли были покрыты лѣсами; такъ, Книга Іошуи (17, 14—18) разсказываетъ, что горы Эфраима должны были для заселенія ихъ израильтянами выкорчевываться. Спустя много времени, въ эпоху Нехеміи, мы встрѣчаемъ среди царскихъ должностныхъ лицъ чиновника, завѣдующаго лѣсами; наконецъ, частое упоминаніе въ Библіи слова יער, означающаго высокоствольный лѣсъ, и тотъ фактъ, что на жертвоприношенія уходило много дровъ, свидѣтельствуютъ также объ изобиліи лѣсовъ въ странѣ. Но если уже ко времени арабскаго нашествія палестинскіе лѣса сильно порѣдѣли, то съ водвореніемъ арабовъ они совсѣмъ исчезаютъ, такъ какъ привыкшіе къ степямъ арабы ими не дорожили. Исчезновеніе лѣсовъ не осталось, конечно, безъ вліянія на климатъ страны. Колебанія его стали рѣзче, грозы и опустошительные ливни чаще. Съ упадкомъ земледѣлія, тонкій слой пахатной земли на склонахъ горъ постепенно вывѣтривался и сползалъ въ долины, скалистые склоны горъ все болѣе обнажались, а это, въ свою очередь, оказывало вредное вліяніе на климатъ страны.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ полагать, что, хотя въ Палестинѣ, въ особенности въ Іудейскихъ горахъ и степяхъ, всегда попадались большія пространства, гдѣ земледѣліе не могло процвѣтать или даже вообще было невозможно, все же страна въ древности обладала гораздо болѣе благопріятными естественными условіями, чѣмъ теперь— послѣ нашествія арабовъ и ихъ многовѣкового разорительнаго хозяйничанья въ Палестинѣ.

Народъ, обитавшій въ Ханаанѣ съ начала XIII в. до хр. эры, называлъ себя народомъ израильскимъ (Сынами Израиля) или попросту Израилемъ. Весьма возможно, что названіе „Сыны Израиля" первоначально относилось не ко всему народу, а къ одному лишь господствующему колѣну, подобно тому, какъ оно позже служило для обозначенія не всего созданнаго еврейскимъ народомъ государства, а одного лишь сѣвернаго, десятиколѣннаго царства. Имя этого одного, очевидно, наиболѣе значительнаго колѣна впослѣдствіи распространилось на всю сѣверную группу колѣнъ, а затѣмъ и на весь народъ. Въ такомъ процессѣ нѣтъ ничего необычнаго: мы знаемъ много случаевъ, когда имена отдѣльныхъ племенъ становились впослѣдствіи названіями народовъ. Изъ библейскаго повѣствованія видно, что имя „Израиль" пользовалось въ средѣ народа особенной популярностью. Оно нерѣдко звучитъ, какъ почетный титулъ, имѣющій національное и религіозное значеніе. Наиболѣе рѣзко выступаетъ этотъ своеобразный характеръ

имени „Израиль“ при сопоставленіи его съ другимъ названіемъ народа—„эбериты“. Въ тѣхъ мѣстахъ Библіи, гдѣ объ израильтянахъ говорятъ чужеземцы, или гдѣ израильтяне противопоставляются другимъ народамъ, употребляется обыкновенно слово „ибримъ“—эбериты (עברים). Это названіе, означающее „люди съ того берега“, повидимому, дано было израильскимъ племенамъ въ то время, когда они перекочевали въ новую страну. Относительно его возникновенія существуютъ различныя гипотезы. Прежде принято было думать, что въ основѣ этого имени лежало древнее воспоминаніе о переселеніи колѣнъ израильскихъ изъ Месопотаміи и переходѣ черезъ Евфратъ; въ настоящее время, однако, большинство ученыхъ склонно предполагать, что имя „эбериты“ скорѣе указываетъ на переселеніе израильтянъ изъ-за Іордана. Но независимо отъ того или иного происхожденія названія, существеннымъ является то, что подъ словомъ „эбериты“ понимается, во всякомъ случаѣ, кочевое племя. Это общее толкованіе болѣе соотвѣтствуетъ и библейскому словоупотребленію, и роли племени „хабири“ въ такъ называемую эпоху эль-Амарны [1]), о которой рѣчь будетъ ниже.

Языкъ, на которомъ говорили израильтяне, представляетъ собою одно изъ отвѣтвленій великаго лингвистическаго древа, называемаго семитическимъ: мы для краткости назовемъ этотъ языкъ еврейскимъ. Израильтяне говорили на томъ же языкѣ, что и родственные имъ по крови сосѣди-туземцы и сосѣди-пришельцы, поселившіеся въ странѣ отчасти до и отчасти послѣ израильтянъ. Правда, языкъ этотъ представлялъ собою, по сравненію съ языками сосѣдей, особый діалектъ, но вѣдь и въ средѣ самого Израиля имѣлись два діалекта—сѣверный и южный. Мы имѣемъ доказательства того, что сосѣди евреевъ—моабитяне—говорили на одномъ съ ними нарѣчіи: объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстная надпись моабитскаго царя, Меши. Вопросъ о происхожденіи языка израильтянъ еще не выясненъ. Возможно, что израильтяне усвоили языкъ туземцевъ—ханаанеянъ или амореянъ; въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы, конечно, называть этотъ языкъ не еврейскимъ, а ханаанейскимъ или аморейскимъ (ср. у Исаіи 19, 18: „языкъ Ханаана“). Возможно, съ другой стороны, что израильтяне и предки ихъ еще на своей старой родинѣ говорили на сходномъ нарѣчіи и что они, слѣдовательно, не такъ рѣзко отличались по языку и происхожденію отъ другихъ племенъ Ханаана, какъ это утверждаетъ Библія. Во всякомъ случаѣ, одно слѣдуетъ считать установленнымъ: еврейскій языкъ былъ въ употребленіи въ Ханаанѣ еще до того, какъ израильтяне завоевали эту страну. Что же касается вопроса о древнѣйшемъ языкѣ самихъ израильтянъ, то онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь въ связи съ гипотезами о первоначальномъ мѣстопребываніи племени израильскаго и другихъ родственныхъ ему племенъ.

---

[1]) Подъ этимъ именемъ разумѣется періодъ царствованія фараоновъ Аменхотепа (Аменофиса) III и IV (1411—1358 гг. до хр. эры), власть которыхъ распространялась на всю Сирію, въ частности на Ханаанъ. Яркій свѣтъ на эту эпоху пролилъ царскій архивъ, найденный при раскопкахъ въ Телль-эль-Амарнѣ, на границѣ между Среднимъ и Верхнимъ Египтомъ, откуда и обозначеніе ея.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что еще до появленія израильтянъ въ Палестинѣ она была населена ханаанеянами. Мы уже говорили выше о значеніи этого имени. Въ позднѣйшее время подъ ханаанеянами, въ тѣсномъ смыслѣ слова, слѣдуетъ разумѣть финикіянъ, занимавшихъ сѣверную часть Средиземнаго побережья: это—остатки древняго населенія Ханаана, вытѣсненные изъ центра страны къ морю. Въ ту эпоху слово „кенаани" означаетъ „финикійскій купецъ". Въ Библіи лишь мѣстами слово „ханаанеяне" употребляется для обозначенія всего туземнаго населенія Ханаана; на ряду съ нимъ, мы часто встрѣчаемъ другое названіе—амореяне. Оба эти древнія названія уже во второмъ тысячелѣтіи до хр. эры обычно употреблялись въ не-библейскихъ источникахъ для обозначенія первоначальнаго населенія Палестины (второе названіе—въ клинописныхъ памятникахъ—произносилось Амурру). Помимо этихъ двухъ наиболѣе могущественныхъ племенъ, въ странѣ жили еще другія, второстепенныя народности, которыя упоминаются преимущественно въ болѣе позднихъ библейскихъ источникахъ: гиргашиты, перизиты (ферезиты), хиввиты, іебуситы. Имена ихъ имѣютъ отчасти локальное значеніе; такъ, іебуситами назывались древніе жители Іебуса (Іерусалима) и его окрестностей, хиввитами—жители Гибеона и Сихема. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ названій нѣтъ никакой возможности возстановить ихъ первоначальное значеніе, такъ какъ происхожденіе ихъ относится къ древнѣйшей эпохѣ.

Имѣется еще одинъ доводъ въ пользу того, что до появленія ханаанеянъ и амореянъ Палестину населяли другія племена: въ Библіи сохранилось неясное воспоминаніе о древнемъ, вытѣсненномъ ханаанеянами, населеніи страны. Правда, эти древнѣйшіе жители Палестины именуются всюду „великанами" (рефаимъ, анакимъ), но изъ этого еще не слѣдуетъ, что разсказы о нихъ должны быть и по существу отнесены къ области вымысла. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ впослѣдствіи жили сосѣди Израиля (о которыхъ рѣчь впереди), тоже первоначально обитали, повидимому, какія-то племена, на происхожденіе и образъ жизни которыхъ не пролитъ исторіей свѣтъ: замзуммиты и эмиты—въ областяхъ Моаба и Аммона, хориты и аввиты—въ земляхъ эдомитской и филистимской.

Изъ сосѣдей Израиля ближайшими къ нему по крови были моабитяне, аммонитяне и эдомитяне, которые входятъ на ряду съ нимъ въ обширную группу „эберитскихъ" племенъ.

Братскимъ племенемъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, были эдомитяне, на которыхъ израильтяне смотрѣли, какъ на потомковъ Исава, брата родоначальника своего, Якова. Эдомъ (или Исавъ) рисуется въ библейскомъ повѣствованіи, какъ старшій братъ Израиля, „изъ-за чечевичной похлебки уступившій ему свое первородство" (Бытіе, 25, 29—34): это, очевидно, должно быть понято въ томъ смыслѣ, что Израиль опередилъ Эдома въ своемъ развитіи. Изъ другого мѣста Библіи мы знаемъ, что эдомитяне еще задолго до Саула имѣли свое царство (Бытіе, 36, 31—39), но впослѣдствіи, въ эпоху Саула и Давида, они попадаютъ въ зависимость отъ израильтянъ, и съ теченіемъ вре-

мени все болѣе подчиняются имъ. Что касается племенныхъ взаимоотношеній между эдомитянами и ихъ сосѣдями, то нужно замѣтить, что къ ихъ первоначально чистой эберитской крови впослѣдствіи примѣшалась въ значительной мѣрѣ кровь другихъ народностей. Аборигены страны, завоеванной эдомитянами, хориты, повидимому, постепенно смѣшались и ассимилировались съ завоевателями. Подвигаясь къ югу, эдомитяне поглотили и нѣкоторыя арабскія племена, жившія въ пустынѣ, а въ сѣверной части своего государства, т.-е. въ южной Іудеѣ, они смѣшиваются съ ханаанеянами и другими жившими тамъ племенами. На языкѣ библейскаго повѣствованія это излагается образно: Исавъ беретъ себѣ въ жены, помимо хоритянки, еще измаильтянку и хетеянку. Область Эдома—дикая, изобилующая ущельями, горная страна Сеиръ; природа этой страны располагаетъ жителей скорѣе къ разбою и охотѣ, чѣмъ къ земледѣлію и скотоводству.

Израиль находился въ близкомъ родствѣ также съ юго-восточнымъ сосѣдомъ своимъ—Моабомъ, съ которымъ поддерживалъ частыя сношенія. Область Моаба ограничена на западѣ Мертвымъ моремъ, на югѣ—долиной „Араба" (נחל הערבה), отдѣляющей Моабъ отъ Эдома, а на востокѣ — пустыней; на сѣверо-востокѣ Моабъ соприкасается съ Аммономъ. Сѣверную границу его въ позднѣйшее время (въ эпоху царя Меши) составлялъ Арнонъ. Въ древнія времена владѣнія Моаба, несомнѣнно, простирались значительно дальше къ сѣверу, вплоть до окрестностей Іерихона. Населеніе этой гористой страны, прекрасно орошенной и въ свое время, вѣроятно, дававшей обильные урожаи, по языку своему, культурѣ и религіи стояло, повидимому, очень близко къ израильтянамъ. Надпись Меши свидѣтельствуетъ о сравнительно высокомъ уровнѣ литературы и письменности у этого народа.

Къ сѣверо-востоку отъ Моаба обитало родственное ему аммонитское племя. Страна его примыкала, съ одной стороны, къ пустынѣ, а съ другой — къ владѣніямъ израильскихъ колѣнъ Рувима, Гада и Менаше. Сѣверную границу Аммона образуетъ Яббокъ, южную—Арнонъ. Но аммонитяне нерѣдко дѣлали попытки расширить свои владѣнія, и, повидимому, имъ удалось продвинуться немного далѣе на сѣверъ. На это указываетъ мѣстоположеніе ихъ главнаго города Раббатъ Аммона (близъ верховьевъ Яббока), а также ихъ позднѣйшія войны, имѣвшія цѣлью завоеваніе Гилеада.

На юго-западѣ, по сосѣдству съ израильтянами, жилъ воинственный, нерѣдко наводившій ужасъ на своихъ сосѣдей, народъ филистимскій (פלשתים). Филистимляне занимали узкую полосу Средиземнаго побережья, тянущуюся отъ Газы до Яффы, т.-е. отъ египетской границы до финикійской, и такимъ образомъ закрывали израильтянамъ доступъ къ морю. Они обладали цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ городовъ, изъ которыхъ пять крупнѣйшихъ—Газа, Ашдодъ, Ашкелонъ (Аскалонъ), Гатъ и Экронъ—имѣли собственныхъ князей. Живя на морскомъ побережьѣ, филистимляне иногда дѣлали попытки проникнуть и вглубь страны. По происхожденію своему они не имѣютъ ничего общаго съ уроженцами Ханаана и вообще съ семитическими племенами. Согласно указа-

ніямъ Библіи (Быт. 10, 14; Амосъ 9, 7) они переселились сюда изъ Кафтора: подъ этимъ именемъ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть островъ Критъ.

На сѣверѣ сосѣдями филистимлянъ были финикіяне, называемые въ Библіи сидонянами (צידונים), по имени одного изъ главныхъ городовъ ихъ—Сидона. Въ эпоху израильскихъ царей названіе это употреблялось для обозначенія остатковъ древнихъ ханаанеянъ, оттѣсненныхъ къ морю. Финикіяне представляли огромную, не только экономическую, но и культурную силу: въ эпоху царей было немало моментовъ, когда финикійская культура оказывала большое вліяніе на духовную жизнь еврейскаго народа.

Наконецъ, нѣсколько сѣвернѣе израильтянъ внутри страны жили арамеяне и хетиты. Послѣдніе все болѣе вытѣснялись арамеянами, которые особенно послѣ того, какъ прежняя мощь хетитовъ ослабѣла, вытѣснили ихъ и заняли ихъ мѣсто, прочно осѣвъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Палестины. Арамейское племя, повидимому, подобно израильтянамъ, перекочевало сюда изъ сирійско-аравійскихъ степей въ эпоху великаго переселенія народовъ, произошедшаго во второмъ тысячелѣтіи до хр. эры; по языку своему и обычаямъ арамеяне стояли очень близко къ израильтянамъ. Поселенія ихъ группировались, главнымъ образомъ, около Дамаска, по нижнему теченію рѣки Оронта, и тянулись дальше по восточной равнинѣ до Евфрата, гдѣ существовалъ цѣлый рядъ мелкихъ арамейскихъ государствъ.

Такова была страна, въ которой протекла древнѣйшая жизнь еврейскаго народа, и таково было населеніе ея въ ту эпоху, когда на арену исторіи выступилъ Израиль, какъ самостоятельное и сплоченное національное цѣлое. Но историческая жизнь началась въ Палестинѣ еще задолго до заселенія ея израильтянами, а первые шаги человѣческой культуры въ ней теряются въ глубинѣ пятаго и шестого тысячелѣтія. Эта до-израильская исторія Палестины, несомнѣнно, оказала глубокое вліяніе на духовную жизнь еврейскаго народа, такъ какъ, благодаря ей, Израиль уже при первомъ своемъ проникновеніи въ Ханаанъ попалъ въ сферу вліянія прочно сложившейся культуры.

Общій очеркъ древнѣйшихъ судебъ Палестины, поскольку ихъ раскрываютъ намъ памятники Древняго Востока и раскопки послѣднихъ десятилѣтій, долженъ поэтому служить первой страницей исторіи еврейскаго народа.

Древнѣйшее начертаніе имени „Израиль" іероглифическимъ и клинообразнымъ письмомъ. (Съ надписей Мернепты I и Салманассара II).

Золотое нагрудное украшеніе съ изображеніемъ фараона Аменемхета III (XIX в. до хр. эры), сражающаго азіата.
(Изъ царскихъ гробницъ въ Дахшурѣ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Палестина въ до-историческую эпоху.

1. Каменный вѣкъ.

Первобытная эпоха въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ странахъ, не оставила по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній, и нѣтъ, конечно, никакой возможности установить, когда именно появились въ странѣ первые люди и какого они были происхожденія. Тѣмъ не менѣе, мы въ нижеслѣдующемъ попытаемся сгруппировать, насколько это возможно, всѣ сохранившіеся слѣды этого древнѣйшаго населенія Ханаана.

Новѣйшія раскопки дали возможность во многихъ мѣстахъ проникнуть вплоть до скалистаго слоя земной коры, глубже котораго уже не могли основаться первыя человѣческія поселенія. Но и до того въ окрестностяхъ Іордана находили каменныя орудія, съ несомнѣнностью свидѣтельствующія о томъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣкогда жили первобытные люди. По берегамъ Іордана, въ особенности къ востоку отъ него, найдены были остатки такъ назыв. „мегалитическихъ“ каменныхъ памятниковъ, происхожденіе которыхъ также относится къ самой глубокой древности. Нельзя, наконецъ, оставить безъ вниманія и нѣкоторыя по-

черпнутыя изъ древнихъ вавилонскихъ и египетскихъ источниковъ данныя, опредѣленно указывающія на то, что владыки страны Нила и области Евфрата уже въ самую отдаленную эпоху поддерживали сношенія съ Сиріей и Палестиной, которыя, слѣдовательно, были тогда уже обитаемы.

Принимая во вниманіе свойства палестинской почвы, позволяющія намъ строить догадки о ея происхожденіи, мы склонны думать, что въ такъ назыв. „третичную“ эпоху Палестина была еще необитаема. Нигдѣ, во всякомъ случаѣ, не обнаружены слѣды пребыванія здѣсь людей въ означенный періодъ, да и сама страна пріобрѣла свой теперешній рельефъ лишь въ теченіе дилювіальнаго періода. Вслѣдствіе сильнаго пониженія почвы, дно большого озера, находившагося въ центрѣ страны, опустилось, и образовалась громадная сирійская впадина, тянувшаяся отъ Генисаретскаго озера до нынѣшняго Мертваго моря. Впадина эта вскорѣ вся наполнилась водою и вновь образовала собою озеро, и лишь въ дилювіальный періодъ огромныя массы воды, наполнявшія всю эту впадину, испарились, благодаря чему образовались Іорданъ и Мертвое море. Но и помимо этого, страна претерпѣла въ тотъ періодъ рядъ крупныхъ геологическихъ измѣненій, такъ что въ то время человѣческія поселенія могли возникнуть лишь въ сравнительно немногихъ мѣстахъ страны: въ нѣкоторыхъ частяхъ Заіорданья, какъ, напр., на плоскогорьяхъ аммонитскомъ и моабитскомъ (т.-е. въ нынѣшней Эль-Белкѣ), въ Хауранѣ и въ „Долинѣ Рефаимъ“ (рефаитовъ), близъ Іерусалима.

Такимъ образомъ, можно полагать, что уже къ концу дилювіальнаго періода имѣлись на-лицо всѣ условія для жизни людей въ Палестинѣ. Къ этой эпохѣ и относятся найденные при раскопкахъ древнѣйшіе предметы, сдѣланные человѣческими руками.

Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ каменныхъ орудій (предметы такъ назыв. палеолитическаго періода) найдены преимущественно на плоскогоріи, находящемся къ востоку отъ Мертваго моря, далѣе, въ горахъ, окружающихъ Іерусалимъ, на Кармелѣ и въ окрестностяхъ Назарета. Они представляютъ собою крайне примитивные, вытесанные или вырубленные изъ цѣльнаго куска топоры, сѣкиры, ножи, шила, рѣзцы, и по ихъ обработкѣ можно судить, что люди, ихъ изготовлявшіе, не ушли дальше простѣйшихъ техническихъ пріемовъ.

Климатъ Палестины въ дилювіальный періодъ сильно отличался отъ теперешняго. Благодаря обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ и сравнительно умѣренной температурѣ, вездѣ, гдѣ позволяла почва, возникала богатая растительность. На высокихъ мѣстахъ, повидимому, пышно зеленѣли лиственные лѣса, слѣдовъ которыхъ въ современной Палестинѣ совершенно почти не осталось. Въ этихъ лѣсахъ водилось много звѣрей, да и вообще фауна Палестины была, несомнѣнно, въ ту пору гораздо богаче, чѣмъ теперь.

Вообще, въ то время въ Палестинѣ было холоднѣе, и дожди выпадали чаще, чѣмъ въ наше время; человѣку приходилось заботиться о теплой одеждѣ, искать защиты отъ холода въ домахъ или хижинахъ, и если онъ не умѣлъ еще строить себѣ жилища—въ многочисленныхъ горныхъ пещерахъ. Несомнѣнно также, что и здѣсь въ разсматриваемую нами

поху человѣкъ жилъ еще рядомъ съ пещерными медвѣдями, львами, носорогами и зубрами, и долженъ былъ съ ними мѣряться силами.

Для насъ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, къ какой расѣ принадлежали люди этого древнѣйшаго періода; пролить свѣтъ на эту тайну могли бы только новыя раскопки въ Палестинѣ. У насъ нѣтъ также данныхъ, чтобы установить моментъ появленія первобытныхъ людей и продолжительность палеолитическаго періода. Поэтому открывается богатое поле для всевозможныхъ предположеній и догадокъ, и нѣтъ ничего болѣе легкаго, чѣмъ произвольно оперировать въ такихъ случаяхъ тысячелѣтіями и десятками тысячъ лѣтъ. Но въ виду отсутствія опредѣленнаго масштаба, который далъ бы возможность разобраться въ отдѣльныхъ этапахъ всего каменнаго періода, мы должны ограничиться чисто отрицательнымъ сужденіемъ. Проводя предѣльную линію между палеолитическимъ и слѣдующимъ за нимъ—неолитическимъ періодомъ, мы можемъ утверждать лишь одно: люди палеолитической эпохи жили въ Палестинѣ не позже чѣмъ за 5000—4500 лѣтъ до хр. эры; для того же, чтобы опредѣлить моментъ появленія первыхъ людей въ странѣ, нужно было бы къ этой предѣльной датѣ прибавить, вѣроятно, много сотенъ или даже тысячъ лѣтъ, но сколько—это уже находится за предѣлами нашего знанія.

Палеолитическая эпоха смѣняется такъ называемой неолитической, оставившей послѣ себя значительно больше слѣдовъ въ Палестинѣ. Раскопки обнаружили въ разныхъ мѣстахъ множество орудій и предметовъ первобытнаго обихода, относящихся къ неолитическому періоду, а новѣйшія открытія въ Гезерѣ, Таанахѣ и Мегиддо значительно расширили матеріалъ, имѣвшійся въ распоряженіи изслѣдователей. Найденные тамъ предметы явно отличаются отъ болѣе древнихъ тщательностью обработки: прежде всего бросается въ глаза, что камень здѣсь искусно обтесанъ, а не грубо обрубленъ простымъ каменнымъ топоромъ, что свидѣтельствуетъ о развитіи эстетическаго чувства и техническихъ навыковъ у человѣка. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ идетъ ростъ житейскихъ потребностей. Тамъ, гдѣ для удовлетворенія ихъ требовался долговѣчный матеріалъ, стала, кромѣ камня, входить въ употребленіе еще и глина, изъ которой выдѣлывались предметы примитивной утвари, техники и искусства. Металлическихъ издѣлій мы въ ту пору еще не встрѣчаемъ. Объ образѣ жизни людей неолитическаго періода рѣчь будетъ ниже; здѣсь же насъ интересуетъ прежде всего вопросъ о происхожденіи племенъ, населявшихъ въ то время Ханаанъ.

Обращаемся въ первую очередь къ библейскимъ даннымъ о древнѣйшемъ населеніи Палестины. Согласно гл. 2-й Второзаконія, первоначальное населеніе Ханаана и сосѣднихъ съ нимъ странъ составляли слѣдующія племена: рефаиты, анакиты, хориты, аввиты, эмиты и замзуммиты [1]). Всѣ эти племена, какъ повѣствуетъ Библія, были на рубежѣ

[1]) Къ замзуммитамъ слѣдуетъ, повидимому, отнести и зузитовъ (Быт. 14, 5. Значеніе послѣдняго слова до сихъ поръ остается невыясненнымъ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

Сооруженія каменнаго вѣка (мегалитическія постройки), сохранившіяся въ Палестинѣ.

1. Дольменъ въ Верхней Галилеѣ. 2. Менгиръ въ Заіорданьѣ. 3. Кромлехъ (кругъ изъ камней) въ Гезерѣ. 4. Каменныя глыбы — остатки „ортостатической" дороги на Кармелѣ. 5. Дольменъ близъ Мадабы въ Заіорданьѣ. 6. Такъ наз. „полу-дольменъ" близъ г. Нэбо, въ Заіорданьѣ. 7. Такъ наз. „двойной дольменъ" въ эль-Хецнъ, въ Гилеадѣ.

Изд. Т-ва „МІРЪ".

историческаго времени вытѣснены позднѣйшими жителями страны, подобно тому, какъ, въ свою очередь, ханаанеяне были вытѣснены впослѣдствіи израильтянами.

Перечисленныя въ Библіи имена племенъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой относятся искусственныя названія, связанныя съ фантастическими представленіями о древнихъ исполинскихъ племенахъ; къ другой принадлежатъ названія, въ основѣ которыхъ лежатъ подлинныя имена народовъ, упоминаемыя кое-гдѣ и помимо библейскаго повѣствованія. Примѣромъ первой категоріи могутъ служить „рефаиты", что буквально означаетъ „духи мертвецовъ" и должно быть понято въ смыслѣ давно вымершаго поколѣнія великановъ [1]). Въ высшей степени характерно то, что библейское преданіе обычно связываетъ имена этихъ древнѣйшихъ жителей Палестины какъ разъ съ тѣми мѣстностями, гдѣ были найдены многочисленные остатки неолитическаго періода, мѣстностями, геологическое прошлое которыхъ показываетъ, что именно тамъ люди появились раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны. „Долина Рефаимъ" близъ Іерусалима и плоскогорье Заіорданья,—вотъ, согласно Библіи, мѣста первыхъ человѣческихъ поселеній.

На ряду съ рефаитами слѣдуетъ упомянуть анакитовъ: имя это уже въ древнѣйшія времена употреблялось для обозначенія великановъ (слово ענק означаетъ, очевидно, людей съ вытянутой шеей). Быть можетъ, въ томъ же смыслѣ употреблялось имя „эмиты", которое, вѣроятно означало: „наводящіе ужасъ" (אימה).

Внѣ этой категоріи названій племенъ остаются имена аввитовъ и хоритовъ [2]): это, повидимому, уже настоящія этническія названія. О хоритахъ говорится, что они жили въ Сеирѣ до того, какъ тамъ поселились эдомитяне. Названная область, расположенная къ югу отъ Мертваго моря, покрыта скалистыми мѣловыми горами и изобилуетъ пещерами. Давно уже возникла мысль о связи между названіемъ „хориты" и свойствами страны, гдѣ обитало это племя (еврейское слово חור означаетъ углубленіе, пещеру). Можно предположить въ такомъ случаѣ, что позднѣйшее населеніе Палестины называло этихъ людей пещерными жителями или троглодитами. Тѣмъ не менѣе мы въ данномъ случаѣ склонны думать, что прозвище „пещерные жители" возникло уже позднѣе, вслѣдствіе созвучія подлиннаго имени этого племени съ древне-еврейскимъ словомъ, обозначающимъ пещеру. Настоящее названіе этого племени мы находимъ въ египетскихъ надписяхъ, гдѣ жители Палестины фигурируютъ подъ именемъ х а р у. Нельзя сомнѣваться въ тождественности именъ „хориты" и „хару". По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ одномъ египетскомъ папирусѣ, область хоритовъ простиралась отъ Синайскаго по-

---

1) См. въ особенности Второз. 2, 11. 20 и слѣд. Интересно отмѣтить, что, подобно эмитамъ и замзуммитамъ, также и рефаиты, по Библіи, жили въ Заіорданьѣ,— области, которая, дѣйствительно, была заселена раньше другихъ частей Палестины. Ср. также ילידי הרפה—II Сам. 21, 16. 18 (I Хрон. 20, 8) и עמק רפאים—II Сам. 5, 18. 22.

2) Что касается замзуммитовъ, то нѣкоторые производятъ это имя отъ слова זמם—„ворчащіе" и толкуютъ его въ смыслѣ „духовъ". Но это, конечно, весьма спорно.

луострова до Дамаска. Библейское преданіе знаетъ о хоритахъ лишь одно—что они до появленія эдомитянъ занимали ихъ область и, кромѣ того, еще область города Гезера.

Если мы на основаніи этихъ этническихъ названій попытаемся установить происхожденіе племенъ, ими обозначавшихся, то, останавливаясь на имени хоритовъ, какъ наиболѣе достовѣрномъ, мы должны будемъ указать, что въ основѣ его лежитъ семитическій корень „хори", и, помимо того, мы можемъ сослаться еще на тотъ фактъ, что въ гл. 36 Бытія данъ перечень хоритскихъ родовъ, ясно свидѣтельствующій о томъ, что они являются чистыми семитами: фигурирующія тамъ имена большей частью поддаются филологическому истолкованію и содержатъ въ себѣ столько явно семитическихъ элементовъ (Тимна, Алванъ, Манахатъ, Шефо, Цибеонъ, Ая, Ана, Дишонъ, Хемданъ, Итранъ и т. д.), что не можетъ оставаться никакого сомнѣнія относительно принадлежности хоритовъ къ семитической расѣ. [1])

Таковы тѣ краткія и большей частью туманныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ обитателяхъ Палестины, которыя мы находимъ въ Библіи. Но Библія не единственный источникъ, изъ котораго можно черпать свѣдѣнія объ этой эпохѣ. Слѣдуетъ, поэтому, обратиться еще и къ другимъ, не библейскимъ, памятникамъ,—какъ къ тѣмъ, которые были открыты при раскопкахъ, такъ и къ тѣмъ, которые сохранились на поверхности земли.

Люди неолитическаго періода въ Палестинѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, устраивали себѣ жилище на голыхъ скалахъ, и чаще всего въ пещерахъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ известковыхъ горахъ Палестины. При помощи каменныхъ орудій этимъ поселенцамъ удавалось, пробивая камень, расширять пещеры. Еще и понынѣ можно кое-гдѣ обнаружить слѣды этой работы. Во время раскопокъ въ Гезерѣ изслѣдователи наткнулись на одну пещеру, которая въ древности служила, вѣроятно, для сжиганія труповъ. Полъ ея оказался покрытымъ слоемъ пепла вышиною въ 30 сантиметровъ. На потолкѣ сохранились слѣды продѣланнаго человѣческими руками отверстія, черезъ которое, повидимому, выходилъ дымъ. Судя по виду пепла, онъ накоплялся здѣсь въ теченіе долгаго времени. Изслѣдованіе пепла и остатковъ находившихся тутъ же скелетовъ показало, что здѣсь сжигались трупы людей низкаго роста, не превышавшаго, въ среднемъ, 1,65 метра.

Изъ этихъ, какъ будто незначительныхъ, фактовъ мы можемъ сдѣлать нѣкоторые довольно важные выводы. Если трупы предавались сожженію, то, очевидно, таковъ былъ вообще обычай людей, обитавшихъ здѣсь въ неолитическій вѣкъ. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что семиты всегда придерживались обычая предавать тѣло покойника землѣ. Библія

[1]) То же имя хару—въ формѣ „харри"—открыто недавно на одной надписи въ Богхазкеѣ, въ Малой Азіи; нѣкоторые изслѣдователи высказываются въ томъ смыслѣ, что эти „харри"—библейскіе хориты. Мы полагаемъ, однако, что тамъ имѣется въ виду не-семитическій, арійскій народъ, отожествлять который съ хоритами нѣтъ никакого основанія.

тоже знаетъ лишь эту форму погребенія: всякая другая представлялась надругательствомъ надъ умершимъ. Въ частности, обычай сжигать трупы совершенно чуждъ семиту съ его своеобразными взглядами на смерть и душу, и представляется ему величайшимъ кощунствомъ [1]). Поэтому мы полагаемъ, что древніе жители Гезера не были семитами. Они, повидимому, принадлежали къ племени, которое не заботилось о сохраненіи труповъ, а можетъ быть даже прямо стремилось къ ихъ уничтоженію; это могла быть какая-либо вѣтвь индо-германской (арійской) расы, такъ какъ обычай индо-германскихъ племенъ оставлять трупы безъ призора или сжигать ихъ можетъ считаться установленнымъ.

Есть еще одно обстоятельство, служащее опорой для нашего предположенія относительно не-семитическаго характера населенія въ древнѣйшей Палестинѣ. Какъ уже упомянуто выше, люди, скелеты которыхъ найдены въ пещерѣ въ Гезерѣ, были небольшого роста, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Палестины,—какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ найденные тамъ скелеты взрослыхъ людей,—жители отличались высокимъ ростомъ. Надо поэтому предположить, что въ періодъ, по крайней мѣрѣ, около 3500—3000 гг. до хр. эры въ Гезерѣ жило не-семитическое населеніе, впослѣдствіи уступившее мѣсто семитическому. Вполнѣ возможно, что не-семитическіе элементы встрѣчались въ Палестинѣ не только въ Гезерѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ; нѣкоторые ученые предполагаютъ, что такихъ элементовъ было даже очень много въ древнѣйшемъ населеніи Ханаана: въ самыя раннія времена это могли быть хетиты или люди индо-германской расы.

Такимъ образомъ, раскопки дали возможность обнаружить кое-гдѣ слѣды не-семитическаго населенія Ханаана. Остается еще разсмотрѣть вопросъ о такъ назыв. мегалитическихъ памятникахъ Палестины и попытаться еще и этимъ путемъ выяснить составъ древнѣйшаго населенія страны. Къ этой группѣ памятниковъ принадлежатъ дольмены, менгиры и кромлехи. Дольменами называются каменные склепы, призванные служить обиталищемъ для мертвыхъ; они сложены изъ массивныхъ неотесанныхъ глыбъ или плитъ. Раньше полагали, что дольмены ничто иное, какъ алтари или маленькія капища, но нынѣ изслѣдователи пришли къ выводу, что они служили, главнымъ образомъ, гробницами; при этомъ возможно, конечно, что здѣсь совершались и нѣкоторые религіозные обряды, какъ, напр., приношеніе даровъ покойникамъ. Такихъ дольменовъ очень много въ Заіорданьѣ; въ западной Палестинѣ они встрѣчаются рѣже [2]). На ряду съ ними, хотя и въ меньшемъ количествѣ, встрѣчаются менгиры и кром-

[1]) Единственный въ Библіи примѣръ сожженія трупа, за которымъ, однако, скоро послѣдовало погребеніе (пепла?), имѣется въ разсказѣ о Саулѣ (I Сам. 31, 12), но отсутствіе этого эпизода въ параллельной версіи Хроникъ (I, 10, 12) даетъ основаніе сомнѣваться въ точности текста. Что касается упоминаемаго Амосомъ (6, 10) сожженія, то указаніе это не ясно и вообще предполагаетъ какія-то исключительныя условія, вызванныя чумой.

[2]) Число дольменовъ и вообще мегалитическихъ сооруженій, находимыхъ и въ западной Палестинѣ, съ каждымъ годомъ, однако, возрастаетъ; о цѣломъ рядѣ ихъ сообщаетъ, напр., Zeitschr. d. Deutschen Palästina-Vereins, 1914, вып. I, стр. 20—44.

лехи. Менгиры представляютъ собою монолитическіе каменные столбы, напоминающіе столь часто упоминаемыя въ Библіи „массебы“ (מצבות), но грубѣе обтесанные, а иногда и совсѣмъ не обтесанные; они попадаются чаще всего одиноко стоящими. Что касается кромлеховъ, то это кругообразныя группы каменныхъ необтесанныхъ глыбъ, родъ каменныхъ оградъ, внутри которыхъ еще и въ настоящее время часто хоронятъ умершихъ; возможно, что этотъ обычай погребенія беретъ свое начало въ глубокой древности. Многія мѣста Библіи наводятъ, однако, на мысль, что кромлехи служили скорѣе цѣлямъ культа: весьма возможно, что подъ словомъ гилгалъ, обозначающимъ кругъ, слѣдуетъ подразумѣвать мегалитическій памятникъ описаннаго рода. Подъ тѣмъ же именемъ „гилгалъ“ фигурируетъ въ Библіи цѣлый рядъ священныхъ мѣстностей, почитавшихся еще ханаанеянами и перешедшихъ впослѣдствіи къ израильтянамъ: они считались предуказанными самимъ божествомъ для религіознаго культа. Надо думать, что религіознымъ цѣлямъ служили также и менгиры; въ пользу этого предположенія говоритъ уже самый фактъ ихъ сходства съ ханаанейскими „массебами“. Мы знаемъ и изъ древнѣйшей исторіи другихъ странъ много фактовъ, подтверждающихъ религіозный, точнѣе, культовый характеръ этихъ монолитическихъ памятниковъ.

Въ тѣсной связи съ описанными памятниками находятся и другія мегалитическія сооруженія—такъ называемыя „ортостатическія“ дороги и циклопическія стѣны. Первыя представляютъ собой ряды массивныхъ глыбъ, отстоящихъ другъ отъ друга приблизительно на семь-восемь метровъ; глыбы острыми концами врыты въ землю и имѣютъ около метра въ вышину [1]). Въ древнія времена къ нимъ пристраивались такъ назыв. циклопическія стѣны; такія стѣны также встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже въ глубокой древности жили люди, и существовала первобытная культура: на Заіорданскомъ плоскогорьѣ и въ области Кармеля (см. вкладной листъ II).

Что касается эпохи, въ которую возникли эти мегалитическіе памятники, то она должна быть отнесена къ неолитическому періоду, такъ какъ мы находимъ эти дороги, стѣны и группы дольменовъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ, повидимому, лишь въ этотъ періодъ появляются первые признаки человѣка (на Изреэльской равнинѣ и въ окрестностяхъ Генисаретскаго озера), и въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, были центрами древнѣйшаго поселенія и культуры. Еще одно соображеніе заставляетъ думать, что мегалитическіе памятники появились лишь въ неолитическій періодъ, а именно то, что дольмены вообще соотвѣтствуютъ духу той отдаленной эпохи. Мы уже говорили, что они представляютъ собою гробницы, высѣченныя въ скалѣ; тотъ фактъ, что люди устраивали такія гробницы вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Въ позднѣйшее время израильтяне называли эти дороги „царскими“ (Числа 20, 17; 21, 22). Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ значительно древнѣе періода израильскихъ царей, то возможно, что названіе это сохранило преданіе объ ихъ возникновеніи въ до-израильскую эпоху, въ періодъ господства какой-либо могущественной династіи, покрывшей страну сѣтью благоустроенныхъ дорогъ.

попросту выдалбливать въ скалахъ углубленія и опускать туда трупы, доказываетъ, что они имѣли представленіе о загробной жизни и пытались создать для умершаго обстановку, подобную той, въ которой онъ находился при жизни; а если это такъ, то, судя по формѣ гробницъ, ихъ могли строить лишь люди, жившіе сами въ пещерахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти люди не сжигали труповъ, а заботились объ ихъ сохраненіи, помѣщая ихъ въ закрытыхъ гробницахъ, ибо вѣрили въ безсмертіе души и думали, что жизнь человѣка за гробомъ должна быть и по внѣшней обстановкѣ продолженіемъ земной. Такъ какъ, въ общемъ, можно считать установленнымъ, что въ неолитическій періодъ жители Палестины ютились въ пещерахъ, то естественно предположить, что мегалитическіе памятники относятся именно къ неолитическому періоду. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, на ряду съ мегалитическими памятниками, обнаружены были при раскопкахъ кремневыя орудія, безусловно, относящіяся къ тому же періоду.

Отсюда можно прямо перейти къ вопросу о томъ, къ какой расѣ принадлежали племена, оставившія послѣ себя эти каменныя сооруженія. Мегалитическіе памятники—дольмены, кромлехи и менгиры—встрѣчаются не только въ Палестинѣ: они обнаружены были въ приморскихъ частяхъ южной Индіи и сѣверной Африки, а также въ южной Италіи, на островахъ Средиземнаго моря, на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи и Великобританіи, вплоть до побережья Нѣмецкаго моря и береговъ Скандинавіи. Вездѣ они являются слѣдами неолитической культуры. Между тѣмъ Индія, за исключеніемъ южной своей части, Германія, Скандинавія, Великобританія и Франція являются центрами индо-германской группы народовъ. Мы знаемъ далѣе, что индо-германскія племена прошли во время своихъ переселеній весь великій путь отъ береговъ Ганга и Инда до западныхъ границъ Европы, и хотя намъ неизвѣстно, въ какомъ направленіи двигались они,—отъ Индіи ли къ западу, или отъ сѣверо-германской равнины къ востоку,—во всякомъ случаѣ установлено и подтверждено раскопками въ Богхацкеѣ, что около середины второго тысячелѣтія въ Малой Азіи жили племена индо-германскаго происхожденія. Великое переселеніе народовъ коснулось, несомнѣнно, и Палестины и сѣверной Африки, и въ этихъ странахъ осѣли на нѣкоторое время тѣ или иныя индо-германскія племена.

Резюмируя все сказанное выше, мы можемъ констатировать, что во второй половинѣ неолитическаго періода, т.-е. около середины третьяго тысячелѣтія до хр. эры, въ Палестинѣ жилъ народъ, или группа народовъ, не-семитическаго происхожденія: это были, повидимому, люди индо-германской расы, оставившіе, въ видѣ монументальныхъ памятниковъ своей культуры мегалитическія сооруженія.

Само собою напрашивается сопоставленіе между этими не-семитическими племенами третьяго тысячелѣтія и тѣми обитателями Гезера, о которыхъ шла рѣчь выше, и въ которыхъ мы также должны были предположить арійцевъ. Правда, первые сжигали трупы, тогда какъ послѣдніе хоронили ихъ въ тщательно отдѣланныхъ каменныхъ гробницахъ,

и такое различное отношеніе къ покойникамъ, на первый взглядъ, является какъ бы показателемъ того, что взгляды тѣхъ и другихъ на состояніе души послѣ смерти сильно между собой отличались. Но изъ одного этого факта еще не слѣдуетъ дѣлать вывода, что люди эти должны были непремѣнно принадлежать къ различнымъ этническимъ группамъ: различіе въ воззрѣніяхъ достаточно объясняется различіемъ историческихъ эпохъ. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно того, какой изъ этихъ обычаевъ является болѣе древнимъ: культъ мертвыхъ всегда свидѣтельствуетъ о болѣе высокомъ уровнѣ развитія, и весьма возможно, что тѣ же арійскія племена, которыя предавали трупы сожженію въ четвертомъ тысячелѣтіи, хоронили ихъ въ пещерахъ — въ третьемъ. Какъ бы то ни было, основнымъ результатомъ, къ которому мы пришли, надо признать то, что задолго до начала исторической жизни въ Палестинѣ обитали, быть можетъ, въ разныхъ областяхъ ея, племена какъ семитическаго, такъ и арійскаго происхожденія,—фактъ, имѣющій большое значеніе для пониманія древнѣйшей культуры Ханаана.

2. Заселеніе Палестины семитами. Начало аморейскаго господства въ Сиріи.

Семитами—именемъ, заимствованнымъ изъ библейскихъ этнографическихъ таблицъ—мы называемъ, въ отличіе отъ индо-германцевъ и африканскихъ хамитовъ, тѣ народности, которыя заняли господствующее положеніе въ Передней Азіи къ югу отъ Тавра и Средиземнаго моря, вплоть до области Тигра и Евфрата. Семиты отличаются отъ представителей другихъ этническихъ группъ своимъ внѣшнимъ видомъ, языкомъ и образомъ жизни. Откуда они явились впервые, мы не знаемъ; несомнѣнно лишь то, что въ разсматриваемую нами эпоху ихъ родиной былъ Аравійскій полуостровъ, и отсюда они мало-по-малу проникали въ области, лежащія къ сѣверу отъ Аравіи.

Такъ какъ въ Египтѣ уже въ древнѣйшее время семитическое вліяніе было очень сильно,—о чемъ свидѣтельствуетъ языкъ страны,—то надо полагать, что и находящійся по сосѣдству съ Египтомъ Синайскій полуостровъ такъ же, какъ и южныя области Палестины, были съ давнихъ поръ заселены семитическими племенами. Египетскіе источники косвенно подтверждаютъ это предположеніе, такъ какъ уже при первыхъ династіяхъ фараоновъ, т.-е. въ четвертомъ и даже пятомъ тысячелѣтіяхъ, въ составъ египетскаго государства, помимо области Нила, входили также Синайскій полуостровъ, Палестина и часть Сиріи. Правда, съ несомнѣнностью мы можемъ утверждать это лишь относительно конца четвертаго тысячелѣтія, но имѣющіяся у насъ данныя позволяютъ предполагать, что и въ болѣе раннюю эпоху власть Египта простиралась далеко за предѣлами Нильской долины.

Начало господства фараоновъ въ Ханаанѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ относится къ эпохѣ первой и второй династій—такъ назыв. тинитской—т.-е. около 3400 г. до хр. эры. На одномъ изъ древнѣй-

шихъ египетскихъ памятниковъ, сохранившихся на Синайскомъ полуостровѣ, въ Вади-Магхарѣ, изображенъ Семерхетъ, фараонъ первой династіи, убивающій огромной дубиной какого-то азіата. Вѣроятно, уже задолго до того египетскіе властители наложили свою руку на мѣдныя копи и бирюзовыя розсыпи Синайскаго полуострова. Путешественники, посѣщающіе Вади-Магхару, еще и понынѣ находятъ тамъ много первобытныхъ каменныхъ заступовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что уже въ древнѣйшія времена люди занимались здѣсь добываніемъ металловъ. Надо полагать, что не разъ при этомъ между отдѣльными племенами возникала борьба изъ-за драгоцѣнной добычи, и на упомянутомъ нами памятникѣ, очевидно, изображается одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. Судя по одеждѣ и бородѣ, изображенный здѣсь азіатъ—семитическаго происхожденія: это могъ быть житель Синайскаго полуострова или юго-восточной Палестины. Такое же изображеніе фараона Узафаиса (первой династіи), поражающаго азіата, сохранилось на дощечкѣ изъ слоновой кости, найденной въ его гробницѣ (см. вкладной листъ III).

Къ этой же эпохѣ относится изображеніе азіатскаго плѣнника на дощечкѣ изъ слоновой кости, найденной въ гробницѣ царя Сена. У плѣнника руки связаны назади; изогнутый, сильно выдающійся впередъ носъ, толстыя губы, густая растительность на щекахъ, клинообразная спускающаяся на грудь борода, гладко выбритая верхняя губа и доходящій до колѣнъ, обвитый вокругъ бедеръ, платокъ,—все это, несомнѣнно, обличаетъ въ немъ семита. Тотъ же типъ встрѣчаемъ мы и на памятникахъ временъ царя Неусерре (пятая династія, около 2650 г.): фараонъ изображенъ здѣсь въ видѣ льва, своею лапой повергшаго наземь азіата, изогнутый носъ, клинообразная борода и одежда котораго явно свидѣтельствуютъ о его семитическомъ происхожденіи. Особенно характерны типы семитовъ-бедуиновъ (извѣстныхъ подъ названіемъ „аму пустыни") на извѣстномъ изображеніи въ Бени-Гассанѣ, относящемся къ эпохѣ Сезостриса II (около 1900 г. до хр. эры), которые занимались ввозомъ различныхъ товаровъ въ Египетъ. Всѣ эти бедуины тоже безусы и носятъ клинообразныя, спускающіяся на грудь бороды. Волосы у мужчинъ подстрижены и густо спадаютъ на затылокъ.

Если, такимъ образомъ, внѣшній обликъ пришельцевъ съ Синайскаго полуострова, изъ Палестины и Сиріи, изображенныхъ на египетскихъ памятникахъ конца второго и начала третьяго тысячелѣтія, подтверждаетъ наше предположеніе о существовавшихъ уже въ глубокой древности отношеніяхъ между Египтомъ и вышеназванными областями, то сохранившіяся надписи окончательно установили это, какъ несомнѣнный историческій фактъ. Фараонъ Снофру (четвертой династіи, около 2930 г.) велѣлъ поставить на Синайскомъ полуостровѣ камень съ надписью въ память одержанной имъ тамъ побѣды; онъ же посылалъ въ Сирію корабли за ливанскими кедрами для построекъ. Древней гаванью Египта былъ Библосъ, уже тогда носившій семитическое имя Гебалъ (гора). Еще ярче отразились тогдашнія отношенія въ барельефахъ эпохи пятой династіи. Самый древній изъ нихъ—стѣнной барельефъ въ Дешаше, изображающій покореніе города Нетія. Дополненіемъ къ нему является барельефъ на стѣнѣ

надгробнаго храма Сахуре (около 2740 г.). Судя по этимъ изображеніямъ, фараоны предпринимали экспедиціи въ сосѣднія страны не столько ради упроченія торговыхъ сношеній, сколько съ цѣлью завоевать новыя земли. Изображенные на первомъ барельефѣ азіаты, защищающіе городъ Нетію, вооружены дубинами, въ то время какъ оружіемъ египтянъ служатъ луки, а въ рукопашной борьбѣ—сѣкиры. Городъ огражденъ валомъ съ башнями. Осаждающіе пытаются проникнуть туда при помощи лѣстницъ и огромныхъ шестовъ. И въ типѣ, и въ одеждѣ осажденные обнаруживаютъ всѣ указанные выше характерные признаки семитической расы. На второмъ барельефѣ изображенъ побѣдоносный египетскій флотъ, возвращающійся изъ Ливанской области; рядомъ съ египтянами въ лодкахъ стоятъ азіатскіе плѣнники чисто семитическаго типа—съ прикрытыми бедрами, съ длинными бородами и съ густо-спадающими на затылокъ волосами.

Сохранился еще одинъ такой барельефъ, относящійся къ эпохѣ упадка Древняго Царства при Пепи I (2550 г.). Этотъ фараонъ болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, устремлялъ взоры на сосѣднія съ Египтомъ земли. Онъ совершилъ пять походовъ, чтобы охранить свои рудники на Синайскомъ полуостровѣ и разбить бедуиновъ; главной же цѣлью его при этомъ было укрѣпленіе своей власти въ Палестинѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ предпринялъ и шестой походъ, двинувъ сухопутныя войска и флотъ къ самому палестинскому побережью. Судя по лѣтописямъ, повѣствующимъ объ этихъ событіяхъ, положеніе представлялось крайне серьезнымъ. Пепи I счелъ нужнымъ послать въ Палестину огромную армію, такъ какъ „пахотная земля опустошена, укрѣпленія разрушены, фиговыя деревья и виноградники срѣзаны, жилища сожжены". Мы видимъ, такимъ образомъ, что египтяне ведутъ борьбу не только съ бедуинами—жителями Синайскаго полуострова: гораздо больше стремятся они къ завоеванію культурной Палестины; послѣдній походъ Пепи I прямо направленъ противъ „варваровъ изъ Страны Газельяго Носа" (подъ этимъ именемъ подразумѣваются, несомнѣнно, Кармель и область, лежащая у его подножія) и, посланные имъ корабли пристали „къ краю горной цѣпи, къ сѣверу отъ жителей пустыни". Повидимому, мѣстомъ высадки служила Яффа или Хайфа, а полемъ битвы—средняя Палестина, т.-е. горы Эфраима и Іуды или сосѣднія равнины. Можно, слѣдовательно, утверждать, что уже въ очень отдаленную эпоху, въ серединѣ третьяго тысячелѣтія, фараоны, желая сохранить за собою доступъ къ богатымъ Синайскимъ рудникамъ и къ кедровымъ лѣсамъ Ливана, пытались обратить Палестину и финикійское побережье въ египетскую провинцію.

Тотъ фактъ, что азіатскіе враги египтянъ фигурируютъ въ ихъ памятникахъ подъ общимъ названіемъ „аму", обычнымъ обозначеніемъ для бедуиновъ, подтверждаетъ наше предположеніе о принадлежности ихъ къ семитической расѣ, и, резюмируя все вышесказанное, можно считать твердо установленнымъ, что на Синайскомъ полуостровѣ и въ прилегающихъ къ нему областяхъ южной и средней Сиріи уже въ древнѣйшую эпоху—отъ средины четвертаго тысячелѣтія до конца третьяго,

1.

3.

5.

Древнѣйшіе слѣды владычества Египта надъ

1. Царь Узафаисъ (пятый фараонъ I-ой династіи, ок. 3400 г.), **поражающій семита на Синайскомъ полуостровѣ скомъ полуостровѣ** (по рельефному изображенію на скалѣ въ Вади Магхара). **3. Голова азіата подъ лапою льва, со связанными назади руками** (изображеніе на табличкѣ изъ слоновой кости, найденное въ гробницѣ I-ой дин**а**

съ Ливана

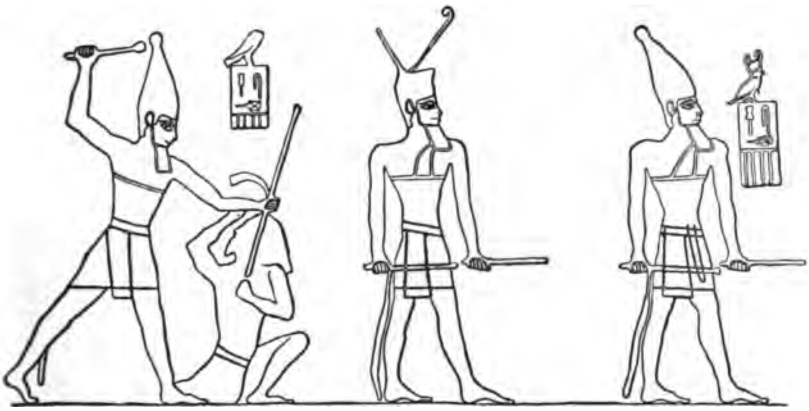
„ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА".

6.

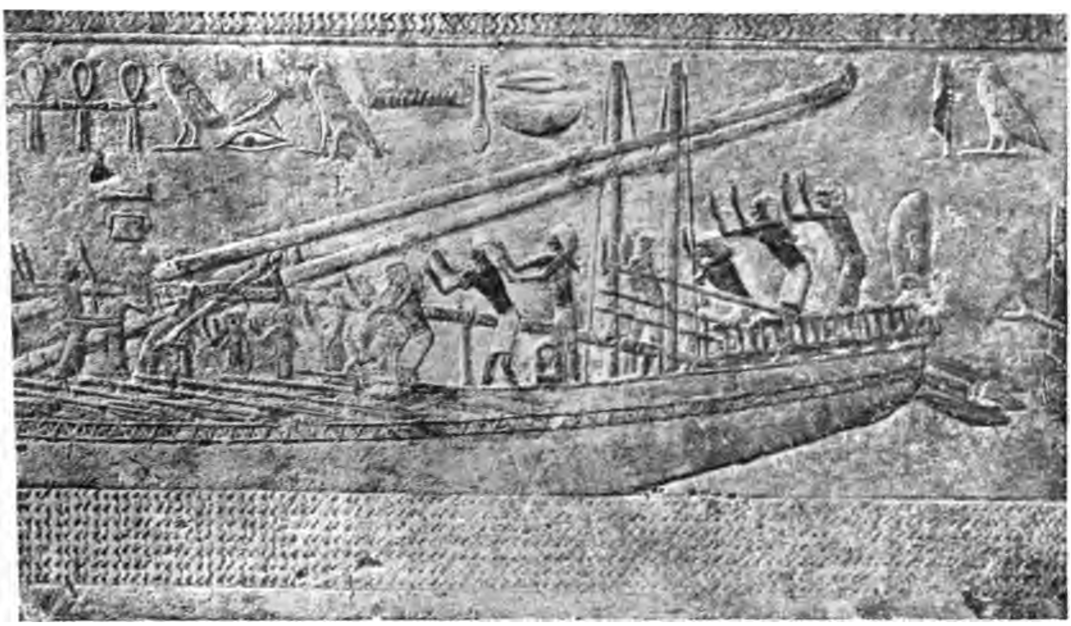
[illegible] ... 2 Царь [illegible] ... фаянсу [illegible] ... надъ [illegible] ... городъ Нетио [illegible]). 6 Египет [illegible]

2.

4.

6.

Сирiей въ египетскихъ памятникахъ.

(зображенiе на табличкѣ изъ слоновой кости). 2. Царь Семерхетъ (I-ой дин.), поражающiй бедуина на Синай- изображающаго фараона Неусерре (5-ая дин. ок. 2650 г.) въ видѣ „царскаго сфинкса". 4. Плѣнный азiатъ стiи). 5. Египтяне штурмуютъ азiатскiй городъ Нетiю (при Сахурэ). 6. Египетскiй корабль, возвращающiйся (той же эпохи).

Изд. Т-ва „МIРЪ".

т.-е. до 2000-го года—постоянно жили семиты. Если сопоставить это обстоятельство съ нашимъ прежнимъ утвержденіемъ, что въ Палестинѣ и Сиріи имѣлось въ ту же эпоху довольно значительное не-семитическое населеніе, то возникаетъ вопросъ о соотношеніи этихъ двухъ этническихъ группъ. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія даютъ возможность установить фактъ одновременнаго сожительства обѣихъ группъ на одной территоріи, будь то въ теченіе всего этого періода или лишь въ отдѣльныя его эпохи.

Господствовавшее раньше мнѣніе, будто въ древнѣйшія времена населеніе страны составляли исключительно семиты, приходится, такимъ образомъ, признать неправильнымъ. Противъ него говорятъ и самыя названія различныхъ мѣстностей страны. Большинство ихъ, конечно, семитическаго происхожденія, но довольно значительно число и не-семитическихъ названій, напр., Ярденъ [1]), Яббокъ, Башанъ, Гильбоа, Іебусъ, Лахишъ, Салха, Циклагъ, Гинномъ, Шаальбимъ. Помимо этого, немало имѣется названій, происхожденіе которыхъ остается для насъ загадкой; весьма возможно, что и они представляютъ собою лишь семитизированныя слова чужого языка, искусственно, въ силу одного лишь созвучія, уподобленныя сходнымъ еврейскимъ словамъ: таковы, напр., названія Іерусалимъ, Мегиддо, Эльтеке.

Такимъ образомъ, все говоритъ за то, что въ древнѣйшія времена въ Палестинѣ имѣлось, на ряду съ семитическимъ, и индо-германское населеніе, и возникаетъ вопросъ о формѣ ихъ сожительства. Мы полагаемъ, что индо-германскія племена жили въ однѣхъ областяхъ, а семитическія въ другихъ, и такъ какъ центромъ семитическаго населенія былъ Аравійскій полуостровъ, а хетиты и арійцы занимали передне-азіатскія и сѣверно-европейскія земли, то можно предположить, что семиты древней Палестины вторглись въ страну съ юга, а не-семиты—съ сѣвера.

При такомъ близкомъ сосѣдствѣ двухъ этническихъ группъ неизбѣжно должно было наступить смѣшеніе расъ. И дѣйствительно, уже давно замѣчено, что современные евреи, такъ же, какъ и древніе израильтяне, изображенія которыхъ мы встрѣчаемъ на египетскихъ памятникахъ, замѣтно отличаются по типу отъ арабовъ и вавилонянъ, представляющихъ собою чистый семитическій типъ. Это различие не можетъ быть объяснено разницей эпохъ, такъ какъ внутри замкнутой этнической группы расовый типъ, какъ извѣстно, обладаетъ значительной устойчивостью. Такъ, напримѣръ, новѣйшія изслѣдованія показали, что современные жители Малой Азіи и армяне очень близко стоятъ по типу къ древнимъ хетитамъ, изображеннымъ на египетскихъ памятникахъ, и слѣдовательно, хетитско-малоазіатскій типъ сохранился понынѣ. Приходится поэтому предположить, что и древніе израильтяне, и современные евреи являются потомками смѣшаннаго семитическаго и малоазіатско-арійскаго населенія, и такъ какъ уже въ третьемъ тысячелѣтіи въ Палестинѣ жили рядомъ и семиты, и арійцы, то, по всей вѣроят-

---

[1]) Названіе это мы встрѣчаемъ также на островѣ Критѣ и въ Элидѣ; такое же имя носилъ одинъ лидійскій герой.

ности, смѣшанный типъ, о которомъ идетъ рѣчь, возникъ уже въ эту древнѣйшую эпоху (см. вкл. листы IV и V).

Тѣсная связь между Палестиной и великими центрами государственности и культуры, расположенными на берегахъ Тигра и Евфрата, установилась еще съ древнѣйшихъ временъ; естественно поэтому, что, параллельно съ заселеніемъ Палестины семитами, шло усиленіе семитическихъ элементовъ въ областяхъ будущей Ассиріи и Вавилоніи. Далекое прошлое Междурѣчья (Месопотаміи) покрыто густымъ мракомъ, и мы не могли бы даже сказать, въ какой именно моментъ эта страна начала жить исторической жизнью. Извѣстно лишь, что низменность, орошаемая Тигромъ и Евфратомъ, дѣлилась въ древности на двѣ части: сѣверная часть носила названіе Аккадъ, южная—Сумеръ. Южная часть была, повидимому, родиной изобрѣтателей клинообразнаго письма, принадлежавшихъ къ не-семитической расѣ. Здѣсь сравнительно поздно сохранился древнѣйшій языкъ; между тѣмъ надписи Аккада уже въ болѣе раннюю эпоху составлены на семитическомъ нарѣчіи. Повидимому, первые пришельцы-семиты, явившіеся изъ Аравіи, заняли сѣверную часть страны.

Въ политическомъ отношеніи Сумеръ и Аккадъ распадались въ древнѣйшую эпоху на рядъ самостоятельныхъ городскихъ монархій. Настоящимъ владыкой такого государства считался богъ, которому принадлежало главное святилище данной мѣстности; его намѣстникомъ былъ царь, носившій имя „патеси". Вотъ перечень замѣчательнѣйшихъ городовъ, центровъ древнѣйшаго культа: Эриду въ честь бога Эа, Уръ въ честь Нанара, или Сина, Ларса въ честь Шамаша, Урукъ въ честь Иннины, или Иштаръ, Ниппуръ въ честь Энлила или Бела и др. О древнѣйшей исторіи этихъ городовъ и ихъ окрестностей мы почти ничего не знаемъ. Исключеніе составляетъ городъ Лагашъ (нынѣ Телло) въ Сумерѣ. О немъ разсказывается, что онъ былъ завоеванъ царемъ (патеси) города Гисху, по имени Лугальцаггизи. Овладѣвъ этой сильной крѣпостью, царь подчинилъ себѣ всю сумерійскую область. Отсюда онъ двинулся дальше, покорилъ Шинеаръ (Сеннааръ, область будущей Вавилоніи), и такимъ образомъ завоевалъ всю страну вплоть до побережья Средиземнаго моря. Онъ похвалялся тѣмъ, что Энлилъ (Белъ) „подчинилъ его власти страны", что онъ завоевалъ земли „отъ восхода до заката", и что Энлилъ „уравнялъ передъ нимъ пути отъ нижняго моря.... до верхняго".

Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ скорѣе о сѣверной Сиріи, чѣмъ о Палестинѣ. Во всякомъ случаѣ, тутъ передъ нами первое извѣстіе о вторженіи вавилонскихъ войскъ въ Сирію и къ побережью Средиземнаго моря. Мы видимъ, что задолго до того, какъ семиты всецѣло подчинили своей власти Аккадъ, еще въ эпоху древнихъ сумерійцевъ, владыки береговъ Тигра и Евфрата уже мечтали о томъ, чтобы завладѣть склонами Ливана и проложить себѣ путь къ западному морю.

Мы уже говорили выше, что въ Месопотаміи семитическое населеніе водворилось уже въ самыя отдаленныя времена. Семиты жили преимущественно въ области Аккадъ, болотистой низменности, омываемой

Евфратомъ. Главные боги семитовъ—солнечный богъ Шамашъ изъ Сиппары, Иштаръ изъ Аккада, лунный богъ Синъ, а также богъ-оракулъ Нэбо (Набу) и мѣстное вавилонское божество Мардукъ. Полныя мясистыя губы, крупный загнутый носъ, длинные курчавые волосы и тщательно расчесанная борода, короткое, широкими складками ниспадающее съ плечъ платье, перехваченное поясомъ, и длинный шерстяной платокъ, обернутый вокругъ стана и оставляющій свободнымъ правое плечо,— вотъ характерныя черты семита-аккадійца, отличающія его отъ сумерійца съ его острымъ, узкимъ, прямымъ носомъ и тонкими губами, съ гладко выбритымъ лицомъ и голымъ черепомъ, въ косматой шерстяной одеждѣ, прикрывающей лишь нижнюю часть тѣла отъ пояса и ноги.

Кромѣ страны Аккадъ, семиты жили и въ собственной Месопотаміи, преимущественно въ сѣверо-западныхъ, менѣе пустынныхъ областяхъ ея. Къ нимъ принадлежатъ и ассирійцы съ ихъ городомъ Ашуромъ, расположеннымъ по среднему теченію Тигра. Месопотамія была центромъ, изъ котораго семиты двинулись въ разныя стороны—на востокъ, на западъ и на сѣверо-западъ. Даже сумерійское владычество не послужило препятствіемъ этому движенію. Въ Харранѣ (библ. חרן Каррхе) находилось древнее святилище, посвященное лунному богу, Сину. Отъ Харрана шли дороги—въ сѣверную Сирію, въ Ассирію и Вавилонію: обладаніе Харраномъ обезпечивало такимъ образомъ семитамъ доступъ къ западному морю.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что семиты уже ранѣе середины третьяго тысячелѣтія до хр. эры пользовались большимъ вліяніемъ въ Палестинѣ, въ странѣ Междурѣчья и въ сосѣднихъ областяхъ, вплоть до сѣверной Сиріи. Но чисто семитической страной Палестина становится лишь начиная съ 2500 г. Къ этому времени относится событіе, имѣвшее огромное значеніе въ исторіи Палестины и сосѣднихъ областей, въ особенности Ассиріи и Вавилоніи. Событіе это—вторженіе амореянъ.

Амореяне—семитическое племя, покинувшее родныя сирійско-аравійскія степи и перекочевавшее въ область Тигра и Евфрата, въ Сирію и Палестину. Главнымъ средоточіемъ амореянъ въ теченіе долгаго времени была Палестина; они жили, преимущественно, въ Ливанскихъ горахъ, но имѣлись аморейскія поселенія и въ сѣверной и средней Палестинѣ. Амореяне лишь по имени отличаются отъ тѣхъ племенъ, которыя извѣстны намъ изъ Библіи и изъ нѣкоторыхъ древнихъ надписей подъ именемъ х а н а а н е я н ъ; но, въ качествѣ западныхъ семитовъ (т.-е. тѣхъ семитовъ, центромъ поселенія которыхъ служили Палестина и Сирія), они глубоко отличаются отъ вышедшихъ изъ Аравіи восточныхъ семитовъ, осѣвшихъ въ Аккадѣ, а также отъ пришедшихъ вслѣдъ за ними арамеянъ и, наконецъ, отъ послѣднихъ выходцевъ изъ Аравіи—арабовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что вторженіе амореянъ въ Сирію въ серединѣ третьяго тысячелѣтія является результатомъ великаго передвиженія народовъ изъ Аравіи на сѣверъ и сѣверо-западъ. Сами амореяне во время своего вторженія въ Сирію представляли собой племя

бедуиновъ, и тѣ изъ нихъ, которые остались въ сирійско-аравійскихъ степяхъ, еще долго вели кочевой образъ жизни. Но, подобно всѣмъ бедуинскимъ ордамъ, они издавна обнаруживали тяготѣніе къ завоеванію культурныхъ странъ.

Для насъ вопросъ объ амореянахъ потому имѣетъ особенное значеніе, что, какъ мы полагаемъ, та же семитическая волна, хлынувшая изъ Аравіи, которою были занесены въ Сирію амореяне, принесла съ собою не только родственныхъ имъ ханаанеянъ и финикіянъ, не только моабитянъ, аммонитянъ и эдомитянъ, но и тѣ этническіе элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи сложился еврейскій народъ. Позднѣйшее рѣзкое различіе между амореянами или ханаанеянами, съ одной стороны, и вытѣснившими ихъ эберитами—съ другой, имѣетъ свои историческія причины, и не должно заслонять отъ насъ тотъ фактъ, что всѣ эти народности принадлежали къ одной большой группѣ племенъ.

Первое столкновеніе аравійскихъ выходцевъ-амореянъ съ туземнымъ населеніемъ произошло, вѣроятно, при семитическомъ царѣ Аккада, Саргонѣ. Укрѣпившись въ своемъ городѣ Аккадѣ (Агаде), Саргонъ совершилъ рядъ набѣговъ на область Сумеръ и подчинилъ ее своей власти. Затѣмъ онъ распространилъ свое господство на Эламъ, Ассирію и Месопотамію, и послѣ этихъ подготовительныхъ походовъ онъ могъ предпринять рѣшительный шагъ: переплывъ съ войсками восточную часть Средиземнаго моря, онъ покорилъ все западное побережье и воздвигъ тамъ колонны со своимъ изображеніемъ. О немъ же разсказывается, что онъ „дошелъ до области Амурру и покорилъ всѣ четыре страны свѣта“.

Таблицы Саргона, въ которыхъ неоднократно повторяется это извѣстіе, ничего не говорятъ о томъ, въ какой именно изъ четырехъ странъ свѣта находилась земля Амурру, т.-е. область амореянъ. Но имѣющіяся у насъ данныя объ амореянахъ, а кромѣ того и указанное въ лѣтописи Саргона направленіе самыхъ дальнихъ его походовъ, стяжавшихъ ему славу „властителя четырехъ странъ свѣта“, даютъ намъ полную возможность опредѣлить мѣстонахожденіе страны Амурру. Подъ этимъ именемъ, несомнѣнно, фигурируетъ въ лѣтописи область Ливана и побережье Средиземнаго моря, попутно завоеванныя Саргономъ въ томъ изъ его походовъ, когда онъ, по словамъ лѣтописца, дошелъ до „крайняго запада“, т.-е., вѣроятно, до Кипра и острововъ Архипелага. Итакъ, если довѣрять этимъ извѣстіямъ, то надо признать, что амореяне осѣли въ Сиріи еще до середины третьяго тысячелѣтія; затѣмъ они подвигались, вѣроятно, все дальше по направленію къ Ассиріи и сѣверной Вавилоніи, пока—при династіи Хаммураби—не захватили въ свои руки Вавилона и не стали тамъ господствующимъ слоемъ населенія.

Насколько крѣпка была установленная Саргономъ связь между Вавилоніей и Палестиной, видно уже изъ того, что одинъ изъ преемниковъ Саргона, царь Гудеа, хвастаетъ тѣмъ, что онъ приказалъ доставить для своего храма ливанскіе кедры изъ Амануса и большія каменныя глыбы изъ горъ Амурру; тутъ же упоминаются и глыбы мрамора, вывезенныя изъ страны Амурру. Но, конечно,

сношенія между странами не ограничивались доставкой строительнаго матеріала. Владыки Вавилоніи, расчистивъ себѣ путь къ Ливану и къ морю, а затѣмъ къ Кипру и, быть можетъ, еще далѣе,—тѣмъ самымъ создали условія для оживленнаго торговаго обмѣна между Вавилоніей и страною, расположенной къ западу отъ нея. Вслѣдъ за завоевателями, какъ это всегда бываетъ, въ страну пришли купцы, ремесленники и колонисты. Вавилонскіе товары и художественныя издѣлія вывозились въ западныя страны, а аморейскіе купцы, ремесленники и земледѣльцы пріѣзжали въ Вавилонію; такимъ образомъ создалось постепенно то положеніе вещей, съ которымъ мы сталкиваемся позже,въ эпоху Хаммураби, какъ съ уже совершившимся фактомъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, вмѣстѣ съ этими пришельцами въ страну проникли и новыя духовныя начала: боги, религіозныя представленія и культурныя пріобрѣтенія. Мы въ дѣйствительности знаемъ, что вавилонскіе миѳы и сказанія мало-по-малу проникли въ западныя страны; начало этого процесса относится, именно, къ описываемой нами эпохѣ, когда проложенъ былъ путь съ востока на западъ. Но такъ какъ твердо установленъ еще и фактъ движенія амореянъ въ Вавилонію, то приходится предположить, что вавилоняне не только оказывали вліяніе на амореянъ, но и сами усваивали многія изъ ихъ представленій. Дѣйствительно, многіе аморейскіе боги—Хададъ, Амуру, Ашратъ, Даганъ—нашли себѣ мѣсто въ вавилонскомъ пантеонѣ.

Мы уже выше говорили, что въ то самое время, когда Саргону пришлось столкнуться съ амореянами, все болѣе укрѣплявшими свое положеніе въ Сиріи, египетскіе фараоны, владыки ветшавшаго Древняго Царства, тоже съ новой силой начали борьбу за господство надъ Палестиной. Пепи I, какъ мы видѣли, предпринялъ пять походовъ съ цѣлью укрѣпленія своей власти на Синайскомъ полуостровѣ, и затѣмъ шестой походъ—въ Палестину, при чемъ дошелъ до области Кармеля. Весьма возможно, что броженіе среди палестинскаго населенія, заставившее египетскаго царя двинуться сюда съ большой арміей для защиты своего престижа, должно быть поставлено въ тѣсную связь съ вторженіемъ амореянъ въ предѣлы Сиріи. По мѣрѣ того, какъ эти кочевники сирійско-аравійскихъ степей все рѣшительнѣе надвигались на пышныя нивы Сиріи и на пограничныя области Месопотаміи, они встрѣчали все болѣе рѣзкій отпоръ. Въ сѣверной и средней Сиріи они столкнулись съ Саргономъ, которому удалось на время удержать ихъ наступательное движеніе; въ южной Сиріи, т.-е. къ югу отъ Кармеля, ихъ останавливаютъ египтяне, которые тоже не хотятъ отказаться безъ борьбы отъ своихъ давнишнихъ притязаній на эти области.

Уже въ описываемую эпоху, несомнѣнно, стало намѣчаться то положеніе вещей, которое мы наблюдаемъ впослѣдствіи въ теченіе многихъ вѣковъ: сѣверныя палестинскія области, а также полоса земли къ сѣверу отъ Палестины, находятся, преимущественно, подъ вліяніемъ Вавилоніи, а южныя, въ особенности области, лежащія къ югу отъ Кармеля—подъ вліяніемъ Египта. Само собой понятно, что политическая и духовная жизнь Палестины подвергалась и другимъ вліяніямъ, шедшимъ съ сѣвера и запада.

Здѣсь необходимо остановиться еще на одномъ явленіи. Мы уже раньше констатировали, что и въ самыя отдаленныя времена бо̀льшая часть Палестины, и въ особенности южная ея половина, населена была семитами, а начиная съ середины третьяго тысячелѣтія можно установить уже, какъ несомнѣнный фактъ, пребываніе семитовъ-амореянъ въ сѣверной Палестинѣ и Сиріи. Казалось бы, что эти двѣ семитическія группы—древнѣйшая и аморейская—могли бы быть поставлены въ тѣсную связь между собою. Однако, такое предположеніе нельзя считать обоснованнымъ, и скорѣе надо думать, что древнѣйшіе семиты, населявшіе Палестину, должны быть разсматриваемы какъ часть до-аморейской, аккадійской волны семитическихъ кочевниковъ, что и хронологически является наиболѣе вѣроятнымъ. Исходя изъ этого, можно, далѣе, предположить, что между древне-семитическимъ, т.-е. до-аморейскимъ населеніемъ южной Сиріи и амореянами, осѣвшими въ сѣверной Сиріи, создался нѣкоторый антагонизмъ, проявлявшійся, вѣроятно, особенно рѣзко въ тѣхъ областяхъ Палестины, гдѣ обѣ группы населенія соприкасались. Мы хорошо знаемъ, какое значеніе имѣла въ позднѣйшей еврейской исторіи рознь между югомъ и сѣверомъ, и мы едва ли ошибемся, утверждая, что антагонизмъ между двумя частями націи возникъ въ ту отдаленную, едва доступную историческому изслѣдованію эпоху, когда въ глубинѣ передней Азіи робко начали пробиваться первые ростки будущей іудейско-израильской народности. Эту вражду вызвало къ жизни столкновеніе двухъ семитическихъ группъ,—древнѣйшей, до-аморейской, и позднѣйшей, аморейской, произошедшее на почвѣ Палестины за 2500 лѣтъ до хр. эры.

Діоритовая статуя, изображающая Гудеа, сумерійскаго царя патеси) города Лагаша.

Колоннада главнаго Карнакскаго храма въ Өивахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія Палестины въ первую половину второго тысячелѣтія.

1. Палестина и Египетъ въ эпоху Средняго Царства.

Очеркъ историческаго развитія Вавилоніи и Египта, при всей ихъ тѣсной связи съ исторіей Израиля, выходитъ, конечно, за предѣлы нашей задачи, но при изученіи древнѣйшей исторіи еврейскаго народа все же необходимо коснуться этихъ двухъ государствъ настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы выяснить, какія отношенія существовали между ними и Палестиной въ эпоху, непосредственно предшествовавшую ея заселенію израильтянами.

Мы видѣли, что въ царствованіе фараона Пепи I Египетъ ожесточенно боролся за обладаніе Палестиной. Неизвѣстно, удалось ли египтянамъ осуществить, наконецъ, свои властолюбивыя мечты; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что они стремились привести Палестину въ вассальную зависимость. Но Древнее Царство постепенно приходило въ упадокъ, мощь его слабѣла, и страна фараоновъ вскорѣ оказалась не въ состояніи дать отпоръ внѣшнимъ врагамъ. Такъ прошла эпоха отъ шестой до десятой династіи (до 2160 г.).

Наступилъ періодъ Средняго Царства, когда политическимъ центромъ страны становится городъ Өивы въ Среднемъ Египтѣ. Цари двѣнадцатой династіи всѣми силами стремятся къ возстановленію былого могущества Египта. Аменемхетъ I (царствовавшій съ 2000 г.) снова по-

сылаетъ войска въ Палестину. О другомъ такомъ походѣ разсказываетъ Сенусертъ, визирь Сезостриса I (1980 г. до хр. эры), но мы въ точности не знаемъ, дошло ли тогда дѣло до войны, а тѣмъ менѣе намъ извѣстно, удалось ли фараонамъ покорить азіатовъ и „жителей песчаныхъ степей".

Можно установить лишь одно: уже въ ту эпоху существовали оживленныя сношенія между египтянами и жителями Передней Азіи, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ разсказъ о Синухе [1]). Онъ относится ко времени царствованія Сезостриса I, сподвижникомъ котораго Синухе былъ еще до его вступленія на престолъ. Синухе сопровождалъ принца въ Ливію и случайно узналъ о смерти фараона Аменемхета I. Сезострисъ поспѣшилъ прибыть въ столицу раньше, чѣмъ войска узнали о смерти царя; онъ хотѣлъ отстранить другихъ сыновей Аменемхета и завладѣть отцовскимъ трономъ. Синухе, боясь, что ему угрожаетъ опасность въ Египтѣ въ случаѣ, если начнутся распри изъ-за престола, предпочелъ при первой же возможности бѣжать въ Азію. Достигнувъ царской стѣны, которая была воздвигнута на востокѣ, чтобы удержать напоръ азіатскихъ бедуиновъ, онъ, скрываясь отъ стражи, перешелъ границу. Вскорѣ онъ добрался до горько-соленаго озера, находящагося вблизи нынѣшняго Суэцкаго перешейка, и попалъ къ племени бедуиновъ, занимавшихся скотоводствомъ; съ вождемъ этого племени онъ уже раньше встрѣчался въ Египтѣ. Синухе былъ радушно принятъ, а затѣмъ бедуины проводили его дальше. „Одна страна передавала меня другой", разсказываетъ онъ. „Я пріѣхалъ въ Библосъ и добрался до Кедема", т.-е. мѣстности, лежащей къ востоку отъ Дамаска. Тамъ онъ оставался полтора года. Амми-Энши, князь области Верхняго Ретену (такъ называлась горная область Палестины), слышавшій отъ египтянъ, находившихся при его дворѣ, много хорошаго о Синухе, уговаривалъ его остаться, говоря: „тебѣ здѣсь хорошо, ты слышишь египетскую рѣчь". Синухе убѣждалъ князя покориться Египту, увѣряя, что фараонъ хорошо обходится съ жителями странъ, выражающихъ ему покорность. Но князь и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ выдалъ свою дочь замужъ за Синухе и подарилъ ему богатую область Яа. „Тамъ росли смоковницы и виноградныя лозы, и вина было больше, нежели воды. Земля эта изобиловала медомъ и елеемъ, и на плодовыхъ деревьяхъ росли всевозможные плоды. Я имѣлъ вареное мясо и жареныхъ гусей, къ тому же и дичь изъ пустыни, которую ловили для меня силками... помимо того, что доставляли мнѣ мои охотничьи собаки". Такимъ образомъ, Синухе занялъ высокое положеніе въ странѣ. „Послы, направлявшіеся (изъ Египта) на сѣверъ или на югъ, останавливались у меня: я всѣмъ давалъ пріютъ... Когда бедуины выступали въ походъ... противъ князей сосѣднихъ странъ, я давалъ послѣднимъ совѣты, какъ сражаться, потому что, по волѣ князя Ретену

[1]) Повѣствованіе о Синухе сохранилось въ болѣе или менѣе полномъ видѣ во многихъ папирусахъ. Оно пользовалось въ Египтѣ большой популярностью, въ особенности въ эпоху Средняго и Новаго царствъ. Кто авторъ этого разсказа, составленнаго, повидимому, въ началѣ XVIII столѣтія до хр. эры, мы не знаемъ. Автобіографическій характеръ повѣствованія представляетъ собою, вѣроятно, лишь поэтическую оболочку.

1.

2.

4.

3.

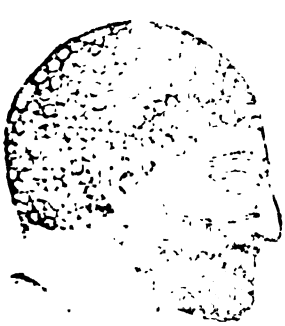

5.

I. Типы народовъ древняго Востока (народы несемитическіе).

1. Египтянинъ (по Бенцингеру). 2. Голова сумерійца. 3. Хетитскій воинъ по рельефному изображенію въ Сендширли (сѣв. Сирія). 4. Голова хетита по рельефному изображенію въ Карнакскомъ храмѣ (Ѳивы). 5. Филистимлянинъ.

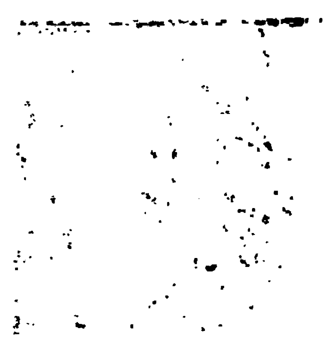

Т[illegible] народовъ древняго Востока (народы сем[illegible])

[illegible] памятниковъ. 2. Аморееяне (по М[illegible]). 3. [illegible] [illegible] царь [illegible] „шасу“, т. е. бедуиновъ, на египетских[illegible] [illegible]

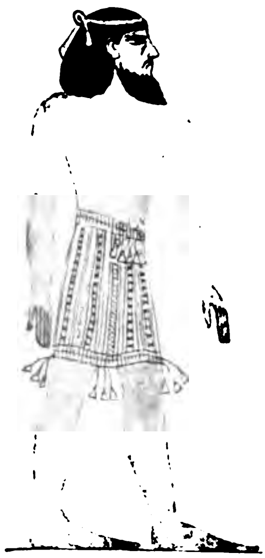
4

5

СТОК [illegible]

[illegible]

1.

2.

4.

5.

6.

3.

II. Типы народовъ древняго Востока (народы семитическіе).

1. Изображеніе азіата на египетскихъ памятникахъ. 2. Амореяне (по Масперо). 3. Ассиріянинъ (по Бенцингеру). 4. Сиріецъ (по Бенцингеру). 5. Изображеніе „шасу“, т.-е. бедуиновъ, на египетскихъ памятникахъ. 6. зраильтянинъ изъ Лахиша.

я въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ начальникомъ его войскъ". Но тоска по родинѣ не угасала въ душѣ Синухе. Онъ получилъ, наконецъ, письмо отъ фараона, призывавшее его домой; фараонъ пишетъ ему: „Нельзя допустить, чтобы ты умеръ на чужбинѣ, и чтобы азіаты похоронили тебя, завернувъ въ овечью шкуру". Получивъ это письмо, Синухе почувствовалъ, что онъ не въ состояніи больше оставаться въ чужой землѣ. Когда онъ, возвратясь домой, доѣхалъ до „пути Гора", [1]) офицеръ, охранявшій „царскую стѣну" на границѣ страны, отправилъ гонцовъ къ фараону съ вѣстью о возвращеніи Синухе. Тогда фараонъ послалъ ему навстрѣчу своихъ людей, и Синухе торжественно прибылъ въ Египетъ на кораблѣ.

Этотъ разсказъ очень цѣненъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ разсматриваемую нами эпоху Палестина представляетъ ту же картину, что и позже, въ эпоху эль-Амарны. Мы видимъ, что Синухе переходитъ изъ страны въ страну, пока не достигаетъ Библоса; это наводитъ насъ на мысль, что въ Палестинѣ не было въ ту пору единой центральной власти: господствовали, повидимому, отдѣльные князьки, по-большей части аморейскаго происхожденія. Страна, однако, является до извѣстной степени, благоустроенной, хотя разбойничьи набѣги бедуиновъ и другія нашествія не прекращались. Палестинскіе князьки также нерѣдко принимали участіе въ этихъ походахъ, суливших богатую добычу.

Особенный интересъ представляютъ для насъ отношенія, существовавшія между Палестиной и Египтомъ. Фараоны нерѣдко пытались, какъ мы уже указали, утвердить въ ней свое господство. Палестина давала, повидимому, пріютъ многочисленнымъ египетскимъ бѣглецамъ и искателямъ приключеній, вынужденымъ по какимъ-либо причинамъ покинуть свою родину; въ Палестинѣ они могли чувствовать себя въ полной безопасности. Безпокойные, склонные къ разбою элементы, нарушавшіе мирную жизнь страны, причиняли немало хлопотъ и египетскому правительству. Поэтому уже въ началѣ Средняго Царства на границѣ Синайскаго полуострова воздвигли такъ называемую „царскую стѣну", отдѣлявшую Египетъ отъ Синайскаго полуострова. Здѣсь расположенъ былъ отрядъ солдатъ съ офицеромъ во главѣ, а на стѣнѣ всегда находилась стража, замѣчавшая каждаго, кто переступаетъ „пути Гора".

Несмотря на это, Палестина поддерживала оживленныя сношенія съ Египтомъ. Вожди бедуинскихъ племенъ, повидимому, нерѣдко пріѣзжали въ Египетъ и поселялись тамъ во дворцѣ: этимъ, очевидно, можно объяснить, что одинъ изъ нихъ лично зналъ Синухе. Въ самой Палестинѣ было немало египтянъ. При дворѣ Амми-Энши жили египетскіе выходцы, знавшіе Синухе, поэтому царь могъ обѣщать ему, что онъ услышитъ при дворѣ египетскую рѣчь. По всей вѣроятности, фараоны поддерживали и постоянныя дипломатическія сношенія съ сирійскими

[1]) Горъ—сынъ Изиды—считался защитникомъ Египта отъ восточныхъ варваровъ. Подъ „путями Гора" слѣдуетъ, очевидно, понимать пограничныя дороги между Египтомъ и пустыней, находившіяся подъ особымъ покровительствомъ Гора.

князьями. На ряду съ этимъ существовала оживленная торговая связь между обѣими странами. Главной торговой гаванью былъ Библосъ, откуда вывозились ливанскіе кедры. Это былъ очень важный предметъ торговли, такъ какъ съ древнѣйшихъ временъ нильскія суда строили изъ кедроваго дерева; онъ сбывался въ большомъ количествѣ. Кромѣ того, Палестина и Египетъ обмѣнивались многими другими товарами. Въ связи съ этимъ, Палестина и Египетъ дѣлались культурными пріобрѣтеніями. Судя по относящемуся къ эпохѣ царствованія Сезостриса II (ок. 1900 г.), извѣстному изображенію на гробницѣ въ Бени-Гассанъ, южно-палестинскіе бедуины, а также жители средне-палестинскихъ городовъ, вывозили изъ Египта и ввозили въ его предѣлы много различныхъ продуктовъ. Принято думать, что эта стѣнная живопись изображаетъ кочующихъ семитовъ, покинувшихъ свою родину, ставшей для нихъ слишкомъ тѣсной, и стремящихся проникнуть въ предѣлы Египта. Но мы полагаемъ, что здѣсь скорѣе всего изображенъ торговый караванъ: предводитель каравана носитъ имя Абша [1]); его сопровождаютъ тридцать семь бедуиновъ, привезшихъ въ Египетъ бальзамъ для глазъ.

До сихъ поръ, впрочемъ, фараоны ограничивались одними лишь неопредѣленными притязаніями на Палестину; но при Сезострисѣ III (1887—1850 гг.) въ политикѣ Египта наступилъ крутой поворотъ. Сезострисъ совершилъ походъ на сѣверо-востокъ, при чемъ не ограничился вступленіемъ въ предѣлы Синайскаго полуострова и въ южныя пограничныя области Палестины, но проникъ въ самую глубь страны. „Его величество двинулся къ сѣверу, чтобы покорить азіатовъ",—какъ гласитъ памятникъ, воздвигнутый въ честь Сезостриса III въ Абидосѣ. „Его величество дошелъ до области, называющейся Секмемъ. Его величество снова вернулся въ столицу послѣ того, какъ Секмемъ палъ".

Хотя здѣсь рѣчь идетъ, вѣроятно, опять-таки о хищническомъ набѣгѣ, а не о планомѣрномъ завоеваніи Палестины, однако, слѣдуетъ установить одно важное обстоятельство: начиная съ этого момента вліяніе Египта въ странѣ явно усиливается. Очевидно было, что египетскіе фараоны вернулись къ политикѣ временъ Древняго Царства и пытались осуществить на дѣлѣ притязанія послѣднихъ царей той эпохи. Удачный исходъ набѣга Сезостриса не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на жителей Палестины. Въ Египтѣ вѣсть объ удачѣ вызвала великое волненіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ энтузіазмъ, съ которымъ на памятникѣ сообщается о подвигахъ царя: о паденіи „несчастной Сиріи" говорится въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ какъ бы слышится увѣренность, что Египту предназначено господство надъ міромъ. Сезострисъ III, дѣйствительно, положилъ начало міровой политикѣ Египта; онъ является въ этомъ отношеніи предтечей великихъ фараоновъ шестнадцатаго столѣтія.

Чтобы опредѣлить характеръ похода Сезостриса III, необходимо установить, что̀ слѣдуетъ понимать подъ названіемъ „Секмемъ". Если мы

[1]) Это имя, повидимому, тождественно съ библейскимъ именемъ Абишай, которое иногда произносилось какъ Абшай (II Сам. 10, 10).

переберемъ всѣ мѣстности Палестины, древность которыхъ доказывается упоминаніемъ о нихъ въ клинописныхъ памятникахъ или филологической структурой ихъ названія, то мы придемъ къ убѣжденію, что здѣсь рѣчь можетъ итти только о Сихемѣ. Это названіе встрѣчается въ памятникахъ эпохи эль-Амарны (гдѣ оно произносится Шакми) и въ папирусѣ Анастаза I; кромѣ того, Сихемъ находится въ самомъ центрѣ страны и какъ бы предназначенъ стать его столицей. Эти обстоятельства уже сами по себѣ, независимо отъ указаній Библіи на древнее происхожденіе Сихема, подтверждаетъ наше предположеніе. По всей вѣроятности, Сезострисъ не могъ во время похода миновать Сихемъ, который уже въ древнія времена былъ столицей цѣлой области и мѣстопребываніемъ царька; очевидно, вокругъ этого царя группировались жители подвластной ему области, пытавшіеся дать отпоръ завоевателямъ-египтянамъ.

Мы не знаемъ, къ чему привелъ походъ Сезостриса, и какое вліяніе оказалъ онъ на отношенія, существовавшія между Ханааномъ и Египтомъ. Но надо думать, что однимъ этимъ походомъ фараоны не удовольствовались. Во всякомъ случаѣ, ихъ притязанія на азіатскія области не прекратились, и фараоны Средняго Царства продолжали именовать себя „владыками Азіи“ [1]).

2. Взаимоотношенія между Палестиной и Вавилоніей до 1600 г.

Мы говорили выше о вторженіи амореянъ въ область, граничащую съ сирійско-аравійской пустыней, а главнымъ образомъ въ окрестности Ливана. Мы указали также на ихъ попытки вторгнуться въ область Тигра и Евфрата. Уже Саргонъ изъ Аккада столкнулся здѣсь съ людьми изъ племени Амурру и помѣшалъ имъ вторгнуться въ страну, а Гудеа изъ Лагаша пытался продолжать политику Саргона, поддерживая сношенія съ западными областями. Область амореянъ, повидимому, и въ ту пору находилась еще въ зависимости отъ Месопотаміи.

Однако, само Аккадійское царство находилось тогда наканунѣ своей гибели. Амореяне, которыхъ раньше сдерживала только сильная власть, рѣшили воспользоваться паденіемъ династіи и двинулись на Вавилонъ. Уже при предпослѣднемъ царѣ изъ династіи Ура (около 2200 г.) оказалось нужнымъ построить такъ назыв. „аморейскую стѣну“. Эта стѣна напоминаетъ „царскую стѣну“, воздвигнутую египтянами на границѣ Синайскаго полуострова и Палестины для защиты отъ азіатовъ; она, несомнѣнно, построена была съ цѣлью удержать напоръ амореянъ. Такимъ образомъ, уже въ эту эпоху вавилонское царство почуяло въ амореянахъ опаснаго врага.

Но вавилонянамъ не удалось надолго обезпечить страну отъ вторженія амореянъ: уже третій и четвертый цари слѣдующей династіи

[1]) На тяготѣніе къ господству въ Азіи указываетъ, очевидно, и найденное въ Дахшурѣ (недалеко отъ Мемфиса) золотое украшеніе фараона Аменемхета III, преемника Сезостриса III (1849—1801), на которомъ изображенъ самъ фараонъ, огромной дубиной сражающій колѣнопреклоненнаго азіата (см. рис. на стр. 14).

носятъ аморейскія имена. Такимъ образомъ, амореянамъ не только удалось прочно осѣсть въ различныхъ пунктахъ страны, но и добиться въ ней господства. Весьма возможно, что цари изъ династіи Ура, видя вторженіе воинственныхъ аморейскихъ отрядовъ въ Вавилонію, вынуждены были принять вождей этихъ отрядовъ къ себѣ на службу въ качествѣ наемниковъ. Эти вожди стали впослѣдствіи самостоятельными князьями.

Вскорѣ начался процессъ разложенія всего Сумерійско-Аккадійскаго царства. На югѣ отъ него отдѣляется область Ларса (Элласаръ), вскорѣ подпадающая подъ власть эламитовъ, восточныхъ сосѣдей Аккада, а на сѣверо-западѣ борются за обладаніе страной аморейскіе отряды. Вождь амореянъ по имени Суму-абу въ 2060 г. покоряетъ Аккадъ и основываетъ здѣсь первую вавилонскую династію: амореянамъ удалось, такимъ образомъ, проникнуть въ самую глубь страны.

Рѣшающую роль въ политической жизни Вавилоніи играли въ эту эпоху выше упомянутые эламиты, и имъ даже удалось временно добиться господства надъ всей страной, до ея западныхъ окраинъ. Вплоть до эпохи Хаммураби эламиты остаются господами страны: имъ подчинено не только населеніе Сумера и Аккада, не только амореяне, населяющіе область Тигра и Евфрата: ихъ власть распространяется, быть можетъ, даже на самую Палестину, куда они, по библейскимъ даннымъ, предпринимаютъ побѣдоносный походъ. [1])

Но вскорѣ на смѣну эламитамъ пришла аморейская династія, утвердившаяся въ Вавилонѣ и достигшая своего расцвѣта нѣсколько позже, въ эпоху Хаммураби. Въ его царствованіе вліяніе амореянъ пріобрѣтаетъ господствующій характеръ какъ въ области Тигра и Евфрата, такъ и далеко за ея предѣлами. Время царствованія Хаммураби еще не вполнѣ установлено, но, по утвердившемуся нынѣ мнѣнію, онъ вступилъ на престолъ около 2100 г. Уже вскорѣ послѣ своего воцаренія онъ можетъ съ гордостью заявить, что Ану и Энлилъ отдали въ его руки власть надъ Сумеромъ, Аккадомъ и четырьмя частями свѣта. На тридцать первомъ году своего царствованія Хаммураби кладетъ прочное основаніе господству Вавилона: онъ отправляется въ походъ противъ царя Ларсы, завоевываетъ его страну и „привозитъ ихъ добычу въ Вавилонъ". Вавилонъ становится столицей, а мѣстный богъ Мардукъ—верховнымъ богомъ всей страны.

Въ составъ владѣній Хаммураби входила, несомнѣнно, и Месопотамія. Онъ даже ассирійскихъ князей считалъ своими вассалами, а Ассирію—частью своего государства; это, конечно, не мѣшало ассирійцамъ имѣть, въ свою очередь, собственныхъ вассаловъ. Весьма возможно, что Хаммураби подчинилъ своей власти и Сирію, которая незадолго до того принадлежала эламитамъ, а въ болѣе отдаленныя времена—царямъ Аккада.

---

[1]) Въ 14-ой главѣ Бытія разсказывается о господствѣ эламитовъ въ Палестинѣ, длившемся двѣнадцать лѣтъ. Библія сообщаетъ, что царь Элама Кедорлаомеръ предпринялъ сообща со своими вассалами экспедицію въ Палестину, чтобы наказать взбунтовавшееся противъ него населеніе страны.

Діорнтовая плита (стэла) съ начертанными на ней законами Хаммураби.
(Сверху изображенъ самъ Хаммураби, получающій законы изъ рукъ бога Шамаша.)

Вавилонскій богъ солнца Шамашъ, сидящій на своемъ тронѣ.

Вавилонскій богъ Мардукъ.

Изображеніе Хаммураби на известняковой плитѣ.

Отрывокъ изъ кодекса Хаммураби.

Изд. Т-ва „МІРЪ":

Мы уже говорили, что Хаммураби, въ отличіе отъ прежнихъ завоевателей—эламитовъ—былъ аморейскаго происхожденія, и что центромъ аморейскаго поселенія была страна, окружающая Ливанъ; если принять во вниманіе оба эти обстоятельства, намъ легко будетъ представить себѣ, какое огромное вліяніе могъ оказать Хаммураби на населенную амореянами Сирію даже въ томъ случаѣ, если ему и не удалось проникнуть въ глубь страны.

Среди аморейскаго населенія Сиріи было, вѣроятно, немало людей, которые мечтали о союзѣ съ могущественными соплеменниками въ Мессопотаміи и всѣми силами добивались такого союза. Подобно египетскимъ фараонамъ, Хаммураби при дворахъ сирійскихъ князей имѣлъ своихъ политическихъ агентовъ, которые вели агитацію въ пользу присоединенія Сиріи къ Вавилоніи, и такимъ образомъ политическое вліяніе Вавилона не прекращалось. Но особенно важное значеніе имѣетъ для насъ тотъ фактъ, что Вавилонъ поддерживалъ оживленныя торговыя сношенія съ западными областями. Аравійскіе торговые караваны тянулись вереницами какъ раньше, такъ и теперь, черезъ Сирію къ устью Евфрата, и обратно, а торговый обмѣнъ создавалъ почву для культурнаго взаимодѣйствія.

Дошедшіе до насъ памятники этой эпохи рисуютъ Хаммураби истымъ амореяниномъ. На всѣхъ изображеніяхъ онъ выступаетъ передъ нами въ особой одеждѣ, какую, повидимому, носили его соплеменники, а не въ старинномъ аккадійскомъ одѣяніи; въ такой же одеждѣ изображался по его велѣнію и богъ солнца, Шамашъ. Судя по тому, что въ эту эпоху встрѣчается множество аморейскихъ именъ во всѣхъ слояхъ населенія, вплоть до царей, надо полагать, что амореяне составляли значительную и, во всякомъ случаѣ, господствующую часть населенія страны. Съ теченіемъ времени культурныя завоеванія и религіозныя представленія амореянъ пріобрѣтаютъ все большее значеніе какъ въ самой Вавилоніи, такъ и внѣ ея. Сосѣдняя Сирія представляла въ эту эпоху особенно благопріятную почву для распространенія вавилонской культуры: амореянъ, жившихъ въ области Тигра и Евфрата, носителей вавилонской культуры, связывали съ ихъ сирійскими соплеменниками узы кровнаго родства, являющіеся самымъ реальнымъ стимуломъ для заимствованія политическихъ и культурныхъ формъ жизни и религіозныхъ представленій; естественно поэтому, что, начиная съ момента появленія первой вавилонской (аморейской) династіи, и въ особенности съ эпохи Хаммураби, сирійскіе амореяне все чаще устремляютъ свои взоры на сосѣдній и родственный имъ Вавилонъ.

Хаммураби былъ, повидимому, геніальнымъ организаторомъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей древности. Онъ ввелъ много новаго во всѣхъ областяхъ государственной жизни, о чемъ особенно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ указы, посылавшіеся имъ одному изъ высшихъ своихъ чиновниковъ на югѣ страны. Эти указы рисуютъ картину прочной государственной организаціи, покоящейся на твердыхъ правовыхъ основахъ: въ нихъ рѣчь идетъ о податной и откупной системѣ, о государственныхъ имуществахъ, о судѣ, о положеніи отдѣльныхъ

классовъ общества, о канализаціи, о постоянной арміи и предназначенныхъ для ея содержанія земельныхъ угодьяхъ. Въ особенности заботился Хаммураби о писаномъ законодательствѣ для страны и съ этой цѣлью издалъ знаменитый, называемый его именемъ, кодексъ. Не все, конечно, въ этомъ кодексѣ принадлежитъ ему: уже цари Ларсы и Урука, въ своихъ заботахъ о водвореніи порядка въ странѣ, издали цѣлый рядъ важныхъ постановленій. Хаммураби собралъ эти постановленія, подвергъ ихъ пересмотру и дополнилъ новыми. Тотъ фактъ, что онъ воспользовался трудами прежнихъ законодателей, нисколько не умаляетъ значенія его собственнаго труда: только благодаря его энергіи и оригинальной творческой работѣ, появился сводъ законовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Весь трудъ носитъ несомнѣнный отпечатокъ единаго, самобытнаго и высоко творческаго ума.

Законы Хаммураби вырѣзаны на большой колоннѣ изъ діорита, которая находилась въ храмѣ Мардука въ Вавилонѣ; на этомъ камнѣ изображенъ самъ Хаммураби, получающій законы изъ рукъ Шамаша, бога солнца. Камень этотъ впослѣдствіи былъ перенесенъ эламитами въ Сузу и недавно найденъ тамъ (см. вкладной листъ VI).

Кодексъ представляетъ собою систематическій перечень краткихъ, облеченныхъ въ казуистическую форму [1]), статей, числомъ въ 282, обнимающихъ собою всю совокупность тогдашнихъ правоотношеній.

Изложенію законовъ предшествуетъ введеніе, въ которомъ перечисляются всѣ дѣянія царя, совершенныя имъ на благо государства, указывается, какое благодѣтельное значеніе для гражданъ имѣетъ законность, и вмѣстѣ съ тѣмъ даются общія опредѣленія функцій обвинителя (истца), свидѣтеля и судьи. Самые законы касаются сначала нарушеній права собственности: воровства, грабежа и разбоя; далѣе, правъ военнаго сословія, въ особенности ихъ права на землевладѣніе; за этимъ слѣдуютъ законы о владѣніи недвижимостью, законы о торговлѣ и о долговыхъ обязательствахъ, при чемъ особенно подробно законъ регулируетъ различные виды ссудъ, ссуду подъ залогъ, долговое право и продажу въ рабство за долги. Кодексъ переходитъ затѣмъ къ семейному праву, при чемъ здѣсь нерѣдко законъ предусматриваетъ самыя мелкія детали. Вслѣдъ за этимъ идетъ рѣчь о нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій:

---

[1]) Приводимъ для образца нѣсколько статей кодекса:

3. Если кто-либо выступалъ въ процессѣ свидѣтелемъ какого-либо преступленія, при чемъ данное имъ показаніе оказалось не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, то онъ—буде обвиненіе угрожало жизни обвиняемаго—подлежитъ смертной казни.

4. Если онъ выступалъ свидѣтелемъ (въ дѣлѣ) о зернѣ или деньгахъ, то приговоръ, вынесенный въ этомъ дѣлѣ (въ случаѣ лжесвидѣтельства), падаетъ на него.

250. Если волъ, идя по улицѣ, кого-нибудь забодаетъ, то это не предоставляетъ никакихъ правъ на взысканіе (ср. Исходъ 21, 28).

251. Если же чей-нибудь волъ бодливъ, и этотъ его недостатокъ былъ извѣстенъ владѣльцу, который, однако, при этомъ не обломалъ роговъ или не привязалъ вола, то владѣлецъ, если волъ забодалъ свободнаго, долженъ уплатить полмины серебра (ср. Исх., 21, 29 и слѣд.).

здѣсь, очевидно, законодатель всецѣло стоитъ на почвѣ права таліона, которое, въ видѣ исключенія, допускаетъ денежный штрафъ. Наконецъ, кодексъ заключаетъ въ себѣ правила относительно отвѣтственности врача, архитектора и кораблестроителя, и постановленія о наймѣ скота и кораблей и покупкѣ рабовъ.

Легко понять, какимъ огромнымъ благодѣяніемъ явилось для страны прочное, разумное законодательство, притомъ проникнутое несомнѣннымъ духомъ гуманности [1]). Законы Хаммураби, по всей вѣроятности, имѣли силу и далеко за предѣлами Вавилоніи, и прежде всего въ Сиріи, гдѣ кодексъ долженъ былъ пользоваться особенно большимъ вліяніемъ въ средѣ сирійскихъ соплеменниковъ вавилонскаго царя. Въ Вавилоніи кодексъ Хаммураби распространялся во множествѣ копій; возможно, что какая-либо изъ этихъ копій попала въ Сирію, и мѣстные князья, ознакомившись съ ея содержаніемъ, приняли кодексъ за образецъ законодательства. Впрочемъ, самые существенные законы Хаммураби могли быть занесены въ Сирію странствующими купцами, воинами, послами и дипломатами. Во всякомъ случаѣ, можно съ несомнѣнностью установить слѣдующее: вавилонскіе законы, собранные въ эпоху Хаммураби воедино и получившіе тогда окончательную форму, явились такъ же, какъ и вавилонскіе миѳы, прочнымъ связующимъ звеномъ между двумя частями аморейскаго племени—вавилонской и сирійской.

Послѣ смерти Хаммураби его имперія сохранила еще въ теченіе нѣкотораго времени свою самостоятельность, но вскорѣ она стала утрачивать прежній блескъ и значеніе и начала клониться къ упадку: около половины XVIII в. Вавилонія перестала существовать, какъ самостоятельное государство. Параллельно съ процессомъ политическаго разложенія шло разложеніе вавилонской культуры. Страна еще продолжаетъ поддерживать сношенія съ Сиріей и западными областями, но она все менѣе и менѣе служитъ очагомъ культуры для сосѣднихъ народовъ.

Конецъ вавилоно-аморейскому царству положили, по всей вѣроятности, х е т и т ы. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что въ XVIII в. вавилонской монархіи угрожалъ народъ, носившій названіе „хатту". Его появленіе находится въ связи съ вторженіемъ племени митани въ Месопотамію и разселеніемъ малоазіатскихъ племенъ на территоріи сѣверной Сиріи; возможно также, что появленіе „хатту" связано съ вторженіемъ въ Египетъ племени гиксосовъ, которые, по всей вѣроятности, тоже принадлежали къ группѣ кочующихъ малоазіатскихъ племенъ.

На крайнемъ сѣверѣ Месопотаміи,—тамъ, гдѣ рѣка Евфратъ образуетъ рѣзкій уклонъ къ западу,—находилась область, которую египтяне называли Нахарина (נהרים). Тамъ племя митани образовало довольно

---

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе забота законодателя о бѣднякахъ, вдовахъ, сиротахъ и вообще объ экономически слабыхъ. Въ высшей степени характерны при этомъ слѣдующія слова вступленія: „всякій угнетенный пусть придетъ къ моему изображенію и тамъ требуетъ справедливости". Конечно, при всемъ этомъ кодексъ содержитъ въ себѣ и отдѣльные жестокіе законы и вообще страдаетъ недостатками, присущими его эпохѣ.

сильное государство; завладѣвъ торговыми путями, ведущими изъ Вавилона къ Средиземному морю, это племя нанесло ударъ торговымъ сношеніямъ Вавилоніи съ западомъ, что, повидимому, сильно способствовало разложенію вавилонской имперіи.

Въ самой Вавилоніи преемниками царей аморейской династіи явились цари изъ династіи коссеевъ (касситовъ) [1]); эта смѣна династій находилась, вѣроятно, въ связи съ нашествіемъ хетитовъ. Тѣснимые хетитами, владыки Вавилоніи вынуждены были прибѣгнуть къ содѣйствію коссеевъ, которые со временемъ сами заняли ихъ мѣсто. На Сирію власть коссеевъ не распространялась; однако, и при коссейскихъ царяхъ Вавилонъ сохранилъ вліяніе на сосѣднія страны, хотя теперь оно было слабѣе, чѣмъ при Хаммураби и вообще при аморейской династіи.

За вторженіемъ митани въ сѣверную область и коссеевъ въ южную послѣдовало, повидимому, вторженіе ассирійцевъ въ центръ страны. Впервые среди ассирійцевъ началось броженіе около 2000 г., когда они были еще вассалами Вавилона, но лишь около 1600 г. они становятся замѣтной силой въ странѣ. Въ эту эпоху, повидимому, ассирійскимъ царямъ удалось завоевать всю Месопотамію и, кромѣ того, власть Ассиріи распространялась на отдаленныя малоазіатскія провинціи [2]). Но господство Ассиріи было непрочно: въ сѣверной Месопотаміи крѣпла власть митани, о которыхъ мы знаемъ изъ таблицъ эль-Амарны, а въ Малой Азіи усиливались хетиты, оставившіе по себѣ слѣдъ въ таблицахъ, найденныхъ въ Богхацкеѣ, и уже въ XV в. ассирійское царство, послѣ непродолжительной эпохи расцвѣта, должно было уступить мѣсто этимъ двумъ болѣе сильнымъ государствамъ.

3. Гиксосы и египетское владычество въ Сиріи.

Съ прекращеніемъ двѣнадцатой династіи и переходомъ престола въ руки тринадцатой начинается процессъ быстраго разложенія египетской монархіи; о сколько-нибудь значительномъ вліяніи Египта на Палестину въ эту эпоху не можетъ быть рѣчи. Цари смѣняются на престолѣ одинъ за другимъ, и страна становится игралищемъ въ рукахъ честолюбивыхъ узурпаторовъ. Все это открывало путь для вторженія чужеземцевъ, издавна угрожавшихъ Египту. Хотя свѣдѣнія объ этихъ пришельцахъ-завоевателяхъ крайне скудны, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью утверждать, что они проникли въ Египетъ изъ Азіи—подобно тѣмъ завоевателямъ, которые наводнили всю Переднюю Азію вслѣдъ за появленіемъ Магомета. Съ другой стороны, нѣтъ никакой возможности въ точности указать, откуда нахлынулъ этотъ потокъ ко-

---

[1]) Коссеи, или касситы—племя, родственное эламитамъ, жившее по верхнему теченію рѣки Хоаспъ.. Захватившій власть надъ Вавилоніей касситскій князь Ганди (Гандишъ) положилъ около середины XVIII в. начало касситской (или коссейской) династіи.

[2]) Недавно были обнаружены слѣды пребыванія ассирійцевъ даже въ Каппадокіи, гдѣ найдено было много глиняныхъ таблицъ, несомнѣнно, ассирійскаго происхожденія.

чующихъ племенъ. Утвержденіе египетскихъ источниковъ [1]), поддерживаемое Манеѳономъ [2]) и Іосифомъ Флавіемъ, будто гиксосы были выходцами изъ Сиріи и Палестины, едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ. Въ лучшемъ случаѣ здѣсь указывается на послѣдній пунктъ, изъ котораго кочевники двинулись на Египетъ. Послѣдніе, безъ всякаго сомнѣнія, проходили черезъ Палестину, отчасти смѣшавшись тамъ съ семитическими элементами; но едва ли потокъ переселенцевъ содержалъ въ себѣ эти элементы уже съ самаго начала. Скорѣе можно предположить, что первопричиной этого „переселенія“ были хетиты, вторгшіеся въ Вавилонію въ XVIII столѣтіи, а также кочевые малоазіатскіе и родственные имъ сѣверные народы, которые, подвигаясь съ сѣверо-востока, наводнили Сирію и Палестину, а оттуда хлынули въ Египетъ, гдѣ и завершили свой путь.

Іосифъ Флавій называетъ кочевниковъ, какъ извѣстно, „гиксосами“ и утверждаетъ, что слово это означаетъ „пастушьи цари“, опредѣленно ссылаясь при этомъ на египетскую народную рѣчь [3]). Египетскіе источники называютъ ихъ „аму“, т.-е. видятъ въ нихъ сирійскихъ семитовъ. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ гиксосскихъ царей съ явно семитическими именами. И Манеѳонъ, и Іосифъ Флавій сильно преувеличиваютъ продолжительность господства гиксосовъ, утверждая, что оно длилось пятьсотъ или даже тысячу лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ владычество гиксосовъ въ Египтѣ продолжалось немногимъ болѣе ста лѣтъ—отъ 1700 до 1580 г.

Завладѣвъ Египтомъ, новые владыки страны этимъ не удовольствовались. Сирію и Палестину они считали принадлежащимъ имъ. Помимо этого, они распространили свою власть далеко за предѣлы этихъ владѣній, захвативъ Месопотамію и Вавилонію. Господство гиксосовъ

---

1) Царица Гатшепсутъ (около конца XVIII в.) разсказываетъ спустя два поколѣнія послѣ изгнанія гиксосовъ: „Я возстановила то, что было разрушено, и достроила то, что оставалось незаконченнымъ съ той поры, какъ азіаты (Аму) жили въ Аварисѣ, въ сѣверной области, и варвары среди нихъ; они разрушали все, что было создано, и господствовали, не зная ничего о богѣ Ре“.

2) Манеѳонъ разсказываетъ слѣдующее: „Мы имѣли царя по имени Тиміосъ; во время его царствованія богъ былъ неизвѣстно почему разсерженъ. Тогда, вопреки ожиданію проникли въ нашу страну люди низкаго происхожденія, дерзкіе и отважные и легко, безъ борьбы, захватили ее въ свои руки. Они брали въ плѣнъ нашихъ вождей, безъ пощады предавали города огню, разрушали храмы боговъ и обращались съ жителями крайне враждебно: однихъ убивали, у другихъ похищали женъ и дѣтей и уводили въ рабство. Наконецъ, они провозгласили царемъ одного изъ своей среды по имени Салатисъ. Онъ часто являлся въ Мемфисъ, налагалъ дань на верхнюю и нижнюю область и размѣщалъ свой гарнизонъ въ наиболѣе подходящихъ мѣстахъ. Когда онъ нашелъ къ востоку отъ Бубастійскаго рукава Нила подходящій городъ, который по древнему преданію назывался Аварисъ, онъ отстроилъ его, укрѣпилъ очень прочными стѣнами и помѣстилъ тамъ гарнизонъ въ 240.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ“. Если отбросить нѣкоторыя преувеличенія, разсказъ этотъ можетъ быть признанъ довольно правдоподобнымъ.

3) По Флавію, „гикъ“ означаетъ „царь“, „сосъ“—„пастухи“. Этимологія этихъ словъ неясна. Возможно, что со словомъ „сосъ“ слѣдуетъ поставить въ связь имя „шасу“, которымъ въ египетскихъ памятникахъ часто обозначаются бедуины

въ этихъ послѣднихъ странахъ длилось недолго, и слѣды его вскорѣ исчезаютъ; но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что гиксосы пытались создать если не міровую, то, по крайней мѣрѣ, великую монархію, и въ теченіе сравнительно недолгаго времени такая монархія дѣйствительно просуществовала. Резиденціей своей гиксосы избрали Аварисъ въ восточной дельтѣ Нила; выборъ мѣста вызванъ былъ, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что отсюда легче держать въ повиновеніи азіатскіе народы, чѣмъ изъ Ѳивъ. Мы можемъ точно установить границы господства гиксосовъ. Отъ времени царя Апопи уцѣлѣлъ алтарь, воздвигнутый по приказанію царя въ честь его „отца", бога Сета (Сутеха), „владыки Авариса, послѣ того, какъ онъ всѣ земли повергъ къ его ногамъ". Со временъ другого гиксосскаго царя, Хіана, сохранились скарабеи, найденныя при раскопкахъ въ Гезерѣ (въ Палестинѣ). Въ одномъ изъ критскихъ дворцовъ найденъ алебастровый сосудъ, на крышкѣ котораго выгравировано имя того же фараона, и даже въ Багдадѣ обнаруженъ былъ небольшой левъ изъ гранита или базальта, носящій его имя. Если вѣрить вскользь брошенному въ Библіи (Числа 13, 22) замѣчанію (являющемуся, вѣроятно, отрывкомъ изъ какого-нибудь стариннаго источника), согласно которому Хебронъ построенъ былъ за семь лѣтъ до основанія города Таниса (Цоана), то надо предположить, что Хебронъ былъ главнымъ опорнымъ пунктомъ для гиксосовъ въ горной области Палестины [1]).

Полновластно хозяйничая въ Египтѣ, чужеземцы лишь отчасти поддавались вліянію его культуры и быта; въ области религіи они большей частью шли своимъ путемъ. Достовѣрно извѣстно, что гиксосы отказались поклоняться египетскимъ божествамъ и установили культъ своего племеннаго бога. „Царь Апопи,—читаемъ мы въ одномъ папирусѣ,—провозгласилъ Сета (Сутеха) богомъ и не поклонялся никакимъ богамъ страны, кромѣ Сета, и выстроилъ для него великолѣпный храмъ, и приносилъ ему ежедневно жертвы". Сетъ считался у египтянъ богомъ пустыни и чужеземныхъ странъ, но впослѣдствіи онъ былъ приравненъ къ ханаанейскому Ваалу. Такимъ образомъ, хотя богъ гиксосовъ и не носилъ этого имени, мы можемъ включить его въ категорію семитическихъ Вааловъ.

Гиксосы были изгнаны около 1508 г. царями Ѳивъ. Настоящимъ освободителемъ Египта явился Ахмосъ I, первый царь восемнадцатой династіи. Египетскія войска долго осаждали Аварисъ, и только послѣ продолжительной борьбы имъ удалось захватить столицу въ свои руки и изгнать

[1]) Отрывокъ этотъ, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Танисъ расположенъ къ востоку отъ Нильской дельты, вблизи устья одного изъ рукавовъ Нила. На разстояніи двадцати километровъ отъ Таниса проходитъ древній караванный путь, ведущій въ Сирію. На этомъ пути, неподалеку отъ Таниса, находился и Аварисъ. Танисъ-Цоанъ поддерживалъ, такимъ образомъ, оживленныя сношенія со столицей гиксосовъ и пользовался въ эпоху ихъ владычества большимъ вліяніемъ. Если въ Кн. Числъ (13, 22) возникновеніе главнаго города южной Палестины приводится въ связь съ основаніемъ предполагаемой столицы гиксосовъ, то мы можемъ въ этомъ усматривать указаніе на то, что между Хеброномъ и гиксосами существовала извѣстная связь.

враговъ изъ страны. Египтяне преслѣдовали ихъ вплоть до границы южной Палестины, Финикіи и Целосиріи; повидимому, жестокая борьба продолжалась и за предѣлами Египта.

Побѣды Ахмоса оказали огромное вліяніе на жизнь страны и ея политическій строй, такъ какъ благодаря имъ была возрождена былая мощь Египта, ставшаго при этомъ царѣ могущественнымъ государствомъ, ведущимъ широкую завоевательную политику. Египетскія войска испытали свою силу на гиксосахъ, а потомъ, соблазняемые обильной добычей, двинулись и на богатые сирійскіе города, взявшіе гиксосовъ подъ свою защиту. Египетская политика снова становится міровой, и взоры фараоновъ вновь устремляются на Сирію.

Начало такой политикѣ положилъ уже преемникъ Ахмоса, Аменхотепъ I (около 1550 г.). Ему удалось, повидимому, пробиться далеко на сѣверъ; возможно, что онъ дошелъ даже до береговъ Евфрата. Во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ своему преемнику, Тутмосу I, такое наслѣдіе, что тотъ еще наканунѣ своихъ азіатскихъ походовъ могъ считать себя властелиномъ всѣхъ областей до Евфрата. Тутмосъ I предпринялъ около 1530 г. походъ въ Сирію и проникъ въ Нахарину, т.-е. ту область сѣверной Сиріи, которая орошается Евфратомъ. Фараонъ хвасталъ, что устроилъ здѣсь кровавую баню своимъ врагамъ. Онъ воздвигъ въ этой мѣстности пограничный камень въ знакъ своего владычества надъ областями, лежащими къ югу и къ западу отъ этого пункта. Палестина и Сирія принуждены были платить ему дань.

Это была та эпоха, когда Палестинѣ приходилось, помимо Египта, сильно терпѣть еще и отъ вторженій родственныхъ гиксосамъ кочевниковъ, принадлежавшихъ, очевидно, къ обширной категоріи эберитскихъ племенъ (בני עבר, עברים). Ихъ набѣги подрывал и господство Вавилоніи въ сирійскихъ земляхъ и способствовали упадку ея мірового значенія. Эти безпокойные эберитскіе элементы, такимъ образомъ, побуждали фараоновъ восемнадцатой династіи къ настойчивой завоевательной политикѣ по отношенію къ Сиріи: съ одной стороны, племена, родственныя гиксосамъ, а также народы и города, находившіеся нѣкогда съ ними въ союзѣ, представляли явную опасность, и надо было стремиться къ тому, чтобы держать ихъ въ постоянномъ страхѣ; съ другой стороны, упадокъ мощи Вавилона самъ по себѣ возбуждалъ въ египтянахъ стремленіе укрѣпить свою власть въ Сиріи и на берегахъ Евфрата.

Тутмосъ II, повидимому, тоже предпринялъ (въ 1490 г.) походъ въ Палестину для того, чтобы снова заставить платить ему дань. Но походъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ: во всякомъ случаѣ, Палестина не долго оставалась данницей Египта. Изъ лѣтописей Тутмоса III ясно видно, какое сильное сопротивленіе вновь встрѣтили въ его время египтяне въ Палестинѣ. Египетское иго заставило, повидимому, всѣхъ князей Палестины и Сиріи объединиться. Во главѣ союза сталъ князь города Кадеша на Оронтѣ, расположеннаго нѣсколько сѣвернѣе Риблы, по пути къ Хамату и Евфрату. Цѣлыхъ десять лѣтъ боролся Тутмосъ III, пока не овладѣлъ укрѣпленной столицей и подчиненной ей областью.

Но Кадешъ вскорѣ снова возсталъ, при чемъ на помощь ему пришли многочисленные его вассалы, и лишь послѣ почти двадцатилѣтней войны Тутмосу удалось окончательно покорить городъ и страну. Мы находимъ точныя свѣдѣнія о ходѣ войны въ „лѣтописяхъ“, вырѣзанныхъ на внутреннихъ стѣнахъ храма Амона въ Карнакѣ: это—отрывки изъ оффиціальной военной хроники, которая велась во все время войны [1]). Въ этой записи перечислено 17 походовъ (см. вкладной листъ VII).

Господство Египта въ Палестинѣ продолжалось до двадцатаго года царствованія новаго фараона. Въ этомъ году вспыхнуло всеобщее возстаніе. Завоеванная недавно гиксосская крѣпость Шарухенъ отложилась отъ Египта, и возстаніе охватило рядъ областей вплоть до „озеръ страны“, т.-е. до озеръ, находящихся въ сѣверной Сиріи. Во главѣ возставшихъ городовъ снова сталъ Кадешъ. Союзная армія расположилась въ долинѣ Кишона, близъ Мегиддо, т.-е. въ самомъ центрѣ Палестины, и ждала здѣсь фараона. Фараонъ предпринялъ третій походъ лишь на двадцать второмъ году своего царствованія (1479 г.). Военный совѣтъ долженъ былъ рѣшить, какой избрать путь: двинуться-ли черезъ опасное, тянущееся между отрогами Кармеля, ущелье Мегиддо, занятое непріятельскими войсками, или направиться въ обходъ по дамасскому пути, или, наконецъ, двинуться къ сѣверу и обойти ущелье. Фараонъ рѣшилъ двинуться прямо въ ущелье Мегиддо, и самъ сталъ во главѣ войска.

Вопреки ожиданіямъ, египтяне не застали въ ущельѣ никакихъ вражескихъ отрядовъ. Непріятель упустилъ удобный случай привести въ замѣшательство египетское войско, а можетъ быть просто не рѣшался начать аттаку, и египетская армія въ полномъ порядкѣ прошла черезъ ущелье и спустилась въ долину. Подвигаясь по древнему пути, ведущему къ Средиземному морю, войска обошли крѣпостной холмъ и расположились въ сѣверной части Мегиддо, такъ что „южное крыло арміи находилось на горѣ, сѣверное—къ сѣверо-западу отъ Мегиддо, а его величество находился въ серединѣ“. Когда началась битва, непріятель быстро отступилъ къ крѣпости, „оставляя врагамъ лошадей и золотыя и серебряныя колесницы; отступавшихъ втаскивали вверхъ съ помощью одеждъ, которыя жители, укрывшись въ городѣ, спускали внизъ, и такимъ образомъ подымали ихъ въ городъ“. Князь Кадеша и „всѣ князья взбунтовавшихся странъ“ укрылись въ стѣнахъ крѣпости. Тутмосъ приступилъ къ правильной осадѣ Мегиддо и приказалъ насыпать вдоль городскихъ укрѣпленій валъ, „покрытый стволами только что срубленныхъ плодовыхъ деревьевъ“. „Князья странъ“ рѣшили тогда добровольно подчиниться и принесли дань; египтяне увели съ собой множество плѣнныхъ, а на мѣсто прежнихъ князей назначили новыхъ. Осажденные въ Мегиддо вынуждены были спустя нѣ-

[1]) „Все, что его величество.... совершалъ, записывалось ежедневно съ указаніемъ его имени, имени полководца и цѣли похода. Все это было записано на пергаментномъ спискѣ, который хранится въ храмѣ Амона до нашихъ дней“,— такъ читаемъ мы въ „Анналахъ“ Тутмоса III.

сколько недѣль сдаться вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ въ городѣ, царю же Кадеша удалось бѣжать.

Тутмосъ двинулся дальше къ сѣверу, подчинилъ своей власти область, лежащую къ югу отъ Ливана, и назначилъ преданныхъ ему людей на мѣсто непокорныхъ князей. Въ составъ покоренной фараономъ области входилъ также Дамаскъ. Но сѣверная Сирія, а главнымъ образомъ укрѣпленный и сильный Кадешъ, еще сохраняли самостоятельность. Въ теченіе ближайшихъ лѣтъ фараонъ предпринялъ еще нѣсколько походовъ въ Палестину, но ему все не удавалось покорить мятежную область. Лишь на двадцать девятомъ году своего царствованія, фараонъ приступилъ къ осуществленію своего плана, двинувъ корабли противъ сѣверо-финикійскихъ городовъ. Планъ этотъ, повидимому, состоялъ въ томъ, чтобы заранѣе создать прикрытіе для одного изъ фланговъ арміи при нападеніи на Кадешъ. Многіе города были захвачены и разграблены, и богатства финикійскихъ торговыхъ городовъ попали въ руки Тутмоса. Его солдаты были „ежедневно пьяны и умащены елеемъ, словно на пиршествѣ въ Египтѣ“. Теперь можно было, наконецъ, начать осаду Кадеша. Это и было сдѣлано въ 1471 г., во время шестого похода. Городъ былъ взятъ штурмомъ, затѣмъ усмирены были взбунтовавшіеся портовые города, и сирійцамъ пришлось отправить въ Египетъ заложниковъ. И „каждый разъ, когда умиралъ одинъ изъ этихъ князей, его величество призывалъ на его мѣсто сына“. Этотъ фактъ особенно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что фараонъ чувствовалъ себя настоящимъ владыкой Сиріи.

Лишь теперь Тутмосъ могъ приступить къ осуществленію своей завѣтной цѣли—завоеванію Нахарины, т.-е. сѣверной Сиріи и береговъ Евфрата. Онъ вторгся въ эту область на тридцать третьемъ году своего царствованія, дошелъ до Алеппо и далѣе—до Каркемиша на Евфратѣ и совершилъ переходъ черезъ Евфратъ, „черезъ воды Нахарины“. Затѣмъ онъ вступилъ въ область царя Митани. Цари Нахарины добровольно подчинились фараону, и даже вавилоняне и хетиты послали ему дары; жители Кипра и всего восточнаго побережья Средиземнаго моря изъявили готовность подчиниться Египту. Но все же фараонъ не могъ считать власть свою въ Палестинѣ окончательно упроченной. Ему неоднократно приходилось въ теченіе ряда лѣтъ бороться съ вспыхивавшими тутъ и тамъ возстаніями; наконецъ, лишь на сорокъ второмъ году своего царствованія (1459 г.) онъ сумѣлъ надолго усмирить непокорные союзные города, во главѣ которыхъ тѣмъ временемъ снова сталъ древній врагъ Египта—Кадешъ. Это былъ семнадцатый походъ въ Сирію въ теченіе девятнадцати лѣтъ.

Лишь теперь нанесенъ былъ окончательный ударъ независимости сѣверной Сиріи и господству гиксосовъ. Ибо сила Кадеша заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что онъ стоялъ во главѣ союза палестинскихъ и сирійскихъ городовъ, а упорное сопротивленіе, которое оказывали эти города Египту, объясняется тѣмъ, что укрывшіеся въ Сиріи остатки изгнанныхъ гиксосовъ поддерживали въ населеніи духъ возмущенія. Поэтому позднѣйшая традиція считаетъ Тутмоса III истиннымъ и окон-

чательнымъ освободителемъ Египта. Еще много лѣтъ спустя имя величайшаго египетскаго полководца и основателя настоящей мiровой монархiи наводило страхъ на сирiйскiя племена, и покинутые Египтомъ сирiйскiе вассалы его еще много поколѣнiй спустя заклинали фараоновъ именемъ великаго Тутмоса придти къ нимъ на помощь [1]).

Власть Египта распространяется въ эту эпоху чрезвычайно широко. Вавилонъ и сѣверныя государства утратили почти всякое политическое значенiе. Всѣ сирiйскiя и палестинскiя крѣпости заняты были египетскимъ гарнизономъ. Египетскiе дипломаты и представители военной власти свободно хозяйничали въ странѣ; при этомъ, однако, тѣ туземные князья, которые добровольно изъявляли готовность платить дань фараону, оставались на своихъ мѣстахъ. Между Египтомъ и подвластными ему странами естественно установился оживленный торговый обмѣнъ: неисчислимыя богатства со всѣхъ странъ свѣта стекались въ Өивы и другiе города Нильской дельты, а египетскiе продукты въ огромномъ количествѣ ввозились въ Сирiю.

Изрѣдка преемникамъ Тутмоса приходилось подавлять бунты, но они всегда почти выходили изъ этой борьбы побѣдителями. Въ самомъ началѣ царствованiя Аменхотепа II, въ 1447 г., вспыхнуло грозное возстанiе князей Нахарины, Митани и Ливана. Фараону, однако, удалось побѣдить ихъ, и онъ обставилъ свой трiумфальный въѣздъ въ Мемфисъ и Өивы чрезвычайной пышностью: въ процессiи участвовало болѣе пятисотъ сирiйскихъ князей. Фараонъ собственноручно закололъ семерыхъ изъ нихъ на жертвенникѣ бога Амона и велѣлъ повѣсить ихъ трупы, на страхъ непокорнымъ. Тутмосъ IV, царствовавшiй въ 1420—1411 гг., тоже предпринялъ походъ въ Нахарину; ему удалось закрѣпить новыми прочными узами Сирiю и Египетъ [2]). Дочь царя Митани, Артатама, стала его женой и, впослѣдствiи, матерью Аменхотепа III, а съ Вавилономъ царь заключилъ особый договоръ. Такимъ образомъ, могущество Египта достигло высшаго расцвѣта, и вассальная зависимость Сирiи отъ Египетской монархiи сдѣлалась болѣе тѣсной, чѣмъ во всѣ предыдущiя эпохи.

4. Эпоха эль-Амарны.

Въ концѣ 1887 г. на территорiи, на которой кочуютъ бедуины племени эль-Амарна,—при раскопкахъ кургана (этъ-Телль), расположеннаго въ трехстахъ километрахъ къ югу отъ Каира,—было найдено значитель-

---

[1]) Обращаясь къ царю Аменхотепу IV за помощью противъ хетитовъ, спустя 75 лѣтъ послѣ смерти Тутмоса III, жители сирiйскаго города Тунипа говорятъ ему: „Кто бы въ былое время осмѣлился разграбить Тунипъ безъ того, чтобы Менхеперре (личное имя Тутмоса III) самъ въ наказанiе не предалъ его разграбленiю. А теперь врагъ дѣлаетъ то, что ему угодно“ и т. д..

[2]) Въ Өивахъ, на одномъ изъ столбовъ, воздвигнутыхъ Аменхотепомъ III за колоссами Мемнона, мы находимъ слѣдующую надпись: „онъ (храмъ) окруженъ селенiями сирiйцевъ (хару); ихъ скотъ, что песокъ морской, его исчисляютъ миллiонами“. Это, кажется, первое извѣстiе о поселенiи сирiйскихъ и палестинскихъ плѣнниковъ (изъ Гезера) въ Египтѣ.

ное количество исписанныхъ глиняныхъ дощечекъ, получившихъ названіе „таблицъ изъ Телль эль-Амарны“ или короче—„таблицъ эль-Амарны“. Всѣхъ ихъ въ настоящее время насчитываютъ до 360; нѣкогда ихъ было, однако, больше. Мѣсто нахожденія таблицъ, представляющее собою былую столицу Аменхотепа (Аменофиса) III и IV, вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержанію, такъ какъ таблицы эти составляютъ царскій архивъ этихъ двухъ фараоновъ

Всѣ таблицы, за исключеніемъ трехъ, испещрены вавилоно-ассирійскими клинообразными письменами, на вавилоно-ассирійскомъ языкѣ. По содержанію своему архивъ этотъ заключаетъ въ себѣ почти исключительно письма, по большей части адресованныя къ фараону, и лишь въ меньшинствѣ исходящія отъ него. Письма къ фараону почти всѣ написаны царями и вельможами передней Азіи; на ряду съ царями Вавилона, Ашура, Митани и Хатти, авторами ихъ являются чаще всего сирійско-палестинскіе вассалы фараона. Адресатами почти всѣхъ писемъ являются фараоны Аменхотепъ III и IV, чѣмъ съ несомнѣнностью устанавливается эпоха, къ которой относятся эти историческіе памятники. Значеніе этой богатой корреспонденціи для исторіи Палестины и окружающихъ ее странъ чрезвычайно велико. Она неожиданно открываетъ предъ нами широкую перспективу политическаго положенія и культурнаго состоянія эпохи и проливаетъ яркій свѣтъ на многое, что дотолѣ было совершенно неясно или даже вовсе неизвѣстно. Отнюдь не будетъ поэтому преувеличеніемъ сказать, что открытіе таблицъ эль-Амарны составляетъ эпоху въ наукѣ о Древнемъ Востокѣ; это едва ли не величайшая находка новѣйшаго времени въ области восточныхъ древностей.

Уже одно то обстоятельство, что письма притекаютъ къ фараону со всѣхъ концовъ древняго міра—изъ Вавилона, изъ Ашура, изъ странъ хетитовъ Митани, съ Кипра, изъ сѣверной и южной Сиріи—какъ нельзя рельефнѣе показываетъ то міровое значеніе, которое постепенно пріобрѣлъ Египетъ. Значеніе это еще болѣе подчеркивается стараніями всѣхъ пишущихъ заслужить расположеніе и дружбу Египта—нерѣдко чрезмѣрными восхваленіями фараона и даже раболѣпной лестью [1]). Но, съ другой стороны, письма эти довольно недвусмысленно указываютъ также на то, что мощь Египта уже перешла за кульминаціонный пунктъ своего развитія и начала клониться къ своему упадку.

Преемникомъ Тутмоса IV былъ сынъ его Аменхотепъ III (1411—1375 гг.). Въ первое время его царствованія не замѣтно еще ни малѣй-

---

[1]) „Прахъ отъ ногъ твоихъ“, „подножіе твое“ даже „твой песъ“ или „твой конюхъ“,—вотъ выраженія, въ которыхъ они говорятъ о себѣ самихъ, обращаясь къ фараону. Какъ характерный образчикъ этого стиля приведемъ слѣдующее письмо владѣтельнаго князя Акко, по имени Цутатна, къ Аменофису IV съ выраженіемъ покорности: „Къ царю моему, господину, солнцу небесному. Скажи слѣдующее (это обращено къ тому, кто будетъ читать фараону письмо): Такъ говоритъ Цутатна, изъ Акко, твой (т.-е. чтеца) слуга, слуга царя и прахъ его ногъ, земля, по которой онъ ступаетъ. Къ ногамъ моего господина, бога солнца небеснаго, я припалъ семикратно и снова семикратно навзничь и на спину. Все, что царь, мой господинъ, написалъ своему слугѣ, онъ слышалъ, и все, что мой господинъ тамъ повелѣваетъ, я въ точности выполню“.

шихъ признаковъ упадка власти фараоновъ; напротивъ того, при немъ она достигла своего высшаго развитія. Письма съ выраженіями покорности отъ владыкъ Вавилона, Митани и другихъ странъ не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Болѣе того, при немъ обаяніе власти Египта надъ Азіей столь велико, что ему даже не приходится поддерживать свое господство силою оружія. Никто, очевидно, не дерзаетъ оспаривать гегемонію Египта. Зависимость свою отъ Египта мелкіе вассалы сосѣдней Сиріи и Палестины чувствовали, конечно, болѣе сильно, чѣмъ правители союзныхъ или дружественныхъ государствъ, какъ Вавилонъ, Ассирія, Митани и др. Послѣдніе именуютъ себя все-же „братьями" фараона. Вассальные же царьки Сиріи наперерывъ другъ передъ другомъ соперничаютъ въ увѣреніяхъ и выраженіяхъ своей покорности и вѣрности. Фараонъ чуть ли не во всякомъ болѣе значительномъ городѣ имѣетъ своихъ намѣстниковъ [1]), въ лицѣ которыхъ мелкіе сирійскіе князьки покорно признаютъ верховную власть фараона. Намѣстники, располагавшіе отрядами войскъ, имѣли возможность напоминать забывчивымъ вассаламъ объ ихъ обязанностяхъ. Содержаніе этихъ войскъ падало, по всей вѣроятности, на тѣхъ же вассаловъ. Опираясь на войска, намѣстники фараона круто управляли страной, и вмѣсто былой анархіи и права сильнаго устанавливаются вновь порядокъ и спокойствіе.

Фараону, повидимому, дѣйствительно нечего было болѣе безпокоиться за свою власть надъ Азіей; неисчислимыя богатства, стекавшіяся въ Египетъ изо всѣхъ провинцій, онъ могъ спокойно тратить на культурныя потребности страны, на сооруженіе памятниковъ искусства. Повсюду выростаютъ роскошные храмы и богатыя зданія, красивый архитектурный стиль которыхъ свидѣтельствуетъ о тонкомъ вкусѣ того времени. Особенно въ Ѳивахъ возводятся зданія, отличающіяся изысканной роскошью и производящія столь сильное впечатлѣніе грандіозностью замысла и величіемъ стиля, что можно положительно говорить о тріумфѣ египетской архитектуры.

Спокойствіе въ Азіи было, однако, не болѣе, какъ призрачнымъ. Чѣмъ дольше продолжалось невмѣшательство фараона, тѣмъ самоувѣреннѣе становились его азіатскіе цари и вассалы. Къ концу правленія Аменхотепа III появились даже опасные признаки броженія. Хетиты вторглись въ страну Митани и отсюда проникли въ область сѣвернаго Оронта, находившуюся въ вассальной зависимости отъ Египта. Нѣкоторые сирійскіе вассалы изъ Дамасской области пользуются безпокойнымъ временемъ для расширенія своей территоріи за счетъ владѣній фараона. Положеніе еще болѣе становится угрожающимъ благодаря вторженію семитическихъ кочевыхъ племенъ, такъ называемыхъ „хабири", совершающихъ, какъ разъ въ это время, одинъ изъ своихъ набѣговъ на Сирію и Палестину. Только быстрое и рѣшительное вмѣшательство

[1]) Въ прибрежномъ городѣ Зимирѣ фараонъ имѣетъ даже собственный дворецъ. Здѣсь, точно такъ же, какъ и въ резиденціяхъ намѣстниковъ и въ мѣстахъ расположенія гарнизоновъ, находились, вѣроятно, и святилища для египетскаго богослуженія. Такъ мы знаемъ, что въ Библосѣ находился египетскій храмъ.

1. Обелискъ Тутмоса III въ Александріи (нынѣ въ Нью-Іоркѣ).

2. Перечень городовъ, завоеванныхъ Тутмосомъ III на стѣнѣ храма Амона въ Карнакѣ.

3. Колоссальныя статуи Аменхотепа III, т. н. „Колоссы Мемнона“, близъ Өивъ.

5. Сфинксъ Аменхотепа III въ Петроградѣ.

Колоннада Аменхотепа III въ Луксорскомъ храмѣ (форма колоннъ напоминаетъ связки папируса).

самого фараона съ многочисленнымъ войскомъ могло бы еще возстановить египетскую гегемонію. Но одряхлѣвшій и отвыкшій отъ войны престарѣлый Аменхотепъ III не принялъ лично участія въ походѣ. Войскамъ же, посланнымъ имъ въ угрожаемыя области, удалось лишь на нѣкоторое время сдержать безпокойные элементы и наказать вѣроломныхъ вассаловъ, но они были не въ силахъ надолго отразить напоръ неудержимо стремившихся на югъ хетитовъ. И когда, послѣ 36-лѣтняго царствованія, фараонъ умеръ, власть Египта въ Азіи, казавшаяся непоколебимой при его вступленіи на престолъ, была уже расшатана въ самомъ основаніи.

А между тѣмъ для Египта было несчастіемъ, что власть фараоновъ оказалась въ рукахъ молодого мечтателя, неспособнаго понимать назрѣвшія политическія задачи. Поглощенный дѣлами, свидѣтельствующими о силѣ его религіозныхъ интересовъ и о возвышенности его духовныхъ стремленій [1]), Аменхотепъ (Аменофисъ) IV упустилъ рѣшительный моментъ для упроченія пошатнувшейся гегемоніи Египта надъ Азіей. Вступленіе его на престолъ сопровождается, правда, обычными выраженіями соболѣзнованія со стороны вассаловъ по поводу смерти его отца, а также дружественныхъ и вѣрноподданническихъ чувствъ по отношенію къ новому фараону: вѣдь никто еще не могъ знать тогда какое направленіе приметъ его дальнѣйшая дѣятельность. Однако уже скоро всякія опасенія въ Азіи разсѣялись. Сосѣднія государства и вассалы получили возможность въ рѣшительной формѣ продолжать тотъ образъ дѣйствій, который былъ робко начатъ еще при старомъ фараонѣ. Такъ постепенно складывается новое положеніе вещей, и, вѣроятно, уже на рубежѣ XV и въ началѣ XIV столѣтій, во всякомъ случаѣ начиная съ 1370 года, власть Египта надъ Сиріей и Палестиной является только номинальной. На сѣверѣ — почти до самаго Ханаана — простиралась территорія хетитовъ, на югѣ же, въ собственномъ Ханаанѣ, верховная власть Египта пришла въ состояніе полнаго упадка и разложенія, такъ что серьезно считаться съ ней уже не приходилось.

Въ общемъ, письма эль-Амарны рисуютъ намъ довольно безотрадную картину тогдашняго состоянія Сиріи и Палестины. Оффиціально власть Египта по прежнему какъ будто признается, никто, однако, съ нею серьезно не считается. Правда, могущество властелина принильской имперіи все еще слишкомъ велико для того, чтобы кто-либо осмѣлился открыто выступить противъ него; поэтому въ словахъ и письмахъ вассаловъ все еще повторяются выраженія покорности, граничащія съ раболѣпіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ясно сознаютъ, что фараонъ гдѣ-то очень далеко, что его вниманіе поглощено болѣе важными интересами, чѣмъ дѣла, совершающіяся къ сѣверу отъ Синая, и поэтому за спиной фараона всякій дѣлаетъ то, что ему заблагоразсудится. Подчасъ заключаются и тайныя соглашенія вассаловъ съ врагами фараона, а мелкому соперничеству и враждѣ между князьками нѣтъ

[1]) Главной задачей жизни Аменхотепа IV было стремленіе къ введенію своего рода солнечнаго единобожія съ культомъ одного лишь Атона, божества блестящаго солнечнаго диска. Въ честь его Аменхотепъ IV переименовалъ себя въ Эхнатона, что значитъ „любимецъ Атона“.

конца, при чемъ всѣ они, однако, продолжаютъ посылать фараону жалобы и доносы другъ на друга.

Три опасности стали угрожать власти Египта вслѣдствіе слабости и попустительства Аменхотепа III и особенно Аменхотепа IV: сосѣднія государства на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, мелкіе князья внутри имперіи и, наконецъ, бедуинскія племена.

Среди сосѣдей наиболѣе грозными были тогда не разъ упоминавшіеся нами хетиты. По мѣрѣ того, какъ египетское могущество ослабѣвало, эти сѣверные сосѣди, давно уже продвигавшіеся на югъ—въ Сирію и Палестину—и мѣстами успѣвшіе осѣсть здѣсь небольшими передовыми группами, стали обнаруживать энергичную дѣятельность. Царь Рибъ-Адди изъ Гебала (Библоса) въ Финикіи жалуется на то, что войска хетитовъ опустошаютъ окрестности его города. Изъ донесенія Аби-Милки изъ Тира о хетитахъ нетрудно догадаться о появленіи ихъ въ окрестностяхъ этого города. Само собою разумѣется, что они тѣснятъ также царства Митани и жителей сѣверной Сиріи. Столь же опаснымъ оказалось для Египта и сосѣдство Вавилона и Митани, въ любой моментъ готовыхъ воспользоваться случаемъ, чтобы нанести Египту ударъ. Вавилонскіе цари изъ касситской династіи давали, повидимому, точно такъ же, какъ и цари Митани, немало основаній для жалобъ и опасеній: такъ, Рибъ-Адди доноситъ, что его противникъ входитъ въ соглашенія съ этими государствами, и нельзя-де знать, чѣмъ эта дружба можетъ окончиться для Египта.

Особенно характернымъ является образъ дѣйствій вассаловъ фараона внутри самой страны, мелкихъ царей и владѣтельныхъ князей сельскихъ округовъ и городовъ: Тира, Сидона, Берута, Библоса, Акко, Симиры, Іерусалима, Гезера, Хацора и другихъ. Между ними происходитъ безпрерывная борьба всѣхъ противъ всѣхъ—bellum omnium contra omnes—на ряду съ заговорами и тайными планами противъ великаго египетскаго властелина.

Письма эль-Амарны въ значительной степени наполнены этими взаимными жалобами, обвиненіями и лицемѣрными оправданіями. Особенно подозрительную роль играли намѣстникъ страны Амурру, Абди-Ашратъ (Аширта) и его сынъ Азиру. Подъ страной Амурру въ описываемую эпоху слѣдуетъ понимать область къ сѣверу отъ Берута, т.-е. склоны Ливана и Антиливана. На югѣ область эта граничитъ со страной „Кинахни", т.-е. съ Ханааномъ, который слѣдуетъ отличать отъ Амурру. Положеніе вещей въ области Амурру въ названный періодъ не вполнѣ еще выяснено: несомнѣнно, однако, что страна находилась—подобно всей Сиріи въ до-амарнскую эпоху—въ вассальной зависимости отъ Египта. Первый толчокъ къ серьезнымъ осложненіямъ дало, вѣроятно, вторженіе хетитовъ. Упомянутый выше Абди-Аширта былъ, повидимому, назначенный фараономъ правитель Амурру, который при первомъ появленіи хетитовъ вѣрно исполнялъ свой долгъ; начальникомъ его являлся намѣстникъ („рабису") по имени Пахамната. Кромѣ Абди, были еще и другіе мелкіе туземные князья, равноправные Абди или подчиненные ему. Нѣкоторое время Абди-Аширта, еще продолжаетъ сохранять вѣрность фараону. Позднѣе, однако, не получая, какъ видно, отъ фараона достаточной поддержки, онъ самъ отпадаетъ отъ него, становится

во главѣ безпокойнаго племени Са-Газъ и освобождаетъ изъ-подъ власти фараона всю область Амурру. Изъ приверженца фараона онъ становится пособникомъ хетитовъ и ведетъ ту же политику, что и они. Преемникъ Абди-Аширты, сынъ его Азиру, слѣдуетъ примѣру отца, не вызывая, однако, никакихъ мѣръ противодѣйствія со стороны фараона. Области, подчиненныя другимъ намѣстникамъ или князьямъ, онъ захватываетъ вооруженною силой, грабитъ караваны фараона, осаждаетъ города Симиру и Тунипъ. До фараона доходили жалобы на насильственныя дѣйствія Азиру; однако послѣдній ловко предотвращалъ всякій разъ угрожавшую ему опасность всевозможными вѣрноподданническими увѣреніями; онъ пользуется также заступничествомъ высокопоставленныхъ друзей. Въ концѣ концовъ, вмѣсто того, чтобы понести жестокую кару, Азиру получаетъ назначеніе на постъ царскаго губернатора, и такимъ образомъ становится фактическимъ господиномъ всей области Амурру. Очевидно, совѣтники фараона не нашли другого и лучшаго способа обуздать Азиру: только такимъ образомъ они могли надѣяться обратить его энергію и его честолюбіе на пользу власти, для которой онъ былъ постоянной угрозой. Впрочемъ, нѣкоторые намеки даютъ основаніе предполагать, что самоуправство Азиру имѣло и свою хорошую сторону, приведя Сирію подъ господство одного хищника вмѣсто цѣлой шайки мелкихъ грабителей. Тѣмъ рельефнѣе вырисовывается на этомъ фонѣ дряблость и безпомощная растерянность египетскаго правительства. Какъ долго Азиру сохранялъ свою „вѣрность“ фараону, мы не знаемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что она, во всякомъ случаѣ, была непродолжительна. Съ другой стороны, положеніе его — въ виду превосходства хетитовъ, постоянно угрожавшихъ ему съ сѣвера — было далеко не завиднымъ. Спустя нѣкоторое время, потерявши надежду на помощь фараона, Азиру становится подъ защиту хетитовъ и дѣлается ихъ вассаломъ въ качествѣ „царя Амурру“. Границы его владѣній устанавливаются договоромъ, въ которомъ весь тотъ періодъ времени, въ продолженіе котораго Азиру сохранялъ „вѣрность“ фараону, квалифицируется, какъ „отпаденіе“ отъ царя хетитскаго и переходъ его на сторону фараона.

Едва ли не хуже складывались обстоятельства въ собственномъ Ханаанѣ. Князья приморскихъ финикійскихъ городовъ, соблюдая свои торговые интересы, не останавливаются предъ самымъ угодливымъ пресмыкательствомъ и самыми низкими доносами, лишь бы снискать себѣ расположеніе фараона. Въ области Гезера и въ центральной части страны, нѣкій Лапаія ведетъ какую-то темную игру, при чемъ, однако, коалиціи племенныхъ вождей удалось разстроить всѣ его планы. Но особенно типично положеніе, создавшееся вокругъ Іерусалима (Урусалимъ). Городомъ правилъ князь, по имени Абдихиба. Въ письмахъ къ фараону ему безпрестанно приходится жаловаться, такъ какъ онъ вѣчно интригуетъ противъ всѣхъ, и противники его прибѣгаютъ къ этому же средству противъ него. Гезеръ, Аскалонъ, Лахишъ, Милкіэль, какой-то владѣтельный князь, осѣвшій въ филистимской области, родня вышеупомянутаго Лапаіи, — всѣ они, а быть можетъ еще и другіе города и князья, наперерывъ враждуютъ съ нимъ. Неудивительно, что, поощряе-

4*

мые этими раздорами и неурядицами, „хабири“ становятся все болѣе смѣлыми, такъ что даже царскіе караваны не разъ подвергаются нападенію и разграбленію съ ихъ стороны.

Вотъ какъ гласитъ одно изъ писемъ Абдихибы къ Аменхотепу IV: „Къ царю, моему господину: Абдихиба, твой рабъ. Къ ногамъ моего господина я припадаю семикратно и снова семикратно. Пусть царь внемлетъ словамъ его раба, которыя ему передадутъ. Пусть царь знаетъ: всѣ царства заключили союзъ противъ меня, и потому пусть царь заботится о своей странѣ. Знай, что область Газри (Гезера) и Ашкелона и городъ Лахишъ снабдили ихъ пищей, елеемъ и всѣмъ необходимымъ. Поэтому пусть царь снарядитъ свое войско и пришлетъ войска противъ князей, поднявшихся на царя, моего господина. Если въ этомъ еще году прибудутъ войска, то страна и князья останутся во власти царя, моего господина; если же войскъ не будетъ, тогда ни страна, ни князья не останутся во власти царя, моего господина. Смотри, эта страна Іерусалимъ,—вѣдь ее не отецъ мой мнѣ далъ и не мать моя мнѣ дала, а мощная рука царя дала ее мнѣ. Смотри, это дѣло—дѣло рукъ Милкіэля и сыновей Лапаіи, которые предаютъ страну царя въ руки хабири. Караваны царя были ограблены въ окрестностяхъ Аялона. Пусть знаетъ царь, мой господинъ, что поэтому я не могу снарядить каравана царю, моему господину. Такъ помни же это. Смотри, царь распростеръ свое имя надъ Іерусалимомъ навѣки, поэтому онъ не можетъ оставить безъ помощи область Іерусалима“.

Въ другомъ письмѣ того же Абдихибы читаемъ: „Чѣмъ провинился я передъ царемъ, моимъ господиномъ? На меня клевещутъ передъ царемъ, говоря: Абдихиба отпалъ отъ царя, своего господина. Вѣдь не отецъ мой и не мать моя посадили меня на это мѣсто, а мощная рука царя водворила меня въ моей отчизнѣ. Клянусь жизнью царя, что за то, что я говорю рабису (намѣстнику) царя: «зачѣмъ ты оказываешь предпочтеніе хабири и обижаешь туземныхъ князей?»—за это они на меня клевещутъ... Клянусь жизнью царя, что пока будетъ приходить (изъ Египта) чиновникъ, я буду всегда повторять: „царская земля погибаетъ“. Но не обращаютъ вниманія на слова мои!.. Потеряны всѣ вассалы, и у царя, моего господина, не будетъ болѣе вассаловъ. И потому пусть царь обратитъ вниманіе на войска, и пусть прибудутъ войска царя, моего господина. Нѣтъ болѣе страны у царя: хабири опустошаютъ владѣнія царя. Если подоспѣютъ войска въ этомъ году, тогда страна останется во власти царя, моего господина; если же войскъ не будетъ, тогда вся область царя, моего господина, будетъ потеряна. Къ секретарю царя, моего господина: Абдихиба, твой рабъ. Передай ясно слова царю, моему господину: погибаютъ всѣ владѣнія царя, моего господина“.

Но фараонъ былъ, очевидно, безсиленъ защитить отъ натиска хабири „область Іерусалима“, надъ которой онъ „распростеръ свое имя“, и слѣдующее письмо Абдихибы звучитъ, какъ послѣдній призывъ: „Смотри, царь распростеръ свое имя надъ восходомъ солнца и надъ закатомъ солнца (надъ востокомъ и западомъ). Пусть же царь заботится о своей странѣ. Пока на морѣ были суда, мощная рука царя занимала

Нахриму и Кашъ (т.-е. Нахарину, сѣверную Месопотамію, и страну касситовъ—Вавилонію), теперь же города царя занимаютъ хабири. Ни одинъ князь не останется у царя, моего господина. Если въ этомъ году не будетъ войскъ, то пусть царь пришлетъ своего чиновника, чтобы онъ взялъ съ собою меня и сородичей моихъ, дабы мы умерли у царя, моего господина".

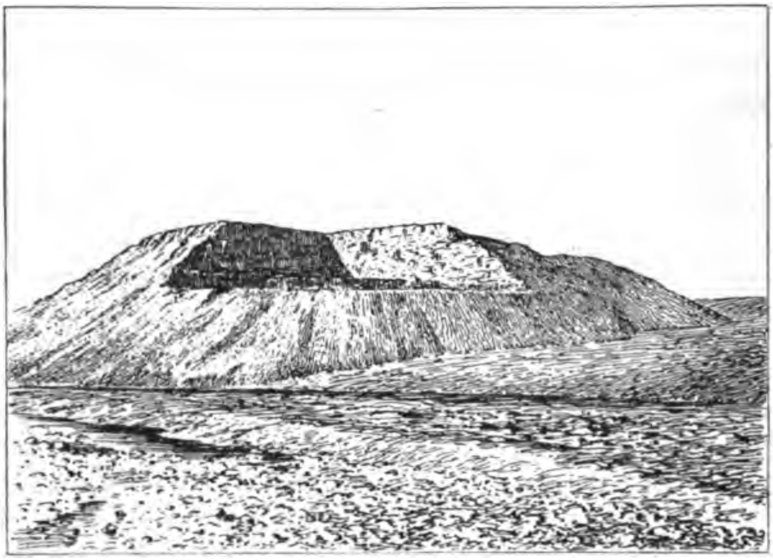
Но помощь отъ Аменхотепа IV не явилась, и, какъ гласитъ одно изъ слѣдующихъ писемъ Абдихибы, „владѣнія царя утрачены и перешли къ хабири".

Подъ упоминаемыми въ этихъ письмахъ „хабири" („или хабиру") надлежитъ, безъ сомнѣнія, разумѣть бедуинскія племена, проникшія въ страну изъ восточныхъ степей, чтобы пользуясь смутами, раздиравшими страну, овладѣть отдѣльными частями ея территоріи. Есть основанія предполагать, что они не только носили то же имя, что и עברים (ибримъ)—эбериты, но и дѣйствительно составляли вмѣстѣ съ ними какую-то одну общую племенную группу. Нельзя, конечно, прямо отожествлять ихъ съ израильтянами, но весьма возможно, что то же теченіе, которое толкнуло израильскія колѣна на путь странствованія, приведшій ихъ въ Палестину, занесло сюда и эти бедуинскія племена; возможно также, что та племенная вѣтвь, изъ которой выкристаллизовался впослѣдствіи израильскій народъ, была однимъ изъ отвѣтвленій большой группы семитическихъ племенъ, носившей общее имя эберитовъ или хабири [1]).

Глиняная таблица изъ Телль эль-Амарны съ письмомъ Абдихибы къ фараону Аменхотепу IV.

[1]) Такую же роль, какая приписывается „хабири" въ письмахъ изъ Іерусалима (изъ этого можно заключить, что „хабири" были извѣстны только на югѣ), играло упоминавшееся уже племя Са-Газъ, съ той лишь разницей, что представители послѣдняго встрѣчаются повсемѣстно, особенно же многочисленны они были на сѣверѣ. Несомнѣнно, что и они пришли съ востока, чтобы овладѣть страной. Врядъ ли, поэтому, мы ошибемся, если предположимъ, что племя, именуемое Са-Газъ, находилось въ близкомъ родствѣ съ тѣми же хабири.

Видъ холма Телль эль-Хези (на мѣстѣ древняго Лахиша) послѣ произведенныхъ въ немъ раскопокъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Древнѣйшая культура Ханаана.

1. Новѣйшія раскопки въ южной Палестинѣ.

Главнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о культурныхъ условіяхъ и религіозномъ бытѣ до-израильскаго Ханаана являются, помимо таблицъ эль-Амарны, произведенныя на мѣстѣ раскопки. Большинство этихъ раскопокъ было предпринято въ самое последнее время, и результаты ихъ, далеко не давая исчерпывающей картины, все же раскрываютъ предъ нами многое изъ этой отдаленной исторической эпохи. Краткій обзоръ хода и результатовъ главнѣйшихъ раскопокъ представляется, поэтому, необходимой предпосылкой для лучшаго уясненія себѣ древнѣйшей культурной исторіи Ханаана. При этомъ особенное значеніе для насъ имѣютъ раскопки въ слѣдующихъ трехъ мѣстностяхъ: въ холмахъ Шефелы, въ Гезерѣ и въ Изреэльской долинѣ, т.-е. въ Таанахѣ и Мегиддо.

Холмы Шефелы. — Честь иниціативы новѣйшихъ раскопокъ въ Палестинѣ принадлежитъ англійскому Palestine Exploration Fund, предпринявшему первыя работы въ Телль эль-Хези. Мѣсто это расположено въ двадцати шести километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Газы; это, какъ есть основаніе предположить, древній Лахишъ, имѣвшій уже тогда крупное стратегическое значеніе.

Первый же курганъ, съ котораго начались эти раскопки, раскрылъ типическую картину поселенія, многократно возобновлявшагося на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе ряда вѣковъ. Здѣсь, какъ въ свое время при раскопкахъ Трои, открылся цѣлый рядъ городовъ или селеній, напластованныхъ другъ надъ другомъ. Каждое изъ нихъ возникало на развалинахъ предшествующаго, покинутаго своими обитателями или подвергшагося разрушенію, и вертикальный разрѣзъ холма вплоть до его подошвы на голой скалѣ даетъ возможность прослѣдить послѣдовательное развитіе поселенія въ теченіе многихъ поколѣній.

Руководитель первыхъ же раскопокъ замѣтилъ приблизительно на половинѣ высоты кургана большое пожарище, какъ бы раздѣляющее исторію кургана на два основныхъ періода, и поставилъ это въ связь съ вторженіемъ израильскихъ колѣнъ въ XIII или XII вѣкѣ. Въ общемъ, можно различить одинъ надъ другимъ восемь городовъ, или поселеній. Уже древнѣйшій слой обнаруживаетъ наличность сильнаго укрѣпленія, которое началось еще на рубежѣ второго тысячелѣтія, т.-е. въ эпоху усиленія египетскаго вліянія въ Азіи. Наряду съ кремневыми орудіями, въ домахъ этого слоя, расположенныхъ въ окруженной крѣпостными стѣнами части города, было найдено оружіе и утварь изъ бронзы, а также черепки примитивныхъ рукодѣльныхъ горшковъ съ линейной орнаментировкой. Надъ древнѣйшимъ слоемъ расположены на небольшихъ разстояніяхъ второй и третій городъ. Послѣдній особенно замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь была обнаружена единственная глиняная таблица съ письменами, подобная таблицамъ эль-Амарны. Эта таблица представляетъ собою письмо къ египетскому вельможѣ: два лица, извѣстныя намъ изъ писемъ эль-Амарны, обвиняются въ заговорѣ противъ фараона. Далѣе, здѣсь были найдены скарабеи (амулеты въ видѣ жуковъ) 18-ой династіи (XV—XIV вв.) и бронзовая фигура египетскаго бога Бэса; здѣсь же оказались уже древне-кипрскія глиняныя издѣлія и черепки всевозможныхъ предметовъ микенскаго происхожденія. Надъ этимъ слоемъ находится отмѣченное выше пожарище, а надъ нимъ четвертый городъ съ довольно ясными слѣдами египетскаго вліянія. Въ немъ были, однако, найдены также и кипрскіе, финикійскіе и микенскіе сосуды и своеобразныя глиняныя лампы, зарытыя подъ стѣнами домовъ. Слои отъ пятаго до восьмого, наоборотъ, представляютъ мало интереснаго для нашей эпохи.

Въ послѣдующіе годы тѣмъ же англійскимъ Palestine Exploration Fund былъ изслѣдованъ цѣлый рядъ другихъ кургановъ въ окрестностяхъ Лахиша, къ западу и сѣверо-западу отъ послѣдняго. Одинъ изъ нихъ, Телль-Закаріе, быть можетъ, совпадающій съ древнимъ городомъ Азекомъ, представляетъ собою сильное укрѣпленіе съ четырехугольными башнями; защитительныя сооруженія окружаютъ городскія стѣны, въ районѣ которыхъ найдены сосуды, относящіеся къ періоду 1000—600 гг. Столь же замѣчательны обширныя пещеры подъ городомъ, состоящія частью изъ естественныхъ гротовъ, частью изъ искусственно высѣченныхъ въ скалѣ помѣщеній различной величины, предназначенныхъ, вѣроятно, служить убѣжищемъ на случай осады, подобно такъ назы-

ваемымъ „соломоновымъ стойламъ“ [1]) внутри іерусалимской Храмовой горы. Пещеры эти возникли, быть можетъ, еще въ до-израильскій періодъ. Здѣсь же были найдены кувшины съ мѣчеными ручками, видимо, работы царскихъ гончарныхъ мастерскихъ, содержавшихся іудейскими царями въ VII вѣкѣ. Кромѣ того, нашлись еще амфоры красивой формы египетскаго типа изъ эпохи 18—19 династій, и такія же туземнаго происхожденія.

Нѣсколько западнѣе предполагаемаго мѣста расположенія Азека лежитъ Телль эсъ-Сафи, принимаемый обыкновенно за филистимскій Гатъ. Здѣсь, внутри окружной стѣны, обнаружены три главныхъ слоя, относящихся: одинъ къ первой, другой ко второй половинѣ второго тысячелѣтія, и третій—къ первому тысячелѣтію. Во второмъ слоѣ найдены остатки древнѣйшей керамики и своеобразные туземные предметы, разрисованные спиральнымъ орнаментомъ; имѣются, кромѣ того, и настоящіе микенскіе образцы, а также много предметовъ болѣе поздняго времени, особенно греческаго происхожденія. Всего важнѣе находки, дающія основаніе заключить о существованіи специфически-филистимскаго искусства. Онѣ относятся къ среднему слою, точнѣе, къ періоду отъ 1400 до 1100 г., и представляютъ собою туземное подражаніе настоящимъ микенскимъ издѣліямъ.

Нѣсколько къ сѣверо-востоку отъ Гата, при скрещеніи важныхъ соединительныхъ путей, ведущихъ изъ Хеброна въ Газу, съ одной стороны, и съ сѣвера на югъ—съ другой, былъ, очевидно, расположенъ древній Морешетъ (нынѣ Хирбетъ-Мерашъ). Особенный интересъ представляютъ здѣсь многочисленныя подземелья, составляющія свыше 400 отдѣльныхъ помѣщеній. Ходы, соединяющіе отдѣльные склепы, подчасъ столь узки, что пролѣзть въ нихъ стоитъ большихъ усилій. Подземелья эти, помимо всевозможныхъ хозяйственныхъ цѣлей, несомнѣнно, служили нѣкогда также мѣстомъ жилья или убѣжища—либо постояннаго, либо лишь на время осады. Устроены они были впервые, вѣроятно, еще въ до-израильскую эпоху.

Раскопки въ Шефелѣ отличаются одной общей всѣмъ имъ чертой: вырытыя здѣсь поселенія никогда не были чисто израильскими городами. Здѣсь можно, поэтому, заранѣе ожидать данныхъ, относящихся не столько къ быту самихъ іудеевъ, сколько къ культурѣ и религіи филистимлянъ и смѣшаннаго населенія, жившаго на границѣ іудейскаго племени. Само собою разумѣется, что и здѣсь, подобно тому, какъ это было въ Гезерѣ, не могло не сказаться вліяніе близости Египта и постоянныхъ сношеній съ нимъ.

Раскопки въ Гезерѣ.—Особенно видное мѣсто въ исторіи новѣйшихъ раскопокъ, безспорно, должно быть отведено кургану древ-

[1]) Такъ называются обширныя подземныя помѣщенія, устроенныя на подобіе конюшенъ въ Іерусалимѣ, въ южной части Храмовой горы (Харамъ эшъ-Шерифъ). Въ современномъ ихъ видѣ они относятся, вѣроятно, къ эпохѣ арабскаго завоеванія, но арабами и крестоносцами они были только расширены, первоначальное же устройство ихъ относится къ значительно болѣе древней эпохѣ.

няго Гезера, часто упоминаемаго въ памятникахъ со временъ Тутмоса III. Мѣстоположеніе на пути изъ Іудейскихъ горъ и Іерусалима въ портовый городъ Іафо (Яффа) обезпечивало Гезеру во всѣ времена и эпохи большое стратегическое и политическое значеніе. Слѣды древнѣйшаго поселенія, обнаруженные въ холмѣ, относятся еще къ до-семитической эпохѣ, заходящей далеко вглубь третьяго, а быть можетъ, даже въ конецъ четвертаго тысячелѣтія. Древнѣшіе поселенцы, которыхъ надо отнести къ послѣдней эпохѣ каменнаго вѣка, размѣстились здѣсь частью на самой скалѣ, частью же подъ нею—въ пещерахъ, расширенныхъ ими при помощи каменныхъ орудій. Къ этой эпохѣ относятся найденные при раскопкахъ грубые рисунки звѣрей и рукодѣльная керамика съ разнообразными украшеніями и линіями въ краскахъ. Одна изъ пещеръ, о которой уже была рѣчь при описаніи каменнаго вѣка, служила мѣстомъ сожженія труповъ. Мѣстные первые поселенцы, повидимому, умѣли уже возводить значительныя укрѣпленія.

Несомнѣнное преобладаніе семитовъ среди населенія Палестины мы должны отнести, какъ указывалось выше, къ серединѣ третьяго тысячелѣтія, и соотвѣтственно этому древнѣйшая до-израильско-семитическая эпоха Гезера начинается отъ 2500 г. и доходитъ приблизительно до 1500 г. до хр. эры. Въ этотъ періодъ своего существованія Гезеръ представляетъ собою укрѣпленное поселеніе, сооруженія котораго приближаются, повидимому, къ египетскому типу. Сожженіе мертвыхъ смѣнилось здѣсь погребеніемъ, притомъ въ предѣлахъ городской стѣны. Въ могилахъ нашли много сосудовъ, бронзовыхъ предметовъ и скарабеевъ 12-ой и 13-ой династій. Огромный туннель въ скалѣ, ведущій къ пещерѣ съ бьющимъ въ ней бурнымъ ключемъ, относится къ этому же періоду.

Со времени вторженія Тутмоса III начинается третій періодъ Гезера. Существовавшая уже раньше стѣна подвергается при этомъ разрушенію, на ея мѣстѣ сооружается третья по счету окружная стѣна, которая и простояла до самаго исхода древнѣйшей исторіи. Съ этого же времени начинается—вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія—и погребеніе мертвыхъ внѣ городскихъ стѣнъ, въ такъ называемыхъ „шахтенныхъ“ гробницахъ, въ которыхъ отъ вертикальной шахты отвѣтвляется ходъ къ самой могилѣ. Въ ту эпоху возникаетъ обычай класть въ могилы небольшія лампочки, символизирующія человѣческую жизнь. Наиболѣе замѣчательную находку всего этого слоя, если не всего кургана, представляетъ получившій широкую извѣстность рядъ каменныхъ колоннъ, такъ называемыхъ м а с с е б ъ (מצבות), указывающихъ на мѣсто бывшаго мегалитическаго древне-ханаанейскаго святилища. Эти массебы представляютъ собою грубо обтесанные монолиты различной величины; крупнѣйшій достигаетъ въ вышину $3^1/_4$, наименьшій—$1^1/_2$ метра. Всѣ они расположены почти въ рядъ, въ направленіи приблизительно съ сѣвера на югъ. На небольшомъ разстояніи отъ этого ряда находятся двѣ круглыхъ цистерны каменной кладки, въ которыхъ найдены разбитые кипрскіе сосуды поздней бронзовой эпохи и маленькая бронзовая змѣйка. Въ непосредственной связи съ колоннами находятся и найденные вблизи

вкопанные въ землю двуручные кувшины съ трупами новорожденныхъ дѣтей. Въ этомъ же слоѣ обнаружено много изображеній египетской богини Хаторъ изъ терракоты, далѣе изображенія Астарты разнаго рода, большей частью въ видѣ обнаженной богини плодородія.

Начиная съ десятаго столѣтія въ Гезерѣ появляется специфически израильскій элементъ. Городскія стѣны—вѣроятно, въ царствованіе Соломона—ремонтируются и сильно укрѣпляются. Въ устройствѣ могилъ, высѣченныхъ въ скалахъ, замѣчается возвратъ къ болѣе примитивнымъ формамъ: теперь онѣ представляютъ собою небрежно сооруженные могильные склепы съ круглыми входными отверстіями. Въ могилахъ были найдены бронзовое оружіе и небольшія вазы кипрскаго типа, съ красиво нарисованными геометрическими рисунками; далѣе, широкія бутылки и лампа въ видѣ птицы туземной выдѣлки. Найдены здѣсь также печати безъ всякихъ изображеній (въ чемъ, быть можетъ, слѣдуетъ усматривать вліяніе іагвизма, не допускающаго никакихъ изображеній), царскіе бронзовые вѣсы и двѣ ассирійскія продажныя грамоты, относящіяся къ серединѣ VII столѣтія.

Глиняныя чаши и лампы финикійскаго образца изъ Лахиша.

Общій видъ развалинъ древняго Іерихона.

2. Новѣйшія раскопки въ сѣверной Палестинѣ.

Раскопки въ Таанахѣ. Значеніе ханаанейской крѣпости Таанахъ, расположенной на южной окраинѣ Изреэльской долины и впослѣдствіи перешедшей въ руки Израиля, явствуетъ изъ того, что она фигурируетъ въ числѣ завоеванныхъ Тутмосомъ III городовъ; затѣмъ крѣпость упоминается какъ въ письмахъ эль-Амарны, такъ и еще позднѣе, при завоеваніи страны израильтянами. Она, далѣе, играетъ роль въ сраженіи Деборы (Суд., гл. 5, 19) и, наконецъ, она вновь упоминается въ перечнѣ окружныхъ городовъ Соломоновыхъ (I Цар. 4, 12), а также среди поселеній, разграбленныхъ фараономъ Шешонкомъ (Шишакомъ). Этотъ важный для археологіи пунктъ былъ открытъ въ 1902—1903 гг., при чемъ были установлены три рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга фазиса развитія этого города: доизраильскій; или ханаанейскій, изральско-іудейскій, и третій—насъ здѣсь не интересующій—арабско-средневѣковый.

Древнѣйшій слой содержитъ кремневую утварь и оружіе, нѣсколько позже также бронзовые ножи, копья, стрѣлы, долота, и т. п. Этотъ слой относится, такимъ образомъ, вѣроятно, еще къ поздней эпохѣ каменнаго вѣка, съ постепеннымъ переходомъ къ бронзовому вѣку. Точнѣе возникновеніе этого слоя относится къ эпохѣ между 2500 и 2000 гг., т.-е. ко времени болѣе сильнаго проникновенія въ Палестину семитовъ. Слѣды до-семитической культуры почти совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ слоѣ были найдены красивые алебастровые кувшины, масса

кремневыхъ ножей и стрѣлъ, кирпичный цилиндръ изъ эпохи около 2000 года и скарабей, относящійся, вѣроятно, къ той же эпохѣ. Въ этомъ древнѣйшемъ слоѣ начинается постройка жилищъ въ видѣ примитивныхъ глиняныхъ мазанокъ, непосредственно на природной скалѣ.

Вскорѣ, однако, появляется искусство сооруженія настоящихъ замковъ. Эта стадія развитія строительнаго искусства представлена здѣсь княжескимъ замкомъ. Одинъ скарабей эпохи Тутмоса III даетъ основаніе для предположенія, что это тотъ, именно, замокъ, который былъ разграбленъ названнымъ фараономъ около 1500 года. Другое зданіе того же типа слѣдуетъ отнести, согласно найденнымъ здѣсь документамъ, къ эпохѣ эль-Амарны. Обнаруженныя въ Таанахѣ дѣтскія могилы дѣлаютъ вѣроятнымъ существованіе обычая замуровыванія труповъ. Многочисленныя золотыя украшенія и рядъ изображеній боговъ, особенно Астарты, даютъ возможность судить объ уровнѣ прикладныхъ искусствъ, если только признать происхожденіе всѣхъ этихъ предметовъ туземнымъ.

Во второмъ слоѣ, обнимающемъ скорѣе всего эпоху между 1000 и 700 гг., имѣются большія зданія съ массой кремневыхъ и бронзовыхъ орудій; замурованныя дѣтскія могилы не вывелись, повидимому, еще и въ это время. Главнымъ зданіемъ этого слоя является замокъ, сооруженный, быть можетъ, Соломономъ для своего намѣстника въ качествѣ укрѣпленной резиденціи внѣ города. Чужеземныя вліянія, судя по дошедшему до насъ скарабею, продолжались, но вавилонское вліяніе идетъ на убыль, на его же мѣстѣ появляется кипрско-финикійское.

Къ тому же времени, около 700 года, какъ видно, относится и наиболѣе извѣстная изъ всѣхъ таанахскихъ находокъ—сосудъ, обозначаемый, какъ „жертвенникъ для воскуренія", истинное значеніе коего,—впредь до новыхъ открытій, которые, быть можетъ, прольютъ когда-нибудь свѣтъ на этотъ вопросъ,—не поддается опредѣленію.

Раскопки въ Мегиддо.—Въ 1903—1905 гг. были начаты раскопки на мѣстѣ нахожденія древняго Мегиддо, въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Таанаха, на холмѣ, нынѣ именуемомъ Телль эль-Мутеселлимъ. Значеніе Мегиддо во многихъ отношеніяхъ аналогично значенію Таанаха: и этотъ городъ, подобно Таанаху, завоеванъ и разграбленъ Тутмосомъ III, онъ, какъ и тотъ, неоднократно упоминается въ перепискѣ эль-Амарны; наконецъ, онъ играетъ ту же роль, что и Таанахъ, въ битвѣ Деборы и въ эпоху Соломона. То же можно сказать и про результаты, которые получились для науки отъ раскопокъ, произведенныхъ въ этихъ мѣстностяхъ. Все различіе сводится къ тому, что здѣсь обнаружено болѣе древнее, обширное поселеніе. Различіе это вполнѣ объясняется господствующимъ положеніемъ, которое Мегиддо занималъ на большой дорогѣ, ведущей изъ Египта въ Дамаскъ; такое счастливое мѣстоположеніе дѣлало Мегиддо ключемъ всей долины и придавало ему уже въ древнѣйшія времена высокую цѣнность въ глазахъ современниковъ; такъ, напримѣръ, Тутмосъ III говоритъ, что Мегиддо „стоитъ цѣлой тысячи другихъ городовъ".

Въ Мегиддо явственѣе и въ большей сохранности, чѣмъ гдѣ бы то ни было, раскрылся типъ тогдашнихъ укрѣпленій, свидѣтельствующихъ о

высокомъ уровнѣ развитія фортификаціоннаго искусства. Далѣе, здѣсь, какъ въ Лахишѣ и Гезерѣ, обнаружены слѣды смѣняющихся поколѣній въ видѣ напластованныхъ одинъ надъ другимъ слоевъ. Въ Мегиддо изслѣдователи насчитываютъ восемь такихъ пластовъ; возможно, однако, что дѣйствительное число ихъ было еще больше.

Древнѣйшіе слѣды человѣка сохранились здѣсь какъ на природной скалѣ холма (до которой, во время раскопокъ, удалось проникнуть въ двухъ мѣстахъ), такъ и подъ нею. Въ скалѣ, наряду съ естественными углубленіями, обнаружены также искусственныя, при чемъ часть послѣднихъ имѣетъ круглую форму. Видъ этихъ углубленій не даетъ возможности сдѣлать опредѣленный выводъ относительно ихъ назначенія; они могли служить для собиранія дождевой воды, для разведенія огня, для размельченія хлѣбныхъ зеренъ или, наконецъ, для укрѣпленія свай примитивныхъ хижинъ. Подъ скалой имѣются естественныя, а быть можетъ, и искусственно расширенныя пещеры, безусловно, служившія для жилья, такъ какъ освѣщались разставленными въ стѣнныхъ нишахъ лампочками. Первое поселеніе на самой скалѣ состояло, повидимому, лишь изъ соломенныхъ и глиняныхъ шалашей.

Второй пластъ отдѣляется отъ перваго слоемъ развалинъ и мусора до $1^1/_2$ метровъ толщины. Здѣсь можно наблюдать уже возникновеніе болѣе прочныхъ жилищъ каменной кладки. Къ этому пласту относятся возведенная надъ подножіемъ холма круговая стѣна и построенный по тому же типу зàмокъ, именуемый „египетскимъ", въ виду множества найденныхъ здѣсь скарабеевъ. Подъ этимъ зàмкомъ былъ обнаруженъ рядъ могильныхъ склеповъ, изъ которыхъ первый содержалъ нѣсколько скелетовъ, оправленные золотомъ скарабеи въ стилѣ XX вѣка до хр. эры, а также 42 сосуда для съѣстныхъ припасовъ. Въ другомъ склепѣ оказалось 12 погребенныхъ, у изголовья которыхъ стояли сосуды для съѣстныхъ припасовъ, бутылки и лампы. Тутъ же оказались кремни, костяныя орудія, бронза, различныя украшенія и скарабеи. Надъ вторымъ пластомъ находимъ толстый слой развалинъ, доказывающій, что кирпичныя постройки города и укрѣпленія второго слоя подверглись полному разрушенію, вѣроятно, при вторженіи Тутмоса III.

Въ слѣдующемъ, третьемъ, пластѣ также открыты развалины замковъ; во дворѣ одного изъ нихъ сохранились два обелиска, а неподалеку—примитивный идолъ, что какъ будто свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь древняго капища. Поблизости оказался также обломокъ горшка красивой работы, куски глиняной чаши, окрашенной въ красновато-коричневый цвѣтъ, съ изображеніемъ пальмъ, козловъ и съ сѣтчатымъ узоромъ. Наконецъ, были найдены какіе-то знаки, похожіе на буквы. Къ той же категоріи относятся и многочисленныя мелкія находки въ могилахъ этого пласта и въ другихъ мѣстахъ его. Особаго упоминанія заслуживаютъ сосудъ съ рисунками красновато-бурой окраски, терракотовый женскій торсъ, всевозможные геометрическіе узоры, терракотовые предметы совершенно примитивной въ своихъ пріемахъ техники, такіе же предметы нѣсколько лучшаго исполненія, примитивная

ручная мельница. Большинство предметовъ изготовлено изъ кремня, хотя встрѣчается и бронза.

Третій пластъ характеризуется особенно появленіемъ впервые желѣза. Это обстоятельство даетъ довольно точный критерій для опредѣленія эпохи. Въ обиходѣ у ханаанеянъ желѣзо находилось уже въ эпоху вторженія въ страну израильтянъ; оно, однако далеко еще не служило предметомъ повседневнаго употребленія, встрѣчаясь лишь въ единичныхъ случаяхъ. Наряду съ желѣзомъ попрежнему примѣняются не только бронза, но, вѣроятно, еще и кремень. Такъ и въ нашихъ раскопкахъ рядомъ съ желѣзомъ встрѣчается еще много кремневыхъ издѣлій, отличающихся тонкостью обработки. Тѣмъ самымъ опредѣляется принадлежность этого слоя къ 1500—1300 гг., т. е. къ эпохѣ эль-Амарны.

Затѣмъ слѣдуетъ четвертый пластъ, находки котораго отмѣчены печатью поздне-микенскаго, быть можетъ, даже ранне-кипрскаго происхожденія, при чемъ издѣлія эти могли быть привезены извнѣ или же представлять собою подражаніе иностраннымъ образцамъ. Изъ предметовъ этихъ слѣдуетъ особенно упомянуть треножникъ изящной работы, съ фигурою человѣка, играющаго на флейтѣ и поддерживающаго бронзовую чашу для воскуреній; бронзовыя подставки съ нижними частями о трехъ и четырехъ ножкахъ, поддерживающихъ различныя чаши; металлическіе предметы хорошей выдѣлки; всевозможные глиняные кувшины, желѣзные ножи и косы съ костяными ручками, украшенными геометрическими розетками, красивые горшки то въ видѣ львиной фигуры, то въ видѣ утки; далѣе, по одной фигурѣ голубя и обезьяны, изъ которыхъ послѣдняя служила, быть можетъ, подставкой для чаши; наконецъ, тридцать два скарабея, при чемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣчено имя Тутмоса III Менхеперре.

Къ какому времени отнести этотъ слой? Если опредѣленіе предшествующей эпохи, сдѣланное по признаку перваго появленія желѣза, правильно, то большее распространеніе этого металла, все еще рѣдкаго въ употребленіи, должно было бы указывать на возникновеніе четвертаго пласта въ эпоху вторженія израильтянъ въ Ханаанъ или же—на непосредственно слѣдующій періодъ. Съ другой стороны, городъ Мегиддо попалъ, вѣроятно, послѣ битвы Деборы въ руки израильтянъ, которые, однако, не сумѣли удержать за собою обладаніе городомъ; только Давидъ вновь завладѣлъ имъ, и съ тѣхъ поръ Мегиддо остался за израильтянами. Такъ какъ войны въ эпоху Давида отличались особеннымъ ожесточеніемъ, то къ этому, именно, моменту и надо отнести, повидимому, полное разрушеніе четвертаго пласта, слѣды котораго сохранились въ видѣ обширнаго пожарища.

Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается и обслѣдованіемъ пятаго пласта. Разрушеніе города при Давидѣ должно было произойти около 1000 года. Затѣмъ послѣдовало, конечно, возобновленіе города и крѣпости, теперь уже чисто израильскихъ. Пятый пластъ, раскопки котораго не доведены до конца, скрывалъ въ себѣ дворецъ, неподалеку отъ него зданіе съ каменными колоннами и, наконецъ, сооруженіе, въ которомъ надо, повидимому, видѣть храмовой замокъ. Каменная кладка

дворца представляетъ собой рядъ большихъ, обтесанныхъ съ боковъ, каменныхъ плитъ. Самъ по себѣ этотъ строительный методъ, весьма приближающійся къ типу Соломонова храма, вполнѣ подходитъ и къ эпохѣ Соломона. Возможно, однако, также, что постройка эта относится къ VIII вѣку, весьма цѣнившему образцы соломоновой культуры. Изъ ряда мелкихъ находокъ этого слоя выдѣляются особенно красиво исполненная печать „Шемы, слуги Іеробеама", сработанная, вѣроятно, въ самомъ Ханаанѣ, хотя и по вавилонскимъ образцамъ; далѣе, печать Асафа, отмѣченная явными слѣдами египетскаго вліянія; рядъ глиняныхъ и терракотовыхъ женскихъ фигуръ, изъ которыхъ часть выполнена въ египетскомъ стилѣ. Въ расположенномъ по близости отъ такъ называемаго дворца мѣстѣ обнаружено три ряда каменныхъ колоннъ, изъ которыхъ одну, несомнѣнно, слѣдуетъ считать „массебой". Весьма интересна, далѣе, красивая капитель съ завитками древне-кипрскаго происхожденія. Заслуживаютъ еще упоминанія нѣсколько разбитыхъ глиняныхъ ящиковъ, служившихъ, вѣроятно, для храненія документовъ. Когда и при какихъ обстоятельствахъ этотъ пластъ, восходящій, вѣроятно, къ VIII столѣтію, былъ разрушенъ, остается совершенно невыясненнымъ. Можно было бы привести его гибель въ связь съ событіями 722 года (т.-е. съ паденіемъ Самаріи), но для этого, однако, мы не располагаемъ достаточными данными.

Въ шестомъ пластѣ найденъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и, съ точки зрѣнія исторіи искусствъ, наиболѣе интересныхъ предметовъ всѣхъ этихъ раскопокъ—большой сосудъ для воскуреній изъ раскрашенной глины. Рядомъ съ этимъ сосудомъ лежалъ нѣкогда другой того же рода. По стилю они напоминаютъ ассирійскіе образцы. Большое значеніе имѣетъ открытіе кузнечной мастерской со значительнымъ количествомъ желѣзныхъ лемеховъ и различныхъ орудій, а также необработаннаго желѣза. Мы здѣсь, очевидно, попадаемъ въ полосу общераспространенной обработки желѣза.

Седьмой пластъ относится къ послѣднимъ вѣкамъ до хр. эры, восьмой—какъ это указано нами выше—къ арабскому періоду.

Раскопки въ Іерихонѣ.—Въ началѣ 1908 г. были предприняты раскопки холма Іерихона (около арабской деревушки Риха), продолжавшіяся кряду нѣсколько лѣтъ.

На глубинѣ трехъ метровъ была разрыта внѣшняя городская стѣна. Раскрытіе всей этой стѣны, представляющей собой грандіозное сооруженіе древнѣйшей исторической эпохи Палестины, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ раскопокъ. Стѣна свидѣтельствуетъ о долгомъ опытѣ жителей въ дѣлѣ сооруженія циклопическихъ построекъ. Она состоитъ изъ трехъ частей. Первая—пластъ фундамента изъ глины и щебня толщиною въ одинъ метръ. На этомъ фундаментѣ возвышается стѣна въ пять метровъ изъ необтесаннаго камня съ откосомъ. На ней возведена отвѣсная крѣпостная стѣна изъ кирпича, отъ которой сохранились лишь незначительные остатки. Если представить себѣ былой видъ этого сооруженія, тѣснымъ непрерывнымъ кольцомъ замыкавшаго городъ, то легко понять, какое впечатлѣніе

оно должно было производить: Іерихонъ со своей мощной наружной стѣной долженъ былъ представляться тому времени неприступной и непобѣдимой твердыней. Позади этой внѣшней стѣны имѣлась еще вторая—внутренняя, на восточномъ и западномъ концахъ которой возвышались двѣ угловыя башни. Между внѣшней (собственно городской) и внутренней стѣнами разрыты дома, относящіеся къ различнымъ періодамъ. Часть древняго іудейскаго города удалось возсоздать, и реконструкція эта даетъ яркую картину всего устройства города съ его улицами, дворами и воротами. Особеннаго вниманія заслуживаетъ зданіе дворцоваго типа приблизительно IX вѣка: въ серединѣ его находятся два длинныхъ прямоугольныхъ помѣщенія, позади нихъ и рядомъ съ ними нѣсколько квадратныхъ комнатъ. Подъ фундаментомъ этого зданія всюду виднѣются мощныя древнія кирпичныя стѣны. Было высказано весьма правдоподобное предположеніе, что это зданіе, представляетъ собою дворецъ Хіэля, возстановившаго, какъ извѣстно (кн. Цар., 16, 34), во времена Ахаба городъ Іерихонъ, который представлялъ собою съ эпохи Іошуи груду развалинъ: дворецъ Хіэля былъ, очевидно, возведенъ на развалинахъ древняго ханаанейскаго замка.

Подобнымъ же образомъ значительную часть пространства, обнесеннаго внутренней стѣной, занималъ, повидимому, іудейскій городъ, въ свою очередь, возвышавшійся на развалинахъ своего ханаанейскаго предшественника. Городъ этотъ относится къ VIII столѣтію; онъ прорѣзывается узенькой уличкой, ширина которой не превышаетъ 2—3 метровъ; по этой улицѣ расположены небольшіе домики въ двѣ-три комнаты, окружающія маленькій дворикъ. По сохранившимся остаткамъ можно установить расположеніе израильскаго дома VIII вѣка до хр. эры: непокрытый дворъ, на восточной сторонѣ котораго находилась скамья; большая, длинная комната, сѣни и кухня съ большой глиняной бочкой для воды,—таково было устройство этого дома. Найденные тутъ же многочисленные мелкіе предметы даютъ возможность возстановить даже весь инвентарь, всю обстановку дома.

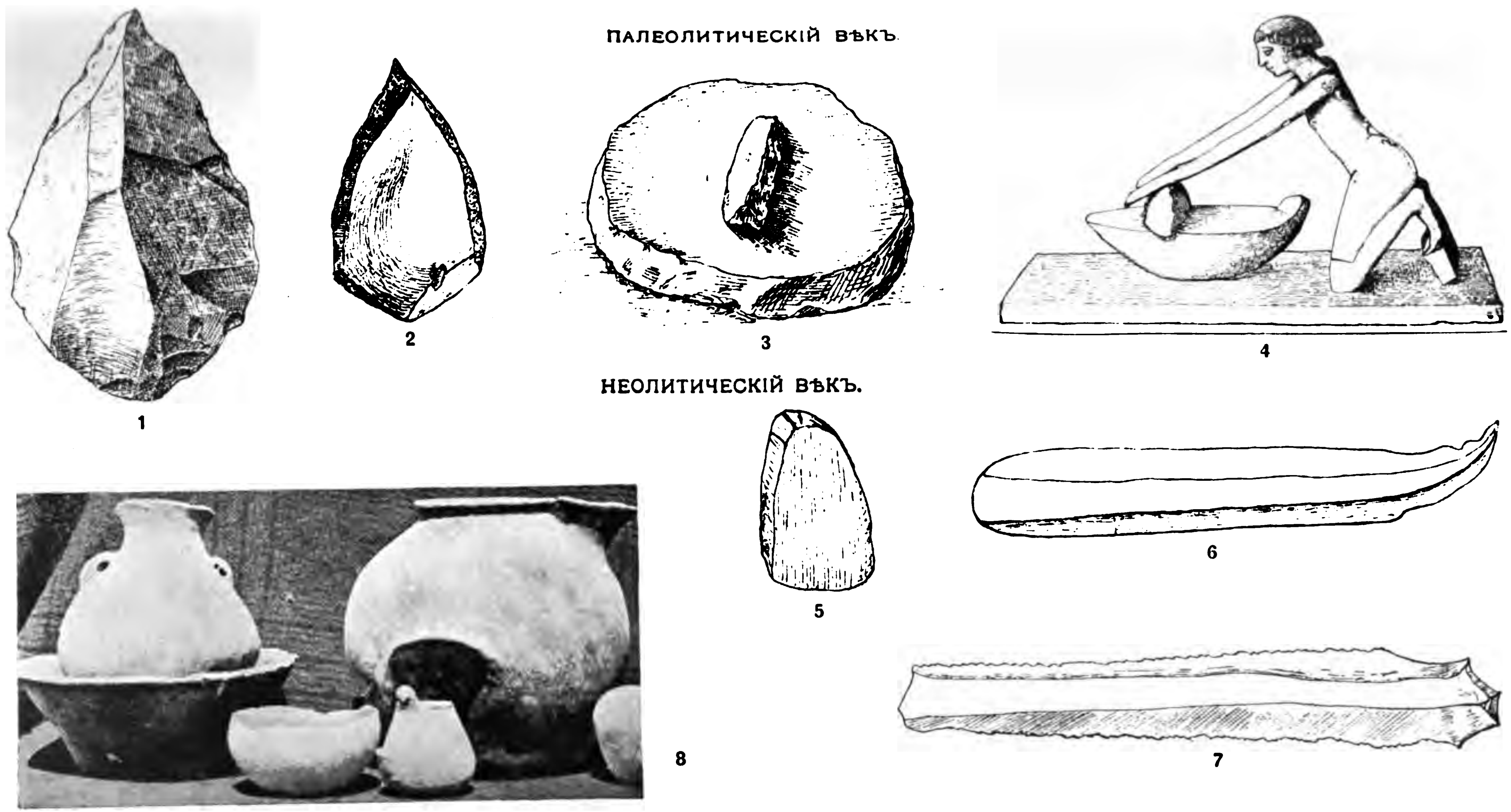
По сравненію съ громаднымъ значеніемъ, которое имѣютъ іерихонскія раскопки для возсозданія тогдашняго строительнаго искусства,—какъ городского, такъ и домашняго,—отдѣльные предметы представляютъ, конечно, уже второстепенный интересъ. Упомянемъ лишь о многочисленныхъ типично-израильскихъ находкахъ, относящихся къ VIII вѣку; сюда относятся блюда, тарелки, амфоры, лампы и т. п., формы которыхъ указываютъ на кипрское и западное происхожденіе и не обнаруживаютъ никакой связи съ Ханааномъ.

Особаго интереса заслуживаютъ еще помѣтки и надписи на ручкахъ кувшиновъ. Онѣ относятся, повидимому, къ V—III вѣкамъ и среди прочитанныхъ на нихъ словъ встрѣчаются неоднократно имена божества: Іа и Іагу.

Раскопки въ Самаріи.—Послѣднія раскопки[1]) предприняты на

[1]) Результаты производившихся въ теченіе 1912—1913 гг. и отчасти продолжавшихся позднѣе раскопокъ въ Сихемѣ и др. мѣстахъ, еще не опубликованы.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКІЙ ВѢКЪ.

Орудія и сосуды каменнаго вѣка, найденные въ Палестинѣ.

Палеолитическій вѣкъ: Топоръ (1), буравъ (2) и ручная мельница (3), найденные въ окрестностяхъ Іерусалима. 4. Египтянка, размалывающая на ручной мельницѣ зерно (по статуэткѣ, относящ. къ эпохѣ III-ей династіи). **Неолитическій вѣкъ:** 5. Молотъ изъ зеленаго мрамора. 6. Буравъ. 7. Рѣзецъ. 8. Глиняные сосуды, найден. въ неолитич. пещерѣ въ Гезерѣ.

Изд. Т-ва „МІРЪ".

холмѣ, носящемъ нынѣ имя Себастіе и расположенномъ на мѣстѣ древней Самаріи. Работы эти, какъ и слѣдовало ожидать, раскрыли прежде всего части города, называвшагося въ римскую эпоху Севастой. Но вскорѣ были найдены также слѣды древне-израильскихъ сооруженій, а при продолженіи обслѣдованія, лѣтомъ 1910 года, было обнаружено четыре отдѣльныхъ строительныхъ періода, разсматриваемыхъ руководителями раскопокъ, какъ памятники эпохъ Омри, отца Ахаба, самого Ахаба и его преемниковъ Iегу и Iеровоама II. Предположеніе это подтверждается найденной здѣсь алебастровой вазой съ именемъ современника Ахаба, египетскаго фараона Озоркона II (874—853).

Тамъ же, гдѣ ваза Озоркона, были найдены около 75 исписанныхъ черепковъ съ древне-еврейскими надписями, начертанными сѣверо-семитическими буквенными письменами, отличающимися большой легкостью и изяществомъ и весьма близкими къ характеру письма надписи изъ Шилоаха [1]). Это, за немногими исключеніями, не надписи на сосудахъ; которые впослѣдствіи разбились, а такъ называемые „ostraka" въ собственномъ смыслѣ, т.-е. черепки, исписанные уже послѣ того, какъ самый сосудъ былъ разбитъ. Такіе черепки встрѣчаются, какъ извѣстно, въ большомъ количествѣ среди находокъ поздне-египетской, особенно птолемеевской эпохи. Извѣстны они намъ также изъ Греціи, со временъ Аристида, по такъ называемому остракизму, т.-е. голосованію, производившемуся посредствомъ записокъ на глиняныхъ черепкахъ. Знаемъ мы ихъ, наконецъ, и изъ древняго Египта, эпохи новаго царства. Здѣсь эти черепки часто встрѣчаются въ видѣ кусковъ известняка, которые каменьщики обыкновенно оставляютъ въ большомъ количествѣ при обтесываніи камней. Подобно тому, какъ египетскіе черепки и папирусы, такъ и найденные въ Самаріи черепки исписаны чернилами (во многихъ случаяхъ еще хорошо сохранившимися) и при помощи тростниковаго пера. Расшифрованіе ихъ значительно облегчается извѣстнымъ намъ изъ другихъ древне-еврейскихъ и финикійскихъ надписей отдѣленіемъ словъ другъ отъ друга точками или косыми линіями.

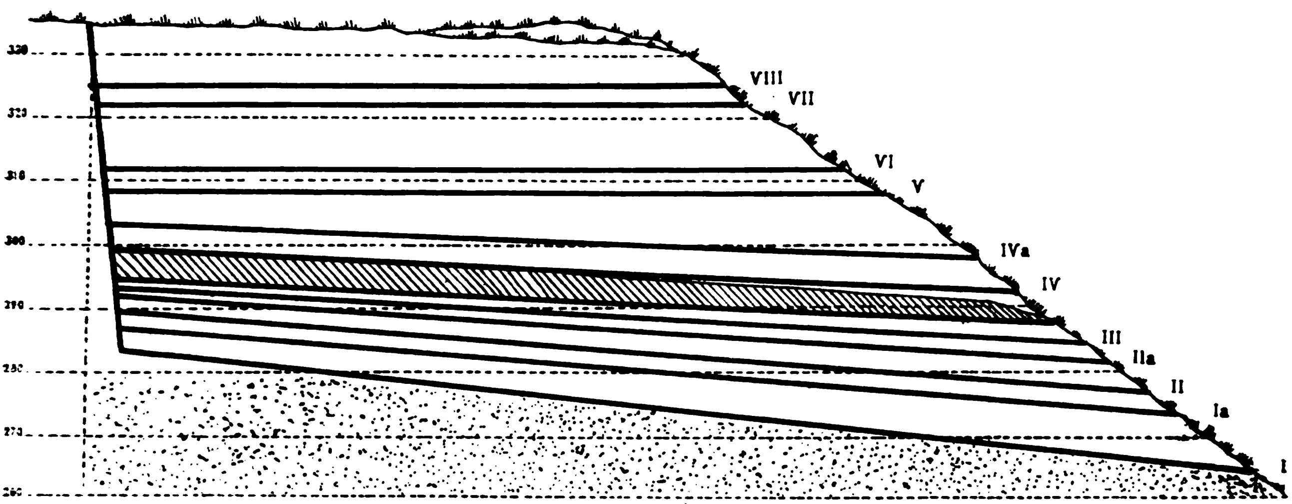
Эти черепки были, повидимому, чѣмъ-то въ родѣ сопроводительныхъ писемъ, или накладныхъ, къ кувшинамъ, въ которыхъ хранилось вино или масло. То, что найдено до сихъ поръ, повидимому, нѣкогда представляло изъ себя нѣчто въ родѣ кладовой или архива дворца, можно думать, что часть кувшиновъ, къ которымъ относились эти документы, была наполнена произведеніями царскихъ виноградниковъ и масличныхъ плантацій, содержимое же остальной и большей части кувшиновъ представляло собой натуральныя подати, собиравшіяся съ населенія и доставлявшіяся къ царскому двору.

[1]) Извѣстная надпись изъ Шилоаха (Силоамская), открытая въ 1880 г. на стѣнѣ подземнаго канала, прорытаго въ Сіонскомъ холмѣ, въ Iерусалимѣ, представляетъ собою краткое описаніе хода работъ по прорытію этого канала. Такъ какъ надпись эту относятъ обыкновенно къ эпохѣ царя Хискіи, то до времени раскопокъ въ Самаріи она являлась древнѣйшей буквенной (не клинописной) надписью на еврейскомъ языкѣ. Внѣшній видъ и содержаніе Силоамской надписи, а также надписи моабскаго царя Меши, читатель найдетъ во 2-мъ томѣ.

Въ общемъ, палеографическое, культурное и религіозно-историческое значеніе результатовъ раскопокъ въ Самаріи чрезвычайно велико. Среди большого количества именъ встрѣчаются такія, какъ Мерибаалъ, Агеліау, Мараніау, которыя, въ качествѣ древнихъ „теофорныхъ" именъ, даютъ возможность заглянуть вглубь религіозныхъ воззрѣній того времени.

Фундаментъ Іерихонскихъ стѣнъ съ сѣвера.

Расположеніе слоевъ въ Телль-эль Хези (слѣва—высоты надъ уровнемъ моря въ футахъ).

3. Первобытная культура Ханаана (до 2500 г.).

Пытаясь набросать картину культуры и религіозныхъ воззрѣній обитателей древнѣйшей Палестины, мы, естественно, и здѣсь должны начать съ доисторическихъ временъ.

О человѣкѣ палеолитическаго періода, по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыми до настоящаго времени располагаетъ наука, можно сказать развѣ лишь то, что это былъ пещерный житель, употреблявшій лишь самые примитивные способы обработки камня и дерева, быть можетъ, и кости.

Значительно богаче наши свѣдѣнія о населеніи Палестины въ періодъ неолитическій. Древнѣйшимъ слоемъ его, быть можетъ, переходнымъ отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду, мы должны считать тѣ поколѣнія, которыя сооружали своеобразныя *циклопическія* постройки въ окрестностяхъ Кармеля и въ Заіорданьѣ. Подобныя сооруженія предполагаютъ сравнительно высокій уровень умственнаго развитія.

Вотъ почему послѣдующія поколѣнія обыкновенно смотрѣли на эти и имъ подобные мегалитическіе памятники какъ на твореніе вымершихъ поколѣній великановъ (ср. Бытіе, 6, 4; 14, 6; Второз. 2, 10—12). Если встрѣчающееся въ Библіи наименованіе „царская дорога" (Числа, 20, 17; 21, 22) относится къ дорогамъ, построеннымъ въ эту именно эпоху, то это доказываетъ, что въ израильскомъ преданіи сохранилось воспоминаніе о томъ, что подобныя сооруженія могли возникнуть только благодаря хорошо организованной государственной власти. Это, правда, еще очень мало говоритъ намъ объ образѣ жизни, характерѣ и особенностяхъ этихъ людей, но одно можно безъ всякихъ колебаній предположить, а именно то, что уже у этихъ людей древнѣйшей эпохи существовали извѣстная дисциплина и организація, до нѣкоторой степени аналогичныя государственному строю.

Жизнь и бытовой укладъ этого древнѣйшаго населенія Палестины

вполнѣ освѣщаются результатами раскопки древнѣйшихъ слоевъ Гезера и Мегиддо, относящихся приблизительно къ тому же періоду. Таанахъ также даетъ кое-какія указанія, благодаря которымъ мы можемъ себѣ болѣе или менѣе конкретно представить жизнь палестинскихъ обитателей неолитическаго періода, несмотря на то, что заселеніе этого мѣста началось значительно позже. Во всѣхъ трехъ пунктахъ мы наблюдаемъ одну и ту же общую черту—обращать въ жилье многочисленныя естественныя пещеры, которыми изобилуютъ палестинскія возвышенности. Пещера нерѣдко искусственно расширяется, снабжается желобами для стока дождевой воды, цистернами для питьевой воды и кладовыми для хлѣба, освѣщается посредствомъ лампъ или свѣтильниковъ. Приспособленная такимъ образомъ пещера обезпечиваетъ своимъ обитателямъ достаточное убѣжище, первоначально—постоянное, а впослѣдствіи—лишь на время военной опасности или ненастья. Вскорѣ люди, повидимому, отваживались выходить и на поверхность земли, гдѣ и обзаводились убогими соломенными и глиняными шалашами. И здѣсь, видимо, также дѣлались уже попытки обезопасить поселеніе отъ непріятельскихъ набѣговъ. Въ Гезерѣ сохранились слѣды каменной стѣны съ валомъ впереди нея, относящейся къ этой же эпохѣ. Главное занятіе населенія составляла охота, но къ ней уже рано присоединились земледѣліе и прирученіе домашнихъ животныхъ. Въ пещерѣ найдены кости овецъ, козъ, коровъ, свиней. Мясо для пищи приготовлялось въ спеціально устроенныхъ углубленіяхъ—способъ, сохранившійся и въ значительно болѣе позднія эпохи; добываніе огня было, повидимому, издавна извѣстно. Очаги были выложены внутри камнями, которые раскалялись и такимъ образомъ давали сильный жаръ.

Слѣды первобытной техники можно найти въ тщательной полировкѣ кремня для ножей, мечей, копій и стрѣлъ, въ особенности же въ приспособленіи его для серповъ и лемеховъ. Но и въ области архитектуры приходится констатировать въ описываемую эпоху несомнѣнный техническій прогрессъ; такъ., напр., въ Іерихонѣ сооруженіе стѣнъ и домовъ, несомнѣнно, началось уже въ четвертомъ тысячелѣтіи.

Наряду съ этимъ, извѣстной степени совершенства достигаетъ обработка глины. Такъ, уже въ эту эпоху изготовляются самые разнообразные глиняные сосуды, какъ то: кувшины, чаши, блюда, лампы; всѣ они обнаруживаютъ слѣды извѣстной формовки, даже нѣкотораго чувства красоты. Краснобурая глина окрашивается первоначально одноцвѣтно, безъ всякихъ рисунковъ; вскорѣ появляются слегка нацарапанныя или выдавленныя украшенія; одновременно нерѣдко встрѣчается уже свѣтлая, желтовато-бѣлая окраска глины съ линейнымъ орнаментомъ: сѣтчаткой, волнистыми линіями и т. п.; имѣется даже попытка изобразить животныхъ: коровъ, буйволовъ, оленей. Стремленіе человѣка оживить мертвую глиняную поверхность сквозитъ также въ шахматныхъ узорахъ и группахъ точекъ, встрѣчающихся на различныхъ издѣліяхъ.

Однако всѣ эти примитивныя проявленія техники совершенно затмеваются открытымъ въ Гезерѣ туннелемъ въ 70 метровъ длины,

выдолбленнымъ въ скалѣ и направляющимся къ источнику; восемьдесятъ ступеней ведутъ въ глубину, а въ стѣнахъ туннеля выбиты ниши для установки лампъ. Начиная съ эпохи эль-Амарны ходъ этотъ былъ, повидимому, засыпанъ; по крайней мѣрѣ, послѣдніе по времени найденные здѣсь предметы относятся къ названной эпохѣ. Очевидно, туннель этотъ сооруженъ былъ еще въ каменный вѣкъ; по крайней мѣрѣ, способъ его обдѣлки тотъ же, что и въ пещерахъ, и носитъ явные слѣды каменныхъ долотъ.

Весьма важное значеніе для уясненія образа жизни и понятій первобытныхъ народовъ имѣютъ, какъ извѣстно, господствующіе у нихъ погребальные обычаи. Выше уже описаны отрытыя въ Гезерѣ мѣста погребенія, и мы видѣли, что обычнымъ являлось въ то время сжиганіе труповъ. Въ первую голову это слѣдуетъ объяснить себѣ желаніемъ возможно скорѣе устранить трупъ; но обычай этотъ, въ свою очередь, предполагаетъ существованіе представленія о неразрывной связи души съ тѣломъ: сожженіемъ трупа первобытный человѣкъ надѣялся, повидимому, уничтожить и душу умершаго (которую онъ себѣ представлялъ неразрывно связанной съ тѣломъ), и лишить его, такимъ образомъ, возможности причинять живущимъ вредъ. Исходя изъ этого, мы должны предположить, что люди эти имѣли самыя примитивныя воззрѣнія на душу; они, очевидно, вѣрили, что душа бродитъ по свѣту, причиняя вредъ людямъ, пока тѣло претерпѣваетъ процессъ разложенія.

О совершенно иномъ воззрѣніи на природу души свидѣтельствуютъ памятники изъ крупнаго камня, относящіеся къ концу неолитическаго періода. Памятники эти предполагаютъ не сожженіе, а погребеніе труповъ, которое и примѣнялось семитами, насколько намъ извѣстно, во всѣ времена. Очевидно, этотъ погребальный обычай вытекаетъ изъ стремленія сохранить трупъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время [1]). При такомъ отношеніи къ трупу руководствовались, вѣроятно, представленіемъ, что душа не погибаетъ послѣ смерти человѣка, а продолжаетъ жить, и что пещероподобное хранилище мѣшаетъ ей бродить по свѣту и причинять вредъ оставшимся въ живыхъ. Обычай приносить пищу и питье умершимъ въ мѣста ихъ пребыванія вполнѣ подтверждаетъ такое объясненіе. Представленіе о продолжающейся и за гробомъ жизни покойниковъ и вытекающія отсюда анимистическія вѣрованія, ведущія къ почитанію предковъ, несомнѣнно, съ самаго начала стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ указаннымъ воззрѣніемъ.

Этимъ исчерпывается почти все то, что мы въ настоящее время съ достовѣрностью можемъ сказать о культурѣ, бытѣ и духовной жизни,—если не считать религію,—древнѣйшаго (по всей вѣроятности, не-семитическаго) населенія Палестины. Остается еще бросить взглядъ на семитическое населеніе страны въ эту эпоху. Предшествующее изложеніе показало, что уже въ весьма древнее время въ Палестинѣ или, точнѣе, въ южныхъ ея областяхъ, находились семиты. Они занимали прибрежные, вѣроятно также и нѣкоторые другіе, города, укрѣпляя ихъ

[1]) Объ искусственномъ сохраненіи трупа, посредствомъ бальзамированія, намъ ничего неизвѣстно; главное вниманіе обращалось здѣсь на то, чтобы трупъ находился въ наглухо закрытомъ помѣщеніи.

валами и башнями. Оружіемъ ихъ въ рукопашномъ бою являлась дубина, въ бою же на разстояніи—лукъ и копье. Занимались они земледѣліемъ, знали культуру виноградной лозы и фиговаго дерева. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ этихъ семитахъ, все же мы можемъ считать несомнѣннымъ, что они достигли значительно болѣе высокой степени культуры, чѣмъ упоминавшіеся выше не-семиты въ тотъ же періодъ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что населеніе страны составляли въ одно и то же время два существенно отличающіеся другъ отъ друга элемента, находящіеся на различныхъ ступеняхъ культуры. Благодаря соприкосновенію съ Египтомъ и большой способности къ заимствованію, семиты, надо полагать, пріобрѣли различныя познанія и навыки, получили вскорѣ превосходство надъ не-семитами и съ теченіемъ времени подчинили ихъ себѣ окончательно.

Что касается религіи этихъ древнѣйшихъ жителей Палестины, то необходимо обратить вниманіе, прежде всего, на мегалитическіе памятники, служившіе цѣлямъ культа, особенно на „кромлехи" или каменные круги, „менгиры" и монолитическія каменныя колонны. О характерѣ этого культа современная наука ничего достовѣрнаго не знаетъ. Относительно же самаго религіознаго характера этихъ памятниковъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо „каменные круги" (по евр. גלגל) признавались позже израильтянами ханаанейской святыней, а родственныя менгирамъ „массебы"—мѣстомъ пребыванія или символомъ божества. Къ этому же древнѣйшему времени мы можемъ отнести прообразъ позднѣйшихъ массебъ—дикій камень, обращенный концомъ кверху и, быть можетъ, нѣсколько заостренный. Относительно господствовавшаго въ тѣ времена представленія о высшихъ существахъ, служившихъ предметомъ культа, мы также вынуждены довольствоваться однѣми лишь догадками или же выводами, сдѣланными на основаніи того, что извѣстно относительно болѣе позднихъ временъ. Каменный кругъ служилъ, вѣроятно, оградой священнаго мѣста. Внутри его происходило, повидимому, поклоненіе высшему существу. А такъ какъ каменные круги представляютъ собою сохранившіяся по сіе время ограды бывшихъ мѣстъ погребенія въ видѣ дольменовъ, то и здѣсь невольно возникаетъ мысль объ анимистическихъ воззрѣніяхъ: духамъ предковъ въ предѣлахъ священнаго мѣста, по всей вѣроятноси, приносились дары. Менгиръ же скорѣе всего считался мѣстомъ пребыванія локальнаго божества, могучаго духа земли, господствующаго надъ всей окрестностью.

Еще яснѣе выступаетъ связь мегалитическихъ дольменовъ—или каменныхъ келій — съ мѣстомъ погребенія. На нихъ имѣются иногда чашеподобныя углубленія, которыя, если только они относятся къ тому же времени, какъ и сооруженіе самихъ дольменовъ, могутъ быть истолкованы только, какъ небольшіе резервуары, предназначенные для возліянія питья мертвецамъ; подобныя углубленія встрѣчаются на могилахъ весьма часто. Но и тамъ, гдѣ не удается найти ихъ слѣдовъ, масса аналогій заставляетъ съ увѣренностью предположить, что погребенныхъ здѣсь мертвецовъ снабжали въ древнее время различными дарами и приношеніями; обычай этотъ, свидѣтельствующій объ уваженіи къ умер-

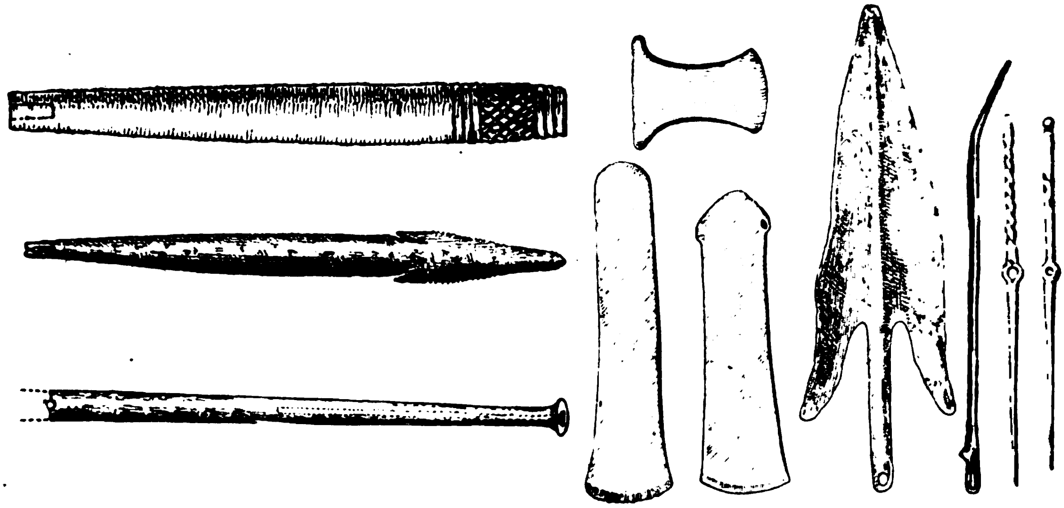
шимъ, врядъ ли отличается чѣмъ-либо въ теоріи и практикѣ отъ поклоненія покойникамъ, какъ высшимъ существамъ. Неоднократно было, далѣе, замѣчено, особенно въ Гезерѣ и Мегиддо, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скала выступаетъ наружу, она покрыта рядомъ чашеподобныхъ углубленій. Нѣкоторыя изъ нихъ могли преслѣдовать самыя различныя цѣли. Какъ уже было указано, одни изъ нихъ могли служить въ качествѣ ступки для размельченія зерна или для укрѣпленія стоекъ отъ хижинъ, другія же могли имѣть одно лишь назначеніе—собиранія жидкости, такъ какъ они соединены между собою нѣсколькими желобками: они могли быть предназначены либо для собиранія дождевой воды, либо для храненія священной жидкости: воды, вина, елея, крови,—слѣдовательно, это были жертвенныя чаши [1]).

Встрѣчаемыя въ Библіи указанія на примѣненіе скалъ, особенно впадинъ въ нихъ (ср. „гумно" Арауны, II Сам., 24, 25), для богослужебныхъ цѣлей, а также на выливаніе жидкостей въ видѣ жертвоприношенія, равно какъ нѣкоторыя другія аналогіи, позволяютъ предположить, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ жертвенными чашами. Совершавшійся здѣсь культъ мы должны представить себѣ слѣдующимъ образомъ: приношеніе клалось или наливалось во впадину скалы и, такъ сказать, уносилось отсюда тѣмъ существомъ, для котораго оно предназначалось. Что касается самихъ этихъ высшихъ существъ, то въ нихъ надо видѣть, прежде всего, духовъ земли и источниковъ; быть можетъ, они мыслились, какъ покровители плодородія, обитавшіе на скалистыхъ утесахъ, вблизи гумна или ключа.

Жертвенная скала съ углубленіями изъ Мегиддо.

[1]) Духъ умершаго не представлялся попросту существомъ, томящимся жаждой и голодомъ. Согласно примитивнымъ представленіямъ, духъ этотъ становится высшимъ существомъ, а кормленіе его—своего рода богослужебнымъ или, по меньшей мѣрѣ, священнымъ дѣйствіемъ. Характерно уже то, что духи умершихъ считаются обладателями высшаго знанія и потому вызываются для предсказанія (I Сам. 28, 7 и сл.; Исаія 8, 19; Второз. 18, 11; ср. также обозначеніе ихъ словомъ „элогимъ").

Слѣва—костяные предметы изъ Мегиддо: ручка, наконечникъ стрѣлы, флейта. Справа—бронзовыя орудія изъ Лахиша: топоры, наконечникъ копья, игла, два шила.

4. Культура Ханаана въ эпоху отъ 2500 до 2000 гг.

Сношенія Палестины съ Египтомъ и Месопотаміей, завязавшіяся уже въ предшествующій періодъ, становятся съ средины третьяго тысячелѣтія постоянными. Въ частности, сношенія съ Вавилономъ не прерываются болѣе съ тѣхъ поръ, какъ Саргонъ изъ Агадэ завоевываетъ область Амурру, а Гудеа овладѣваетъ Ливаномъ. Вслѣдъ за воинами слѣдуютъ вавилонскіе купцы и товары, а съ ними всевозможныя культурныя пріобрѣтенія, не исключая божествъ, религіозныхъ идей и миѳовъ. Быть можетъ, уже около этого времени города Сиріи и Палестины познакомились съ вавилонскими разсказами о сотвореніи міра и о всемірномъ потопѣ, а храмы ихъ тогда же восприняли культъ нѣкоторыхъ божествъ, какъ то: Иштаръ, Набу, Сина и Нергаля. Точно также съ юга вновь усиливается египетское вліяніе, хотя политическая мощь Египта съ упадкомъ древняго царства все болѣе идетъ на убыль.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что уже въ это время въ палестинскихъ курганахъ обнаруживаются слѣды иноземнаго вліянія, и что семитическій элементъ, черпающій свои культурныя силы изъ аморейскаго Шинеара, проявляется въ это время съ особенной силой.

Прогрессъ эпохи самъ собою создаетъ новыя условія жизни. Съ возникновеніемъ искусства укрѣплять поселенія валомъ и стѣною, пещерная жизнь прекращается и уступаетъ мѣсто жизни въ деревняхъ и городахъ. Въ связи съ этимъ, дѣятельность человѣка становится все болѣе интенсивной, болѣе разнообразной. Сношенія внутри страны и съ чужеземными народами зарождаютъ идею торговыхъ каравановъ: торговыя сношенія становятся все болѣе постоянными, особенно въ приморскихъ городахъ, но также и въ глубинѣ страны. По всей вѣроятно-

Торговый караванъ семитовъ, направляющійся въ Египетъ.

Стѣнная живопись на гробницѣ въ Бени-Гассанѣ, относящаяся къ началу XIX в. до хр. эры.

„ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

Типо Лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Москва.

сти, посредниками во внутренней торговлѣ впервые явились кочевыя племена, жившія въ странѣ наряду съ сельскимъ и городскимъ населеніемъ, въ особенности же въ пограничныхъ областяхъ. Торговцы, изображенные на барельефѣ въ Бени-Гассанъ, принадлежащемъ къ слѣдующей эпохѣ, были, навѣрное, не первыми въ своемъ родѣ. Крестьянинъ получаетъ отъ земли ея продукты: хлѣбъ, оливковое масло, вино, и продаетъ ихъ бедуинамъ и горожанамъ. Послѣдніе культивируютъ зарождающіяся ремесла, строительство домовъ и городовъ и прикладныя искусства. Суровый и временами непривѣтливый горный климатъ, несомнѣнно, уже вызвалъ къ жизни прядильное и ткацкое искусство. Политическія условія вынуждаютъ къ изученію военнаго дѣла, къ усовершенствованію оружія, къ усиленію и увеличенію числа первыхъ примитивныхъ укрѣпленій—по образцу болѣе древнихъ городовъ, построенныхъ, вѣроятно, подъ египетскимъ вліяніемъ. Оборона городовъ сама собою выдвинула отдѣльныхъ властелиновъ, такъ что, вѣрнѣе всего, страна находилась въ то время уже въ управленіи отдѣльныхъ городскихъ и сельскихъ князей. Главными предметами вооруженія были, попрежнему, дубина, лукъ и стрѣлы, вѣроятно, также копье съ каменнымъ наконечникомъ и каменный ножъ. Бронза постепенно начинаетъ вытѣснять кремень, особенно въ высшихъ общественныхъ кругахъ.

Важной принадлежностью защищеннаго города является правильное снабженіе его водой. Естественно, что повсюду уже въ древнѣйшія времена мы находимъ водоемы. Въ Гезерѣ и Мегиддо съ этой цѣлью пользовались пещерами, служившими жильемъ и мѣстомъ погребенія для древнѣйшаго населенія; входъ въ пещеру закладывался, въ потолкѣ ея проламывалось отверстіе, а въ полу выдалбливалось углубленіе, въ которомъ вода могла бы собираться. Особенно трудное и искусное сооруженіе для добыванія воды представляетъ собою описанный выше туннель въ Гезерѣ, созданный, вѣроятно, лишь въ разсматриваемую эпоху. Своеобразное устройство этого туннеля не исключаетъ, однако, возможности, что первоначальной цѣлью его строителя было не столько добываніе воды, сколько обезпеченіе жителямъ возможности выхода на случай осады. Въ обоихъ случаяхъ сооруженіе это въ одинаково равной мѣрѣ заслуживаетъ удивленія.

Очень сильными были ханаанейскія и аморейскія укрѣпленія, съ которыми приходилось, между 2500—2000 гг., имѣть дѣло египтянамъ и вавилонянамъ. Насколько мы знаемъ, кромѣ Мегидо и Гезера, сюда относятся извѣстные изъ египетскихъ источниковъ города Нетія, Библосъ и Сихемъ. Открытое или слабо укрѣпленное поселеніе представлялъ, насколько можно судить, въ то время Таанахъ. Онъ состоялъ изъ домовъ или глиняныхъ хижинъ, примитивно возведенныхъ на скалѣ. Въ способѣ постройки Гезера уже сказывается, вѣроятно, египетское вліяніе. Объ иноземномъ вліяніи еще больше говорятъ нѣкоторые отдѣльные предметы, найденные при раскопкахъ. Въ качествѣ важнѣйшаго примѣра можно указать на цилиндрическую печать, носящую имя нѣкоего Атанахили изъ Таанаха, принадлежащую къ эпохѣ, граничащей уже съ описываемой. Печать эта, изготовленная около 2000 года

и покрытая пестрой смѣсью вавилонскихъ и египетскихъ знаковъ и эмблемъ, является краснорѣчивымъ свидѣтелемъ столкновенія обѣихъ культуръ въ предѣлахъ Палестины, подъ вліяніемъ которыхъ и находился туземный, ханаанейскій, мастеръ, изготовившій данную печать.

Преобладающее значеніе семитическаго начала проявляется и въ отношеніи къ умершимъ. Населеніе Палестины порываетъ съ обычаемъ сожженія труповъ, замѣняя его погребеніемъ. Трупы, принадлежащіе въ эту эпоху къ болѣе крупной расѣ, обладающей нѣкоторыми признаками семитическаго типа [1]), размѣщены въ пещерахъ вдоль по стѣнамъ вытянутыми во весь ростъ или же съ поджатыми колѣнами. Тѣла болѣе знатныхъ окружаются каменной грядой, наподобіе вала. Масса сосудовъ свидѣтельствуетъ о разнородныхъ припасахъ, особенно ѣдѣ и питьѣ, которыя ставились около мертвеца. Отсюда съ очевидностью выясняется, что, по представленію тогдашнихъ жителей Палестины, умершіе въ загробной жизни продолжаютъ существованіе, во всемъ подобное земному.

Къ этому же времени относится, вѣроятно, своеобразный погребальный обычай, дающій намъ извѣстное представленіе о характерѣ религіозныхъ воззрѣній жителей этого города. Въ Гезерѣ были найдены, подъ фундаментомъ стѣны, трупы, вытянутые во весь ростъ. Это положеніе труповъ трудно объяснить себѣ иначе, какъ только тѣмъ, что они представляютъ собою „строительныя жертвы", т.-е. слѣды религіознаго обычая, состоявшаго въ соединеніи жертвоприношенія какому-либо божеству съ освященіемъ зданія. Такое жертвоприношеніе предполагаетъ существованіе вѣры въ духовъ земли, являющихся собственниками застраиваемыхъ участковъ. Жертвоприношеніе представляетъ собою, такъ сказать, выкупъ права собственности на землю [2]). Такая вѣра въ духовъ-владѣльцевъ мѣстности вполнѣ согласуется съ уже извѣстными намъ изъ прежняго изложенія представленіями до-семитическаго населенія, вѣрившаго въ духовъ земли.

Въ Таанахѣ, въ слоѣ, принадлежащемъ, вѣроятно, также къ нашему періоду, найденъ большихъ размѣровъ каменный алтарь со ступенькой. Не вполнѣ ясно, былъ ли алтарь предназначенъ для сожженій или лишь для возліяній; впрочемъ, послѣднее болѣе вѣроятно. На этомъ

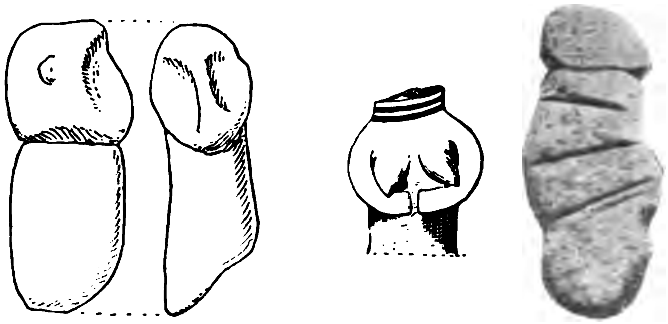
[1]) Длина ихъ составляетъ, въ среднемъ, 1,67 метровъ, достигая, однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ 1,80 метровъ. Характерна продолговатая форма лица и выступающая носовая кость.

[2]) Вспомнимъ сохранившійся донынѣ въ Палестинѣ у арабовъ обычай „домашней жертвы", особенно убоя жертвы при закладкѣ зданія и т. п. Смыслъ этого жертвоприношенія по воззрѣніямъ туземцевъ, приблизительно таковъ: „такова воля дома; если ея не соблюсти, то смерть постигнетъ кого-нибудь изъ обитателей или строителей дома". Въ мѣстности эль-Белька (въ Заіорданьѣ) жертвоприношеніе сопровождается словами: „Разрѣши, господинъ и владѣлецъ мѣста сего". Кромѣ того, кровью жертвеннаго животнаго обмазываются дверные косяки, что, конечно, напоминаетъ обычай древней Пасхи и объяснимо лишь воззрѣніемъ, что духъ, обитающій въ данной мѣстности, желаетъ получить кровь, т.-е. душу живого существа для утоленія жажды, или для того, чтобы почерпнуть въ ней утраченную жизненную силу.

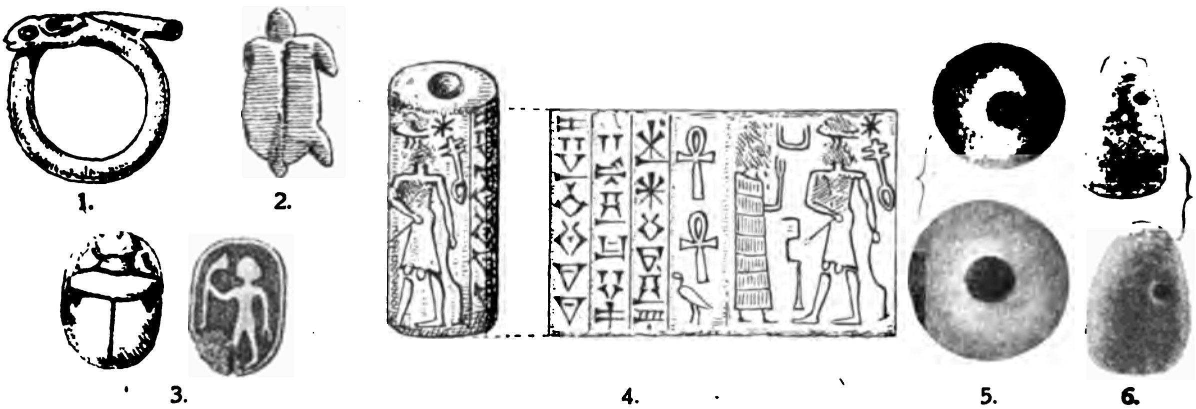
основаніи можно предположить, что обычай возложенія или возліянія приношеній на жертвенномъ мѣстѣ все еще продолжаетъ играть важную роль, быть можетъ, даже пользуется исключительнымъ правомъ гражданства.

Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ относительно имени почитаемаго здѣсь божества. Несомнѣнно, однако, что поклонялись, наряду съ туземными, также чужеземнымъ, въ особенности вавилонскимъ божествамъ: печать Атанахили прямо называетъ своего владѣльца поклонникомъ Нергаля. Такъ какъ послѣдній считается богомъ, приносящимъ несчастье, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что описанныя человѣческія жертвоприношенія въ Гезерѣ также предназначались этому богу, ибо, именно, такія божества требуютъ кровавыхъ жертвъ. Нельзя, напротивъ, доказать существованія въ эту эпоху культа Астарты, съ поклоненіемъ которой въ болѣе поздніе періоды постоянно придется встрѣчаться. Характерно далѣе, что при раскопкахъ въ древнѣйшихъ слояхъ не обнаружено никакихъ изображеній божествъ, если не считать нѣсколькихъ идоловъ самой примитивной работы, найденныхъ въ Мегиддо и Гезерѣ, которые, въ виду ихъ грубой техники, слѣдуетъ отнести къ болѣе древнему времени. Получается, такимъ образомъ, впечатлѣніе, что древнѣйшая, устанавливаемая наукой на палестинской почвѣ, семитическая религія вообще не знала и з о б р а ж е н і й божественныхъ существъ, или же, если и знала ихъ, то крайне рѣдко пользовалась ими.

Безусловно можно, однако, предположить, что и въ теченіе этой эпохи были сохранены возникшіе, вѣроятно, въ предшествующій періодъ каменные круги, монолиты (менгиры), заостренные камни и плоскія скалы, равно какъ и связанныя съ ними религіозныя представленія. Доказательствомъ тому можетъ служить хотя бы одинъ фактъ сохраненія за ними важной роли еще и въ библейское время, что свидѣтельствуетъ о непрерывной преемственности вѣрованій, лежащихъ въ ихъ основѣ.

Архаическіе идолы изъ Гата, Гезера и Мегиддо.

1—2. Бронзовыя украшенія: кольцо съ головкой кролика и черепаха (Мегиддо). 3. Скарабей съ изображеніемъ человѣческой фигуры, держащей цвѣтокъ лотоса (Таанахъ). 4. Цилиндрическая печать Атанахили изъ Таанаха (начало II-го тысячелѣтія). Клинописный текстъ ея гласитъ: „Атанахили, сынъ Хабси, слуга Нергаля"; справа—египетскіе и вавилонскіе символическіе знаки и двѣ человѣческія фигуры, изъ которыхъ одна съ молитвенно поднятой рукой. 5—6. Веретенныя кольца и ткацкіе привѣски (Мегиддо).

5. Ханаанъ въ первую половину второго тысячелѣтія.

Съ возникновеніемъ средняго царства вновь расцвѣтаетъ могущество Египта. Приблизительно съ 2000-го года взоры фараоновъ вновь начинаютъ все чаще обращаться на сѣверъ, хотя до дѣйствительнаго подчиненія Палестины дѣло на первыхъ порахъ не доходитъ. Послѣднее осуществляется Сезострисомъ III; со времени его правленія фараоны Средняго Царства имѣли полное основаніе именоваться „владыками Азіи". Мощь Египта, начиная приблизительно съ 1800 года, правда, вновь падаетъ; но со времени появленія гиксосовъ Палестина въ еще большей мѣрѣ подпадаетъ подъ политическую власть Египта, которой соотвѣтствуетъ, конечно, и сильная духовная зависимость. Приблизительно около того же времени, когда возникло Среднее Царство, обозначилось также новое наступательное движеніе на Сирію и со стороны Вавилона. Начало этому движенію было положено эламитами; позднѣе, въ еще болѣе сильной степени оно продолжалось при Хаммураби и его преемникахъ. Выше были разсказаны подробности политической обстановки того времени и ея вліянія на Сирію и Палестину. Напомнимъ здѣсь лишь, что сношенія южной Сиріи и собственной Палестины съ Вавилономъ, и особенно съ Египтомъ, были въ то время, судя по всѣмъ даннымъ, весьма оживленныя. Они не ограничивались однимъ только торговымъ обмѣномъ: между странами поддерживались также регулярныя дипломатическія сношенія.

Итакъ, мы можемъ довольно хорошо обозрѣть культурное состояніе Палестины въ данную эпоху. Напомнимъ здѣсь, прежде всего, о многочисленныхъ данныхъ, заключающихся въ повѣствованіи о Синухе.

Мы узнаемъ изъ этого повѣствованія, что въ Палестинѣ господствовалъ извѣстный порядокъ, и что страна подчинялась нѣсколькимъ отдѣльнымъ—частью ханаанейскимъ, частью аморейскимъ—князьямъ. Между ними и фараономъ, а вѣроятно также и вавилонскимъ царемъ, поддерживаются регулярныя сношенія черезъ гонцовъ; кромѣ того, въ иныхъ случаяхъ отряжаются цѣлыя посольства. Оживленную связь поддерживаютъ палестинскіе правители также другъ съ другомъ. При дворѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ князей говорятъ на египетскомъ языкѣ, много египтянъ проживаетъ въ самой странѣ. Главари бедуинскихъ племенъ и палестинскіе князья посылаютъ сыновей своихъ въ Ѳивы, подобно тому, какъ въ наше время нѣкоторые знатные шейхи посылаютъ сыновей своихъ въ Дамаскъ, въ Каиръ или въ Константинополь, чтобы познакомить ихъ со свѣтомъ и съ жизнью. Все сказанное относительно Египта, его двора, языка, подданныхъ его, проживающихъ въ Палестинѣ,—все это, въ той или иной мѣрѣ, приложимо также и къ Вавилону, а позднѣе и къ хетитамъ.

Нападенія непріятелей, въ особенности разбойничьи набѣги бедуинскихъ племенъ, равно какъ угрозы возникшихъ на берегахъ Нила и Евфрата міровыхъ державъ, давно успѣвшихъ оцѣнить значеніе Сиріи, часто нарушаютъ покой страны. Въ борьбѣ противъ послѣднихъ палестинскіе правители нерѣдко дѣйствуютъ сообща. Отъ набѣговъ первыхъ приходится страдать и Египту, ограждающему себя отъ нихъ „царской стѣной" у границъ Синайскаго полуострова.

Съ новой силой вліяніе Египта проявилось со времени мощнаго натиска Сезостриса III и позднѣе, со времени господства родственныхъ палестинскому населенію по крови царей изъ племени гиксосовъ; съ другой стороны, почти тогда же въ страну обильнымъ потокомъ проникаетъ, со времени установленія господства амореянъ въ Вавилонѣ, культурное воздѣйствіе послѣдняго, достигающее своей кульминаціонной точки въ кодексѣ Хаммураби. Врядъ ли мы ошибемся, поэтому, если допустимъ, что законъ этотъ вскорѣ оказалъ вліяніе и на правовые обычаи Ханаана. Это представится особенно вѣроятнымъ, если принять во вниманіе носящую явные слѣды вавилонскаго вліянія таанахскую печать, къ которой намъ еще придется вернуться, а также заключающееся въ таблицахъ эль-Амарны указаніе на то, что въ послѣдующіе вѣка вавилонскій миѳъ объ Адапѣ [1]) проникъ вплоть до Египта. Въ общемъ, можно предположить, что сѣверныя области Палестины, особенно подвергшіяся аморейскому вліянію, были болѣе воспріимчивы къ вавилонской, южныя же—къ египетской культурѣ. Не надо забывать, что въ эпоху гиксосовъ мѣстность вокругъ Хеброна служила, вѣроятно, опорнымъ пунктомъ для египетскаго господства (ср. Числа, 13, 22).

---

[1]) Миѳъ обо Адапѣ, сынѣ бога воды Эа, является однимъ изъ важнѣйшихъ извѣстныхъ намъ вавилонскихъ миѳовъ, главнымъ образомъ въ виду того, что содержитъ въ себѣ мотивъ „живой воды", которую богъ неба Ану, предлагаетъ Адапѣ. Миѳъ этотъ дошелъ до насъ въ четырехъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ найденъ въ Амарнскомъ архивѣ.

Образъ жизни палестинскаго населенія около 2000 г. довольно ясно вырисовывается изъ упомянутаго уже повѣствованія о Синухе. Въ странѣ Іаа ѣдятъ вареное мясо и жареныхъ гусей, ловятъ дичь силками и съ помощью охотничьихъ собакъ; виноградъ, винныя ягоды, медъ, елей, разнаго рода плоды,—все это природа даетъ въ изобиліи. Обычай простого погребенія презрительно называется въ нашемъ источникѣ,—въ противоположность египетскимъ способамъ искусственнаго сохраненія труповъ,—„завертываніемъ въ овечьи шкуры". Отсюда можно, повидимому, заключить, что палестинскіе земледѣльцы и пастухи тогда уже, подобно современнымъ феллахамъ, любили одѣянія изъ овечьихъ шкуръ; мертвецамъ оставлялась, повидимому, ихъ одежда или, по меньшей мѣрѣ, ихъ плащъ.

Объ одеждѣ и вооруженіи палестинскихъ жителей того времени мы можемъ себѣ составить ясное представленіе по изображенію бедуиновъ, предводительствуемыхъ „княземъ пустыни", Абша (найдено въ Бени-Гассанѣ). Одежда ихъ—большей частью весьма живописная и пестрая — снабжена съ бортами и бахромой; плащъ спускается съ плеча ниже колѣнъ, подчасъ, однако, ограничивается поясомъ вокругъ бедеръ. Оружіе состояло изъ лука и копья, изогнутаго метательнаго деревяннаго снаряда и сѣкиры, родственной недавно открытой въ Мегиддо: мѣдный топоръ укрѣпленъ на древкѣ, спереди утолщенномъ наподобіе молота. Тутъ же мы видимъ мѣхи для воды, носилки, прикрѣплявшіяся къ спинамъ ословъ, и цитры.

Объ успѣхахъ того времени въ строительномъ искусствѣ, въ изготовленіи оружія и утвари изъ камня, глины и металловъ даютъ намъ цѣнныя свѣдѣнія раскопки. Мы замѣчаемъ здѣсь, наряду, въ общемъ, съ сохранившейся еще простотой быта, все же весьма значительную искусность и, прежде всего, сильно развитую способность воспринимать чужую культуру и приспособляться къ чужимъ образцамъ. Оживленныя политическія и торговыя сношенія съ чужеземными странами сдѣлали свое дѣло.

Говоря о вліяніяхъ сосѣднихъ культуръ, упомянемъ, въ первую очередь, объ одномъ наиболѣе важномъ въ этомъ отношеніи фактѣ: на неоднократно уже упоминавшейся нами печати Атанахили изъ Таанаха мы замѣчаемъ впервые на ханаанейской почвѣ слѣды письма. Можно считать несомнѣннымъ, что если извѣстенъ лишь единичный подобный памятникъ, то это объясняется простой случайностью, и отсутствіе другихъ аналогичныхъ памятниковъ заставляетъ только предположить, что искусство письма имѣло въ то время еще весьма ограниченное примѣненіе. Выше говорилось уже, что упомянутая печать не привезена въ Ханаанъ, а изготовлена на мѣстѣ,—фактъ тѣмъ болѣе знаменательный, что письмена и языкъ надписи вавилонскіе. Обстоятельству этому можетъ быть дано лишь одно объясненіе, а именно, что жители Ханаана въ то время не имѣли еще собственныхъ письменъ. Далѣе, изъ того обстоятельства, что было отдано предпочтеніе предъ египетскими письменами вавилонскимъ, можно по аналогіи съ Амарнскими таблицами заключить, что духовное вліяніе Вавилона въ разсматри-

ваемую эпоху было уже значительно сильнѣе египетскаго. Весьма вѣроятно, что это объясняется расцвѣтомъ вавилонской культуры въ эпоху Хаммураби и, въ особенности, значеніемъ его законодательства [1]).

Что касается искусства постройки городовъ и укрѣпленій, то великолѣпныя оборонительныя сооруженія въ Таанахѣ и Мегиддо, спускающіяся до самой подошвы холма, принадлежатъ, скорѣе всего, къ разсматриваемой эпохѣ. Здѣсь, въ долинѣ Изреэльской, въ періодъ около 2000 года приходилось, наряду съ туземными врагами, отражать также и натискъ египтянъ и вавилонянъ и, кромѣ того, набѣги проникавшихъ сюда изъ степей сѣвера и востока кочевниковъ. Такимъ образомъ, нужда научила обитателей этихъ холмовъ искусству укрѣплять поселенія. Въ Мегиддо, для лучшей обороны стѣнъ, были воздвигнуты сильныя башни, защищавшія углы городской стѣны. Выступая далеко надъ стѣною, онѣ вмѣщали много защитниковъ. Мы должны представить себѣ ихъ увѣнчанными со всѣхъ сторонъ зубцами.

Крѣпкія ворота, образецъ которыхъ намъ извѣстенъ изъ Гезера, представляющія собою настоящія маленькія крѣпости, ведутъ внутрь города, дома котораго расположены довольно безпорядочно и поражаютъ своими ничтожными размѣрами. Все ихъ устройство какъ бы указываетъ на то, что жители города, подобно современнымъ палестинскимъ феллахамъ, весь день проводили преимущественно внѣ дома, служившаго для людей и животныхъ почти исключительно ночнымъ убѣжищемъ и кладовой. Этимъ объясняются минимальные размѣры, небольшая высота помѣщеній и ничтожное количество оконныхъ отверстій.

Исключеніемъ изъ общаго типа городскихъ зданій являются отдѣльныя сооруженія, выдѣляющіяся своими размѣрами и тщательностью отдѣлки: въ нихъ не безъ основанія усматриваютъ „замки" правителей и вельможъ. Въ таанахскомъ замкѣ съ южной и западной стороны обширнаго двора расположено нѣсколько комнатъ, а сама постройка очень напоминаетъ циклопическія стѣны. Непріятелю, даже ворвавшемуся уже въ городъ, было бы трудно овладѣть замкомъ.

Въ произведеніяхъ прикладныхъ искусствъ, дошедшихъ до насъ отъ этой далекой эпохи, мы наблюдаемъ какъ египетское, такъ и вавилонское вліянія, которыя приблизительно уравновѣшиваютъ другъ друга. Одна вавилонская печать въ Таанахѣ стушевывается передъ множествомъ египетскихъ скарабеевъ; зато въ другихъ отрасляхъ преобладаетъ вліяніе вавилонскаго искусства. Бо́льшій выборъ матеріала, вытѣсненіе шагъ за шагомъ камня, появленіе благородныхъ металловъ и болѣе тонкихъ формъ, — все это говоритъ о развитіи потребностей и чувства красоты. Появленіе украшеній и туалетныхъ принадлежностей свидѣтельствуетъ также о нарожденіи зажиточнаго класса горожанъ.

Зарываніе умершихъ въ могилу окончательно вытѣсняетъ всѣ другія формы погребенія. Характерна при этомъ та тщательность, съ которой оно совершается, а также богатое снаряженіе трупа, вполнѣ со-

[1]) Ср. вкладной листъ при стр. 37.

ответствующее новымъ, болѣе утонченнымъ вкусамъ состоятельныхъ классовъ.

Обычай „строительныхъ" жертвоприношеній, существовавшій, вѣроятно, уже въ предшествующій періодъ, сохранился и въ разсматриваемую эпоху. Въ Мегиддо, въ слояхъ, относящихся къ описываемому времени, обнаружены трупы, положеніе и видъ которыхъ можно объяснить только обычаемъ приносить „строительныя" жертвы.

Если не считать этихъ жертвенныхъ обрядовъ, то мы располагаемъ лишь весьма скудными положительными данными относительно религіозной жизни того времени. Единственное достовѣрное имя бога, это имя Нергаль на печати изъ Таанаха, относящейся къ концу разсматриваемой нами сейчасъ эпохи. Разъ ханаанеянинъ или вавилонскій поселенецъ призналъ себя на ней рабомъ Нергаля, то на этомъ вполнѣ можетъ быть основано предположеніе, что въ Палестину проникли и другіе боги вавилонскаго культа. Прежде всего мысль останавливается при этомъ на Иштаръ. Далѣе, названія нѣкоторыхъ мѣстностей, въ родѣ горы Нэбо, можетъ быть и Синая, являются производными отъ именъ вавилонскихъ боговъ; можно, такимъ образомъ, допустить появленіе въ Палестинѣ культовъ Набу и Сина. Съ другой стороны, найденные въ большомъ числѣ скарабеи свидѣтельствуютъ о вліяніи египетской религіи на религіозную жизнь и мысль въ Ханаанѣ. Послѣднее подтверждается той же печатью Атанахили, поскольку на ней египетскія эмблемы перемѣшаны съ вавилонскими. Напомнимъ, наконецъ еще, что гиксосы, при своемъ вторженіи въ Египетъ, принесли съ собою культъ собственнаго бога, котораго египтяне называли Сутехомъ, и который соотвѣтствуетъ ханаанейскому Ваалу.

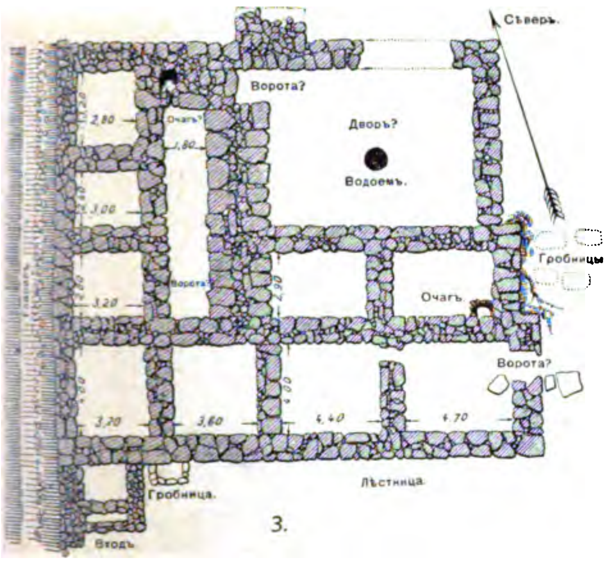
Изъ всего сказаннаго можно вывести весьма вѣроятное заключеніе, что хорошо извѣстный намъ изъ болѣе позднихъ эпохъ Ваалъ почитался въ самомъ Ханаанѣ въ различныхъ формахъ уже около 2000 года. Но въ такомъ случаѣ мы врядъ ли сильно ошибемся, если отнесемъ древнія географическія названія, въ родѣ Бетъ-Шемешъ, Айнъ-Шемешъ, Іерихо, Бетъ-Анатъ, Ваала и т. п., уже къ описываемой эпохѣ, и отсюда выведемъ заключеніе о поклоненіи солнцу (שמש), лунѣ (ירח), Анату и Ваалѣ (женскому божеству, параллельному Ваалу). Изъ всего этого вытекаетъ какъ будто вѣроятность, что уже въ описываемую эпоху божества Ваалъ и Астарта, какъ божества плодородія, а также солнца и луны, играли въ Ханаанѣ извѣстную роль, а наряду съ ними, быть можетъ, и иные, туземные, сирійскіе боги, въ родѣ Аната; и что, съ другой стороны, рядомъ съ этими богами, завоевываютъ себѣ мѣсто и всевозможныя египетскія и вавилонскія религіозныя воззрѣнія, проникающія въ Палестину по мѣрѣ возрастанія чужеземныхъ вліяній въ области политики и торговли. Необходимо при этомъ отмѣтить, что до сего времени не обнаружено ни одного изображенія Ваала и ни одного безусловно относящагося къ этой эпохѣ изображенія Астарты, по крайней мѣрѣ, такого, которое носило бы туземныя черты. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что изготовленіе скарабеевъ и искусство гравированія печатей обнаруживаютъ уже нѣкоторую степень техническаго навыка. Въ частности

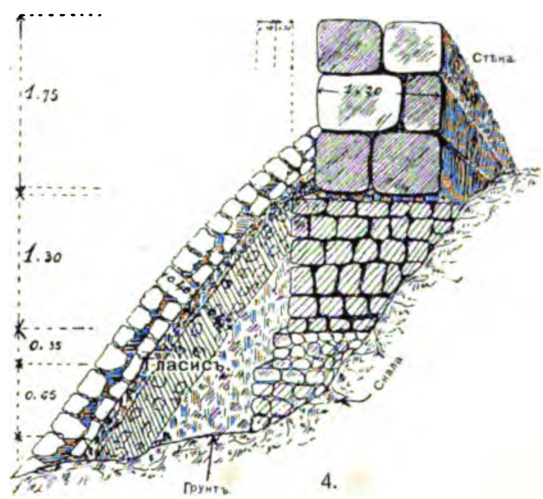
1.

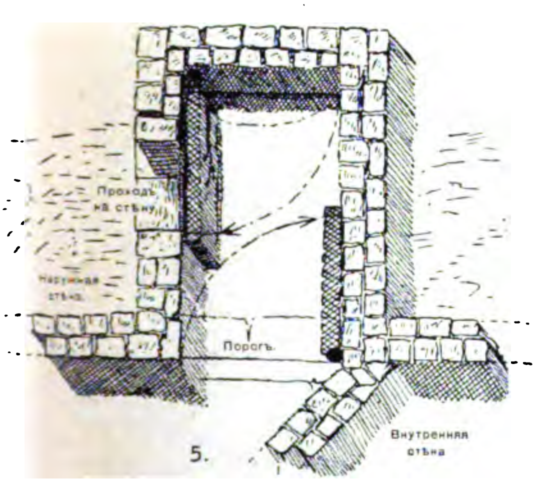
2.

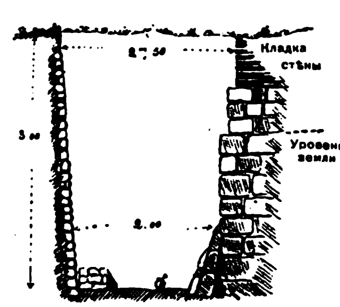
3.

4.

5.

6.

Древне-палестинскія укрѣпленія (разсчетъ въ метрахъ).

1. Башня (migdol), съ рельефа Сети I въ Карнакѣ. 2. Фундаментъ стѣны въ Іерихонѣ. 3. Планъ западной части замка въ Таанахѣ. 4. Разрѣзъ восточной стѣны въ Таанахѣ. 5. Планъ воротъ одного изъ бастіоновъ въ Таанахѣ. 6. Разрѣзъ рва въ Мегиддо.

таанахская печать ясно показываетъ, что въ Ханаанѣ уже умѣли изготовлять религіозныя изображенія, на печатяхъ или въ иной формѣ. Такимъ образомъ, высказанное уже выше предположеніе, что изображать боговъ было не въ обычаѣ въ Ханаанѣ, получаетъ здѣсь новое подтвержденіе.

Скарабеи-печати изъ Мегиддо.

Общій видъ жертвеннаго мѣста въ Петрѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Культурное состояніе Ханаана отъ 16-го вѣка до завоеванія его израильтянами.

1. Общественная и матеріальная культура.

Мы переходимъ къ описанію культуры, господствовавшей въ Ханаанѣ непосредственно передъ завоеваніемъ его израильтянами. Этотъ до-израильскій періодъ обнимаетъ промежутокъ времени отъ изгнанія гиксосовъ изъ Египта до конца такъ называемой амарнской эпохи.

Палестина мало-по-малу превращается въ египетскую провинцію. Начало этому было положено изгнаніемъ изъ Египта гиксосовъ, которые, отступая, естественно искали опоры въ родственной имъ по населенію Сиріи. Являясь нерѣдко душой мятежей и возмущеній противъ египетскаго владычества, никогда не прекращавшихся въ Ханаанѣ, гиксосы, наряду съ этимъ, прививаютъ окружающему населенію тѣ характерныя черты и бытовыя особенности египтянъ, которыя они успѣли позаимствовать у нихъ въ теченіе своего многовѣковаго господства въ Египтѣ. Но по мѣрѣ того, какъ египтяне одолѣваютъ гиксосовъ, послѣдніе разсѣиваются, теряютъ свою самобытность, а Палестина постепенно подпадаетъ подъ власть Египта и подчиняется вліянію вновь окрѣпшаго царства фараоновъ. Но независимо отъ этого политическаго фактора, страна продолжаетъ оставаться въ культурномъ отношеніи также и подъ вавилонскимъ вліяніемъ, которое сохранилось еще отъ предыдущихъ вѣковъ и, повидимому, постоянно поддерживалось, благодаря непрерывавшимся сношеніямъ съ Вавилономъ.

По своимъ бытовымъ условіямъ этотъ періодъ немногимъ отличается отъ предыдущаго. Лишь въ городахъ жизнь замѣтно усложняется и расцвѣтаетъ. Благосостояніе финикійскихъ торговыхъ центровъ постепенно распространяется съ прибрежной полосы на внутренніе города, въ которыхъ такъ же быстро развивается роскошь; въ остальномъ, однако, жизнь остается безъ перемѣнъ. По прежнему населеніе Палестины состоитъ изъ поселянъ и горожанъ, какъ и ранѣе, кое-гдѣ продолжаютъ бродить кочевники, при чемъ въ Амарнскую эпоху нѣкоторое значеніе получаютъ кочевыя орды, хабири на югѣ и Са-Газъ на сѣверѣ, передвиженіе которыхъ получаетъ даже угрожающій характеръ. Какъ и въ прежнія времена, городское населеніе распадается на землевладѣльцевъ, купцовъ, ремесленниковъ и воиновъ. Земельныя владѣнія и торговыя предпріятія въ это время уже достигаютъ порою значительныхъ размѣровъ, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ открытый въ Гезерѣ большой амбаръ, вмѣщавшій очень большіе запасы хлѣба. На основаніи амарнскихъ писемъ можно судить, какой высокой степени развитія достигли также въ это время торговыя сношенія: часто упоминаемые въ этихъ письмахъ караваны фараона, несомнѣнно, служили не только интересамъ сообщенія, но и употреблялись для перевозки предметовъ сирійскаго производства и сырья. Что касается ремесленниковъ, то среди нихъ въ это время встрѣчаются гончары, ткачи, плотники, оружейныхъ и кузнечныхъ дѣлъ мастера. Представителями художественныхъ промысловъ являются рѣзчики печатей, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера. Веретенныя кольца и ткацкія привѣски, найденныя въ изрядномъ количествѣ при раскопкахъ среди обломковъ городскихъ стѣнъ, свидѣтельствуютъ о трудолюбіи палестинскихъ и сирійскихъ ткачей, издѣлія которыхъ, какъ извѣстно, славились и за предѣлами ихъ родной страны. Изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ предметами торговли, кромѣ молока, мяса и кожи, служили также хлѣбъ, ленъ, оливковое масло, вино, винная ягода и плоды сикоморъ.

По прежнему страна остается во власти отдѣльныхъ мелкихъ владѣтелей; единственное различіе заключается лишь въ томъ, что со времени Тутмоса III правители эти превращаются въ простыхъ вассаловъ фараона (со временемъ, правда, лишь формально), и что число ихъ, по крайней мѣрѣ въ амарнскую эпоху, чрезвычайно возрастаетъ. Надо полагать, что къ этому времени чуть ли не каждая округа и каждый поселокъ располагаютъ своимъ собственнымъ княземъ или „царемъ“. Насколько скромны, можно сказать, даже нищенски были средства этихъ царьковъ, можно заключить изъ таанахскихъ писемъ, въ которыхъ рѣчь все время идетъ о крайне незначительныхъ цифрахъ [1]), а еще яснѣе—изъ найденнаго въ Лахишѣ письма, въ которомъ Іарами берется покорить страну царя, если только предоставятъ въ его распоряженіе три кинжала, три меча и нѣсколько луковъ.

[1]) Объ одномъ копьѣ, одномъ ножѣ и двухъ дубинахъ въ этихъ письмахъ говорится, какъ объ „оружіи“. Очевидно, войско, бывшее въ распоряженіи этихъ „царей“, насчитывало нѣсколько десятковъ людей.

Всѣ эти мелкіе князья амарнскаго періода ведутъ между собой нескончаемыя распри; многіе изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ рыцарей-грабителей, у которыхъ почти безраздѣльно господствуетъ кулачное право. И лишь для отраженія общей опасности они и въ этотъ періодъ бывали вынуждены отъ поры до времени соединять свои силы, какъ и въ былыя времена борьбы съ Египтомъ. Слѣдуетъ, однако, предположить, что такіе союзы меньше всего отвѣчали видамъ египетскаго правительства и терпѣлись имъ лишь въ періоды его слабости. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ картина управленія, особенно во времена Тутмоса III, представляется въ совершенно другомъ свѣтѣ: начало египетскаго верховенства проводилось въ царствованіе этого фараона весьма послѣдовательно. Тутмосъ III распоряжался въ странѣ, какъ неограниченный властелинъ; по свободному усмотрѣнію онъ назначалъ и смѣщалъ сирійскихъ правителей. И онъ и наслѣдники его имѣли повсюду въ странѣ своихъ намѣстниковъ, а въ болѣе значительныхъ пунктахъ—даже свои собственные гарнизоны. Во время похода Тутмосъ самовольно располагается у сирійскихъ князей на постой, облагая города всевозможными поборами; наконецъ, въ разныхъ концахъ страны, вѣроятнѣе всего, въ наиболѣе важныхъ резиденціяхъ намѣстниковъ, фараонъ имѣлъ даже свои собственные дворцы. Слѣды тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ за долгіе вѣка суроваго египетскаго владычества, нетрудно найти и въ амарнскихъ письмахъ; это ясно проглядываетъ даже въ тѣхъ отрывкахъ, гдѣ выставляемое напоказъ низкопоклонничество является ничѣмъ инымъ, какъ пустой и лицемѣрной формальностью.

По многочисленнымъ слѣдамъ, которые эта эпоха оставила въ Таанахѣ, Мегиддо и другихъ городахъ Палестины, мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе, не только о военномъ искусствѣ египтянъ того времени, но косвеннымъ образомъ и о постановкѣ военнаго дѣла у палестинскихъ жителей, такъ какъ многіе военные пріемы были, несомнѣнно, общими какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, многое же хананеяне, по всей вѣроятности, сознательно переняли у превосходившаго ихъ въ стратегическомъ искусствѣ противника. Источниками нашихъ свѣдѣній объ этой сторонѣ ханаанской культуры служатъ намъ сообщенія о походахъ Тутмоса III, а также амарнскія письма. По всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ военная жизнь того времени рисуется въ слѣдующихъ чертахъ. Передъ сраженіемъ собирается военный совѣтъ для обсужденія наилучшаго способа дѣйствій. Въ опасныхъ положеніяхъ, а также при штурмѣ храбрый полководецъ становится лично во главѣ своихъ войскъ. Болѣе знатные воины располагаютъ роскошными обитыми золотомъ и серебромъ боевыми колесницами. Послѣ отбитой вылазки, предпринятой изъ осажденной крѣпости, жители избѣгали раскрывать ворота передъ возвращавшимися воинами и ихъ втаскивали наверхъ посредствомъ спущенныхъ съ крѣпостныхъ валовъ связанныхъ кусковъ одежды. При осадѣ насыпаются вокругъ города валы, съ которыхъ дѣлаются попытки взять его приступомъ или проникнуть въ него посредствомъ лѣстницъ; съ цѣлью нанести вредъ врагу, а также

для того, чтобы располагать матеріаломъ для осадныхъ работъ, всѣ фруктовыя деревья въ окрестности при этомъ немилосердно вырубаются [1]). При разбойничьихъ набѣгахъ, а также въ партизанской войнѣ, какъ это, напримѣръ, часто бывало въ Амарнскій періодъ, опустошенія вражеской земли является чуть ли не главной цѣлью нападенія. Плѣнники уводятся на родину побѣдителей. Такъ, напримѣръ, какъ уже упомянуто было, тріумфальное шествіе Аменофиса II украшали собой 500 слишкомъ сирійскихъ князей; семеро изъ нихъ были собственной рукою фараона принесены въ жертву Амону, и трупы ихъ были для устрашенія, а также, навѣрное, въ честь этого бога, всенародно повѣшены. Что подобные нравы были довольно распространеннымъ явленіемъ, намъ наглядно показываетъ, между прочимъ, библейскій разсказъ о Самуилѣ и Саулѣ (I Сам. 15, 33; 31, 10; II Сам. 21, 9). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что уже въ описываемую эпоху плѣнниковъ часто не убивали, а отводили въ страну побѣдителя и разселяли ихъ тамъ.

Изъ видовъ о р у ж і я въ этотъ періодъ слѣдуетъ назвать ножи, а также кремневые и бронзовые наконечники копій и стрѣлъ. Въ это время бронза получаетъ большое распространеніе и мало-по-малу совершенно вытѣсняетъ каменное оружіе. На ряду съ этимъ порой продолжаютъ еще пользоваться костяными остріями. Среди найденныхъ въ Гезерѣ предметовъ вооруженія самой красивой находкой является превосходно сохранившійся кривой, бронзовый мечъ вавилонскаго происхожденія, который, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ изслѣдуемому нами времени. Важно также отмѣтить, что въ это время впервые появляется, хотя и изрѣдка, желѣзо. Безъ сомнѣнія, желѣзомъ обивались обыкновенно и боевыя колесницы рядовыхъ воиновъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ описываемаго періода. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ черепки найденнаго у южныхъ крѣпостныхъ воротъ Мегиддо глинянаго сосуда, на блѣдно-красномъ фонѣ котораго коричневато-красной краской изображены шествующіе воины [2]). У одного изъ этихъ воиновъ, цѣликомъ сохранившагося на рисункѣ, черные брови, усы и борода, голова его тоже покрыта гривой черныхъ волосъ. Всѣ воины совершенно наги, если не считать короткаго, свѣтлаго (по всей вѣроятности, деревяннаго) трехугольнаго панцыря на груди, пристегнутаго къ широкому, охватывающему грудь, ремню. Въ лѣвой рукѣ у нихъ небольшой круглый щитъ, въ правой—у однихъ топоры, у другихъ нѣчто въ родѣ тяжелой сѣкиры, къ ручкѣ которой съ противоположнаго конца привязана внушительныхъ размѣровъ дубина.

Т о р г о в ы я с н о ш е н і я съ Египтомъ, а также съ сѣверными и восточными странами въ эту эпоху развиваются особенно широко, поскольку, конечно, этому не препятствуютъ внутреннія смуты, о чемъ легко судить уже по богатству и расцвѣту финикійскихъ гаваней, а также по огромной добычѣ, которая вывозится на родину изъ Сиріи и Ха-

---

[1]) О библейскомъ з а п р е т ѣ вырубать плодовыя деревья и мотивахъ, которыми руководился законодатель, ср. Второзак. 20, 19—20. *Ред.*

[2]) Ср. вкл. листъ „Образцы древне-палестинской керамики и орнаментики“.

наана Тутмосомъ и его преемниками; о томъ же самомъ свидѣтельствуютъ оживленныя дипломатическія сношенія между народами и между ихъ властителями, всегда, какъ извѣстно, сопровождающія оживленныя торговыя сношенія. Съ этимъ вполнѣ согласуются и многочисленныя свѣдѣнія о широкомъ развитіи проходившаго черезъ страну караваннаго сообщенія. То же можно сказать и о морскомъ сообщеніи съ западными странами, какъ, напр., съ Кипромъ, съ болѣе отдаленнымъ Критомъ и съ областями микено-эгейской культуры: эти сношенія вполнѣ установлены въ предѣлахъ амарнскаго періода, но есть основаніе предполагать, что они возникли гораздо раньше.

Значительно развиваются въ описываемый періодъ ремесло и искусство. На предметахъ домашняго обихода и на внѣшнихъ формахъ религіознаго культа явно начинаетъ сказываться разностороннее художественное вліяніе, съ одной стороны, Египта, гдѣ, какъ извѣстно, уже въ древнемъ и среднемъ царствѣ искусство успѣло достигнуть высокой степени совершенства, а съ другой стороны—вавилонянъ, хетитовъ и Кипра, съ которыми, какъ мы видѣли, Ханаанъ не только въ амарнскую эпоху, но еще гораздо раньше, поддерживалъ самыя оживленныя сношенія. При этомъ произведенія ханаанскаго искусства большею частью представляютъ собой либо заимствованія либо простыя подражанія иностраннымъ образцамъ. Но и среди предметовъ туземнаго искусства нерѣдко попадаются значительныя произведенія. Представленіе о разнообразіи произведеній сирійскаго искусства можно составить себѣ по египетскому изображенію царя Тутанхамона (18-ой династіи) и приносящихъ ему дань азіатовъ. Среди драгоцѣнныхъ даровъ бросаются въ глаза, наряду съ прирученнымъ львомъ въ ошейникѣ, шкурой пантеры и благородными чистокровными конями, цѣлый рядъ вазъ классической формы. Ихъ заостренныя днища вставлены въ изящныя подставки, и крышками имъ служатъ художественно отдѣланныя звѣриныя головы. Одна изъ этихъ вазъ настолько велика, что двое человѣкъ принуждены нести ее на перекинутомъ черезъ плечи шестѣ. Трудно допустить, чтобы эти вазы были изготовлены въ самой Сиріи; гораздо вѣроятнѣе предположить, что онѣ привезены изъ-за моря, вѣрнѣе всего съ Эгейскихъ острововъ или съ Крита; но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велико было разнообразіе товаровъ, продававшихся въ финикійскихъ гаваняхъ, и даютъ намъ возможность судить о высокой художественной цѣнности тѣхъ вещей, отъ которыхъ до насъ дошли лишь осколки.

Но само собой разумѣется, что главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о ремеслѣ и искусствѣ того времени являются раскопки, произведенныя въ самой странѣ. Такъ, при раскопкахъ въ Лахишѣ, рядомъ со скарабеями 18-й династіи и бронзовой фигурой египетскаго божества Бэса [1]), извлечено множество кипрскихъ и микенскихъ предметовъ. Судя по этимъ раскопкамъ, особеннымъ оживленіемъ отличались сношенія съ Кипромъ. Среди керамическихъ издѣлій мы нахо-

[1]) См. рис. на стр. 109.

димъ, на ряду съ довольно примитивными образцами самобытнаго производства, также и типичную старо-кипрскую полукруглую чашу съ орнаментами, выведенными въ видѣ лѣстницы на блѣдно-зеленой тонкой глинѣ, и кромѣ того—черепки съ нарисованными на нихъ широкими темно-красными изображеніями птицъ. Здѣсь же найдены какъ настоящія микенскія гончарныя издѣлія, такъ и подражанія этимъ образцамъ, отличающіяся неподвижностью линій и схематичностью своего рисунка. Кромѣ того, здѣсь же найдены два примитивныхъ изваянія Астарты, съ большими оттопыренными ушами старо-кипрскаго застывшаго типа, которыя мы тоже можемъ отнести къ изслѣдуемому періоду.

Кипрскіе образцы преобладаютъ также и въ лахишскихъ слояхъ болѣе поздняго времени: изъ бронзовыхъ предметовъ здѣсь найдены тонко отдѣланные наконечники копій, щипцы, топоры, рѣзцы и иглы, и кромѣ того—бронзовая статуэтка бога Пта съ золотыми украшеніями на груди, и еще многое другое. Изъ глиняныхъ вещей мы встрѣчаемъ здѣсь тонкія, блѣдныхъ оттѣнковъ чаши, круглыя дорожныя бутыли, а также небольшіе кувшины самыхъ различныхъ формъ: одни съ короткой ножкой и длиннымъ горлышкомъ, другіе прихотливо изогнутые, а третьи совсѣмъ безъ ножекъ съ заостряющимся книзу дномъ.

Изъ найденныхъ въ Гезерѣ предметовъ къ изслѣдуемой эпохѣ относятся, прежде всего, упомянутые выше (стр. 58) кипрскіе сосуды; найдены были также двуручные кувшины съ трупами новорожденныхъ младенцевъ. Но наиболѣе характерными для этого времени являются многочисленныя изображенія Астарты, представляемой большой частью нагой, а иногда въ одѣяніи, обвѣшанной украшеніями, съ тамбуриномъ танцовщицы въ рукахъ. Встрѣчаемъ мы Астарту также и въ болѣе близкихъ къ египетскимъ формахъ, изображенную то съ короной на головѣ и со стеблемъ лотоса въ рукѣ, то украшенную рогами, на подобіе египетской богини Хаторъ, изображавшейся съ ушами и рогами коровы или прямо въ видѣ коровы [1]). Судя по тому, что существовали готовыя формы, по которымъ маленькія изображенія Астарты могли отливаться въ очень большомъ количествѣ, легко себѣ представить, насколько широко распространены были въ свое время эти небольшія статуэтки, и какой большой существовалъ на нихъ спросъ. Несомнѣнное вліяніе египетскаго искусства на искусство Гезера, явно сказавшееся на многочисленныхъ сейчасъ описанныхъ нами изображеніяхъ Астарты, подтверждается и еще цѣлымъ рядомъ находокъ, среди которыхъ встрѣчаются, какъ оригинальныя египетскія издѣлія, такъ и вещи мѣстнаго происхожденія, приготовленныя по египетскимъ образцамъ. Таковы, напримѣръ, всевозможныя изображенія египетскихъ боговъ, а также обломки большого скарабея Аменхотепа III. Все это свидѣтельствуетъ о вполнѣ естественномъ, какъ и на всемъ югѣ страны, преобладаніи египетскаго вліянія надъ вліяніемъ хетитовъ и вавилонянъ.

Очень цѣнные результаты добыты также при раскопкахъ въ Таанахѣ и Мегиддо.

---

[1]) См. рис. на стр. 99.

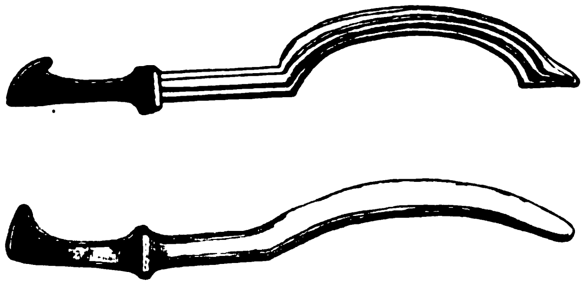
Изъ того, что найдено въ Таанахѣ, ясно видно, что здѣсь слѣды египетскаго вліянія въ это время почти совсѣмъ исчезаютъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Таанахъ въ то время, безъ всякаго сомнѣнія, находился подъ египетскимъ владычествомъ. И въ самомъ дѣлѣ, единственное, что свидѣтельствуетъ о египетскомъ вліяніи, это скарабей съ именемъ Тутмоса III и, быть можетъ, еще нѣсколько другихъ скарабеевъ. Напротивъ того, всѣ найденныя здѣсь многочисленныя изображенія Астарты представляютъ собою яркое выраженіе специфически - мѣстнаго или старо-кипрскаго типа. Въ мѣстныхъ изображеніяхъ богини плодородія она является совершенно нагой и украшенной вавилонской короной, а также ожерельемъ, поясомъ на бедрахъ и пряжками на ногахъ. Изображенія же старо-кипрскаго типа, встрѣчающіяся въ трехъ экземплярахъ, сходны съ образцами, найденными въ Лахишѣ и описанными выше. Совсѣмъ иной характеръ носитъ красивая бронзовая статуэтка одѣтой Астарты, напоминающая одну изъ гезерскихъ статуэтокъ, отъ которой она, однако, отличается отсутствіемъ роговъ и положеніемъ рукъ. Немало найдено въ Таанахѣ и гончарныхъ издѣлій. Здѣсь также египетскіе образцы уступаютъ мѣсто старо - кипрскимъ и эгейскимъ или же находящимся подъ ихъ вліяніемъ мѣстнымъ образцамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей, безспорно, обнаруживаютъ тонко-развитое чувство формы. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ предположить, что значительная часть ихъ изготовлена здѣсь же на мѣстѣ, а не ввезена извнѣ. Уже трудность перевозки такихъ предметовъ первой необходимости, какъ глиняные кувшины и чаши, естественно, должна была уже рано вызвать стремленіе создать собственное, хотя бы и подражательное, гончарное производство.

Къ описаннымъ выше (стр. 60—62) результатамъ раскопокъ въ Мегиддо слѣдуетъ еще прибавить что найденные здѣсь совсѣмъ примитивные идолы, по всей вѣроятности, сохранились отъ гораздо болѣе древнихъ временъ, истинный же характеръ искусства изслѣдуемаго времени представленъ здѣсь двумя изображеніями Астарты, вполнѣ напоминающими описанныя нами выше. Что касается керамическихъ издѣлій, то по нѣкоторымъ изъ нихъ легко судить, какъ значительны были успѣхи, сдѣланные въ этой области въ описываемый нами періодъ: для этого достаточно сопоставить относящійся къ началу этого періода красновато-коричневый горшокъ, съ его безпомощными четырехугольными схематичными узорами и съ жалкими намеками на пальмы и каменныхъ барановъ, съ вполнѣ жизненнымъ изображеніемъ марширующихъ воиновъ на вазѣ, которую надо отнести къ концу этого періода.

Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть объ относящемся, въ сущности, къ слѣдующему періоду искусствѣ филистимлянъ. Главнымъ центромъ его, насколько можно судить по необыкновенному обилію найденныхъ здѣсь произведеній искусства, былъ, очевидно, Гатъ (нынѣшній Телль эсъ-Сафи). Изъ послѣдняго до-израильскаго пласта въ Гатѣ, который, по всей вѣроятности, долженъ быть отнесенъ ко времени между 1300 и 1000 г.г., удалось извлечь керами-

ческія издѣлія, обнаруживающія тѣсную связь съ микенскими образцами на ряду съ довольно своеобразной разработкой заимствованныхъ мотивовъ. Отличительныя черты этой керамики даютъ основаніе предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ микенскихъ мотивовъ, т.-е. съ особымъ филистимскимъ искусствомъ. Для него такъ же, какъ и для позднѣйшаго микенскаго, характерна широкая распространенность глубокой и широкой, снабженной двумя ушками, чаши. Среди рисунковъ нерѣдко попадаются изображенія водяныхъ птицъ, козъ и каменныхъ барановъ. Разнообразные мотивы узоровъ размѣщаются по отдѣльнымъ раздѣленнымъ правильными промежутками, полямъ. Среди рисунковъ, заполняющихъ эти поля, встрѣчаются спирали, концентрическіе полукруги, шахматные узоры и т. п.

Итакъ, изъ всего изложеннаго мы видимъ, что въ сферѣ искусства въ изслѣдуемый періодъ на югѣ Палестины рѣшительно преобладало египетское вліяніе, лишь постепенно и крайне медленно уступавшее свое мѣсто инымъ вліяніямъ, исходившимъ съ сѣверо-запада, т.-е. съ побережья Средиземнаго моря. Напротивъ въ сѣверной части страны сила египетскаго вліянія почти уравновѣшивалась противоположнымъ ему западнымъ вліяніемъ, а также вліяніемъ, приходившимъ съ востока, при чемъ, однако, западное вліяніе оказалось, въ общемъ, преобладающимъ. Что же касается политической жизни, то и въ этой сферѣ Египетъ долгое время оставался единственной рѣшающей силой; лишь постепенно эта политическая зависимость превращается въ одну только формальность, и мелкіе властители Ханаана начинаютъ дѣйствовать самостоятельно или же подпадаютъ подъ вліяніе сѣверныхъ своихъ сосѣдей, въ особенности хетитовъ.

Бронзовый мечъ изъ Гезера и такой же мечъ XIV в. изъ Вавилона.

מלך צדנם או יתוי לבעל לבנן אדניו בראשת נחשת

Обломки бронзовой чаши изъ Лимассоля (Кипръ) съ финикійской надписью (X вѣкъ).

2. Письменность и духовная жизнь.

Уже изъ предыдущаго мы знаемъ, что изслѣдуемый періодъ, въ особенности вторая половина его—такъ называемая амарнская эпоха—оставилъ послѣ себя поразительную по своему богатству письменность. Сохранились письма почти изъ всѣхъ ханаанскихъ городовъ, частью обращенныя къ фараонамъ, частью же представляющія собой переписку палестинскихъ властителей другъ съ другомъ или съ египетскими намѣстниками. Изъ найденныхъ въ Таанахѣ и Лахишѣ писемъ видно, какъ много и по какимъ сравнительно незначительнымъ поводамъ люди переписывались въ тѣ времена. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что письменныя произведенія систематически собирались, и устраивались **архивы**, въ которыхъ принято было хранить наиболѣе цѣнные документы.

Въ Египтѣ уже издавна, особенно при Тутмосѣ III, сложился обычай заносить наиболѣе важныя событія на кожаные свитки, которые затѣмъ отдавались на храненіе въ храмы боговъ. Этотъ порядокъ со времени новаго египетскаго владычества сталъ, очевидно, примѣняться и въ Ханаанѣ, гдѣ также начали вести, въ видѣ хроникъ, правильную запись всѣхъ наиболѣе выдающихся происшествій или, по крайней мѣрѣ, тщательно сохранять всѣ относящіеся къ нимъ документы. Память о такомъ развитіи письменности въ Ханаанѣ, несомнѣнно, отразилась въ переданномъ намъ Библіей названіи одного изъ существовавшихъ еще въ до-израильское время городовъ—קרית-ספר (Киріатъ-Сеферъ)—„Книгоградъ“, или, точнѣе, „Городъ Писцовъ“. Весьма вѣроятно, что въ это время существовали опредѣленные пункты или спеціальные цехи, среди которыхъ особенно процвѣтало искусство письма.

Въ ряду такихъ городовъ самую важную роль игралъ, очевидно, финикійскій городъ **Библосъ**. Точныя свѣдѣнія о состояніи письменности въ немъ къ концу описываемаго періода можно почерпнуть изъ сохранившагося на одномъ папирусѣ сообщенія Уну-Амона о его путешествіи въ Финикію (около 1100 г.). Такъ, въ одномъ мѣстѣ упоминается о 500 свиткахъ папируса, посланныхъ египетскими власти-

телями въ Библосъ въ обмѣнъ на ливанскій лѣсъ. Затѣмъ папирусъ передаетъ слѣдующія слова Уну-Амона, обращенныя къ библосскому князю: „Развѣ не хочешь ты имѣть возможность поставить себѣ надгробную стэлу, на которой ты напишешь: Амонъ-Ре, царь боговъ, ... , прислалъ за строительнымъ лѣсомъ... Я приказалъ нарубить его... и отправилъ его въ Египетъ, чтобы вымолить для себя у Амона 10.000 лѣтъ жизни.... И когда въ грядущія времена придетъ посланецъ изъ Египта, искусный въ грамотѣ, и прочтетъ на камнѣ твое имя, то и въ твою честь на западѣ будутъ такъ же совершаться возліянія, какъ и въ честь боговъ, тамъ обитающихъ“.

Первое изъ этихъ сообщеній, говорящее о привезенныхъ въ Библосъ свиткахъ папируса, прежде всего не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что къ концу второго тысячелѣтія папирусъ являлся для Сиріи весьма важнымъ предметомъ ввоза. Судя по упомянутому тамъ количеству, надо полагать, что папирусъ этотъ служилъ не только нуждамъ самого князя или даже всего Библоса, но что онъ сбывался также и въ другіе города и области, т.-е., иными словами, былъ предметомъ торговли[1]). Если это такъ, то надо думать, что свитки эти въ первую очередь перепродавались во внутренніе города Сиріи и Палестины. Такимъ образомъ, приведенное сообщеніе, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что къ этому времени въ Сиріи и Палестинѣ письменность достигла значительной степени развитія.

Какими же письменами покрывались эти папирусы? На первый взглядъ казалось бы, что, въ виду повсемѣстнаго распространенія вавилонской клинописи для надписей на камняхъ и таблицахъ, и на папирусахъ могли пользоваться только клинописью. Однако нѣкоторыя новѣйшія открытія показываютъ, что въ эту эпоху употреблялась уже не только клинообразное письмо, но и буквенное. На это, во-первыхъ, указываетъ найденная въ Лимассолѣ (на остр. Кипрѣ) чаша X в. съ финикійскою надписью; далѣе, новѣйшія раскопки на остр. Критѣ обнаружили существованіе тамъ линейнаго письма, происшедшаго изъ гіероглифовъ и весьма схожаго съ финикійскимъ буквеннымъ письмомъ, именно, для эпохи 1800—1550 г.—открытіе, проливающее новый свѣтъ на исторію буквеннаго письма (см. таблицу при стр. 93). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что папирусъ и самъ по себѣ совершенно не подходитъ для клинописи. Эти соображенія должны, слѣдовательно, склонить насъ къ предположенію, что сѣверно-семитскій ханаанейскій способъ писанія буквами (при чемъ начертаніе ихъ тогда, повидимому, значительно отличалось отъ позднѣйшихъ формъ) былъ

---

[1]) Подобно тому, какъ пергаментъ получилъ свое названіе отъ Пергама, такъ отъ Библоса получила свое названіе на греческомъ языкѣ книга—βιβλίον. Очевидно, для всей Передней Азіи и для побережья Средиземнаго моря представленіе о книгѣ и бумагѣ неразрывно связано съ представленіемъ о городѣ Библосѣ. Это можно объяснить только въ томъ случаѣ, если предположить, что Библосъ являлся постояннымъ средоточіемъ всего книжнаго дѣла, складочнымъ мѣстомъ для папируса и, быть можетъ, еще и центромъ обученія писцовъ. Для сѣвера Ханаана Библосъ былъ, по всей вѣроятности, тѣмъ же, чѣмъ Киріатъ-Сеферъ служилъ для юга.

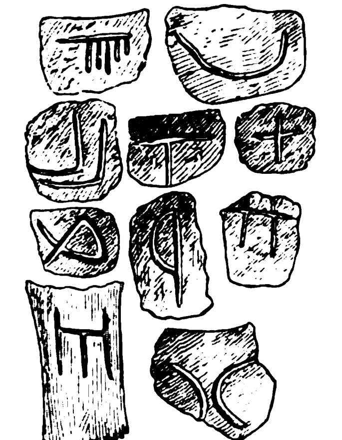
въ употребленіи уже около 1100 г., во всякомъ случаѣ, на исходѣ второго тысячелѣтія.

Но въ особенно значительной степени наши соображенія подкрѣпляются новѣйшей, сдѣланной въ Самаріи, находкой, гдѣ были открыты исписанные древне-ханаанейскими письменами черепки, относящіеся къ X столѣтію. Если и безъ этой находки предположеніе наше казалось въ высшей степени вѣроятнымъ, то, благодаря ей, мы можемъ считать вопросъ окончательно разрѣшеннымъ. Разъ этотъ родъ письма уже около 900 г. встрѣчается на черепкахъ, то это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что письмена эти имѣютъ уже богатое прошлое за собой, что ими уже гораздо раньше пользовались для надписей на камняхъ, а также для писанія на металлѣ, на кожѣ животныхъ и на папирусѣ: ибо, въ общемъ, трудно допустить, чтобы къ употребленію чернилъ и тростника впервые прибѣгли для писанія на черепкахъ. Съ другой стороны, и самый характеръ буквъ на найденныхъ въ Самаріи черепкахъ указываетъ на сравнительно долгое уже употребленіе даннаго способа письма. Всѣ эти данныя, какъ и находки на Критѣ, опредѣленно говорятъ о гораздо болѣе раннемъ появленіи буквеннаго письма, чѣмъ обыкновенно до сихъ поръ это предполагалось.

Весьма возможно, что отношеніе между мѣстнымъ письмомъ и клинописью, поскольку послѣдняя еще не вышла изъ употребленія, сводилось къ тому, что въ грамотахъ, написанныхъ на вавилонскомъ языкѣ, употреблявшемся при дипломатическихъ сношеніяхъ или при взаимныхъ сношеніяхъ мелкихъ князьковъ между собою, послѣдніе, стараясь подражать принятымъ въ Вавилоніи формамъ, естественно пользовались клинописью; въ грамотахъ же, написанныхъ на мѣстномъ языкѣ, примѣнялся и мѣстный способъ письма.

Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ,—при существованіи архивовъ, веденіи хроникъ и при столь распространенномъ обычаѣ переписываться—и образъ писца выступаетъ передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи. Мало того, что всякій изъ мѣстныхъ властителей держалъ при дворѣ своемъ одного или нѣсколькихъ писцовъ, и что всякаго посла въ пути обыкновенно сопровождалъ писецъ: писецъ, обыкновенно считался человѣкомъ, владѣющимъ какимъ-то особымъ, таинственнымъ искусствомъ, онъ представлялся обладателемъ чудодѣйственной, вселяющей трепетъ, силы. На него смотрѣли, какъ на вліятельнаго человѣка: его благосклонности добивались, его старались задобрить пріятными рѣчами, чтобы онъ правильно написалъ то, что желательно выразить, и чтобы онъ въ точности довелъ написанное до свѣдѣнія того, кому оно предназначалось [1]).

[1]) Ср. заглавную формулу, встрѣчающуюся въ цѣломъ рядѣ писемъ; „Царю, моему господину, скажи: такъ говоритъ имя-рекъ...", изъ которой явствуетъ, что въ письмахъ, въ сущности, обращались къ состоявшему при адресатѣ писцу, какъ къ его секретарю и чтецу. Ср. въ особенности также исполненныя волненія просьбы въ концѣ многихъ амарнскихъ писемъ, напр.: „Для писца царя, моего господина! Такъ (говоритъ) слуга твой Абди-Хиба: хорошо передай слова мои царю, моему господину: потеряны всѣ земли царя, моего господина". Такимъ образомъ, мы ви-

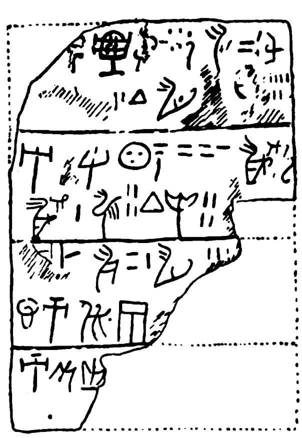
1.

2.

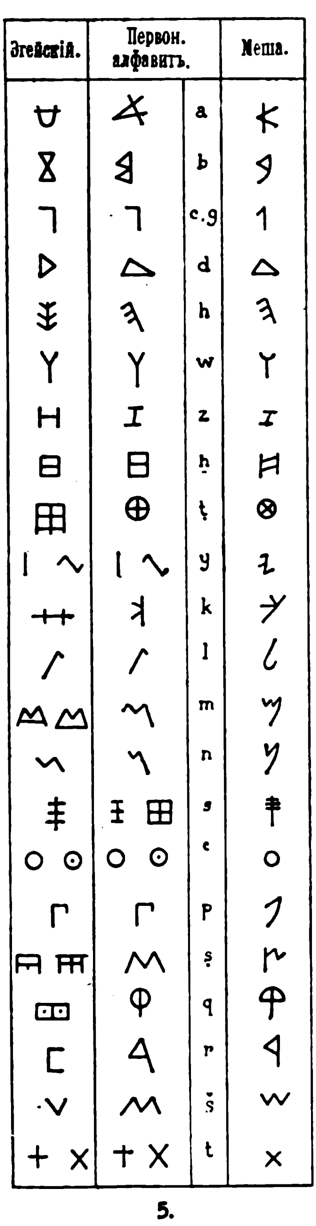
3.

4.

Образцы древне-палестинскаго и крито-эгейскаго письма.

1. Архаическія письмена изъ Лахиша. 2. Гіероглифическое письмо изъ Феста (на Критѣ). 3—4. Критское линейное письмо. 5. Сравнительная таблица знаковъ крито-эгейскаго письма, письменъ первоначальнаго алфавита (реставрація) и письменъ надписи Меши, IX в. (значеніе критскихъ письменъ неизвѣстно).

5.

Если по распространенію письменности мы пожелаемъ судить объ общемъ уровнѣ духовной жизни Ханаана, то, прежде всего, придется отмѣтить, что все написанное въ самой странѣ почти исчерпывается извѣстной намъ дипломатической и политической перепиской, сообщеніями о столкновеніяхъ и распряхъ, о вѣроломствѣ и денежной нуждѣ, о посылкѣ солдатъ и податей, а также—всякаго рода списками и т. п. На ряду съ этимъ мы, правда, располагаемъ еще нѣсколькими ссылками на архивы и на хранящіеся въ нихъ документы, но о содержаніи этихъ документовъ мы скорѣе можемъ догадываться, чѣмъ говорить увѣренно и опредѣленно. Напротивъ, совершенно не открыты до сихъ поръ документы или другія произведенія болѣе сложнаго содержанія, хотя бы, напримѣръ, военныя донесенія или историческіе разсказы, не говоря уже о пѣсняхъ или религіозныхъ и правовыхъ литературныхъ памятникахъ. Какъ бы то ни было, на основаніи этихъ данныхъ можно заключить, что духовная жизнь Ханаана въ эту эпоху еще не была развита и, за нѣкоторыми исключеніями, не поднялась выше примитивныхъ религіозныхъ представленій.

Нѣсколько иная картина раскроется передъ нами, если мы обратимся къ косвеннымъ свидѣтельствамъ. Надо предполагать, что содержимое упомянутыхъ ханаанскихъ архивовъ не могло состоять изъ однихъ только списковъ, договоровъ и счетовъ. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ другой фактъ. Какъ извѣстно, среди амарнскихъ таблицъ найдены части миѳа объ Адапѣ, а также отрывки вавилонскаго миѳа о божествахъ подземнаго царства, Нергалѣ и Эрешкигаль. Оба эти отрывка, а на ряду съ ними, вѣроятно, еще и другіе, входили, очевидно, въ составъ библіотеки Аменхотепа IV, остатками которой и являются найденныя въ эль-Амарнѣ таблицы. Многія изъ этихъ таблицъ служили даже въ свое время, какъ это можно заключить по зарисованнымъ красными чернилами, на египетскій манеръ, промежуткамъ

димъ, что пишущій письмо называетъ себя не только покорнымъ слугой царя, но и его писца: настолько зависимымъ считаетъ онъ себя отъ него! Впрочемъ, нѣтъ ничего поразительнаго въ такомъ преувеличенномъ значеніи писца, если вспомнить, какой важной особой онъ являлся въ Египтѣ. Владѣя особымъ способомъ передачи устнаго слова и мысли, онъ тѣмъ самымъ какъ бы совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ мудрость и искусство, и благодаря этому такъ же высоко стоитъ надъ толпой, какъ и жрецъ. Но мудрость его совсѣмъ иного порядка, чѣмъ мудрость жреца. Жрецъ въ глазахъ народа считается мудрымъ, благодаря особенной связи, въ которой онъ находится съ божествомъ, онъ—мудрецъ божьей милостью; писецъ же владѣетъ искусствомъ, которое, хотя тоже ведетъ, въ послѣднемъ счетѣ, свое происхожденіе отъ боговъ, но все же процвѣтаетъ среди людей, и здѣсь служитъ, явно для всѣхъ, практическимъ нуждамъ. Такъ, египетскій писецъ превращается въ учителя житейской мудрости и въ наставника въ дѣлахъ повседневности; наставленія эти преподаются въ формѣ поговорокъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они выходятъ изъ устъ мудрецовъ и затѣмъ переходятъ къ потомству въ особыхъ сборникахъ такихъ поговорокъ. Одинъ изъ египетскихъ мудрецовъ этого рода, по имени Имхотепъ, считался покровителемъ всѣхъ писцовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ тѣхъ, которые посвящали себя наукѣ, медицинѣ и тайнымъ искусствамъ. Въ честь его благочестивые писцы совершали возліяніе изъ сосуда съ водой, находившагося въ ихъ письменномъ приборѣ.

между словами, пособіями, чѣмъ-то въ родѣ книги для упражненій или хрестоматіей—для изученія египтянами вавилонскаго языка.

Правда, мы не можемъ доказать, что и за предѣлами Египта упомянутые миѳы выполняли то же назначеніе. Въ виду того, однако, что Палестина представляла собой египетскую провинцію, и что ея жители нуждались въ пособіяхъ для изученія вавилонскаго языка не меньше, чѣмъ въ Египтѣ, и въ виду того, далѣе, что такіе тексты только черезъ Палестину и могли попасть въ Египетъ, мы можемъ, конечно, съ полной увѣренностью предположить, что и въ Палестинѣ привыкли читать подобнаго рода тексты, безразлично, для упражненія ли или же просто изъ любознательности. Такимъ образомъ, наиболѣе образованнымъ людямъ тогдашняго Ханаана,—все равно, станемъ ли мы ихъ искать среди властителей и намѣстниковъ и, вообще, въ придворныхъ кругахъ или же среди жрецовъ и при святилищахъ Астарты и другихъ боговъ,—могла легко представиться возможность ознакомиться съ древними вавилонскими миѳами и религіозными представленіями Вавилона. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что уже не одно столѣтіе поддерживались самыя оживленныя сношенія между Ханааномъ и областью Евфрата, такъ что въ описываемую нами эпоху дѣло шло въ Ханаанѣ уже не о первыхъ шагахъ, а о продолженіи давно завязавшихся культурныхъ сношеній.

Если это наше предположеніе вѣрно, то мы, дѣйствительно, имѣемъ всѣ основанія допустить, что и въ Ханаанѣ, какъ и въ самомъ Вавилонѣ, люди давно уже начали размышлять о вопросахъ и дѣлахъ, волнующихъ человѣческое сердце: о правовыхъ отношеніяхъ, объ измѣнчивости и непостоянствѣ міра, о происхожденіи человѣка и его судьбахъ, и т. д.

Какъ бы то ни было, одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, а именно, что, судя по характеру письма и письменности въ изслѣдуемое время, мы можемъ заключить о большой распространенности вавилонской культуры въ Ханаанѣ. Стоитъ только обратить вниманіе на то, что князья и вельможи амарнскаго періода составляли свои письма къ фараону не на египетскомъ, а на вавилонскомъ языкѣ, т.-е. пользовались языкомъ и письменами, которые, казалось бы, должны были быть имъ гораздо болѣе чужды, чѣмъ египетскій языкъ и египетское письмо. И замѣчательно, что и самъ фараонъ отвѣчаетъ имъ не на своемъ родномъ, а тоже на языкѣ вавилонскомъ. Это обстоятельство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что именно вавилонскій, а не египетскій языкъ, являлся общепринятымъ въ международныхъ сношеніяхъ на всемъ протяженіи Древняго Востока и, въ частности, въ самой египетской имперіи. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что и мелкіе властители Палестины при сношеніяхъ между собой или при веденіи своихъ собственныхъ скромныхъ дѣлъ, даже на югѣ Палестины, прибѣгали не къ мѣстному языку, а къ языку вавилонскому, несмотря на то, что благодаря сосѣдству Египта и тѣмъ тѣснымъ политическимъ отношеніямъ, которыя связывали ихъ съ царствомъ фараоновъ, египетскій языкъ былъ имъ гораздо доступнѣе, нежели языкъ вавилонскій.

Какъ же объяснить это двойное обстоятельство, именно то, что вавилонскій языкъ, съ одной стороны, сталъ исключительнымъ языкомъ міровыхъ сношеній, языкомъ дипломатіи, и, съ другой стороны, также языкомъ мѣстныхъ письменныхъ сношеній уже приблизительно за сто лѣтъ до амарнской эпохи?

Что касается второго изъ отмѣченныхъ фактовъ, то отрицательно онъ объясняется тѣмъ, что въ эпоху эль-Амарны еще не существовало собственнаго ханаанейскаго письма. Хотя ханаанеяне и говорили на своемъ языкѣ и при случаѣ вставляли для поясненія въ своихъ письмахъ, написанныхъ по вавилонски, отдѣльныя соотвѣтственныя слова изъ своего родного языка, которыя при этомъ изображались, однако, посредствомъ вавилонскаго письма, — тѣмъ не менѣе всѣми ясно сознавалось, что при передачѣ ханаанейской рѣчи посредствомъ вавилонскаго письма совершалось насиліе надъ роднымъ языкомъ [1]).

Тутъ возникаетъ другой вопросъ: почему не предпочли вавилонскому **египетскій** языкъ и письмо, тѣмъ болѣе, что есть всѣ основанія предполагать, по крайней мѣрѣ, такое же, если не гораздо болѣе, широкое распространеніе египетскаго языка въ Ханаанѣ въ это время: достаточно только вспомнить египетскіе гарнизоны, намѣстниковъ и, наконецъ, близкое сосѣдство Египта. Чтобы отвѣтить на это, нужно разрѣшить первый изъ двухъ поднятыхъ выше вопросовъ, а именно: какимъ образомъ вавилонскій языкъ сталъ исключительнымъ языкомъ міровыхъ сношеній?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оба рода сношеній, какъ сношенія властителей и дипломатовъ между собой, такъ и внутреннія сношенія въ маленькомъ Ханаанѣ,—въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ въ амарнскую эпоху,—**не созданы** этой эпохой. И въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуемое время представляло менѣе всего подходящія для того условія. Въ самой странѣ политическое значеніе вавилонянъ сводилось тогда почти къ нулю. А внѣ ея, въ вопросахъ міровой политики, роль Вавилона къ этому времени давно уже была сыграна. И если бы потребность въ языкѣ, который наилучшимъ образомъ подходилъ бы для роли міpового языка, возникла во времена Тутмоса III и египетской міровой имперіи, то выборъ, несомнѣнно, палъ бы на языкъ Египта. И прежде всего самимъ фараонамъ этого времени никакъ не могло бы придти на умъ предпочесть своему языку языкъ государства, стоящаго гораздо ниже ихъ собственной страны.

Если же, тѣмъ не менѣе, случилось именно такъ, то это только потому, что и фараоны, и мѣстные властители Ханаана подчинились ве-

[1]) Въ вавилонскомъ языкѣ было принято разбивать слова на слоги, изображавшіеся имѣвшимися въ вавилонскомъ письмѣ силлабическими знаками; само собой разумѣется, что въ примѣненіи къ другимъ языкамъ такой способъ долженъ былъ приводить къ большимъ затрудненіямъ. Всѣ эти неудобства исчезли бы сами собой, если бы тогда существовалъ уже свой ханаанейскій алфавитъ. Но послѣдній появился значительно позже, и это обстоятельство и заставляло пользоваться **вавилонскимъ** языкомъ для переписки также и внутри страны.

ликой силѣ прошедшаго, которое оказалось властнѣе ихъ самихъ. Описанныя нами отношенія были созданы задолго до амарнской эпохи, и послѣдняя переняла лишь наслѣдіе, перешедшее отъ предшествующихъ поколѣній. То, къ чему прибѣгаютъ теперь князья Ханаана, дѣлали, вѣроятно, также и частные люди въ странѣ, когда имъ нужно было переписываться, и такъ же поступилъ уже, какъ мы знаемъ, и Атанахили изъ Таанаха болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до описываемаго времени. Подобно тому, какъ онъ снабдилъ свою печать вавилонскими письменами, навѣрное, поступали и другіе его земляки и современники въ другихъ частяхъ Ханаана. И если имъ приходилось переписываться другъ съ другомъ или составлять документы и списки, то и они для этого, несомнѣнно, обращались къ помощи не какого-нибудь другого языка, но только вавилонскаго. И если для амарнскаго времени фактъ этотъ намъ кажется до того страннымъ, что, не будь онъ документально доказанъ, никто не считалъ бы его вѣроятнымъ, то, напротивъ, для времени Хаммураби мы его находимъ вполнѣ естественнымъ и непосредственно вытекающимъ изъ всей совокупности существовавшихъ тогда отношеній.

Но въ этомъ и лежитъ ключъ къ пониманію всего интересующаго насъ явленія. Во времена Хаммураби и, вообще, въ древнѣйшія времена,—съ тѣхъ поръ, какъ Вавилонъ распространилъ свою власть до самаго Ливана и западнаго моря,—онъ сталъ единственной рѣшающей политической и духовной силой для всей Сиріи, включая сюда и Ханаанъ. Уже тогда, надо полагать, вавилонской письменности и, прежде всего, мощному духу кодекса Хаммураби, удалось духовно плѣнить весь сирійскій Западъ. Такъ народы Востока, подчинившись политической силѣ Вавилона, уже тогда вмѣстѣ съ тѣмъ сами собою подпали и подъ его духовное вліяніе. Но позаимствованное въ самыя раннія времена, естественно, должно было сохраниться и въ послѣдующія эпохи, даже при рѣзко измѣнившихся политическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, даже въ политическомъ центрѣ міровыхъ событій — въ самомъ Египтѣ — впослѣдствіи оказалось немыслимымъ поколебать вѣками укоренившуюся духовную гегемонію Вавилона.

Само собою разумѣется, что вліяніе Вавилона должно было отразиться и въ области высшихъ проявленій тогдашней духовной жизни—религіозной. Но прежде чѣмъ перейти къ обзору религіозной жизни Ханаана въ эту эпоху, слѣдуетъ еще коснуться вопроса, стоящаго на рубежѣ матеріальной и религіозной культуры—вопроса объ отношеніи къ мертвымъ.

Мертвыхъ хоронили въ то время исключительно въ вырытыхъ могилахъ. Въ Мегиддо трупы, обыковенно, зарывались въ землю въ одиночку или группами, и могилы окружались большими камнями и всѣми обычными принадлежностями. Въ Гезерѣ въ это время уже начали хоронить въ такъ называемыхъ „шахтенныхъ“ могилахъ. Устраивались онѣ слѣдующимъ образомъ: въ скалѣ вырубалась вертикальная шахта въ два метра глубины, и со дна ея проводился горизонтальный проходъ къ могилѣ, выдолбленной въ той же скалѣ. Очевидно, этотъ способъ

погребенія проникъ сюда изъ Египта, что, конечно, не представляетъ собой ничего удивительнаго, особенно въ Гезерѣ. Здѣсь же впервые наблюдается обычай класть въ гробъ лампу, какъ символическую замѣну человѣческаго жертвоприношенія. Такія лампы, какъ символъ человѣческой жизни, принято было класть въ могилу вмѣстѣ съ трупомъ. При подобномъ обрядѣ человѣкъ, слѣдовательно, оставался въ живыхъ, и жертвоприношеніе совершалось лишь символически.

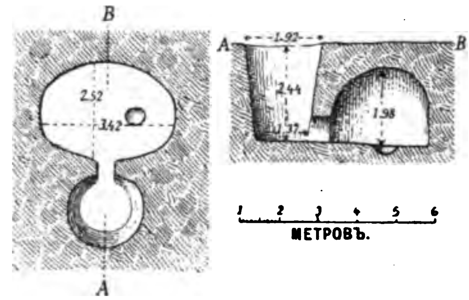
Но и человѣческія жертвоприношенія, а именно, принесеніе въ жертву дѣтей, были въ это время болѣе или менѣе обычнымъ явленіемъ. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Гезерскимъ святилищемъ массебъ, описаніе котораго будетъ дано ниже, на глубинѣ одного метра, найдено было около дюжины дѣтскихъ труповъ, погребенныхъ въ большихъ, заостренныхъ, лишенныхъ всякихъ украшеній толстостѣнныхъ кувшинахъ. Тѣла ихъ вдавлены въ кувшины головками напередъ, и сюда же положены два, иногда три, кувшина меньшагѡ размѣра, чашка и миска. Все это засыпано измельченной землей или пескомъ. Посуда эта представляетъ собой домашнюю утварь покойника, долженствующую служить ему для жизни его въ преисподней, мелкій же песокъ замѣняетъ собой муку́, вѣроятно, на случай, если бы вся положенная въ сосуды пища уже была использована. Точно такъ же поступали и египтяне, одарявшіе съ полу-наивной бережливостью своихъ мертвецовъ,—на которыхъ они смотрѣли уже, въ сущности, какъ на призраковъ,—поддѣльной муко́й, предметами, нарочно лишь для виду приготовленными и напоминавшими блюда или посуду. Найденные въ Гезерѣ дѣти почти всѣ—новорожденные младенцы, лишь двое изъ нихъ имѣютъ видъ пяти-шестилѣтнихъ. Судя по тому, какъ эти трупы вдавлены въ сосуды, надо предположить, что новорожденныхъ насильственно лишали жизни, вѣроятнѣе всего, посредствомъ удушенія, чтобы затѣмъ преподнести ихъ въ священныхъ мѣстахъ божеству. Весь этотъ обычай поразительно напоминаетъ хорошо извѣстные намъ изъ Библіи жертвоприношенія первенцевъ, слѣды которыхъ еще не окончательно стерлись и тамъ.

Итакъ, разъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что жертвоприношенія первенцовъ, какъ и человѣческія жертвоприношенія вообще, были въ обычаѣ у ханаанеянъ, то вполнѣ естественно предположить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣтскія могилы найдены въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь святилищемъ, мы тоже имѣемъ дѣло съ жертвоприношеніями. Вѣроятность такого предположенія значительно усиливается еще благодаря тому, что обычно окружающіе трупы предметы, среди которыхъ иногда находятся и лампы—для освѣщенія ли, или какъ символъ жизни—порою встрѣчаются безъ труповъ. Въ такихъ случаяхъ эти принадлежности имѣютъ такой же характеръ, какъ если бы онѣ, на самомъ дѣлѣ, сопровождали трупъ, т.-е. онѣ точно такъ же, какъ и погребальныя, наполнены измельченной землей или пескомъ, и не достаетъ только самого трупа. Этотъ обычай, повидимому, можно объяснить только предположеніемъ, что принад-

лежности эти замѣняли собой самый трупъ, къ которому онѣ вполнѣ приравнивались. Подобно тому, какъ употреблялась поддѣльная мука, точно такъ же прибѣгали и къ фиктивнымъ жертвоприношеніямъ, въ надеждѣ, что божество удовлетворится болѣе скромной замѣной [1]), только до извѣстной степени напоминающей собою дѣйствительную жертву.

1.

2.

1. Ханаанская гробница. 2. Продольный и поперечный разрѣзъ шахтенной гробницы изъ Гезера.

[1]) Замѣна болѣе цѣннаго жертвоприношенія, напр., первенца или какого-нибудь животнаго, болѣе скромнымъ, какъ извѣстно, играетъ еще довольно значительную роль и въ Библіи.

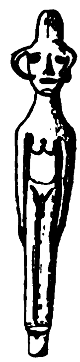
4.

1.

2.

3.

5.

6.

1. Египетская богиня Хаторъ. 2. Глиняная женская фигура изъ Лахиша. 3—4 Глиняная и бронзовая Астарта изъ Таанаха и Гезера съ отогнутыми внизъ (на подобіе косъ у Хаторъ) рогами (ср. עשתרות קרנים). 5. Изображеніе женскаго божества: въ рукахъ у нея цвѣтокъ лотоса, волосы какъ у Хаторъ (Гезеръ). 6. Женское божество (Астарта) изъ Таанаха.

3. Ханаанскій пантеонъ.

Самымъ общимъ, принятымъ у всѣхъ семитовъ, обозначеніемъ божества, какъ надземнаго, т.-е. властвующаго надъ людьми и природой существа, является „э л ь". Гдѣ бы мы ни встрѣтили семитовъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали играть роль въ Палестинѣ и Сиріи, будь то внутри страны или внѣ ея, вездѣ они поклоняются множеству боговъ, которые объединяются однимъ общимъ понятіемъ „э л ь". Съ этимъ понятіемъ у нихъ, очевидно, искони было связано представленіе о „силѣ" и о таинственномъ и полномъ могущества существѣ [1]).

[1]) Единственнымъ толкованіемъ слова „э л ь", заслуживающимъ серьезнаго обсужденія, является то, которое—отправляясь отъ „эль"—приводитъ къ „элогимъ" и „элоахъ" (אלהים, אלה), и при которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ „э л ь" производится отъ корня אול = אלה. Значеніе этого „эль" чувствуется еще въ словахъ, какъ, напр., „э л а", „а л-

Вездѣ, гдѣ бы мы ни встрѣтили въ болѣе древнія времена слово „эль“, оно всегда, насколько можно судить по тому, что до сихъ поръ извѣстно, употребляется въ качествѣ имени нарицательнаго. Нельзя указать ни одного болѣе или менѣе достовѣрнаго случая изъ относящихся ко второму тысячелѣтію до хр. эры, когда „эль“ имѣло бы, какъ это нерѣдко принималось, значеніе собственнаго имени какого-нибудь одного опредѣленнаго божества. Относительно изслѣдуемаго періода надо, поэтому, совершенно оставить предположеніе, будто въ памятникахъ сохранились свѣдѣнія о какомъ-то опредѣленномъ богѣ подъ названіемъ „Эль“ или „Иль“ (Илу). Во всѣхъ до сихъ поръ открытыхъ источникахъ „эль“ ничего другого не означаетъ, какъ божественное существо, божество вообще.

Соотвѣтственнно всему характеру тогдашняго представленія о Божествѣ, надо предположить, что и въ Сиріи и въ Палестинѣ—начиная съ самыхъ раннихъ временъ—не существовало различій между такимъ обозначеніемъ, какъ „эль“ (божественное существо, божество) и между родственными ему нарицательными именами, какъ, напримѣръ, „ваалъ“ (господинъ, владѣтель) или „адонъ“ (господинъ) или, наконецъ, „мелехъ“ (царь), которыя ставятъ божество, какъ высшее и преисполненное мощи существо, въ еще болѣе ясныя отношенія къ міру, и, въ особенности, къ человѣку, чѣмъ „эль“, выражая этимъ, съ одной стороны, у людей,—отношеніе зависимости, а съ другой—со стороны божества—положеніе господствующее, властное. Вотъ почему, всѣ эти общія обозначенія божества иногда замѣняютъ другъ друга [1]), и одинъ и тотъ же субъектъ называется то однимъ, то другимъ изъ этихъ именъ [2]).

Этого достаточно, чтобы попытаться перейти къ общему опредѣленію сущности божества у семитовъ до-израильскаго Ханаана. Ихъ боги это — существа властныя, невидимыя „силы“, лишь изрѣдка явно обнаруживающіяся, по имени которыхъ мы можемъ въ нихъ узнать „господъ“ и „владѣтелей“ той области, гдѣ они обитаютъ. Неправильно, поэтому, предполагать, какъ это часто дѣлаютъ, будто боги эти съ самаго начала уже представляли собою олицетворенія силъ или явленій природы. Судя по господствующимъ въ религіоз-

лонъ“ (אלה אלון), означающихъ „древо божіе“, а также мощный теребинтъ или дубъ, и кромѣ того, также въ такомъ выраженіи: „это доступно силѣ („эль“) моей руки“ (לאל ידי). Выраженіе это, которое, во всякомъ случаѣ, не есть изобрѣтеніе позднѣйшаго времени, ясно показываетъ, что въ еврейскомъ языкѣ понятія о „божественномъ существѣ“ и о „силѣ“ издревле связывались самымъ тѣснымъ образомъ, и поэтому обозначались однимъ и тѣмъ же словомъ „эль“.

[1]) Такъ, напр., союзный „Ваалъ“ („Ваалъ Союза“) сихемскихъ ханаанеянъ носитъ также названіе союзнаго „эля“ (Суд. 9, 4. 46); въ Тирѣ богъ города называется Мелькартъ, т.-е. царемъ города; рядомъ съ библейскимъ Беэльяда встрѣчается библейское же Эльяда, на ряду съ библейскимъ Абіэль на новооткрытыхъ самарійскихъ черепкахъ встрѣчается также Абибаалъ и т. д.

[2]) Такія имена, какъ Абимелехъ и Абибаалъ, Адониседекъ и Малкиседекъ, Ил-милки или Милки-или (по амарнскимъ источникамъ) и Малки-баалъ, навѣрное, такъ же могли замѣнять другъ друга, какъ и библейскія Урія и Уріэль, Беэльяда и Эльяда.

номъ языкѣ представленіямъ, сущностью божества въ это время являются не олицетворенные солнце или луна, дерево или камень, а право владѣнія, право собственности на какое-нибудь мѣсто или какой-нибудь изъ предметовъ, а также — господство надъ ними. Такъ, напр., Ваалъ въ Тирѣ или богиня Ваалатъ (госпожа) въ Библосѣ представляютъ собой невидимыхъ и высшихъ властителей города и окрестностей, господствующихъ надъ царями и властелинами земными. Эти боги такъ же владѣютъ и пользуются подвластной имъ землей, какъ и обыкновенные земные владѣтели, а потому имъ и приносятся лучшіе изъ ея даровъ. И если они расположены милостиво къ своимъ подданнымъ, они, естественно, ихъ охраняютъ, заботятся о нихъ и являются для нихъ источникомъ благъ и даровъ.

Такъ, мало-по-малу и поля, и виноградники и, колодцы,—все населяется особыми ваалами и ваалатъ. Но и эти божества не представляютъ собою олицетворяющихъ символовъ, а лишь незримыхъ владѣльцевъ названныхъ мѣстъ или предметовъ: они обитаютъ въ нихъ или по сосѣдству съ ними, часто избирая для своего постояннаго пребыванія мѣсто подлѣ или внутри какихъ-нибудь примѣчательныхъ камней, источниковъ или деревьевъ [1]). Вполнѣ естественно предположить, что впослѣдствіи ваалами были населены и солнце, и луна, и звѣзды. Впрочемъ, здѣсь мы уже имѣемъ, очевидно, дѣло со вторичной ступенью ханаанской религіи, которую врядъ ли можно объяснять одними только мѣстными вліяніями. И отсюда, поэтому, легче всего было, повидимому, сдѣлать и дальнѣйшій шагъ и перейти къ представленіямъ, олицетворяющимъ природу.

Кромѣ того, своихъ особенныхъ боговъ, вааловъ, могли имѣть цѣлыя племена и роды и даже, отдѣльныя семьи [2]). Но здѣсь дѣло идетъ не столько о ваалѣ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, сколько о почитаніи предковъ. Въ такихъ случаяхъ, вѣроятно, мѣстный ваалъ, ваалъ той или иной округи, того или иного города, напримѣръ, Бетъ-Лехема Гада, Хеброна, какъ бы сливался воедино съ соотвѣтственнымъ родоначальникомъ [3]).

---

[1]) Ср. „Баалатъ-Бееръ“, что означаетъ „госпожа колодца“ (Іошуа 19, 8) и „Баалъ-Тамаръ“, „Ваалъ пальмы“ или „Ваалъ у пальмы“. (Суд. 20, 33).

[2]) Этимъ же объясняются сохранившіяся еще въ Библіи родовыя жертвоприношенія (I Сам. 20, 6), а также и тотъ фактъ, напр., что для исполненія своего обѣта Абшаломъ отправляется въ Хебронъ (II Сам. 15, 7), откуда онъ былъ родомъ.

[3]) Такимъ образомъ, Киттель дѣлаетъ здѣсь значительную уступку этнологической точкѣ зрѣнія на происхожденіе религіи и на сущность первобытныхъ религіозныхъ воззрѣній, хотя и не договариваетъ до конца; но и въ такой незаконченной формѣ его взглядъ слѣдуетъ привѣтствовать, такъ какъ огромное большинство германскихъ ветхозавѣтниковъ застыло на совершенно устарѣвшей натуралистической точкѣ зрѣнія, нѣкоторые же, правда очень немногіе, ударились, подъ вліяніемъ Винклера, въ самыя безудержныя фантазіи астральнаго панвавилонизма. Сущность же этнологической точки зрѣнія заключается въ томъ, что первичной формой религіи является почитаніе мертвыхъ, непосредственно ведущее къ культу предковъ; все дальнѣйшее религіозное развитіе исходитъ изъ этихъ первобытныхъ формъ, идя по двумъ направленіямъ: духи умершихъ, поселяющіеся въ растеніяхъ, животныхъ, камняхъ и т. п. предметахъ, преобразуются въ мелкія натуралистиче-

Итакъ, въ началѣ ваалъ представляетъ собой божество чисто мѣстнаго характера. Это—названіе мѣстныхъ духовъ, прикрѣпленныхъ къ данному роду, городу, къ округѣ, или даже къ горѣ или источнику. Но опредѣленныя округи постепенно входятъ во взаимное общеніе, съ появленіемъ городовъ и развитіемъ всякаго рода сношеній, города и села начинаютъ обмѣниваться своими произведеніями, своими жителями и черезъ послѣднихъ—и своими богами: такъ постепенно нѣкоторые ваалы могли достигнуть ранга общеплеменного божества (ср. названія „адонъ, мелекъ"), и вмѣстѣ съ тѣмъ нарицательное имя Ваалъ превращалось для нѣкоторыхъ мѣстностей въ собственное. Съ проникновеніемъ же чужеземцевъ въ страну и съ началомъ развитія сношеній съ другими странами начинаютъ доходить и всякія вѣсти о чужихъ богахъ, и часто случается видѣть ихъ изображенія. Кругозоръ расширяется, начинаютъ дѣйствовать самыя разнообразныя вліянія извнѣ.

И вотъ, въ народѣ, надо думать, перестаютъ постепенно различать между мѣстными и между чужеземными ваалами, къ своимъ божествамъ присоединяютъ еще нѣкоторыя иностранныя божества, и такимъ образомъ родной пантеонъ все больше и больше расширяется. Тѣмъ самымъ для склонныхъ къ размышленію умовъ здѣсь, какъ и вездѣ, данъ былъ сильный толчокъ къ дальнѣйшему развитію религіозныхъ представленій. Пантеонъ древняго Ханаана, поскольку онъ отразился въ письмахъ эль-Амарны, египетскихъ памятникахъ, и въ позднѣйшихъ пережиткахъ израильскаго періода, носитъ на себѣ слѣды такой двойственности: рядомъ съ туземными богами, мелкими ваалами и крупными ваалами, ихъ женскими дополненіями и нѣкоторыми другими мѣстными божествами, мы встрѣчаемъ упоминанія о почитаніи чужеземныхъ боговъ, вавилонскихъ и въ особенности египетскихъ [1]).

скія божества, или божества мѣстныя, боги-предки преобразуются въ племенныхъ и даже государственныхъ боговъ, и въ то же время становятся властителями силъ природы. Измѣняясь до неузнаваемости въ историческія времена, религіозныя воззрѣнія обнаруживаютъ свое происхожденіе въ многочисленныхъ пережиткахъ, упорно сохраняющихся въ объектахъ и обрядности культа: остатки фетишизма, тотемизма, формулы и церемоніи—все это сплошь и рядомъ бываетъ необъяснимо съ точки зрѣнія господствующихъ въ данную эпоху религіозныхъ воззрѣній и становится понятно только, какъ живой остатокъ первобытной старины. По отношенію къ ханаанейской религіи до вторженія израильтянъ мы, къ сожалѣнію, окажемся въ затруднительномъ положеніи, если попытаемся возстановить первобытную религію Ханаана по позднѣйшимъ пережиткамъ, ибо намъ извѣстна лишь позднѣйшая израильская религія, представляющая, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, смѣшеніе ханаанейскихъ и чисто израильскихъ элементовъ; но по отношенію къ древне-израильской религіи, какъ цѣлому, хотя синкретическому, такіе пережитки первобытной старины могутъ быть и будутъ указаны.

Примѣч. Н. Н.

[1]) Вавилонское вліяніе извѣстная группа ученыхъ, такъ наз. панвавилонисты, изображаетъ въ томъ смыслѣ, что религія древняго Ханаана, какъ и другихъ восточныхъ странъ, была заимствована изъ Вавилона или, въ крайнемъ случаѣ, подъ вліяніемъ Вавилона преобразована до полной потери самостоятельности, при чемъ вавилонская религія мыслится, какъ законченная астральная система. Это крайнее мнѣніе, въ настоящее время теряющее все болѣе и болѣе подъ собою почву, не нуждается здѣсь въ особомъ опроверженіи.

Переходя къ обзору древне-ханаанейскаго пантеона, надлежитъ, прежде всего, отмѣтить, что установить его составъ и характеръ вполнѣ отчетливо и полно не представляется возможнымъ, въ виду крайней скудости матеріала. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архива эль-Амарны, являются, конечно, вполнѣ надежнымъ матеріаломъ; но они почти никогда не даютъ возможности судить о степени распространенности того или иного культа и даютъ очень мало указаній на характеръ того или иного божества; въ силу этого, эти свѣдѣнія приходится дополнять аналогіями и гипотезами. Еще менѣе плодотворно привлеченіе пережитковъ: въ сущности, мы имѣемъ такъ мало данныхъ для сужденія о ханаанейскомъ или израильскомъ происхожденіи огромнаго большинства культовъ, упоминаемыхъ въ Библіи, что почти съ одинаковымъ правомъ можно разрѣшать этотъ вопросъ въ ту или другую сторону, судя по личному убѣжденію. Эти оговорки необходимы для правильнаго уясненія послѣдующей характеристики.

Наиболѣе распостраненный культъ, культъ Ваала, называемаго въ письмахъ эль-Амарны именемъ Сутехъ, именемъ, которымъ египтяне вообще называли главныхъ боговъ азіатскихъ народностей, носилъ въ эту эпоху, повидимому, такой же мѣстный характеръ, какъ и въ позднѣйшую. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ права допускать для позднѣйшей эпохи регрессъ сравнительно съ древнѣйшей; въ позднѣйшую же эпоху намъ извѣстны Ваалы Тира, Сидона, Гада, Хермона, Меона, Сефона, Іуды и др. Характеръ этихъ мѣстныхъ Вааловъ былъ различенъ, но, судя по библейскимъ даннымъ, Ваалъ внутри Ханаана почитался, по преимуществу, какъ богъ плодородія [1]). Въ качествѣ владѣльца той или иной мѣстности онъ въ глазахъ земледѣльцевъ-ханаанеянъ является творцомъ даровъ ихъ земли, покровителемъ ихъ стадъ—такое представленіе о Ваалѣ существовало, по свидѣтельству пророка Гошеи, еще въ VIII в. (9, 10). Отсюда объясняются и другія двѣ черты, которыми Ваалъ характеризуется въ нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ: онъ есть богъ солнца, податель всѣхъ благъ, живетъ на небѣ, и въ то же время есть богъ войны, защищающій вмѣстѣ со своими сынами свою землю отъ враговъ. Конечно, эти функціи Ваала врядъ ли признавались за всѣми мѣстными Ваалами, въ особенности военная. Какъ богъ плодородія, Ваалъ долженъ имѣть свою супругу—такой является Ваала́, Ваалатъ, Белита, Астарта или Ашера. Первыя три имени не требуютъ особаго объясненія; имя Астарта засвидѣтельствовано для сидонской богини, имя же Ашеры до послѣднихъ раскопокъ считалась не именемъ богини, а именемъ священнаго искусственнаго древа. Но данныя архива эль-Амарны и находки въ Таанахѣ установили съ непреложностью существованіе богини, называющейся Аширатъ=Ашера;

---

[1]) Ваалъ обычно изображался въ видѣ быка; Киттель склоненъ видѣть причину этого въ характерѣ Ваала, какъ бога плодородія. Но надо замѣтить, что быкъ является свойственнымъ всѣмъ семитамъ символомъ ихъ главныхъ боговъ, независимо отъ ихъ характера; поэтому, вѣрнѣе будетъ объяснять этотъ символъ тѣмъ что по всей вѣроятности, быкъ былъ когда-то общесемитскимъ тотемомъ.

Примѣч. Н. Н.

надо полагать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ разновидностью типа Астарты. Характеръ этихъ богинь, супругъ Вааловъ, можно выяснить болѣе отчетливо, ибо, какъ мы видѣли, было найдено множество изображеній этихъ богинь. Изображенія эти (ср. рис. на стр. 99) съ рѣзко подчеркнутыми половыми признаками [1]), характеризуютъ Астарту и ея разновидности, какъ богиню любви и половой жизни, а отсюда богиню плодородія; можно допустить, что священная проституція, сопровождавшая культъ Астарты въ эпоху израильскихъ царей, существовала уже и въ описываемый періодъ. Отсюда понятно также, что типъ изображеній Астарты и ея разновидностей нерѣдко скопированъ или съ вавилонской Иштаръ, или всего чаще съ египетской Хаторъ — обѣ были богинями любви и плодородія. Иштаръ въ Вавилонѣ была посвящена половая жизнь, ея храмы были мѣстами священной проституціи (жрицы-блудницы наз. въ Вавилонѣ кадишту—соотв. еврейскимъ кедешамъ); миѳъ о схожденіи Иштаръ въ преисподнюю для освобожденія ея умершаго супруга Таммуза, при чемъ во время отсутствія богини на землѣ останавливается зачатіе и рожденіе, вѣроятно, былъ извѣстенъ въ Ханаанѣ. Но еще больше ханаанейская богиня испытала на себѣ вліяніе египетской Хаторъ. Не только въ стилѣ изображеній [2]), но и въ культѣ ханаанейская богиня и ея египетская подруга постоянно смѣшивались: напр., Белита Библоса совершенно отождествлялась съ Хаторъ.

Изъ другихъ божествъ, упоминаемыхъ въ архивѣ эль-Амарна, надо указать Дагана, извѣстнаго въ библейскую эпоху болѣе подъ именемъ Дагона (у филистимлянъ). Судя по этимологіи его имени, это былъ богъ хлѣба; слѣдовательно, его можно считать однимъ изъ Вааловъ. Остальные боги, упоминаемые въ архивѣ эль-Амарны—вавилонскіе, культъ которыхъ проникъ въ Ханаанъ, вѣроятно, еще въ эпоху Хаммураби. Это—Ададъ (Адду), богъ грома, потрясающій небо; его культъ былъ довольно распространенъ, судя по обилію собственныхъ именъ, сложныхъ съ именемъ этого бога (Рибъ-Адди, Шумъ-Адда, Шуму-ади, и др.); затѣмъ Нергалъ, богъ войны и смерти, рабомъ котораго называетъ себя Атанахили изъ Таанаха, наконецъ, родственный Нергалю Нинибъ, по имени котораго называются въ амарнскомъ архивѣ мѣстечко Бетъ-Нинибъ около Іерусалима и лицо Абди-Нинибъ. За исключеніемъ перечисленныхъ божествъ, культъ которыхъ, несомнѣнно, существовалъ въ древнемъ Ханаанѣ, остается рядъ другихъ божествъ, культъ которыхъ не засвидѣтельствованъ современными данными, но, судя по даннымъ Библіи, является, вѣроятно, доизраильскимъ. Сюда прежде всего надлежитъ отнести культы солнца и луны. До извѣстной степени эти культы могли совпадать съ культами Ваала и Астарты (послѣдняя, по аналогіи Иштаръ и Хаторъ, называется иногда небесной царицей). Но такія географическія названія, какъ Бетъ-Шемешъ, Иръ-Шемешъ, Энъ-Шемешъ, или имена Шимшонъ (Самсонъ)

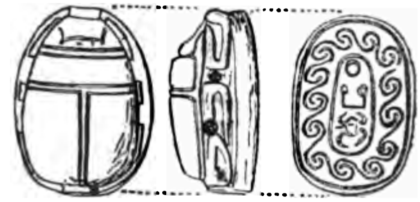
---

[1]) Ср. I Цар. 15, 13 о томъ, какъ іудейскій царь Аса уничтожилъ безстыдное изображеніе Ашеры.

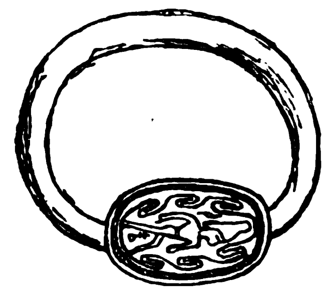
[2]) Характерно названіе мѣстности—Астаротъ-Карнаимъ, т.-е. двурогая Астарта.

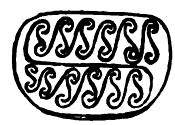
1.

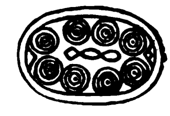
2.

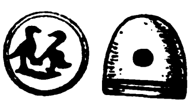
3.

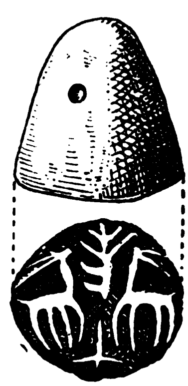
4.

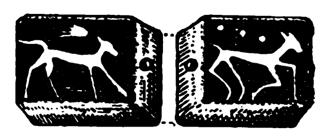
5.

6.

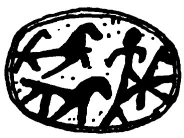
8.

9.

10.

7.

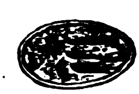
11.

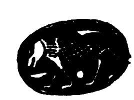
12.

10.

13.

14.

Печати и скарабеи.

Гезеръ. 1. Оттиснутое изображеніе печати-цилиндра. 2. Печать-скарабей съ ясно сохранившейся формой жука. 3. Бронзовое кольцо со скарабеемъ. 4—5. Скарабеи съ геометрическимъ орнаментомъ.—**Мегиддо.** 6. Коническая печать изъ синей эмали (III слой). 7. Скарабей съ примитивнымъ изображеніемъ львовъ и людей (IV слой). — **Таанахъ.** 8. Коническая печать. 9. Четыреугольная печать. 10. Два скарабея-цилиндра.—**Лахишъ.** 10. Оттискъ печати-цилиндра (IV слой). 11—14. Скарабеи-печати.

Шимшаи (мужъ солнца), даютъ основанiе предполагать существованiе культа солнца подъ его собственнымъ именемъ (Шемешъ). Еще болѣе основанiй въ пользу допущенiя доизраильскаго культа луны (Яреахъ). У семитовъ вообще луна становится предметомъ культа гораздо ранѣе солнца, какъ это въ особенности ясно изъ вавилонскихъ воззрѣнiй (лунный богъ Синъ—отецъ солнечнаго бога Шамаша); съ другой стороны, существовавшее съ незапамятныхъ временъ въ Израилѣ празднованiе новолунiя и другихъ дней, связанныхъ съ лунными фазами, заставляетъ думать, что культъ луны существовалъ не только у кочевниковъ, прародителей Израиля, но и въ Ханаанѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ханаанейское названiе Iерихонъ—„городъ луны" [1]). Весьма вѣроятно также почитанiе богини Кадешъ, или Кедешъ. Эта богиня, имя которой связано съ названiемъ извѣстной библейской мѣстности и другихъ мѣстностей, была, по всей вѣроятности, хетитской богиней; но культъ ея распространился очень широко и въ эпоху Рамсеса II проникъ въ Египетъ. На барельефахъ эпохи этого фараона Кадешъ изображается стоящей ногами на львѣ, съ головой, украшенной парикомъ по образцу Хаторъ, а также рогами и солнечнымъ дискомъ; въ рукахъ она обыкновенно держитъ цвѣты и змѣй. Судя по этимъ изображенiямъ, Кадешъ была по своему характеру аналогична Астартѣ. Въ эпоху Тутмоса III въ Египетѣ почиталась другая азiатская богиня, Анатъ, богиня войны; ея культъ также возможно допустить для описываемой эпохи въ Ханаанѣ. Библейскiя данныя сохранили указанiя на нее; такъ, кн. Судей (3, 31; 5, 6) называетъ одного изъ судей, Самгара, сыномъ Анатъ, т.-е. военнымъ богатыремъ; названiя мѣстностей Анатотъ, Бетъ-Анатъ, также связаны съ именемъ этой богини. Рядомъ съ этой богиней войны приходится упомянуть сирiйскаго бога войны Решефа. Какъ таковой, онъ не упоминается въ Библiи; но слово רשף означаетъ тамъ жаръ, молнiя, также чума—слабые отзвуки функцiй этого бога. Но въ качествѣ финикiйско-ханаанскаго бога молнiи и войны мы встрѣчаемъ Решефа на египетскихъ памятникахъ: вооруженнымъ, на подобiе Анатъ, копьемъ и щитомъ, а также палицей. На ряду съ этимъ встрѣчается еще другой типъ изображенiя, со стрѣлой, очевидно, наиболѣе близкiй старинному представленiю о Решефѣ, какъ богѣ молнiеносцѣ.

Остаются еще нѣкоторыя мелкiя божества, упоминаемыя вскользь въ Библiи и унаслѣдованныя Израилемъ, вѣроятно, еще отъ древне-ханаанской эпохи. Это богъ счастья Гадъ, упоминаемый, впрочемъ, повидимому, не только въ Библiи (Ис. 65, 11), но и на самарiйскихъ черепкахъ, въ имени Гадди-Iау. Имя Гада встрѣчается также въ нѣкоторыхъ библейскихъ именахъ; характерно въ особенности имя Гаддаэль, т.-е. Гадъ есть богъ. Наконецъ, возможно возводить къ ханаанскому перiоду божества Седекъ и Шелемъ, реминесценцiя кото-

[1]) Панвавилонисты считаютъ культъ луны занесеннымъ изъ месопотамскаго Харрана и видятъ подтвержденiе своей гипотезы въ названiи горы Синай, якобы по имени вавилонскаго имени луннаго бога Синъ. Врядъ ли, однако, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ бóльшимъ совпаденiемъ, чѣмъ простое созвучiе.

рыхъ удержалась въ Библіи только въ собственныхъ именахъ: Адони-Седекъ, Малки-Седекъ, Сидки-іагу (Седекія)—для перваго божества, и названіе Урушалиму (Іерусалимъ)—для второго божества.

Въ заключеніе этого обзора особенно приходится остановиться на египетскихъ культахъ, получившихъ значительное распространеніе въ древнемъ Ханаанѣ. Это явленіе не требуетъ особаго объснененія: уже одинъ тотъ фактъ, что въ Ханаанѣ издавна, особенно съ XVI-го столѣтія, проживало въ качествѣ иностранцевъ множество египтянъ—торговцевъ, чиновниковъ, солдатъ, рабовъ — не оставляетъ сомнѣнія, что отъ ихъ особаго культа, котораго они, безъ сомнѣнія, придерживались и на чужбинѣ, многое передалось окружающему ханаанскому населенію. Еше больше, по всей вѣроятности, переняли въ своей религіозной жизни отъ египтянъ вассалы фараона и всѣ, близко стоявшіе ко двору, которые, конечно, такого рода подражаніемъ старались особенно подчеркнуть преданность своему властелину.

И, дѣйствительно, на ряду съ упомянутой уже выше важной ролью, которую сыграла Хаторъ въ культѣ Астарты, мы встрѣчаемся еще со слѣдами поклоненія А м о н у, который пользовался широкимъ почетомъ, главнымъ образомъ, въ приморскихъ городахъ, но также и внутри страны. Въ особенности яркое свидѣтельство объ этомъ культѣ мы находимъ въ упоминавшемся уже египетскомъ папирусѣ, содержащемъ разсказъ о путешествіи Уну-Амона въ Финикію. Въ спорѣ съ царемъ Библоса (одинъ изъ придворныхъ котораго носитъ имя П е н ъ-А м о н ъ), Уну-Амонъ прямо называетъ Амона „царемъ странъ“, говоритъ, что Ливанъ растетъ для Амона, „его—море и его—Ливанъ“. Царь Библоса съ этимъ не только не споритъ, но признаетъ, что его отцы служили Амону, приносили ему дары и считали его своимъ господиномъ. Другой князь, Рибъ-Адди, въ письмѣ намѣстнику фараона ставитъ Амона рядомъ съ Белитой Библоса. Не менѣе яркимъ доказательствомъ того, до какой степени сирійскіе князья и вельможи старались приспособиться и въ своей религіозной жизни къ тому, что было въ силѣ и славѣ въ Египтѣ, можетъ послужить тотъ фактъ, что въ связи съ введеннымъ Аменхотепомъ культомъ солнца (которое одно время чтилось подъ именемъ бога Ре) сирійскіе вассалы даже соотвѣтственно переименовали намѣстника Аманаппу въ Ріанаппу. Помимо этого, мы располагаемъ и другими доказательствами египетскаго вліянія; въ этомъ отношеніи самымъ интереснымъ является письмо Абимильки изъ Тира, который, въ слѣпомъ подражаніи превыспреннерелигіозному стилю фараона, самъ предпосылаетъ своему письму цѣлый гимнъ въ честь солнца.

Итакъ, мы видимъ, что если даже оставить совершенно въ сторонѣ второстепенныя божества, почитавшіяся въ низшихъ слояхъ населенія Ханаана, а также всякаго рода частные культы, о которыхъ лишь изрѣдка упоминается въ памятникахъ, то съ полной достовѣрностью можно установить, по крайней мѣрѣ, поклоненіе Амону среди ханаанеянъ того времени. Болѣе того, мы можемъ даже рѣшиться на такое утвержденіе, что различныя дошедшія до насъ изображенія ханаанской Ваалатъ въ видѣ богини Хаторъ служили предметомъ покло-

ненія, именно, въ качествѣ изображенія этой египетской богини не только среди многочисленныхъ жившихъ въ странѣ египтянъ, но нерѣдко также и среди мѣстныхъ жителей. Мы знаемъ, что въ Библосѣ существовалъ египетскій храмъ, и, безъ сомнѣнія, онъ былъ не единственнымъ въ странѣ. Если фараонъ располагалъ здѣсь дворцами и устраивалъ здѣсь свою резиденцію, если онъ назначалъ сюда намѣстниковъ и во многихъ пунктахъ содержалъ гарнизоны, то, несомнѣнно, здѣсь не могло быть недостатка и въ особыхъ египетскихъ святилищахъ. Здѣсь египтяне, вѣроятно, поклонялись, на ряду съ Амономъ, прежде всего, своей египетской Хаторъ, и, конечно, египтянамъ легко было привить и мѣстнымъ жителямъ поклоненіе этой богинѣ и нѣкоторымъ другимъ богинямъ, болѣе точныя свѣдѣнія о которыхъ до насъ, однако, не дошли.

На ряду съ перечесленными божествами, которыя, судя по тому, что мы о нихъ знаемъ, всѣ принадлежатъ къ числу первостепенныхъ боговъ, мы встрѣчаемъ еще множество второстепенныхъ божественныхъ существъ. Эти послѣднія частью мыслились, какъ подчиненные и помощники главныхъ боговъ, иногда же представлялись въ видѣ болѣе низшаго разряда духовъ и демоновъ, которыхъ обычно призывали при всякаго рода колдовствѣ, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко, особенно среди низшихъ слоевъ, заступали мѣсто высшихъ боговъ. Какъ и во многихъ другихъ религіяхъ, такъ и здѣсь, вѣроятно, у многихъ должны были явиться представленія, что высшіе боги съ ихъ благолѣпными святилищами и пышными жертвоприношеніями и празднествами доступны лишь знатнымъ и богатымъ. Широкіе слои неимущихъ и зависимыхъ, вообще, простой народъ, который не въ состояніи былъ умилостивить боговъ богатыми дарами, поневолѣ долженъ былъ довольствоваться божествами болѣе скромнаго ранга, предъявлявшими, конечно, и болѣе ограниченныя требованія. О приближеніи къ нимъ могъ мечтать и простолюдинъ.

Такъ, уже въ Вавилоніи, на ряду съ главными богами, появляются нѣкоторые второстепенные боги, которые окружаютъ бога небесъ, какъ его воинство, въ видѣ звѣздныхъ полчищъ, представляя собой его свиту и небесный совѣтъ. Они выступаютъ то въ качествѣ членовъ семьи стоящаго надъ ними божества, то—въ качествѣ посланцы его. Это представленіе о небесной свитѣ не чуждо также Библіи; и здѣсь мы встрѣчаемъ вокругъ Іагве совѣтъ, члены котораго частью носятъ названіе „бенэ-элимъ“, „сыновъ божіихъ“, частью же прямо называются сынами Элогимъ, одновременно являясь посланцами и вѣстниками Іагве и представляя воинство его [1]). Конечно, можно было бы предположить, что эти представленія зародились только въ библейскую эпоху и въ средѣ самого Израиля. Однако выраженія и представленія такого общаго характера, какъ эти „бенэ-элимъ“—„сыны божіи“ или такого рода повѣствованія, героями которыхъ являются сыны Элогимъ могли

[1]) Ср. Іовъ, 1, 6; 2, 1 (сыны божіи, составляющіе нѣчто въ родѣ совѣта вокругъ бога); также Псал. 29, 1 (какъ придворная свита); кромѣ того, I Цар. 22, 19 (о небесномъ воинствѣ въ такомъ же смыслѣ); и наконецъ, Быт. 6, 1—4 (о сынахъ Элогимъ).

существовать и въ доизраильскомъ Ханаанѣ. Въ послѣднемъ случаѣ израильскія представленія того же рода легко могли смѣшаться съ ханаанскими; если же у Израиля ихъ не было, то библейскія представленія надо считать переработкой ханаанскихъ представленій.

Кромѣ того, извѣстно, что въ Вавилоніи большую роль играло множество духовъ, на которыхъ можно было воздѣйствовать всякаго рода заклинаніями. Большей частью духи выступаютъ въ числѣ семи. Между тѣмъ—и это заслуживаетъ особаго вниманія—на еврейскомъ языкѣ слово „клясться" (שבע) означаетъ дословно: примѣнять къ себѣ число семь или же вступать съ нимъ (съ числомъ этимъ) въ связь. Это словоупотребленіе, столь же старое, какъ и самъ Израиль, очевидно, уже предполагаетъ единство семи духовъ. Слѣдовательно, представленіе о семи духахъ—древне-ханаанскаго происхожденія. Этому соотвѣтствуетъ и, несомнѣнно, древнее происхожденіе названія „Беэръ-Шеба", означающаго, во всякомъ случаѣ, не семь колодцевъ, а колодезь семерыхъ.

Остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ низшихъ египетскихъ божествахъ и объ ихъ изображеніяхъ, а также объ употреблявшихся въ Египтѣ амулетахъ, талисманахъ и волшебныхъ средствахъ. Они, конечно, главнымъ образомъ служили жившимъ въ странѣ египтянамъ, а отъ нихъ они, навѣрное, перешли также и къ мѣстнымъ жителямъ. Такъ, напримѣръ, въ Ханаанѣ мы встрѣчаемъ изображенія египетскаго Пта, считавшагося первоначально покровителемъ художниковъ и ремесленниковъ, а затѣмъ, въ богословской системѣ, превратившагося въ высшаго духа вообще, отъ котораго ведутъ начало всѣ предметы и въ которомъ они пребываютъ, какъ идеи, до своего сотворенія. Попадаются и изображенія Бэса, который уже однимъ своимъ видомъ смѣшного уродливаго карлика выдаетъ свою сатироподобную природу—надо думать, что онъ, очевидно, игралъ роль покровителя танцевъ, музыки и всякаго рода увеселеній. Многочисленные скарабеи,—эти столь излюбленныя въ Египтѣ изображенія навознаго жука, съ которыми, во всякомъ случаѣ, связывалось какое-то таинственное, недостаточно еще выясненное отношеніе къ божеству,—служили, очевидно, въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, куда проникало египетское вліяніе, въ качествѣ амулетовъ. Той же цѣли служили и глаза Гора и изображенія „Сокола-Гора". Кромѣ того, при тѣсной связи существовавшей между египетскимъ Горомъ, съ одной стороны, и Изидой и Озирисомъ, котораго финикіяне называли Адонисомъ, съ другой, легко можно предположить, что и эти божества проникли въ Ханаанъ, и что уже въ описываемое время здѣсь былъ извѣстенъ миѳъ объ Адонисѣ. Однако, болѣе точными указаніями относительно этого отдаленнаго времени,—если не считать факта поклоненія Ваалу, какъ „господину" („адонъ") или какъ „моему господину" („адони"),—мы не располагаемъ.

Сюда же слѣдуетъ отнести, быть можетъ, также и упоминаемые въ Библіи образы, какъ „Азазель" и „Сеиримъ". Всѣ они считались козлообразными духами луговъ и полей, при чемъ послѣднимъ порою приносились жертвы и въ Израилѣ. Даже если и библейскіе

тексты, въ которыхъ они упоминаются, сравнительно поздняго литературнаго происхожденія, то все же ошибочно было бы думать, будто и сами эти образы возникли въ эпоху болѣе позднюю. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что это—древне-ханаанейскіе полевые и степные духи, которые въ Израилѣ уже почти не играютъ никакой роли, а потому и упоминаются только случайно.

1. 2. 3.

1—2. Бронзовыя фигурки Бэса изъ Лахиша и Таанаха.
3. Глиняная фигурка неизвѣстной богини.

Ханаанское святилище съ рядомъ массебъ въ Гезерѣ.

4. Культъ, его мѣста и обряды.

Мѣста служенія богамъ были разбросаны по всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ поселеніямъ. Всюду, повидимому, существовалъ свой особенный мѣстный ваалъ, но этимъ не исключалась возможность поклоненія, на ряду съ нимъ, и другимъ божествамъ, публично или же въ домашнемъ культѣ. Изъ поселеній, игравшихъ роль въ религіозной жизни страны, особеннымъ значеніемъ отличались, судя по библейскимъ даннымъ, Сихемъ (Шехемъ), Бетъ-Эль, Гилгалъ, Гибеонъ и Хебронъ; на основаніи же данныхъ, добытыхъ путемъ раскопокъ, а также на основаніи другихъ древнихъ не-библейскихъ текстовъ, сюда слѣдуетъ еще причислить и такія поселенія, какъ Гезеръ, Таанахъ, Мегиддо, Іерусалимъ, Іерихонъ, Лахишъ и т. п.; наконецъ, священными въ это время являлись, надо полагать, и всѣ такія еще до-израильскаго происхожденія мѣста, названія которыхъ заимствованы отъ названій мѣстныхъ вааловъ. Это—въ собственномъ Ханаанѣ. Что касается остальной Сиріи, то здѣсь такую же роль играли, конечно, всѣ извѣстные намъ старинные финикійскіе города: Тиръ, Сидонъ, Библосъ, Берутъ и т. д.

На ряду съ этими городами, большое значеніе для религіозной жизни имѣли нѣкоторые источники и колодцы, напр., Беэръ-Шеба, Лахай-Рои на югѣ Палестины, Гихонъ и Рогель въ окрестностяхъ Іерусалима, а также священныя деревья, какъ, напр., „пальма Деборы“ или служившее оракуломъ теребинтовое дерево вблизи Сихема и, наконецъ,

священные камни, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать камень невдалекѣ отъ Сихема, такіе же камни близъ Гибеона и Бетъ-Шемеша и, наконецъ, извѣстный изъ исторіи Самуила „Камень Помощи“ [1]).

О внѣшнемъ видѣ святилища этого періода,—и притомъ святилища, обставленнаго съ особеннымъ великолѣпіемъ,—мы можемъ въ настоящее время лучше всего судить по описанному выше (стр. 57—58) сооруженію въ Гезерѣ. Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ сооруженіи является то, что, по всей видимости, въ немъ не было ни храма, ни даже обыкновеннаго прочнаго строенія, а, значитъ, не могло быть въ немъ и никакихъ изображеній боговъ. Очевидно, поклоненіе божеству происходило подъ открытымъ небомъ, передъ лицомъ солнца, вѣрнѣе даже, передъ лицомъ восходящаго солнца. Главной составной частью сооруженія являются, какъ это ясно видно еще и теперь, каменныя колонны, массебы, встрѣчающіяся здѣсь въ большомъ числѣ и въ самыхъ различныхъ формахъ. Колонны эти представляютъ собой грубообтесанные монолиты, которые считались мѣстомъ постояннаго пребыванія или даже олицетвореніемъ мѣстнаго ваала. По всей вѣроятности, эти колонны представляли собою дальнѣйшую стадію развитія первоначальныхъ еще болѣе примитивныхъ каменныхъ глыбъ, съ незапамятныхъ временъ почитавшихся, какъ мѣстопребываніе духовъ, которымъ поклонялось въ до-израильское время Ханаана. По мѣрѣ развитія религіозныхъ представленій, эти колонны стали символами Ваала и Астарты; характерно, что нѣкоторыя массебы имѣютъ грубо выраженную фаллическую форму [2]).

На ряду съ массебами, олицетворявшими Ваала и служившими какъ бы его мѣстопребываніемъ, вездѣ воздвигались, по всей вѣроятности, еще и ашеры, искусственныя древа, посвященныя культу Астарты. Отсутствіе какихъ бы то ни было явныхъ слѣдовъ такихъ ашеръ въ настоящее время нисколько не должно насъ смущать или вызывать съ нашей стороны удивленіе въ виду того, что этотъ предметъ религіозной культуры по характеру матеріала не могъ долго сохраниться: зато тѣмъ большій вѣсъ пріобрѣтаютъ тѣ изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, которые съ достаточной очевидностью выясняютъ характеръ ашеръ. Еврейское слово „ашера“, на ряду съ первоначальнымъ значеніемъ его,—какъ опредѣленнаго божества,—имѣетъ еще и другое, а именно, значеніе какого-то древеснаго предмета, всегда почти упоминаемаго вмѣстѣ съ массебой и, очевидно, являющагося чѣмъ-то весьма сходнымъ съ нею. Но Ашера-Астарта-Ваалатъ, какъ мы знаемъ, прежде всего всегда была богиней плодородія и размноженія и притомъ—не только животнаго, но и растительнаго царства. Съ другой стороны,

---

[1]) „Камень помощи“—„Эбенъ-Гаэзеръ“ (I Сам., 4, 1), повидимому, носилъ это названіе еще задолго до Самуила.

[2]) Массебы были найдены не только въ Гезерѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ раскопокъ, слѣдовательно, были распространены повсемѣстно. Обычай ставить массебы на жертвенныхъ мѣстахъ перешелъ отъ ханаанейцевъ къ израильтянамъ; массебы ставились также и на могилахъ (ср. Быт. 35, 20 о массебѣ на гробѣ Рахили), очевидно, въ связи съ культомъ мертвыхъ.

въ цѣломъ рядѣ дошедшихъ до насъ отъ того времени изображеній мы встрѣчаемъ, то въ связи съ изображеніями массебъ, то отдѣльно отъ нихъ и въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ, рисунки какихъ-то своеобразныхъ предметовъ религіознаго культа, имѣющихъ видъ столба, нерѣдко увѣнчаннаго символическими знаками какого-нибудь божества. Сопоставленіе этихъ данныхъ даетъ право заключить, что связанная съ массебой ашера представляетъ собою не что иное, какъ священный столбъ, т.-е. деревянную колонну, которая должна была служить олицетвореніемъ плодоноснаго дерева или даже символизацiей растительной жизни вообще. Въ болѣе древнія времена мѣсто ашеры, несомнѣнно, занимало настоящее дерево и, вѣроятно, въ тѣхъ священныхъ мѣстахъ, гдѣ деревья росли естественно, нѣкогда обходились безъ нея; и только тамъ, гдѣ деревьевъ совершенно не было, ихъ замѣняли воткнутымъ въ землю древеснымъ стволомъ, который затѣмъ стали покрывать всевозможными украшеніями.

Въ обстановку святилища, находившагося въ Гезерѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ, несомнѣнно, входилъ и особый дарственный столъ—прообразъ позднѣйшаго алтаря. Приношенія даровъ, т.-е. жертвоприношенія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ Ханаанѣ, навѣрное, были такъ же распространены, какъ и вездѣ, гдѣ существовало поклоненіе высшимъ существамъ. А потому, здѣсь былъ установленъ особый порядокъ такихъ подношеній и особое мѣсто для даровъ. Но, конечно, „алтаря“, въ томъ смыслѣ, какъ мы его теперь понимаемъ, въ то отдаленное время еще существовать не могло.

И дѣйствительно, при древнѣйшемъ представленіи о божествѣ, когда божественныя силы мыслились чѣмъ-то въ родѣ духовъ земли, обитающихъ въ ея нѣдрахъ и появляющихся на ея поверхности только въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ, еще не могло быть, конечно, никакой надобности въ алтаряхъ. Вполнѣ достаточно было положить пищу и питье для земныхъ духовъ въ излюбленныхъ ими мѣстахъ или даже просто пролить питье на землю, которая впитываетъ его въ себя и уже такимъ путемъ передаетъ его дальше по назначенію. Потребность въ настоящихъ жертвенникахъ не могла сказаться даже и съ появленіемъ семитскихъ вааловъ. Первоначально эти ваалы, по большей части, мало чѣмъ отличались отъ прежнихъ духовъ земли: какъ и эти духи, они считались принадлежащими лишь опредѣленнымъ мѣстамъ, и единственное отличіе ихъ заключалось лишь въ томъ, что ваалы должны были особенно ярко олицетворять собой плодородіе полей, плодовитость стадъ и животворящія силы въ деревьяхъ и источникахъ. Само собою разумѣется, что и при такомъ представленіи о божествѣ вполнѣ достаточно было просто сложить передъ нимъ то, что ему причиталось отъ урожая земли или отъ приплода стадъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно, якобы, особенно охотно обитало, а такими мѣстами еще съ древнѣйшихъ, до-семитическихъ временъ почитались плоскія и гладкія скалы, или издревле считавшіяся священными горныя громады или, наконецъ, полевые камни. Такъ, еще Гидеонъ, по древне-израильскому преданію, сложилъ

свои дары прямо на скалѣ: мясо онъ оставилъ въ горшкѣ, отваръ же вылилъ просто на скалу. Равнымъ образомъ, по всей вѣроятности, уже въ древнѣйшія времена дарами увѣшивались и упомянутыя выше священныя деревья, поскольку они, конечно, были къ этому приспособлены. И лишь тогда, когда являлась потребность выразить особенное преклоненіе передъ божествомъ, и когда представлялась къ тому возможность, рядомъ съ деревомъ или скалой вааламъ воздвигали, повидимому, еще и особый **столъ для даровъ** или же обтесывали глыбы скалъ, дабы онѣ могли служить чѣмъ-то въ родѣ стола для подношеній, на которомъ помѣщались жертвенныя чаши, и который, можетъ быть, даже предназначался для убоя скота. О сожженіи приносившихся въ жертву животныхъ и другихъ даровъ вначалѣ, очевидно, и не помышляли; кромѣ того, существовалъ, вѣроятно, обычай употреблять какъ для упомянутыхъ дарственныхъ столовъ, такъ и для жертвенныхъ камней, преимущественно такіе камни, которые еще не подверглись никакой обработкѣ, къ которымъ вообще не прикоснулась еще человѣческая рука [1]).

Съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя мы въ настоящее время, однако, не въ состояніи точнѣе опредѣлить, Ваалъ, какъ мы знаемъ, изъ простого бога земли и плодородія превращается въ бога солнца, а Астарта—въ повелительницу небесъ. Правда, боги и тогда еще, большей частью, были прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту ихъ почитанія или, по крайней мѣрѣ, могли быть призываемы лишь тогда, когда поминали ихъ имя въ данномъ мѣстѣ. Но настоящимъ ихъ мѣстопребываніемъ уже считается небесное пространство. Поэтому-то ихъ начали себѣ представлять не просто присутствующими въ мѣстѣ преклоненія и здѣсь же вкушающими дары, но— одновременно съ измѣнившимся взглядомъ на ихъ дѣйствительное мѣстопребываніе—возникаетъ также обычай посылать имъ дары туда, гдѣ они постоянно обрѣтаются, при этомъ въ такой формѣ, въ которой эти дары могутъ лучше всего дойти до нихъ. Такъ возникаютъ **огненныя жертвы** или **жертвы всесожженія**. Благочестивые дары возносятся къ небу въ видѣ благовоннаго прозрачнаго дыма, образующагося при сожженіи жертвы: дымъ или, вѣрнѣе, паръ этотъ услаждаетъ обоняніе божества, которое „вдыхаетъ" благовоніе жертвы, и такимъ образомъ пріемлетъ ее [2]). **Это—первый шагъ къ одухотворенію божества**: оно уже не нуждается больше ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, оно довольствуется уже однимъ только ароматомъ, т.-е. самымъ духовнымъ элементомъ жертвы; и ароматъ этотъ божество пріемлетъ черезъ огонь, черезъ самую родственную его собственному небесному и

---

[1]) Простые земляные жертвенники или сложенные изъ **необтесанныхъ** камней уже въ древнемъ Ханаанѣ предпочитались алтарямъ изъ обработаннаго матеріала; это явствуетъ изъ предписанія въ Исх. 20, 24. Съ другой стороны, изъ того же самаго мѣста можно заключить, что уже въ древнія времена существовали алтари изъ обтесанныхъ камней, какъ, напр., жертвенникъ, найденный въ Таанахѣ.

[2]) Ср., напримѣръ, такія мѣста, какъ Быт. 8, 21 и Второз. 33, 10.

солнцеподобному существу стихію. Отъ животнаго божеству остается одна только кровь, носитель и символъ жизни,—кровь, проливаемая на жертвенный столъ.

И только послѣ описанной нами эволюціи становится необходимымъ алтарь, какъ мѣсто, на которомъ сжигаются части животныхъ и растительные дары, а при случаѣ—и цѣлыя животныя. Мы, правда, не знаемъ еще въ точности, когда появились въ Палестинѣ такого рода алтари и связанныя съ ними огненныя жертвы, но все же многія данныя говорятъ за то, что въ описываемый періодъ ихъ уже знали, и что приблизительно середину второго тысячелѣтія можно считать тѣмъ временемъ, когда завершился переворотъ въ представленіяхъ о Ваалѣ и объ особенно угодныхъ ему жертвоприношеніяхъ. Земной Ваалъ переродился въ Ваала небеснаго, а дарственный столъ и жертвенный камень превратились въ жертвенникъ всесожженія.

Ханаанейскія святилища, по всей видимости, служили также мѣстомъ празднествъ, въ собственномъ смыслѣ слова, и прежде всего мѣстомъ радостнаго общенія съ божествомъ. При оцѣнкѣ религіознаго значенія этой роли святилищъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, обращать вниманіе не столько на форму, въ которой проявлялось это стремленіе поддерживать общеніе съ божествомъ, сколько на самый фактъ такого желанія. Въ этомъ значительно болѣе, чѣмъ въ приносимыхъ дарахъ, находило себѣ выраженіе подлинное исканіе бога. Пути и средства удовлетворенія этого исканія были, правда, чрезвычайно разнообразны, и нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ насъ своей причудливостью [1]).

Библейское повѣствованіе, помимо постановленій о порядкѣ жертвоприношенія, показывающихъ намъ, какое высокое значеніе приписывалось въ Израилѣ общей трапезѣ [2]), связанной съ жертвенными празд-

---

[1]) Крупныя семитическія святилища уцѣлѣли донынѣ въ скалахъ набатейской столицы Скалистой Аравіи, въ Петрѣ (ср. рис. на стр. 82 и 185). Правда, судя по сохранившемуся внѣшнему виду ихъ, они должны быть отнесены къ болѣе поздней культурной эпохѣ, чѣмъ та, которая насъ сейчасъ занимаетъ. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе предполагать, что старѣйшія изъ этихъ сооруженій по своему происхожденію относятся къ древнѣйшему эдомитскому періоду Петры, а во многихъ отношеніяхъ сохранившіяся еще и понынѣ части этихъ сооруженій ясно обнаруживаютъ слѣды древнѣйшихъ построекъ. Самыми существенными частями такого сооруженія, предназначеннаго для большихъ праздничныхъ торжествъ, насколько можно судить по даннымъ раскопокъ, являлись: 1) площадка для убоя жертвеннаго скота; 2) обширное пространство для жертвеннаго пиршества съ особымъ мѣстомъ для возлежанія пирующихъ; 3) большой „алтарь" (см. стр. 125) въ качествѣ престола или почетнаго мѣста для божества, занимая которое божество какъ бы принимаетъ участіе въ общей трапезѣ и, наконецъ, 4) столбъ, представлявшій, очевидно, не что иное, какъ нѣкоторое развитіе старинной массебы (или точнѣе, „хаммана", т.-е. солнечной колонны, какъ символа бога-солнца); иногда въ особыхъ нишахъ попадаются также и изображенія боговъ. Но, на ряду съ этимъ, даже еще и въ Петрѣ встрѣчаются относящіеся по времени къ періоду еще болѣе отдаленному, чѣмъ тотъ, въ который возникли эти сооруженія,—слѣды болѣе грубаго культа, справлявшагося на плоскихъ скалахъ при помощи выдолбленныхъ въ нихъ такъ назыв. „жертвенныхъ чашъ".

[2]) Ср., напр., Лев. 3; 7, 11 сл., Второз. 12, 7, 12.

никами, сохранило также и нѣсколько описаній [1]) такихъ жертвенныхъ пиршествъ. На обширномъ, повидимому, особо предназначенномъ для этой цѣли пространствѣ, собиралась праздничная толпа гостей, приглашенныхъ хозяиномъ. Центральнымъ пунктомъ всего торжества являлась, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, общая трапеза, за которой съѣдалось мясо заколотаго животнаго. Вѣроятно, всегда, но въ особенности тогда, когда торжество преслѣдовало какія-либо особенныя цѣли [2]), происходили обильныя возліянія нѣкоторой части жертвенной крови на жертвенникъ, какъ на престолъ божественнаго гостя, а иногда также и на самихъ участниковъ трапезы [3]). Уже одного этого обряда возліянія крови,—даже если бы иной разъ и не было дословно прибавлено, что пирующіе „созерцали бога Израиля“,—было бы достаточно, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что торжество вовсе не сводилось къ одному лишь поглощенію пищи и питья. Истиннымъ его смысломъ являлось созерцаніе божества, созерцаніе не внѣшнее, но внутреннее, духовное,—радостное ощущеніе близости божества и общенія съ нимъ, „ликованіе передъ лицомъ его“, трепетъ благочестиваго блаженства и горячаго восторга отъ сознанія, что находишься непосредственно въ его присутствіи, что занимаешь мѣсто за его столомъ, рядомъ съ нимъ, что вкушаешь отъ его трапезы, что, наконецъ, съ божествомъ раздѣляешь самое священное изъ всѣхъ земныхъ общеній—общеніе съ нимъ на почвѣ обычая гостепріимства [4]).

Правда, указанныя описанія относятся, конечно, не ко временамъ

---

[1]) Ср., I Сам. 9, 22 и сл., Исх. 24, 4 и сл. и I Сам., 1, 3 и сл., а также еще и I Сам. 2, 13 и сл., гдѣ сообщаются болѣе точныя свѣдѣнія объ обрядахъ, сопровождавшихъ такого рода пиршественное жертвоприношеніе („зебахъ“). Согласно этимъ указаніямъ, животное убивается самимъ жертвователемъ. Сало бросается въ жертвенный пламень, мясо же варится въ котлѣ. Присутствующій при этомъ жрецъ имѣетъ право вилкой выбрать себѣ какой-нибудь кусокъ изъ этого котла. По всей вѣроятности, и этотъ обычай былъ отголоскомъ древне-ханаанскаго жертвеннаго обряда.

[2]) Такъ, напр., 24, 6.

[3]) Ср. Исх. 24. 8, Лев. 3, 2 и другія мѣста.

[4]) Ср. выраженіе: „ликовать“, „радоваться передъ лицомъ Іагве“ въ кн. Второз. 12, 7, 12 и мн. другихъ мѣстахъ Относить эти выраженія исключительно къ радостямъ вкушенія трапезы или хотя бы только ставить ихъ въ связь съ ними значило бы совершенно превратно понимать самую сущность религіознаго чувства, проявляющагося уже въ самыхъ примитивныхъ культахъ. Въ такомъ выраженіи заключается глубочайшее ощущеніе и глубоко-духовная религіозная радость, которую, конечно, не слѣдуетъ слишкомъ „одухотворять“—по современному, но не слѣдуетъ также ослаблять ея значеніе, лишая ее полновѣсной реальности и истиннаго смысла. Выраженіе „созерцать бога“ встрѣчается въ Исх. 24, 10 и особенно—въ тѣсной связи съ самой трапезой, какъ трапезой общей для людей и бога (тамъ же, ст. 11): „И созерцали они бога, и ѣли и пили“. Ср. также тексты, въ родѣ Псалм. 27,4; 42, 3. О правилахъ гостепріимства по отношенію къ божеству, какъ къ своему другу, ср. въ Псалм. 15,1, а также названія, какъ „Геръ-Астартъ“, „Геръ-Ваалъ“, открытыя среди финикійскихъ надписей. О „столѣ господа“ ср. Іезек. 41, 22; 44, 16; Исх. 25, 23, 27 сл. и т. д. Хотя приведенные тексты относятся къ гораздо болѣе позднему времени, но выраженія эти и отражающееся въ нихъ настроеніе, несомнѣнно, восходятъ къ глубокой древности.

древне-ханаанскимъ, а уже къ израильской эпохѣ, но частью они все же находятся какъ разъ на рубежѣ обоихъ періодовъ. Пусть въ процессѣ перенесенія этихъ обрядовъ на Iагве многое въ нихъ и получило болѣе возвышенный смыслъ, все же нѣтъ основанія предполагать, что и самыя формы, приданныя этимъ обрядамъ древнѣйшимъ Израилемъ, отличались чѣмъ-нибудь отъ формъ, принятыхъ въ до-израильскомъ Ханаанѣ. Поэтому мы имѣемъ всѣ основанія предположить, что и торжества въ честь Ваала и Астарты совершались въ такихъ же или подобныхъ имъ формахъ. [1])

Но на ряду съ этимъ мы знаемъ, что эти болѣе древнія празднества не ограничивались одними только описанными сейчасъ обрядами. Правда, Библія не даетъ свѣдѣній ни о самомъ совершеніи обряда жертвоприношенія, ни о дальнѣйшемъ теченіи подобнаго рода жертвеннаго празднества для эпохи древняго Ханаана; но мы обладаемъ такого рода свѣдѣніями въ повѣствованіи о пророкѣ Иліи и, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ указаній въ другихъ мѣстахъ. О приподнятомъ настроеніи на этихъ празднествахъ и связанныхъ съ такими трапезами попойкахъ, заставлявшихъ многихъ переходить черезъ край, свидѣтельствуетъ намъ разсказъ о матери Самуила; относительно же эпохи Исаіи мы имѣемъ его собственное несомнѣнное свидѣтельство. [2]) А эти времена едва ли отличались въ данномъ отношеніи чѣмъ-либо отъ прошлаго. Напротивъ, весьма вѣроятно предположеніе, что въ древне-ханаанскомъ, а также въ позднѣйшемъ ханаанскомъ культѣ, именно путемъ опьяненія,—вѣдь Ваалъ, какъ и Вакхъ, былъ также и богомъ вина,—люди стремились слиться съ божествомъ и такимъ образомъ дойти до состоянія вдохновенія божествомъ.

Достичь этой цѣли стремились также и другими средствами. Мы знаемъ, что пророки Ваала приводили себя на горѣ Кармель, какъ и современные намъ дервиши, въ состояніе священнаго изступленія при помощи дикихъ плясокъ и самоистязанія [3]). Здѣсь, правда, рѣчь идетъ

---

[1]) Съ этимъ согласуется и употребляемое въ израильскомъ законодательствѣ болѣе точное выраженіе для обозначенія этихъ жертвенныхъ пировъ „зебахъ шелемъ", что значитъ — жертвоприношеніе мира, которое настолько соотвѣтствуетъ описанному здѣсь кругу представленій, что можно вполнѣ свободно приписать его уже ханаанскому періоду. Всякій, кто принимаетъ участіе въ трапезѣ своего ближняго, тѣмъ самымъ пользуется и правомъ гостепріимства, а потому и полной неприкосновенностью: такимъ образомъ, всякій, кто принимаетъ участіе въ посвященномъ богу жертвоприношеніи, тѣмъ самымъ становится съ божествомъ и со своими ближними во взаимоотношенія гостепріимства и мира.

[2]) Ср. I Сам., 1, 13; Ис., 28, 7 и сл.

[3]) I Цар, 18, 28 и сл. О самоистязаніи ср. еще Гош. 7, 14, по греч. перев. XX, „изъ-за хлѣба и вина они дѣлаютъ на тѣлѣ своемъ нарѣзы". Несомнѣнно, это представляетъ собою очень древній обычай, смыслъ котораго заключается въ томъ, чтобы путемъ особенныхъ средствъ привлечь къ себѣ вниманіе божества и тѣмъ расположить его въ свою пользу. Именно въ виду того, что то же самое было принято и при обрядахъ, связанныхъ съ почитаніемъ умершихъ (Второз. 14, 1. Лев. 21, 5 и другія подобныя указанія), съ цѣлью смягчить и умилостивить духовъ покойниковъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что обряды эти весьма древняго происхожденія.

о событіи совершенно исключительномъ, но, по всей вѣроятности, подобныя же черты были свойственны также и древне-ханаанскому культу. Того, чего нельзя было достичь путемъ опьяненія или благочестиваго погруженія въ божество, отдѣльныя лица старались добиться съ помощью особыхъ средствъ, приводя себя неистовыми тѣлодвиженіями въ состояніе восторженнаго изступленія, пока ихъ не охватывалъ восторгъ священнаго вдохновенія и сліянія съ божествомъ. Подобнаго рода изступленность въ то время разсматривалась, какъ вселеніе божества въ человѣка. Человѣкъ вдохновлялся и весь преисполнялся божественнымъ духомъ.

О томъ, что дѣйствительно не только позднѣйшая ханаанейская эпоха была знакома съ этимъ видомъ культа, лучше всего свидѣтельствуетъ намъ Уну-Амонъ въ своемъ разсказѣ, относящемся къ концу изслѣдуемаго періода: „Въ то время, какъ онъ (царь Библоса) однажды,—разсказываетъ Уну-Амонъ,—совершалъ жертвоприношеніе своимъ богамъ, богъ охватилъ одного изъ его знатнѣйшихъ (?) юношей: онъ заставилъ его плясать, и юноша изрекъ“... Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что изступленное состояніе юноши,— ибо такъ, именно, надо понимать слово „плясать“,—явилось слѣдствіемъ жертвоприношенія, а, слѣдовательно, было связано съ тѣснымъ общеніемъ съ божествомъ, общеніемъ, которое достигалось путемъ жертвоприношенія, а также жертвенной трапезы.

Опьяненіе виномъ, пляски подъ звуки оглушительной музыки, праздничные клики и дикій экстазъ, очевидно, не только сопровождали само жертвопрнношеніе и пиршество, но представляли собою ступени, по которымъ торжество какъ бы постепенно переходило во все болѣе сильную разнузданность чувствъ и порой превращалось чуть ли не въ полнѣйшую о р г і ю.

Едва ли можетъ подлежать также какому-нибудь сомнѣнію, что въ древнемъ Ханаанѣ, на ряду съ обычными жертвоприношеніями, существовали еще и п р а з д н и к и, т.-е. періодически повторявшіеся дни спеціально посвященные жертвоприношеніямъ и торжествамъ. Правда, и объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, относящіяся лишь къ древнѣйшей израильской эпохѣ и притомъ касающіяся, главнымъ образомъ, самого Израиля. Но все же характеръ этихъ праздниковъ заставляетъ предполагать, что не всѣ они были созданы Израилемъ или что введеніе ихъ относится къ періоду вторженія въ страну. Такъ, напр., въ Сихемѣ уже во времена Абимелеха, т.-е. недолго спустя послѣ завоеванія страны Израилемъ, ханаанеянами соблюдается праздникъ, носящій названіе „Хилулимъ“, что значитъ праздничное ликованіе, или праздничное торжество. „И вышли они въ поле, — разсказывается въ книгѣ Судей,— и, собравъ виноградъ и выжавъ его, стали справлять празднество, а затѣмъ отправились въ свое святилище и усладили себя ѣдой и питьемъ“ [1]). Божествомъ, въ честь котораго устраивался этотъ празд-

[1]) Ср. Суд. 9, 27; а также Лев. 19, 23 и сл. „Хиллулъ“, повидимому, означало, первоначально свадебное ликованіе, свадебное пиршество. Слѣдуетъ отмѣтить, что,

никъ, въ данномъ случаѣ являлся сихемскій Ваалъ, носившій также названіе Ваала Союза. А самый праздникъ, судя по его описанію, представляетъ собою, несомнѣнно, нѣчто исконно-ханаанейское, по всей вѣроятности, древнѣйшій праздникъ жатвы. Даже если бы въ библейскомъ законѣ (Лев. 19, 23—24) и не было особо указаны названіе этого праздника и его сущность, легко было бы догадаться, что впослѣдствіи онъ вошелъ въ обычай и въ Израилѣ. По всей вѣроятности, праздникъ этотъ постепенно превратился въ израильскій праздникъ Кущей, а еще вѣроятнѣе, что онъ продолжалъ существовать и на ряду съ нимъ, какъ особый **праздникъ посвященія** [1]. По всей вѣроятности, въ описываемую нами эпоху справлялись также траурные праздники по усопшимъ богамъ.

Настоящимъ предшественникомъ позднѣйшаго осенняго благодарственнаго праздника мы можемъ считать празднество, справлявшееся, вѣроятно, ханаанеянами въ Шило (Силомѣ) уже въ древнѣйшій періодъ. Въ Библіи мы читаемъ—въ разсказѣ о юношескихъ годахъ Самуила—о какомъ-то ежегодно справлявшемся праздникѣ, на который совершало паломничество все окрестное населеніе. Всѣ эти люди приносятъ съ собою дары изъ урожая истекшаго года, и въ шатрахъ, вокругъ святилища, послѣ того, какъ само жертвоприношеніе уже совершилось, дары эти уничтожаются за шумной трапезой, сопровождавшейся, конечно, и обильными возліяніями. [2] Праздникъ этотъ, естественно, посвящается Іагве и символизирующему его ковчегу. Но въ прежнія времена здѣсь же или въ другихъ мѣстахъ такіе же праздники, навѣрное, справлялись въ честь Ваала даннаго мѣста или даже всей округи. Въ самомъ Шило, впрочемъ, мы находимъ еще и другіе древніе слѣды, на основаніи которыхъ, повидимому, можно дѣлать заключенія о праздничныхъ обрядахъ еще въ періодъ Судей, а можетъ быть, даже еще и въ доизраильскомъ Ханаанѣ. Относительно Шило мы узнаемъ, что ежегодно дѣвушки устраивали здѣсь праздникъ въ честь Іагве, состоявшій въ томъ, что онѣ цѣлыми вереницами отправлялись изъ города и его святилища въ виноградники и водили тамъ хороводы. [3] И этотъ праздникъ, очевидно, приходился на осеннюю пору, и, слѣдовательно, связь его съ другимъ, сейчасъ описаннымъ, празднествомъ несомнѣнна. Сходство его

согласно этимъ представленіямъ, „свадьбѣ“ полей и садовъ предшествуетъ состояніе необрѣзанности (ערלה), и жатва является, такимъ образомъ, ихъ „обрѣзаніемъ“.

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на несогласующееся со значеніемъ праздника Кущей и осенняго сбора плодовъ замѣчаніе въ Лев. 19, 24 о томъ, что праздникъ этотъ справляется на четвертомъ году послѣ того, какъ поля въ продолженіе трехъ лѣтъ оставались въ состояніи „необрѣзанности“. Несжатыя поля представляли собою, очевидно, достояніе полевыхъ духовъ; лишь съ наступленіемъ четвертаго урожая духи получали свою долю, и, слѣдовательно, только пятый урожай могъ сдѣлать возможнымъ наступленіе настоящаго благодарственнаго жатвеннаго праздника. „Хиллулъ“ былъ, значитъ, нѣчто другое, чѣмъ праздникъ сбора плодовъ, хотя по времени онъ съ нимъ совпадалъ. Это былъ **свадебный праздникъ полей**, какъ бы введеніе къ настоящему періоду ихъ плодородія.

[2]) I Сам. 1, 3—25.

[3]) Суд. 21, 15—24.

съ большимъ осеннимъ праздникомъ, бывшемъ въ обычаѣ у Израиля, заключается еще въ томъ, что и этотъ праздникъ въ Шило, какъ и праздникъ израильскій, распадался на два торжества: на мѣстное, которое справлялось въ каждомъ отдѣльномъ полѣ и виноградникѣ, и общее, состоявшее въ паломничествѣ къ святому мѣсту. Именно опредѣленную, быть можетъ, характерную только для Шило, сцену изъ такого мѣстнаго празднества описываетъ намъ книга Судей въ разсказѣ о дѣвичьихъ плясках. Быть можетъ, въ свое время пляски эти были посвящены обитавшей здѣсь Ваалатъ.

Весьма вѣроятнымъ намъ кажется также предположеніе, что, соотвѣтственно осеннимъ праздникамъ, древній Ханаанъ справлялъ еще и опредѣленные весенніе праздники. И въ первую очередь надо предположить существованіе соотвѣтствующаго израильскому празднику Опрѣсноковъ празднества наступленія жатвенной поры, совпадавшаго со временемъ сбора ячменя. Однако мы не располагаемъ въ этомъ отношеніи никакими данными, которыя бы намъ могли служить прочнымъ опорнымъ пунктомъ.

Къ числу важнѣйшихъ праздниковъ издавна относились торжества, сопровождавшія освященіе договоровъ и заключеніе союзовъ. Въ извѣстномъ договорѣ, который Рамзесъ II около 1270 года заключилъ съ хетитами, мы имѣемъ образецъ союзнаго договора, возникшаго на близкой Ханаану почвѣ,—договора, который можетъ послужить для насъ цѣнной аналогіей. Въ договорномъ документѣ боги обоихъ вступающихъ въ союзъ народовъ призываются въ качествѣ свидѣтелей и хранителей договора, и потому, естественно, что въ ихъ честь совершаются, при соотвѣтствующей торжественной обстановкѣ, особыя союзныя жертвоприношенія. И, дѣйствительно, въ Библіи мы находимъ много мѣстъ, относящихся къ древнѣйшему періоду израильской исторіи, въ которыхъ излагается содержаніе союзныхъ договоровъ и сообщается о сопровождавшихъ ихъ обрядахъ. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ, вѣроятно, ведутъ свое начало отъ обычаевъ кочевыхъ племенъ, въ другихъ же мы имѣемъ право предполагать отзвуки древне-ханаанскихъ обрядовъ. Что въ Ханаанѣ существовали такіе обряды, похожіе, быть можетъ, во многомъ на обычаи кочевниковъ, мы можемъ заключить прежде всего изъ факта почитанія въ Сихемѣ божества [1]), называвшагося „Вааломъ Союза“ (בעל-ברית). Союзъ, хранителемъ котораго является этотъ богъ, едва ли былъ однимъ только договоромъ, обязывающимъ къ дружескимъ отношеніямъ обѣ живущія въ Сихемѣ стороны—Израиля и ханаанеянъ,—а скорѣе всего закрѣплялъ создавшіяся въ Сихемѣ отношенія между богомъ и его поклонниками. Эти отношенія, вѣроятно, время отъ времени возобновлялись съ повтореніемъ обычныхъ обрядовъ, при чемъ, конечно, договаривающіяся стороны каждый разъ возобновляли старыя обязательства: божество принимало на себя защиту города, люди же—обязанность подчиняться его постановленіямъ и требованіямъ, касающимся культа. Каковы были сами эти союзные обряды,

[1]) Суд. 9

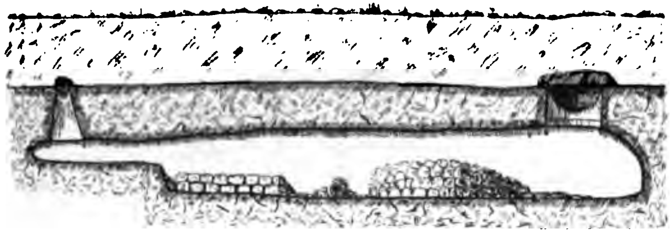
можно заключить изъ знакомаго намъ изъ Библіи описанія союзовъ, заключенныхъ Авраамомъ, Моисеемъ и Іошуой [1]. Обычно при заключеніи союза разрѣзаются жертвенныя животныя, и равныя половины ихъ раскладываются рядами другъ противъ друга. Между этими рядами проходятъ заключающія договоръ стороны: подобно этимъ частямъ единаго животнаго, и онѣ сами тоже составляютъ одно цѣлое, и то, что совершилось надъ животными, да произойдетъ и съ измѣнникомъ союзу—какъ бы говорилъ этотъ обрядъ. Затѣмъ слѣдуютъ совмѣстная трапеза, въ которой незримо участвуетъ въ качествѣ гостя божество, и возліяніе жертвенной крови на камень, или на алтарь божества, и на членовъ союза. И, наконецъ, договоръ завершается торжественнымъ чтеніемъ или произнесеніемъ союзнаго акта, при чемъ къ исполненію его требованій обѣ стороны обязываются священной присягой и клятвами. Къ договорамъ относится также и посвященіе царя путемъ помазанія.

Объ обрядахъ, совершавшихся въ древнемъ Ханаанѣ въ честь мертвецовъ, было уже сказано выше. Царило убѣжденіе, что если мертвымъ и нельзя приписывать настоящаго земного существованія, то все же имъ нельзя отказать въ опредѣленномъ тѣнеподобномъ существованіи. Они обрѣтаются подъ землей, въ гробу или по близости отъ него, и все еще требуютъ себѣ пищи и питья и различныхъ даровъ. О томъ, каково было ихъ отношеніе къ сверхъестественнымъ существамъ, которыя, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, обрѣтались въ особыхъ священныхъ мѣстахъ, а нерѣдко и подъ землей,—мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что духи мертвыхъ и боги въ древнѣйшую доступную нашему знанію эпоху часто смѣшивались въ народномъ представленіи. И нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что въ народной религіи Израиля духи предковъ (aboth) часто разсматривались, какъ божественныя существа, а потому не лишено основанія предположеніе, что это воззрѣніе существовало уже въ древнеханаанейскую эпоху. Дальнѣйшее развитіе ханаанейской религіи, однако, заставляетъ сдѣлать выводъ, что культъ вааловъ и остальныхъ высшихъ боговъ становится все болѣе и болѣе господствующимъ, а поклоненіе мертвымъ превращается лишь въ обязанность по отношенію къ предкамъ и усопшимъ, и только въ низшихъ слояхъ населенія оно обыкновенно связывалось съ волхвованіемъ и колдовствомъ.

Тѣмъ не менѣе, многое говоритъ за то, что культъ мертвыхъ занималъ видное мѣсто въ религіозныхъ представленіяхъ ханаанеянъ: слѣды его сохранились въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ Израиля позднѣйшаго періода. Многія религіозныя представленія израильтянъ могутъ быть поняты либо какъ протестъ противъ воззрѣній и дѣйствій, въ принципѣ уже преодолѣнныхъ, или же какъ компромиссъ по отношенію къ нимъ, при чемъ, въ той или иной формѣ, обычаи эти были перенесены на

---

[1]) Ср. Быт. 15, 7 сл., Исх. 24, 2 сл., Іош. 24, 25 сл. На основаніи двухъ послѣднихъ текстовъ можно, съ большой степенью вѣроятности, сдѣлать выводъ, что при заключеніи союза обычно воздвигались массебы.

1.

9.

2.

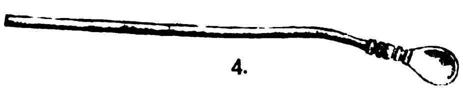
3.

5.

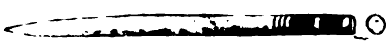
6.

10.

4.

12.

13.

7.

8.

11.

Предметы домашняго и религіознаго быта.

Гезеръ. 1. Пещера неолитической эпохи, служившая для сожиганія труповъ (въ разрѣзѣ): справа — входное отверстіе, слѣва — дымоходъ; на днѣ — пепелъ и остатки сожженныхъ скелетовъ. 2. Бронзовая змѣйка. 3—4. Бронзовыя булавки. — **Мегиддо.** 5. Жернова для растиранія красокъ (III слой). 6. Бронзовый треножникъ-подставка для лампы (IV слой). 7. Глиняная лампа (III слой). 8. Глиняная фигурка утки (IV слой). 9. Фигурка ястреба (Горуса?) изъ синей эмали.—**Таанахъ.** 10. Лампа для семи фитилей. 11. Амулетъ въ видѣ пальмоваго листа. 13—12. Костяная игла и катушка для наматыванія нитокъ.

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

Іагве. Тѣмъ ярче оттѣняется ихъ древнее, еще до-израильское происхожденіе. Время ихъ зарожденія мы, правда, въ точности установить не можемъ, но мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что обычаи эти являлись составной частью ханаанейскаго культа, съ которымъ Израиль впервые познакомился при вступленіи въ страну и который онъ сталъ постепенно усваивать.

То обстоятельство, что въ Библіи, напр., строго осуждается кормленіе усопшихъ, и что поминальная трапеза, т.-е. участіе въ трапезѣ, устроенной въ честь покойника, дѣлаетъ нечистыми участниковъ такой трапезы [1]), ясно указываетъ на то, что въ древнѣйшія времена все это представляло собою элементъ религіознаго культа, и что въ духахъ усопшихъ видѣли нѣкогда существа, достойныя религіознаго поклоненія („элогимъ"—ср. I Сам. 28, 13); ибо все то, что приводитъ въ соприкосновеніе съ другими богами, дѣлаетъ нечистымъ передъ лицомъ Іагве, т.-е. дѣлаетъ неспособнымъ къ участію въ посвященномъ ему культѣ. Точно также запретъ переступать черезъ порогъ дома, въ которомъ находится покойникъ, и запрещеніе прикасаться къ трупу [2]), объясняются тѣмъ, что въ прежнія времена мѣсто нахожденія мертвеца, какъ и самъ онъ, служили предметомъ поклоненія. Затѣмъ, такъ же слѣдуетъ понимать и запрещеніе другихъ обрядовъ, связанныхъ со смертью, какъ, напримѣръ, стрижка волосъ и самопораненіе во время траура [3]). То обстоятельство, что извѣстнаго рода физіологическіе процессы, особенно тѣ изъ нихъ, которые связаны съ половой жизнью, считались оскверняющими, тоже лучше всего можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ древнія времена всѣ эти процессы считались находящимися подъ покровительствомъ особаго рода духовъ [4]). То же самое слѣдуетъ сказать и объ извѣстнаго рода болѣзняхъ. Равнымъ образомъ и прокаженные считались нечистыми, главнымъ образомъ, не вслѣдствіе отвращенія, вызываемаго подобнаго рода болѣзнью, или боязни заразы, а потому, что они являлись какъ бы пораженными божествомъ. Въ Израилѣ такого рода больные считались пораженными самимъ Іагве [5]).

---

[1]) Второзак. 26, 14; Гош. 9, 4.

[2]) Іер. 16, 5 и сл.; Числа. 19, 11.

[3]) Лев. 19, 28; Второз. 14, 1 и сл. Стрижка волосъ являлась одной изъ формъ жертвоприношенія въ честь умершаго.

[4]) Ср. Лев. 15, 19 и сл., Второз. 23, 11; Лев. 15, 16 и сл.; Іезек. 4, 12 и мн. др.

[5]) Здѣсь мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ однимъ изъ такихъ явленій, по отношенію къ которымъ уже и въ до-израильское время, т.-е. въ періодъ ханаанейскій, появились понятія о чистотѣ и нечистотѣ, а въ сеязи съ ними возникла и необходимость въ извѣстныхъ очистительныхъ обрядахъ. Проказа въ Израилѣ оскверняетъ не потому, что пораженный ею вступаетъ какъ бы въ соприкосновеніе съ языческимъ божествомъ, а исключительно потому, что такой больной считается пораженнымъ самимъ Іагве. Это показываетъ, что онъ и въ прежнее время уже считался пораженнымъ высшей силой, а потому и оскверненнымъ. Если это такъ, то уже, вѣроятно, и въ то время такого рода больной по выздоровленіи долженъ былъ подвергнуться обряду „очищенія"

А разъ это такъ, то мы имѣемъ право сдѣлать такого же рода обратныя заключенія по отношенію къ цѣлому ряду запрещенныхъ яствъ и также по отношенію къ раздѣленію животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ. Заповѣдь о томъ, что извѣстнаго рода животныя не должны были употребляться въ пищу, хотя сами по себѣ они являлись вполнѣ съѣдобными, находитъ, вѣроятно, свое объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ, что многія изъ этихъ животныхъ играли извѣстную роль въ до-іагвистскомъ, т.-е. ханаанскомъ культѣ. Слѣдовательно, эти запреты лишь подтверждаютъ и безъ того достаточно извѣстный фактъ существованія старинныхъ ханаанейскихъ, сирійскихъ и арабскихъ религіозныхъ формъ, съ которыми іагвизмъ не желалъ, очевидно, имѣть ничего общаго. Часть же этихъ запретовъ находитъ, повидимому, еще особое объясненіе въ томъ, что на нѣкоторыя животныя ханаанеяне смотрѣли, какъ на находящіяся въ исключительной связи съ божествомъ. Въ особенности такого рода значеніе приписывалось, очевидно, змѣямъ [1]), а, можетъ быть, также и свиньямъ и еще нѣкоторымъ другимъ животнымъ [2]). Кромѣ того, весьма возможно также, что исключеніе извѣстныхъ лицъ изъ предѣловъ военнаго лагеря, который такъ же, какъ и сама война, считался священнымъ и излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Іагве, связано было со старинной вѣрой въ духовъ. Такъ, напримѣръ, вдали отъ браннаго поля долженъ былъ оставаться всякій, кто собирался жениться, всякій, кто построилъ себѣ домъ, но не успѣлъ его еще освятить, кто насадилъ виноградникъ, но не успѣлъ его еще „обрѣзать“, и это потому, что, въ силу всего сказаннаго, онъ находился подъ воздѣйствіемъ особыхъ духовъ. А потому и обратно, всякій, кто уже являлся на поле брани, не долженъ предпринимать ничего такого, что можетъ подчинить его вліянію этихъ враждебныхъ Іагве духовъ. И въ этомъ случаѣ запретъ сохранилъ, вѣроятно, свою силу въ Израилѣ потому, что въ народѣ все еще были люди, продолжавшіе вѣрить въ такое подчиненіе духамъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе указаннаго запрета заставляетъ насъ дѣлать выводъ, что въ прежнія времена такого рода вѣрованія являлись господствующими у ханаанеянъ.

И обрѣзаніе, повидимому, также являлось уже однимъ изъ священныхъ обрядовъ до-израильскихъ ханаанеянъ. Мы знаемъ, что въ

[1]) Вспомнимъ роль змѣя въ сказаніи о грѣхопаденіи (Быт., 3), а также такіе предметы, какъ „Змѣиный Камень“ или „Источникъ Дракона“ (I Цар. 1, 9; Нех. 2, 13) и, наконецъ, сохранившееся до эпохи царей изображеніе мѣднаго змѣя Нехуштанъ (II Цар. 18, 4, а также Числа 21, 9), которому въ Іерусалимѣ, при храмѣ, совершался культъ. То обстоятельство, что въ связь со змѣями ставится цѣлый рядъ мѣстностей въ странѣ, ясно говоритъ за то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ распространеннымъ ханаанейскимъ культомъ и вѣрованіемъ.

[2]) Вопросъ о томъ, не указываютъ ли нѣкоторыя названія семействъ или клановъ, которыя получились изъ названій животныхъ, какъ, напр. „бенэ-Калебъ“, „бенэ-Хезиръ“, на старинное почитаніе животныхъ, символизирующихъ какое-нибудь племя, т.-е. на остатки „тотемизма“, слѣдуетъ разрѣшить въ положительномъ смыслѣ.

Египтѣ обрядъ этотъ возникъ еще въ незапамятныя времена (см. рис. на стр. 175). Былъ онъ въ обычаѣ также и у наиболѣе близкихъ къ хананеянамъ финикіянъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что при тѣхъ безконечныхъ войнахъ, которыя пришлось вести Израилю въ первое время послѣ вторженія его въ страну, необрѣзанными называли исключительно филистимлянъ, хананеянъ же—никогда. А между тѣмъ, при томъ ожесточеніи, съ которымъ велись эти войны противъ Ханаана, трудно предположить, чтобы Израиль упустилъ случай изобразить хананеянъ презрѣнными, если бы только былъ къ тому поводъ—особенно если вспомнить, какъ широко было использовано это обстоятельство противъ филистимлянъ. Вотъ почему мы и предполагаемъ, что у хананеянъ обрѣзаніе было въ обычаѣ уже и въ до-израильское время. Какое значеніе оно имѣло для нихъ, мы можемъ заключить изъ того факта, что уже и въ древнѣйшемъ Израилѣ съ обрѣзаніемъ былъ связанъ особый жертвенный обрядъ [1]). Обрѣзаніе, а вмѣстѣ съ нимъ также и жертвоприношеніе первенцовъ, которое, вѣроятно, вытекало изъ того же круга представленій, имѣютъ, очевидно, свою аналогію въ жертвенныхъ дарахъ и въ празднествахъ, посвященныхъ духамъ плодородія полей; къ тому же роду, очевидно, принадлежатъ и обряды оставленія на полѣ части урожая [2]). Представленіе о томъ, что нельзя снимать жатву со всего поля безъ остатка, имѣетъ, очевидно, свое подобіе въ обычаяхъ многихъ народовъ не употреблять во время охоты часть добычи, особенно первый кусокъ, или оставлять въ живыхъ часть пойманнаго звѣря. Согласно такому же вѣрованію, естественно, растительность и плоды полей являются собственностью духовъ этихъ полей. Если отнять у нихъ добычу, то имъ надо предложить, во всякомъ случаѣ, возмѣщеніе, въ видѣ первенцовъ или же въ видѣ части „добычи", которая оставляется на полѣ. Съ этимъ слѣдуетъ поставить въ связь требованіе оставлять въ теченіе извѣстнаго времени неподрѣзанными плодовыя деревья, а также упомянутое выше буквальное наименованіе ихъ „необрѣзанными" (ערלה). Въ Израилѣ названный обычай былъ пе-

---

[1]) Ср. Исх. 4, 24—26. Изъ словъ Сиппоры: „Теперь ты мнѣ кровный женихъ!" можно заключить, что Моисей долженъ былъ быть обрѣзанъ до своего вступленія въ бракъ; не сдѣланное во-время Сиппора пытается исправить при помощи особаго священнаго акта, при чемъ запозданіе это чуть не было отомщено цѣною жизни перворожденнаго сына Моисея, которому Іагве, выступающій здѣсь въ роли демона брака, угрожаетъ смертью за то, что Моисей вступилъ въ бракъ необрѣзаннымъ. Настоящій женихъ долженъ былъ, слѣдовательно, быть обрѣзаннымъ и долженъ былъ носить на себѣ слѣды этого обряда. Только въ этомъ случаѣ плодородіе брака считалось обезпеченнымъ и потомство пользующимся защитой божества. Изъ этого мы можемъ заключить, что названный обрядъ означалъ собою актъ посвященія, посредствомъ котораго юноша признавался зрѣлымъ и способнымъ къ браку. Плодовитость брака должна была покупаться извѣстной цѣной у демона брака, такъ же какъ плодородіе полей какъ бы покупалось цѣною ихъ посвященія, которое затѣмъ въ переносномъ смыслѣ тоже называли „обрѣзаніемъ".

[2]) Лев. 19, 9; 23, 22; ср. Второз. 24, 19 и слѣд.

ренесенъ на бѣдныхъ, сиротъ и пришельцевъ, но корни его уходятъ далеко въ доизраильско-ханаанейскія вѣрованія въ духовъ.

Если мы теперь сдѣлаемъ сводку результатовъ нашего изложенія, то получимъ картину богатой и многогранной жизни въ древнемъ Ханаанѣ.

Являясь съ давнихъ временъ промежуточной областью между Вавилономъ и Египтомъ, Палестина—уже въ силу географическаго своего положенія—была какъ бы предназначена къ тому, чтобы воспринимать культурныя вліянія, идущія съ сѣвера и юга. Такимъ образомъ, получается нерѣдко впечатлѣніе смѣшанной культуры, въ которой заимствованные элементы соединились и переплелись съ исконнымъ достояніемъ туземнаго населенія. Подобно Вавилону, вѣроятно, и въ Дамаскѣ или Сихемѣ изъ устъ въ уста передавались вавилонскіе миѳы, или творился судъ по законамъ Хаммураби; и подобно Ѳивамъ, вѣроятно, и въ Библосѣ, Акко и Мегиддо люди были знакомы съ лѣтописями фараоновъ и прислушивались къ голосу египетскихъ мудрецовъ.

То же самое можно сказать и относительно религіи. Вавилонскія божества, на ряду съ египетскими и хетитскими, уже издавна нашли себѣ гостепріимный пріютъ въ пантеонѣ Палестины. Египетскіе храмы въ довольно значительномъ числѣ, надо полагать, существовали со времени установленія египетскаго владычества въ странѣ. Также нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что нѣкогда въ странѣ раздавался также голосъ мудрости и ученія вавилонскихъ жрецовъ, хотя для этого мы и не имѣемъ прямыхъ доказательствъ. Въ особенности, что касается времени, послѣдовавшаго за знаменитой монотеистической реформой Аменхотепа IV въ Египтѣ, мы имѣемъ полное основаніе предположить, что не однѣ только рабскія души слишкомъ усердствующихъ вассаловъ подражали фараону, но и многіе свободные и высоко образованные люди нерѣдко задавали себѣ вопросъ, не заключается ли во всемъ томъ, что царственный мечтатель исповѣдуетъ съ высоты трона фараоновъ, зерно вѣчной, непреходящей правды.

Однако въ то время, какъ въ обще-культурной жизни Палестины самое существенное заключалось въ воспріятіи и переработкѣ чужихъ вліяній, въ религіи Ханаана импульсы, которые получались извнѣ, соприкасались съ нѣкоторыми автономными, самостоятельными стремленіями. Мы наблюдаемъ это уже въ развитіи ханаанскаго пантеона, который не ограничился одними только заимствованіями извнѣ: Ваалъ и Астарта, главныя самобытныя божества, представляютъ собою, во всякомъ случаѣ, въ той формѣ, въ которой они стали здѣсь господствующими, характерные ханаанейскіе образы. Это, конечно, доказываетъ, что въ религіозной жизни Ханаана царилъ духъ оригинальнаго творчества. Съ другой стороны, монотеистически-окрашенныя теченія

въ Ханаанѣ, возникшія надъ вліяніемъ Египта и отчасти Вавилона, получили впослѣдствіи своеобразное выявленіе и развитіе, которое представляется для насъ уже совершенно самобытнымъ, такъ какъ нигдѣ — ни въ Месопотаміи, ни въ царствѣ фараоновъ — нами до сихъ поръ не обнаружено никакихъ слѣдовъ развитія религіозной мысли въ томъ направленіи, которое составляетъ величіе и историческую заслугу Израиля.

Алтарь въ Петрѣ.

Колодезь въ Беэръ-Шеба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Древнѣйшая исторія Израиля.

1. Вступленіе.

Раньше чѣмъ приступить къ изложенію древнѣйшей исторіи Израильскаго народа, необходимо рѣшить общій вопросъ: имѣемъ ли мы основаніе считать историческимъ что-либо изъ преданій о древнѣйшемъ Израилѣ? При томъ легендарномъ характерѣ этого преданія, который особенно характеренъ для повѣствованій книги Бытія, отрицаніе за нимъ всякаго историческаго содержанія можетъ, очевидно, казаться наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ этой проблемы.

Въ противовѣсъ этому положенію можно, однако, указать на слѣдующіе два момента. Во-первыхъ, разборъ отдѣльныхъ историческихъ наслоеній или пластовъ преданія, въ общемъ,—несмотря на много кратныя противорѣчія въ освѣщеніи отдѣльныхъ частностей,—обнаруживаетъ поразительное совпаденіе въ изложеніи нѣкоторыхъ основныхъ моментовъ историческаго развитія. Конечно, это далеко еще не даетъ неопровержимаго доказательства исторической обоснованности преданія; однако, извѣстное ядро традиціоннаго матеріала, свободнаго отъ противорѣчій, несомнѣнно, можетъ быть выдѣлено изъ всего многообразія библейскихъ повѣствованій. Такимъ образомъ, мы получаемъ первую предпосылку для выясненія истиннаго хода историческихъ событій, возможнаго лишь при существованіи цѣлостнаго въ основѣ своей преданія. Изъ обилія дошедшихъ до насъ разсказовъ объ Авраамѣ, Іаковѣ и Іосифѣ мы для каждаго изъ нихъ можемъ выдѣлить нѣсколько простыхъ и по существу однородныхъ основныхъ легендъ. Если бы преданіе безусловно противорѣчило себѣ на каждомъ шагу, то это одно уже выдавало бы произвольность конструкціи или отрѣшенную отъ дѣйствительности народную фантазію. Отсутствіе та-

кой безусловной противорѣчивости, хотя и далеко еще, повторяемъ, не можетъ служить доказательствомъ исторической надежности преданія, даетъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ обоснованную надежду на возможность удачнаго выдѣленія изъ разсказовъ о праотцахъ историческаго ядра, лежащаго въ основѣ этого преданія.

Такимъ образомъ, согласованность традиціоннаго матеріала представляетъ собою моментъ, заслуживающій извѣстнаго вниманія. Значеніе этого момента существенно усиливается наличностью еще другого, а именно: большой вѣроятности глубокой древности преданій книги Бытія, въ пользу которой говоритъ анализъ этого важнаго историческаго памятника. Конечно, и этотъ моментъ самъ по себѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: преданіе можетъ быть чрезвычайно древнимъ и тѣмъ не менѣе совершенно легендарнымъ, миѳическимъ. Однако возможно допустить существованіе въ основѣ преданія нѣкотораго историческаго ядра, разъ мы имѣемъ дѣло съ легендами, возникшими не одновременно съ той эпохой, когда онѣ были фиксированы въ ихъ нынѣшнемъ видѣ (или близкомъ ему) — какъ это часто предполагается,—но въ значительно болѣе ранній періодъ,—независимо отъ вопроса объ изустности или письменности древнѣйшей исторіи преданія. Если VIII и IX вѣка до-христіанской эры, въ теченіе которыхъ большинство этихъ легендъ были облечены въ ихъ современную литературную форму, не являются вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ созданія самихъ легендъ; если въ десятомъ и одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ, а быть можетъ и въ еще болѣе ранніе вѣка, были уже извѣстны всѣ, или хотя бы только нѣкоторыя изъ этихъ легендъ, то неумѣстно, очевидно, предположеніе, что содержаніе ихъ является простымъ отраженіемъ средняго или поздняго періода эпохи царей, что все изображаемое въ нихъ есть лишь проэкція условій и идей этой эпохи въ отдаленную старину. Можно допустить, что мѣстами такая проэкція дѣйствительно имѣется налицо, но она, навѣрное, не составляетъ единственнаго и исключительнаго содержанія историческихъ повѣствованій до-египетскаго періода. Первооснова ихъ, несомнѣнно, восходитъ къ древности, гораздо болѣе глубокой.

Далѣе, Израиль въ эпоху, непосредственно предшествующую завоеванію Ханаана, имѣлъ, конечно, уже извѣстное прошлое. Колѣна израильскія не возникли тогда лишь впервые. Къ этой эпохѣ относится сплоченіе ихъ для совмѣстныхъ дѣйствій, существовали же они, очевидно, уже съ давнихъ временъ. Несомнѣннымъ этотъ фактъ можно считать относительно тогдашнихъ главныхъ колѣнъ. Уже задолго до эпохи Іошуи и проникновенія Израиля въ Ханаанъ имена Іосифъ и Іаковъ фигурируютъ, какъ наименованія палестинскихъ племенъ и колѣнъ [1]). Правда, этимъ далеко еще не сказано, что названные роды

[1]) На пилонахъ большого Карнакскаго храма имѣется перечень свыше 100 наименованій мѣстностей (городовъ и областей), покоренныхъ Тутмосомъ III во время его похода въ Сирію (около 1470 г. до Р. Х.), и населеніе которыхъ онъ разбилъ въ битвѣ при Мегиддо. Среди нихъ встрѣчаются „І-к-б-ль" и „І-ш-п-ль" (на египетскомъ языкѣ послѣдній слогъ гласитъ—„р", но это обычный способъ передачи „л" въ иностранныхъ названіяхъ), или по-еврейски: יעקבאל и ישפאל. Итакъ, въ

тождественны съ извѣстными намъ колѣнами Іаковъ и Іосифъ: имя это могли носить и нѣсколько различныхъ племенъ. Но все же раннее возникновеніе обоихъ названій свидѣтельствуетъ и о древности библейскихъ колѣнъ.

Приблизительно то же самое можно сказать про имя Израиль, а быть можетъ также и Ашеръ. Въ надписи Мернепты, вызывающей за послѣднее время оживленные толки и относящейся къ эпохѣ около 1220 года, упоминается племя или мѣстность „Израиль", подвергшаяся карѣ фараона. Съ полной увѣренностью въ данномъ случаѣ, опять-таки, нельзя сказать, кого собственно имѣетъ здѣсь въ виду наименованіе „Израиль". Однако, вслѣдствіе несомнѣннаго географическаго совпаденія, представляется весьма вѣроятнымъ, что Израиль находился въ связи съ упоминавшимся уже Іаковомъ, а отсюда вытекаетъ, повидимому, связь обоихъ съ извѣстными намъ носителями именъ Израиль и Іаковъ. Но тѣмъ самымъ является доказаннымъ и существованіе Израиля въ Ханаанѣ въ XIII, а быть можетъ даже въ XIV или XV столѣтіяхъ, а колѣна Іаковъ уже въ XVI. То же можно сказать и про колѣно Ашеръ, имя котораго найдено, повидимому, въ качествѣ наименованія области въ древнія времена [1]). Нѣтъ, такимъ образомъ, никакого основанія сомнѣваться, что отдѣльныя израильскія колѣна проживали въ Ханаанѣ уже въ до-египетскій періодъ.

Далѣе, слѣдуетъ напомнить, что сама легенда нерѣдко заключаетъ въ себѣ довольно достовѣрныя воспоминанія, свидѣтельствующія не только о глубокой древности преданія, но также и о томъ, что оно въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ повѣствуетъ объ историческихъ явленіяхъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто. Сюда относится, прежде всего, образъ жизни, который въ описаніи исторіи патріарховъ далеко не соотвѣтствуетъ, какъ давно уже признали, жизни бедуинскихъ племенъ, и еще менѣе подходитъ къ бытовой обстановкѣ земледѣльческаго населенія: это, именно, образъ жизни полукочевого народа. Полукочевники, являясь прежде всего пастухами, стерегущими стада своихъ овецъ, именно потому не привязаны къ одному мѣсту; съ другой стороны, они не кочуютъ, подобно настоящимъ бедуинамъ, на большихъ

XV вѣкѣ до Р. Х. въ Палестинѣ, въ средней полосѣ ея, существовали области, носившія эти наименованія. При своеобразіи именъ, соотвѣтствующихъ названіямъ родовъ и лицъ тѣхъ же корней, приходится предположить, что названія областей относятся также къ обитающимъ въ нихъ родамъ. Наименованія послѣднихъ, вообще, при переходѣ кочевниковъ къ осѣдлому образу жизни сами собою получаютъ значеніе названій мѣстностей или областей (чѣмъ и объясняется частое смѣшеніе тѣхъ и другихъ). Далѣе мы имѣемъ основаніе предположить, что племена эти существовали нѣкоторый періодъ времени уже до нашествія Тутмоса. Если въ приведенныхъ египетскихъ именахъ отбросить обычное окончаніе „эль", то получаются имена Іакобъ и Іошефъ, изъ коихъ послѣднее обнаруживаетъ большое сходство съ библейскимъ именемъ „Іосефъ" (Іосифъ).

[1]) Въ спискахъ, относящихся къ эпохамъ Сети I и Рамзеса II (около 1300 г.) упоминается гора Ашеръ. По своему положенію она, повидимому, совпадаетъ съ областью болѣе поздняго племени Ашеръ, почему и представляется вѣроятнымъ, что уже въ XIV вѣкѣ въ той мѣстности существовало колѣно или родъ Ашеръ.

пространствахъ, а лишь по мѣрѣ надобности мѣняютъ свои пастбища въ предѣлахъ одной какой-нибудь, не слишкомъ обширной территоріи. Тамъ, гдѣ представляется случай и возможность заняться земледѣліемъ, они имъ не пренебрегаютъ: такъ точно поступаютъ еще въ наше время полубедуины раіона Беэръ-Шебы и Іудейской пустыни. Основнымъ занятіемъ ихъ является скотоводство, но это, однако, не мѣшаетъ имъ достигать извѣстныхъ успѣховъ и въ области земледѣлія. Вотъ почему, патріархи книги Бытія, живя обычно въ шатрахъ, имѣютъ подчасъ и дома, и снимаютъ урожай хлѣбовъ или плодовъ. Имущество ихъ состоитъ, преимущественно, изъ стадъ; переселеніе на новыя мѣста при истощеніи пастбищъ, подчасъ споры изъ-за источниковъ, а, съ другой стороны, потребность въ мирномъ улаженіи столкновеній съ туземцами и сосѣдями посредствомъ договоровъ, а не силою оружія,—вотъ что типично для ихъ жизни и быта. Но это не есть жизнь израильскаго поселянина болѣе позднихъ эпохъ: это—жизнь его предковъ на болѣе ранней ступени развитія. Быть можетъ, это и не первая ступень; но, во всякомъ случаѣ, это—ступень, пройденная Израилемъ и впослѣдствіи знакомая ему лишь въ пограничныхъ областяхъ плодородной равнины. Ранѣе такой образъ жизни знали пришлыя пастушескія племена на переходной ступени отъ кочевого къ осѣдлому образу жизни и внутри страны. Слѣды исторической правды, такимъ образомъ, сохранились въ книгѣ Бытія, и ея легенды, несомнѣнно, были созданы раньше, чѣмъ Израиль сталъ земледѣльческимъ народомъ, раньше, чѣмъ онъ сталъ вдохновляться идеаломъ земледѣльческаго быта.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что, по согласному сообщенію всѣхъ источниковъ, Авраамъ и другіе патріархи, божественнымъ предназначеніемъ которыхъ, по словамъ легенды, было временное обладаніе Ханааномъ, не владѣли всей страной въ ея цѣломъ. Патріархи владѣли небольшими и, по большей части, не лучшими частями Ханаана. Авраамъ занимаетъ южную часть страны, пася свои стада поочередно на пастбищахъ въ мѣстности Хеброна, Беэръ-Шебы и Герара; Исаакъ — почти исключительно послѣднюю изъ этихъ областей; а Іаковъ занимаетъ, наконецъ, область вокругъ Сихема, медленно продвигаясь отсюда къ югу. Если бы предки Израиля дѣйствительно никогда не населяли Ханаана, будучи еще кочевниками, если бы пребываніе ихъ въ этой странѣ, да и самые образы ихъ были простымъ произведеніемъ легендарнаго творчества, то можно было бы съ увѣренностью ожидать, что легенда болѣе поздняго происхожденія сумѣла бы лучше и убѣдительнѣе обосновать притязанія израильтянъ на всю страну, чѣмъ это достигается ссылками на такое частичное владѣніе страной патріархами. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло съ мѣстными легендами, возникшими въ опредѣленныхъ областяхъ, прежде всего въ Негебѣ и въ районѣ вокругъ Хеброна, а также въ центральной части страны, и въ основу ихъ положены опредѣленныя историческіе факты и событія.

Ту же картину мы получимъ изъ анализа религіи, поскольку она отражается въ легендахъ о патріархахъ. Исторія Каина и Авеля

повѣствуетъ намъ о принесеніи въ жертву первенцовъ отъ стада: послѣдніе были, конечно, главнымъ видомъ жертвоприношенія у пастушескихъ племенъ. Культъ божества Эль, играющій, на ряду съ религіей Іагве, весьма значительную роль въ легендахъ книги Бытія, является, очевидно, религіозной ступенью, предшествующей іагвизму. Эль и „элимъ" предшествовали Іагве и отражаютъ до-іагвистическую, а, слѣдовательно, и до-моисееву ступень религіознаго развитія въ Ханаанѣ; въ нихъ сохранилось воспоминаніе объ эпохѣ, когда въ Ханаанѣ и прилегающихъ областяхъ либо вообще еще не знали о Ваалѣ, либо, по меньшей мѣрѣ, не давали поклоненію ему сколько-нибудь значительнаго распространенія. Такимъ образомъ, мы вновь возвращаемся къ эпохѣ послѣ эль-Амарны.

Высокое положеніе, которое занимали въ воззрѣніяхъ Израиля эпохи судей и начала царскаго періода мѣстности въ родѣ Бетъ-Эля, Хеброна, Беэръ-Шебы, Маханаимъ, Сихема,—точно такъ же можетъ быть объяснено лишь той ролью, которую нѣкоторые изъ нихъ уже въ дѣйствительности играли нѣкогда для Израиля, и съ которой связывались, такимъ образомъ, опредѣленныя воспоминанія. Всего легче принять это соображеніе въ примѣненіи къ областямъ юга, Беэръ-Шебѣ, а также къ Хеброну. Вѣдь гдѣ-нибудь должны же были находиться израильскія племена до своего проникновенія въ Ханаанъ. По ряду соображеній можно склониться къ пріуроченію ихъ мѣстопребыванія къ степямъ Синайскаго полуострова; отсюда же части ихъ легко могли отвѣтвиться въ сторону Палестины—прежде всего въ южныя области ея.

Наконецъ, необходимо принять въ соображеніе еще одно важное обстоятельство. Отношенія между Израилемъ и Арамомъ не поддаются въ томъ видѣ, какъ они рисуются въ разсказахъ о патріархахъ, полному уясненію изъ одного того, что намъ извѣстно изъ послѣ-моисеевой эпохи исторіи Израиля. Со временъ Давида и Соломона отношенія между Израилемъ и Арамомъ становятся натянутыми: начиная съ IX вѣка между ними происходитъ рядъ ожесточенныхъ столкновеній. Даже раздоры съ Лаваномъ и договоръ о разграниченіи территоріи между израильтянами и арамеянами не отражаютъ въ себѣ этихъ отношеній. Раздоры эти представляются чисто-личными, отнюдь не носящими національнаго характера, разграничительный же договоръ (Быт. 31, 44 и слѣд.) носитъ совершенно безобидный, мирный характеръ. Онъ сводится къ признанію положенія, согласно которому граница между обѣими народностями издревле пролегала здѣсь, въ Гилеадѣ. Еще менѣе можно предположить, чтобы къ этому времени относилось возникновеніе разсказа объ исходѣ Авраама изъ арамейской страны или о переселеніи въ нее и возвращеніи въ Ханаанъ Іакова. Разсказы эти могли возникнуть не позже эпохи Судей. А между тѣмъ, какъ разъ эта эпоха, занятая совершенно другими интересами, не обнаруживаетъ достаточнаго мотива для возникновенія подобныхъ легендъ. Въ то время мысли Израиля были направлены преимущественно въ сторону Египта и Синайскаго полуострова, области эдомитянъ, моабитянъ, амалекитянъ и

мидіанитянъ, словомъ куда угодно, но только не въ сторону арамеянъ. Всю эту черту исторіи Авраама и Іакова мы можемъ понять, опять-таки, лишь признавъ, что легенда эта—древняго происхожденія и основана на воспоминаніи объ историческихъ событіяхъ, а именно—на воспоминаніи о древнихъ многократныхъ переселеніяхъ предковъ Израиля изъ страны арамейской.

Правда, съ разныхъ сторонъ приходится выслушивать возраженіе: воспоминанія о до-египетскомъ пребываніи израильскихъ колѣнъ въ Ханаанѣ весьма сомнительны уже потому, что, какъ показываютъ намъ документы эль-Амарны, а также сама Библія, страна была давно уже сравнительно густо заселена и управлялась туземными князьями. Какъ же могли получить доступъ сюда новые переселенцы? Какъ могли они безпрепятственно кочевать со своими стадами по заселенной странѣ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, вспомнимъ, прежде всего, что уже само преданіе, признаваемое во многихъ отношеніяхъ достовѣрнымъ и, во всякомъ случаѣ, хорошо освѣдомленнымъ источникомъ, задавалось этимъ вопросомъ. Оно знаетъ (Бытіе 34), что сыны Іакова отъ времени до времени приходятъ въ столкновеніе съ осѣдлымъ городскимъ населеніемъ Ханаана, и особенно обращаетъ вниманіе (Бытіе 12 и сл.) на то, что, вслѣдствіе нахожденія въ странѣ хананеянъ, для Авраама и Лота съ ихъ стадами открытъ доступъ лишь въ извѣстныя мѣста. Далѣе, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что еще и въ значительно болѣе позднія времена страна не находилась въ столь исключительномъ обладаніи осѣдлыхъ земледѣльцевъ, чтобы на ряду съ ними въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—преимущественно, надо полагать, въ менѣе пригодныхъ для земледѣлія пастбищныхъ районахъ—не могли удержаться кочевыя племена въ родѣ кенитовъ и рехабитовъ. Вѣдь и въ наши еще дни не только въ Заіорданьѣ, но и въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Іудейская пустыня, побережная равнина или окраины Изреэльской долины, какъ область Тиверіадскаго озера въ Галилеѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, рядомъ съ феллахами, бродятъ еще бедуины и родственныя имъ кочевыя племена.

И, наконецъ, какъ разъ документы эль-Амарны сами ярко освѣщаютъ дѣйствительное положеніе вещей въ ту эпоху. Здѣсь, именно, мы знакомимся на каждомъ шагу съ тѣмъ явленіемъ, которое предполагается книгой Бытія въ исторіи Авраама, Исаака и Іакова: повсюду—рядомъ съ осѣдлымъ и земледѣльческимъ населеніемъ—бродячія племена и орды, проникшія въ территорію осѣдлаго населенія; они кочуютъ по странѣ, сталкиваются то мирно, то враждебно съ осѣдлыми элементами, подчасъ, подобно Симеону и Леви (Бытіе, гл. 34), нападаютъ на селеніе или городъ и овладѣваютъ ими. Именно подобнаго рода кочевниками были и наши „хабири", укрѣпившіеся кое-гдѣ въ странѣ. Если для нихъ не оказывалось мѣста, то они умѣли находить и захватывать его себѣ за счетъ другихъ, а если на помощь противъ нихъ призывалась египетская власть, то они слишкомъ хорошо знали, какъ мало имъ приходилось опасаться вмѣшательства съ этой стороны.

Сводя воедино все сказанное, можно считать весьма вѣроятнымъ, что сохранившееся у болѣе позднихъ израильскихъ поколѣній преданіе, согласно которому предки ихъ нѣкогда владѣли уже частями обѣтованной земли, куда они пришли изъ далекаго арамейскаго востока,— что это преданіе основано на вѣрномъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, народномъ воспоминаніи. Иной совершенно вопросъ, правильно передаютъ разсказы книги Бытія эти воспоминанія или же въ прикрашенномъ видѣ. Здѣсь, разумѣется, приходится различать содержаніе отъ формы, буквальный текстъ отъ его историческаго субстрата. И, прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло съ народнымъ преданіемъ, облеченнымъ въ форму легенды.

Такой характеръ преданія проявляется во всей манерѣ разсказа, яснѣе всего въ томъ, какъ родовыя отношенія облекаются въ форму семейной хроники. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что какъ въ перечнѣ народовъ въ книгѣ Бытія (гл. 10), или въ генеалогіяхъ первой книги Хроникъ, такъ и въ разсказахъ о патріархахъ книги Бытія, роды и племена зачастую принимаютъ обликъ отдѣльныхъ личностей. Такъ, напримѣръ, въ 10-ой главѣ Бытія мы читаемъ о Ноѣ и его трехъ сыновьяхъ, обрисовываемыхъ, безусловно, какъ отдѣльныя личности. То же относится и къ слѣдующему поколѣнію: Гомеръ, Магогъ, Мадай, Яванъ и др.,—все это звучитъ еще какъ индивидуальныя имена. Вскорѣ, однако, эта генеалогическая таблица не выдерживаетъ тона и въ качествѣ сыновей Явана фигурируютъ уже киттиты и доданиты и, далѣе, въ качествѣ потомковъ Хама—лидійцы, кафториты и филистимляне. Вообще, подобнымъ же образомъ обстоитъ, надо думать, дѣло и съ большей частью остальныхъ генеалогій, встрѣчающихся въ Библіи. Родоначальникъ выступаетъ въ качествѣ лица, дающаго имя всему своему роду, и этотъ способъ изложенія проводится столь строго, что нерѣдко получается такое впечатлѣніе, будто разсказчикъ, забывъ, что онъ имѣетъ въ виду цѣлую группу лицъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на одномъ лицѣ—изображаемомъ имъ героѣ.

Такое же явленіе обнаруживается въ склонности повѣствователя книги Бытія вплетать при случаѣ въ свой разсказъ жизнь и идеи болѣе поздней эпохи. Характеръ Исава и Измаила явно отмѣченъ чертами свойственными народамъ, родоначальниками которыхъ они считаются: дикій сынъ пустыни, Измаилъ, несомнѣнно, представляетъ собою типъ бедуина аравійской пустыни; суровый охотникъ, Исавъ, котораго Іаковъ хитростью лишилъ права первородства—прототипъ эдомитянъ, ранѣе Израиля сложившихся въ самостоятельное народное цѣлое, но впослѣдствіи значительно отставшихъ отъ него въ развитіи и вынужденныхъ подчиниться ему. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наши источники не являются историческими памятниками въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это — источники, свидѣтельствующіе о давно минувшихъ временахъ въ формѣ легенды, племенной, родовой или религіозной саги.

Но и легенда не есть обязательно вымыселъ; она перемѣшана съ элементами поэтическаго творчества, или, лучше сказать, поэтическій

Боевыя колесницы египтянъ и хетитовъ въ битвѣ при Кадешѣ.

Стѣнная живопись на храмѣ въ Абу-Симбель, относящаяся къ началу XIII в. до хр. эры.

„ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

Типо-Лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

вымыселъ есть та форма, въ которую облекается легенда, но она и въ этой формѣ можетъ отражать подлинныя историческія воспоминанія. Выше мы показали, что такъ оно, именно, и есть въ интересующемъ насъ случаѣ. Такимъ образомъ, будетъ въ корнѣ неправильна дилемма, согласно которой исторія патріарховъ есть либо подлинная исторія, либо легенда: древнѣйшее повѣствованіе Библіи можетъ быть исторіей, являясь одновременно и легендой.

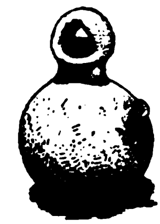
Ассирійскія палатки.

3

1

2

Керамическія издѣлія изъ Гезера (XII—IX вв.).

1. Черепокъ съ эгейскимъ орнаментомъ. 2—3. Кувшины мѣстнаго производства (судя по формѣ, дорожныя бутылки; 3—съ придѣланной къ горлышку чашкой).

2. Эбериты и израильтяне. Лія и Рахиль.

Какъ мы видѣли, въ Ханаанѣ приходили въ соприкосновеніе отвѣтвленія вавилонской и египетской культуръ. Здѣсь они своеобразно сочетаются съ элементами ханаанскаго народнаго быта и порождаютъ среди туземнаго населенія своеобразную смѣшанную культуру. Заселеніе плодородныхъ равнинъ, особенно Изреэльской, постройка хорошо защищенныхъ городовъ, вліяніе богатыхъ сирійскихъ портовыхъ городовъ, особенно Библоса, наконецъ, немаловажное значеніе проникновенія въ страну египетскаго элемента,—все это вмѣстѣ создало, повидимому, уже въ тѣ времена зажиточное земледѣльческое населеніе и богатый классъ стремящихся къ роскоши и наслажденіямъ горожанъ, состоявшій изъ ремесленниковъ, мастеровъ различныхъ прикладныхъ искусствъ и купцовъ. Знатные воины изъ Мегиддо имѣютъ золотыя и серебрянныя колесницы, войска Тутмоса III послѣ завоеванія Финикіи „всякій день хмѣльны и умащены елеемъ, какъ на египетскомъ празднествѣ“; дорогія ткани ввозятся изъ Сиріи уже съ эпохи около 2000-го года.

И вотъ, въ среду этихъ уже зрѣлыхъ культурныхъ общежитій, внѣдряется новый, свѣжій, молодой народъ, который многое перенимаетъ отъ своихъ предшественниковъ, но въ то же время умѣетъ сохранить и развить свои своеобразныя черты.

Для послѣдующаго, богатаго послѣдствіями хода событій не было на всемъ земномъ шарѣ болѣе подходящей страны, чѣмъ Ханаанъ. Мы уже выяснили особенности географическаго положенія страны и свойствъ ея почвы, равно какъ разсказали о проникновеніи въ предѣлы страны и вліяніи на нее со всѣхъ почти сторонъ наро-

довъ, обладающихъ уже извѣстными культурными благами. Такимъ образомъ, осѣвшія здѣсь племена и колѣна рано получили толчокъ къ обработкѣ долинъ и горныхъ склоновъ, къ устройству городовъ и слѣдовательно, улучшенію своего образа жизни.

Какъ въ прежнія времена, такъ и теперь—къ серединѣ второго тысячелѣтія—вновь рѣшительно выдвигается на первый планъ характерная особенность положенія страны: Палестина совершенно открыта не только со стороны юга, сѣвера и запада для культурныхъ и полукультурныхъ пришельцевъ, она, прежде всего, открыта и съ востока—со стороны пустыни. Широкой полосой отъ Мертваго моря и простирающихся за нимъ къ югу земель вплоть до самой Галилеи страна соприкасается съ Аравійской пустыней, начинающейся въ нѣсколькихъ часахъ пути по ту сторону Іордана или за восточной возвышенностью и простирающейся въ почти безграничную даль. Широко открытый, не прегражденный ни рѣками, ни горными хребтами доступъ какъ бы приглашаетъ въ страну пришельцевъ, и Аравія во всѣ времена и эпохи посылала на оба берега Іордана излишекъ своего населенія, гонимаго голодомъ въ плодородныя области. Обработанная земля культурной полосы Ханаана, способной, по понятіямъ кочевниковъ, доставить полное насыщеніе, привлекаетъ ихъ жадные взоры; плодородныя равнины, особенно Изреэльская, а также Саронъ и Шефела, манятъ ихъ легкостью хищническаго набѣга а при случаѣ и прочнаго поселенія. Склоны горъ, не столь высокихъ и суровыхъ, какъ на крайнемъ сѣверѣ Палестины (въ Сиріи), также нерѣдко представляютъ шансы на полученіе желанной добычи, а иногда и случай осѣсть на нихъ. Съ теченіемъ времени эти дерзко вторгающіеся пришельцы становятся господами отдѣльныхъ мѣстностей. Чуждый имъ самъ по себѣ образъ жизни манитъ ихъ обезпеченностью существованія, которую онъ доставляетъ, и воспринимается постепенно все болѣе и болѣе. Хищныя племена кочевниковъ превращаются въ полуосѣдлыя, послѣднія переходятъ къ осѣдлому быту земледѣльцевъ и городскихъ жителей. Свѣжая, чистая кровь смѣшивается со старыми поколѣніями, и молодые выходцы пустыни, первоначально чуждые всякой культуры, даже враждебные ей, сами становятся ея носителями и даже, быть можетъ, въ силу своихъ особыхъ качествъ и чистоты своей крови, культурными піонерами въ особомъ смыслѣ.

Въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ какому-либо изъ разнообразныхъ, проникавшихъ съ незапамятныхъ временъ въ Палестину слоевъ, сказанное выше относится къ тому изъ нихъ, изъ котораго выросъ позднѣе народъ Израильскій. Вполнѣ естественно, что первые начатки Израиля сокрыты отъ насъ непроницаемой тьмой. И если бы намъ удалось хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ уловить тотъ первый лучъ свѣта, который началъ освѣщать эту тьму, и при его помощи уяснить себѣ основные контуры историческихъ событій и фигуръ, то мы сдѣлали бы все, чего можно вообще ожидать въ этой области по самому положенію вещей.

Уже въ самомъ началѣ первой половины второго тысячелѣтія народы сѣвера и востока вновь приходятъ въ движеніе, въ результатѣ

котораго Египетъ подвергся нашествію гиксосовъ, въ концѣ концовъ изгнанныхъ, однако, изъ страны. Въ связи съ этимъ движеніемъ находятся также великія столкновенія и борьба за обладаніе Сиріей при Тутмосѣ I и его преемникахъ. Естественно, что неустойчивость общаго положенія не ускользнула отъ вниманія безпокойныхъ сосѣдей на границахъ Палестины, съ нетерпѣніемъ выжидавшихъ удобнаго случая для вторженія въ манящую ихъ плодородную страну. Мы можемъ поэтому предположить, что уже скоро послѣ 1600 года начался натискъ на Палестину кочевыхъ племенъ востока, навѣрное не ослабѣвшій во время войнъ Тутмоса III. Чѣмъ тревожнѣе складываются обстоятельства внутри этой культурной области, тѣмъ заманчивѣе становится для ея кочевыхъ сосѣдей надежда использовать благопріятный случай.

Ясное представленіе о попыткахъ этого рода мы получаемъ на основаніи текстовъ эль-Амарны и, слѣдовательно, изъ эпохи, къ которой относится этотъ историческій памятникъ. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что событія, достигающія въ это время своего полнаго развитія, имѣли за собою цѣлый рядъ предшествующихъ, пройденныхъ уже ступеней. Смутная эпоха эль-Амарны благопріятствовала натискамъ племенъ са-газъ и хабири (или хабиру), но эти представители кочевого востока, выступающіе теперь на арену, далеко не были, конечно, первыми. Мы врядъ ли сильно ошибемся, если отнесемъ первое появленіе подобныхъ пришлецовъ, примѣрно, ко времени 1500—1550 гг., т.-е. на 1—1½ столѣтія ранѣе эпохи эль-Амарны [1]).

Каково отношеніе между этими хабири и племенемъ, носящимъ въ Библіи наименованіе эберитовъ („ибримъ"—עברים)?

Съ лингвистической точки зрѣнія, нѣтъ серьезныхъ препятствій къ признанію обоихъ наименованій равнозначащими; съ другой стороны, значеніе названія „ибримъ",—понимать ли его въ смыслѣ „пришлецовъ" или „кочевниковъ",—вполнѣ подходитъ къ хабири: надлежитъ, такимъ образомъ, признать оба названія равнозначащими. Отсюда, конечно, еще не вытекаетъ тожество этихъ хабири или эберитовъ съ библейскимъ Израилемъ или тѣми племенами, изъ которыхъ онъ образовался. Противъ такого отожествленія говоритъ уже то, что родоначальникъ эберитовъ, Эберъ, согласно библейскому воззрѣнію, положилъ начало еще и другимъ семитическимъ племенамъ. Слѣдовательно, и въ Библіи наименованіе эбериты не просто однозначаще съ Израилемъ, но охва-

[1]) Литература эль-Амарны обнимаетъ, правда, лишь небольшой, точно ограниченный промежутокъ времени; но если бы мы располагали столь же обширными туземными источниками изъ предшествующей эпохи, особенно изъ эпохъ борьбы съ гиксосами и войнъ Тутмосовъ I—III, то мы, вѣроятно, получили бы аналогичную картину и, быть можетъ, тѣ же имена. Изъ того обстоятельства, что письма, упоминающія о хабири, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ письма, повѣствующія о племени са-газъ, нельзя дѣлать вывода, что хабири проникли въ страну позже этого племени. При близкомъ родствѣ обоихъ племенъ вопросъ этотъ, впрочемъ, не имѣетъ большого значенія. Повидимому, нашествіе захватывало равномѣрно какъ сѣверъ, такъ и югъ, и корни этого движенія, несомнѣнно, приходится искать въ гораздо болѣе раннемъ прошломъ.

тываетъ болѣе широкую группу племенъ. Такимъ образомъ, подтверждается высказанное уже выше предположеніе, что хабири, включая сюда и племя са-газъ, должны быть приравнены къ этой именно болѣе обширной группѣ племенъ, къ эберитамъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Хабири-эбериты есть обозначеніе семитическихъ племенъ, выведенныхъ изъ равновѣсія и продвинутыхъ къ Палестинѣ описаннымъ выше сдвигомъ народовъ; въ средѣ этихъ племенъ и слѣдуетъ искать тѣ роды, отъ которыхъ произошли и израильтяне болѣе поздней эпохи. Сознаніе того, что израильтяне и эбериты не равнозначащи по первоначальному смыслу этихъ наименованій, сохранилось въ Израилѣ еще по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій. Воспоминаніе о подлинномъ соотношеніи между ними не исчезаетъ и послѣ того, какъ одна изъ вѣтвей эберитовъ, именуемая Израилемъ, стала самостоятельной и даже перенесла свое имя на цѣлый рядъ другихъ родовъ. Лишь съ теченіемъ времени остатки этихъ эберитскихъ племенъ поглощаются въ Палестинѣ окрѣпшимъ тѣмъ временемъ Израилемъ: до эпохи Судей, однако, есть полное основаніе предположить, что эбериты все еще сохранили свое отдѣльное наименованіе.

Когда и откуда явились эбериты въ страну, и что извѣстно намъ о способѣ и процессѣ ихъ проникновенія въ нее? Мѣсто, откуда они явились, само собою явствуетъ изъ того, что уже было сказано выше. Родиной всѣхъ этихъ надвигающихся на Палестину кочевыхъ племенъ былъ Аравійскій полуостровъ; здѣсь, несомнѣнно, кочевали также и эбериты. Въ какомъ, именно, мѣстѣ они вышли изъ пустыни, и гдѣ слѣдуетъ искать послѣдній этапный пунктъ, изъ котораго ими дѣлались попытки вторженія въ предѣлы Палестины, врядъ ли когда-либо можно будетъ установить съ полной достовѣрностью. Источники называютъ родиной Авраама Уръ-Касдимъ. Но мы совершенно лишены возможности опредѣлить, гдѣ собственно находится эта мѣстность, а также древность преданія о ней. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ то, что родина эберитовъ находилась въ восточной части арамейской области, между Дамаскомъ и Евфратомъ, и простиралась, быть можетъ, до Харрана; по меньшей мѣрѣ, весьма вѣроятно, что въ этой мѣстности они остановились по выходѣ изъ глубины пустыни и временно поселились здѣсь, выжидая вблизи Харрана, въ странѣ „Бенэ-Кедемъ" (Быт. 29, 1), удобнаго момента для возобновленія своего движенія на западъ или на югъ, смотря по обстоятельствамъ.

Врядъ ли можно предполагать, по аналогіи со всѣми извѣстными намъ другими случаями, чтобы вторженіе ихъ въ страну происходило всегда мирнымъ путемъ. И дѣйствительно, преданіе, какъ мы видѣли, изображаетъ Авраама и Іакова въ качествѣ воиновъ, что и является весьма правдоподобнымъ. Въ общемъ, однако, воинственная черта эта въ значительной степени стерлась впослѣдствіи. Разъ та или иная группа успѣла проникнуть въ страну, она легко могла увлечь за собою другія родственныя группы; мы знаемъ, напримѣръ, что въ Египетъ во всѣ времена стремились съ сѣвера кочевыя племена, желавшія проникнуть туда, если возможно, мирнымъ путемъ. Къ тому же

тѣ изъ кочевниковъ, которые уже водворились въ странѣ, сами собою становятся миролюбивыми. Настоящія бродячія племена кочевниковъ съ верблюдами страна не можетъ пріютить. Они бродятъ на обширныхъ пространствахъ, и мѣсто имъ поэтому въ пустынѣ. Въ Палестинѣ они сами собою превращаются въ полуосѣдлыхъ скотоводовъ, или даже въ полуземледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю, пока она не отказываетъ имъ въ урожаѣ. Миръ является для нихъ такимъ же необходимымъ условіемъ существованія, какъ и для самихъ земледѣльцевъ. Вотъ почему, разсказы о патріархахъ въ книгѣ Бытія большей частью проникнуты мирной атмосферой полу-земледѣльческаго быта, и составители ихъ, повидимому, часто забывали, что предкамъ ихъ были свойственны и менѣе мирныя занятія.

Преданіе сохранило совершенно ясное и, повидимому, правильное свидѣтельство о томъ, что племена эберитовъ не сразу проникли въ Ханаанъ. За Авраамомъ слѣдуетъ въ болѣе позднемъ поколѣніи Іаковъ, подобно Исааку ищущій себѣ жену на востокѣ. Легенда эта допускаетъ вполнѣ правдоподобное историческое истолкованіе: по всей вѣроятности, за первыми переселенцами послѣдовали все новые и новые, изъ арамейской страны въ Палестину перекочевывали все новые роды и колѣна.

Понятно, поэтому, что отдѣльныя группы переселенцевъ имѣли особыя самостоятельныя имена. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ-Израиль представляютъ собою, повидимому, главныя группы. Рядомъ съ ними появляются меньшія группы, болѣе молодыя, выдѣлившіяся изъ среды главныхъ или даже находящіяся въ зависимости отъ нихъ. Послѣдующія поколѣнія сгруппировали всѣ эти роды въ систему 12 колѣнъ. Число это, несомнѣнно, искусственное и не оставалось постоянно однимъ и тѣмъ же.

Система 12 колѣнъ, т.-е. тѣхъ родовъ, которые возвысились до значенія главныхъ, можетъ быть представлена въ слѣдующей схемѣ:

Лія.

Лія сама. — Рувимъ. Симеонъ. Леви, Іуда. Иссахаръ. Зебулунъ (Дина).

Зильпа. — Гадъ. Ашеръ.

Рахиль.

Бильха. — Данъ. Нафтали.

Рахиль сама. — Іосифъ. (Эфраимъ. Менаше). Веніаминъ.

Зильпа была рабыней Ліи, Бильха—рабыней Рахили. Если сыновья рабыни причисляются къ дѣтямъ жены, то приходится предположить наличность различія между господствующими и единокровными родами, извѣстнаго также другимъ народамъ. Такимъ образомъ, второстепенные, пользующіеся меньшимъ уваженіемъ или возникшіе изъ смѣшенія съ чужеземными элементами, роды относятся какъ бы ко второму разряду. Въ такомъ случаѣ историческія воспоминанія можно усматривать какъ въ порядкѣ рожденій въ его цѣломъ, такъ, въ частности, и въ томъ обстоятельствѣ, что какъ у Ліи, такъ и у Рахили

дѣти рождаются въ два періода, такъ что, съ одной стороны, младшими колѣнами являются Иссахаръ и Зебулунъ [1]), съ другой—Веніаминъ.

Характерно число колѣнъ—двѣнадцать, часто появляющееся, подобно числамъ семь и сорокъ, въ различныхъ мѣстахъ Библіи. Обычно объясняютъ его, какъ и другія числа, вавилонскимъ вліяніемъ, именно, проникновеніемъ въ Ханаанъ вавилонской системы священныхъ чиселъ, создавшейся въ результатѣ наблюденій надъ небомъ; число 12 будетъ соотвѣтствовать числу созвѣздій зодіака. Особнякомъ стоитъ Эдуардъ Мейеръ, который думаетъ, что число 12 находится въ связи съ повинностями объединенныхъ въ союзъ колѣнъ въ пользу общей святыни. Каждое колѣно должно было, вѣроятно, въ теченіе одного мѣсяца заботиться объ удовлетвореніи потребностей божества, подобно тому, какъ при Соломонѣ былъ установленъ такой порядокъ отбыванія повинностей отдѣльныхъ округовъ въ пользу царя (I Цар. 4, 7).

Когда возникла эта система въ Израилѣ? Пѣснь Деборы ея еще не знаетъ, а Благословеніе Іакова приводитъ ее точно въ томъ же видѣ, какъ и легенды книги Бытія. Благословеніе Моисея, наконецъ, (Второз., гл. 33) выбрасываетъ изъ схемы Симеона и замѣняетъ Іосифа Эфраимомъ и Менаше. Система возникла такимъ образомъ, повидимому, въ періодъ времени между Пѣсней Деборы и Благословеніемъ Якова, т.-е. въ эпоху Судей. Искусственность системы проявляется въ томъ, что въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ колѣнъ, извѣстныхъ намъ, однако, по другимъ указаніямъ источниковъ. Таковы колѣна Махиръ и Гилеадъ (ср. Суд. 5, 14. 17). Умалчиваетъ система эта также о подгруппахъ колѣна Іуды: Калебѣ, Іерахмеэлѣ, Каинѣ и т. п., хотя эти послѣднія, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныя эпохи, были не менѣе важны и значительны, чѣмъ другія. Но, какъ видно, другое преданіе, относившее ихъ въ совершенно другую генеалогическую систему, очевидно, успѣло въ извѣстный моментъ упрочиться и вытѣснить первое.

Но если даже признать сомнительность историческаго ядра содержащихся въ системѣ легендъ о родахъ, несомнѣннымъ остается, во всякомъ случаѣ, фактъ, что вся генеалогія восходитъ къ именамъ Ліи и Рахили. Обѣ онѣ, на ряду съ Іаковомъ и Израилемъ, были древнѣйшими фигурами, врѣзавшимися въ память народа. Надо думать, поэтому, что существовали племена, носившія эти наименованія, что Іаковъ и Израиль дѣйствительно соединились съ ними. Въ этомъ видѣли древнѣйшій корень происхожденія народа. При этомъ было бы весьма соблазнительно представлять себѣ это соединеніе такимъ образомъ, что Лія принадлежала одному изъ нихъ, а Рахиль другому. Въ такомъ случаѣ, Лія соединилась, вѣроятно, съ Израилемъ, Рахиль же съ Іаковомъ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что, на ряду съ Ліей и Рахилью, считающимися женами Іакова-Израиля, оба они, Іаковъ и

[1]) Дина, очевидно, никогда не была колѣномъ, и библейское повѣствованіе ее вводитъ изъ-за событій, описанныхъ въ 34-ой гл. Бытія.

Израиль, также представляли собою два самостоятельныхъ, отдѣльныхъ колѣна, лишь съ теченіемъ времени слившихся воедино, но притомъ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ причисленъ къ системѣ 12 колѣнъ, быть можетъ, потому, что оба они были одинаково древни и одинаково считались главными колѣнами [1]).

Путемъ сопоставленія изложенной только что системы 12 колѣнъ съ другими извѣстными намъ свѣдѣніями, можно выяснить нѣкоторыя существенныя черты древнѣйшей исторіи колѣнъ, хотя этимъ путемъ далеко еще не удается получить сколько-нибудь ичерпывающую картину.

Среди колѣнъ, происходящихъ отъ Ліи, первое мѣсто должно быть отведено, несомнѣнно, Леви (לוי), хотя онъ по преданію считается только третьимъ сыномъ Ліи [2]), а на ряду съ нимъ Симеону: оба они обозначаются, какъ „братья" въ болѣе спеціальномъ смыслѣ, чѣмъ другія колѣна. Они жили въ области Сихема и потерпѣли здѣсь тяжкую судьбу, оказавшую рѣшительное вліяніе на все ихъ будущее [3]).

Къ этимъ двумъ колѣнамъ рано присоединилось колѣно Рувимъ, считавшееся первороднымъ, быть можетъ, потому, что оно рано пріобрѣло большое значеніе, или потому, что оно раньше другихъ проникло въ страну. Мѣсто пребыванія его было расположено нѣсколько южнѣе Симеона и Леви, недалеко отъ Бетъ-Эля [4]).

[1]) Спеціальнаго доказательства это, послѣ всего уже изложеннаго, собственно говоря, не требуетъ. Относительно Израиля въ качествѣ колѣна мы, правда располагаемъ пока только однимъ документальнымъ доказательствомъ въ надписи Мернепты,—если не исходить изъ того, что въ ней имѣется въ виду „народъ" израильскій, какъ таковой. Но уже одно сопоставленіе съ Іаковомъ въ качествѣ равноцѣнной величины, не оставляетъ сомнѣнія, что, если Іакова надлежитъ признать колѣномъ, то и Израиль былъ нѣкогда такимъ же самостоятельнымъ колѣномъ, слившимся впослѣдствіи съ Іаковомъ. Быть можетъ, мѣстомъ его пребыванія было нѣкогда Заіорданье близъ Пенуэля; здѣсь происходила борьба Израиля съ богомъ, здѣсь же (близъ Абель-Мицраимъ) показывали и его могилу (Бытіе 32, 29; 50, 11). Израиль принадлежитъ пока еще къ востоку, Іаковъ же, по крайней мѣрѣ, въ это время, осѣлъ уже въ западной части страны. Судя по этому Іаковъ, надо полагать, былъ старшимъ, на что имѣется намекъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ приводятся въ легендѣ ихъ имена.

[2]) „Лія" толкуется обыкновенно въ смыслѣ „дикая корова", Рахиль — какъ „овца". Имена эти нерѣдко получаютъ тотемистическое объясненіе въ качествѣ именъ родовыхъ животныхъ или родовыхъ божествъ въ образѣ животныхъ. Но каково бы ни было значеніе имени „Лія", связь его съ Леви представляется единственно достовѣрной.

[3]) Фактъ истребленія Симеона и Леви близъ Сихема доказывается текстомъ кн. Бытія, гл. 34 и подтверждается Быт. 49, 5 и сл. Нѣкогда они жили, очевидно, въ средней части страны. Въ эпоху Іошуи Леви, повидимому, почти совершенно исчезъ, Симеонъ же вмѣстѣ съ Іудой передвинулся къ югу.

[4]) Въ эпоху послѣ Іошуи колѣно Рувимъ населяетъ, какъ извѣстно, южную часть Заіорданья (ср. Числа 32, 33 и сл., Іош. 13, 15 и сл.). Въ правильности этого сообщенія нѣтъ основанія сомнѣваться; Дебора относитъ это колѣно, повидимому, также сюда: этимъ объясняется отсутствіе его въ битвѣ при Меггидо (Суд. 5, 15 и сл.). Вскорѣ послѣ Деборы колѣно Рувимъ, повидимому, переживаетъ все большій и большій упадокъ; во всякомъ случаѣ, о проникновеніи его на другой берегъ Іор-

Къ югу отъ колѣна Рувимъ, первоначально лишь на западныхъ склонахъ Іудейскаго плоскогорья, а не въ центрѣ своей будущей территоріи на возвышенности Хеброна и Бетъ-Лехема, упрочилось колѣно Іуда; мѣстоположеніе его опредѣляется поселеніями Адулламъ, Тимнатъ и Кезибъ. Возможно, что уже съ самаго начала между колѣномъ Іуды и остальными колѣнами широкимъ клиномъ врѣзывалось мѣстное населеніе страны. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторые изъ младшихъ родовъ этого колѣна, продержавшіеся лишь весьма недолго, произошли, какъ кажется, изъ смѣшенія съ туземцами. Въ египетскую эпоху или въ началѣ послѣ-египетской эпохи они, повидимому, вновь были поглощены ханаанеянами.

Мы можемъ далѣе предположить, что въ эту эпоху въ странѣ находился также Иссахаръ, занимая при томъ независимое положеніе господскаго колѣна [1]). Его территорія находилась, вѣроятно, какъ и позднѣе, въ плодородной Изреэльской долинѣ, поскольку она была ему доступна, или въ юго-восточной Галилеѣ. Во всякомъ случаѣ, упоминаніе о немъ въ перечисленіи полноправныхъ сыновей Іакова показываетъ, что колѣно это, до утраты имъ своего первоначальнаго, впослѣдствіи совершенно забытаго наименованія, пользовалось значеніемъ господскаго колѣна.

Рядомъ съ нимъ жило, вѣроятно, колѣно Ашеръ, представлявшее собою, такимъ образомъ, соединительное звено между перечисленными колѣнами и колѣнами, происходившими отъ Ліи и жившими на возвышенности Эфраимъ. Мы уже встрѣчались съ этимъ колѣномъ, какъ съ племенемъ, пребываніе котораго въ Палестинѣ съ давнихъ временъ вполнѣ доказано. Территорія, занятая имъ въ это время, была, повидимому, та же, что и позднѣе.

Объ отношеніяхъ этихъ шести колѣнъ, происходящихъ отъ Ліи, другъ къ другу и къ жившимъ съ ними вмѣстѣ колѣнамъ Іаковъ и Іосифъ мы ничего болѣе не знаемъ, кромѣ приведенныхъ выше скудныхъ указаній, какъ не знаемъ ничего о численности ихъ и о мѣстонахожденіи ихъ пастбищъ. Отношенія эти ограничивались, вѣроятно, простымъ воспоминаніемъ объ общности ихъ происхожденія и вытекающимъ отсюда сознаніемъ извѣстной связи. Шесть колѣнъ отъ Ліи,

---

дана нѣтъ уже болѣе и рѣчи, колѣно медленно умираетъ. Тѣмъ не менѣе, въ легендѣ о патріархахъ мы находимъ Рувима въ западной части страны. Согласно Быт. 35, 21, онъ жилъ, должно быть, въ мѣстности Мигдалъ-Эдеръ, къ югу отъ Сихема. Надо еще добавить, что Рувимъ всюду является „первороднымъ" сыномъ Іакова, почему и играетъ въ исторіи Іосифа (по одной версіи ея) руководящую роль среди братьевъ. Такая роль не была бы ему приписана, если бы онъ не занималъ нѣкогда выдающагося положенія. Со временъ Пѣсни Деборы и вообще со временъ Іошуи, Рувимъ принадлежитъ къ второстепеннымъ колѣнамъ. Своимъ значеніемъ онъ пользовался, очевидно, въ до-египетскую эпоху. Иначе было бы непонятнымъ, почему онъ слылъ за перворoднаго.

[1]) Наименованіе его Иссахаръ (יששכר—наемникъ)—является несомнѣннымъ отраженіемъ болѣе позднихъ условій той эпохи, когда онъ сталъ данникомъ финикіянъ (ср. Бытіе 49, 15).

быть можетъ, все болѣе и болѣе начинали понимать превосходство двухъ послѣднихъ колѣнъ, и потому примыкали къ нимъ все тѣснѣе.

Особнякомъ отъ Ліи и, быть можетъ, и отъ Израиля стоятъ колѣна, происходящія отъ Рахили, хотя они и находятся съ послѣдними въ слабой, правда, кровной связи. Вотъ почему, ихъ охотно приводятъ въ связь съ колѣномъ Іакова. Нѣкогда всѣ они находились, несомнѣнно, въ южной части страны, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ скромной территоріей Іуды. Достовѣрнымъ это можно считать по отношенію къ колѣну Іосифа [1]), хотя бы потому, что переселеніе его въ Египетъ уже само по себѣ предполагаетъ, что мѣсто поселенія его находилось на югѣ; далѣе еще потому, что Беэръ-Шеба еще много позднѣе продолжала считаться святыней колѣна Іосифова [2]). Что касается колѣна Веніаминъ, то имя его, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе подходитъ къ мѣстности на югѣ, чѣмъ къ болѣе поздней его территоріи [3]). Про колѣно Данъ вполнѣ достовѣрно извѣстно, что до пе-

---

[1]) Болѣе позднія области пребыванія Іосифа въ послѣ-моисееву эпоху не должны насъ смущать. Что Іосифъ, т.-е. Эфраимъ и Менаше, живутъ позднѣе на возвышенности Эфраимъ, объясняется, вѣроятно, лишь тѣмъ, что Симонъ и Леви не могли болѣе заявлять притязанія на эти области. Изстари мѣстность эта называлась Эфратъ, и населеніе ея—эфратійцами. Когда колѣно Іосифа завоевало возвышенность Эфраимъ, часть составлявшихъ его родовъ была названа по новому мѣсту жительства Эфраимъ, другая же часть получила наименованіе Менаше, и оба они, Эфраимъ и Менаше, называются сыновьями Іосифа. Все это—вторичные процессы, какъ и легенда о томъ, что Рахиль, мать родоначальника, была погребена въ Ефратѣ, ибо здѣсь жили ея сыновья (1 Сам. 10, 11; Іерем. 31, 15). На основаніи тѣхъ же соображеній, могилу Іосифа искали близъ Сихема (Быт. 50, 25). Въ древности ни Іосифъ, ни Рахиль не могли находиться на возвышенности Эфраимъ, мѣстомъ жительства ихъ могли быть лишь южныя области близъ Беэръ-Шебы и Хеброна. Здѣсь беретъ свое начало, какъ исторія Іосифа, такъ и переселеніе (Быт. 46, 5; 37, 14). Если Сихемъ и расположенная въ нѣсколькихъ часахъ къ сѣверу отъ него мѣстность Дотана однажды называется пастбищемъ братьевъ (Быт. 37, 12—18), то въ этомъ можно видѣть не болѣе какъ воспоминаніе, что колѣна Ліи дѣйствительно нѣкогда находились здѣсь. Этимъ нѣсколько искусственнымъ путемъ легенда приводитъ ихъ въ связь съ Іосифомъ, связь необходимую для исторіи продажи въ Египетъ.

[2]) Амосъ свидѣтельствуетъ (5, 5), что Беэръ-Шеба была, на ряду съ Бетъ-Элемъ и Гилгаломъ, излюбленнымъ мѣстомъ паломничества для населенія болѣе поздняго царства Эфраимъ. Между тѣмъ, со временъ Моисея, Беэръ-Шеба никогда не была въ рукахъ Эфраима или Менаше. Позднѣйшій обрядовый обычай Эфраима, а съ нимъ и преданіе книги Бытія, должны, слѣдовательно, основываться на событіяхъ до-моисеевой эпохи.

[3]) Если имя это толковать по связи съ арабскимъ географическимъ названіемъ, Іеменъ, т.-е. Бенъ-Іеменъ (сынъ Іемена), то Веніаминъ означаетъ Іеменъ Палестины или Негебъ (югъ). Далѣе, можно предположить, что Веніаминъ, какъ родившійся въ Палестинѣ, дѣйствительно сталъ отдѣльнымъ колѣномъ впервые въ Ханаанѣ. Слѣдовательно, въ древности Іосифъ и Веніаминъ были, такъ сказать, „іеменскими“ колѣнами Израиля, колѣна же, происходившія отъ Ліи, могутъ быть поставлены въ параллель въ сѣверо-арабскими племенами. Позднѣе первенствующую роль стало играть колѣно Іуды вмѣстѣ съ примкнувшими къ нему остатками Симеона и Леви и другими второстепенными колѣнами. Эта противоположность между колѣнами и проходитъ черезъ всю послѣдующую исторію Израиля.

реселенія своего на сѣверъ оно нѣкогда обитало въ южной части страны—не въ самомъ Негебѣ или близъ Хеброна, но недалеко отъ послѣдняго, въ сѣверо-западномъ направленіи.

Особую роль среди колѣнъ, происходящихъ отъ Рахили, играетъ колѣно Іосифъ. Слѣдуя непрерывно повторяющемуся на протяженіи вѣковъ примѣру ханаанейскихъ семитовъ, оно переселяется въ Египетъ. Фактъ этого переселенія не можетъ быть оспариваемъ, хотя сколько-нибудь подробно опредѣлить условія и обстановку, при которыхъ оно совершилось, мы не въ состояніи. Если принять на вѣру сообщенія легенды, выступающей здѣсь въ видѣ семейной хроники, то причиной были раздоры между родственными колѣнами, обитавшими въ Ханаанѣ, и самое выселеніе колѣна Іосифова не носило вполнѣ добровольнаго характера: оно, скорѣе, было вытѣснено изъ Ханаана. Легенда повѣствуетъ далѣе еще, что и братья Іосифа вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Іаковомъ, должны были послѣдовать за Іосифомъ въ Египетъ вслѣдствіе постигшаго Ханаанъ тяжелаго неурожая. Весьма вѣроятно, что и эта легенда заключаетъ въ себѣ историческое ядро. Правда, не всѣ, но часть колѣнъ Іакова-Израиля, видимо, дѣйствительно находилась нѣкогда въ Египтѣ.

Здѣсь будетъ умѣстно остановиться на вопросѣ объ упоминаніи имени эберитовъ въ египетскихъ источникахъ. Вопросъ этотъ, нѣкогда сильно волновавшій умы, впослѣдствіи какъ-то отошелъ на задній планъ и лишь недавно вновь былъ поставленъ на очередь. Несомнѣненъ фактъ существованія въ Египтѣ слоя населенія, именовавшагося „апр“ (что произносится скорѣе всего Апуріу). Существенными согласными этого иностраннаго для египетскаго языка слова являются буквы а—п—р или а—п—р—й, что должно быть приравнено къ еврейскому עבר, а разъ такъ, то наименованіемъ этимъ должны были обозначаться „ибримъ“ или эбериты. Это пришлое населеніе упоминается впервые при Тутмосѣ III въ романтической исторіи завоеванія города Іоппе (нынѣшней Яффы) воинами, хитростью проникшими въ городъ. Въ этомъ событіи принимаетъ участіе одинъ изъ Апуріу. Такимъ образомъ, иноземцы эти несли, повидимому, въ Египтѣ военную службу. Отъ эпохи Рамзеса II сюда относятся два папируса. Одинъ изъ нихъ содержитъ письмо нѣкоего писца Кавизера къ своему господину, въ которомъ писецъ сообщаетъ объ исполненіи имъ приказанія своего господина; приказъ же этотъ гласилъ: „Дай припасовъ солдатамъ и людямъ изъ племени „апр“, которые таскаютъ камни для большой крѣпости храма Рамзесъ-Мери-Амонъ...“ Другой папирусъ содержитъ почти дословно такое же письмо нѣкоего Кени-Амона. Объ эпохѣ Рамзеса III мы узнаемъ изъ отрывка другого папируса. Согласно этому документу, въ Геліополѣ должно было существовать поселеніе Апуріу. Послѣдніе упоминаются здѣсь на ряду съ офицерами, командующими боевыми колесницами, либійскими военачальниками и азіатскими вельможами. Общее число этихъ поселенцевъ равнялось 2093. Рамзесъ IV, наконецъ, при посѣщеніи каменоломенъ Хамамата имѣетъ въ своемъ конвоѣ, между прочимъ, 800 людей изъ племени „апр“.

Въ первомъ изъ перечисленныхъ случаевъ рѣчь идетъ о племени, быть можетъ, и не живущемъ въ предѣлахъ самого Египта. То могли быть жители города Іоппе или его окрестностей. Въ остальныхъ же случаяхъ подразумѣваются живущіе въ Египтѣ чужеземцы, занятые при Рамсесѣ II въ качествѣ барщинниковъ при постройкѣ храма, а при Рамзесѣ IV несущіе военную службу или занятые работами въ каменоломняхъ.

Такъ какъ они упоминаются еще при Рамзесѣ IV (послѣ 1167 г.), то врядъ ли допустимо предположеніе, что эти эбериты вполнѣ тождественны съ израильтянами. Надо, однако, признать, что если бы удалось устранить это хронологическое затрудненіе, то не имѣлось бы никакихъ существенныхъ препятствій къ признанію такого тождества египетскихъ Апуріу и египетскихъ эберитовъ. Храмовая барщина при Рамзесѣ II и храмовыя повинности въ Геліополѣ (библейскомъ Онѣ), въ общемъ, легко согласуются съ той картиной, которую Библія рисуетъ намъ о жизни Израиля въ Египтѣ.

Между тѣмъ, указанное хронологическое затрудненіе, дѣйствительно, не трудно устранить: стоитъ лишь припомнить, что наименованіе эбериты-ибримъ, какъ было выяснено выше, охватываетъ несравненно болѣе широкую группу, чѣмъ имя Израиль. Если мы на мѣсто находящихся въ Египтѣ людей изъ племени а п р подставимъ эберитовъ въ широкомъ смыслѣ слова,—по существу, а быть можетъ и лексически тождественныхъ съ „хабири",—т.-е. семитическихъ пришельцевъ, то мы не должны будемъ удивляться, если встрѣтимъ ихъ въ Египтѣ еще въ эпоху Рамзеса IV. Столь же мало удивительнымъ покажется намъ въ этомъ случаѣ и то, что присутствіе ихъ въ Палестинѣ можетъ быть доказано уже въ эпоху Тутмоса III. О безусловной достовѣрности этого при современномъ положеніи вопроса о языкѣ не можетъ быть и рѣчи. Однако, если взвѣсить всѣ обстоятельства, надо будетъ признать большую вѣроятность за предположеніемъ, что со временъ Рамзеса II тѣ же племена эберитовъ, которыя въ эпоху эль-Амарны и даже во времена Тутмоса III безпокоили Палестину, сумѣли проникнуть также и въ Египетъ. Они привлекаются отчасти къ отбыванію барщинныхъ работъ. Они, правда, не тождественны съ израильтянами, но израильтяне являлись составной частью этого племени. Именно поэтому вполнѣ возможно, что еще много времени спустя послѣ исхода Израиля изъ Египта въ немъ оставались такіе эбериты, т.-е. люди изъ племени „а п р".

Отведенная племенамъ Іакова-Израиля въ Египтѣ территорія охватывала область Гошенъ, т.-е. восточную часть Дельты, мѣсто, весьма подходящее къ ихъ пастушескому образу жизни. Очень вѣроятно, что они уже застали здѣсь родственные по крови элементы изъ большой группы эберитовъ, успѣвшіе ранѣе ихъ поселиться въ Египтѣ. Вновь прибывшія колѣна сближаются съ этими элементами, въ чемъ и заключается, быть можетъ, причина, почему они все болѣе и болѣе вызываютъ непріязненное отношеніе въ качествѣ тягостныхъ чужеземцевъ.

Сколько колѣнъ Іакова-Израиля, и какія именно изъ нихъ переселились въ Египетъ, сказать въ точности мы не можемъ. Такъ какъ движеніе это началось съ колѣна Іосифова (изъ группы Рахили), то оно-то и должно, прежде всего, остановить наше вниманіе. Весьма возможно, однако, что въ Египтѣ находились и еще другія колѣна, въ особенности колѣно Симеонъ. Іуда, вѣроятно, также перекочевалъ на югъ. Только исходя изъ этого предположенія, можно объяснить участіе Іуды въ завоеваніи Ханаана и его сліяніе съ первоначально арабскими племенами. Нѣкогда колѣно это было одной изъ чистыхъ вѣтвей группы Ліи, съ теченіемъ же времени оно становится специфически южнымъ колѣномъ, и пропасть, отдѣляющая его отъ колѣнъ Ліевыхъ, становится все глубже и глубже. Противоположность между сѣверомъ и югомъ, одна изъ движущихъ или, вѣрнѣе, тормозящихъ силъ въ процессѣ развитія всей націи, какъ цѣлаго, переносится отнынѣ на отношенія между Іудой и остальными израильскими колѣнами.

Часть колѣнъ, переселившихся въ Египетъ, повидимому, осталась въ Ханаанѣ, не принявъ участія въ переселеніи. Вмѣстѣ съ ней осталось тамъ и наименованіе „Израиль". Это и есть тотъ „Израиль", который упоминается въ надписи Мернепты. Для дальнѣйшаго хода событій фактъ этотъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе.

Работы семитскихъ азіатовъ въ Египтѣ.

Фараонъ Тутанхамонъ принимаетъ дань отъ азіатскихъ пословъ.

3. Египетъ и Сирія въ эпоху послѣ эль-Амарны.

Предшествующимъ изложеніемъ выяснено, что политическое могущество Египта въ Сиріи и Палестинѣ начало все болѣе расшатываться въ царствованіе Аменхотепа IV-Эхнатона, этого великаго религіознаго реформатора. Интересы фараона лежали въ области, въ общемъ, далекой отъ политической жизни, мысли его витали въ совершенно иныхъ сферахъ. И если идеализмъ Эхнатона вызываетъ въ насъ чувство глубокой симпатіи къ личности этого фараона, то зато въ области политики онъ долженъ былъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ полнѣйшій упадокъ государства, въ частности—упадокъ египетскаго владычества въ Сиріи.

Уже тексты эль-Амарны сообщаютъ о проникновеніи хетитовъ вплоть до окрестностей Тира, слѣдовательно, до сѣверной границы Ханаана; отдѣльными же небольшими группами они даже переступили эту границу и достигли южныхъ областей страны. Примѣру хетитовъ слѣдуютъ затѣмъ амореяне, безпокоившіе царскихъ вассаловъ въ районѣ Ливана и Антиливана; они также доходятъ уже до Тира и Сидона. На ряду съ ними, какъ мы видѣли, появляются и хабири, племенная группа, родственная Израилю и тождественная съ эберитами въ широчайшемъ смыслѣ того наименованія. Они также хозяйничаютъ въ странѣ, бепзокоятъ туземное населеніе и даютъ поводъ къ нескончаемымъ жалобамъ. Надо думать, что все это продолжалось и послѣ смерти Аменхотепа IV, и что положеніе Египта еще болѣе ухудшилось, если только не былъ данъ отпоръ стремленіямъ этихъ пришельцевъ.

Цѣлый рядъ городовъ, Мегиддо, Ашкелонъ, Гезеръ и др., осаждаютъ фараона просьбами о помощи противъ племени хабири; можно

думать поэтому, что эти чужеземцы уже въ тѣ времена играли роль хозяевъ въ самыхъ различныхъ областяхъ страны. Попытки къ возстановленію поколебленнаго авторитета фараоновъ, если онѣ и предпринимались кое-гдѣ, сводились къ посылкѣ офицеровъ съ совершенно недостаточными воинскими отрядами и оставались, конечно, безплодными. Послѣдствіемъ хозяйничанія хабири было то, что немало жителей страны предпочитало покинуть Ханаанъ и искать убѣжища въ Египтѣ. Примѣръ этого рода мы находимъ въ надписи Харемхеба [1]), одного изъ генераловъ Аменхотепа IV; надпись эта производитъ впечатлѣніе, какъ будто въ то именно время съ особенной силой проявилось желаніе покинуть Палестину и искать убѣжища и защиты въ Дельтѣ, вѣроятно, въ мѣстности Гошенъ [2]). Внутреннія междоусобицы и повторяющіеся отъ времени до времени неурожаи въ равной мѣрѣ содѣйствовали этому. Одна мѣстность за другой перестаетъ понемногу посылать и дань [3]); Сирія и Палестина фактически не составляютъ болѣе египетской провинціи.

Когда около 1358 года, послѣ 17-лѣтняго царствованія, сошелъ со сцены Аменхотепъ IV,—этотъ безспорно замѣчательнѣйшій человѣкъ на тронѣ фараоновъ, „первый идеалистъ и первая выдающаяся личность во всемірной исторіи",—всего того могущества и полноты власти, которыя были достигнуты его предшественниками, въ Сиріи болѣе не существовало. Преемникамъ его не удалось совершить что-либо достойное вниманія для возстановленія утраченнаго. Зять Аменхотепа IV, Тутанхатонъ („живое изображеніе Атона", т.-е. солнечнаго диска) вновь перенесъ столицу въ Ѳивы; блестящій городъ Атона, Ахетъ-Атонъ („Горизонтъ

---

1) Она гласитъ: „Они были разбиты, а городъ ихъ опустошенъ, и пламя брошено (въ ихъ хлѣбъ)... Земли ихъ пустуютъ, они живутъ, какъ горныя козы... Нѣкоторые изъ этихъ азіатовъ, не зная, чѣмъ имъ жить, пришли (просить убѣжища во владѣніяхъ) царя, какъ отцы вашего отца дѣлали это издревле... И царь отдаетъ ихъ въ вашу власть для охраны ихъ границъ". Харемхебъ отдаетъ здѣсь своимъ офицерамъ распоряженія относительно азіатовъ, городъ которыхъ разграбленъ и разрушенъ. Рѣчь идетъ о бѣглецахъ, бѣжавшихъ изъ Азіи при обстановкѣ, описанія которой встрѣчаются въ текстахъ эль-Амарны неоднократно. Подъ царемъ здѣсь разумѣется Аменхотепъ IV; онъ именуется также „отцомъ" (страны). Рѣчь ведется отъ лица его генерала, Харемхеба. Бѣглецы ввѣряются подчиненнымъ послѣдняго, съ указаніемъ на примѣръ предковъ царя, принимавшихъ къ себѣ чужеземцевъ. Надпись эта показываетъ съ очевидностью, что не только въ древнія времена, но и въ эту еще эпоху, и вплоть до временъ Мернепты, населеніе Палестины въ годину бѣдствія всегда находило въ Египтѣ убѣжище, получая разрѣшеніе пасти свой скотъ въ Дельтѣ.

2) Предположеніе, что рѣчь идетъ именно объ этой мѣстности, подтверждается другимъ документомъ, гдѣ пограничный надсмотрщикъ сообщаетъ своему начальнику, что онъ разрѣшилъ „проходъ черезъ крѣпость Мернепты въ Зеку (Суккотъ), къ болотамъ Питома..., чтобы сохранить ихъ жизнь и жизнь ихъ стадъ во владѣніяхъ царя, добраго солнца всякой страны". Причиной переселенія въ данномъ случаѣ былъ, повидимому, неурожай.

3) Послѣдняя извѣстная намъ посылка дани относится къ 12-му году царства Аменхотепа IV.

Атона") со своимъ роскошнымъ храмомъ гибнетъ жертвой мести өиванской партіи, погребая подъ своими развалинами архивъ эль-Амарны.

Естественно, что съ теченіемъ времени и Амонъ возстановляется въ своихъ божественныхъ правахъ, смѣняя собою Атона. Самъ фараонъ получаетъ новое имя—Тутанхъ-Амонъ („живое изображеніе Амона"). Еще одинъ или нѣсколько незначительныхъ царей занимало на короткіе промежутки древній тронъ, и изсякла, наконецъ, знаменитая өиванская династія, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій правившая Египтомъ, изгнавшая гиксосовъ и превратившая Египетъ въ міровую державу.

Основателемъ новой (19-ой по Манеөону) династіи, былъ Харемхебъ, съ которымъ мы познакомились уже при Аменхотепѣ IV въ качествѣ его фаворита и счастливаго военачальника. Уже при своемъ предшественникѣ Харемхебъ былъ душою правленія, а когда настало его время, онъ взошелъ на тронъ фараоновъ, какъ единственный серьезный претендентъ на него. Это произошло въ 1350 году. Харемхебъ былъ, повидимому, выдающимся организаторомъ и законодателемъ. Особенно заботился онъ о внесеніи порядка въ дѣла управленія, объ искорененіи произвола чиновниковъ и улучшеніи безправнаго положенія бѣдняковъ. Къ сожалѣнію, законы, изданные имъ съ этой цѣлью, дошли до насъ лишь въ однихъ отрывкахъ. Но и то, что сохранилось, даетъ намъ возможность убѣдиться въ мудрости и справедливости его начинаній, а также довольно ясно указываетъ намъ на тѣ поистинѣ ужасающія условія, которыя установились въ странѣ при попустительствѣ Аменхотепа и при его равнодушіи къ мірскимъ дѣламъ. Свои законы—строгіе, но свидѣтельствующіе о проницательности ихъ творца и безпощадно карающіе взяточничество и эксплуатацію экономически слабыхъ—Харемхебъ приказываетъ высѣчь на камнѣ и выставить передъ одной изъ башенъ Карнакскаго храма.

Въ религіозномъ отношеніи Харемхебъ является истиннымъ возстановителемъ древняго религіознаго культа. Онъ реставрировалъ всѣ храмы и повелѣлъ вновь изготовить—въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ прежде—изображенія боговъ. Древнее многобожіе вновь становится государственной религіей.

Въ Сиріи же Харемхебъ, не достигъ никакихъ успѣховъ. Повидимому, внутреннія дѣла Египта, которыя нужно было упорядочить, поглощали всѣ его силы.

Харемхеба смѣняетъ Рамзесъ I, который уже въ преклонномъ возрастѣ вступилъ на престолъ (въ 1315 году), и не чувствовалъ въ себѣ силы свершить что-либо важное. Въ 1313 г. его замѣщаетъ, послѣ краткаго совмѣстнаго управленія, сынъ его, Сети I, находящійся въ полномъ цвѣтѣ силъ. Теперь лишь выяснилась вся цѣнность порядка, достигнутаго Харемхебомъ во внутреннихъ дѣлахъ страны. Получивъ въ свои руки полноту власти, Сети I пользуется свободой дѣйствія для обширной экспедиціи въ Палестину съ цѣлью возстановить утраченный суверенитетъ Египта надъ этой страной.

Поводомъ для экспедиціи служитъ возобновленіе натиска кочевыхъ племенъ изъ восточной степи въ Палестину. Когда читаешь о вторженіи въ Палестину бедуиновъ изъ пустыни и о притѣсненіяхъ, причиняемыхъ ими населенію страны, невольно вспоминается эпоха эль-Амарны. Образъ дѣйствій хабири впослѣдствіи вызвалъ, повидимому, подражаніе у родственныхъ имъ племенъ.

О походахъ Сети I мы узнаемъ, преимущественно, изъ великолѣпныхъ рисунковъ, изображающихъ его дѣянія, на наружной стѣнѣ зала Карнакскаго храма, дополненныхъ лишь немногочисленными надписями [1]). Повидимому, примѣромъ для дѣятельности Сети I служилъ Тутмосъ III. Сети I начинаетъ съ покоренія бедуиновъ южной Палестины, съ тѣмъ, чтобы отсюда овладѣть центральными областями страны вмѣстѣ съ финикійскимъ побережьемъ. Города равнины Мегиддо вынуждены признать его власть, Тиръ и Сидонъ также. Въ промежуткѣ Сети въ домъ же походѣ успѣваетъ перейти на другой берегъ Іордана и воздвигнуть памятникъ побѣды въ Хауранѣ.

Послѣ войны съ ливійцами онъ въ слѣдующемъ году вновь направляется на сѣверъ и беретъ штурмомъ Кадешъ „въ странѣ амурру" (амореянъ) [2]). Отсюда Сети I обращается противъ хетитовъ, царемъ которыхъ въ это время былъ Мурсилъ. Происходитъ сраженіе, которое, однако, не повлекло за собой никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Такимъ образомъ, Кадешъ (на Оронтѣ) остается въ рукахъ хетитовъ, и Сети I заключаетъ съ сыномъ и преемникомъ Мурсила, Муталлу, договоръ, по которому египетская граница отнынѣ совпадаетъ съ границей Палестины. Остатокъ дней своихъ Сети I посвятилъ внутреннимъ дѣламъ Египта; умеръ онъ въ 1292 году.

За нимъ слѣдуетъ сынъ его, Рамзесъ II. Онъ поставилъ себѣ цѣлью— продолжить дѣло, начатое Сети I въ Азіи, и такимъ образомъ возстановить власть Египта въ размѣрахъ, достигнутыхъ фараонами 18-ой династіи. Однако по отношенію къ хетитамъ, договоръ, заключенный Сети I, создалъ затруднительное положеніе. Пользуясь предоставленнымъ имъ мирнымъ двадцатилѣтнимъ промежуткомъ, они, повидимому, какъ и во времена Тутмоса III, успѣли создать себѣ въ Кадешѣ на берегу Оронта, представляющемъ собою ключъ къ долинѣ этой рѣки, неприступную твердыню, позволявшую имъ препятствовать всякому наступленію египтянъ на Сирію.

---

[1]) Среди надписей на изображеніи побѣдъ въ Карнакскомъ храмѣ имѣется слѣдующая: „Его величеству донесли: проклятые бедуины (шасу) замышляютъ мятежъ. Ихъ старшины объединились и стоятъ на горахъ Хару. Они затѣяли ссору и споры, каждый изъ нихъ убиваетъ своихъ сосѣдей, они презираютъ законы дворца". Если бедуины, презирая законы египетскаго дворца, притѣсняютъ населеніе южно-палестинскаго плоскогорья (Хару), то рѣчь можетъ идти лишь о племенной группѣ, находящейся въ ближайшемъ кровномъ родствѣ съ племенемъ хабири.

[2]) Если рѣчь идетъ здѣсь не о Кадешѣ на Оронтѣ, а о томъ, который находился вблизи Мегиддо, то владѣнія амореянъ должны были уже въ ту эпоху простираться до самой Галилеи или даже вплоть до сѣверныхъ склоновъ возвышенности Эфраимъ.

Одна изъ надписей на скалахъ у Нахръ-эь-Кельбъ (Собачьей Рѣки) близъ Бейрута, сообщаетъ, что Рамзесъ II на четвертомъ году своего царствованія посѣтилъ финикійское побережье, несомнѣнно, съ цѣлью обезпечить себѣ сообщеніе съ Сиріей морскимъ путемъ. Хетиты собрали огромное войско, къ которому примкнули цари всей сѣверной Сиріи, Нахарины и пограничныхъ малоазіатскихъ странъ. Въ составъ этого войска входили также наемники изъ жителей прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря, ликійцы, дарданцы и др. Но Рамзесъ не оставался бездѣятельнымъ въ виду этой готовящейся противъ него коалиціи. При содѣйствіи нубійцевъ и „шердовъ", или сардинцевъ, съ нѣкотораго времени несшихъ службу въ сирійскихъ гарнизонахъ Египта, онъ также выставляетъ войско численностью около 20.000 человѣкъ. Въ пятомъ году своего царствованія онъ идетъ походомъ противъ укрѣпленной непріятельской столицы, Кадеша на Оронтѣ. Хетитскому царю Муталлу посредствомъ хитрости удается отрѣзать Рамзеса близъ Кадеша отъ части его войска и поставить царя съ его воинами въ почти безнадежное положеніе. Лишь съ трудомъ успѣваетъ послѣдній пробиться сквозь непріятельскія полчища. Весь его лагерь съ богатой добычей попадаетъ въ руки хетитовъ. Однако, благодаря ряду благопріятныхъ обстоятельствъ и собственной безумной смѣлости, Рамзесу удается, въ концѣ концовъ, оттѣснить непріятеля къ городскимъ стѣнамъ, удержавъ поле сраженія подъ собой.

О завоеваніи хетитской столицы и объ усмиреніи мятежа при существовавшихъ условіяхъ не могло, однако, быть и рѣчи. Рамзесу приходилось радоваться, что ему удалось цѣлымъ и невредимымъ вернуться къ себѣ домой. Моральный авторитетъ Египта, который онъ стремился возвысить своимъ походомъ, скорѣе упалъ еще болѣе. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что послѣ его ухода въ Сиріи поднялся всеобщій мятежъ, распространившійся вплоть до южной части Палестины. Этотъ мятежъ побудилъ Рамзеса предпринять второй походъ на сѣверъ, во время котораго приходилось все начать съ самаго начала. Рамзесъ осаждаетъ и завоевываетъ—въ шестомъ или седьмомъ году своего царствованія—Ашкелонъ, въ восьмомъ—рядъ галилейскихъ городовъ. Въ Заіорданьѣ онъ также, подобно Сети I, воздвигъ памятникъ своихъ побѣдъ; это—такъ называемая скала Іова въ Хауранѣ. Лишь послѣ этого онъ могъ вновь отважиться пойти дальше по берегу Оронта. Повидимому, онъ основательно расправился съ хетитами и продвинулся вплоть до Нахарины; до покоренія этихъ областей дѣло, однако, не дошло. Поэтому, когда хетитскій царь, Муталлу, скончался (1272) и на престолъ вступилъ его братъ, Хаттушиль, обѣ стороны были настолько истощены войной, длившейся 15 лѣтъ, что предпочли заключить мирный договоръ. Текстъ его, выгравированный на серебрянной доскѣ, постановляетъ, что обѣ стороны отказываются отъ нападенія и взаимно обязываются защищать другъ друга отъ нападеній извнѣ. Въ общемъ, Рамзесъ провелъ границу своихъ владѣній приблизительно до той же линіи, что и Сети I. До конца дней своихъ онъ послѣ этого под-

державалъ миръ; это доказываетъ, что онъ не имѣлъ возможности требовать бо́льшаго, чѣмъ то, что было достигнуто въ свое время его отцомъ.

Со временъ Рамзеса II многообразныя отношенія къ Азіи вновь передвинули центръ государства и фактическую резиденцію фараоновъ изъ Өивъ къ сѣверу. Возвысилось значеніе восточной Дельты. Танисъ сталъ большимъ, цвѣтущимъ городомъ, и на дорогѣ къ Синайскому полуострову Рамзесъ II построилъ городъ-складъ Питомъ („домъ Атума") [1]). Невдалекѣ отъ послѣдняго, по распоряженію царя, былъ выстроенъ другой городъ, который сталъ царской резиденціей и былъ названъ Перъ-Рамзесъ, „домъ Рамзеса" [2]). Возведенныя царемъ безчисленныя постройки, почти всѣ посвященныя прославленію его имени, въ томъ числѣ въ особенности колоссальный Рамессеумъ близъ Өивъ, большой дворъ Луксорскаго храма, и, наконецъ, грандіозная колоннада въ Карнакѣ,—свидѣтельствуютъ о ненасытномъ пристрастіи этого царя къ строительству. Вполнѣ понятно, поэтому, что ему приходилось въ весьма сильной степени напрягать податныя и рабочія силы населенія.

Въ общемъ, Рамзесъ далеко не былъ врагомъ чужеземцевъ; не только самъ онъ окружилъ себя стражей изъ тяжело вооруженныхъ сардинскихъ наемниковъ, но и повсюду въ странѣ видно было много иноземцевъ. Въ Мемфисѣ финикійскіе и иные чужеземные купцы имѣли собственный кварталъ съ храмами Астарты и Ваала. При дворѣ, равно какъ и въ домахъ знатныхъ вельможъ, было немало семитическихъ и азіатскихъ рабовъ.

Рамзесъ II, умершій 90-лѣтнимъ старцемъ послѣ долгаго блестящаго царствованія, успѣлъ пережить двѣнадцать изъ своихъ многочисленныхъ сыновей. Тринадцатый, Мернепта, самъ уже пожилой человѣкъ, сталъ его преемникомъ (1225—1215). Весь блескъ царствованія Рамзеса II и всѣ безчисленныя надписи, краснорѣчиво повѣствующія о громкихъ побѣдахъ, не могли уничтожить того факта, что, несмотря на всѣ затраченныя силы и средства, несмотря на чудеса личной храбрости, Рамзесъ все же не могъ вернуть Египту полностью утраченное имъ положеніе. Трудно было ожидать, чтобы Мернептѣ удалось то, что не суждено было осуществить 60 годами ранѣе его отцу, находившемуся тогда въ полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ. Въ то время главную угрозу для Египта представлялъ все усиливавшійся натискъ морскихъ народовъ. Народы сѣвернаго побережья Средиземнаго моря пришли въ движеніе, а съ ними и народы внутреннихъ областей Малой Азіи и Ливіи. Всѣ они угрожали Египту то съ одной, то съ другой стороны, неоднократно находя сочувствіе и поддержку у старыхъ враговъ царства фараоновъ, особенно у хетитовъ. Все это привело на третьемъ году царствованія Мернепты (1223) къ возста-

[1]) Исх. 1, 11.

[2]) Израильтяне называютъ этотъ городъ просто Рамезесъ (Исх. 1, 11)., а по нему и вся мѣстность называется „страной Рамзеса" (Быт. 47, 11).

нію всей азіатской провинціи въ связи съ нападеніемъ приморскихъ народовъ. Отбросивъ, прежде всего, ливійцевъ, Мернепта направился со своимъ войскомъ на сѣверъ, усмирилъ мятежниковъ и, въ пятомъ году своего царствованія, покорилъ всю Палестину, включая Израиль, который здѣсь впервые упоминается въ не-библейскомъ источникѣ [1]). То были, вѣроятно, объединенные этимъ общимъ именемъ колѣна и роды, которыя, какъ приходится предположить, жили здѣсь уже нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время.

Насколько оживлены и въ эту эпоху были сношенія между Египтомъ и Азіей, насколько желанной и теперь еще, подобно былымъ временамъ, представлялась перспектива найти убѣжище въ Египтѣ,— это мы узнаемъ изъ письма пограничнаго чиновника эпохи царствованія Мернепты. Письмо сообщаетъ о переходѣ границы ордой эдомитскихъ бедуиновъ, пропущенныхъ черезъ одно изъ пограничныхъ укрѣпленій, повидимому, недалеко отъ Питома. Подобно тому, какъ нѣкогда сыны Іакова, и они хотятъ пасти свой скотъ въ мѣстности Питома. Другой документъ, относящійся къ тому же времени, сообщаетъ намъ даже имена, а также и намѣренія переходящихъ границу съ мельчайшими подробностями: изъ всего этого видно, что у правительства здѣсь всякій человѣкъ былъ на учетѣ, и что оно было детальнѣйшимъ образомъ освѣдомлено обо всѣхъ переходящихъ египетскую границу въ томъ или иномъ направленіи.

Мернепта умеръ около 1215 года. Преемники его превращаютъ Египетъ въ игралище партійныхъ страстей, и въ странѣ скоро на-

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду довольно длинное стихотвореніе на стэлѣ, найденной въ 1896 году близъ Ѳивъ, въ развалинахъ сооруженнаго Мернептой заупокойнаго храма. При использованіи этого памятника необходимо, прежде всего, имѣть въ виду, что это не сообщеніе въ прозѣ, а побѣдная пѣснь. Тѣмъ не менѣе оно подобно Пѣснѣ Деборы и инымъ стихотвореніямъ, сообщаетъ намъ весьма важныя свѣдѣнія. Главная часть стихотворенія прославляетъ побѣду фараона надъ ливійцами. Лишь въ концѣ дѣлается краткій обзоръ другихъ военныхъ подвиговъ Мернепты. Послѣ упоминанія о покореніи племени Хета и разграбленіи „Ханаана", стихотвореніе гласитъ:

Опустошенъ Ханаанъ со всей его злобой,
Въ плѣнъ уведенъ Аскалонъ, схваченъ Гезеръ, Іеноамъ уничтоженъ,
Израиль, людей его мало—сѣмени его не стало болѣе.
Сирія (Хару) стала вдовой для Тамери (поэтическое наименованіе Египта).
Всѣ страны объединены въ мирѣ,
Скованъ всякій, кто бродилъ...
Царемъ Бинере (тронное имя Мернепты), сыномъ солнца, Мернептой.

Подъ „сѣменемъ его" пытались понимать „посѣвъ его", въ чемъ усматривали указаніе на осѣдлый образъ жизни Израиля въ Ханаанѣ. Однако въ дѣйствительности это, вѣроятно, просто ходячее выраженіе, которое должно означать поголовное истребленіе. Такимъ образомъ, изъ этого выраженія нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно состоянія, въ которомъ находился тогда Израиль, и относительно судьбы, постигшей его при нашествіи фараона. Мы вынуждены удовлетвориться констатированіемъ факта существованія въ то время въ Палестинѣ племени или племенной группы, носящей имя „Израиль".

ступаетъ полная анархія, которой и воспользовался, чтобы захватить власть въ свои руки, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сирійцевъ, которые достигли въ Египтѣ высокаго положенія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоему человѣку неизвѣстнаго происхожденія—по имени Сетнехтъ—удалось вскорѣ возстановить порядокъ въ странѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, фараономъ сталъ сынъ его, Рамзесъ III. Онъ царствовалъ приблизительно съ 1198 по 1167 г., открывъ собой длинный рядъ Рамессидовъ (20-ая династія).

При Рамзесѣ III продолжается начавшійся уже при Мернептѣ періодъ натиска приморскихъ народовъ. Въ особенности выдѣляются среди нихъ теперь двѣ группы: Закаль (Закаръ) и Пелешетъ (Пурсати). Послѣдніе извѣстны намъ подъ именемъ „филистимлянъ". Они являются, вѣроятно, съ острова Крита [1]), Закаль же, быть можетъ, изъ Сициліи. Съ ними вмѣстѣ приходятъ родственные имъ народы, въ томъ числѣ, шерды (сардинцы). Всѣхъ ихъ сдвинула съ мѣстъ, вѣроятно, большая волна индо-европейскихъ народовъ. Частью они являются сухимъ путемъ и въ этомъ случаѣ приходятъ съ сѣвера въ среднюю и южную Сирію. Здѣсь они нападаетъ, повидимому, на амореянъ и чинятъ имъ жестокія притѣсненія. Отсюда, сушею и водою, направляются они дальше и начинаютъ грабить египетскую дельту. Кровопролитное сраженіе, данное имъ здѣсь Рамзесомъ, лишь на время спасаетъ страну отъ ихъ нашествія. Все новыя и новыя полчища ихъ подходятъ непрерывно сухимъ путемъ на неуклюжихъ двуколкахъ, запряженныхъ быками, и по водѣ—на судахъ ихъ сильнаго флота. Они, вѣроятно, наводнили всю Сирію на всемъ ея протяженіи отъ сѣвера до юга. Если вѣрно сообщеніе Рамзеса, то они положили конецъ аморейскому царству. Безспорно, во всякомъ случаѣ, то, что и многіе ханаанейскіе городскіе царьки не въ силахъ были противостоять имъ, особенно на побережьѣ. Такимъ образомъ, здѣсь возникаетъ филистимское царство, которое, какъ извѣстно, въ теченіе цѣлаго столѣтія причиняло Израилю весьма серьезныя заботы.

Рамзесъ посылаетъ флотъ въ сирійскіе порты и самъ во главѣ своего войска отправляется сухимъ путемъ въ Сирію. Происходитъ сраженіе, въ которомъ египетскіе наемники—шерды (сардинцы), выдѣляющіеся своими красными шлемами, украшенными рогами, атакуютъ непріятеля съ такой силой, что побѣда остается за Рамзесомъ. Недалеко отъ поля этого сраженія, происшедшаго въ аморейской области, противники встрѣчаются также на морѣ: превосходство и здѣсь остается на сторонѣ египетскаго флота. Такимъ образомъ, Египетъ возвратилъ себѣ Палестину и южную Сирію, и жители ихъ снова становятся данниками и вассалами фараона.

Рамзесу пришлось еще разъ возвратиться на сѣверъ для упроченія своей власти. Въ различныхъ мѣстахъ страны возвелъ онъ рядъ крѣпостей, а также храмъ Амону, у входа въ который сирійскіе князья

[1]) См. выше, стр. 13.

должны были ежегодно складывать причитающуюся съ нихъ дань. Послѣ этого страна успокоилась. Сила хетитовъ была сломлена; амореяне, филистимляне и всѣ остальныя народности, населявшія среднюю и южную Сирію, въ томъ числѣ и израильтяне, платили, вѣроятно, возложенную на нихъ подать, ежегодно принося ее, по крайней мѣрѣ, пока Рамзесъ III былъ живъ. Съ его смертью египетское могущество распалось, и послѣдующіе фараоны врядъ ли были въ состояніи силою оружія вернуть къ себѣ уклонявшихся къ исполненію своихъ обязанностей.

Стэла Мернепты.

Синайская пустыня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эпоха Моисея и Іошуи.

1. Исходъ изъ Египта и странствованіе въ пустынѣ.

Таковъ былъ ходъ событій въ царствѣ фараоновъ въ теченіе того богатаго событіями XIII столѣтія, къ которому относятъ обыкновенно сообщаемые Библіей факты пребыванія Израиля въ Египтѣ и исхода его изъ этой страны. Намъ предстоитъ теперь изслѣдовать библейскія преданія объ этихъ событіяхъ, оцѣнить ихъ достовѣрность и выдѣлить изъ нихъ историческое ядро. Какъ мы видѣли, исторически можно установить, съ одной стороны, существованіе оживленныхъ политическихъ сношеній между страной фараоновъ и сирійскимъ побережьемъ, а съ другой стороны—непрерывный притокъ азіатскихъ кочевниковъ въ богатую долину Нила. Попытаемся выяснить, можетъ ли библейское преданіе, внѣшне облеченное въ форму легенды, содержать въ себѣ нѣкоторое историческое ядро, и въ какую именно эпоху могли совершаться событія, нашедшія въ этомъ преданіи свое отраженіе.

Внѣ Библіи мы располагаемъ однимъ единственнымъ источникомъ, относящимся къ Египту и смежнымъ пустыннымъ странамъ въ моисееву и примыкающія къ ней эпохи: это сообщеніе о пребываніи эберитскихъ племенъ въ Египтѣ, если только историческая достовѣрность его можетъ быть доказана. Всѣ же остальныя сообщенія, исходящія отъ Іосифа Флавія и отъ другихъ писателей болѣе позднихъ эпохъ, представляютъ собою либо лишенныя всякой цѣнности—съ точки зрѣнія исторіи—легенды, либо искаженныя до неузнаваемости воспоминанія о какихъ-то нѣкогда происходившихъ событіяхъ.

Выше мы уже выяснили, что и самое сообщеніе египетскихъ памятниковъ о людяхъ изъ племенъ *апр* (Апуріу) заключаетъ въ себѣ лишь нѣкоторую, хотя и довольно значительную, вѣроятность, и что, во всякомъ случаѣ, это сообщеніе касается не самихъ израильтянъ, а лишь той болѣе обширной племенной группы, въ составъ которой, на ряду съ другими элементами, входили и израильскія колѣна.

Такимъ образомъ, при окончательномъ разрѣшенія всѣхъ возникающихъ вопросовъ, мы, по существу дѣла, вынуждены ограничиться тѣмъ матеріаломъ, который даетъ намъ Библія. Все же, что дошло до насъ изъ внѣ-израильскихъ источниковъ и, прежде всего, изъ Египта, можетъ, помимо только что указаннаго сообщенія, имѣть извѣстное значеніе лишь для освѣщенія, объясненія, самое большее—для подкрѣпленія и болѣе детальнаго обоснованія того, что даетъ намъ Библія.

Отсюда ясно, какое огромное значеніе для древнѣйшей исторіи Израиля имѣетъ правильная оцѣнка библейскихъ текстовъ. Если правильно предположеніе, изъ котораго мы исходимъ въ настоящемъ трудѣ [1]),—а именно, что въ библейскомъ повѣствованіи мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ весьма древнихъ документовъ объ интересующихъ насъ здѣсь событіяхъ, документовъ, которые въ основной своей схемѣ восходятъ ко временамъ Моисея и, во всякомъ случаѣ, легко могутъ быть прослѣжены вплоть до эпохи Судей,—то и тѣ выводы, къ которымъ мы приходимъ на основаніи этого, должны будутъ пріобрѣсти большую степень вѣроятности.

Необходимо, однако, здѣсь же отмѣтить, что какъ разъ по отношенію къ основному вопросу—о б ъ о ц ѣ н к ѣ с а м а г о т е к с т а—ученые и работающіе въ этой области до сихъ поръ д а л е к о е щ е н е п р и ш л и к ъ к а к о м у-н и б у д ь е д и н о м у о б щ е п р и з н а н н о м у м н ѣ н і ю. Поэтому, пока будутъ существовать серьезныя разногласія относительно возраста важнѣйшихъ источниковъ, всегда будутъ находиться серьезные изслѣдователи, высказывающіе сомнѣніе въ томъ, что до насъ дошелъ хотя какой-нибудь документъ отъ моисеевой эпохи, и отрицающіе не только самый фактъ пребыванія Израиля въ Египтѣ и его исхода оттуда, но даже и самое существованіе Моисея, какъ исторической личности. Послѣдующее изложеніе, наоборотъ, исходитъ изъ того предположенія, что основное ядро разсказа о Моисеѣ и о странствованіи евреевъ въ пустынѣ существовало уже въ эпоху судей, и при томъ не въ видѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга разсказовъ, но въ формѣ связной, объединяющей въ цѣлостномъ разсказѣ предшествующія повѣтствованія объ отдѣльныхъ эпизодахъ традиціи, содержащей уже въ себѣ основную схему исторіи странствованія въ пустынѣ.

Какъ мы уже выяснили выше, вѣроятное историческое ядро библейской исторіи Іосифа сводится къ факту переселенія израильскихъ

---

[1]) Подробное изложеніе основной точки зрѣнія Киттеля и позиціи, занимаемой имъ въ современной библейской наукѣ, а также и критическую оцѣнку его воззрѣній читатель найдетъ въ концѣ II тома, въ приложеніи „Библія, какъ историческій памятникъ“. *Ред.*

колѣнъ въ Египетъ. Событіе это мы предположительно отнесли къ Амарнской смутной эпохѣ. Въ дѣйствительности, переселеніе это совершилось, надо думать, путемъ ряда послѣдовательныхъ передвиженій: вѣдь, и по преданію, Іосифъ отправился въ путь первымъ, Іаковъ же послѣдовалъ за нимъ позднѣе. Случаевъ для переселенія эпоха правленія Аменхотепа IV представляла немало. Представлялись они и до него, а также послѣ него при Сети I, при которомъ за прежними пришельцами послѣдовали новыя кочевыя племена изъ пустыни; въ послѣднихъ давно уже усматривали послѣднія орды племени хабири. Если нѣкоторыя изъ будущихъ израильскихъ колѣнъ еще при Тутмосѣ III начали осѣдать въ Ханаанѣ, то къ тому же времени могутъ быть отнесены и первыя попытки проникновенія израильтянъ въ Египетъ во время неурожаевъ въ Ханаанѣ или при другихъ поводахъ, въ связи съ благопріятствующей подобнымъ попыткамъ обстановкой. Наибольшаго развитія стремленія эти достигли, видимо, въ эпоху Амарны.

Утвержденіе или отрицаніе факта угнетенія Израиля въ Египтѣ зависитъ, по существу, отъ рѣшенія вопроса о переселеніи и исходѣ израильскихъ колѣнъ изъ этой страны. На ряду съ этимъ, фактъ этотъ имѣетъ за себя еще одно самостоятельное соображеніе: трудно представить себѣ, чтобы народъ, обладающій, подобно Израилю, столь развитымъ и ярко выраженнымъ національнымъ самосознаніемъ, сочинилъ безъ всякаго основанія въ исторической дѣйствительности позоръ порабощенія или, какъ гласитъ распространенное выраженіе, „домъ рабства“ въ Египтѣ. О причинахъ постепеннаго измѣненія въ отношеніи Египта къ израильтянамъ мы не располагаемъ никакими достовѣрными извѣстіями. Сообщенія на эту тему книги Исходъ отличаются по большей части легендарно-прикрашенными чертами. Тѣмъ не менѣе, сообщеніе о томъ, что чужеземцы принуждались къ тяжкимъ работамъ при сооруженіи городовъ Питома и Рамзеса, производитъ впечатлѣніе вполнѣ правдоподобнаго преданія; пріобрѣтаетъ вѣроятіе и возникшее уже давно предположеніе, что фараономъ, угнетавшимъ Израиля, былъ Рамзесъ II: ибо мы знаемъ, что фараонъ этотъ, дѣйствительно, не только сооружалъ города, но и вообще чрезмѣрно истощалъ рабочія силы своихъ подданныхъ. Такъ какъ Питомъ и Рамзесъ были расположены въ области поселенія пришлыхъ элементовъ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ней, то вся обстановка подтверждаетъ предположеніе, что пришельцамъ, дѣйствительно, пришлось испытать на себѣ все бремя неутомимой строительной энергіи фараона.

Не приходится, слѣдовательно, задумываться надъ причинами, побудившими Израиля покинуть Египетъ. Тяжкое его порабощеніе не могло не перевѣсить всѣхъ выгодъ пребыванія въ области Гошенъ. На ряду съ этимъ, могли играть извѣстную роль и нѣкоторыя иныя причины. Какъ разъ въ то время народы и племена были охвачены сильнымъ движеніемъ. Долговременному энергичному правленію Рамзеса II, несмотря на всѣ усилія, не удалось всецѣло вернуть Египту то положеніе въ Азіи, какое онъ нѣкогда занималъ. Со всѣхъ сторонъ угрожала странѣ фараоновъ высоко поднявшаяся волна народнаго движенія, а самъ

Египетъ именно въ то время не обладалъ ни силой, ни авторитетомъ достаточными для огражденія его безопасности. Уже на третій годъ царствованія Мернепты на него возстала вся азіатская провинція, и, какъ гласитъ его надпись, также „Израиль" въ числѣ другихъ палестинскихъ племенъ и областей. Гошенъ же лежалъ какъ разъ на пути міровыхъ сношеній. Отряды войскъ и гонцы нерѣдко избирали путь черезъ эту пограничную область. Внѣшнія событія не могли оставаться тайной для порабощенныхъ гошенскихъ колѣнъ. Такимъ образомъ, имъ могло сообщиться общее возбужденіе противъ Египта и превратить ихъ во враговъ царства, гостепріимствомъ котораго они нѣкогда охотно пользовались. Одновременно посланцы отъ ихъ ханаанскихъ родичей, о которыхъ упоминаетъ Мернепта, могли призывать ихъ къ сплоченію и побуждать къ использованію благопріятно складывающейся обстановки для бѣгства и поселенія въ Ханаанѣ.

Послѣ всего сказаннаго не можетъ возникать никакого сомнѣнія и относительно личности фараона, при которомъ произошелъ исходъ. Если правильны тѣ данныя, изъ которыхъ мы до сихъ поръ исходили, то рѣчь можетъ идти лишь о Мернептѣ, преемникѣ Рамзеса II. Излюбленный доводъ противъ этой гипотезы состоитъ въ томъ, что, согласно побѣдной надписи Мернепты, Израиль находился въ то время уже въ Ханаанѣ, или же еще совсѣмъ не переселялся въ Египетъ; приведенное выше разъясненіе этой надписи устраняетъ, однако, эти возраженія. „Израиль" въ болѣе обширномъ смыслѣ могъ находиться въ Ханаанѣ и во время пребыванія нѣкоторыхъ колѣнъ его въ Египтѣ. Такимъ образомъ, исходъ изъ Египта надлежитъ отнести приблизительно къ 1220 году.

Израильская легенда повѣтствуетъ о преслѣдованіи выселяющихся Израильтянъ фараономъ, находившимся во главѣ своего войска. Если отбросить обычныя легендарныя прикрасы, то преслѣдованіе скромнымъ отрядомъ расположенныхъ на восточной египетской границѣ войскъ не представляется невозможнымъ. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить еще вымыселъ легенды относительно гибели фараона и его войска въ волнахъ Чермнаго моря, послужившей поводомъ къ составленію побѣдной пѣсни (Исх. 15), принадлежащей къ древнѣйшимъ образцамъ израильской поэзіи:

Воспойте Іагве, высоко вознесся онъ,
Коня и всадника низринулъ онъ въ море! [1])

Къ прочно установленнымъ элементамъ древнѣйшаго преданія относится извѣстіе о пребываніи Израиля въ Кадешѣ. Мѣстонахожденіе этой мѣстности, благодаря описаніямъ путешественниковъ, установлено вполнѣ точно. Это—нынѣшній Айнъ Кдесъ (Кадисъ), расположенный приблизительно въ 80 килом. къ юго-западу отъ Биръ эсъ-Себа (Беэръ-Шеба), среди обширной долины, окруженной холмами; ея протяженіе съ востока на западъ равняется небольшому дневному пе-

[1]) Отъ этой побѣдной пѣсни въ первоначальномъ ея видѣ остался только этотъ стихъ (въ обоихъ его варіантахъ, Исх. 15, 1 и 21); все остальное (Исх. 15, 2 и слѣд.) представляетъ собою значительно болѣе позднюю переработку пѣсни въ духѣ псалмовъ. *Ред.*

реходу; долина эта, такимъ образомъ, достаточно велика, чтобы служить мѣстомъ стоянки для значительнаго числа людей [1]). Въ серединѣ ея тянется широкая плодородная рѣчная ложбина, въ которой возможно хлѣбопашество. Мѣстность поросла деревьями и оживляется пѣніемъ птицъ, „тучныя поля, на которыхъ произрастаютъ пшеница и ячмень, покрываютъ значительную часть ея“ (Clay-Trumbull). Въ восточной части долины ручей сильнымъ потокомъ выбивается изъ скалы, нѣсколько колодцевъ принимаютъ воду въ свои берега. Все въ цѣломъ представляетъ собою оазисъ съ роскошной растительностью, наиболѣе орошенное и потому наиболѣе плодородное мѣсто во всей окрестности [2]).

Уже изъ самаго названія видно, что здѣсь издревле находилось священное мѣсто. Легенда, согласно которой Моисей извлекаетъ воду изъ скалы, очевидно, примыкаетъ къ этой святынѣ: священный источникъ почитается особымъ даромъ божества. Въ связи съ этой легендой источникъ получаетъ наименованіе Мериба, или „Источникъ Раздора“, называютъ его также Масса, или „Источникомъ Испытанія“. Если принять во вниманіе, что мѣстность эта именуется также (Быт. 14, 7), „Источникомъ суда“ (עין משפט), то представляется вѣроятнымъ, что обозначеніе Мериба также имѣло нѣкогда значеніе источника суда, или мѣста правосудія. Священный источникъ искони былъ, слѣдовательно, также мѣстомъ отправленія правосудія для живущихъ здѣсь, а, быть можетъ, и для многочисленнаго окрестнаго населенія. Всякій, кому приходилось искать правосудія въ обширной пустынѣ, если только онъ принадлежалъ къ числу почитателей святыни, встрѣчался, вѣроятно, со своими противниками у священнаго источника и вымаливалъ здѣсь разрѣшенія тяжбы у мѣстнаго божества, Эля Кадешъ-Мериба или Мерибатъ-Кадешъ.

Такимъ образомъ, Кадешъ уже, вѣроятно, съ давнихъ поръ былъ центромъ культа, распространявшимъ свою сферу дѣйствія на значительное пространство и объединявшимъ значительное число обитавшихъ въ пустынѣ племенъ. Существованіе подобной святыни, являющейся одновременно средоточіемъ суда, предполагаетъ, конечно, извѣстную связь между племенами, нѣкоторыя союзныя отношенія, скрѣпленныя опредѣленнымъ ритуаломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобныя святыни являются обыкновенно опорой для опредѣленныхъ жреческихъ родовъ, являющихся обладателями священнаго мѣста и хранителями искусства прорицанія и суда. Обычно также въ священномъ мѣстѣ встрѣчаются всѣ приверженцы союзнаго культа въ опредѣленные сроки во время большихъ празднествъ, совпадающихъ съ годовыми ярмарками.

---

[1]) Слѣдуетъ помнить, все же, что рѣчь идетъ о пустынѣ, и что количество людей, могущихъ найти здѣсь убѣжище, было всегда ограничено.

[2]) Само собою разумѣется, что появленіе колѣнъ Израилевыхъ должно было вызвать недовольство со стороны населенія пустыни и не могло не наткнуться на сопротивленіе; вотъ почему извѣстіе о нападеніи на израильтянъ кочевавшихъ въ окрестностяхъ Кадеша амалекитянъ (Исх. 17, 8 и сл.) вполнѣ правдоподобно и соотвѣтствуетъ историческимъ условіямъ мѣстности.

Въ районѣ того священнаго источника, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, находились также гора Синай и территорія племени Мидіанъ. Мидіанитскіе жреческіе роды, главой которыхъ почитался Регуэль (Іетро) [1]), повидимому, были и владѣльцами этой святыни, а божествомъ священной горы, на которой росъ священный кустарникъ, былъ, навѣрное, никто иной, какъ Эль Кадеша. Къ этому жреческому кругу принадлежитъ и Моисей изъ рода Леви, который, согласно преданію, породнился съ мидіанитскими жрецами.

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы уже находимся вполнѣ на исторической почвѣ. Названіе Кадешъ и то выдающееся мѣсто, которое онъ занимаетъ въ преданіи о пребываніи израильскихъ племенъ въ пустынѣ, служатъ намъ порукой того, что здѣсь имѣлась древняя святыня, во главѣ которой стоялъ знатный жреческій родъ, и что въ этомъ святилищѣ уже въ сѣдую старину происходили событія, имѣвшія рѣшающее значеніе для израильскаго народа.

Левитъ Моисей является въ Мидіанъ и, слѣдовательно, также и въ Кадешъ, къ обитающимъ тамъ жрецамъ, во власти которыхъ находилось святилище. Отъ рожденія ни самъ онъ, ни вообще левиты не имѣютъ ничего общаго съ Кадешомъ. Послѣдніе, какъ мы знаемъ, представляли собою одно изъ колѣнъ, происходившихъ отъ Ліи, притомъ самое древнее и значительное изъ нихъ, и переселились одновременно съ колѣномъ Іосифа или вскорѣ послѣ него въ Египетъ. Возможно, что здѣсь, въ Кадешѣ, они подъ вліяніемъ и по иниціативѣ тамошнихъ жреческихъ родовъ были посвящены въ жречество кадешскаго Эля и такимъ образомъ тоже стали жрецами; съ самаго начала, однако, они таковыми не были.

Очевидно, между Кадешомъ и его жреческимъ сословіемъ, съ одной стороны, и находящимся въ Египтѣ Израилемъ, съ другой, уже издавна существовали сношенія, посредниками въ которыхъ, по всей вѣроятности, были левиты. Торжество, для празднованія котораго Израиль собирается отправиться въ трехдневное путешествіе въ пустыню (Исх. 7, 16; 8, 23, и др.), было, несомнѣнно, однимъ изъ празднествъ, регулярно совершавшихся въ Кадешѣ, быть можетъ, Пасха, древній пастушескій праздникъ приношенія первенцовъ, установленный для огражденія стадъ отъ власти злыхъ духовъ. Но подобныя отношенія можно представить себѣ лишь освященными и скрѣпленными священными обрядами и, слѣдовательно, союзомъ. Роды, приходящіе въ Кадешъ изъ Египта, и другіе, родственные имъ по происхожденію, находящіеся уже въ Кадешѣ, сплачиваются при этомъ въ одно цѣлое, объединяемое не однимъ лишь кровнымъ родствомъ, но и общностью религіи.

Не исключается возможность и того, что странствующія колѣна еще здѣсь, въ пустынѣ, имѣли обычай носить съ собою подвиж-

[1]) Встрѣчающееся третье наименованіе тестя Моисея, Хобабъ (Суд. 4,11), можно, пожалуй (согласно Числ. 10, 26), считать именемъ одного изъ сыновей Регуэля и, слѣдовательно, шурина Моисея. Такъ что, въ общемъ, можно сказать, что, по всей вѣроятности, въ то время въ Мидіанѣ были два главаря: Регуэль-Іетро и Хобабъ.

ную святыню, помѣщаемую для сохранности въ особую палатку. Во всякомъ случаѣ **ковчегъ Іагве**, появленіе котораго преданіе относитъ къ эпохѣ Моисея, по всему своему характеру представляетъ собою настоящее переносное святилище, которое въ древнѣйшей своей формѣ, какъ надо допустить, скорѣе всего и возникло въ пустынѣ [1]).

На вопросъ о продолжительности пребыванія Израиля въ Кадешѣ библейское повѣствованіе въ нынѣшнемъ его видѣ не даетъ намъ яснаго отвѣта. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что, согласно древнѣйшей формѣ легенды, главный періодъ пребыванія въ пустынѣ совпадаетъ съ эпохой поселенія колѣнъ въ районѣ священнаго источника. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой возможности опредѣлить длительность этого пребыванія. Врядъ ли правильно показаніе легенды, опредѣляющее это время однимъ человѣческимъ поколѣніемъ. Исходя изъ того, что руководитель исхода и странствованія въ пустынѣ отходитъ къ праотцамъ, не достигнувъ конечной цѣли странствія, и что его замѣщаетъ представитель болѣе молодого поколѣнія, легенда дѣлаетъ вполнѣ понятный съ ея точки зрѣнія выводъ, что вмѣстѣ съ вождемъ должно было вымереть и все современное ему поколѣніе, прежде чѣмъ слѣдующему удалось увидѣть обѣтованную землю.

Съ пребываніемъ въ Кадешѣ древнѣйшее преданіе связываетъ стоянку Израиля у горы Синая, при чемъ, однако, отношеніе между обоими фактами здѣсь не вполнѣ выяснено. Обѣ мѣстности слишкомъ удалены отъ Палестины, даже отъ южныхъ областей ея, чтобы въ эпоху судей или царей, къ которой мы относимъ настоящее преданіе въ древнѣйшемъ его видѣ, могло составиться вполнѣ точное представленіе объ условіяхъ мѣстности. Врядъ ли кто-либо изъ разсказчиковъ библейскихъ пре-

[1]) Ковчегъ Іагве принадлежитъ къ типу хорошо извѣстныхъ намъ изъ древности переносныхъ святынь. Названіе „аронъ" (ארון) означаетъ ящикъ, ларь. Іагве мыслится обитающимъ въ этомъ ларѣ, или ковчегѣ; въ другихъ случаяхъ говорится, что ковчегъ является мѣстопребываніемъ „лица" Іагве (פנים). Такъ какъ Израиль всюду носитъ съ собою ковчегъ, то и лицо Іагве всюду слѣдуетъ за нимъ. Этимъ опровергается не разъ высказывавшееся мнѣніе, будто ковчегъ былъ своего рода фетишемъ: ковчегъ лишь внѣшне отожествляется иногда съ самимъ Іагве (наприм., I Сам. 4, 7; 6, 19), при болѣе же точномъ словоупотребленіи они всегда различаются (I Сам. 3, 3 и сл.). Равнымъ образомъ ковчегъ и не заключалъ въ себѣ фетиша, напримѣръ, метеоритовъ или камней съ Синая. Трудно допустить, чтобы ковчегъ былъ воспринятъ Израилемъ впервые въ Ханаанѣ уже въ вилу того, что, въ качествѣ святыни переносной, онъ всецѣло проникнутъ характеромъ святыни **кочевого** народа. Хотя по происхожденію своему ковчегъ и представляетъ собою не тронъ, а вмѣстилище божества, онъ все же рано пріобрѣлъ у израильтянъ характеръ святыни-трона. Это объясняется, быть можетъ, вліяніемъ весьма распространенныхъ на востокѣ представленій о божественныхъ (не занятыхъ) тронахъ. Тѣмъ легче могло это случиться, что и алтарь считался собственно трономъ бога. Призывныя слова въ Числ. 10, 35 и сл. изображаютъ ковчегъ именно, какъ тронъ: когда поднимался ковчегъ въ путь, Моисей говорилъ: „Встань, Іагве, и да разсѣются враги твои, и да разбѣгутся недруги твои передъ лицомъ твоимъ!". А когда ковчегъ останавливался, Моисей говорилъ: „Возсядь, Іагве, и благослови миріады Израиля!". Впослѣдствіи ковчегъ въ видѣ трона былъ снабженъ херувимами, на которыхъ возсѣдалъ Іагве. Въ ковчегъ для **скрижалей закона**, святыня эта превратилась лишь въ третьемъ періодѣ своего развитія (см. объ этомъ ниже).

даній бывалъ самъ на мѣстѣ. Этимъ и объясняется большая неясность въ изображеніи хода событій. Не слѣдуетъ, однако, считать, что Синай находится далеко отъ Кадеша, и что легенда оперируетъ здѣсь неизмѣримыми разстояніями[1]). Во всемъ преданіи о Моисеѣ священная божественная гора представляетъ собою такой же прочный элементъ, какъ и священный источникъ Кадеша, и мы столь же мало можемъ представить себѣ Израиль періода странствія въ пустынѣ безъ одного изъ этихъ элементовъ, какъ и безъ другого. Исторически дѣло обстояло, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: святыня Кадеша пріобрѣла цѣну въ глазахъ Израиля черезъ посредство еще ранѣе попавшихъ сюда левитовъ, тогда какъ священная гора Синай была мѣстомъ чрезвычайныхъ переживаній ихъ вождя Моисея, почему и стала для колѣнъ Израилевыхъ самостоятельной цѣлью странствованія. Культъ Іагве, особеннаго бога Израиля, находится въ тѣснѣйшей связи съ пребываніемъ на Синаѣ.

Если правильно предположеніе, что общій сдвигъ народовъ, находящійся въ связи съ натискомъ приморскихъ племенъ, послужилъ толчкомъ и къ исходу Израиля изъ Египта (см. выше, стр. 157), то Кадешъ и Синай не могли представлять собой конечной цѣли странствія израильтянъ. Если, съ другой стороны, признать правильнымъ высказанное нами выше предположеніе о нахожденіи въ Ханаанѣ израильтянъ и до прибытія туда кочующихъ по пустынѣ колѣнъ, то становится вполнѣ вѣроятнымъ, что Израиль пустыни не только стремился дальше Кадеша и Синая, но что цѣлью его странствованія была „страна праотцевъ", Ханаанъ.

Между тѣмъ нѣкоторыя родственныя Израилю кочевыя племена успѣли, повидимому, осѣсть въ южной части Ханаана, чѣмъ для будущаго вторженія израильтянъ былъ созданъ важный опорный пунктъ. Для всей массы переселяющихся племенъ путь этотъ оказался, однако, недоступнымъ: опытъ показалъ, что воинственныя племена, издавна обитавшія на южныхъ склонахъ Іудейской возвышенности, представляли собою весьма внушительную силу, съ которой Израилю серьезно приходилось считаться.

Событія, происходившія въ то время на исторической аренѣ государствъ, граничащихъ съ Ханааномъ, очевидно, не оставались тайной и для скромныхъ обитателей пустыни. Вѣсть объ одномъ изъ такихъ событій легко могла донестись до израильскихъ кочевниковъ, и они могли усмотрѣть въ немъ какъ бы указаніе на то, что настала, наконецъ, пора, когда они сумѣютъ осуществить свою завѣтную мечту, и когда хотя бы части народа удастся прочно осѣсть въ культурной области, на краю которой они издавна кочевали. Вѣсть эта указывала имъ на востокъ отъ Іордана, какъ на самый вѣрный путь къ достиженію цѣли. Гро-

[1]) Быть можетъ, историческій Синай былъ расположенъ неподалеку отъ Кадеша, въ пустынѣ къ юго-востоку отъ эдомитской территоріи. Хоребъ же, врядъ ли уже съ самаго начала совпадавшій съ Синаемъ, мы должны были бы въ такомъ случаѣ искать въ южной части Синайскаго полуострова. Но въ Израилѣ, вѣроятно уже рано утратилось правильное понятіе о мѣстѣ нахожденія Синая, и онъ былъ отождествленъ съ наивысшей вершиной полуострова, Хоребомъ.

мадный потокъ народовъ, устремившихся съ сѣвера на югъ, создалъ въ описываемую эпоху положеніе, однимъ изъ послѣдствій котораго было оттѣсненіе образовавшагося на сѣверѣ Палестины аморейскаго государства все далѣе и далѣе на югъ: слухъ объ этомъ происшествіи, повидимому, явился однимъ изъ самыхъ сильныхъ толчковъ, побудившихъ израильскія колѣна сплотиться и, въ свою очередь, вмѣшаться въ ходъ политическихъ событій [1]).

Еще во времена Сети I, за два поколѣнія до разсматриваемой нами эпохи, то самое государство Амурру, которое было основано въ эпоху Эль-Амарны, вновь заставило о себѣ говорить. Продолжавшійся упадокъ египетской державы въ періодъ времени, послѣдовавшій послѣ эпохи Амарны, далъ возможность правителямъ этой страны совершенно отложиться отъ Египта. Государство Амурру, быть можетъ, уже въ тѣ времена простиралось до самой Галилеи и сѣверныхъ склоновъ возвышенности Эфраимъ. Однако, временный успѣхъ Сети I, по всей вѣроятности, заставилъ амореевъ еще нѣкоторое время, хотя бы внѣшне, оставаться вѣрными Египту. Вскорѣ послѣ этого, однако, они попадаютъ въ вассальную зависимость отъ хетитовъ, но сохраняютъ полную свободу дѣйствій. Далеко вглубь сирійской пустыни и вплоть до границъ упавшаго до положенія незначительнаго мелкаго государства Вавилона простиралось государство Амурру, внушавшее страхъ своимъ близкимъ и дальнимъ сосѣдямъ и нераздѣльно властвовавшее въ районѣ между культурной областью, съ одной стороны, и находящейся на востокѣ пустыней—съ другой.

Создавшееся здѣсь, такимъ образомъ, положеніе вещей побуждаетъ Израиля обратить свои взоры на сѣверо-востокъ, вмѣшаться въ возникшія въ восточномъ Пріорданьѣ распри и, обойдя эдомитскія и моабитскія области, напасть непосредственно на амореевъ съ цѣлью овладѣть частью недавно доставшейся имъ территоріи. Этимъ былъ положенъ конецъ кочевому періоду — времени странствованія въ пустынѣ.

Ковчегъ (реконструкція по Бенцингеру).

[1]) Отзвукъ передвиженія на югъ аморейскаго государства можно видѣть въ отрывкѣ древней пѣсни Числъ, 21, 27—30, изъ котораго явствуетъ, что при царѣ Сигонѣ аморейское царство продвинулось до Іаббока и подчинило себѣ моабитянъ. Въ той же главѣ кн. Числъ, въ связи съ пѣсней, разсказывается о столкновеніи и побѣдѣ Израиля надъ Сигономъ, который не хотѣлъ пропустить израильскія племена чрезъ свою область.

Такъ наз. „источникъ Моисея" въ Синайской пустынѣ.

2. Вопросъ о Моисеѣ и его религіозномъ творчествѣ.

Дѣло освобожденія Израиля, предводительство имъ во время странствованія въ пустынѣ и установленіе основъ его культа и религіи преданіе, какъ извѣстно, приписываетъ Моисею. Съ исполинской, преисполненной энергіи и рѣшимости фигурой Моисея преданіе связываетъ представленіе объ освободителѣ народа отъ египетскаго рабства, основателѣ его народнаго быта, о пророческомъ родоначальникѣ израильской религіи. Естественно, что прежде всего возникаетъ вопросъ, находимся ли мы здѣсь на твердой исторической почвѣ, или же фигура Моисея является лишь плодомъ и созданіемъ творческой легенды, поставившей этотъ лучезарный образъ въ началѣ народной исторіи.

Выше мы видѣли, что въ исторіи исхода и странствованія по пустынѣ имѣется рядъ основныхъ моментовъ, оказавшихся исторически вполнѣ достовѣрными. Израиль, дѣйствительно, покинулъ Египетъ, перешелъ черезъ Чермное море, дошелъ до Кадеша и до подножія Синая, гдѣ было положено начало его позднѣйшему національно-религіозному укладу; затѣмъ ему пришлось еще нѣкоторое время продолжать свой кочевой образъ жизни, пока онъ, наконецъ, не добрался до восточной границы Ханаана—конечной цѣли его долгихъ скитаній. Если достовѣрность всѣхъ этихъ разсказовъ, въ общемъ, не подлежитъ сомнѣнію, то тѣмъ самымъ выдвигается вслѣдъ затѣмъ вопросъ о **личности**, при помощи которой можно было бы связать и объяснить всѣ эти разрозненные факты и событія, личности на подобіе той, какой источники изображаютъ намъ Моисея. Ибо то, что собой представлялъ Израиль въ Египтѣ, въ дѣйствительности было очень

мало похоже на народъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: народъ, какъ нѣчто цѣлое и единое, долженъ былъ еще создаться. Въ угнетенную и порабощенную массу, которой угрожала опасность совершенно утратить сознаніе своей личности, предстояло вдохнуть сознаніе ея національнаго единства и самоутвержденія. Подобныя вещи не совершаются сами собой. Процессъ этотъ можетъ совершиться лишь въ томъ случаѣ, если позади распыленной массы, въ качествѣ движущей силы, стоитъ личность, далеко переросшая всѣхъ окружающихъ и со священнымъ воодушевленіемъ раздувающая въ цѣлое пламя таящуюся въ современникахъ искру народнаго самосознанія. Во время исхода своего изъ Египта и въ Кадешѣ Израиль сталъ **народомъ**[1]): сдѣлалъ же его таковымъ Моисей.

Припомнимъ, наконецъ, самый исходъ и событія у Синая. Странствованіе изъ Египта по пустынѣ, борьба съ преслѣдующими израильтянъ египтянами и съ преграждающими имъ путь амалекитянами и различныя другія препятствія, встрѣченныя въ пустынѣ,—все это требовало для своего преодолѣнія твердаго, единаго руководителя. Неорганизованная масса эберитскихъ племенъ, которую Моисей засталъ въ Египтѣ, и которая примкнула къ нему, не справилась бы со всѣми этими трудностями, если бы она была предоставлена самой себѣ. Требовался **вождь**, способный властвовать надъ толпой, сплачивать воедино строптивые элементы, ободрять робѣющихъ, обороняться отъ враговъ, улаживать споры—словомъ геніальный руководитель, осторожный военачальникъ и судья, рѣшительный смѣлый патріотъ во главѣ имъ же созданнаго народа.

Наконецъ, преобразованіе израильской религіи еще менѣе, чѣмъ всѣ перечисленныя пріобрѣтенія того времени, мыслимы внѣ связи съ пророческой личностью. Коренныя новообразованія въ области религіи и народнаго быта всего менѣе способны совершаться безъ всякаго внѣшняго побужденія, изъ глубины народной жизни сами собой. Эти новыя идеи долго дремлютъ въ тиши, но не пробиваются на поверхность до тѣхъ поръ, пока до глубины души охваченная этими идеями личность не ощутитъ ихъ въ себѣ, не подхватитъ и не возвѣститъ окружающимъ,—личность, которая, такимъ образомъ, становится религіознымъ и нравственнымъ героемъ, **пророкомъ** своего народа. Самое имя Моисея не относится къ существу дѣла. Если этого вождя измыслила легенда, то его мѣсто долженъ занять другой. Но такъ какъ имя это подкрѣпляется многочисленными свидѣтельствами, къ тому же и звучитъ совсѣмъ не поеврейски[2]), то мы имѣемъ полное основаніе сохранить его.

---

[1]) Можно, конечно, спорить о выраженіи „народъ". Въ сплоченную націю съ подлинной національной жизнью Израиль обратился впервые, благодаря царской власти. Но этимъ доказывается лишь то, что послѣ смерти Моисея колѣна вновь почти совершенно утратили идею единства. Что эта идея, хотя и въ скрытомъ состояніи, продолжала жить, видно изъ сплоченія во имя Іагве при Деборѣ.

[2]) Моисей по-египетски значитъ „дитя". Это то же самое слово, которое входитъ въ составъ такихъ египетскихъ именъ, какъ, напр., Тутмосъ, Ахмосъ и др.

Итакъ, если Моисей представляетъ собою историческую личность то таковой онъ можетъ почитаться всего болѣе благодаря своему религіозно-нравственному творчеству. Къ этой области относятся наиболѣе грандіозныя, плодотворныя и долговѣчныя изъ всѣхъ твореній Моисея. Отсюда выросло впослѣдствіи то народное единство, которое создалось временно подъ давленіемъ событій и мощнаго обаянія личности Моисея. На основѣ этого единства зиждилась впослѣдствіи государственная жизнь Израиля. И когда послѣдняя вскорѣ вновь рушилась, единство все же сохранилось. Посреди потрясающихъ ударовъ судьбы, разразившихся надъ израильскимъ народомъ на протяженіи столѣтій его исторіи, оно сохранило націю въ теченіе долгаго времени, сохранило ее отъ гибели и до настоящаго времени. И когда національное государство давно уже перестало существовать, и народъ былъ осужденъ на разсѣяніе и на безплодныя стремленія и мечты, оно же породило новые жизнеспособные ростки, завоевавшіе весь міръ.

Чѣмъ объясняется эта загадка исторіи? Конечно, не стремленіемъ Моисея создать міровую религію, но и не особенно счастливой по сравненію съ другими народами судьбой, не особенно благопріятными условіями. Ибо внѣшнія условія жизни другихъ народовъ, обладавшихъ несравненно большимъ могуществомъ, подчинявшихъ себѣ другіе народы и страны, представляли несравненно болѣе благопріятныя условія для распространенія и увѣковѣченія ихъ религіи. Почему же не получили такого значенія религія страны фараоновъ, или Вавилона, религіозныя системы аморитянъ, филистимлянъ или мореходовъ-ханаанеянъ? Очевидно, въ религіи Моисея съ самаго начала было заложено нѣчто такое, что давало ей способность къ особому развитію. Ей должна была быть свойственна особая сила, давшая ей возможность, несмотря на неблагопріятныя условія, вопреки слабости, а позже вопреки самому крушенію націи, въ концѣ концовъ, побороть всѣ препятствія, преодолѣть и заставить служить себѣ даже неблагопріятные факторы и такимъ образомъ сохранить свое существованіе и своеобразіе. А это значитъ, что уже самъ Моисей создалъ и вручилъ своему народу нѣчто такое, что возвышало его вѣру надъ религіей всѣхъ другихъ народовъ, и дѣлало ее чище, плодотворнѣе и способнѣе къ развитію. Въ чемъ заключалось это „нѣчто" — этотъ вопросъ намъ придется рѣшить.

Со временъ Ватке, Кюнена, Дума, Велльгаузена и Штаде принято считать установленнымъ, что такъ называемый этическій монотеизмъ Израиля, находящій свое все болѣе и болѣе полное и совершенное выраженіе въ проповѣди пророковъ, начиная съ Амоса и Гошеи, былъ произведеніемъ исключительно этой эпохи „письменныхъ" пророковъ. Пророческая религія представляется развитіемъ вѣрованій Израиля предшествующаго, допророческаго періода, развитіемъ, происходившимъ подъ вліяніемъ событій міровой исторіи.

И дѣйствительно, врядъ ли можно отрицать, что религія древняго періода, не исключая и религіи Моисея, была по сравненію съ религіей пророческой эпохи во многихъ отношеніяхъ болѣе примитивна. Понятіе вселенной и мірозданія, столь трагически познанное пророками

подъ безжалостными ударами судьбы, было еще совершенно чуждо Моисею и его народу. Пророки впервые противоставили земному царю царя вселенной, владыку міра Іагве, и царству человѣческому—другое царство, царство божіе. И если умственный кругозоръ Моисея не знаетъ еще вселенной и міра, то столь же чуждо должно быть ему и представленіе о божественномъ, нравственномъ міропорядкѣ, являющееся краеугольнымъ камнемъ пророческаго міровоззрѣнія. Лишь исходя изъ противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, лишь подъ ударами жестокихъ испытаній своей эпохи познали эту идею пророки, обрѣли ее въ поискахъ гармоніи и примиренія суровой, безнадежной для Израиля дѣйствительности съ идеей своего Бога.

Но столь же неосновательно было бы толковать прогрессъ, сдѣланный въ развитіи моисеевыхъ идей послѣ Моисея пророками и ихъ учениками, въ томъ смыслѣ, что весь древній періодъ, включая сюда и эпоху Моисея, былъ періодомъ простой религіи природы, и что вся заслуга Моисея заключалась лишь въ въ томъ, что онъ объединилъ израильскія племена посредствомъ единаго культа Іагве, до тѣхъ поръ почитавшагося только однимъ или нѣсколькими племенами, такъ что „Іагве сталъ богомъ Израиля, и Израиль—народомъ Іагве". Если бы это было такъ, то было бы непонятно, какъ значеніе религіи для Израиля уже въ древнее время, такъ и грандіозное развитіе ея, о которомъ только что говорилось. И прежде всего нельзя было бы уяснить себѣ, почему Кемошъ, Милкомъ, Ваалъ или даже Аммонъ-Ре оказались безсильными отвоевать у Іагве его первенство.

Изложенная точка зрѣнія упускаетъ изъ виду два момента. Вопервыхъ, пророки, сознательно стремясь приспособить древнюю религію Израиля къ новымъ условіямъ, выступаютъ, по ихъ же признанію, въ роли *сохранителей* и *обновителей* старой вѣры, отнюдь не стремясь къ созданію новой. Они постоянно подчеркиваютъ, что возвѣщаемыя ими требованія стоятъ въ полномъ согласіи съ извѣстной народу и давно ему данной торой תורה Іагве [1]). Съ другой стороны, безусловно нельзя, какъ это часто дѣлается за послѣднее время, сводить весь допророческій періодъ въ одно цѣлое и, какъ таковое, противопоставлять его эпохѣ пророческой. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что въ эпоху судей и первыхъ царей Израиль воспринялъ многіе элементы ханаанейской религіи. Но это не даетъ все-же права игнорировать, что эта эпоха, сравнительно съ моисеевой, представляла во многихъ отношеніяхъ извѣстный упадокъ, вызванный сліяніемъ іагвизма съ элементами ханаанейской религіи.

Эпоха Моисея и его творчество должны быть понимаемы сами по себѣ и сообразно съ присущими имъ силами. Путь къ такому пониманію, не слишкомъ легкій, но все же достаточный, могутъ дать намъ источники моисеевской исторіи. Въ Кадешѣ и у кенитскихъ жрецовъ Мидіана Моисей познакомился, быть можетъ, съ богомъ Кадеша,

---

[1]) Ср. выраженія въ родѣ Ам. 2, 4: Іуда отвергъ тору Іагве; Гош. 2, 15: Израиль забылъ Іагве; 4, 6: онъ забылъ тору бога своего; 8, 12: Іагве далъ Израилю много „торъ"; Мих., 6, 8: человѣку повѣдано, чего требуетъ Іагве.

способомъ его почитанія и тайнами его пророческой мудрости, быть можетъ, и со священнымъ ковчегомъ этого божества. Во что Моисей превратилъ этого кадешскаго Эля, или вѣрнѣе, чѣмъ сталъ для него этотъ Эль на вершинѣ Синая, этого конструировать нельзя ни путемъ ретроспективнаго метода, ни путемъ изслѣдованія домоисеевскихъ вѣрованій. Рѣшающимъ моментомъ для нашего вопроса является декалогъ (десять заповѣдей), который почти всѣми изслѣдователями относится къ эпохѣ Моисея. Изъ его содержанія мы можемъ вывести оригинальные элементы религіознаго творчества Моисея. Въ томъ видѣ, въ какомъ декалогъ читается въ настоящее время въ Библіи, онъ обросъ обильными пояснительными добавленіями; въ первоначальномъ видѣ десять заповѣдей, устанавливающія отношенія между Іагве и народомъ, должны были гласить слѣдующее [1]):

I. Я Іагве, твой богъ; ты не долженъ имѣть другихъ боговъ, кромѣ меня.

II. Не дѣлай себѣ никакого изображенія божества.

---

[1]) См. Исх., 20, 2—17. Въ гл. 34, 11—26 той же книги имѣется другой декалогъ, въ переработанномъ видѣ, примѣнительно къ условіямъ осѣдлой жизни въ Ханаанѣ. Нерѣдко, правда, предполагали, слѣдуя за Гёте, что древнѣйшій декалогъ вообще не можетъ быть установленъ, такъ какъ на таковую роль претендуетъ и Исх. 34, 11—26. Этотъ краткій законодательный сборникъ содержитъ, однако, 12 или 13 постановленій, которыя лишь насильственно могутъ быть сведены къ 10 формуламъ. Указывалось далѣе, что основной законъ съ преимущественно этическимъ содержаніемъ не могъ возникнуть въ древне-израильскій періодъ, ибо по общимъ законамъ исторіи религій обрядовыя нормы предшествуютъ во времени этическимъ. Уже по одному этому основанію Исх. 34,11—26 нѣкоторыми учеными считается древнѣе Исх., гл. 20. Однако общія разсужденія о возможномъ и невозможномъ гораздо менѣе уясняютъ дѣло, чѣмъ разсмотрѣніе фактическихъ обстоятельствъ. Именно изъ того, что право и мораль въ Израилѣ приписываются дѣятельности божества, представляется вполнѣ понятнымъ, что и божественный законъ съ самаго начала содержитъ въ себѣ не только богослужебныя предписанія, но касается и области этики. Аналогіи лучше общихъ положеній показываютъ намъ, что это вовсе нельзя считать ненормальнымъ для моисеевой эпохи. Египетская Книга Мертвыхъ въ 125 главѣ содержитъ текстъ исповѣди, которую долженъ произнести умершій передъ 42 судьями на судѣ Озириса. Если придать этому тексту вмѣсто формы исповѣди форму велѣній, мы получимъ не что иное, какъ моральный кодексъ. Мы находимъ здѣсь фразы въ родѣ слѣдующихъ: я не убивалъ, я не подстрекалъ къ убійству, я не нарушалъ брака, я не кралъ, я не говорилъ ложнаго. То же самое можно сказать и о вавилонскихъ заклинаніяхъ. Они примѣнялись для освобожденія отъ проклятій и обращаютъ къ божеству вопросъ, совершилъ ли подпавшій подъ проклятіе тотъ или иной грѣхъ. И здѣсь вопросительная форма можетъ быть замѣнена повелительной, мы получимъ тогда религіозный и моральный кодексъ той эпохи. Мы находимъ здѣсь такіе вопросы: презиралъ ли онъ отца и мать? говорилъ ли онъ на „нѣтъ"—„да"? проливалъ ли онъ кровь своихъ товарищей? были ли уста его прямы, а сердце его лживо? Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, приходится прямо признать: то, что извѣстно было въ качествѣ отрывковъ моральнаго кодекса древнему Вавилону и Египту въ до-моисееву и моисееву эпохи, не можетъ почитаться невозможнымъ и для моисеевскаго времени; вообще нѣтъ никакого основанія относить тѣ или иныя изреченія не къ моисеевой, а къ какой либо позднѣйшей эпохѣ только на томъ основаніи, что изреченія эти этическаго содержанія. Среди аргументовъ противъ моисеевaго

III. Не призывай преступно [1]) имени Iагве, бога твоего.
IV. Помни день субботній, чтобы праздновать его.
V. Почитай отца и мать.
VI. Не убивай.
VII. Не нарушай (вѣрности) брака.
VIII. Не кради.
IX. Не говори ложнаго свидѣтельства противъ твоего ближняго.
X. Не желай дома твоего ближняго.

Форму отношеній между Моисеемъ и народомъ, съ одной стороны, и божествомъ—съ другой, приходится понимать какъ союзъ, или договоръ (ברית), т.-е. такъ, что отношенія, соединяющія обѣ стороны, завязываются въ тѣхъ же формахъ, при посредствѣ которыхъ заключаются договоры между людьми [2]).

Договоръ этотъ, какъ и всѣ вообще договоры, налагаетъ обязанности на обѣ стороны: на божество—обязанность доставлять народу защиту и помощь, считать его „своимъ“ народомъ, на народъ—обязанность слу-

происхожденія декалога съ особенной настойчивостью указываютъ на предписаніе о субботѣ (Исх. 20, 8) Прежде охотно ссылались на то, что кочевникъ не можетъ имѣть дня для отдыха. такъ какъ онъ долженъ постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто и пасти свой скотъ. Тутъ можно съ полнымъ основаніемъ возразить, что все же и кочующему пастуху извѣстно не мало такихъ занятій, которыя онъ можетъ въ тотъ или иной день выполнять или не выполнять, и что въ оазисахъ вродѣ Кадеша сѣяли хлѣбъ, и сажали деревья.

[1]) Т.-е. въ ложной клятвѣ, или въ колдовской формулѣ.

[2]) Древность идеи договора въ Израилѣ нерѣдко оспаривалась, но безъ достаточныхъ къ тому основаній. Древность этого представленія вполнѣ достовѣрно доказывается союзнымъ Вааломъ или союзнымъ Элемъ Сихема (Суд., гл. 9). Сихемскій Ваалъ охраняетъ договорныя отношенія, существующія въ Сихемѣ между богомъ и его поклонниками. Существованіе союза подтверждается Iош. 24,25 и сл., гдѣ Iошуа собираетъ Израиль въ Сихемъ, чтобы обязать его служить Iагве, а не другимъ богамъ. „И заключилъ Iошуа съ народомъ завѣтъ (ברית) въ тотъ день, и далъ ему постановленіе и законъ въ Сихемѣ“ (חק משפט). Затѣмъ онъ вписываетъ „эти слова“ (заключающія въ себѣ постановленіе и законъ) въ книгу закона бога, беретъ большой камень и водружаетъ его подъ деревомъ, стоявшимъ близъ святилища Iагве въ Сихемѣ. Камень этотъ долженъ быть свидѣтелемъ союза, „ибо онъ слышалъ всѣ слова Iагве, которыя онъ говорилъ съ нами“. Итакъ, согласно этому преданію, Iошуа послѣ вторженія въ Ханаанъ избралъ Сихемъ мѣстомъ заключенія союза. Историческая достовѣрность этого сообщенія находится въ зависимости отъ того, дѣйствительно ли Iошуа овладѣлъ Сихемомъ, но въ разсмотрѣніе этого вопроса мы здѣсь входить не можемъ. Во всякомъ случаѣ, въ Сихемѣ, надо думать, былъ въ ходу описанный здѣсь обрядъ или обычай, а такъ какъ Суд. 9 сообщаетъ намъ о ханаанейскомъ союзномъ Ваалѣ, то приходится предположить, что идея договорныхъ отношеній между божествомъ и людьми существовала въ Сихемѣ еще въ доизраильскую эпоху, и что договоръ заключался съ соблюденіемъ обрядовъ, аналогичныхъ описаннымъ въ Iош., гл. 24. Существеннымъ элементомъ ихъ является сообщеніе постановленій, именуемыхъ также „торой“; на ряду съ этимъ играютъ роль еще священный камень (массеба) и священное дерево. Оба они — камень и дерево—упоминаются и въ другихъ случаяхъ; послѣднее въ Быт. 12, 6 именуется „деревомъ законодателя“ (מורה) или въ Суд. 9, 6 אלון מצב, что значитъ, быть можетъ, „божье дерево съ массебой“; относительно камня ср. также Быт. 33, 18 и сл.; 34, 1 и сл.

жить своему богу и творить волю его. Какъ всякій договоръ, такъ и это отношеніе обладаетъ до нѣкоторой степени и моральнымъ характеромъ; наиболѣе важнымъ, однако, представляется содержаніе божественной воли. Въ заключеніи союза всегда подразумѣвается своего рода з а к о н ъ, божественное волеизъявленіе и установленіе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и созданное Моисеемъ понятіе „тора" (תורה) представляетъ собой не что иное, какъ совокупность тѣхъ правилъ и уставовъ, которые считались существенными элементами божественной воли.

Форма заключенія договора у горы Синая не можетъ быть опредѣлена, вслѣдствіе разногласія между нашими источниками. Съ точностью не поддается также выясненію роль, которую играла при этомъ тора. Быть можетъ, здѣсь было принято только обязательство служить Іагве и творить его волю. Въ такомъ случаѣ декалогъ могъ быть лишь послѣдующимъ, заднимъ числомъ составленнымъ, краткимъ начертаніемъ главнѣйшихъ правилъ новаго положенія вещей. Эти правила не могли, однако, содержать въ себѣ всего. Они давали лишь общіе принципы и руководящія начала религіозной и гражданской жизни. Необходимо было болѣе детальное ихъ изложеніе, о чемъ и пришлось позаботиться Моисею. До насъ не дошло ничего изъ того, что было создано въ этомъ направленіи самимъ Моисеемъ для потребностей момента, въ пустынѣ, и для предполагаемыхъ потребностей будущаго, по прибытіи въ страну. То, что дошло до насъ подъ названіемъ „Книги Союза"—ספר הברית (Исх. 20, 22—23, 19), есть, вѣроятно, трудъ, составленный жрецами послѣ-моисеевой эпохи для потребностей народа въ Ханаанѣ [1]).

Программа новой религіи содержится въ положеніи, которымъ открывается декалогъ: я—Іагве богъ твой. Это вступленіе производитъ впечатлѣніе совершенно новой заповѣди; въ виду этого, а также въ связи съ нѣкоторыми преданіями кн. Исходъ [2]) и заявленіями пророковъ [3]), трудно допустить, чтобы Іагве былъ богомъ всего Израиля еще до Моисея.

З н а ч е н і е имени Іагве врядъ ли можетъ быть достовѣрно опредѣлено. Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ основанія искать ему объясненія за предѣлами области еврейско-арабскаго или даже семитическаго языка. Но и въ этихъ предѣлахъ остается еще выборъ между нѣсколькими возможностями. Наименьшія затрудненія представляетъ само библейское толкованіе значенія этого имени. Согласно послѣднему, Іагве означаетъ „сущій", не въ смыслѣ бытія въ состояніи покоя, но бытія дѣятельнаго, подвижного, проявляющагося, открывающагося человѣку. Такъ думали о Іагве израильтяне въ эпоху царей и пророковъ, прославляя его имя или скрѣпляя клятву словами „живъ Іагве". Для нихъ Іагве представляетъ собою олицетвореніе живой помощи и заботы о своемъ народѣ. Совершенно другой вопросъ, что̀ означало это имя

---

[1]) О литературномъ характерѣ и древности Книги Союза будетъ подробнѣе рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Исх. 3, 14; 6, 3.

[3]) Гош. 12, 10; 13, 4, Іез. 20, 5.

ВЕРШИНЫ СИНАЯ (ДЖЕБЕЛЬ СЕРБАЛЪ).

въ эпоху Моисея. Здѣсь мы не можемъ выйти за предѣлы предположеній.

Можно сказать лишь одно: Моисей не избралъ бы Іагве, если-бы имя этого бога не заключало въ себѣ чего-то такого, чѣмъ отличалась новая вѣра Израиля отъ старой. Вѣроятность говоритъ за то, что Моисей воспринялъ божество, открывшееся ему на Синаѣ при столь грандіозныхъ проявленіяхъ своего могущества и власти надъ природой, какъ владыку небесныхъ силъ. Богъ, о которомъ онъ зналъ отъ отцовъ своихъ, всесильный „Эль-Шаддай“ (אל שדי) и небесный „Эль Эльонъ“ (אל עליון), владыка неба земли, и въ то же время—въ качествѣ Эля изъ Кадеша—богъ правосудія, разрѣшающій споры,—этотъ богъ явился ему въ образѣ существа, выражающаго и проявляющаго свою жизнь въ изумительныхъ и потрясающихъ силахъ природы, въ качествѣ владыки грозъ и бурь и всѣхъ силъ небесныхъ. Мирно царящій, покоющійся богъ неба и мірозданія, котораго знали его предки, превратился въ глазахъ Моисея въ дѣятельнаго Іагве. Таковымъ сдѣлала его потребность времени, нуждавшагося въ такомъ именно богѣ, богѣ грозы и бури, возвѣстившихъ его приближеніе на Синаѣ [1]). Но, конечно, не только въ имени Іагве, каковъ бы ни былъ его внутренній смыслъ, заключалось все содержаніе творчества Моисея.

Во всякомъ случаѣ запретъ поклоненія другимъ богамъ наряду съ Іагве сознательно возвышаетъ религію Израиля надъ вѣрованіями другихъ народовъ. Мы не знаемъ, вѣрилъ ли Моисей въ существованіе другихъ боговъ, кромѣ Іагве; въ позднѣйшую эпоху исторіи Израиля мы такую вѣру находимъ [2]). Именно потому врядъ ли можно утверждать, что Моисей соединялъ со своимъ запретомъ абсолютный монотеизмъ, существованіе единаго божества въ строгомъ смыслѣ слова, а не только единственность его въ своемъ родѣ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ религія Моисея значительно возвышается надъ уровнемъ массы сосѣднихъ религій. Правда, и въ нихъ одинъ какой-либо богъ занимаетъ иногда въ качествѣ главнаго первое мѣсто: но повсюду однако онъ терпитъ рядомъ съ собою другихъ боговъ. Каждый изъ этихъ главныхъ боговъ допускаетъ наряду съ собою либо соотвѣтствующее ему женское начало, либо подчиненныхъ ему младшихъ бо-

[1]) Такъ какъ Іагве открывается на Синаѣ (Исх. 19, 16) въ грозѣ, при молніи и громѣ, то естественнѣе всего представляется сближеніе имени Іагве съ арабскимъ hawa, означающимъ въ качествѣ глагола „дуть“, а въ качествѣ существительнаго—„гроза“. Такимъ образомъ, божество, явившееся Моисею на Синаѣ, особенно поразило его, очевидно, тѣмъ, что проявилось въ качествѣ повелителя небесныхъ силъ, грома и молніи. Въ этомъ видимо и заключается различіе между новымъ и традиціоннымъ богомъ и кадешскимъ Элемъ. Въ качествѣ совершенно иного толкованія имени Іагве заслуживаетъ еще упоминанія „низвергающій“ отъ того же глагола hawa, но въ значеніи „падать“ при чемъ имя Іагве будетъ причастіемъ причинной формы этого глагола (ср. Іовъ 37, 6). Слѣдуетъ добавить, что, повидимому, наиболѣе правильно произносить имя израильскаго божества не Іагве, но Іагу, какъ оно читается въ документахъ іудейской колоніи въ Элефактинѣ, недавно открытыхъ.

[2]) Суд. 11, 24; І Сам. 26, 19 и сл.

говъ; нѣкоторые, наконецъ, имѣютъ сыновей. Одинъ Іагве, подобно болѣе раннему египетскому Атону, не терпитъ рядомъ со собою никакихъ другихъ боговъ. Отсюда сама собою вытекаетъ свойственная іагвизму съ самаго начала сильная склонность исключительности, даже въ нетерпимости, и, въ противоположность къ мягкой религіи предковъ, религіи Эля, почти суровая природа іагвизма. Многобожіе и почти всегда сопутствующее ему поклоненіе силамъ природы отрицаются, такимъ образомъ, принципіально.

Израиль—народъ Іагве. Отъ Іагве получаетъ народъ помощь на войнѣ [1]) и дары природы. Но помощь эта можетъ и не явиться, если Израиль навлекъ на себя гнѣвъ Іагве. Отъ него же получаетъ Израиль „тору", волеизъявленіе божества. Отъ имени его Моисей творитъ судъ и установляетъ законы. То же самое можно встрѣтить и у другихъ народовъ, боги которыхъ подобнымъ же образомъ являются не только источникомъ жизни и благодати, но и стражами права и добрыхъ нравовъ, мстителями за человѣческія преступленія. Ассирійцы въ относительно уже весьма раннія времена пѣли покаянные псалмы. По существу, однако, все зависитъ отъ содержанія законовъ и права. Монотеизмъ Эхнатона, напримѣръ, совершенно не знаетъ моральной стороны божества; Атонъ не является богомъ справедливости. Законъ же, возвѣщенный Моисеемъ, даетъ добру, какъ таковому, болѣе чистое, возвышенное и совершенное выраженіе, чѣмъ право и обычай сосѣднихъ народовъ. И какъ бы ни было законодательство Моисея въ отдѣльныхъ своихъ постановленіяхъ родственно египетской Книгѣ Мертвыхъ, оно проникнуто все же совершенно инымъ духомъ, духомъ болѣе чистой богобоязненности и одновременно благороднаго достоинства, свободы и уваженія къ человѣку. Если мы попытаемся кратко выразить обѣ существенныя стороны въ пониманіи Моисеемъ божества, то воззрѣніе его можно опредѣлить скорѣе всего какъ проявляющійся въ монолатріи этическій генотеизмъ (однобожіе).

Если, такимъ образомъ, Іагве Моисея въ столь многихъ отношеніяхъ стоитъ выше обыкновенныхъ народныхъ боговъ сосѣднихъ племенъ, то нѣтъ въ сущности ничего удивительнаго и въ томъ, что уже Моисей приписывалъ ему неизображаемость. Какъ разъ эта заповѣдь декалога вызывала наибольшія сомнѣнія. Особенно ссылались при этомъ на несомнѣнно практиковавшееся въ послѣ-моисееву эпоху безпрепятственное поклоненіе изображеніямъ Іагве. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что главныя святилища Израиля въ эпохи Соломона, Давида и Эли, повидимому, не имѣли изображенія Іагве. Въ эти эпохи запретъ изображеній былъ, слѣдовательно, извѣстенъ. И все же, вопреки этому запрету, мы наблюдаемъ въ эпохи царей и судей склонность къ поклоненію изображеніямъ божества. Со времени Іеровоама І склонность эта укореняется въ сѣверномъ царствѣ столь прочно, что даже Иліи и Елисею приходится въ ихъ борьбѣ противъ иноземныхъ культовъ еще терпѣть это уклоненіе отъ правильнаго культа Іагве. По крайней

[1]) Исх. гл. 14 и сл. Суд. 5. Исх. гл. 17; выраженіе: „войны Іагве".

мѣрѣ, намъ ничего неизвѣстно о какихъ-либо выступленіяхъ ихъ противъ культа изображеній. Отсюда съ достаточной очевидностью вытекаетъ, что изъ факта существованія въ дѣйствительности поклоненія изображеніямъ нельзя выводить заключенія объ отсутствіи его запрещенія. Къ тому же выводу привело бы насъ и сравненіе практиковавшагося по временамъ, даже самимъ Соломономъ, поклоненія иноземнымъ богамъ съ запрещеніемъ такого поклоненія декалогомъ. Точно также, если мы будемъ искать въ исторіи того момента, когда могло бы возникнуть запрещеніе изображеній, то наше изслѣдованіе приведетъ насъ съ необходимостью назадъ къ моисеевой эпохѣ. Такимъ образомъ, запретъ этотъ составляетъ, очевидно, часть законодательства Моисея. При помощи этого запрета Моисей хочетъ поставить культъ Іагве въ извѣстную противоположность къ обычной въ другихъ странахъ матеріализаціи божественнаго. Возвышеніе его религіи надъ политеистически-чувственнымъ натуральнымъ культомъ достигаетъ тѣмъ самымъ своего апогея.

Новѣйшія раскопки существенно укрѣпляютъ защищаемую нами точку зрѣнія, ибо даютъ убѣдительное доказательство, что въ древнемъ Ханаанѣ образное поклоненіе божеству отнюдь не составляло общаго правила, по крайней мѣрѣ въ общественномъ богослуженіи. Равнымъ образомъ, новѣйшія изслѣдованія въ другихъ областяхъ увеличили и безъ того довольно значительное число примѣровъ культовъ, лишенныхъ какихъ-либо изображеній [1]); это, въ свою очередь, повышаетъ внутреннюю убѣдительность нашей точки зрѣнія, что требованіе поклоненія божеству безъ всякихъ изображеній въ Израилѣ исходитъ впервые отъ Моисея [2]).

Итакъ, тѣ своеобразныя черты, которыя возвышали религіозное творчество Моисея надъ другими религіями, обезпечивали ему будущность и давали ему значеніе цѣннаго блага для Израиля и всего человѣчества, заключается въ слѣдующемъ: религія Моисея видитъ въ божествѣ не только властелина, но въ то же время и источникъ жизни; она видитъ въ Іагве бога особаго рода, исключающаго всѣхъ остальныхъ боговъ, въ чемъ заключаются уже зачатки идеи единственности бога; она видитъ въ божествѣ источникъ права и судью, въ высотѣ его заповѣдей и правосудія она видитъ мѣру его святости и вѣрности, она сознаетъ его внѣчувственную, духовную сущность и тѣмъ самымъ становится въ противоположность по отношенію къ господствующимъ въ эту эпоху типамъ религій.

---

1) Такъ у набатеевъ и т. п. Въ разсмотрѣніе другихъ областей, какъ, напримѣръ, германскихъ ученій о божествѣ, здѣсь вдаваться не мѣсто.

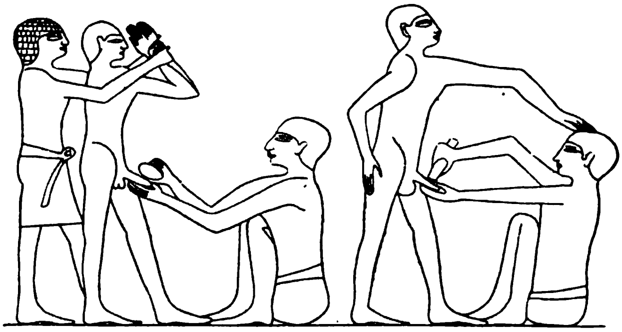
2) Не надо впрочемъ упускать изъ виду, что отсутствіе изображеній божества не доказываетъ еще само по себѣ высокаго воззрѣнія на природу божества. Есть наивный видъ первобытнаго культа, въ которомъ отсутствіе изображеній объясняется неспособностью конкретно представить себѣ или изобразить божество. Съ этимъ примитивнымъ типомъ религій, богослуженіе которыхъ не знаетъ изображеній, по всей вѣроятности не имѣетъ ничего общаго ханаанейская религія—въ виду высокой культуры Ханаана.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, откуда Моисей почерпнулъ свою вѣру. Отрицательная часть этого вопроса исчерпана уже въ предшествующемъ изложенiи. Если можно считать доказаннымъ, что имя Iагве не внѣсемитскаго происхожденiя, то тѣмъ самымъ отвергается и возможность позаимствованiя идеи и культа Iагве изъ другихъ странъ. Серьезно въ данномъ случаѣ рѣчь могла бы идти объ одномъ только Египтѣ. Излюбленное одно время мнѣнiе, будто Моисей воспринялъ идею Iагве изъ египетскаго тайнаго ученiя, нынѣ не требуетъ болѣе детальнаго опроверженiя. Серьезный интересъ представляетъ за то вопросъ о возможности слiянiя въ фигурѣ Iагве нѣсколькихъ мѣстныхъ божествъ. Въ представленiи Моисея объединился, быть можетъ, синайскiй богъ грозы, молнiи и огня съ Эль-Эльономъ и Эль-Шаддаемъ предковъ Израиля въ Ханаанѣ, слился въ одно цѣлое, заключавшее въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые для Моисея составляли божество, и былъ названъ именемъ Iагве. Такая гипотеза могла бы также объяснить, почему въ образѣ Iагве, если не у самого Моисея, то у его современниковъ и потомства, натуралистическiя черты чередуются съ моральными, нацiональныя со сверхнацiональными, при чемъ значенiе тѣхъ и другихъ взаимно едва ли не уравновѣшивается. Въ сравненiи съ вопросомъ о внутреннемъ содержанiи понятiя о божествѣ, является второстепеннымъ вопросъ о томъ, не перенялъ ли Моисей имени Iагве отъ эберитскихъ племенъ въ широкомъ смыслѣ этого понятiя. По этому вопросу обыкновенно указываютъ, что первое откровенiе Iагве Моисею совершилось во время пребыванiя его у мидiанитскаго жреца; что онъ и позднѣе испытывалъ на себѣ влiянiе послѣдняго; что, наконецъ, самъ Синай, мѣсто пребыванiя Iагве, находится въ области того же мидiанитско-кенитскаго племени. Однако нѣтъ никакихъ рѣшительно указанiй на то, чтобы Iагве былъ первоначально богомъ кенитовъ, или чтобы кадешскiй Эль носилъ это имя; это отсутствiе какихъ-либо сообщенiй въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ иной области, въ вопросѣ объ устройствѣ Израиля, мы можемъ установить кенитское влiянiе еще въ самомъ преданiи (Исх., гл. 18). Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденiи имени Iагве приходится оставить открытымъ [1]).

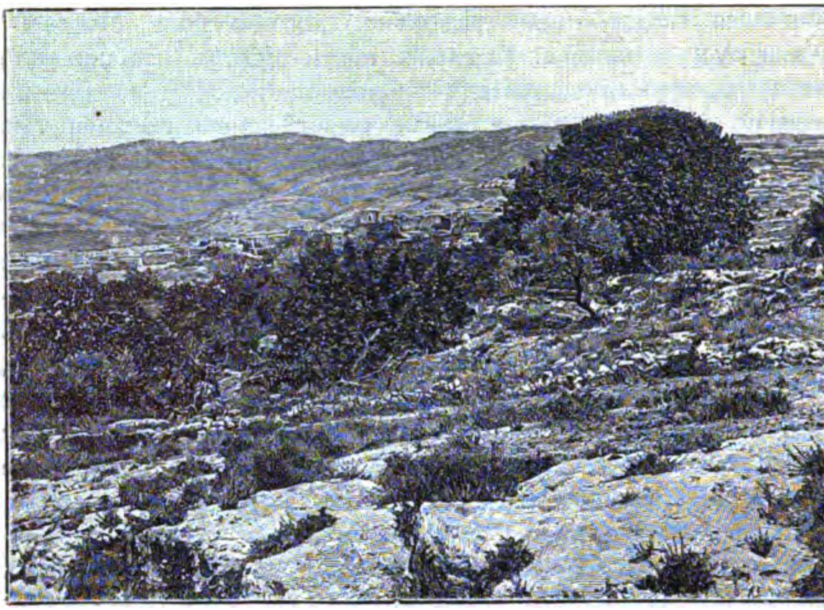
[1]) Надлежитъ замѣтить, что вся концепцiя Киттеля, изложенная въ настоящей главѣ, является нѣсколько утрированной концепцiей, выдвигаемой обычно нѣмецкой ветхозавѣтной наукой. Кромѣ Штаде, сомнѣвающагося въ самомъ существованiи Моисея, обычно дѣло Моисея изображается такъ, что онъ объединилъ израильскiя колѣна культомъ Iагве, который до того времени былъ богомъ одного или нѣсколькихъ племенъ, и былъ судьею и вождемъ народа во время странствованiя по пустынѣ; Киттель со своей стороны прибавляетъ къ этой схемѣ лишь составленiе Моисеемъ декалога и присвоиваетъ Моисею идею этическаго генотеизма. Но въ послѣднее время противъ этой схемы выдвигаются серьезныя возраженiя. Какъ будетъ видно изъ послѣдующаго изложенiя самого Киттеля, врядъ ли израильскiя племена при вторженiи въ Ханаанъ дѣйствовали, какъ одинъ народъ, одновременно и совмѣстно; отсюда становится сомнительнымъ и ихъ предполагаемое объединенiе въ пустынѣ. Съ другой стороны, въ эпоху царей Iагве является преимущественно iудейскимъ богомъ; его культъ внѣ Iерусалима имѣетъ сильныхъ

Остается сказать еще нѣсколько словъ о роли Моисея, какъ вождя и судьи народа. Преданія книги Исходъ изображаютъ его прежде всего, какъ предводителя Израиля при исходѣ и во время странствованія по пустынѣ; но не менѣе опредѣленны указанія также и на функціи Моисея, какъ судьи народа. Уже въ пустынѣ Мара Моисей даетъ народу „постановленія и судъ" (Исх. 15, 25); по прибытіи въ Кадешъ, Моисей продолжаетъ изрекать народу „правду", и дѣятельность его въ этомъ отношеніи настолько расширяется, что, по совѣту Іетро, своего тестя, онъ ставитъ въ помощь себѣ судей надъ сотнями, тысячами и т. д., и самъ остается только верховнымъ законодателемъ и судьей (Исх. 18, 13 и сл.). Какъ вождь, судья и пророкъ народа, онъ отъ лица народа заключаетъ союзъ съ Іагве. Совершеніе союзнаго договора описывается въ формѣ торжественнаго жертвеннаго пира, происходящаго въ присутствіи Іагве совмѣстно съ Моисеемъ, Аарономъ и старѣйшинами Израиля (Исх. 24, 9—11). Другая версія преданія описываетъ заключеніе договора въ формѣ, весьма сходной съ уже описаннымъ сихемскимъ обрядомъ: народъ собирается для выслушанія союзныхъ обязательствъ, сооружается алтарь съ 12 массебами, по числу колѣнъ израилевыхъ, „уставы" Іагве записываются въ книгу, и затѣмъ слѣдуетъ жертвоприношеніе съ окропленіемъ народа жертвенной кровью (Исх. 24, 1—8). Правда, высказывались по поводу этого описанія сомнѣнія; нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ перенесеніемъ въ эпоху Моисея обряда, существовавшаго въ историческую эпоху. Однако на это можно возразить, что подобные обряды были широко распространены въ древности, и нѣтъ никакого основанія считать ихъ новообразованіями, возникшими только на почвѣ Ханаана.

Обрѣзаніе въ Египтѣ.

соперниковъ въ лицѣ божествъ Бетъ-Эля, Дана, и др. жертвенныхъ мѣстъ. Надо полагать, что Іагве былъ богомъ Іуды (самыя имена Іагве,—точнѣе Іагу—и Іегуда= Іуда—родственны между собою); распространеніе власти Іуды надъ сѣверомъ въ эпоху Давида и Соломона расширяли и культъ Іагве; отдѣленіе сѣвернаго царства, наоборотъ, ограничивало его. Отсюда борьба за культъ Іагве, за его полное проведеніе, ведущееся жреческой и пророческой партіей въ Іерусалимѣ. Такъ какъ наиболѣе древній составной источникъ пятикнижія, іагвистъ, возникъ, вѣроятно, въ южномъ царствѣ и носитъ на себѣ слѣды пророческаго вліянія, то нельзя не предположить, что авторъ его перенесъ на Моисея и на его эпоху свои стремленія и идеи (см. „Библія, какъ историческій памятникъ" во II т.). *Н. Н.*

Аялонъ.

3. Вторженіе въ Ханаанъ.

Если вѣрить библейскимъ преданіямъ, израильскія колѣна еще при Моисеѣ овладѣли южной частью Заiорданья. Колѣна Рувимъ и Гадъ осѣли здѣсь и въ дальнѣйшей борьбѣ за завоеваніе Ханаана участія не принимали. Лишь нѣкоторыя родственныя Израилю племена еще ранѣе успѣли проникнуть въ Ханаанъ съ юга и укрѣпились въ южной гористой странѣ, впослѣдствіи получившей наименованіе Іудеи. Главная масса шедшихъ изъ Египта и изъ пустыни частей народа должна была еще разрѣшить задачу проникновенія въ страну, лежавшую на западъ отъ Іордана.

Согласно единогласному преданію всѣхъ библейскихъ источниковъ, Моисей умеръ еще до вторженія израильскаго народа въ Ханаанъ. Лишь послѣ его смерти израильскія колѣна начали готовиться къ переправѣ черезъ Іорданъ и къ завоеванію важнѣйшей части „обѣтованной земли.“ Ханаанскіе города были защищены сильными укрѣпленіями, а сами жители Ханаана были опытны въ военномъ дѣлѣ и превосходили въ этомъ отношеніи израильтянъ. Поэтому, успѣхъ пробивавшихся въ Ханаанъ израильскихъ племенъ, особенно въ горныхъ частяхъ страны, былъ мыслимъ лишь въ случаѣ отсутствія сплоченности ханаанскаго населенія и—прежде всего—при томъ условіи, что верховная власть Египта въ странѣ либо совершенно прекратилась, либо, по меньшей мѣрѣ, оставалась лишь фиктивной. Дѣйствительныя условія были выяснены выше. Мы предположили, что исходъ изъ Египта относится къ эпохѣ царствованія Мернепты, и что странствованіе Израиля по пустынѣ было не слишкомъ продолжительно; если оба эти предположенія

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. Москва.

ВИДЪ НА РАВНИНУ ІЕРИХОНА СЪ ЗАПАДА.

правильны, то время вторженія въ Ханаанъ должно относиться къ послѣднему періоду правленія того же Мернепты и къ эпохѣ его неспособныхъ преемниковъ до Сети I (около 1215 года). Предшествующее изложеніе выяснило уже, что о проявленіи египетской власти въ Сиріи, въ этотъ періодъ не могло быть и рѣчи. Напротивъ, политическія условія того времени были какъ нельзя болѣе благопріятны для вторженія израильскихъ колѣнъ въ Ханаанъ: мы видѣли въ эту эпоху, съ одной стороны, слабость египетской власти, съ другой—натискъ приморскихъ народовъ, примѣръ которыхъ не могъ не соблазнить гораздо болѣе близкихъ странѣ по происхожденію и прошлой своей исторіи израильтянъ.

Для ознакомленія съ условіями того времени мы во многихъ отношеніяхъ можемъ просто обратиться къ письмамъ эль-Амарны. Сообщенія книги Іошуи и книги Судей относительно правителей страны вполнѣ согласуются съ той картиной, которую мы находимъ въ этихъ письмахъ, и мы можемъ прямо сказать, что въ политическихъ отношеніяхъ не произошло, очевидно, въ теченіе этого промежутка времени никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Наиболѣе характерной чертой представляется отсутствіе сильной центральной власти. Множество обособленныхъ правителей и мелкихъ царьковъ, въ мирное время скорѣе соперничающихъ другъ съ другомъ и враждующихъ между собою, чѣмъ взаимно поддерживающихъ другъ друга, и лишь въ эпохи чрезвычайной опасности съ трудомъ находящихъ пути къ сплоченію,—такова, въ общемъ, картина состоянія власти въ Ханаанѣ и въ эпоху эль-Амарны и въ эпоху вторженія Израиля въ Ханаанъ. Обстоятельство это уже само по себѣ представляло собою благопріятное условіе для вторженія Израиля въ Палестину; въ то же время оно объясняетъ намъ раздробленность наступательныхъ дѣйствій Израиля, которая въ противномъ случаѣ оставалась бы совершенно непонятной.

Такимъ образомъ, общую картину тѣхъ политическихъ условій, которыми могъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ Израиль, мы узнаемъ непосредственно изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи историческихъ данныхъ. Мы имѣемъ, однако, право на основаніи весьма вѣроятныхъ догадокъ сдѣлать еще шагъ дальше. Выше было уже сказано о томъ, что „Израиль“, упоминаемый въ надписи Мернепты, находился въ то время уже въ странѣ, скорѣе всего на возвышенности, названной впослѣдствіи Эфраимъ; мы указывали также и на то, что колѣно Іуды имѣло на югѣ страны родственныя ему племена. Такимъ образомъ и Іуда, и родъ Іосифа имѣютъ уже заранѣе извѣстныя точки опоры въ тѣхъ областяхъ, въ которыя они стремятся. Имъ достаточно было создать связь со своими братьями, чтобы дѣло могло на половину считаться сдѣланнымъ. И замѣчательно, что въ нашихъ текстахъ не упоминается особо о завоеваніи столь важныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Сихемъ и вообще центральная возвышенность къ сѣверу отъ Бетъ-Эля. Именно эта область и представляетъ собою тотъ районъ, въ которомъ мы должны предполагать мѣстопребываніе „Израиля“ стэлы Мернепты. Явленіе это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что до завоеванія въ собственномъ смыслѣ слова дѣло здѣсь

вообще не дошло, и что на возвышенности Эфраимъ многократно разыгрывались тѣ мирныя событія, примѣръ коихъ извѣстенъ намъ (Іошуа, гл. 9) относительно Гибеона. Въ частности, въ Сихемѣ и на возвышенности Эфраимъ, гдѣ связь между ханаанеянами и осѣвшими тамъ израильскими элементами успѣла значительно окрѣпнуть, послѣдніе могли попытаться добиться соглашенія между туземцами и своими братьями, стремившимися проникнуть въ страну; такое соглашеніе, устраняя необходимость серьезной борьбы, могло быть только желательнымъ для обѣихъ сторонъ. Если мы примемъ эту гипотезу, то для насъ будутъ понятны также многія событія изъ эпохи судей.

Вождемъ переселенія библейская традиція называетъ Іошую сына Нуна. Нѣкоторые изслѣдователи пытались изображать его въ качествѣ племенного героя одного только колѣна Эфраимъ, или въ качествѣ героя-эпонима какого-либо эфраимитскаго клана, обитавшаго въ Тимнатъ-Хересъ или гдѣ-либо въ его окрестностяхъ. Однако одно то обстоятельство, что на возвышенности Эфраимъ показывалась въ болѣе позднія времена могила Іошуи, еще нисколько не опровергаетъ исторической достовѣрности личности Іошуи. Напротивъ, предстоявшая Израилю задача послѣ смерти Моисея требовала вождя, который повелъ бы Израиля къ странѣ его желаній, продолжая этимъ дѣло умершаго вождя.

Іошуа—эфраимитъ. Со своимъ колѣномъ онъ находится, естественно, въ особенно тѣсной связи. Однако врядъ ли основательно заключать на этомъ основаніи, что Іошуа былъ лишь племеннымъ вождемъ колѣна Эфраимъ, а не вождемъ всѣхъ вообще колѣнъ. Если же Іошуа былъ вождемъ и военоначальникомъ Израиля всего Заіорданія, пока всѣ колѣна шли однимъ и тѣмъ же путемъ и еще не раздѣлились, то никто, кромѣ него, не могъ быть и руководителемъ при переходѣ черезъ Іорданъ и при завоеваніи Іерихона.

Сообщенія кн. Іошуи о переходѣ черезъ Іорданъ и взятіи Іерихона не вполнѣ согласны между собою; въ основныхъ чертахъ, однако, они даютъ все же вполнѣ ясную картину событій. Согласно этимъ сообщеніямъ, израильтяне перешли Іорданъ близъ Гилгала, вѣроятно, невдалекѣ отъ понынѣ еще существующаго брода, послѣ чего завоевали Іерихонъ. Какимъ именно образомъ произошли оба эти событія, въ подробностяхъ въ настоящее время не можетъ болѣе быть возстановлено: преданія о нихъ разукрашены самыми необыкновенными чудесами, и это даетъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ право отнести самыя событія въ область поэтическаго вымысла [1]).

---

[1]) Къ повѣствованію о переправѣ примыкаетъ разсказъ объ обрѣзаніи израильтянъ. И въ этомъ сообщеніи приходится признать правильное историческое воспоминаніе, хотя и изложенное совершенно свободно. Трудно, конечно, допустить, чтобы какъ разъ этотъ моментъ могъ быть выбранъ для дѣйствій, серьезно ослабляющихъ воинскую силу нападающихъ, непосредственно передъ воротами Іерихона. Въ этомъ отношеніи преданіе сильно грѣшитъ противъ хронологіи; но оно даетъ полное право полагать, что обрѣзаніе только теперь получило распространеніе во всемъ Израилѣ.

Все значеніе Іерихона въ тогдашнюю эпоху впервые выяснили намъ лишь новѣйшія раскопки. Двойная стѣна, окружавшая городъ, и сильныя укрѣпленія передъ воротами превращали, повидимому, Іерихонъ въ неприступную для того времени твердыню. Если она все же пала передъ натискомъ Израиля, то надо предполагать, что нападающимъ помогла какая-либо удачная военная хитрость, или особыя благопріятныя условія, быть можетъ землетрясеніе. Быстрое и даже неожиданное паденіе этой неприступной крѣпости легко могло дать поводъ къ созданію легенды о чудесномъ вмѣшательствѣ десницы Іагве, разрушившей непоколебимыя твердыню Іерихонскихъ стѣнъ.

Со взятіемъ Іерихона, согласно древнѣйшему преданію, окончилась роль Іошуи, какъ вождя всего Израиля. Колѣно Іуда отдѣляется отъ остальныхъ и завоевываетъ себѣ съ помощью колѣна Симеонова свою область. Преданія о подвигахъ Іуды, о завоеваніи Хеброна Калебомъ и Дебира Отніэлемъ, о неудачахъ Іуды въ долинѣ и подъ укрѣпленными стѣнами Іебуса, столь жизненны, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозривать историческую достовѣрность всего цѣлаго. Конечно, не всякая отдѣльная черта здѣсь есть исторія; но основныя событія, какъ-то: вторженіе колѣна Іудова въ горы съ сѣвера, и помощь, полученная имъ со стороны Калеба, Отніэля и Симеона, несомнѣнно, принадлежатъ исторіи.

Іошуа, отнынѣ вождь рода Іосифова и временно примыкающихъ къ нему колѣнъ, направляется въ сторону возвышенности Эфраимъ и завоевываетъ Аи и Бетъ-Эль. Далѣе Іошуа овладѣваетъ, вѣроятно, при помощи договоровъ, заключенныхъ подъ вліяніемъ уже осѣвшихъ въ странѣ израильтянъ съ остальными туземцами, собственно возвышенностью Эфраимъ, вплоть до области Сихема, включая, вѣроятно, и самый этотъ городъ, а затѣмъ вновь ведетъ своихъ людей къ Гилгалу. Здѣсь, вѣроятно, во время случайнаго отсутствія Іошуи послы изъ Гибеона и его пригородовъ при помощи хитрости успѣли предотвратить нашествіе израильтянъ и заключить съ ними союзъ. Высота Гибеона попала при этомъ въ руки Израиля. Въ видѣ исключенія жителямъ этой округи была дарована пощада, но за то, по словамъ преданія, быть можетъ въ этомъ пунктѣ не вполнѣ надежнаго, они посвящаются Іагве въ качествѣ рабовъ при его святилищѣ.

Въ разсказѣ о событіяхъ, слѣдующихъ послѣ заключенія союза съ Гибеономъ, имѣется вплетенный въ этотъ разсказъ отрывокъ древней пѣсни съ краткимъ сопроводительнымъ текстомъ: „И воззвалъ Іошуа въ тотъ день передъ лицомъ сыновъ Израилевыхъ: Стой солнце надъ Гибеономъ и луна надъ долиною Аялонскою! И остановилось солнце и стояла луна, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. Такъ написано въ Книгѣ Доблестнаго. И стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день. И не было такого дня ни прежде, ни послѣ того, въ который Іагве слушалъ бы гласа человѣческаго. Ибо Іагве сражался за Израиля“.

Въ послѣднихъ двухъ предложеніяхъ не трудно по формѣ и содержанію отличить позднѣйшія добавленія. Не внося ничего новаго въ

самый разсказъ, они даютъ лишь распространительное толкованіе остального текста. Оставляя въ сторонѣ эти добавленія, въ прочемъ нельзя не признать древняго по своему происхожденію отрывка. Все цѣлое, поскольку оно входитъ въ составъ древняго текста, представляетъ собою, очевидно, часть болѣе пространной пѣсни. Начало ея („въ тотъ день“) не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ въ томъ, что отрывку этому было предпослано изложеніе предшествующихъ событій. Дошедшій до насъ отрывокъ въ свою очередь распадается на двѣ части: на слова Іошуи и на сохранившуюся часть повѣствованія пѣсни, заключающей въ себѣ эти слова. Творца этой пѣсни мы не знаемъ, не сохранилась и та книга, въ которой находилась эта пѣснь. Судя по названію этой книги и по характеру стихотворенія, мы можемъ заключить, что имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ древней побѣдной пѣсней, подобной Пѣснѣ Деборы и другимъ родственнымъ ей героическимъ пѣснямъ изъ эпохи первыхъ войнъ Израиля [1]).

Съ этой древней пѣсней связано сообщеніе о сраженіи, происшедшемъ въ мѣстности между Гибеономъ и Аялономъ. Болѣе позднее преданіе разсказываетъ о поводѣ къ этому событію въ такомъ видѣ: соглашеніе Гибеона съ Израилемъ навлекло будто бы на него гнѣвъ остальныхъ ханаанеянъ, побудивъ послѣднихъ предпринять походъ противъ Гиибеона. Израильтяне подъ начальствомъ Іошуи поспѣшили на помощь Гибеону и разбили союзниковъ на голову. Въ чемъ состояли успѣшные результаты битвы при Гибеонѣ, мы въ точности опредѣлить не въ состояніи. Завоеваніе юга и его укрѣпленныхъ городовъ не могло быть ея послѣдствіемъ; послѣднее еще предстояло колѣнамъ Іудѣ и Симеону и могло совершиться лишь постепенно: Хебронъ и Дебиръ были ими заняты, остальные же города врядъ ли могли быть покорены ими тогда же.

Еще объ одной побѣдѣ, одержанной подъ предводительствомъ Іошуи, повѣствуетъ преданіе. На противоположномъ концѣ Ханаана, далеко на сѣверѣ, царь Хацорскій Іабинъ заключаетъ съ нѣсколькими ханаанейскими царями союзъ для совмѣстной борьбы противъ Іошуи. Союзники располагаются у водъ Мерома, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть озеро Хуле, у истоковъ Іордана. Здѣсь Іошуа застигаетъ союзниковъ врасплохъ и уничтожаетъ ихъ [2]). Можно предположить, что и въ этомъ эпизодѣ кроется нѣкоторое ядро исторической истины, хотя ходъ событій и не поддается сколько нибудь точному установленію. Вполнѣ возможно, что Іошуѣ послѣ завоеванія центральной области страны случалось еще выдерживать отдѣльныя столкновенія съ ханаанеянами сѣвера. Позднѣйшее преданіе истолковало упоминаемыя въ X и XI главахъ кн. Іошуи отдѣльныя побѣды Іошуи на сѣверѣ и югѣ,

---

[1]) Легенды этого рода не представляютъ собою единичнаго явленія. Заклинаніе свѣтилъ есть обычное явленіе всюду, гдѣ звѣздный міръ считался одушевленнымъ и населеннымъ духами. Въ Пѣснѣ Деборы также разсказывается, что во время боя съ Сисерой звѣзды по призыву Деборы оставили свой путь и приняли участіе въ сраженіи. Іош. 19, 11; ср. Суд. 5, 20 и сл.

[2]) Іош. 11, 1—9.

какъ завершеніе завоеванія страны. Вотъ почему мы находимъ далѣе перечень побѣжденныхъ Іошуей царей [1]), содержащій въ себѣ рядъ мѣстностей, оставшихся по древнѣйшимъ и достовѣрнымъ источникамъ еще не завоеванными [2]), и потому представляющій собою скорѣе изображеніе болѣе поздняго положенія вещей, по недоразумѣнію перенесеннаго въ эпоху Іошуи [3]).

Эпохи Іошуи касается еще разсказъ о томъ, что Іошуа созвалъ всѣ колѣна въ Сихемъ съ тѣмъ, чтобы передъ кончиной освѣжить въ ихъ памяти союзъ съ Іагве и внушить имъ повиновеніе волѣ Іагве, легшей въ основу союза (гл. 24). Разсказъ этотъ въ его настоящемъ видѣ носитъ на себѣ слѣды многочисленныхъ поправокъ и добавленій, сдѣланныхъ позднѣйшими редакторами. Но въ основѣ его можетъ лежать историческое воспоминаніе о томъ, что въ Сихемѣ, въ присутствіи, вѣроятно, не всѣхъ, но ближайшихъ колѣнъ, Іошуа возобновилъ союзъ съ Іагве и подтвердилъ вновь уже существовавшіе уставы согласно принятому въ Израилѣ со временъ Кадеша и Синая обычаю; совершилось это въ самомъ центрѣ вновь завоеванной страны и притомъ въ мѣстности, гдѣ подобные обряды существовали издревле. Возможно, что въ это именно время возникъ извѣстный въ болѣе позднія эпохи обычай торжественно прочитывать въ Сихемѣ союзныя постановленія съ преданіемъ проклятію всѣхъ ихъ нарушителей.

На этомъ обрывается исторія завоеванія. Главы 13—21 книги Іошуи изображаютъ еще идеальную картину распредѣленія страны между отдѣльными колѣнами. Изображеніе это исходитъ изъ предположенія о совершенномъ, почти абсолютно полномъ покореніи Іошуей всей страны. Поскольку это предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, постольку же и сообщаемое намъ распредѣленіе переноситъ въ эпоху Іошуи болѣе позднее положеніе вещей, ошибочно относимое къ прошлому. При всей цѣнности, какую представляютъ эти главы въ качествѣ географическихъ и историческихъ памятниковъ разселенія отдѣльныхъ колѣнъ, онѣ не могутъ, однако, служить непосредственнымъ источникомъ для выясненія положенія вещей въ эпоху Іошуи. Свѣдѣнія, относящіяся къ послѣдней, мы можемъ найти исключительно въ разсмотрѣнныхъ выше древнѣйшихъ частяхъ кн. Іошуи. Дѣйствительное распредѣленіе колѣнъ по областямъ въ эпоху Іошуи скрывается вслѣдствіе этого въ значительной мѣрѣ въ темныхъ извилинахъ легенды.

Вполнѣ вѣроятно, что самъ Іошуа представляетъ собою живую историческую фигуру; недостовѣрность значительныхъ частей преданія не даетъ, однако, полнаго представленія о его дѣятельности и, въ частности, о размѣрахъ достигнутыхъ имъ успѣховъ. Все же ихъ можно представить себѣ достаточно полно; и мы имѣемъ право сказать, что выпавшая на его долю послѣ смерти Моисея задача была выполнена имъ въ значительной мѣрѣ, ибо при немъ началось завоеваніе страны

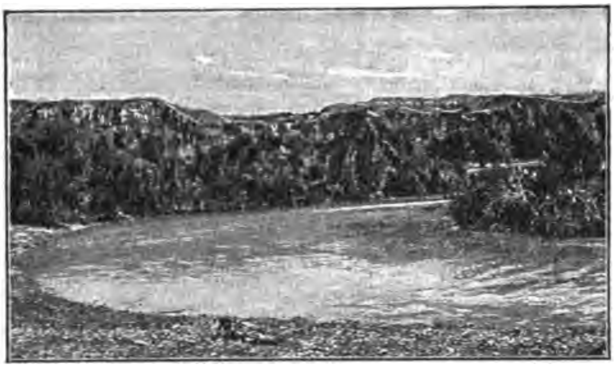
[1]) Іош. гл. 12.

[2]) Ср. Іош. гл. 12, ст. 21 и сл. съ Суд. 1, 27 и сл.

[3]) Сознаніе неполноты завоеванія сохранилось и въ самой книгѣ Іошуи, напр. 13, 1.

и при немъ же было доведено до такихъ размѣровъ, которые обезпечивали будущее Израиля въ Ханаанѣ.

Необходимо указать еще, что изъ египетскихъ источниковъ мы узнаемъ сверхъ фактовъ, извѣстныхъ изъ Библіи, еще одно важное обстоятельство: какъ разъ въ эпоху прочнаго укрѣпленія Израиля въ странѣ, Рамзесъ III упоминаетъ о платежѣ населеніемъ Сиріи дани Египту и о принадлежности египетскимъ храмамъ различнаго имущества и цѣлыхъ городовъ этой страны, при чемъ эти факты характеризуются, какъ само собою разумѣющееся явленіе. Мы можемъ заключить отсюда, что политическое положеніе въ странѣ было значительно сложнѣе, чѣмъ можно было бы думать на основаніи безхитростнаго изложенія библейскихъ источниковъ, направляющихъ все свое вниманіе на вторженіе Израиля въ страну и на борьбу его съ ханаанейскими областями и царями. Выше было уже изложено, почему дѣло не дошло до столкновенія съ Египтомъ. Но если столкновеніе и не произошло, то приходится все же предположить, что какъ вторгающіяся въ страну израильскія колѣна, такъ и ихъ противники-ханаанеяне сознавали, что страна по существу находится подъ верховной властью Египта, и что лучше всего не отказывать египетскому правительству въ томъ, что ему присвоено. Полное умолчаніе объ этомъ въ дошедшихъ до насъ израильскихъ преданіяхъ объясняется, вѣроятно, до нѣкоторой степени національными соображеніями. Главная же причина этого умолчанія заключается, надо думать, все же въ томъ, что главнѣйшія части книги Іошуи были записаны уже въ такую эпоху, когда постепенно ослабѣвавшія съ теченіемъ времени отношенія съ Египтомъ были почти совсѣмъ забыты и не упоминались болѣе въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые играли несомнѣнную роль въ борьбѣ за обладаніе Ханааномъ.

Излучина Іордана близъ Іерихона.

Гибеонъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Утвержденіе израильтянъ въ Ханаанѣ.

1. Общее положеніе. Задачи Израиля.

Въ эпоху, послѣдовавшую за смертью Іошуи, т.-е. когда успѣло уже смѣниться поколѣніе со времени начала завоевательныхъ—въ собственномъ смыслѣ слова—войнъ, Палестина далеко еще не находилась во власти израильскаго народа. Были сдѣланы лишь первые—хотя и многообѣщающіе—шаги къ тому, чтобы подчинить страну и окончательно въ ней утвердиться. Израильтяне прочно осѣли въ цѣломъ рядѣ пунктовъ страны и, несомнѣнно, исполнены были рѣшимости не сдавать завоеванныхъ ими позицій. Все дальнѣйшее, однако, было дѣломъ будущаго.

При такомъ положеніи вещей израильскому народу предстояла долгая,—можетъ быть, многовѣковая,—работа, не безъ надежды, однако, на благопріятный исходъ. Общее положеніе въ Палестинѣ, какимъ оно изображается въ книгѣ Судей, и какимъ предполагаетъ его исторія царской эпохи, можетъ служить подтвержденіемъ того, что переходъ Палестины во власть израильтянъ былъ результатомъ длительнаго процесса. Какъ мы видѣли, Палестина подъ властью ханаанеянъ распадалась на цѣлый рядъ самостоятельныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого, ханаанеяне обычно не образовывали союзовъ государствъ или союзовъ городовъ, но распадались на изолированные города-республики или города-монархіи, нерѣдко враждовавшіе другъ съ другомъ. Однако въ чрез-

вычайныхъ случаяхъ, когда имъ это удавалось, они выступали и болѣе сплоченно, и тогда они становились опасными для израильскаго народа.

Ханаанеяне давно уже перешли къ земледѣлію и къ городской жизни. Земледѣліемъ они занимались въ плодородныхъ долинахъ и низменностяхъ; черезъ ихъ города пролегали важнѣйшіе торговые пути. При этомъ они достигли уже сравнительно высокой степени культуры. Въ частности, въ военномъ искусствѣ они стоятъ выше недавнихъ кочевниковъ-израильтянъ; они употребляютъ желѣзныя боевыя колесницы, о которыхъ евреи упоминаютъ всякій разъ съ содраганіемъ; у нихъ есть также укрѣпленные и обнесенные стѣнами города. Израильтяне же могли противопоставить противникамъ не столько свое военное искусство, сколько непочатую силу юнаго первобытнаго народа и непреклонную волю нетронутыхъ, настойчивыхъ дѣтей пустыни, закаленныхъ въ странствіи по песчанымъ степямъ Аравіи и Синая.

Все, что въ эпоху Іошуи было достигнуто Израилемъ, поддается учету скорѣе съ отрицательной, нежели съ положительной стороны, такъ, какъ до насъ дошелъ болѣе или менѣе полный списокъ всѣхъ областей въ первое время не завоеванныхъ и не занятыхъ израильтянами. Таковы прежде всего укрѣпленные города на побережьи, принадлежащемъ филистимлянамъ и финикіянамъ. Насколько извѣстно, израильтяне вообще никогда не рѣшались нападать на финикіянъ; города же филистимлянъ, если и подвергались нападенію, то остались все же незавоеванными. Далѣе, такая же неудача ждала израильтянъ и по отношенію къ укрѣпленнымъ городамъ внутри страны. Города, расположенные вдоль береговой полосы, давали прежнимъ хозяевамъ страны возможность удерживать въ своихъ рукахъ берега Средиземнаго моря и всю прибрежную плодородную равнину; владѣя городами, расположенными въ глубинѣ страны, ханаанеяне сумѣли удержать за собою главнѣйшій торговый путь чрезъ Палестину и хлѣбороднѣйшую равнину ея, раскинутую по берегамъ Кишона. Главный торговый путь проходилъ по этой равнинѣ, на ней же былъ расположенъ цѣлый рядъ неприступныхъ крѣпостей, охватывавшихъ ее словно желѣзнымъ кольцомъ: таковы Таанахъ, Мегиддо, Бетъ-Шеанъ. Къ тому же, на обширной равнинѣ ханаанеяне имѣли полную возможность использовать боевое значеніе своихъ колесницъ. Благодаря этому, они долго были полными господами равнины.

Далѣе, неблагопріятно вліяетъ на положеніе израильтянъ то обстоятельство, что недоступная для ихъ отрядовъ долина отдѣляетъ Эфраимскія горы и главныя колѣна, населяющія центръ страны, отъ поселившихся на болѣе отдаленномъ сѣверѣ колѣнъ Ашеръ, Нафтали, Зебулунъ, Иссахаръ. При томъ же послѣдніе не являются полновластными хозяевами этихъ сѣверныхъ областей, расположенныхъ на склонахъ Ливана и Хермона: они принуждены дѣлить свою власть съ финикіянами, съ остальными ханаанеянами и хетитами.

Если, такимъ образомъ, главныя колѣна, поселившіяся въ центрѣ страны, на сѣверѣ были отдѣлены отъ своихъ сородичей полосой земли, протяженіемъ приблизительно отъ Кармеля до Іордана, то на южной гра-

ницѣ положеніе ихъ оказывалось еще болѣе неблагопріятнымъ. И здѣсь хананейскія владѣнія врѣзываются клиномъ въ территорію, занимаемую израильтянами. Пограничными городами являются Шаальбимъ, Аялонъ, Гезеръ, Гаръ-Хересъ, Іебусъ, къ которымъ слѣдуетъ присоединить также Гибеонъ и его окрестности. Считавшійся неприступнымъ Іебусъ можетъ быть разсматриваемъ какъ центръ этой группы городовъ. Іуда и Симеонъ, осѣвшие на югѣ, этими городами были почти совершенно отрѣзаны отъ остальныхъ колѣнъ. Они ведутъ обособленное существованіе и къ тому же, повидимому, сами не проявляютъ склонности принимать какое-либо участіе въ жизни остальныхъ колѣнъ; такимъ образомъ, въ ближайшую эпоху эти колѣна не играютъ никакой роли въ исторіи израильскаго народа.

Итакъ, если до начала эпохи судей и были сдѣланы нѣкоторые шаги для завоеванія страны, то во всякомъ случаѣ слѣдующимъ поколѣніямъ предстояло еще немало потрудиться надъ этимъ дѣломъ. За исключеніемъ завоеванныхъ областей, расположенныхъ въ Заіорданьѣ, къ израильтянамъ окончательно перешли слѣдующія области: южная часть іорданской впадины и лѣсистыя возвышенности въ центрѣ страны вплоть до западной приморской равнины; кромѣ того, двѣ полосы земли, расположенныя къ сѣверу и къ югу отъ обѣихъ упомянутыхъ группъ хананейскихъ городовъ. Главнѣйшими опорными пунктами израильтянъ являются Іерихонъ, Аи, Бетъ-Эль, Хевронъ,—все города, расположенные на югѣ, что, конечно, очень затрудняло осуществленіе задачъ ближайшаго будущаго.

Образъ дѣйствія израильтянъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ имъ удавалось вполнѣ или отчасти утвердиться, былъ разумѣется, далеко не одинаковъ. Повидимому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе подвергалось поголовному истребленію. Однако нерѣдко израильтяне обращали покоренныхъ жителей въ рабство. Случалось также, что побѣдители вступали съ населеніемъ въ договоры, обезпечивавшіе возможность дальнѣйшаго мирнаго сожительства.

По всей вѣроятности, въ тѣхъ случаяхъ, когда на сторонѣ израильтянъ была сила, врагъ, окончательно побѣжденный и лишенный возможности оказывать дальнѣйшее сопротивленіе, безпощадно истреблялся „остріемъ меча"; спасти свою жизнь враги могли только бѣгствомъ. Нерѣдко, однако, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что ни одна изъ враждующихъ сторонъ не одерживала рѣшительной побѣды, и каждому изъ противниковъ удавалось удержать за собою занятыя имъ земли. Въ такихъ случаяхъ врагамъ приходилось мирно уживаться въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, пока со временемъ перевѣсъ не оказывался на сторонѣ одного изъ сосѣдей; тогда болѣе сильный либо изгонялъ, либо подчинялъ себѣ болѣе слабаго. О томъ, что такъ поступали израильтяне, свидѣтельствуетъ часто повторяемое выраженіе: „когда сыны Израиля окрѣпли, они стали брать дань съ хананеянъ" (ср., напр., Суд., 1, 27 и сл.); но бывали, несомнѣнно, случаи, когда и самихъ израильтянъ постигала такая же участь (ср., напр., Суд., 1, 33, а также Быт. 49, 14 и сл.). Если, однако, и этотъ процессъ постепеннаго покоренія

не приводилъ къ опредѣленному результату, или если съ самаго начала онъ казался невозможнымъ, то стороны шли на взаимныя уступки. Возможно, что ханаанеяне, желая иногда избавиться отъ постоянно угрожавшей ихъ владѣніямъ опасности, соглашались отдать извѣстную часть земли, преимущественно въ горахъ, пришельцамъ, дабы умиротворить ихъ. Возможно, также, что уже въ раннюю эпоху израильтяне образовывали колоніи и въ долинахъ и городахъ, селясь среди туземныхъ жителей. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является положеніе въ Сихемѣ въ описываемый періодъ (см. Суд. гл. 9, ср. Быт. гл. 34). Естественнымъ послѣдствіемъ мирнаго сожительства были смѣшанные браки, а нерѣдко и постепенное сліяніе. Кромѣ Сихема и Іебуса, такое смѣшеніе происходитъ главнымъ образомъ въ области сѣверныхъ колѣнъ, которая непосредственно соприкасалась съ финикійскимъ побережьемъ. Тамъ развиваются оживленныя торговыя сношенія, а вмѣстѣ съ ними мирное сожительство Израиля съ сосѣдями. Племенное смѣшеніе вело за собою смѣшеніе бытовыхъ обычаевъ и религіозныхъ воззрѣній; послѣднее въ позднѣйшую эпоху вызывало самое рѣзкое осужденіе со стороны израильскихъ націоналистовъ, какъ отступничество отъ національной религіи и завѣтовъ предковъ.

Промежутокъ времени послѣ смерти Іошуи вплоть до установленія царской власти при Саулѣ, мы называемъ, согласно установившейся терминологіи, эпохой „судей“ (שפטים). Остается открытымъ вопросъ, обозначаютъ ли первоисточники библейскихъ книгъ этимъ названіемъ вождей героической эпохи въ жизни израильскаго народа. Но въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ исторической традиціи съ этимъ понятіемъ связывается представленія о мужахъ, державшихъ въ своихъ рукахъ власть и начальствованіе надъ всѣмъ израильскимъ народомъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; эти такъ называемые судьи,—въ качествѣ теократическихъ предшественниковъ носителей царской власти—являлись будто бы пожизненными правителями израильскаго народа. Эта чисто ученая концепція позднѣйшаго времени такъ же чужда древней традиціи, какъ и представленіе о томъ, будто, начиная съ Отніэлля и Эгуда и кончая Эли и Самуиломъ, судьи образовали замкнутый рядъ, внутри котораго съ непрерывной послѣдовательностью предшественникъ передаетъ преемнику власть и начальствованіе надъ израильскимъ народомъ. Въ дѣйствительности же центральныя фигуры эпохи судей—это богатыри, становящіеся во главѣ своего колѣна, когда нужды народныя ихъ призываютъ и когда опасность дѣлаетъ изъ нихъ героевъ. Пока колѣно или родъ живутъ своей обособленной жизнью, мало думая о горѣ и радостяхъ другихъ колѣнъ и довольствуясь тѣмъ, что въ состояніи безъ посторонней помощи отражать нападеніе врага,—до тѣхъ поръ роль судей сводится къ тому, что въ качествѣ мѣстныхъ князей и предводителей колѣнъ—обыкновенно знатнаго происхожденія,—они сзываютъ воиновъ колѣна и выходятъ навстрѣчу врагу, вторгающемуся въ страну для грабежа и насилій. Лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, тогда, когда

опасность особенно велика, или когда вождю удается и въ средѣ сосѣднихъ колѣнъ возбудить чувство солидарности,—колѣна повинуются кличу посторонняго вождя, и на общее дѣло поднимается „весь народъ". Но это объединеніе наблюдается рѣдко и длится оно недолго; ярче всего оно проявилось при Деборѣ.

Нетрудно уяснить себѣ, каковы были ближайшія задачи израильскаго народа. Необходимо было прежде всего окончательно утвердиться въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ израильтяне успѣли прочно осѣсть,—задача далеко не легкая въ виду непрекращающагося натиска враговъ, кончавшагося во многихъ случаяхъ пораженіемъ израильтянъ. Далѣе, необходимо было—съ одной стороны, въ цѣляхъ упроченія завоеванныхъ уже позицій, а съ другой стороны, для удовлетворенія потребности въ дальнѣйшемъ увеличеніи территоріи,—проникать въ тѣ части страны, въ которыхъ израильтянамъ до сихъ поръ еще не удавалось стать твердой ногой. Если области, лежавшія у финикійскаго, позднѣе филистимскаго, побережья считались въ большей или меньшей степени неприступными, то все же вся внутренняя территорія страны, отъ склоновъ Ливана и до Іудейской пустыни, должна была представляться израильскому народу предметомъ *осуществимыхъ со временемъ вожделѣній*. Укрѣпленные ханаанейскіе города, расположенные среди израильскаго народа, несомнѣнно, казались ему занозами въ его національномъ тѣлѣ, а плодородныя долины, воздѣлываемыя иноплеменниками, были у него бѣльмомъ въ глазу. Необходимо было разрушить преграды, отдѣляющія колѣна и группы колѣнъ другъ отъ друга, и дать имъ возможность объединиться хотя бы для опредѣленныхъ цѣлей, требуемыхъ задачами времени. Наконецъ, приходилось думать и о томъ, чтобы при разрѣшеніи вооруженною силою и, въ особенности, мирнымъ путемъ, конфликтовъ съ кореннымъ населеніемъ, не пострадали національная цѣльность и религіозная самобытность израильскаго народа,— задача несомнѣнно болѣе трудная, чѣмъ овладѣніе страной и покореніе ея населенія.

Не было, конечно, недостатка въ препятствіяхъ къ достиженію стоявшихъ на очереди задачъ. Этимъ объясняется, почему израильтяне долго не идутъ далѣе однѣхъ лишь попытокъ къ ихъ осуществленію, а окончательное ихъ разрѣшеніе въ теченіе продолжительнаго времени оказывается невыполнимымъ. Два могущественныхъ и опасныхъ врага всякаго нормальнаго развитія общественнаго организма ставятъ на каждомъ шагу препятствія израильскому народу: *внутренніе раздоры и нападенія извнѣ*. Какъ это часто бываетъ, такъ и въ данномъ случаѣ явленія эти другъ другу сопутствуютъ. Раздоры внутри отдѣльныхъ колѣнъ и преслѣдованіе цѣлей, не связанныхъ съ общими интересами, даютъ врагамъ поводъ совершать нападенія и обезпечиваютъ подчасъ этимъ нападеніямъ успѣхъ. Появляющіеся то здѣсь то тамъ отдѣльные героическіе вожди, разрѣшавшіе мѣстныя задачи, не могли, конечно, своими подвигами установить прочное господство всего Израиля надъ страной и создать его національное единство. Они временно оказывали извѣстную помощь; однако они не въ состояніи были

отстоять пріобрѣтенное. Ходъ вещей сдѣлалъ необходимымъ объединеніе колѣнъ подъ сильной центральной властью.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ періодъ раздоровъ и общей разрозненности всѣ условія толкали израильскій народъ на путь единенія. И тотъ, кто въ эту эпоху близко зналъ народную душу Израиля и угадывалъ его призваніе, долженъ былъ чувствовать эту скрытую потребность. Словомъ, то, что мы называемъ „эпохой судей“, есть эпоха противорѣчій, борьбы противоположныхъ элементовъ, борьбы во имя великихъ задачъ, лишь немногими осознанныхъ, но и для нихъ непосильныхъ.

Вершина Масада въ Іудейской пустынѣ.

Горы Эфраимъ.

2. Израильскія колѣна.

Древнѣйшія данныя о взаимоотношеніяхъ и расположеніи отдѣльныхъ израильскихъ колѣнъ въ нашу эпоху мы находимъ въ Пѣснѣ Деборы, памятникѣ, обладающемъ всѣми признаками безусловно достовѣрнаго источника. Израиль выступаетъ здѣсь уже какъ собирательное цѣлое, распадающееся на значительное число самостоятельныхъ единицъ, которыя только подъ давленіемъ временной необходимости на опредѣленный срокъ объединяются для совмѣстныхъ дѣйствій. Измѣнился уже и хозяйственный бытъ Израиля: въ Пѣснѣ Деборы мы встрѣчаемъ мало слѣдовъ пастушески-кочевого быта, главнымъ занятіемъ колѣнъ является уже земледѣліе. Если допустить, что перечисленіе колѣнъ въ Пѣснѣ Деборы имѣетъ исчерпывающій характеръ, то слѣдуетъ заключить, что Дебора знала десять колѣнъ израилевыхъ.

Если пѣснь эту отнести приблизительно къ 1150 г., то другой очень важный памятникъ, главныя части котораго относятся, повидимому, къ концу разсматриваемаго періода, отодвигаетъ насъ еще на нѣсколько поколѣній впередъ. Рѣчь идетъ о такъ называемомъ „Благословеніи Іакова" въ 49-ой главѣ кн. Бытія, которое въ современной его литературной формѣ представляетъ собою одно цѣлое, составившееся путемъ сліянія ряда древнихъ народныхъ изреченій и оракуловъ. Изреченія эти были, вѣроятно, въ ходу среди отдѣльныхъ колѣнъ и выражали индивидуальныя особенности, чаянія и надежды каждаго изъ нихъ; впослѣдствіи они подверглись нѣкоторой переработкѣ, были спаяны воедино и, облеченныя въ форму „Благословенія Іакова", включены въ библейское повѣствованіе. Для того, чтобы точно датировать время возникновенія этого „Благословенія" въ его

первообразѣ, слѣдуетъ исходить изъ содержанія отдѣльныхъ заключающихся въ немъ изреченій. Такъ, изреченіе о Іудѣ относится, очевидно, къ эпохѣ Давида, и притомъ къ первымъ ея годамъ, когда выступленіе Іуды въ роли господствующаго колѣна было еще явленіемъ новымъ, обращавшимъ на себя вниманіе; мало того, невольно возникаетъ вопросъ, не предшествуетъ ли это изреченіе возвышенію Давида и не относится ли оно къ тѣмъ изреченіямъ и притчамъ, о которыхъ упоминается нѣсколько разъ въ эпоху раздоровъ между Сауломъ и Давидомъ [1]), и созданіе которыхъ можно не безъ основанія объяснить желаніемъ расчистить народному любимцу путь къ трону. Въ этомъ случаѣ пришлось бы изреченіе это отнести къ болѣе ранней эпохѣ Саула.

Другія изреченія, поскольку есть возможность опредѣлить время ихъ происхожденія, переносятъ насъ отчасти къ эпохамъ болѣе древнимъ. Если о Веніаминѣ говорится лишь, что онъ хищный волкъ, и, если его, въ качествѣ хищнаго волка, не осуждаютъ, не грозятъ ему карами небесными, а, напротивъ, восхваляютъ его, — то въ этомъ можно видѣть доказательство того, что поэту неизвѣстно ни царствованіе Саула, ни его паденіе. Изреченіе это возвращаетъ насъ къ эпохѣ, предшествующей Саулу. Равнымъ образомъ, если при осужденіи Леви не говорится ни слова о компенсаціи, которую предстояло ему найти въ жречествѣ, то обстоятельство это можно объяснитъ тѣмъ, что время компенсаціи для Леви тогда еще не наступило. А между тѣмъ древній, возникшій, вѣроятно, еще при Давидѣ, разсказъ о сооруженіи божьяго дома Михою (Суд., гл. 17) знаетъ уже о левитскомъ жречествѣ. Такимъ образомъ, изреченіе это приходится отнести къ болѣе ранней эпохѣ, къ эпохѣ Саула или Судей: оно отражаетъ положеніе Леви до возникновенія упомянутаго выше разсказа, т.-е. до эпохи Давида, а, быть можетъ, и Саула. Въ соотвѣтствіи съ этимъ представляется правдоподобнымъ такое же толкованіе и относительно Іосифа, и изреченіе о немъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду борьбу между Эфраимомъ и Менаше, происходившую ранѣе эпохи Царей.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право использовать оба описанныхъ здѣсь вкратцѣ памятника, Пѣснь Деборы и Благословеніе Іакова, какъ свидѣтельства о положеніи израильскихъ колѣнъ въ разсматриваемый періодъ. Кромѣ того, существенныя данныя мы можемъ извлечь изъ 1-ой главы книги Судей.

По библейскимъ источникамъ центромъ жизни израильскаго народа являются горы Эфраима. Послѣ 1230 г. мы не застаемъ тамъ какого-либо племени, носящаго имя Израиля, не находимъ также и слѣдовъ колѣна подъ именемъ Іакова. Мѣсто ихъ было занято, вѣроятно, колѣномъ Іосифа, родоначальникомъ котораго сказаніе о праотцахъ считаетъ одного изъ сыновей Іакова-Израиля. Но вмѣсто Іосифа чаще всего говорится о почти тождественныхъ съ нимъ Эфраимѣ и Менаше, сыновьяхъ Іосифа. Достойно при этомъ вниманія, что Пѣснь Деборы ни-

---

[1]) Напр., I Сам. 18,7; II Сам. 52.

чего о Іосифѣ не знаетъ, но о немъ упоминаютъ Благословеніе Іакова и Благословеніе Моисея (Втор. гл. 33), а также 1-ая гл. кн. Судей. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно было бы, пожалуй, прійти къ мысли, что Іосифъ есть лишь болѣе поздняя фигура, такъ сказать, составного характера, возникшая путемъ сліянія Эфраима и Менаше, или же Эфраима и Махира. Но противъ этого говоритъ уже одно то обстоятельство, что Эфраимъ, какъ мы уже видѣли (стр. 142), первоначально вовсе не былъ именемъ лица или рода, а названіемъ мѣстности. Приходится поэтому предположить, что Іосифъ, или „домъ Іосифа", какъ гласитъ употребительное выраженіе, есть древнѣйшее названіе колѣна, весьма рано распавшагося на два или нѣсколько самостоятельныхъ, меньшихъ колѣнъ.

Въ эпоху Пѣсни Деборы распаденіе колѣна Іосифа на колѣна Эфраима и Махира, мѣсто котораго впослѣдствіи занялъ Менаше, является уже совершившимся фактомъ [1]). Мѣстопребываніе какъ того, такъ и другого слѣдуетъ искать въ горахъ Эфраимъ, ибо, направляясь по призыву Деборы въ долину Изреэль, они спускаются съ горъ Эфраима [2]). Этому соотвѣтствуютъ указанія источниковъ на то, что колѣно Іосифа (Судьи 1,22 и сл.) занимало Бетъ-Эль и впослѣдствіи утвердилось въ окрестностяхъ Бетъ-Шемеша и Аялона, что Менаше не удается овладѣть крѣпостями, расположенными съ одной стороны, на Изреэльской равнинѣ до самаго Бетъ-Шеана, и съ другой стороны—на приморской равнинѣ къ югу отъ Кармеля,—и наконецъ, что Эфраимъ не въ состояніи былъ подчинить себѣ Гезеръ, расположенный на окраинѣ южной приморской равнины, невдалекѣ отъ Іоппе (Суд. 1, 27 и сл.). Всѣ эти области предстояло завоевать и удержать за собою; а такъ какъ это сразу не удавалось, то необходимо было продолжать наступательныя военныя дѣйствія. Въ то же время Іосифу приходилось отражать нападенія извнѣ, какъ это было при Деборѣ и Гедеонѣ, и подавлять внутреннія усобицы, въ родѣ распри между Абимелехомъ и Сихемомъ или Тебецемъ. Все это въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ стихъ о Іосифѣ въ „Благословеніи Іакова":

Непоколебимъ былъ лукъ его,
И проворны были его руки,
Помощью оплота Іакова
Именемъ пастыря Израилева.

Къ югу отъ Іосифа, примыкая преимущественно къ Эфраиму, расположилось колѣно Веніамина, брата Іосифа. Въ Пѣснѣ Деборы оно изображается, какъ колѣно, слѣдующее за Эфраимомъ, но не вполнѣ

---

[1]) Махиръ былъ, вѣроятно, вождемъ изъ колѣна Іосифа, основавшимъ свое колѣно, которое растворилось со временемъ въ колѣнѣ Менаше. Равнымъ образомъ и самъ Менаше—оба имени суть личныя—былъ, вѣроятно, вождемъ изъ колѣна Махиръ, отдѣлившимся отъ него вмѣстѣ съ какимъ-либо родомъ, ставшимъ впослѣдствіи болѣе сильнымъ, чѣмъ основное колѣно и поглотившимъ послѣднее. Это привело къ тому, что къ Эфраиму присоединенъ былъ Менаше, „сынъ Махира".

[2]) Суд. 5, 14. Въ масоретскомъ текстѣ Киттель дѣлаетъ поправку, согласно съ греч. переводомъ, замѣняя עמלק чрезъ עמק (долина) и вмѣсто שרשם ставя какой-либо глаголъ, означающій движеніе. Эта поправка общепринята.

самостоятельное. Въ I главѣ кн. Судей оно совершенно не упоминается Благословеніе Іакова, однако, воздаетъ ему хвалу, называя его „хищнымъ волкомъ", который возвращается съ удачнаго набѣга, нагруженный добычей. Колѣно Веніамина, врѣзавшееся клиномъ между Іудой и Эфраимомъ, соприкасавшееся съ разныхъ сторонъ съ ханаанеянами и простиравшееся, какъ это явствуетъ изъ исторіи Эгуда, вплоть до Іерихона и Гилгала, имѣло полную возможность угрожать безопасности пролегавшихъ черезъ его владѣнія важныхъ торговыхъ путей и облагать данью іебуситовъ близъ Іерусалима, ханаанеянъ близъ Гибеона и Гезера, и филистимлянъ на протяженіи всей приморской равнины.

Ближайшимъ сосѣдомъ колѣна Веніаминова былъ нѣкогда Данъ [1]). Амореяне преградили колѣну Данову доступъ къ приморской равнинѣ и оттѣснили его въ горы. Они не уступили ему даже мѣстностей, расположенныхъ на западномъ склонѣ горъ, какъ Бетъ-Шемешъ, Аялонъ и Шаальбимъ; мѣстности эти впослѣдствіи достались колѣну Іосифа, а затѣмъ колѣну Іуды. Все это даетъ поводъ заключить, что Данъ былъ слабымъ и, въ сущности, мало воинственнымъ колѣномъ, и преданія о Самсонѣ не могутъ поколебать этого вывода. Согласно преданію (Суд. 18), колѣно располагало только 600 воинами. Такъ какъ оно не въ состояніи было удержать за собою мѣстности, занятыя имъ первоначально, то оно ушло на сѣверъ, гдѣ ему удалось отвоевать себѣ территорію и удержать ее. Здѣсь-то застаетъ его Пѣснь Деборы и, вѣроятно, и „Благословеніе Іакова". Въ обоихъ этихъ памятникахъ колѣно Даново рисуется крайне противорѣчиво. Пѣснь Деборы осуждаетъ Дана за то, что „онъ пускается вдаль на корабляхъ"; близость финикійскаго прибережья даетъ данитамъ возможность добывать себѣ легкій заработокъ въ качествѣ грузчиковъ и матросовъ, такъ что они забываютъ въ тяжелыя времена о своемъ долгѣ передъ народомъ. Этому соотвѣтствуетъ отмѣченное выше слабое развитіе у данитовъ воинственныхъ наклонностей. Иное говорится въ „Благословеніи Іакова". Несмотря на свою малочисленность, колѣно Дана мужественно борется за свою независимость подобно другихъ колѣнамъ: „какъ змѣй на дорогѣ, уязвляетъ онъ ногу коня, такъ что всадникъ падаетъ навзничь". Очевидно, Данъ со смѣлостью и не безъ коварства отбивался отъ своихъ враговъ. Конечно, вполнѣ возможно, что въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ образъ дѣйствій Дана былъ неодинаковъ. Такъ какъ мы располагаемъ только этими отрывочными указаніями, то мы должны ограничиться установленіемъ факта ихъ расхожденія.

Наряду съ Даномъ въ числѣ колѣнъ, живущихъ на сѣверѣ, упоминаются,—при томъ почти повсюду въ одинаковомъ порядкѣ,—слѣдующія колѣна, занимавшія плоскогоріе Галилеи: Зебулунъ, Ашеръ и Нафтали. Зебулунъ, согласно „Благословенію Іакова", живетъ „у мор-

[1]) Кн. Суд., 1, 34, предполагаетъ, что колѣну Дана нѣкогда принадлежала часть земель на южномъ склонѣ Эфраимскихъ горъ и на спускавшемся къ филистимской равнинѣ западномъ ихъ склонѣ,—впослѣдствіи принадлежавшемъ частью колѣну Эфраима, частью колѣну Веніямина. На этомъ же преданіи зиждется древній разсказъ въ 17 гл. Судей, оно же нашло себѣ отраженіе и въ преданіяхъ о Самсонѣ.

ского берега". Если принять во вниманіе, что морской берегъ никогда не принадлежалъ израильтянамъ, и что, кромѣ того, колѣно Ашеръ жило ближе къ берегу, нежели Зебулунъ, то едва ли слѣдуетъ понимать выраженіе это буквально. „Благословеніе Іакова" имѣетъ, вѣроятно, въ виду лишь тѣ выгоды, которыя извлекалъ Зебулунъ изъ своей близости къ финикійскому прибережью. Очевидно, купцы изъ этого колѣна уже въ раннюю эпоху принимали участіе въ торговомъ мореплаваніи финикіянъ. Впрочемъ, подобно другимъ колѣнамъ, и Зебулуну пришлось оставить въ рукахъ ханаанеянъ нѣкоторые города, по крайней мѣрѣ до похода Деборы, въ которомъ Зебулунъ не только участвовалъ, но и проявилъ особую доблесть, на ряду съ Нафтали:

> Зебулунъ—народъ, обрекшій душу свою на смерть,
> И Нафтали—на высотахъ полей.

И въ другихъ случаяхъ Нафтали упоминается въ тѣсной связи съ Зебулуномъ. Колѣну Нафтали принадлежала Галилея къ западу отъ Генисаретскаго озера; но Нафтали принужденъ былъ оставить ханаанеянамъ двѣ святыни палестинскаго сѣвера—Бетъ-Шемешъ и Бетъ-Анатъ; возможно, что онѣ достались ему впослѣдствіи, въ видѣ награды за храбрость, проявленную имъ во время похода Деборы. Трудно, однако, опредѣлить, за что именно воздаетъ ему хвалу „Благословеніе Іакова".

Область третьяго изъ галилейскихъ колѣнъ, Ашера, простиралась на югъ вплоть до долины Кишона, и временами сыны Ашера доходили, вѣроятно, ради рыбныхъ промысловъ, до бухты Акко. Мы знаемъ, что Дебора упрекаетъ колѣно Ашеръ за то, что оно спокойно сидитъ на морскомъ берегу, у своихъ пристаней. Возможно, что бездѣйствіе колѣна Ашеръ было вызвано угрозами со стороны Сисеры, столица котораго находилась въ области этого колѣна. Окрестности Кармеля, равно какъ и вся страна къ западу отъ финикійскаго побережья, считались, по всей вѣроятности, также принадлежащими Ашеру. Но портовые города: Акко, Сидонъ и лежащій между ними Ахзибъ, а также Афекъ, расположенный къ югу отъ Кармеля, Ашеру пришлось, въ концѣ концовъ, оставить въ рукахъ ханаанеянъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Судей (1, 31), не дѣлая и при этомъ обычной оговорки, что неудача эта была только временной. Такимъ образомъ, Ашеръ является ближайшимъ сосѣдомъ финикіянъ. Черезъ его владѣнія направляется торговля какъ въ финикійскіе города и порты, такъ и обратно. Благодаря плодородію галилейской почвы, преимущественно Кишонской долины, а также особенно благопріятному положенію владѣній колѣна вдоль главныхъ торговыхъ путей, направлявшихся отъ материка къ финикійскимъ портамъ и городамъ, Ашеръ могъ достигнуть значительнаго благосостоянія: онъ могъ заниматься и земледѣліемъ, и вывозомъ масла и зерна, рыболовствомъ и торговлей. Такъ, уже „Благословеніе Іакова" говоритъ, что Ашеръ живетъ въ изобиліи и поставляетъ царскія яства, вѣроятно, для дворовъ финикійскихъ монарховъ и для князей сосѣднихъ ханаанейскихъ городовъ,—а въ „Благословеніи Моисея" говорится даже о томъ, что Ашеръ „погружаетъ ноги свои въ елей".

Менѣе глубоко, чѣмъ всѣ остальные, проникъ въ собственно галилейскую землю Иссахаръ. Занятая имъ область охватывала восточную часть Изреэльской равнины и, вѣроятно, примыкающую къ ней юго-восточную часть Галилеи, т.-е. территорію вокругъ Энъ-Дора и Шунема вплоть до Табора на сѣверѣ и Бетъ-Шеана на югѣ. Къ сожалѣнію, книга Судей (гл. 1), перечисляя свободныя пространства въ израильскихъ владѣніяхъ, не упоминаетъ объ Иссахарѣ, такъ что при опредѣленіи границъ его владѣній въ этотъ періодъ мы не можемъ пользоваться указаніями на ханаанейскія черезполосныя земли. Въ эпоху, къ которой относится „Благословеніе Моисея", торговля составляетъ главное занятіе Иссахара; благодаря своему мирному образу жизни, Иссахаръ оказываетъ немаловажное содѣйствіе Зебулуну въ его морской торговлѣ, и дѣлитъ съ нимъ его барыши. „Благословеніе Іакова" представляетъ особый интересъ именно потому, что это единственный памятникъ, объясняющій намъ названіе Иссахаръ буквально: „поденщикъ трудящійся за плату",— свидѣтельствуя о томъ, что Иссахаръ рано превратился въ данника:

И когда онъ увидалъ, что покой хорошъ,
И что земля благодарна—
То склонилъ онъ тылъ свой подъ бременемъ
И сталъ покорнымъ данникомъ.

Слова эти могутъ быть понимаемы лишь въ томъ смыслѣ, что названіе „Иссахаръ" колѣну первоначально не принадлежало, а дано было ему впослѣдствіи другими колѣнами, въ виду его занятій и образа жизни, а затѣмъ уже осталось за нимъ. Вѣроятно, когда-то израильское колѣно неизвѣстнаго имени проникло въ плодородную Изреэльскую равнину и въ область къ сѣверу отъ нея; здѣсь оно, несмотря на свое упорство (на что указываетъ эпитетъ „кряжистый оселъ", Бытіе 49, 14), не выдержало борьбы съ болѣе сильными ханаанейскими городами и предпочло стать ихъ вассаломъ, за что и получило свое названіе: „Иссахаръ". Иную картину рисуетъ Пѣснь Деборы. Здѣсь Иссахаръ превозносится, какъ колѣно, князья котораго двинулись въ походъ „вмѣстѣ съ Деборой". Такимъ образомъ, все становится сразу яснымъ, и мы имѣемъ тутъ новое доказательство того, что отдѣльныя изреченія въ „Благословеніи Іакова" относятся къ весьма ранней эпохѣ. Ханаанеяне стараются, очевидно, распространить и на другія колѣна то, чего имъ удалось добиться по отношенію къ Иссахару: превратить весь израильскій народъ въ своихъ вассаловъ. При Деборѣ наступаетъ поворотъ: закабаленный Иссахаръ собирается съ силами и принимаетъ особенно усердное участіе въ общей борьбѣ. Отнынѣ только его имя напоминаетъ о быломъ униженіи.

Обращаясь къ Заіорданью, мы находимъ здѣсь Рувима, Гилеада и Гада. О колѣнѣ Рувима извѣстно, что оно жило въ южной части Заіорданья и занималось скотоводствомъ. Еще Пѣснь Деборы не знаетъ о томъ, что Рувимъ, въ древнее время считавшійся первенцомъ, обреченъ на гибель, какъ мы узнаемъ изъ „Благословенія Іакова". Дебора обвиняетъ колѣно Рувима лишь въ безучастномъ отношеніи

къ общему дѣлу и въ томъ, что оно поглощено внутренними своими интересами:

> У племенъ Рувима было долгое раздумье.
> Что сидишь ты между загонами,
> Слушая свирѣли среди стадъ?

Получается впечатлѣніе, что Рувимъ могъ бы оказать существенную помощь. Но онъ уже рано долженъ былъ тяжко пострадать отъ эдомитянъ и моабитянъ. Этому способствовало его изолированное положеніе; возможно также, что остальной Израиль мстилъ ему за его поведеніе при Деборѣ. „Благословеніе Іакова",—въ данной части, очевидно, болѣе позднее, чѣмъ Пѣснь Деборы—упоминаетъ о Рувимѣ, какъ о колѣнѣ, гибель котораго близка, и объясняетъ его участь старымъ грѣхомъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ, какъ проклятіе. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ эпоху „Благословенія Моисея" колѣно Рувима почти окончательно уничтожено, а Меша, называя колѣно Гада по имени, о Рувимѣ вовсе не упоминаетъ, хотя и говоритъ объ областяхъ, бывшихъ нѣкогда въ его владѣніи.

Съ сѣвера сосѣдомъ Рувима является колѣно Гада. Пѣснь Деборы о немъ не упоминаетъ; слѣдуетъ полагать, что тогда оно еще входило въ составъ Гилеада. Вполнѣ возможно, поэтому, что оно сдѣлалось самостоятельнымъ лишь впослѣдствіи, къ концу эпохи судей. Во всякомъ случаѣ, „Благословеніе Іакова" причисляетъ его къ самостоятельнымъ колѣнамъ; оно восхваляетъ Гада за рѣшительность и отвагу въ борьбѣ съ врагами—съ сосѣдними хищниками изъ Моаба, Аммона и Арама.

Вмѣсто Гада, Пѣснь Деборы говоритъ о Гилеадѣ. И его, подобно Рувиму, она упрекаетъ въ томъ, что, несмотря на общую опасность, онъ не пожелалъ покинуть своего мирнаго края по ту сторону Іордана. Такъ какъ Гилеадъ упоминается среди израильскихъ колѣнъ, то, слѣдовательно, въ то время (ок. 1150 г.) онъ составлялъ самостоятельное колѣно въ Израилѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гадъ пріобрѣлъ самостоятельное значеніе, названіе Гилеадъ стало все чаще встрѣчаться только въ качествѣ понятія географическаго.

Несомнѣнно, что мѣстность Гилеадъ была заселена преимущественно израильскими родами, которые, двигаясь съ востока и юга, осѣли здѣсь и отказались отъ мысли перейти на западный берегъ Іордана. Но на ряду съ этимъ уже въ раннюю эпоху происходило, безъ сомнѣнія, также и обратное движеніе съ запада. Тѣ израильскіе роды, которые не могли утвердиться въ областяхъ къ западу отъ Іордана, отсюда уходятъ (подобно родамъ изъ колѣна Данова) на востокъ. Впослѣдствіи эти роды были причислены къ колѣну Менаше, и отсюда сложилось преданіе, будто уже при Моисеѣ въ Гилеадѣ осѣла часть колѣна Менаше. Однако преданіе это служитъ лишь подтвержденіемъ того, что переселеніе происходило рано, вѣроятно, уже въ описываемую нами эпоху; по крайней мѣрѣ, уже тогда существовало насмѣшливое прозвище „бѣглые эфраимиты", которымъ, повидимому, принято было дразнить людей изъ Гилеада (Суд. 12, 4).

Къ той же эпохѣ, вѣроятно, относится основаніе израильскихъ поселеній въ сѣверномъ Заіорданьѣ, къ с.-в. отъ Гилеада по направленію къ Хаурану. Таковы, напр., поселенія Іаира въ области Ярмука[1]).

Такимъ образомъ, около 1150 г. Израиль, въ собственномъ смыслѣ, слагался, повидимому, изъ десяти колѣнъ: Эфраимъ, Зебулунъ, Ашеръ, Нафтали, Данъ, Веніаминъ, Махиръ, Иссахаръ, Рувимъ, Гилеадъ. Встрѣчающіяся еще и въ болѣе поздній періодъ указанія на то, что „Израиль" состоитъ изъ десяти частей (II Сам. 19, 44; I Цар. 11, 35), очевидно, не случайны, а покоятся на преданіи. Но гдѣ же осталась южная группа колѣнъ, Іуда, Симеонъ и Леви? Если Пѣснь Деборы не упоминаетъ ни о Іудѣ, ни о Симеонѣ, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Дебора не разсчитывала на помощь съ ихъ стороны; но едва ли изъ этого можно заключать, что они еще вовсе не причислялись къ Израильскому народу. Очевидно, эти три колѣна въ эпоху Деборы, благодаря географическимъ условіямъ, стояли въ сторонѣ отъ Израиля. Всѣ десять колѣнъ такъ или иначе соприкасаются другъ съ другомъ; Іуда же отъ нихъ отрѣзанъ, ибо нѣкоторыя земли близъ Іерусалима, какъ, напримѣръ, Киріатъ-Іеаримъ и Бетъ-Шемешъ, принадлежатъ ханаанеянамъ, отъ которыхъ позднѣе переходятъ сначала къ Эфраиму и затѣмъ только становятся іудейскими. Колѣно Іудово было сосредоточено, преимущественно, между Бетъ-Лехемомъ и Хеброномъ, а также на изобиловавшихъ стадами лугахъ къ югу отъ Хеброна. Однако Іуда, чтившій того же самаго Іагве, которому поклонялся и Израиль, и сохранившій множество традицій, общихъ для него и для всего Израиля, чувствовалъ, несомнѣнно, извѣстную духовную связь съ остальными колѣнами. Если Дебора не взываетъ къ его чувству солидарности съ остальными, не хвалитъ и не укоряетъ его, то это объясняется, всего вѣроятнѣе, тѣмъ обстоятельствомъ, что Іуда былъ въ то время настолько поглощенъ внутренними своими дѣлами, что нельзя было на него разсчитывать.

Каковы были эти дѣла, ясно обнаруживается изъ „Благословенія Іакова". Его изреченіе о Іудѣ относится, какъ указано выше, самое раннее къ эпохѣ Саула. Но, несомнѣнно, что основныя черты этой характеристики Іуды возникли въ разсматриваемую эпоху. Если впослѣдствіи остальныя израильскія колѣна преклонялись предъ Іудой, то это отношеніе стало складываться уже въ разсматриваемый нами періодъ,— ибо рука Іуды „на хребтѣ враговъ его":

Іуда—молодой львенокъ:
Съ добычи, сынъ мой, ты поднялся.
Онъ растянулся, залегъ подобно льву,
Подобно львицѣ—кто осмѣлится поднять его?

---

[1]) Ихъ эпонимомъ былъ Іаиръ Гилеадитъ (Суд. 10, 3—5). Уже при Давидѣ лицо родомъ изъ этой мѣстности, Ира изъ Іаира, является жрецомъ. Такимъ образомъ, основаніе этихъ поселеній могло состояться не позже эпохи Саула или Эли. Изъ того факта, что названный Іаиръ упоминается въ числѣ судей, можно сдѣлать выводъ, что основаніе состоялось въ разсматриваемый періодъ. Въ этомъ случаѣ мы также имѣемъ дѣло съ направляющимся на востокъ движеніемъ родовъ, причислявшихся затѣмъ къ колѣну Менаше.

Несомнѣнно, что Іудѣ пришлось немало потрудиться, прежде чѣмъ ему удалось упрочить за собой владѣніе горной областью. Задача состояла въ томъ, чтобы вытѣснить продвинувшихся на югъ хананеянъ, съ одной стороны, и эдомитянъ, съ другой. Въ царствованіе Давида задача эта была уже завершена; да и въ эпоху Саула о ней ничего не говорится. Очевидно, все было сдѣлано уже въ эпоху Деборы, и этимъ объясняется, почему Пѣснь Деборы не упоминаетъ о Іудѣ [1]).

Земля вокругъ Бетъ-Лехема и Хеброна вполнѣ пригодна для обработки. Овладѣвъ ею, Іуда сталъ заниматься хлѣбопашествомъ. Къ югу отъ Хеброна разстилается степь съ обширными пастбищами. И чѣмъ далѣе Іуда проникалъ въ степную область, переходя къ скотоводству, тѣмъ легче ему было сохранить бытъ и привычки кочевника или полукочевника-пастуха. Это въ еще большей степени относится къ племенамъ Негеба, южной области, первоначально чуждымъ Іудѣ, но постепенно слившимся съ нимъ. Въ разсматриваемый періодъ происходитъ сліяніе съ Іудой Калеба, Іерахмеэля и Каина, или кенитовъ, а также Кеназа, или кенизитовъ. Каинъ (I Сам. 15, 6) былъ близокъ къ амалекитянамъ, но отрекся отъ нихъ; однако самая связь эта возникла, вѣроятно, уже въ историческую эпоху. Мѣстожительство кенитовъ опредѣляется указаніемъ на городъ Арадъ въ Негебѣ (Суд. 1, 16). Какъ извѣстно, разсказъ о Каинѣ и Абелѣ (Быт. 4) относится, именно, къ кенитамъ: Каинъ— прообразъ дикаго настоящаго бедуина, надъ которымъ, по представленію хлѣбопашцевъ и полукочевниковъ, тяготѣетъ проклятіе; Абель— мирный скотоводъ, на подобіе Набала (I Сам. гл. 25), котораго Каинъ часто тревожитъ и притѣсняетъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, кениты всегда считаются кочевниками, а въ Пѣснѣ Деборы мы встрѣчаемъ кенитянина Хебера, разбившаго свои шатры въ Изреэльской равнинѣ, далеко отъ старыхъ своихъ поселеній. Сохранилось важное и вполнѣ правдоподобное извѣстіе, что рехабиты, которые и въ позднѣйшую эпоху славились своею необычайной привязанностью къ кочевому быту, являются вѣтвью кенитовъ (I Хрон. 2, 55; 4, 12).

Калебъ жилъ въ мѣстности близъ Хеброна и, главнымъ образомъ, нѣсколько южнѣе его, въ Кармелѣ, между Хеброномъ и Арадомъ, близко соприкасаясь, такимъ образомъ, съ кенитами. То же слѣдуетъ сказать и о Іерахмеэлѣ; возможно даже, что послѣдній представляетъ собой лишь вѣтвь колѣна Калебъ. По всей вѣроятности, въ описываемую эпоху всѣ три колѣна Негеба, Каинъ, Калебъ и Іерахмеэль, уже слились съ Іудой; сліяніе это, быть можетъ, было вызвано опасностью, грозившей со стороны напиравшихъ съ юга филистимлянъ, но скорѣе всего, усиленіемъ Іуды.

Дебора не упоминаетъ также ни о Симеонѣ, ни о Леви. Причину этого намъ раскрываетъ „Благословеніе Іакова“: оба колѣна, быть можетъ, въ связи съ войнами и прочими испытаніями, выпавшими на долю Іуды, были осуждены на „разсѣяніе во Израилѣ“, и въ эпоху Саула и Давида уже приходится считаться съ предстоящимъ въ близ-

---

[1]) Это была, очевидно, тяжелая и долгая борьба, хотя библейское повѣствованіе упоминаетъ только о началѣ ея, о первыхъ походахъ Іуды въ 1 гл. кн. Судей.

комъ будущемъ окончательнымъ разложеніемъ этихъ колѣнъ. Есть, однако, преданіе, что Симеонъ шелъ рука объ руку съ Іудой при завоеваніи страны (Суд., I). Въ основѣ этого преданія долженъ, по меньшей мѣрѣ, лежать тотъ фактъ, что нѣкогда, въ дѣйствительности, Симеонъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Іудой, къ западу отъ него. Въ эпоху вторженія филистимлянъ Симеонъ, вѣроятно, принужденъ былъ уступить свои земли имъ, а также ханаанеянамъ; Іуда же, поглощенный своими дѣлами, не могъ оказать ему сколько-нибудь значительной поддержки. Уничтоженіе этого колѣна слѣдуетъ отнести приблизительно къ эпохѣ Деборы.

Въ „Благословеніи Іакова" дѣлается попытка объяснить этотъ фактъ преступленіемъ, которое будто бы Симеонъ и Леви нѣкогда совершили: „они въ гнѣвѣ убили мужей и въ ярости перерѣзали быковъ". Это вызвало гнѣвъ патріарха, порицаніе котораго считалось равносильнымъ проклятію; все то, что случилось съ Симеономъ и Леви въ эпоху судей, вплоть до временъ Саула и Давида, было какъ бы предопредѣлено проклятіемъ праотца.

Остается указать еще на то, что намъ извѣстно о Леви, какъ объ особомъ колѣнѣ. Принадлежность Моисея къ этому колѣну, несомнѣнно, обезпечивала за нимъ выдающееся положеніе среди колѣнъ и родовъ эпохи Моисея. Прежде всего, колѣно Леви сохранило за собой авторитетъ въ вопросахъ религіозныхъ. Однако „Благословеніе Іакова"— единственный памятникъ древнѣйшаго времени, упоминающій о Леви, какъ объ особомъ колѣнѣ,—ясно показываетъ, что и само колѣно Леви не ограничивало себя областью религіозной жизни, и что въ остальномъ Израилѣ вовсе не это считалось существенной особенностью колѣна Леви. Напротивъ, въ эпоху Саула и Давида еще сохранилось воспоминаніе о немъ, какъ о колѣнѣ, мало чѣмъ отличающемся отъ прочихъ; въ противномъ случаѣ оно не значилось бы среди двѣнадцати другихъ и не втягивалось бы, подобно имъ, во всѣ свѣтскіе интересы. Отъ послѣднихъ оно, подобно Симеону (и, вѣроятно, съ нимъ вмѣстѣ), пострадало настолько сильно, что, въ качествѣ колѣна, въ этническомъ смыслѣ этого слова, очень скоро сходитъ со сцены. Въ описываемую нами эпоху, колѣно Леви успѣло уже придти въ большій упадокъ, нежели колѣно Симеона; въ противномъ случаѣ, мы должны были бы встрѣчать въ источникахъ упоминанія о немъ. Вполнѣ, поэтому, допустимо, что уже во время завоевательныхъ войнъ оно было представлено лишь нѣсколькими родами, примкнувшими, вѣроятно, къ Іудѣ и Симеону. Характерно, что единственный упоминаемый въ книгѣ Судей левитъ былъ выходцемъ изъ Іудеи. Колѣно Леви жило, вѣроятно, въ области Іуды; тамъ же, очевидно, и происходили тѣ войны и распри, жертвою которыхъ оно, въ концѣ концовъ, стало.

Истоки Іордана въ Данѣ.

3. Дальнѣйшія завоевательныя войны.

Мы не можемъ дать описанія дальнѣйшаго хода завоевательныхъ войнъ, равно какъ и остальныхъ событій эпохи Судей, въ ихъ послѣдовательности и связи, вслѣдствіе крайней неполноты имѣющихся въ нашемъ распоряженіи историческихъ данныхъ и полнаго отсутствія непрерывнаго лѣтосчисленія. Правда, книга Судей, въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, включена въ цѣльную и законченную хронологическую систему. Но эта схематическая хронологія является значительно болѣе поздней, чѣмъ отдѣльные сообщаемые въ ней эпизоды, и совершенно искусственной составной частью книги Судей, и не можетъ поэтому претендовать на достовѣрность. Приходится, такимъ образомъ, попрежнему устанавливать послѣдовательность событій по внутреннимъ ихъ признакамъ, и лишь нѣкоторую помощь окажетъ намъ при этомъ самая послѣдовательность отдѣльныхъ преданій о судьяхъ.

Мы уже упоминали выше, что завоевательныя войны продолжались и послѣ того, какъ израильскія колѣна утвердились въ странѣ, и что отдѣльныя колѣна то здѣсь, то тамъ съ оружіемъ въ рукахъ боролись за расширеніе своихъ владѣній. Эта борьба вытекала изъ общаго положенія вещей. Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія, они тѣмъ не менѣе достаточны для того, чтобы на основаніи нѣсколькихъ типичныхъ случаевъ представить себѣ ходъ этой борьбы.

Первымъ эпизодомъ этой борьбы принято считать вторженіе Симеона и Леви въ Сихемъ. Пользуясь тѣмъ, что въ Сихемѣ уже образовалась — немногочисленная, впрочемъ — израильская колонія, колѣна Симеонъ и Леви пытаются вооруженной силой овладѣть этимъ важнымъ городомъ, имѣя, вѣроятно, въ виду осѣсть въ этомъ краѣ. Колѣно Ле-

ви въ эпоху болѣе раннихъ завоевательныхъ войнъ вообще не упоминается и фигурируетъ здѣсь впервые; вѣроятно, оно тогда еще не завоевало себѣ территоріи. Напротивъ, Симеонъ, надо думать, не въ состояніи былъ, какъ и Данъ, удержаться въ занятой имъ южной области, примыкающей къ владѣніямъ Іуды. Отсюда стремленіе этихъ колѣнъ къ завоеванію области Сихема.

Нападеніе обоихъ колѣнъ, разсчитывавшихъ найти поддержку со стороны немногочисленнаго израильскаго населенія Сихема, было встрѣчено остальными израильскими колѣнами, какъ низкое предательство: такой образъ дѣйствій нарушалъ договорныя отношенія между Израилемъ и ханаанеянами и побуждалъ послѣднихъ мстить Израилю въ другихъ мѣстахъ. Вотъ почему Симеонъ и Леви не получаютъ помощи отъ Израиля, результатомъ чего и является почти полное уничтоженіе Симеона и Леви. Съ этого момента Симеонъ сходитъ съ исторической арены. Только на югѣ, на мѣстѣ прежняго его пребыванія, могли сохраниться послѣдніе его остатки. Леви оказывается разсѣяннымъ среди остальнаго Израиля; отдѣльные левитскіе роды еще встрѣчаются во владѣніяхъ другихъ колѣнъ, при чемъ, однако, они никогда не забываютъ о былой своей принадлежности къ Леви. Характерно, что изъ остатковъ колѣна Леви выдвигаются жреческіе роды и отдѣльные жрецы; терминъ „левитъ“ становится уже въ эпоху судей, скорѣе, профессіональнымъ, чѣмъ этнографическимъ названіемъ [1]).

Особенно интересный эпизодъ изъ эпохи завоевательныхъ войнъ мы находимъ въ исторіи колѣна Данова. Первоначально Данъ поселился на западныхъ склонахъ горъ Эфраима. Но вскорѣ амореяне, жители этой области, оттѣсняютъ его къ востоку; въ дальнѣйшемъ, вѣроятно, Данъ былъ окончательно обезсиленъ, такъ что, подъ напоромъ нахлынувшихъ тѣмъ временемъ филистимлянъ, онъ принужденъ былъ уступить свои позиціи и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. О томъ, какимъ путемъ колѣно Дана находитъ ихъ, сохранился разсказъ, одинаково важный какъ въ историческомъ, такъ и въ культур-

---

[1]) Вопросъ о колѣнѣ Леви и левитахъ до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ. Надо считать общепризнаннымъ, что колѣно Леви во время сихемской экспедиціи подверглось почти полному уничтоженію. Но не всѣ ветхозавѣтники согласны съ тѣмъ, чтобы терминомъ левитъ могли обозначаться въ позднѣйшую эпоху, дѣйствительно, остатки колѣна, специализовавшіеся на жреческихъ занятіяхъ. Такъ, Велльгаузенъ (Prolegomena, S. 141) думаетъ, что названіе левитовъ могло примѣняться только къ Моисею и его потомкамъ и лишь позднѣе было перенесено на жрецовъ вообще, хотя бы они по крови не имѣли ничего общаго съ колѣномъ Леви. Бенцингеръ (Hebr. Arch., II, Aufl., S. S. 342—344) предлагаетъ совершенно новое объясненіе термина „левитъ“. Именно, въ такъ наз. минейскихъ надписяхъ, оставшихся отъ мидіанитянъ, арабскаго племени, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ съ Моисеемъ и кочевавшаго около Синая, жрецъ называется l a w i'u, а жрица—l a w i'a t; отсюда, въ связи съ постояннымъ употребленіемъ евр. לוי для обозначенія жреца, возможно предположить, что этотъ терминъ былъ нарицательнымъ именемъ жреца въ древнѣйшую эпоху у евреевъ и родственныхъ имъ народцевъ. Параллелизмъ усиливается еще тѣмъ, что еврейское слово כהן также существовало и въ томъ же значеніи у арабовъ и финикіянъ.

Н. Н.

но-историческомъ отношенiи. Даниты, читаемъ мы тамъ (Суд., гл. 17—18), получивъ свѣдѣнiя отъ своихъ развѣдчиковъ, покидаютъ, въ составѣ 600 способныхъ носить оружiе мужей, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, занимаемыя ими укрѣпленныя позицiи въ Кирiатъ-Iеаримъ и направляются на сѣверъ. Близъ истоковъ Iордана лежалъ городъ Лаишъ, заселенный мирнымъ народцемъ. Онъ живетъ, не вѣдая заботъ, вдали отъ финикiянъ, которымъ онъ подвластенъ, и не имѣя никакихъ отношенiй къ арамеянамъ; никто не тревожитъ его, но никто и не защищаетъ. На этотъ городъ нападаютъ даниты, предварительно, по пути, похитивъ въ горахъ Эфраима изображенiе божества и уведя съ собой его жреца. Городъ Лаишъ они предаютъ огню, а населенiе его—мечу. Даниты возводятъ новый городъ, который называютъ своимъ собственнымъ именемъ: такъ возникаетъ извѣстный впослѣдствiи Данъ. Посредствомъ такого дерзкаго набѣга колѣно Даново завоевало себѣ на сѣверныхъ земляхъ Израиля независимое и почетное существованiе. Еще во времена Давида оно считается подлинно-израильскимъ колѣномъ и даже хранителемъ добрыхъ старыхъ нравовъ въ Израилѣ.

Впрочемъ, едва ли все Даново колѣно принимало участiе въ этомъ военномъ предпрiятiи. Не только намекъ Пѣсни Деборы, но также, и, главнымъ образомъ, исторiя Самсона свидѣтельствуютъ о томъ, что одной части стараго колѣна, опиравшейся, быть можетъ, на упоминаемый въ источникахъ „лагерь Дана“, удалось удержаться на старой родинѣ.

Однако послѣднее рѣшительное столкновенiе съ прежними хозяевами страны еще только предстояло Израилю. Необходимость отразить ханаанеянъ, предводительствуемыхъ Сисерой, привела къ временному объединенiю израильскихъ колѣнъ подъ главенствомъ Барака и Деборы. Объ этомъ событiи до насъ дошли два сообщенiя: одно—изложенное въ поэтической формѣ, другое—въ прозаическомъ разсказѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не совпадаютъ, преимущество почти всегда принадлежитъ первому. Рѣчь идетъ о Пѣснѣ Деборы, авторомъ которой является если не сама героиня, то, во всякомъ случаѣ, современникъ описываемыхъ событiй. Эта Пѣсня является истинной жемчужиной древне-еврейской литературы и однимъ изъ величайшихъ поэтическихъ произведенiй всѣхъ временъ. По содержанiю своему, Пѣснь Деборы—поистинѣ героическая поэма; поэтическая прелесть ея заключается не только въ формѣ: поэзiей вѣетъ и отъ воспѣваемыхъ въ ней могучихъ подвиговъ; ея вдохновенiе, это—пламя, питаемое нацiональнымъ воодушевленiемъ и горячею любовью къ Iагве и къ его народу.

Сисера, царь сѣверныхъ ханаанеянъ, угнеталъ израильскiя колѣна, населявшiя центральную и сѣверную часть страны. Въ союзѣ съ оставшимися еще въ рукахъ ханаанеянъ городами Кишонской долины, Сисера могъ, пользуясь разрозненностью израильскихъ племенъ, одолѣть израильскiя колѣна на сѣверѣ и югѣ долины безъ особенныхъ усилiй, нападая на каждое изъ нихъ въ отдѣльности или сразу на два, и подчинить ихъ послѣ побѣды своей власти. То, что ханаанеянамъ не

удалось нѣкогда при Іошуѣ, онъ рѣшилъ выполнить теперь. Полагаясь на свое превосходство въ военномъ дѣлѣ и возлагая надежды на рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ, напр., Таанахъ, Мегиддо и др., хананеяне, объединившись, все еще разсчитывали, что имъ удастся подчинить себѣ пришельцевъ.

Казалось, что главное было уже сдѣлано: подъ ярмомъ многолѣтняго тяжелаго гнета, израильскій земледѣлецъ пересталъ думать о сопротивленіи и малодушно выпустилъ изъ рукъ оружіе. „Ни щита, ни копья не видно было у сорока тысячъ во Израилѣ!". Отъ поры до времени возобновлявшіяся нападенія ханаанеянъ не давали Израилю воспрянуть духомъ. Населеніе жило въ постоянномъ страхѣ, торговлѣ и передвиженію угрожали опасности, близка была къ осуществленію задача ханаанеянъ—заставить утомленныя борьбой израильскія колѣна или очистить страну, или превратиться въ ихъ данниковъ:

Во дни Самгара, сына Аната,
Во дни Іаели отдыхали дороги,
Путники шли по дорогамъ окольными тропами.
Были праздны землепашцы во Израилѣ, были праздны,
Доколѣ не возстала ты, Дебора,
Доколѣ не возстала ты, мать во Израилѣ.

Явилась Дебора, а съ нею пришло и спасеніе. Пророчица собрала вокругъ себя колѣна, призывая ихъ именемъ національнаго бога Іагве стать на защиту своей самостоятельности. Къ общему подвигу она воодушевляла ихъ лозунгами: Израиль и Іагве—одно цѣлое; колѣна Израиля—колѣна Іагве, они—единый народъ. „Сердце мое съ вождями Израиля: съ ними народъ за одно. Славьте Іагве"! На зовъ этотъ откликаются вожди колѣнъ, увлекающіе за собою и самыя колѣна. Воодушевленіе воспламеняетъ массы, и побѣда достается имъ. Эфраимъ, Веніаминъ, Махиръ-Менаше, Зебулунъ, Нафтали и Иссахаръ снаряжаютъ отряды, во главѣ которыхъ становятся князья колѣнъ. Начальникомъ всего израильскаго воинства является Баракъ, сынъ Абиноама.

Тогда пришли разсѣявшіеся къ вождямъ,
Народъ Іагве—герои—пришелъ къ нимъ на помощь.
Отъ Эфраима спустились они въ долину,
За тобою, (Эфраимъ),—Веніаминъ со своими толпами.
Отъ Махира пришли начальники
И отъ Зебулуна носящіе жезлъ предводителей:
Зебулунъ—народъ, обрекшій душу свою на смерть,
И Нафтали—на высотахъ полей.

Лишь нѣкоторыя колѣна не примыкаютъ къ общему движенію. Горькой насмѣшкой язвитъ Дебора медлительнаго, нерѣшительнаго Рувима, лѣниво-равнодушнаго Гилеада, низко-корыстныхъ Дана и Ашера; грозныя проклятія посылаются трусливому себялюбію столь близкаго сосѣда—Мероза.

Сисера собираетъ свое войско близъ Кишона, въ долинѣ, гдѣ имѣютъ полную возможность развернуться его боевыя колесницы, и гдѣ могутъ укрыть его города.

Пришли цари, сразились,
Тогда сразились цари ханаанскіе

При Таанахѣ, у водъ Мегиддо,
Но серебра въ добычу не достали они!
Съ небесъ сражались звѣзды,
Съ путей своихъ они сражались съ Сисерой.
Потокъ Кишонъ унесъ ихъ,
Славный потокъ, потокъ Кишонъ.

Еще болѣе бурно и дико, чѣмъ началась, кончается эта драма. Враги разсѣялись передъ полчищами израильтянъ, Сисера бѣжитъ. Гроза Израиля принимаетъ смерть отъ руки женщины.

Да будетъ благословенна между женами Іаель,
Жена Хебера, кенитянина,
Между женами въ шатрахъ будь она благословенна!
Воды просилъ онъ—молока подала она,
Въ прекрасной чашѣ принесла она густыхъ сливокъ.
Руку свою она протянула къ колу,
А правую свою къ рабочему молоту,
Ударила имъ Сисеру, разбила ему голову,
Раздробила и пронзила ему виски.
У ногъ ея онъ свалился, палъ,
Гдѣ свалился, тамъ и палъ сраженный...

Неудивительно, что Дебора стала народной героиней, воспѣтой въ лучшей пѣснѣ Израиля. Въ эпоху гибельной разрозненности Израиля, въ моментъ, когда національное существованіе Израиля подвергалось величайшей опасности, она сумѣла организовать защиту, зажечь въ сердцахъ израильтянъ національное воодушевленіе,—и будущее народа было спасено. Походъ Сисеры былъ послѣдней извѣстной намъ попыткой совмѣстнаго выступленія со стороны прежнихъ хозяевъ страны. Неудача, постигшая ее, окончательно сломила могущество Ханаана. Одна часть за другой откалывается отъ него и поглощается Израилемъ; даже укрѣпленные пункты Изреэльской равнины—и тѣ не въ состояніи болѣе оказывать сопротивленіе. Безслѣдное раствореніе ханаанеянъ въ Израилѣ было теперь лишь вопросомъ времени.

Кишонъ.

Гора Таборъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Судьи.

1. Нападенія степняковъ.

Побѣда Деборы положила конецъ попыткамъ хананеянъ отразить натискъ израильскихъ колѣнъ и отстоять свои наслѣдственныя владѣнія. Однако и послѣ этой побѣды для Израиля еще не сразу насталъ періодъ спокойнаго владѣнія вновь пріобрѣтенными областями. У кочующихъ въ пустынѣ бедуинскихъ племенъ есть обычная характерная черта: отъ времени до времени они начинаютъ коситься на мирныя поселенія сосѣдей, осѣвшихъ на своихъ пашняхъ. Гордость кочевника—свободно бродить на неограниченномъ пространствѣ; съ жалостью и презрѣніемъ смотритъ онъ на прикованнаго къ своей нивѣ хлѣбопашца. Но порою и кочевнику, несмотря на его прирожденную любовь къ свободѣ, приходится завидовать уюту мирной жизни хлѣбопашца и сравнительной обезпеченности его существованія. Въ теченіе многихъ вѣковъ испытывалъ это на себѣ Египетъ—одна за другой повторяются попытки семитическихъ кочевниковъ проникнуть съ сѣвера въ эту страну и мирнымъ путемъ или вооруженной силой овладѣть ею; израильскія колѣна въ то время, когда они еще были кочевниками, также совершали набѣги на осѣдлыхъ сосѣдей.

Не успѣли израильтяне оправиться послѣ оказаннаго имъ хананеянами упорнаго сопротивленія, какъ со всѣхъ сторонъ начались нападенія окружающихъ сосѣдей-кочевниковъ, среди которыхъ было нѣсколько родственныхъ Израилю племенъ. Новые враги пытаются отнять

у израильтянъ лишь недавно захваченныя владѣнія; они считаютъ себя вправѣ добиваться того, чего достигъ Израиль.

Первыя попытки бедуиновъ относятся, по всей вѣроятности, ко времени, предшествовавшему послѣднему рѣшительному столкновенію съ ханаанеянами. Отніэль, изъ рода Кеназа, по преданію, уже въ то время успѣшно отражалъ нападенія иноземныхъ пришельцевъ на югѣ Іудеи. Трудно сказать, является ли это сообщеніе исторически достовѣрнымъ, или же Отніэль былъ фигурой миѳической, вымышленной для прославленія Іуды. Исторически болѣе достовѣрнымъ является подвигъ Эгуда, сына Гера изъ колѣна Веніаминова; преданіе о немъ, впрочемъ, также подверглось значительной переработкѣ подъ вліяніемъ тенденцій позднѣйшей эпохи. Эгудъ коварно убиваетъ моабитскаго царя Эглона, который, быть можетъ, въ союзѣ съ Аммономъ и Амалекомъ ворвался въ израильскія владѣнія, подчинилъ себѣ Іерихонъ и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ облагалъ тяжкой данью ближайшія къ Моабу колѣна, въ особенности, вѣроятно, колѣно Веніаминово, а также и колѣна, обитавшія на юго-восточныхъ склонахъ горъ Эфраима. Эгудъ созываетъ израильское ополченіе съ Эфраимскихъ горъ и съ его помощью освобождаетъ часть израильскихъ колѣнъ отъ позорной зависимости. Исторически вполнѣ вѣроятно, что Моабъ, оправившись отъ бѣдствій, обрушившихся на него въ предшествующую эпоху, стремился теперь вернуть себѣ свои прежнія владѣнія. Ему было на руку то обстоятельство, что колѣно Рувима, занявшее было его земли, стало рано слабѣть и хирѣть; пользуясь слабостью этого колѣна, моабитяне рѣшились даже перейти черезъ Іорданъ и напасть на мѣстности у нижняго теченія Іордана, незадолго передъ тѣмъ занятыя израильтянами.

Особая опасность угрожала, однако, центру страны, какъ къ востоку, такъ и къ западу отъ Іордана, со стороны многочисленнаго племени мидіанитянъ, обитавшаго въ восточной пустынѣ. Это родственное кенитянамъ племя въ эпоху Моисея, вполнѣ или отчасти, осѣло въ области Синая, а затѣмъ—повидимому, подъ вліяніемъ передвиженій Израиля — направилось на сѣверъ. Безпорядочными полчищами, подобно саранчѣ, — какъ повѣствуетъ книга Судей (6, 2—8) — мидіанитяне, вмѣстѣ съ другими племенами востока, наводняютъ страну. Изъ года въ годъ, незадолго до жатвы они совершаютъ набѣги: вторгаются въ страну на своихъ верблюдахъ, уничтожаютъ урожай и угоняютъ стада.

Трудно установить, какой промежутокъ времени отдѣляетъ описываемыя событія отъ эпохи Барака и Деборы; несомнѣнно, однако, что времени прошло немало, ибо всеобщій могучій подъемъ духа и національнаго единенія, охватившій тогда колѣна, исчезъ въ эпоху нападеній кочевниковъ почти безслѣдно, спокойствіе извнѣ и заботы о внутреннихъ интересахъ отдѣльныхъ колѣнъ заставили израильтянъ забыть великіе завѣты прекрасной эпохи Деборы. Шаткая связь колѣнъ между собой, а также отсутствіе отдѣльныхъ выдающихся дѣятелей, благопріятствуютъ новымъ врагамъ Израиля. Менаше и Эфраимъ и сосѣднія съ ними колѣна, имѣвшія за собою уже не одинъ подвигъ, не обладаютъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы дать отпоръ нахлыну-

вшимъ ордамъ бедуиновъ, и не находятъ ничего лучшаго, какъ сдать открытыя мѣста хищникамъ и бѣжать въ горы. Туда не могли проникнуть всадники-бедуины, а въ крайнемъ случаѣ израильтяне могли укрыться на высокихъ уступахъ горъ или забаррикадироваться въ ущельяхъ.

Вождь колѣна Менаше, изъ клана Абіэзеръ, Іеруббалъ, называемый также Гидеономъ [1]), родомъ изъ Офры, рѣшается, наконецъ, оказать сопротивленіе дерзкому хищнику. Преданія кн. Судей о Гидеонѣ, конечно, разукрашенныя народной фантазіей, въ основѣ своей содержатъ несомнѣнное историческое ядро. Они изображаютъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Поводомъ къ выступленію Гидеона послужилъ новый набѣгъ мидіанитянъ, которые, убивая и уничтожая все на своемъ пути, проникли до горы Таборъ, въ Галилеѣ. Среди убитыхъ были братья Гидеона. Имъ руководятъ священный долгъ крававой мести и негодованіе патріота. Гидеонъ сзываетъ ополченіе своего клана Абіэзеръ въ числѣ 300 воиновъ. Возвращаясь съ горы Таборъ, враги расположились станомъ въ Изреэльской долинѣ, а Гидеонъ со своей дружиной невдалекѣ отъ нихъ, у ручья Хародъ. Гидеону придаютъ бодрость вѣра въ помощь Іагве, а также разсказъ, подслушанный имъ, когда онъ однажды ночью подкрался кь непріятельскому стану: воинъ-врагъ разсказывалъ о видѣнномъ имъ зловѣщемъ снѣ, который Гидеону кажется предзнаменованіемъ побѣды. Смѣлая атака подъ покровомъ ночи привела въ смятеніе и обратила въ бѣгство враговъ, застигнутыхъ врасплохъ, ослѣпленныхъ яркимъ свѣтомъ пылающихъ факеловъ и оглушенныхъ дикими криками воиновъ Гидеона. Мидіанитяне бѣгутъ по направленію къ Іордану. Наскоро собранная дружина Эфраима преграждаетъ бѣглецамъ переправу и убиваетъ двухъ непріятельскихъ вождей, Ореба и Зееба, а на сѣверѣ врагамъ пересѣкаютъ путь колѣна Нафтали, Ашеръ и Менаше.

Еще до присоединенія къ Гедеону Эфраима, части бѣглецовъ удалось добраться до Іордана. Ихъ преслѣдуетъ самъ Гидеонъ со своей ратью. Заіорданскіе города Суккотъ и Пенуэль, расположенные на берегу рѣки Іаббокъ, терроризованные многочисленными набѣгами и успѣвшіе забыть свою связь съ Израилемъ, отказываются снабдить съѣстными припасами истощенную дружину. Не найдя у нихъ поддержки, Гидеонъ устремляется дальше къ югу и востоку, вплоть до караванной дороги, пролегающей на границѣ пустыни. Онъ настигаетъ врага и беретъ въ плѣнъ двухъ царей—Зебаха и Салмуну. Прямодушные сыновья пустыни сознаются въ убійствѣ братьевъ Гидеона. Гордые и свободные, хотя и въ оковахъ, они отказываются умереть отъ руки мальчика-оруженосца. Самъ герой и никто другой долженъ нанести имъ смертельный ударъ, „ибо каковъ мужъ, такова и сила“. На обратномъ пути Гидеонъ же-

[1]) Взаимоотношеніе между этими двумя именами неясно. Гидеонъ (גדעון—рубака), вѣроятно, является почетнымъ прозвищемъ, даннымъ Іеруббалу за его подвиги. Въ библейскомъ повѣтствованіи отношеніе этихъ именъ обратное: тамъ Гидеону дается прозвище „Іеруббаалъ“, при чемъ послѣднее слово толкуется, какъ „Ваалоборецъ“ между тѣмъ какъ его первоначальное значеніе: „Ваалъ силенъ“.

стоко мститъ городамъ Суккоту и Пенуэлю. За трусость передъ мидіанитянами и высокомѣріе, проявленное ими по отношенію къ соплеменникамъ, онъ подвергаетъ ихъ суровой карѣ. Горожанина, попавшагося ему въ руки по дорогѣ изъ Суккота, Гидеонъ заставляетъ написать имена семидесяти семи знатнѣйшихъ гражданъ, которыхъ онъ, осуществляя свою угрозу, „молотитъ" степнымъ терновникомъ.

Увѣнчанный славой, съ богатой добычей, возвращается Гидеонъ, во главѣ своей рати, въ Офру. Какъ ни малочисленъ былъ его отрядъ, онъ боролся не только за себя и за свое колѣно. Плодами того, что онъ совершилъ, воспользовались и другія страдавшія отъ бедуиновъ колѣна. Мирный хлѣбопашецъ былъ отнынѣ защищенъ отъ нападеній хищническихъ кочевниковъ, Израиль снова сталъ господиномъ въ своей странѣ. И тотъ, кто обезпечилъ такой миръ своему колѣну и потомкамъ Іосифа, уже въ силу одного этого, былъ героемъ, заслужившимъ славу у современниковъ и у грядущихъ поколѣній. Вполнѣ естественно, что на долю Гидеона выпадаютъ почетъ и власть; и понятно, что всѣ стараются пользоваться и впредь его могущественной поддержкой. Менаше и, вѣроятно, также Эфраимъ предлагаютъ Гидеону наслѣдственный царскій санъ, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія не отказывается окончательно отъ царскаго титула. Такимъ образомъ, если и не весь Израиль, то, по крайней мѣрѣ, домъ Іосифовъ, важнѣйшее колѣно въ древнемъ Израилѣ, получилъ царя. Лучшую часть добычи Гидеонъ обращаетъ на устройство святилища въ Офрѣ, гдѣ объектомъ поклоненія стало позолоченное изображеніе Іагве или другой подобный символъ его, называвшійся „эфодомъ" (אפוד) — обстоятельство, давшее поводъ позднѣйшему редактору кн. Судей обвинить Гидеона въ преступномъ грѣхопаденіи, которое, будто бы, опредѣлило собою роковую судьбу его дома.

Бронзовая группа изъ Галилеи: божество, покоящееся на тронѣ, который поддерживается четырьмя духами.

Гора Геризимъ.

2. Царство въ Офрѣ. Абимелехъ въ Сихемѣ.

Не долго суждено было роду Гидеона наслаждаться властью. Послѣ его смерти она скоро приходитъ въ упадокъ. Объ этомъ сохранился разсказъ, который относится къ числу наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи библейскихъ повѣствованій. Царскую власть Гидеона подорвалъ его гаремъ. Среди женъ его, число которыхъ такъ было велико, что Гидеонъ считается отцомъ 70 сыновей, была знатная сихемская ханаанеянка. Въ Сихемѣ издревне проживалъ ханаанейскій аристократическій родъ, бене-Хаморъ; онъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ пришельцами-израильтянами. Богъ ихъ, которому въ Сихемѣ былъ выстроенъ храмъ, назывался Эль-Беритъ, или Ваалъ-Беритъ, „Ваалъ Союза"; какъ мы видѣли, быть можетъ, онъ является покровителемъ договора, заключеннаго въ Сихемѣ между хананеянами и Израилемъ; скорѣе всего, однако, имя его указываетъ на союзъ, заключенный съ нимъ самимъ жителями Сихема [1]). Принятіе въ гаремъ Гидеона ханаанеянки, несомнѣнно, имѣло цѣлью способствовать сближенію этого лишь наполовину израильскаго города съ царствомъ Гидеона.

Со смертью Гидеона обнаружилось, что власть его, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Менаше и Эфраиму, разсматривалась, именно, какъ *царская* власть надъ колѣнами; всѣ сошлись на томъ, что власть Гидеона должна перейти въ его родъ по наслѣдству, чего не случалось ни съ однимъ изъ „судей" до него. Предполагалось, вѣ-

[1]) Ср. стр. 119—120. Послѣднее объясненіе становится особенно правдоподобнымъ, если принять во вниманіе, что, какъ мы видѣли, уже Іошуа (ср. стр. 181), именно, въ Сихемѣ возобновляетъ „союзъ" между Израилемъ и Іагве.

роятно, отдать власть первенцу Гидеона; повидимому, по этому поводу Гидеонъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, и явилась опасность, что возникнетъ споръ между братьями изъ-за наслѣдства.

При такихъ условіяхъ право на престолъ заявилъ Абимелехъ, сынъ упомянутой сихемитянки, одной изъ женъ Гидеона. Онъ отправился въ Сихемъ и сказалъ ханаанейскимъ жителямъ: „что́ для васъ лучше: чтобы вами правили 70 человѣкъ (т.-е. всѣ сыновья Іеруббала-Гидеона) или одинъ изъ нихъ? Не забывайте при этомъ, что я плоть отъ вашей плоти и кровь отъ вашей крови“. Жители Сихема отдали предпочтеніе Абимелеху передъ прочими сыновьями Гидеона и вручили ему власть надъ городомъ. На средства храмовой казны святилища Ваала-Союза Абимелехъ нанимаетъ себѣ воиновъ, съ ними направляется въ Офру и предаетъ своихъ 70 братьевъ казни. Такимъ образомъ, Абимелехъ становится властелиномъ не только Сихема, но и всѣхъ областей, находившихся подъ властью Гидеона. Авторъ разсказа называетъ его даже властителемъ „надъ Израилемъ“ (Суд. 9, 22), и Сихемъ имѣетъ для него теперь лишь второстепенное значеніе. Мало того, Абимелехъ начинаетъ имъ пренебрегать и переноситъ свою столицу въ другой городъ; начальникомъ Сихема онъ назначилъ Зебула, сумѣвшаго, несомнѣнно, разыграть роль преданнаго Абимелеху человѣка.

Едва ли будетъ ошибочно предположить, что, именно, перемѣна столицы послужила поводомъ къ роздору между Сихемомъ и Абимелехомъ. Именно, Сихемъ, гдѣ Абимелехъ могъ пользоваться наибольшимъ вліяніемъ, оказался очагомъ серьезнаго движенія, направленнаго противъ Абимелеха и, въ концѣ концовъ, приведшаго къ его гибели.

Различныя обстоятельства способствовали тому, чтобы сѣмя недовольства, брошенное Абимелехомъ, пустило ростки. При рѣзнѣ въ Офрѣ спасся младшій сынъ Гидеона, Іотамъ. Вѣроятно, вскорѣ послѣ воцаренія Абимелеха, но не ранѣе, чѣмъ онъ покинулъ Сихемъ, чтобы вступить во владѣніе остальнымъ наслѣдіемъ своего отца, Іотамъ созываетъ жителей Сихема на горѣ Геризимъ. Здѣсь, стоя на скалѣ, Іотамъ, въ искусно построенной притчѣ, разъяснилъ сихемитамъ, какое преступленіе они совершили передъ домомъ Гидеона, и грозилъ, что ихъ неблагодарность по отношенію къ Гидеону, который и ихъ спасъ отъ нашествія мидіанитянъ, равно какъ убійство его сыновей, въ которомъ они принимали участіе совмѣстно съ Абимелехомъ, навлекутъ какъ на Сихемъ, такъ и на Абимелеха, месть Іагве. Крайне смѣлая рѣчь Іотама привела въ негодованіе сихемитовъ, и онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Однако ядъ сомнѣнія проникъ въ сердца сихемитовъ. Къ упрекамъ и угрозамъ Іотамъ присоединилъ еще глумленіе надъ тѣмъ, что въ лицѣ Абимелеха они сдѣлали своимъ царемъ сына рабыни, презрѣнной наложницы,—потому только, что онъ ихъ сородичъ. Издѣвательство надъ новымъ для Израиля институтомъ царской власти вообще и, въ частности, насмѣшка надъ происхожденіемъ Абимелеха составляютъ основной мотивъ притчи Іотама и вытекавшаго изъ нея нравоученія.

Брошенныя въ лицо жителямъ Сихема слова Іотама пріобрѣтали особенный вѣсъ, если принять во вниманіе, что населеніе Сихема въ

значительной части состояло изъ израильтянъ. Обращенная къ послѣднимъ, рѣчь Іотама является удачно разсчитанной попыткой нарушить единство обѣихъ частей населенія. Размышленія, вызванныя рѣчью Іотама, не могли не задѣть за живое израильское населеніе Сихема. Это было вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что Абимелехъ пренебрегалъ Сихемомъ. Такимъ образомъ, обѣ части населенія, стоявшія сперва, несомнѣнно, на сторонѣ Абимелеха, теперь имѣли полное основаніе быть имъ недовольными. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени захвата Абимелехомъ власти, какъ рознь между нимъ и Сихемомъ успѣла уже привести къ прямому и открытому разрыву. „Злой духъ отъ бога сталъ между Абимелехомъ и сихемитами, такъ что они отъ него отпали". Не считаясь съ Абимелехомъ, они предпринимаютъ хищническіе набѣги на его же владѣнія и разбои на большой дорогѣ; съ возвышенностей, окружающихъ Сихемъ, они нападаютъ на караваны, извлекая изъ этого выгоду для себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ нанося ударъ и престижу Абимелеха. Абимелехъ, надо думать, не безъ основанія относился нѣкоторое время снисходительно къ проступкамъ свояхъ родичей; у него не было повода усиливать отчужденность между собою и роднымъ Сихемомъ.

До сихъ поръ недовольство, однако, проявлялось преимущественно среди израильскаго населенія Сихема, которое, вѣроятно, поддерживало сношенія съ Іотамомъ. То, о чемъ Іотамъ говорилъ съ горы Геризимъ, онъ, надо полагать, открыто проповѣдовалъ съ крышъ домовъ въ Тебецѣ, Беерѣ и другихъ городахъ. Такъ подготовлялась противъ полу-ханаанейскаго узурпатора всеобщая революція, центромъ которой былъ дальновидно выбранъ Сихемъ. Если Абимелехъ терялъ этотъ опорный пунктъ, то приходилъ конецъ и его тиранніи.

Въ тотъ моментъ, когда недовольнымъ удалось настроить противъ Абимелеха также ханаанейскихъ старѣйшинъ Сихема, враждебная Абимелеху партія въ Сихемѣ получаетъ внезапно сильную поддержку извнѣ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ былъ выполненъ заранѣе обдуманный планъ. Начальникъ города Зебулъ, по крайней мѣрѣ, офиціально находился пока еще на сторонѣ Абимелеха и готовъ былъ со своими приверженцами защитить его дѣло. Поэтому необходимо было прежде противопоставить ему самому въ Сихемѣ другую силу. И вотъ, израильскій военный отрядъ—Гаалъ бенъ-Іобаалъ [1]) „со своими братьями"—какъ бы случайно, а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, во исполненіе задуманнаго плана,—приходитъ въ Сихемъ и пріобрѣтаетъ довѣріе населенія.

Причина появленія Гаала скоро выяснилась. Въ праздникъ сбора винограда сихемиты, расположившись близъ храма своего „союзнаго Ваала", стали пировать, пѣли пѣсни и водили хороводы. Какъ бывало и раньше въ подобныхъ случаяхъ, они и на этотъ разъ поносили Абимелеха. Разгоряченные виномъ, они все громче и громче выражали свое недовольство предателемъ-узурпаторомъ. Гаалъ пользуется этимъ

[1]) Имя „Іобаалъ", что значитъ „Іагве—владыка" (дословно Іагве—Ваалъ), сохранилось лишь въ греческомъ переводѣ Библіи, Еврейскій текстъ, считая это имя кощунственнымъ, замѣнилъ его именемъ Эбедъ.

случаемъ, чтобы подлить масла въ загорѣвшееся пламя: издѣваясь, онъ требуетъ отъ Зебула принятія какого-либо рѣшенія: „Кто таковъ Абимелехъ,—восклицаетъ онъ,—и кто сынъ Іеруббаала, что мы служимъ ему? Не сихемитъ ли онъ, а Зебулъ не подчиненный ли его? Такъ пусть же служатъ ему люди Хамора, отца Сихема, но **намъ** зачѣмъ быть его рабами“? Слово „намъ“, несомнѣнно, было подчеркнуто. Гаалъ говоритъ въ качествѣ израильтянина, и его поддерживаютъ израильтяне, составлявшіе въ толпѣ большинство. Лишь при такихъ обстоятельствахъ онъ могъ столь рѣзко говорить. И его рѣчь, надо полагать, возымѣла свое дѣйствіе.

Когда настроеніе въ городѣ стало явно неблагопріятнымъ для Абимелеха, въ высшей степени двусмысленную роль сыгралъ Зебулъ. Зебулъ, вѣроятно, смотрѣлъ на агитацію противъ Абимелеха сквозь пальцы; когда появился Гаалъ и принялъ на себя руководство движеніемъ противъ Абимелеха, Зебулъ, повидимому, разыгрывалъ роль друга Гаала, а въ праздничномъ [1]) пиршествѣ, когда всѣ проклинали царя, онъ принялъ живѣйшее участіе. Однако послѣ этого, продолжая вести двойственную игру, онъ тайно донесъ обо всемъ Абимелеху, призывая его совершить внезапно нападеніе на городъ. Зебулъ былъ возмущенъ, вѣроятно, не столько рѣчами Гаала противъ царя, сколько его насмѣшками надъ нимъ самимъ.

По полученіи этого извѣстія, Абимелехъ тотчасъ же направился къ Сихему. Зебулъ, еще продолжая выдавать себя за друга Гаала и его приверженцевъ, сообщаетъ Гаалу о близости Абимелеха. Оба выходятъ со своими отрядами за городскія ворота, чтобы отразить нападеніе. На горизонтѣ показывается Абимелехъ со своимъ войскомъ. Зебулъ коварно уговариваетъ Гаала предпринять вылазку; при этомъ самъ притворяется, что намѣренъ охранять городъ и прикрывать тылъ. Гаалъ, во главѣ жителей Сихема, совершаетъ вылазку, оставляя въ тылу, въ Сихемѣ, Зебула. Разбитый Абимелехомъ, онъ съ значительнымъ урономъ возвращается въ городъ. Тогда Зебулъ сбрасываетъ маску и, открыто ставъ на сторону Абимелеха, вытѣсняетъ Гаала изъ города. Самъ Абимелехъ, не довѣряя болѣе дружбѣ Зебула, не рѣшается напасть на Сихемъ. Но въ это время Зебулъ падаетъ жертвой мести со стороны жителей Сихема. Они не хотятъ знать Абимелеха, но вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили положить предѣлъ двуличію Зебула. Лишь на слѣдующій день, послѣ того какъ погибъ Зебулъ, которому извѣстны были планы Абимелеха, послѣднему удается овладѣть городомъ. Сихемъ предается разрушенію, и лишь много позже онъ былъ вновь отстроенъ.

Послѣ этого Абимелеху не трудно было овладѣть и крѣпостью Сихема. Она находилась, по всей вѣроятности, внѣ города. По полученіи извѣстія о сдачѣ города, его жители скрылись въ подвалѣ храма союзнаго Ваала. Не обращая вниманія на святость храма, которому онъ обязанъ былъ началомъ своей власти, Абимелехъ поджигаетъ его, и тысячи мужчинъ и женщинъ погибаютъ въ огнѣ.

---

[1]) Этотъ праздникъ называется „Хиллулимъ“ — ср. стр. 117—118.

Въ самомъ Сихемѣ возстаніе было усмирено; но въ окрестностяхъ оно далекó еще не было подавлено и даже все больше распространяется. У ближайшаго же города, который Абимелехъ пытался наказать подобно Сихему, господству узурпатора приходитъ конецъ. Тебецъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ пути отъ Сихема и подвергшійся нападенію тотчасъ же послѣ взятія Сихема, принужденъ былъ сдаться Абимелеху. Но и здѣсь уцѣлѣла укрѣпленная башня, внутри города. Мужчины и женщины ищутъ въ ней спасенія. Побуждаемый удачей въ Сихемѣ, Абимелехъ и здѣсь собирался сжечь башню. Но когда онъ стоялъ передъ воротами, его сразилъ жерновъ, брошенный на него какой-то женщиной. Дабы не говорили, что онъ погибъ отъ рукъ женщины, онъ проситъ оруженосца нанести ему смертельный ударъ.

Хороводъ вокругъ священнаго дерева.

Газа.

3. Легенды объ Ифтахѣ и Самсонѣ.

Такъ пала установленная Гидеономъ царская власть надъ колѣномъ Менаше, такъ потерпѣла крушеніе первая извѣстная намъ попытка ввести царскую власть въ Израилѣ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ кто былъ преемникомъ Абимелеха. Надо думать, что ни Іотамъ, ни кто-либо иной изъ рода Гидеона не занялъ освободившагося престола. Съ момента смерти Абимелеха и вплоть до эпохи Эли и Самуила, судьба Израиля покрыта для насъ почти полнымъ мракомъ, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что отнынѣ исторія Израиля вновь сводится къ безславному и бездѣятельному прозябанію отдѣльныхъ колѣнъ. Традиція книги Судей заполняетъ это темное пространство легендами о двухъ такъ наз. судьяхъ, Ифтахѣ и Самсонѣ [1]). Но изъ нихъ ни одна, повидимому, не является исторической.

Въ разсказѣ объ Ифтахѣ отдѣльныя происшествія настолько перемѣшаны, что возстановить дѣйствительный ходъ событій весьма затруднительно. Поэтому многіе изслѣдователи считаютъ, что все повѣствованіе объ Ифтахѣ слѣдуетъ отнести къ разряду поэтическихъ легендъ, или даже къ области миѳотворчества. Заключеніе разсказа, повѣствующее о принесеніи Ифтахомъ своей дочери въ жертву, даетъ основаніе для такой гипотезы. Но побѣда Ифтахта надъ Аммономъ, впослѣдствіи не разъ выступавшимъ врагомъ израильтянъ, далѣе, вынужденное бѣгство Ифтаха, его скитаніе въ степи, обстоятельства, при которыхъ его сородичи въ минуту опасности призываютъ его на помощь,

[1]) Въ X и XII гл. кн. Судей упоминаются еще пять „судей“, но отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ именъ.

какъ единственнаго спасителя,—все это черты, настолько характерныя для той эпохи и для дѣйствительно происходившихъ въ то время событій, что можно также допустить въ основѣ разсказа объ Ифтахѣ весьма древнее историческое преданіе [1]), искаженное до неузнаваемости позднѣйшей литературной обработкой. Заключеніе разсказа даетъ, какъ мы сказали, поводъ считать всю легенду объ Ифтахѣ миѳомъ, именно, этіологическаго характера. Послѣ того,—разсказываетъ легенда,—какъ Ифтахъ сталъ судьей во Израилѣ, власть его вызываетъ зависть у южныхъ сосѣдей, моабитянъ. Воспользовавшись ничтожнымъ предлогомъ, они заявляютъ претензію на земли вплоть до самаго Іаббока. Новая война на территоріи моабитянъ рѣшаетъ этотъ споръ въ пользу Ифтаха. Возвращаясь въ качествѣ побѣдителя на родину, Ифтахъ необдуманнымъ обѣтомъ повергаетъ въ несчастье себя и свое единственное дитя. Суровый воинъ раздираетъ свои одежды, но исполняетъ свое слово. „И стало обычаемъ въ Израилѣ, — прибавляетъ разсказъ кн. Судей,—изъ года въ годъ ходятъ дочери Израиля оплакивать дочь Ифтаха-гилеадитянина, каждый годъ въ теченіе четырехъ дней". Такимъ образомъ, легенда о жертвоприношеніи Ифтахомъ дочери хочетъ объяснить происхожденіе праздника, справлявшагося ежегодно дѣвушками въ Гилеадѣ. Какой же это былъ праздникъ? Все, что мы знаемъ о вавилонскомъ вліяніи въ Ханаанѣ, заставляетъ предположить, что это, вѣроятно, былъ праздникъ плача, аналогичный вавилонскому траурному осеннему празднеству. Таммузъ, вавилонскій богъ растительнаго міра, осенью умираетъ и сходитъ въ преисподнюю, гдѣ его мучаютъ бѣсы; Иштаръ, его супруга, сходитъ вслѣдъ за нимъ, чтобы спасти его, и тогда на землѣ все живое плачетъ и тоскуетъ, прекращается зачатіе и рожденіе. Какъ мы видѣли, ханаанская Астарта восприняла многія черты египетской Хаторъ и вавилонской Иштаръ; осеннее празднество въ честь нея могло получить характерныя черты вавилонскаго празднества. Но съ теченіемъ времени сущность празднества стала забываться и стираться; понадобилось объясненіе его, и въ качествѣ такового была пріурочена историческая легенда объ Ифтахѣ, давшемъ опрометчивое обѣщаніе и принужденномъ пожертвовать своею дочерью [2]).

Совершенно другой характеръ носитъ второй герой этой эпохи— Самсонъ. Если въ лицѣ Ифтаха мы все-таки, быть можетъ, имѣемъ дѣло съ историческимъ явленіемъ на легендарномъ фонѣ, то личность Самсона колеблется между миѳомъ, легендой и исторіей; ни однимъ изъ этихъ элементовъ личность Самсона всецѣло не исчерпывается, хотя явное преобладаніе находится на сторонѣ миѳа.

Что касается чисто миѳологическаго пониманія Самсона (человѣкъ-солнце—שמשון), то несомнѣнно, что имя его даетъ полное основаніе къ

---

[1]) Объ относительной древности разсказа объ Ифтахѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, наивность, съ которой Кемошъ упоминается на ряду съ Іагве. Болѣе поздній авторъ не сталъ бы такъ писать.

[2]) Это наиболѣе вѣроятное объясненіе поддерживается Циммерномъ (Die Keilinschriften und das alte Testament), Іеремiасомъ (Das alte Testament im Lichte des alten Orient); Киттель относится къ нему отрицательно. *Ред.*

такому толкованію. Длинные волосы героя, какъ источникъ его силы, невольно напоминаютъ лучи Геліоса; напрашивается также сравненіе между нѣкоторыми его подвигами и подвигами вавилонскаго солнечнаго героя Гильгамеша и его двойниковъ, финикійскаго Мелькарта и греческаго Геракла. Подобно имъ, онъ отличается нечеловѣческой силой и совершаетъ необычайные подвиги. Какъ Гильгамешъ, онъ голыми руками убиваетъ льва; какъ друга Гильгамеша, Эатабу, его опутываетъ своими чарами блудница Делила; и какъ Мелькартъ - Гераклъ ставитъ въ концѣ своего пути два столба, такъ Самсонъ, лишенный своей силы, ослѣпленный филистимлянами и уведенный въ неволю въ Газу, кончаетъ тамъ свой жизненный путь, обрушивъ два столба, на которыхъ покоилась крыша храма въ Газѣ, и похоронивъ подъ руинами храма и себя и своихъ поработителей. Подобныя параллели возможны и по отношенію къ другимъ частямъ легенды.

Но возможно, что и въ легенду о Самсонѣ могли быть вплетены историческія черты изъ мѣстныхъ преданій. Возможно допустить предположеніе, что въ походѣ на Лаишъ принимало участіе не все колѣно Даново; сверхъ того, и въ другихъ мѣстахъ сохранились слѣды постепеннаго усиленія филистимлянъ, поселившихся въ приморской области; отсюда, тренія между ними и ближайшими израильскими колѣнами въ эпоху, непосредственно предшествующую Саулу, представляются вполнѣ вѣроятными. Народная фантазія создала образъ богатыря изъ колѣна Данова въ эпоху первыхъ столкновеній между Израилемъ и филистимлянами, приписавъ ему множество разнообразныхъ подвиговъ; вокругъ этого образа пестрой гирляндой переплетаются легенды о дѣйствительныхъ или вымышленныхъ коварныхъ дѣйствіяхъ противъ филистимлянъ. Съ теченіемъ времени въ легенду проникли новые элементы: мѣстные—религіознаго характера, и чужеземные — миѳологическаго. Личность богатыря связалась съ проникшимъ извнѣ солнечнымъ миѳомъ, изъ котораго могло даже быть заимствовано самое имя богатыря: такъ слагается легенда о Самсонѣ.

Сраженіе Гильгамеша со львомъ.

Современная арабская деревня въ Палестинѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Культура и религія въ эпоху Судей.

1. Образъ жизни и общественное устройство.

Поселеніе въ Ханаанѣ и связанный съ этимъ переходъ къ земледѣлію и осѣдлому быту, естественно, вызвали измѣненіе всего склада жизни израильтянъ, по крайней мѣрѣ, въ той части народа, которая пережила эту эволюцію. Скитаніе по обширнымъ степнымъ пространствамъ смѣняется жизнью въ селахъ и городахъ: шатеръ кочевника все болѣе вытѣсняется хижиной и жилымъ домомъ. Кочующій скотоводъ превращается въ поселянина и хлѣбопашца. Въ Ханаанѣ древній Израиль скоро сталъ подлинно крестьянскимъ народомъ, главными произведеніями труда котораго были хлѣбъ, вино, масло и фиги, а также молоко и мясо отъ стадъ. Все, чего онъ самъ не потребляетъ, охотно пріобрѣтаютъ у него проѣзжающіе по всей странѣ финикійскіе купцы, сбывая въ обмѣнъ на эти продукты ремесленныя издѣлія Тира и Сидона и другіе товары вавилонскаго и египетскаго происхожденія. Вскорѣ израильтяне проникаютъ и въ города. Къ земледѣлію и винодѣлію присоединяется садоводство; появляются первые зачатки ремеслъ, архитектуры и искусства; развивается военное дѣло и искусство укрѣпленія городовъ; умножаются источники дохода, и происходятъ большія измѣненія въ образѣ жизни.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что, какъ уже было упомянуто выше, отдѣльныя части колѣна Іуды, и, главнымъ образомъ, присоединившіяся къ нему лишь въ разсматриваемую эпоху племена,

еще сохранили формы жизни, усвоенныя въ пустынѣ, и переживали переходъ къ земледѣлію лишь въ концѣ описываемой и даже въ теченіе слѣдующей эпохи. Въ частности кениты, а также, вѣроятно, и немалое число другихъ родовъ, вышедшихъ изъ Іудейской пустыни, остались въ своемъ прежнемъ состояніи, и въ теченіе долгаго времени не обнаруживаютъ никакой склонности перейти къ другому образу жизни. Слѣдуетъ также предположить, что родственныя израильтянамъ племена, не странствовавшія съ ними по пустынѣ и осѣвшія въ странѣ еще до эпохи Іошуи, присоединились къ Израилю, когда онъ вторгся въ Палестину, и стали дѣйствовать съ нимъ за одно. Надо думать, что къ этому времени они уже подверглись въ большей или меньшей степени ханаанейскому вліянію и уже утратили былую связь съ кочевой жизнью. Подобно хананеянамъ, они стали уже хлѣбопашцами и продолжаютъ оставаться таковыми. Однако какъ тѣ, такъ и другіе представляютъ собой меньшинство; насъ интересуютъ, прежде всего, главнѣйшія колѣна.

Перемѣна образа жизни и занятій оказываетъ свое дѣйствіе также на общественный строй Израиля. Уже одно сліяніе съ израильскимъ народомъ ханаанейскихъ и вообще чужихъ элементовъ, которое все болѣе и болѣе становилось общимъ правиломъ, должно было со временемъ расшатать старое клановое устройство. Въ скоромъ времени появляется цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ и родовыхъ союзовъ, не принадлежащихъ ни къ одному изъ старыхъ израильскихъ колѣнъ. Въ еще большей степени потребность новыхъ формъ жизни вытекала изъ перехода къ осѣдлости и къ земледѣльческому труду. Земледѣліе прикрѣпляетъ человѣка къ пашнѣ; такимъ образомъ, ставъ осѣдлымъ, онъ срастается съ землей. На смѣну кровнаго союза приходитъ союзъ территоріальный—округъ съ его мѣстными интересами. Старая кровная связь продолжаетъ сказываться, преимущественно, въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ, объединяющихъ отъ времени до времени всѣхъ членовъ рода, даже если они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, а также въ обычаѣ кровавой мести, въ силу котораго родъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, заступается за отдѣльнаго сородича. Такимъ образомъ, вскорѣ, на ряду со старымъ кочевымъ патріархально-родовымъ строемъ, въ предѣлахъ котораго управленіе и судъ надъ членами рода сосредоточены въ рукахъ старшаго въ родѣ, „патріарха", возникаетъ аристократически-олигархическій общинный строй, при которомъ общинныя дѣла вѣдаютъ нѣсколько аристократическихъ родовъ или ихъ представители. Новый порядокъ сталъ, надо думать, все болѣе вытѣснять старый. Прямыя указанія на родовой строй мы встрѣчаемъ только въ моменты народныхъ бѣдствій, когда какой-либо глава отдѣльнаго рода выступаетъ въ роли вождя или судьи [1]) надъ отдѣльнымъ родомъ или надъ группой родовъ, при чемъ, по общему правилу, онъ, исполнивъ свою задачу, слагаетъ съ себя свое высокое званіе. Это служитъ доказательствомъ того, что старый порядокъ постепенно вымираетъ. На ряду съ нимъ,

---

[1]) Старѣшина—קצין, или судья—שפט. Встрѣчается также терминъ ראש—главарь, вождь.

уже въ разсматриваемую эпоху устанавливается новый порядокъ вещей, который таитъ въ себѣ зачатки полнаго преобразованія общественнаго строя въ древнемъ Израилѣ. Преимущественно въ городахъ, но, несомнѣнно, также въ сельскихъ округахъ, управленіе сосредоточено въ рукахъ не одного старѣйшины, или „шейха“, а коллектива,— аристократическихъ родовъ въ лицѣ наиболѣе знатныхъ родовъ колѣна или округа. Они—эти знатные роды—суть дѣйствительные „господа“ (בעלים) [1]), но власть свою они передаютъ городскимъ „старѣйшинамъ“ (זקנים) [2]); послѣднихъ же, въ свою очередь, представляютъ либо одинъ, либо нѣсколько начальниковъ города (שר העיר). Таково положеніе вещей въ Сихемѣ, Суккотѣ, Пенуэлѣ, Гилеадѣ. Лучшимъ доказательствомъ того, что описанный строй былъ лишь переходной ступенью къ тираніи и царской власти, а временно, быть можетъ, и къ настоящей олигархіи,—служатъ финикійскіе и филистимскіе города, и, главнымъ образомъ, исторія Гидеона и Абимелеха.

Ручная каменная мельница
изъ Гезера.

[1]) Это были, вѣроятно, крупные землевладѣльцы, которые постепенно образовали земельную аристократію. Въ Пѣснѣ Деборы они именуются могучими, благородными (אדירים), также князьями (שרים). Въ качествѣ таковыхъ, они являются предводителями въ битвахъ, въ мирное же время они творятъ судъ и издаютъ постановленія (מחקקים Суд. 5, 9.14); ихъ внѣшній знакъ отличія—жезлъ.

[2]) Корни этого института старѣйшинъ слѣдуетъ искать, конечно, въ старомъ родовомъ строѣ; со временемъ названіе это превращается въ титулъ, присваеваемый членамъ знатныхъ семействъ.

Алтарь изъ неотесанной скалы (изъ Цоры).

2. Право и письменность.

Переходъ къ земледѣлію и къ осѣдлой жизни уже самъ-по-себѣ дѣлаетъ болѣе воспріимчивымъ къ тому, чтò мы называемъ культурой. Бедуину незнакомо слово трудъ. Онъ ни въ чемъ не нуждается; у него и нѣтъ ничего; это составляетъ его гордость, и потому нельзя назвать его бѣднымъ. Полу-кочевникъ также мало цѣнитъ трудъ. Земледѣлецъ же, съ того дня, когда онъ впервые начинаетъ обрабатывать свою пашню, понимаетъ значеніе труда. Еще менѣе понятны кочующему пастуху и степному наѣзднику блага мирной жизни. Блуждая по обширнымъ земельнымъ пространствамъ и кочуя со стадами, онъ постоянно находитъ поводъ къ столкновеніямъ: настоящій бедуинъ нерѣдко живетъ набѣгами и грабежами. Земледѣлецъ, напротивъ, знаетъ, что разъ нѣтъ мира въ странѣ, плоды его трудовъ заранѣе обречены на гибель. Такимъ образомъ, нарожденіе новаго осѣдлаго образа жизни было чревато для Израиля многими послѣдствіями, способствуя развитію правовыхъ и этическихъ нормъ. Далѣе, благодаря жизни въ домахъ и въ городахъ, развиваются ремесла и промышленность, съ которыми кочевникъ-пастухъ знакомъ лишь поверхностно, а это почти неизбѣжно способствуетъ развитію искусства и смягченію нравовъ. Само собой разумѣется, однако, что всѣ эти новыя явленія находились пока лишь въ зачаточномъ состояніи.

Близкое и подчасъ мирное сожительство съ прежними господами страны не могло не оказать вліянія на жизнь Израиля, вообще, и, въ частности, на духовный его укладъ. Израиль унаслѣдовалъ культуру, которая была несравненно богаче и выше, чѣмъ та, которую онъ самъ успѣлъ выработать. Это можно заключить уже изъ библейскаго

повѣствованія, которое говоритъ объ укрѣпленныхъ и обнесенныхъ стѣнами городахъ ханаанеянъ и о высокомъ развитіи у нихъ военнаго искусства; чувствуется тайный ужасъ повѣствователя, когда онъ упоминаетъ о военныхъ колесницахъ [1]). То, что намъ въ этомъ отношеніи дали раскопки новѣйшаго времени, не только всецѣло подтверждаетъ имѣющіяся въ Библіи указанія, но значительно дополняетъ ихъ. То, что Израиль нашелъ въ странѣ, не могло пройти для него безслѣдно. Искусства и открытія финикіянъ скоро становятся достояніемъ израильтянъ, благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ; близкое общеніе съ ханаанеянами даетъ Израилю возможность усвоить себѣ ихъ культурныя цѣнности; въ еще большей мѣрѣ это относится къ тѣмъ областямъ искусства и культуры, въ которыхъ финикіяне и ханаанеяне находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ странъ Евфрата и Египта [2]).

Кругозоръ израильтянъ расширяется; они начинаютъ цѣнить познанія, предъ ними открываются новые интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности наслажденія, неизвѣстныя до той поры суровымъ сынамъ пустыни. Быть можетъ, Израиль первоначально съ отвращеніемъ смотрѣлъ на роскошь и порочность ханаанейскихъ городовъ; однако надо полагать, что и въ данномъ случаѣ, какъ это часто бываетъ, тотъ, кто побѣдилъ мечемъ, вскорѣ оказался духовно порабощеннымъ.

Однако, несмотря на медленно прогрессировавшее смягченіе нравовъ и образа жизни, въ израильскомъ народѣ все еще сохраняются суровые и дикіе во многихъ отношеніяхъ обычаи. Войны и междуусобицы поглощаютъ немало времени, хотя, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дошедшія до насъ далеко неполныя историческія данныя содержатъ преимущественно описанія военныхъ событій и умалчиваютъ о мирныхъ временахъ. Хищническіе набѣги и грабежи, хотя бы направленные противъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, почти не встрѣчаютъ осужденія со стороны бытописателя того времени, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ этихъ набѣговъ серьезно страдаютъ интересы самихъ израильтянъ [3]). Нанесеніе непріятелю ущерба путемъ хитрости и коварства

---

[1]) На основаніи Суд. 1,19, гдѣ упоминается о желѣзныхъ колесницахъ, слѣдуетъ предположить, что ханаанеяне въ то время вступили уже въ желѣзный вѣкъ. И, дѣйствительно, желѣзо въ довольно большомъ количествѣ, было найдено въ Таанахѣ и особенно въ Мегиддо. Въ разсматриваемую нами эпоху, оно, вѣроятно, было въ употребленіи на ряду съ кремнемъ и бронзой. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что въ Египтѣ оно было давно извѣстно. Въ эпоху Исхода, или даже еще значительно ранѣе, въ Египтѣ, несомнѣнно, употреблялись желѣзные наконечники для копій и стрѣлъ, серпы и плуги. Какъ извѣстно, на Синайскомъ полуостровѣ издревле добывалась желѣзная руда, что, быть можетъ, находится въ извѣстной связи съ названіемъ кенитянъ („Каинъ" значитъ кузнецъ). Въ Ливанѣ также были мѣсторожденія желѣзной руды, и еще Тутмозисъ III добывалъ ее здѣсь. Въ эпоху Давида желѣзо упоминается уже какъ нѣчто обычное (II Сам. 12,31). Ср. имя званіе Барзилаи—мужъ желѣза, (ברזלי) при Давидѣ.

[2]) Какъ мы видѣли, результаты раскопокъ въ достаточной степени свидѣтельствуютъ о томъ, что значительную роль играли вавилонское, египетское и микенское вліянія.

[3]) Судьи, гл. 17—18. Бытіе 49, 27.

едва ли, вообще, считается предосудительнымъ. Далѣе, похищеніе дѣвушекъ въ собственной странѣ считалось въ исключительныхъ случаяхъ допустимымъ [1]). Только явная измѣна и грубое нарушеніе правилъ гостепріимства и добрыхъ нравовъ вызываютъ сильное негодованіе [2]). Въ общемъ же, во многихъ случаяхъ господствуетъ кулачное право, и весь правовой порядокъ въ теченіе долгаго времени зиждется на обычаѣ кровавой мести,—это ultima ratio, и къ ней обращаются, какъ къ обычному средству. По отношенію къ врагу дозволено даже убійство изъ засады; за такое убійство превозносятся Эгудъ и Іаель. Во исполненіе обѣта допускаются и человѣческія жертвы. Были, повидимому, также отдѣльные случаи принесенія въ жертву первенцовъ.

Но, конечно, такова лишь одна сторона картины. Несомнѣнно, что культура и государственный строй ханаанеянъ зиждились на правовомъ порядкѣ: или на унаслѣдованномъ еще со временъ древне-вавилонскаго владычества правѣ Хаммураби, или на какой-либо египетской правовой системѣ эпохи египетскаго верховенства. Безъ правового порядка не могли обойтись и израильтяне,—они имѣли своихъ князей и свою аристократію, своихъ старѣйшинъ и судей, занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ, какъ и въ многихъ другихъ, израильтяне заимствовали черты правового порядка у ханаанеянъ.

Древнѣйшій, носящій Моисеево имя, народный сборникъ законовъ Израиля, такъ называемая „Книга Союза“ (ספר הברית), производитъ впечатлѣніе, что при ея составленіи израильтяне переняли отъ ханаанеянъ законодательный кодексъ, бывшій въ ходу въ какомъ-либо округѣ или при какомъ-либо святилищѣ, и приспособили его къ своимъ обычаямъ и условіямъ своей жизни [3]). Книга Союза, которая въ своей основѣ, во всякомъ случаѣ, относится къ до-царской эпохѣ, нормируетъ положеніе рабовъ, брачное, личное и вещное права и излагаетъ наиболѣе важныя религіозныя предписанія, практиковавшіяся при совершеніи культа. Мы видимъ тутъ строго продуманный правовой порядокъ, проникнутый во многихъ отношеніяхъ духомъ справедливости и милосердія и пытающійся посильно противодѣйствовать кулачному праву и кровавой мести; но на ряду съ нимъ, передъ нами обнаруживаются издревле укоренившіеся обычаи, регулирующіе устройство суда, судо-

---

1) Суд. 21, 13 и сл. Полнаго довѣрія разсказъ этотъ, впрочемъ, не заслуживаетъ.

2) Суд. гл. 19—21, также 9, 7—21.

3) „Книга Союза“ содержится въ книгѣ Исходъ, гл. 21—23; но къ ней же самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ небольшой сакральный кодексъ Исх., 20, 22—26. Въ виду тѣснаго общенія Ханаана съ Вавилоніей, можно считать установленнымъ фактомъ, что, если не самый текстъ, то, во всякомъ случаѣ, главное содержаніе кодекса Хаммураби было извѣстно древнему Ханаану. Если принять, далѣе, во вниманіе многочисленныя точки соприкосновенія между Книгой Союза и кодексомъ Хаммураби, то необходимо придти къ выводу, что Книга Союза предполагаетъ знакомство съ кодексомъ Хаммураби—если и не съ точнымъ его текстомъ, то въ томъ видѣ, въ какомъ его зналъ древній Ханаанъ.

производство и рѣшеніе дѣлъ „передъ божествомъ“ [1]). Во всякомъ случаѣ, кодексъ этотъ создаетъ предпосылки, необходимыя для появленія личности, свободной отъ родового союза.

Что касается времени возникновенія Книги Союза, то мы относимъ ее къ эпохѣ судей, такъ какъ содержаніе ея соотвѣтствуетъ больше всего именно этой эпохѣ. Прежде всего Книга Союза содержитъ цѣлый рядъ постановленій, понятныхъ лишь въ томъ случаѣ, если ихъ отнести къ весьма ранней эпохѣ израильской жизни. Такъ, она содержитъ постановленіе объ отдачѣ человѣческаго первенца безъ какихъ бы то ни было ограниченій (Исх. 22, 28), которое можно объяснить лишь какъ воспроизведеніе подобнаго же ханаанейскаго правила — хотя, вѣроятно, и съ молчаливой оговоркой, что исполненіе можетъ быть замѣнено выкупомъ. Болѣе поздняя эпоха, несомнѣнно, внесла бы въ этотъ законъ смягченіе въ духѣ постановленія книги Исходъ, 34, 20. Въ качествѣ единственнаго представителя свѣтской власти въ Книгѣ Союза упоминается не царь, а князь надъ колѣномъ (не князь надъ народомъ) (22, 27): это указываетъ на эпоху, предшествовавшую эпохѣ царей. Столь же показательны данныя Книги Союза, относящіяся къ матеріальной культурѣ. Такъ, въ предписаніи 20, 24 относительно алтаря, который долженъ воздвигаться или изъ земли, или обязательно изъ неотесанныхъ камней, которыхъ не должно касаться желѣзо, инструментъ для обработки камня обозначается словомъ חרב, обычно означающимъ мечъ. Это указываетъ на примитивную эпоху, когда тесло и мечъ существенно не отличаются другъ отъ друга. Наконецъ, характеръ упоминаній о божествѣ очень напоминаетъ кодексъ Хаммураби; при этомъ выраженіе въ книгѣ Исходъ 22, 7 („предстать предъ божествомъ“) напоминаетъ I кн. Сам. 14, 36, гдѣ имѣется въ виду эфодъ. Но, какъ мы знаемъ, эфодъ впервые появляется въ Израилѣ при Гидеонѣ. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ признать, что Книга Союза не могла появиться позднѣе эпохи судей [2]). Съ другой стороны, она не могла появиться и ранѣе. Она предполагаетъ земледѣльческій образъ жизни и извѣстную привычку къ нему; праздники она также пріурочиваетъ къ земледѣльческому быту. Израильтяне эпохи Моисея, хотя и не являются настоящими бедуинами, а лишь полубедуинами, подобно встрѣчающимся нерѣдко и понынѣ въ пограничныхъ областяхъ, все-таки — не земледѣльцы. Однако законы, въ томъ видѣ, въ какомъ они до насъ дошли, имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, сельское населеніе въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, необходимо предположить, что кодексъ этотъ сложился послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пре-

[1]) Вынесеніе тяжбы „передъ божество“ можетъ относиться лишь къ святынѣ, и при томъ не къ домашней (домашніе боги или др.), а къ публичной. Ср. Исх. 22, 8, 10 гдѣ споръ двухъ лицъ приносится на разрѣшеніе бога или Іагве: въ чьемъ домѣ должна быть принесена клятва? Интересно сопоставить это съ 131 ст. кодекса Хаммураби, гдѣ говорится, что послѣ клятвы передъ Богомъ клявшійся возвращается домой. Нельзя понимать въ иномъ смыслѣ также и Исх. 21, 6.

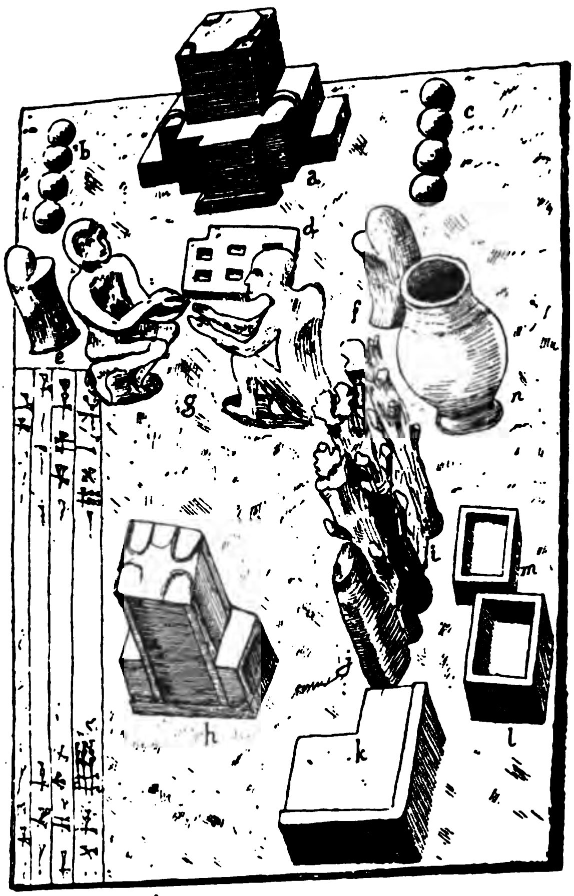
[2]) Далеко не всѣ изслѣдователи согласны въ этомъ съ Киттелемъ. См. II томъ, „Библія, какъ историческій памятникъ“. *Ред.*

ыванія въ странѣ, какъ только Израиль почувствовалъ потребность въ самостоятельномъ правовомъ кодексѣ, а такой эпохой могло быть только время судей.

Если Книга Союза принадлежитъ къ этой эпохѣ, то отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что израильтяне переняли въ это время отъ ханаанеянъ и письмо. Мы уже видѣли (стр. 90 и сл.), что въ Ханаанѣ еще въ до-израильскій періодъ письменность была весьма развита, и что, кромѣ клинописнаго, уже около 1100 г. было въ употребленіи и буквенное письмо, то самое, которое начиная съ IX вѣка входитъ во всеобщее употребленіе въ Палестинѣ. Трудно сказать, къ какому письму прибѣгли тѣ, кто записалъ Книгу Союза; быть можетъ, по аналогіи съ кодексомъ Хаммураби и съ другими юридическими документами, найденными въ Гезерѣ и другихъ мѣстахъ, Книга Союза была записана клинообразными письменами и, вѣроятно, на каменныхъ таблицахъ. Но врядъ ли можно спорить о томъ, какими письменами были сдѣланы записи литературныхъ произведеній, относящихся къ этой эпохѣ. Такими мы считаемъ, прежде всего, Пѣснь Деборы, другія героическія пѣсни, вошедшія позднѣе въ составъ „Книги войнъ Іагве" и „Книги доблестнаго", и, быть можетъ, нѣкоторые разсказы о герояхъ, о Іерубаалѣ, Абимелехѣ, въ ихъ первоначальномъ видѣ. Всѣ эти литературныя произведенія, вѣроятнѣе всего, записывались на свиткахъ папируса, а это, какъ мы видѣли, наиболѣе удобный матеріалъ для буквеннаго письма. Такъ было положено начало богатой древнеизральской литературы.

Контрактъ изъ Гезера, написанный клинообразными знаками.

Видъ семитской высоты (по барельефу, открытому въ Сузѣ около 1100 г. до Р. Х.):
a) храмъ, b—c) предметы, не поддающіеся опредѣленію, d) жертвенная плита, e—f) массебы, g) двое молящихся, h) большой алтарь, i) ашеры, j) массеба, k) небольшая платформа, l—m) два бассейна, n) большая глиняная амфора.

3. Религія и культъ.

Въ высшей степени важнымъ является для насъ вопросъ о томъ, превратился ли Израиль и въ области религіозной жизни и мысли изъ побѣдителя Ханаана въ побѣжденнаго. На этотъ вопросъ приходится дать отчасти утвердительный, отчасти отрицательный отвѣтъ.

Насколько мы можемъ судить по преданіямъ кн. Судей, Израиль продолжалъ соблюдать культъ Іагве, установленный Моисеемъ. Пѣснь Деборы является вдохновеннымъ гимномъ въ честь Іагве: во имя его, своего бога, за его народъ и за его дѣло израильскія колѣна двинулись въ бой, и съ помощью Іагве ополченію ихъ удалось одержать побѣду. Іеруббаалъ, Гидеонъ, Ифтахъ, Самсонъ считаются поклонниками Іагве; даниты въ горахъ Эфраима находятъ святилище Іагве и переносятъ его въ Лаишъ, уже въ качествѣ святилища ихъ собственнаго бога. Даже въ полу-ханаанейскомъ Сихемѣ населяющіе его израильтяне безусловно являются поклонниками Іагве.

Но, съ другой стороны, въ текстахъ Библіи, относящихся къ нашей эпохѣ и болѣе позднему времени, имѣются указанія на служеніе Израиля также и ханаанейскимъ богамъ. Эти указанія толкуются позднѣйшими редакторами книгъ Судей, Самуила и Царей, какъ отпаденіе отъ единственно законнаго культа Іагве, за что Іагве каждый разъ поражалъ ихъ бѣдствіями. Тенденціозность и искусственность этой схемы очевидна; мы должны отбросить ее цѣликомъ, и тогда передъ нами останется только одинъ, и притомъ вполнѣ естественный фактъ, что культъ Іагве послѣ завоеванія израильтянами Ханаана, смѣшался со старинными ханаанскими культами.

Религія и культъ Израиля въ разсматриваемую нами эпоху, поскольку мы можемъ составить себѣ о нихъ представленіе, рисуются въ слѣдующемъ видѣ. Іагве, культъ котораго Израиль принесъ съ собою изъ пустыни, въ первое время не имѣлъ, разумѣется, никакого отношенія къ земледѣлію и къ осѣдлой жизни, къ которой теперь перешли израильтяне. Несомнѣнно, можно было найти связь между богомъ, котораго почиталъ Израиль въ пустынѣ, и богомъ, которому надлежало поклоняться въ Ханаанѣ. Однако, вмѣсто того, чтобы стараться найти эту связь, былъ избранъ болѣе простой путь—заимствованіе чужого достоянія. Привыкнувъ перенимать у прежнихъ хозяевъ страны всевозможныя культурныя завоеванія, какъ-то: формы осѣдлой жизни, искусство обработки полей и садоводства, занятіе ремеслами и т. д.,—израильтяне подчиняются ихъ вліянію также и въ области почитанія божества: они заимствуютъ религіозный культъ—въ основныхъ чертахъ, въ томъ именно видѣ, въ какомъ находятъ его въ Ханаанѣ. Благодаря характеру укоренившагося здѣсь культа, этотъ процессъ облегчается.

Божествами ханаанеянъ, какъ мы видѣли, являются ваалы—„господа" страны или ея отдѣльныхъ округовъ, надѣляющіе своихъ подданныхъ всякими дарами и благами и, прежде всего, ниспосылающіе плодородіе; ваалы тѣсно связаны, такимъ образомъ, со страной, съ землей и ея плодами, а слѣдовательно—и съ земледѣліемъ. Въ связи съ этимъ, и ханаанейскій религіозный культъ былъ тѣсно связанъ съ землей и земледѣліемъ. И, конечно, весьма естественно, что израильскій народъ, присвоивъ себѣ землю и заимствовавъ способы ея обработки и использованія, сталъ также почитать тѣ существа и силы, въ которыхъ жители страны видѣли виновниковъ полодородія: Іагве сливается съ Вааломъ, Іагве какъ будто превращается въ Ваала. Этотъ процессъ сейчасъ же находитъ себѣ отраженіе и въ языкѣ: имена собственныя у израильтянъ начинаютъ отражать отношеніе народа къ Ваалу [1]).

[1]) Ср. Іеруббаалъ, Іобаалъ; впослѣдствіи Мерибаалъ, Ишбаалъ; также Бааліада (I Хр. 14, 7; I Сам. 5, 17). Всѣ эти имена, за исключеніемъ послѣдняго, въ еврейскомъ, масоретскомъ текстѣ, по большей части, подвергаются измѣненіямъ или получаютъ другое толкованіе, во избѣжаніе употребленія предосудительныхъ названій. Такъ, Іерубаалъ—„Ваалъ силенъ"—толкуется какъ „борецъ противъ Ваала" (Ваалоборецъ), Мерибаала переписчики превращаютъ въ Мефибошета, Ишбаала въ Ишбошета, а Іобаала даже въ Эбеда. Въ библейскихъ переводахъ (греческомъ и другихъ) эти имена сохранились, большей частью, въ своей первоначальной формѣ.

Позднѣйшіе редакторы уже и въ этомъ усматривали открытое обращеніе къ Ваалу, вслѣдствіе чего они либо вовсе устраняли такія, имена, либо придавали имъ иной смыслъ. Быть можетъ, они и не были правы, поступая такъ, но несомнѣнно, что имена эти свидѣтельствовали о сосѣдски-дружескомъ сближеніи съ ханаанеями, къ религіозному культу котораго Израиль сталъ пріобщаться. Имя Іобель=Іобаалъ, т.-е. Іагве—(есть) Ваалъ, является, пожалуй, самымъ типичнымъ въ данномъ отношеніи. Народъ почитаетъ Іагве—вѣдь онъ-то и есть богъ Израиля: однако между нимъ и богами сосѣдей, божествами страны, въ которой живутъ израильтяне, народъ не усматриваетъ такого принципіальнаго различія, которое препятствовало бы имъ приравнивать ихъ другъ другу, называть Іагве Вааломъ, т.-е. господиномъ Израиля. Такимъ образомъ, возникаетъ связь между Іагве и Вааломъ, которая придаетъ религіи и культу Израиля натуралистическій характеръ.

Послѣдствія не преминули сказаться. Издревле ханаанеяне почитали своихъ боговъ на высотахъ (במות), которыя признаются святыми, какъ мѣста, вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія болѣе близкія къ божеству, или даже просто считаются мѣстопребываніемъ боговъ. Израиль, вступивъ во владѣніе страной и сумѣвъ приблизить своего Іагве къ хананейскому Ваалу, не остановился передъ тѣмъ, чтобы включить въ доставшееся ему наслѣдство и эти святыя мѣста. Бетъ-Эль, Бееръ-Шеба, Сихемъ, Гилгалъ, Пенуэль, Рама, Мицпа и рядъ другихъ мѣстъ становятся вскорѣ святыми въ глазахъ израильтянъ, какъ были нѣкогда святыми для ханаанеянъ. Съ нѣкоторыми изъ высотъ связываются сказанія о патріархахъ—лучшее доказательство, что мѣста эти рано сдѣлались достояніемъ израильтянъ, которые переняли и продолжали отправлять совершавшійся на нихъ культъ. Слѣдуетъ предположить, что вторгнувшіеся въ Ханаанъ израильтяне застали въ странѣ сохранившіееся, быть можетъ, еще отъ жителей до-семитской эпохи обычаи служенія божеству на плоскихъ скалахъ, въ которыхъ выдалбливались отверстія наподобіе чашъ: чаши эти служили цѣлямъ жертвоприношеній путемъ помѣщенія въ нихъ даровъ. Однако скоро израильтяне, повидимому, перестали довольствоваться этой примитивной формой культа и переняли болѣе распространенный въ Ханаанѣ обычай приносить жертвы божеству путемъ сожженія. Такого рода жертвоприношенія казались имъ, очевидно, болѣе соотвѣтствующими самой сущности принесеннаго ими изъ пустыни представленія о Іагве.

На ряду съ этимъ, извѣстную роль играли въ культѣ и священныя деревья, находившіяся вблизи высотъ или стоявшія въ открытомъ полѣ, одиноко или группами [1]), а также священные источники; они считались мѣстопребываніемъ особыхъ божествъ, или мѣстами явленій тѣхъ божествъ, которому посвящена была ближайшая высота. То же слѣдуетъ сказать и о большихъ или необыкновенныхъ по своей

[1]) Такое дерево, „теребинтъ предсказанія" находилось, напр., близъ Сихема. Быт. 12, 6; Суд. 9, 6, 37; Быт. 35, 4; Іош. 24, 26; Втор. 11, 30; ср. Суд. 4, 5.

формѣ камняхъ [1]). Необходимой принадлежностью ханаанейскихъ высотъ были, какъ мы знаемъ, такъ называемыя массебы; ихъ „воздвигали“, т.-е. поворачивали острымъ концомъ вверхъ, и приносили имъ въ даръ, какъ земному мѣстопребыванію невидимаго божества, елей и кровь жертвенныхъ животныхъ. Впослѣдствіи ихъ, вѣроятно, замѣнили болѣе искусно обтесанныя колонны, ставившіяся, надо думать, вблизи алтаря. Культъ массебъ цѣликомъ былъ воспринятъ израильтянами [2]). Нерѣдко рядомъ съ массебой находилась ашера, обыкновенный древесный стволъ или колъ, считавшійся у ханаанеаиъ символомъ женскаго божества, а именно—богини плодородія, въ честь которой втыкали колъ въ землю близъ ея алтаря [3]). Постепенно входитъ въ обиходъ также и алтарь; онъ сооружается то изъ земли, то изъ камней, имѣетъ видъ то простого стола, посвященнаго божеству, то жертвенника большихъ или меньшихъ размѣровъ [4]). Одно и то же святилище могло имѣть нѣсколько и даже множество жертвенниковъ. Тутъ же устраивались помѣщенія для трапезъ—подъ открытымъ небомъ или въ галлереяхъ—и даже помѣщенія для тѣхъ, кто, въ ожиданіи оракула или вѣщихъ сновъ, желалъ провести здѣсь ночь [5]). Въ сущности, мало что измѣнилось по сравненію съ прошлымъ; только тамъ, гдѣ раньше царилъ Ваалъ, теперь господствуетъ также и Іагве. Онъ даруетъ зерно, виноградный сокъ и масло, ленъ и шерсть. Вполнѣ естественно, въ виду этого, что большой „Праздникъ благодаренія“, справлявшійся у ханаанеянъ ежегодно осенью въ честь Ваала, теперь сталъ относится къ Іагве [6]). Поселянинъ выражаетъ Іагве благодарность, принося ему первенцовъ и богатые дары, и изливаетъ предъ нимъ свою радость въ веселыхъ пиршествахъ, ликованіи и праздничныхъ пляскахъ. Рядомъ съ культомъ Іагве происходили шумныя оргіи и чествованіе ханаанейскихъ божествъ, въ качествѣ божествъ плодородія, выражавшееся въ сладострастныхъ дѣйствіяхъ и даже въ священной проституціи.

---

[1]) См., напр., Іош. 24, 26 (Сихемъ), 2 Сам. 20, 8 (Гибеонъ); ср. 1 Сам. 6, 14 (Бетъ-Шемешъ); 14, 33 и др. Сюда же относится также и каменный кругъ (Гилгалъ). Такіе круги встрѣчались въ различныхъ мѣстахъ; и въ настоящее время они еще встрѣчаются въ Заіорданьѣ.

[2]) Ср. Быт., 28, 18; 31, 13; 33, 20; 35, 14; Исх. 23, 24; 24, 4; 34, 14; Лев. 26, 1: Второз. 12, 3; 16, 22; Іош., 24, 26 и сл.; Суд. 9, 6.

[3]) Естественно, что ашеры, будучи сдѣланы изъ дерева, меньше всего могли сохраниться. Музиль, однако, утверждаетъ (Arabia Petraea II, 1, 281 и сл., 285), что онъ видѣлъ надъ могилами стволы деревьевъ съ отрубленной верхушкой.

[4]) Въ Книгѣ Союза сохранилось древнѣйшее предписаніе о способѣ сооруженія алтаря (20, 24 и сл.): „Сдѣлай мнѣ алтарь изъ земли, чтобы приносить на немъ твои жертвы всесожженія и искупленія, твоихъ овецъ и тельцовъ... Если захочешь ты воздвигнуть алтарь мнѣ изъ камней, то не долженъ строить его изъ обтесанныхъ камней; ибо если ты будешь обдѣлывать его желѣзомъ, то осквернишь его“.

[5]) Ср. I Сам. 3, 3 и сл.; 21, 8; I Цар. 3, 5. Обычай существовалъ, во всякомъ случаѣ, уже издревле.

[6]) Ср. Суд. 9, 27 съ I Сам. 1, 1 и сл. Рѣчь идетъ о праздникѣ, аналогичномъ тому, который въ Сихемѣ справлялся подъ названіемъ „хиллулимъ“, въ Шило—подъ названіемъ „годового праздника“. Всѣ они тѣсно связаны съ урожаемъ и, главнымъ образомъ, со сборомъ винограда.

Нельзя сомнѣваться, что упомянутыя крайности не были восприняты офиціальной религіей Іагве, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ она и была затронута тѣмъ процессомъ ханаанизаціи, которому подвергался культъ Іагве. Зато религія народныхъ массъ съ теченіемъ времени, повидимому, все болѣе и болѣе проникалась ханаанейскими вѣрованіями и образами. Появился обычай конкретно изображать божество, котораго ранѣе, въ пустынѣ, повидимому, не существовало. Мы узнаемъ о символическомъ изображеніи Іагве въ видѣ быка [1]). Того же характера было, вѣроятно, извѣстное изображеніе божества, которое даниты во время переселенія похитили въ горахъ Эфраима, захвативъ съ собою также охранявшаго его іудейскаго жреца [2]). То же слѣдуетъ сказать и о рѣзныхъ изображеніяхъ у каменнаго круга на берегу Іордана, къ которымъ обращается Эгудъ яко бы за оракуломъ, чтобы усыпить бдительность Эглона [3]). Естественно, что заимствовано было и многое изъ того, что ханаанеяне, въ свою очередь, переняли отъ чужихъ религій; таковы были изображенія божествъ второстепеннаго значенія, амулеты и эмблемы, которыя, какъ и другія изображенія, употреблялись для частнаго домашняго культа и при всякаго рода волшебствахъ и суевѣрныхъ обрядахъ. Тутъ можно указать на эфодъ, который былъ сдѣланъ Гидеономъ, на терафимовъ, изображенія боговъ-предковъ, подробнаго описанія которыхъ мы все еще не имѣемъ. Достовѣрно намъ извѣстно лишь то, что эфодъ находился въ тѣснѣйшей связи съ жреческимъ оракуломъ, въ виду чего большинство склонно видѣть въ немъ аппаратъ для оракула. Гидеонъ отводитъ ему мѣсто въ своемъ святилищѣ, а, согласно дошедшимъ до насъ даннымъ, эфодъ и терафимы, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, находились въ тѣсной связи со святилищемъ въ Данѣ.

На ряду съ описанными примитивными формами религіозной жизни, мы находимъ въ Израилѣ еще и другіе слѣды религіозныхъ обрядовъ, носящихъ на себѣ черты первобытной жестокости. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь упомянуть о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Какъ мы видѣли, результаты раскопокъ не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ Ханаанѣ обычнымъ явленіемъ были, какъ принесеніе въ жертву дѣтей, такъ и жертвоприношенія при постройкахъ; смыслъ первыхъ — посвященіе первенцовъ какому-либо божеству, а вторыхъ — посвященіе ему мѣста новой постройки, а также огражденіе дома отъ бѣды: посредствомъ замурованія жертвы въ фундаментъ домъ ста-

---

[1]) При раскопкахъ обнаружено много изображеній быковъ. А такъ какъ изъ Библіи намъ извѣстно, что въ этомъ образѣ былъ почитаемъ Іагве, то отсюда можно было бы заключить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніями Іагве-Ваала, какъ бога плодородія, особенно если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ о народѣ, занимавшемся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что и въ этомъ отношеніи Израиль перенесъ культъ Ваала на Іагве.

[2]) Такой выводъ можно сдѣлать на основаніи того факта, что Іеровоамъ воздвигаетъ въ Данѣ изображеніе быка, опираясь, вѣроятно, на обычай древняго культа.

[3]) См. Суд. 3, 19.

вится подъ покровительство заключеннаго въ немъ мертвеца, который въ качествѣ божества обитаетъ въ косякѣ двери или подъ порогомъ. Принесеніе въ жертву первенцовъ прямо предписывается Израилю Книгой Союза [1]); практика принесенія строительныхъ жертвоприношеній сохранялась еще въ царскую эпоху [2]).

Эти факты бросаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя библейскія сообщенія. Если въ Быт. 22 содержится, повидимому, повелѣніе принести въ жертву Исаака, но затѣмъ человѣческая жертва замѣняется закланіемъ барана, то это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ современную автору этой легенды эпоху серьезно обсуждался вопросъ о томъ, угодны ли божеству человѣческія жертвы; въ ту пору отвѣтъ давался отрицательный, но, несомнѣнно, что въ болѣе раннюю эпоху онъ нерѣдко рѣшался и въ утвердительномъ смыслѣ. Что положительный отвѣтъ давался также и въ Израилѣ, и притомъ въ описываемую эпоху, мы можемъ заключить изъ разсказа объ Ифтахѣ. Если даже не признавать за этимъ разсказомъ исторической достовѣрности, то тѣмъ не менѣе онъ отражаетъ религіозные обряды и взгляды, имѣвшіе мѣсто въ эпоху, предшествовавшую періоду царей, въ Гилеадѣ, а въ Моабѣ — и въ значительно болѣе позднюю эпоху. Приходится поэтому считать установленнымъ, что, хотя и весьма рано установился обычай замѣнять человѣческія жертвоприношенія выкупомъ, все же израильтяне въ первое время въ Ханаанѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о еще болѣе древнихъ израильскихъ обычаяхъ, не такъ уже рѣдко дѣйствительно отдавали въ жертву богу своихъ первенцевъ. Въ дополненіе ко всему сказанному отмѣтимъ проглядывающій въ Библіи культъ мертвыхъ, выражающійся въ похоронныхъ и траурныхъ обрядахъ, а особенно въ заклинаніи мертвыхъ и въ обожествленіи духовъ усопшихъ, и тогда получится, пожалуй, въ существенныхъ чертахъ исчерпывающая картина народнаго религіознаго культа въ разсматриваемую эпоху.

Сдѣланный нами обзоръ приводитъ къ заключенію, что народный религіозный культъ заимствовалъ изъ ханаанейскаго религіознаго быта почти все, что поддавалось заимствованію. Однако и культъ Іагве продолжалъ существовать, и поскольку израильскій народъ сознательно отмежевывалъ себя отъ ханаанеянъ, онъ крѣпко за него держался. Въ народномъ сказаніи Іагве стоялъ выше другихъ боговъ, о чемъ свидѣтельствуетъ имя Михіягу въ Суд. 17 („кто равенъ Іагве?"). Однако этимъ для значительной части народа и исчерпывалось, надо думать, отличіе израильскаго культа отъ ханаанейской религіи. Такимъ образомъ, едва ли можно лучше охарактеризовать народный культъ, чѣмъ

---

[1]) Исх. 22, 28 („первенца сыновей твоихъ отдавай мнѣ"); ср. Исх. 13, 1—2.

[2]) 1 Цар. 16, 34: „Тогда Хіель изъ Бетъ-эля вновь выстроилъ Іерихонъ, цѣною своего первенца Абирама онъ заложилъ городъ, а цѣною своего младшаго сына Зегуба онъ воздвигъ ворота города по повелѣнію Іагве, возвѣщенному Іошуой, сыномъ Нуна". Въ книгѣ Іошуи (6, 26) рѣчь идетъ о проклятіи, которымъ Іошуа угрожалъ тому, кто вновь выстроитъ Іерихонъ. Жертвоприношенія имѣли, такимъ образомъ, цѣлью отвратить проклятіе отъ строителя и обитателей города.

сказавъ, что онъ представляетъ собою почти полную хананизацію религіи Іагве. Іагве настолько сливается съ Вааломъ, что различіе между ними заключается почти исключительно въ названіи; естественнымъ послѣдствіемъ этого былъ переходъ значительной части народа къ ханаанейскому культу природы.

Какой характеръ носила, однако, офиціальная религія Израиля? Ея очертанія, несомнѣнно, не всегда уловимы; можно будетъ все же составить себѣ о ней понятіе, если считать, что ея представителями являлись общественные верхи, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе всѣмъ народомъ или отдѣльными частями его. Мѣстомъ религіознаго культа являются высоты, описаніе которыхъ дано было выше, снабженныя массебами и ашерами, однимъ или нѣсколькими жертвенниками, на которыхъ приносятся обильныя жертвы и первинки; особенно усердно стекались на высоты богомольцы въ праздничные дни. Возможно, что нѣкоторыя мѣста культа были уже снабжены храмами, наподобіе построеннаго немного времени спустя въ Шило, или же имѣвшагося въ то же время у ханаанеянъ въ Сихемѣ. Наиболѣе важное святилище Іагве находилось тогда въ Шило; другое, также имѣвшее особое значеніе, въ Бетъ-элѣ. Богъ, котораго здѣсь почитаютъ,—Іагве; но его почитаютъ какъ божество, дарующее странѣ ея блага, почитаютъ притомъ въ такихъ формахъ, которыми отличался культъ замѣненнаго имъ Ваала, съ той лишь разницей, что въ культѣ Іагве были устранены наиболѣе рѣзкія крайности, усвоенныя народной религіей. Однако Іагве считается властителемъ страны и требуетъ, чтобы ему приносили надлежащую долю отъ его же даровъ.

Это также было важнымъ шагомъ въ смыслѣ ханаанизаціи религіи Іагве. Правда, офиціальная религія старалась заимствовать лишь формы культа, содержаніемъ же ея, предметомъ поклоненія, оставался попрежнему Іагве и онъ одинъ. Но и офиціальной религіи трудно было удержаться въ намѣченныхъ ею предѣлахъ. Остановить процессъ вторженія культа природы, въ видѣ отдѣльныхъ обрядовъ, отвергнутыхъ офиціальной религіей, прежде всего священной проституціи и поклоненія изображеніямъ Іагве—было дѣломъ далеко не легкимъ; едва ли не труднѣе еще было предупредить превращеніе священнодѣйствія въ простое opus operatum, въ механическое выполненіе обрядовъ, свойственное культу природы. Ибо, по существу своему, культъ природы приписываетъ жертвамъ и обрядамъ, уже какъ таковымъ, способность вліять на божество.

И дѣйствительно, вторженіе въ сферу офиціальной религіи священной проституціи и поклоненія изображеніямъ Іагве мы имѣемъ возможность наблюдать уже въ эпоху судей въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ нѣкоторые представители высшихъ слоевъ населенія, — среди нихъ на первомъ мѣстѣ Гидеонъ — отдаютъ дань низменному народному культу. Что бы ни понимать подъ терминомъ эфодъ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что, съ точки зрѣнія книги Судей, Гидеонъ перенесъ

изъ ханаанейской народной религіи новый, доселѣ невѣдомый, элементъ въ религіозный культъ Израиля. Лишь дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи сдѣлали сынъ его Абимелехъ и, вѣроятно, все израильское населеніе Сихема, когда они стали поклоняться ханаанейскому союзному Ваалу, быть можетъ, потому, что этотъ Ваалъ, благодаря нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, былъ ближе къ Іагве, нежели другіе. Къ той же категоріи явленій необходимо отнести и поступокъ Ифтаха, подчинившагося обычаю приносить человѣческія жертвы; та же тенденція сказалась, быть можетъ, и въ дѣйствіяхъ данитянъ, поклонявшихся изображенію быка.

Совершать культъ въ ту эпоху могъ всякій; каждый имѣлъ право принести жертву на любомъ мѣстѣ, если только къ этому былъ поводъ. Но на священныхъ высотахъ и въ особенности въ храмахъ культъ совершался профессіональными жрецами, принадлежавшими обычно къ одной и той же фамиліи. Степень уваженія того или иного жреческаго рода опредѣлялась значеніемъ того святилища, въ которомъ онъ служилъ. Важнѣйшимъ святилищемъ былъ, несомнѣнно, Шило, хотя бы уже потому, что въ немъ находилась святыня Моисеевой эпохи—священный ковчегъ Іагве. Жреческій родъ въ Шило возводилъ свое происхожденіе къ эпохѣ Моисея,—и цѣлый рядъ обстоятельствъ говоритъ за то, что преданіе это имѣло извѣстныя основанія, ибо оно подтверждается другимъ преданіемъ, отличающимся не меньшимъ внутреннимъ правдоподобіемъ, именно, что въ Шило сначала не существовало храма, а находился обыкновенный шатеръ, въ которомъ хранился ковчегъ [1]).

Такимъ путемъ, между Шило и великимъ прошлымъ ковчега и народа устанавливается извѣстная связь, напоминая намъ, что не всѣ слои Израиля въ одинаковой степени были вовлечены въ процессъ перехода отъ стараго кочевого быта къ новымъ формамъ жизни, а, поскольку они въ немъ участвовали, не всѣ они въ результатѣ перешли и къ ханаанейскому культу. Въ Изреэльской равнинѣ разбиты еще шатры кенитскихъ кочевниковъ (Суд. 5, 24; 4, 11); существовало, вѣроятно—особенно въ первое время — немало и другихъ подобныхъ родовъ и племенъ.

Такъ, выше мы видѣли, что также на югѣ у Іуды и у примыкающихъ къ нему колѣнъ и слоевъ населенія переходъ къ осѣдлой жизни отчасти еще не начинался, отчасти же еще далеко не законченъ. Въ силу этого здѣсь создался прочный оплотъ для израильскихъ традицій, относящихся къ эпохѣ кочевья въ пустынѣ. Само собой разумѣется, что у этихъ жителей юга, ведущихъ еще образъ жизни кочевниковъ-пастуховъ, не наблюдается тяготѣнія къ ханаанейскому Ваалу и его культу. Здѣсь, напротивъ, сохраняются долгое время традиціи чистаго культа Іагве; и эти традиціи въ области религіознаго культа способствовали, безъ сомнѣнія, тому, что съ юга вышло пророческое движеніе протестовавшее противъ матеріализаціи и натурализаціи культа, и что

[1]) II Сам. 7, 6 и сл.

югъ и въ сферѣ политической сталъ въ оппозицію къ остальному Израилю.

Эти консервативныя теченія не могутъ, однако, сколько-нибудь значительно измѣнить общій тонъ картины, свидѣтельствующій о сильнѣйшей ханаанизаціи, которой подверглась во всей странѣ религія Іагве. Картина религіозной жизни Израиля въ эту эпоху была бы, однако, не полна, если бы мы не указали на сказывавшееся, несомнѣнно, вавилонское вліяніе. Если принять во вниманіе, что еще незадолго до того въ Ханаанѣ писали на вавилонскомъ языкѣ, то придется признать, что и въ разсматриваемую эпоху вавилонское вліяніе играло немалую роль въ области духовной жизни. Раскопки подтверждаютъ это, какъ въ области свѣтской, такъ и въ области религіозной жизни; въ отношеніи религіознаго быта это подтверждается, въ особенности, многочисленными изображеніями богини Иштаръ. Надо, впрочемъ, полагать, что Израиль находился не столько подъ прямымъ, сколько подъ косвеннымъ воздѣйствіемъ вавилонской культуры, при чемъ посредствующимъ звеномъ между ними были ханаанеяне [1]). Мы видѣли, что вавилонскіе миѳы уже рано проникли въ Ханаанъ. Израильтяне познакомились съ ними въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ знали ханаанеяне; но, по всей вѣроятности, вавилонскіе миѳы уже тогда стали подвергаться тому процессу переработки, въ результатѣ котораго они могли войти, въ качествѣ полноцѣнныхъ составныхъ частей, въ религію израильскаго народа.

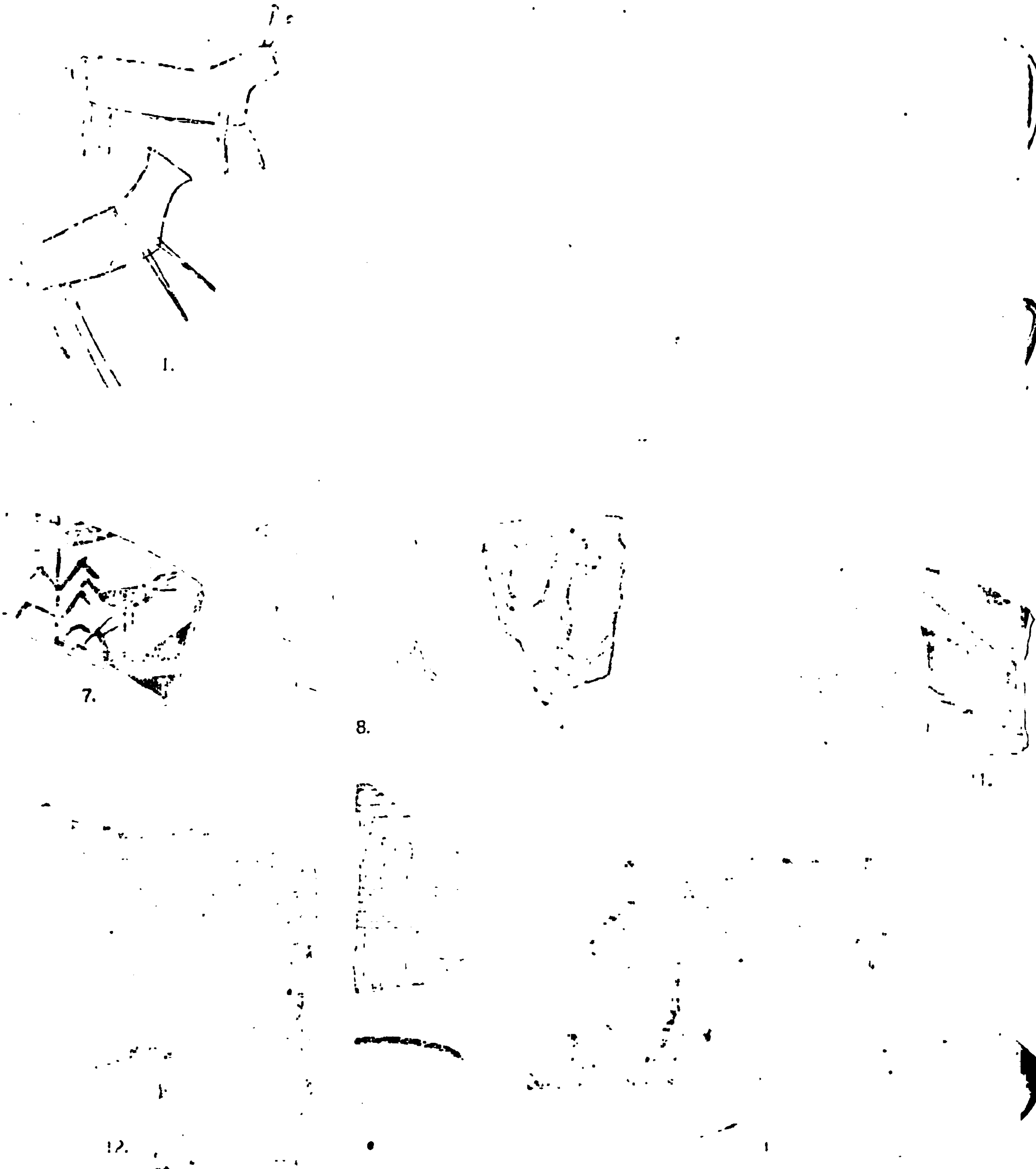
Бронзовое изображеніе тельца, найденное въ Заірданьѣ.

[1]) Представленіе вавилонянъ о мірозданіи и о небѣ, ихъ наука о календарѣ, вѣроятно, рано были усвоены ханаанейскими жрецами и мудрецами; отсюда, надо думать, многое, уже въ блѣдномъ отраженіи, воспринято было израильскими мудрецами. Ср., напр., Суд. 5, 20 (олицетвореніе звѣздъ); Исх. 20, 4; Быт. 49, 25 (трехчленное дѣленіе мірозданія); Суд. 9, 37 (пупъ земли) и др.—Не слѣдуетъ также забывать, что въ болѣе элементарной религіозной сферѣ вавилонское вліяніе было, по меньшей мѣрѣ, равносильно египетскому.

I. Образцы древне-палестинской керамики и орнаментики.

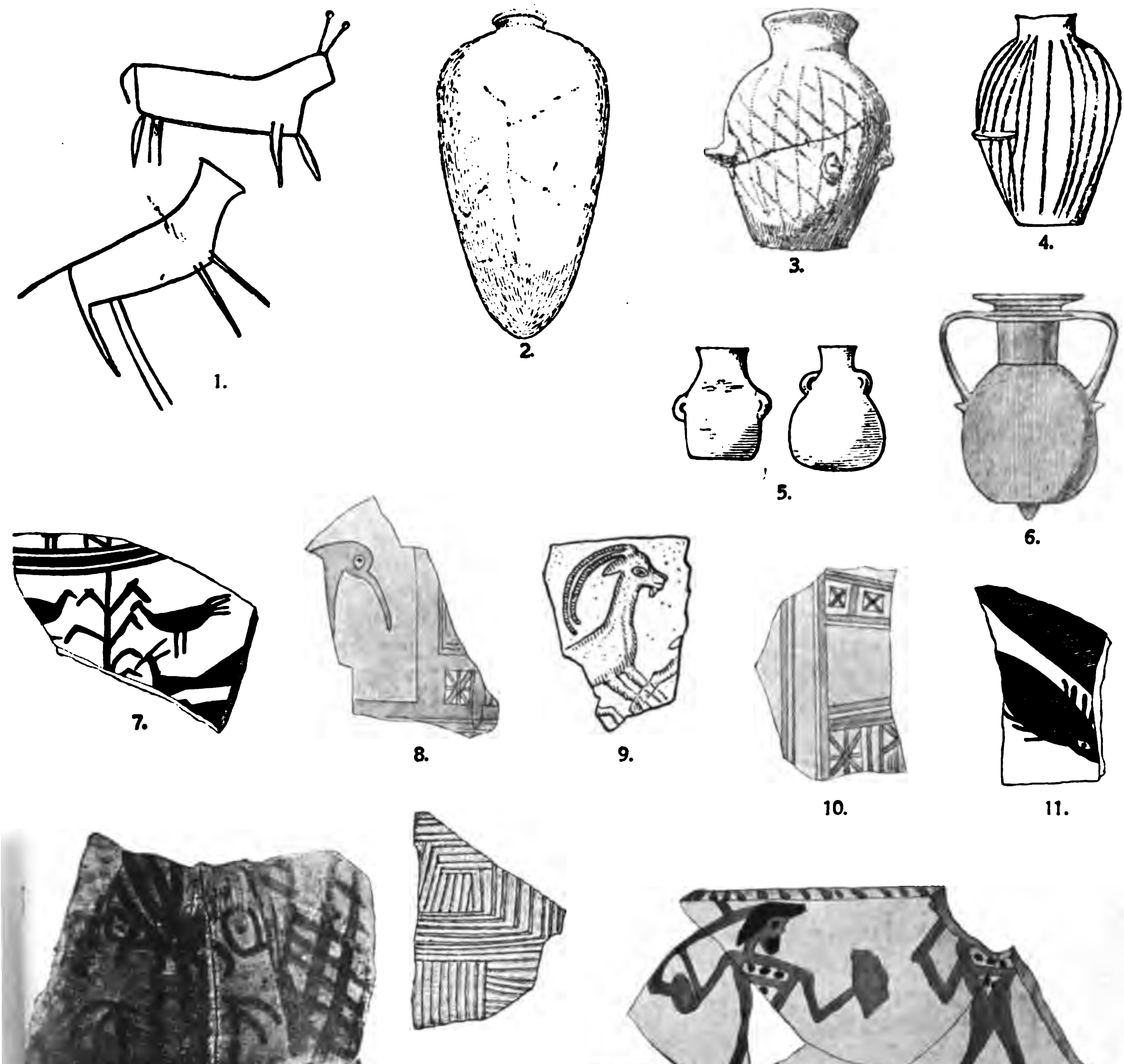
Лахишъ. 1—2. Горшокъ и черепокъ съ линейнымъ орнаментомъ (I слой). 3. Черепки съ микенскимъ орнаментомъ (III слой). 4. Такіе же черепки (IV слой). 5. Деревянная дощечка съ изображеніемъ козловъ. 6. Чаша кипрскаго образца (IV слой). 7. Лампа съ орнаментомъ на мотивъ лѣстницы.—**Телль-Захаріе.** 8—12. Сосуды и амфоры египетскаго образца (1600—1500 гг.).

II. Образ [illegible]

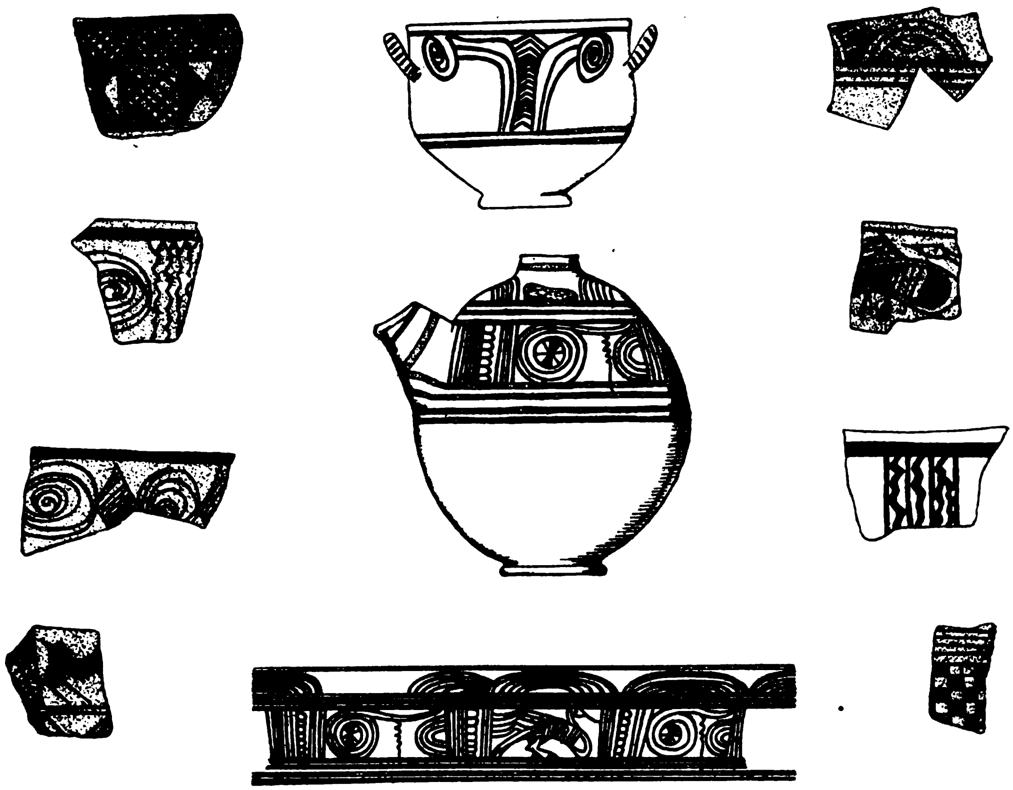
[illegible]

4.

II. Образцы древне-палестинской керамики и орнаментики.

езеръ. 1. Примитивныя изображенія звѣрей на стѣнахъ пещеры. 2. Сосудъ для храненія зерна, въ которомъ былъ найденъ скелетъ троительной жертвы. 3—4. Сосуды съ примитивнымъ линейнымъ орнаментомъ. 5. Кувшины—прототипы амфоръ.—**Таанахъ.** 6. Архаичекій алебастровый сосудъ. 7—11. Черепки съ различнымъ орнаментомъ.—**Мегиддо.** 12. Обломокъ чаши съ сѣтчатымъ узоромъ и примиивнымъ изображеніемъ пальмъ и козловъ (III слой). 13. Черепки съ линейнымъ орнаментомъ. 14. Обломокъ горшка съ изображеніемъ идущихъ воиновъ (IV слой).

Образцы филистимской керамики, найденные при раскопкахъ въ Гатѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Самуилъ и Саулъ.

1. Филистимское иго.

Спустя нѣкоторое время послѣ паденія Абимелеха — приблизительно между второй третью и концомъ XI вѣка до-христіанской эры — Израиль подвергается новымъ опасностямъ. На этотъ разъ опасность угрожала не со стороны кочевыхъ хищническихъ племенъ, но со стороны филистимлянъ, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ жителей морского берега. Незадолго до того филистимляне заняли плодородныя равнины къ западу отъ горъ Эфраима и Іуды (первую называли Саронъ, или Шаронъ, послѣднюю — Шефела) и расположенное за нею побережье Средиземнаго моря. Гдѣ была ихъ родина, и какъ они проникли сюда, этого точно установить мы не можемъ. По указанію Библіи, ихъ родиной былъ Кафторъ, который многіе склонны отожествлять съ островомъ Критомъ [1]). Тожественность эта далеко не достовѣрна; однако надо полагать, что филистимляне дѣйствительно имѣли извѣстное отношеніе

[1]) Кафторъ — см. Ам. 9, 7; Іерем. 47, 4; Втор. 2, 23; отождествленіе Кафтора съ Критомъ дѣлаютъ на основаніи I Сам. 30, 14.

къ Криту, хотя всего вѣроятнѣе, они и на Критѣ были пришельцами. Египетскія надписи, говорящія о филистимлянахъ, приводятъ насъ въ юго-западную часть Малой Азіи, которая при Рамзесѣ III, около 1200 года, считалась родиной морского разбойничьяго племени, именуемаго Пурсати, — имя, фонетически скорѣе всего совпадающее съ פלשתים—филистимляне. Хотя Рамзесъ побѣждаетъ ихъ на морѣ и на сушѣ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе быстраго паденія египетскаго господства при Рамзесѣ III и его ближайшихъ преемникахъ, филистимлянамъ удалось, вѣроятно, вновь утвердиться въ южной Сиріи. Надо думать, что Рамзесъ оттѣснилъ, по крайней мѣрѣ, значительное ихъ число на островъ Критъ, и что уже отсюда они или начали движеніе на Ханаанъ или продолжали наступленіе, посылая вспомогательныя войска. Во всякомъ случаѣ, около 1100 г. они уже утвердились въ мѣстности, расположенной къ югу отъ Кармеля, ибо къ этому времени слѣдуетъ отнести столкновенія, нашедшія себѣ отголосокъ въ легендѣ о Самсонѣ.

Одежда и вооруженіе филистимлянъ—войлочный шлемъ, панцырь, большой круглый щитъ, копье и мечъ—и умѣніе ихъ обращаться съ боевыми колесницами,—все это подтверждаетъ гипотезу о томъ, что они являются выходцами изъ западной части Малой Азіи. Такому предположенію соотвѣтствуетъ также то обстоятельство, что имъ былъ неизвѣстенъ весьма распространенный среди семитовъ и южныхъ народовъ обрядъ обрѣзанія; ихъ зовутъ „необрѣзанные". Однако они, живя въ Ханаанѣ, все болѣе и болѣе приближаются къ семитамъ, перенимая ихъ языкъ и религіозные обычаи [1]). Они переживаютъ процессъ, аналогичный тому, которому подверглись израильтяне, съ той лишь разницей, что религія филистимлянъ оказала, повидимому, ханаанейскимъ вѣрованіямъ значительно меньшее сопротивленіе, чѣмъ израильская. Въ политическомъ отношеніи филистимляне, подобно исконнымъ жителямъ страны, распадаются на небольшія самостоятельныя единицы, представленныя пятью городами: Газою, Аскалономъ, Ашдодомъ, Экрономъ и Гатомъ; высшая власть принадлежитъ въ филистимскихъ городахъ не царямъ, а властителямъ, въ родѣ греческихъ тирановъ (סרנים), которые часто дѣйствуютъ сплоченно, иногда подъ гегемоніей какого-либо отдѣльнаго города [2]). Укрѣпленные города защищаютъ ихъ отъ израильтянъ. Въ теченіе долгаго времени оба народа жили, вѣроятно, мирно; филистимляне владѣли плодородной приморской равниной, а сосѣднія израильскія колѣна, Іуда, Данъ и Эфраимъ, довольствовались не слишкомъ тучными горными склонами, пока одна изъ сторонъ (вѣроятно, филистимляне) не ощутила потребности расширить свои владѣнія, въ результатѣ чего одна часть колѣна Дана лишилась своей старой родины.

Но въ то же время и въ Израилѣ стало обнаруживаться недовольство сравнительно скромными предѣлами занятой территоріи; быть

---

[1]) Филистимскія имена: Абимелехъ, Цидка, Ханно, Пади и др. носятъ, въ общемъ, семитическій характеръ; то же самое слѣдуетъ сказать и объ ихъ богахъ, Дагонѣ и Ваалъ-Зебубѣ.

[2]) Ср. Суд. 16, 30; I Сам. 6, 4; 29, 2. 6; также Суд. 16, 5, 8; I Сам. 5, 8, 11 и др.

можетъ, такое настроеніе въ значительной степени подогрѣвалось тѣмъ обстоятельствомъ, что колѣна Іосифовой группы, благодаря болѣе тѣсному единенію при Іеруббаалѣ и Абимелехѣ, сознали ростъ своего могущества. Надо полагать, что Эфраимъ и Іуда, уже послѣ неудачъ, постигшихъ Дана, вновь пытались продвинуться къ западной равнинѣ [1]). Такъ начинается длившаяся многіе годы и даже десятилѣтія борьба между сосѣдями; она велась, безъ сомнѣнія, съ перемѣннымъ счастьемъ, и долгое время ни одинъ изъ противниковъ не могъ окончательно подчинить себѣ другого. Народные разсказы и легенды, которые книга Судей связываетъ съ именемъ Самсона, относятся къ этой эпохѣ. Они даютъ намъ нѣкоторую возможность судить о положеніи вещей и, быть можетъ, даже свидѣтельствуютъ о томъ, что Израиль наносилъ по временамъ своему врагу серьезныя пораженія. Ведется затяжная борьба; это—не систематическія военныя дѣйствія, а рядъ столкновеній, имѣющихъ цѣлью причинить при каждомъ удобномъ случаѣ противнику вредъ. Возможно, что одновременно съ этимъ происходятъ и планомѣрные походы и сраженія въ собственномъ смыслѣ слова; они, однако, не приводятъ къ рѣшительному результату и превращаются въ безпорядочныя стычки.

Наконецъ, филистимлянамъ удается нанести израильтянамъ рѣшительный ударъ, и лишь съ этой минуты все движеніе получаетъ болѣе ясное историческое освѣщеніе. Побѣда филистимлянъ служитъ толчкомъ къ тому, что Израиль воспрянулъ силою подъ царской властью Саула. Изъ Саронской равнины филистимляне энергично нападаютъ на горную область израильтянъ. Имъ достаточно было овладѣть расположенной между приморской и Изреэльской равнинами цѣпью холмовъ, чтобы открыть доступъ къ Эфраимскимъ горамъ и къ Изреэльской равнинѣ. Можетъ быть, такова и была цѣль филистимлянъ; но возможно, что они имѣли въ виду лишь центральную часть страны. По всей вѣроятности, пострадавшія въ первую голову израильскія колѣна въ минуту опасности объединились и выставили довольно многочисленное войско. Но, повидимому, у нихъ не было налицо ни единаго командованія, ни достаточной сплоченности.

У Афека, въ Саронской равнинѣ, недалеко отъ Яффы, фронтомъ къ холмистой грядѣ, расположились филистимляне; невдалекѣ, у Эбенъ-Га-Эзера, — вѣроятно, на склонахъ горъ,—находился укрѣпленный лагерь израильтянъ. Здѣсь дважды происходятъ битвы, уже первое столкновеніе кончается для израильтянъ неудачей: 4.000 убитыхъ остаются на полѣ битвы, Израиль принуженъ бѣжать въ горы, въ укрѣпленный лагерь. Передъ рѣшительнымъ сраженіемъ привозятъ ковчегъ изъ Шило. Разъ Іагве находится среди своего воинства, не можетъ быть сомнѣнія въ побѣдѣ. Но и эта надежда оказывается обманчивой. Израильскія войска вторично терпятъ пораженіе, еще болѣе тяжкое, чѣмъ первое; книга Самуила говоритъ, что 30.000 воиновъ погибло отъ руки враговъ, осталь-

[1]) Возможно также, что сами филистимляне, ободренные побѣдой надъ Даномъ, стали вновь нападать на Израиля; прежде всего, они желали добиться расширенія владѣній въ центрѣ страны, за предѣлами своего побережья.

ные разсѣяны и бѣгутъ въ дикомъ безпорядкѣ—„каждый къ своему шатру". Ковчегъ Іагве, святыня Израильтянъ, достается непріятелю [1]), а жрецы его,Хофни и Пинхасъ, убиты. Войско и святыня Израиля—во власти врага, а вмѣстѣ съ ними и земли и честь народа. Теперь врагамъ открытъ доступъ съ запада и съ сѣвера къ горамъ Эфраима, и, несомнѣнно, также къ плодородной Изреэльской равнинѣ. Филистимляне, желая использовать благопріятныя условія, устремляются туда. Храмъ въ Шило, находящійся въ горахъ Эфраима, разрушается филистимлянами [2]); повидимому, вся страна оказывается въ ихъ рукахъ. Гибеа, значительно южнѣе Шило, является отнынѣ мѣстопребываніемъ филистимскаго начальника; кромѣ него, были, конечно, и другіе, надъ другими областями, напр., надъ областью Іуды, которая теперь, вѣроятно, безъ боя отошла къ побѣдителямъ. Однимъ словомъ, случилось то, чего, несмотря на всѣ бѣдствія послѣдняго времени, еще никогда не бывало: Израиль оказался въ собственной странѣ вассаломъ чужого повелителя.

Болѣе разумные элементы въ Израилѣ не могли не понимать причины этого бѣдствія. Если бы всѣ колѣна и роды, признававшіе себя сынами Израиля, объединились, чтобы отразить грозящую опасность, несчастіе можно бы было предупредить. Если бы существовало хотя бы такое единодушіе, котораго удалось добиться Іеруббаалу и Абимелеху, и если бы во главѣ израильтянъ стоялъ вождь, достойный своего призванія, бѣдствіе не достигло бы такихъ громадныхъ размѣровъ, не имѣло бы такихъ роковыхъ послѣдствій. Весьма характерно, что въ дошедшихъ до насъ сообщеніяхъ не сохранилось именъ ни одного изъ вождей; поэтому можно полагать, что врядъ ли начальство надъ войсками было сосредоточено въ рукахъ одного лица. Воспоминанія о Деборѣ и Гидеонѣ указывали путь, который надлежало избрать Израилю для своего спасенія. Только объединеніе всѣхъ колѣнъ подъ начальствомъ одного постояннаго вождя, и притомъ не только на время опасности, но на болѣе продолжительное время, могло спасти израильскія колѣна и возстановить ихъ независимость. Такимъ образомъ, обстоятельства настойчиво требовали установленія царской власти надъ всѣмъ народомъ израильскимъ.

---

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ ковчега разсказывается въ 5—6 гл. кн. Судей. Захваченный филистимлянами, ковчегъ былъ перенесенъ въ Ашдодъ и тамъ поставленъ въ храмѣ Дагана. Но тутъ начинаются чудеса: разгнѣванный Іагве поражаетъ филистимлянъ бѣдствіями, а ихъ бога разбиваетъ; это грозное вмѣшательство заставляетъ филистимлянъ возвратить израильтянамъ ковчегъ, который, послѣ нѣкоторыхъ приключеній, былъ поставленъ въ Киріатъ-Іеаримѣ, гдѣ и оставался до эпохи Давида. Разсказы о чудесахъ, конечно, принадлежатъ къ области благочестивой легенды; что же касается вопроса о томъ, какимъ образомъ попалъ ковчегъ въ Киріатъ-Іеаримъ, и почему только Давидъ о немъ вспоминаетъ, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается невыясненнымъ.

[2]) О разрушеніи этого храма нѣтъ спеціальнаго разсказа; мы узнаемъ только позднѣе изъ Іереміи (7, 12—14 и 26, 6), что онъ давно уже лежитъ въ развалинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ разрушенъ именно филистимлянами; вѣроятно, въ теперешнюю кн. Самуила не вошелъ имѣвшійся налицо подробный разсказъ о наступленіи филистимлянъ послѣ битвы при Афекѣ и о разореніи ими страны.

И спасеніе пришло, хотя и не сразу. Какъ долго длилось позорное рабство—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, немало времени. Исходъ изъ этого положенія былъ указанъ старцемъ-прорицателемъ Самуиломъ.

Въ молодости своей, незадолго до битвы при Афекѣ, Самуилъ пришелъ въ Шило, въ тамошній домъ божій. Несмотря на принадлежность Самуила къ колѣну Эфраима, Эли, жрецъ ковчега въ Шило, принялъ его въ качествѣ храмового служителя и ввелъ его въ жреческіе круги. Послѣ злополучнаго сраженія при Афекѣ и разрушенія святилища въ Шило, судьба Самуила покрывается мракомъ. Лишь къ концу эпохи угнетенія онъ, уже будучи старцемъ, появляется вновь. Онъ поселился, повидимому, въ Рамѣ, которая становится его второй родиной. Онъ извѣстенъ какъ жрецъ и прорицатель. Въ древнемъ Израилѣ оба эти вида дѣятельности не только не противорѣчатъ другъ другу, но даже тѣсно между собой связаны. Ибо если Самуилъ, въ качествѣ прорицателя, близко соприкасался съ Іагве, то тѣмъ самымъ онъ былъ наиболѣе подходящимъ лицомъ, чтобы нести обязанности жреца. Въ Рамѣ находилась высота, на которой безъ него не совершалось ни одно жертвоприношеніе.

Въ теченіе продолжительнаго періода филистимскаго ига Самуилъ, безъ сомнѣнія, не бездѣйствовалъ. Находясь въ Рамѣ, онъ, въ годы народныхъ бѣдствій и безнадежнаго положенія, оказывалъ, несомнѣнно, большое вліяніе на широкіе круги народа, являясь его судьею, духовнымъ руководителемъ и толкователемъ воли Іагве [1]). I Кн. Самуила (гл. 7, 7 и сл.) разсказываетъ даже, что Самуилъ, нанесъ филистимлянамъ рѣшительное пораженіе и освободилъ страну отъ ихъ владычества. Въ нынѣшнемъ видѣ этотъ разсказъ, безусловно, нельзя признать историческимъ, ибо о рѣшительной побѣдѣ Самуила надъ филистимлянами, съ исторической точки зрѣнія, не можетъ быть и рѣчи: въ противномъ случаѣ все царствованіе Саула и весь послѣдующій ходъ развитія потеряли бы всякій смыслъ. Но нужно признать, что основой для описываемыхъ въ упомянутомъ текстѣ событій могло послужить въ дѣйствительности созванное Самуиломъ въ Мицпѣ собраніе вождей израильскихъ родовъ. Предстояло рѣшить вопросъ, что предпринять для освобожденія отъ филистимскаго ига. Уже тогда, вѣроятнѣе всего, у Самуила и народныхъ старѣйшинъ возникла мысль объ установленіи царской власти, получившая осуществленіе, какъ только явились для этого благопріятныя условія, и было найдено достойное лицо.

За Самуиломъ утвердилось названіе пророка (נביא), но библейское повѣствованіе въ своихъ древнѣйшихъ частяхъ знаетъ, что Самуилъ не былъ נביא, т.-е. пророкомъ въ томъ значеніи, какое имѣетъ это слово въ позднѣйшую эпоху. Книга Самуила называетъ его не пророкомъ, а „прозорливцемъ", ясновидцемъ (ראה) и подчеркиваетъ, что послѣднее названіе болѣе древнее, а первое—болѣе новое обозначеніе одного и того же же явленія (I Сам., 9, 9,); она, такимъ, образомъ, знала,

[1]) Сообщеніе I Сам. 7, 1—6, о томъ, что Самуилъ обратилъ народъ къ Іагве и уничтожилъ культъ Ваала и Астарты, принадлежитъ, несомнѣнно, позднѣйшему редактору.

что, при всѣхъ различіяхъ, между обоими названіями имѣется тѣсная связь. Прорицатели, въ родѣ Самуила, были предтечами позднѣйшаго пророчества. Въ прорицателяхъ таились корни профетизма; Самуилъ же стоитъ почти на рубежѣ этихъ двухъ явленій. Надо думать, что онъ имѣлъ также близкое отношеніе къ возникшимъ, повидимому, около того времени особымъ пророческимъ общинамъ, по крайней мѣрѣ, къ первымъ ихъ зачаткамъ.

Въ нѣдрахъ этихъ общинъ зародилось, по всей вѣроятности, пророческое движеніе, оплодотворенное духомъ религіи Іагве и руководимое такими людьми, какъ Самуилъ и впослѣдствіи Илія. Цѣлыя толпы „пророковъ“, экзальтированныхъ фанатиковъ, подобныхъ одержимымъ, съ пѣніемъ и плясками, въ дикомъ порывѣ, захватывавшемъ все на своемъ пути, ходили въ это время по странѣ; громкіе звуки музыки возвѣщали появленіе ихъ, и каждый, кто попадался имъ на пути, могъ легко поддаться воздѣйствію ихъ религіознаго изступленія. Въ общинахъ, въ которыхъ они жили, ихъ учили приводить себя въ состояніе экстаза; но, несомнѣнно, ими руководилъ не одинъ лишь религіозный экстазъ. Религія и патріотизмъ дѣйствуютъ въ нихъ заодно. Вѣдь Израиль— народъ Іагве; вѣдь богъ, народъ и страна неразрывно связаны между собой. И вотъ почему бѣдствія, вызванныя филистимскимъ игомъ, тяготѣвшимъ надъ страной и народомъ Іагве, подняли на ноги этихъ безумцевъ, которые, въ святомъ рвеніи къ имени Іагве и къ его дѣлу, проходятъ изъ края въ край по странѣ. Типъ современнаго дервиша, появляющагося на востокѣ въ дни религіознаго и политическаго возбужденія, фанатика, поднимающаго знамя пророка и проповѣдующаго священную войну,—этотъ типъ можно наблюдать уже въ описываемую эпоху въ пророческихъ общинахъ. Толпы пророковъ-дервишей, охваченныхъ дикимъ возбужденіемъ, шествуютъ по странѣ, вербуя сторонниковъ Іагве и освобожденія его страны [1]).

Врядъ ли можно думать, чтобы Самуилъ не имѣлъ никакого отношенія къ этимъ фанатикамъ. И надо полагать, что не случайно мѣстопребываніе ихъ находилось въ Рамѣ, т.-е. тамъ, гдѣ жилъ Самуилъ. Самуилъ самъ не участвовалъ въ выступленіяхъ экстатиковъ; онъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ; но онъ, вѣроятно, использовалъ это движеніе, въ своихъ цѣляхъ. Но, конечно, опредѣлить отношеніе Самуила къ пророческимъ общинамъ съ полною достовѣрностью и отчетливостью мы не можемъ, и врядъ ли когда-нибудь этотъ вопросъ выйдетъ изъ области предположеній.

---

[1]) Явленіе это—не единственное въ исторіи народное движеніе, характеризующееся выступленіемъ религіозныхъ, экзальтированныхъ, экстатическихъ элементовъ. Достаточно вспомнить о средневѣковыхъ флагеллянтахъ, о крестовыхъ походахъ и т. д.

Гибеа Веніаминова.

2. Воцареніе Саула.

На долю Самуила выпало найти человѣка, достойнаго быть облеченнымъ царской властью. То былъ Саулъ, сынъ Киша, вождь одного изъ Веніаминовыхъ клановъ, родомъ изъ Гибеи въ колѣнѣ Веніамина. Предки его происходили изъ мѣстности Села, расположенной также въ области Веніамина; точное ея мѣстоположеніе неизвѣстно.

Мы въ точности не знаемъ, какъ Саулъ сдѣлался царемъ; несомнѣнно лишь, что Самуилъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ какую-то важную роль. Согласно болѣе древнему, а потому и болѣе достовѣрному изъ двухъ разсказовъ, повѣствующихъ объ этомъ событіи, [1]) Самуилъ, принимавшій близко къ сердцу бѣдствія своего народа, однажды случайно встрѣтился съ Сауломъ; послѣдній, ничего не подозрѣвая, пришелъ къ Самуилу въ поискахъ за пропавшими ослицами своего отца, и Самуилъ призналъ въ немъ того, кого онъ давно искалъ. Самуилъ открываетъ Саулу ожидающее его высокое призваніе и наполняетъ его сердце духомъ Іагве, а затѣмъ, отсылаетъ его домой, въ увѣренности, что Саулъ самъ будетъ знать, когда наступитъ время дѣйствовать. Саулъ поступаетъ такъ, какъ заповѣдалъ Іагве. Впервые онъ показываетъ себя побѣдой надъ аммонитянами.

Ябешъ въ Гилеадѣ, израильскій городъ Заіорданья, подвергается злодѣйскому нападенію съ востока, со стороны аммонитскаго царя Нахаша, послѣдовавшаго примѣру, данному на западѣ филистимлянами. Ябешъ снаряжаетъ пословъ на противоположный берегъ Іордана просить помощи отъ другихъ колѣнъ. Послы приходятъ, между прочимъ, и въ Гибеа. Саулъ находится въ полѣ; жители Гибеа громко выражаютъ сочувствіе своимъ единоплеменникамъ по ту сторону

[1]) I Сам. гл. 9, 10, 1—16, и 11.

Іордана, но не находятъ въ себѣ мужества оказать имъ помощь. Саулъ, возвращаясь со своими волами съ поля, узнаетъ о томъ, что случилось. Онъ не долго раздумываетъ. Тутъ же на мѣстѣ онъ убиваетъ и разрубаетъ на части двухъ своихъ воловъ и велитъ посламъ съ кусками этого мяса обойти весь Израиль и, призывая къ священной войнѣ, возглашать: „такъ же будетъ поступлено съ волами того, кто не послѣдуетъ за Сауломъ".

Дѣйствіе этого рѣшительнаго и выразительнаго призыва не преминуло сказаться. Окруженный уже ореоломъ предназначенной для него царской власти [1]), Саулъ дѣйствовалъ, какъ герой. Его рыцарская отвага, его надежда на помощь со стороны колѣнъ Израильскихъ не обманули его. Призывъ его нашелъ откликъ въ сердцахъ народныхъ. Ему удается собрать ополченіе, и при Безекѣ онъ производитъ ему смотръ. Ночью онъ переправляется черезъ Іорданъ и на слѣдующее утро освобождаетъ Ябешъ. Только теперь, благодаря собственнымъ подвигамъ, Саулъ дѣйствительно заслужилъ царскій вѣнецъ. Народъ съ тріумфомъ сопровождаетъ его въ Гилгалъ, древнее священное мѣсто на берегу Іордана, близь Іерихона, и тамъ предъ Іагве поставляетъ Саула царемъ (I Сам., гл. XI). Власть его простиралась, вѣроятно, на центральную часть страны, на горы Эфраима и на земли вплоть до Изреэльской равнины. Ей подчинился — впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ — также и Іуда; она распространилась и на значительную часть Заіорданья, вѣроятно, уже со временъ побѣды надъ аммонитянами.

Теперь только для Саула наступила пора дѣйствовать рѣшительно. Для Израиля несравненно болѣе позорнымъ и тяжкимъ, чѣмъ всѣ насилія аммонитянъ, все же было филистимское иго. Именно въ борьбѣ съ филистимлянами заключалось то, что „должна была найти рука его", какъ гласили тѣ таинственныя и все же легко понятныя слова, которыя шепнулъ ему Самуилъ (I Сам. 16, 7). Гибеа Веніаминова, родина и мѣсто жительства Саула, была резиденціей филистимскаго намѣстника. Вскорѣ послѣ возвращенія Саула изъ Гилеада, филистимскаго намѣстника убиваетъ Іонатанъ, сынъ Саула. Эта расправа служитъ сигналомъ къ возстанію. Ополченіе было уже, вѣроятно, вполнѣ или въ значительной части распущено. Саулъ снова спѣшно собираетъ всѣ силы, которыми онъ располагаетъ. Отрядъ его состоитъ изъ 600 человѣкъ. Они разбиваютъ лагерь близь Гибеа, мѣста жительства Саула. Филистимляне находятся на сѣверо-востокѣ въ нѣсколькихъ часахъ, у Гебы [2]), близъ Михмаша. У Михмаша, расположеннаго близъ подножія горъ Эфраима,

---

[1]) Возможно, конечно, что указанная въ книгѣ Самуила послѣдовательность событій не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что побѣда надъ аммонитянами и послужила причиной для избранія Саула Самуиломъ.

[2]) Эту мѣстность Геба близъ Михмаша не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутой выше и расположенной нѣсколько южнѣе Гибеа (извѣстной, обычно, подъ именемъ Гибеа Веніямина или Гибеа Саула). Хотя оба мѣста называются одинаково, то Гибеа, то Геба, однако, мы будемъ употреблять для ихъ обозначенія различныя наименованія: для сѣверной—Геба, а для болѣе южной—Гибеа.

находятся извѣстныя тѣснины, являющіяся ключемъ къ горной мѣстности съ южной стороны. Занявъ это ущелье, филистимляне имѣли въ виду отрѣзать Саула съ ополченіемъ отъ прочаго Израиля и разсчитывали раздавить его небольшой отрядъ.

Михмашъ отдѣленъ отъ Гебы узкой долиной, напоминающей ущелье. Съ обѣихъ сторонъ ея возвышаются крутыя скалистыя стѣны, и она казалась естественной непреодолимой преградой, раздѣляющей оба лагеря. На краю ущелья стоитъ, правда, на стражѣ филистимскій сторожевой постъ. Но онъ не считаетъ нужнымъ соблюдать осторожность. Кому удастся подняться по отвѣсной скалистой стѣнѣ? Однако безумно смѣлый Іонатанъ взбирается на эту стѣну со своимъ оруженосцемъ. Безпечный постъ застигнутъ врасплохъ. Іонатанъ повергаетъ на землю всѣхъ, кто попадается ему по пути, а слѣдующій за нимъ оруженосецъ убиваетъ упавшихъ. Оставшіеся въ живыхъ, въ увѣренности, что за двумя смѣльчаками слѣдуетъ цѣлый отрядъ, въ ужасѣ обращаются въ бѣгство и наводятъ страхъ на лагерь. Филистимлянами овладѣваютъ паническій ужасъ и дикое смятеніе.

Наблюдательные посты Саула, находящіеся на высотѣ его города— онъ расположенъ на высотѣ 840 м. надъ уровнемъ моря и приблизительно въ $1^1/_2$ часахъ отъ Гебы—равно какъ посты со стороны Гибеа, замѣчаютъ смятеніе въ лагерѣ филистимлянъ и сообщаютъ о видѣнномъ Саулу. Саулъ созываетъ своихъ людей; среди нихъ нѣтъ ни Іонатана, ни его оруженосца. Теперь Саулъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, и знаетъ, какъ дѣйствовать. Саулъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы нанести филистимлянамъ рѣшительный ударъ. Филистимляне обращаются въ дикое, безпорядочное бѣгство. Къ Израилю вновь присоединяются отпавшіе отъ него перебѣжчики; скрывшіеся въ оврагахъ и ущельяхъ выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, чтобы принять участіе въ преслѣдованіи филистимлянъ, продолжающемся до самаго Аялона, на западной границѣ горной области. Чтобы вѣрнѣе сокрушить врага, Саулъ налагаетъ на воиновъ обѣтъ не ѣсть ничего до заката солнца. Іонатанъ, который, не зная о запрещеніи отца, съѣлъ во время преслѣдованія немного меду, чуть не палъ жертвой слѣпого фанатизма Саула. Лишь заступничество народа спасаетъ жизнь герою дня [1]).

Какъ велика была побѣда Саула, и какъ продолжительно было ея дѣйствіе, намъ неизвѣстно. Однако едва ли мы ошибемся, если не будемъ приписывать ей чрезмѣрное значеніе. Боевой побѣды, собственно говоря, не было. Такъ какъ филистимляне охвачены были паникой, то дѣло, вѣроятно, не дошло вовсе до сраженія, и, такимъ образомъ, значительная часть вражескаго войска уцѣлѣла. Однако Саулъ и Израиль одержали моральную побѣду; сверхъ того, фактически, во всякомъ случаѣ, область Веніамина,—а вѣроятно также и Іуды—была

1) Если считаться съ духомъ эпохи (ср. 2 Сам. 21 и сл.), то надо полагать, что Іонатанъ былъ выкупленъ цѣною другого человѣка, напр., военноплѣннаго. Такъ какъ, однако, замѣна человѣка малоцѣннымъ объектомъ извѣстна уже древнимъ законамъ (Исх. 34, 20, ср. 13, 13; 21, 8), то можно предположить, что замѣной могло послужить также животное или денежный даръ въ пользу святилища.

очищена отъ филистимлянъ. Но на этомъ, разумѣется, войны съ филистимлянами не закончились; напротивъ, онѣ, по категорическому указанію лѣтописца, длились въ теченіе всей жизни Саула (I Сам. 14, 52). Борьба эта велась, вѣроятно, съ перемѣннымъ счастьемъ и успѣхомъ, и, въ концѣ концовъ, она стоила Саулу трона и жизни.

Саулъ, вообще, считалъ своей задачей сдѣлать Израиль полновластнымъ хозяиномъ страны. Такъ, игнорируя старые договоры, онъ чинитъ насилія надъ проживающими еще въ странѣ ханаанеянами. Дабы имѣть возможность успѣшно продолжать борьбу съ филистимлянами, Саулъ приближаетъ къ себѣ доблестныхъ людей, гдѣ бы онъ ихъ ни находилъ. Такъ попадаетъ ко двору царя и Давидъ изъ колѣна Іуды. Но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія нашихъ источниковъ относительно позднѣйшихъ подвиговъ Саула страдаютъ крайней неполнотою. Одинъ лишь еще разъ мы видимъ Саула въ дѣйствіи, прежде чѣмъ онъ, умирая, покидаетъ историческую арену. Объ этомъ дѣяніи Саула упоминается, вѣроятно, лишь потому, что съ нимъ связанъ чреватый тяжкими послѣдствіями разрывъ его съ Самуиломъ. Саулъ, укрѣпивъ сначала въ войнѣ съ Аммономъ свою власть на востокѣ, а затѣмъ, съ изгнаніемъ филистимлянъ, и въ самомъ Израилѣ,—по крайней мѣрѣ въ Веніаминѣ, Эфраимѣ и Іудѣ—естественно стремился окончательно усмирить также всегда готовыхъ къ набѣгамъ хищниковъ-амалекитянъ на югѣ Іудеи. Что послужило къ тому поводомъ, намъ неизвѣстно; но между Израилемъ и амалекитянами существовала застарѣлая вражда, такъ что едва ли и требовался особый поводъ къ войнѣ. Саулъ идетъ на амалекитянъ войною, и на долю его выпадаетъ блестящій успѣхъ. Попавшіе въ плѣнъ амалекитяне, согласно издревле священному обычаю войны, подвергаются казни. Саулъ даруетъ лишь жизнь царю Агагу и не уничтожаетъ части доставшихся въ добычу животныхъ, нарушая этимъ повелѣніе Іагве, переданное черезъ Самуила — никого и ничего не щадить. Тогда Самуилъ собственноручно убиваетъ Агага „предъ лицомъ Іагве въ Гилгалѣ“, а Саулу возвѣщаетъ, что Іагве жалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ его царемъ. Послѣ этого Самуилъ возвращается въ Раму, а Саулъ—въ Гибеа. „И Самуилъ не видалъ болѣе Саула до самаго дня его смерти“. Въ результатѣ, съ этихъ поръ роковая бездна разверзлась между Сауломъ и Самуиломъ. Къ этому разрыву съ Самуиломъ, надо полагать, присоединились еще и другія неудачи. Вѣроятно, Саулу приходилось испытывать немало разочарованій въ борьбѣ съ филистимлянами, которые, благодаря своему продолжительному военному опыту и своей привычкѣ властвовать надъ другими, все же были сильнѣе израильтянъ. Далѣе, израильскія колѣна, которыя охотно подчинялись царю-побѣдителю, но не забыли еще о своей прежней независимости, отказывались, вѣроятно, памятуя о ней, безпрекословно склоняться передъ скипетромъ Саула. И такъ какъ Саулъ, повидимому отличался темпераментомъ сангвиническимъ, такъ что побѣда легко воодушевляла его, а неудача могла приводить въ отчаяніе, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мало завидное положеніе, въ которомъ онъ находился, надломило его силы. Его одолѣваетъ „злой духъ,

ниспосланный отъ Іагве". Онъ начинаетъ предугадывать свое безсиліе повліять на ходъ вещей въ будущемъ. Тяжкая тоска овладѣваетъ имъ; онъ погружается въ глубокую меланхолію. Въ скоромъ времени его безуміе, благодаря мукамъ ревности, еще болѣе усиливается, и онъ впадаетъ въ буйное помѣшательство, проявляющееся въ неистовыхъ припадкахъ.

Развалины Шило.

Іудейская пустыня.

3. Саулъ и Давидъ.

Юноша Давидъ [1]), сынъ Ишаи изъ Бетъ-Лехема Іудейскаго, мастерски играющій на лирѣ [2]), обладающій прекрасной наружностью и даромъ слова, появляется при царскомъ дворѣ Саула. Саулъ пригласилъ Давида по совѣту приближенныхъ, которые надѣялись, что игра молодого іудея разсѣетъ терзающую царя тоску. До поступленія на царскую службу Давидъ былъ пастухомъ у своего отца; его разыскали слуги Саула и привели къ царю. Молодой Давидъ дѣлается личнымъ слугой Саула; царь полюбилъ привлекательнаго и ловкаго юношу, и въ скоромъ времени назначаетъ его своимъ оруженосцемъ. По желанію Саула,

---

[1]) Давиду было тогда, вѣроятно, лѣтъ 25; онъ находился на границѣ юношескаго и зрѣлаго возраста. Въ книгахъ Самуила нигдѣ не встрѣчается подробной родословной Давида. Лишь въ книгѣ Руѳи мы находимъ традицію, въ основѣ которой можетъ лежать историческое ядро: родъ Давида она ведетъ, по материнской линіи, отъ Моаба. Извѣстную опору эта традиція находитъ въ I Сам. 22, 3 и сл., гдѣ мы узнаемъ, что Давидъ, спасаясь отъ преслѣдованія Саула, ввѣрилъ на время защиту своихъ родныхъ моабитянамъ.

[2]) Евр. כנור, въ греч. перев. κιθάρα. Точнаго описанія этого инструмента мы не имѣемъ; несомнѣнно только, что это былъ струнный инструментъ, соотвѣтствующій греч. киѳарѣ. Нѣкоторое представленіе о немъ можетъ дать ассирійскій рельефъ, изображающій израильскихъ плѣнныхъ, играющихъ на лирахъ (см. концовку на стр. 252).

Давидъ окончательно остается при немъ. Этотъ обаятельный человѣкъ такъ прекрасно играющій на лирѣ, такой умѣлый разсказчикъ (I Сам. 16, 18), дѣйствительно, оказываетъ вначалѣ на Саула успокаивающее, благотворное вліяніе.

Не долго продолжалась, однако, радость новой дружбы. Послѣ того, какъ Саулъ порвалъ съ Самуиломъ, его какъ будто преслѣдуетъ несчастье. Ему кажется, что его покинулъ Іагве, и онъ не знаетъ болѣе радостей въ жизни. Все кажется ему подозрительнымъ, все сулитъ ему горе. И—что особенно трагично—какъ разъ тотъ, кому онъ довѣрился, кто долженъ былъ освободить его душу изъ-подъ власти злыхъ духовъ,—тотъ вызываетъ ихъ вновь и притомъ въ еще болѣе ужасномъ видѣ.

Давидъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя неминуемо привлекаютъ къ себѣ симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ они приходятъ въ соприкосновеніе, и передъ обаяніемъ которыхъ никто не можетъ устоять. Вскорѣ послѣ своего появленія при дворѣ Саула, онъ очаровываетъ одного за другимъ, сначала—царя, а затѣмъ—и придворныхъ, и сына, и дочь Саула. Для подозрительности Саула этого слишкомъ много. Онъ начинаетъ опасаться за свой престолъ, и высокій покровитель Давида въ короткое время превращается въ его злѣйшаго врага.

Войны Саула съ филистимлянами идутъ своимъ чередомъ. То здѣсь, то тамъ происходятъ столкновенія; мы застаемъ Саула то на родинѣ его, въ Гибеа, то въ лагерѣ, во главѣ войска. Давидъ, его приближенный и оруженосецъ, всегда находится при немъ. Во время одной изъ стычекъ онъ убиваетъ филистимскаго великана. Послѣдняго легенда отожествила съ тѣмъ великаномъ Голіаѳомъ изъ Гата, котораго впослѣдствіи убилъ одинъ изъ сподвижниковъ Давида, Эльхананъ изъ Бетъ-Лехема, „и копье котораго было величиной съ ткацкій навой“ [1]). За этимъ подвигомъ слѣдуютъ другіе; лавры, пожинаемые юнымъ героемъ, послѣ каждой новой битвы все прибавляются. Въ награду Саулъ назначаетъ Давида на должность военачальника. Давиду и въ этой роли удается все, что онъ затѣваетъ; въ честь его женщины распѣваютъ пѣсню: „Саулъ побѣждалъ тысячи, а Давидъ—десятки тысячъ“. Саулъ все болѣе и болѣе начиналъ сознавать, что юный пѣвецъ и герой на самомъ дѣлѣ въ состояніи затмить его, Саулову, славу.

Очевидно, что если бы царскій престолъ занималъ здоровый человѣкъ, то характеръ и успѣхи Давида могли бы доставлять ему лишь

---

[1]) Несомнѣнно, что основой преданія о Голіаѳѣ могъ служить извѣстный и притомъ сходный подвигъ Давида, но извѣстіе, содержащееся въ II Сам. 21, 19., согласно которому Голіаѳа убилъ не Давидъ, а Эльхананъ сынъ Іаира,—безусловно, болѣе древняго происхожденія, и лишь впослѣдствіи оно послужило канвой для созданія легенды о Давидѣ. Оба противорѣчащія другъ другу указанія относительно побѣдителя Голіаѳа книга Хроникъ пытается согласовать при помощи характернаго пріема: она превращаетъ убитаго Эльхананомъ Голіаѳа въ брата его „Лахми“ (образовано изъ Бетъ-Галахми—родины Эльханана) и создаетъ, такимъ образомъ, возможность единоборства между Голіаѳомъ и Давидомъ (I Хрон. 20, 5).

радость. Но Саулъ не былъ здоровъ. Его умъ и душа были помрачены роковымъ недугомъ; и то, что другой наблюдалъ бы съ гордостью и радостью и старался бы использовать въ своихъ и государственныхъ интересахъ, Саулу, который отъ всего ждетъ бѣды, представляется опасностью, вызываетъ въ немъ мрачныя подозрѣнія.

Когда же на долю Давида достаются симпатіи народа и двора, дружба мужественнаго сына царя, Іонатана, и, какъ бы въ завершеніе его счастья и успѣха, любовь дочери Саула, Михаль—скрытая подозрительность Саула достигаетъ своего апогея. Каждый день приноситъ ревности Саула новыя испытанія[1]). Наконецъ, клокочущая въ немъ ненависть, смѣшанная со страхомъ, прорывается наружу въ дикихъ припадкахъ бѣшенства. Всѣ сомнѣнія Саула разсѣялись: оруженосецъ его, котораго онъ назначилъ военачальникомъ и сдѣлалъ своимъ зятемъ, хочетъ не только затмить имя царя и его военную славу—его помыслы направлены на нѣчто большее: предатель хочетъ стать теперь же преемникомъ царя. Отнынѣ рѣшеніе Саула непоколебимо: предатель долженъ умереть. Царь ищетъ случая привести свое рѣшеніе въ исполненіе какимъ бы то ни было способомъ; послѣ того какъ однажды жертва его болѣзненной подозрительности спаслась отъ губительнаго удара, Саулъ продолжаетъ ее преслѣдовать, со свойственной безумцамъ настойчивостью. Саулъ живетъ лишь мыслью объ отмщеніи своему смертельному врагу и преслѣдователю. Смѣло можно утверждать, что мысль эта, не покидавшая болѣе несчастнаго царя, въ концѣ концовъ, его погубила.

Въ высшей степени сомнительно, чтобы Давидъ дѣйствительно виновенъ былъ въ томъ, въ чемъ его упрекалъ Саулъ. Уже одинъ несомнѣнный фактъ дружбы Давида съ Іонатаномъ, законнымъ наслѣдникомъ престола, рѣшительно говоритъ противъ этого. Если бы подобныя подозрѣнія возникали не только въ болѣзненно возбужденномъ мозгу Саула или у завистниковъ Давида, которыхъ, несомнѣнно, было немало при дворѣ царя, а раздѣлялись и другими, то, казалось бы, Іонатанъ раньше всѣхъ долженъ былъ съ отвращеніемъ отвернуться отъ Давида. Съ другой стороны, Давидъ, оцѣнивая все то, чего онъ добился, могъ быть вполнѣ доволенъ своей судьбой Въ качествѣ зятя царя онъ, во всякомъ случаѣ, былъ бы послѣ смерти Саула наиболѣе близкимъ къ престолу лицомъ, а при жизни его онъ занималъ первое послѣ Іонатана мѣсто въ странѣ.

Что касается брака Давида съ царской дочерью Михаль, то всего вѣроятнѣе, что Давидъ сталъ зятемъ царя еще въ ту эпоху, когда Саулъ относился къ нему съ еще ничѣмъ неомраченнымъ благоволеніемъ. Легенда, однако, связываетъ первую попытку Саула устранить ставшаго ему внезапно ненавистнымъ мнимаго соперника, именно, съ бракомъ Давида и Михаль. Саулъ, узнавъ о любви Михалъ къ Давиду, укрѣпляется въ своихъ тайныхъ подозрѣніяхъ и надѣется создать изъ

---

[1]) Ср. постепенное нарастаніе выраженій, описывающихъ душевное состояніе Саула въ I Сам. 18, 12. 15 29 (первая и вторая половины стиха).

нея оружіе для уничтоженія Давида. Онъ обѣщаетъ Давиду свою дочь, но подъ такимъ условіемъ, которое Давидъ, по мнѣнію Саула, не можетъ исполнить, не подвергая своей жизни тяжкой опасности. Онъ требуетъ, чтобы Давидъ, въ качествѣ свадебнаго выкупа за Михаль, принесъ обрѣзанія 100 убитыхъ имъ филистимлянъ. Противъ ожиданія, Давидъ выходитъ изъ этого испытанія невредимымъ. Саулъ связанъ своимъ царскимъ словомъ: дочь его принадлежитъ Давиду.

Послѣ первой неудавшейся попытки дикая ненависть Саула должна была искать новыхъ путей для устраненія Давида и тѣмъ неотступнѣе, чѣмъ ближе послѣдній ему становился, благодаря своему положенію царскаго зятя. И если окольные пути не привели къ цѣли, то прямой путь обѣщалъ несомнѣнный успѣхъ. Однажды, когда Давидъ, благополучно возвратившись съ побѣдоноснаго похода противъ филистимлянъ, игралъ на лирѣ, дабы разсѣять новый припадокъ тоски у царя, Саулъ вдругъ кидаетъ въ него копье. Ловкимъ движеніемъ Давидъ спасаетъ свою жизнь. Однако дальнѣйшее пребываніе его во дворцѣ сдѣлалось невозможнымъ. Онъ спѣшитъ домой. Онъ надѣется, что вмѣшательство Михаль смягчитъ гнѣвъ царя и устранитъ его подозрительность. Однако Саулъ посылаетъ вслѣдъ за нимъ своихъ людей, которымъ приказано въ теченіе ночи стеречь его домъ, а на слѣдующее утро схватить его. Михаль, узнавъ объ этомъ, уговариваетъ Давида бѣжать какъ можно скорѣе. Когда приходятъ соглядатаи, Михаль заявляетъ имъ, что Давидъ лежитъ больной на ложѣ. Саулъ повелѣваетъ доставить его вмѣстѣ съ ложемъ. Возвратившись и приблизившись къ ложу его, слуги замѣчаютъ, что вмѣсто Давида лежитъ терафимъ его жены.

Согласно другому разсказу, Давидъ по поведенію царя догадывается, что Саулъ относится къ нему съ подозрѣніемъ и ищетъ его смерти. Онъ дѣлится своими впечатлѣніями съ Іонатаномъ, который обѣщаетъ выяснить положеніе. Давидъ, когда онъ не на полѣ битвы, присутствуетъ, въ качествѣ зятя и царскаго оруженосца, вмѣстѣ съ Іонатаномъ и военачальникомъ Абнеромъ, ежедневно при трапезахъ царя. Въ связи съ этимъ возникаетъ слѣдующій планъ. Однажды Давидъ не является къ царскому столу и скрывается въ полѣ. При помощи условнаго знака, Іонатанъ хочетъ дать ему знать объ отношеніи къ нему царя, которое должно обнаружиться при этомъ случаѣ. Іонатанъ, по условію, долженъ, взявъ съ собою отрока, выйти въ поле, гдѣ лежитъ Давидъ, спрятавшійся за грудой камней, и выстрѣлить изъ лука. Если Іонатанъ скажетъ отроку: „Подними стрѣлу и вернись ко мнѣ“, то Давидъ можетъ спокойно вернуться; если же онъ велитъ отроку удалиться, то Давидъ долженъ бѣжать. Когда Саулъ на второй день замѣчаетъ отсутствіе Давида, Іонатанъ проситъ извиненія отъ его имени, объясняя его отсутствіе тѣмъ, что онъ отправился въ Бетъ-Лехемъ, чтобы присутствовать тамъ при праздничномъ родовомъ жертвоприношеніи. Саулъ возгорается гнѣвомъ противъ собственнаго сына, который осмѣлился заступиться за предателя, и угрожаетъ ему копьемъ. Теперь Іонатану ясно, что ожидаетъ Да-

вида, и, при помощи условленнаго знака, онъ даетъ ему знать о настроеніи царя.

Трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ версій является болѣе достовѣрной; но, во всякомъ случаѣ, разрывъ съ Сауломъ становится совершившимся фактомъ, и Давидъ принужденъ бѣжать. Для Давида не могло быть сомнѣній, куда направиться. Родина и узы кровнаго родства влекли его на югъ. Горы Іудеи были для него наилучшимъ убѣжищемъ и защитой. Ханаанеяне и эдомитяне, владѣнія которыхъ граничили на западѣ и на югѣ съ владѣніями Израиля, жили съ послѣднимъ сравнительно мирно, такъ что Давидъ, находясь на ихъ территоріи, не имѣлъ основаній ихъ опасаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему не приходилось бояться и Саула, власть котораго не простиралась на эти земли.

Направляясь на югъ, Давидъ останавливается въ Нобѣ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ нѣсколько сѣвернѣе Іерусалима. Сюда, повидимому, перенесли свое святилище—однако безъ ковчега Іагве—жрецы дома Эли, послѣ разрушенія дома божія въ Шило. Главой ихъ является Ахимелехъ. Давидъ, желая объяснить свое появленіе безъ свиты и безъ оружія, заявляетъ, будто путешествуетъ по тайному порученію Саула и притомъ съ особенной спѣшностью. По требованію Давида, жрецъ даетъ ему, вмѣсто простого хлѣба и меча, которыхъ нельзя добыть, священный хлѣбъ, а также мечъ убитаго имъ великана, хранящійся здѣсь при эфодѣ въ качествѣ дара божеству; сверхъ того, Давидъ испрашиваетъ себѣ здѣсь оракулъ, содержаніе котораго намъ неизвѣстно.

Давидъ спѣшитъ дальше на югъ и укрывается въ горной крѣпости Адулламъ. Кому она принадлежала ранѣе, и какимъ путемъ овладѣлъ ею Давидъ, для насъ неясно. Быть можетъ, крѣпость эта находилась еще въ рукахъ ханаанеянъ, которые охотно даютъ пріютъ знаменитому любимцу и военачальнику Саула, грозѣ враговъ Израиля. Родственники Давида, опасаясь мести Саула, собираются здѣсь вокругъ него и образуютъ ядро небольшого отряда, которымъ Давидъ себя окружаетъ, прежде всего, для защиты отъ неожиданнаго нападенія со стороны Саула. Кромѣ того, къ нему стекаются всякаго рода недовольные и обездоленные элементы, такъ что отрядъ его вскорѣ насчитываетъ 400 человѣкъ.

Бѣгство Давида въ Іудейскую пустыню, гдѣ онъ нашелъ себѣ надежное убѣжище, не могло оставаться неизвѣстнымъ Саулу. Созвавъ въ Гибеа, на высоту, старѣйшинъ колѣна Веніаминова, Саулъ, сидя подъ тамарискомъ и опершись на свое копье, упрекаетъ ихъ: вѣрно, пожаловалъ ихъ всѣхъ сынъ Ишаи полями и виноградниками, если они, зная, что сынъ его, вмѣстѣ съ іудеемъ Давидомъ, составилъ противъ царя заговоръ, не доносятъ ему объ этомъ. На эти жалобы откликается эдомитянинъ Доэгъ, которому случилось одновременно съ Давидомъ быть въ Нобѣ и который случайно находится въ Гибеа. Онъ доноситъ царю о томъ, что онъ видѣлъ въ Нобѣ. Разгнѣванный Саулъ вызываетъ къ себѣ всѣхъ жрецовъ изъ Ноба. Какъ ни увѣряли они его въ своей

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, Москва.

ХЕБРОНЪ.

Изд. т-ва „МІРЪ".

невиновности, ссылаясь на то, что Давидъ—зять царя и ближайшій его сподвижникъ, сколько ни заявлялъ Ахимелехъ, что въ данномъ случаѣ, какъ не разъ и въ прежнее время, онъ вопрошалъ Іагве для Давида, не подозрѣвая ничего худого,—ничто не могло повліять на взбѣшеннаго царя. Онъ стоитъ на своемъ: весь жреческій родъ Ноба вошелъ въ соглашеніе съ Давидомъ и Іонатаномъ, чтобы устранить больного царя и посадить на его мѣсто другого, Іонатана или Давида. Они поплатятся за это жизнью. Приближенные Саула отказываются коснуться жрецовъ Іагве. Тогда Доэгъ исполняетъ кровавый приказъ царя: 85 жрецовъ погибаетъ отъ его руки [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Саулъ рѣшилъ предать уничтоженію городъ ихъ Нобъ. Родственники ихъ, мужчины, женщины и дѣти, а также и скотъ предаются мечу. Лишь одному изъ сыновей Ахимелеха, Абіатару, удается избѣжать этой ужасной рѣзни. Онъ бѣжитъ къ Давиду и становится при немъ жрецомъ и прорицателемъ.

Участь, постигшая Нобъ, ясно показывала, чего могли ожидать отъ Саула Давидъ и его сторонники. Несомнѣнно, что въ намѣренія Саула и не входило скрывать это: онъ показалъ примѣръ, послѣ котораго едва кому-либо въ Израилѣ могла придти охота быть заподозрѣннымъ въ томъ, въ чемъ подозрѣвались Нобъ и его священнослужители.

Давидъ, который, повидимому, съ нѣкоторыхъ поръ находился въ предѣлахъ Іудеи, но такъ хорошо скрывался, что Саулу нелегко было его настичь, принужденъ былъ, однако, вслѣдствіе описанныхъ событій, искать новаго убѣжища. Онъ боялся, быть можетъ, не столько за себя, сколько за своихъ іудейскихъ сородичей. Къ тому же ему представлялась возможность принести нѣкоторую пользу сосѣднимъ областямъ. Филистимляне угрожали городу Кегила, который былъ расположенъ, вѣроятно, нѣсколько южнѣе Адуллама, между Іудеей и филистимскими владѣніями, и находился еще въ рукахъ ханаанеянъ. Давидъ нападаетъ на филистимлянъ, отнимаетъ у нихъ богатую добычу, освобождаетъ Кегилу и укрѣпляется въ ней. Саулъ былъ радъ этому извѣстію. Городъ, хотя бы и окруженный стѣнами, можно осадить и изловить такимъ образомъ, наконецъ, врага. Саулъ созываетъ ополченіе Израиля и намѣревается взять Кегилу. Однако Давидъ, повинуясь оракулу Іагве и опасаясь, что жители города выдадутъ его Саулу, покидаетъ Кегилу со своимъ отрядомъ, насчитывающимъ теперь уже 600 человѣкъ. Онъ предпочитаетъ попрежнему скитаться по горной области. Ведя бродячую жизнь, онъ подвергается меньшей опасности со стороны Саула, нежели оставаясь въ одномъ мѣстѣ. Давидъ ведетъ, поэтому, скитальческую жизнь въ пустынныхъ горныхъ мѣстностяхъ Сифъ и Маонъ, находившихся, вѣроятно, въ окрестностяхъ Хеброна.

Съ этого момента дальнѣйшая исторія Давида вновь исчезаетъ въ почти непроницаемомъ для насъ мракѣ, но не потому, чтобы у насъ не было извѣстій, относящихся къ этой эпохѣ, а потому, что ихъ слиш-

[1]) Число это вызываетъ, впрочемъ, нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ жрецами въ Шило были лишь Эли и его сыновья. Быть можетъ, эта цифра находится въ связи со словомъ „כהני“ (I Сам. 22, 17): сумма цифровыхъ значеній его буквъ даетъ число 85.

комъ много. Именно здѣсь, въ непосредственной близости отъ его родины, поэтическая легенда особенно усердно старалась окружить героическій образъ Давида ореоломъ необычайныхъ и чудесныхъ событій и приключеній, историческіе элементы которыхъ могутъ быть установлены только отчасти. Сюда, въ смыслѣ времени и мѣста возникновенія, относится, повидимому, преданіе о томъ, будто Давидъ великодушно щадилъ Саула. Однако подробности въ этомъ разсказѣ, уже вслѣдствіе того, что въ памятникахъ содержатся двѣ различныхъ его версіи, являются плодомъ свободной переработки дѣйствительнаго хода событій въ народной фантазіи.

Твердую историческую почву мы чувствуемъ вновь подъ ногами, обращаясь къ другому событію той же эпохи. Въ мѣстности, расположенной вокругъ Хеброна, живетъ, какъ о томъ повѣствуетъ исторія эпохи завоеваній, колѣно Калебъ. Давидъ узнаетъ, что одинъ богатый человѣкъ изъ этого колѣна, носящій шуточную кличку Набалъ (נבל, что значитъ дуракъ) и живущій въ Маонѣ, собирается, вмѣстѣ со своими людьми, отпраздновать торжество стрижки овецъ въ Кармелѣ, мѣстечкѣ къ югу-востоку отъ Хеброна. Набалъ владѣетъ 3000 овецъ и 1000 козъ. Давидъ, разбившій свой лагерь въ пустынѣ Маонъ, естественно, долженъ былъ заботиться о продовольствіи своего отряда, насчитывавшаго 600 человѣкъ. Ему приходилось довольствоваться для этой цѣли добычей, которую онъ добывалъ отъ хищническихъ кочевниковъ, совершавшихъ набѣги на югъ Іудеи, и подарками отъ скотовладѣльцевъ въ Негебѣ, естественнымъ покровителемъ которыхъ онъ являлся. Онъ считаетъ себя поэтому въ правѣ претендовать для себя и для своихъ людей на участіе въ торжествѣ, устраиваемомъ богатымъ Набаломъ. Такой обычай существовалъ здѣсь изстари, существуетъ онъ еще и понынѣ. „Подарокъ", котораго добивался Давидъ, есть не что иное, какъ „братство", цѣною котораго въ настоящее время крестьянинъ покупаетъ у хищника-бедуина защиту отъ набѣговъ со стороны другихъ подобныхъ хищниковъ.

Давидъ отправляетъ пословъ, которые напоминаютъ Набалу о защитѣ, оказанной ему Давидомъ, и требуетъ черезъ нихъ подарковъ для себя и своихъ воиновъ. Набалъ отвѣчаетъ имъ грубо и рѣзко: много есть рабовъ, бѣжавшихъ отъ своего господина; развѣ для нихъ онъ припасъ свой хлѣбъ, свое вино и свой скотъ? Давидъ рѣшается отмстить за это оскорбленіе. Чтобы покарать Набала, онъ беретъ съ собой 400 человѣкъ изъ своего отряда; 200 остаются въ лагерѣ. Жена Набала, Абигаиль, цѣня услуги, оказанныя ея мужу Давидомъ, и опасаясь въ то же время мести послѣдняго, выходитъ ему навстрѣчу съ богатыми дарами. Она смягчаетъ его гнѣвъ. Когда же съ Набаломъ, хватившимъ лишняго во время пиршества, случается ударъ, и онъ нѣсколько дней спустя умираетъ, Давидъ предлагаетъ Абагаиль стать его женой. Такимъ образомъ, въ руки Давида переходитъ крупное имущество Набала, и вмѣстѣ съ тѣмъ, породнившись съ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ родовъ колѣна Калебъ, онъ получаетъ также возможность твердо обосноваться въ этомъ колѣнѣ.

Очевидно, именно, это обстоятельство вновь встревожило Саула. Его не могъ не безпокоить тотъ фактъ, что бывшій кочевникъ безъ роду и племени превратился въ богатаго шейха колѣна Калебъ. По мѣрѣ того какъ Давидъ, вынуждаемый къ тому обстоятельствами, начинаетъ взимать „подарки“ съ мирныхъ крестьянъ и, вѣроятно, также съ каравановъ на югѣ Саулова царства, вліяніе его все болѣе и болѣе увеличивается, и онъ постепенно начинаетъ становиться дѣйствительно опаснымъ для Саула. И съ этого момента мы начинаемъ понимать стремленіе Саула разъ навсегда положить предѣлъ успѣхамъ Давида. Преслѣдованіе Давида со стороны Саула ведется неотступно, и Давидъ вновь начинаетъ чувствовать себя въ опасности. Вытѣсненный сначала изъ юго-западныхъ областей, а затѣмъ и изъ юго-восточныхъ, и поставленный, такимъ образомъ, въ безвыходное положеніе, Давидъ, не имѣя болѣе выбора, рѣшается на послѣдній отчаянный шагъ. Со своими 600 приверженцами онъ переходитъ на территорію филистимскаго царя въ Гатѣ, Ахиша-бенъ-Маохъ. По просьбѣ Давида, который почелъ за лучшее не оставаться въ столицѣ царя болѣе продолжительное время, Ахишъ жалуетъ ему въ ленное владѣніе одинъ изъ подвластныхъ ему городовъ—Циклагъ. Понятно, что Давидъ, находясь вдали отъ двора Ахиша, долженъ былъ чувствовать себя въ большей безопасности, чѣмъ живя въ столицѣ.

Такъ свершилось неслыханное дѣло. Давидъ, патріотъ, самый популярный въ Израилѣ человѣкъ, счастливѣйшій вождь, прославившійся въ бояхъ противъ филистимлянъ, перешелъ на ихъ сторону, на сторону исконнаго врага Израиля. Незадолго до этого—едва ли прошло съ тѣхъ поръ болѣе года—Давидъ, въ то время уже безжалостно преслѣдуемый Сауломъ, пережилъ вспышку своей давнишней страсти—вступилъ въ борьбу съ филистимлянами и вырвалъ изъ рукъ враговъ Кегилу. Теперь онъ самъ переходитъ къ нимъ. Чѣмъ объясняется такая перемѣна? И какъ могли филистимляне рѣшиться дать у себя пріютъ Давиду?

Однако это не единственный случай въ исторіи, когда два лица, враждовавшія ранѣе между собой, соединяются ради общей борьбы съ третьимъ и забываютъ, такимъ образомъ, о томъ, что до тѣхъ поръ служило причиной ихъ раздора. Нѣтъ даже надобности, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, предполагать существованіе уже ранѣе заключеннаго соглашенія, въ силу котораго Давидъ обязывался щадить филистимскія земли: сближеніе могло произойти внезапно и непосредственно. Когда бы Давидъ ни явился къ филистимлянамъ, онъ всегда былъ для нихъ желаннымъ союзникомъ. Вѣдь пока онъ служилъ Саулу, онъ былъ ихъ опаснѣйшимъ врагомъ; а кто могъ знать не сочтетъ ли когда-нибудь Саулъ, все сильнѣе тѣснимый филистимлянами, болѣе выгоднымъ для себя примириться съ Давидомъ? И могло вѣдь случиться, что больного царя внезапно не станетъ; тогда Іонатанъ водворитъ съ тріумфомъ обратно въ Гибеу Саулову своего друга, подвергавшагося такъ долго преслѣдованіямъ... Словомъ, для филистимлянъ со всѣхъ точекъ зрѣнія выгодно было имѣть Да-

вида на своей сторонѣ. Ибо въ такомъ случаѣ, казалось, для Давида будетъ уже невозможно вступить вновь въ ряды борцовъ за Израиля противъ филистимлянъ.

Если никакихъ предварительныхъ соглашеній между Давидомъ и Ахишемъ и не было, то въ моментъ перехода Давида къ филистимлянамъ между ними былъ, несомнѣнно, заключенъ извѣстный договоръ. Если Давидъ хотѣлъ слыть другомъ филистимлянъ и создать себѣ прочное положеніе среди нихъ, то онъ, безусловно, долженъ былъ представить извѣстныя гарантіи своей лойяльности. Онъ, несомнѣнно, долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе послѣдовать со своимъ отрядомъ за Ахишемъ въ случаѣ войны съ Сауломъ; болѣе того, онъ долженъ былъ тутъ же привести доказательства, что дѣйствительно является врагомъ Саула и другомъ филистимлянъ. Благодаря своему уму и находчивости, Давидъ достигаетъ и этого, не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Израиля. Изъ Циклага, своего новаго мѣстожительства, онъ зачастую предпринимаетъ набѣги, съ которыхъ возвращается нагруженный добычей; набѣги эти направлены будто бы противъ Іудеи, а на самомъ дѣлѣ—противъ ханаанеянъ и аравійскихъ племенъ пустыни. Чтобы скрыть слѣды своей тайной дѣятельности, Давидъ приказываетъ избивать поголовно всѣхъ мужчинъ, женщинъ и, вѣроятно, также дѣтей всюду, гдѣ онъ появляется.

Шагъ, на который рѣшился Давидъ, былъ въ самомъ дѣлѣ отчаяннымъ. Давидъ велъ опасную игру, тѣмъ болѣе рискованную, что онъ не могъ знать, какъ долго ему удастся, путемъ двуличія и обмана, держать Ахиша въ заблужденіи. Въ любой моментъ истина случайно могла открыться, и тогда позорная гибель Давида была неминуема. Только покончивъ съ этимъ невыносимымъ и недостойнымъ положеніемъ, онъ могъ еще спастись. И, къ счастью для Давида, ему скоро удалось изъ этого положенія выйти; однако наиболѣе тяжкое испытаніе еще только предстояло ему.

Израильскіе плѣнные, играющіе на лирахъ.

Такъ наз. Гора Самуила (Нэби Самвиль), гдѣ показываютъ его могилу.

4. Смерть Саула.

Послѣдствія перехода Давида на сторону враговъ и союза его съ Ахишемъ весьма скоро начинаютъ сказываться. Филистимляне чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы вновь нанести Израилю рѣшительный ударъ. Они предвидятъ уже возвращеніе временъ Эли и Самуила. Ахишъ собираетъ филистимскую рать. Давидъ долженъ считаться съ тѣмъ, что онъ является вассаломъ филистимлянъ; Ахишъ напоминаетъ ему о его долгѣ, и онъ обѣщаетъ его исполнить. Подобно многимъ другимъ, и этотъ филистимскій властитель не въ состояніи противостоять обаянію личности Давида. Онъ ему слѣпо довѣряетъ и назначаетъ его своимъ тѣлохранителемъ. Другого мнѣнія держатся остальные филистимскіе цари, которые лично, вѣроятно, Давида не знали и видѣли въ немъ лишь бывшаго борца противъ филистимлянъ, любимца Саула и друга Іонатана.

Какъ нѣсколько десятилѣтій назадъ, отряды филистимлянъ и на этотъ разъ направляются къ сѣверу, чтобы напасть на израильтянъ со стороны Изреэльской равнины. Сѣвернѣе этого пункта царство Саула, повидимому, не простиралось; такимъ образомъ, съ тыла имъ ничто не угрожаетъ. До Изреэльской равнины Давидъ, вѣрный своему долгу, слѣдуетъ за ними. Теперь наступаетъ рѣшительная минута. Столкновеніе между войсками можетъ произойти въ любой моментъ. Что станетъ съ Давидомъ теперь?

Трудно сказать, что предпринялъ бы Давидъ, если бы Ахишъ настоялъ на своемъ правѣ распоряжаться его силами и повелъ ихъ въ бой противъ Саула и Израиля. Могъ бы Давидъ, не колеблясь,

поднять мечъ противъ своего народа? Или въ послѣднюю минуту онъ отказался бы подчиниться Ахишу, что равносильно было бы его гибели? Или же, наконецъ, никогда не измѣнявшій ему умъ подсказалъ бы ему исходъ изъ неизбѣжной альтернативы: стать измѣнникомъ по отношенію къ той или другой сторонѣ? Положеніе было столь критическимъ, что немногіе выдержали бы эту внутреннюю борьбу еще и въ этой стадіи. Но Давидъ былъ не таковъ. Вмѣстѣ съ другими онъ доходитъ до Афека—безъ сомнѣнія, не съ легкимъ сердцемъ—но съ надеждой такъ или иначе выйти изъ труднаго положенія.

И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднюю минуту ему открывается путь къ спасенію. Подвластные Ахишу князья, которыхъ не могло переубѣдить довѣріе ихъ вождя къ Давиду, энергично требуютъ удаленія его изъ войска. Они довольствуются тѣмъ, что Давидъ не борется противъ нихъ; бо̀льшаго они отъ него не ждутъ. Нельзя не признать основательности этихъ опасеній. Всякій другой мало-мальски осторожный военачальникъ, менѣе довѣрчивый, чѣмъ Ахишъ, поступилъ бы точно такъ же.

Давидъ съ притворнымъ негодованіемъ отвергаетъ, какъ оскорбленіе его военной чести, предложеніе, которое онъ въ глубинѣ отъ всего сердца, несомнѣнно, привѣтствовалъ. Съ неохотой и подыскивая извиненія передъ Давидомъ, Ахишъ подчиняется рѣшенію остальныхъ. Теперь Давидъ свободенъ. Онъ уходитъ обратно въ Циклагъ. Прибывъ на третій день туда, онъ засталъ городъ опустошеннымъ и превращеннымъ въ груду пепла. Амалекитяне, мстя, безъ сомнѣнія, за совершенные Давидомъ изъ Циклага набѣги, напали во время его отсутствія на городъ, сожгли и разграбили его и увезли съ собою женщинъ и дѣтей. Люди Давида разражаются громкими воплями. Ему угрожаетъ мятежъ, такъ какъ они считаютъ его виновникомъ происшедшаго несчастія, напоминая ему о его жестокостяхъ по отношенію къ бедуинамъ въ пустынѣ. Давидъ не долго раздумываетъ; онъ вопрошаетъ Іагве и рѣшаетъ преслѣдовать врага. 200 человѣкъ изъ своего отряда, которые черезчуръ утомлены, онъ оставляетъ у источника Безоръ. Остальные 400 устремляются дальше на югъ. Подобранный ими въ пути человѣкъ, уже полумертвый, но приведенный ими въ чувство, указываетъ имъ направленіе. Онъ оказывается египтяниномъ, рабомъ одного амалекитянина, участвовавшимъ въ походѣ. Такъ Давиду удается произвести стремительное нападеніе. На полѣ битвы остаются всѣ мужчины, которымъ не удалось бѣжать; Давидъ отбиваетъ уведенныхъ изъ Циклага людей и скотъ и, сверхъ того, захватываетъ богатую добычу.

Тѣмъ временемъ въ долинѣ Кишона рѣшалась участь Саула и его войска. Какъ нѣкогда въ эпоху Эли, такъ теперь израильтяне не ждутъ, пока филистимляне укрѣпятся въ Изреэльской равнинѣ и оттуда проникнутъ въ глубь страны. Они выходятъ имъ навстрѣчу. Вновь предстоитъ сраженіе въ Изреэльской равнинѣ или невдалекѣ отъ нея. Пока Саулъ собираетъ свое войско, филистимляне успѣваютъ уже овладѣть долиной и располагаются въ восточной ея части, близъ Шунема. Бывшія ханаанейскія крѣпости, Мегиддо и Таанахъ, при наступленіи

филистимлянъ съ запада оказали имъ скорѣе помощь, чѣмъ сопротивленіе. Саулъ стягиваетъ—повидимому, нѣсколько поздно—свои отряды къ южному склону горной группы Гильбоа, расположенной у южнаго края равнины; эти горы могли послужить ему опорнымъ пунктомъ въ случаѣ неудачи задуманнаго наступленія въ равнинѣ. Здѣсь должно произойти сраженіе.

Какъ передъ прежними битвами, такъ и теперь Саулъ, прежде чѣмъ вступить въ рѣшительный бой, хочетъ узнать волю Іагве. Эти послѣднія гаданія Саула передъ катастрофой легенда рисуетъ въ мрачныхъ до трагическаго ужаса тонахъ.

„Спрашивалъ Саулъ Іагве, но не отвѣчалъ ему Іагве, ни чрезъ сны, ни чрезъ уримъ, ни чрезъ пророковъ" [1])... И мрачная душа Саула наполнилась жуткими предчувствіями. Охваченный страхомъ, Саулъ, чтобы узнать свою судьбу, прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Несчастія его сопряжены съ именемъ Самуила. Съ тѣхъ поръ, какъ тотъ отвернулся отъ него, отъ него отвернулся и Іагве. Самуила давно уже нѣтъ въ живыхъ; но въ этотъ часъ смертельной тоски Саулъ долженъ еще разъ видѣть его, услышать его совѣтъ. Подъ покровомъ ночи, переодѣтый, въ сопровожденіи немногихъ вѣрныхъ слугъ, онъ тайкомъ пробирается въ Эндоръ, расположенный въ нѣсколькихъ часахъ пути на сѣверной окраинѣ Гильбоа, къ сѣверо-востоку отъ Шунема; тамъ живетъ заклинательница мертвыхъ. Проницательная колдунья, къ которой онъ направился, скоро догадывается, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Да и нетрудно было по характеру и содержанію вопросовъ понять, кто ихъ предлагаетъ. И отвѣты тѣни Самуила, вызванной колдуньей изъ-подъ земли, переданные ему заклинательницей, не предвѣщаютъ ему счастливаго исхода: „завтра будешь ты и сыновья твои со мною; и лагерь Израиля отдастъ Іагве въ руки филистимлянъ". Глубоко потрясенный и уже сраженный горемъ, Саулъ въ смертельной усталости возвращается въ ту же ночь въ лагерь. На слѣдующее утро начинается сраженіе.

Дѣло Саула погибло еще прежде, чѣмъ войско его вступило въ бой; ибо тамъ, гдѣ вождь трепещетъ, войско безсильно. Армія его терпитъ пораженіе и обращается въ бѣгство. Три старшихъ сына Саула, Іонатанъ, Абинадабъ и Малкишуа, остаются на полѣ битвы. Его самого преслѣдуютъ по пятамъ филистимскіе стрѣлки. Его оруженосецъ не соглашается нанести ему смертельный ударъ, о которомъ онъ проситъ, и чтобы не отдаваться въ руки враговъ, Саулъ бросается на свой мечъ. Филистимляне, по трупамъ павшихъ, преслѣдуютъ тѣхъ, кто ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Такъ наступаетъ ночь, разстилающая свой защитный покровъ надъ полемъ брани и трупомъ царя. Лишь утромъ, возвратившись на поле сраженія, чтобы грабить убитыхъ, побѣдители находятъ трупъ Саула. Они отрубаютъ ему голову, которую, вмѣстѣ съ доспѣхами царя, въ качествѣ трофея, отправляютъ къ себѣ на родину. Тѣло его филистимляне, издѣваясь надъ Израилемъ, вѣшаютъ на го-

---

[1]) I Сам., 28, 6. Уримъ (אורים) священный жребій, посредствомъ метанія котораго производилось гаданіе.

родской стѣнѣ Бетъ-Шеана. Жители Ябеша въ Гилеадѣ, города, подъ которымъ Саулъ нѣкогда совершилъ свои первые военные подвиги, сохранили благодарную память о своемъ спасителѣ. Они спѣшать въ Бетъ-Шеанъ, похищаютъ ночью трупъ и хоронятъ его у себя въ Ябешѣ. Впослѣдствіи Давидъ перенесъ останки Саула въ семейный склепъ въ Села.

Въ лицѣ Саула Израиль лишился героя, начало дѣятельности котораго было блестщимъ и многообѣщающимъ. Саулу, казалось, предстояло исполнить великую миссію. Человѣкъ большого размаха, богато одаренный, полный рѣшимости и энергіи, отважный въ своихъ начинаніяхъ, смѣлый въ бою и воодушевленный мыслью о величіи Израиля, онъ внезапно, посрединѣ своего жизненнаго пути, останавливается, какъ бы парализованный невѣдомой силой. Задачи, разрѣшенія которыхъ требовали интересы народа и престола, оказываются ему не по плечу, и дѣйствительно, въ сущности, онъ не былъ ни полководцемъ, ни царемъ. Взявъ смѣлый разбѣгъ, онъ нѣкоторое время, несомнѣнно, дѣлалъ большое дѣло, но когда наступила пора, отказавшись отъ беззавѣтной удали, дѣйствовать съ осторожностью и вдумчивостью, силы измѣнили ему. Онъ былъ, повидимому, скорѣе отважнымъ воиномъ, чѣмъ полководцемъ, и вѣроятно, съ самаго начала не дооцѣнилъ мощи и силы сопротивленія своего главнаго врага — филистимлянъ. Еще меньше былъ онъ призванъ, по складу своего характера, быть царемъ. Намъ ничего неизвѣстно о какихъ-либо попыткахъ его вовлечь въ сферу національныхъ интересовъ колѣна, жившія къ сѣверу отъ Изреэльской равнины. Единаго Израиля для него еще не существовало. Однако, если и допустить, что обстоятельства заставляли его оставаться въ предѣлахъ ограниченной группы колѣнъ, то и въ этихъ рамкахъ онъ, насколько мы знаемъ, не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ шаговъ, направленныхъ на улучшеніе внутренняго быта или упроченіе организаціи Израиля. Интересы Саула, казалось, исчерпывались войной, распрями и кровавыми попытками окончательно истребить ханаанеянъ и устранить Давида. Сравненіе его съ Давидомъ убѣждаетъ въ томъ, что онъ не отличался дальновидностью. Давидъ, прежде всего, сталъ думать о созданіи столицы, которая являлась бы резиденціей царя, центромъ его власти. Онъ сразу понялъ, какое она можетъ имѣть значеніе. Саулъ, сынъ крестьянина изъ Гибеа, въ теченіе всей своей жизни оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. У него не было ни полета мысли, ни широты кругозора, которые составляютъ основную предпосылку государственной дѣятельности. Если бы онъ обладалъ этими качествами, то не тратилъ бы силъ на напрасныя попытки управлять цѣлымъ царствомъ, оставаясь прикованнымъ къ своему родному селу. Уже это одно должно было со временемъ заглущить его прекрасные задатки и парализовать его благородное рвеніе.

Однако, если бы свѣдѣнія наши о Саулѣ и не ограничивались тѣмъ, что намъ даютъ дошедшія до насъ отрывочныя преданія, то и въ этомъ случаѣ судьба Саула оставалась бы для насъ глубоко загадочной. Характеръ и судьба его оставались бы и тогда скрытыми

подъ покровомъ, которымъ окутаны всѣ истинно трагическія фигуры въ исторіи. Въ его богато одаренной натурѣ съ самаго начала, на ряду съ свѣтлыми качествами, дремлютъ и мрачныя силы. Съ благороднымъ энтузіазмомъ и загадочной наклонностью къ экстазу [1]) въ немъ сочетались—уже въ то время, когда онъ казался еще здоровымъ—необдуманность, слѣпое рвеніе и упорство, дикій фанатизмъ, суевѣрный страхъ [2]), а затѣмъ и деспотическая и кровожадная жестокость [3]). Его характеръ представляетъ собой то самое сплетеніе сангвиническаго и холерическаго темпераментовъ, которымъ такъ часто сопутствуетъ опасная наклонность къ меланхоліи. Надо полагать, что у него эта наклонность, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда трагическихъ событій, все болѣе и болѣе переходила въ дѣйствительную душевную болѣзнь. Однако эти заложенные въ немъ задатки не въ состояніи объяснить злополучный переломъ въ его душевномъ состояніи и въ его судьбѣ. Весь трагизмъ его участи заключается въ томъ, что онъ становится игрушкой какого-то страннаго рока, причина и ближайшій поводъ котораго для насъ недостаточно ясны, но который заставляетъ его, въ состояніи злополучнаго ослѣпленія, пожирать самого себя, парализуетъ его энергію, вынуждаетъ его забывать свои обязанности и все глубже и глубже погружаться въ состояніе душевнаго помраченія, зачатки котораго имѣлись въ немъ, конечно, съ самаго начала. Но кто знаетъ, сильнѣе ли они были въ немъ, чѣмъ у другихъ, жизнь которыхъ протекла совсѣмъ иначе? Весьма характерно, что, въ концѣ концовъ, Саулъ погибаетъ отъ собственной руки: съ того момента какъ его звѣзда ему измѣнила, его трагедія заключалась въ томъ, что, подъ вліяніемъ подозрительности и слѣпой страсти, онъ, терзаясь, самъ себя изводитъ и въ мрачномъ безуміи куетъ свое несчастіе. Однако доказательствомъ того, что, несмотря на все это, благородный характеръ его, какъ и все то, что онъ сдѣлалъ для Израиля, не былъ забытъ, служатъ какъ поступокъ жителей Ябеша, такъ и пѣснь Давида на смерть Саула и Іонатана (II Сам., 1, 17 и сл.), въ которой отразилось неподдѣльное чувство скорбящаго о павшемъ вождѣ Израиля:

Краса твоя, о Израиль, лежитъ, пораженная, на твоихъ высотахъ!
Какъ пали герои!
Не возвѣщайте объ этомъ въ Тирѣ,
Не разсказывайте на улицахъ Ашкелона,
Чтобы дочери филистимскія не радовались,
Не ликовали дочери необрѣзанныхъ...
О вы, горы Гильбоа!
Пусть не падетъ ни роса, ни дождь на васъ, горы смерти,
Гдѣ лежитъ во прахѣ щитъ героевъ!..

---

[1]) Ср. слова: „Развѣ и Саулъ среди пророковъ?"

[2]) Ср., главнымъ образомъ, 1 Сам. 14 (его неосторожные обѣтъ и поведеніе по отношенію къ Іонатану) и 28 (эндорская волшебница).

[3]) Ср. 1 Сам. 22 и 11, 21: его поведеніе по отношенію къ жрецамъ въ Нобѣ и по отношенію къ Гибеону. Быть можетъ, въ обоихъ случаяхъ, и во всякомъ случаѣ въ первомъ, мы имѣемъ дѣло съ поступкомъ безумца.

Священный дубъ Авраама въ Хебронѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Царствованіе Давида.

1. Давидъ и Ишбаалъ.

Въ тяжеломъ положенiи остался Израиль послѣ смерти Саула и его сыновей. При Саулѣ Израиль, хотя и съ перемѣннымъ счастьемъ, все же боролся съ филистимлянами и, въ концѣ концовъ, почти обезопасилъ себя отъ ихъ нападеній. Теперь же о борьбѣ не могло быть и рѣчи. Боевая сила Израиля была разбита и уничтожена, вожди пали. Враги торопятся использовать свою побѣду. Не только часть равнины Кишона до Гильбоа, но даже Бет-Шеанъ и города по обѣимъ сторонамъ Іордана, безъ сопротивленія переходятъ въ ихъ руки. Кто могъ воспрепятствовать имъ завладѣть, какъ нѣкогда, горами Эфраимъ и поставить своего намѣстника въ Гибеа? Послѣ побѣды при Гильбоа на пути филистимлянъ не было преградъ. Если же они не пошли дальше, то это, по всей вѣроятности, объясняется благоразуміемъ, которое заставляло ихъ быть умѣренными. Филистимляне сознавали, что въ Израилѣ еще дремлютъ силы: если на этотъ разъ войско Саула разбито и даже уничтожено, то вѣдь народныя массы прошли военную школу подъ руководствомъ Саула и его дружинниковъ, и было бы неразумно доводить ихъ до крайности. Къ тому же и династія Саула не вымерла, да и живъ еще военачальникъ Абнеръ. Все это филистимляне должны были принять во вниманіе.

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Абнеру избѣжать гибели въ битвѣ при Гильбоа, въ которой онъ, по всей вѣроятности, принималъ участіе, и какую часть войска Саула ему удалось при этомъ спасти. Врядъ ли она была достаточна для того, чтобы продолжать войну противъ филистимлянъ. Гораздо вѣроятнѣе, что Абнеръ и тотъ, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ—оставшійся въ живыхъ сынъ Саула Ишбаалъ [1]), по праву наслѣдованія вступившій теперь на престолъ Саула,—вынуждены были согласиться на миръ, лишь бы только оставить за династіей Саула хоть номинальное владычество надъ Израилемъ. Весьма знаменательно, что Ишбаалъ устроилъ свою резиденцію не въ Гибеа, столицѣ Саула, и не въ колѣнѣ Веніаминовомъ и вообще не въ западной Палестинѣ, а перенесъ ее въ Заіорданье, въ знаменитый въ старину Маханаимъ, на рѣкѣ Яббокѣ. Конечно, Ишбаалъ и Абнеръ не по доброй волѣ перенесли столицу на востокъ, по ту сторону Іордана, гдѣ для Израиля всегда было сравнительно ограниченное поле дѣйствій. Напротивъ, мы должны въ этомъ видѣть одинъ изъ результатовъ побѣды филистимлянъ, одно изъ унизительныхъ условій мира, продиктованныхъ ими Ишбаалу. Иными словами, Израиль превратился въ вассала филистимлянъ; побѣдители соглашались терпѣть его царство лишь подъ условіемъ, что онъ будетъ платить дань и передвинется къ востоку, подальше отъ границъ филистимскихъ, чтобы не представлять для филистимлянъ непосредственной опасности. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Ишбаалъ—ради добрососѣдскихъ отношеній—долженъ былъ платить дань даже моабитянамъ и аммонитянамъ, которыхъ усмирилъ его отецъ. Какъ бы то ни было, царство Саула при его ничтожномъ преемникѣ Ишбаалѣ и деспотическомъ Абнерѣ, о которомъ, впрочемъ, преданіе сохранило больше словъ, чѣмъ фактовъ, играло въ высшей степени безславную роль.

Все, что могло ухудшить положеніе Израиля, было, конечно, на руку филистимлянамъ. Поэтому, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы создать новыя затрудненія еле влачившему свое существованіе вассальному государству и отнять у него всякую возможность возродиться и возвратить себѣ прежнее положеніе. Отсюда понятно, почему филистимляне не ставятъ никакихъ препятствій на пути Давида и не мѣшаютъ осуществленію его плановъ, даже и такихъ, которые, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, могли бы и для нихъ самихъ стать опасными.

Мы не должны забывать, что Давидъ былъ вассаломъ филистимлянъ въ Циклагѣ и обязанъ былъ помогать имъ въ случаѣ войны.

---

[1]) Обычная въ Библіи транскрипція этого имени, Ишбошетъ (мужъ безчестія), несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія. Какова была первоначальная форма, и какъ произносилось это имя, явствуетъ изъ перевода LXX, гдѣ оно читается: Εἰσβααλ. Далѣе, въ кн. Хроникъ (1, 8, 33; 9, 39) оно читается: Эшбаалъ. Интересно отмѣтить, что въ І-ой книгѣ Самуила (14, 49) одинъ изъ сыновей Саула называется Іишви=Ишіо, т.-е. мужъ Іагве, имя, параллельное Ишбаалу; въ І-ой книгѣ Хроникъ (14, 7) приводится имя одного сына Давида: Беэліеда (Ваалъ знаетъ). О вытекающей отсюда связи между именами Іагве и Ваала и о ея значеніи для пониманія религіозной жизни тогдашняго Израиля мы говорили уже выше (стр. 225—227).

Правда, онъ могъ съ такой же легкостью разорвать это обязательство, съ какою онъ принялъ его на себя. Однако при его взаимныхъ отношеніяхъ съ филистимлянами и особенно въ виду того господствующаго положенія, которое они занимали въ тотъ моментъ, онъ не могъ предпринять ничего такого, что могло бы вызвать ихъ недовольство. Мы оставили Давида въ Циклагѣ, когда онъ, нагруженный добычей, возвращается послѣ преслѣдованія амалекитянъ. Вскорѣ онъ получаетъ извѣстіе о пораженіи Саула и гибели его самого и Іонатана. На третій день по его возвращеніи приходитъ къ нему одинъ амалекитянинъ съ украшеніями Саула—его царскимъ вѣнцомъ и запястьемъ, и говоритъ Давиду, что, по желанію Саула, онъ самъ нанесъ ему смертельный ударъ. Услышавъ это, Давидъ велитъ казнить вѣстника, чтобы въ зародышѣ уничтожить всякое подозрѣніе въ томъ, будто онъ участвовалъ въ смерти Саула или хотя бы былъ обрадованъ ею. Не слѣдуетъ въ его поступкѣ видѣть взрывъ благороднаго чувства: то былъ просто актъ благоразумія; поэтому нѣтъ причины сомнѣваться въ достовѣрности разсказа. Очевидно, амалекитянинъ, принесшій эту вѣсть, солгалъ, въ надеждѣ получить хорошую награду отъ Давида: слишкомъ легко было ограбить Саула въ ночь послѣ сраженія, когда трупъ его лежалъ на полѣ битвы. И хотя въ Давидѣ въ то время никто не могъ еще видѣть будущаго царя Израильскаго, все же могло создаться предположеніе, что онъ разсчитываетъ въ недалекомъ будущемъ на часть наслѣдства, оставшагося послѣ смерти Саула и Іонатана.

Несомнѣнно, однако, что самъ Давидъ сразу понялъ выгодныя для него стороны создавшагося положенія. Это видно изъ того факта, что Давидъ, только-что вернувшись послѣ преслѣдованія амалекитянъ, употребляетъ часть добычи на поднесеніе даровъ старѣйшинамъ колѣна Іуды. Смерть Саула до такой степени совпадаетъ во времени съ этимъ возвращеніемъ Давида съ добычей, что мы имѣемъ полное основаніе считать, что подарки были поднесены Давидомъ не *до*, а *послѣ* полученія имъ извѣстія о гибели Саула и Іонатана. Поднося эти дары, Давидъ, конечно, разсчитывалъ расположить въ свою пользу іудейскихъ старѣйшинъ и тѣмъ подготовить почву для своего господства надъ Іудой. Съ той же цѣлью Давидъ посылаетъ вскорѣ послѣ этого привѣтствіе городу Ябешу въ Гилеадѣ въ виду проявленнаго имъ благороднаго мужества по отношенію къ памяти Саула. Въ Ябешѣ скрывались самые вѣрные сторонники Саула, оплакивавшіе въ немъ своего величайшаго благодѣтеля. Привлеченіе ихъ на сторону Давида было бы особенно необходимо, если бы Ишбаалъ сталъ готовиться къ сопротивленію. И то, что Давидъ открыто сказалъ жителямъ Ябеша: „Саулъ, вашъ законный царь, умеръ, теперь я буду вашей поддержкой",—онъ, безъ сомнѣнія, сумѣлъ въ скрытой формѣ высказать и старѣйшинамъ Іуды, посылая имъ дары.

И старѣйшины Іуды, послѣ нѣкотораго размышленія, не могли сомнѣваться, какъ имъ надлежитъ дѣйствовать. Если гдѣ-либо должно было существовать недовольство правленіемъ Саула, то именно здѣсь, въ колѣнѣ Іуды. Весь родъ Давидовъ долженъ былъ сочувствовать

своему сородичу во время преслѣдованія его Сауломъ. Затѣмъ, съ уничтоженіемъ войска Саула, область Іуды была открыта для филистимлянъ—Абнеръ и Ишбаалъ не были въ состояніи защитить ее. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что югъ, къ которому врагъ былъ ближе всего, подумалъ объ организаціи какимъ бы то ни было способомъ самозащиты. Тутъ само собою напрашивалось на умъ имя Давида. Вѣдь онъ не только былъ изъ племени Іуды, онъ не только, со времени смерти Набала, былъ самымъ богатымъ земельнымъ собственникомъ въ Іудѣ и вождемъ, давно уже увѣнчаннымъ славой за свои былыя побѣды надъ филистимлянами,—онъ былъ и вассаломъ филистимлянъ. Пока онъ таковымъ оставался,—а нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ велись переговоры какъ со старѣйшинами Іуды, такъ и съ Ахишемъ,—Іуда могъ считать себя въ безопасности отъ нападенія филистимлянъ; а если бы въ будущемъ эта связь порвалась, то для Іуды и Израиля и тогда выгоднѣе всего было бы имѣть своимъ главой Давида, прославленнаго борца противъ филистимлянъ.

Мы уже раньше видѣли, чѣмъ руководствовались филистимляне, предоставляя свободное поле дѣйствій Давиду и не задаваясь серьезно вопросомъ, не придется ли имъ въ будущемъ раскаиваться въ томъ, что они не помѣшали осуществленію его плановъ. Сочувствіе филистимлянъ планамъ Давида основывалось на увѣреніяхъ послѣдняго, что онъ впредь, какъ и до сихъ поръ, останется ихъ вассаломъ. Но въ такомъ случаѣ филистимлянамъ было только выгодно, чтобы въ Израилѣ было два царя, вмѣсто одного. Они могли надѣяться, что съ помощью одного имъ легко будетъ держать другого подъ угрозою. Но они проглядѣли необыкновенную политическую мудрость Давида, разстроившаго ихъ хитрые разсчеты.

Итакъ, Давидъ, становится царемъ надъ Іудой, и вмѣстѣ съ этимъ племя Іуды, послѣ долгаго пребыванія въ тѣни, снова выступаетъ на первый планъ въ жизни народа. Болѣе двухъ столѣтій, именно, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь народа, главнымъ образомъ, сосредоточилась въ средней части страны, въ горахъ Эфраима и въ смежныхъ областяхъ, удейская область была совершенно отрѣзана отъ остального Израиля послѣднимъ и весьма сильнымъ оплотомъ ханаанеевъ—іебуситской крѣпостью Іерусалимомъ. Лишь Саулу удалось возстановить связь между Іудой и центромъ страны, такъ какъ онъ по мѣрѣ силъ охранялъ и Іудею отъ нападеній филистимлянъ. Но дѣйствительно крѣпкой эта связь, конечно, не могла стать до тѣхъ поръ, пока Іерусалимъ и вся примыкающая къ этой крѣпости область находилась во власти чужихъ.

Преданія книги Самуила связываютъ воцареніе Давида надъ Іудой съ оракуломъ Іагве. Давидъ спрашивалъ Іагве (посредствомъ уримъ и туммимъ или посредствомъ другого гаданія), не слѣдуетъ ли ему отправиться въ городъ Іуды. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Давидъ спросилъ, въ какой, именно, городъ; Іагве отвѣтилъ: въ Хевронъ. Это былъ древній центръ всей области, расположенной къ югу отъ Іерусалима. И въ Хевронѣ „мужи Іуды" съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ помазываютъ Давида царемъ надъ „домомъ Іуды".

Нетрудно представить себѣ, какъ встрѣчена была вѣсть о воцареніи Давида въ Маханаимѣ, гдѣ правилъ Ишбаалъ или, вѣрнѣе, Абнеръ. Тамъ должны были усмотрѣть въ этомъ посягательство на домъ Саула, узурпацію правъ законнаго царя. Поэтому, все время, пока Давидъ оставался въ Хебронѣ, т.-е. до смерти Ишбаала, прошло въ братоубійственной войнѣ между Іудой и сѣверными колѣнами Израиля. Конечно, значительная доля вины въ этой распрѣ падаетъ на Давида, поскольку онъ притязаніямъ Ишбаала противопоставлялъ свои собственныя; слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ результатѣ этой распри Израиль получилъ столь цѣнное для него единство.

Нельзя, впрочемъ, придавать слишкомъ серьезнаго значенія этой борьбѣ Ишбаала съ Давидомъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Давида не было никакого разсчета вести войну съ особенной энергіей. Онъ могъ достигнуть своей цѣли инымъ путемъ—не оружіемъ. И хотя военныя дѣйствія между Давидомъ и Ишбааломъ продолжались всѣ $7^1/_2$ лѣтъ царствованія послѣдняго, они не отличались особеннымъ ожесточеніемъ. Повидимому, Давидъ велъ, главнымъ образомъ, оборонительную войну, а у его противника, несмотря на горячее желаніе побѣды, не хватало силы для болѣе или менѣе энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій. Да и народъ не могъ сочувствовать братоубійственной войнѣ, ибо чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе всѣ израильтяне должны были убѣждаться въ томъ, что домъ Саула былъ заходящей, а Давидъ восходящей звѣздой Израиля, и что ему принадлежало будущее. Ишбаалъ не могъ быть равноцѣннымъ противникомъ Давида уже вслѣдствіе того, что онъ, вѣроятно, вслѣдствіе молодости [1]), совершенно стушевывался передъ своимъ военачальникомъ Абнеромъ; а вѣдь и этотъ послѣдній далеко не былъ въ состояніи выдержать сравненіе съ Давидомъ. Лично храбрый и преданный дому Саула, пока Ишбаалъ не стѣснялъ его свободы, Абнеръ ни въ какомъ отношеніи не представлялъ изъ себя чего-либо выдающагося. Поэтому, совершенно естественно, что симпатіи всего Израиля все болѣе и болѣе склонялись на сторону Давида. Только отъ него можно было ждать, что онъ справится съ задачей освобожденія страны отъ филистимлянъ, которая оказалась роковой для дома Саула. И мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ все крѣпло положеніе Давида, и какъ все болѣе расшатывался тронъ Ишбаала. И не одинъ тріумфъ выпадаетъ на долю Давида, благодаря его мудрости и умѣренности.

Объ отдѣльныхъ моментахъ войны, заполнившей собою всѣ $7^1/_2$ лѣтъ царствованія Ишбаала, намъ извѣстно немногое. Считать и это немногое недостовѣрнымъ, только потому, что въ немъ содержатся отдѣльныя легендарныя черты, у насъ нѣтъ основанія. При Гибеонѣ, какъ гласитъ библейскій разсказъ, произошло столкновеніе, окончившееся неудачно для Абнера и его войска. На сторонѣ Давида борются

[1]) Нужно думать, что Ишбаалъ былъ очень молодъ. Во 2-ой книгѣ Самуила (2,10) говорится, что ему было 40 лѣтъ; но это столь же невѣрно, какъ невѣрно и указаніе на то, что онъ царствовалъ два года, о чемъ говорится тамъ же. Ишбаалъ царствовалъ $7^1/_2$ лѣтъ—столько же, сколько Давидъ царствовалъ въ Хебронѣ.

Іоабъ и его два брата Абишай и Асаэль. Этотъ послѣдній, „быстроногій, какъ серна, что на полѣ“, впереди всѣхъ преслѣдуетъ врага. Абнеръ, боясь мести Іоаба, предостерегаетъ своего преслѣдователя, но Асаэль не отстаетъ. Абнеръ убиваетъ его и тѣмъ готовитъ себѣ гибель.

Конечно, столкновеній, подобныхъ описанному, было немало. Но, вѣроятно, лѣтописцу хотѣлось, насколько возможно, избѣжать воспоминаній объ этой безславной братоубійственной войнѣ. Нѣтъ основанія думать, что исходъ другихъ столкновеній былъ неблагопріятенъ для Давида; его военная слава стояла слишкомъ прочно, чтобы ему нужно было добывать себѣ лавры за счетъ дома Саула. Кромѣ того, и безъ дальнѣйшихъ описаній военныхъ событій изъ самаго хода вещей ясно, какъ трудно было Ишбаалу отстаивать свое положеніе, имѣя противникомъ Давида. „И шелъ Давидъ неизмѣнно въ гору,—говоритъ библейское повѣствованіе,—а дѣла дома Саулова шли все книзу.“

Давидъ сдѣлалъ все возможное, чтобы и во владѣніяхъ Ишбаала пріобрѣсти симпатіи народа. Мы видѣли, что Давидъ посылаетъ городу Ябешу въ Гилеадѣ вѣсть о помазаніи его царемъ іудейскимъ и заявляетъ при этомъ гражданамъ Ябеша—отдавая должное ихъ благородному образу дѣйствій—что со смертью Саула ихъ обязанности въ отношеніи къ дому Саула прекращаются. По всей вѣроятности, такихъ случаевъ было немало, и не такой былъ человѣкъ Давидъ, чтобы не использовать всякой представляющейся ему возможности. Онъ подготовлялъ всѣ свои успѣхи безъ суеты и шума, не навлекая на себя подозрѣнія филистимлянъ и не вызывая къ себѣ вражды со стороны сѣверныхъ племенъ. Но при всемъ этомъ, больше всего помогла Давиду неспособность самого Ишбаала. Благодаря ей, симпатіи къ Давиду крѣпли и во владѣніяхъ Ишбаала, и при сравненіи Давида съ его соперникомъ предпочтеніе все болѣе и болѣе должно было отдаваться царю Іуды.

Поэтому неудивительно, что постепенно даже среди людей, принадлежавшихъ къ израильской знати, образовалась партія, рѣшительно ставшая на сторону Давида и видѣвшая будущее Израиля въ созданіи единаго израильскаго царства. Въ виду неспособности Ишбаала, его подданнымъ и всему Израилю все тяжелѣе было переносить иго филистимлянъ, все сильнѣе становилась жажда увидѣть освободителя, борца противъ филистимлянъ,—такого, какимъ нѣкогда былъ Саулъ. И вотъ для Давида пришло время выполнить то, къ чему онъ ужъ давно чувствовалъ себя предназначеннымъ. Но и теперь все складывается такъ, что ему не приходится добиваться своей цѣли силой. Библейскій разсказъ усматриваетъ въ этомъ, что Іагве, богъ Давида, на котораго онъ полагается, устроилъ такъ, чтобы зрѣлый плодъ самъ упалъ къ его ногамъ.

Въ началѣ борьбы Давида и Ишбаала Абнеръ оставался вѣрнымъ Ишбаалу. Домъ Саула былъ также и его домомъ [1]), и самый фактъ принадлежности царя къ колѣну Веніамина былъ гордостію его племени

[1]) Абнеръ былъ, повидимому, двоюроднымъ братомъ Саула.

и его рода. Честолюбіе и властолюбіе, жившія въ его душѣ, находили достаточное удовлетвореніе въ томъ высокомъ положеніи, которое онъ создалъ себѣ рядомъ съ Ишбааломъ. Все зависѣло отъ него, отъ его настроенія, и немудрено, что его господинъ имѣлъ достаточно основаній не любить его и завидовать ему. Конечно, Ишбаалъ доженъ былъ скрывать эти чувства отъ Абнера, ставшаго для него незамѣнимымъ. Но, наконецъ, между ними происходитъ серьезная размолвка. Абнеръ взялъ себѣ наложницу Саула,—поступокъ, который, по тогдашнимъ правовымъ понятіямъ, долженъ былъ пробудить въ Ишбаалѣ серьезное сомнѣніе въ вѣрности Абнера. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что Абнеръ стремится завладѣть его престоломъ. Тогда и въ Абнерѣ происходитъ перемѣна. Конечно, не страхъ передъ слабымъ Ишбааломъ руководитъ имъ; но та ссора, которая происходитъ у него съ Ишбааломъ, и которую ему легко было бы уладить, если бы только онъ захотѣлъ, даетъ ему желанный поводъ перемѣнить фронтъ и начать открыто дѣйствовать въ пользу Давида, восходящаго свѣтила.

Абнеръ вступаетъ съ Давидомъ въ переговоры. Онъ обѣщаетъ Давиду не только перейти на его сторону, но и привести къ нему весь народъ израильскій. Онъ не только знаетъ настроеніе Израиля, онъ уже увѣренъ въ томъ, что народъ пойдетъ за Давидомъ. Тайныя соглашенія между Абнеромъ и старѣйшинами Израиля и даже знаменитѣйшими изъ веніаминитовъ, о которыхъ говорится въ нашихъ источникахъ, несомнѣнно, происходили еще ранѣе полнаго разрыва между Абнеромъ и Ишбааломъ. Весь Израиль хотѣлъ воцаренія Давида, ибо лишь въ немъ видѣли избавителя отъ филистимлянъ. Абнеръ сталъ теперь во главѣ этого движенія и началъ искать повода для окончательнаго разрыва съ Ишбааломъ.

Давидъ принимаетъ предложеніе Абнера, но условно. Ему кажется, что не все еще готово, и что нельзя еще разсчитывать занять тронъ Саула безъ борьбы. Сначала, по его мнѣнію, нужно возстановить ту связь, которая нѣкогда соединяла его съ домомъ Саула и давала ему нѣкоторое право считать себя наслѣдникомъ Саула: именно, онъ требуетъ возвращенія своей жены, Михаль, дочери Саула, которую тотъ у него отнялъ. Въ этомъ ему долженъ помочь Абнеръ. Онъ еще сохранилъ свое вліяніе на Ишбаала, и если даже требованіе Давида было предъявлено Ишбаалу послѣ его ссоры съ Абнеромъ, то тѣмъ скорѣе Ишбаалъ долженъ былъ дать свое согласіе, такъ какъ этой уступкой онъ могъ надѣяться задобрить своего разгнѣваннаго военачальника. Для Давида же важно было вернуть назадъ свою жену не по принужденію, а въ силу своего права на нее. Если бы это было достигнуто, то все остальное произошло бы естественнымъ образомъ: Давидъ принялъ бы тогда услуги Абнера, а безъ поддержки Абнера Ишбаалъ сталъ бы настолько слабымъ, что врядъ ли представилась бы необходимость устранять его. Отсюда намъ ясно, почему Давидъ обращается непосредственно къ Ишбаалу съ требованіемъ вернуть жену, и почему Ишбаалъ сразу соглашается исполнить требованіе. Нельзя думать, чтобы это былъ добровольный актъ Ишбаала: онъ, несо-

мнѣнно, дѣйствовалъ подъ давленіемъ Абнера. Перевѣсъ Давида былъ столь очевиденъ, что Ишбаалъ, разъ на этомъ настаивалъ Абнеръ, долженъ былъ считать цѣлесообразнымъ въ этомъ случаѣ угодить противнику. Мало того, Абнеръ безъ труда устраиваетъ такъ, что на него самого возлагается порученіе отвезти дочь Саула къ Давиду.

Во главѣ посольства изъ двадцати человѣкъ изъ свиты Ишбаала Абнеръ везетъ Михаль въ Хевронъ. Во время пиршества, которое Давидъ устраиваетъ въ ихъ честь, Абнеръ снова говоритъ о своей готовности перейти вмѣстѣ со всѣмъ Израилемъ на сторону Давида. То, чего Давидъ требовалъ, Абнеръ далъ ему: Давидъ получилъ въ качествѣ законной жены царскую дочь. Теперь онъ можетъ, вмѣсто неспособнаго Ишбаала, выступить преемникомъ Саула. Давидъ принимаетъ предложеніе и, несомнѣнно, уславливается съ Абнеромъ, что тотъ, по возвращеніи домой, сейчасъ же приступитъ къ выполненію своего обѣщанія. Такимъ образомъ, Абнеръ становится измѣнникомъ своему господину, а Давидъ—сообщникомъ Абнера въ давно задуманномъ и хорошо подготовленномъ заговорѣ противъ Ишбаала. Мы не имѣемъ никакого основанія и никакого права прикрашивать то, что сдѣлалъ Давидъ. Но справедливость требуетъ признать, что, поскольку мы знаемъ, не Давидъ подготовилъ этотъ заговоръ; онъ только воспользовался его результатомъ. При тогдашнемъ положеніи вещей Давидъ и не могъ дѣйствовать иначе. Разъ Ишбаалъ оказался неспособнымъ выполнить задачу, лежавшую на преемникѣ Саула, то Давидъ, давно уже чувствовавшій себя призваннымъ стать царемъ и освободителемъ Израиля, долженъ былъ откликнуться на зовъ Израиля, который свободно шелъ къ нему. Давидъ могъ возложить на Абнера отвѣтственность за его дѣйствія, но мѣшать ему онъ не былъ обязанъ.

Абнеру не суждено было довести до конца начатое дѣло. Его судьба была рѣшена въ Хевронѣ. Іоабъ, честолюбивый и деспотическій полководецъ Давида, сдѣлался смертельнымъ врагомъ Абнера съ тѣхъ поръ, какъ тотъ убилъ его брата Асаэля. Возможно, что если Іоабъ былъ посвященъ въ планы Абнера, то къ этому чувству мести прибавилось и личное соперничество. Изъ предосторожности Давидъ отсылаетъ Іоаба изъ Хеврона. Но онъ раньше срока возвращается назадъ, устраиваетъ Абнеру западню и убиваетъ его у воротъ Хеврона, мстя за смерть брата. Давидъ имѣлъ полное основаніе разгнѣваться на Іоаба и искренно оплакивать Абнера. Вѣдь Абнеръ былъ душой почти осуществившагося объединенія Іудеи съ Израилемъ, и съ его смертью легко могло рушиться все дѣло. Смерть Абнера не только разстраивала планы Давида, но также давала поводъ заподозрить его въ измѣнѣ: вѣдь очень легко было обвинить не Іоаба, а Давида въ этомъ убійствѣ. Ибо въ самомъ дѣлѣ—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ непосвященныхъ — съ устраненіемъ Абнера исчезала послѣдняя опора трона Ишбаала. Но мы знаемъ, что Давидъ нисколько не былъ заинтересованъ въ этой смерти.

Въ то же время судьба приготовила послѣдній ударъ и Ишбаалу: его измѣннически убиваютъ два начальника отрядовъ колѣна Веніамина.

Въ полдень они проникаютъ во дворецъ, проходятъ мимо спящей привратницы и убиваютъ Ишбаала во время сна. Сомнительно, чтобы это убійство было совершено съ вѣдома Давида. Вѣдь и безъ того, по выраженію кн. Самуила, у Ишбаала „опустились руки", когда онъ узналъ о смерти Абнера: оставшись безъ военноначальника, Ишбаалъ не могъ уже совсѣмъ противостоять Давиду, и послѣднему не составило бы труда разбить его на полѣ битвы, не прибѣгая къ подлому убійству. Неудивительно поэтому, что когда убійцы въ ожиданіи награды принесли Давиду голову Ишбаала, онъ наградилъ ихъ такъ же, какъ того амалекитянина, который принесъ вѣсть о смерти Саула. Была ли эта казнь убійцъ Ишбаала актомъ лицемѣрія, хотѣлъ ли Давидъ пресѣчь этимъ въ корнѣ всякія подозрѣнія, или же онъ, въ качествѣ зятя Саула и шурина Ишбаала, могъ считать себя обязаннымъ осуществлять кровавую месть,—мы не знаемъ. Давидъ, несомнѣнно, долженъ былъ ожидать, что его обвинятъ въ смерти Ишбаала, какъ уже обвинили въ убійствѣ Абнера. Вѣдь еще при жизни Давида племя Веніанина, а также всѣ сторонники дома Саула, подъ вліяніемъ слѣпой родовой ненависти, приписывали Давиду трагическій конецъ Саулова дома. Естественно, что теперь должны были вновь зародиться подозрѣнія: кому, какъ не Давиду, нужна была эта новая жертва? Но, какъ уже указывалось выше, врядъ ли можно признать эти подозрѣнія основательными, особенно если вспомнить испытанную мудрость Давида и его умѣнье выжидать. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ могъ бы онъ рѣшиться на такой опасный шагъ, какъ убійство Ишбаала, въ такой неподходящій моментъ.

Какъ бы то ни было, со смертью Ишбаала было устранено послѣднее препятствіе, которое стояло на пути Давида къ господству надъ всѣмъ Израилемъ. Нигдѣ не упоминается, чтобы у Саула, кромѣ Ишбаала, остался въ живыхъ еще какой-нибудь сынъ. Повидимому, также изъ трехъ сыновей Саула, павшихъ вмѣстѣ съ нимъ, двое младшихъ умерли бездѣтными; во всякомъ случаѣ, они не оставили мужского потомства; несомнѣнно, что они были такъ же молоды, какъ Ишбаалъ. Только послѣ Іонатана остался сынъ Мерибаалъ [1]); въ годъ смерти Іонатана ему было пять лѣтъ, а въ моментъ убійства Ишбаала—11 или 13, и потому онъ не имѣлъ никакого права на тронъ. Къ тому

---

[1]) Въ масоретскомъ текстѣ кн. Самуила позднѣйшіе редакторы передѣлали это имя въ Мефибошетъ. Относительно правильной формы этого имени см. I книгу Хроникъ 9, 40 и 8, 34. Мерибаалъ, какъ и Ишбаалъ, обозначаетъ: мужъ Ваала. Въ эпоху Давида и ранѣе Израиль перенималъ такія имена отъ хананеянъ, не усматривая въ заимствованіи ничего предосудительнаго. Позднѣйшіе редакторы, считавшіе поклоненіе Ваалу „мерзостью", передѣлываютъ эти оба имени, читая, вмѣсто „Баалъ", „Бошетъ", что значитъ безчестіе. Затѣмъ, слово Мерибошетъ, подвергаясь дальнѣйшему извращенію, переходитъ въ Мефибошетъ, значеніе котораго неясно. Интересно отмѣтить, что книга Хроникъ (8, 34) избрала другой путь, чтобы скрыть первоначальную форму этого имени: черезъ простое удвоеніе Мерибаалъ—мужъ Ваала—передѣлано въ Мериббаалъ—Ваалоборецъ (ср. Суд. 6, 32, гдѣ имя Іеруббаалъ, означающее—аналогично имени Іеробеама—„Ваалъ силенъ", толкуется какъ Ваалоборецъ).

же этотъ единственный внукъ Саула былъ хромымъ, такъ какъ при полученіи страшной вѣсти о смерти Саула и Іонатана его мамка, бросившись бѣжать, уронила его. Поэтому, ни въ коемъ случаѣ не могло быть рѣчи о провозглашеніи его царемъ. Послѣ Саула оставались еще два сына отъ его наложницы Рицпы; но и они не достигли еще совершеннолѣтія. А Израилю, именно, теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нуженъ былъ достойный вождь.

Бронзовое оружіе изъ Гезера.

Сіонъ (современный видъ).

2. Основаніе Іерусалима и борьба съ филистимлянами.

Выборъ Израиля могъ пасть только на Давида. Всѣ колѣна Израиля, представленныя старѣйшинами, пришли къ Давиду въ Хебронъ и сказали ему: „Мы плоть и кровь твоя. Еще тогда, когда Саулъ царствовалъ надъ нами, ты былъ тѣмъ, кто велъ Израиль въ битвы и возвращался изъ сраженія во главѣ его. И Іагве сказалъ тебѣ: ты будешь пасти народъ мой, и будешь царемъ надъ нимъ". Послѣ этого старѣйшины израильскіе помазали Давида въ Хебронѣ на царство. Этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ о томъ воодушевленіи, которое царило во всемъ Израилѣ, когда Давидъ былъ призванъ на тронъ Саула. Въ воспоминаніи народа онъ живетъ, какъ побѣдоносный вождь въ борьбѣ съ филистимлянами; чѣмъ безславнѣе и тягостнѣе было настоящее, тѣмъ живѣе вставали воспоминанія о царствованіи Саула и о подвигахъ Давида, лучшаго изъ его воиновъ.

Давидъ, избранный въ цари всего Израиля, хорошо понималъ, въ чемъ заключается его ближайшая задача: онъ долженъ былъ вновь вернуть независимость Израилю и оттѣснить филистимлянъ къ побережью. Хотя господство филистимлянъ не было особенно тягостнымъ (оно выражалась, вѣроятно, лишь въ сборѣ дани), все же Израиль не чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своей странѣ. Таковы были, несомнѣнно, тѣ чувства, которыя объединяли колѣна Израильскія, когда они пришли просить Давида стать ихъ царемъ. И только рѣшительными дѣйствіями противъ филистимлянъ Давидъ могъ разсчитывать оправдать то довѣріе, съ которымъ пришли къ нему представители колѣнъ при его помазаніи на царство.

Значеніе событія, совершившагося въ Хебронѣ, стало скоро ясно и для филистимлянъ: не требовалось много словъ или дипломатическихъ

сношеній, чтобы дать понять, что вассальному отношенію Давида къ филистимлянамъ наступаетъ конецъ. Вступая на престолъ Саула, Давидъ считалъ, что отношенія между нимъ и филистимлянами должны опять стать тѣми же, какими они были во времена Саула. Но врагъ напалъ раньше, чѣмъ того ожидалъ Давидъ. Какъ только распространилась вѣсть о помазаніи Давида на царство надъ всѣмъ народомъ Израильскимъ, филистимляне вступили въ предѣлы Іуды: они хотѣли застать врасплохъ Давида и въ корнѣ пресѣчь попытку Израиля вернуть себѣ свободу. Филистимляне осаждаютъ Бетъ-Лехемъ, родину Давида, и угрожаютъ Хеброну. Давидъ во-время узнаетъ объ этомъ. Но онъ уже не успѣваетъ призвать свое ополченіе и принужденъ съ большой поспѣшностью отступить въ хорошо памятную ему крѣпость Адулламъ. Здѣсь онъ выжидаетъ нѣкоторое время и собираетъ свои силы. Вскорѣ ему удается разбить филистимлянъ, расположившихся лагеремъ въ равнинѣ Рефаимъ (Великановъ), къ юго-западу отъ Іерусалима, почти у самаго города.

Эта побѣда не наноситъ еще окончательнаго удара филистимлянамъ. Происходитъ еще одно сраженіе съ ними при ихъ новомъ вторженіи въ Іудею. Согласно оракулу, данному Іагве, Давидъ на этотъ разъ предпринимаетъ противъ филистимлянъ, расположившихся лагеремъ въ той же равнинѣ Рефаимъ, обходное движеніе, нападетъ на нихъ съ тыла, съ востока, и прогоняетъ ихъ по направленію къ Гибеону. Оттуда онъ преслѣдуетъ ихъ до Гезера, на западной границѣ израильскихъ владѣній. Давидъ дѣйствуетъ, какъ опытный, хорошо знакомый съ пріемами филистимлянъ, полководецъ. Большую помощь, на ряду съ его основательнымъ знаніемъ военнаго дѣла, оказываетъ ему и хорошее знакомство съ гористой мѣстностью Іудеи. Въ то время, какъ филистимляне, привыкшіе къ равнинѣ, не знаютъ, какъ оріентироваться среди пропастей и скалъ Іудеи, и какъ имъ выстроить свои тяжелыя военныя колесницы, іудейскіе пращники умѣютъ использовать для своихъ цѣлей каждое горное ущелье, и находятся, такимъ образомъ, въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ филистимляне.

На этотъ разъ, послѣ двухъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ пораженій, филистимляне присмирѣли. Однако ихъ могущество еще не было сломлено окончательно; возможно, что въ дальнѣйшемъ происходили еще сраженія. Но по какой-то странной случайности столь полная въ общемъ лѣтопись о царствованіи Давида обходитъ молчаніемъ, именно, эти событія, хотя ими опредѣлилось положеніе Давида въ Израилѣ и Израиля въ Сиріи. Для насъ всегда останется непонятнымъ, почему собиратель сказаній и лѣтописей о Давидѣ такъ подробно говоритъ объ его враждѣ съ Сауломъ, его борьбѣ за тронъ въ Хебронѣ и Іудѣ, и такъ мало сообщаетъ намъ о его главныхъ подвигахъ, давшихъ ему мѣсто въ исторіи [1]). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: Давиду пришлось дать

[1]) Можно высказать предположеніе, что нѣкогда существовала отдѣльная книга, подобная „Книгѣ войнъ Іагве", которая была посвящена описанію и прославленію войнъ Давида. Нашъ авторъ могъ предполагать ея содержаніе извѣстнымъ, и потому считалъ излишнимъ приводить изъ нея болѣе подробныя выдержки.

немало серьезныхъ сраженій, прежде чѣмъ ему удалось обезпечить Израилю спокойствіе на филистимской границѣ. Возможно, что эти сраженія продолжались и послѣ взятія Іерусалима въ теченіе долгаго времени. Цѣлый рядъ преданій о Давидѣ и о его дружинѣ, и множество разсказовъ о геройскихъ подвигахъ его богатырей связываются, именно, съ этой борьбой. Однажды жизнь самого Давида была въ крайней опасности. Ему угрожаетъ какой-то великанъ Додъ, вышедшій на него съ копьемъ вѣсомъ въ 300 сиклей, но Дода убиваетъ отважный Абишай. Тогда-то, прибавляетъ преданіе, сподвижники Давида упросили его впредь не принимать болѣе участія въ сраженіяхъ, чтобы сохранить свою драгоцѣнную жизнь, „дабы не угасло свѣтило Израиля“ [1]).

Наконецъ, Давиду удается однимъ рѣшительнымъ ударомъ завладѣть тогдашней столицей филистимлянъ, Гатомъ, и такимъ образомъ покорить всю ихъ страну [2]). Съ этихъ поръ могущество филистимлянъ сломлено. Въ продолженіе долгаго времени они болѣе не выступаютъ въ качествѣ враговъ Израиля. На долю Давида выпало разбить этого противника, столько разъ унижавшаго Израиль и грозившаго даже самому его существованію. Со временъ Давида отношенія Израиля къ филистимлянамъ становятся мирными. Давидъ, несмотря на свои побѣды, не поработилъ филистимлянъ и не уничтожилъ ихъ самостоятельности. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что вновь отвоевалъ Израилю его прежнее положеніе и принудилъ противника хранить миръ. Дружественныя отношенія, повидимому, установились между обѣими сторонами; филистимляне, потерявъ надежду побѣдить Давида, стали постепенно, подобно хананеянамъ, мириться съ мыслью жить отнынѣ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ своимъ сосѣдомъ. Въ скоромъ времени ихъ слава исконныхъ враговъ Израиля настолько забывается, что Давидъ набираетъ изъ нихъ для себя тѣлохранителей [3]).

Такимъ образомъ, осторожная политика Давида по отношенію къ филистимлянамъ дала хорошіе плоды. Но этотъ успѣхъ не удовлетворилъ Давида: Давидъ желалъ большаго. Израиль не только долженъ былъ стать свободнымъ, но долженъ еще сумѣть воспользоваться своей свободой. Для этого нужно, чтобы со свободой народа было связано его національное единство и могущество. Израиль долженъ былъ сплотиться и занять положеніе, которое внушало бы уваженіе сосѣднимъ государствамъ Сиріи. Шагъ за шагомъ подходитъ Давидъ къ этой цѣли. При немъ колѣна Израиля стали глубже сознавать свое единство и получили возможность сами управлять своей судь-

---

[1]) Въ другой разъ Эльхананомъ былъ убитъ Голіаѳъ изъ Гата, имя котораго было затѣмъ перенесено и на безымяннаго филистимлянскаго исполина, сраженнаго нѣкогда самимъ Давидомъ (ср. примѣч. на стр. 245).

[2]) Интересно, что въ описаніяхъ войнъ противъ филистимлянъ упоминается также объ египетскомъ копьеносцѣ, котораго убиваетъ одинъ изъ воиновъ Давида. Отсюда можно было бы заключить, что на сторонѣ филистимлянъ были и египетскія войска. Но, вѣроятнѣе всего, это были лишь отдѣльные египетскіе ратники; врядъ ли можно допустить оффиціальное участіе войскъ фараона.

[3]) Подъ такъ называемыми „Крети“ (כרתי) и „Плети“ (פלתי) надо подразумѣвать, очевидно, критянъ и филистимлянъ. См. 2 Сам. 8, 18, 1 Цар. 1, 38.

бой. Благодаря дѣятельности Давида, голосъ Израиля сталъ на нѣкоторое время рѣшающимъ среди народовъ передней Азіи, жившихъ по эту сторону Евфрата. Неудивительно поэтому, что Давида Израиль считаетъ величайшимъ изъ своихъ царей, и что его имя является для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній наивысшимъ воплощеніемъ великолѣпія и славы, о которыхъ только могъ мечтать Израиль. Давидъ былъ и остается въ исторіи Израиля величайшимъ и любимѣйшимъ героемъ послѣ Моисея.

Правда, колѣна Израиля давно сознавали, что они члены одной націи, и это сознаніе иногда приводило къ временному ихъ объединенію, какъ то было, напримѣръ, въ эпоху Деборы. Но до эпохи Давида не было въ народѣ достаточно силы, чтобы укрѣпить это единство. Въ особенности чувствовался недостатокъ въ какомъ-либо общемъ національномъ центрѣ, въ которомъ сосредоточивалась бы политическая и религіозная жизнь народа. Со времени пріобрѣтенія независимости это отсутствіе центра стало ощущаться еще острѣе. Только съ созданіемъ его могла закрѣпиться свобода, завоеванная мечомъ, и претворено въ живую дѣйствительность народное единство. Саулъ съ непостижимой недальновидностью почти ничего не сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Утраченную и затѣмъ вновь отвоеванную національную святыню (ковчегъ Іагве) онъ оставилъ въ забвеніи въ далеко заброшенномъ уголкѣ израильской страны, а свою царскую резиденцію онъ устроилъ въ Гибеа, въ своемъ родномъ городѣ, тамъ же, гдѣ онъ раньше жилъ поселяниномъ. Этотъ маленькій городокъ не имѣлъ ни прошедшаго, ни будущаго, и это еще разъ указываетъ, какъ мало понималъ Саулъ назначеніе царя. Давидъ былъ дальновиднѣе Саула. Саулъ былъ храбрымъ воиномъ, но, вложивъ мечъ въ ножны, онъ вновь возвращался къ своимъ стадамъ въ Гибеа. Давидъ былъ прирожденнымъ властелиномъ: онъ понялъ, что необходимо создать центръ, куда бы устремлялась вся религіозная и народная жизнь страны, который служилъ бы средоточіемъ и опорнымъ пунктомъ народной силы; онъ понялъ, что народъ, желающій сохранить свое единство и независимость, долженъ имѣть достойную его столицу.

Какъ только были закончены первыя войны съ филистимлянами, Давидъ приступаетъ къ осуществленію этой цѣли. Выборъ, который былъ сдѣланъ имъ, свидѣтельствуетъ о его геніи. Хевронъ, лежащій на югѣ страны и въ то же время старинная столица его колѣна, не могъ стать ни по своему географическому положенію, ни по своей принадлежности къ одному опредѣленному колѣну, столицей новаго царства. Резиденція Саула, Гибеа, была неподходящей по тѣмъ же причинамъ, а также по своему стратегическому положенію. И ни одинъ городъ не соотвѣтствовалъ въ такой мѣрѣ тому, чего искалъ Давидъ, какъ Іерусалимъ, крѣпость іебуситовъ. Іерусалимъ, благодаря своему естественному положенію, былъ почти неприступной крѣпостью для осадныхъ орудій того времени, однимъ изъ главныхъ стратегическихъ пунктовъ страны. Упорное сопротивленіе, которое не разъ оказывалъ Іерусалимъ наиболѣе могущественнымъ и воинственнымъ народамъ

различныхъ эпохъ, ассирійцамъ, вавилонянамъ, римлянамъ, является лучшимъ доказательствомъ его значенія, какъ естественной крѣпости. Находясь на скрещеніи дорогъ, ведущихъ отъ Средиземнаго моря на востокъ и изъ Сиріи въ Египетъ, онъ является центромъ для торговыхъ сношеній Палестины. Будучи ханаанейскимъ городомъ, Іерусалимъ не могъ вызывать среди колѣнъ никакого соревнованія, но въ то же время онъ былъ расположенъ достаточно близко къ родинѣ Давида, чтобы обезпечить ему столь необходимую связь съ колѣномъ Іуды. Избраніе Давидомъ Іерусалима [1]) столицей Израильскаго царства является поэтому актомъ, чреватымъ неисчислимыми послѣдствіями. Трудно сказать, что́ стало бы съ Израилемъ и съ трономъ Давида въ столѣтія, послѣдовавшія за смертью Соломона, если бы имъ не принадлежалъ Іерусалимъ. Каждому сколько-нибудь знакомому съ исторіей извѣстно, какая роль принадлежитъ Іерусалиму въ судьбахъ Израиля до и послѣ изгнанія его изъ Палестины: его судьба служитъ показателемъ состоянія народа, дважды его паденіе знаменуетъ собою разгромъ народа. Счастливая освободительная война съ филистимлянами и избраніе Іерусалима столицей страны—вотъ два драгоцѣнныхъ камня, которыми Давидъ украсилъ свой царскій вѣнецъ.

Іерусалимъ былъ послѣднимъ пунктомъ большой области, обнимавшей также Гибеонъ, Бееротъ, Киріатъ-Іеаримъ и Гаккефиру и остававшейся во власти ханаанеянъ еще долгое время послѣ эпохи завоеванія. Полоса эта нѣкогда врѣзывалась клиномъ во владѣнія Израиля, но постепенно чужеземная область стала сливаться съ областью Іуды мирнымъ путемъ, а Саулъ для ускоренія сліянія прибѣгнулъ даже къ вооруженной силѣ. Послѣднія войны съ филистимлянами, которыхъ ханаанеяне, очевидно, неизмѣнно поддерживали, вновь ухудшили положеніе этого послѣдняго ханаанейскаго оплота. Но Іерусалимъ съ его скалистой крѣпостью, Сіономъ [2]), упорно противостоялъ всѣмъ нападеніямъ. Населеніе его состояло изъ небольшого ханаанейскаго народца, называемаго іебуситами. Подъ ихъ владычествомъ городъ носилъ, повидимому, названіе Іебуса.

Попытка Давида присоединить мирнымъ путемъ Іерусалимъ и подчинить іебуситовъ Израилю не удалась. Крѣпость Сіона представлялась іебуситамъ до такой степени неприступной, что, по ихъ словамъ, даже

---

[1]) Значеніе этого имени неясно. До сихъ поръ предполагали, что старинное названіе его было Іебусъ, и что имя Іерусалимъ дано было ему Давидомъ или народомъ израильскимъ. Это предположеніе, однако, опровергается тѣмъ фактомъ, что уже въ таблицахъ эль-Амарны Іерусалимъ называется „Уру-шалимъ". Отсюда можно заключить, что израильтяне лишь вернули городу наименованіе, издревле ему принадлежавшее.

[2]) Іерусалимъ расположенъ на двухъ холмахъ: восточномъ, высота котораго= 740 м., и западномъ, который на 40 метровъ выше. Долгое время господствовало мнѣніе, что Сіономъ былъ западный холмъ, какъ наиболѣе высокій; но теперь общепризнано, что для постройки крѣпости выборъ Давида долженъ былъ остановиться, именно, на болѣе низкомъ, восточномъ холмѣ, спускающемся къ долинѣ Кидрона, хотя бы уже потому, что здѣсь имѣется источникъ Гихонъ.

„слѣпые и хромые могутъ защищать ее“ [1]). Давида, однако, не смущаютъ ихъ насмѣшливыя слова, онъ нападаетъ на городъ и беретъ штурмомъ ихъ крѣпость. Перестроивъ, приспособивъ ее для своихъ цѣлей, онъ называетъ ее עיר דוד—„Городомъ Давида“ [2]).

Тирскій царь, которому важно было заручиться дружбой могущественнаго сосѣда, присылаетъ кедровыя деревья и мастеровъ для постройки. Съ жителями города, какъ позже съ филистимлянами, Давидъ не поступаетъ по военнымъ обычаямъ того времени, но щадитъ ихъ, и еще въ разсказѣ, относящемся къ концу его царствованія, говорится о іебуситѣ, живущемъ въ Іерусалимѣ среди израильтянъ (2 Сам. 24, 18). Завоеваніе Давидомъ Іерусалима и превращеніе его въ столицу страны имѣетъ еще и другое значеніе. Въ царской резиденціи и столицѣ страны должна находиться главная святыня народа. Религія была въ Израилѣ всенародной, и все, что касалось всего народа, должно было носить религіозный характеръ. Столица Израиля, средоточіе народной жизни, чтобы выполнить свое назначеніе, должна была сдѣлаться также и центромъ религіозной жизни. Чтобы поднять Іерусалимъ на ту высоту, на которую онъ долженъ былъ стать, и которой онъ дѣйствительно достигъ, Давидъ долженъ былъ сдѣлать его центральнымъ мѣстомъ почитанія Іагве. И Давидъ это понялъ.

Ковчегъ Іагве, древняя святыня временъ Моисея, съ того несчастнаго дня, когда онъ попалъ въ руки враговъ, былъ уже почти забытъ. Правда, филистимляне, испытывая передъ ковчегомъ священный трепетъ, вернули его обратно. Но ни Саулъ, ни жрецы Ноба, смѣнившіе жрецовъ Шило, никто во Израилѣ не принялъ его. Быть можетъ, ковчегъ казался оскверненнымъ руками враговъ, возможно также, что неудача въ битвѣ при Афекѣ, которую ковчегъ не сумѣлъ предотвратить, поколебала вѣру въ его чудесную силу.

Но не такъ думалъ Давидъ. Его не испугалъ суевѣрный страхъ Саула и его современниковъ. Ковчегъ былъ для Давида тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, и въ чемъ Давидъ нуждался, т.-е. древней святыней Израиля, которая въ пустынѣ свидѣтельствовала присутствіе Іагве среди израильтянъ, а теперь вызывала великія воспоминанія. Давидъ не могъ дать лучшаго освященія своей новой столицѣ, какъ перенесши въ нее святыню временъ Моисея. То обстоятельство, что святыня первоначально и, вѣроятно, въ теченіе долгаго времени находилась въ колѣнѣ Іосифа, могло быть для Давида только лишнимъ поводомъ возстановить ея былое значеніе. Для него было очень важно привлечь къ себѣ и къ Іерусалиму, именно, сѣверныя колѣна, и ничто не могло

---

1) Отвѣтъ Давида на ихъ самонадѣянныя слова (2 Сам. 5, 8) въ его теперешнемъ чтеніи намъ непонятенъ. Вѣроятно, онъ заключалъ въ себѣ какую-либо остроту, имѣвшую цѣлью поднять духъ осаждавшихъ, когда дѣло дошло до штурма.

2) Сообщеніе библіи, гласящее, что „онъ выстроилъ городъ кругомъ, начиная отъ Милло (מלוא) внутрь“ (5, 9) для насъ неясно, такъ какъ мы не знаемъ, что слѣдуетъ понимать подъ Милло. LXX переводитъ его ἄκρα, что указываетъ на какое-то укрѣпленіе, но находилось ли оно въ связи со стѣной или было расположено внѣ ея—неизвѣстно.

такъ облегчить его задачу, какъ перенесеніе ковчега на Сіонъ. Если, съ одной стороны, Давидъ поступаетъ, какъ сынъ колѣна Іуды, и при общемъ сочувствіи своихъ, въ значительной части еще кочевыхъ соплеменниковъ, воздаетъ честь реликвіи кочевой эпохи, то, съ другой стороны, онъ дѣйствуетъ, какъ царь и представитель и той части народа, которая живетъ въ горахъ Эфраима.

При участіи всего народа съ большимъ торжествомъ [1]) переносятъ ковчегъ изъ Баалатъ-Іегуды, гдѣ онъ находился въ домѣ частнаго человѣка. Съ торжествомъ, при звукахъ литавръ сопровождаетъ народъ ковчегъ Іагве на Сіонъ. Самъ Давидъ, въ бѣлой полотняной одеждѣ жреца, приплясывая, идетъ во главѣ, въ качествѣ высшаго жреца Іагве [2]). Такимъ образомъ, Іерусалимъ становится обиталищемъ Іагве и святымъ городомъ, еще раньше, чѣмъ въ немъ воздвигается храмъ Соломоновъ. Въ какомъ мѣстѣ на Сіонѣ поставилъ Давидъ ковчегъ, мы не знаемъ; мы знаемъ только, что его перевозятъ въ крѣпость Давида. Но такъ какъ эта послѣдняя была расположена на южномъ склонѣ Сіона, къ югу отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи были выстроены дворецъ и храмъ Соломона, то мы должны предположить, что и ковчегъ былъ поставленъ на Сіонѣ; такимъ образомъ, жертвенникъ, сооруженный при ковчегѣ, стоялъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи былъ воздвигнутъ жертвенникъ храма. Согласно библейскому повѣствованію, особыя событія указали Давиду впослѣдствіи на новое мѣсто, предназначенное для будущаго храмового жертвенника, при чемъ весьма возможно, что тамъ раньше стоялъ жертвенникъ іебуситовъ. Можетъ показаться удивительнымъ, что Давидъ не построилъ храма для ковчега. Разъ онъ перенесъ его въ свою столицу, въ свой дворецъ, онъ долженъ былъ подумать о созданіи достойнаго обиталища для Іагве. Если Давидъ этого не дѣлаетъ, то особыя причины и соображенія должны были руководить имъ. Если при этомъ считать достовѣрнымъ, что ковчегъ уже въ Шило, хотя и короткое время, имѣлъ свой особый храмъ, какъ это видно изъ исторіи Самуила, то мы должны предположить, что какой-либо оракулъ, въ основѣ котораго лежали старыя вѣрованія Іуды, могъ удержать Давида отъ постройки храма. Религіозныя воззрѣнія колѣна Іуды, болѣе близкія къ завѣтамъ кочевой эпохи, могли, естественно, идти въ разрѣзъ съ намѣреніемъ Давида соорудить храмъ въ честь бога пустыни.

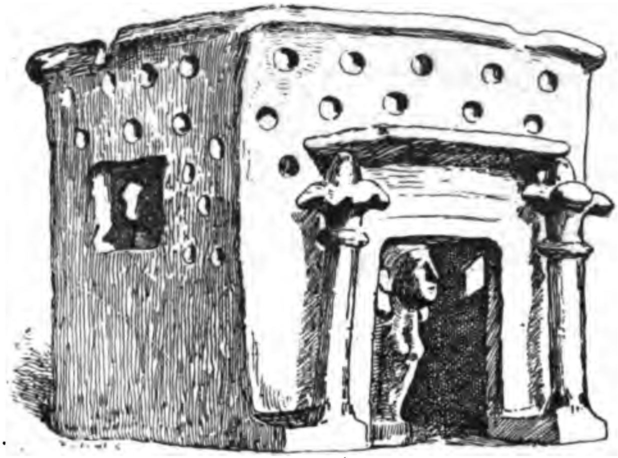
Однако, въ связи съ сообщеніемъ объ устроенной Давидомъ для ковчега палаткѣ, библейскій лѣтописецъ разсказываетъ о намѣреніи Давида воздвигнуть Іагве храмъ на Сіонѣ, а книга Хроникъ даже подробно разсказываетъ о многочисленныхъ работахъ, предпринятыхъ имъ съ этой цѣлью. Но изъ достовѣрныхъ преданій мы узнаемъ лишь, что Давидъ на мѣстѣ гумна іебусита Аравны воздвигаетъ алтарь Іагве. Это

---

[1]) Встрѣчающаяся въ главѣ 6, 1 цифра 30.000 участниковъ процессіи есть обычное преувеличеніе легенды. Легко понятны также всѣ чудеса, которыми легенда разукрасила это событіе.

[2]) На Давидѣ надѣтъ полотняный эфодъ—обычная жреческая одежда (см. ниже, гл. XIV).

и есть то мѣсто, гдѣ впослѣдствіи былъ воздвигнутъ храмъ на вершинѣ Сіонскаго холма. На самомъ дѣлѣ, это было единственное мѣсто достойное такой святыни, и можно, конечно, считать этотъ шагъ подготовкой къ построенію храма. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что Давидъ уже имѣлъ мысль о сооруженіи въ будущемъ на этомъ мѣстѣ храма.

Финикійскій „божій домъ" изъ глины.

Развалины Раббатъ-Аммона.

3. Войны и войско Давида. Отношеніе Давида къ дому Саула.

Давиду не было суждено мирно наслаждаться плодами своихъ завоеваній. Впрочемъ, иначе и не могло быть, и самъ Давидъ не могъ желать мира. Если Израиль хотѣлъ занять господствующее положеніе въ Сиріи, обезопасить свои границы и оградить себя отъ непрекращавшихся доселѣ покушеній на его самостоятельность, то онъ долженъ былъ побѣдить и всѣхъ остальныхъ сосѣдей. Военныя дѣйствія возобновились, прежде всего, противъ аммонитянъ. Этотъ народъ, со времени Саула считавшійся, по крайней мѣрѣ, номинально, подвластнымъ Израилю, постепенно все болѣе и болѣе отвоевывалъ себѣ независимость. Къ аммонитянамъ вскорѣ присоединились различные арамейскіе народы, такъ, что побѣдивъ ихъ, Давидъ сталъ властелиномъ надъ всей областью, примыкавшей съ востока и съ сѣвера къ царству Израильскому.

Царь аммонитянъ, Ханунъ бенъ-Нахашъ, къ которому Давидъ, по обычаю того времени, отправилъ посольство для выраженія его сочувствія по случаю смерти отца его, оскорбляетъ пословъ Давида. Дружба между Давидомъ и царемъ аммонитскимъ, давнишнимъ противникомъ Саула, могла завязаться еще въ періодѣ преслѣдованій Давида Сауломъ, а въ царствованіе Ишбаала Давидъ, несомнѣнно, старался ее поддерживать. Поэтому, поведеніе Хануна можетъ показаться намъ непонятнымъ, если не допустить, что сосѣди Давида также искали повода вступить съ нимъ въ борьбу: они имѣли много основаній смотрѣть подозрительно на возраставшее могущество Да-

вида и бояться за свою собственную безопасность. Кромѣ того, Ишбаалъ сохранялъ самостоятельность, по всей вѣроятности, только цѣною уплаты дани своимъ восточнымъ сосѣдямъ; но, съ воцареніемъ Давида, уплата дани была прекращена. Аммонитяне и моабитяне должны были, такимъ образомъ, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы укрѣпить свое положеніе и, если бы не хватило собственныхъ силъ, искать чужой помощи. Царь аммонитянъ первый бросаетъ вызовъ и открываетъ враждебныя дѣйствія; моабитяне, вѣроятно, послѣдовали за нимъ.

Къ аммонитянамъ тотчасъ присоединяются арамеяне изъ Цобы, Бетъ-Рехоба и Маахи. Городъ Абель бетъ-Мааха расположенъ у подножія Хермона, близъ истоковъ Іордана: такимъ образомъ, это область, лежащая къ югу отъ Хермона; Цоба же, по всей вѣроятности, то же, что Субитъ, названный такъ Ассурбанипаломъ, и расположенный вблизи отъ владѣній аммонитянъ, гдѣ-нибудь между Бетъ-Рехобомъ и Маахой. Повидимому, составляется коалиція восточныхъ и сѣверо-восточныхъ сосѣдей Израиля, поставившая себѣ цѣлью сломить то грозное могущество, которое пріобрѣлъ Израиль при Давидѣ.

Іоабъ, полководецъ Давида, выступаетъ въ походъ. Когда онъ подошелъ къ владѣніямъ аммонитянъ, враги уже успѣли соединиться. Они застигаютъ его врасплохъ и угрожаютъ ему съ двухъ сторонъ: аммонитяне, выступивъ изъ своей столицы, нападаютъ на него въ открытомъ бою, а союзники ихъ стараются напасть на него съ тыла. Одинъ быстрый маневръ во время сраженія спасаетъ Іоаба изъ критическаго положенія. Поручивъ своему брату, Абишаю, держаться съ одной половиной войска противъ аммонитянъ, онъ съ другой частью бросается на наступающихъ съ тылу арамеянъ и отбрасываетъ ихъ. Тѣмъ временемъ Абишаю удается внести замѣшательство въ ряды аммонитянъ, и они бѣгутъ въ свой городъ.

Эта побѣда еще не рѣшаетъ судьбы столицы аммонитянъ, Раббатъ-Аммона; наступаетъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ слѣдующемъ году снова появляются арамеяне и задерживаютъ завоеваніе Раббатъ-Аммона. Во главѣ арамеянъ стоитъ Шобахъ, полководецъ Гададэзера, царствовавшаго надъ обширною областью Цоба и созвавшаго теперь своихъ вассаловъ отовсюду вплоть до Евфрата. Самъ Давидъ идетъ въ походъ и разбиваетъ арамеянъ въ рѣшительномъ сраженіи. По всей вѣроятности, часть вассаловъ Гададэзера становится данниками Давида. Но и самъ Гададэзеръ такъ ослабленъ, что не можетъ оказать помощи своимъ сосѣдямъ, аммонитянамъ. На слѣдующій годъ, третій со времени открытія военныхъ дѣйствій, Іоабу удается сломить сопротивленіе Раббатъ-Аммона. Онъ овладѣваетъ частью города, расположенной у рѣки (такъ называемымъ „Водянымъ городомъ“), а Давидъ самъ довершаетъ его покореніе. Онъ захватываетъ богатую добычу, между прочимъ корону аммонитскаго бога Милькома вѣсомъ въ талантъ золота и богато украшенную драгоцѣнными камнями; на населеніе города, уведенное въ плѣнъ, возлагаются принудительныя работы, вѣроятно, при предпринятыхъ Давидомъ сооруженіяхъ. Несомнѣнно, что къ этому моменту моабитяне уже были раз-

биты и понесли суровую кару. Но весьма сомнительно, чтобы аммонитяне были надолго покорены; во всякомъ случаѣ, въ эпоху послѣ Давида страна ихъ болѣе не принадлежитъ Израилю. Тѣмъ не менѣе, на время эти разбойничьи племена на востокѣ, столь часто угрожавшія Израилю, вынуждены были присмирѣть, и такимъ образомъ съ востока царство Давида было обезпечено отъ нападеній вплоть до самой пустыни.

Что касается сѣвера и сѣверо-востока, то тутъ Давиду предстояла новая и, быть можетъ, еще болѣе тяжелая борьба. Хотя Давидъ разбилъ на-голову полководца Гададэзера и подчинилъ себѣ его вассаловъ въ Хауранѣ и въ области, примыкавшей къ Евфрату, самъ Гададэзеръ, царь Цобы и недавній союзникъ аммонитянъ, не хотѣлъ такъ легко уступить свое преобладаніе въ Сиріи. Такъ какъ его полководецъ палъ, то онъ самъ становится во главѣ войска, чтобы вернуть себѣ свое утраченное положеніе на Евфратѣ, т.-е. въ сѣверо-восточномъ Арамѣ, и наказать отпавшихъ отъ него вассаловъ. Давидъ разбиваетъ его наголову, и когда на помощь Гададэзеру подходятъ дамасскіе сирійцы, Давидъ наноситъ пораженіе и имъ. Дамаскъ дѣлается данникомъ Израиля, и Давидъ посылаетъ туда своихъ намѣстниковъ. Теперь владычество Давида на сѣверѣ простирается до Ливана и Хермона, а на сѣверо-востокѣ, захватывая Дамаскъ, оно доходитъ до Евфрата. Нѣкоторые сосѣдніе цари даже ищутъ его дружбы, какъ, напримѣръ, Той, царь Хамата въ области Цоба, враждовавшій съ Гададэзеромъ и потому привѣтствовавшій побѣду Давида, а также и Талмай, царь Гешура—области, расположенной у Хермона къ востоку отъ Генисаретскаго озера. Его дочь была одной изъ женъ Давида.

Еще болѣе, чѣмъ эти сосѣди, должны были искать дружбы съ Давидомъ финикіяне, такъ какъ для ихъ торговли имѣло большое значеніе существованіе могущественнаго и хорошо управляемаго государства въ Палестинѣ. Ихъ царь заключаетъ съ Давидомъ дружественный союзъ, который сохранилъ свою силу и при Соломонѣ [1]).

Послѣ этихъ побѣдъ Давидъ могъ еще ждать нападеній только съ юга и юго-востока. Въ былыя времена немало безпокойствъ доставляли Израилю амалекитяне, эдомитяне и моабитяне. Ихъ Давидъ побѣдилъ, отчасти во время борьбы съ аммонитянами и арамеянами, отчасти впослѣдствіи. Амалекитяне, съ которыми Израилю пришлось въ свое время такъ много бороться, теперь совершенно исчезаютъ изъ исторіи: это воинственное, жадное на добычу племя бедуиновъ было, повидимому, совершенно сокрушено Давидомъ. Послѣ кроваваго сраженія въ Соляной Долинѣ терпятъ полное пораженіе эдомитяне, и ихъ страна становится подъ управленіе намѣстниковъ Давида. Эта побѣда отдаетъ Давиду гавани Эціонгеберъ и Элатъ и открываетъ Израилю доступъ къ Красному морю.

---

[1]) Библія называетъ этого финикійскаго царя Хирамомъ Тирскимъ. Однако то, должно быть, ошибка. Такъ какъ Хирамъ былъ современникомъ Соломона, то, вѣроятно, союзникомъ Давида былъ отецъ Хирама, Абибаалъ.

Такимъ образомъ, царство Давида простирается теперь отъ Краснаго моря до Ливана, а если присоединить сюда области, платящія дань, то, захватывая и Дамаскъ, оно доходитъ вплоть до Евфрата. Теперь Израиль—первенствующая сила въ Сиріи; онъ такъ могущественъ, что никто ие рѣшается бороться съ нимъ. Послѣ Давида больше всѣхъ способствовалъ этимъ успѣхамъ его полководецъ Іоабъ, особенно въ позднѣйшее время, когда Давидъ уже пересталъ принимать личное участіе въ походахъ. Съ начала до конца онъ оставался вѣрнымъ и преданнымъ слугою Давида, готовымъ даже на преступленія ради него, и непоколебимо прошелъ черезъ всѣ бури и превратности судьбы. Онъ является самымъ выдающимся изъ приближенныхъ Давида, проницательнымъ и мудрымъ совѣтчикомъ, выше всего ставившимъ благо династіи, воиномъ, острому мечу котораго никогда не измѣняло счастье, и передъ которымъ дрожали враги Израиля. Но въ то же время это былъ человѣкъ съ грубой деспотической натурой, не останавливавшійся ни передъ какимъ вѣроломствомъ, не брезгавшій никакими средствами.

Относительно прочности достигнутыхъ Давидомъ успѣховъ не слѣдуетъ, впрочемъ, создавать никакихъ иллюзій. Давидъ могъ создать свое могущество лишь благодаря тому, что ему не пришлось имѣть серьезныхъ столкновеній съ Ассиріей и Египтомъ. Благодаря необыкновенно счастливому стеченію обстоятельствъ, при которомъ только и могутъ совершаться великія событія въ исторіи человѣчества, въ моментъ образованія Израильскаго царства эти оба могущественныхъ сосѣднихъ государства, заинтересованныя въ судьбѣ Ханаана, переживали періодъ упадка, вслѣдствіе чего они не могли заявить энергичнаго протеста противъ того, что совершалось въ Палестинѣ [1].

Вынужденный вести войны со всѣми сосѣдями, Давидъ долженъ былъ, прежде всего, создать хорошо организованное и обученное войско. Главную основу его войска, родъ гвардіи, на которую онъ могъ вполнѣ положиться, образовали тѣ 600 человѣкъ, которые нѣкогда, въ дни его бѣгства отъ Саула, собрались вокругъ него и сохранили вѣрность ему во все время его преслѣдованія. Когда Давидъ сталъ царемъ, они, конечно, остались при немъ въ качествѣ его тѣлохранителей. Но такъ какъ вслѣдствіе частыхъ войнъ ряды этой дружины постоянно рѣдѣли, то на мѣсто выбывавшихъ Давидъ сталъ набирать иноземцевъ, особенно филистимлянъ и родственныхъ имъ критскихъ наемниковъ. Поэтому и весь этотъ отрядъ скоро получаетъ названіе: „критяне и филистимляне“ [2]). Ихъ предводителемъ былъ Бенаія бенъ Іояда изъ Кабцеэля въ Негебѣ, израильтянинъ, но житель пограничной области.

Аналогичное, но не одинаковое съ этой гвардіей положеніе занимаетъ другой отрядъ: גברים—„богатыри“. Они представляютъ маленькую группу избранныхъ воиновъ, стоящихъ къ Давиду въ особенно

---

[1]) По отношенію къ приморскимъ городамъ Давидъ, вѣроятно, проявлялъ нѣкоторую осторожность. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы безъ нужды не раздражать Египта.

[2]) Такъ надо понимать обычное для этого войска названіе: כרתי ופלתי „Крети и Плети“ (ср. примѣч. 3 на стр. 270).

близкихъ, личныхъ отношеніяхъ; ихъ тридцать испытанныхъ витязей, во главѣ которыхъ стоятъ такъ называемые „трое"—три начальника. Конечно, во время войны на ихъ долю выпадаютъ особыя задачи. Давидъ, повидимому, создаетъ постепенно и другіе кадры войска. Во всякомъ случаѣ, однажды упоминается объ отрядѣ въ 600 человѣкъ, не имѣющемъ ничего общаго съ „критянами и филистимлянами" [1]).

Какое бы значеніе ни имѣли для Давида эти отряды, для большихъ походовъ ихъ было недостаточно. Какъ и прежде, когда угрожалъ врагъ извнѣ, весь Израиль [2]) становился подъ оружіе. Всѣ, кто былъ способенъ носить оружіе, шли въ народное ополченіе. Чѣмъ тѣснѣе была связь между израильскими племенами, тѣмъ многочисленнѣе было войско; чѣмъ меньше племенъ было объединено, тѣмъ меньше воиновъ являлось подъ знамена. Поэтому, чѣмъ менѣе опасность грозила какому-нибудь племени, тѣмъ неохотнѣе оно отзывалось на призывъ вождей. Но и при этомъ порядкѣ Давидъ не былъ обезпеченъ надежнымъ войскомъ. Чтобы не потерять могущества, нужно было всегда держать наготовѣ мечъ. Давидъ сознаетъ, что и въ мирное время нужна постоянная крѣпкая военная организація Израиля, дабы во время войны ни одно племя не могло уклониться отъ исполненія долга. Съ этой цѣлью полководецъ Іоабъ производитъ народную перепись, которая должна установить число способныхъ носить оружіе и послужить основаніемъ для предполагаемой организаціи. Но дѣло не было доведено до конца, вслѣдствіе суевѣрія Давида. Вскорѣ послѣ переписи Израиля постигаетъ эпидемія, уносящая огромное число жертвъ. Давидъ видитъ въ этомъ десницу Іагве, карающую его за исчисленіе народа. Всякія народныя переписи встрѣчаются и въ настоящее время крайне недружелюбно населеніемъ Сиріи, прежде всего потому, что народъ ждетъ послѣ нихъ обложенія новыми податями. Но кромѣ того, перепись нерѣдко внушаетъ ужасъ и сама по себѣ, потому что ее считаютъ преступленіемъ [3]).

Въ заключеніе, не касаясь пока чисто семейныхъ дѣлъ Давида, отмѣтимъ два эпизода, опредѣляющіе отношеніе его къ немногимъ еще оставшимся въ живыхъ членамъ семьи Саула.

Давидъ, объединивъ подъ своею властью все царство Саула и укрѣпившись въ Сіонѣ, нашелъ возможнымъ оказать милость оставшимся еще въ живыхъ потомкамъ Саула. Онъ это дѣлаетъ въ память дружбы, которая связывала его съ сыномъ Саула, Іонатаномъ. Онъ узнаетъ, что живъ еще сынъ Іонатана, Мерибаалъ. Калѣка съ малыхъ лѣтъ, Мерибаалъ жилъ въ тиши въ Лодебарѣ, повидимому, опасаясь мести Давида. Давидъ велитъ привести его къ себѣ и жалуетъ ему

---

[1]) Ими командуетъ Иттай изъ Гата. Интересно отмѣтить, что это—тоже чужеземный вождь (II кн. Сам. 15, 18).

[2]) Ср. обычное въ Библіи словоупотребленіе „народъ" или „мужи Израильскіе" въ смыслѣ войска.

[3]) Арабы и феллахи Сиріи не отвѣчаютъ на разспросы объ ихъ семейномъ положеніи. Такіе вопросы считаются кощунствомъ: семья—даръ Бога, и человѣкъ не долженъ считать его даровъ и милостей.

земли, принадлежавшія ранѣе его дѣду, Саулу, и отобранныя потомъ Давидомъ. По желанію Давида, Мерибаалъ поселяется въ Іерусалимѣ, а управленіе имѣніемъ Саула въ Гибеа Давидъ передаетъ старому слугѣ Саула, Цибѣ.

Если Давидъ въ этомъ случаѣ проявилъ великодушіе, котораго, по нравамъ того времени, никто отъ него не могъ ожидать, то въ другомъ случаѣ онъ не оказалъ потомкамъ Саула никакой пощады. Рѣчь идетъ о кровавой мести гибеонитянъ. „Саулъ въ своемъ рвеніи къ Израилю" совершилъ расправу надъ хананейскимъ городомъ Гибеономъ, который, на основаніи стараго договора, пользовался исключительными правами. Надо думать, что Саулъ хотѣлъ принудить гибеонитянъ слиться съ израильтянами, а такъ какъ они, опираясь на писанный договоръ, сопротивлялись этому, то онъ напалъ на Гибеонъ и безпощадно истребилъ часть хананейскаго населенія. Повидимому, той же судьбѣ подвергся сосѣдній городъ Беероть, и опять-таки надо полагать, что и здѣсь Саулъ нарушилъ старинныя права города. Во время царствованія Давида случилось какъ-то, что въ теченіе трехъ лѣтъ вся страна страдала отъ засухи и голода. Давидъ вопрошаетъ Іагве и получаетъ отвѣтъ, что это—наказаніе за вѣроломное преступленіе Саула по отношенію къ Гибеону, за которое расплачивается теперь домъ царя и Израиль,—ибо царь представляетъ собою весь народъ. Гражданамъ потерпѣвшаго Гибеона царь предоставляетъ назначить жертву искупленія. Они требуютъ кровь за кровь и получаютъ семь мужскихъ потомковъ Саула, которыхъ они и казнили „передъ лицомъ Іагве". Въ числѣ ихъ было два сына Саула отъ его наложницы Рицпы, изъ-за которой нѣкогда произошла ссора между Абнеромъ и Ишбааломъ. При этомъ Давидъ щадитъ сына Іонатана, Мерибаала, ради его братскаго союза съ Іонатаномъ. Съ трогательною материнской любовью, несчастная Рицпа, которую не разъ уже называли израильской Антигоной, охраняетъ своихъ убитыхъ сыновей, отгоняя дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ отъ труповъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, даже мѣсяцевъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, несмотря на палящій зной, страдалица-мать не отходитъ отъ разлагающихся труповъ, пока не наступила осень, и не пошелъ дождь—знакъ того, что гнѣвъ Іагве прошелъ. Теперь можно было предать тѣла землѣ. Давидъ собираетъ кости погибшихъ и велитъ похоронить ихъ въ наслѣдственной гробницѣ Киша въ области Веніамина. Такимъ образомъ, домъ Саула сдѣлался жертвой религіозныхъ вѣрованій того времени [1]).

---

[1]) Чтобы правильно судить о поступкѣ Давида, нужно вспомнить, до какой степени Давидъ, подобно Саулу (I кн. Сам. 14, 38 и сл.), былъ во власти мрачнаго предразсудка, что кровавое преступленіе требуетъ искупительной жертвы. Если оракулъ далъ тотъ отвѣтъ, который приводитъ лѣтописецъ, т.-е. что наступившій голодъ стоитъ въ связи съ преступленіемъ Саула (II кн. Сам. 21,1), то Давидъ **долженъ** былъ—хотѣлъ онъ этого или нѣтъ,—дѣйствовать согласно изреченію оракула. Если бы онъ не искупилъ этого преступленія, оно пало бы на Израиль или на него самого и на его домъ.

Долина Кидрона.

4. Изъ семейной хроники Давида. Абшаломъ.

Надъ врагами Израиля Давидъ одерживалъ одну блестящую побѣду за другой, но свои бурныя страсти онъ не былъ въ состояніи побороть. Но этотъ властелинъ, умѣвшій державно и мудро руководить каждымъ шагомъ своего народа, не имѣлъ достаточно силы, чтобы собственныхъ своихъ сыновей воспитать въ повиновеніи и почтеніи къ себѣ. Пагубные результаты этой слабости не могли не сказаться. Библейское повѣствованіе передаетъ всѣ перипетіи семейныхъ неурядицъ въ домѣ Давида съ полной объективностью и безпристрастіемъ. Называть всю семейную хронику Давида новеллой, какъ это подчасъ дѣлалось, никакъ нельзя [1]). Она, несомнѣнно, не вымышлена и не предназначалась служить предметомъ пріятнаго и легкаго чтенія: изложеніе ея слишкомъ серьезно, и тема ея слишкомъ значительна, въ особенности для первыхъ ея читателей, въ памяти которыхъ еще были свѣжи всѣ описываемыя событія. Авторомъ хроники является, несомнѣнно, лицо, приближенное къ Давиду и имѣвшее непосредственное отношеніе ко всему происходившему. Его единственная цѣль—дать своимъ современникамъ и сохранить для послѣдующихъ поколѣній ясную

[1]) Совершенно неосновательнымъ является высказанное Винклеромъ предположеніе, что всѣ эти событія представляютъ собою миѳы. Несмотря на указываемое Винклеромъ сходство Батшебы съ Семирамидой и Роксаной, Тамаръ съ Астартой и Абшалома съ Солнцемъ, мы не находимъ никакихъ опредѣленныхъ миѳологическихъ мотивовъ, вплетенныхъ въ это повѣствованіе. А что касается общей схемы его, то хорошо извѣстно, какъ легко было бы втиснуть въ ту или иную миѳологическую схему даже событіе, разыгрывающееся на нашихъ глазахъ.

и неприкрашенную картину событій, сыгравшихъ такую значительную роль въ судьбѣ царя и народа.

Въ то время какъ Іоабъ съ войскомъ стоитъ передъ Раббатъ-Аммономъ, Давидъ посягаетъ на честь Батшебы, жены одного начальника отряда, участвующаго въ войнѣ. Батшеба дѣлается беременной и сообщаетъ объ этомъ царю. Чтобы освободить себя отъ неизбѣжныхъ послѣдствій такого оборота дѣла, Давидъ велитъ прислать къ себѣ Урію, мужа этой женщины, съ вѣстями о положеніи военныхъ дѣйствій и, выслушавъ его докладъ, приказываетъ ему остаться въ Іерусалимѣ. Но Урія, ссылаясь на долгъ солдата, на самомъ же дѣлѣ, вѣроятно, желая раскрыть правду, отказывается итти домой и провести ночь съ женой и спѣшитъ обратно къ войску. Тогда остается лишь одно средство прикрыть постыдный поступокъ царя. Давидъ даетъ Уріи письмо къ Іоабу, въ которомъ проситъ назначить Урію во время битвы на опасный постъ и оставить его безъ помощи; такимъ путемъ Давидъ желаетъ избавиться отъ Уріи. Этотъ замыселъ удается. Жена Уріи, Батшеба, должнымъ образомъ оплакиваетъ смерть своего мужа и затѣмъ становится женой своего соблазнителя.

Когда у Батшебы рождается сынъ, ни для кого уже больше не остается тайной то, что подозрѣвалъ или о чемъ слышалъ Урія. Пророкъ Натанъ является выразителемъ общественной совѣсти. Онъ въ формѣ притчи, а затѣмъ и открыто, заявляетъ Давиду о приговорѣ Іагве. Давидъ и въ этомъ случаѣ остается великимъ: вмѣсто того, чтобы разгнѣваться на Натана, онъ признаетъ свою вину. Между тѣмъ, новорожденный сынъ его заболѣваетъ и умираетъ черезъ 7 дней. Давидъ долженъ былъ въ смерти ребенка увидѣть ниспосланную ему Іагве кару за грѣхъ; но онъ не можетъ парализовать вліяніе своего дурного примѣра на своихъ уже взрослыхъ сыновей, и печальныя послѣдствія его тяжкаго проступка не замедлили сказаться.

Его старшій сынъ, Амнонъ, воспылалъ страстью къ своей сводной сестрѣ, Тамаръ. При распущенныхъ нравахъ двора онъ не стѣсняется ни въ какихъ средствахъ. Слѣдуя совѣту одного безчестнаго придворнаго льстеца, онъ притворяется больнымъ и, воспользовавшись ея посѣщеніемъ, овладѣваетъ ею. Когда же преступленіе совершено, онъ грубо и безпощадно отталкиваетъ отъ себя обезчещенную дѣвушку, какъ бы подчеркивая этимъ, что имъ владѣла дикая страсть, а не любовь.

Передъ нами словно разыгрывается греческая трагедія рока, когда мы, слѣдя за разсказомъ лѣтописца, видимъ, какъ каждое дурное дѣло въ домѣ Давида неминуемо влечетъ за собою новое зло. Какъ бы слѣдуя какому-то велѣнію судьбы, нагромождается одинъ грѣхъ на другой. Отецъ, не остановившійся передъ открытымъ прелюбодѣяніемъ, старающійся затѣмъ скрыть его притворствомъ и даже кровопролитіемъ, не долженъ удивляться, если его сыновья прибѣгаютъ къ насилію и безчестію и доходятъ затѣмъ до убійства и открытаго возмущенія.

Давидъ не имѣетъ мужества покарать преступленіе своего сына больше, чѣмъ словами упрека. Тогда другой его сынъ, Абшаломъ, родной

братъ Тамаръ, считаетъ своимъ долгомъ заступиться за честь своей сестры. Но надо имѣть въ виду, что онъ не только мститель за поруганную сестру, но также первый, послѣ Амнона, претендентъ на престолъ отца, и это придаетъ особую остроту столкновенію сыновей царя. Онъ готовъ ждать, пока ему не представится удобный случай отомстить Амнону. Два года спустя Абшаломъ приглашаетъ царскій дворъ на праздникъ стрижки овецъ въ свое имѣніе, Баалъ-Хацоръ. Амнонъ съ братьями пріѣзжаютъ къ Абшалому, и здѣсь-то во время трапезы слуги Абшалома неожиданно убиваютъ Амнона. Остальные бѣгутъ домой, а Абшаломъ спѣшитъ въ Гешуръ къ своему дѣду Талмаю. Три года онъ проводитъ здѣсь въ ссылкѣ, пока ему не удается, при помощи хитрости Іоаба, смягчить гнѣвъ царя. Онъ получаетъ разрѣшеніе вернуться въ Іерусалимъ, но еще въ теченіе двухъ лѣтъ ему запрещается показываться на глаза царя. Наконецъ, ему удается, при посредствѣ того же Іоаба, получить отъ отца полное помилованіе.

Но не на благо свое помиловалъ его Давидъ. Къ обычной самонадѣянности и честолюбію Абшалома теперь присоединяется жажда мести за несправедливость, которая, какъ онъ полагалъ, или какъ хотѣлъ увѣрить себя, была ему оказана. Получивъ право на наслѣдованіе престола, онъ пользуется своимъ положеніемъ, чтобы отвоевать у старѣющаго царя любовь народа, и, не довольствуясь открывшейся ему возможностью черезъ нѣкоторое время стать законнымъ преемникомъ отца, лелѣетъ коварный планъ преждевременно устранить его. Четыре года онъ обдумывалъ въ тиши и подготовлялъ этотъ замыселъ, привлекая народъ къ себѣ царской роскошью и милостью и вербуя себѣ участниковъ и друзей для выполненія измѣнническаго плана Подготовившись, онъ поднимаетъ открытое возстаніе противъ ничего не подозрѣвавшаго царя.

Въ изстари священномъ Хебронѣ, бывшей столицѣ, въ которой жило глухое недовольство затмившимъ ее Іерусалимомъ, въ этомъ древнемъ, но оставшемся теперь въ тѣни религіозномъ центрѣ Іуды, хочетъ Абшаломъ, съ согласія царя, устроить жертвенный пиръ. Здѣсь онъ родился и здѣсь выросъ и, быть можетъ, онъ и дѣйствительно чувствуетъ себя ближе къ Іагве древней святыни въ Мамре, нежели къ Іагве, обитающему въ ковчегѣ. Тамъ же онъ оставилъ товарищей юности и самыхъ близкихъ друзей. Съ ихъ помощью и подъ покровительствомъ Іагве онъ болѣе всего надѣется на успѣхъ своего замысла. Одновременно съ его отъѣздомъ въ Хебронъ изъ Іерусалима отправляются гонцы, которые оповѣщаютъ Израиля о предстоящемъ восшествіи на престолъ Абшалома въ Хебронѣ; поддерживаемый іудейскими старѣйшинами, подымаетъ онъ знамя возстанія. Въ скоромъ времени на сторону Абшалома переходитъ значительная часть Израиля.

Извѣстіе о возстаніи Абшалома поразило Давида, какъ громъ изъ яснаго неба, и застигло его совершенно врасплохъ. Повидимому, не въ одной только Іудеѣ, но и во всемъ Израилѣ правленіе Давида вызывало недовольство: кромѣ небольшой горсти преданныхъ воиновъ— среди нихъ было шестьсотъ чужеземныхъ наемниковъ,—во всей области

къ западу отъ Іордана Давидъ въ данный моментъ могъ, повидимому, разсчитывать на помощь лишь очень немногихъ. Одинъ востокъ, въ былое время надежный сторонникъ дома Саула, включая сюда и аммонитянъ, съ которыми Давидъ такъ сурово обошелся, повидимому, сохранилъ вѣрность ему. Даже въ своей столицѣ Давидъ не чувствуетъ себя въ безопасности отъ внезапнаго нападенія Абшалома и рѣшаетъ покинуть ее.

Но и въ этотъ критическій моментъ бурной жизни Давида, царя не покидаютъ мужество и благоразуміе—его постоянные надежные спутники. Оставивъ во дворцѣ свой гаремъ, онъ бѣжитъ черезъ долину Кидрона къ Іордану. За нимъ слѣдуютъ тѣлохранители, его домъ и всѣ, кто остался вѣренъ ему—въ числѣ ихъ жрецы Цадокъ и Абіатаръ съ ковчегомъ Іагве. Давидъ велитъ имъ вернуться въ Іерусалимъ. Онъ живетъ надеждой, что Іагве не покинетъ своего города, и приказываетъ жрецамъ тайно извѣщать его черезъ своихъ сыновей, Іонатана и Ахимааца, что́ происходитъ въ городѣ. Съ той же цѣлью онъ отсылаетъ отъ себя вѣрнаго ему Хушая и велитъ ему выдавать себя за сторонника Абшалома и дѣйствовать противъ мудраго Ахитофела, который перешелъ на сторону Абшалома и являлся душой возстанія, на ряду, быть можетъ, съ Амасой [1]).

Давидъ еще тогда не зналъ, что призывъ Абшалома къ Израилю нашелъ откликъ даже въ домѣ Саула. Еще на Масличной горѣ приходитъ къ нему дворецкій Мерибаала, Циба, съ извѣстіемъ, что его господинъ перешелъ къ Абшалому въ надеждѣ съ его помощью овладѣть трономъ дѣда. Вслѣдъ за тѣмъ Давидъ имѣетъ столкновеніе съ знатнымъ веніаминитомъ Шими, который съ яростью бросаетъ въ лицо Давиду бранныя слова. Это ясно показывало, насколько жива еще была у нѣкоторыхъ непримиримыхъ память о Саулѣ и его домѣ, такъ трагически погибшемъ безъ всякой вины со стороны Давида.

Абшаломъ завладѣлъ покинутой столицей. Онъ присваиваетъ себѣ гаремъ отца и тѣмъ открыто показываетъ народу, что является преемникомъ Давида, что разрывъ окончателенъ, что примиреніе съ отцомъ и выдача ему мятежниковъ невозможны. Онъ отрѣзаетъ себѣ всѣ пути къ отступленію. Однако, чтобы обезпечить себѣ тронъ, Абшалому нужно, прежде всего, устранить Давида. Пока Давидъ не собралъ еще войско, это казалось легко осуществимымъ, такъ какъ къ услугамъ Абшалома были значительныя военныя силы. Такъ совѣтуетъ Ахитофелъ, хорошо понимающій положеніе вещей. Но на свое несчастье Абшаломъ не слѣдуетъ этому совѣту. Изъ тщеславія онъ хочетъ еще выслушать, что скажетъ недавній сторонникъ Давида. Хитрому Хушаю удается обмануть ослѣпленнаго Абшалома, и судьба Абшалома рѣшена. Хушай внушаетъ ему страхъ передъ отчаянно-смѣлымъ отрядомъ Давида и убѣждаетъ его подождать, пока не поднимется на него весь

[1]) Ахитофелъ былъ, по всей вѣроятности, дѣдомъ Батшебы (II кн. Сам. 23, 34 и 11, 3). Въ такомъ случаѣ онъ могъ считать себя мстителемъ за убійство мужа своей внучки. Несомнѣнно, въ народѣ имѣлись самые разнообразные источники недовольства Давидомъ.

весь народъ израильскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хушай даетъ знать Давиду черезъ жрецовъ о рѣшеніи, принятомъ Абшаломомъ.

Теперь Давидъ является господиномъ положенія. Онъ быстро составляетъ планъ дѣйствій: переходитъ Іорданъ, идетъ къ бывшей столицѣ Ишбаала, Маханаиму, и торопится собрать вокругъ себя войско. Естественно, что среди Израиля находятся тысячи людей, которые, услышавъ призывъ Давида къ оружію, повинуются голосу долга и стекаются къ своему старому царю-герою. Старѣйшины Гилеада, Барзилай и Махиръ, и даже покоренный царь аммонитянъ, Шоби, оказываютъ ему большую поддержку. Ореолъ Давида и имя Іоаба и теперь производятъ свое дѣйствіе на народъ.

Тѣмъ временемъ и Абшаломъ переходитъ Іорданъ. Сраженіе происходитъ въ восточной части Іорданской долины. Войско Давида выступаетъ тремя отрядами, подъ командой Іоаба, Абишая и Иттая изъ Гата. Во главѣ войска Абшалома стоитъ Амаса, племянникъ Давида, сынъ измаильтянина Итра и сестры Давида Абигаиль. По настойчивому требованію своихъ сторонниковъ, самъ Давидъ остается въ Маханаимѣ. Въ лѣсистой мѣстности, къ востоку отъ Іордана, происходитъ рѣшительный бой. Хотя Абшаломъ имѣетъ численное превосходство— для лѣтописца его полки представляютъ собою „Израиль"—онъ не можетъ выдержать натиска Давидовыхъ воиновъ. Спасаясь бѣгствомъ, Абшаломъ запутывается волосами въ вѣтвяхъ дуба, а мулъ, бывшій подъ нимъ, убѣгаетъ. Одинъ изъ воиновъ находитъ Абшалома повисшимъ въ вѣтвяхъ и сообщаетъ объ этомъ Іоабу. Яростный воинъ не знаетъ пощады. Онъ не обращаетъ вниманія даже на особый приказъ Давида щадить Абшалома, бранитъ воина за мягкость и вонзаетъ въ тѣло Абшалома три дротика. Затѣмъ онъ велитъ возвѣстить трубнымъ сигналомъ объ окончаніи преслѣдованія. Трупъ Абшалома кидаютъ въ ровъ и забрасываютъ каменьями.

Давидъ въ Маханаимѣ ждетъ исхода боя, сидя у воротъ. Привратникъ видитъ, какъ съ поля сраженія бѣжитъ сначала одинъ воинъ, потомъ другой. Въ первомъ Давидъ узнаетъ Ахимааца, сына Цадока, еще въ Іерусалимѣ оказавшаго ему большія услуги въ качествѣ гонца. Опережая посланнаго Іоабомъ вѣстника, онъ несетъ Давиду вѣсть о побѣдѣ. Но отецъ-царь думаетъ только объ Абшаломѣ и спрашиваетъ о немъ. Ахимаацъ уклоняется отъ отвѣта. Въ это время подбѣгаетъ второй вѣстникъ и, не колеблясь, разсказываетъ о происшедшемъ. Царь потрясенъ. Глубоко огорченный, онъ поднимается въ горницу надъ воротами и изливаетъ свое горе о сынѣ въ громкомъ рыданіи. Долго онъ остается здѣсь, оплакивая Абшалома и не замѣчая, какъ постепенно подходитъ къ воротамъ его побѣдоносное войско. Понятенъ гнѣвъ Іоаба на Давида за его невниманіе къ храбрымъ и вѣрнымъ воинамъ. Только послѣ его рѣзкаго упрека Давидъ приходитъ въ себя и овладѣваетъ своимъ горемъ.

Какъ и надо было ожидать, послѣ того, какъ мечъ рѣшилъ дѣло, проснулась совѣсть народа. Съ раскаяніемъ возвращаются къ Давиду отпавшія племена израильскія, вспоминая, чѣмъ они обязаны

своему царю, а, можетъ быть, и подъ вліяніемъ старинной вражды своей къ Іудѣ. Только Іуда упорно держится въ сторонѣ, и царю стало яснымъ, что заговоръ зародился среди его племени, которое съ тѣхъ поръ, какъ Давидъ сталъ царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, чувствовало себя оттѣсненнымъ на заднiй планъ. Давидъ думаетъ, что нужно, прежде всего, вернуть расположеніе своихъ же соплеменниковъ. Онъ ведетъ переговоры съ старѣйшинами Іуды и даже предлагаетъ Амасѣ занять въ войскѣ мѣсто Іоаба. Такимъ путемъ Давиду удалось, и притомъ безъ большого труда, пробудить въ колѣнѣ іудиномъ заглохшее рвеніе. Одного лишь не предвидѣло дипломатическое искусство Давида, а именно, что антагонизмъ между сѣверомъ и югомъ, который онъ разжегъ, снова раздуетъ пламя возстанія.

Сыны Іуды торжественно сопровождаютъ Давида черезъ Іорданъ. Къ нимъ примыкаетъ упомянутый выше Шими во главѣ тысячи веніаминитовъ. Давидъ великодушно прощаетъ его. Торопится и Циба предложить свои услуги. Скоро появляется и хромой Мерибаалъ, чтобы снять съ себя обвиненія Цибы. Не вполнѣ довѣряя его невиновности, Давидъ велитъ ему и Цибѣ раздѣлить между собой имущество Саула. Въ Гилгалѣ къ Давиду присоединяется остальное войско Израиля, которое съ затаенной злобой отказалось отъ своихъ замысловъ. Но когда разносится вѣсть, что упрямымъ сынамъ Іуды даны первыя мѣста, въ средѣ израильтянъ появляется вполнѣ понятное раздраженіе,—и снова возгорается вражда между сѣверомъ и югомъ.

Первымъ поднимается племя Веніамина. Въ немъ неожиданно пробуждаются надежды, которыя, казалось, навѣки похоронила гибель Абшалома. Шеба бенъ-Бихри изъ колѣна Веніамина вновь призываетъ на борьбу противъ Давида. Повидимому, и теперь подъ знаменемъ возстанія собралась значительная часть Израиля. Но племя Іуды остается вѣрнымъ Давиду и сопровождаетъ его въ Іерусалимъ. Согласно обѣщанію Давида, повести войско Іуды противъ мятежниковъ долженъ былъ полководецъ Амаса. Но не такой былъ человѣкъ Іоабъ, чтобы покорно примириться съ опалой, врядъ ли вполнѣ заслуженной имъ. Такъ какъ Амаса медлитъ, Давидъ посылаетъ Іоаба съ дружиной и отборными воинами противъ Шебы. У Гибеона Іоабъ встрѣчаетъ Амасу, и Амаса, какъ и нѣкогда Абнеръ, падаетъ отъ предательскаго удара Іоаба. Мятежники стягиваются къ сѣверу. Іоабъ преслѣдуетъ ихъ и оттѣсняетъ до крайнихъ границъ Израильскаго царства. Шебѣ удается укрѣпиться въ Абель-бет-Маахѣ, вслѣдствіе чего Іоабъ готовится взять городъ штурмомъ. Но, по его требованію, ему бросаютъ черезъ стѣну голову мятежника Шебы, и тогда Іоабъ снимаетъ осаду, щадя вѣрный городъ.

На этомъ кончается исторія Давида. То, что̀ затѣмъ послѣдовало, врядъ ли творилось его волею. Возможно, что по наступленіи мира онъ еще держалъ нѣкоторое время бразды правленія въ своихъ рукахъ. Но вслѣдъ затѣмъ мы его встрѣчаемъ уже утомленнымъ старцемъ, не властнымъ болѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, превратившимся въ игрушку въ рукахъ придворныхъ и гаремныхъ круговъ, весьма нераз-

борчивыхъ въ цѣляхъ и средствахъ. Историческій Давидъ уже сошелъ со сцены.

Обликъ Давида ярче вырисовывается въ свѣтѣ исторіи, нежели личность Саула. Величіе Израиля и слава Іагве — таковы главные завѣты Давида. Благодаря этому, за нимъ сохранилась на вѣчныя времена благодарность Израиля, благоговѣйная любовь потомства. Даже мрачныя тѣни, которыя легли на этого могучаго человѣка, не могутъ поколебать любви и уваженія къ нему: Давидъ на цѣлую голову выше обычнаго уровня правителей. Даже царей Израиля, бывшихъ послѣ него, а также и своего предшественника Саула онъ значительно превосходитъ величіемъ, силой, искусствомъ побѣждать и править государствомъ, великодушіемъ, мудростью и настойчивостью. Даже въ бурныхъ вспышкахъ страсти и деспотической разнузданности съ нимъ немногіе могутъ сравниться.

Но и въ слабостяхъ Давида величіе его души каждый разъ выступаетъ въ той же красѣ. Изъ деспотической прихоти онъ соблазнилъ Батшебу, коварно умертвилъ Урію. Но въ искреннемъ сознаніи своей вины, онъ съ нелицемѣрнымъ раскаяніемъ преклоняется передъ карающимъ его приговоромъ народа [1]) и бичующимъ словомъ Іагве, сказаннымъ устами пророка. Въ преступленіи Амнона и въ возстаніи Абшалома повинна отцовская слабость Давида; но сердце Давида не перестаетъ страдать и за низко павшаго сына; скорбь Давида-отца такъ благородна, что его слабость понятна и близка намъ и кажется трогательнымъ проявленіемъ сердечной любви отца къ сыну. Наконецъ, Давидъ обладалъ несомнѣннымъ художественнымъ даромъ, и врядъ ли можно отрицать его дѣятельное участіе въ созданіи начатковъ религіозной лирики Израиля.

Большая египетская арфа.

[1]) Ср. особенно II. Сам. 16, 10, гдѣ онъ въ проклятіи Шими слышитъ голосъ Іагве и сознаетъ свою вину.

Ливанскіе кедры.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Соломонъ.

1. Внѣшняя и внутренняя политика.

Послѣдніе дни великаго царя омрачились борьбой изъ-за трона. Согласно библейскому повѣствованію, Давидъ состарился, нуждался въ заботливомъ уходѣ. При дворѣ неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ о его преемникѣ. По праву рожденія, послѣ смерти Абшалома ближайшимъ наслѣдникомъ былъ четвертый сынъ Давида, Адонія. И дѣйствительно, самъ Адонія смотрѣлъ на себя какъ на преемника Давида и даже открыто держалъ себя, какъ наслѣдникъ престола, подобно тому, какъ это нѣкогда дѣлалъ Абшаломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и дворъ, и вліятельная часть населенія видѣли въ немъ будущаго царя. Не возражаетъ противъ этого и Давидъ, нѣжно любившій Адонію, который замѣнилъ ему все еще оплакиваемаго имъ Абшалома.

Однако, стремленія Адоніи не встрѣчали единодушной поддержки при дворѣ. Правда, ему удалось привлечь на свою сторону Іоаба и жреца Абіатара. Но противъ него была Батшеба, которая старалась обезпечить тронъ за своимъ сыномъ Соломономъ Къ ней присоединились жрецъ Цадокъ, пророкъ Натанъ и начальникъ тѣлохранителей Бенаія. Такимъ образомъ, въ послѣдніе дни Давида двѣ придворныя партіи стояли другъ противъ друга.

Однажды у Змѣинаго камня близъ Іерусалима Адонія вмѣстѣ со своими приверженцами устроилъ жертвенный пиръ. У Натана, бывшаго воспитателя Соломона, а теперь, повидимому, духовнаго главы партіи Соломона, возникаетъ опасеніе, какъ бы этотъ пиръ не закончился провозглашеніемъ Адоніи царемъ, какъ нѣкогда при подобныхъ же обстоятельствахъ Абшаломъ въ Хебронѣ захватилъ царскую власть. Надо было дѣйствовать рѣшительно: Батшеба должна сейчасъ же извѣстить царя о томъ, что происходитъ у Змѣинаго камня, напомнить Давиду объ обѣщаніи завѣщать тронъ Соломону и добиться подтвержденія царскаго слова.

Батшеба дѣйствуетъ, какъ ей велятъ. По уговору, вслѣдъ за нею идетъ къ Давиду самъ Натанъ, чтобы придать ея словамъ бóльшую убѣдительность. Онъ увѣряетъ даже, что слышалъ, какъ заговорщики кричали: „да здравствуетъ царь Адонія"! Батшебѣ и Натану удается пробудить въ Давидѣ подозрѣнія къ Адоніи. Царя тревожитъ опасеніе, что ему на склонѣ дней грозитъ опасность лишиться трона и пасть жертвой заговора одного изъ своихъ сыновей. Онъ торжественно объявляетъ Соломона своимъ преемникомъ. По его приказанію, Соломонъ на царскомъ мулѣ ѣдетъ къ Гихону, священному источнику близъ Іерусалима, получаетъ помазаніе отъ Цадока и Натана, провозглашается царемъ и торжественно всходитъ на престолъ. Ликующіе возгласы народа и звуки трубъ доносятся до слуха пирующихъ у Змѣинаго камня. [1]). Не успѣваютъ они разспросить о причинахъ этого торжества, какъ сынъ Абіатара, Іонатанъ, сообщаетъ имъ о случившемся: Соломонъ помазанъ на царство. Адоніи ничего не остается, какъ искать убѣжища у жертвенника; здѣсь онъ молитъ своего счастливаго брата даровать ему жизнь. Адонія присягаетъ Соломону и получаетъ помилованіе.

Итакъ, Соломонъ провозглашенъ царемъ. Передъ смертью Давидъ напоминаетъ своему преемнику, что не искуплены еще кровавыя дѣянія Іоаба, убившаго Абнера и Амасу [2]), напоминаетъ о Барзилаѣ, оказавшемъ Давиду благодѣяніе, и о Шими, изрекшемъ проклятіе его дому. Барзилая Соломонъ долженъ по-царски наградить, а Іоаба и Шими онъ не долженъ отпускать въ преисподнюю („Шеолъ") съ миромъ. Мы поймемъ это распоряженіе, если вспомнимъ, какъ Давидъ жестоко расправился съ домомъ Саула, чтобы, въ силу тогдашнихъ предразсудковъ, искупить тяготѣвшее надъ нимъ давнишнее кровавое преступленіе. Поэтому неудивительно, что Давида мучитъ страхъ, какъ бы послѣ его смерти не пала вина и проклятіе на его домъ за неотомщенное преступленіе, какъ это нѣкогда было съ домомъ Саула.

Едва Давидъ закрылъ глаза, какъ Адонія вновь жаждетъ завла-

---

[1]) Источникъ Гихонъ (нынѣ источникъ Маріи) находится въ долинѣ Кидрона въ 800 метрахъ отъ Змѣйнаго камня, расположеннаго у источника Рогель (т. наз. „Источника Іова").

[2]) Ср. завѣщаніе одного умирающаго араба, о которомъ сообщаетъ Музиль въ „Arabia Petraea": „Слушайте, дѣти, я долженъ отъ N., сына N., взыскать пролитую кровь; если вы—мужчины, вы отомстите ему, и мои кости въ гробу будутъ радоваться тому, что вы любите вашего отца".

дѣть трономъ. Черезъ посредство Батшебы, онъ проситъ Соломона отдать ему въ жены Абишагъ, которая въ послѣдніе годы ухаживала за Давидомъ. О томъ, чтó по понятіямъ того времени заключалось въ этомъ желаніи, мы можемъ судить изъ извѣстнаго намъ отношенія Абшалома къ гарему отца и изъ ссоры между Абнеромъ и Ишбааломъ. Соломонъ проникаетъ въ дерзкіе планы Адоніи, и его участь рѣшена: онъ долженъ умереть. Одновременно кара постигаетъ и знатнѣйшихъ приверженцевъ Адоніи. Абіатаръ лишается священнаго сана, но жизнь его была пощажена въ виду заслугъ, оказанныхъ имъ Давиду въ горестные и радостные дни его, а можетъ быть, и изъ религіознаго страха передъ его священнымъ званіемъ: онъ изгоняется въ Анатотъ. Мѣсто Абіатара занимаетъ Цадокъ [1]); Іоабъ, предчувствуя опасность, ищетъ убѣжища у алтаря Іагве, но для него нѣтъ пощады— за его прежнее преступленіе Соломонъ велитъ убить его. Что касается Шими, то, въ виду его непричастности къ замысламъ Адоніи, царь ему предписываетъ остаться пока въ Іерусалимѣ; когда же онъ, вопреки приказанію царя, покидаетъ Іерусалимъ, его лишаютъ жизни. Путемъ такихъ кровавыхъ репрессій Соломонъ утвердился на престолѣ, не встрѣчая болѣе соперничества [2]).

Задача, предстоявшая Соломону на царскомъ престолѣ, была ясна: Давидъ оставилъ ему богатое наслѣдство, и ему надлежало лишь сохранить и укрѣпить то, что создано было его отцомъ. Нужно было поддержать внѣшнее могущественное положеніе, завоеванное Израилемъ, упрочить единеніе колѣнъ и прочными узами связать ихъ съ домомъ великаго царя.

Послѣднюю задачу Соломону осуществить не удалось. Лишь на время своего царствованія онъ силою и ловкостью сумѣлъ поддержать престижъ своей власти какъ во-внѣ, такъ и внутри Израиля. Правда, ему не удалось удовлетворить своимъ управленіемъ всѣ колѣна израильскія, но все же, покуда онъ жилъ, открытаго разрыва не было. Единственную попытку возмущенія, о которой мы знаемъ—именно, возстаніе Іеровоама—онъ подавляетъ силою, и какъ ни велико было стремленіе сѣверныхъ колѣнъ отпасть отъ дома Давида, однако они не осмѣливались подняться противъ могущественнаго скипетра Соломона.

Это доказываетъ, поскольку рѣчь идетъ о внутренней дѣятельности, что Соломонъ не былъ слабымъ и инертнымъ царемъ, какъ

[1]) Удаленіе Абіатара со жреческаго поста является весьма важнымъ событіемъ въ исторіи израильскаго культа. Вмѣсто дома Эли, который уже при Саулѣ пережилъ тяжелое время и оправился лишь благодаря милостямъ Давида, на сцену выступилъ новый жреческій родъ. Отнынѣ іерусалимское жречество остается въ родѣ Цадока, который со времени сооруженія храма пріобрѣтаетъ особенное значеніе и авторитетъ.

[2]) Въ этомъ библейскомъ повѣствованіи о борьбѣ Соломона послѣ вступленія на престолъ съ Адоніей и его партіей многіе видятъ тенденціозную попытку представить Соломона единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Давида и снять съ него отвѣтственность за совершенныя имъ кровавыя дѣянія. Въ пользу такой оцѣнки говоритъ тотъ фактъ, что о правахъ Соломона на тронъ первоначально не было и рѣчи, и какъ будто считалось несомнѣннымъ, что преемникомъ Давида будетъ его старшій сынъ Адонія.

нѣкоторые склонны его изображать. Напротивъ, его заслуги велики именно въ области культурнаго развитія страны, управленія государствомъ и укрѣпленія финансоваго положенія Израиля. Но, повидимому, въ наиболѣе важныхъ вопросахъ внѣшней политики Соломонъ стоитъ на высотѣ своего призванія.

Затрудненій было немало. Смерть великаго Давида давно ожидалась, безъ сомнѣнія, многими врагами Израиля; вскорѣ затѣмъ погибъ и его храбрѣйшій воинъ Іоабъ. Время для нападенія на Израиля было, такимъ образомъ, самое благопріятное. Одинъ изъ отпрысковъ старинной эдомитской царской династіи, свергнутой Давидомъ, по имени Гададъ, бѣжалъ въ Египетъ. Ему посчастливилось, какъ и самому Соломону, взять себѣ въ жены одну изъ дочерей фараона. Сейчасъ же послѣ смерти Давида онъ возвращается къ себѣ на родину, и ему, повидимому, удается отнять у Соломона, по крайней мѣрѣ, часть Эдома. Но его владычество было или совершенно ничтожно и не опасно для Соломона, или же Соломонъ впослѣдствіи вновь овладѣлъ Эдомомъ. Во всякомъ случаѣ, доступъ къ Красному морю у Эціонгебера оставался въ рукахъ Соломона.

Возможность осложненій обусловливалась также той предупредительностью, съ которой встрѣчали въ Египтѣ противниковъ Израиля и его царя. Приблизительно въ это самое время фараонъ выдаетъ замужъ свою дочь за Соломона, и въ приданое Соломонъ получаетъ отвоеванную Египтомъ крѣпость Гезеръ. Судя по обычнымъ отношеніямъ египтянъ къ Израилю, не слѣдуетъ придавать особаго значенія браку Соломона и видѣть въ немъ доказательство дружеской связи между Египтомъ и Израилемъ. Въ гаремѣ фараона было достаточное количество дочерей, и такого рода бракъ, въ особенности, если невѣста Соломона не была дочерью настоящей царицы, а какой-нибудь изъ многочисленныхъ гаремныхъ женъ, ни къ чему не обязывалъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ завоеваніе Египтомъ Гезера и то обстоятельство, что теперь впервые, послѣ нѣсколькихъ столѣтій, снова появляется въ землѣ ханаанской египетское войско, по крайней мѣрѣ, въ южныхъ ея областяхъ, заявляетъ о суверенныхъ правахъ фараона.

Почему Соломонъ самъ не завоевалъ этого города, находившагося такъ недалеко отъ Іерусалима? Врядъ ли потому, чтобы онъ не былъ въ состояніи это сдѣлать. Остается предположить, что онъ не осмѣливался вторгнуться въ область египетскаго владычества, и что фараонъ, съ своей стороны, хотѣлъ подчеркнуть свое право на Гезеръ. Мы уже выше указывали, что занятіе Ханаана израильтянами безъ всякаго противодѣйствія со стороны Египта и политическій расцвѣтъ израильскаго царства во времена Саула и Давида слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь съ полнымъ упадкомъ былого могущества царства фараоновъ. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что Египетъ никогда не отказывался отъ своего стариннаго притязанія на гегемонію въ Сиріи, и если теперь египетское войско вновь вступаетъ въ Ханаанъ, то это указываетъ на то, что фараонъ вновь почувствовалъ сѣбя достаточно сильнымъ и хотѣлъ вновь осуществить свое традиціонное право суверенитета и нака-

зать ханаанскіе города, которые вышли изъ подъ его власти. Безъ сомнѣнія, завоеваніемъ одного Гезера фараонъ не ограничился. Онъ овладѣлъ, по всей вѣроятности, и всей прибрежной равниной или, во всякомъ случаѣ, ея южной половиной.

Каковы же были отношенія фараона къ Соломону, царство котораго охватывало въ значительной части области, нѣкогда принадлежавшія Египту? Мы знаемъ, что военныхъ столкновеній между Египтомъ и царствомъ израильскимъ не было, и возникаетъ вопросъ о причинѣ этого. Чувствовалъ ли себя фараонъ недостаточно сильнымъ? Или же Соломонъ добровольно подчинился ему? Изъ этихъ двухъ предположеній болѣе правдоподобнымъ мнѣ кажется первое. Вѣроятно, могущество Соломона внушало къ себѣ уваженіе, и путемъ переговоровъ монархи пришли къ взаимному согласію, результатомъ котораго явился, съ одной стороны, бракъ Соломона съ дочерью фараона, съ другой— признаніе за Египтомъ нѣкоторой сферы вліянія въ южной Палестинѣ. Соломонъ сохранилъ за собою безраздѣльное владычество въ Израилѣ, но онъ долженъ былъ согласиться предоставить Египту извѣстныя выгоды въ его торговыхъ сношеніяхъ съ Израилемъ. Стремясь поддерживать торговыя сношенія съ Сиріей и странами, расположенными вдоль Евфрата, Египетъ долженъ былъ обращаться за помощью къ Израилю: Соломонъ могъ лучше всего обезпечить безопасность торговыхъ дорогъ, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ могущественнымъ царемъ во всей странѣ на югъ отъ Ливана. Если бы Соломонъ былъ вынужденъ признать свою вассальную зависимость отъ Египта, онъ могъ бы принести Египту много вреда; между тѣмъ, въ качествѣ добровольнаго союзника, онъ могъ быть ему только полезенъ. Установившіяся въ результатѣ всѣхъ этихъ политическихъ соглашеній торговыя сношенія были, конечно, выгодны и для самого Израиля.

Противникомъ Соломона, послѣ Гадада эдомитскаго, является на сѣверѣ въ Дамаскѣ одинъ изъ военачальниковъ Гададэзера изъ Арамъ-Цобы, по имени Резонъ бенъ-Эліада. Онъ отпадаетъ отъ своего повелнтеля и основываетъ, послѣ длиннаго ряда приключеній, собственное государство, столицей котораго выбираетъ древній Дамаскъ. Онъ изгоняетъ оттуда намѣстника, поставленнаго еще Давидомъ, и Соломону такъ и не удается отнять Дамаскъ у Резона. Если разсказъ этотъ исторически вѣренъ, то, повидимому, Соломонъ понесъ очень серьезную потерю. Впрочемъ, трудно сказать была ли она тогда особенно чувствительна, такъ какъ фактически ни Давидъ ни Соломонъ не владѣли Дамаскомъ и царствомъ Дамасскимъ. Эта потеря, какъ и многое другое изъ того, что произошло внутри государства во время правленія Соломона, должна была имѣть особое значеніе лишь для будущаго. Дѣйствительно, впослѣдствіи царство Дамаска становится для Израиля опаснѣйшимъ сосѣдомъ.

Но если Соломонъ и понесъ нѣкоторыя значительныя потери на югѣ и отчасти на сѣверѣ, то онъ, съ другой стороны, многое сдѣлалъ для укрѣпленія и поддержанія могущества Израиля. Бракъ съ дочерью фараона, во всякомъ случаѣ, содѣйствовалъ укрѣпленію международ-

наго положенія Израиля. Также весьма возможно, что Соломонъ не придавалъ особаго значенія сохраненію завоеваній Давида на границахъ государства, а больше стремился къ тому, чтобы укрѣпить собственную територію Израиля. Для этого онъ сооружаетъ сильныя укрѣпленія, долженствующія оградить Израиля отъ непріятельскихъ нападеній—прдпріятіе, громадное значеніе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такъ, онъ укрѣпляетъ на сѣверѣ Хацоръ, что въ Нафтали, и Мегиддо, близъ Іерусалима, Бетъ-Хоронъ и отданный ему фараономъ Гезеръ, бывшую царскую резиденцію Ханаана, а на югѣ, для охраны границы и караванной дороги изъ Хеброна въ Элатъ — городъ Тамаръ [1]). Немало стараній положено было Соломономъ также и на то, чтобы всегда были наготовѣ военные запасы и конные отряды, которые онъ размѣстилъ въ нѣсколькихъ гарнизонныхъ городахъ. Все это показываетъ, что ни о какомъ умаленіи могущества Израиля при Соломонѣ не можетъ быть и рѣчи, хотя онъ и лишился нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктовъ.

Однако, Соломонъ не могъ сравняться въ величіи съ Давидомъ. Царскій сынъ, онъ выросталъ въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ отецъ его, прошедшій долгій и тернистый путь къ своему трону; суровая школа лишеній и опасностей не закалила его воли, не создала въ немъ ни энергіи, ни иниціативы отца. Сознаніе правъ и прерогативъ царя въ Соломонѣ сильнѣе сознанія высокихъ задачъ и обязанностей, налагаемыхъ царскимъ саномъ. Деспотическія наклонности, изрѣдка проглядывавшія у Давида, но вò-время имъ подавляемыя, превращаются у сына въ замѣтную черту характера. Соломонъ особенно любилъ дорого стоящія постройки, чужеземныхъ женщинъ, роскошь и блескъ. Такимъ образомъ, въ характерѣ Соломона мы видимъ уже много чертъ типичнаго восточнаго властелина; но онѣ не являются въ немъ преобладающими. Проявляя замашки восточнаго деспота, Соломонъ въ то же время стремится создать хорошую администрацію, обезпечить правосудіе, защитить страну отъ враговъ и вести дальновидную торговую политику. Каковы бы ни были руководящіе имъ мотивы, хотя бы онъ даже и думалъ исключительно объ обогащеніи собственной казны, все же во время его царствованія значительно поднялось народное благосостояніе, и расширился кругозоръ Израиля, что не могло не оставить слѣдовъ и послѣ крушенія царства Соломонова.

Всѣ преданія о Соломонѣ особенно подчеркиваютъ его заботы о правосудіи и объ устройствѣ правильнаго внутренняго управленіи. Параллельно съ этимъ идетъ окончательное раствореніе ханаанеянъ въ Израилѣ (I Цар. 9, 20—21). Всѣ эти мѣропріятія были въ первую очередь призваны служить одной цѣли — украшенію царской резиденціи, для чего Соломонъ нуждался въ деньгахъ и въ рабочей силѣ. И то и другое ему должны были доставлять его подданные. Все населеніе его страны, независимо отъ его племенного происхожденія, было въ этомъ

[1]) Среди укрѣпленныхъ Соломономъ городовъ упоминается также Баалатъ, который, вѣроятно, находился недалеко отъ Гезера.

отношеніи уравнено: никто не могъ уклониться отъ исполненія обязанностей по отношенію къ царской казнѣ. Весь Израиль для Соломона является однимъ цѣлымъ: онъ не дѣлаетъ различія ни между колѣнами, ни между израильтянами и хананеянами, всю страну подраздѣляетъ на двѣнадцать округовъ и во главѣ каждаго округа ставитъ намѣстника. На основаніи этого подраздѣленія, устанавливается раскладка повинностей: каждый округъ долженъ содержать въ теченіе одного мѣсяца царскій дворъ. Такимъ же образомъ, безъ сомнѣнія, распредѣлялась и царская барщина, которую требовалъ Соломонъ, сооружая свои грандіозныя постройки для военныхъ и мирныхъ цѣлей. Въ одномъ только Ливанѣ подъ наблюденіемъ Адонирама было непрерывно занято десять тысячъ рабочихъ. Если и продолжаетъ существовать различіе между израильтянами и хананеянами, то лишь въ томъ отношеніи, что округа этихъ послѣднихъ были значительно меньше другихъ; поэтому, хотя повинности несли всѣ округа поочередно, однако ихъ больше выпадало на долю хананеянъ: будучи насильственно присоединены къ Израилю, они были обязаны выплачивать какъ бы „дань".

Простота, господствовавшая при дворѣ Саула и Давида, не требовала такихъ большихъ поборовъ; тѣмъ тяжелѣе должны они были казаться теперь. Со свободой и имуществомъ подданныхъ Соломонъ мало стѣснялся: онъ заставляетъ не только работать на себя много тысячъ оброчныхъ, изъ которыхъ, конечно, не всѣ принадлежали къ хананейскому населенію, но еще требуетъ отъ народа большихъ матеріальныхъ жертвъ. Такъ, одному только тирскому царю Хираму за его услуги онъ уплачиваетъ 20.000 коръ (около 70 тыс. гектолитр.) пшеницы и 20.000 батъ (около 7 тыс. гектолитр.) масла, не говоря уже объ уступкѣ, Хираму значительныхъ областей. Книга Царей даетъ точное представленіе о томъ, во что обходилось содержаніе царскаго двора и гарема, въ которомъ была тысяча женщинъ. Неудивительно поэтому, что недовольство, долго таившееся въ тиши, вылилось, наконецъ, въ возстаніе. При этомъ нельзя считать случайнымъ, что это возмущеніе исходило изъ колѣна Іосифа, т.-е. Эфраима; еще менѣе случайно, что во главѣ его сталъ одинъ изъ намѣстниковъ Соломона. Старинная антипатія сѣверныхъ колѣнъ къ дому Ишаи и недовольство строгимъ правленіемъ Соломона,—вотъ два источника возмущенія, которые слились въ одно русло.

Во главѣ возстанія становится Іеровоамъ бенъ-Небатъ, эфраимитъ изъ Цереды, повидимому, молодой человѣкъ незначительнаго происхожденія, сынъ бѣдной вдовы. Онъ былъ одинъ изъ мастеровъ на царскихъ постройкахъ; здѣсь царь замѣтилъ и оцѣнилъ его. Вскорѣ Іеровоаму поручается начальство надъ оброчными рабочими изъ колѣна Іосифа; это дало ему возможность узнать всѣ источники народнаго недовольства. Черезъ нѣкоторое время Іеровоамъ рѣшается поднять возстаніе. Но онъ не имѣетъ успѣха; мы не знаемъ точно, былъ ли заговоръ преждевременно открытъ, или же возстаніе было подавлено. Самъ Іеровоамъ спасается бѣгствомъ и находитъ убѣжище у фараона Шушака или Шошенка, родоначальника 22-ой династіи. Достойно вни-

манія, что одинъ пророкъ Ахія изъ Шило поддерживалъ Іеровоама въ его замыслѣ. Недовольство правленіемъ Соломона захватило, очевидно, широкіе круги народа.

А между тѣмъ, не смущаясь признаками внутренняго недовольства, Соломонъ стремился къ широкой внѣшней политикѣ. Все говоритъ за то, что Соломонъ не хотѣлъ ограничиться только тѣмъ, чтобы сохранить въ цѣлости унаслѣдованное имъ отъ Давида. У него были болѣе широкіе планы. Возможно, впрочемъ, что сами обстоятельства заставили его сдѣлать шагъ впередъ. Онъ долженъ былъ сообразоваться съ требованіями времени. Уже одно выступленіе на сцену міровыхъ событій Египта, остававшагося доселѣ нѣмымъ свидѣтелемъ того, что происходило во времена Давида, должно было побудить Соломона поставить себѣ болѣе широкія задачи. Съ другой стороны, продолжали поддерживаться и развиваться сношенія Израиля съ Финикіей, завязавшіяся еще во время царствованія Давида. Обстоятельства складывались такъ, что Соломонъ могъ завязать міровыя сношенія и вступить на путь міровой внѣшней политики.

Необходимо было прежде всего использовать географическое положеніе Палестины въ цѣляхъ развитія торговыхъ сношеній. Большой торговый путь изъ Египета къ Евфрату шелъ вдоль Средиземнаго моря до Кармеля, затѣмъ направлялся на сѣверъ, оттуда къ Геннисаретскому озеру и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Весь путь въ предѣлахъ Палестины находился въ рукахъ Соломона. На всемъ протяженіи этого пути и на его развѣтвленіяхъ отъ Аравіи черезъ Элатъ до Хеброна и къ сѣверу отъ него, а также въ Заіорданьѣ Соломонъ взялъ на себя охрану каравановъ, извлекая изъ этого значительные доходы. Сверхъ того онъ и самъ принималъ участіе въ торговлѣ. Всѣ товары Египета и Аравіи, главнымъ образомъ благовонныя вещества и масло, направляясь въ западную часть Передней Азіи, должны были проходить черезъ владѣнія Соломона или же вблизи нихъ. Тамъ, гдѣ онъ не получалъ пошлины, онъ имѣлъ возможность извлечь выгоду, выступая посредникомъ въ торговлѣ. Точно также источникомъ доходовъ служили для Соломона хлѣбъ и строевой лѣсъ изъ Палестины и Сиріи, а также ткани и другіе продукты изъ Вавилона и Ассиріи, которые шли сухимъ путемъ въ Египетъ и на югъ. Такимъ образомъ, какъ только прекратились войны, и условія мирной жизни стали благопріятствовать развитію торговли, исключительно счастливое положеніе владѣній Соломона дало ему возможность обогатить свою казну. Но разъ Израиль вступилъ на путь міровой торговли и не ограничивался уже, какъ раньше, скотоводствомъ и земледѣліемъ, то онъ не могъ, конечно, остановиться на этомъ пути. Въ какой мѣрѣ народъ, слѣдуя примѣру Соломона, принялъ участіе въ торговлѣ, мы, вслѣдствіе скудости свѣдѣній, не знаемъ. Но, конечно, безъ всякой опоры со стороны торговой части населенія Соломонъ не могъ бы выполнить своихъ плановъ.

Посредническая торговля, съ которой Соломонъ началъ, приводитъ его затѣмъ къ самостоятельнымъ торговымъ предпріятіямъ. Когда Соломонъ познакомился съ иностранными купцами и изучилъ ихъ торговыя

связи, его прельстила мысль пріобрѣтать изъ первыхъ рукъ тѣ дорогіе товары, которые до сихъ поръ онъ получалъ отъ чужестранныхъ торговцевъ или провозилъ для послѣднихъ черезъ свою страну, дабы извлечь такимъ образомъ по возможности всю прибыль въ свою пользу. Этимъ объясняются экспедиціи въ Офиръ за золотомъ, сношенія съ южной Аравіей; въ тѣхъ же видахъ былъ построенъ Тамаръ по пути въ Элатъ, а также, можетъ быть, были пріобрѣтены нѣкоторыя владѣнія въ Ливанѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Соломонъ первый изъ царей Израиля ввелъ въ широкихъ размѣрахъ пользованіе лошадьми, особенно для военныхъ надобностей; вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что Соломонъ сумѣлъ создать для себя выгодное предпріятіе изъ ввоза и вывоза лошадей [1]). Вѣроятно, въ связи съ его торговыми сношеніями находится также посѣщеніе его двора царицей Савской, изъ юго-восточной Аравіи, если только оно исторически вѣрно. Но если даже разсказъ о Савской царицѣ и относится къ области легенды, все же фактъ сношеній Соломона съ аравійскими странами остается внѣ сомнѣнія. Что касается экспедиціи въ Офиръ [2]), то этотъ фактъ, какъ кажется, вполнѣ подтверждается источниками: они говорятъ о кораблѣ, на который Хирамъ, царь Тирскій, посадилъ своихъ самыхъ опытныхъ моряковъ, и который долженъ былъ доставить непосредственно въ страну Израиля и въ Тиръ продукты и товары счастливой Аравіи. Правда, несмотря на всѣ эти операціи, казна Соломона часто бывала настолько пуста, что однажды онъ былъ принужденъ заложить у Хирама двадцать галилейскихъ городовъ. Этотъ фактъ не находится въ противорѣчіи съ традиціонными представленіями о богатствѣ и роскоши Соломона. Вслѣдствіе брака съ дочерью фараона расходы двора значительно увеличились, постройка дворцовъ и крѣпостей поглощали громадныя суммы.

Само собой разумѣется, что чужестранные купцы привозили съ собой не только товары, но и много такого, что должно было особенно заинтересовывать любознательныхъ людей въ Израилѣ; точно также побывавшіе за границей израильтяне, кромѣ товаровъ, привозили еще съ собой разсказы о томъ, что̀ видѣли и слышали. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ иноземной утварью и произведеніями искусства, изъ другихъ странъ переходили къ Израилю религіозные обычаи и воззрѣнія, повѣствованія, легенды, миѳы. Какъ и всегда, внѣшнія торговыя сношенія, безъ сомнѣнія, способствовали культурному развитію народа.

Какъ мы видѣли выше, до вторженія Израиля въ теченіе многихъ вѣковъ Палестина находилась подъ владычествомъ Вавилона и Египта и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ чужестранной культуры, и съ древнѣйшихъ временъ въ Палестинѣ появлялись также иностранные купцы. Но съ тѣхъ поръ, какъ Израиль проникъ въ

---

[1]) Въ точности невозможно установить, шли ли лошади изъ Сиріи на востокъ или изъ сѣверной Аравіи въ Сирію; но для оцѣнки торговыхъ операцій Соломона это безразлично.

[2]) Карлъ Петерсъ (Das goldene Ophir Salomos) полагаетъ, что рѣчь тутъ идетъ о западномъ берегѣ Африки, въ области близъ Мадагаскара, на что какъ будто указываетъ также и продолжительность путешествія (три года—I Цар. 10, 22).

страну, многое измѣнилось. Длительныя войны, тянувшіяся со времени Іошуи вплоть до Давида, не давали возможности вести внутри страны торговыя сношенія. Да въ нихъ, вѣроятно, и не было потребности у израильскаго пастуха или поселянина, которые слишкомъ были поглощены собственными дѣлами, чтобы особенно интересоваться чужими странами и культурой. Чужестранное культурное вліяніе проникло лишь въ высшіе, въ смыслѣ духовномъ и свѣтскомъ, слои народа, напр., въ среду сановниковъ Давида, жрецовъ главныхъ святынь, пророковъ, какъ Натанъ и Гадъ и, можетъ быть, Самуилъ.

Теперь же, при Соломонѣ, наступаетъ поворотъ. Впервые съ самаго возникновенія Израиля послѣдній самостоятельно завязываетъ международныя сношенія въ широкомъ масштабѣ. Въ связи съ этимъ въ Израиль проникаетъ чужестранная культура. До Соломона Израиль воспринималъ ее, главнымъ образомъ, чрезъ посредство ханаанеянъ. Израиль видѣлъ все происходившее въ чужихъ странахъ въ томъ освѣщеніи, которое придавали этому ханаанеяне, словно смотрѣлъ черезъ ихъ очки; теперь же онъ видитъ иностранную культуру своими глазами и самостоятельно воспринимаетъ ея вліяніе. Кромѣ того, онъ получаетъ еще непосредственныя вѣсти изъ далеко лежащихъ старнъ, о которыхъ раньше лишь слышалъ, какъ, напр., южная Аравія и Офиръ и, безъ сомнѣнія, вступаетъ также въ прямыя сношенія съ странами Средиземнаго моря. Ибо хотя израильтяне временъ Соломона не дошли до самого Таршиша (Испаніи), но внѣ всякаго сомнѣнія, что они плавали съ финикіянами по Средиземному морю и побывали на Кипрѣ, Критѣ, въ Малой Азіи и въ странахъ микенской культуры.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что великолѣпіе и чудеса далекихъ странъ, съ которыми Израиль познакомился въ эпоху Соломона, вызывали изумленіе у современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Ничего подобнаго ни раньше, ни долгое время послѣ никто не видѣлъ. Золото и драгоцѣнности никогда еще не притекали въ такомъ количествѣ въ страну Израиля. Въ особенности сказывается подражаніе чужестранцамъ въ постройкахъ храмовъ и дворцовъ; здѣсь мы видимъ вліяніе архитектуры финикіянъ сирійцевъ и хетитовъ, а также египтянъ и другихъ восточныхъ народовъ. Обработка металловъ и гончарное дѣло напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ произведенія микенской и кипрской культуръ; левъ на тронѣ Соломона, изображающій царское всемогущество, великолѣпное бронзовое „море", поддерживаемое двѣнадцатью быками, и многое другое какъ по исполненію, такъ и по символикѣ указываютъ на опредѣленное вліяніе ассиро-вавилонской культуры.

Возникаетъ вопросъ: что заимствовалъ Израиль въ области религіи? Въ книгѣ Царей разсказывается, что Соломонъ строилъ алтари чужимъ богамъ. Совершенно неправдоподобно, чтобы онъ могъ въ буквальномъ смыслѣ перейти къ поклоненію языческимъ богамъ, но возможно, что онъ разъ-другой принесъ имъ при случаѣ жертву. Но, съ другой стороны, вполнѣ возможно и естественно, что онъ построилъ въ ихъ честь святилища. Соломонъ имѣлъ среди своихъ женъ много чужестранныхъ женщинъ—въ гаремѣ, кромѣ дочери фараона, находилось

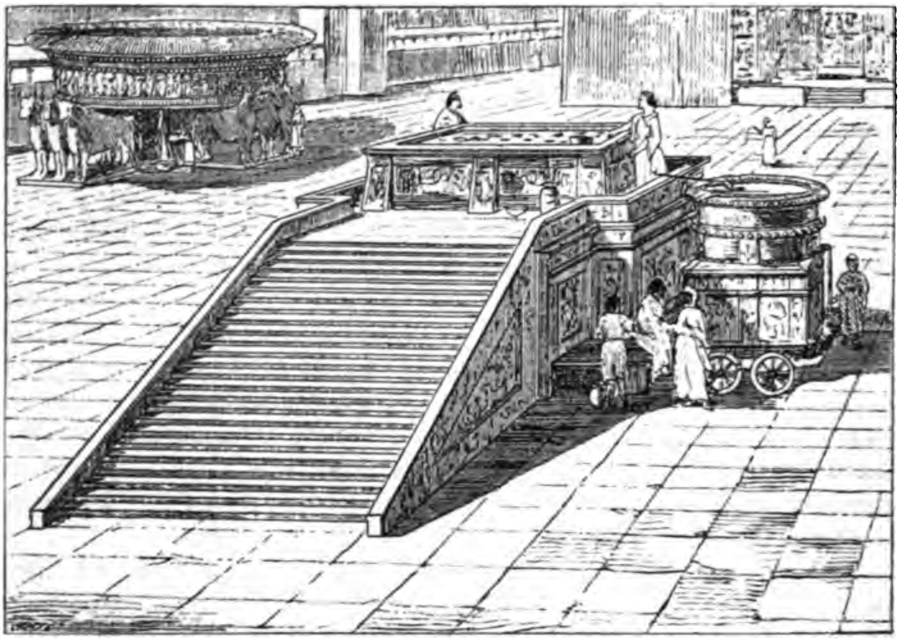
немало другихъ знатныхъ иностранокъ (среди нихъ была, вѣроятно, и мать Рехабеама), и было вполнѣ понятно, что Соломонъ позаботился о предоставленіи имъ возможности и въ Іерусалимѣ поклоняться своимъ богамъ. Какъ это дѣлалось, мы знаемъ изъ примѣра сирійца Наамана, который, желая поклоняться Іагве въ Дамаскѣ, привозитъ изъ Палестины возъ земли и воздвигаетъ алтарь Іагве на его родной почвѣ (II Цар. 5, 17). Само собой разумѣется, что иностранцы, пріѣзжавшіе въ Іерусалимъ, пользовались предоставленной имъ возможностью приносить жертвы собственнымъ богамъ на воздвигнутыхъ для нихъ алтаряхъ, и что это теперь случалось чаще, чѣмъ раньше. Вѣроятно также, что особенно со времени построенія храма, во время большихъ праздниковъ, привлекавшихъ большое число богомольцевъ, въ Іерусалимѣ, какъ и обычно вездѣ въ такихъ случаяхъ, происходили большія ярмарки, на которыя съѣзжались, кромѣ пилигримовъ и мѣстныхъ торговцевъ, также иностранные купцы. Имъ, конечно, было очень пріятно имѣть и въ Іерусалимѣ возможность поклоняться своимъ богамъ.

Такимъ образомъ, израильтянинъ могъ непосредственно познакомиться съ иностранными культами. Если до тѣхъ поръ израильтяне знали только культы ханаанеянъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей, то теперь они могли познакомиться съ религіей египтянъ, хетитовъ, быть можетъ даже ассиріянъ, и испытать на себѣ ихъ вліяніе. Хотя извѣстныя намъ древне-еврейскія печати и геммы съ изображеніями символовъ иноземныхъ боговъ не могутъ быть съ полной достовѣрностью отнесены къ этому времени,—не исключая и печати, носящей имя Іеровоама,—но, во всякомъ случаѣ, ознакомленіе со всей этой символикой есть, несомнѣнно, продуктъ этой эпохи.

Преданіе видитъ въ Соломонѣ царя, столь же щедро одареннаго мудростью и справедливостью, какъ золотомъ и драгоцѣнностями. Что это преданіе справедливо, подтверждается свѣдѣніями объ его мѣропріятіяхъ по укрѣпленію границъ, управленію страной, а также знаменитымъ приговоромъ [1]), при оцѣнкѣ котораго дѣйствительно возникаетъ вопросъ, что̀ въ этомъ великомъ царѣ заслуживаетъ пальмы первенства: его мудрость или его справедливость? Нельзя отрицать, что многія изреченія житейской мудрости могли быть, дѣйствительно, составлены мудрымъ царемъ Соломономъ—и въ этомъ заключается историческое ядро преданія, приписывающаго Соломону сочиненіе книги Притчъ.

---

[1]) Кн. Цар. 3. 16 и сл. Аналогичные разсказы имѣются въ индійскихъ и китайскихъ преданіяхъ. Если отсюда слѣдуетъ, что мы не можемъ назвать этотъ разсказъ въ строгомъ смыслѣ историческимъ, то все же характерно, что это преданіе разсказываетъ о Соломонѣ, а не о какомъ-нибудь другомъ царѣ.

Алтарь Соломонова храма (реконструкція по Манжану).

2. Храмъ и дворецъ Соломона.

Нельзя отрицать, что Соломону были дороги интересы религіи и культа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сооруженіе имъ храма. Правда, по плану Соломона, храмъ долженъ былъ составить лишь часть его великолѣпнаго дворца. Но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Соломонъ въ то же время хотѣлъ создать для народа святыню, исключительную по своему значенію и по своему обаянію. Конечно, при этомъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы храмъ сталъ единственнымъ, законнымъ святилищемъ, какъ на него стали смотрѣть позже, со времени Іошіи. Но, несомнѣнно, Соломона воодушевляла мысль, чтобы его храмъ сталъ центромъ религіозной жизни подобно тому, какъ Іерусалимъ со времени Давида и самого Соломона все болѣе и болѣе дѣлался центромъ общественной и государственной жизни.

Мѣстоположеніе Соломонова храма, по всей вѣроятности, нужно искать въ той части Сіонскаго холма, которая и нынѣ считается священной у арабовъ и извѣстна подъ именемъ скалистаго купола: и теперь здѣсь можно видѣть священную скалу, имѣющую въ длину 17,7 метровъ, въ ширину 13,5 и въ вышину около 2 метровъ. Вѣроятно, именно на этомъ мѣстѣ стоялъ алтарь, воздвигнутый Давидомъ на току, пріобрѣтенномъ отъ Аравны, а затѣмъ Соломоновъ алтарь всесожженія. Еще и теперь высѣченный въ скалѣ ходъ, соединенный съ водопроводомъ, указываетъ, что эта скала служила нѣкогда алтаремъ. Отсюда можно точно опредѣлить положеніе самого храма, ибо алтарь всесожженія находился къ востоку отъ храма передъ главнымъ его входомъ на

переднемъ дворѣ. Такимъ образомъ, зданіе храма направлялось по длинѣ къ западу отъ алтаря.

Храмъ Соломона, подобно египетскимъ храмамъ въ честь Солнца, былъ обращенъ къ восходящему свѣтилу. Такая оріентація не можетъ считаться случайной, такъ какъ другое положеніе храма болѣе соотвѣтствовало бы окружающей его мѣстности. Отсюда слѣдуетъ, что при постройкѣ храма его строители имѣли въ виду соображенія, несомнѣнно, вытекавшія изъ опредѣленной религіозной концепціи.

Намъ извѣстны [1]) размѣры лишь внутренней части храма, такъ что мы ничего не знаемъ какъ о высотѣ и положеніи крыши, такъ и о толщинѣ окружающей его стѣны. Отчасти нѣкоторые пробѣлы могутъ быть заполнены данными Іезекіиля, ибо онъ зналъ еще старый Соломоновъ храмъ и положилъ его планъ въ основу своего описанія будущаго храма.

Зданіе храма состояло изъ двухъ главныхъ частей: такъ называемаго дебира, совершенно темнаго помѣщенія, находившагося въ глубинѣ храма [2]), и другого — продолговатаго помѣщенія, въ передней части. Размѣры послѣдняго: длина 40, ширина 20, вышина 30 локтей. Здѣсь находился алтарь изъ кедроваго дерева, такъ называемый столъ для хлѣбовъ предложенія. Какъ еще раньше въ Нобѣ, а также, вѣроятно, и въ Шило, здѣсь со временъ Соломона въ опредѣленные дни приносились Іагве священные жертвенные хлѣбы. Кромѣ того, здѣсь находился алтарь для воскуренія, хотя возможно, что онъ былъ устроенъ не во времена Соломона, а позже. Это помѣщеніе было довольно темнымъ, такъ какъ свѣтъ проникалъ сюда черезъ небольшія окна, находившіяся высоко, не менѣе 20-ти локтей надъ землей. Поэтому при совершеніи богослуженія здѣсь пользовались искусственнымъ освѣщеніемъ, для чего зажигались десять золотыхъ свѣтильниковъ, которые находились по обѣ стороны входа въ дебиръ [3]).

Самый дебиръ имѣлъ форму куба: его длина, ширина и вышина по 20 локтей. Такъ какъ потолокъ находился на высотѣ 20 локтей, а высота храма достигала 30 локтей, то надъ дебиромъ помѣщалась еще верхняя комната, высотою въ 10 локтей. Въ дебирѣ стоялъ ков-

---

[1]) По вопросу о расположеніи, внѣшнемъ и внутреннемъ видѣ и устройствѣ Соломонова храма опредѣляющими явились изслѣдованія Штаде (въ Zeitschrift für alttest. Wissenschaft, III, 129 и сл. и въ Geschichte des Volkes Israel, I, 301 и сл.). Въ его реконструкцію были внесены позднѣе лишь частичныя поправки. На табл. при стр. 305 дана реконструкція храма, примыкающая къ Штаде, по Бенцингеру, а также реконструкціи утвари храма по Штаде и Бенцингеру. Рисунокъ на стр. 321 даетъ реконструкцію архитектора Шика, повидимому, значительно удаляющуюся отъ истины. *Прим. Н. Н.*

[2]) Названіе „Святое святыхъ" появилось позже.

[3]) Принадлежность этихъ свѣтильниковъ храму Соломона многими оспаривается, но врядъ ли можно съ этимъ согласиться. Эти свѣтильники отвѣчали, дѣйствительно, насущной потребности; интерполяторъ же скорѣе всего вставилъ бы упоминаніе не о десяти свѣтильникахъ, а о семисвѣчномъ свѣтильникѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность храма Ирода и идеальной скиніи. Можно заподозрѣвать только указаніе на то, что свѣтильники были золотые,—возможно, что это есть результатъ преувеличеннаго представленія о богатствѣ Соломона.

чегъ, тутъ было мѣстопребываніе Іагве. Надъ ковчегомъ находились два херувима, символизировавшіе присутствіе Іагве и какъ бы охранявшіе священное мѣсто; вырѣзанные изъ масличнаго дерева, херувимы имѣли 10 локтей въ вышину.

Передъ зданіемъ храма былъ расположенъ притворъ въ 20 локтей въ ширину и 10 локтей въ длину. У его входа стояли двѣ вылитыя изъ бронзы колонны, называвшіяся Яхинъ и Боазъ [1]); эти колонны, повидимому, должны были служить замѣщеніемъ массебъ. Съ трехъ остальныхъ сторонъ — сѣверной, западной и южной — вокругъ зданія храма, непосредственно примыкая къ наружной стѣнѣ, тянулось боковое строеніе въ 15 локтей высоты. Оно охватывало храмъ съ трехъ сторонъ, достигая до половины его высоты, и состояло изъ трехъ этажей, каждый въ 5 локтей вышины. Въ каждомъ изъ этажей находился рядъ комнатъ, служившихъ, повидимому, для храненія храмовой утвари и приношеній. Наконецъ, вокругъ всего сооруженія находился передній дворъ, размѣры котораго намъ неизвѣстны. На этомъ дворѣ собирался народъ въ дни праздниковъ и для жертвоприношеній; внутрь же храма допускались одни лишь жрецы.

Къ этимъ храмовымъ постройкамъ, занимавшимъ значительное пространство, примыкали и остальныя сооруженія Соломона на Сіонѣ. Дворцовыя постройки Соломона состояли изъ трехъ частей. Прежде всего тутъ находился такъ называемый домъ изъ ливанскаго дерева въ 100 локтей въ длину, 50 въ ширину; его поддерживали 45 колоннъ изъ кедра. Это величественное зданіе, представлявшее обширную залу, по всей вѣроятности, предназначалось для собраній старѣйшинъ—знати израильской, между тѣмъ какъ верхнія помѣщенія могли служить цейгхаузомъ дворца.

Вторую часть дворцовыхъ построекъ, между этимъ домомъ и собственно дворцомъ, составляли двѣ залы. Первая изъ нихъ, поддержи-

---

[1]) Евр. יכין и בעז. Въ литературѣ дѣлались неоднократно попытки разгадать смыслъ этихъ названій, исходя изъ предположенія, что они должны были выражать своимъ смысломъ идею сооруженія. Первое названіе даетъ смыслъ, если производить его отъ глагола כון, и считать причинной формой этого глагола; оно будетъ значить: „да утвердитъ“. Больше затрудненій встрѣчается при толкованіи второго названія. Перемѣняя вокализацію, читаютъ это имя не bo'az, а ba'oz т.-е. „въ силѣ, въ величіи“; получается, такимъ образомъ, фраза: „да утвердитъ (Іагве) въ величіи (храмъ)“ (ср., напр., у Ренана, Hist. du peuple d'Israel, II, 143—144). Извѣстный русскій ассиріологъ и семитологъ, М. В. Никольскій, сдѣлалъ попытку разгадать названія колоннъ, исходя изъ ихъ передачи въ греческомъ переводѣ. Сравнивая чтеніе различныхъ кодексовъ, М. В. Никольскій установилъ, что первое названіе читалось не jakin, а jakun (повелительная форма отъ כון), а второе сообразно съ чтеніемъ Ватинанскаго и сродныхъ кодексовъ, должно было читаться ba'al'oz (בעל עז), т.-е. состояло не изъ одного, а изъ двухъ словъ. Предполагая, что надпись сдѣлали финикійскіе мастера, М. В. Никольскій толкуетъ ее съ финикійскаго языка, въ которомъ כון имѣетъ значеніе „быть“ и получаетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе „да будетъ Ваалъ силою“, т.-е. да поддержитъ эту постройку. При томъ широкомъ уваженіи, которымъ пользовалось въ Палестинѣ въ эту эпоху имя Ваала на ряду съ именемъ Іагве, такая надпись никого не могла смутить; позднѣйшіе же редакторы, найдя имя Ваала соблазнительнымъ, вытравили изъ второго названія букву ל (см. сборникъ Χαριστήρια, стр. 421—432). *Прим. Н. Н.*

ваемая колоннами, имѣла 50 локтей въ длину и 30 въ ширину; передъ ней красовался величественный портикъ. Непосредственно къ ней примыкала другая зала, въ которой Соломонъ творилъ судъ. Впереди ея былъ притворъ, куда собирался народъ въ ожиданіи царскаго суда.

Наконецъ, послѣднюю часть Соломонова сооруженія составлялъ дворецъ царя вмѣстѣ съ дворцомъ царицы. Дворецъ находился съ сѣверной стороны, между храмомъ и его наружнымъ дворомъ съ одной стороны и вышеуказанными залами, служившими для государственныхъ цѣлей, съ другой, и такимъ образомъ онъ какъ бы охранялся съ обѣихъ сторонъ. Объ этомъ дворцѣ мы ничего не знаемъ. Вѣроятно, жрецъ-лѣтописецъ, такъ близко знакомый съ храмомъ и внѣшними строеніями, мало интересовался царскимъ дворцомъ. Мы знаемъ только, что дворецъ состоялъ изъ двухъ главныхъ зданій: изъ дворца Соломона и его семьи и изъ дворца фараоновой дочери, непосредственно примыкавшаго къ первому. [1]).

Несомнѣнно, такое величественное сооруженіе, какъ храмъ Соломона и его дворецъ, не могло быть создано ни мѣстными силами, ни изъ мѣстнаго матеріала. Высшіе сорта дерева встрѣчались въ странѣ Израиля лишь въ незначительномъ количествѣ, а кедра вовсе не было. Повидимому, искусство тесать камни и строить дома изъ плитъ не стояло на должной высотѣ. То же самое надо сказать объ отливкѣ бронзы и вообще о художественной обработкѣ металловъ. Поэтому надо было искать мастеровъ на сторонѣ.

Уже Давидъ построилъ свой скромный дворецъ на Сіонѣ при помощи финикійскихъ каменотесовъ и плотниковъ и изъ финикійскаго кедроваго дерева. Союзъ съ Хирамомъ, царемъ Тирскимъ, продолжался, и потому Соломону оставалось лишь слѣдовать примѣру отца. [2]). Израильскіе рабочіе, состоящіе на службѣ у Соломона, рубятъ деревья на Ливанѣ, люди Хирама доставляютъ ихъ къ морю, откуда ихъ переправляютъ въ находящуюся близъ Іерусалима гавань Іафо. За эти услуги Соломонъ отсылаетъ Хираму значительное количество пшеницы и масла, продукты своей земли.

---

[1]) Кн. Царей разсказываетъ еще о какихъ-то крѣпостныхъ сооруженіяхъ въ Іерусалимскомъ кремлѣ, называвшихся „Милло“ (מלוא). Однако неизвѣстно точно ни значеніе этого слова (вѣроятно, Милло значитъ массивная башня), ни мѣстоположеніе этого Милло. Библейское повѣствованіе говоритъ о немъ лишь то, что оно было призвано „замкнуть брешь въ городѣ Давидовомъ“ (I Цар. II, 27).

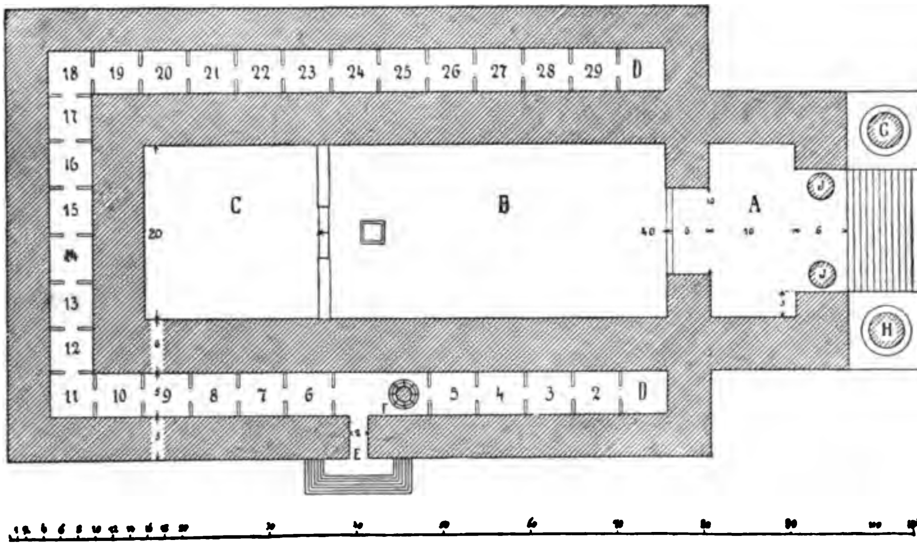
[2]) Несомнѣнно, финикійскіе мастера и художники работали, главнымъ образомъ, по иностраннымъ образцамъ. Поэтому надо думать, что храмъ Соломона и нѣкоторые предметы храмовой утвари имѣли большое сходство не только съ финикійскими, но и чужеземными, особенно сирійскими и вавилонскими, сооруженіями того времени. Также въ высшей степени вѣроятно египетское, а въ обратоткѣ рудъ—микенское вліяніе. Вся символика—въ особенности херувимы, а также свѣтильники (ихъ было по пяти съ сѣверной и съ южной стороны, при чемъ цифра пять символизировала пять планетъ) и „бронзовое море“, покоившееся на двѣнадцати быкахъ—громадныхъ размѣровъ бассейнъ,—вся эта символика своей первоначальной родиной имѣетъ Вавилонъ. Впрочемъ, мѣдныя подвижныя чаши встрѣчались часто и на Западѣ. Египетскіе и сирійскіе храмы тоже имѣютъ свои „моря“, отчасти въ формѣ настоящихъ озеръ.

Храмъ строился въ теченіе почти семи лѣтъ. Всѣ бронзовыя части были отлиты тирскимъ художникомъ Хурамъ-аби. Онъ устроилъ свою мастерскую въ Іорданской долинѣ близъ Суккотъ. По окончаніи сооруженія храма Соломонъ устроилъ блестящій праздникъ освященія храма и торжественнаго перенесенія ковчега во внутреннюю священную часть храма—дебиръ. При этомъ Соломонъ произнесъ высокопоэтическій стихъ, который въ дошедшемъ до насъ масоретскомъ текстѣ искаженъ, но въ болѣе чистомъ видѣ сохранился въ греческомъ переводѣ LXX. Въ позднѣйшей обработкѣ этотъ стихъ-посвященіе былъ замѣненъ пространной молитвой Соломона. Вотъ это посвященіе:

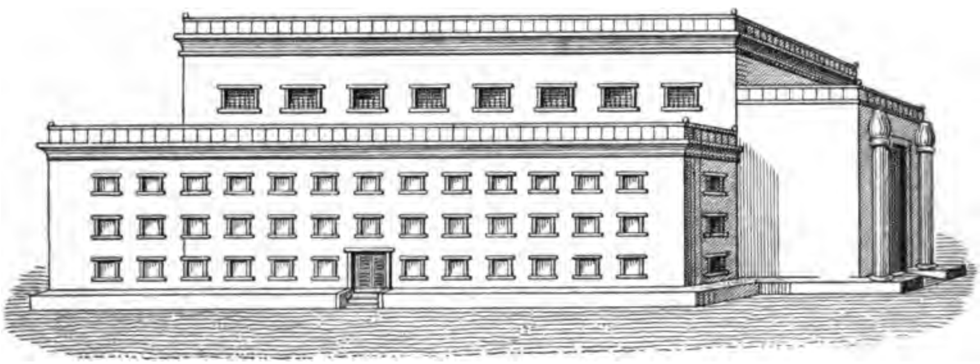
Солнце Іагве помѣстилъ на сводѣ небесномъ,
Самъ же онъ пожелалъ обитать за мглою облаковъ.
И вотъ я построилъ тебѣ обитель,
Мѣсто для пребыванія твоего во-вѣки!

Такимъ образомъ, о Іагве говорится здѣсь, очевидно, какъ о богѣ, обитающемъ въ небесахъ. Эта мысль нашла свое выраженіе и во всей архитектурѣ храма, связь которой съ тогдашнимъ представленіемъ о мірозданіи выступаетъ вполнѣ ясно. Двѣ колонны были, вѣроятно, символами небеснаго бога, соотвѣтствующими египетскимъ обелискамъ, символамъ бога солнца Ре, и ханаанейскимъ массебамъ. Также несомнѣнно, что свѣтильники внутри храма символизируютъ небесныя божества-планеты, а бронзовое море съ его глубокимъ бассейномъ символизируетъ небесное море, откуда божество ниспосылаетъ дождь. Отсутствіе денного свѣта въ дебирѣ, гдѣ пребываетъ Іагве, объясняется тѣмъ же, что и мракъ целлы египетскаго храма. И дебиръ, подобно целлѣ, былъ расположенъ съ западной стороны храма, а тьма, въ которую погружена целла, объясняется тѣмъ, что это—собственно мѣсто ночного отдыха божества: днемъ онъ свѣтитъ, какъ солнце, ночью входитъ въ свое жилище.

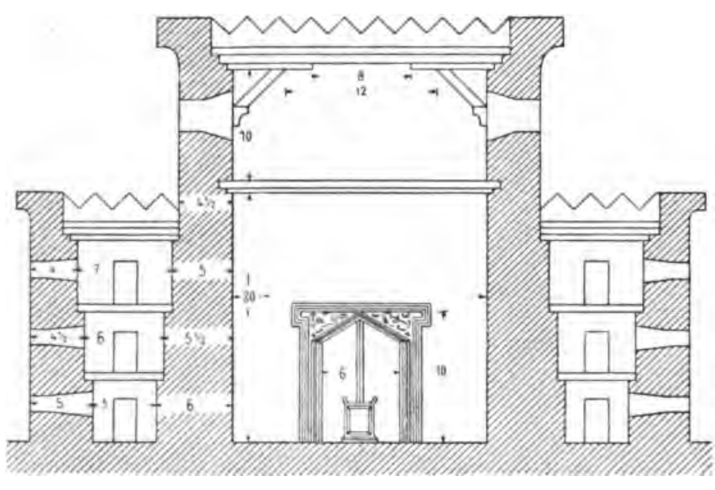
Выясняя значеніе Соломонова храма, пришлось бы повторить то, что сказано было объ избраніи Давидомъ Іерусалима столицей государства и центромъ религіозной жизни Израиля. Соломонъ, соорудивъ свой храмъ лишь завершилъ планы своего отца. Значеніе этого дѣла, задуманнаго Давидомъ и выполненнаго Соломономъ, такъ велико, что его трудно оцѣнить въ достаточной мѣрѣ. Особенно это значеніе было велико для племени Іуды и для династіи Давида; отдѣлившись вскорѣ отъ остального Израиля, они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ведутъ обособленное существованіе, находя для него опору въ храмѣ. Религіозная сторона дѣла Давида пріобрѣла прочную основу, благодаря храму. Ковчегъ былъ водворенъ въ своей обители, самъ Іагве нашелъ свое мѣстопребываніе на всѣ времена у Израиля. Въ религіозномъ отношеніи новое мѣсто поклоненія божеству было великой святыней, превосходящей всѣ остальныя святыни Израиля, а въ послѣдующую эпоху раскола на два царства оно пріобрѣло и политическое значеніе, ставъ моральной опорой Давидовой династіи.

1.

2.

3.

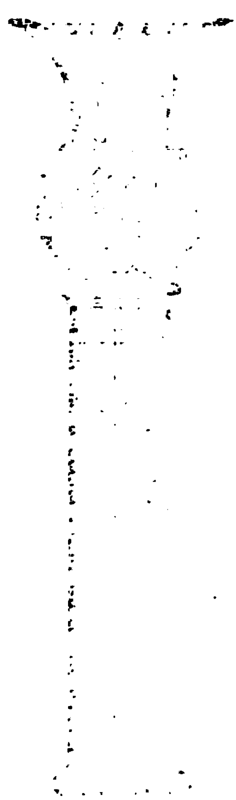
Храмъ Соломона.

Реконструкція по Бенцингеру; масштабъ въ локтяхъ.

1. Планъ храма: А — притворъ: G H или J J — колонны Яхинъ и Боазъ; В — главная зала; С — дебиръ
2. Видъ сбоку. 3. Поперечный разрѣзъ.

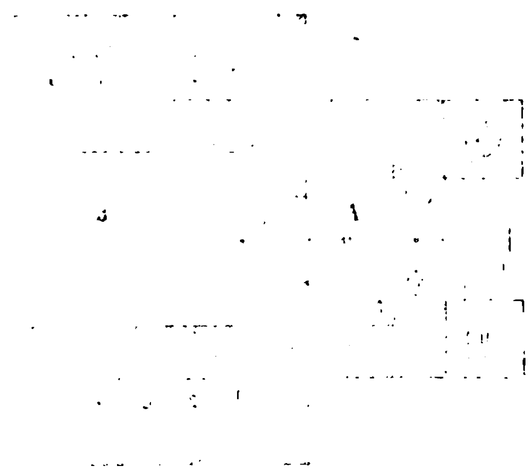
1.

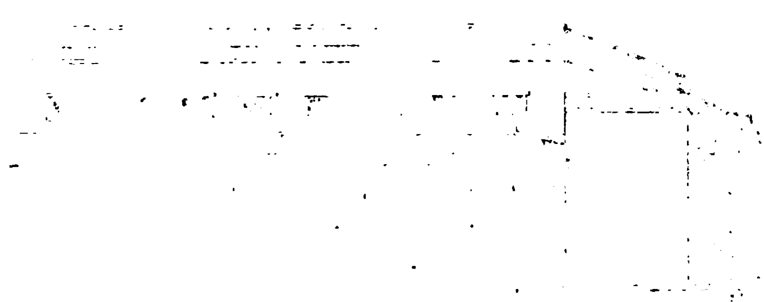

5.

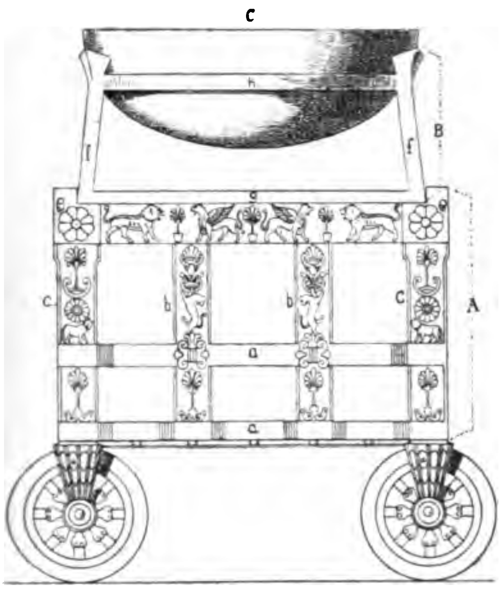
Утварь храма Соломона.

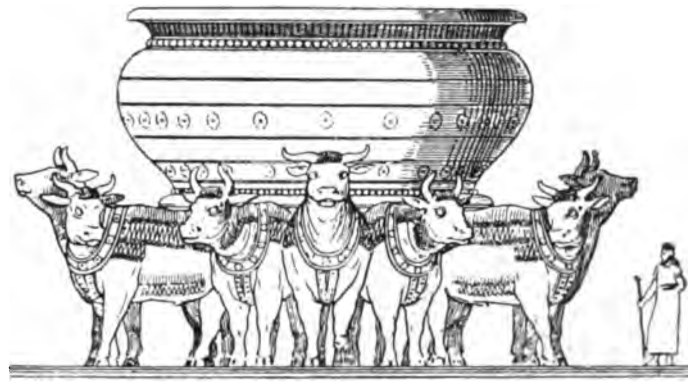
1.

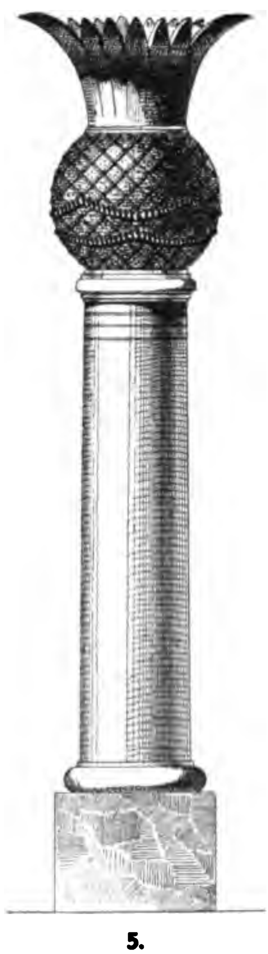
1.

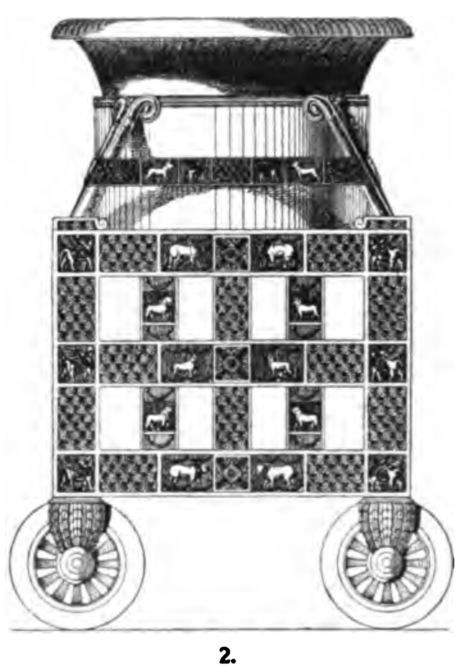
4.

3.

5.

2.

Утварь храма Соломона.

1. Подвижная чаша для священной воды (реконструкція Штаде). 2. То же (реконструкція Бенцингера). 3. Финикійская подвижная чаша съ остр. Кипра. 4. Мѣдное море (реконструкція Штаде). 5. Мѣдная колонна (реконструкція Бенцингера).

Такъ называемыя „могилы царей“ въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Культура и религія въ періодъ первыхъ царей.

1. Общая характеристика.

Когда Израиль вторгся въ страну Ханаанскую, онъ оказался въ области, населеніе которой давно уже вело осѣдлую жизнь, занималось хлѣбопашествомъ и вообще стояло значительно выше Израиля въ культурномъ отношеніи. Вотъ почему тамъ, гдѣ Израилю не удавалось выйти побѣдителемъ изъ вооруженнаго столкновенія, онъ долженъ былъ прійти къ мирному соглашенію со своими непріятелями. Ханаанскія племена и кланы жили въ городахъ и селахъ. Всюду, гдѣ населеніе было смѣшанное, израильтяне сближались съ ханаанеянами или при помощи браковъ или вслѣдствіе торговыхъ сношеній. Поэтому религіозная жизнь широкихъ круговъ Израиля и богослуженіе получили сильный ханаанейскій отпечатокъ.

Таково было положеніе вещей до воцаренія Саула. При немъ Израилю удалось осуществить объединеніе племенъ, которое не было достигнуто ни однимъ изъ вождей эпохи Судей. Какъ еще ни были непрочны основы государства, сколько бы опасностей ни грозило дальнѣйшему существованію націи, важно было то, что изъ племенной группы уже создалось государство. И хотя Саулу пришлось всю свою жизнь провести въ борьбѣ съ филистимлянами, важно было то, что онъ не только могъ вести войну съ ними, но и заставилъ ихъ уважать себя.

Выступленіе Саула, даже одинъ фактъ возникновенія израильскаго царства — какъ бы оно еще ни было слабо — привели къ значительному усиленію національнаго самосознанія. Народъ израильскій почувствовалъ себя какъ нѣчто цѣлое, внутренно окрѣпшее. Каждый испытывалъ радость и гордость при мысли, что онъ израильтянинъ. Этотъ подъемъ національнаго чувства долженъ былъ, естественно, выразиться во враждебномъ отношеніи къ ханаанеянамъ, жившимъ среди Израиля. Если Израиль съ давнихъ поръ находился съ ними въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ, то теперь, съ пробужденіемъ національнаго чувства, онъ сталъ на нихъ смотрѣть какъ на невыносимый чужеземный элементъ, въ лучшемъ случаѣ—какъ на неизбѣжное зло.

Саулъ, дѣйствовавшій напрямикъ, выразилъ такое отношеніе къ ханаанеянамъ въ недвусмысленной и вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожной формѣ. „Въ своемъ рвеніи къ Іагве", какъ разсказываетъ библейская лѣтопись, Саулъ дошелъ до того, что вооруженной силой истребилъ часть ханаанеянъ, именно жителей Гибеона, которые, повидимому, не хотѣли слиться съ израильскимъ народомъ. Въ этомъ поступкѣ Саула было больше благочестиваго рвенія, чѣмъ политической мудрости. Если даже ханаанеяне и не могли искать защиты въ старыхъ договорахъ съ Израилемъ, это насиліе со стороны Саула должно было скорѣе вызвать озлобленіе, чѣмъ привести къ желанному результату. Въ самомъ дѣлѣ, дому Саула пришлось за это впослѣдствіи дорого поплатиться. Но, конечно, этотъ актъ Саула является яркимъ доказательствомъ сильно окрѣпшаго національнаго чувства.

Далѣе, надлежитъ поставить вопросъ, каково было отношеніе Саула къ общимъ культурнымъ задачамъ времени. Всякое вновь возникшее государство всегда ставитъ задачи своему монарху и въ этомъ отношеніи. Безспорно, что положеніе Саула было инымъ въ сравненіи съ положеніемъ Гидеона или Эгуда. Иными поэтому должны были быть и ожиданія народа, иныя задачи долженъ былъ себѣ поставить самъ Саулъ въ сознаніи своихъ царскихъ обязанностей. Но мы объ этомъ ничего не знаемъ, и молчаніе библейскаго повѣствованія, повидимому, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что тутъ, въ сущности, и не о чемъ разсказывать. Саулъ чѣмъ былъ, тѣмъ и остался: сынъ поселянина изъ Гибеа, онъ былъ скорѣе, мужественнымъ царемъ-воиномъ, чѣмъ царемъ-просвѣтителемъ, скорѣе капраломъ, чѣмъ полководцемъ. У него не было ни одного свойства, необходимаго для царя: не было свободнаго взгляда и такого кругозора, который, кромѣ ближайшихъ нуждъ дня и вопросовъ существованія, обнималъ бы болѣе широкія задачи въ области торговли и промышленности или науки и искусства. Правда, необходимо принять во вниманіе, что Саулъ всю жизнь ожесточенно боролся съ филистимлянами и врядъ ли имѣлъ много времени, чтобы заботиться о чемъ-либо другомъ, кромѣ самаго существованія націи. Затѣмъ, надо принять во вниманіе, что его въ ранніе годы постигла душевная болѣзнь, которая съ теченіемъ времени все болѣе усиливалась.

Давидъ въ пониманіи культурныхъ потребностей народа не по-

шелъ значительно дальше своего предшественника. Давидъ окончательно побѣдилъ филистимлянъ, усмирилъ своихъ мятежныхъ сосѣдей, упрочилъ царскую власть и создалъ сильное государство; Давида уважали далеко за предѣлами его владѣній, въ Сиріи, Передней Азіи. Но и Давидъ не думалъ серьезно о расширеніи торговли, о проведеніи новыхъ дорогъ и, поглощенный заботами дня и вопросами существованія царства, почти ничего не сдѣлалъ для израильскаго поселянина и горожанина. Онъ имѣлъ для этого достаточно средствъ; было также немало и удобныхъ случаевъ, чтобы заняться этой стороной народной жизни. Но намъ извѣстно лишь о союзѣ Давида съ Хирамомъ Тирскимъ, да и то мы не знаемъ, какую пользу извлекъ изъ этого союза народъ. Въ общемъ и Давидъ былъ и оставался царемъ-воиномъ, а не миролюбивымъ правителемъ. Можно только отмѣтить, что онъ интересовался веденіемъ лѣтописныхъ записей, начатыхъ впервые въ его время. Въ данномъ случаѣ Давидъ пошелъ дальше Саула, и то, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, дало благіе результаты.

Но если удовлетворенію культурныхъ запросовъ Давидъ отдалъ лишь часть своихъ силъ, то тѣмъ энергичнѣе работалъ онъ тамъ, гдѣ дѣло шло о религіозной и національной жизни Израиля. Въ отличіе отъ Саула съ его слѣпымъ рвеніемъ къ Іагве, Давидъ проявлялъ большую проницательность и большое искусство во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось устройства національной жизни народа. Онъ въ полной мѣрѣ удовлетворилъ ханаанеянъ изъ Гибеона, тяжело пострадавшихъ отъ руки Саула, и сдѣлалъ это, конечно, не для того, чтобы усилить ханаанейскіе элементы, враждебные Израилю, но чтобы облегчить добровольное сліяніе ханаанеянъ съ Израилемъ; это сліяніе, вслѣдствіе постепеннаго упадка ханаанеянъ и возрастанія національнаго могущества Израиля, со времени Давида идетъ стремительно впередъ. Дѣятельность Давида во всѣхъ отношеніяхъ способствовала этому процессу ассимиляціи. То, что Давидъ сдѣлалъ для своего народа, должно было широко распространить славу Израиля и окружить его имя свѣтлымъ ореоломъ. Вкрапленные повсюду среди Израиля коренные жители Ханаана должны были почувствовать, что Израиль постепенно беретъ надъ ними перевѣсъ во всѣхъ областяхъ культурной жизни. Насиліе къ которому прибѣгалъ Саулъ, могло только мѣшать и вредить ассимиляціи; справедливость же и кротость Давида, напротивъ, содѣйствовали процессу мирнаго сліянія, совершавшемуся въ силу внутренней необходимости. Политическая дальновидность Давида увѣнчалась здѣсь блестящимъ успѣхомъ. Спокойной и твердой рукой онъ велъ національное дѣло къ побѣдѣ, и къ концу его царствованія мы можемъ считать ханаанеянъ въ значительнѣйшей части слившимися съ Израилемъ. Соломону пришлось имѣть дѣло уже съ послѣдствіями совершившагося факта.

Таково же было отношеніе Давида и къ религіозной жизни народа. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что въ царствованіе Давида идетъ борьба противъ прогрессирующаго вліянія Ханаана на религію Израиля. Происходившее подъ этимъ вліяніемъ распространеніе культа Ваала было въ принципѣ антинаціональнымъ, поскольку

оно конкурировало съ культомъ Іагве, и въ энергичной борьбѣ противъ этого движенія Давидъ, несомнѣнно, принялъ дѣятельное участіе. Объ этомъ убѣдительно говоритъ фактъ перенесенія въ Іерусалимъ, новую столицу Давида, древней святыни Іагве, ковчега. Этимъ актомъ Давидъ торжественно вновь укрѣпилъ былую связь съ завѣтами Моисея и кочевого прошлаго народа и тѣмъ самымъ заявилъ энергичный протестъ противъ усиливавшагося подчиненія религіи Израиля ханаанейскому вліянію.

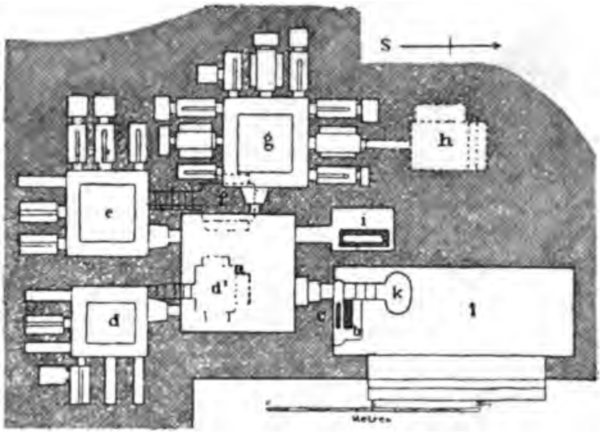
Болѣе ясно вырисовывается отношеніе Соломона къ культурнымъ потребностямъ Израиля: мы уже имѣли возможность охарактеризовать дѣятельность Соломона въ этомъ направленіи въ предшествующей главѣ. Тамъ же говорили мы и о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя Израиль сдѣлалъ въ его царствованіе въ области религіозной жизни. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ лишь о личномъ отношеніи Соломона къ религіи Израиля.

Несомнѣнно, что Соломонъ хотѣлъ продолжить и завершить дѣятельность своего отца, направленную къ укрѣпленію политической и религіозной жизни народа. Сохраняя за священнымъ ковчегомъ Іагве то высокое положеніе, которое ему вернулъ Давидъ, Соломонъ идетъ по пути, проложенному Давидомъ и Самуиломъ. Однако онъ думалъ, что для завершенія дѣла отца прежде всего необходимо построить для ковчега, находившагося до сихъ поръ въ палаткѣ, достойный его храмъ. Несомнѣнно, многіе изъ его приближенныхъ раздѣляли это мнѣніе и поддерживали его въ его намѣреніи. Однако столь же несомнѣнно, что въ Іерусалимѣ, а еще болѣе внѣ Іерусалима, особенно въ Іудеѣ, было немало людей, которые подозрительно смотрѣли на затѣю Соломона, потому что они видѣли въ ней уклоненіе отъ завѣтовъ Моисеевой эпохи.

Протестъ этихъ консервативныхъ круговъ выразился въ словахъ пророка Натана, которыя онъ говорилъ Давиду отъ имени Іагве: „съ того времени какъ я вывелъ Израиля изъ Египта и до сего дня, я никогда не жилъ въ домѣ, но, напротивъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто въ шатрѣ“. Очевидно, что этими словами отклоняется постройка постояннаго жилища для Іагве изъ принципіальныхъ соображеній. Однако Соломонъ предпочелъ традиціямъ Іуды, связаннымъ съ пустыней, традиціи Шило, связанныя съ существовавшимъ тамъ храмомъ.

Во всякомъ случаѣ, Соломонъ какъ въ своемъ отношеніи къ міровой торговлѣ и культурѣ, такъ и въ отношеніи къ религіи является представителемъ новаго времени, человѣкомъ, идущимъ навстрѣчу культурнымъ и эстетическимъ запросамъ, выраженіемъ которыхъ и долженъ былъ явиться храмъ. Такое міровоззрѣніе могъ воспринять израильскій горожанинъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поселянинъ, но ни въ коемъ случаѣ не іудейскій кочевникъ, а еще менѣе всѣ тѣ ревнители Іагве въ Израилѣ и Іудѣ, которые въ глубинѣ души привѣтствовали Давида, энергично боровшагося противъ вліянія Ханаана. Они должны были видѣть въ храмѣ ту опасность, о которой говорилъ нѣкогда Натанъ Давиду.

Это опасеніе не оправдалось, такъ какъ послѣдующія событія въ Эфраимѣ привели, напротивъ, къ тому, что именно іерусалимскій храмъ сталъ могучимъ оплотомъ стариннаго израильскаго духа противъ всякихъ ханаанейскихъ наслоеній. Именно вспыхнувшіе послѣ смерти Соломона раздоры между сѣверомъ и югомъ предуказали храму совершенно исключительную роль въ исторіи развитія израильской религіи.

Планъ царскихъ могилъ.

1—наружный входъ; k — лѣстница внизъ; a — передняя; d, e, g—усыпальницы верхняго этажа съ гробницами въ стѣнахъ; d¹, f, h — усыпальницы нижняго этажа того же типа.

Древнепалестинскіе сосуды.

2. Образъ жизни, культура и общественный строй.

Какъ мы видѣли, переходъ израильскихъ колѣнъ отъ кочевого или полукочевого образа жизни къ осѣдлому, земледѣльческому, совершился уже въ теченіе предшествующаго періода. Теперь мы въ качествѣ послѣдующей стадіи соціальнаго развитія начинаемъ наблюдать тяготѣніе къ городу и усвоеніе формъ городского быта. Резиденція Саула, Гибеа, повидимому, еще ничѣмъ не отличается отъ простой деревни, а „дворецъ“ Саула немногимъ лучше обыкновеннаго дома, построеннаго, какъ всѣ дома того времени, самымъ примитивнымъ способомъ. Такова же резиденція Ишбаала въ Маханаимѣ. Съ воцареніемъ Давида картина мѣняется. На Сіонѣ Давидъ строитъ себѣ уже настоящій замокъ; онъ содержитъ большой гаремъ, обширный придворный штатъ съ пѣвцами и пѣвицами; передъ колесницей царя или наслѣдника бѣгутъ тѣлохранители. Но еще рѣзче мѣняется картина при Соломонѣ. Все болѣе и болѣе усиливается значеніе укрѣпленныхъ, защищенныхъ стѣнами городовъ и царскихъ замковъ, научаются цѣнить красивыя постройки изъ плитъ. Во всемъ сказывается болѣе широкій взглядъ, новый строй жизни.

Нетрудно видѣть, что для осуществленія этихъ новыхъ требованій жизни Израиль не могъ удовлетвориться собственными силами. Родственная связь между ханаанеянами и финикіянами не только не оказалась теперь помѣхой, но скорѣе послужила лишнимъ стимуломъ къ сближенію между Израилемъ и главными финикійскими городскими республиками—Тиромъ и Сидономъ. Столкновенія съ ханаанеянами и насильственныя дѣйствія со стороны Саула и Соломона по отношенію

къ ихъ городамъ нисколько не повредили этой связи Израиля съ Финикiей. Хотя финикiяне сознавали свое родство съ ханаанеянами, однако, какъ торговый народъ, они никогда не согласились бы изъ-за идеальныхъ соображенiй отказаться отъ тѣхъ большихъ барышей, которые имъ давала торговля съ Израилемъ. Для Израиля связь съ Хирамомъ имѣла важныя послѣдствiя. Безъ помощи Хирама врядъ ли были бы мыслимы сооруженiя Давида и Соломона. Чрезвычайно важно было и то влiянiе, которое оказывала эта связь на внутреннее развитiе Израиля. Жившiй до сихъ поръ замкнутой жизнью, Израиль впервые попалъ на широкую арену мiровой торговли и мiровой культуры, о чемъ мы уже говорили выше. Соотвѣтственно этимъ новымъ условiямъ, матерiальная культура также дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Если относить ко времени Саула и Давида часть второго пласта въ Таанахѣ и часть четвертаго пласта въ Мегиддо, то окажется, что мы имѣемъ дѣло съ концомъ бронзоваго вѣка—съ тѣмъ его перiодомъ, когда начинаетъ исчезать кремень, и постепенно входитъ въ употребленiе желѣзо. Техническая обработка металла достигаетъ уже высокой степени развитiя, такъ что въ Мегиддо встрѣчаются сдѣланныя со вкусомъ бронзовыя копья, красивые наконечники стрѣлъ, розетки, изображенiя животныхъ и растенiй, свѣтильники, разнообразные бронзовые треножники и подставки—все сравнительно высокаго качества. Этой техникой, по всей вѣроятности, владѣли и ханаанеяне. Въ ней, какъ и въ гончарномъ дѣлѣ, отчасти сказывается микенское влiянiе. Рядомъ съ нимъ играло значительную роль и египетское влiянiе, какъ доказываетъ то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ тутъ на орнаментахъ лотосъ и фигурки скарабеевъ.

Сверхъ того, для характеристики культурнаго состоянiя разсматриваемой эпохи мы можемъ исходить и изъ другихъ данныхъ, если относить къ ней происхожденiе древнѣйшей космогонiи Израиля и другихъ сказанiй, разсказывающихъ о первобытныхъ временахъ человѣства [1]). Именно, въ этихъ сказанiяхъ имѣется немало элементовъ, заимствованныхъ изъ Вавилонiи. Въ то время, какъ сказанiя о потопѣ проникли прямо изъ Вавилона и получили у Израиля самостоятельную переработку, разсказы о сотворенiи мiра, о раѣ и въ особенности о праотцахъ и о постройкѣ вавилонской башни произошли, вѣроятно, инымъ способомъ. И въ нихъ совершенно отчетливо проглядываетъ вавилонское влiянiе, какъ это показываетъ употребленiе термина תהום, соотвѣтствующаго вавилонскому представленiю о божественномъ первобытномъ хаосѣ Тiаматъ, а также названiя райскихъ рѣкъ, сходство библейскихъ праотцевъ съ первобытными вавилонскими царями и, наконецъ, сказанiе о сооруженiи вавилонской башни. Но вавилонскiе элементы выступаютъ въ этихъ сказанiяхъ въ значительно модифицированномъ видѣ и, повидимому, были переработаны сначала ханаанеянами, а затѣмъ еще разъ—Израилемъ.

---

[1]) Въ первыхъ IX главахъ кн. Бытiя, тѣ части, которыя относятся къ т. наз. Iагвисту. См. объ этомъ во II т. статью „Библiя, какъ историческiй памятникъ“.

Политическія отношенія эпохи первыхъ царей яснѣе всего отражаются въ I гл. книги Судей. То, что случилось съ отдѣльными ханаанейскими городами, какъ Гибеонъ и Беероть, испытали, по всей вѣроятности, и другіе города: Саулъ жестоко съ ними расправился. Давидъ и Соломонъ, хотя отчасти и иными способами, продолжали дѣло въ томъ же направленіи, такъ что постепенно ханаанеяне были или поглощены Израилемъ или покорены. Именно такое положеніе вещей имѣетъ въ виду лѣтописецъ книги Судей (гл. I), говоря во второй части этой главы, что ханаанеяне сдѣлались данниками Израиля. Подъ вліяніемъ той же перемѣны лѣтописецъ книги Бытія (9,25) влагаетъ въ уста Ноя извѣстное изреченіе о Ханаанѣ: въ обозначеніи Ханаана „рабъ рабовъ" по отношенію къ Симу выражается радость по поводу или уже происшедшаго или предстоящаго окончательнаго подчиненія Ханаана. Конечно, ханаанеяне не сразу примирились со своимъ новымъ положеніемъ, и, по крайней мѣрѣ въ первое время, было немало треній и столкновеній. Но съ укрѣпленіемъ царства при Давидѣ эти столкновенія прекратились. Что касается Іуды, то и здѣсь до Давида, а еще въ большей степени при немъ, происходило поглощеніе сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, такъ что со временъ Давида они все болѣе и болѣе сливаются съ племенемъ Іуды.

Важнѣйшимъ событіемъ эпохи было возникновеніе монархическаго строя. Конечно, отношенія каждаго человѣка въ отдѣльности къ царю не тѣ, что къ старшему въ родѣ или племени. Отношенія слагаются самымъ типическимъ образомъ для эпохи, промежуточной между родовымъ и феодальнымъ строемъ.

Царь избирается на основаніи свободнаго договора между нимъ и „народомъ" [1]), подъ которымъ надо разумѣть съѣздъ старѣйшинъ колѣнъ. При этомъ царь, какъ помазанникъ Іагве, является священнымъ, а потому неприкосновеннымъ лицомъ. На войнѣ царь — естественный вождь, во время мира — верховный судья. Съ способомъ веденія войны и съ военнымъ дѣломъ того времени мы достаточно хорошо знакомимся изъ войнъ Давида. Рядомъ съ единоборствомъ— особенно во время большихъ войнъ—значительную роль играетъ сраженіе въ открытомъ полѣ. Давидъ и Іоабъ, отличавшіеся замѣчательной храбростью и военнымъ искусствомъ, являются еще противниками введенія боевыхъ коней для кавалеріи и сраженія на колесницахъ [2]). Но Соломонъ дѣлаетъ уступку времени—вѣроятно, вполнѣ добровольно — и вводитъ боевыхъ коней. Какъ и всюду въ древніе вѣка, жизнь и смерть побѣжденныхъ находится въ рукахъ побѣдителей [3]). По покореніи какого-либо города, въ немъ провозглашается имя побѣдителя, который, какъ это сдѣлалъ позднѣе Меша, царь Моаба, на мѣстѣ своихъ дѣяній

---

[1]) Такъ, при Давидѣ II Сам. 3, 21; 5, 3. Ср. I кн. Царей 12, 1 и слѣд. и въ особенности I Сам. 8, гдѣ говорится о „правахъ" царя (ср. Второз. 17).

[2]) Конямъ, взятымъ въ добычу, калѣчатъ ноги,—ясное доказательство, что еще не знаютъ, на что ихъ употребить, или же сознательно не хотятъ ихъ (II, Сам. 8, 4).

[3]) II Сам. 8, 2 и слѣд.; 12, 31. Далѣе I Сам. 15, 8 и слѣд.; 27, 11.

воздвигаетъ себѣ памятникъ [1]). На войну идетъ во главѣ войска самъ Іагве [2]) и потому, даже когда нѣтъ ковчега, каждый воинъ налагаетъ на себя строгое воздержаніе и соблюдаетъ чистоту. Дипломатическія сношенія съ иноземными государствами тоже начинаются съ возникновеніемъ монархіи [3]). При Соломонѣ эти сношенія, несомнѣнно, получили высокую степень развитія.

Съ созданіемъ монархіи произошли значительныя измѣненія въ строѣ народнаго быта. Правда, старинные родовые и племенные союзы живы и теперь [4]). Саулъ опирается на свое племя Веніамина [5]), Давидъ на племя Іуды. Давидъ идетъ для совершенія родового жертвоприношенія въ Бетъ-Лехемъ, Абшаломъ исполняетъ свой обѣтъ въ Хебронѣ, столицѣ Іуды [6]). Еще существуетъ кровавая месть [7]). Движеніе, руководимое Шими при Давидѣ и Іеровоамомъ при Соломонѣ, опирается на племенное сознаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городахъ продолжаетъ существовать олигархическое правленіе по финикійско-ханаанскому образцу [8]). Однако съ возникновеніемъ монархіи вмѣсто старыхъ кровныхъ союзовъ постепенно возникаютъ новыя самостоятельныя организаціи, которыя отчасти или цѣликомъ вытѣсняютъ власть родовыхъ старѣйшинъ и олигархическое правленіе. Раздѣленіе Соломономъ государства на податные округа уничтожаетъ старый племенной строй. Затѣмъ, врядъ ли Давидъ и Соломонъ въ организаціи войска довольствовались созывомъ ополченія чрезъ старѣйшинъ племенъ и родовъ. Народная перепись въ царствованіе Давида является, несомнѣнно, попыткой поставить военную организацію на новое основаніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ племенными ополченіями уже при Давидѣ появляются наемные полки изъ иностранцевъ [9]). На ряду съ этимъ появляются различныя должности, необходимыя при дворцовомъ управленіи, при чемъ намъ извѣстны имена ихъ высшихъ представителей при Давидѣ и Соломонѣ. Несомнѣнно, что за этими носителями высшихъ долж-

---

[1]) II Сам. 12, 28. Памятникъ побѣды (при Саулѣ) I Сам. 15, 12.

[2]) Ср. II Сам. 5, 20, 24; далѣе особенно II 11, 15, 24 и слѣд. Поэтому и говорится о войнахъ Іагве (не только въ извѣстной книгѣ пѣсенъ); см. I Сам. 25, 28.

[3]) II Сам. 5, 11 (Тиръ); 10, 1 и слѣд. (Аммонъ).

[4]) Относящіяся въ значительной части къ этой эпохѣ Благословенія Іакова (Быт. гл. 49) и Моисея (Второз. гл. 33) говорятъ о колѣнахъ, какъ о вполнѣ реальныхъ и сохранившихъ свои индивидуальныя черты коллективахъ. Лишь колѣно Леви, утратившее въ то время свой этническій характеръ, фигурируетъ въ нихъ, вѣроятно, только для полноты 12-тичленной схемы.

[5]) Ср. I Сам. 22, 7.

[6]) I Сам. 20, 6; II 15, 7 и слѣд.

[7]) II Сам. 14, 7 и слѣд.

[8]) Ср., напр., I Сам. 11, 3; 16, 4; II Сам. 3, 17; 5, 3; 17, 4, 15; 19, 12; I Царей 8, 1, 3. Однако здѣсь часто сохраняется лишь имя старѣйшинъ.

[9]) Чужеземныхъ наемниковъ Давидъ вербовалъ не только среди „крети и плети": 600 воиновъ Иттая изъ Гата исполняли, вѣроятно, ту же роль (2 Сам. 15, 18). Повидимому, они были почему-то изгнаны изъ Гата, послѣ чего искали покровительства у Давида. Во всякомъ случаѣ, изъ отношенія Давида къ ихъ главѣ видно, что Иттаи былъ не простой воинъ, а уважаемый вождь.

ностей стояло большое количество второстепенныхъ представителей власти.

Одновременно съ этимъ происходятъ важныя соціальныя перемѣны въ народной жизни. Конечно, среди Израиля всегда одни были богаче, другіе бѣднѣе,—по крайней мѣрѣ со времени поселенія въ землѣ Ханаанской. Но съ возникновеніемъ монархіи и появленіемъ царскаго двора, какимъ онъ рисуется намъ при Давидѣ и Соломонѣ, съ учрежденіемъ высокихъ государственныхъ должностей и наслѣдственной аристократіи, особенно же со времени развитія выгодныхъ торговыхъ сношеній,—само собой начинаетъ рушиться прежнее общее равенство. Соціальныя противорѣчія проявляются еще не рѣзко, но несомнѣнно, что имѣются уже корни для будущихъ печальныхъ явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ разрушенія и ослабленія старыхъ кровныхъ союзовъ, прекращается и ихъ опредѣляющее вліяніе на индивидуума. Личность все болѣе и болѣе предоставляется самому себѣ, и появляются первые зачатки индивидуализма.

Но все это только слабые ростки будущаго; въ общемъ, право и обычай мало измѣнилось. Мѣсто писаннаго закона, хотя не исключительно, но очень часто занимаетъ обычай [1]). Саулъ и Давидъ—люди меча. Они и ихъ современники своими поступками напоминаютъ намъ, что мы находимся въ желѣзномъ вѣкѣ. По сравненію съ прошлыми временами военный обычай врядъ ли смягчился. Еще существуетъ суровый обычай „херема", или заклятія. Даже тамъ, гдѣ прямо не говорится о „херемѣ", повидимому, съ врагомъ поступаютъ со старинной жестокостью. Побѣжденнаго врага уничтожаютъ, при нѣкоторыхъ хищническихъ набѣгахъ не щадятъ даже женщинъ и дѣтей [2]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ политическія или человѣческія соображенія предписываютъ нѣкоторую сдержанность или полную пощаду, все же судьба побѣжденныхъ достаточно тяжела [3]).

И другіе обычаи носятъ такой же суровый отпечатокъ. Публичное вступленіе въ гаремъ низверженнаго царя, на глазахъ всего народа, считается необходимымъ государственнымъ актомъ для торжественнаго возвѣщенія о завладѣніи верховной властью [4]). Все еще требуетъ жертвъ кровавая месть, причемъ это не только обычай, но и священный долгъ: она еще всецѣло владычествуетъ надъ умами того времени. Кто уклоняется или не исполняетъ велѣній этого обычая, подлежитъ тяжелой карѣ [5]): пролитая кровь, требующая мщенія, падаетъ на него самого. Если нѣтъ мстителя, его обязанность беретъ на себя родъ, чтобы дать покой душѣ убитаго. Если по нѣкоторымъ причинамъ этой мести нельзя привести въ исполненіе, ее замѣняетъ суровая кара или

---

[1]) II Сам. 13, 12; 20, 18.

[2]) I Сам. 27, 9 и слѣд.

[3]) II Сам. 8, 1 и слѣд.; 12, 31.

[4]) II Сам. 17, 22.

[5]) 2 Сам. 14, 8 какъ разъ говоритъ о преступности того, кто уклоняется или препятствуетъ осуществленію кровавой мести.

тяжелое проклятіе, которое должно непремѣнно сбыться. Подъ тяжестью такихъ мыслей Давидъ не можетъ спокойно умереть, пока ему не сообщаютъ объ осуществленіи мести и проклятія надъ Іоабомъ. Давидъ приноситъ въ жертву мрачному суевѣрію потомковъ Саула, ихъ трупы безъ погребенья бросаются въ полѣ на съѣденіе птицамъ и дикимъ звѣрямъ. Саулъ даже собственнаго сына своего чуть было не принесъ въ жертву мрачному предразсудку въ день своей побѣды надъ врагомъ. Однако, поскольку государство становится постепенно на защиту правъ человѣка [1]), оно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ [2]), уничтожаетъ кровавую месть и обезпечиваетъ гражданамъ безопасность отъ покушеній на ихъ личность и отъ притѣсненій.

Башня въ виноградникѣ.

[1]) 1 Цар. 3, 5 и слѣд.; 16 и слѣд.; 2 Сам. 15, 1 и слѣд.; 14. 4 и слѣд.

[2]) Яснѣе всего это выражается въ трогательной жалобѣ женщины въ II кн. Сам. 14, 11: „помяни, царь, Іагве, бога твоего, чтобы не умножились мстители за кровь и не погубили сына моего“.

Ручки отъ глиняныхъ кувшиновъ изъ Телль-Захаріе съ надписями эпохи царей: верхняя строка למלך (царю), нижняя—חברן (Хебронъ—вѣроятно, мѣсто изготовленія).

3. Письменность и духовная жизнь.

Среди высшихъ, придворныхъ и государственныхъ сановниковъ, особенную роль играли מזכיר и ספר. Первый изъ нихъ—канцлеръ, второй—государственный писецъ [1]). Первый, „напоминая“ царю о дѣлахъ, является официальнымъ совѣтникомъ царя [2]), облеченнымъ особымъ довѣріемъ его и, въ качествѣ такового, государственнымъ канцлеромъ. Онъ ведетъ корреспонденцію царя, составляетъ служебныя и, въ особенности дипломатическія грамоты и является отвѣтственнымъ хранителемъ государственнаго архива. Поэтому надо полагать что онъ же составлялъ лѣтописей и другіе официальные документы. Соферъ—писецъ — долженъ былъ слѣдить за правильнымъ изготовленіемъ всѣхъ документовъ. Онъ тоже важное лицо и ни въ коемъ случаѣ не второстепенный чиновникъ. Въ ту эпоху, когда умѣнье читать и писать еще далеко не было общимъ достояніемъ, писецъ является важнымъ довѣреннымъ лицомъ даже для частнаго человѣка, который желалъ, чтобы

---

1) При Соломонѣ было уже два писца.

2) Совѣтникъ, имѣющій болѣе личный характеръ и притомъ ближе всѣхъ стоящій къ царю, кажется, назывался „другомъ царя“. Эту должность при Давидѣ; помимо Ахитофеля (который называется также совѣтникомъ יועץ, занималъ Хушай. II Сам. 15, 37; 16, 16; I Хрон. 28, 33. Ср. I Цар. 4, 5.

его воля была правильно выражена въ письмѣ или договорѣ. Тѣмъ болѣе это относится къ государственному писцу, который съ полнымъ правомъ занимаетъ мѣсто среди высшихъ сановниковъ и пользуется особеннымъ довѣріемъ царя.

Значеніе этихъ должностей при Давидѣ и Соломонѣ особенно возрастаетъ. Правда, эти должности существовали и при Саулѣ,—по крайней мѣрѣ должность писца, — ибо послѣ всего вышесказаннаго мы врядъ ли могли бы представить дворъ Саула безъ писца и безъ государственнаго архива, хотя бы и скромнаго. Но только теперь эти должности пріобрѣтаютъ дѣйствительное значеніе. Если до сихъ поръ услугами писцовъ пользовались лишь въ единичныхъ случаяхъ, то теперь это становится общераспространеннымъ обычаемъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества. Несомнѣнно, этому способствовало не только измѣненіе общихъ условій жизни, но и тотъ новый способъ буквеннаго письма, который получаетъ теперь все большее распространеніе.

И дѣйствительно, условія для болѣе или менѣе широкаго развитія письменности впервые являются при Давидѣ. Со времени вторженія Израиля въ страну Ханаанъ и до воцаренія Давида народъ, собственно, никогда не пользовался миромъ и не имѣлъ случая дать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Все вниманіе его было заполнено борьбой за ненарушимое обладаніе своей страной. При Давидѣ впервые явилась возможность спокойнаго внутренняго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось и высоко развилось національное самосознаніе. Завоеванія, развившія народную гордость, слава, которая озарила Давида, царя-героя, и его прославленнаго сына, нуждались въ словесномъ выраженіи, чтобы и современники испытывали радость отъ нихъ, и потомство вспоминало о великихъ временахъ. И если радость по поводу настоящаго или недавняго прошлаго создала потребность къ послѣдовательному изображенію событій, то эта потребность была удовлетворена лишь тогда, когда рядомъ съ героическимъ образомъ Давида, который нельзя было отдѣлить отъ тяжелыхъ испытаній въ суровые дни его юности, получила свое выраженіе въ разсказѣ и глубоко трагическая фигура его несчастнаго предшественника.

Поэтому вполнѣ естественно, что какъ при Саулѣ, такъ въ особенности при Давидѣ и Соломонѣ, рядомъ съ разнообразной частной корреспонденціей и судебными грамотами развилась и офиціальная литература. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, одинъ списокъ изъ царскаго архива, относящійся ко времени Саула (I Сам. 14, 49—51), но, вѣроятно, онъ былъ не единственный. Такіе же списки и таблицы у насъ сохранились и отъ царствованія Давида. Въ нихъ перечисляются члены его семьи изъ различныхъ періодовъ его жизни, а также его высшіе сановники—тоже изъ различныхъ эпохъ его царствованія. Такого же рода и такого же происхожденія были списки участниковъ болѣе широкаго и болѣе тѣснаго круга героевъ Давида, его спутниковъ въ войнѣ, но, къ сожалѣнію, они дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а со многими прибавленіями въ видѣ разнообразныхъ анекдотовъ, которые

народное преданіе сплетало съ памятью великаго царя [1]. Но зато до насъ дошли въ неизмѣненномъ видѣ списки изъ эпохи Соломона, относящіеся къ болѣе позднему періоду его царствованія, такъ какъ въ качествѣ верховнаго жреца названъ сынъ Цадока; въ этихъ спискахъ перечисляются какъ высшіе сановники Соломона, такъ и провинціи его царства и имена ихъ управителей.

У насъ нѣтъ ни одного достовѣрнаго документа, доказывающаго сколько-нибудь широкое развитіе офиціальной литературы при Саулѣ, хотя мы и не можемъ совершенно отрицать ея существованія въ его эпоху. Какъ мы видимъ, совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ эпоху Давида и Соломона. Поэтому надо полагать, что записи о великихъ и славныхъ походахъ Давида, а также о важныхъ его дѣяніяхъ въ другихъ областяхъ, также имѣлись въ государственномъ архивѣ. Поэтому мы имѣемъ полное основаніе отнести всѣ краткіе или подробные отчеты о войнахъ или правленіи Давида, поскольку они производятъ впечатлѣніе офиціальныхъ документовъ, къ тѣмъ анналамъ, которые составлялись подъ наблюденіемъ царя. Если мы вспомнимъ, что и анналы ассирійскихъ царей содержатъ то простой перечень главныхъ дѣяній царя, то болѣе обстоятельное изложеніе отдѣльныхъ событій, то мы безъ труда различимъ и въ отрывкахъ изъ анналовъ Давида двѣ категоріи записей. Примѣромъ первой категоріи можетъ служить описаніе появленія Давида въ Іерусалимѣ, его переговоровъ съ Хирамомъ и его войны съ іебуситами (II Сам. 5, 1—2, 6—7, 9—12). Сюда же относится отчетъ о военныхъ дѣяніяхъ Давида во II кн. Сам. 8, при чемъ и здѣсь мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ простымъ извлеченіемъ изъ документа. Ко второй категоріи принадлежитъ разсказъ о войнѣ съ аммонитянами и арамеянами (II Сам. 10; 11, 1; 12, 26—31). Этотъ столь важный историческій документъ производитъ впечатлѣніе политическаго мемуара. Его авторъ не только прекрасно освѣдомленъ о всѣхъ событіяхъ, но и знаетъ, какія политическія причины вызвали оскорбленіе пословъ, каковъ былъ характеръ и каково значеніе тактики Іоаба, и какой результатъ имѣлъ весь походъ для Давида и всего Израиля. Автора такого разсказа мы можемъ искать лишь въ самомъ тѣсномъ кругу приближенныхъ Давида, а иниціативу составленія этого мемуара должны приписать царю и его канцлеру. Такого же происхожденія и другіе отрывки офиціальной литературы, именно тѣ, которые представляютъ простое перечисленіе чиновниковъ, событій, округовъ и, въ особенности, описаніе Соломонова храма и дворца, тоже, конечно, заимствованное изъ офиціальнаго источника.

Если мы такимъ образомъ видимъ, что уже при Давидѣ существовала значительная офиціальная литература, то мы можемъ пойти дальше и допустить для изслѣдуемой эпохи существованіе также поэтической литературы. Какъ мы знаемъ, самъ Давидъ былъ поэтомъ; образцомъ его художественнаго творчества является пѣснь на смерть Саула и Іонаѳана [2], записанная въ „Книгѣ Доблестнаго“, „въ назиданіе

[1] 2 Сам. 23, 8 и слѣд.; 13 и слѣд.

[2] Ср. стр. 257.

сынамъ Іуды". Весьма вѣроятно, что Давидъ велѣлъ собрать всѣ произведенія героическаго эпоса, сохранившіяся отъ прошлыхъ временъ: такимъ образомъ возникли обѣ книги пѣсенъ—„Книга войнъ Іагве" (ספר מלחמות יהוה) и „Книга Доблестнаго (ספר הישר), или Доблестныхъ" [1]). Возможно, что вмѣстѣ съ этимъ явились и произведенія самостоятельнаго творчества: въ отдѣльныхъ частяхъ книги Судей мы имѣемъ остатки этихъ наиболѣе раннихъ произведеній эпической литературы, созданной частными лицами.

Литературное развитіе при Соломонѣ дѣлаетъ новый шагъ впередъ: при Соломонѣ нашелся человѣкъ, который, обладая болѣе, чѣмъ кто-либо другой, нужнымъ для этого талантомъ, оставилъ намъ исторію великаго царя Давида. Онъ не хочетъ писать исторію въ обычномъ смыслѣ слова; то, что онъ разсказываетъ,—прежде всего семейная исторія, но въ ней захвачена и политическая жизнь, поскольку на нее имѣла вліяніе семейная жизнь Давида. Эта исторія пишется не для всѣхъ, ибо въ ней не говорилось бы въ такомъ случаѣ объ интимнѣйшихъ подробностяхъ жизни царя и даже о его преступленіяхъ. Но авторъ ея имѣетъ доступъ и къ публичнымъ документамъ, которые онъ отчасти и помѣщаетъ цѣликомъ въ свой разсказъ. Изъ всего этого можно заключить, что разсказчикъ стоялъ близко къ великому царю и былъ однимъ изъ приближенныхъ Соломона. Произведеніе этого неизвѣстнаго намъ по имени автора обнаруживаетъ необыкновенное искусство разсказчика; онъ мастеръ въ этомъ дѣлѣ и почти въ совершенствѣ обладаетъ способностью давать цѣльную картину, нарисованную съ большимъ умѣньемъ. Событія у него цѣпляются одно за другое, одно выростаетъ съ внутренней необходимостью изъ другого. Пластика его изображенія и тонкость психологическаго пониманія поразительны: часто кажется, будто онъ читаетъ въ душахъ людей, о которыхъ онъ разсказываетъ. Когда онъ разсказываетъ, какъ царь, босой и плачущій, покидаетъ Іерусалимъ, у насъ навертываются слезы на глаза. Онъ заставляетъ насъ восторгаться вѣрностью чужеземнаго военачальника, оставшагося преданнымъ Давиду, когда его собственный сынъ возсталъ на него. У насъ замираетъ сердце при ожиданіи смерти его сына отъ Батшебы или при мысли о томъ, какъ будетъ передана царю вѣсть о гибели Абшалома. И мы отъ всей души смѣемся остроумной продѣлкѣ женщины изъ Текоа, съ помощью которой Іоабу удалось перехитрить своего повелителя. Авторъ уважаетъ и чтитъ въ Давидѣ могущественнаго царя, но онъ въ то же время не боится указать со всей серьезностью и высшимъ безпристрастіемъ на слабыя стороны Давида, какъ человѣка; мало того, онъ видитъ въ нихъ причину того, что справедливый судъ Іагве произнесъ суровый

[1]) Ср. кн. Чиселъ 21, 14; Іош. 10,13; II Сам. 1,18, гдѣ цитируются „Книга войнъ Іагве" и „Книга Доблестнаго (Доблестныхъ)". Еще одна цитата изъ стариннаго источника имѣется въ 1 Цар., 8,13: согласно LXX въ концѣ этого стиха имѣлась приписка αὔτη γέγραπται ἐν τῷ βιβλίῳ τῆς ᾠδῆς—дословно: „какъ написано въ Книгѣ пѣсни"). Здѣсь едва ли имѣется въ виду какая-либо новая, неизвѣстная намъ „Книга пѣсенъ", и рѣчь, вѣроятно, идетъ о той же Книгѣ Доблестнаго (ספר השיר=ספר הישר).

приговоръ надъ Давидомъ и его домомъ. Его прагматизмъ—прагматизмъ нравственнаго міропорядка. Надо думать, что разсказчикъ, обладавшій въ такой степени способностью глубокаго проникновенія и мастерствомъ разсказчика, не могъ не имѣть предшественника въ этой области. По всей вѣроятности, для него былъ образцомъ авторъ героическихъ разсказовъ въ книгѣ Судей.

Печать Шемы, слуги Іеробеама.

Реконструкція Соломонова храма (по архит. Шику).

4. Религія и культъ.

Уже было выше указано въ главныхъ чертахъ, какія формы получила народная религія Израиля подъ вліяніемъ ханаанейской природной религіи. Въ началѣ царскаго періода она оставалась безъ измѣненія или продолжала развиваться въ томъ направленіи, въ которомъ она развивалась раньше. Продолжаютъ существовать старыя мѣста религіознаго культа, ихъ украшеніемъ служатъ по прежнему массебы [1]) и ашеры; по временамъ, быть можетъ, приносятся въ жертву перворожденные [2]). Существуетъ, какъ раньше, и чародѣйство [3]), находящееся, несомнѣнно, въ связи съ почитаніемъ мертвыхъ. Въ неприкосновенномъ видѣ сохраняется эфодъ; встрѣчаются также изображенія семейныхъ боговъ, къ которымъ надо отнести терафимовъ. Сохранились, вѣроятно, изваянія Іагве въ нѣкоторыхъ общественныхъ или полуобщественныхъ святилищахъ, какъ, напр., въ святилищѣ Дана. Только въ устройствѣ алтаря, по всей вѣроятности, со временемъ произошла перемѣна: старыя формы жертвоприношенія исчезаютъ все болѣе и болѣе или получаютъ второстепенное значеніе, и входитъ въ обычай сожженіе жертвы на каменномъ столѣ.

О характерѣ народной религіи этого времени лучше всего можно судить по тѣмъ представленіямъ о Іагве, какія мы находимъ въ произведеніяхъ, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ. Въ народномъ сознаніи Іагве стоитъ все еще не очень далеко отъ ханаанскаго

---

1) Абшаломъ строитъ себѣ массебу (такъ наз. Іадъ Абшаломъ). Но, вѣроятно, это не единственная массеба, что доказываютъ уже двѣ колонны въ храмѣ Соломона.

2) Ср. Исх. 22, 28. Также кн. Бытія 22.

3) I Сам. 28, 9. Разсказъ весьма типиченъ.

Ваала. Это видно изъ того, что какъ-разъ въ первую половину нашей эпохи въ высшихъ слояхъ народа встрѣчаются имена, въ которыя входитъ слово Ваалъ [1]). Изъ этого можно заключить о распространенности этихъ именъ и въ менѣе извѣстныхъ намъ низшихъ слояхъ народа.

Поэтому насъ не должно удивлять, если Іагве, въ представленіяхъ народа, по существу мало отличается отъ какого-либо изъ мѣстныхъ или сосѣднихъ боговъ. Представленіе о божествѣ строится на принципѣ: cuius regio, eius religio—принципъ, который лѣтописецъ приписываетъ уже эпохѣ Судей [2]). Съ тѣхъ поръ какъ Израиль завладѣлъ землей Ханаанской, въ ней господствуетъ Іагве; но внѣ этой области царятъ другіе боги. Кто перейдетъ границу, тотъ долженъ чтить божество новой страны и служить ему [3]). Понятно, что при такомъ взглядѣ на божество рядомъ съ Іагве признавалось существованіе и другихъ боговъ. При этомъ Іагве не считается ни единственнымъ ни неограниченнымъ божествомъ. Кто живетъ и умираетъ въ своей странѣ, тотъ живетъ и умираетъ передъ лицомъ Іагве и вмѣстѣ съ тѣмъ въ присутствіи своего мстителя. Умретъ человѣкъ внѣ своей страны,—кровь его остается неотомщенной.

Естественно, что богъ, власть котораго простирается на такую ограниченную область, и въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ и въ своей дѣятельности не стоитъ на недосягаемой высотѣ. Подобно человѣку, онъ бушуетъ по временамъ, иногда гнѣвается безъ причины или, по крайней мѣрѣ, безъ понятной причины. Въ этомъ случаѣ онъ или прямо караетъ, ниспосылая болѣзнь или бѣдствіе, или направляетъ другого на того, кто навлекъ на себя его гнѣвъ [4]), или, наконецъ, толкаетъ его на преступленіе, чтобы потомъ покарать [5]). И когда богъ гнѣвается, нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что его можно умилостивить жертвой. Бываютъ особенно тяжелыя обстоятельства, когда путь къ искупленію закрытъ [6]). Еще опаснѣе всякое соприкосновеніе съ священнымъ ковчегомъ. Если къ нему слишкомъ близко подойти, онъ можетъ причинить большую бѣду [7]). Какъ бы ни было необходимо и желательно присутствіе ковчега на войнѣ, онъ внушаетъ страхъ своей таинственной силой, такъ что даже Давидъ, можетъ быть, въ сознаніи

---

[1]) Ишбаалъ, Мерибаалъ, Беэліада (I Хрон. 14, 7). Особенно обращаетъ вниманіе I Сам. 14, 49: по греческому тексту Ишіо — Ишбаалъ, т.-е. Ваалъ=Іагве. Въ разсматриваемое нами время происходитъ, такимъ образомъ, смѣшеніе этихъ словъ.

[2]) Книга Судей 11, 24 (Кемошъ и Іагве).

[3]) I Сам. 26, 19 (Давидъ высказываетъ это положеніе въ моментъ, когда онъ намѣревается перейти въ страну филистимлянъ).

[4]) I Сам. 26, 19 (Іагве возбудилъ тебя противъ меня).

[5]) II Сам. 24, 1. Какъ извѣстно, авторъ кн. Хроникъ, смутившійся такимъ способомъ дѣйствій Іагве, замѣнилъ Іагве Сатаною.

[6]) Ср. I Сам. 3, 14 (вина дома Эли слишкомъ велика); 2, 25 (если преступленіе совершено противъ Іагве, прощеніе вообще проблематично); 26, 19 (пусть принесутъ ему благовонную жертву,—это смягчитъ его).

[7]) I Сам. 6, 19, также главы 4 и 5; II Сам. 6, 7 и слѣд. Хотя эти разсказы относятся къ разнымъ моментамъ, въ нихъ правильно отражается настроеніе времени.

своей вины, предпочитаетъ, отправляясь въ походъ противъ Абшалома, оставить ковчегъ на Сіонѣ [1]).

Кромѣ этого, въ народныхъ вѣрованіяхъ попрежнему важное мѣсто занимаютъ представленія о добрыхъ и злыхъ духахъ, окружающихъ человѣка. Саула и его судьбу отчасти можно понять, принявъ во вниманіе глубоко проникающую его боязнь таинственныхъ силъ [2]). Подъ вліяніемъ такого же страха, Давидъ соглашается искоренить домъ Саула [3]). Передъ лицомъ смерти люди чувствуютъ себя безпомощными [4]). Послѣ смерти человѣкъ является къ своимъ праотцамъ [5]) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ моментъ смерти [6]), чтобы вмѣстѣ съ ними жить въ царствѣ тѣней. Въ связи съ культомъ духовъ находятся и родовыя жертвоприношенія [7]) и культъ семейныхъ боговъ (терафимовъ) [8]).

О формахъ культа народной религіи въ Библіи, конечно, не сохранилось сколько-нибудь подробныхъ данныхъ. Все же можно установить нѣкоторыя главныя черты. Если мы не знаемъ точно, какъ совершался культъ въ безчисленныхъ маленькихъ святилищахъ, тамъ, гдѣ приносились жертвы частными лицами, и въ частныхъ домахъ, то мы все же можемъ догадываться объ этомъ, особенно по нѣкоторымъ пережиткамъ позднѣйшаго времени. Но кое-какія свѣдѣнія есть и изъ нашей эпохи. Возвращающагося домой Саула встрѣчаютъ люди, несущіе въ Бетъ-Эль первенцевъ отъ своихъ стадъ и десятину своего урожая [9]). О размѣрѣ нѣкоторыхъ жертвенныхъ праздниковъ можно составить себѣ представленіе изъ того, что Абшаломъ на жертвоприношеніе въ Хебронѣ приглашаетъ 200 гостей [10]). Перенесеніе ковчега въ Іерусалимъ, обставленное Давидомъ съ праздничной пышностью, сопровождалось нѣкоторыми странными для насъ явленіями, которыя, очевидно, были отраженіемъ народной религіи. Въ торжественной процессіи Давидъ идетъ впереди всей толпы, приплясывая, полуобнаженный, подобно экстатикамъ-пророкамъ [11]). О нѣкоторыхъ обычаяхъ при жертвоприношеніи, утвердившихся въ противоположность господствующей практикѣ какъ въ Шило, такъ, вѣроятно, и въ другихъ священныхъ мѣстахъ во время господства самовластныхъ и своекорыстныхъ жрецовъ, разсказывается въ исторіи Эли [12]).

Очень важнымъ элементомъ народной религіи было представленіе

---

[1]) II Сам. 15, 25; ср. 11, 11.

[2]) I Сам., 14, 43 и слѣд.; 28, 1 и слѣд.

[3]) II Сам., 21, 1 и слѣд. Ср. I кн. Цар. 2, 5 и слѣд.

[4]) II Сам., 12, 23: „я сойду къ нему, но онъ не вернется ко мнѣ“.

[5]) I Цар. 1, 21; 11, 21; ср. 2, 10; 11, 43.

[6]) Убитый, напр.,—въ крови (I кн. Цар. 2, 9. 6). Только этимъ объясняется поведеніе Рицпы (II Сам. 21), а также отношеніе филистимлянъ и жителей Ябеша къ трупамъ Саула и Іонатана (I, 31).

[7]) I Сам. 20, 6; II Сам. 15, 11.

[8]) I Сам. 28, 3 и слѣд.

[9]) I Сам. 10, 3.

[10]) II Сам. 15, 11.

[11]) II Сам. 6.

[12]) I Сам., 2, 12 и слѣд.

о томъ, что въ трудныхъ случаяхъ можно спросить Іагве и получить отъ него оракулъ. Полученіе оракула всегда сопровождалось жертвоприношеніями и особыми обрядами. Жрецъ кидаетъ передъ эфодомъ жребій—такъ называемые уримъ и туммимъ; это куски дерева опредѣленной формы или камни, различающіеся цвѣтомъ или какой-либо иной примѣтой, которая условно обозначаетъ „да“ или „нѣтъ“. Вопросы ставятся всегда такъ, чтобы на нихъ можно было отвѣтить или „да“ или „нѣтъ“ [1]), и посредствомъ метанія священнаго жребія получается отвѣтъ. Метаніе жребія посредствомъ уримъ и туммимъ производилось также и предъ ковчегомъ. Неполученіе отвѣта считается признакомъ особенной немилости Іагве [2]). Затѣмъ мы встрѣчаемся еще съ однимъ интереснымъ явленіемъ, относящимся къ этой области—съ оракуломъ, получаемомъ во снѣ. Этотъ оракулъ практиковался, повидимому, въ Шило, затѣмъ послѣ его паденія—въ Нобѣ и особенно въ Гибеонѣ. Тотъ, кто искалъ откровенія свыше, запирался на ночь въ святилищѣ, чтобы во снѣ узнать волю божества [3]).

Существуютъ по прежнему и изображенія божества, главнымъ образомъ въ видѣ эфода. Послѣ разрушенія святилища въ Шило мы встрѣчаемся съ эфодомъ въ Нобѣ, гдѣ онъ находится подъ охраной Ахимелеха бенъ Ахитубъ изъ дома Эли [4]). Возможно, что это былъ тотъ же эфодъ, который соорудилъ Гидеонъ въ Офрѣ. Этотъ эфодъ Ахимелеха черезъ посредство Абіатара попадаетъ впослѣдствіи къ Давиду. Если эфодъ Гидеона—изображеніе бога, то тѣмъ же самымъ долженъ быть эфодъ Саула и Давида [5]).

Что касается офиціальной религіи въ періодъ первыхъ царей, то ея представителей, такъ же какъ и въ предшествующемъ періодѣ, мы должны искать, главнымъ образомъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся дѣятелей этой эпохи. Таковыми, являются, конечно, три первые царя и рядомъ съ ними жрецъ-пророкъ Самуилъ. Объ отношеніи трехъ царей къ религіи выше было сказано съ достаточной подробностью; при изображеніи народной религіи также часто упоминались ихъ имена въ особенности Саула и Давида. Поэтому будетъ достаточно, если мы повторимъ вкратцѣ сказанное и кое-что прибавимъ.

Повидимому, Самуилъ пользовался значительнымъ вліяніемъ среди наиболѣе строгихъ почитателей Іагве. Напротивъ, Саулъ и Давидъ не могутъ считаться сторонниками чистаго культа Іагве. Оба—и Саулъ и Давидъ—отдавали большую дань народной религіи. Послѣ разрушенія Шило Саулъ совершенно отвернулся отъ культа ковчега Іагве и сдѣлалъ

[1]) Какъ все это происходило, видно изъ текста I Сам. 14, 40 и слѣд., если его возстановить въ первоначальномъ видѣ.—Въ I Сам. 10 разсказывается объ оракулѣ, получаемомъ посредствомъ стрѣлы.

[2]) I Сам. 28, 6. Ср. 3, 1. Оба мѣста относятся также къ видѣнію во снѣ.

[3]) Ср. I Сам. 3, 2 и слѣд.; I Цар. 3, 5 и слѣд., также I Сам. 21, 8.

[4]) Встрѣчающееся имя Ахія бенъ Ахитубъ (I Сам. 14, 3) относится, вѣроятно, къ тому же лицу.

[5]) Въ иномъ смыслѣ говорится объ эфодѣ (или אפוד בד) въ I Сам. 2, 18, 22, 18; II Сам. 6, 14. Это—льняная священническая одежда, которую носили жрецы, служившіе у ковчега.

своей святыней эфодъ. То же дѣлаетъ сначала и Давидъ, пока онъ не возстановляетъ прежняго культа ковчега. Въ домѣ Саула, по крайней мѣрѣ у одного изъ его членовъ, былъ въ обычаѣ культъ семейныхъ боговъ. Давидъ не боролся съ этимъ обычаемъ или не могъ помѣшать ему [1]). Также, повидимому, Давидъ придерживается взгляда, что власть Іагве надъ другими богами ограничена, и въ существованіи чужихъ боговъ онъ врядъ ли сомнѣвался. А Соломонъ идетъ такъ далеко, что этой вѣрѣ даетъ выраженіе въ постройкѣ алтарей, посвященныхъ чужимъ богамъ.

Наконецъ, сюда надо отнести и тотъ фактъ, что Давидъ, дѣйствуя, какъ носитель власти, во время голода, для искупленія вины Саула по отношенію къ Гибеону, уступилъ требованіямъ гибеонитовъ и велѣлъ убить нѣсколькихъ потомковъ Саула [2]). Этотъ эпизодъ съ особенной ясностью показываетъ намъ, на какомъ уровнѣ стояла тогда народная религія, и какое вліяніе она могла оказывать на руководящіе умы.

Мы были бы, однако, неправы, если бы стали судить о государственной религіи только по этимъ примѣрамъ личной уступчивости ея представителей по отношенію къ народной религіи. Эти примѣры рисуютъ лишь одну сторону дѣла. Основаніе Іерусалима, перенесеніе туда ковчега, построеніе храма,—всѣ эти акты Давида и Соломона выдвигали государственный элементъ въ религіи, стремились поставить ковчегъ, какъ государственую святыню, и Іагве, какъ государственнаго бога, выше всѣхъ мѣстныхъ святынь и мѣстныхъ божествъ. Въ связи съ этимъ развивается и болѣе высокое представленіе о божествѣ, навѣянное отчасти, быть можетъ, иноземнымъ вліяніемъ. Такъ, Соломонъ, при всей его терпимости къ чужимъ богамъ, въ томъ стихѣ, который онъ произнесъ при освященіи храма, съ полной опредѣленностью говоритъ, что Іагве есть богъ неба и создатель звѣздъ.

Но если такими были главные представители эпохи, то понятно, что и офиціальный культъ долженъ былъ носить черты двойственнаго характера. Мы уже видѣли, что въ разсматриваемую нами эпоху, такъ же какъ и въ предшествующій періодъ, даже и у наиболѣе выдающихся людей къ культу примѣшивались различные элементы народной религіи. Когда Самуилъ приноситъ жертву въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, или въ Гилгалѣ, или еще гдѣ-нибудь, то при этомъ, вѣроятно, онъ соблюдаетъ обычныя формы [3]). Нужно только прибавить, что вмѣстѣ съ появленіемъ обычая сжигать жертву, находившагося въ связи съ продолжающимся процессомъ освобожденія Іагве отъ чертъ, сближавшихъ его съ земными и подземными богами, происходило и нѣ-

---

[1]) I Сам. 19, 13 и слѣд. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что терафимъ имѣетъ человѣкообразный видъ.

[2]) II Сам. 21, 1, и слѣд. Ср. II Сам. 24.

[3]) Ср. также возліяніе воды передъ Іагве въ Мицпѣ (I Сам. 7, 6), что могло соотвѣтствовать мѣстному обычаю (также II Сам. 23, 17), а также возліяніе елея въ Бетъ-Элѣ (кн. Бытія 28, 18; 35, 14). О нѣкоторыхъ обычаяхъ во время жертвоприношеній и трапезъ см. I Сам., 9, 13, 19, 23 и слѣд.

которое очищеніе представленія о жертвѣ. Пища для бога все болѣе и болѣе понимается въ образномъ смыслѣ.

О богослужебномъ ритуалѣ въ болѣе крупныхъ общественныхъ святилищахъ мы знаемъ слишкомъ мало. Въ самомъ крупномъ и въ самомъ знаменитомъ между ними въ періодъ до царей—въ Шило—укрѣпился старинный жреческій родъ Эли, повидимому, занимавшій здѣсь совершенно самостоятельное положеніе. Возможно, что во многихъ отношеніяхъ принятый здѣсь ритуалъ совпадалъ съ тѣми предписаніями культа, которыя заключались въ Книгѣ Союза. Нѣкоторые намеки на такія предписанія по отношенію къ жертвоприношенію у насъ сохранились [1]. Главнымъ праздникомъ здѣсь, кажется, былъ осенній праздникъ, на который стекаются всѣ окрестные жители. Женщины тоже принимаютъ участіе въ праздничныхъ пиршествахъ. Жрецы носятъ льняной эфодъ [2]. При этомъ быть левитомъ не считается обязательнымъ: молодой Самуилъ происходитъ изъ колѣна Эфраима. Внутри храма у ковчега ночью горитъ свѣтъ; здѣсь спитъ Самуилъ [3].

Такъ называемое Благословеніе Моисея (Второз. 33) даетъ намъ изображеніе левита эпохи Эли. Согласно этому изображенію, самая важная функція жреца—давать оракулъ, и эта обязанность спеціально возлагается на левита. Тутъ же о левитахъ говорится:

> Они хранятъ твои велѣнія и блюдутъ союзъ съ тобою.
> Они обучаютъ Іакова твоимъ законамъ и Израиль—ученью твоему.
> Они приносятъ тебѣ куренья и всесожженіе на твой алтарь.
> Благослови, Іагве, достояніе Леви, и да будутъ угодны тебѣ произведенія рукъ его.
> Сокруши бедра его противниковъ и враговъ его, дабы они больше не вставали.

Отсюда слѣдуетъ, что въ то время, когда писались эти слова, положеніе левитовъ было тяжелое. Такъ, несомнѣнно, было въ царствованіе Саула, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣръ Самуила, который не былъ левитомъ, а также тѣ притѣсненія, которыя испытали отъ Саула левиты [4]. Изреченіе это также показываютъ намъ, въ чемъ въ то время заключалось назначеніе жреца: давать оракулъ, обучать закону, приносить жертвы и толковать „союзъ“ съ божествомъ.

Послѣ разрушенія Шило и воцаренія Саула мы встрѣчаемъ потомковъ Эли въ Нобѣ. Вмѣсто ковчега они теперь, кажется, владѣютъ эфодомъ. Какъ и у ихъ предковъ, жреческой одеждой имъ служитъ льняный эфодъ, въ ихъ святилищѣ находятся хлѣбы предложенія и дары посвященія [5]. Все болѣе и болѣе жрецы превращаются въ царскихъ чиновниковъ. Ихъ былой независимости, повидимому, нѣтъ и слѣда. Рядомъ съ потомкомъ Эли, Абіатаромъ, который бѣжалъ изъ Ноба

---

[1]) Въ I Сам. 2, 13 и слѣд. говорится о нѣкоторыхъ правилахъ и положеніяхъ, относящихся къ святилищу.

[2]) I Сам. 2, 18, ср. 22, 18; II Сам. 6, 14.

[3]) I Сам. 3, 1 и слѣд.; ср. 1, 1.

[4]) Въ сѣверной области послѣ Іеровоама I мы не знаемъ ни одного случая, чтобы жрецомъ былъ левитъ.

[5]) I Сам. 21, 1 и слѣд.; 22, 6 и слѣд.

къ Давиду и всю жизнь служилъ при немъ, даже еще раньше Абіатара Давидъ имѣлъ при себѣ, въ качествѣ жреца, извѣстнаго Цадока. Онъ неизвѣстнаго, можетъ быть даже незначительнаго, происхожденія [1]), но всегда упоминается раньше Абіатара. Однако, какъ бывшій жрецъ знаменитаго святилища, Абіатаръ занимаетъ первое жреческое мѣсто. Неизвѣстно, былъ ли Цадокъ левитомъ, однако, въ виду того значительнаго предпочтенія, которое оказывалось жрецамъ-левитамъ, возможно, что онъ былъ левитомъ. Однако Давидъ и позднѣе не останавливается передъ назначеніемъ на высокій жреческій постъ людей иного происхожденія [2]). Да и самъ онъ въ своемъ царскомъ святилищѣ, въ торжественныхъ случаяхъ одѣтый въ льняной эфодъ, исполняетъ жреческія функціи [3]).

Такъ же поступалъ и Соломонъ [4]). И онъ назначаетъ и смѣщаетъ жрецовъ по собственному усмотрѣнію [5]); однако, насколько мы можемъ судить, онъ выбиралъ на эти должности лишь членовъ дома Цадока.

Такъ представляемъ мы себѣ религіозный характеръ періода и тотъ поворотный пунктъ, который былъ отмѣченъ въ религіозной жизни возвращеніемъ и возвеличеніемъ ковчега и построеніемъ храма. Паденіе Шило и злой рокъ, постигшій ковчегъ, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Потомки Эли покидаютъ святилище, которое обезчещено плѣномъ, и, повидимому, переходятъ къ почитанію эфода — отчасти въ Нобѣ, отчасти въ другихъ мѣстахъ, быть можетъ, въ Офрѣ. Вмѣстѣ съ ними, а можетъ быть и вліяя на нихъ, соблюдаетъ этотъ культъ и Саулъ. Давидъ, достигшій власти, сначала удерживаетъ культъ эфода, но, сдѣлавшись царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, онъ ищетъ случая, чтобы вернуть старой святынѣ ея былое значеніе. Наконецъ, Соломонъ завершаетъ дѣло Давида построеніемъ центральнаго государственнаго святилища.

Указавъ черты, которыя возвышали официіальную государственную религію и общественный культъ надъ народной религіей, мы не дали еще исчерпывающаго изображенія религіознаго быта нашего времени. Слѣдуетъ остановиться еще на роли пророковъ въ жизни и религіи этой эпохи. О пророкахъ въ первый періодъ царствованія Саула мы ничего не знаемъ. Возможно, что съ наступленіемъ болѣе спокойнаго времени они сами отошли опять на задній планъ. Но зато рядомъ съ каждымъ изъ первыхъ трехъ царей мы встрѣчаемъ пророковъ, являвшихся высшими религіозными руководителями царя и народа и ихъ живою совѣстью въ религіозныхъ дѣлахъ. Какимъ духомъ они проникнуты, мы знаемъ вполнѣ опредѣленно. Самуила мы встрѣчаемъ, какъ представителя Шило. Про Натана мы знаемъ (2 Сам. 7), что онъ былъ противникомъ храма и сторонникомъ шатра. Ахія бо-

[1]) Имя его отца никогда не упоминается. Поэтому о его происхожденіи ничего неизвѣстно.

[2]) II Сам. 8, 18, 20, 26. Ср. также I Царей 4.5,—сынъ Натана при Соломонѣ.

[3]) II Сам. 6, 14.

[4]) I Цар. 3, 4; ср. 8, 62 и слѣд.

[5]) I Цар. 2,35.

рется противъ склонности Соломона къ нѣкоторымъ новшествамъ. Всѣ они единодушны въ своемъ протестѣ противъ умаленія Iагве и противъ смѣшенія культа Iагве съ ханаанейской природной религiей.

Мы весьма мало знаемъ, каковы были ихъ религiозныя воззрѣнія. Но когда мы читаемъ, какъ Натанъ бросилъ обвиненіе въ лицо Давиду послѣ его глубокаго паденія: „ты тотъ человѣкъ!", и какъ Самуилъ сказалъ Саулу: „послушаніе лучше жертвы!"—мы можемъ приблизительно представить себѣ сущность ихъ религiозной мысли. Она заключалась не въ одномъ лишь храненіи старыхъ преданій о Iагве, но выдвигала воззрѣніе на божество, какъ на нравственное начало. Однако пророки не пытались измѣнить ни культа Израиля ни мѣста культа. Тамъ, гдѣ они находили массебы, ашеры или даже изваянія, они не протестовали противъ нихъ. Роль пророковъ, какъ преобразователей культа, была еще далеко впереди.

Можно отмѣтить также нѣкоторыя изреченія пророковъ, имѣющія до извѣстной степени мессiанический характеръ, хотя еще въ самой зачаточной формѣ и въ примѣненіи къ стремленіямъ Iуды захватить суверенитетъ надъ остальными израильскими племенами. Самымъ древнимъ образцомъ этого рода являются изреченія Билеама (Числ. 23 и 34). Жившій въ послѣдній періодъ царствованія Саула или въ началѣ царствованія Давида національный пророкъ выразилъ, вѣроятно, въ этихъ изреченіяхъ ожиданіе, что на тронѣ Израиля появится свѣтлая фигура, которая съ блескомъ доведетъ до конца борьбу съ безпокойными сосѣдями на югѣ. Такой же характеръ носитъ „предсказаніе" о Iудѣ въ Благословеніи Iакова. Тамъ племени Iуды обѣщается могущественное царство со скипетромъ и державой и появленіе на его тронѣ великаго царя. Возможно, что и это изреченіе должно быть приписано неизвѣстному пророку, жившему въ началѣ царствованія Давида.

Ашеры.

Образцы іерихонской керамики: амфоры, горшокъ, кубокъ, лампа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Рехабеамъ, Іеровоамъ, и ихъ ближайшіе преемники.

1. Раздѣленіе царствъ.

Царствованіе Соломона таило въ себѣ рядъ разлагающихъ началъ, способныхъ привести къ катастрофѣ. Она могла разразиться и много позже кончины Соломона, но почва для нея была вполнѣ подготовлена, настроеніе народа созрѣло для разрыва, и стоило лишь появиться подходящему лицу, готовому взять на себя иниціативу, чтобы наступила неизбѣжная развязка.

Переходъ отъ условно-наслѣдственной монархіи [1]) къ крутому деспотическому режиму совершился слишкомъ быстро. Еще Давидъ, подобно Саулу, получилъ царскій вѣнецъ изъ рукъ старѣйшинъ народа по свободному избранію колѣнъ израилевыхъ. Израильское царство было тогда, такимъ образомъ, наполовину наслѣдственной, наполовину избирательной монархіей. Сыновья же Давида одинъ за другимъ выступали въ качествѣ наслѣдниковъ престола: ни Абшаломъ, ни Адонія, ни Соломонъ и не помышляли о томъ, чтобы подтвердить свое право избраніемъ на съѣздѣ старѣйшинъ. Преемниками царской власти отца своего они считали себя по праву сыновнему, и въ ихъ глазахъ Израиль представлялъ собою истую наслѣдственную монархію. Возникновеніе этихъ династическихъ воззрѣній было какъ нельзя болѣе естественно: если бы Іонатанъ не погибъ преждевременно, эта эволюція, несомнѣнно, завершилась бы еще въ домѣ Сауловомъ.

---

[1]) Въ самомъ понятіи царь (מלך), правда, всегда заключалось представленіе о наслѣдственности его власти (ср., напр., Суд. 8, 22 и 9, 2); но поскольку при извѣстныхъ обстоятельствахъ царямъ ставились тѣ или иныя условія (2 Сам. 5, 3; 1 Цар. 12, 1 и сл.), царская власть во Израилѣ не была строго наслѣдственной монархіей. Первые цари назначались въ силу унаслѣдованныхъ ими правъ или же по волѣ своихъ предшественниковъ, но утвержденіе ихъ все же зависѣло отъ воли старѣйшинъ.

Новый взглядъ на характеръ царской власти могъ имѣть благотворныя послѣдствія лишь въ томъ случаѣ, если бы дому Давида удалось привязать къ себѣ израильскія колѣна. Между тѣмъ тяжелыя обстоятельства помѣшали самому Давиду вполнѣ осуществить эту нелегкую задачу, и сѣверныя колѣна, а также колѣно Веніаминово, все время питали извѣстное недовѣріе къ его власти. Еще менѣе посильной оказалась эта задача Соломону, деспотическія наклонности котораго въ связи съ тяжелымъ налоговымъ бременемъ, возложеннымъ въ его царствованіе на плечи народа, никакъ не могли способствовать забвенію недавняго прошлаго, когда не случайность рожденія, а воля народная возводила избранника на царскій тронъ.

Все это, однако, само по себѣ не могло бы вызвать катастрофы. И нашъ источникъ, хотя и подчеркиваетъ—быть можетъ, чрезмѣрно—эту именно сторону, намекаетъ все же, что тяжелыя жертвы, принесенныя народомъ на алтарь Соломонова царства, были лишь поводомъ, а не истинной причиной катастрофы. Причинъ этихъ надо искать глубже: онѣ кроются во всей предшествующей исторіи еврейскаго народа, и раздѣленіе царствъ есть результатъ цѣлаго ряда факторовъ, результатъ неизбѣжный, наступившій при первомъ представившемся случаѣ.

Мы видѣли, что уже древнѣйшая эпоха исторіи Израиля характеризуется сплоченіемъ дотолѣ ничѣмъ не связанныхъ элементовъ. Племена различнаго происхожденія и характера встрѣтились въ періодъ своего кочевого существованія и образовали одно, но слабо спаянное, цѣлое. Реальная связь между отдѣльными составными частями нерѣдко совершенно отсутствовала. Произошло смѣшеніе арамейскаго, ханаанейско-израильтянскаго и аравійскаго элементовъ, при чемъ, однако, послѣдній элементъ, представленный кочевыми племенами южной Іудеи, никогда не считалъ себя вполнѣ однороднымъ съ двумя остальными. Когда наступила эпоха завоеванія Ханаана, то родъ Іосифа и колѣна сѣвера пошли однимъ путемъ, колѣно Іуды—другимъ. Въ теченіе всего періода судей вплоть до Саула Іуда стоитъ особнякомъ, заботясь исключительно о своихъ интересахъ. Не удается и Саулу укрѣпить свое вліяніе въ колѣнѣ Іуды. Когда въ Саулѣ зародилась подозрительность къ Давиду, и онъ сталъ преслѣдовать вліятельнѣйшаго мужа въ колѣнѣ Іудиномъ, никто не могъ ожидать, что это обстоятельство усугубитъ постепенно обнаруживавшуюся отчужденность между Іудой и Израилемъ. Такъ съ момента вступленія Іуды въ союзъ израильскихъ колѣнъ и до смерти Саула рознь между сѣверомъ и югомъ шагъ за шагомъ скорѣе росла, чѣмъ сглаживалась.

Съ воцареніемъ Давида, во главѣ націи становится колѣно Іуды. Казалось бы, что теперь, когда судьба Израиля была передана въ руки вождя, счастливаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ и упорнаго въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ, дѣло болѣе тѣснаго—не только внѣшняго, но и внутренняго—сплоченія и объединенія народа имѣло всѣ шансы на успѣхъ. Но объединеніе не было достигнуто. Сепаратистскія тенденціи отдѣльныхъ колѣнъ оказались сильнѣе сознанія общности интересовъ и идеи духовнаго единства народа. Тщетны были попытки Да-

вида привлечь къ себѣ послѣ смерти Саула неіудейскія колѣна; его бережное отношеніе къ нимъ не могло изгладить воспоминанія о судьбѣ Саула и его рода. Возстаніе Абшалома и въ еще большей степени возмущеніе Зебаха были наглядным доказательствомъ того, что объединеніе колѣнъ носияо очень непрочный и чисто внѣшній характеръ. Какъ уже указывалось, сѣверныя колѣна навсегда сохранили по отношенію къ Давиду свою внутреннюю отчужденность, въ особенности колѣно Іосифа, вѣрное памяти Гидеона, и колѣно Веніаминово, которое не могло забыть Саула. И ужъ, конечно, не Соломонъ, каковы бы ни были его заслуги въ иныхъ отношеніяхъ, могъ смягчить этотъ раздоръ.

Причинъ раздѣленія царствъ слѣдуетъ, однако, искать не въ одной лишь области политической. Извѣстную роль сыграли, несомнѣнно, также и религіозныя соображенія. Въ древнѣйшее время различіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ сѣвера и юга не имѣло рѣшающаго значенія. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ Іерусалимъ со своимъ храмомъ сталъ претендовать на первое мѣсто въ ряду святынь Израильскихъ, между сѣверомъ и югомъ на ряду съ политической рознью все болѣе и болѣе чувствуется также и рознь религіозная.

Какъ самъ Іерусалимъ, такъ и его храмъ были проникнуты по существу новымъ духомъ. Къ тому же самая роскошь Соломонова храма съ его подражаніемъ чужеземнымъ образцамъ вызывала не мало глубокихъ сомнѣній съ точки зрѣнія староизраильскихъ завѣтовъ. По Іосифу Флавію (Древн. VIII, 8, 3), отпавшія израильскія колѣна говорили: „Оставимъ Рехабеаму храмъ, сооруженный его отцомъ"; пророкъ Натанъ высказывалъ, согласно библейскому преданію, противъ сооруженія храма рядъ соображеній принципіальнаго характера, указывая на то, что богу народа пустыни гораздо болѣе подобаетъ простая обитель на подобіе шалаша или палатки, чѣмъ роскошный храмъ; наконецъ, самое отпаденіе Іеровоама приводится въ Библіи въ непосредственную связь съ агитаціей пророка Ахіи. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ обстоятельствъ явствуетъ, что преданіе знало о существованіи сильной непріязни какъ ко всему режиму Соломона, такъ, въ частности, къ іерусалимскому храму, вытекавшей изъ религіозныхъ побужденій. Наиболѣе благопріятную почву это анти-іерусалимское движеніе нашло, конечно, на сѣверѣ, какъ среди населенія, такъ въ особенности, въ кругу жрецовъ, которые служили при алтаряхъ на высотахъ, разбросанныхъ по всей странѣ.

Ибо конкуренція храма, несмотря на его недавнее возникновеніе, день ото дня становилась опаснѣе для старыхъ святынь Шило, Бетъ-Эля, Дана и др. Въ случаѣ сохраненія единства царства самый фактъ существованія іерусалимскаго храма грозилъ неминуемой гибелью всѣмъ этимъ святынямъ: онѣ не могли бы устоять въ неравной борьбѣ съ царскимъ храмомъ, имнонировавшимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ. Вотъ почему жрецы мѣстныхъ святилищъ въ центрѣ и на сѣверѣ страны были заклятыми врагами іерусалимскаго храма и, слѣдовательно, противниками политическаго единства Израиля. До тѣхъ поръ, пока Іерусалимъ былъ столицей единаго царства, потокъ па-

ломниковъ въ праздничные дни долженъ былъ все болѣе и болѣе отклоняться отъ Шило, Бетъ-Эля, Сихема и Дана въ сторону новаго храма, осыпаемаго царскими милостями и возвышаемаго въ глазахъ народа воспоминаніями о царѣ Давидѣ, а старымъ святынямъ грозило забвеніе и запустѣніе, ихъ жрецамъ—неизбѣжная нищета.

Такимъ образомъ, и въ области религіозной имѣлось достаточно причинъ для недовольства Іерусалимомъ и для борьбы противъ государственнаго единства. Существованіе храма, какъ центра богослуженія, противорѣчило идеаламъ старозавѣтныхъ ревнителей вѣры на сѣверѣ и на югѣ и возстанавливало ихъ — поскольку они не принадлежали къ колѣну Іуды—противъ Іерусалима и политическаго единства Богъ пустыни возсталъ на бога Сіона; а на ряду съ этимъ выступали и жрецы древнихъ, нѣкогда ханаанскихъ, святилищъ, предвидѣвшіе, что сохраненіе единства страны съ Сіономъ во главѣ означало ихъ собственную неминуемую гибель.

Броженіе среди сѣверныхъ колѣнъ успѣло достигнуть значительнаго напряженія еще при Соломонѣ; это подтверждается возмущеніемъ, разразившимся еще при его жизни. Лишь вооруженной силой удалось Соломону подавить мятежъ и предотвратить отпаденіе сѣверныхъ колѣнъ. Душою возстанія былъ одинъ изъ царскихъ приближенныхъ, надсмотрищикъ надъ работами, Іеровоамъ. Но Соломонъ былъ достаточно силенъ, чтобы отбить у возставшихъ всякую охоту къ возобновленію подобныхъ попытокъ при его жизни. Іеровоаму пришлось бѣжать въ Египетъ, гдѣ, повидимому, его приняли съ распростертыми объятіями. Можетъ показаться страннымъ, что израильскій мятежникъ находитъ убѣжище въ Египтѣ, такъ какъ дочь фараона была одной изъ женъ Соломона. Но это объясняется тѣмъ, что Шошенкъ, пріютившій Іеровоама, былъ основателемъ новой династіи и, слѣдовательно, ничего общаго съ Соломономъ не имѣлъ. Къ тому же въ Египтѣ вообще считали, очевидно, небезвыгоднымъ держать при дворѣ претендентовъ на иноземные престолы съ тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ оказывать черезъ нихъ вліяніе на политику сосѣднихъ государствъ.

Послѣ смерти Соломона, относящейся приблизительно къ 937 году, на первыхъ порахъ казалось естественнымъ, что его преемникомъ является его сынъ Рехабеамъ. Что̀ именно давало ему преимущество предъ другими сыновьями Соломона, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, унаслѣдовалъ престолъ и удержался на немъ нѣкоторое время. Однако недовольство режимомъ Соломона, давно бродившее въ сѣверныхъ колѣнахъ, вырвалось наружу если не при самомъ вступленіи Рехабеама на престолъ, то во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ этого. Нѣкоторый промежутокъ времени прошелъ, вѣроятно, въ переговорахъ и попыткахъ къ успокоенію страстей, пока, наконецъ, Рехабеамъ не рѣшился явиться въ Сихемъ, на съѣздъ князей колѣнъ, и тамъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ недовольными. Тѣмъ временемъ успѣлъ вернуться изъ Египта Іеровоамъ и—вѣроятно, съ согласія Шошенка—сталъ во главѣ движенія.

Представители Израиля указали Рехабеаму на непосильныя тяготы, возложенныя на народъ Соломономъ, и требовали ихъ облегченія. Рехабеамъ первоначально какъ будто готовъ былъ удовлетворить желанія колѣнъ; то же самое совѣтовали ему и старѣйшіе изъ его приближенныхъ, помнившіе еще времена Давида и лучшія традиціи ранней эпохи царствованія Соломона. Однако, посовѣтовавшись со своими приближенными, избранными имъ лично изъ молодого поколѣнія, Рехабеамъ рѣшилъ отклонить предъявленныя требованія. Окружавшіе его представители іудейской молодежи, выросшіе на принципахъ Соломона, чтили эти начала, какъ высшее проявленіе царской мудрости и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ основу авторитета царской власти: непреклонная строгость и на сей разъ, какъ при Соломонѣ, должна была заставить замолчать недовольныхъ. Однако молодые совѣтники упускали при этомъ изъ виду, что стоявшему за ихъ спиною царю далеко было до талантовъ и силы Соломона.

Задорно-вызывающій отвѣтъ на требованія колѣнъ—таковъ единственный подвигъ Рехабеама. Когда же князья отказываютъ ему въ повиновеніи и съ возгласомъ:

Что намъ въ Давидѣ?
Нѣтъ у насъ никакой доли въ сынѣ Ишаи!
По шатрамъ своимъ Израиль!
Теперь держись за свой домъ, Давидъ!—

покидаютъ Сихемъ, Рехабеамъ безсиленъ осуществить свои угрозы. Попытка уладить разгорающійся конфликтъ мирнымъ путемъ не удается; народъ переходитъ къ открытому мятежу и побиваетъ каменьями царскаго посланца, старца Адонирама. Рехабеамъ начинаетъ опасаться за собственную жизнь и, ища спасенія, бѣжитъ въ Іерусалимъ. Народъ немедленно призываетъ Іеровоама и провозглашаетъ его царемъ Израильскимъ. Рехабеамъ фактически лишается престола: его власть переходитъ къ Іеровоаму, только столица Іерусалимъ и колѣно Іуды [1]), къ которому Рехабеамъ принадлежитъ, сохраняютъ вѣрность сыну Соломона. Такимъ образомъ, всенародное государство Давида вернулось къ первоначальнымъ узкимъ предѣламъ племенного государства, и внукъ Давида вновь сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ его дѣдъ въ Хебронѣ до избранія его царемъ надъ всѣмъ Израилемъ.

Одинъ лишь оплотъ остался у колѣна Іудина, оплотъ, дававшій ему нѣкоторыя преимущества передъ сѣверомъ. То былъ Іерусалимъ съ его храмомъ и связанными съ нимъ лучезарными воспоминаніями о Давидѣ и Соломонѣ. Обладаніе этимъ оплотомъ и дало возможность династіи Давида упрочить свое положеніе и сохранить самостоятельность маленькой и слабой страны на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

---

[1]) Причисленіе сюда же колѣна Веніаминова (I Цар. 12, 21 и 23), мало вѣроятное само по себѣ, объясняется позднѣйшимъ добавленіемъ. Только нѣсколько пограничныхъ мѣстностей этого колѣна, напр., Рама и Мицпа, дѣйствительно вошли въ составъ Іудейскаго царства.

Стэла Шошенка въ Карнакскомъ храмѣ.

2. Рехабеамъ, Абія, Аса.

Въ образѣ дѣйствій сѣверныхъ колѣнъ Рехабеамъ (937—920) не могъ не видѣть бунта, а отсюда вытекала неизбѣжность вооруженной борьбы съ Іеровоамомъ. Весьма вѣроятно, что вначалѣ, пока еще были къ услугамъ богатая казна и арсеналы Соломона, Рехабеаму удавалось одерживать успѣхи надъ своимъ врагомъ. Повидимому, одно время Іеровоамъ оказался даже въ довольно стѣсненномъ положеніи, побудившемъ его или самому обратиться за помощью въ Египетъ или принять предложенную ему оттуда поддержку. Но, въ общемъ, междуусобная борьба тянется безъ серьезнаго успѣха для Іуды вплоть до смерти Рехабеама.

Опасныя послѣдствія внутренняго ослабленія Израиля вскорѣ сказываются на его международномъ положеніи. Египетъ, до тѣхъ поръ въ виду своей слабости не рѣшавшійся нарушить покой объединившагося

израильскаго народа, вдругъ занимаетъ враждебную позицію. Еще при Соломонѣ правители Египта довольствовались однимъ лишь формальнымъ признаніемъ ихъ суверенитета надъ Ханааномъ, а фактическое вмѣшательство ихъ въ судьбы Израиля ограничивалось тѣмъ, что они давали при своемъ дворѣ убѣжище всѣмъ израильскимъ перебѣжчикамъ, не стѣсняясь при этомъ даже близкими отношеніями Соломона къ одной изъ египетскихъ династій. Но раздѣленіе царствъ столь явно знаменуетъ ослабленіе Израиля, что Египетъ немедленно заявляетъ претензію на дѣйствительное господство надъ Ханааномъ. Наиболѣе простымъ и рѣшительнымъ средствомъ для возстановленія египетскаго суверенитета въ Ханаанѣ казалось униженіе и полное разореніе столицы Израиля, каковой продолжалъ считаться Іерусалимъ. И, дѣйствительно, фараонъ Шошенкъ совершаетъ набѣгъ на Іудею, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и на Израиль; онъ предаетъ разграбленію Іерусалимъ и увозитъ всѣ сокровища храма, накопленныя Соломономъ, и прежде всего его роскошные золотые щиты. Надпись на памятникѣ, поставленномъ Шошенкомъ въ Карнакскомъ храмѣ въ честь этого похода, даетъ возможность заключить, что Шошенкъ преслѣдовалъ не одну лишь цѣль—унизить Іерусалимъ или оказать поддержку своему прежнему другу Іеровоаму. Въ этой надписи перечисляются названія цѣлаго ряда покоренныхъ египтянами мѣстностей, входившихъ въ составъ территоріи царства Іеровоама. Походъ Шошенка представляется поэтому уже не простымъ хищническимъ набѣгомъ, а сознательнымъ шагомъ, прямымъ продолженіемъ политики, начавшейся завоеваніемъ Гезера. Шошенкъ былъ болѣе воинствененъ, чѣмъ его предшественники на тронѣ фараоновъ; однако и онъ врядъ ли рѣшился бы вести такую активную политику, если бы Израиля не раздирали гибельныя распри. По крайней мѣрѣ, о какихъ-либо иныхъ предпріятіяхъ Шошенка ничего неизвѣстно.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ послѣднее время выдвинуты серьезныя сомнѣнія въ достовѣрности извѣстій карнакской надписи. Именно, доказываютъ, что перечень завоеванныхъ израильскихъ мѣстностей въ карнакской надписи цѣликомъ заимствованъ изъ болѣе древнихъ аналогичныхъ надписей. Въ виду этого, быть можетъ, правильнѣе всего держаться библейскаго разсказа, какъ извѣстно, совершенно умалчивающаго о походѣ Шошенка на царство Іеровоама. Это умолчаніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что позднѣйшихъ редакторовъ библейскаго текста отнюдь не приходится заподозрѣвать въ преднамѣренномъ замалчиваніи неудачъ, постигавшихъ Іеровоама. Напротивъ, если бы въ устномъ преданіи нашлась хоть малѣйшее указаніе на такую неудачу, они, несомнѣнно, внесли бы его въ свою переработку.

Если царство Іеровоама было оставлено Шошенкомъ при экспедиціи въ Палестину нетронутымъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть доказательство того, что между фараономъ и Іеровоамомъ уже въ моментъ возвращенія послѣдняго изъ Египта существовало соглашеніе, предусматривавшее вторженіе египетскихъ отрядовъ въ Іудею, чтобы поддержать предпріятіе Іеровоама. Возможно также, что первоначальные успѣхи, достигнутые Рехабеамомъ благодаря предусмотрительно

накопленнымъ Соломономъ военнымъ запасамъ, побудили Іеровоама искать выходъ изъ своего затруднительнаго положенія въ союзѣ съ Египтомъ. Весьма вѣроятно, что и перенесеніе Іеровоамомъ своей столицы въ Пенуэль, въ Заіорданье, также должно быть объяснено тяжелыми условіями его борьбы съ Рехабеамомъ.

Нашествіе Шошенка относится къ пятому году царствованія Рехабеама. Правленіе его длилось послѣ того еще 12 лѣтъ, которыя протекли столь же безславно и неудачно, какъ и первые годы. Книга Хроникъ повѣтствуетъ о сооруженіи Рехабеамомъ ряда крѣпостей. Если довѣриться этимъ сообщеніямъ, то придется признать, что Рехабеамъ послѣ катастрофы принялъ мѣры для предотвращенія въ будущемъ подобныхъ неожиданностей. Большинство перечисляемыхъ тамъ крѣпостей (Бетъ-Лехемъ, Хебронъ, Зифъ, Текоа) предназначались для обороны юга и юго-востока Іудеи. Съ другой стороны, укрѣпленія Лахиша должны были обезпечить сообщеніе Хеброна съ Газой, а крѣпости Мареша, Адулламъ, Сохо, Гатъ, Азека, Цареа и Аялонъ прикрывали доступъ къ прибрежной равнинѣ. Эти мѣропріятія были во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе безполезныхъ нападеній на Іеровоама. Они не могли, правда, вернуть Рехабеаму утраченной власти надъ отпавшими колѣнами, но зато обезпечивали Іудѣ, по крайней мѣрѣ, неприкосновенность его границъ [1]).

Преемникомъ Рехабеама былъ сынъ его Абія. Царствованіе его, продолжавшееся три года (920—917), протекло въ безплодной борьбѣ съ Іеровоамомъ. Матерью Абіи была Мааха, дочь Абшалома, быть можетъ, извѣстнаго сына Давида. Точнѣе рѣшить этого вопроса, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній, невозможно. Если это предположеніе правильно, Абія былъ правнукомъ Давида какъ по отцу, такъ и по матери. Въ его царствованіе начинается та роковая политика по отношенію къ арамеянамъ, которую особенно усиленно проводилъ его преемникъ Аса. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было соглашеніе съ царемъ Табриммономъ, отцомъ Бенъ-Гадада (Венадада). Современный Абіи израильскій царь Баша немедленно послѣдовалъ его примѣру и, повидимому, сумѣлъ болѣе щедрыми посулами склонить Табриммона на свою сторону. Въ концѣ концовъ, въ этомъ соперничествѣ за пріобрѣтеніе союзника верхъ одержалъ преемникъ Абіи, Аса. Существованіемъ, хотя бы и временнымъ, поддержки со стороны Домаска подкрѣпляется достовѣрность сообщенія о томъ, что Абія отнялъ у Іеровоама нѣсколько городовъ и продвинулъ границы своего царства до Бетъ-Эля, Іезаны и Эфрона, на сѣверной границѣ колѣна Веніаминова, которое теперь, повидимому, дѣйствительно

[1]) Редакторъ книги Царей высказываетъ Рехабеаму рѣзкое порицаніе за его отношеніе къ вопросамъ религіи и культа, а именно за покровительственное отношеніе къ богослуженію на высотахъ и даже къ религіозному разврату. Спорнымъ остается, однако, вопросъ, относится ли это замѣчаніе только лично къ Рехабеаму или касается всего Іудейскаго царства. Сохраненіе и даже увеличеніе числа высотъ съ массебами и даже ашерами вполнѣ вѣроятно, тѣмъ болѣе, что мать Рехабеама была иностранкой.

вошло въ составъ Іудейскаго царства. И нельзя отказать въ вѣроятности предположенію, что эта именно неудача и привела вскорѣ къ насильственному прекращенію династіи Іеровоама: какъ извѣстно, сынъ его, Надабъ, палъ подъ стѣнами Гиббетона отъ руки убійцы.

Несомнѣнно, для Дамаска вся эта эпоха оказывается благопріятной. Во времена Давида арамейское царство не играло особой роли; при Соломонѣ оно, правда, успѣло освободиться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ гнета, но не могло внушать Израилю никакихъ опасеній; однако весьма скоро послѣ возникновенія борьбы и соперничества между обоими еврейскими царствами Дамаскъ созналъ всѣ преимущества своего положенія и сумѣлъ прекрасно использовать ихъ. Обоимъ противникамъ-царямъ не остается, въ концѣ концовъ, ничего иного, какъ поочередно искать союза съ Дамаскомъ. Правители же послѣдняго, въ свою очередь, становились безъ долгихъ размышленій на сторону того, кто сулилъ имъ больше выгодъ. При этомъ интересъ ихъ заключался, прежде всего, въ захватѣ части израильской территоріи; пока же осуществленіе этой цѣли представлялось недостижимымъ, имъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что они держали Израиля подъ страхомъ постоянной угрозы.

Торговля Дамаска крайне нуждалась въ свободномъ доступѣ къ Средиземному морю, путь къ которому велъ едва ли не исключительно черезъ израильскія области. Современный Дамаскъ сообщается съ моремъ черезъ высоты Ливана на Бейрутъ, древній Беритъ. Но для торговыхъ каравановъ того времени путь этотъ былъ недоступенъ, и приходилось искать иного, менѣе труднаго. Такой путь проходилъ отъ Дамаска на югъ до побережья Генисаретскаго озера, пересѣкалъ здѣсь Іорданъ и направлялся черезъ область колѣнъ Нафтали и Зебулуна въ сторону Акко. Но то была сфера господства израильскихъ царей, и дамасскимъ караванамъ и купцамъ для пользованія этимъ удобнѣйшимъ для нихъ путемъ приходилось волей-неволей вступать въ соглашеніе съ Израилемъ. Если послѣдній добивался отъ арамеянъ поддержки, то ему приходилось покупать ихъ союзъ цѣной уступокъ въ сферѣ ихъ торговыхъ интересовъ. Если же арамеянамъ приходилось открывать военныя дѣйствія противъ Израильскаго царства, то вниманіе ихъ должно было устремляться, прежде всего, на овладѣніе этими именно областями или, по меньшей мѣрѣ, на установленіе извѣстныхъ правъ свободнаго прохода черезъ ихъ предѣлы.

Послѣ ранней смерти Абіи преемникомъ его становится сынъ его Аса, мать котораго также носитъ имя Маахи. Царствовалъ онъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, 41 годъ (917—876). Въ религіозномъ отношеніи онъ обнаруживалъ больше рвенія къ чистому культу Іагве, чѣмъ его отецъ и дѣдъ. Даже на высотахъ онъ допускалъ почитаніе одного только Іагве. Онъ изгналъ проникшихъ въ Іудейское царство „кедешъ", т.-е. женщинъ, проституировавшихъ въ честь культа Астарты, а съ ними вмѣстѣ и самое поклоненіе этой богинѣ; боролся также и съ другими чужеземными культами. О размѣрѣ вліянія этихъ чужихъ культовъ и о рѣшительности мѣръ, принятыхъ противъ нихъ, можно

судить по тому, что Аса не остановился передъ лишеніемъ своей матери принадлежавшихъ ей, какъ царицѣ-матери, особыхъ привилегій, за ревностное участіе ея въ чужеземныхъ культахъ. По библейскому разсказу, она воздвигла богинѣ Ашерѣ „чудище“ [1]), которое Аса изрубилъ и сжегъ у потока Кидрона. Храму же Іагве Аса удѣлялъ усиленное вниманіе, обогащая его дарами и приношеніями.

Несомнѣннымъ заслугамъ Асы по отношенію къ культу Іагве и іерусалимскому храму приходится, однако, противопоставить сомнительнаго достоинства лавры, заслуженные имъ на поприщѣ политическомъ. Правда, нашъ лѣтописецъ упоминаетъ суммарно о боевыхъ подвигахъ Асы и о томъ, что онъ соорудилъ рядъ городовъ и крѣпостей. Болѣе или менѣе детальныя свѣдѣнія объ этомъ дошли до насъ, однако, только въ кн. Хроникъ и притомъ въ такой формѣ, которая не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Въ особенности въ кн. Хроникъ восхваляется блестящая побѣда Асы надъ какимъ-то совершенно неизвѣстнымъ эѳіопскимъ царемъ Зерахомъ. Поэтому, приходится ограничиться тѣми немногими, но подробными данными, которыя сообщаются въ книгѣ Царей о длительномъ правленіи Асы. Судя по даннымъ этой послѣдней книги, приходится сказать, что, какова бы ни была остальная дѣятельность Асы, какими бы достоинствами ни отличалась она—всѣ его возможныя заслуги обезцѣниваются той близорукой политикой, которой слѣдовалъ уже его отецъ въ борьбѣ съ Іеровоамомъ.

Унаслѣдованная отъ временъ Рехабеама распря между сѣверомъ и югомъ все еще продолжается, не приводя къ окончательному результату. Однако при Абіи, какъ мы видѣли, Іудейское царство получило при содѣйствіи арамеянъ извѣстное преобладаніе надъ своимъ соперникомъ и отторгло полосу отъ израильтянской территоріи. Баша, преемникъ Надаба на израильскомъ престолѣ, съ новой силой возобновляетъ военныя дѣйствія. На южной границѣ колѣна Веніаминова, всего въ двухъ часахъ пути къ сѣверу отъ Іерусалима, Баша воздвигаетъ крѣпость Раму, откуда онъ непрерывно грозитъ пресѣчь сообщенія Іерусалима съ внѣшнимъ міромъ. Все это могло быть достигнуто Башей лишь при содѣйствіи Дамасскаго царства, на помощи котораго зиждились успѣхи самого Абіи. Какой цѣной Башѣ удалось купить поддержку арамеянъ, мы не знаемъ, но на основаніи уже изложенныхъ соображеній мы можемъ заключить, что компенсація, полученная Дамаскомъ, заключалась скорѣе всего въ облегченіи дамасскимъ купцамъ доступа къ Средиземному морю. Самый же фактъ существованія соглашенія между Израилемъ и Дамаскомъ подтверждается словами Асы, обращенными къ Дамасскому царю: „расторгни союзъ свой съ Башей, царемъ израильскимъ, чтобы онъ отошелъ отъ меня“ (I Цар. 15, 19). Отсюда можно заключить, что Баша лишь съ согласія и при содѣйствіи Дамаска могъ энергично возобновить утихшія военныя дѣйствія

[1]) I Цар. 15, 13. „Чудище“ (מפלצת) это представляло собою, вѣроятно, изображеніе богини особенно вызывающаго, быть можетъ, непристойнаго вида. Возможно, что столь ревностное служеніе иноземнымъ богамъ объясняется тѣмъ, что и эта Мааха, подобно матери Рехабеама, была иностраннаго происхожденія.

противъ Іуды и рѣшительнымъ ударомъ вернуть себѣ подпавшія подъ власть іудейскаго царя области колѣна Веніаминова, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ котораго, Рама, и былъ укрѣпленъ въ качествѣ заслона противъ Іерусалима.

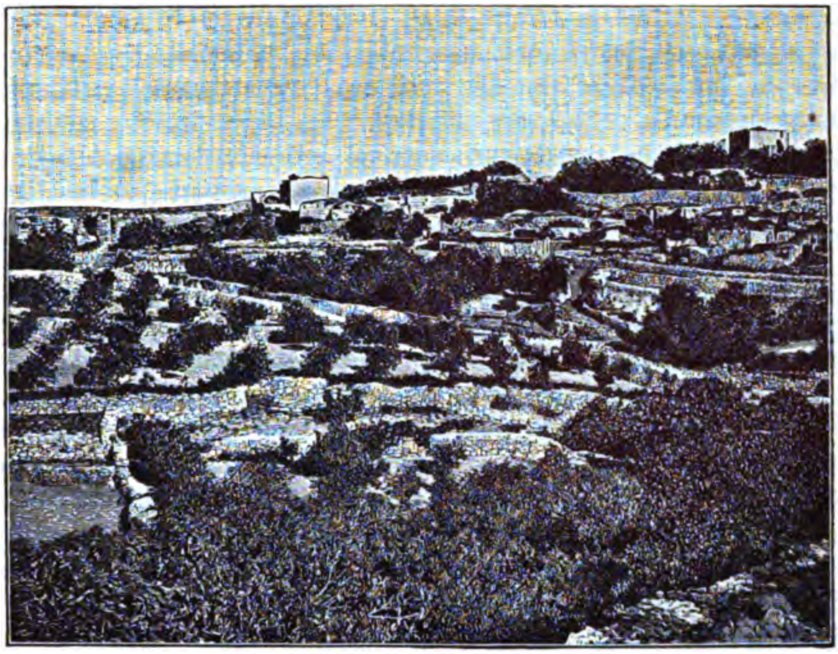
Іудея и Іерусалимъ оказываются вслѣдствіе этого сразу въ весьма опасномъ положеніи. Сильныя укрѣпленія на холмѣ, на которомъ расположена Рама, снабженныя сильнымъ гарнизономъ, легко могли преградить главный путь къ Іерусалиму съ сѣверной стороны. Тѣмъ самымъ прекращался подвозъ въ столицу припасовъ со склоновъ плодородныхъ горъ сѣвера, нарушалось сообщеніе съ территоріей Веніамина, и Іерусалиму приходилось либо довольствоваться сношеніями съ несравненно болѣе бѣдными южными областями, либо искать обходныхъ путей, что было, конечно, очень затруднительно. Въ столь опасномъ положеніи Аса прибѣгаетъ къ отчаянному средству. „И взялъ Аса все серебро и золото, оставшееся въ сокровищницахъ дома Іагве и въ сокровищницахъ дома царскаго, и далъ его въ руки слугъ своихъ, и послалъ ихъ царь Аса къ Бенъ-Гададу, сыну Табриммона, царю сирійскому, жившему въ Дамаскѣ“. Такимъ способомъ ему удалось побудить послѣдняго предать своего недавняго союзника и вѣроломно броситься ему въ тылъ. Войска Бенъ-Гадада вступаютъ съ сѣвера въ израильскую землю и подчиняютъ власти Дамаска рядъ городовъ на сѣверной границѣ Израильскаго царства, въ томъ числѣ Данъ и Абель-бетъ-Мааху, побережье Генисаретскаго озера и, вѣроятно, всю область Нафтали. Дамаскъ завладѣлъ, слѣдовательно, тѣми именно областями, въ которыхъ настоятельно нуждался для своихъ торговыхъ сношеній. Царь Баша вынужденъ, конечно, отступить отъ Іерусалима. Онъ покидаетъ Раму, чтобы защитить свои сѣверныя области отъ дальнѣйшаго разгрома. У Асы развязываются руки; онъ укрѣпляетъ противъ Баши города Мицпу и Гебу, воспользовавшись заготовленными самимъ же Башей матеріалами. Однако Аса не вернулъ себѣ этимъ всѣхъ владѣній своего отца Абіи, ибо оба названныхъ пункта расположены, безусловно, южнѣе пограничной черты царства Абіи. Мицпа лежала, несомнѣнно, на господствующемъ надъ окрестностями крутомъ холмѣ Эн-Неби-Самвиль, въ двухъ часахъ пути къ сѣверу отъ Іерусалима [1]). Геба же, или Гибеа Веніаминова, была расположена скорѣе всего невдалекѣ отъ того же пункта, но по другую сторону дороги, на возвышенности Телль эль-Фулъ. Можно предположить, слѣдовательно, что Аса считалъ эти пункты сѣверными пограничными крѣпостями своей страны. Сохраненіе ихъ за Іудейскимъ царствомъ обезпечивало ему, дѣйствительно, свободу сообщеній съ областями Веніамина и Эфраима.

Такимъ образомъ, цѣли своей Аса, какъ и Абія, вполнѣ достигъ. Но путь, который онъ для этого избралъ, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, только повредить его царству. Трудно было бы для внука и правнука Соломона придумать что-либо болѣе безславное и унизительное,

[1]) Ср. рис. на стр. 253.

чѣмъ необходимость обращаться за помощью къ одному изъ сирійскихъ государствъ, въ особенности къ Дамаску. То былъ первый, но далеко не послѣдній случай обращенія Іудейскаго царства къ чужеземному содѣйствію противъ родственнаго ему по крови противника, вмѣсто рѣшенія братской распри собственными силами и средствами. И болѣе поздняя по времени угроза пророка Исаіи, обращенная къ царю Ахазу (Исаіи 7, 1 и сл.), въ равной мѣрѣ примѣнима къ Абіи и особенно къ Асѣ. При Ахазѣ шла рѣчь объ Ассирійскомъ царствѣ, которое первоначально оказывало услуги Іудейскому царству, а подъ конецъ стало опаснымъ для него. При Абіи и Асѣ близорукая политика этихъ правителей повела къ опасному вмѣшательству Дамаска въ ханаанскія дѣла, опасному первоначально для одного лишь Израильскаго царства, а затѣмъ и для Іудейскаго царства.

Въ Дамаскѣ, уже со времени раскола въ Сихемѣ, съ нетерпѣніемъ ждали того часа, когда одно изъ соперничающихъ между собой еврейскихъ царствъ или даже оба они одновременно обратятся къ нему за помощью. Для правителей Дамаска, испытавшихъ на себѣ тяжелую руку Соломона, раздѣленіе царствъ и борьба между ними представляли исключительно благопріятную эпоху. Но для того, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить всю гибельность недальновидной политики Абіи и Асы, надо вспомнить весь тотъ рядъ несказанныхъ испытаній, которыя выпали на долю Израильскаго царства, вслѣдствіе усиленія арамеянъ, питающихся отнынѣ соками Израиля. Однако и самому Іудѣ, навлекшему на головы своихъ братьевъ эту напасть, пришлось впослѣдствіи горько каяться въ своей ошибкѣ, когда побѣжденный Асой противникъ Іудейскаго царства самъ соединился съ союзникомъ Іуды для совмѣстныхъ дѣйствій противъ него. Въ условіяхъ, при которыхъ протекала дѣятельность Абіи и Асы, истинно національная политика могла направляться однимъ лишь путемъ, на который и вступилъ позднѣе Іошафатъ: это—путь признанія создавшагося, вслѣдствіе ошибки Рехабеама, положенія вещей, путь искренняго признанія Израильскаго царства и вытекавшаго отсюда прекращенія братоубійственной распри. Если бы еврейскій народъ, въ виду опасности, грозившей въ равной мѣрѣ обѣимъ частямъ его со стороны арамеянъ, своевременно извлекъ урокъ изъ развивавшихся событій, онъ безъ труда предотвратилъ бы надвигавшуюся бѣду. Правильная оцѣнка положенія спасла бы честь и мощь еврейской націи.

Бетъ-Эль.

3. Іеровоамъ и его первые преемники.

Мы не знаемъ, ограничился ли Іеровоамъ при возмущеніи Израиля противъ Рехабеама только ролью пассивнаго зрителя или (что представляется болѣе вѣроятнымъ) онъ былъ съ самаго начала участникомъ и даже тайнымъ руководителемъ движенія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ на немъ, какъ на старомъ испытанномъ врагѣ дома Давидова, должны были при тогдашнемъ настроеніи сосредоточиться симпатіи мятежниковъ: Іеровоамъ и былъ провозглашенъ царемъ надъ Израилемъ. Съ полнымъ основаніемъ именуютъ себя Іеровоамъ и его преемники царями израильскими. Царство это не принадлежало болѣе дому Давидову: царемъ надъ Израилемъ былъ тотъ, кого народъ призывалъ на мѣсто Давида.

О политической дѣятельности Іеровоама въ теченіе его 22-лѣтняго правленія (937—915) до насъ дошло мало достовѣрныхъ извѣстій, но можно предполагать, что ему не удалось сохранить за страной того господствующаго положенія, которое принадлежало ей при царѣ Соломонѣ. Какъ мы видѣли, Іеровоаму въ теченіи всей своей жизни приходилось защищаться противъ Рехабеама и его преемниковъ. Въ борьбѣ съ Іудой Іеровоаму, повидимому, не удалось нанести южному сопернику ни одного чувствительнаго пораженія, несмотря на выступленіе противъ Іуды Шошенка. Наоборотъ, въ самомъ началѣ противникъ Іеровоама, быть можетъ, сумѣлъ даже причинить ему значительныя затрудненія, которыя, вѣроятно, и заставили Іеровоама покинуть свою недавно выстроенную резиденцію въ Сихемѣ и перенести столицу въ Пенуэль, въ Заіорданьѣ.

Что касается внутренней дѣятельности Іеровоама, то источники настойчиво связываютъ съ его именемъ одно важное мѣропріятіе, имѣвшее огромное религіозно-политическое значеніе. Мы видѣли, что политическая жизнь еврейскаго народа сосредоточивалась вплоть до Давида и Соломона всегда на сѣверѣ, въ частности въ колѣнѣ Іосифа. Теперь, послѣ временнаго перемѣщенія центра политической жизни на югъ, возстанавливается прежнее положеніе. Но за югомъ осталось важное преимущество, которое грозило подорвать прочность обратнаго перемѣщенія политическаго центра на сѣверъ: въ Іерусалимѣ стоялъ построенный Соломономъ храмъ, который претендовалъ на роль центральнаго національнаго святилища и во время долгаго царствованія Соломона успѣлъ завоевать себѣ уваженіе не только на югѣ, но и на сѣверѣ. Главная святыня іерусалимскаго храма, ковчегъ, связывался съ эпохой исхода изъ Египта, изображался въ сказаніяхъ вмѣстилищемъ самого Іагве, который велъ народъ по пустынѣ въ обѣтованную землю. Іеровоамъ, опасаясь религіознаго вліянія юга, хотѣлъ парализовать его, выдвинувъ на сѣверѣ такія святилища, которыя по своей старинѣ и авторитету могли бы соперничать съ іерусалимскимъ храмомъ. Онъ рѣшилъ взять ихъ подъ свое покровительство, возобновить ихъ и поставить ихъ въ такія условія, чтобы они замѣнили собою Іерусалимскій храмъ.

Выборъ Іеровоама палъ на Бетъ-Эль и Данъ, расположенные одинъ на югѣ, другой на сѣверѣ—оба на окраинахъ царства. Бетъ-Эль, древняя святыня колѣна Эфраимъ, пользовалась уже въ древнѣйшія времена большимъ уваженіемъ среди израильтянъ; находившійся тамъ священный камень былъ, несомнѣнно, еще у ханаанеянъ предметомъ культа. Со временъ же Давида и Соломона Бетъ-Эль, вѣроятно, утратилъ свое значеніе вслѣдствіе близости Іерусалима. Въ Данѣ до гибели святыни въ Шило, т.-е. до смутной эпохи господства филистимлянъ передъ воцареніемъ Саула, хранилось священное изображеніе; впослѣдствіи же Данъ былъ забытъ. Оба эти храма, пользовавшіеся въ былыя времена большой популярностью, Іеровоамъ снабжаетъ новыми священными изображеніями, ставитъ тамъ золотыя изваянія тельцовъ. Тельцы эти представляли собою самого Іагве, какъ бога грозы и плодородія, и, вѣроятно, замѣнили собою такія же старыя святыни, служившія здѣсь предметомъ поклоненія со временъ отдаленныхъ предковъ [1]).

Однако, какъ показала дальнѣйшая исторія, опасенія Іеровоама съ религіозной стороны оказались, по меньшей мѣрѣ, преувеличенными:

---

[1]) Устройство этихъ храмовъ съ изображеніями золотыхъ тельцовъ вмѣняется кн. Царей Іеровоаму въ особую вину; но это осужденіе принадлежитъ цѣликомъ позднѣйшему редактору историческихъ книгъ Библіи. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, святыни на высотахъ давно уже существовали въ странѣ; имѣлись онѣ и въ Іудейскомъ царствѣ и до и послѣ сооруженія храма. Широкое распространеніе получилъ и культъ изображеній Іагве, и потому можно съ увѣренностью сказать, что, за исключеніемъ немногихъ сторонниковъ пророческихъ теченій, культъ тельцовъ, возрожденный Іеровоамомъ, не могъ никого оскорблять въ Израильскомъ царствѣ.

не только на сѣверѣ, но и на югѣ старыя мѣстныя святилища долго и успѣшно соперничали съ царскимъ храмомъ въ Іерусалимѣ. Опасность для сѣвернаго царства, и при томъ весьма серьезная, шла съ другой стороны. Уже въ моментъ своего возникновенія сѣверное царство заразилось болѣзнью, которая все время его существованія подтачивала его силы. Возникшее путемъ революціи, сѣверное царство не могло отдѣлаться отъ мятежной закваски; и духъ возмущенія, взрощенный Іеровоамомъ, поднялся вскорѣ противъ его же дома. Разъ начатые мятежи и цареубійства пріобрѣли постепенно въ сѣверномъ царствѣ характеръ почти обычнаго явленія; и его соперники на югѣ, наблюдая смуты вокругъ престола сѣвернаго царства, злорадствовали, что на царствѣ, самовластно отдѣлившемся отъ Давидова дома, какъ бы тяготѣетъ проклятье Іагве. Заговоры и узурпація чередуются почти непрерывно, и одна династія смѣняетъ другую. Іудейское же царство, несмотря на свою слабость и допущенныя имъ ошибки, имѣло все же одно преимущество передъ израильскимъ: престолъ въ теченіе многихъ столѣтій сохранялся за династіей Давида.

Династія Іеровоама пресѣклась уже на его сынѣ и преемникѣ Надабѣ, убитомъ послѣ двухлѣтняго царствованія Башей-бенъ Ахія изъ колѣна Иссахара во время осады филистимскаго города Гиббетона. Баша былъ, вѣроятно, однимъ изъ полководцевъ Надаба, такъ что послѣдній, несомнѣнно, палъ жертвой военнаго мятежа. Баша овладѣваетъ престоломъ и для укрѣпленія своего положенія истребляетъ весь родъ Іеровоама. Баша правилъ двадцать четыре года (914—890). Въ борьбѣ противъ тогдашняго іудейскаго царя Асы онъ проявляетъ энергію и военную доблесть, и не его вина, если ему пришлось отступить, не достигнувъ намѣченной цѣли. Лѣтописецъ упоминаетъ суммарно о другихъ подвигахъ Баши, не сообщая, въ чемъ они заключались. Быть можетъ, Баша болѣе или менѣе удачно оборонялся отъ вторженія сирійцевъ, или, по крайней мѣрѣ, положилъ конецъ ихъ наступательному движенію; трудно, однако, допустить, чтобы ему удалось вновь овладѣть областями, утраченными еще при его предшественникахъ. Въ виду угрожающаго образа дѣйствій Іудейскаго царства, владѣвшаго грозными твердынями на южной границѣ его царства, и опасности со стороны филистимлянъ на западѣ и моабитянъ на востокѣ, Башѣ пришлось, надо думать, удовольствоваться соглашеніемъ съ сирійцами и предоставить имъ извѣстныя выгоды, чтобы побудить ихъ оставить его въ покоѣ. При Надабѣ столица оставалась, вѣроятно, еще въ Пенуэлѣ, Баша же вновь перенесъ ее на западъ, въ Тирцу; этотъ фактъ опять-таки свидѣтельствуетъ о твердой рукѣ Баши и, по крайней мѣрѣ, о томъ, что наступили болѣе спокойныя времена. И дѣйствительно, Баша не погибаетъ отъ меча убійцы. Онъ одинъ изъ немногихъ царей израильскихъ, умершихъ естественной смертью. Уже сынъ его, Эла, послѣ двухлѣтняго царствованія падаетъ жертвою заговора. Положеніе страны при немъ снова ухудшилось, и въ этомъ корень создавшагося противъ него озлобленія. Вновь, какъ и при Іеровоамѣ, идетъ осада Гиббетона: филистимляне были, очевидно, постоянно наготовѣ, Эла

же, при которомъ и былъ, вѣроятно, утраченъ Гиббетонъ, даже не участвуетъ самъ въ походѣ, а развлекается у себя во дворцѣ. Во время пира, устроеннаго въ честь его начальникомъ дворца, Элу постигаетъ смерть отъ руки одного изъ его полководцевъ, Зимри. Слѣдуя примѣру Баши, Зимри предаетъ смерти и всю родню убитаго царя.

Предпріятіе Зимри, безумное по своей смѣлости, было заранѣе обречено на плачевную неудачу, разъ онъ не заручился содѣйствіемъ ушедшаго подъ стѣны Гиббетона войска и его предводителя, Омри, начальника боевыхъ колесницъ. Омри отнюдь не былъ склоненъ признать царемъ своего подчиненнаго. Войско провозглашаетъ Омри царемъ, и онъ идетъ на Тирцу. Зимри не въ силахъ оказать сопротивленія и ищетъ смерти въ огнѣ пылающаго дворца. Все „царствованіе" Зимри продолжалось едва недѣлю, и долгое время спустя послѣ его гибели имя его упоминалось не иначе, какъ съ презрѣніемъ (2 Цар. 9, 31). Однако и Омри предстояло еще выдержать борьбу за обладаніе престоломъ: явился новый претендентъ въ лицѣ Тибни-бенъ-Гинатъ и нашелъ, повидимому, немало сторонниковъ среди народа. Послѣ упорной междуусобной борьбы, длившейся около четырехъ лѣтъ, Омри одержалъ, наконецъ, верхъ.

Глиняная жаровня (жертвенникъ?) изъ Таанаха (IX—VIII в.).

Самарія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Династія Омри.

1. Правленіе Омри.

Омри — первый изъ царей израильскихъ, имя котораго встрѣчается въ ассирійскихъ надписяхъ. Фактъ этотъ указываетъ на наступленіе новой эпохи. Ассирія начинаетъ играть въ жизни Израиля болѣе значительную роль, чѣмъ до тѣхъ поръ. Ассирійское царство все болѣе и болѣе получаетъ значеніе фактора, съ которымъ приходится считаться, а въ недалекомъ будущемъ ему суждено оказать рѣшительное вліяніе на исторію Израиля.

Еще въ концѣ XII вѣка — за два столѣтія до разсматриваемой эпохи—грозный царь ассирійскій Тиглатпилесеръ I распространилъ свою власть по ту сторону Евфрата, продвинувшись вплоть до Ливана. Съ тѣхъ поръ ассирійская держава предъявляетъ свои притязанія на обладаніе Сиріей и финикійскимъ побережьемъ вплоть до возвышенностей Кармеля. Если бы преемники грознаго завоевателя пошли дальше по предначертанному имъ пути, существованіе царства Давида и Соломона стало бы немыслимымъ. Возникновеніемъ своимъ оно было обязано исключительно счастливому стеченію обстоятельствъ, благодаря которому оба гиганта, между которыми была сдавлена страна Израиля,— Египетъ и Ассирія,—были безсильны поставить преграду развитію Израиля какъ разъ въ то время, когда изъ его нѣдръ выступили Давидъ

и Соломонъ. Отъ середины XI до середины X вѣка Ассирійское царство, подобно Египту, переживало—послѣ чрезвычайнаго развитія своей мощи при Тиглатпилесерѣ I,—періодъ внутренней слабости и неустройства, и о дальнѣйшемъ расширеніи власти въ Сиріи въ ту пору не могло поэтому быть и рѣчи. Къ эпохѣ раздѣленія царствъ Ассирія, видимо, не успѣла еще достаточно окрѣпнуть, чтобы вступить въ борьбу съ возникшимъ и усилившимся тѣмъ временемъ арамейско-дамасскимъ государствомъ. Лишь Ассурназирпалъ, современникъ Омри и отецъ Салманассара II, впервые отважился возобновить наступленіе на Сирію. Царствовалъ онъ въ 884—860 гг. и именовалъ себя завоевателемъ областей по ту сторону Тигра вплоть до Ливана и Великаго моря, подъ которымъ надо разумѣть Средиземное. И дѣйствительно, финикійскіе города Тиръ, Сидонъ, Библосъ и др. платили ему дань уже около 870 г., т.-е. во времена Ахаба. Значеніе завоеваннаго Ассиріей доступа къ Средиземному морю вполнѣ очевидно: ей нуженъ былъ торговый путь отъ береговъ Евфрата къ гаванямъ финикійскаго побережья.

Такимъ образомъ, было предуказано направленіе дальнѣйшаго развитія ассирійскаго государства. Въ связи съ этимъ въ политической жизни израильскаго народа стали намѣчаться нѣкоторыя новыя тенденціи. Ассирійскія войска, проходившія вдоль сѣверной границы израильской территоріи, казались израильтянамъ желанными гостями. Правда, отъ ихъ грабежей немало страдали дружественные и даже родственные Израилю города Сидонъ и Тиръ, но, съ другой стороны, ассиріяне избавляли Израиля отъ другой, болѣе близкой опасности, а именно—объ опасности со стороны Дамаска, которая съ теченіемъ времени казалась все болѣе и болѣе грозной. Расчеты Израиля покоились, однако, на явной ошибкѣ, за которую Омри и его династіи пришлось впослѣдствіи поплатиться трономъ. Пріятное заблужденіе было весьма непродолжительнымъ: постепенно становилось все болѣе и болѣе ясно, что опасность для Израиля возрастала по мѣрѣ того, какъ онъ вовлекался въ водоворотъ міровыхъ событій, и что жадный гигантъ, поглотившій сосѣдей Израиля, начинаетъ все болѣе и болѣе угрожать и послѣднему.

Но гроза была еще впереди; теперь же Омри и его преемникъ Ахабъ пользовались всѣми выгодными сторонами новаго международнаго положенія. Время ихъ правленія является самой блестящей эпохой въ исторіи Израиля. Съ появленіемъ на міровой сценѣ Ассиріи, израильскій народъ вновь и въ значительно большей степени, чѣмъ прежде, былъ выведенъ изъ своего узкаго обособленнаго существованія съ его мелкими мѣстными интересами.

При Давидѣ и Соломонѣ Израильское государство представляло собой въ Передней Азіи силу, съ которой приходилось считаться; даже Ассирія и Египетъ не желали безъ особой нужды осложнять свои отношенія къ Израилю. Если интересы Давида ограничивались предѣлами его собственной страны да, пожалуй, еще Сиріей, то Соломонъ пріобщилъ Израиля ко всемірной торговлѣ, къ міровой культурѣ. Но послѣ

смерти Соломона вслѣдствіе раскола и непрерывныхъ междуусобицъ и войнъ богатое соломоново наслѣдіе было частью растрачено, частью запущено; первенство въ области торговыхъ сношеній перешло, въ концѣ концовъ, къ Дамаску. И вступая вновь на міровую арену, Израиль долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ совершенно новой обстановкой, существенно измѣнившейся со времени перваго его вступленія, и притомъ измѣнившейся далеко не въ его пользу.

Тѣмъ не менѣе, международныя сношенія и теперь обогатили израильскій народъ какъ съ внѣшней стороны, новыми торговыми и культурными связями, такъ и со стороны внутренней—новыми мыслями и идеями, значительнымъ расширеніемъ его умственнаго горизонта. Въ одномъ отношеніи, однако, Израиль въ новыхъ условіяхъ неминуемо долженъ былъ потерпѣть пораженіе: если прежде, въ случаѣ военныхъ столкновеній съ міровыми державами, исходъ для израильскаго народа представлялся бы сомнительнымъ, то теперь судьба его въ подобномъ случаѣ была бы безповоротно рѣшена. При существовавшемъ соотношеніи силъ вынужденное появленіе Израиля на сценѣ міровой политики, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ могучимъ сосѣдомъ должно было неизбѣжно повести къ его полному пораженію.

Зато именно теперь шагъ за шагомъ раскрываются, развиваются и достигаютъ, наконецъ, изумительной мощи и высоты тѣ чудесныя силы, что дремали до той поры глубоко въ народной душѣ, проявляясь лишь мимолетно и робко. Превратности судьбы, крушеніе внѣшнихъ формъ жизни выковываютъ изъ внутренней, духовной жизни народа величайшія произведенія его генія; каждый ударъ, обрушивающійся на Израиля, становится источникомъ новаго и болѣе совершеннаго развитія его религіи. Чѣмъ больше приближались государство и народъ къ краю той бездны, которая неминуемо должна была поглотить ихъ, тѣмъ ярче и побѣдоноснѣе возносилась религіозная мысль, тѣмъ горделивѣе парила она надъ переживаемыми горестями. Наступаетъ одно изъ величайшихъ зрѣлищъ всемірной исторіи...

Но перейдемъ къ правленію Омри. Мы не знаемъ, платилъ ли уже Омри дань ассирійцамъ и не достигъ ли онъ трона при ихъ поддержкѣ,—библейскія повѣствованія, чрезвычайно краткія, ничего не говорятъ объ этомъ. То или другое соприкосновеніе между Омри и Ассиріей, во всякомъ случаѣ, имѣло мѣсто. Это подтверждается тѣмъ, что ассирійскія надписи, даже относящіяся къ значительно болѣе позднему времени, называютъ народъ израильскій просто „домомъ Омри“, а царя его „сыномъ Омри“ [1]). Это наименованіе весьма знаменательно въ виду того, что какъ разъ Іегу, котораго Салманассаръ II называетъ

---

[1]) Ассирійскіе цари Ададнирари III и Тиглатпилесеръ III (745—727) говорятъ о „mât Humria“ (т.-е. странѣ Омри) и о „bit Humria“ (т.-е. домѣ Омри), при чемъ въ обоихъ случаяхъ подразумѣвается, какъ полагаютъ, Израиль. На обелискѣ Салманассара II Іегу именуется „mar Humrii“ (т.-е. сынъ Омри). Послѣднее выраженіе можетъ быть истолковано также въ смыслѣ „изъ дома Омри“, т.-е. „Израиля“, однако скорѣе оно должно быть объяснено недостаточной освѣдомленностью ассиріянъ.

сыномъ Омри, свергъ съ престола династію послѣдняго. Оно показываетъ, что только со времени Омри Израиль сталъ постепенно привлекать къ себѣ вниманіе ассиріянъ. Въ болѣе раннія времена ассиріяне назвали бы Израиля домомъ Давида или Соломона; но тогда Израилемъ еще мало интересовались въ Ассиріи: до IX — VIII вѣковъ непосредственныя сношенія между Израилемъ и Ассиріей были весьма незначительны.

То немногое, что мы узнаемъ изъ Библіи объ Омри (889—879), даетъ основаніе предполагать, что онъ заслуживаетъ имя дѣльнаго и твердаго правителя, хотя успѣхъ не всегда сопутствовалъ его начинаніямъ. Онъ обнаружилъ правильное пониманіе нуждъ страны въ выборѣ новой столицы вмѣсто Тирцы, отличавшейся, правда, красивымъ мѣстоположеніемъ, но отнюдь не представлявшей собою естественнаго укрѣпленія. Онъ перенесъ свою резиденцію въ Самарію (Шомронъ). Даже по красотѣ мѣстности Самарія не уступала Тирцѣ—не напрасно Исаія называетъ ее „цвѣтущей короной Эфраима, вѣнчающей тучную долину"; и сейчасъ еще это—садъ, а не городъ, жемчужина центральной Палестины. Мѣстоположеніе Самаріи было чрезвычайно благопріятное во всѣхъ отношеніяхъ: въ плодороднѣйшей части возвышенности Эфраимъ, среди тучныхъ нивъ, орошаемыхъ многочисленными ручьями и родниками, въ самомъ сердцѣ страны, при прекрасныхъ путяхъ сообщенія со всѣми частями ея; удобные пути ведутъ отъ Самаріи къ Израэльской долинѣ и въ Галилею, въ Бетъ-Эль и Іерусалимъ. Къ тому же расположеніе Самаріи превращало ее въ природную крѣпость. Самарія лежитъ на конусообразной вершинѣ, поднимающейся на 100 метровъ надъ обширной горной котловиной. Нетрудно было превратить ее въ сильную, почти неприступную по тому времени и несокрушимую твердыню. И дѣйствительно, Самарія неоднократно благополучно выдерживала осаду превосходныхъ непріятельскихъ силъ, и даже такимъ мастерамъ военнаго и осаднаго дѣла, какими были ассиріяне, взятіе ея стоило трехлѣтней тяжелой осады.

Превративъ Самарію въ столицу, Омри сдѣлалъ для израильскаго царства то же самое, что въ свое время сдѣлалъ Давидъ для Іуды и всего Израиля, избравъ столицею Іерусалимъ. Однимъ этимъ дѣломъ Омри обнаружилъ свое превосходство надъ ближайшими предшественниками по проницательности и дальновидности. Можно задать вопросъ, почему Омри не остановился на Сихемѣ, гдѣ было положено начало существованію самостоятельнаго израильскаго царства, тѣмъ болѣе, что съ Сихемомъ было связано много историческихъ воспоминаній. Если бы Омри принадлежалъ къ колѣну Эфраима, онъ, вѣроятно, такъ и поступилъ бы. Однако онъ, подобно Давиду, создавшему вмѣсто Хеброна нейтральный городъ, поступилъ правильно, избравъ столицей городъ, не вызывавшій соперничества среди колѣнъ. Таковымъ и была Самарія, явившаяся созданіемъ рукъ Омри еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Іерусалимъ былъ твореніемъ Давида.

Израиль настоятельно нуждался въ столицѣ, способной выдержать натискъ враговъ. Это всего лучше видно изъ того положенія, въ кото-

ромъ находился Израиль послѣ Баши. Преемникъ послѣдняго, Эла, навѣрное, не улучшилъ этихъ условій. Напротивъ, положеніе при немъ, какъ мы видѣли, скорѣе еще болѣе ухудшилось. Вліяніе сирійцевъ, призванныхъ въ страну іудейскимъ царемъ Асой, все еще тяготѣло надъ Израилемъ. Омри, повидимому, также не удалось вполнѣ освободиться отъ нихъ. Подобно Башѣ, ему, хотя бы ради сохраненія торговыхъ связей страны, пришлось, вѣроятно, стремиться къ болѣе или менѣе миролюбивому соглашенію съ сирійцами. Къ сожалѣнію, библейскій разсказъ сохранилъ объ этомъ лишь отрывочныя свѣдѣнія. Если бы свѣдѣнія наши объ Омри были болѣе подробны, то намъ, вѣроятно, представилась бы картина геройской борьбы за освобожденіе страны отъ бремени наслѣдія, завѣщаннаго ему Башей и Элой, но этой цѣли ему, однако, не удалось достигнуть вполнѣ.

Краткое сообщеніе Библіи говоритъ намъ объ утратѣ имъ, надо думать, на войнѣ, нѣсколькихъ городовъ, перешедшихъ въ руки сирійцевъ; болѣе того, Омри пришлось даже предоставить сирійскимъ купцамъ отдѣльный кварталъ въ Самаріи. Этимъ уступкамъ должно было предшествовать вооруженное столкновеніе съ Дамаскомъ, послѣ чего удалось наладить мало-мальски сносныя взаимныя отношенія. Соглашеніе было достигнуто цѣною уступки еще нѣсколькихъ галилейскихъ городовъ, въ прирѣзку къ той части Галилеи, которою уже раньше владѣлъ Дамаскъ, или какихъ-либо мѣстностей въ восточной части долины Іордана и, кромѣ того, предоставленіемъ сирійцамъ преимуществъ въ области торговыхъ сношеній. Торговый путь изъ Дамаска въ Акко, какъ мы видѣли, находился уже въ рукахъ арамеянъ. Теперь они домогались права перевозить по этому пути товары вглубь израильской территоріи и, главнымъ образомъ, во вновь созданный центръ ея—Самарію. Съ этой цѣлью они стремятся получить собственные базары и отдѣльный кварталъ въ столицѣ, гдѣ имъ была бы предоставлена полная свобода жить по обычаямъ своей родины, отправлять общественное богослуженіе и совершать торговыя сдѣлки. Разъ Омри вынужденъ былъ согласиться на всѣ эти требованія, то ясно, что при всей его личной храбрости онъ понесъ въ борьбѣ съ Дамаскомъ тяжкое пораженіе. Однако, какъ мы увидимъ, политическая проницательность Омри помогла ему дипломатическимъ путемъ до извѣстной степени возмѣстить понесенный ущербъ. Союзъ съ финикіянами, заключенный, несомнѣнно, въ его время, могъ до нѣкоторой степени компенсировать тѣ невыгодныя условія, въ которыя была поставлена торговля Израиля вслѣдствіе соглашенія съ Дамаскомъ.

Въ надписи моабитскаго царя Меши Омри изображается храбрымъ и побѣдоноснымъ военачальникомъ. Согласно этой надписи, именно Омри удалось подчинить Израилю моабитянъ, пользовавшихся довольно долгое время независимостью. Въ частности, Меша приписываетъ Омри завоеваніе области Медебы, которая и остается на долгое время въ обладаніи Израиля; расположенная нѣсколько южнѣе область вокругъ Атаротъ никогда не выходила изъ подчиненія Израилю. Надпись Меши гласитъ: „Омри, царь Израильскій, долгое время угнеталъ моабитянъ,

ибо Кемошъ былъ разгнѣванъ на свою страну. За нимъ слѣдовалъ сынъ его (Ахабъ), который также говорилъ: я хочу подчинить себѣ Моабъ. Въ мои дни (т.-е. въ дни Меши) говорилъ онъ такъ. Но я восторжествовалъ надъ нимъ и его домомъ... Омри же овладѣлъ Медебой, и (Израиль) укрѣпился въ ней во все его время (т.-е. во время Омри) и въ теченіе половины времени его сыновей (Ахаба, Ахазіи и Іорама)—всего 40 лѣтъ".

Итакъ, моабитяне послѣ блестящей побѣды надъ ними Давида и почти полнаго ихъ истребленія, сумѣли тѣмъ не менѣе воспользоваться начавшейся послѣ смерти Соломона эпохой неурядицъ и междоусобій въ Израильскомъ царствѣ. Оттѣсненные къ юговосточному побережью Мертваго моря, они, вѣроятно, постепенно оправлялись отъ нанесеннаго имъ удара, и въ царствованіе отца Меши, Кемошмелеха [1]), возстановили свою власть надъ южной половиной побережья Мертваго моря. Столицей ихъ былъ городъ Дибонъ, расположенный нѣсколько сѣвернѣе Арнона. Кемошмелехъ — скорѣе всего современникъ Баши и Омри—царствовалъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Область Атаротъ между Дибономъ и Медебой, оставшаяся во власти колѣна Гадъ, вдавалась, какъ кажется, клиномъ въ моабитскую территорію, простиравшуюся вплоть до Медебы. Омри останавливаетъ начавшееся было расширеніе моабитскаго царства и оттѣсняетъ Кемошмелеха въ его южныя области, которыя также попадаютъ въ вассальную зависимость отъ Израиля. Власть Израиля тяготѣетъ надъ Моабомъ въ теченіе тридцати-сорока лѣтъ.

Если резюмировать все сказанное, то Омри можно съ полнымъ основаніемъ назвать возсоздателемъ Израильскаго царства. Судя по результатомъ его дѣятельности, онъ сумѣлъ поднять на значительную высоту престижъ своего царства, столь низко упавшій при его предшественникахъ. Онъ создалъ центръ, важный въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи и на долгое время избавилъ страну отъ покушеній со стороны ея южныхъ, восточныхъ и западныхъ сосѣдей; въ борьбѣ противъ главнаго—сѣвернаго—противника ему, правда, не удалось достигнуть успѣха и пришлось даже, вслѣдствіе неудачнаго исхода борьбы съ нимъ, сдѣлать новыя уступки, однако и тутъ онъ сумѣлъ съ честью выйти изъ положенія, завязавъ новыя торговыя и политическія связи, съ помощью которыхъ Израиль могъ вознаградить себя за уронъ, понесенный въ борьбѣ съ Дамаскомъ [2]). Понятно, такимъ образомъ, почему позднѣйшіе ассирійскіе цари могли именно въ Омри, несмотря на нѣкоторыя постигшія его неудачи, видѣть идеальный типъ израильскаго царя.

---

[1]) Это чтеніе его имени спорно, оно нерѣдко читается также Кемошгадъ.

[2]) Весьма возможно, что и раздѣленіе царства на самостоятельные судебные округа (I Цар. 20, 14 и сл.) было также впервые введено Омри. Слѣдствіемъ этого нововведенія, а вѣроятно и цѣлью его, должно было быть ослабленіе и постепенный упадокъ прежнихъ родовыхъ союзовъ. Оно представляетъ собою, слѣдовательно, возобновленіе той мѣры Соломона, о которой сообщается въ гл. 4-ой, I кн. Цар. и которая, несомнѣнно, также должна была служить средствомъ усиленія центральной царской власти. Если принять это предположеніе, то за Омри придется признать большое значеніе и въ качествѣ устроителя государства.

Дамаскъ.

2. Ахабъ. Илія и пророчество его времени.

Послѣ двѣнадцатилѣтняго царствованія Омри смѣняетъ сынъ его Ахабъ. Подробныя и отчасти весьма важныя свѣдѣнія объ Ахабѣ, правившемъ двадцать два года (877—855), мы находимъ не только въ библейскихъ книгахъ: ассирійскія надписи и надпись моабитскаго царя Меши также повѣтствуютъ о немъ.

Всѣ эти источники рисуютъ намъ Ахаба, какъ достойнаго преемника Омри, неуклонно стремившагося, подобно отцу своему, къ установленію независимости и къ усиленію израильскаго царства. На юго-востокѣ онъ, какъ и Омри, держитъ въ строгомъ повиновеніи моабитянъ, и они до поры, до времени не осмѣливаются вступить съ нимъ въ борьбу. Лишь къ концу царствованія Ахаба или даже, быть можетъ, уже послѣ смерти его отваживается Меша отложиться отъ Израиля. Еще важнѣе было то, что Ахабъ положилъ конецъ многолѣтней борьбѣ съ іудейскимъ царствомъ и вновь укрѣпилъ старинную дружбу съ Финикіей. Какъ уже указывалось выше, весьма возможно и даже вѣроятно, что въ обоихъ случаяхъ иниціатива принадлежала Омри; но проведеніе этой политики въ жизнь относится, однако, по нашимъ источникамъ, безусловно къ эпохѣ царствованія Ахаба.

Къ примиренію съ ближайшими сосѣдями съ запада и съ юга Ахаба, вѣроятно, побудила опасность, надвигавшаяся со стороны Ассиріи. Судьба, постигшая финикійскіе города при Ассурназирпалѣ, не оставляла сомнѣнія въ томъ, чего могъ Израиль ожидать въ будущемъ отъ Ассиріи. Сознаніе грозившей опасности свидѣтельствуетъ о политической проницательности Ахаба. Далѣе, взаимоотношенія между Израилемъ и Дамаскомъ продолжали носить враждебный характеръ, и сохраненіе мира приходилось оплачивать унизительными для Израиля

уступками. Надлежало, поэтому, всячески стремиться къ тому, чтобы создать противовѣсъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ. И вотъ, распрѣ между Іудой и Израилемъ, не утихавшей со времени отложенія Іеровоама, былъ, наконецъ, положенъ предѣлъ. Такимъ образомъ, совершается теперь сближеніе, которое повелительно диктовалось разумомъ и національной честью еще въ тотъ моментъ, когда выяснилось безсиліе Рехабеама возстановить единство царства. Іошафатъ, преемникъ Асы, первый изъ царей іудейскихъ рѣшился признать за совершившійся фактъ то положеніе вещей, которое создалось со времени смерти Соломона. Заключенный между обоими царствами миръ скрѣпляется родственнымъ союзомъ между царствующими домами, и сынъ Іошафата, Іорамъ, беретъ себѣ въ жены Аталію, дочь Ахаба.

Трудно допустить, чтобы соглашеніе это состоялось на основѣ полнаго равенства обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Іудейское царство слишкомъ долго не хотѣло примириться съ расколомъ; съ другой стороны, значеніе израильскаго царства настолько возвысилось благодаря Омри, что Ахабъ, очевидно, могъ диктовать свои условія. Содержаніе послѣднихъ выясняется изъ того, что въ дальнѣйшемъ іудейское царство предоставляетъ свои войска въ распоряженіе Израиля во всѣхъ его войнахъ. Отношенія между Іудой и Израилемъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: сохраняя свою внутреннюю независимость, Іудейское царство приняло на себя обязательство оказывать Израилю въ случаѣ нужды военную поддержку.

Старый дружественный союзъ съ финикіянами возобновился, вѣроятно, еще значительно раньше: вѣдь Аталія была дочерью Ахаба отъ его брака съ дочерью финикійскаго царя Изебель. Сближеніе съ Финикіей состоялось, вѣроятнѣе всего, еще при Омри. Послѣ Соломона союзъ съ Тиромъ пришелъ было въ упадокъ: оба еврейскихъ царства были слишкомъ поглощены междоусобицей, чтобы обращать вниманіе на внѣшнія дѣла. Къ тому же ослабленныя братоубійственной борьбой, они ни для кого не были цѣннымъ союзникомъ. Теперь же общая опасность, надвинувшаяся съ востока, вновь сближаетъ Израиля съ его западнымъ сосѣдомъ, при чемъ сближенію этому способствуютъ какъ воспоминанія о родственномъ происхожденіи, такъ и общность торговыхъ интересовъ [1]).

Положеніе Израиля по отношенію Дамаску становилось, какъ мы видѣли, съ теченіемъ времени все затруднительнѣе. Не удалось и Омри повернуть отношенія въ благопріятную сторону; ему, наоборотъ, какъ будто измѣнило военное счастье, такъ что пришлось даже пойти на еще большія уступки въ области торговли, чѣмъ кому-либо изъ его

---

[1]) Нѣкоторымъ доказательствомъ существованія союза съ Финикіей еще при Омри можетъ служить I Цар. 18, 17 и сл. Ахабъ упрекаетъ Илію въ томъ, что онъ приноситъ Израилю несчастье. Илія отвѣчаетъ: „не я гублю Израиля, а ты и домъ отца твоего, тѣмъ, что вы идете вслѣдъ за Вааломъ". Если понимать это выраженіе буквально, то отсюда надо сдѣлать выводъ, что уже Омри былъ собственно иниціаторомъ союза съ Тиромъ и виновникомъ проистекавшаго отсюда офиціальнаго культа тирскаго Ваала.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и Ко, Москва.

ГОРА КАРМЕЛЬ.

Изд. т-ва „Міръ“.

предшественниковъ: на ряду со старымъ торговымъ путемъ черезъ долину Кишона къ бухтѣ Акко, онъ долженъ былъ открыть для каравановъ и купцовъ Бенъ-Гадада и другой путь—къ возвышенностямъ Эфраима и къ столицѣ Израильскаго царства, Самаріи.

Трудно допустить, чтобы сближеніе между Финикіей и Израилемъ было вызвано только лишь сознаніемъ опасности со стороны Ассиріи; надо думать, что не меньшую и притомъ болѣе непосредственную роль въ данномъ случаѣ сыграли отношенія Израиля къ Дамаску. Чтобы предотвратить опасность полнаго подавленія сѣвернымъ сосѣдомъ Арамомъ какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ, Израилю необходимо было найти или создать ему противовѣсъ тутъ же на сѣверѣ.

Возможно, что между Израилемъ и Тиромъ состоялось соглашеніе, аналогичное соглашенію, заключенному между Израилемъ и Іудой, на случай неизбѣжнаго — рано или поздно—разрыва съ Дамаскомъ. Основой этого соглашенія былъ, надо думать, принципъ открытыхъ дверей во взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Израиль былъ естественнымъ торговымъ конкурентомъ финикіянъ въ средней и южной части финикійской территоріи; съ его конкуренціей финикіянамъ издавна приходилось считаться. Появленіе новаго соперника въ лицѣ Дамаска было одинаково нежелательно, какъ для финикіянъ, такъ и для израильтянъ. Съ другой стороны, израильскія области, не имѣвшія доступа къ морю, представляли собою естественный рынокъ для финикійской торговли, и водвореніе здѣсь дамасскихъ купцовъ наносило ущербъ финикіянамъ. Сближеніе обѣихъ странъ, которое могло предоставить израильскимъ купцамъ и товарамъ извѣстныя преимущества въ финикійскихъ областяхъ и гаваняхъ, а финикійской торговлѣ могло вернуть былое мѣсто и значеніе въ Самаріи и на всей израильской территоріи, соотвѣтствовало интересамъ какъ той, такъ и другой стороны. Однако такое соглашеніе, направленное противъ арамеянъ и ихъ торговли, неминуемо должно было повлечь и, дѣйствительно, повлекло за собою новыя столкновенія съ Дамаскомъ.

Первое мѣсто среди финикійскихъ городовъ, нѣкогда принадлежавшее болѣе древнему Сидону, перешло еще въ эпоху Давида къ городу Тиру (Цору). Съ царемъ его, Этбааломъ [1]), роднится Ахабъ, вступая въ бракъ съ его дочерью Изебель; этотъ бракъ указываетъ на существованіе между обѣими странами такихъ же дружественныхъ отношеній, какія установились позднѣе между Израилемъ и Іудой. Чтобы царица могла и въ новомъ отечествѣ поклоняться роднымъ богамъ, Ваалу Тира (Мелькарту) былъ воздвигнутъ въ Самаріи храмъ, отличавшійся, повидимому, значительными размѣрами. Въ храмѣ этомъ, въ соотвѣтствіи съ ханаанейско-финикійскимъ культомъ, имѣлись, конечно, массебы и изображенія Ашеры [2]); многочисленное жреческое

---

[1]) Имя Этбаала, быть можетъ, тождественно съ именемъ сына и преемника Саула, Ишбаала. Греки называли его Иттобалосъ.

[2]) Ср. II Цар. 3, 2: 1, 16, 33. Ашера замѣняетъ Астарту, и культъ ея былъ, вѣроятно, связанъ съ такими же проявленіями религіознаго разврата, какъ и культъ Астарты.

сословіе совершаетъ культъ финикійскаго бога, ревностнѣйшей поборницей котораго является сама царица-финикіянка, Изебель. Но самъ Ахабъ при всей своей терпимости и даже расположеніи къ культу Ваала не только не отступилъ отъ Іагве, но заботился о почитаніи его среди своей семьи, а также, по всей вѣроятности, во всемъ государствѣ. Дѣтей своихъ онъ называетъ по имени Іагве, а не по имени Ваала,—Ахазія, Іорамъ и Аталія (עתל·יה, יהו·רם; אחז·יה)—и среди его приближенныхъ оказывается немало пророковъ Іагве [1]). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ можно говорить лишь о терпимости Ахаба къ чужой религіи. Ваалъ въ качествѣ бога царицы страны, въ качествѣ покровителя Тира и главнаго божества сосѣдняго и союзнаго государства долженъ былъ, по всему характеру тогдашнихъ политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, имѣть и во Израилѣ свой храмъ и алтарь, и царицѣ была поэтому предоставлена полная свобода соблюдать свой родной культъ. Сверхъ того, благодаря браку царя, въ столицѣ появился цѣлый штатъ финикійскихъ слугъ и прислужницъ, а союзъ съ Тиромъ привлекъ въ страну множество финикійскихъ купцовъ. Само собою разумѣется, что вся эта финикійская колонія должна была, какъ при Соломонѣ, пользоваться правомъ поклоненія своимъ богамъ и также заявляла о своемъ правѣ имѣть храмъ и алтарь тирскаго Ваала или Мелькарта. Если бы дѣло остановилось только на этомъ, то никто не рѣшился бы осуждать образа дѣйствій царя. Повидимому, однако, пылкая, не останавливающаяся передъ насиліемъ Изебель возымѣла рѣшимость распространить и въ израильской странѣ поклоненіе ея богу: Ахабъ не сумѣлъ устоять противъ домогательствъ Изебель, и въ результатѣ немало израильтянъ послѣдовало частью добровольно, частью подъ гнетомъ принужденія, примѣру приближенныхъ царицы.

Ревнители израильской религіи, конечно, не могли не выразить неудовольствія по поводу такого поведенія царицы. Но они не ограничились протестомъ противъ злоупотребленій царицы своей властью и вліяніемъ, а стали осуждать всю современную имъ политическую систему. Корень зла они усмотрѣли въ союзѣ съ финикійскимъ Тиромъ, и въ этомъ они, съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы: не будь этого союза, тирскій Ваалъ не могъ бы проникнуть въ среду Израиля. Врядъ ли, однако, возможно, съ объективной точки зрѣнія, признать справедливымъ ихъ отрицаніе политической необходимости союза съ Тиромъ, хотя бы онъ и угрожалъ, по ихъ мнѣнію, религіи и нравственности народа. Колесо исторіи нельзя повернуть вспять—Илія, его послѣдователи и сторонники, выступившіе открыто противъ Ахаба и Изебель, ошибались именно въ этомъ отношеніи.

Представителями этого враждебнаго Ахабу теченія являются, прежде всего, п р о р о к и, נביאים. Со времени грандіознаго народнаго возбужденія, когда на тронъ былъ возведенъ Саулъ, пророкамъ почти не приходилось принимать широкаго участія въ народной жизни. Лишь отъ времени до времени выступаетъ кто-либо изъ нихъ, какъ бы для того,

[1]) Ср. II Цар. гл. 22. ст. 6—8 и 22—23.

чтобы засвидѣтельствовать, что пророчество не умерло, что оно живетъ и зорко слѣдитъ за ходомъ еврейской жизни, и прежде всего религіозной жизни. Однако за это время самый характеръ пророчества претерпѣлъ замѣтную перемѣну. Нѣкогда пророки ходили по странѣ, словно бѣснующіеся, экстатическими толпами, проповѣдуя священную войну и увлекая своимъ возбужденіемъ за собою всѣхъ, кто встрѣчался имъ на пути. Въ эпоху Ахаба они попрежнему продолжаютъ считать себя одержимыми божественной силой; но съ теченіемъ времени существенно измѣнилась форма ихъ выступленій. Полчища бродячихъ дервишей превратились въ братства, наподобіе орденовъ; профессіей ихъ является искусство предсказанія, проникновенія въ божественную волю. Члены пророческихъ братствъ именуются „сынами пророковъ", т.-е. послѣдователями и товарищами какого-либо одного признаннаго пророка. Нѣкоторые изъ пророковъ поднимаются высоко надъ толпой, и въ ихъ рѣчахъ и дѣятельности уже чувствуется будущій духъ Амоса и Исаіи.

Одинъ изъ этихъ учителей-пророковъ — быть можетъ наиболѣе мощный, наиболѣе оригинальный изъ всѣхъ библейскихъ пророковъ — Илія изъ Тишбе въ Гилеадѣ, выступаетъ теперь противъ Ахаба. Самое имя его—(אל־יהו) „мой богъ — Іагве" — составляетъ цѣлую программу, не допускающую по отношенію къ иноземнымъ культамъ никакихъ компромиссовъ. Такимъ образомъ, Илія внесъ въ пророчество тотъ элементъ категорическаго императива, который столь типиченъ и для него самого и для послѣдующихъ пророковъ: это та желѣзная твердость, та непреклонность, съ которой они выставляютъ свои требованія и требуютъ ихъ соблюденія во что бы то ни стало, какой бы то ни было цѣной. Лозунгъ Иліи гласитъ: за Іагве и истину, противъ Ваала и царскаго дома; лозунгъ позднѣйшихъ пророковъ—за Іагве и истину, противъ покоющихся на лжи интересовъ націи. Позднѣйшіе пророки оставили послѣ себя книги, отъ Иліи же до насъ дошли лишь отдѣльныя изреченія. Тѣ жили общей жизнью среди своего народа, Илія всегда появляется внезапно, словно молнія, его слова и дѣла неожиданны. Но все это—незначительныя различія. По существу же, Илія есть лишь первый по времени изъ всѣхъ пророковъ, и всѣ позднѣйшіе пророки продолжаютъ начатое имъ дѣло.

Илія и пророки, группирующіеся вокругъ него, не стоятъ, однако, изолированно; рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ представителей другого родственнаго теченія. Оно зародилось, вѣроятнѣе всего, еще во времена Іеровоама I; но мы впервые близко сталкиваемся съ представителями этого теченія въ эпоху Іегу. Главой ихъ является въ то время Іонадабъ бенъ-Рехабъ. Имя Рехаба становится, по свидѣтельству пророка Іереміи, групповымъ наименованіемъ всѣхъ послѣдователей и приверженцевъ Іонадаба, изъ чего можно заключить, что дѣйствительнымъ основателемъ всей этой группы былъ уже отецъ Іонадаба, Рехабъ, очевидно, современникъ Иліи. Но корни движенія надо возводить или къ концу царствованія Іеровоама или къ царствованію Баши.

Секта рехабитовъ представляетъ собою древній кочевой кланъ,

по происхожденію своему родственный кенитамъ [1]. Кланъ этотъ сохранилъ свой кочевой образъ жизни и тогда, когда весь народъ уже успѣлъ перейти къ осѣдлой жизни, къ земледѣлію и виноградарству. Члены этого клана являются поборниками идеаловъ кочевой жизни и заявляютъ непримиримый протестъ противъ осѣдлости и связанной съ нею культуры; отказываясь отъ нея, они надѣются избѣжать и ея пороковъ. Отвергая вино, это благороднѣйшее произведеніе земли, они отрицаютъ всю діонисову культуру; оставаясь жить въ шатрахъ, они отвергаютъ осѣдлость—основу земледѣлія. Ихъ образъ дѣйствій основывается на воспоминаніи о томъ, что Іагве переселился въ Ханаанъ изъ пустыни, что онъ еще во время странствованія Израиля въ пустынѣ былъ его богомъ [2]). Вотъ почему рехабиты положили рѣзкую грань между Іагве старозавѣтнаго Израиля и новыми стремленіями сплести почитаніе Іагве съ элементами натуралистическаго культа, распространеннаго въ Ханаанѣ.

Здѣсь-то и находится точка соприкосновенія между ревнителями Іагве и этой сектой, не признающей культуры и стремящейся путемъ возврата къ первобытной жизни возстановить во Израилѣ доброе старое время въ противоположность новымъ формамъ быта и культуры со всѣми ихъ пороками. Сближаетъ ихъ общая тѣмъ и другимъ ненависть къ ханаанейской и финикійской религіи. Такимъ образомъ, понятнымъ становится, почему именно теперь, въ эпоху національной опасности, когда Ваалъ грозилъ вытѣснить Іагве изъ Израиля, возникъ этотъ союзъ между религіозными ревнителями Іагве въ лицѣ пророковъ и представителями соціальной реакціи и строго-національныхъ охранительныхъ теченій въ Израилѣ—рехабитами. Въ качествѣ третьей родственной группы примыкаютъ къ нимъ назиреи, или посвященные, какими Библія изображаетъ Самсона и Самуила. Они не только подобно рехабитамъ воздерживались отъ вина, но, кромѣ того, отращивали себѣ волосы и не только въ знакъ своего посвященія, но, несомнѣнно, и въ видѣ протеста противъ роскоши и излишествъ въ образѣ жизни. Такова была та почва, на которой выростали такіе люди, какъ Илія.

---

[1]) Въ I Хрон. 2, 55 имѣется слѣдующее указаніе объ ихъ происхожденіи: „Кениты же ведутъ свое начало отъ Хаммата, родоначальника рехабитовъ“. Связь между кенитами и рехабитами неясна. Но наличность ея можно считать несомнѣнной.

[2]) Представленіе о Іагве, какъ о богѣ пустыни, сыграло крупную формирующую роль также и въ міровоззрѣніи пророческихъ круговъ. Борьба между Вааломъ и Іагве естественно могла облечься при данной исторической обстановкѣ въ антитезу: Ханаанъ—пустыня,—и на фонѣ пропитаннаго натуралистическими элементами религіознаго міровоззрѣнія настоящаго старая вѣра должна была представляться золотой порой „чистаго іагвизма“. Отсюда—ясно выраженный „романтизмъ пустыни“ у всѣхъ пророковъ, начиная съ Иліи. Готовясь къ борьбѣ съ Вааломъ, Илія уходитъ въ пустыню и доходитъ до Хореба (Синая); для Гошеи—блага земли, въ которыхъ народъ видѣлъ дары Ваала, разрушили былую связь между Іагве и Израилемъ, и единственнымъ путемъ къ ея возстановленію представляется ему новое пребываніе въ пустынѣ (2, 16); у Іереміи читаемъ: „Такъ говоритъ Іагве: незабвенна для меня любовь твоей юности, вѣрность твоя, когда ты была невѣстой, когда ты шла за мною по пустынѣ, по незасѣянной землѣ“ (2, 2).

Жизнь его вся облечена народной легендой въ покровъ чудеснаго, но въ основѣ отдѣльныхъ ея эпизодовъ лежатъ достовѣрные факты [1]). По библейскому разсказу Илія неожиданно является къ Ахабу изъ пустыни. Уже внѣшній обликъ его выдаетъ въ немъ человѣка стараго закала. Онъ приближается къ царю и возвѣщаетъ ему волю Іагве, что въ теченіе трехъ лѣтъ небо не будетъ давать ни дождя, ни росы. Произнеся эти слова, Илія вновь исчезаетъ и ищетъ уединенія у ручья Критъ. Такъ проходитъ безъ малаго три года. Страна страдаетъ отъ засухи и голода, самъ Ахабъ объѣзжаетъ страну въ сопровожденіи начальника дворцовой стражи въ поискахъ корма для своихъ коней. Пророкъ неожиданно преграждаетъ ему дорогу и предлагаетъ ему судъ: пусть Ахабъ явится для жертвоприношенія со всѣми 450 пророками Ваала на гору Кармель, и пусть появленіе огня на алтарѣ рѣшитъ вопросъ, кто богъ въ Израилѣ, Іагве или Ваалъ. Ахабъ соглашается. Тщетно пророки Ваала—разсказываетъ легенда—взывали къ Ваалу плясали вокругъ алтаря, истязали себя—Ваалъ оказался безсиленъ, а Іагве услыхалъ первую же молитву Иліи и ниспослалъ огонь на жертву. Пророки Ваала были побѣждены, и тѣмъ рѣшена и самая судьба ихъ: по приказанію Иліи народъ предаетъ ихъ смерти на берегу Кишона.

Царица, узнавъ о совершившемся, жаждетъ мести. Илія вновь подвергается изгнанію изъ страны; онъ бѣжитъ на югъ и достигаетъ Хореба. Здѣсь, у древней горы Іагве, изливаетъ онъ свое горе своему богу. Тутъ, по словамъ легенды, является ему самъ Іагве и обѣщаетъ, что придетъ день, и надъ Вааломъ разразится гроза возмездія. Иліи самому поручается облечь миссіей тѣхъ, кто долженъ быть орудіемъ этого суда: онъ долженъ помазать Элишу пророкомъ на свое мѣсто, Іегу—царемъ Израиля и Хазаэля—царемъ Дамаска [2]).

Эта теофанія цѣликомъ принадлежитъ легендѣ, хотя и чрезвычайно изящной по своей формѣ и настроенію; въ дѣйствительности Илія выступилъ вторично противъ Ахаба въ связи съ его внутренней политикой, основанной на произволѣ и насилія. Разсказъ объ этомъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ историческому ядру преданій объ Иліи. Именно, Ахабу чрезвычайно понравился виноградникъ изреэльскаго жителя Набота. Такъ какъ Наботъ отказался добровольно уступить царю свою землю, онъ подъ вымышленнымъ предлогомъ былъ привлеченъ къ суду и преданъ казни со всей своей семьей, соотвѣтственно жестокому обычаю того времени. Участокъ Набота, какъ выморочное имущество, достался царю. Это низкое убійство, совершенное подъ по-

[1]) Большой голодъ, сообщеніе о которомъ является исходной точкой всего преданія отъ Иліи, представляетъ собою историческій фактъ. Онъ извѣстенъ и Менандру Эфесскому, только послѣдній опредѣляетъ продолжительность этого бѣдствія въ одинъ годъ, а Библія въ три года; противорѣчіе это, однако, несущественно и доказываетъ лишь, что наше преданіе объ Иліи не отличается строго историческимъ характеромъ въ своихъ деталяхъ. Прекращеніе бѣдствія Менандръ приводитъ въ связь съ умилостивительной процессіей финикіянъ, а Библія—съ состязаніемъ боговъ на Кармелѣ.

[2]) Послѣднее указаніе неточно: только Элишу Илія дѣйствительно самъ поставилъ, обоихъ же царей помазалъ на царство уже преемникъ Иліи.

кровомъ закона, возмутило правовое сознаніе всего народа. Тотчасъ же Илія даетъ громкое и недвусмысленное выраженіе тѣмъ чувствамъ, которыя волнуютъ всю народную массу. На другой день послѣ смерти Набота, въ тотъ моментъ, когда Ахабъ собирался вступить во владѣніе участкомъ Набота, Илія останавливаетъ его пророческимъ словомъ: „Воистину, вчера вечеромъ я видѣлъ кровь Набота и дѣтей его; за это я воздамъ тебѣ на этомъ самомъ мѣстѣ“ [1]).

Если Илія обладалъ хоть незначительной долей того вліянія, какое приписываютъ ему источники, то это пророчество было равносильно смертному приговору Ахабу и всей его династіи. Лично надъ Ахабомъ приговоръ этотъ совершился въ битвѣ противъ сирійцевъ, закончившейся смертью царя.

Камень Меши.

[1]) Разсказъ I Цар. 21 является переработкой болѣе простой версіи, въ основѣ которой лежало преданіе, на которое ссылается II Цар., 9, 25—26.

Дань израильтянъ Салманассару. Съ обелиска Салманассара.

3. Борьба династіи Ахаба съ Дамаскомъ и Ассиріей.

Библейскія сообщенія о взаимоотношеніяхъ между Израилемъ и другими государствами въ эпоху царствованія Ахаба довольно подробны, но они все же далеко не полны. Царь ассирійскій Салманассаръ II (859—824) продолжалъ политику своихъ предшественниковъ; много усилій положилъ онъ на покореніе Дамаска. Среди противниковъ, побѣжденныхъ имъ въ 854 году, Салманассаръ называетъ и царя израильскаго Ахаба; Библія же не упоминаетъ о какомъ-либо столкновеніи между Ахабомъ и Ассиріей. Далѣе, по сообщенію Салманассара, Ахабъ дѣйствовалъ противъ него въ союзѣ съ сирійскимъ царемъ Дадда-идри (Бенъ-Гададомъ); библейское же повѣствованіе, наоборотъ, сообщаетъ о многократныхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ между Ахабомъ и сирійскимъ царемъ Бенъ-Гададомъ II. Возникаетъ вопросъ, какъ согласовать библейскія извѣстія объ ожесточенныхъ войнахъ Ахаба съ сирійцами, съ ассирійскими свѣдѣніями о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ ихъ съ Израилемъ противъ Ассиріи. Попытаемся установить фактическое положеніе вещей.

Книга Царей сообщаетъ о жестокой враждѣ, разгорѣвшейся между Израилемъ и Дамаскомъ въ концѣ царствованія Ахаба, а быть можетъ и ранѣе. Сирійцы совершили походъ на Самарію; израильтянамъ удается, однако, отбить нападеніе враговъ. Годъ спустя войска Бенъ-Гадада вновь вторгаются въ страну и вновь терпятъ пораженіе; самъ Бенъ-Гададъ попадаетъ въ плѣнъ, но Ахабъ великодушно даруетъ ему свободу. Черезъ три года между Израилемъ и Дамаскомъ вновь возгорается война, во время которой и погибаетъ Ахабъ. Въ поводахъ къ соперничеству и враждѣ между обоими государствами, какъ мы уже знаемъ, недостатка не было. Напротивъ, сближеніе Ахаба (а быть мо-

жетъ и Омри) съ Тиромъ, какъ уже отмѣчено, способствовало еще большему отчужденію между Израилемъ и Дамаскомъ. Послѣдній долженъ былъ попытаться вернуть себѣ оружіемъ свои частью утраченныя, частью угрожаемыя позиціи. Возможно также, что предстоявшее Дамаску рано или поздно столкновеніе съ Ассиріей побуждало Бенъ-Гадада искать настоящаго союза съ Израилемъ. И если Израиль, въ разсчетѣ ли на поддержку со стороны своихъ союзниковъ, Тира и Іуды, или изъ опасенія передъ политическими послѣдствіями тѣснаго сближенія съ Дамаскомъ, или, наконецъ, съ прямой цѣлью предать Дамаскъ Ассиріи—уклонялся отъ такого союза, то сирійцы могли начать военныя дѣйствія, чтобы принудить Израиля заключить съ ними военное соглашеніе, подобно тому, какъ они изъ тѣхъ же соображеній столѣтіемъ позже пошли войной на іудейское царство. Какъ бы то ни было, но Бенъ-Гададъ оказался вдругъ подъ стѣнами Самаріи. Очевидно, вся Галилея, Изреэльская долина и сѣверные склоны возвышенности Эфраимъ, быть можетъ, и восточная область Іордана, должны были уже находиться въ его власти. Такимъ образомъ, по библейскимъ даннымъ все царствованіе Ахаба протекаетъ въ борьбѣ съ сирійцами.

Совершенно иную картину рисуютъ намъ клинописныя сообщенія. Салманассаръ въ шестой годъ своего царствованія (854) двинулся походомъ на западъ. Царь Дамасскій Дадда-(Бир-) идри, Ирхулина изъ Хамата, „а также цари страны Хатти и морского побережья" совмѣстно выступили противъ него, но потерпѣли пораженіе; 20.500 человѣкъ осталось на полѣ битвы. Такъ гласитъ лѣтопись Салманассара. Его надпись на обелискѣ содержитъ болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ же событіи. Среди союзниковъ, дѣйствовавшихъ противъ Салманассара, кромѣ Дадда-идри изъ Дамаска съ 20.000 воиновъ, 1.200 военныхъ колесницъ и такимъ же числомъ всадниковъ, кромѣ Ирхулины изъ Хамата съ 10.000 воиновъ и 700 колесницъ и такимъ же количествомъ всадниковъ, находился, согласно этой надписи, также Ахабъ изъ Израиля, приведшій за собою 10.000 воиновъ и 2.000 боевыхъ колесницъ. Битва произошла при Каркарѣ; союзники потерпѣли пораженіе и потеряли 14.000 человѣкъ убитыми. На одиннадцатомъ году своего царствованія (849) Салманассаръ вновь похваляется походомъ въ страну Хатти и побѣдой надъ царемъ Дадда-идри и 12 царями страны Хатти. Относящаяся сюда надпись на обелискѣ гласитъ: „Въ одиннадцатый годъ моего царствованія я перешелъ въ девятый разъ черезъ Евфратъ и завоевалъ города, имъ же нѣтъ числа. Я спустился внизъ къ городамъ страны Хатти и Хамата и завоевалъ 89 городовъ. Дадда-(Бир-) идри изъ Дамаска и 12 царей страны Хатти выступили совмѣстно противъ меня: я разбилъ ихъ". О слѣдующемъ походѣ (846), упоминаемомъ и на обелискѣ, подробно повѣствуетъ надпись, начертанная на двухъ огромныхъ изображеніяхъ быковъ, найденныхъ при раскопкахъ въ Нимрудѣ: „Въ 14 годъ моего царствованія я сдѣлалъ безчисленный наборъ въ моей странѣ. Со 120.000 моихъ воиновъ перешелъ я въ половодье Евфратъ. Тогда Дадда-(Бир-) идри изъ Дамаска, Ирхулина изъ Хамата съ 12 царями съ берега моря наверху и внизу сдѣлали безчисленный наборъ и по-

шли мнѣ навстрѣчу. Я бился съ ними и поразилъ ихъ; колесницы и конницу ихъ я уничтожилъ, ихъ боевые припасы я отнялъ у нихъ; чтобы спасти свою жизнь, они обратились въ бѣгство".

Такимъ образомъ, по ассирійскимъ даннымъ, Ахабъ находится въ постоянномъ союзѣ съ сирійскимъ царемъ. Противорѣчіе между обоими сообщеніями можетъ быть устранено лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе указаніе книги Царей, что Ахабъ послѣ второй побѣды надъ Бенъ-Гададомъ (Бир-идри) заключилъ съ нимъ договоръ. Мы получаемъ, такимъ образомъ, слѣдующее представленіе о походахъ Ахаба. Въ послѣдніе годы его царствованія—приходящіеся, вѣроятно, на 856—853 гг.—возрождается былая вражда между Израилемъ и Дамаскомъ. Къ этому же времени относится, быть можетъ, и отложеніе моабитянъ. Ахабъ, очевидно, стремился освободить себя отъ унизительной дани, наложенной Бенъ-Гададомъ I на его отца. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, неудачныхъ для Ахаба, Бенгададъ продвинулся вплоть до Самаріи Ахабъ, считая свою столицу потерянной, готовъ сдать ее Бенъ-Гададу на тѣхъ умѣренныхъ условіяхъ, которыя тотъ ставитъ ему на первыхъ порахъ. Въ послѣдній моментъ Бенъ-Гададъ мѣняетъ, однако, свое рѣшеніе и требуетъ безусловной сдачи города. Самонадѣянность и вѣроломство врага вновь возбуждаютъ въ Ахабѣ мужество. Онъ производитъ вылазку и изгоняетъ сирійцевъ изъ своей страны. Въ слѣдующемъ году Бенъ-Гададъ возобновляетъ военныя дѣйствія. При Афекѣ, въ долинѣ Кишона, располагается сильное сирійское войско; израильтяне выстраиваются противъ него на склонахъ горъ Эфраима. Послѣ долгихъ колебаній Ахабъ рѣшается первымъ напасть на врага; войско сирійцевъ уничтожено, самъ Бенъ-Гададъ взятъ въ плѣнъ. Ахабъ, какъ бы въ порывѣ великодушія, даруетъ жизнь этому опаснѣйшему врагу Израиля и заключаетъ съ нимъ договоръ, согласно которому Бенъ-Гададъ возвращаетъ Израилю всѣ завоеванія своего отца и предоставляетъ израильскимъ купцамъ право на устройство въ Дамаскѣ своего торговаго квартала [1]).

Великодушіе Ахаба, однако, только кажущееся: въ дѣйствительности же онъ, несомнѣнно, руководился весьма реальными мотивами, щадя своего врага. Сознавая опасность, грозящую обоимъ царствамъ въ равной мѣрѣ со стороны Ассиріи, Ахабъ рѣшается въ союзѣ съ Дамаскомъ выступить противъ опаснаго противника. Въ коалиціи противъ Ассиріи принялъ участіе цѣлый рядъ сирійскихъ и по одному аммонитскому и арабскому князю, а также Ахабъ во главѣ 10.000 пѣшихъ и 2.000 конныхъ воиновъ. Столкновеніе происходитъ при Каркарѣ, въ Сиріи. Салманассаръ остается побѣдителемъ, но успѣхъ его оказался недостаточнымъ для того, чтобы немедленно же воспользоваться плодами побѣды.

Временная пріостановка въ наступленіи Салманассара и ослабленіе самихъ его противниковъ послѣ пораженія въ равной мѣрѣ содѣйствовали распаду ихъ союза. По всей вѣроятности, Бенъ-Гададъ, пользуясь слабостью Израиля, не торопился съ исполненіемъ принятаго на

[1]) I Цар., 20, 34; ср. главы 20 и 22.

себя обязательства о возвратѣ Ахабу всѣхъ израильскихъ областей, завоеванныхъ имъ самимъ и его отцомъ. По этой или по иной неизвѣстной намъ причинѣ, но черезъ три года послѣ первой войны между Израилемъ и Дамаскомъ происходитъ новое столкновеніе. Предметомъ спора явилось заявленное Ахабомъ притязаніе на городъ Раму (Рамотъ) въ Гилеадѣ. Благодаря начавшемуся сближенію между израильскимъ и іудейскимъ царствами, Іуда оказываетъ Израилю военную поддержку. Возможно, что въ это же время впервые породнились и царствующіе дома обоихъ еврейскихъ государствъ. Хотя одинъ изъ пророковъ, Миха бенъ-Имла, въ противоположность сплоченному большинству всѣхъ своихъ товарищей, и предвѣщаетъ бѣду, цари рѣшаютъ начать военныя дѣйствія. Хитрость, при помощи которой Ахабъ пытается ввести непріятеля въ заблужденіе и обезопасить свою жизнь, не приноситъ ему спасенія: въ сраженіи при Рамѣ непріятельская стрѣла поражаетъ его, хотя онъ переодѣлся въ чужое платье. Смертельно раненый, Ахабъ мужественно продолжаетъ стоять на своей колесницѣ, пока ночь не прекращаетъ боя. Ахабъ погибъ какъ герой, но довести войска свои до побѣды ему не удалось. Его геройская смерть, надо думать, изгладила изъ памяти народной не одно воспоминаніе о его несправедливостяхъ, подчеркнувъ еще ярче свѣтлыя стороны его личности.

Такимъ образомъ, противорѣчіе между библейскими и ассирійскими извѣстіями болѣе или менѣе устраняется, и устанавливается приблизительная послѣдовательность хода событій. Но допустимо, что Салманассаръ или его лѣтописецъ называетъ израильскаго царя, выступившаго противъ него при Каркарѣ, Ахабомъ лишь потому, что былъ столь же мало освѣдомленъ о дѣйствительномъ имени этого царя, какъ и объ истинномъ отношеніи Іегу къ династіи Омри [1]). Въ этомъ случаѣ союзъ между Израилемъ и Дамаскомъ слѣдовало бы считать результатомъ печальнаго для израильтянъ исхода битвы при Рамѣ, и соотвѣтственно съ этимъ царемъ израильскимъ, побѣжденнымъ Салманассаромъ при Каркарѣ, будетъ не Ахабъ, а сынъ его, Іорамъ. Слѣдуетъ даже признать послѣднее предположеніе болѣе вѣроятнымъ по соображеніямъ, на которыхъ придется подробнѣе остановиться при изложеніи исторіи царствованія Іорама.

Тяжкое наслѣдство оставилъ Ахабъ своему сыну Ахазіи (855—854). Само собою разумѣется, что послѣ сраженія при Рамѣ Гилеадской, городъ этотъ остался за Дамаскомъ. Врядъ ли, однако, только этимъ ограничились печальныя послѣдствія пораженія Израиля, попавшаго въ зависимость отъ Дамаска; отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь по разрѣшеніи другого вопроса: былъ ли Ахабъ или Іорамъ вождемъ израильтянъ въ битвѣ при Каркарѣ.

Послѣдствія злополучнаго пораженія при Рамѣ сказались неизбѣжно и на другихъ границахъ Израильскаго государства. Моабитяне сумѣли немедленно использовать благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Войско израильское разбито; бразды правленія выпали изъ твердой руки Аха-

[1]) Какъ выше отмѣчено, онъ называетъ Іегу, положившаго начало новой династіи, сыномъ Омри.

ба,—и моабитяне подымаютъ голову. Быть можетъ, еще при жизни Ахаба сбросили они тяжкое иго, лежавшее на нихъ въ теченіе сорока лѣтъ, и переступили ту границу, которую установилъ нѣкогда Омри; послѣ смерти Ахаба они, очевидно, тотчасъ предприняли нападеніе на Израиля, и Ахазія оказался предъ ними безсильнымъ.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, Ахазія, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, сталъ жертвой несчастнаго случая: упавъ изъ окна верхняго этажа своего дворца, онъ получилъ столь тяжкія поврежденія, что вскорѣ умеръ, пробывъ на престолѣ всего два года. Согласно преданію, Илія возвѣстилъ ему предстоящій конецъ. Сомнительно однако, чтобы пророкъ самъ былъ въ то время еще въ живыхъ, такъ какъ на совѣщаніи передъ походомъ Ахаба на Раму обычную роль Иліи играетъ Миха бенъ-Имла.

Ахазію смѣнилъ на престолѣ его младшій братъ Іорамъ, управлявшій страной, согласно сообщенію книги Царей, двѣнадцать лѣтъ (854—842). Рѣшеніе вопроса о томъ, правильно ли это хронологическое указаніе Библіи, опять-таки зависитъ отъ того, кто былъ израильскимъ царемъ, сразившимся съ Салманассаромъ при Каркарѣ. Если то былъ, какъ утверждаютъ ассирійскія надписи, Ахабъ, то царствованіе Іорама могло длиться лишь около восьми лѣтъ, если же ассирійскій лѣтописецъ заблуждается, и противника Салманассара въ дѣйствительности звали Іорамомъ, то библейское исчисленіе продолжительности его царствованія надо признать правильнымъ. Таково новое, хотя, конечно, и не рѣшающее основаніе для того, чтобы считать не Ахаба, а Іорама противникомъ Салманассара.

Вся обстановка въ странѣ также вполнѣ соотвѣтствуетъ этой гипотезѣ. Если битва при Рамѣ привела къ тому, что Израиль сталъ зависѣть отъ Дамаска, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого для Ахазіи или Іорама была бы необходимость оказать своимъ побѣдителямъ помощь при первомъ же столкновеніи Дамаска съ Ассиріей. Такимъ образомъ и могла произойти битва при Каркарѣ. Однако, матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, нельзя все же признать достаточнымъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, именно, что политическое положеніе Израиля послѣ гибели Ахаба было весьма печально.

Объ этомъ говоритъ, прежде всего, неудачный исходъ экспедиціи Іорама противъ моабитскаго царя Меши. Само собою разумѣется, что Іорамъ не могъ примириться съ отложеніемъ Моаба. Попытка вновь подчинить себѣ моабитянъ была неизбѣжна. Благодаря ей, мы располагаемъ теперь камнемъ Меши (ср. рис. на стр. 358), воздвигнутымъ имъ въ память удачной борьбы съ Израилемъ и въ честь моабитскаго бога Кемоша, даровавшаго Мешѣ побѣду. Кромѣ того, имѣется еще библейское повѣствованіе о походѣ Іорама противъ Меши (II Цар., гл. 3). Изъ послѣдняго мы усматриваемъ, что іудейскій царь Іошафатъ продолжаетъ и при Іорамѣ сохранять въ силѣ договоръ, заключенный съ Ахабомъ. Онъ предоставляетъ въ распоряженіе Іорама свои войска, подкрѣпленныя спеціальнымъ наборомъ зависимыхъ отъ Іуды эдомитянъ. Идея напасть на моабитскую территорію съ юга была, несомнѣнно, правиль-

Внутренность царскихъ могилъ.

2. Іошафатъ, царь іудейскій, и его сыновья. Аталія.

Пора, однако, обратиться вновь къ Іерусалиму. Сыномъ и наслѣдникомъ того Асы, который призвалъ изъ Дамаска арамеянъ на помощь противъ своихъ братьевъ изъ Израиля, былъ Іошафатъ (876—851). Съ важнѣйшими событіями его царствованія мы уже знакомы. Такъ мы знаемъ, что онъ согласился вступить въ союзъ съ царемъ Израиля Ахабомъ, и что благодаря этому союзу, скрѣпленному бракомъ между сыномъ Іошафата Іорамомъ и дочерью Ахаба Аталіей, Іошафатъ долженъ былъ участвовать въ походѣ Ахаба на Раму въ Гилеадѣ, а послѣ смерти Ахаба и въ экспедиціи Іорама противъ Моаба. Намъ извѣстны также изъ предшествующаго изложенія тѣ причины, которыя могли побудить Ахаба, сильнѣйшаго изъ двухъ союзниковъ, искать дружбы съ іудейскимъ царствомъ.

Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ ни Іошафатъ, ни его союзникъ особеннаго успѣха не имѣли. Столь же мало удачно было еще одно начинаніе Іошафата, о которомъ считаетъ нужнымъ упомянуть краткій отчетъ о его царствованіи въ книгѣ Царей. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что эдомитяне все еще находились въ зависимости отъ іудейскаго царя, Іошафатъ, по примѣру своего предка Соломона, попытался использовать для морской торговли находящійся въ его рукахъ доступъ къ Красному морю. Расчитывая на свои дружественныя отношенія къ Ахабу и къ Тиру, онъ, очевидно, мечталъ о широкой торговой политикѣ. По его приказу въ Эціонъ-Геберѣ строится „таршишскій“ корабль, т. е. судно на подобіе тѣхъ, какія употреблялись финикіянами, для плаванія въ дальній Тартессъ въ Испаніи [1]). Іошафатъ снаряжаетъ

[1]) Книга Хроникъ превратила таршишскія суда въ таршишскія экспедиціи, которыя изъ Эціонъ-Гебера, очевидно, невозможны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко, Москва.

ВИДЪ НА МАСЛИЧНУЮ ГОРУ СЪ СІОНСКАГО ХОЛМА.

ной, судя по тому, что самъ Меша сообщаетъ о своихъ приготовленіяхъ къ оборонѣ на сѣверѣ. Къ тому же, на случай пораженія, отступленію израильтянъ здѣсь не угрожали сирійцы. Введенные въ заблужденіе неосновательными слухами о раздорахъ въ лагерѣ союзниковъ, моабитяне рѣшаются напасть на нихъ, но терпятъ сильное пораженіе. Меша со своими приближенными и остатками войска ищетъ спасенія въ бѣгствѣ въ Киръ-Харешетъ, современный Феракъ, гдѣ его осаждаютъ союзники. Послѣ неудавшейся вылазки Меша въ отчаяніи прибѣгаетъ къ послѣднему средству: на глазахъ осаждающихъ онъ приноситъ на городской стѣнѣ своего первенца въ жертву богу Кемошу. Это отчаянное средство воспламеняетъ въ войскахъ Меши новое мужество и вѣру въ помощь своего бога. Они вновь предпринимаютъ вылазку и пробиваются сквозь ряды осаждающихъ. Израильтяне вынуждены начать отступленіе [1]). Меша имѣлъ полное основаніе гордиться своимъ успѣхомъ. Возможно, что въ связи съ его побѣдой находятся также сраженія, которыя пришлось выдержать Іошафату съ сосѣдями моабитянъ, племенами Эдома и Каменистой Аравіи.

Къ царствованію Іорама относятъ обыкновенно и осаду Самаріи сирійцами. Въ книгѣ Царей событіе это дѣйствительно приводится въ связь съ исторіей Іорама. Надо, однако, думать, что израильскимъ царемъ, имя котораго въ этомъ эпизодѣ не упоминается, былъ не Іорамъ бенъ-Ахабъ, а Іоахазъ бенъ-Іегу. Мало вѣроятно, чтобы сирійцы могли найти теперь время и силы, чтобы рискнуть на длительную борьбу съ Израилемъ, находившимся къ тому же въ союзѣ съ Іудой. Вѣдь вскорѣ послѣ битвы при Каркарѣ имъ пришлось выдержать въ 859, 849 и 846 гг. послѣдовательно три нашествія Салманассара. Трудно допустить, чтобы въ короткій промежутокъ между 849 и 846 гг., какъ обыкновенно предполагается, сирійцы настолько успѣли собраться съ силами, чтобы сумѣть не только напасть на Израиля, но и дойти до Самаріи.

Весьма вѣроятно, напротивъ, что самъ Израиль успѣлъ постепенно оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему при Рамѣ и Каркарѣ, и отъ пораженія въ борьбѣ съ Мешей, и могъ попытаться воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Дамаска. Въ Іорамѣ могла постепенно зародиться надежда вновь завоевать гилеадскіе города, за обладаніе которыми безуспѣшно боролся Ахабъ [2]). Такимъ образомъ, событія приводятъ къ новой осадѣ Рамы въ Гилеадѣ, осадѣ, имѣвшей роковое значеніе для дальнѣйшей судьбы Израиля.

Отсюда наибольшая вѣроятность остается за тѣмъ предположеніемъ, что Ахабъ сошелъ со сцены еще до битвы при Каркарѣ, и что участвовалъ въ ней сынъ его, Іорамъ.

---

[1]) Упоминаніе о гнѣвѣ Кемоша (II Цар., 3, 27) противъ Израиля, побудившемъ Іорама отступить, имѣетъ цѣлью замаскировать пораженіе. Что Кемошъ могъ разгнѣваться на Израиля, объясняется по народному вѣрованію тѣмъ, что израильтяне находились въ области моабитскаго бога. Необычайное жертвоприношеніе смягчило гнѣвъ Кемоша и обратило его противъ Израиля.

[2]) Особенно укрѣпила его въ этой надеждѣ, повидимому, смѣна правителей въ Дамаскѣ.

Источникъ Элиши.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Іегу и его династія. Царство іудейское.

1. Переворотъ Іегу.

Послѣ смерти Иліи мѣсто главы пророковъ и руководителей группировавшихся вокругъ нихъ элементовъ занялъ его ученикъ и слуга Элиша. Уступая своему великому предшественнику въ самобытности и мощи, онъ, подобно ему, пользовался безграничнымъ вліяніемъ среди народа и отличался тѣмъ же пламеннымъ рвеніемъ въ борьбѣ за Іагве и противъ Ваала. Приписываемыя ему многочисленныя чудеса краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ, неизгладимомъ впечатлѣніи, которое производила на современниковъ замѣчательная фигура Элиши.

Въ разсказахъ о подвигахъ Элиши свободное поэтическое творчество и народная легенда переплелись самымъ причудливымъ образомъ съ исторической правдой. Здѣсь еще труднѣе, чѣмъ въ исторіи Иліи, отличить и отдѣлить оба элемента. Наиболѣе ясно и достовѣрно рисуетъ намъ фигуру Элиши исторія низверженія династіи Ахаба. Сверхъ того, среди приписываемыхъ Элишѣ дѣяній имѣются еще и другія, которыя, несомнѣнно, могли быть въ дѣйствительности. Такъ, весьма возможно, что онъ принималъ участіе въ походѣ Іорама противъ Меши и мудрымъ совѣтомъ по мѣрѣ силъ помогалъ Израилю. Вполнѣ мыслимо также, что къ Элишѣ прибѣгали за совѣтомъ и по-

мощью даже иностранцы, какъ, напр., сирійскій полководецъ Нааманъ. По крайней мѣрѣ, библейскій разсказъ повѣствующій объ этомъ событіи, во всѣхъ своихъ деталяхъ вполнѣ передаетъ характеръ эпохи Элиши. Въ противоположность этому, нельзя не признать сомнительнымъ участіе Элиши въ низверженіи Хазаэлемъ царя сирійскаго Бенъ-Гадада. Прежде всего въ самой Библіи имѣется версія, приписывающая ту же роль Иліи (I Цар. 19, 15); кромѣ того, ко времени этого переворота, взаимоотношенія между Дамаскомъ и Израилемъ были далеко не столь мирны, чтобы можно было предположить, что Элиша находился въ Дамаскѣ и даже поддерживалъ связи со дворомъ.

Къ концу царствованія Іорама пробилъ послѣдній часъ и для многолѣтняго противника Израиля, Бенъ-Гадада. Онъ былъ, повидимому, храбрымъ и выдающимся правителемъ. Ему пришлось неоднократно съ перемѣннымъ счастьемъ воевать съ Израилемъ. Странѣ его довелось выдержать за его царствованіе не одно нашествіе и со стороны Ассиріи. Несмотря на все это, Бенъ-Гададу удалось удержаться во главѣ своего народа, пока старческая немощь не приковала его къ ложу. Палъ онъ отъ руки убійцы: по библейскому разсказу, онъ былъ задушенъ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Хазаэлемъ.

Іорамъ, вѣроятно, не замедлилъ воспользоваться этимъ переворотомъ для возобновленія своихъ притязаній на Гилеадъ. Союзъ Іорама съ іудейскимъ царствомъ оставался въ силѣ, и царь іудейскій Ахазія приводитъ свои войска, какъ нѣкогда Іошафатъ, подъ стѣны Рамы. При штурмѣ города Іорамъ былъ раненъ, и ему приходится вернуться въ Изреэль. У него гоститъ и Ахазія, и командованіе войсками, остающимися подъ Рамой, переходитъ къ Іегу, сыну Іошафата, сына Нимши.

И тутъ-то Элиша неожиданно посылаетъ къ Іегу одного изъ учениковъ пророческихъ съ порученіемъ помазать его на царство именемъ Іагве. Войско присоединяется къ этому и провозглашаетъ Іегу царемъ. Іегу оставляетъ войско подъ Рамой и немедленно отправляется въ Изреэль. Получивъ вѣсть о его приближеніи, оба царя спѣшатъ въ колесницѣ ему навстрѣчу. Случайно они сталкиваются близъ того самаго участка, который нѣкогда принадлежалъ Наботу. На вопросъ Іорама, приноситъ ли Іегу миръ, послѣдній отвѣчаетъ: „Какой миръ? Вѣдь еще живетъ отступничество Изебель, матери твоей, и всѣ ея безчисленныя колдовства". Понявъ, что Іегу предалъ его, Іорамъ обращается въ бѣгство, но стрѣла Іегу настигаетъ его. Вспомнивъ пророчество Иліи, Іегу велитъ своему оруженосцу Бидкару бросить трупъ царя на поле Набота. Царь Ахазія также поплатился жизнью, ибо Іегу бросился вслѣдъ за нимъ и сразилъ его второй стрѣлой.

Такъ были устранены всѣ препятствія ко вступленію Іегу въ Изреэль, гдѣ еще находится резиденція Изебель, матери Іорама и вдовы Ахаба. Соотвѣтственно всему антидинастическому характеру возстанія, для оправданія цареубійства въ глазахъ народа смерть Изебель должна была предшествовать торжеству іагвизма. Царица видитъ ясно, что дни ея сочтены, но она не склоняетъ колѣнъ предъ убійцей своего сына съ мольбой о пощадѣ. Она рѣшаетъ либо пасть, какъ подобаетъ

отпрыску царскаго рода, въ полномъ царскомъ облаченіи, либо очаровать Іегу своей внѣшностью и силою своихъ талисмановъ. Но рука евнуха пресѣкаетъ ея жизнь.

Изреэль въ рукахъ Іегу; но этимъ дѣло еще не кончено. Чтобы укрѣпить за собою престолъ, Іегу необходимо завладѣть Самаріей и притомъ возможно скорѣе, чтобы предупредить провозглашеніе царемъ кого-либо изъ сыновей Іорама. Іегу удается склонить на свою сторону городскія власти, родовыхъ старѣйшинъ и воспитателей царскихъ дѣтей. Онъ требуетъ выдачи головъ 70 членовъ царской семьи и требованіе его исполняется, головы умерщвленныхъ пересылаются въ корзинахъ въ Изреэль. Іегу самодовольно похваляется предъ пораженной ужасомъ толпой выполненіемъ воли Іагве.

Но и на этомъ еще не заканчивается кровавая расправа. Послѣ того, какъ всѣ сторонники династіи Омри въ Изреэлѣ предаются смерти, Іегу торжественно вступаетъ въ Самарію, но и здѣсь продолжается кровавое дѣло. Прибывъ въ столицу, Іегу чинитъ жестокую расправу надъ всѣми поклонниками тирскаго Ваала. Отдѣльные эпизоды этого кровопролитія остаются неясными; повидимому, поклонники Ваала были окружены и перебиты въ своемъ храмѣ. Культъ Ваала былъ искоренёнъ огнемъ и мечемъ, но потоки пролитой крови и ужасающія злодѣянія, совершенныя къ тому же во имя Іагве, не могли не потрясти народа до самой глубины его души. Прошло цѣлое столѣтіе послѣ описанныхъ событій, а ужасъ и возмущеніе, какъ видно изъ словъ пророка Гошеи (1, 4), все еще продолжали жить въ сознаніи народа.

Глинянная лампа въ формѣ утки (изъ Гезера, X—IX в.).

Внутренность царскихъ могилъ.

2. Іошафатъ, царь іудейскій, и его сыновья. Аталія.

Пора, однако, обратиться вновь къ Іерусалиму. Сыномъ и наслѣдникомъ того Асы, который призвалъ изъ Дамаска арамеянъ на помощь противъ своихъ братьевъ изъ Израиля, былъ Іошафатъ (876—851). Съ важнѣйшими событіями его царствованія мы уже знакомы. Такъ, мы знаемъ, что онъ согласился вступить въ союзъ съ царемъ Израиля Ахабомъ, и что благодаря этому союзу, скрѣпленному бракомъ между сыномъ Іошафата Іорамомъ и дочерью Ахаба Аталіей, Іошафатъ долженъ былъ участвовать въ походѣ Ахаба на Раму въ Гилеадѣ, а послѣ смерти Ахаба и въ экспедиціи Іорама противъ Моаба. Намъ извѣстны также изъ предшествующаго изложенія тѣ причины, которыя могли побудить Ахаба, сильнѣйшаго изъ двухъ союзниковъ, искать дружбы съ іудейскимъ царствомъ.

Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ ни Іошафатъ, ни его союзникъ особеннаго успѣха не имѣли. Столь же мало удачно было еще одно начинаніе Іошафата, о которомъ считаетъ нужнымъ упомянуть краткій отчетъ о его царствованіи въ книгѣ Царей. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что эдомитяне все еще находились въ зависимости отъ іудейскаго царя, Іошафатъ, по примѣру своего предка Соломона, попытался использовать для морской торговли находящійся въ его рукахъ доступъ къ Красному морю. Расчитывая на свои дружественныя отношенія къ Ахабу и къ Тиру, онъ, очевидно, мечталъ о широкой торговой политикѣ. По его приказу въ Эціонъ-Геберѣ строится „таршишскій“ корабль, т.-е. судно на подобіе тѣхъ, какія употреблялись финикіянами, для плаванія въ дальній Тартессъ въ Испаніи [1]). Іошафатъ снаряжаетъ

[1]) Книга Хроникъ превратила таршишскія суда въ таршишскія экспедиціи, которыя изъ Эціонъ-Гебера, очевидно, невозможны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, Москва.

ВИДЪ НА МАСЛИЧНУЮ ГОРУ СЪ СІОНСКАГО ХОЛМА.

этотъ корабль въ Офиръ за золотомъ. Однако судно терпитъ крушеніе еще въ Эціонъ-Геберѣ, т.-е. еще до начала самаго плаванія. Послѣ этой неудачи Іошафатъ не рѣшается болѣе на вторую подобную попытку, на которую склоняетъ его Ахазія, царь израильскій.

Такимъ образомъ, по даннымъ книги Царей Іошафатъ представляется намъ правителемъ, не совершившимъ ничего выдающагося ни на войнѣ, ни въ мирныхъ дѣлахъ; ему, несмотря на разнообразныя попытки, ни въ чемъ нѣтъ удачи. Въ значительно болѣе благопріятномъ для Іошафата свѣтѣ изложена исторія его царствованія въ книгѣ Хроникъ, и притомъ съ цѣлымъ рядомъ подробностей. Такъ, будто бы Іошафатъ не только проявилъ большую энергію и накопилъ большія богатства, но и одержалъ также блестящую побѣду надъ внѣшними врагами, о которой въ книгѣ Царей не упоминается. Детали, которыми книга Хроникъ снабжаетъ эти сообщенія, съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ объ ихъ позднемъ происхожденіи.

Напротивъ, бóльшаго довѣрія заслуживаетъ сообщеніе Хроникъ о мѣропріятіяхъ Іошафата для распространенія въ іудейскомъ царствѣ „закона". Именно, книга Хроникъ разсказываетъ о томъ, что Іошафатъ разсылалъ по странѣ старѣйшинъ и левитовъ съ „книгой закона Іагве" и велѣлъ имъ знакомить народъ съ ея содержаніемъ. Многіе изслѣдователи и это сообщеніе подвергаютъ сомнѣнію. Но есть изслѣдователи, которые считаютъ это извѣстіе достовѣрнымъ. Вопросъ о томъ, что представляла изъ себя „книга закона Іагве", при этомъ рѣшается различно: нѣкоторые отождествляютъ ее съ Книгой Союза; но болѣе правильно, какъ намъ кажется, считать книгу закона Іошафата новымъ кодексомъ, до насъ не дошедшимъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ въ книгѣ Хроникъ идетъ разсказъ о введенной Іошафатомъ въ странѣ судебной организаціи. Ему приписывается учрежденіе судовъ во всѣхъ укрѣпленныхъ городахъ Іудеи и верховнаго суда подъ предсѣдательствомъ „первосвященника" и „князя дома Іудина" (II Хрон. 19, 11) въ Іерусалимѣ. Несомнѣнно, однако, что составитель книги Хроникъ перенесъ во времена Іошафата судебную организацію своего времени, т.-е. эпохи второго храма; изображая судебныя учрежденія Іошафата, авторъ книги Хроникъ имѣлъ въ виду современные ему провинціальные и іерусалимскій синедріоны.

Преемникомъ Іошафата былъ сынъ его Іорамъ (царствовалъ въ 851—843 г.). По женѣ своей, принцессѣ Самарійской, онъ приходился зятемъ Ахабу. Поэтому вполнѣ правдоподобно сообщеніе книги Царей, что Іорамъ покровительствовалъ и въ предѣлахъ своего государства введенному Ахабомъ въ Самаріи чужеземному культу тирскаго Ваала, которому служила его супруга Аталія. Въ дѣлахъ внѣшней политики Іорамъ успѣха не имѣлъ. Такъ, эдомитяне, бывшіе до тѣхъ поръ вассалами іудейскаго царя, начинаютъ при Іорамѣ добиваться самостоятельности, слѣдуя примѣру моабитянъ. Это движеніе угрожаетъ Іудѣ нарушеніемъ его интересовъ, ибо отложеніе эдомитянъ отрѣзало

---

[1]) Ср. „Библія какъ историческій памятникъ".

бы Іерусалимъ и всю страну отъ аравійской торговли. Іорамъ предпринимаетъ походъ противъ мятежниковъ, но эдомитяне окружаютъ его, и хотя ему и удается пробиться сквозь ихъ ряды, все же іудейское войско не поддается увѣщаніямъ и бѣжитъ на родину. Послѣдствіемъ этой неудачи является упадокъ значенія и авторитета іудейскаго царства и въ другихъ областяхъ. Такъ, отложилась по преданію и Либна, расположенная въ юго-западной части Іудеи, на границѣ ея съ филистимской территоріей, и являвшаяся центромъ торговли Іудеи съ морскимъ побережьемъ—такимъ образомъ, границы іудейскаго царства значительно суживаются. Іорамъ пережилъ еще немало неудачъ и умеръ, наконецъ, послѣ долгой и тяжкой болѣзни. Его смѣняетъ на престолѣ его сынъ Ахазія, отъ Аталіи. Правленіе его продолжалось всего годъ (843—842). Мы уже знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ судьба его оказалась связанной съ судьбою династіи Омри, знаемъ также и о смерти его отъ руки Іегу. Повидимому, участіе Ахазіи въ походѣ Іорама противъ сирійцевъ и было единственнымъ достопримѣчательнымъ событіемъ его правленія.

Извѣстно, какое высокое положеніе занимаютъ въ восточныхъ государствахъ матери царствующихъ правителей. Внезапная гибель Ахазіи въ столь раннемъ возрастѣ сразу лишила мать его Аталію всѣхъ почестей и вліянія, принадлежавшихъ ей въ качествѣ царицы-матери. Но дочь гордой Изебель не хотѣла добровольно сойти со сцены. Правда, путь къ сохраненію власти шелъ по трупамъ ея собственныхъ внуковъ и другихъ родственниковъ; но это не могло остановить честолюбивой царицы. Аталія предаетъ смерти всѣхъ принцевъ дома Давидова и сама занимаетъ освободившійся такимъ образомъ тронъ царей іудейскихъ. Мы видимъ здѣсь единственный случай, когда на престолѣ еврейскаго царства возсѣдаетъ женщина: Аталія удержалась на немъ шесть лѣтъ (843—836).

Иниціатива низверженія царицы исходила отъ сословія жрецовъ Іагве; и это нельзя считать случайностью. Когда въ сѣверномъ царствѣ была сметена династія Омри, а съ нею вмѣстѣ и культъ Ваала, то жрецы Іагве, конечно, не могли оставаться равнодушными къ этому событію. И хотя весь разсказъ о религіозномъ характерѣ движенія, направленнаго противъ царицы, дошелъ до насъ въ болѣе позднемъ изложеніи, однако нѣтъ основанія считать все его содержаніе плодомъ вымысла.

Принцессѣ Іошебѣ, сестрѣ царя Ахазіи, удалось спасти его малолѣтняго сына Іоаша отъ кровавой бани, устроенной царицей Аталіей. Въ теченіе шести лѣтъ мальчика скрываютъ въ храмѣ, у главнаго жреца Іояды, женой котораго была принцесса Іошеба. Въ седьмой годъ царствованія Аталіи Іояда рѣшаетъ, что наступила пора перейти къ открытымъ дѣйствіямъ. Онъ посвящаетъ въ свои замыслы начальниковъ дворцовой стражи. Планъ дѣйствій его основывается на томъ, что одна часть царской стражи охраняетъ храмъ, а другая дворецъ, и что по субботамъ онѣ смѣняютъ другъ друга. Такимъ образомъ, оказывается возможнымъ оставить въ субботу дворецъ на небольшой

промежутокъ времени совершенно безъ охраны и сосредоточить всю стражу въ храмѣ. Въ одну изъ субботъ Іояда, пользуясь благопріятной случайностью присутствія всей стражи въ храмѣ, неожиданно представляетъ ей молодого Іоаша, какъ законнаго іудейскаго царя, и приводитъ стражу къ присягѣ на вѣрность ему. Послѣ этого Іоаша ведутъ во дворецъ и сажаютъ на тронъ, Аталію же, застигнутую врасплохъ, убиваютъ. Затѣмъ Іояда беретъ съ народа клятвенное обѣщаніе служить одному Іагве, разрушаетъ алтарь Ваала и предаетъ смерти жреца его Маттана.

О событіяхъ царствованія Іоаша, правившаго по книгѣ Царей 40 лѣтъ (836—796), мы узнаемъ хотя и немного, но все же больше, чѣмъ о многихъ другихъ царяхъ. Въ началѣ онъ, уже въ силу своего малолѣтства, долженъ былъ находиться подъ опекой своего дяди. Конечно, въ эти годы онъ былъ особенно преданъ культу Іагве и идеаламъ жреческаго сословія. Однако и позже онъ не переставалъ удѣлять храму особое вниманіе.

Послѣ переворота, по причинамъ, о которыхъ умалчиваетъ книга Царей и которые лишь вскользь намѣчаются въ кн. Хроникъ [1]), зданіе храма нуждалось въ ремонтѣ. Іоашъ издаетъ распоряженіе, согласно которому всѣ деньги, поступающія въ храмовую кассу, переходятъ въ распоряженіе жрецовъ, обязанныхъ изъ этихъ доходовъ покрывать издержки по ремонту храма. По истеченіи нѣкотораго времени обнаружилось, что жрецы издержали всѣ доходы на личныя потребности, совершенно пренебрегая взятыми на себя обязательствами. Тогда Іоашъ издалъ новый указъ: пожертвованія народа на нужды храма идутъ уже не въ руки жрецовъ, а поступаютъ въ особый денежный ящикъ, выставляемый у входа въ храмъ и опорожняемый царскимъ казначеемъ; всѣ деньги послѣдній передаетъ мастерамъ, на которыхъ возложена обязанность исправлять храмовое зданіе.

Согласно книгѣ Царей, Іоашъ вплоть до 23 года своего царствованія проявляетъ величайшее рвеніе къ культу Іагве и заботливое вниманіе къ его храму. Тѣмъ неожиданнѣе звучитъ сообщеніе Хроникъ объ отпаденіи его въ болѣе поздній періодъ царствованія отъ религіи Іагве. Послѣ смерти Іояды Іоашъ будто бы впалъ въ идолопоклонство и даже велѣлъ казнить сына Іояды, Захарію, осмѣлившагося осудить нечестіе царя. Несомнѣнно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ пріемомъ хрониста, стремившагося какъ-нибудь согласовать благочестивую роль Іоаша съ его печальнымъ концомъ.

Вполнѣ обоснованнымъ представляется другое свѣдѣніе, а именно о нашествіи сирійцевъ, отъ котораго Іудѣ пришлось немало пострадать. Это нападеніе сирійцевъ находится въ несомнѣнной связи съ цѣлымъ рядомъ притѣсненій, которыя приходится въ ту же эпоху терпѣть отъ сирійцевъ и сѣверному царству; самый же ходъ борьбы іудейскаго царства со своимъ новымъ противникомъ ясно свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ, переживаемомъ Іудеей. Однажды царь сирійскій Хаза-

---

[1]) „Порочная Аталія и сыновья ея посягнули на цѣлость дома божія, и всѣ дары, посвященные дому Іагве, употребили для Вааловъ“ (II Хрон. 24, 7).

эль вознамѣрился пройти отъ Гата къ Іерусалиму, и Іоашу не осталось ничего иного, какъ откупиться отъ него и уплатить ему значительную сумму изъ храмовой и дворцовой казны. Іоашъ падаетъ жертвой заговора, о которомъ ничего достовѣрнаго неизвѣстно; но надо думать, что рядъ неудачъ подготовилъ почву для недовольства въ странѣ, которое и вспыхнуло при первомъ представившемся случаѣ.

Іоаша смѣняетъ на тронѣ сынъ его Амація (796—782). Онъ предаетъ казни убійцъ своего отца и при этомъ едва ли не первый порываетъ съ тѣмъ древнимъ принципомъ родового права, согласно которому смерти подлежитъ не только самъ убійца, но вмѣстѣ съ нимъ и весь его родъ. Въ этомъ нужно усмотрѣть яркое проявленіе духа времени, смягчившаго нравы, и появленіе новыхъ, болѣе высокихъ принциповъ общественныхъ отношеній.

Наиболѣе тяжелымъ среди всѣхъ несчастій, перенесенныхъ Іудой во время царствованія предшественниковъ Амаціи, была, несомнѣнно, утрата эдомитской области, благодаря чему страна оказалась отрѣзанной отъ ея важныхъ торговыхъ путей на югѣ. Вотъ почему мы усматриваемъ новое усиленіе Іуды въ томъ, что Амаціи удалось вновь подчинить себѣ эдомитянъ, отпавшихъ было послѣ смерти Іошафата. Правда, Амація своей побѣдой пріобрѣлъ, повидимому, власть лишь надъ небольшой частью Эдома, расположенной къ западу отъ Арабы съ главнымъ городомъ Села и съ гаванью Элатъ [1]), но обладаніе именно этой областью и было существенно для Іуды.

Эти успѣхи не спасли, однако, Амаціи отъ плачевной участи его отца. Противъ него составляется заговоръ; Амація вынужденъ бѣжать въ Лахишъ, но жители Лахиша выдаютъ его заговорщикамъ, которые лишаютъ его жизни. Поводъ къ заговору и въ данномъ случаѣ нетрудно угадать. Амація легкомысленно навлекъ на свою страну войну съ царемъ израильскимъ Іоашомъ, и война эта окончилась позорнымъ пораженіемъ Амаціи, которое не только подорвало уваженіе къ царю, но и лишило страну части только что пріобрѣтенныхъ выгодъ.

Здѣсь нить нашего повѣствованія приводитъ насъ такимъ образомъ снова къ сѣверному царству.

---

[1]) Изъ пророчества Амоса объ Эдомѣ (I, 11—12) надо заключить, что значительная и именно восточная часть Эдома, съ главнымъ городомъ Боярой, сохранила самостоятельность и послѣ Амаціи. Овладѣніе этимъ „остаткомъ Эдома" пророкъ считаетъ еще задачей далекаго будущаго (9,82).

Іегу приноситъ Салманассару дань. Съ обелиска Салманассара.

3. Іегу и его преемники до Іеровоама II.

Борьба за Раму Гилеадскую оказалась роковой какъ для Іорама, начавшаго эту войну съ сирійцами, такъ и для всей династіи Омри. Самая возможность вооруженнаго столкновенія изъ-за Рамы служитъ доказательствомъ того, что Израиль подъ управленіемъ Іорама усилился настолько, что могъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ противостоять своему давнишнему сирійскому противнику. Но все же борьба съ Дамаскомъ была бы Израилю не подъ силу, если бы Дамаскъ не былъ ослабленъ многократными столкновеніями съ Ассиріей. Вступить въ борьбу съ самой Ассиріей Израиль, особенно послѣ недавняго опыта, отважиться, конечно, не могъ. Тѣмъ естественнѣе была надежда использовать борьбу Ассиріи съ Дамаскомъ; но надежда эта была лишена основанія, потому что для Израиля послѣдствія подобной политики должны были быть невыгодны при любомъ исходѣ борьбы Ассиріи съ Дамаскомъ: въ случаѣ успѣха совмѣстныхъ дѣйствій съ Ассиріей противъ Дамаска Израиль приближалъ часъ своего столкновенія съ теперешнимъ своимъ союзникомъ; въ случаѣ же неуспѣха невыгодныя послѣдствія для него отъ усиленія и озлобленія его стараго врага Дамаска также вполнѣ были очевидны. Какъ бы то ни было, среди царей, покорившихся въ 842 году великому ассирійскому царю Салманассару II (859 — 824) во время его новаго похода на западъ, упоминается и царь израильскій Іегу, „сынъ Омри“. На обелискѣ Салманассара изображены израильскіе послы, приносящіе дань царя Іегу, состоящую изъ слитковъ золота и серебра, золотыхъ сосудовъ и пр. Надпись на обелискѣ гласитъ: „Дань Іау изъ Бетъ-Омри (т.-е. изъ Израиля): я получилъ отъ него серебро, слитки золота, золотыя чаши, золотые сосуды, золотые кубки, золотыя ведра, слитки свинца, скипетръ для царской руки и бальзамовыя деревья“. Причины, вызвавшія новый походъ Салманассара противъ Дамаска, намъ неизвѣстны. Сама собой напрашивается, однако,

догадка, что рѣшающее значеніе имѣли въ данномъ случаѣ событія въ самой Сиріи, о которыхъ ниневійскіе политики были, конечно, прекрасно освѣдомлены. Сюда относится прежде всего смерть упорнаго Бенъ-Гадада, трижды противостоявшаго Ассиріи, и распря между Дамаскомъ и Самаріей. Самое же покореніе Дамаска было для Ассиріи дѣломъ политической необходимости: самостоятельный Дамаскъ вѣчно угрожалъ свободному доступу Ассиріи къ Средиземному морю.

При томъ отношеніи Израиля къ Дамаску, которое установилось въ послѣднее время, для израильскаго царя было какъ нельзя болѣе естественно воспользоваться походомъ Салманассара, чтобы вступить съ Ассиріей въ дружественныя сношенія. Внутреннее положеніе израильскаго государства и враждебныя отношенія между Израилемъ и дамасскимъ царемъ Хазаэлемъ также должны были побуждать Іегу (842—814) искать крѣпкой опоры извнѣ. Ибо врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что во время похода Салманассара въ 842 году Израиль еще былъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ ужасныхъ кровавыхъ дѣяній, которыми Іегу проложилъ себѣ путь къ престолу. Воцареніе Іегу состоялось, по всей вѣроятности, лишь незадолго до начала ассирійскаго похода.

Тѣмъ опаснѣе была для Іегу неудача, постигшая Салманассара въ походѣ противъ Дамаска. Ассиріи не удалось покорить его; Хазаэль отстоялъ свою независимость какъ на этотъ разъ, такъ и при вторичномъ нападеніи Салманассара, въ 839 году. Ассирійскія войска вынуждены отступить отъ стѣнъ Дамаска. Естественнымъ послѣдствіемъ освобожденія Дамаска отъ ассирійцевъ было—въ связи съ предшествующей политикой Израиля—ожесточеніе и гнѣвъ побѣдителей Ассиріи противъ Израиля. Для Израиля наступаетъ, такимъ образомъ, время тяжкихъ испытаній и униженія передъ арамеянами. Чрезвычайно скудныя извѣстія книги Царей даютъ лишь общее представленіе о томъ, какія глубокія основанія имѣла легенда объ Элишѣ, распространившаяся въ то время въ народѣ. Согласно этой легендѣ, Элиша, будучи въ Дамаскѣ, возвѣстилъ предстоящую смерть Бенъ-Гадада его будущему преемнику Хазаэлю, и разразился при этомъ горькими слезами. На вопросъ Хазаэля о причинѣ слезъ, Элиша отвѣчаетъ: „Я предвижу, какое зло ты принесешь сынамъ Израилевымъ; крѣпости ихъ ты предашь огню, юношей ихъ ты поразишь мечемъ, грудныхъ дѣтей ихъ ты размозжишь, и беременныхъ женщинъ ихъ ты разрубишь". Къ сожалѣнію, наша книга Царей, столь детально повѣствующая о томъ, какъ Іегу отмстилъ династіи Омри, роняетъ страннымъ образомъ всего лишь нѣсколько словъ, правда, весьма многозначительныхъ, объ отношеніяхъ Іегу къ Дамаску: „въ тѣ дни началъ Іагве урѣзывать части отъ израильтянъ, и поражалъ ихъ Хазаэль во всѣхъ предѣлахъ израильскихъ". Въ болѣе позднемъ добавленіи къ этому извѣстію [1]) мы находимъ сообщеніе, что въ руки сирійцевъ попало все Заіорданье вплоть до Арнона. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вслѣдъ за отступленіемъ ассирійскихъ

[1]) II Цар. 10, 32—33.

войскъ изъ-подъ стѣнъ Дамаска начался рядъ карательныхъ набѣговъ Хазаэля на страну Іегу. О томъ, какъ хозяйничали сирійцы въ Израилѣ, мы узнаемъ не только изъ словъ, вложенныхъ преданіемъ въ уста Элиши; не менѣе отчетливо изображаетъ бѣдствіе нѣсколько позже и пророкъ Амосъ, говоря о страшной мести арамеянъ: „желѣзными молотилками молотили они Гилеадъ" (Амосъ 1, 3). Въ то же время бѣдственное положеніе Израиля было безжалостно использовано другими его мстительными и алчными сосѣдями. Филистимляне, финикіяне, эдомитяне и аммонитяне безпокоятъ Израиля, въ особенности тяжело пострадавшее отъ арамеянъ Заіорданье, своими хищническими набѣгами и уводятъ множество израильтянскихъ плѣнниковъ. Напрасно спрашивали себя израильскіе политики въ Самаріи: почему нѣтъ помощи отъ Ассиріи, союзника и покровителя? Помощи нечего было ждать хотя бы уже потому, что Салманассару приходилось вести ожесточенную борьбу въ другихъ концахъ своего государства.

Такое же, если не худшее, положеніе вещей продолжалось, судя по всему, и при сынѣ Іегу, Іоахазѣ (814—797). По всей вѣроятности, Амосъ въ своей книгѣ имѣетъ въ виду именно эпоху этого царствованія. И даже при царѣ Іоашѣ не прекращаются еще толки о нападеніяхъ шаекъ моабитскихъ грабителей, какъ о повседневномъ явленіи тогдашней жизни Израиля.

При Іоахазѣ, а быть можетъ лишь при сынѣ его Іоашѣ, въ Дамаскѣ произошла смѣна правителей (около 810 или 800 года). Мѣсто Хазаэля занимаетъ сынъ его Бенъ-Гададъ III. При одномъ изъ нихъ, вѣроятно, еще при Хазаэлѣ, Іоахазъ терпитъ жестокое униженіе и вынужденъ согласиться на ограниченіе численности своего войска всего 50 всадниками, 10 боевыми колесницами и 10.000 пѣшихъ воиновъ. При краткости соотвѣтствующихъ сообщеній книги Царей, нельзя даже вполнѣ уяснить себѣ, о которомъ изъ двухъ сирійскихъ царей идетъ рѣчь. А между тѣмъ очевидно, что, согласившись на ограниченіе своей самостоятельности, Іоахазъ тѣмъ самымъ призналъ себя вассаломъ дамасскаго царя. Лѣтописецъ какъ бы стыдился пролить больше свѣта на этотъ позоръ Израиля и ограничился лишь сообщеніями, безусловно необходимыми для сохраненія исторической связи событій. Надо думать, однако, что униженіе, которому подвергся Іоахазъ, является результатомъ цѣлаго ряда неудачныхъ сраженій Іоахаза и Іоаша противъ Хазаэля. Лишь послѣ смерти Хазаэля наступаетъ, наконецъ, облегченіе.

Изъ эпохи всей этой борьбы до насъ дошла вѣсть лишь объ одномъ эпизодѣ, счастливо закончившемся для Израиля. Конечно, объ этомъ успѣхѣ лѣтописецъ сообщаетъ со всею подробностью, между тѣмъ какъ объ остальномъ онъ умалчиваетъ, чтобы предать неудачи скорѣйшему забвенію. Бенъ-Гададу III, послѣ побѣды надъ Израилемъ въ открытомъ сраженіи, удалось проникнуть вплоть до самыхъ воротъ Самаріи. Арамейское войско обложило городъ. Вскорѣ въ Самаріи начинается жестокій голодъ. Населеніе находится на краю отчаянія. Матери для продленія своей жизни умерщвляютъ собственныхъ дѣтей. Самъ царь въ знакъ

глубокаго траура носить власяницу на обнаженномъ тѣлѣ. Вся злоба его обращается противъ пророка Элиши, который не разъ подавалъ спасительный совѣтъ въ тяжелую минуту и теперь, въ новые дни испытанія, не переставалъ уповать на Іагве. Пророкъ возвѣщаетъ, что на слѣдующій день бѣдствіе прекратится. Въ тотъ же вечеръ прокаженные, живущіе у городскихъ воротъ, рѣшаются передъ лицомъ грозящей имъ голодной смерти, прокрасться въ лагерь непріятеля. Они находятъ его покинутымъ и сообщаютъ о видѣнномъ въ городѣ. Развѣдчики, посланные царемъ, подтверждаютъ это извѣстіе—Самарія спасена [1]).

Причины, побудившія сирійцевъ внезапно снять осаду Самаріи, не выяснены. Самъ лѣтописецъ разсказываетъ, что непріятель услышалъ неожиданно какой-то шумъ въ воздухѣ, принятый имъ за топотъ приближающихся египетскихъ или хетитскихъ войскъ. Трудно повѣрить, конечно, въ возможность появленія на выручку Самаріи египетскихъ войскъ. Но если лѣтописецъ и впадаетъ въ ошибку, то изъ этого можно лишь вывести заключеніе о незнакомствѣ его съ міровыми событіями того времени и полной безыскуственности его повѣствованія. Неправильно было бы изъ его неосвѣдомленности дѣлать выводъ, что сообщаемый имъ эпизодъ вымышленъ. Другой вопросъ, въ правѣ ли мы безъ долгихъ размышленій подставить на мѣсто египтянъ или хетитовъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, ассирійцевъ. Нападенія послѣднихъ на Сирію, несомнѣнно, продолжались и въ эпоху Іоахаза. Такъ, царь ассирійскій Ададнирари IV (819—782) покорилъ около этого времени всю западную Сирію, включая сюда Израиль и Дамаскъ. Возможно, что въ то время происходили и другіе набѣги ассирійцевъ, вѣсть о которыхъ до насъ не дошла. Да и помимо нихъ въ тѣ безпокойныя времена могло быть немало причинъ, которыя могли побудить арамейское войско къ внезапному уходу изъ-подъ стѣнъ осажденнаго города.

Какъ бы то ни было, возобновленіе при Ададнирари IV походовъ ассирійцевъ противъ Сиріи, безспорно, развязало руки Израилю. Ассирійскій царь подступаетъ къ Дамаску и заставляетъ царя дамасскаго платить ему дань. Въ связь съ этимъ мы должны поставить успѣшную борьбу преемника Іоахаза, Іоаша (797—781), съ Сиріей. Еще при немъ, при внукѣ Іегу, мы застаемъ въ живыхъ Элишу; пророкъ въ это время достигъ уже весьма преклоннаго возраста и пользовался особеннымъ уваженіемъ царя въ виду извѣстныхъ намъ событій царствованія Іоахаза. Предъ своей кончиной Элиша успѣваетъ возвѣстить опечаленному царю грядущую побѣду надъ арамеянами. И дѣйствительно, по свидѣтельству книги Царей, Іоашу удается отнять у сирійскаго царя Бенъ-Гадада города, завоеванные имъ въ царствованіе Іоахаза.

Іоашъ представляется намъ вообще царемъ мужественнымъ и воинственнымъ. Царь іудейскій Амація (съ 796 года), повидимому, недружелюбно взиралъ на освобожденіе сѣвернаго царства отъ арамей-

---

[1]) Хотя книга Царей и помѣщаетъ этотъ разсказъ въ исторію Іорама-бенъ-Ахабъ (въ этомъ случаѣ подъ Бенъ-Гададомъ слѣдовало бы подразумѣвать Бенъ-Гадада II или Гададэзера), все же событіе это надлежитъ отнести къ эпохѣ Іоахаза, такъ какъ съ эпохой Іорама она плохо вяжется.

скаго ига. Къ тому же успѣхъ, сопровождавшій Амацію въ его начинаніяхъ, развилъ въ немъ самонадѣянность. И вотъ онъ порываетъ съ мирной традиціей, ненарушимо соблюдавшейся въ теченіе болѣе вѣка во взаимныхъ отношеніяхъ между обоими царствами. Амація желалъ войны и вызвалъ ее. Тогда войска Іоаша вторгаются въ Іудею; при Бетъ-Шемешѣ Амація терпитъ жестокое пораженіе и попадаетъ въ плѣнъ. Іерусалимъ отворяетъ ворота побѣдителю и подвергается разграбленію. Іоашъ получаетъ заложниковъ и срываетъ значительную часть городской стѣны іудейской столицы. Такимъ образомъ, Амація лишился, вѣроятно, большей части того, что онъ пріобрѣлъ въ началѣ своего царствованія.

Еще больше покровительствовала судьба сыну Іоаша, Іеровоаму II. Его царствованіе, продолжавшееся по книгѣ Царей 41 годъ (781—740), являлось, повидимому, періодомъ давно невиданнаго въ Израилѣ блеска. Кратко, но многозначительно сообщеніе книги Царей: „онъ возстановилъ границы Израиля отъ входа въ Хаматъ до Моря Пустыни“ [1]). Это удалось ему опять-таки не только благодаря его личнымъ достоинствамъ, но въ значительной степени благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Рѣшительный ударъ, нанесенный Дамаску Ассиріей при царѣ Ададнирари IV, чувствовался еще и во времена Іеровоама II. Къ тому же при царѣ ассирійскомъ Салманассарѣ III (781—772) послѣдовалъ новый походъ на Дамаскъ, не увѣнчавшійся, правда, особеннымъ успѣхомъ, но все же временно ослабившій Дамасское царство. Поэтому, въ разсматриваемый періодъ Дамаскъ не былъ серьезнымъ противникомъ для Израиля. Затѣмъ наступила эпоха, когда вниманіе ассирійскихъ владыкъ было отвлечено отъ запада. Революція, распространившаяся въ 763 году по всей Ассиріи при Ассурданѣ III (771—754), вновь дала Дамаску свободу дѣйствій. Предшествующія событія ослабили, однако, Дамаскъ настолько, что онъ не могъ уже съ успѣхомъ противостоять натиску Іеровоама. Кромѣ того, Іеровоаму удалось покорить моабитянъ, во времена Іорама проникшихъ въ южную часть Заіорданья. Такимъ образомъ, если только правильно сообщеніе книги Царей, Іеровоамъ, дѣйствительно, почти вполнѣ возстановилъ границы царства въ тѣхъ предѣлахъ, какія они имѣли при Давидѣ. Къ тому же Израиль находился въ расцвѣтѣ силъ и со всѣхъ сторонъ обезопасилъ себя отъ враговъ, чего не бывало со времени Соломона.

Нельзя, однако, забывать, что успѣхи Іеровоама были все же всецѣло обусловлены тѣмъ, что Ассирія предоставляла ему свободу дѣйствія. Такое благопріятное отношеніе Ассиріи къ Израилю установилось уже при царѣ Ассурданѣ III и еще въ большей степени при миролюбивомъ и бездѣятельномъ Ассурнирари IV. Высказывалось даже, ошибочное, правда, мнѣніе, будто Іеровоамъ въ союзѣ съ царемъ іудейскимъ Азаріей-Уззіей могъ въ то время даже отважиться на то,

---

[1]) II Цар. 14, 25. Ср. Ам. 6, 14. „Входъ съ Хаматъ“ это не самъ Хаматъ, а ведущая къ нему долина между Хермономъ и Ливаномъ (т. наз. Целесирія); Море Пустыни—Мертвое море.

чтобы расширить свое господство въ Сиріи въ ущербъ ассирійцамъ. Каковы бы ни были детали, одно несомнѣнно: правленіе Іеровоама II представляетъ собою эпоху несомнѣннаго расцвѣта Израильскаго царства. На ряду съ внѣшними успѣхами крѣпнетъ благосостояніе страны; и для духовной жизни народа наступаетъ пора высокаго подъема; обзоръ письменности разсматриваемой эпохи покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ въ царствованіе Іеровоама обогатилась литературная сокровищница и духовная жизнь Израиля. Однако на основаніи краткихъ сообщеній книги Царей мы не могли бы въ столь опредѣленныхъ чертахъ обрисовать эпоху царя Іеровоама II, если бы мы не располагали еще и другимъ источникомъ, дающимъ намъ полную возможность расцвѣтить яркими красками блѣдный набросокъ книги Царей. Мы имѣемъ въ виду книги пророковъ Амоса и Гошеи, къ которымъ намъ придется еще вернуться.

Обелискъ Салманассара.

Жатва въ современной Палестинѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Культура и религія эпохи царей.

1. Образъ жизни и культура.

Основнымъ занятіемъ населенія продолжало оставаться земледѣліе; на ряду съ нимъ сохранилось, конечно, и скотоводство, но лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ страны, природа которыхъ особенно тому благопріятствовала, именно въ южной Іудеѣ и въ Заіорданьѣ. Ремесла и прикладныя искусства развивались почти исключительно въ городахъ, но и здѣсь не получили большого распространенія, ограничиваясь изготовленіемъ домашней утвари и обычныхъ предметовъ обихода. Все же остальное либо привозилось изъ чужихъ странъ, либо, хотя и производилось на мѣстѣ, но не туземными, а выписанными изъ-за границы мастерами.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ царствованіе Соломона установились торговыя сношенія съ сосѣдними народами, въ странѣ появились деньги; былъ открытъ путь въ страну какъ для наемнаго труда, такъ и для товаровъ. Притокъ чужестранцевъ и иностранныхъ товаровъ уже не прекращался даже въ неблагопріятную эпоху, смѣнившую счастливую пору двухъ первыхъ царей изъ династіи Давида. Если и были отдѣльныя неудачи, какъ, напримѣръ, неудача, постигшая флотъ, снаряженный царемъ Іошафатомъ, то и онѣ лишній разъ доказываютъ, насколько сильно было стремленіе использовать въ интересахъ развитія торговли всѣ выгоды географическаго положенія Ханаана. Сирійскіе купцы имѣли въ Самаріи свой торговый кварталъ; той же льготой пользова-

лись со временъ Ахаба и израильскіе купцы въ Дамаскѣ [1]); бо́льшія или меньшія группы израильскихъ купцовъ водворялись также въ торговыхъ центрахъ другихъ странъ. Союзъ съ Тиромъ, заключенный при Ахабѣ, былъ, несомнѣнно, также призванъ служить интересамъ торговой политики. Изъ такъ называемыхъ „Благословеній Іакова и Моисея" мы узнаемъ, что израильскія племена, осѣвшія на сѣверѣ Ханаана, подпали подъ вліяніе Финикіи, выразившееся, между прочимъ, и въ тяготѣніи къ морской торговлѣ: это даетъ основаніе предполагать, что израильская торговля съ теченіемъ времени, не ограничиваясь предѣлами Сиріи, проникла и въ другія, болѣе отдаленныя, страны Востока. Особенно живыя торговыя сношенія поддерживали израильтяне со временъ Соломона съ Египтомъ: въ сложившихся въ эту эпоху сказаніяхъ о патріархахъ Египетъ играетъ первенствующую роль, фигурируя въ качествѣ житницы Ханаана въ неурожайные годы.

Сохраненіе монархическаго строя, безпрерывныя войны, которыя вынуждены были вести израильтяне, и дальнѣйшее развитіе торговли—все это одинаково способствовало развитію городской жизни. На ряду съ царскими столицами, Іерусалимомъ, Тирцой и Самаріей, возникъ съ теченіемъ времени цѣлый рядъ новыхъ укрѣпленныхъ городовъ: Сихемъ, Пенуэль, Рама, Лахишъ [2]), Изреэль, игравшій при Ахабѣ роль второй столицы Израильскаго царства, и много другихъ. Ростъ населенія въ городахъ и безостановочное развитіе торговли, въ которую все болѣе и болѣе вовлекается и туземное населеніе [3]), вызвали къ жизни зажиточный классъ горожанъ и царскихъ чиновниковъ, порывающихъ постепенно съ исконной простотой израильскихъ нравовъ.

Всѣ эти соціальные процессы были неразрывно связаны съ глубокими измѣненіями въ хозяйственной жизни народа: ремесла, прикладныя искусства, торговля, городское строительство предполагаютъ накопленіе нѣкотораго капитала; былое натуральное хозяйство все болѣе вытѣсняется денежнымъ; общинное землевладѣніе, полное или частичное, уступаетъ мѣсто частной собственности [4]). Растетъ необходимость

---

[1]) I Цар. 20, 34. Ам. 8, 4 и сл.

[2]) Ср. I Цар. 12, 25; 15, 21 и сл.; II, 14, 19; 18, 14 (если не считать, что Лахишъ отошелъ къ филистимлянамъ). Сихемъ былъ разрушенъ Абимелехомъ (Суд. 9, 45) и теперь вновь отстроенъ.

[3]) Ср. особ. Ам. 8, 5 и сл.; Гош. 12, 18 и сл. („я разбогатѣлъ"). Подтвержденіе тому, что торговля долгое время была сосредоточена въ рукахъ ханаанеянъ, находимъ въ томъ, что „купецъ" и „ханаанеянинъ" были долгое время синонимами. Постепенно, однако, особенно со времени царствованія Соломона, израильтяне эмансипировались отъ нихъ, захвативъ внутреннюю торговлю въ свои руки.

[4]) Положеніе вещей въ этомъ отношеніи далеко неясно. „Книга Союза" говоритъ еще о натуральныхъ повинностяхъ (ср. также храмовые сборы, напр., десятины и т. п., представляющіе собою натуральныя повинности) и о мѣновой торговлѣ (Исход. 21, 36 и сл., 22, 3, 4, 8); однако книга знакома съ металлическими деньгами въ видѣ вѣсовой единицы, извѣстными также кодексу Хаммураби и упоминаемыми въ таблеткахъ эль-Амарны. Эта двойственность сохранилась и позднѣе, съ постепеннымъ перемѣщеніемъ, однако, центра тяжести въ сторону денежнаго хозяйства. Расчеты по болѣе крупнымъ торговымъ сдѣлкамъ и платежъ дани (при Іегу, Менахемѣ и Хизкіи) поризводятся денежными знаками. Также неясны намъ

въ потребительномъ кредитѣ, что влечетъ за собою еще болѣе рѣзкое проявленіе соціальнаго неравенства. Взяточничество и произволъ чиновниковъ тяжкимъ бременемъ ложатся на низшіе классы; ростовщичество и земельная спекуляція умножаютъ достатокъ имущихъ и обостряютъ соціальный антагонизмъ. Роскошь и стремленіе къ наслажденіямъ и праздности вмѣстѣ съ порчей нравовъ являются неизбѣжнымъ спутникомъ богатства. Мелкій людъ, экономически слабѣйшіе классы, попадаютъ въ полную матеріальную зависимость отъ высшихъ. Число людей, безнадежно задолженныхъ и проданныхъ за долги въ рабство, угрожающе растетъ; растетъ и обеззёмеленный пролетаріатъ [1]). Отсюда понятно, почему пророки выступаютъ не только въ качествѣ проповѣдниковъ, бичующихъ безнравственность своихъ современниковъ, но и въ качествѣ соціальныхъ агитаторовъ, ополчающихся на весь общественный строй того времени. Этотъ протестъ противъ новыхъ формъ жизни сближаетъ пророковъ съ рехабитами: весь общественный строй представляется имъ испорченнымъ въ самомъ корнѣ, всѣ надежды свои они возлагаютъ на новое, лучшее будущее.

Среди широкихъ массъ населенія сельскихъ округовъ и маленькихъ городовъ сохранилась, однако, старая простота и патріархальность нравовъ и жизненнаго уклада; самая почва Палестины была недостаточно богата, чтобы принести трудящемуся на ней особый достатокъ. Дворцы изъ кедроваго дерева съ украшеніями изъ слоновой кости и мягкими ложами для возлежанія на пирахъ [2]), хоромы изъ тесаннаго камня, принадлежащія богачамъ, чередуются въ библейскомъ повѣствованіи со скромнымъ жилищемъ простого, хотя и зажиточнаго горожанина, изысканные наряды столичныхъ щеголихъ [3])—со скром-

---

представленія и о формѣ тогдашней собственности. Уже „Книга Союза“ знаетъ частное землепользованіе (Исход. 22, 4 и сл.); въ немъ можно видѣть послѣдствіе ежегодныхъ передѣловъ. Но желаніе Ахаба пріобрѣсть участокъ Набота и жалобы Исаіи на развитіе земельной спекуляціи (5, 8) безусловно предполагаютъ частную собственность. И въ наше время еще всѣ казенныя земли, отдаваемыя въ аренду общинамъ (такъ наз. земли „миріе“), считаются въ Палестинѣ просто общинной собственностью, и отдѣльные участки ежегодно, посредствомъ жребія, распредѣляются между поселянами. Тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что и въ древности господствовала смѣшанная форма поземельной собственности съ постепеннымъ перемѣщеніемъ центра тяжести въ сторону частной собственности. Наблюдаемое въ наше время соперничество съ общинами нѣкоторыхъ богатыхъ жителей Дамаска, Бейрута и другихъ городовъ существовало, надо думать, и въ эпоху царей. Сохранились, вѣроятно, все же и нѣкоторые слѣды продолжающихся общинныхъ отношеній. Ахабъ лично объѣзжаетъ страну въ поискахъ корма для лошадей (I Цар. 18, 6); Амосъ (7, 1) упоминаетъ о „царскомъ покосѣ“: очевидно, мы сталкиваемся здѣсь съ родственнымъ современному положеніемъ вещей, при которомъ часть страны составляла собственность казны. Эксплуатировалась она большей частью, вѣроятно, путемъ сдачи въ аренду. Мих. 2, 5 даетъ основаніе предположить болѣе или менѣе частый передѣлъ земельныхъ участковъ въ общинныхъ собраніяхъ; такое же указаніе даетъ Іеремія 37, 12, гдѣ пророкъ возвращается на родину, чтобы принять участіе въ такой жеребьевкѣ.

[1]) Исаія 5, 8. Амосъ 2, 6, 7; 8, 4—6.

[2]) Цар. 22, 39; Ам. 3, 12, 15; 4, 1; 5, 11; 6, 1—6.

[3]) Исаія 3, 16—18, ср. Ам. 4, 1.

нымъ стародавнимъ одѣяніемъ женщинъ низшихъ и среднихъ слоевъ населенія. Описаніе тогдашняго дома средней руки мы находимъ въ разсказахъ объ Элишѣ. Домикъ состоитъ изъ двухъ этажей [1]); въ горницѣ мы находимъ столъ, стулъ, постель и свѣчу [2]), которая горѣла, какъ кажется, во всякомъ домѣ непрерывно [3]). Въ болѣе зажиточныхъ домахъ имѣлась порою расположенная въ глубинѣ дома отдѣльная спальня [4]). Нѣкоторыя группы населенія не довольствовались, однако, сохранившейся въ общемъ простотой быта и жизни былыхъ временъ, а иногда даже шли значительно дальше въ опрощеніи нравовъ: фанатикъ Илія носилъ власяницу, быть можетъ, только звѣриную шкуру [5]); назиреи воздерживаются отъ вина и не стригутъ волосъ [6]); секта рехабитовъ не только гнушается вина, этого высшаго произведенія земледѣльческой культуры,—сама по себѣ земледѣльческая культура встрѣчаетъ съ ихъ стороны осужденіе [7]). Они признаютъ одинъ лишь кочевой бытъ, который единственно и даетъ возможность сохранить старинный, угодный Іагве, укладъ жизни. Они являются носителями послѣдовательнаго протеста противъ язвъ развивающейся городской культуры; пророки и назиреи смягчаютъ этотъ протестъ, но всѣ они одушевлены идеями религіозно-соціальной реформы.

Однако ихъ протестъ безсиленъ былъ повернуть колесо историческаго развитія. Ослабленіе государственной власти со времени раскола могло задержать дальнѣйшее развитіе Соломонова дѣла, но не въ силахъ было совершенно уничтожить его. Торговыя, дипломатическія и политическія сношенія Израиля съ внѣшнимъ міромъ прерывались въ той или другой степени въ періоды междуусобицъ и наибольшей слабости Израиля, но не прекращались совершенно. Источники разнообразныхъ культурныхъ вліяній, такимъ образомъ, не изсякали.

Въ политическихъ или торговыхъ сношеніяхъ съ Израилемъ и Іудой находились въ описываемую эпоху Египетъ, Тиръ, Дамаскъ, Кипръ, Критъ, Аравія, Офиръ и Таршишъ, а также Ассирія, конечно, не всѣ одновременно,—то одно изъ нихъ, то другое, то нѣсколько государствъ въ одно время. Такимъ образомъ, въ страну проникаетъ масса внѣшнихъ впечатлѣній; воспринятое при Соломонѣ чужеземное вліяніе продолжаетъ расширяться и углубляться, а ростъ благосостоянія, повышеніе жизненныхъ потребностей и духовная дѣятельность внутри

---

[1]) II Цар. 4, 10; 1, 2. Точнѣе рѣчь идетъ, вѣроятно, о распространенномъ и теперь повсемѣстно въ Палестинѣ мезонинѣ надъ плоской крышей. Въ бѣдныхъ же домахъ имѣлась лишь открытая бесѣдка на крышѣ.

[2]) II Цар. 4, 10.

[3]) Повидимому, свѣча эта соотвѣтствовала неугасимому огню въ очагѣ у индоевропейцевъ. Какъ извѣстно, феллахи и въ наши дни спятъ не иначе, какъ при свѣтѣ лампы. Это объясняется, вѣроятно, боязнью злыхъ духовъ, таящихся въ темнотѣ.

[4]) II Цар. 11, 2, ср. Ам. 6, 10.

[5]) II Цар. 1, 8. Ис. 20, 2.

[6]) Суд., гл. 13 и I Сам. гл. 1 могутъ по времени относиться сюда же.

[7]) II Цар. 10, 15. Іер. 35, 1 и сл. Идеаломъ ихъ является, повидимому, соціальное равенство кочевниковъ.

страны способствуютъ дальнѣйшему самостоятельному развитію культурной жизни.

Этой картинѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ также сообщенія источниковъ о бытѣ Израиля въ данную эпоху. Въ городахъ, число которыхъ все растетъ, старыя глинобитныя и кирпичныя постройки замѣняются дорогими зданіями изъ тесанаго камня, появляются водопроводы и водостоки. Въ крупнѣйшихъ городахъ возникаютъ, на ряду съ туземными, иностранные базары, торгующіе привознымъ товаромъ. Благородные металлы, кони и колесницы, пѣвцы и пѣвицы, драгоцѣнные ковры и роскошныя одѣянія, облицовка стѣнъ изъ слоновой кости, мягкія ложа, тонкія масла и благовонія — все это и масса другихъ изысканныхъ предметовъ обихода и украшенія тогдашней свѣтской женщины даетъ намъ въ описаніяхъ Исаіи довольно наглядное представленіе о культурѣ того времени, успѣвшей сдѣлать значительный шагъ впередъ [1]).

Раскопки вполнѣ подтверждаютъ это описаніе. Въ Таанахѣ и Меггидо замѣчается все болѣе и болѣе широкое распространеніе на ряду съ бронзой также желѣза вмѣсто устарѣвшаго кремня, а параллельно съ этимъ — развитіе искусства въ обработкѣ тесанаго камня. Здѣсь, безъ сомнѣнія, сказывается вліяніе финикійскихъ строительныхъ мастеровъ, выписанныхъ Соломономъ для сооруженія храма. Въ Таанахѣ къ этому же періоду относится, быть можетъ, такъ называемый жертвенникъ для воскуренія, въ завиткахъ котораго проглядываютъ, быть можетъ, греко-микенскія вліянія; красивѣйшій же изъ найденныхъ до сихъ поръ образцовъ древне-еврейскаго искусства въ Меггидо— печать Шемы—безспорно, относится къ этой эпохѣ (ср. рис. на стр. 320). Она представляетъ собою государственную печать Іеровоама I или II. Изготовлена, она вѣроятно, на мѣстѣ рукою туземца или поселившагося въ Ханаанѣ иностранца и ясно показываетъ, насколько туземное искусство и въ эту эпоху находилось подъ сильнымъ вліяніемъ чужеземныхъ образцовъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ ассирійскимъ, въ болѣе поздней по времени печати Асафа—съ вліяніемъ египетскаго искусства. Ту же степень культурнаго вліянія на Израиля мы можемъ предположить и относительно Сиріи, Финикіи и другихъ странъ. Не напрасно сѣтуетъ Исаія на усиленіе въ Іудѣ чужеземныхъ вліяній [2]).

Особаго вниманія заслуживаютъ, конечно, вопросы духовной жизни Израиля. Благодаря Соломону, она получила мощный подъемъ, значенія котораго также не могли уничтожить послѣдовавшія невзгоды государственной жизни. Если Исаія изображаетъ намъ учителя, предписывающаго „заповѣдь за заповѣдью, правило за правиломъ“ и исправляющаго „тутъ немного и тамъ немного“, и если вспомнить, что грамотность была распространена въ широкихъ кругахъ, то прихо-

---

[1]) Зданія изъ тесаннаго камня: Ис. 9, 9 (ср. 5, 9, Ам. 5, 11 и др.); каналы и пр.—II Цар. 10, 27; Ис. 7, 3; базары—I Цар. 20, 34; привозныя драгоцѣнности—Ис. 2, 7. 16; пѣвцы — Ис. 5, 12; Ам. 6, 5; 8, 3; ковры, масла, слоновая кость — Ам. 6, 4 и сл. I Цар. 22, 39; женскіе наряды—Ис. 3, 16 и сл.

[2]) Ис. 2, 6.

дится предположить существованіе правильно поставленнаго школьнаго обученія. Соломонъ прославляется за свои многочисленныя притчи, встрѣчаются указанія и на другихъ авторовъ ихъ, составляются связные разсказы, комбинирующіе преданія о патріархахъ, пребываніи въ Египтѣ и странствованіи по пустынѣ. Даже любовныя переживанія начинаютъ уже находить свое выраженіе въ лирическихъ изліяніяхъ [1]), а также печаль и плачъ по умершимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нарождаются народно-героическія ибогослужебныя пѣсни [2]).

Возникшее къ концу этого періода произведеніе элогиста [3]) обнаруживаетъ (въ книгѣ Бытія) особенно детальное знакомство съ Египтомъ. Этотъ фактъ подтверждаетъ тѣ данныя, которыми мы уже располагаемъ, и которыя доказываютъ, что Египетъ и въ эпоху своего политическаго упадка не утратилъ притягательной силы для Израиля. Широкимъ слоямъ народа онъ уже въ силу географической своей близости долженъ былъ быть болѣе знакомъ, чѣмъ болѣе отдаленная ссирія. Тѣмъ сильнѣе начинаетъ чувствоваться вліяніе Ассиріи въ средѣ правящаго класса и высшихъ круговъ націи съ того времени, какъ Израиль сталъ приходить все въ большее соприкосновеніе съ ней при Омри и его премникахъ. Мы знаемъ уже, что когда медленный процессъ поглощенія Израилемъ ханаанеянъ завершился, прекратилось и вліяніе ихъ на духовную жизнь Израиля. Мѣсто Ханаана заняла съ тѣхъ поръ Ассирія. Еще со времени Омри Израиль, встрѣчаясь съ войсками и послами Ассиріи, знакомится непосредственно и съ произведеніями этой страны и идеями этого народа, находившими до тѣхъ поръ доступъ къ нему лишь при посредствѣ другихъ народовъ. Доказать это примѣрами изъ Библіи мы не можемъ; но это подтверждается, однако, какъ политическимъ положеніемъ Израиля, такъ и дошедшими до насъ памятниками пластическаго искусства.

Печать Асафа.

[1]) Пѣснь Пѣсн. 6, 4 въ качествѣ городовъ, славящихся своей красотой, называетъ только Іерусалимъ и Тирцу, т.-е. столицы Іуды и Израиля. Самарія не упоминается, равно какъ и Изреэль,—очевидно Тирца была столицей, когда возникла эта любовная пѣснь.

[2]) Плачъ—Ам. 5, 1 и сл.; обрядовая пѣсня Ам. 5, 23.

[3]) Ср. „Библія, какъ историческій памятникъ“.

Древнепалестинскія печати.
Сверху—оттиски, внизу—печати: *a*) **Ананіи, сына Азаріи,** *b*) **Пекаха,** *c*) **Ананіи, сына Акбора,** *d*) **Нохабеть, дочери Ремаліи,** *e*) **Камошъ-Седека (изъ Моаба).**

2. Государственный и общественный строй.

Царская власть, упрочившаяся со временъ Саула, наложила яркую печать на государственную и общественную жизнь Израиля. Древніе родовые и племенные союзы, естественно, утрачиваютъ свою силу еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ началѣ царскаго періода. Однако и теперь они еще не совершенно исчезли: два главныхъ крупнѣйшихъ колѣна, Іуда и Эфраимъ, какъ бы заняли мѣсто отдѣльныхъ колѣнъ, о которыхъ говорятъ Пѣснь Деборы и Благословеніе Іакова, и дали свое имя обоимъ царствамъ. Да и въ повседневной жизни родовой бытъ сохранилъ, конечно, во многихъ отношеніяхъ свое значеніе. Счастливцы, принадлежавшіе къ многолюднымъ и знатнымъ родамъ, не нуждались въ защитѣ царя или военачальника. Въ основѣ своей, однако, древній племенной строй все же былъ обезсиленъ или, по меньшей мѣрѣ, нарушенъ, благодаря раздѣленію страны на провинціи, возникшія, вѣроятно, изъ соломоновыхъ податныхъ округовъ. Съ другой стороны, „старѣйшины", т.-е. главы родовъ, а также представители знатнѣйшихъ изъ нихъ, продолжали играть извѣстную роль въ нѣкоторыхъ общинахъ, напримѣръ, въ Самаріи и Изреэлѣ [1]). Въ качествѣ делегатовъ отъ народной общины (קהל ,עדה) они образуютъ какъ бы представительство всего народа: они не только избираютъ царя [2]), но и пользуются при немъ совѣщательнымъ голосомъ [3]). Формально рѣшающее слово какъ въ государственныхъ, такъ и въ судебныхъ дѣлахъ принадлежитъ попрежнему народной общинѣ [4]). На практикѣ же постепенно создалась зависимость народной массы отъ аристократическихъ

[1]) I Цар. 21, 8; II Цар. 6, 32; 10, 1.

[2]) I Цар. 12, 20. И здѣсь, конечно, народъ представляютъ въ качествѣ его депутатовъ нѣсколько старѣйшинъ.

[3]) I Цар. 20, 7 и сл. („старѣйшины", а на ряду съ этимъ также „старѣйшины и весь народъ"). Точно также 21, 9 и сл. Старѣйшины и знать руководятъ дѣломъ, народъ присутствуетъ. Далѣе Ис. 3, 2; 9, 14; ср. Исх. 3, 18; 4, 29 и др.

[4]) Какъ избраніе царя, такъ и государственные акты основаны на соглашеніи (ברית—союзъ). Народъ заключаетъ „союзъ" съ царемъ: II Цар. 11, 17; 23, 3. Точно

верховъ, такъ что, въ общемъ, государственный строй въ Израилѣ пріобрѣлъ ярко выраженныя аристократическія черты [1]).

Аристократія, представляемая старѣйшинами, дѣлитъ свое вліяніе съ царскими чиновниками, которые по общему правилу принадлежатъ къ родовой знати; нерѣдко, однако, при замѣщеніи той или иной должности играли также роль соображенія иного порядка. Вліятельнѣйшимъ лицомъ въ странѣ послѣ царя былъ, какъ уже при Давидѣ и Соломонѣ, военачальникъ [2]). Въ сѣверномъ царствѣ военачальникамъ, обладавшимъ рѣшительнымъ характеромъ, было нетрудно овладѣть и короной. На ряду съ канцлеромъ, царскимъ писцомъ, жрецомъ при царскомъ святилищѣ, начальникомъ дворцовой стражи и сборщикомъ податей, извѣстными уже въ Соломонову эпоху [3]), особо упоминается еще довѣренный адъютантъ царя, „сановникъ, на руку котораго онъ опирается" [4]). Какъ и повсемѣстно на Востокѣ, большимъ значеніемъ при дворѣ пользовались евнухи [5]). Во главѣ провинцій стоятъ намѣстники, ихъ конвой на войнѣ является отборнымъ отрядомъ [6]); намѣстники должны были содержать войско изъ доходовъ своихъ провинцій. Особый почетъ принадлежитъ, наконецъ, царицѣ-матери [7]).

Самъ царь, въ силу историческаго развитія царской власти въ Израилѣ, прежде всего былъ военнымъ предводителемъ; въ особенности это характерно для сѣвернаго царства. Продолжительныя и частыя войны того времени заставляли царя обращать особое вниманіе на военное дѣло. Древніе виды боя—рукопашная схватка и единоборство, требовавшія меча и копья, смѣнились боемъ на разстояніи, и тогда понадобились лукъ и стрѣлы, боевыя колесницы и конница. Нѣ-

---

такъ же въ нормальныя времена царемъ совмѣстно съ народомъ или его представителями заключаются и государственные договоры или союзы съ другими народами, Тиромъ, Дамаскомъ и др. Всѣ соглашенія этого рода считаются священными и совершаются съ соблюденіемъ торжественныхъ церемоній (ср. сакральныя выраженія Ис. 28, 15; 29, 15; 30, 1 и сл.). Содержаніе послѣднихъ мы узнаемъ отчасти изъ Быт. гл. 15, Исх. гл. 24, Второз. гл. 27 и сл. и Іош. гл. 24. На ряду съ жертвоприношеніемъ и окропленіемъ кровью особую роль играетъ произнесеніе текста союзныхъ обязательствъ или чтеніе договорнаго акта (דברה или ספר ברית)—Исх. 24, 7; Второз. 27, 3. 8; Іош. 24, 25 и сл.; II Цар. 23, 2 и сл.—и, наконецъ, проклятіе нарушителей договора (Второз. 27, 11 и сл.).

1) Нѣкоторыя указанія относительно характера и состава народнаго собранія, соотвѣтствовавшаго религіозной общинѣ, находимъ во Второз. 23, 2 и сл. и Мих. 2, 5. Только израильтяне мужского пола, при томъ пользовавшіеся религіозной правоспособностью, имѣли право участія въ этомъ собраніи; иностранцы пріобрѣтали это право лишь въ четвертомъ поколѣніи. Повидимому, между ними распредѣлялись отъ времени до времени посредствомъ жребія и земельные участки. (Мих. 2, 5; Іер. 37, 12). И въ наши дни въ Палестинѣ играетъ еще большую роль жеребьевка пахотныхъ земель.

2) II Цар. 4, 13; 9, 1 и сл.

3) Ср., наприм., II Цар. гл. 23; I Цар. 18, 3.

4) II Цар. 7, 2. 17; 9, 25; 10, 15 (при Соломонѣ онъ назывался „другомъ царя": I Цар. 4, 5). Извѣстный изъ II Цар. 22, 12 „слуга царя", судя по печати Шемы изъ Меггидо (см. рис. на стр. 320), былъ такимъ же сановникомъ.

5) II Цар. 8, 6; 9, 32.

6) I Цар. 20, 25.

7) См. I Цар. 15, 13; II Цар. 10, 13.

которыя свѣдѣнія о постановкѣ военнаго дѣла въ Израилѣ мы узнаемъ изъ исторіи царствованія Менахема: очевидно, военная повинность была возложена на землевладѣльцевъ [1]). Существовала, однако, потребность и въ постоянномъ войскѣ, которое во всякое время находилось бы въ распоряженіи царя. Ядромъ такого войска являлась личная царская стража, игравшая порою важную роль [2]).

Въ мирное время главнѣйшая задача царя сводится къ заботѣ о правосудіи. Въ эпоху раздѣльныхъ царствъ, такъ же, какъ при Давидѣ и Соломонѣ, люди изъ народа продолжали приходить непосредственно къ царю за судомъ и расправой [3]). Къ суду царя обращаются, однако, только въ особо важныхъ случаяхъ. Первой инстанціей для менѣе сложныхъ дѣлъ являются старѣйшины родовъ и царскіе чиновники, словомъ, вообще власть имущіе [4]). Кто обладалъ достаточной силой, чтобы самому отстаивать свои права [5]), тотъ и вообще не нуждался въ судьѣ. Однако, несмотря на то, что судьи и вельможи нерѣдко попирали право, въ Израилѣ все же царило строгое правосознаніе. Съ этимъ приходилось считаться и царю. Паденіе династіи Ахаба должно быть въ извѣстной мѣрѣ приписано тому, что онъ пренебрегъ народнымъ правосознаніемъ. Ходъ формальной судебной процедуры мы узнаемъ изъ процесса противъ Набота; мы также узнаемъ изъ этого процесса, что израильскій царь отнюдь не былъ, подобно восточнымъ деспотамъ, полновластнымъ хозяиномъ надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ [6]). Царская эпоха не изгладила воспоминанія о прежнихъ временахъ, когда царской власти не существовало [7]). Какъ совершалась насильственная смѣна на царскомъ тронѣ, мы узнаемъ на примѣрахъ Іегу и Іоаша [8]). Продолжаетъ господствовать кровавая месть [9]). Первоначально она требовала искорененія всего рода преступника [10]): со временъ царя Амаціи она ограничивается умерщвленіемъ лишь самого убійцы [11]).

---

[1]) II Цар. 15, 20.

[2]) II Цар. 10, 25; 11, 14. Слѣдуетъ ли вмѣсто כרי читать כרתי—рѣшить трудно. Быть можетъ, рѣчь идетъ здѣсь о карійскихъ наемникахъ.

[3]) II Цар. 6, 26 и сл.; 8, 5 и сл.; ср. II Сам. 14, 1 и сл.; 15, 1 и сл. I Цар. 3, 16 и сл.

[4]) I Цар., 21, 8, 11; Ис. 1, 10. 17 и т. д. Исх. 18; ср. II Сам. 14, 7 и особ. Второзаконіе.

[5]) II Цар. 4, 1; Ам. 2, 6.

[6]) Ср., кромѣ I Цар. 21, 1 и сл., также 16, 24. „Лично цари при ближайшемъ знакомствѣ съ ними также, въ общемъ, не производятъ впечатлѣнія деспотовъ. Ихъ гуманность, вошедшая въ поговорку (I Цар. 20, 31), не была одной лишь красивой фразой, хотя въ томъ фактѣ, что цари терпѣли со стороны пророковъ такія выступленія, за которыя они въ наши дни поплатились бы, вѣроятно, головой, надо видѣть не столько доброту сердечную, сколько страхъ или, быть можетъ, презрѣніе“ (Wellhausen, Israelitische und jüdische Geschichte. Стр. 92, 5-ое изд.).

[7]) Ср. I Сам. 8, 10 и сл.; Второз. 17, 14 и сл.

[8]) II Цар. 9, 1—3. 13; 11, 12; ср. I Цар. 1, 38 и сл.

[9]) Въ случаяхъ неумышленнаго лишенія жизни или убійства на войнѣ она была отмѣнена еще раньше: Исх. 21, 23; II Сам. 3, 28.

[10]) Ср. II Цар. 9, 26; Іош. 7, 24, также I Цар. 15, 29.

[11]) II Цар. 14, 6; ср. Второз. 24, 16.

Основой правосудія почитаются, конечно, издревле записанныя положенія Книги Союза. Кое-что подверглось, вѣроятно, измѣненію, соотвѣтственно потребностямъ времени. Слѣды такой работы сохранились во Второзаконіи и въ особенности въ проповѣдяхъ пророковъ. Судя по нимъ, нужно даже предположить довольно оживленную законодательную дѣятельность, памятниковъ которой, къ сожалѣнію, не сохранилось. Мы можемъ только еще разъ указать на сообщеніе кн. Хроникъ о законодательной и судебно-организаціонной дѣятельности іудейскаго царя Іошафата,—сообщеніе, которое, повидимому, заслуживаетъ довѣрія. Сообразно съ аристократическимъ строемъ государства, законодательство также должно было носить сословный характеръ. И дѣйствительно, Исаія, со свойственной ему сознательной односторонностью, не обинуясь, называетъ тогдашнее законодательство орудіемъ эгоистической классовой юстиціи, направленной къ тому, чтобы эксплуатировать и держать въ кабалѣ бѣдныхъ и экономически слабѣйшихъ [1]). Законодательныя реформы заключались, вѣроятно, въ урегулированіи кредита, быть можетъ, также въ упорядоченіи землевладѣнія. Законодатель сообразовался, вѣроятно, въ должной мѣрѣ съ потребностями горожанина и купца, быть можетъ, и крупнаго земельнаго собственника, и потому впадалъ въ противорѣчіе съ древними патріархальными принципами.

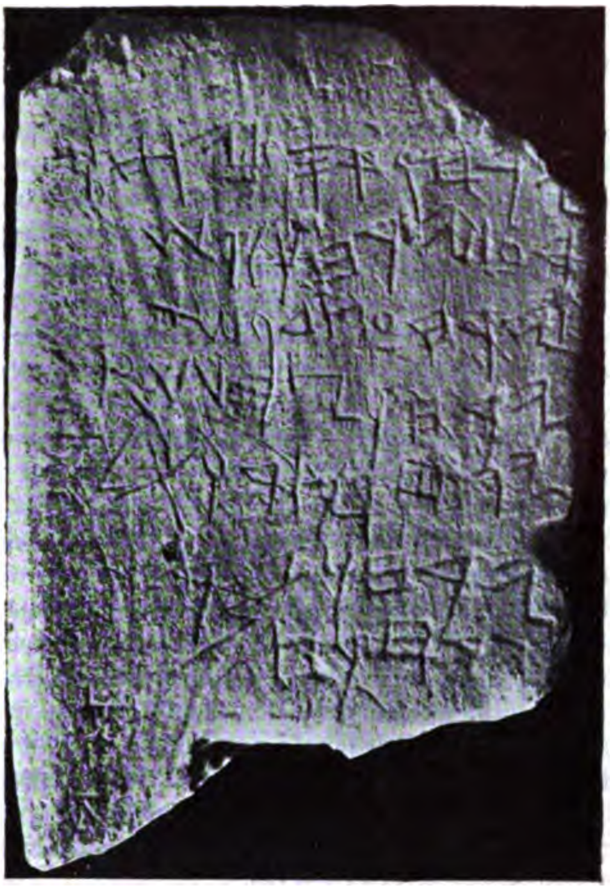
На ряду съ уставами, которые вырабатывались скорѣе всего уважаемыми лицами, мудрецами, старѣйшинами, совѣтниками, судьями и т. п. и нуждались, вѣроятно, въ утвержденіи общиннаго собранія, мы находимъ, правда, лишь однажды, въ царствованіе царя Амаціи, въ качествѣ основы одного закона царскій указъ. Однако, по аналогіи съ другими явленіями тогдашней жизни, надо думать, что и здѣсь мы встрѣчаемся скорѣе съ соглашеніемъ между народной общиной и царемъ, чѣмъ съ актомъ единоличной воли царя. Существовалъ ли порядокъ, въ силу котораго община или центральная власть оффиціально преслѣдовали виновныхъ въ убійствѣ и въ другихъ тягчайшихъ преступленіяхъ,—неизвѣстно. Въ городахъ лица, стоявшія во главѣ управленія, имѣли при себѣ, вѣроятно, свои исполнительные органы, и тюрьмы для преступниковъ имѣлись, надо думать, не въ одномъ лишь Іерусалимѣ.

Печать изъ Мегиддо VII в.

[1]) Ис. 10, 1 и сл. Его выраженія опредѣленно свидѣтельствуютъ, что рѣчь идетъ о писанныхъ законахъ. Ср. Іер. 8, 8, съ той лишь разницей, что здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о религіозныхъ, а у Исаіи о свѣтскихъ уставахъ.

[2]) Ср., напр., Іер. 37, 4, 15 и сл.

Мѣсяцъ сбора (плодовъ).	ירח אסף
Мѣсяцъ посѣва.	ירח זרע
Мѣсяцъ позднихъ травъ.	ירח לקש
Мѣсяцъ уборки льна	ירח קצר פשתה
Мѣсяцъ жатвы ячменя	ירח קצר שערה
Мѣсяцъ жатвы всего (остального).	ירח קצר כל
Мѣсяцъ подрѣзки (винограда)	ירח זמר
Мѣсяцъ (уборки) лѣтнихъ плодовъ.	ירח קיץ

Глиняная табличка изъ Гезера съ начертаннымъ на ней (буквеннымъ письмомъ) т. наз. „земледѣльческимъ календаремъ“ (VII в.).

3. Религія и культъ.

Раздѣленіе царства разбило Израиль на два различные лагеря не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи. Ходъ религіознаго развитія въ сѣверномъ царствѣ, связанный съ именами Іеровоама I и Ахаба, съ одной стороны, и именами Иліи и Іегу, съ другой, былъ уже изложенъ ранѣе. Наше изложеніе показало, что въ сѣверномъ царствѣ существовало сильное тяготѣніе къ специфически-ханаанскому характеру религіи, и что при дворѣ легко прививались финикій-

скіе культы; но, въ общемъ, религія и богослуженіе и въ сѣверномъ царствѣ должны быть разсматриваемы, какъ продолженіе прежняго культа Іагве, подвергшагося сильному вліянію ханаанизма.

Въ южномъ царствѣ положеніе вещей было инымъ. Царство это не только сохранило неприкосновенной свою династію и вмѣстѣ съ нею неизмѣнность политическихъ условій, но также и свой храмъ, какъ великій религіозный центръ, и съ нимъ его великія преданія. И хотя культъ въ этомъ храмѣ также испыталъ на себѣ вліяніе народной религіи и даже вліяніе финикійскаго культа Ваала, все же цари іудейскіе всегда умѣли находить обратный путь къ завѣтамъ Соломона.

Что касается народной религіи, то на основаніи всего вышесказаннаго мы должны будемъ заключить, что въ сѣверномъ царствѣ она продолжала существовать въ унаслѣдованныхъ формахъ. Правда, краткій и суммарный характеръ сообщеній книги Царей о религіозной жизни израильскаго царства, поскольку дѣло идетъ не объ эпохѣ Іеровоама, Ахаба и Іегу, затрудняетъ созданіе о ней надлежащаго представленія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты могутъ быть установлены. Бетъ-Эль и Данъ—только важнѣйшія, но не единственныя священныя мѣста сѣвернаго царства [1]). Въ Бетъ-Элѣ было великолѣпное святилище [2]), находившееся подъ особымъ покровительствомъ царя; въ Самаріи также находился, повидимому, настоящій храмъ [3]). Кромѣ того, особымъ почитаніемъ пользовались святилища въ Гилгалѣ, Бееръ-Шебѣ, Мицпѣ и на горахъ Таборъ и Кармель [4]), а также и такія мѣста, какъ Сихемъ, Пенуэль, Суккотъ. Отъ жрецовъ не требуется левитскаго происхожденія [5]). Съ алтарей не сходятъ обильныя жертвоприношенія; шумно справляются празднества [6]), субботы и новолунія строго соблюдаются [7]). Первенцы и десятины обязательно приносятся Іагве [8]). Разряженныя, увѣшанныя украшеніями женщины также принимаютъ участіе въ празднествахъ [9]). Главными праздниками были три большихъ годовыхъ праздника, связанныхъ съ земледѣльческимъ календаремъ и называвшіеся חגים. Первый праздникъ—начало жатвы, когда впервые появится серпъ въ полѣ; во время этого праздника ѣли опрѣсноки, отсюда и самый праздникъ назывался праздникомъ опрѣсноковъ (מצות); второй праздникъ справлялся черерзъ семь недѣль послѣ перваго, въ концѣ жатвы — праздникъ недѣль (שבועות — Пятидесятница); третій совпадалъ со сборомъ плодовъ и винограда и назывался или праздникомъ собиранія плодовъ (אסיף), или праздникомъ кущей (סכות). Въ эти

---

[1]) I Цар. 13, 32; II, 23, 19.

[2]) I Цар. 12, 31. Ам. 7, 13; срав. 9, 1 (гдѣ подразумѣвается Бетъ-Эль).

[3]) II Цар. 10, 18 и сл.

[4]) Ам. 4, 4; 5, 5; Гош. 9, 15; 4, 15; 12, 12.—Ам. 5, 5; 8, 14.—Гош. 5, 1.—I Цар. 18, 30.

[5]) I Кн. Цар. 12, 31; 13, 33.

[6]) I Кн. Цар. 12, 32 и сл.; 18, 26 и сл.; II, 3, 20; Ам. 4, 4 и сл.; 5, 22; Гош. 2, 13; 6, 6; 8, 13,—Ам. 5, 23; 8, 10.

[7]) Ам. 8, 5; Гош. 2, 13 и сл.; II Цар. 4, 23.

[8]) Ам. 4, 4; I Сам. 10, 3.

[9]) Гош. 2, 13; 4, 14.

праздники сыны Израиля должны были пить, ѣсть и веселиться передъ агве [1]).

О томъ, какъ совершались подобныя празднества, мы узнаемъ изъ многихъ описаній. Народъ являлся въ праздничныхъ одеждахъ. Въ самомъ святилищѣ приготовлялись для посѣтителей праздничныя облаченія [2]). Толпа собирается въ переднемъ дворѣ святилища. У алтаря появляется жрецъ, иногда самъ царь, чтобы совершить жертвоприношеніе. Пѣніе, музыка и молитвы сопровождаютъ торжество. Отдѣльныя лица исполняютъ иногда молитвенную пѣснь на цитрѣ. Толпу призываютъ къ тишинѣ, дабы никто не оскорбилъ шумомъ присутствующаго бога. Если имѣется изображеніе божества (чаще всего въ видѣ тельца), то народъ цѣлуетъ его. Во время праздниковъ покаянія или въ другихъ подобныхъ случаяхъ жрецы, бичуя себя, танцуютъ вокругъ алтарей. Заключеніемъ празднества является, послѣ благословенія жрецомъ народа, торжественное пиршество, символизирующее „радость передъ Іагве“ и общеніе съ божествомъ. Неимущимъ раздается милостыня. Нерѣдко, однако, празднества принимали бурный характеръ; вино оказываетъ свое дѣйствіе, такъ что дворы и галлереи святилища порою напоминаютъ все что угодно, только не священное мѣсто. Нерѣдко поднимаются между разгоряченными виномъ богомольцами шумныя перебранки, и даже происходятъ отталкивающія сцены разврата, понимаемаго, какъ служеніе божеству, владыкѣ и подателю жизни Іагве [3]). Оргіастическіе элементы культа особенно выдвигаются въ эпоху сближенія Іагве съ тирскимъ Вааломъ.

Рядомъ съ алтаремъ Іагве стоитъ, если не всегда, то все же нерѣдко, священный камень, м а с с е б а, сохранившаяся изъ временъ ханаанизма. Гошеа говоритъ о массебѣ въ томъ же тонѣ, какъ и объ алтарѣ, а сказанія, относящіяся къ древнѣйшей исторіи, повѣствуютъ о массебахъ съ такой же теплотой, какъ и объ алтаряхъ, воздвигнутыхъ нѣкогда Авраамомъ и Іаковомъ [4]). Несомнѣнно, что широкія народныя массы продолжаютъ смотрѣть на массебы, какъ на одушевленные камни, въ которыхъ обитаетъ божество. Мысль о томъ, что массеба, стоящая рядомъ съ алтаремъ, можетъ быть чѣмъ-то неугоднымъ Іагве, такъ же чужда библейской сагѣ, какъ и та мысль, что рядямъ съ главнымъ святилищемъ не могутъ существовать другія. Также въ сѣвер-

---

[1]) Ср. Исх. 34, 18—23; Второз. 16, 1—18. Въ историческихъ и пророческихъ книгахъ точно засвидѣтельствованъ лишь послѣдній праздникъ (Суд. 9, 27; 21, 19 и слѣд.; I Сам. гл. 1); на остальные имѣются лишь глухіе намеки. Пасха съ ея ритуаломъ семейнаго принесенія въ жертву агнца совершалась преимущественно на югѣ; см. объ этомъ ниже.

[2]) II Цар. 10; 22; 22, 14.

[3]) Ср. I Цар. 8, 1 и сл., 62 и сл.; 18, 30 и сл.; II, 10, 18 и сл., 24 и сл. Исаія 1, 11 и сл.; Ам. 5, 21 и сл. Ис. 28, 7 и сл. Въ частности: царь—2 Сам. 6, 18; II Цар. 10, 24 и сл.; 1, 8, 62; пѣснь и молитва—Ис. 1, 15.; Ам. 5, 23; пѣснь отдѣльнаго лица—Ис. 5, 1; тишина—Цефан. 1, 7; лобзанія—I Цар. 19, 18; Гош. 13, 2; благословенія и подарки—II Сам. 6, 18 и сл.; вино и пиршества—Ис. 28, 7 и сл.; 1 Сам. I. 14; шумные споры—Ис. 28, 9 и сл.; проституція и оргіи—Ам. 2, 7 и сл.; Гош. 2, 15; 4, 13 и сл.

[4]) Гош. 3, 4; 10, 1 и сл.; Мих. 5, 12.—Быт. 28, 18 и сл. 31, 13; Исх. 24, 4 и сл.

номъ царствѣ существовала попрежнему и **ашера**, священное дерево или столбъ, являвшійся у хананеянъ символомъ плодородія ихъ главнаго женскаго божества.

Чтобы узнать волю божества, прибѣгаютъ попрежнему къ употребленію **эфода и терафима**. Гошеа говоритъ о нихъ, какъ о принадлежностяхъ культа, практиковавшагося въ его время въ сѣверномъ царствѣ [1]), а отрывокъ книги Судей, повѣствующій о божьемъ домѣ Михи (Суд., гл. 17—18), относящійся къ началу описываемаго періода, упоминаетъ о эфодѣ безъ малѣйшаго порицанія, какъ о давнишнемъ атрибутѣ святилища въ Данѣ. Существовали попрежнему и иные способы вопрошать божество, напр., посредствомъ вызыванія мертвыхъ [2]). Предзнаменованія и шумъ деревъ толковались, какъ прорицанія; вѣроятно, также землетрясенія и громъ. Шептуны, вѣдуны и заклинатели погоды играли большую роль [3]). На ряду съ этимъ практиковались колдовство и гаданье, о чемъ мы узнаемъ, прежде всего, изъ относящихся къ нимъ многочисленныхъ запрещеній, а также изъ описанія бывшихъ въ употребленіи талисмановъ и амулетовъ [4]).

Вообще, въ народной средѣ существовало представленіе о мірѣ, какъ о населенномъ множествомъ духовъ, отъ которыхъ всячески старались защититься. Все, относящееся къ области низшихъ духовъ, представляется народной религіи **нечистымъ** [5]). Отсюда возникновеніе множества всякихъ очищеній и освященій, запретовъ извѣстныхъ родовъ пищи и прочихъ требованій воздержанія. Надлежащія наставленія относительно всего этого даютъ жрецы, которые именно поэтому, какъ вѣдающіе область священнаго, почитаются святыми [6]). Положеніе ихъ, однако, очень незавидное; въ большихъ святилищахъ они находятся, повидимому, въ полной зависимости отъ царя, а въ мелкихъ—отъ народа. Въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ мало склонности или мало возможности открыто выступать съ независимыми рѣчами и обличеніями [7]).

Кромѣ царя и жрецовъ, къ разряду святыхъ людей причисляются еще и **пророки**. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на одержимыхъ духомъ. Поэтому слово ихъ почитается, какъ божіе слово. Серьезнѣйшіе изъ нихъ сознавали, что ихъ званіе налагаетъ на нихъ высокія и тяжелыя нравственныя обязательства. Но главная масса пророковъ занималась, повидимому, пророчествомъ, какъ ремесломъ. Пророки эти состоятъ на жалованьѣ, одни у частныхъ лицъ, другіе и у двора, такъ что Гошеа и Исаія ихъ презираютъ, Амосъ стыдится принадлежать къ нимъ,

---

[1]) Гош. 3, 4.

[2]) Ис. 8, 19.

[3]) Быт., 15, 11; II Сам. 5, 24; Ис. 8, 19.

[4]) Ис. 2, 6; 3, 3; 3, 16 и сл. Какъ на защиту отъ нихъ, указывается также (I Цар. 16, 34) на человѣческія жертвы.

[5]) Ср. уже въ Книгѣ Союза, Исх. 22, 30; далѣе Суд. 13, 7; I Сам. 20, 26; 16, 5; 21, 5 и сл.

[6]) I Сам. 22, 17: люди Саула отказываются ихъ убивать.

[7]) II Цар. 9, 11; Гош. 9, 7. Іерем. 29, 26.

а Миха рѣзко отдѣляетъ себя отъ нихъ [1]). Они живутъ, по большей части, вмѣстѣ, объединившись въ союзы, и крайне остерегаются изрекать что-либо такое, что можетъ возбудить неудовольствіе тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Такимъ образомъ, они говорятъ въ угоду всѣмъ безъ различія, особенно же сильнымъ міра, и дѣлаютъ это къ тому же именемъ Іагве, внося деморализацію въ религіозныя и нравственныя сужденія. Намъ понятенъ тотъ священный гнѣвъ, которымъ возгорались пророки-ревнители противъ людей, „призывающихъ благословеніе, если кое-что перепало имъ на зубы, и возвѣщающихъ войну тому, кто ничего не сунулъ имъ въ глотку" (Мих. 3, 5).

Предшествующій очеркъ народной религіи въ сѣверномъ царствѣ, конечно, даетъ представленіе и о религіи южнаго царства, поскольку она имѣла по существу общія черты съ религіей сѣвера. Намъ надлежитъ лишь въ немногихъ словахъ указать на присущія религіи юга своеобразныя особенности.

Рядомъ съ іерусалимскимъ храмомъ, въ Іудеѣ, какъ и на сѣверѣ, имѣлись многочисленныя святилища на высотахъ, снабженныя массебами, ашерами и изображеніями божества [2]) и служившія мѣстами религіозной проституціи, связанной съ культомъ Астарты.

Своеобразнымъ предметомъ культа въ іерусалимскомъ храмѣ былъ мѣдный змѣй, остатокъ древняго поклоненія звѣрямъ, который является вплоть до Хизкіи предметомъ невозбраннаго почитанія. Едва ли змѣй этотъ былъ единственнымъ предметомъ этого рода: мѣдныя фигурки змѣй, найденныя при раскопкахъ, и рельефныя изображенія змѣй въ каменныхъ святилищахъ Петры, свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи подобнаго рода культовъ.

Остается еще бросить взглядъ на народное представленіе о Іагве, существовавшее въ Израилѣ и въ Іудѣ. Изъ всего извѣстнаго намъ о предыдущемъ періодѣ мы могли уже заключить, что хотя Іагве и почитался, какъ богъ Израиля, тѣмъ не менѣе въ религіозномъ сознаніи массъ онъ мало отличался отъ какого-либо изъ неизраильскихъ боговъ. Отсюда ограниченное представленіе о его могуществѣ и жизненныхъ проявленіяхъ и даже приписываніе ему внезапныхъ причудъ и неукротимыхъ порывовъ. Тотъ же образъ Іагве живетъ въ народномъ представленіи и въ описываемое время. Представленіе о Іагве не было представленіемъ ни о единомъ, ни даже о строго духовномъ или абсолютномъ существѣ. Относящіяся къ описываемому времени повѣствованія о временахъ судей и царей влагаютъ въ уста Ифтаха и Давида такія рѣчи о Іагве, какъ будто бы онъ, подобно Кемошу или какому-нибудь иному божеству, имѣетъ силу и пребываніе только въ своей землѣ. Такъ же

---

[1]) Гошеа—4, 5; Ам. 7, 14; Миха 3, 5 и сл. Наилучшая иллюстрація этого явленія въ I Цар. 22, 5 и д. и Ис., 28, 7.

[2]) I Цар. 14, 23, 24; 15, 12, 13; 22, 47. Изображенія божества въ большомъ числѣ были найдены при раскопкахъ, преимущественно египетскаго и вавилонскаго происхожденія (хотя также и мѣстнаго изготовленія). Результаты раскопокъ согласуются съ указаніями пророковъ—Ис. 2, 8, 18—20; 30, 22; Гошеа 8, 4 и сл.

изображаютъ его и другіе разсказы, по представленію которыхъ Іагве живетъ на Синаѣ, въ горящемъ кустѣ, въ ковчегѣ или на Сіонѣ [1]). Сообразно этому, нѣкоторыя повѣствованія въ исторіи патріарховъ и въ исторіи Моисея, изображаютъ, какъ Іагве воочію являлся людямъ, бесѣдовалъ съ ними, спускался на землю, являлся въ саду, показывался въ облачномъ столбѣ, вкушалъ пищу съ людьми и разспрашивалъ, дѣйствительно ли все обстоитъ такъ, какъ онъ слышалъ [2]). Разсказывается даже, что Іагве испытываетъ зависть и страхъ за свою власть, и даже проявляетъ дикую страсть и капризы [3]).

Въ связи съ этимъ, Іагве не является хранителемъ устоевъ нравственности. Онъ побуждаетъ на зло Давида и Рехабеама, дѣлаетъ то же и съ израильтянами въ Египтѣ—и только изъ собственной выгоды; онъ доходитъ даже до того, что вселяетъ въ пророковъ духа лжи, дабы они обманули Ахаба [4]). Понятно, что при такихъ представленіяхъ о Іагве, понятіе о томъ, что должно пониматься, какъ добро, и что—какъ зло, совершенно не связывается съ закономъ Іагве и является исключительно лишь выводомъ изъ завѣтовъ отцовъ и изъ обычаевъ, существующихъ у Израиля и, вообще, между людьми; на грѣхъ и несчастіе человѣкъ смотритъ при этомъ скорѣе, какъ на бѣдствіе или злой рокъ, чѣмъ какъ на собственную вину.

Такимъ образомъ, согласно указанному воззрѣнію на Іагве, отношеніе къ нему Израиля является чисто природнымъ. Іагве представляется богомъ Израиля, Израиль—народомъ Іагве, совершенно такъ же, какъ Кемошъ является богомъ Моаба, а Моабъ—его народомъ. Нравственныя обязательства подобнаго отношенія народнымъ воззрѣнімъ и въ особенности народной религіозной практикѣ совершенно чужды; поскольку эта практика существуетъ, она выражается, главнымъ образомъ, въ принесеніи жертвъ и даровъ: если они обильны и принесены въ надлежащей формѣ, то Іагве, буде онъ разгнѣванъ, долженъ вскорѣ умилостивиться; если же ни жертвоприношенія, ни всѣ извѣстные способы покаянія не достигаютъ цѣли, то остается только покориться неизбѣжному. Жертва и обрядность являются, такимъ образомъ, чистой формальностью. Что̀ при этомъ думаютъ или какъ одновременно съ этимъ поступаютъ, это не имѣетъ никакого или лишь очень малое значеніе; если обрядность соблюдена, то долгъ исполненъ. Въ связи съ этимъ богослуженіе является нерѣдко чисто внѣшнимъ дѣйствіемъ, праздники и жертвоприношенія служатъ лишь поводомъ къ шумному веселью, а „радость передъ Іагве“ сводится къ чистому самоуслажденію, часто принимающему весьма разнузданныя формы.

---

[1]) Сюда же относится и сцена на Хоребѣ въ I Цар. 19; какъ ни сильна она, все же въ авторѣ чувствуется народный разсказчикъ. По его представленію, Іагве живетъ здѣсь, въ пещерѣ на Хоребѣ; онъ, въ сущности, не богъ погоды, бури и землетрясенія; всѣ три феномена только его вѣстники.

[2]) Ср. извѣстныя описанія, прежде всего въ Быт. гл. 2, 3, 11, 17, 18; Исх. 3 и сл. Разумѣется, народная религія нерѣдко понимала ихъ безъ обиняковъ, такъ какъ подобные разсказы укрѣпляли ее въ ея воззрѣніяхъ.

[3]) Быт. 3, 22; 11, 6 и сл.; I Сам. 6, 19; II 6, 7 и сл.

[4]) II Сам. 24, 1; I Цар. 12, 15; Исх. 12, 36; I Цар. 22, 19 и сл., 22.

Если отъ этого изображенія народной религіи разсматриваемаго времени мы перейдемъ къ офиціальной религіи, представителями которой являлись руководящія жизнью государства вліятельныя лица, то увидимъ существенную разницу между царствами Израильскимъ и Іудейскимъ. Ознакомленіе съ предшествующимъ періодомъ оставило впечатлѣніе, что религія руководящихъ круговъ и богослуженіе въ общественныхъ святилищахъ нерѣдко отличались двойственнымъ характеромъ, но къ сѣверному царству это наблюденіе не относится. Оно дѣйствительно для него лишь постольку, поскольку въ теченіе нѣкотораго времени (со времени царствованія Ахаба) здѣсь проявлялось сильное тяготѣніе въ сторону культа тирскаго Ваала, открыто называвшагося своимъ настоящимъ именемъ. Въ остальномъ же характеръ религіи и богослуженія въ сѣверномъ царствѣ представляется намъ, насколько нынѣ проникаетъ нашъ взоръ, довольно единообразнымъ. Это—религія Іеровоама, т.-е. проведенная въ систему и возведенная на степень государственной религіи ханаанизированная народная религія, въ центрѣ которой остается культъ Іагве.

Разумѣется, нѣкоторыя колебанія существуютъ и здѣсь. Такъ, иногда, какъ при Іеровоамѣ, соблюдается болѣе или менѣе строго пріоритетъ Бетъ-Эля и Дана, въ другія эпохи обнаруживается, напротивъ, склонность въ сторону религіозной обрядности, болѣе присущей культу Ваала. Что касается чувственнаго характера религіозныхъ празднествъ и обрядовъ, то въ этомъ отношеніи между отдѣльными святилищами существовала значительная разница. Извѣстныя намъ указанія на оргіастическій характеръ праздничныхъ собраній относятся не ко всѣмъ святилищамъ и не ко всѣмъ временамъ. Но, въ общемъ, характеръ офиціальнаго религіознаго культа неизмѣнно сохраняетъ печать, наложенную на него Іеровоамомъ.

Такъ, ни одинъ царь изъ царства Эфраима не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отмѣнить установленія Іеровоама. Послѣ него наиболѣе крупная реформа офиціальнаго культа была проведена Іегу. Она заключалась, какъ мы видѣли, прежде всего, въ уничтоженіи культа тирскаго Ваала; но при этомъ, повидимому, Іегу повелѣлъ удалить, если не массебы, то, во всякомъ случаѣ, ашеры. Фактъ этотъ не лишенъ значенія. Онъ показываетъ намъ, что, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе объ Астартѣ, аттрибутомъ которой искони является ашера, было чуждо государственной религіи сѣвернаго царства въ ея подлинномъ видѣ. Въ ней все-таки сохранилось представленіе, что рядомъ съ Іагве нѣтъ мѣста параллельному женскому божеству.

Таковы скудныя свѣдѣнія объ офиціальной религіи сѣвернаго царства. Нѣсколько лучше мы освѣдомлены объ офиціальной религіи южнаго царства. Кое-что изъ вышеизложеннаго относится, конечно, и къ этому царству. Центромъ офиціальнаго культа является іерусалимскій храмъ, въ которомъ жреческія функціи находятся въ рукахъ семьи Цадока, отправляющей ихъ вплоть до эпохи изгнанія. Подобно Соломону, его преемники, несмотря на существованіе привилегированнаго родового жречества, присваиваютъ себѣ право совершать жертвопри-

ношенія безъ посредничества жрецовъ [1]). На ряду съ Іерусалимомъ, въ разныхъ мѣстахъ страны невозбранно существуютъ и мѣстныя святилища, посвященныя Іатве, такъ называемыя „бамотъ“ (высоты). Но офиціальный культъ все болѣе и болѣе ограничивается храмомъ. Высоты только терпятся.

Глава многочисленнаго храмового жрества принадлежитъ, какъ это было уже при Давидѣ и Соломонѣ, къ числу высшихъ сановниковъ государства. Значеніе такого верховнаго священнослужителя сказалось всего лучше на примѣрѣ Іояды, подготовившаго революцію противъ Аталіи и возведшаго на престолъ Іоаша. Въ концѣ царскаго періода на ряду съ верховнымъ жрецомъ появляется еще и „второй жрецъ“; также и привратники причисляются къ жрецамъ высшаго ранга [2]). Это указываетъ на многочисленный персоналъ храма и на его іерархическое раздѣленіе [3]). Соотвѣтственно этому раздѣленію, существовали еще и различные низшіе служители святилища [4]). Всѣ эти жрецы являются царскими слугами; цари по отношенію къ нимъ поступали по произволу, какъ достаточно явствуетъ изъ дѣйствій Іоаша и Ахаза [5]). О порядкѣ жертвоприношенія мы не узнаемъ ничего. Въ самомъ же торжествѣ жертвоприношенія іудейскій народъ, какъ и народъ израильскій, принималъ живѣйшее участіе [6]). Регулярныя утреннія и вечернія жертвоприношенія, на ряду съ особыми жертвоприношеніями царя и частныхъ лицъ, существовали уже въ царствованіе Ахаза; о приносимыхъ въ храмъ дарахъ и денежныхъ взносахъ, замѣнявшихъ натуральныя повинности, разсказывается въ царствованіе Іоаша [7]). Исаія знаетъ о ежегодныхъ праздникахъ, особенно о пасхальной ночи съ ея радостнымъ пѣніемъ. Молитва представляется ему важнымъ элементомъ богослуженія [8]).

Чѣмъ болѣе возрастаетъ численность и значеніе храмового жречества, и чѣмъ болѣе расширяется кругъ его вліянія, тѣмъ сильнѣе ощущается потребность въ опредѣленіи жреческаго права. Представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что въ описываемую эпоху началась въ Іерусалимѣ систематическая разработка и письменное закрѣпленіе древнихъ богослужебныхъ установленій, съ особымъ примѣненіемъ ихъ къ величайшему и важнѣйшему святилищу, къ іерусалимскому храму. Вѣроятно, записи нѣкоторыхъ основъ богослужебнаго законодательства слѣдуетъ относить уже къ этому времени.

Дальнѣйшій ходъ развитія израильской религіи достаточно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что вышеизложенныя воззрѣнія и формы народной и государственной религіи раздѣлялись не во всѣхъ кругахъ об-

---

1) II Цар. 16, 12 и сл.; срав. II Хрон. 26, 16 и сл.
2) II Цар. 23, 4; 25, 18; Іер. 52, 24.
3) Ср. назв. „старѣйшина жречества“ II Цар. 19, 2; Ис. 37, 2.
4) Іош. 9, 23.
5) II Цар. 12, 5 и сл.; 16, 11 и сл.
6) Ис. 1, 11 и сл.; Миха 6, 6.
7) II Цар. 12, 5. 17; 16, 15.
8) Ис. 29, 1; 30, 29; 33, 20, 1, 13 и 3.

щества. Существовали высшія религіозныя теченія, представителями которыхъ являлись духовные вожди Израиля. Центромъ этихъ круговъ, несомнѣнно, являются пророки съ Иліей во главѣ. Къ тому же кругу духовныхъ вождей надо отнести такихъ людей, какъ Іонадабъ бенъ Рехабъ, рехабиты и назареи. Разумѣется, весь этотъ кругъ болѣе развитыхъ въ религіозномъ отношеніи людей не представлялъ изъ себя чего-либо единаго и однороднаго ни въ духовномъ отношеніи, ни въ отношеніи времени и мѣста. Но извѣстныя основныя идеи все больше и больше прокладываютъ себѣ путь, налагаютъ на этотъ кругъ свою печать и, исходя изъ него, оказываютъ дальнѣйшее вліяніе на націю.

Итакъ, если широкія массы представляютъ себѣ Іагве все еще только однимъ изъ боговъ, хотя, быть можетъ, и заслуживающимъ предпочтенія, то духовные вожди знаютъ уже, что онъ владыка всего міра, создатель неба и земли—и потому, въ сущности, единый богъ [1]). Такимъ образомъ, возникаетъ монотеизмъ, хотя еще и не сознанный съ полной ясностью. Пусть иные мыслятъ еще Іагве, какъ нравственно индифферентное, дѣйствующее по капризнымъ прихотямъ, содержимое страстями и даже толкающее на зло, божество,—духовные вожди давно уже поняли, что весь нравственный и правовой порядокъ народа, т.-е. нравы и право Израиля имѣютъ свое начало въ Іагве; болѣе того, вожди считаютъ его не только судьею надъ злыми дѣяніями Израиля, но знаютъ, что его нравственный законъ простирается на весь міръ, и что онъ—владыка нравственнаго міропорядка. Іагве помогаетъ обиженному бѣдняку и является образцомъ милосердія; онъ охраняетъ изгнанника, налагаетъ справедливое возмездіе за злодѣянія [2]); мало того, несправедливости, чинимыя людьми другъ другу, онъ принимаетъ какъ обиду себѣ; онъ направляетъ зло къ добру, требуетъ нравственныхъ дѣлъ, и сердце человѣка важнѣе для него, чѣмъ жертвоприношенія [3]). Такимъ образомъ, обнаруживается серьезнѣйшее стремленіе поставить представленіе о божествѣ и о надлежащемъ поведеніи человѣка на чисто нравственное основаніе. Въ связи съ этимъ и отношенія Іагве къ народу понимаются какъ с о ю з ъ, какъ договоръ со взаимными обязательствами. Само собой разумѣется, что въ глазахъ духовныхъ вождей почитаемыя народомъ изображенія утрачиваютъ свою силу; на массебы они начинаютъ смотрѣть уже только, какъ на символы или памятники, а на святилища—какъ на мѣсто откровенія божества, но не какъ на его исключительное мѣстопребываніе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что религіозныя воззрѣнія націи въ разсматриваемое нами время не представляютъ единообразной картины. Часто встрѣчаемъ мы противоположности, даже прямыя противорѣчія. Въ особенности проявляются они въ отношеніи духовныхъ вождей къ народной религіи. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами время броженія, время, исполненное противорѣчій, когда новыя, великія

---

[1]) I Цар. 8, 12 (LXX); Быт. 2, 5 и сл.

[2]) Исх. 22, 26; I Сам. II Сам. 9, 3; I, 20, 14; II Сам. 14, 14; Суд. 9, 56; II Сам. 17, 14; Быт. 39, 9; 50, 20; гл. 22.

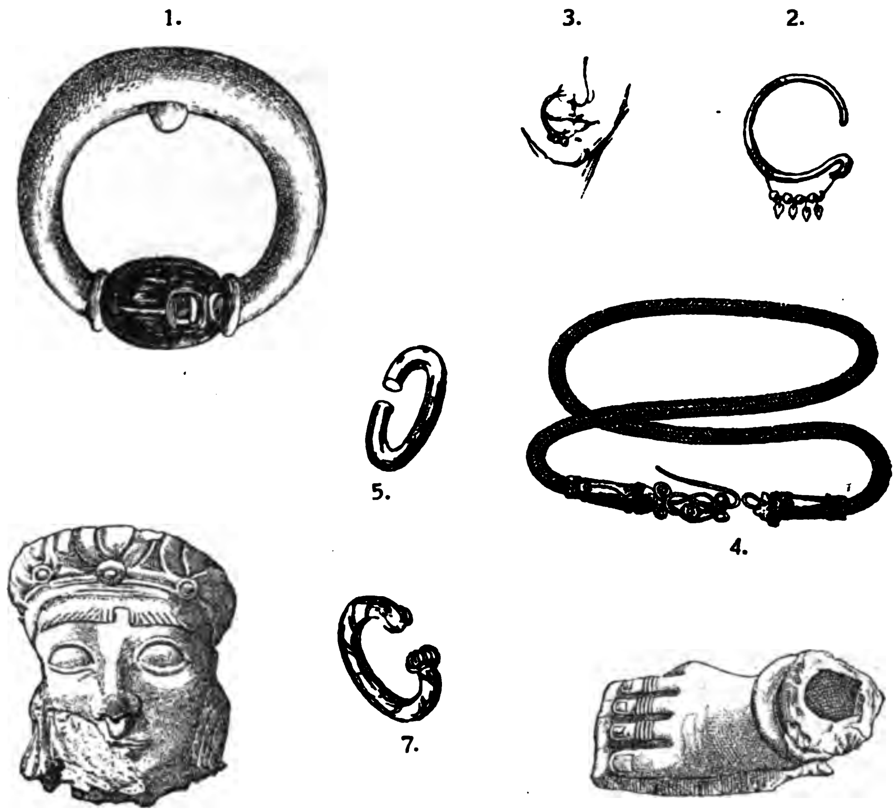
[3]) Быт. 39, 9; 50. 20; I Сам. 15, 22 и сл.; Быт. 22.

идеи борятся со старыми, не всегда еще достигая полной ясности и послѣдовательности, и когда, правда еще робко, прокладываетъ себѣ путь многое изъ того, что лишь въ послѣдующія времена будетъ выражено великими пророками съ полной ясностью и увѣренностью. Но пророчески мысля и дѣйствуя до появленія великихъ пророковъ, пророки описываемаго времени уже значительно подготовили путь своимъ болѣе великимъ преемникамъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, вытекающихъ изъ вышеизложеннаго, заключается въ томъ, что пророческія идеи VIII—VII вѣковъ существовали до письменныхъ пророковъ, и что мнѣніе многихъ ученыхъ, долгое время смотрѣвшихъ на этихъ новыхъ вождей Израиля, какъ на людей, идеи которыхъ явились чѣмъ-то абсолютно новымъ и возникшимъ только въ VIII вѣкѣ, мало отвѣчаетъ дѣйствительности. Отсюда видно, насколько неточно опредѣленіе всего времени до появленія Амоса, какъ допророческаго періода. Пророки и пророческіе мужи существовали во всякое время, въ данный же періодъ дѣятельность ихъ проявлялась особенно замѣтно.

По мѣрѣ того, какъ „до-пророческіе пророки" стремятся выйти изъ рамокъ народной религіи, они способствуютъ реформѣ религіознаго сознанія въ Израилѣ. Но преобразованіе мышленія съ необходимостью ведетъ къ преобразованію обрядности. Протестомъ противъ поклоненія Ваалу и Астартѣ и новымъ отношеніемъ къ массебамъ, было положено уже первое основаніе тѣмъ стремленіямъ, которые столѣтіемъ позже нашли свое конкретное выраженіе въ религіозной реформѣ царя Іошіи.

Финикійская вотивная плита изъ Лилибея (въ Сициліи).

Древнія и современныя палестинскія украшенія.
1. Перстень. 2—3. Кольцо для носа. 4. Поясъ. 5. Кольцо для пальца ноги. 6. Нога съ кольцами на пальцахъ. 7. Арабскій браслетъ. 8. Головная повязка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Пророчество VIII-го столѣтія.

1. Общая характеристика.

Чѣмъ дальше развиваются историческія событія, тѣмъ скуднѣе начинаютъ становиться сообщенія въ книгѣ Царей; болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ здѣсь уже только въ видѣ исключенія. И если бы мы для ознакомленія съ эпохой, послѣдовавшей за періодомъ Іегу и Аталіи, должны были ограничиться одними только повѣствованіями книги Царей, то мы, несомнѣнно, очутились бы въ весьма незавидномъ положеніи. Къ счастью, однако, намъ открывается для освѣщенія этого времени обильный и драгоцѣнный источникъ въ письменныхъ памятникахъ, сохранившихся отъ пророковъ. При этомъ сухой скелетъ разсказа, знакомый намъ изъ книги Царей, оживляется здѣсь свѣжимъ вѣяніемъ непосредственнаго переживанія, которымъ дышутъ рѣчи пророковъ. Въ пророческой литературѣ все облекается въ живую плоть и кровь и пріобрѣтаетъ свѣжесть настоящихъ естественныхъ красокъ. И неудивительно—пророки до глубины души были потрясены всѣмъ тѣмъ, что происходило съ ихъ народомъ; народныя нужды заставляютъ судорожно биться ихъ сердце, заботы его терзаютъ ихъ

душу, и грѣхи его пламенно зажигаютъ ихъ совѣсть. Такъ передъ нами широко развертывается картина народной жизни, какой застаютъ ее въ Израилѣ и Іудеѣ со времени Іеровоама II Амосъ и слѣдующіе за нимъ пророки. И кистью ихъ при этомъ водитъ священный гнѣвъ истыхъ патріотовъ, а набрасываемыя ими краски то огненно ярки, то темны и мрачны, какъ пропасть, освѣщаемая неровно вспыхивающимъ отблескомъ бушующей грозы.

Намъ уже приходилось отмѣчать, что среди называвшихъ себя пророками въ Израилѣ были люди самаго различнаго калибра. Не исчезли къ этому времени среди нихъ, конечно, и тѣ упомянутые выше пресмыкавшіеся передъ вельможами или передъ народными массами и ихъ грубыми инстинктами льстецы, о которыхъ Миха сказалъ, что „они кричатъ „миръ вамъ", когда зубамъ ихъ есть, что кусать" (Мих. 3, 5). Этотъ сортъ людей, все равно, къ какому бы они сословію ни принадлежали, никогда вообще не исчезаетъ среди людей. Но теперь выдвинулись на первый планъ тѣ элементы среди „небиимъ", для которыхъ внутреннія переживанія являлись не предметомъ корысти, а дѣломъ совѣсти и святого нравственнаго долга. Только о нихъ и будетъ рѣчь впереди.

Состояніе нравовъ, судя по описанію пророковъ, сильно измѣнилось къ худшему: нравы огрубѣли и полны порчи. Съ одной стороны, войны сдѣлали свое дѣло, а съ другой—и лучшія времена, которыя наступили со времени династіи Омри, не только не уменьшили этого зла, но, быть можетъ, еще больше его усугубили. Къ грубости и насиліямъ прибавились еще вызывающее безразсудство и порокъ, облекающій себя въ пышную внѣшность. Вмѣстѣ стали ходить къ блудницѣ отецъ и сынъ, жалуется Амосъ, а Исаія одинаково обличаетъ Самарію и Іерусалимъ въ томъ, что они—„опьянены виномъ и шатаются отъ браги..., всѣ столы до краевъ полны нечистотами"—продолжаетъ онъ. Несправедливость въ судебныхъ дѣлахъ и во всемъ поведеніи людей вопіетъ къ небесамъ; на мѣсто божественнаго закона стало право сильнаго. Всякое правосудіе какъ будто исчезло, и соціальный вопросъ разрѣшенъ путемъ обиранія неимущихъ. „Праваго они продаютъ за деньги,—говоритъ Исаія,—и бѣднаго за пару сапогъ, на голову бѣдняка они призываютъ скорбь и право убогаго попираютъ". „Горе тѣмъ,—продолжаетъ пророкъ,—которые домъ придвигаютъ къ дому и къ полю приближаютъ поле, такъ что и мѣста нѣтъ свободнаго", и „горе тому, чья сила въ поглощеніи вина, и чье молодечество въ размѣшиваніи браги, кто пріемлетъ мзду за оправданіе злодѣя, а праваго лишаютъ его права!" „Плотью моего народа питаются они, они сдираетъ кожу съ тѣла его, а кости его раздробляютъ", говоритъ Миха. А сами они въ это время, по картинному описанію Амоса, безпечно возлежатъ на ложахъ изъ слоновой кости, нѣжатся на пуховикахъ, ѣдятъ откормленныхъ ягнятъ и тельцовъ, поютъ подъ звуки гуслей, пьютъ изъ чашъ вино и натираются лучшимъ елеемъ; на рукахъ и на ногахъ—золотые браслеты, въ волосахъ—золотыя повязки, въ носу—золотыя кольца, брови подведены и щеки подрумянены.

ГОРА ХЕРМОНЪ.

Не лучше, чѣмъ въ соціальной жизни, обстояло дѣло и въ жизни религіозной. И тутъ полныя безпощаднаго обличенія пророческія рѣчи рѣшительно срываютъ всѣ обманчивые и ослѣпляющіе покровы. Пророки бичуютъ излишнее усердствованіе въ жертвенномъ служеніи Іагве, проистекавшее изъ наивнаго самообольщенія насчетъ значенія мѣры и количества жертвъ и обрядности въ религіи и изъ увѣренности, что одними внѣшними проявленіями можно прикрыть вопіющіе внутренніе изъяны. Съ другой стороны, пророки ополчаются противъ открытаго отпаденія отъ Іагве и увлеченія чужими богами.

Драматизмъ положенія усугубляется еще рѣзкой перемѣной въ международныхъ отношеніяхъ. До этого времени въ Израилѣ жилось безпечно, и всѣ были поглощены лишь своими ближайшими дѣлами. Правда, войны съ сирійцами и другія народныя бѣдствія этого времени приносили съ собою немало важныхъ заботъ и тревогъ, но зато въ тяжелую минуту никогда не было недостатка и въ помощи въ той или иной формѣ. И вотъ, вдругъ на небѣ вспыхнула яркая молнія и открыла передъ застывшимъ отъ ужаса взоромъ Израиля, что онъ все время блуждаетъ на самомъ краю зіяющей пропасти. Съ востока, со стороны Ассиріи, надвигалась гроза.

Съ Ассиріей мы встрѣчаемся уже не впервые. Не разъ уже приходилось царямъ Израиля мѣряться съ нею силами. Но со времени царей Іоаша и Іеровоама II наступилъ быстрый и рѣшительный поворотъ. Благодаря особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, давшимъ возможность Араму сохранить еще нѣсколько десятковъ лѣтъ самостоятельность, эта перемѣна не сразу бросалась въ глаза. Но со времени первыхъ выступленій Тиглатъ-Пилесера III для людей дальновидныхъ не могло быть больше сомнѣнія: если сирійскому царству Дамаска и суждено было еще нѣкоторое время влачить свое существованіе, то все же было ясно, что нанесенный ему послѣ долгой борьбы ударъ былъ роковымъ для него. Ассирія быстрыми шагами шла къ тому, чтобы сдѣлаться сосѣдкой Израиля. Ассирія—сосѣдъ Израиля, это могущественное царство завоевателей, мечемъ и грубой силой безудержно все вокругъ себя растаптывающее, и рядомъ — маленькій Израиль! Стоило только представить себѣ эту противоположность, чтобы уже ни на минуту не сомнѣваться больше въ неизбѣжности рокового исхода. То, что случилось съ Дамаскомъ и Хаматомъ, съ неизбѣжной необходимостью должно было когда-нибудь произойти и съ Израилемъ. Самостоятельности его пришелъ конецъ, династія и народъ неотвратимо обречены были на гибель.

Положеніе еще значительно ухудшалось благодаря тому, что руководящіе круги Израиля и народная масса плохо понимали угрожавшую опасность. Только одни пророки сумѣли открыто смотрѣть фактамъ въ глаза. И, какъ вѣрные служители своего бога, они находили въ себѣ мужество вскрывать безъ прикрасъ тотъ ужасъ, который они постигли, и передъ царями, и передъ народомъ, и передъ всякимъ человѣкомъ въ Израилѣ, который захотѣлъ бы ихъ выслушать. Такъ они становятся въ самомъ центрѣ народной жизни. Они принимаютъ на

себя духовное руководительство народомъ въ согласіи съ господствующими силами или же въ противовѣсъ имъ, въ зависимости отъ того, что приносило съ собою время. Такъ пророчество шагъ за шагомъ все больше и больше превращалось въ явленіе, совершенно оригинальное, въ явленіе, принадлежащее къ числу самыхъ великихъ изъ всѣхъ явленій въ исторіи человѣчества.

И вотъ, непроизвольно, поскольку мы желаемъ понять пророчество въ новомъ его обликѣ, взглядъ нашъ обращается назадъ. Вѣдь, не впервые мы встрѣчаемся съ этимъ словомъ „пророки"—נביאים. Уже Самуилъ и Натанъ, а затѣмъ Илія и Элиша носили это названіе. Въ чемъ же заключается то новое, что есть въ пророчествѣ описываемаго нами времени? Прежде всего, надлежитъ отмѣтить нѣкоторыя различія внѣшняго характера. Пророки VIII вѣка не группируются въ экстатическія братства, хотя экстатика продолжетъ играть роль въ личныхъ переживаніяхъ отдѣльныхъ пророковъ. Пророки выступаютъ теперь не только съ проповѣдями, но уже записываютъ свои рѣчи, лично или чрезъ своихъ учениковъ. Но все это—перемѣны, имѣющія второстепенное значеніе. Неизмѣримо важнѣе новое міросозерцаніе, представителями котораго являются впервые пророки VIII вѣка. Помимо внутренней естественной эволюціи, огромную роль въ созданіи новаго міровоззрѣнія пророковъ сыграло непосредственное вмѣшательство Ассиріи въ судьбы Израиля. Передъ духовнымъ взоромъ пророковъ открывается бездонная пропасть, на самомъ краю которой безпечно стоитъ Израиль, передъ ними—ужасающая картина народнаго организма, подточеннаго въ самомъ своемъ существѣ, и они ясно слышатъ предсмертный хрипъ, неумолимо говорящій о неизбѣжномъ концѣ.

Предъ лицомъ такой грозной перспективы пророчество должно было разрѣшить два вопроса: вопросъ знанія и вопросъ дѣйствія. И если первый вопросъ сдѣлалъ ихъ учителями, которымъ нѣтъ равныхъ, и обновителями обветшавшей вѣры ихъ отцовъ, то второй превратилъ ихъ въ пламенныхъ патріотовъ и въ преобразователей народной жизни.

Какъ вообще было возможно все то, что произошло на ихъ собственныхъ глазахъ?—такъ гласилъ первый вопросъ. Развѣ не былъ Іагве искони богомъ Израиля, который всегда долженъ былъ оберегать свой народъ отъ всякихъ случайностей?! Какъ же могъ Іагве предать свой народъ въ руки ассиріянъ? И если онъ все же совершилъ это, то—одно изъ двухъ: либо онъ пересталъ быть богомъ Израиля, либо Израиль уже не былъ его народомъ. Но онъ это совершилъ, а его вѣрность, его мощь—непоколебимы; значитъ—такова была неизбѣжная логика пророческой рѣчи—пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, только Израиль; это онъ сталъ народомъ-отщепенцемъ, блуднымъ сыномъ, измѣнившимъ своему господину. И лишь вина народа, его грѣхъ отомщались теперь на немъ самомъ; больше того, самъ Іагве рукою врага мстилъ теперь своему народу за его тяжкіе грѣхи. Такимъ образомъ, вся предшествовавшая религіозная, нравственная и общественная жизнь Израиля, со всѣми ея безконечными недочетами, внезапно предстала въ новомъ свѣтѣ: только благодаря всѣмъ этимъ глу-

бокимъ нестроеніямъ народной жизни могло случиться, что всесильный врагъ Израиля уже стучался у его воротъ. И мало того, въ новомъ свѣтѣ предсталъ также и самъ Іагве: это онъ самъ, въ своей нравственной святости, обрекъ Израиля на гибель, избравъ враговъ его своимъ орудіемъ.

Правда, идея нравственной святости Іагве провозглашалась и раньше: во имя ея выступали передъ Давидомъ Натанъ и передъ Ахабомъ Илія. Но было по истинѣ ново, что во имя своей нравственной святости Іагве не только наказываетъ Израиля, но даже готовъ обречь его на гибель. И въ Амосѣ и Исаіи пламенный духъ Натана и Иліи возрождается уже въ совсѣмъ новомъ образѣ. Если устами Иліи и Элиши Іагве грозилъ огнемъ и мечемъ всему, что станетъ ему на пути, дабы оспаривать его спеціальныя функціи, какъ бога Израиля, то въ лицѣ Амоса, Гошеи и Исаіи свою волю изъявлялъ уже богъ всемірный, готовый даже на уничтоженіе своего собственнаго народа, разъ это необходимо для осуществленія въ мірѣ нравственнаго міропорядка. И пусть пророки этого времени не первые открыли нравственную природу Іагве: все же за ними навсегда останется та заслуга, что они съ неслыханной до этого времени энергіей и послѣдовательностью сумѣли представить нравственную сущность божества основой всего его существа. Такимъ образомъ, они увѣнчали развитіе іагвизма, возведя его на степень универсальнаго этическаго монотеизма.

Вотъ почему напрасно было бы ожидать, чтобы борьба пророковъ, сперва направленная противъ филистимлянъ, а затѣмъ—противъ Ваала, нынѣ направилась противъ Ассура. Теперь пророки борются уже не съ Ассуромъ, а съ самимъ Израилемъ. Покинувъ своего бога, Израиль долженъ пасть—таковъ теперь лозунгъ пророковъ,—и Ассуръ, ввергающій его въ гибель,—лишь орудіе наказанія для Израиля въ десницѣ его бога. Такова позиція, которую, вслѣдствіе своего нового представленія о божествѣ, естественно должны были занять пророки. Іагве уже не является больше для нихъ только богомъ Израиля: онъ господинъ и хранитель нравственнаго міропорядка даже тамъ, гдѣ этотъ порядокъ направленъ противъ Израиля. Этимъ выражается вся міровая значительность роли и задачъ пророковъ описываемаго времени.

И затѣмъ, самъ собою выдвигался для пророковъ второй изъ упомянутыхъ раньше вопросовъ, вопросъ дѣйствія. На гибели Израиля, которую какъ бы требовалъ и предвѣщалъ нравственный міропорядокъ, невозможно было успокоиться. Что же было дѣлать? Оставалось лишь одно средство: современное состояніе Израиля должно было въ корнѣ измѣниться, немедленно или въ ближайшемъ будущемъ. Причиной божественнаго гнѣва является развалъ религіозной, нравственной и общественной жизни народа; значитъ, съ общимъ духовнымъ и соціальнымъ возрожденіемъ его долженъ успокоиться и божій гнѣвъ. Съ радикализмомъ, напоминающимъ самыя рѣзкія проявленія соціально-политической и религіозной агитаціи въ міровой исторіи, пророки во всеуслышаніе провозглашаютъ, что все нынѣ существующее въ Израилѣ до-

стойно гибели и разрушенія. Спасти Израиля можетъ лишь самое коренное обновленіе всѣхъ жизненныхъ отношеній на совершенно новыхъ основаніяхъ. Порою пророки еще надѣются, что и въ данный моментъ можно было бы исправить зло путемъ обращенія народа и искренняго его раскаянія. Скоро, однако, выяснилось, что всѣ надежды обманчивы, и пророки поняли, что прежде всего должно пасть само государство, долженъ пасть весь современный имъ общественный строй, должны, наконецъ, быть стерты съ лица земли всѣ прочно въ народѣ укоренившіяся превратныя, по ихъ мнѣнію, религіозныя представленія. И пророкамъ казалось, что лишь Іагве, богъ Израиля, одинъ сумѣетъ совершить это обновленіе на развалинахъ стараго черезъ ниспосланнаго имъ будущаго царя. Тогда и право и обычаи будутъ исполнены духомъ Іагве, а религіозная жизнь будетъ преобразована сообразно его истинной волѣ.

Это своеобразіе пророческаго сознанія съ особенной ясностью выступаетъ передъ нами въ описываемое время благодаря тому, что отъ этого періода до насъ дошли многочисленные литературные памятники пророческой дѣятельности. Благодаря этому, мы можемъ установить нѣкоторыя характерныя детали.

Прежде всего для пророковъ характерно, что, по общему представленію того времени, ихъ устами какъ бы говоритъ самъ Іагве, и что они являются его вѣстниками, ибо именно это и означаетъ слово נביא [1]). И прежде всего пророки выступаютъ не во имя своего отечества и не во имя своего народа, а какъ люди божьи, во имя

[1]) Корень נבא встрѣчается также въ ассиро-вавилонскомъ и въ арабскомъ языкахъ. Въ ассирійскомъ языкѣ слово это означаетъ просто: „говорить", „вести рѣчь", „сообщать". Исходя изъ этого ассиро-вавилонскаго словообразованія, слѣдовало бы еврейское נביא перевести словомъ: „глаголящій". Однако не всякій, чьи уста глаголятъ, есть пророкъ, а поэтому въ ассирійской этимологіи этого слова пропадаетъ именно самый существенный признакъ этого понятія, т.-е., именно то, что отличаетъ пророческую рѣчь отъ всякой другой. Этотъ признакъ присоединяется къ первоначальному значенію слова черезъ арабскій языкъ, который вообще для научнаго изслѣдованія семитской лингвистической вѣтви играетъ ту же роль, что санскритъ для индоевропейскаго языкознанія, и даже еще большую,—такъ какъ арабскій языкъ гораздо ближе къ древне-семитскому языку, нежели санскритъ къ первоначальному языку индоевропейцевъ. И, дѣйствительно, въ арабскомъ мы встрѣчаемъ корень neba'a, но уже не въ общемъ смыслѣ слова „говорить", а въ болѣе спеціальномъ—„сообщать". Существительнымъ же nabba'a или anba'a означается тотъ, кто сообщаетъ что-либо или же говоритъ отъ имени и по порученію другого. Въ арабскомъ корнѣ заключено, слѣдовательно, то спеціальное значеніе слова, согласно которому провозвѣстникъ говоритъ не отъ своего имени и не что-либо свое, а лишь по какому-либо особенному поводу или же вмѣсто кого-либо другого. Что слѣды этого основного значенія сохранились также и въ еврейскомъ языкѣ, мы можемъ заключить изъ одного весьма замѣчательнаго мѣста въ Исх. 7, 1—2, гдѣ Ааронъ въ качествѣ вѣстника Моисея называется его „пророкомъ", а Моисей по отношенію къ Аарону его „богомъ" (אלהים). Въ чемъ суть такого отношенія между пророкомъ и его богомъ, явствуетъ изъ текста Исх. 4, 16, гдѣ отношеніе между Моисеемъ и Аарономъ характеризуется тѣмъ, что „онъ (Ааронъ)" будетъ твоими устами, ты же (Моисей) его богомъ". Пророкъ, говорящій отъ имени бога, является какъ бы его устами. Ср. также Іерем. 15, 19 („ты будешь мнѣ моими устами", говоритъ Іагве Іереміи).

своего Іагве. Но чтобы дѣйствительно быть вѣстниками божества, пророки прежде всего должны внимать слову божію. Они глубоко убѣждены, что имъ это на самомъ дѣлѣ доступно. Встрѣчающееся во многихъ ихъ рѣчахъ вступительное выраженіе: „такъ говоритъ Іагве“ или нерѣдкое заключеніе: „таково было изреченіе Іагве“ понималось ими и ихъ слушателями буквально, а именно, въ томъ смыслѣ, что все изрекаемое ими идетъ не отъ нихъ, а отъ самого Іагве [1]). Больше того, пророки твердо убѣждены, что не отъ свободной ихъ воли и не отъ ихъ рѣшенія зависѣло принять видѣнное или слышанное или не принять его. Такъ, Іеремія жалуется, что Іагве овладѣлъ имъ, что онъ тяжко страдаетъ душою подъ ярмомъ, наложеннымъ на него его призваніемъ, но что освободиться отъ него не хватаетъ у него силъ, ибо слишкомъ силенъ Іагве. А Амосъ сообщаетъ намъ, что пророкомъ дѣлается не тотъ, кто самъ этого хочетъ, а тотъ, кого желаетъ имъ сдѣлать Іагве. И если богъ этого захочетъ, то нельзя не подчиниться ему. И когда въ душѣ человѣческой зазвучитъ голосъ божества, нельзя спрашивать и нельзя колебаться; желаетъ ли того человѣкъ или нѣтъ, онъ съ желѣзной необходимостью дѣлается пророкомъ:

„Левъ зарычитъ—кто не содрогнется?
„Владыка Іагве заговоритъ—кто не станетъ пророчествовать? [2]).

Существованіе такого сознанія у пророковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. И, дѣйствительно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ результатами поэтическаго воображенія, а съ совершенно особаго рода переживаніями въ моментъ религіознаго экстаза [3]). Уже при описаніи болѣе раннихъ ступеней пророчества, въ особенности пророческихъ союзовъ эпохи Самуила, намъ приходилось встрѣчаться съ явленіями религіознаго экстаза, который въ то время еще сохранялъ свой стихійный характеръ. Какъ мы видѣли, религіозная экстатика не была чужда и финикійскимъ культамъ (ср. стр. 117); она была обычнымъ явленіемъ и въ Аравіи, столь славившейся впослѣдствіи своими дервишами. Религіозный экстазъ достигается различнымъ путемъ, чаще всего посредствомъ священной пляски, самобичеванія и другихъ подобныхъ обычаевъ. Но пророки VIII вѣка не нуждаются въ спеціальныхъ средствахъ для достиженія общенія съ божествомъ: они сами по себѣ уже являются экстатическими натурами. Разсказъ кн. Числъ о моабитскомъ пророкѣ Билеамѣ, несомнѣнно, памфлетъ довольно поздняго происхожденія, изображаетъ пророка, „умѣющаго говорить лишь то, что Іагве вкладываетъ ему въ уста его“ безъ примѣненія какихъ-либо оргіастическихъ средствъ.

---

1) Ср. Іерем. 23, 22; Ис. 6, 1 сл. и т. п.; также Ам. 3, 7, откуда видно, что Іагве вообще, ничего не предпринимаетъ, не сообщивъ напередъ о своемъ рѣшеніи вѣрнымъ своимъ слугамъ—пророкамъ. Ср. также слова Іезекіиля о томъ, что рука Іагве тяготѣетъ на немъ.

2) Ср. Ам. 3, 8 и вообще 3, 3 сл.

3) Въ болѣе позднее время на ряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ подражаній болѣе древнему пророчеству легко могло случиться, что и видѣнія стали лишь дѣломъ внѣшней формы. Во всякомъ случаѣ, приходится считаться съ такой возможностью; но такія видѣнія, какъ описанное въ Ис. 21 или какъ видѣніе Захаріи, носятъ на себѣ отпечатокъ настоящаго неподдѣльнаго переживанія.

Разсказъ гласитъ, что моавитскій царь Балакъ приказалъ Билеаму изречь на Израиля проклятіе, и послушный пророкъ приказываетъ возвести алтари и совершить жертвоприношеніе [1]). Затѣмъ онъ отходитъ въ сторону, чтобы вопросить свой оракулъ [2]). Послѣ непродолжительной отлучки онъ возвращается и сообщаетъ то, что ему довелось услышать. И то, что дошло до него, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что онъ желалъ бы услышать. Состояніе, въ которомъ богъ посѣтилъ его, прекрасно описано въ слѣдующихъ стихахъ:

„Реченіе Билеама, сына Беора—реченіе мужа со смеженными очами,
„Реченіе того, кто внемлетъ слову бога, кто владѣетъ знаніемъ вышняго,
„Кто, лежа съ разверстыми очами, созерцаетъ видѣніе всемогущаго".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что описанное здѣсь состояніе—это то типичное состояніе восторженности, когда погруженный въ полусонъ человѣкъ лежитъ съ закрытыми глазами и съ затуманенными чувствами, и внутреннимъ чувствомъ видитъ и мыслитъ вещи, которыя въ своемъ умѣ онъ можетъ связать лишь съ представленіемъ о божествѣ. Несомнѣнно, съ переживаніями, родственными только что описаннымъ, мы имѣемъ дѣло также и въ разсказахъ Исаіи и Іереміи о томъ, какъ они были призваны къ пророческому служенію. Въ періоды особеннаго религіознаго напряженія и возбужденія всей ихъ душевной жизни они внезапно, въ одно мгновеніе, опредѣляющее всю ихъ дальнѣйшую жизнь, ощущаютъ, что какъ будто уносятся въ самую непосредственную близость къ Іагве, слышатъ и видятъ самаго Іагве.

Такія исключительныя переживанія нѣкоторые пророки испытывали не только въ моментъ своего призванія. Не только Амосъ, но и Исаія переживалъ иногда, хотя и рѣдко, моменты религіознаго экстаза, когда изъ устъ его вырывались отдѣльныя безсвязныя слова; окружающіе осыпали его въ такіе моменты насмѣшками, принимая за пьянаго [3]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что все существо и поведеніе пророковъ даже на современниковъ производило впечатлѣніе чего-то страннаго и непонятнаго. Уже сама манера ихъ изъясняться символической жестикуляціей немало должна была содѣйствовать этому. Также и способъ ихъ одѣваться, навѣрное, во многомъ отличался отъ обычнаго костюма не только въ болѣе древнія, но и въ позднѣйшія времена [4]). Но, въ общемъ, съ теченіемъ времени въ ихъ характерѣ все же стало намѣчаться нѣкоторое успокоеніе. Такъ, болѣе спокойныя и мягкія формы стало, повидимому, принимать—по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ,—и описанное сейчасъ необычное состояніе восторженности. О священномъ изступленіи и о необузданныхъ оргіасти-

---

[1]) Числ., 23, 1, сл., 14 сл.

[2]) Числ. 24, 1 сл. Сначала онъ обращается къ נחשים (что, вѣроятно, означаетъ: примѣты, колдовство), затѣмъ онъ поддается дѣйствію вида разстилающагося передъ нимъ лагеря Израиля—т. е. сначала онъ прибѣгаетъ къ заклинаніямъ, а затѣмъ къ самовнушенію.

[3]) Ис. 28, 10.

[4]) Срав. Ис. 20, 2; „сними мѣшокъ съ твоихъ чреслъ!"—очевидно, обыкновенно такой мѣшокъ служилъ пророку вмѣсто верхняго одѣянія.

ческихъ формахъ выступленій, начиная съ VIII столѣтія, мы уже ничего больше не слышимъ.

Само собою понятно, что люди, которымъ доступны переживанія, описанныя выше, легко дѣлаются народными ораторами, а при случаѣ—и писателями. Они сознаютъ, что все переживаемое ими ниспослано имъ лишь для того, чтобы сообщать это другимъ. Отсюда естественное стремленіе пророковъ выступать публично. И насколько мы знаемъ, они, дѣйствительно, выступали при всякомъ удобномъ случаѣ, вездѣ, гдѣ бы ни собрался въ большомъ количествѣ народъ: у городскихъ воротъ, на открытыхъ торжищахъ или, наконецъ,—особенно по праздникамъ—у преддверія храма, какъ разсказывается, напр., объ этомъ у Амоса [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну весьма замѣчательную подробность. Рѣчи свои, произносившіяся большей частью съ необыкновенною страстностью, пророки имѣли обыкновеніе сопровождать не только самыми оживленными жестами, но также ради большей выразительности—еще и особыми весьма своеобразными „знаками". То были символическія дѣйствія, какъ бы иллюстраціи къ ихъ рѣчамъ, выражавшіяся въ преднамѣренно-странныхъ и непонятныхъ тѣлодвиженіяхъ, которыя должны были разжигать интересъ присутствовавшихъ и вызывать съ ихъ стороны недоумѣнный вопросъ: „что же это должно означать?", „что хочетъ пророкъ этимъ сказать?". Знаки эти, несомнѣнно, весьма древняго происхожденія, и зародились они, очевидно, такъ же, какъ, напр., средневѣковыя вывѣски на гостиницахъ и лавкахъ, еще въ то время, когда искусство письма было весьма мало распространено въ Палестинѣ, и когда даже связная рѣчь еще не могла служить обычнымъ средствомъ выраженія для пророческихъ мыслей. Въ позднѣйшее время этотъ символическій языкъ сохранялся въ большинствѣ случаевъ уже только ради того, чтобы возбудить вниманіе и иллюстрировать нагляднымъ образомъ рѣчь. Тутъ дѣло доходило до самыхъ нелѣпыхъ странностей и до отвратительныхъ гримасъ. Такъ, напр., одинъ изъ пророковъ дошелъ до того, что придѣлалъ себѣ желѣзные рога, другой его современникъ далъ разбить себя въ кровь—первый для того, чтобы такимъ способомъ предсказать царю побѣду, а второй—чтобы возвѣстить ему пораженіе [2]). И если еще и Исаія нарочно расхаживаетъ полуобнаженнымъ, Іеремія надѣваетъ на себя, какъ на вола, ярмо, а Іезекіиль, начертивъ на кирпичѣ городъ, выдвигаетъ противъ него, въ качествѣ осаднаго орудія, сковороду, то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы уже имѣемъ дѣло лишь съ сознательными архаизмами [3]).

Литературная дѣятельность пророковъ началась съ записей отдѣльныхъ изреченій при свидѣтеляхъ; это дѣлалось ради того, чтобы имѣть документальныя доказательства умѣнія предсказывать будущія событія

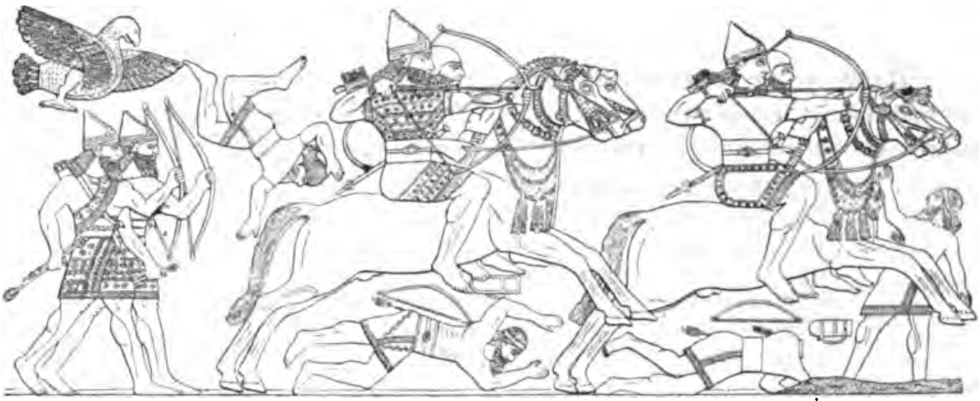
1) Ср. Амосъ 7, 13: „здѣсь—царское святилище".
2) I Цар. 22, 11; 20, 35 сл.
3) Срав. Ис. 20, 1 сл.; Іер. 27, 1 сл.; Іез. 4, 1 сл.

еще задолго до ихъ наступленія [1]). Затѣмъ пророки стали записывать отдѣльныя свои изреченія, а также и отдѣльныя, болѣе или менѣе длинныя, рѣчи для того, чтобы распространять ихъ въ народѣ. Такимъ образомъ, первые зачатки пророческихъ книгъ, повидимому, представляли собою только отдѣльныя рѣчи или, самое большее, небольшіе сборники отдѣльныхъ изреченій и рѣчей, которыя по характеру своему напоминаютъ собою въ извѣстной степени тѣ летучіе листки и воззванія, которые столь типичны для періодовъ политическаго и религіознаго возбужденія. Затѣмъ, постепенно, изъ этихъ отдѣльныхъ отрывочныхъ произведеній составляются болѣе объемистые сборники, которые затѣмъ собираются въ цѣлыя книги. Такимъ образомъ, несомнѣнно, создалась книга Исаіи и, вѣроятно, также и книга Амоса и нѣкоторыхъ другихъ пророковъ; напротивъ, Іеремія въ теченіе цѣлыхъ 23-хъ лѣтъ выжидаетъ и лишь затѣмъ выпускаетъ довольно крупное собраніе своихъ рѣчей.

Остается еще вопросъ, прозой или стихами писали и говорили пророки. Мы знаемъ, что предсказанія и вѣщія изреченія у грековъ большею частью выражались въ стихотворной формѣ. Для эллиновъ не существовало разницы между поэтомъ и духовидцемъ: въ томъ и другомъ по ихъ представленіямъ живетъ одинъ и тотъ же богъ, и „vates" одновременно является также и пѣвцомъ и поэтомъ. То же самое мы видимъ и у Израиля. Рождающіяся въ моментъ священнаго вдохновенія и открывающіяся пророку въ торжественный часъ святого восторга вѣщія слова, естественно, носятъ на себѣ отпечатокъ того взволнованнаго душевнаго настроенія, изъ котораго они рождаются. И, дѣйствительно, и въ вѣщаніяхъ Билеама и въ оракулахъ изъ книги Бытія,—хотя и не вложенныхъ непосредственно въ уста пророка,—явно звучитъ для насъ ритмъ размѣренной рѣчи. То же самое мы находимъ въ рѣчахъ Амоса, Гошеи, Исаіи, Іереміи и другихъ пророковъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ построены ритмически и по системѣ „параллелизма членовъ", т.-е. каждый стихъ распадается на два колѣна, параллельныя по ритму и содержанію—такова обычная стихотворная форма у семитовъ. Она не знаетъ, конечно, правильныхъ размѣровъ стиха и риѳмы, но не менѣе музыкальна и выразительна, чѣмъ стихотворная рѣчь индоевропейскихъ народовъ, а „параллелизмъ членовъ" сообщаетъ ей необычайную силу образности и наглядной экспрессіи.

---

[1]) Ис. 8, 1: „близка добыча, идетъ грабежъ", (למהר שלל חש בז); слова эти были занесены на дощечку; а также—8, 16, гдѣ сообщается, что извѣстныя слова хранились запечатанными; и, наконецъ,—30, 8.

Ассирійское войско.

2. Амосъ. Гошеа.

Мы не можемъ съ точностью установить время дѣятельности всѣхъ пророковъ VIII вѣка. Первымъ изъ нихъ, относительно котораго мы располагаемъ вполнѣ достовѣрными хронологическими данными, является Амосъ. Іудей по происхожденію, уроженецъ небольшого, лежавшаго по сосѣдству съ Бетъ-Лехемомъ, городка Текоа, пророкъ этотъ выступилъ со своими грозными предсказаніями въ Израильскомъ царствѣ при Іеровоамѣ II. Внутренняя его близость къ рехабитамъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. До выступленія постояннымъ его занятіемъ было разведеніе сикоморъ и скотоводство. Но вотъ въ душѣ его прозвучалъ призывъ Іагве и, подобно непреодолимой стихіи, захватилъ все его существо, и неотвратимо увлекъ его „прочь отъ его стадъ", и заставилъ раскрыться его уста:

„Пойдутъ ли двое рядомъ, ранѣе не сговорившись?
„Взреветъ ли левъ въ лѣсахъ, не схвативъ добычи?
„И (въ логовищѣ) зарычитъ ли львенокъ, не поймавъ своей жертвы?
„Левъ заревётъ--кто не содрогнется?
„Владыка Іагве заговоритъ,—кто не станетъ пророчествовать [1])?

Но что же долженъ былъ повѣдать своему народу отъ имени Іагве пророкъ? Увы! онъ долженъ былъ объявить, что пришелъ конецъ царству Израиля, династіи его и самому народу. Іагве, сотворившій небо и землю и звѣздамъ предписавшій ихъ путь, есть богъ справедливый. Но мѣра грѣховъ израильскихъ давно уже переполнена, и день божьяго суда грядетъ, созрѣвшіе плоды должны опасть [2]). И мы узнаемъ голосъ пастуха пастбищъ Бетъ-Лехема и степей Іудеи, когда пророкъ восклицаетъ:

„Такъ говоритъ Іагве: подобно тому, какъ изъ пасти льва спасаетъ пастухъ
„Лишь двѣ-три косточки и кончикъ уха,
„Такъ же спасутся и сыны Израиля, которые возлежатъ въ Самаріи,
„На ложахъ и на дамасскихъ (?) пуховикахъ [3]).

---

[1]) Ам. 3, 3, 4, 8.
[2]) Ср. Ам. 8, 1, 2.
[3]) Ам. 3, 12.

Придетъ, по словамъ пророка, „день Iагве“—тотъ день, когда сыновъ Израиля долженъ постигнуть этотъ тягчайшiй ударъ судьбы; „день Iагве“ будетъ не днемъ трiумфа, но днемъ гнѣва и ужаса:

„Горе тѣмъ, кто жаждетъ дня Iагве!
„Ибо что принесетъ вамъ день Iагве?
„Тотъ день будетъ мракъ, а не свѣтъ:
„Будетъ, точно мужъ бѣжитъ отъ льва,
„А медвѣдь ему перерѣзаетъ путь:
„Войдетъ въ домъ, обопрется рукой объ стѣну—
„И укуситъ его змѣя“ [1]).

Правда, великiй день жатвы, къ которому готовится Iагве, уже не первый его судъ надъ его народомъ. Давно уже погрязъ Израиль въ грѣхахъ, и недаромъ сыпались на него удары гнѣва Iагве: неурожай и голодъ, засуха, пожары и саранча, даже чума и землетрясенiе [2]). Но все это не образумило народа, и осталось лишь одно: чтобы добиться своей цѣли, Iагве долженъ предать гибели весь народъ свой. И Амосъ уже видитъ похоронное шествiе, и до слуха его доносится уже народный плачъ; и самъ онъ начинаетъ похоронную пѣснь надъ своимъ народомъ:

„Пала, не встанетъ болѣе
„Дѣва Израиля,
„Распростерта на землѣ своей,
„И никто не подыметъ ея [3]).
„На всѣхъ площадяхъ—стенанiе, на всѣхъ улицахъ вопли: „горе намъ!“
„Къ плачу призываютъ земледѣльца и къ поминальнымъ пѣснямъ плакальщиковъ.
„Во всѣхъ виноградникахъ—стонъ, ибо я посѣтилъ тебя, говоритъ Iагве [4]).

Причины всѣхъ этихъ бѣдъ, по мнѣнiю пророка, слишкомъ очевидны: вездѣ царствуютъ несправедливость и безчестiе, немилосердныя притѣсненiя бѣдняковъ, безстыдное мздоимство судей, ничѣмъ не прикрытое выжиманiе соковъ изъ обездоленныхъ, а на ряду съ этимъ роскошь, кутежи и празднества неправедно прiобрѣтенныя богатства; должники, которые не въ состонiяи уплатить долговъ, продаются въ рабство изъ-за жалкой пары сапогъ—говоритъ пророкъ; жадные до безчестныхъ барышей, забывшiе про честь и совѣсть богачи даже въ священные дни отдохновенiя, субботы и новолунiя, продолжаютъ свой гнусный ростовщическiй промыселъ, обманываютъ своихъ ближнихъ, обмѣриваютъ, и обвѣшиваютъ ихъ [5]). Въ одинаковой степени во всемъ этомъ повинны и мужчины и женщины; послѣднiя еще подзадориваютъ мужей своихъ къ безсовѣстному стяжанiю: „раздобудь

---

[1]) Ам. 5, 18—19.

[2]) Ам. 4, 6 сл. Упоминаемое Амосомъ землетрясенiе произошло, согласно Ам. 1, 1, два года спустя послѣ перваго выступленiя пророка. Оно относится, слѣдовательно, ко времени между этимъ первымъ его выступленiемъ и составленiемъ его книги.

[3]) Ам. 5, 2.

[4]) Ам. 5, 16 сл.; ср. 6, 9 и сл., 14.

[5]) Ам. 2, 6 сл.; 5, 10 сл.; 8, 4 сл.

деньги“, говорятъ онѣ, „чтобы мы могли пировать“ [1])! Но деньгами, добытыми такими путями, запятнанными грѣхомъ, умѣли пользоваться не только для устройства пиршествъ. Великолѣпныя зданія изъ гранитныхъ плитъ, украшенныя драгоцѣнными изразцами изъ слоновой кости, городскіе зимніе дома и деревенскія лѣтнія виллы, сады и виноградники, пышныя ложа для упоительныхъ пиршествъ, благовонныя масла, струнная музыка и пѣніе—все это служило сынамъ Эфраима на радость и потѣху и услаждало жизнь ихъ въ Самаріи, заставляя ихъ забывать о „бѣдствіяхъ Іосифа“, т.-е. объ ихъ страдающемъ народѣ [2]).

Но въ глазахъ Амоса хуже всего было то, что народъ открыто отпалъ отъ Іагве. Правда, самымъ усерднымъ образомъ оказывались внѣшніе знаки поклоненія Іагве. Но развѣ можно подкупить Іагве, словно какого-нибудь судью израильскаго? Развѣ празднествами и жертвоприношеніями, пѣснопѣніями и игрой на арфѣ можно расположить его къ себѣ [3])? Напротивъ, этотъ пышный лицемѣрный культъ есть сплошное преступленіе въ глазахъ Іагве:

Идите въ Бетъ-Эль—и грѣшите тамъ!
Въ Гилгалъ—и еще прибавьте грѣха!.. [4])

И дабы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что обычный культъ на старинныхъ святыхъ мѣстахъ не приведетъ къ спасенію, Амосъ предрекаетъ, что на алтарь въ Бетъ-Элѣ обрушится кара Іагве, рога его будутъ обрублены и сброшены наземь, высоты Исаака будутъ опустошены, святыни Израиля—разрушены [5]).

При этомъ замѣчательно, что Амосъ не указываетъ черезъ кого и какимъ путемъ совершится этотъ предстоящій страшный судъ Іагве надъ Израилемъ; онъ ограничивается тѣмъ, что рисуетъ лишь ужасныя послѣдствія этого суда для царя и для народа. Вотъ какими словами онъ коротко выражаетъ все это:

„Отъ меча погибнетъ Іеровоамъ,
„И Израиль будетъ изгнанъ изъ родной ему земли [6]).

Впрочемъ, было совершенно ясно, кого и что имѣлъ въ виду Амосъ, и угрозы его были тѣмъ дѣйствительнѣе, что онъ могъ, не называя Ассура по имени, указывать на него, какъ на грозу, серьезность которой хорошо была извѣстна всякому израильтянину [7]).

---

[1]) Ам. 4, 1. Во всемъ этомъ чувствуется духъ рехабитовъ. Конечно, старые идеалы не остались совсѣмъ неприкосновенными; такъ, напр., мы не встрѣчаемъ здѣсь требованія жить непремѣнно въ шатрахъ, но зато тѣмъ явственнѣе выступаютъ здѣсь соціальныя стремленія, также выросшія на идейной почвѣ рехабитизма.

[2]) Ам. 3, 12, 15; 4, 1; 5, 11; 6, 1 и сл., 4 и сл.

[3]) Ам. 5, 21 сл.

[4]) Ам., 4, 4.

[5]) Ам. 3, 14; 7, 9.

[6]) Ам. 7, 11; ср. также 7, 1 сл., 17; 5, 27; 6, 1 сл.

[7]) Въ заключительныхъ стихахъ кн. Амоса (9, 8—15), рисуется картина возрожденія Израиля послѣ суда. Домъ Израиля будетъ развѣянъ среди всѣхъ народовъ, подобно тому, какъ сквозь сито просѣиваютъ пшеницу, но когда-нибудь, въ будущемъ Іагве снова возродитъ свой очищенный страданіями народъ, и онъ снова мощно воспрянетъ, какъ во времена былыя. И тогда снизойдетъ на Израиля

Вполнѣ естественно, что рѣзкія рѣчи Амоса не могли вызвать къ нему дружескихъ чувствъ въ Самаріи. Въ Бетъ-Элѣ, гдѣ онъ предвозвѣстилъ гибель израильскихъ святынь вмѣстѣ съ домомъ Іеровоама, онъ былъ обвиненъ жрецомъ Амаціей въ оскорбленіи царя и изгнанъ изъ предѣловъ страны [1]). Дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

Посѣвъ, сдѣланный Амосомъ, не погибъ безслѣдно. Непосредственно за нимъ, еще при Іеровоамѣ II, изъ рядовъ самихъ эфраимитовъ выдѣляется человѣкъ, который ревностно продолжаетъ дѣло, начатое противъ Эфраима Амосомъ: то былъ Гошеа, сынъ Беери. Его дѣятельность продолжалась и послѣ смерти Іеровоама; во всякомъ случаѣ онъ пережилъ разыгравшіяся послѣ смерти этого царя смуты, а также былъ свидѣтелемъ изъявленія покорности Ассиріи со стороны Израиля. Въ рѣчахъ Гошеи мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ о тѣхъ ужасахъ, которые приносятъ съ собой ассирійскія вторженія, и о братоубійственныхъ раздорахъ, происходившихъ въ то время въ средѣ Израиля. И въ его книгѣ основнымъ господствующимъ тономъ является неминуемо грядущая національная гибель [2]).

Пророкомъ Гошеа сталъ вслѣдствіе глубокаго личнаго потрясенія. Жена, которую онъ нѣжно любилъ, измѣнила ему. Какъ могъ Іагве причинить ему такое горе? И вотъ его собственное страданіе и паденіе его жены сливаются въ его сознаніи съ тѣми явленіями, которыя онъ постоянно наблюдаетъ въ жизни своего народа. Одно становится для него отраженіемъ другого; и пророку начинаетъ казаться, что все имъ пережитое случилось съ нимъ лишь для того, чтобы онъ самъ испыталъ и могъ другимъ показать, какъ Израиль поступаетъ со своимъ богомъ, и какъ Іагве самъ относится къ Израилю. Народъ нарушилъ вѣрность Іагве, своему супругу и господину: эта мысль дѣлается душою всего пророчества Гошеи. Переживанія пророка аналогичны проявленіямъ любви Іагве: какъ самъ пророкъ продолжаетъ и теперь, несмотря на все, что случилось, попрежнему любить свою избранную имъ супругу, такъ же поступаетъ и Іагве: онъ, правда, отвергаетъ сдѣлавшійся ему невѣрнымъ народъ, но онъ не можетъ подавить въ себѣ своей любви къ нему и когда-нибудь снова вернетъ его къ себѣ.

Израиль подобенъ прелюбодѣйствующей женѣ, а Іагве—вѣрно любящему супругу. Такимъ образомъ, въ религіозное міровоззрѣніе

пора благодати: „потекутъ горы сокомъ винограда, и холмы растаютъ", какъ воскъ; „и снова поселю ихъ на ихъ землѣ, которую я далъ имъ, и отъ которой они уже не будутъ больше никогда оторваны—говоритъ Іагве, богъ твой". Это примиряющее заключеніе считается большинствомъ ветхозавѣтниковъ за позднѣйшую прибавку, такъ какъ и по стилю, и по духу, и по содержанію оно стоитъ въ противорѣчіи съ подлинными рѣчами Амоса.

[1]) Ам. 7, 10 сл.

[2]) Текстъ книги Гошеи дошелъ до насъ въ особенно плохомъ видѣ и при этомъ носитъ явные слѣды переработки, произведенной въ Іудеѣ. Очевидно, изъ немногихъ экземпляровъ, которые имѣлись въ 722-мъ году, въ свое время сохранился лишь одинъ, который, быть можетъ, уже при разгромѣ Самаріи былъ въ сильно поврежденномъ видѣ доставленъ въ Іерусалимъ и тамъ восполненъ, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ удачно.

израильтянъ были введены два новыхъ понятія, которыя съ этихъ поръ уже не исчезаютъ изъ него. Гошеа является пророкомъ божественной любви, и слѣдуетъ сказать, что ни одинъ изъ библейскихъ пророковъ не говоритъ болѣе проникновенно и болѣе глубоко объ этой любви. Въ своей рѣзкой, сжатой, нерѣдко обрывистой рѣчи, которая, однако, говоритъ намъ о смѣломъ полетѣ души и сплошь наполнена причудливыми образами и оборотами, пророкъ изливаетъ все свое сердце. И Гошеа не боится даже показаться страннымъ и почти отталкивающимъ; въ своемъ служеніи Іагве и великому дѣлу его по отношенію къ Израилю ему не страшно открыть передъ всѣмъ свѣтомъ сокровенныя движенія своей души и всѣ тайны своего дома и своего сердца.

Прежде всего, пророкъ изобличаетъ грѣховность Израиля во всемъ неприкрашенномъ ея видѣ и во всей ея отвратительности. Главный недугъ, которымъ по мнѣнію Гошеи страдаетъ его народъ,—это то, что Израиль покинулъ своего единаго бога Іагве. Израиль покинулъ своего настоящаго супруга и пошелъ вслѣдъ за любовниками, т.-е. за тѣми богами страны, которые ниспосылаютъ дары земли. И вотъ онъ взываетъ къ сынамъ Израиля (2, 4. 7. 10):

„Судитесь же, съ матерью вашей судитесь!
„Ибо она не жена моя, и я не мужъ ея:
„Пусть удалитъ она съ лица своего (знакъ) блуда своего
„И (знакъ) прелюбодѣянія съ грудей своихъ [1]...
„Ибо мать ваша—блудница, и безстыдна родившая васъ.
„Побѣгу за своими любовниками, говоритъ она,
„Отъ которыхъ я получила свой хлѣбъ, и свое вино,
„Свою шерсть и ленъ, елей и напитки свои...
„Но того не знаетъ она, что это я далъ ей—
„Хлѣбъ и вино и елей—
„Серебра много далъ ей и золота—а она сдѣлала изъ него Ваала“.

Подобно Амосу, и Гошеа считаетъ традиціонный культъ на высотахъ и въ другихъ святилищахъ блудомъ:

„Вино и виноградный сокъ увлекаютъ ихъ сердце:
„Мой народъ вопрошаетъ бревно свое, и жезлъ его даетъ отвѣтъ ему...
„На вершинахъ горъ закалаютъ они и на холмахъ кадятъ куренья,
„Подъ дубами, тополями и теребинтами—ибо сладостна тѣнь ихъ!
„Такъ блуду предаются дочери ваши, и невѣсты ваши—прелюбодѣянію.
„Но не стану карать вашихъ дочерей—за ихъ грѣхи,
„И невѣстъ вашихъ за ихъ прелюбодѣйство,
„Ибо сами вы съ блудницами уединяетесь
„И приносите жертвы вмѣстѣ съ предающимися священному разврату [2]).

Мало того, Израиль открыто служитъ чужеземному Ваалу, и это приведетъ его къ гибели:

„Когда говорилъ Эфраимъ, всѣхъ охватывалъ страхъ,
„Высоко стоялъ тогда онъ во Израилѣ!
„Но согрѣшилъ онъ съ Вааломъ и погибъ.
„И нынѣ они грѣшатъ снова и творятъ себѣ кумиры

---

[1]) Гошеа разумѣетъ обычай носить на лбу и на груди амулеты или другіе знаки, соотвѣтствующіе культу того божества, которому данное лицо болѣе всего служитъ. *Прим. ред.*

[2]) Гош. 4, 11—15.

„Изъ серебра своего по образу боговъ,
„Все—творенiе искусныхъ мастеровъ.
„Богами называютъ ихъ,
„Люди приносятъ жертву, тельцовъ лобзаютъ [1]).

Но помимо всего этого, вину Израиля отягчаетъ еще возмутительный упадокъ нравовъ, который распространился на всѣхъ, на верхи и низы и, что важнѣе всего, на призванныхъ вождей народа—жрецовъ и пророковъ [2]). Положенiе еще значительно ухудшалось благодаря неограниченному господству захватнаго права, насилiя и анархiи, какъ оно установилось непосредственно послѣ смерти Iеровоама [3]). Не могутъ предупредить крушенiя,—думаетъ Гошеа—и такiя мѣры, какъ попытки Менахема привлечь на свою сторону ассирiянъ, сдѣлавшихся послѣ паденiя Сирiи непосредственными сосѣдями Израиля, или расположить къ Израилю Египетъ [4]). Всѣ эти планы, по мнѣнiю пророка, лишь мѣшаютъ ясности сужденiя и отвлекаютъ взоръ отъ Iагве, который только и могъ бы принести спасенiе. Но пусть Iагве и отвергъ сейчасъ свой народъ и обрекъ его на гибель—навсегда любовь его все же не можетъ отойти отъ Израиля. Израиль долженъ пасть вмѣстѣ со своимъ царствомъ; но затѣмъ понесенная народомъ кара искупитъ всѣ его прегрѣшенiя, и Iагве смилостивится надъ своимъ народомъ.

„Я твоя гибель, Израиль, и кто можетъ тебѣ помочь?
„Гдѣ же царь твой, гдѣ онъ?—Пускай онъ спасетъ тебя!
„Гдѣ всѣ князья твои, чтобы дать судъ тебѣ,
„О которыхъ говорилъ ты: дай мнѣ царя, поставь князей надо мной!
„Я даю тебѣ царя въ гнѣвѣ моемъ и отнимаю его въ моей ярости...
„Гдѣ язвы твои, смерть? Гдѣ муки твои, преисподняя?
„Милосердiе скрыто отъ очей моихъ...
„Въ пустыню должна обратиться Самарiя, отъ меча должны они погибнуть,
„Ихъ дѣти должны быть раздроблены, ихъ беременныя должны быть распороты! [5]).

Но вотъ картина измѣняется. Ибо когда наказанiе—крушенiе государства и изгнанiе—совершится, тогда проснутся въ народѣ и раскаянiе и тоска по господу своему, Iагве. И тогда народъ, супруга Iагве скажетъ:

„Пойду и вернусь къ моему первому супругу,
„Ибо прежде мнѣ было лучше, чѣмъ теперь.
„И тогда она станетъ покорной, какъ въ первые дни своей молодости,
„Какъ въ тотъ день, когда я вывелъ ее изъ земли египетской...
„Я обручаюсь съ тобою навѣки,
„Я обручаюсь съ тобою въ правдѣ и справедливости, въ милости и милосердiи...
„И будетъ въ тотъ день, ...говоритъ Iагве,
„Окажу я благоволенiе небесамъ, и небо окажетъ благоволенiе землѣ
„И земля окажетъ благоволенiе хлѣбу и маслу и вину.

---

[1]) Гош. 13, 1, 2.
[2]) Гош. 4, 1 сл., 5 сл.; 5, 1; 6, 8 сл.; 7, 1 сл.; 9, 15; 10, 9; 12, 9.
[3]) Ср. Гош. 7, 7; 8, 3 сл.; 10, 3, 15; 13, 10 сл.
[4]) Ср. Гош. 5, 13; 7, 11; 8, 9; 10, 6; 12, 1; 14, 4.
[5]) Гош. 13, 9—11, 14; 14, 1.

„И они окажутъ благоволеніе Израилю [1])...
„Я прощу имъ ихъ распутство и возлюблю ихъ,
„Ибо гнѣвъ мой отвратится отъ нихъ...
„Какое дѣло будетъ тогда Эфраиму до идоловъ?
„Я самъ буду внимать ему и поведу его домой.
„Я подобенъ зеленѣющему кипарису,
„Изъ меня произрастутъ плоды твои [2]).

Тогда Іагве вновь „посѣетъ" Израиля въ странѣ своей, снова дастъ съ неба дождь, и съ земли—плоды, ибо Израиль тогда вѣрно будетъ служить ему, какъ владыкѣ земли и подателю всѣхъ благъ [3]).

Жертва сикоморѣ въ Египтѣ.

[1]) Гош. 2, 9, 17, 21, 23 сл.

[2]) Гош. 14, 5. 9.

[3]) Міросозерцаніе Гошеи интересно въ томъ отношеніи, что, несмотря на свой новый, этически-соціальный тонъ, оно вращается въ сферѣ старыхъ понятій объ отношеніи между богомъ и народомъ. Божеству подобаютъ служеніе и жертвы за то, что оно, какъ сеньеръ, дало народу, какъ вассалу, землю со всѣми ея дарами. Грѣхъ Израиля заключается въ томъ, что онъ служитъ не истинному своему сеньеру, Іагве, а его противникамъ, вааламъ; за это онъ лишается земли и изгоняется изъ нея. *Прим. ред.*

Тиглатъ-Пилесеръ III.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Конецъ сѣвернаго царства.

I. Азарія. Менахемъ.

Преемникомъ іудейскаго царя Амаціи, поплатившагося жизнью за вызовъ, брошенный Израильскому царству, былъ его сынъ Азарія [1]). Книга Царей очень кратко говоритъ объ его продолжительномъ царствованіи (782—740). Изъ фактовъ его дѣятельности упоминается лишь укрѣпленіе Элата, находившееся, очевидно, въ связи со счастливыми походами его отца противъ эдомитовъ. Изъ сообщенія о томъ, что Азарія вернулъ Элатъ Іудѣ, слѣдуетъ, можетъ быть, заключить, что городъ этотъ взятъ былъ еще при отцѣ его, послѣ смерти котораго отложился, такъ что Азаріи пришлось его вновь отвоевывать. Какъ бы то ни было, присоединеніе этой важной гавани на Чермномъ морѣ знаменуетъ новый подъемъ торговли и благосостоянія страны. За исключеніемъ этого событія, книга Царей сообщаетъ еще только о болѣзни Азаріи и о смерти его: „Іагве ниспослалъ на царя бѣдствіе, и онъ сдѣлался прокаженнымъ до конца дней своихъ". Такъ какъ Азарія не былъ въ состояніи управлять государствомъ, то сынъ его Іотамъ, повидимому, еще при жизни отца, исполнялъ обязанности регента [2]);

[1]) У Исаіи и въ книгѣ Хроникъ онъ называется Уззіей. Это имя встрѣчается кое-гдѣ и въ книгѣ Царей. Взаимоотношеніе обоихъ именъ не вполнѣ ясно. Однако, повидимому, Азарія—настоящее имя, а Уззія—производная форма его.

[2]) I Цар., 15, 5. Только при такомъ предположеніи устранимы хронологическія противорѣчія, возникающія при выясненіи взаимоотношеній обоихъ царей, Азаріи и Іотама. Весьма вѣроятно, что регентство Іотама цѣликомъ или въ боль-

по крайней мѣрѣ, въ книгѣ Царей разсказывается, что во время болѣзни царя на Іотама возложены были важнѣйшія функціи, а именно судебныя. Данныя кн. Хроникъ болѣе подробны: Уззія, какъ здѣсь называется царь, предпринялъ будто бы рядъ удачныхъ походовъ противъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ сосѣдей Іуды, возстановилъ часть городской стѣны въ Іерусалимѣ, построилъ укрѣпленія и водоемы въ пустынѣ и значительно усилилъ мощь своей арміи. Въ основѣ этихъ сообщеній книги Хроникъ лежитъ, несомнѣнно, историческое преданіе. Согласно Исаіи, во времена Ахаза, наканунѣ сирійско-эфраимитской войны, Іудейское царство пользовалось нѣкоторымъ благосостояніемъ и военнымъ могуществомъ. Но послѣ плачевнаго пораженія, нанесеннаго Амаціи израильскимъ царемъ, было бы непонятно положеніе государства при Азаріи и Іотамѣ, какъ его описываетъ Исаія, если бы Азаріи не удалось тѣмъ или инымъ путемъ возстановить силы государства.

Однако врядъ ли Іуда могъ добиться какихъ-нибудь успѣховъ въ борьбѣ съ сѣвернымъ царствомъ, пока имъ управлялъ Іеровоамъ II. Авторъ книги Хроникъ, благоволящій Іудѣ, не преминулъ бы отмѣтить такіе успѣхи. Напротивъ, только цѣной вынужденнаго союза съ сѣвернымъ царствомъ Азарія могъ обезпечить себѣ свободу дѣйствій по отношенію къ сосѣдямъ. Можно считать фактически установленнымъ, что, подобно сѣверному царству при Іеровоамѣ, южное при Азаріи переживало въ общемъ счастливую пору своего развитія, процвѣтанія торговли и накопленія матеріальныхъ благъ. Только при такихъ условіяхъ становятся понятными первыя рѣчи Исаіи.

При сынѣ Азаріи, Іотамѣ (740—735) [1], Іуда впервые, какъ повѣствуетъ книга Царей, подвергся нападенію союзныхъ войскъ сирійцевъ и эфраимитовъ, положившему начало такъ наз. сирійско-эфраимитской войнѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ работъ по украшенію храма, царствованіе Іотама ничѣмъ болѣе не отмѣчено въ нашемъ источникѣ.

Въ сѣверномъ царствѣ со смертью Іеровоама II закатилась звѣзда династіи Іегу и счастливая звѣзда Израиля. Узурпаторы безпрерывно смѣняютъ другъ друга. Каждый изъ нихъ, возведенный на престолъ кровавымъ переворотомъ, быстро устраняется болѣе ловкимъ претендентомъ, пока, наконецъ, послѣдній царь, а съ нимъ и все царство, не становится добычей еще болѣе сильнаго внѣшняго врага. Іеровоамъ II—послѣдній изъ немногихъ эфраимскихъ царей, умершихъ естественной смертью. Ему наслѣдуетъ его сынъ Захарія, который послѣ шестимѣсячнаго правленія (740) падаетъ жертвой заговора, составленнаго противъ него Шаллумомъ бенъ-Ябешъ. Убійца, пробывъ у власти не болѣе одного мѣсяца, гибнетъ отъ руки Менахема бенъ-Гади (740—737), который, какъ повѣствуется въ Библіи, пошелъ на него „изъ Тирцы“ и отвоевалъ Самарію. Это показываетъ, что Шаллумъ не былъ

шой своей части отнесено библейскимъ лѣтописцемъ къ его собственному царствованію, отчего и годы смерти Азаріи и Іотама раздѣляетъ, вѣроятно, не очень значительный промежутокъ.

[1] Къ пяти годамъ его царствованія слѣдуетъ прибавить одиннадцать лѣтъ регентства.

всенародно признаннымъ царемъ. Эти перевороты наглядно иллюстрируютъ то состояніе постояннаго броженія и смутъ, которое послѣ смерти Іеровоама II сдѣлалось хроническимъ въ сѣверномъ царствѣ.

Тирца когда-то была столицей этого царства; при Шаллумѣ это—хорошо защищенная крѣпость, находящаяся, повидимому, въ рукахъ Менахема. Положеніе рисуется намъ слѣдующимъ образомъ: послѣ смерти Іеровоама II Менахему бенъ-Гади удалось привлечь на свою сторону одну половину государства, а Шаллуму—другую. Шаллумъ дѣйствовалъ, очевидно, съ большой стремительностью; устранивъ Захарію, онъ сумѣлъ завладѣть престоломъ, хотя и на короткое время. Но ему пришлось имѣть дѣло съ соперникомъ, въ рукахъ котораго находилась укрѣпленная Тирца, который истреблялъ огнемъ и мечемъ все, что отказывалось ему повиноваться, который въ теченіе одного мѣсяца подчинилъ себѣ даже Самарію. Однако и послѣ побѣды Менахема гражданской войнѣ не суждено было еще кончиться. Борьба осложняется разногласіями по вопросу о томъ, какую позицію долженъ занять Израиль по отношенію къ сосѣднимъ великимъ державамъ, Египту и Ассиріи. Одна партія была, повидимому, за союзъ съ Египтомъ [1]), другая съ Ассиріей.

Мы можемъ живо себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе должно было произвести на современниковъ состояніе страны. Какъ ни скромны были условія, въ которыхъ существовало Іудейское царство, оно располагало все же крупнымъ преимуществомъ, именно, твердой властью, которая обезпечивала Іуду отъ появленія внутреннихъ смутъ. Никогда не было такъ ясно, какъ теперь, что сѣверное царство, порожденное смутой, отъ смуты же и погибнетъ. Анархія и узурпація какъ была, такъ и осталась каиновой печатью этого государства. „Царей избирали, — восклицаетъ Гошеа, — безъ меня, вождей—безъ моего вѣдома... всѣ они пылаютъ, какъ печь, и истребляютъ своихъ судей, всѣ цари ихъ падаютъ, ни одинъ изъ нихъ не взываетъ ко мнѣ“. Исаія также прозрачно намекаетъ на язву гражданскихъ раздоровъ въ Эфраимѣ: „каждый пожираетъ плоть собственной руки своей, Менаше Эфраима и Эфраимъ Менаше“.

Послѣдствія этого самоистребленія не замедлили сказаться. „Въ его дни,—говорится о Менахемѣ въ книгѣ Царей,—Пулъ, царь ассирійскій напалъ на страну. И далъ Менахемъ Пулу тысячу талантовъ серебра, чтобы онъ былъ за него и чтобы онъ утвердилъ власть въ рукахъ его“. Впервые нога ассиріянина ступила на почву Израиля. Послѣ этого столкновеніе Израиля съ Ассиріей на израильской землѣ было неминуемо. Съ тѣхъ поръ, какъ сопротивленіе Дамаска было дѣйствительно сломлено, это столкновеніе стало лишь вопросомъ времени. Но не случайно встрѣча произошла именно въ данный моментъ. Самовластіе и гражданская междоусобица ослабили государство, ни одна

[1]) Врядъ ли этому могло препятствовать то состояніе упадка, въ которомъ находился въ эту пору Египетъ. Извѣстное вліяніе на политику сирійскихъ, особенно южносирійскихъ мелкихъ государствъ, могли еще оказывать даже мѣстные династы и фиктивные властители 23-ьей династіи.

партія не въ состояніи была собственными силами добиться господствующаго положенія въ странѣ. Одна искала поддержки въ Египтѣ, какъ сообщаетъ Гошеа, другая въ Ассиріи. Да и Менахемъ не чувствовалъ себя въ безопасности на тронѣ, ибо гражданская смута все не прекращалась. И даже если бы Менахемъ пользовался неоспоримой властью, вторженіе въ израильскую землю послѣ непосредственно предшествовавшихъ событій было бы для ассиріянъ легкимъ дѣломъ. Менахемъ откупается отъ нашествія непріятеля позорной данью, которая къ тому же охраняетъ его власть отъ домогательствъ внутреннихъ враговъ.

Заслуживаетъ вниманія тотъ способъ взысканія дани, къ которому прибѣгъ Менахемъ. Были обложены лишь тѣ группы населенія, которыя несутъ воинскую повинность. Такая раскладка возможна лишь въ томъ случаѣ, если воинскую повинность несутъ имущіе классы. Въ Израилѣ, слѣдовательно, существовалъ еще древній обычай, по которому неимущіе слои устранялись отъ военной службы. Бремя государственныхъ повинностей, въ томъ числѣ и воинской, возлагалось на владѣльцевъ наслѣдственнаго имущества. Если талантъ считать равнымъ 3.000 сиклей, то при исчисленіи налога въ 50 сиклей на душу, сѣверное царство должно было насчитывать во времена Менахема 60.000 семействъ, владѣвшихъ наслѣдственнымъ имуществомъ.

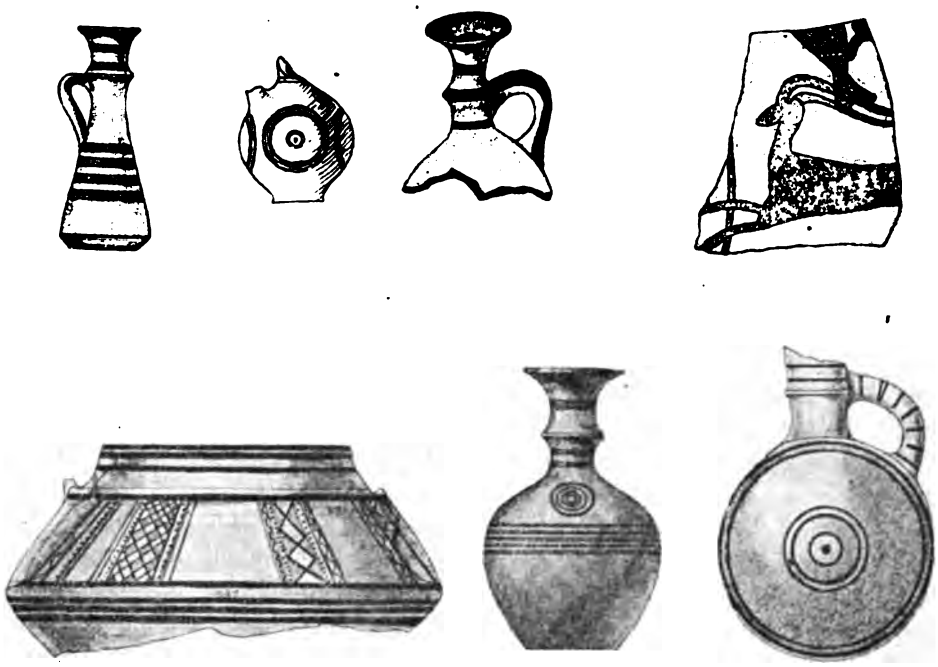
Мы узнаемъ многія подробности похода Пула противъ Менахема изъ ассирійскихъ памятниковъ. Пулъ, какъ нынѣ окончательно установлено,—это никто иной, какъ Тиглатъ-Пилесеръ III, одинъ изъ могущественнѣйшихъ ассирійскихъ завоевателей (745—727). Онъ порвалъ съ политикой инертности, которая царила при его ближайшихъ предшественникахъ и возвратился къ традиціямъ великихъ ассирійскихъ царей-завоевателей, стремившихся къ покоренію запада. Теперь надлежало завершить ихъ начинанія и увѣнчать великое дѣло. Тиглатъ-Пилесеръ открываетъ собою рядъ властителей, которые твердой рукой ведутъ постепенно ассирійское царство къ ясно намѣченной цѣли. Ближайшимъ поводомъ къ выступленію послужило, повидимому, то, что Арпадское царство, занимавшее побережье Средиземнаго моря и со временъ Ассурнирари IV (754) находившееся подъ ассирійскимъ вліяніемъ, подпало теперь подъ власть могущественнаго царства Урарту въ области Вана; теперь ассирійской торговлѣ былъ закрытъ доступъ къ морю въ сѣверной Сиріи. Послѣ нѣсколькихъ походовъ Тиглатъ-Пилесеръ превращаетъ въ 740 г. Арпадъ въ ассирійскую провинцію. Побѣдоносное выступленіе великаго царя само собой напоминало другимъ сирійскимъ владѣтелямъ объ ихъ прежней зависимости отъ Ассиріи, и они поспѣшили изъявить Тиглатъ-Пилесеру свою покорность приношеніемъ добровольной дани; въ ихъ числѣ были Рацонъ Дамасскій и Хирамъ Тирскій. Владычество Ассиріи во всѣхъ этихъ государствахъ быстро возстановляется; подъ ея власть подпадаетъ и Хаматское царство. Всѣ эти области превращаются въ особую ассирійскую провинцію. Ассиріи изъявляютъ покорность Дамаскъ и Тиръ, а вмѣстѣ съ ними и Менахемъ. Соотвѣтственно этому, Тиглатъ-Пилесеръ сообщаетъ

въ своей лѣтописи, что принялъ дань отъ Хирама Тирскаго, Рацона Дамасскаго и Менахема Самарійскаго. Ассирійскіе источники свидѣтельствуютъ, что Менахемъ явился на поклонъ къ ассирійскому царю на восьмомъ году царствованія Тиглатъ-Пилесера, что соотвѣтствуетъ 738 г. до Р. Х.

Между тѣмъ самъ Тиглатъ-Пилесеръ ничего не передаетъ о походѣ противъ Израиля или хотя бы о появленіи своихъ войскъ передъ Самаріей. Изъ его надписей скорѣе слѣдуетъ, что онъ находился гдѣ-то въ сѣверной Сиріи, когда принималъ дань, въ томъ числѣ и отъ царицы Арибя. Но библейскій текстъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что Тиглатъ-Пилесеръ послалъ часть своей арміи на югъ. Ходъ дѣйствій представляется намъ въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ покоренія Хамата Тиглатъ-Пилесеръ направляетъ свои силы въ 738 г. противъ остальной Сиріи. Необходимо было подчинить Израиля и наказать партію египтофиловъ въ этомъ царствѣ, которая, повидимому, была враждебна Менахему. Для партіи же Менахема, расположенной въ пользу ассиріянъ, вмѣшательство Ассиріи могло быть только желательнымъ, такъ какъ она нуждалась въ помощи для укрѣпленія колебавшагося трона своего ставленника. Правда, помощь эта сулила жалкій минутный успѣхъ. Возможно, впрочемъ, что войско Тиглатъ-Пилесера подошло вплотную къ Самаріи, и что полное ея подчиненіе и аннексія могли быть предотвращены только приношеніемъ дани.

Ассирійскій штандартъ.

Глиняныя издѣлія израильской эпохи изъ Таанаха.

2. Сирійско-эфраимитская война.

Менахемъ, вѣроятно, немного пережилъ перенесенное имъ униженіе, такъ какъ уже въ 734 г. мы встрѣчаемъ на престолѣ его второго преемника. Менахемъ умеръ, слѣдовательно, вскорѣ послѣ 738 г. [1]). Его преемникомъ былъ сынъ его Пекахія, который послѣ кратковременнаго царствованія палъ отъ руки своего возницы, Пекаха бенъ Ремалія (735—734/3), ворвавшагося съ шайкой гилеадитовъ въ царскій дворецъ [2]).

Устраненіе Пекахіи было, несомнѣнно, слѣдствіемъ позорной сдѣлки съ ассиріянами, допущенной его отцомъ. Ибо всякій, кто не былъ пораженъ полной слѣпотой, понималъ, что въ случаѣ новаго вторженія безпощадныхъ ассиріянъ спасеніе возможно лишь при условіи тѣснаго объединенія всѣхъ сирійскихъ государствъ: только въ этомъ случаѣ можно было питать хотя бы нѣкоторую надежду на то, что Сирія, какъ 120 лѣтъ назадъ, снова будетъ въ состояніи встрѣтить непріятеля. Конечно, египетская партія опять подняла голову; можетъ быть, Пекахъ былъ даже ея орудіемъ. Однако отъ Египта въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился въ ту пору, ожидать было нечего. Египетскіе государи съ трудомъ боролись съ внутреннимъ разложеніемъ, которое все усиливалось, и съ начинавшими тѣснить ихъ

---

[1]) Потому и сообщеніе книги Царей о десятилѣтнемъ его царствованіи не можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

[2]) Онъ фигурируетъ подъ прозваніемъ שליש, которымъ первоначально обозначалось, можетъ быть, третье лицо на колесницѣ (послѣ царя и возницы) и во всякомъ случаѣ лицо довѣренное, адъютантъ.

эѳіопами. Какъ ни заинтересованъ былъ Египетъ въ отраженіи ассирійской опасности, онъ безсиленъ былъ что-либо предпринять. Вотъ почему сирійскія государства пользуются первымъ представившимся имъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы позабыть старыя распри и объединить свои силы для защиты отъ мощнаго противника.

Въ 737—735 годахъ Тиглатъ-Пилесеръ находился далеко на Востокѣ и однако, несмотря на то, что по многимъ соображеніямъ его присутствіе тамъ было необходимо, вернулся въ Сирію, куда его звали неотложныя дѣла. Здѣсь въ его отсутствіе снова объединились два старыхъ врага. Общая бѣда принуждаетъ Пекаха Израильскаго и Рацона, или какъ его зоветъ Библія, Рецина Дамасскаго позабыть вѣковой споръ между ихъ государствами. Къ нимъ присоединяются оба финикійскихъ главныхъ города, Тиръ и Сидонъ, а также арабская царица Шамши.

Однако въ сторонѣ отъ союза осталась значительная часть Сиріи. Судьба его всецѣло зависѣла отъ того, удастся ли ему принудить ее къ присоединенію. Къ государствамъ, медлившимъ примкнуть къ союзу, принадлежали, съ одной стороны, сѣверные финикіяне и въ особенности хетиты, съ другой—населявшіе южную Палестину іудеи, Аммонъ, Моабъ, Эдомъ и филистимляне. Союзники особенно заинтересованы были въ привлеченіи послѣднихъ народовъ. Въ Іудѣ въ то время (около 736 г.) уже нѣсколько лѣтъ единолично царствовалъ Іотамъ. Книга Царей сообщаетъ, что въ его царствованіе „Іагве возбудилъ обоихъ царей, Рецина Дамасскаго и Пекаха Израильскаго, противъ Іуды". Если сопоставить скудное указаніе библейскаго источника съ извѣстными намъ міровыми событіями, то въ дружномъ нападеніи Рацона и Пекаха на Іуду слѣдуетъ видѣть слѣдствіе отказа Іотама примкнуть къ союзу противъ Ассиріи [1]).

Вспыхнувшая такимъ образомъ въ самой Палестинѣ война извѣстна въ исторіи подъ названіемъ сирійско-эфраимитской. О ея ходѣ намъ сообщаютъ три источника: книга Царей, надписи Тиглатъ-Пилесера и пророкъ Исаія. Мы не можемъ упомянуть имени Исаіи, не остановившись подробнѣе на личности этого могучаго мужа, уже за нѣсколько лѣтъ передъ этою войною выступившаго на общественное поприще и наложившаго на всю эту эпоху печать своей личности.

Исаія, сынъ Амоца,—іудей, но взоры его обращены не на одного только Іуду. Со временъ Азаріи (Уззіи) до послѣднихъ дней Хизкіи, въ продолженіе болѣе чѣмъ одного поколѣнія, онъ при всѣхъ выдающихся событіяхъ въ жизни народа выступалъ съ пророческимъ словомъ. Онъ пережилъ сирійско-эфраимитскую войну, паденіе Самаріи, опасность, угрожавшую Іерусалиму со стороны Санхериба, и при всѣхъ этихъ ударахъ судьбы объявлялъ „слово Іагве" своему народу. Его мысли не всегда отличаются новизной. Онъ опирается на своихъ предшественниковъ, Амоса и Гошею, но превосходитъ ихъ многогранностью, глубиной и си-

[1]) Въ книгѣ Царей непосредственно за упомянутымъ указаніемъ слѣдуетъ сообщеніе о смерти Іотама; отсюда можно заключить, что Іотамъ умеръ въ самомъ началѣ войны, а это соотвѣтствуетъ картинѣ, которую намъ рисуютъ событія.

лой мысли, интенсивностью и широтою религіознаго созерцанія. Языкъ его возвышенъ и благороденъ, нерѣдко цвѣтистъ и поэтиченъ, и на ряду съ этимъ сжатъ, а мѣстами какъ бы умышленно тяжелъ, но всегда и неизмѣнно могучъ и самобытенъ; воображеніе его изощряется въ мѣткой игрѣ словъ и искусномъ подборѣ образовъ, которые, въ избыткѣ рождаясь, смѣняются, не успѣвая созрѣть. Исаія—мастеръ слова и всепобѣждающаго реторическаго эффекта.

Но прежде всего Исаія является истиннымъ типомъ пророка Іагве во Израилѣ. То, что мы подразумѣваемъ подъ пророкомъ израильскимъ, именно въ его лицѣ нашло свое лучшее выраженіе. Это геніально вдохновенная личность, цѣликомъ погруженная въ великія идеи преобразованія религіи Іагве, и уносящаяся то къ крайностямъ ригоризма, то въ заоблачныя выси экстаза и провидѣнія. Онъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Моисеемъ и Иліей къ религіознымъ героямъ своего народа: подобно послѣднимъ, образъ Исаіи выдѣляется въ исторіи его народа, какъ грань, какъ вѣхи его духовной эволюціи. Онъ принадлежитъ къ свѣточамъ, которые излучаютъ свѣтъ далеко за предѣлы одного только своего народа. Его мысли легли на страницы исторіи: онѣ не только поддержали въ критическую минуту Іуду, но и воодушевляли позднѣйшія поколѣнія.

Исаія впервые выступаетъ въ послѣдній годъ царствованія Азаріи-Уззіи. Могущество Іуды еще не сломлено, „его страна полна серебра и золота, его сокровища безъ числа, ихъ страна полна коней, и ихъ колесницы безъ числа“. Но за блестящей оболочкой Исаія видитъ внутреннія язвы: несправедливость, притѣсненіе бѣдныхъ, легкомысленную погоню за наслажденіями рядомъ съ суевѣріемъ и дерзкимъ отпаденіемъ отъ Іагве. Какъ прежде Амосъ, такъ теперь Исаія выступаетъ религіознымъ защитникомъ соціальной правды.

Горе тѣмъ, кто ставитъ рядомъ домъ за домомъ,
Придвигаетъ поле къ полю, такъ что для другихъ не остается мѣста,
И вы одни лишь можете жить въ странѣ!..
Поистинѣ, много домовъ будетъ опустошено,
Большіе и красивые—останутся безъ обитателей!..
Горе тѣмъ, кто съ ранняго утра ищетъ браги,
Кто засиживается до поздняго вечера, разгоряченный виномъ,
У кого цитра и арфа, тимпанъ, свирѣль и вино на пиршествахъ—
Но на дѣла Іагве не взираютъ они
И дѣяній его не видятъ!
И за это народъ мой нежданно пойдетъ въ изгнаніе,
Вельможи его будутъ голодать, а бражники будутъ томиться жаждою“ [1]).

Страшный судъ угрожаетъ Іудѣ. Іагве, богъ Израиля, не допускаетъ глумленія надъ собой. Расплата придетъ, конечно, со стороны ассирійской: и тогда, въ „день Іагве воинствъ“, гнѣвъ его обрушится на все великолѣпіе Іуды:

На всѣ высоко вознесшіеся кедры ливанскіе, на всѣ дубы башанскіе...
На корабли таршишскіе и на всѣ драгоцѣнныя украшенія...
И всѣ кумиры погибнутъ!..

[1]) Ис. 5, 8, 9, 11—13.

Тогда всѣ укроются въ ущелья скалъ и въ разсѣлины земли
Отъ страха передъ Iагве и его державнымъ великолѣпiемъ,
Когда онъ возстанетъ, чтобы навести страхъ на землю [1]).

Но когда на горизонтѣ Iуды появляются грозныя тучи, и обнаруживается, что союзъ между Арамомъ и Эфраимомъ въ первую голову угрожаетъ Iудеѣ, Исаiя находитъ новыя слова. Судъ надъ Iудой неизбѣженъ, но то, что грозитъ ему сейчасъ, есть не бичъ божiй, а судъ человѣческiй; догорающiй факелъ дымитъ, а не пылаетъ. Политика Эфраима и всѣ его поступки слѣпы, судьба его—безконечная цѣпь каръ Iагве. „Эфраимъ и жители Самарiи" при прежнихъ ударахъ судьбы думали:

„Кирпичи обвалились,—будемъ строить изъ тесаныхъ плитъ.
Сикоморы вырублены, а мы посадимъ вмѣсто нихъ кедры!
Но Iагве повелъ на нихъ ихъ притѣснителей и подстрекнулъ враговъ ихъ противъ нихъ,
Арама на востокѣ, филистимлянъ на западѣ, и они пожирали Израиля всею пастью...
Но народъ не обратился къ тому, кто поражалъ его...
Тогда Iагве отсѣкъ у Израиля голову и хвостъ, пальмовую вѣтвь и тростникъ въ одинъ же день...
Но при всемъ томъ не стихъ гнѣвъ его, и десница его все еще простерта" [2]).

Такъ какъ всѣ эти удары не могли привести Израиля обратно къ Iагве, то пусть же обрушится послѣднiй, рѣшительный ударъ: „Iагве водрузилъ знамя для народа изъ чужбины и призвалъ его съ конца земли"—сдѣлалъ орудiемъ гнѣва своего ассирiянъ.

И союзному Дамаску не лучше будетъ, чѣмъ Эфраиму. Если эфраимитскимъ крѣпостямъ суждено сравняться съ давно опустошенными пепелищами хивитовъ и амореянъ, нѣкогда бѣжавшихъ отъ Израиля, то такая же судьба ожидаетъ Дамаскъ и всѣ города его: „стадамъ они будутъ принадлежать, они будутъ отдыхать тамъ, и никто не спугнетъ ихъ. Уничтожены твердыни Эфраима и царство Дамасское, и что осталось отъ Арама, да сравнится со славой сыновъ Израиля, говоритъ Iагве воинствъ" [3]).

Такiя приблизительно рѣчи Исаiя, вѣроятно, говорилъ въ началѣ войны, когда еще жилъ Iотамъ, и еще живы были традицiи Азарiи. Но Iотамъ умираетъ, и исполняется то, что Исаiя предчувствовалъ: „И дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними... О народъ мой! Его притѣснители, дѣти, и женщины господствуютъ надъ нимъ" [4])! Iотаму наслѣдуетъ сынъ его Ахазъ, находящiйся въ юношескомъ возрастѣ. Iуда, столь нуждающiйся въ данный моментъ въ твердомъ, рѣшительномъ правленiи, отдается въ руки двадцатилѣтнему юношѣ, не обладающему ни жизненнымъ опытомъ, ни нравственной силой. Вполнѣ возможно, что смерть Iотама и вступленiе на престолъ юнаго Ахаза дали рѣшительный толчекъ дѣйствiямъ союзниковъ

[1]) Ис. 2, 12—18.
[2]) Ис. 9, 7 и сл.
[3]) Ис. 17, 2—3.
[4]) Ис. 3, 4, 12.

противъ Іуды, такъ какъ главныя ихъ выступленія относятся именно къ царствованію Ахаза. Рецинъ двинулъ свои войска на югъ и отторгнулъ у Іудеи Элатъ, являвшійся источникомъ богатства Іуды при Азаріи и Іотамѣ. Эта гавань опять переходитъ къ ея прежнимъ владѣльцамъ, эдомитамъ. Затѣмъ союзники готовятся къ непосредственному наступленію на Іудею. Они приближаются съ объединенными войсками къ Іерусалиму, надѣясь взять столицу и свергнуть упорствующаго Ахаза.

Въ такую критическую минуту добрый совѣтчикъ явился бы какъ нельзя кстати. И вотъ ассирійская партія въ Іерусалимѣ при дворѣ Ахаза указываетъ царю на примѣръ Менахема, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Тиглатъ-Пилесеръ выручилъ изъ тяжкой бѣды: къ тому же враги Іуды, какъ тогда, такъ и теперь, въ то же время являются де и врагами Ассиріи. Извѣстіе о приближеніи непріятеля привело Ахаза и Іерусалимъ въ невообразимое смятеніе, и, не дожидаясь совѣта благоразумныхъ людей, царь принимаетъ опрометчивое рѣшеніе. Онъ шлетъ пословъ къ Тиглатъ-Пилесеру и унижено изъявляетъ покорность великому царю; свою смиренную просьбу о помощи противъ враговъ онъ подкрѣпляетъ приношеніемъ въ даръ Тигларъ-Пилесеру всего запаса золота и серебра, который хранился въ храмовой и дворцовой сокровищницѣ.

Эта политика Ахаза встрѣчала сочувствіе въ Іерусалимѣ, и многимъ она представлялась вѣнцомъ мудрости. Иначе смотритъ на нее Исаія: ему, вѣроятно, припомнилась близорукая политика предка теперешняго царя Асы, который, находясь въ подобномъ же положеніи, поступилъ такъ же и навлекъ несказанную бѣду на свою страну и на своего сосѣда. По мнѣнію Исаіи, Эфраимъ—не только братъ Іуды: Іуда вмѣстѣ съ Эфраимомъ представляютъ какъ бы послѣдній бастіонъ между Ассиріей и Египтомъ. Въ то время, какъ Ахазъ дѣлаетъ необходимыя приготовленія у водопровода верхняго пруда, на случай осады столицы, Исаія обращается къ нему со слѣдующими словами: „Остерегайся и будь покоенъ, не бойся, и да не трепещетъ сердце твое изъ за этихъ двухъ только дымящихъ головней, несмотря на пылающій гнѣвъ Рецина, Арама и сына Ремаліи!.. Тому не случиться и не бывать!

> Ибо Дамаскъ—только глава Арама, и Рецинъ—только глава Дамаска;
> Самарія—только глава Эфраима, а сынъ Ремаліи—только глава Самаріи:
> Но если вы не вѣруете въ меня, то вамъ не спастись“.

Этими словами пророкъ внушаетъ упованіе на Іагве. Врядъ ли Исаія былъ такъ безрасуденъ, чтобы полагать, будто вражеское нашествіе можно отразить, скрестивъ руки на груди и устремивъ взоры къ небу. Но при создавшемся положеніи—таково было дѣйствительно его убѣжденіе—Іудѣ ничего другого не оставалось, какъ быть спокойнымъ и надѣяться на Іагве. Событія показали, что Исаія былъ правъ: въ эту тяжелую минуту совѣтъ его безусловно былъ правиленъ. Укрѣпленный Іерусалимъ въ состояніи былъ выдержать осаду въ продолженіе нѣкотораго времени. Между тѣмъ Тиглатъ-Пилесеру пришлось бы по собственному почину, въ интересахъ своего государства, выступить противъ союзниковъ, дѣло которыхъ можно было заранѣе

считать проиграннымъ, разъ не вся Сирія объединилась подъ ихъ знаменами. Но въ такомъ случаѣ у ассиріянъ не оказалось бы никакого повода для вмѣшательства въ дѣла Іудеи, и Ахазъ сохранилъ бы въ неприкосновенности хотя бы ту долю самостоятельности, которую онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ. Напротивъ, образъ дѣйствій Ахаза представлялся Исаіи чреватымъ самыми печальными послѣдствіями. Пророкъ направляетъ всѣ силы къ тому, чтобы, пока еще не поздно, убѣдить царя, что вмѣшательство Ассиріи можетъ оказаться роковымъ для Іуды. Пророкъ мысленно видитъ, какъ ассирійскія войска съ одной стороны и египетскія съ другой располагаются на поляхъ Іудеи, предвидитъ, какъ несчастная Іудея станетъ яблокомъ раздора между двумя міровыми державами. Прибѣгая къ послѣднему средству, Исаія увѣренный въ правотѣ своего дѣла и исполненный вѣры въ Іагве, готовъ совершить на глазахъ царя чудо въ доказательство истинности своихъ словъ. Но и это предложеніе не измѣняетъ мнѣнію Ахаза: онъ лицемѣрно отвѣчаетъ, что не желаетъ искушать бога.

Однако Исаія все-таки даетъ обѣщанное знаменіе: „Слушайте же вы изъ дома Давидова: недостаточно съ васъ людей утомлять, что еще бога моего утомляете? Дастъ вамъ потому господь знаменіе: вотъ зачнетъ юная жена и родитъ сына и наречетъ его „Съ-нами-богъ“ (עמנו אל), и будетъ онъ питаться молокомъ и медомъ, доколѣ не научится отвергать зло и выбирать добро. Ибо прежде, нежели младенецъ уразумѣетъ, какъ отвергать зло и выбирать добро, опустѣетъ страна двухъ царей, которой ты страшишься: но Іагве наведетъ на тебя и твой домъ дни, какихъ еще не бывало съ тѣхъ поръ, какъ отпалъ Эфраимъ отъ Іуды“. Ассиріяне вторгнутся въ страну и опустошатъ ее такъ, что она вскорѣ превратится въ пастбище для коровъ и овецъ, и жители ея будутъ питаться не хлѣбомъ и виномъ, а молокомъ и дикимъ медомъ [1]).

Ахазъ не послушалъ Исаіи, и послы не были отозваны. Когда и гдѣ послы Ахаза встрѣтили Тиглатъ-Пилесера, неизвѣстно. Возможно, что царь ассирійскій находился уже на пути въ Сирію, которую приходилось, очевидно, снова привести въ повиновеніе. Такъ или иначе уже въ 734 г. въ Сиріи мы встрѣчаемъ великаго царя, занятаго усмиреніемъ отпавшихъ. При несогласіяхъ, раздѣлявшихъ мелкія государства, эта задача не представлялась особенно трудной, что̀ и предвидѣлъ Исаія. Только Дамаскъ оказалъ болѣе энергичное сопротивленіе.

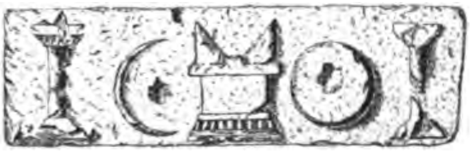
Первою была очередь Эфраима. Книга Царей сообщаетъ, что Тиглатъ-Пилесеръ отнялъ у Пекаха Исіонъ, Абель-бетъ-Мааху, Яноахъ, Кедешъ и Хацоръ, Галилею и всю область Нафтали, да еще нѣсколько округовъ въ Гилеадѣ, а покоренныхъ жителей увелъ въ Ассирію. Эти сообщенія находятъ себѣ подтвержденіе какъ у Исаіи, такъ и въ надписяхъ великаго ассирійскаго царя. Самарія и на этотъ разъ избѣжала нашествія и разоренія, благодаря своевременному дворцовому перевороту. Пекахъ былъ убитъ заговорщиками, которые представили ассирійскому царю въ качествѣ преемника Пекаха на израильскомъ пре-

---

[1]) Ис., 7, 14—16, 20—21.

столѣ Гошею, своего вожака и убійцу Пекаха (734/3). Таковъ былъ первый актъ ассирійскаго владычества въ Ханаанѣ. Сѣверное царство было ограничено предѣлами Эфраимскихъ горъ и Изреэльской долины. Послѣ того, какъ Израиль былъ усмиренъ, и Іерусалимъ освобожденъ, Тиглатъ-Пилесеръ двинулся въ 733 г. на Дамаскъ. Библія кратко сообщаетъ, что онъ завоевалъ Дамаскъ, увелъ жителей въ плѣнъ и приказалъ казнить Рецина. Изъ сообщеній же самого ассирійскаго царя мы узнаемъ, что осада и взятіе укрѣпленной сирійской столицы отняли у него два года.

Ближайшей цѣли своей Ахазъ достигъ, такъ какъ оба его противника пали отъ меча, а государства ихъ, если не цѣликомъ, то частью перешли въ руки непріятеля. Но покровительство великаго царя куплено было Ахазомъ дорогою цѣною! Тиглатъ-Пилесеръ не ограничился единовременной данью, онъ ждалъ новыхъ изъявленій покорности [1]), и Ахазу, какъ лойяльному вассалу, приходилось даже въ повседневной жизни и въ культѣ придерживаться ассирійскихъ правилъ и обычаевъ. Такъ, послѣ паденія Дамаска Ахазъ приходитъ на поклонъ къ Тиглатъ-Пилесеру. Увидѣвъ тамъ алтарь, онъ отправляетъ сейчасъ же его модель своему жрецу Уріи въ Іерусалимъ, чтобы построить такой же при храмѣ. Новый алтарь ставится на мѣсто прежняго жертвенника для всесожженій. Врядъ ли алтарь, послужившій образцомъ для Ахаза, принадлежалъ Рецину. Какъ только Дамаскъ былъ взятъ, ассиріяне учредили въ немъ свой культъ. Ахазъ думалъ угодить великому царю, взявъ за образецъ ассирійскій алтарь въ Дамаскѣ. Весьма вѣроятно также, что именно Ахазъ ввелъ въ Іерусалимѣ заимствованные изъ Ассиріи звѣздный и солнечный культы и имѣлъ при іерусалимскомъ храмѣ священныхъ „коней солнца“.

Рельефъ съ дверного косяка (изъ Абдэ): въ центрѣ—алтарь съ рогами, направо—солнце, налѣво—луна, по краямъ—свѣтильники.

[1]) Естественно, что въ 728 г. мы вновь встрѣчаемъ имя Ахаза (Уаухази Іудейскій) въ числѣ другихъ данниковъ (Аммона, Моаби, Эдома, Газы и т. д.) ассирійскаго царя.

Саргонъ.

3. Паденіе Самаріи.

Мирясь съ создавшимся положеніемъ вещей и изъявляя полную покорность ассиріянамъ, Израильское и Іудейское царства могли разсчитывать въ ближайшее время на безмятежное существованіе подъ покровительствомъ могущественнаго царя. Ахазъ пошелъ по этому пути, и ему удалось сохранить за собой тронъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Но въ Израилѣ броженіе не улеглось. Съ 732 г. Тиглатъ-Пилесеръ занятъ былъ на Востокѣ, а въ 727 г. онъ сошелъ со сцены. Его преемникомъ является Салманассаръ IV (727—722). Отсутствіе царя и, въ особенности, перемѣна власти въ Ассиріи оживили въ Самаріи надежды на возможность добиться независимости. Египетъ съ своей стороны поощрялъ эти мечты. Чѣмъ далѣе въ глубь Сиріи проникали ассиріяне, тѣмъ серьезнѣе становились опасенія фараоновъ, видѣвшихъ, какъ колеблется ихъ прежнее положеніе. Изъ чувства самосохраненія Египетъ долженъ былъ сдѣлать все, что только было въ его силахъ, дабы помѣшать успѣхамъ Ассиріи и подстрекнуть сирійскія государства къ сопротивленію.

Ханно изъ Газы, бѣжавшій въ Египетъ, вернулся на свою родину сейчасъ же послѣ смерти Тиглатъ-Пилесера или нѣсколько лѣтъ спустя съ тѣмъ, чтобы при содѣйствіи Египта поднять возстаніе. Гошеа, какъ сообщаетъ Библія, вступивъ въ тайное соглашеніе съ „царемъ“ Севе египетскимъ [1]), къ которому онъ отправилъ пословъ, отказался посылать дань Ассиріи. Вѣроятно, въ Севе, или Сибу, слѣдуетъ видѣть военачальника фараона Бокенранфу (или Бокхориса), по-

---

[1]) Масоретскій текстъ ошибочно называетъ его Со (по ассирійски Сибу): его часто смѣшиваютъ съ Сабако. Однако имена эти не имѣютъ ничего общаго. Что Сибу и Со—Севе одно и то же лицо, явствуетъ изъ сходства ихъ дѣяній по ассирійскому и библейскому источнику: первый поддерживаетъ Ханно противъ Ассиріи, второй Гошеу противъ нея.

слѣдняго фараона передъ знаменитымъ эѳіопскимъ фараономъ-устроителемъ Сабако (или Шабако).

Салманассаръ не могъ, конечно, спокойно снести отпаденія Самаріи, такъ какъ на карту поставлено было верховенство Ассиріи надъ всей Сиріей. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, вѣроятно, во второй годъ царствованія, Салманассаръ выступилъ въ походъ [1]). Гошеа, повидимому, сдался ассирійскому царю безъ сопротивленія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ рѣшительную минуту Севе оставилъ его на произволъ судьбы. Гошеа уведенъ былъ въ плѣнъ и раздѣлилъ участь другихъ плѣнныхъ. Столица же его, Самарія, досталась ассирійцамъ тяжелой цѣной. Салманассару пришлось предпринять правильную осаду, и благодаря своему укрѣпленному положенію Самарія продержалась цѣлыхъ три года. Салманассару не привелось дожить до ея завоеванія—Самарія взята была при его преемникѣ Саргонѣ (722).

Іуда по вполнѣ понятнымъ причинамъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями въ сѣверномъ царствѣ, за движеніемъ войскъ Салманассара и осадой Самаріи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ Исаіи Ахазъ не поддавался соблазну и остался вѣрнымъ Ассиріи. Если бы онъ поступилъ иначе, участь Іуды была бы рѣшена. Исаія предвидѣлъ, что и на этотъ разъ Самаріи не поможетъ отчаянная отвага. Ея судьба была рѣшена: „Горе гордой коронѣ опьяненнаго Эфраима и увядающему цвѣтку, великолѣпной красѣ его!.. Уже грядетъ и сильный и властный отъ господа! Какъ градовая туча, какъ буря, какъ ливень, разразившійся потокомъ, повергнетъ онъ ихъ на землю, и ногами истоптана будетъ гордая корона пьяныхъ эфраимитовъ“ [2]).

Около этого же времени въ Іудеѣ появляется пророкъ, единомышленникъ, а можетъ быть и ученикъ Исаіи, Миха изъ Морешета. И онъ ясно предвидитъ паденіе и разрушеніе Самаріи.

Уже Іагве покидаетъ свое жилище,
Спускается и грядетъ на высотахъ земли.
И таютъ горы подъ нимъ и раздвигаются долины,
Точно воскъ отъ огня, точно вода, льющаяся съ крутизны.
Все это за отпаденіе Іакова и за грѣхъ дома Израилева:
Гдѣ отпаденіе Іакова?—Не Самарія ли?
Гдѣ грѣхъ Іуды?—Не Іерусалимъ ли?
За это я превращу Самарію въ груду развалинъ на полѣ, въ мѣсто для насажденія винограда,
Низвергну въ долину ея камни, обнажу ея основанія [3]).

За Іерусалимъ Миха въ ближайшемъ будущемъ не опасается. Пока народъ спокоенъ, у ассиріянъ нѣтъ основаній къ нападенію. Но нетрудно было предвидѣть, что потокъ, уносившій Самарію, не могъ не причинить вреда Іудѣ. Въ грѣхахъ своихъ онъ былъ равненъ Эфраиму: если бы Іагве снова занесъ свой бичъ, Іуда также былъ бы обреченъ на гибель. Удары, поражавшіе Эфраима, были смертельны не для

---

[1]) Если правильно сообщеніе о томъ, что Гошеа царствовалъ девять лѣтъ, то Салманассаръ долженъ былъ выступить противъ него въ 725 г.

[2]) Ис. 28, 1—3.

[3]) Мих., 1, 3 и сл.

одной Самаріи—„они доходятъ до Іуды, доносятся до воротъ моего народа, до Іерусалима“.

Согласно обыкновенію ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, часть жителей покоренной страны Эфраима уведена была на чужбину. Судя по надписямъ Саргона, было угнано въ плѣнъ 27.290 человѣкъ, остальные оставлены были въ странѣ подъ управленіемъ ассирійскаго начальника; здѣсь же водворены были жители изъ другихъ завоеванныхъ областей. Были уведены въ изгнаніе, несомнѣнно, представители высшихъ, руководящихъ общественныхъ слоевъ: чиновники, собственники, военные и жрецы. Книга Царей сообщаетъ, что они были переселены въ Месопотамію и Мидію. Въ числѣ мѣстностей, гдѣ были поселены изгнанники, называются Хаборъ, притокъ Евфрата, и „города Мидянъ“. Оставшіяся въ странѣ болѣе значительныя народныя массы превращаются въ ассирійскихъ подданныхъ, страна изъ прежняго вассальнаго государства превращается въ обыкновенную ассирійскую провинцію. Но страна не примирилась съ своей участью, не попытавъ еще разъ своего счастья въ возстаніи. Библія умалчиваетъ объ этомъ, но изъ надписей Саргона мы узнаемъ, что, повидимому, вскорѣ послѣ того, какъ Саргонъ удалился изъ Сиріи, вновь организовано было движеніе, во главѣ котораго находился Илубиди, называемый также Яубиди, изъ Хамата. Къ нему примкнула почти вся Сирія къ сѣверу отъ Самаріи, которая также волей-неволей втянута была въ движеніе. На югѣ къ союзникамъ присоединяются Ханно изъ Газы и арабско-египетскій отрядъ подъ начальствомъ Севе (Сибу). Іудея, несмотря на то, что къ ней было снаряжено посольство съ просьбой о поддержкѣ, предпочитаетъ въ числѣ немногихъ другихъ государствъ остаться на сторонѣ Ассиріи. Въ 720 г. Саргонъ снова появляется въ Сиріи. Онъ прежде всего старается не допустить соединенія своихъ противниковъ. Илубиди терпитъ вскорѣ пораженіе при Каркарѣ; затѣмъ великій царь спѣшитъ на югъ и разбиваетъ остатокъ союзныхъ войскъ при Рапихи, или, какъ этотъ городъ впослѣдствіи назывался у грековъ, Рафіи, близъ Газы, у египетской границы. Саргонъ хвалится даже тѣмъ, что получилъ дань отъ „фараона“.

Такимъ образомъ, сопротивленіе Самаріи было окончательно сломлено; по крайней мѣрѣ, въ ассирійскихъ источникахъ болѣе не упоминается о какой-либо попыткѣ ея свергнуть иго. Вѣроятно, въ связи съ этими волненіями Саргонъ перевелъ на жительство въ Самарію множество чужеземныхъ колонистовъ. Онъ самъ упоминаетъ о „плѣнныхъ изъ разныхъ странъ“, уведенныхъ имъ въ Самарію, и называетъ въ ихъ числѣ нѣсколько аравійскихъ кочевыхъ племенъ, которыя за непокорность были удалены изъ своей родины. Сверхъ того, Библія перечисляетъ вавилонскіе города, жители которыхъ переселены были великимъ царемъ въ Самарію. Возможно, что это тѣ самые переселенцы, которые, согласно сообщенію Саргона, водворены были на землѣ хетитовъ за безпорядки въ Вавилоніи. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, при Асаргадонѣ, произошелъ новый притокъ чужеземныхъ элементовъ.

Эти перетасовки населенія нанесли послѣдній ударъ Эфраиму. Если въ странѣ и осталась значительнѣйшая часть населенія, все-таки жизненныя силы націи были надорваны, безвозвратно исчезла послѣдняя тѣнь свободы. Къ народности, къ религіи Израиля примѣшиваются чужіе элементы; страной управляютъ ассирійскіе намѣстники и чиновники; ассирійская, вавилонская, арабская кровь проникаетъ въ старые туземные роды, иноземные боги—въ родныя святилища. Въ началѣ еще замѣчается борьба съ этимъ вторженіемъ чужихъ боговъ. Бетъ-Эль сохраняетъ еще нѣкоторое время свой характеръ святилища Іагве и даже пытается распространить свое вліяніе на иноземныхъ колонистовъ [1]). Это удалось, повидимому, до нѣкоторой степени, такъ какъ жертвенникъ въ Бетъ-Элѣ существовалъ еще при Іошіи. Но постепенно произошло глубокое видоизмѣненіе и въ этнографическомъ и въ религіозномъ отношеніи. Іудеи, вернувшіеся на родину изъ плѣна вавилонскаго, нашли въ Самаріи народъ, котораго они уже не могли признать плотью отъ плоти своей, и не признаютъ своего Іагве въ его богѣ, который за это время отдалился отъ стараго Іагве пророковъ. И іудеи отдѣляются отъ самаритянъ, которые образуютъ отнынѣ самостоятельную религіозную общину. И какъ ни хотѣли самаритяне чувствовать себя сынами древняго Израиля, іудеи съ трудомъ—и это не было только высокомѣріемъ вернувшихся изгнанниковъ—находили въ самаритянахъ слабыя черты древняго Израиля, того Израиля, который жилъ въ ихъ воображеніи.

Особенный интересъ представляетъ, однако, для насъ методъ, который ассиріяне примѣнили къ Израилю, а впослѣдствіи стали примѣнять и къ другимъ покореннымъ народностямъ,—методъ, вошедшій постепенно въ систему управленія и имѣвшій цѣлью внѣдрить чужія народности въ составъ ассирійскаго государства такъ, чтобы сдѣлать всякую попытку къ возмущенію съ ихъ стороны невозможной. Съ этой цѣлью верхніе слои населенія, правители, художники, ремесленники, строители переселяются въ страну побѣдителя. Тамъ они становятся царскими колонистами и надѣляются владѣніями [2]). Благодаря этому они пользуются привилегированнымъ положеніемъ, матеріальной обезпеченностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду неусыпнаго наблюденія, подъ которымъ они находятся, ихъ свобода стѣснена. Дѣлается все возможное, чтобы вытравить изъ нихъ національную самобытность. Лежащая въ основѣ этихъ мѣръ система была, можетъ быть, съ политической точки зрѣнія раціональна. Она преслѣдовала ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное разрушеніе естественныхъ узъ, связывавшихъ народъ въ

---

[1]) II Цар. 17, 26 и сл. Мы читаемъ здѣсь сообщеніе о томъ, что ассирійскій царь приказалъ вернуть изъ изгнанія одного изъ жрецовъ Іагве, который и поселился въ Бетъ-Элѣ, для того, чтобы научить иновѣрныхъ поселенцевъ „обычаямъ бога страны“.

[2]) Изъ текста II Царей 18, 32, мы видимъ, что ассирійское правительство дѣлало все возможное для того, чтобы изгнанники позабыли старую родину, и пожаловало имъ земельную собственность.

одно цѣлое, и насильственное отторженіе цѣлыхъ народностей отъ вскормившей ихъ почвы.

Система блестяще оправдала себя: выходцы изъ Самаріи не оставили послѣ себя въ ассирійскомъ государствѣ историческихъ слѣдовъ. Кое-какія крупицы еврейской народности занесены были ими на дальній востокъ, даже въ Индію и Китай. Но это были рѣдкія исключенія. Въ общемъ, старое населеніе Израильскаго царства растворилось и безслѣдно исчезло въ восточныхъ государствахъ.

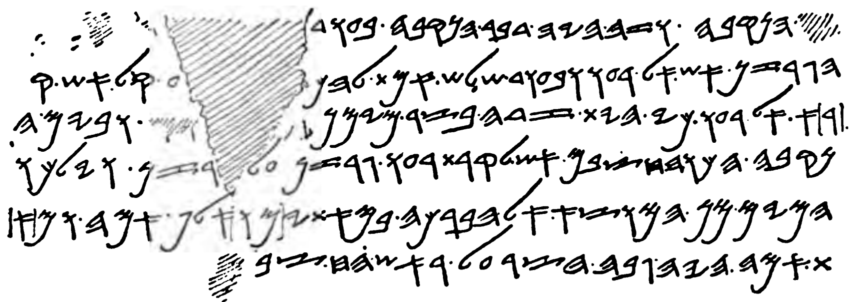
Ассирійскій царь на тріумфальной колесницѣ.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и Ко, Москва

ПИРАМИДЫ ВЪ ГИЗЕ, БЛИЗЪ КАИРА.

 Изд. т-ва „Міръ“.

Надпись изъ Шилоаха.

הנקבה . וזה . הוה . דבר . חנקבה . בעוד
הגרזן . אש . אל . רעו . ובעוד . שלש . אמת . להכ . קל . אש . ק
רא . אל . רעו . כי . הית . זדה . בצר . מימן . ובים . ה
נקבה . הכו . החצבם . אש . לקרת . רעו . גרזן . על . גרזן . וילכו
המים . מן . המוצא אל . הברכה . במאתים . ואלף . אמה . ומ[א]
ת . אמה . היה . גבה . הצר . על ראש . החצב[ם]

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Борьба Іуды съ Ассиріей.

1. Хизкія (719—686).

Посреди грозныхъ бурь, которыя пронеслись надъ Самаріей и смели ее съ лица земли, царь іудейскій Ахазъ сумѣлъ остаться невредимымъ. Мудро учитывая обстоятельства, онъ подчинился ассирійскому господству; благодаря этому, онъ до конца жизни удержалъ за собой свой тронъ и, умирая, передалъ его своему сыну Хизкіи. Смѣна престола произошла, вѣроятно, въ 720 или 719 г.

Политическое положеніе, созданное событіями предшествующаго времени, для Іуды, пожалуй, было еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде. Послѣ паденія Самаріи вассальное государство Іуды стало ближайшимъ сосѣдомъ ассирійской монархіи. До того времени между Іудой и этой державой существовали еще небольшія буферныя государства, сначала—Дамаскъ и Израиль, а затѣмъ—одинъ только послѣдній. Вслѣдствіе этого Іудея, данникъ Ассиріи, была нѣсколько удалена отъ своего властелина: давленіе распредѣлялось на бóльшую поверхность, и непосредственныхъ поводовъ къ столкновеніямъ было не такъ уже много. Теперь Израиль—ассирійская провинція, и въ немногихъ часахъ къ сѣверу отъ Іерусалима, близъ Бетъ-Эля, Рамы и Мицпы, сыны Іуды могутъ уже наблюдать, какъ распоряжаются намѣстники и чиновники великаго царя. Въ Іудеѣ всякій, кто не былъ ослѣпленъ, долженъ былъ сознавать, что южное царство находилось въ исключительно опасномъ положеніи. Было совершенно ясно, что столкновеніе Ассиріи съ Іудой неизбѣжно и что приходится выбирать лишь

одно изъ двухъ: или добиваться сплоченія силъ всѣхъ жизнеспособныхъ еще мелкихъ государствъ Палестины и сосѣднихъ областей, съ тѣмъ чтобы при помощи Египта и, быть можетъ, Вавилоніи, вновь вырвать изъ рукъ ассирійскаго колосса страну и положить конецъ его господству; или же, предупреждая неминуемый ходъ событій, добровольно избрать жребій подчиненія Ассиріи, который сталъ для Іуды и его сосѣдей почти неизбѣжнымъ со времени вторженія ассиріянъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сыны Іуды могли разсчитывать жить въ будущемъ если и не такъ, какъ въ былое время, то все же въ безопасности и мирѣ, которые были обезпечены имъ до тѣхъ поръ, пока продолжала существовать сама Ассирія. Такъ разсуждалъ, вѣроятно, Ахазъ, и не иначе, вѣроятно, думалъ Исаія въ послѣдніе дни царствованія Ахаза и при вступленіи на престолъ Хизкіи. Все теперь зависѣло отъ того, каковъ будетъ образъ дѣйствій новаго царя.

Хизкія вступилъ на престолъ въ юношескомъ возрастѣ. Къ счастью, его совѣтниками являлись такіе люди, какъ Исаія и Миха. Ихъ вліянію, хотя бы и непрямому, слѣдуетъ приписать нѣкоторыя мѣропріятія Хизкіи въ цѣляхъ установленія единаго культа Іагве, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ въ связи съ разсказомъ о восшествіи царя на престолъ. Хизкія будто бы не только приказалъ разрушить изображеніе мѣднаго змѣя—Нехуштана [1]), которому въ Іерусалимѣ или въ его окрестностяхъ воздавались божескія почести, но также предписалъ уничтожить высоты, массебы и ашеры [2]). Если сообщеніе объ уничтоженіи высотъ заслуживаетъ довѣрія, то тѣмъ самымъ вскрывается весьма важная тенденція реформы Хизкіи: онъ уничтожалъ мѣстныя святилища и мѣстные культы, стремясь сосредоточить культъ только въ Іерусалимѣ и допускать только культъ Іагве.

Главными сподвижниками Хизкіи при проведеніи описанной реформы были жрецы іерусалимскаго храма, которые во всѣхъ отношеніяхъ должны были выиграть отъ мѣропріятій Хизкіи. Но и среди пророческой партіи было, вѣроятно, немало сторонниковъ реформы. Ея психологическіе мотивы, одинаково раздѣлявшіеся и пророческой и жреческой партіями, были продиктованы катастрофой, постигшей сѣверное царство. Казалось, что гибель Самаріи ясно свидѣтельствовала о губительномъ гнѣвѣ Іагве, обрушившемся на Израиля за его отпаденіе отъ единаго культа Іагве на Сіонѣ. По мнѣнію ревнителей Іагве, такая же судьба предстояла и Іудѣ и Іерусалиму, поскольку они не желали кореннымъ образомъ перемѣнить свое поведеніе. Какъ представляли себѣ эту перемѣну пророки—мы знаемъ; какъ мыслили ее представители офиціальной, государственной религіи — для насъ не менѣе ясно. Молодой царь—само собой разумѣется—прислушивался къ голосу вторыхъ. Для того, чтобы отвратить отъ Іуды судьбу Израиля, необходимо было, по ихъ мнѣнію, очистить культъ отъ всего того, что

---

[1]) Ср. „Змѣиный камень“ близъ Іерусалима. Можетъ быть, съ нимъ былъ связанъ культъ Нехуштана.

[2]) II Цар. 18, 4; единств. число (אשרה) здѣсь является, вѣроятно, опиской.

привело Израиля къ гибели. Считать же эту цѣль достигнутой въ полной мѣрѣ можно было, по ихъ мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если не только храмъ и Іерусалимъ будутъ очищены отъ всѣхъ иныхъ святынь, кромѣ святынь Іагве, но также будутъ упразднены всѣ святилища, кромѣ Сіона. Конечно, пророки считали далеко недостаточнымъ обновленіе лишь внѣшняго культа и прежде всего требовали нравственнаго усовершенствованія; однако и въ такой реформѣ онѣ видѣли важный шагъ впередъ, хотя реформа и не была свободна отъ узкихъ матеріалистическихъ расчетовъ и эгоистическихъ соображеній. Но, конечно, переворотъ, къ которому стремился Хизкія, былъ слишкомъ великъ для того, чтобы удалось совершить его въ одинъ пріемъ. Топоръ подсѣкъ лишь корни дерева; рѣшительные удары, повергающіе дерево на землю, только еще предстояло нанести.

Хизкія мало былъ похожъ на своего отца Ахаза. Можно скорѣе сказать, что онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вернулся къ принципамъ своего прадѣда Азаріи. Какъ послѣднему, такъ и Хизкіи приписывается рядъ мѣропріятій для обезпеченія безопасности страны въ военномъ отношеніи и, въ особенности, для укрѣпленія столицы. Какъ во времена Азаріи, такъ и теперь казна и арсеналы Іудеи наполнены; подобно прадѣду, Хизкія дерзнулъ стать въ независимое положеніе по отношенію къ Ассиріи. Къ сожалѣнію, мы плохо освѣдомлены о послѣдовательности событій въ теченіе его долгаго царствованія. Такъ, мы не знаемъ ни времени его побѣдъ надъ филистимлянами, ни момента сооруженія водопровода, ему приписываемаго. Можетъ быть, война съ филистимлянами явилась наслѣдіемъ, доставшимся ему отъ его отца Ахаза, какъ результатъ отрицательнаго отношенія Іуды къ возстанію Ханно изъ Газы. Далѣе, такъ какъ мы знаемъ, что отложеніе Хизкіи отъ Ассиріи было подготовлено исподволь, то слѣдуетъ предположить, что сооруженіе водопровода относится къ началу его царствованія.

Водопроводъ Хизкіи, безъ сомнѣнія, былъ созданъ въ цѣляхъ обороны Іерусалима на случай осады. Въ Іерусалимѣ, въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, нѣтъ текучей воды. Единственный болѣе значительный источникъ близъ города—Гихонъ (нынѣ т. наз. „источникъ Маріи"), на южномъ склонѣ холма, на которомъ нѣкогда стояла древняя крѣпость Давида, а теперь высился дворецъ царя. Невольно напрашивалась мысль провести воду изъ Гихона внутрь городскихъ стѣнъ, чтобы на всякій случай имѣть достаточное водоснабженіе. Такъ былъ созданъ водопроводъ въ видѣ канала, ведущаго отъ Гихона до пруда Шилоаха. О сооруженіи этого канала мы узнаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ найденной въ немъ въ 1880 г. древне-еврейской надписи [1])

[1]) Надпись эта гласитъ: „(Это) прорытіе... и вотъ каковъ былъ ходъ прорытія:.. когда (каменотесы подняли) кирки другъ противъ друга, и когда еще (оставалось прорыть) три локтя, (то раздался) голосъ одного, кричавшаго другому. Ибо (образовалась) трещина въ скалѣ справа. И (встали) въ день прорытія каменотесы и ударили другъ противъ друга, кирка противъ кирки, и потекла вода изъ выходного отверстія въ прудъ на разстояніи 1200 локтей. И сто локтей была вышина скалы надъ головой (каменотеса)".

Къ сожалѣнію, надпись не даетъ никакихъ указаній относительно времени прорытія канала черезъ южной отрогъ храмовой горы. Но такъ какъ книга Царей разсказываетъ о Хизкіи, что онъ „соорудилъ прудъ и водопроводъ и провелъ воду въ городъ", а книга Хроникъ прямо относитъ это сообщеніе къ каналу Шилоахъ, то едва ли можно сомнѣваться, что Хизкія былъ создателемъ именно этого канала и одного изъ прудовъ Шилоаха.

Такимъ образомъ, молодой Хизкія, не ограничиваясь реформой культа, съ самаго начала своего правленія заботился объ увеличеніи своей арміи и вообще объ укрѣпленіи своей военной мощи. Отсюда мы въ правѣ заключить, что съ перемѣной престола повѣяло новымъ духомъ и въ религіозной и политической жизни Іуды. Царь сталъ прислушиваться къ голосу партіи, находившейся подъ вліяніемъ Египта и враждебной Ассиріи, партіи „патріотовъ", возбуждавшей къ отложенію отъ Ассиріи. Если разрывъ не случился еще раньше, чѣмъ онъ произошелъ въ дѣйствительности, то это слѣдуетъ приписывать только вліянію Исаіи.

Начало канала Шилоаха.

Санхерибъ принимаетъ дань отъ жителей побѣжденнаго Лахиша.

2. Санхерибъ въ Палестинѣ.

Не успѣлъ Саргонъ послѣ битвы при Рафіи покинуть Палестину, какъ здѣсь снова было организовано сопротивленіе. Вмѣсто усмиренной Газы очагомъ движенія становится теперь Ашдодъ. И царю его, Азури, удалось, повидимому, склонить южно-палестинскія народности, въ томъ числѣ и Іуду, къ совмѣстному выступленію противъ Ассиріи, внушивъ имъ надежду на помощь со стороны Египта. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ Саргонъ, тогда какъ библейскія данныя умалчиваютъ объ участіи Хизкіи въ экспедиціи Ашдода или ограничиваются по этому предмету лишь нѣкоторыми намеками (Ис. гл. 20). По всей вѣроятности, когда Саргонъ отправилъ свое войско въ Палестину, союзники успѣли отдѣлиться отъ Азури, такъ что ассирійскій полководецъ, котораго Исаія называетъ Тартаномъ, имѣлъ дѣло лишь съ Ашдодомъ. Осада Ашдода кончилась, какъ и слѣдовало ожидать, взятіемъ города. Жители его были уведены въ плѣнъ (711 г.).

И въ этомъ случаѣ также рѣшающую роль сыграли заманчивыя обѣщанія Египта. Мнѣніе Исаіи о нихъ съ полной ясностью высказано въ одной изъ тѣхъ немногихъ его рѣчей, время произнесенія которыхъ мы можемъ установить съ полной достовѣрностью. Въ главѣ 20-ой онъ, по поводу осады Ашдода, предсказываетъ египтянамъ и эѳіопамъ скорую гибель отъ Ассиріи, предстоящую имъ въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ [1]). Іудѣ же, разсчитывающему на своего ненадежнаго

[1]) То обстоятельство, что Исаія въ данномъ случаѣ ошибся, далеко еще не служитъ доказательствомъ противъ подлинности предсказанія; напротивъ, ошибка Исаіи скорѣе подтверждаетъ подлинность. Слѣдуетъ также отмѣтить, что именно въ то время положеніе въ Египтѣ вполнѣ оправдывало такое, хотя и не сбывшееся, ожиданіе.

друга, гибель послѣдняго, по словамъ пророка, принесетъ ужасъ и посрамленіе. „Если такова участь тѣхъ, на кого мы надѣялись, къ кому мы бросились, ища помощи и спасенія отъ царя Ассиріи,—то какъ же намъ уцѣлѣть?“. Такія опасенія предвидитъ пророкъ въ скоромъ времени въ Іудѣ и во всей остальной Палестинѣ.

Насколько опредѣленно Исаія высказывался ранѣе противъ присоединенія къ Ассиріи, настолько же энергично пророкъ въ настоящее время возстаетъ противъ мысли объ отпаденіи отъ нея. Вотъ почему въ рѣчи изъ главы 20-ой мы находимъ нѣчто въ родѣ энергичнаго предостереженія по адресу Хизкіи и его совѣтниковъ. Если ассирійское верховенство, естественно, приносило Іудѣ немало униженій, изъ коихъ уплата ежегодной дани являлась далеко не самымъ тяжкимъ, то, съ другой стороны, дружба Египта казалась Исаіи отнюдь не болѣе безкорыстной, и все то, что она на самомъ дѣлѣ могла дать, не болѣе надежнымъ.

Послѣ паденія Ашдода, ассирійское войско при жизни Саргона уже ни разу не вступало болѣе на территорію Палестины. Саргона до конца его жизни непрерывно отвлекали дѣла на сѣверѣ и востокѣ. Послѣ семнадцатилѣтняго царствованія, отмѣченнаго неустанной дѣятельностью и увѣнчаннаго небывалами успѣхами, Саргонъ умеръ въ 705 г., вѣроятно, отъ руки убійцы. Его мѣсто занялъ сынъ его Сеннахерибъ, библейскій Санхерибъ (705—681), наиболѣе жестокій и наиболѣе жадный до новыхъ земель изъ всѣхъ завоевателей, выдвинутыхъ Ассиріей. Если продолжительное пребываніе ассирійскихъ войскъ вдали отъ западной границы могло возродить среди сирійско-палестинскихъ народностей мысль о возстановленіи своей самостоятельности, то, вѣроятно, убійство Саргона и явившіяся его послѣдствіемъ смуты въ Ассиріи и Вавилоніи послужили желаннымъ поводомъ къ формальному возобновленію стараго оборонительнаго союза противъ Ассиріи.

Казалось, обстоятельства складывались теперь особенно благопріятно. Въ Египтѣ, гдѣ пораженіе при Рафіи и паденіе Ашдода, естественно, не могли не повліять отрицательно на внутреннее положеніе въ странѣ, ко времени смерти Саргона престолъ занималъ еще эѳіопскій узурпаторъ Сабако. Онъ имѣлъ, конечно, полное основаніе энергично продолжать въ Сиріи политику борьбы съ ассирійскимъ вліяніемъ, какъ въ интересахъ своего царства, подвергавшагося серьезной опасности, такъ и ради укрѣпленія своего трона. Уже при немъ позднѣйшій узурпаторъ Тирхака, принимавшій участіе въ походѣ Сабако въ нижній Египетъ и не возвращавшійся съ тѣхъ поръ въ Эѳіопію, успѣлъ оказать государству важныя услуги; болѣе того, онъ, вѣроятно, уже тогда фактически являлся хозяиномъ политическаго положенія въ Египтѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ начала царствованія Санхериба (ок. 711—689) египетскій престолъ переходитъ къ Сабатака. И при немъ, надо думать, главнымъ руководителемъ политики въ странѣ оставался тотъ же Тирхака вплоть до 690/89 г., когда самъ онъ занялъ престолъ. Съ другой стороны, въ Вавилонѣ появляется новый серьезный противникъ ассиріянъ въ лицѣ халдея Меродахъ-

Баладана. Уже Саргону не разъ приходилось сталкиваться съ Меродахъ-Баладаномъ. При вступленіи Саргона на престолъ Меродахъ провозгласилъ себя царемъ Вавилоніи, и ему удалось въ теченіе 12 лѣтъ владычествовать тамъ. Лишь къ концу своего царствованія (710 или 709 г.) Саргонъ одолѣлъ Меродахъ-Баладана. Послѣдній бѣжалъ въ Эламъ. Но едва Саргонъ закрылъ глаза, какъ неутомимый Меродахъ-Баладанъ вновь появляется на горизонтѣ. Въ 702 г. онъ успѣваетъ вновь захватить въ свои руки царскую власть въ Вавилоніи.

Меродахъ-Баладанъ всю свою долгую жизнь посвятилъ борьбѣ съ Ассиріей. Насколько серьезно этотъ упорный и предпріимчивый воинъ относился къ поставленной себѣ задачѣ, доказываетъ тотъ фактъ, что даже на дальнемъ западѣ онъ ищетъ союзниковъ для борьбы съ ассиріянами. Библейская книга Царей сохранила воспоминаніе объ этихъ стремленіяхъ халдейскаго царя въ разсказѣ о томъ, какъ Меродахъ-Баладанъ, по поводу выздоровленія Хизкіи послѣ тяжкой болѣзни, отправилъ къ нему съ привѣтствіемъ пословъ, которымъ Хизкія показалъ свои богатыя сокровищницы и арсеналы. Несомнѣнно, однако, что главная задача посольства, о которой библейскій повѣствователь, правда, умалчиваетъ, состояла въ томъ, чтобы склонить Хизкію ко вступленію въ союзъ противъ Ассиріи.

И въ самомъ дѣлѣ, палестинскимъ государствамъ трудно было сохранить спокойствіе, когда Египетъ на югѣ и Вавилонъ на востокѣ призывали ихъ къ дѣйствію и обѣщали имъ помощь. Кто могъ знать, не посчастливится ли имъ добиться такого же успѣха, какого Меродахъ-Баладану удалось вторично добиться въ Вавилонѣ? Надлежало лишь дѣйствовать сплоченно и выбрать надлежащій моментъ. На сѣверѣ центръ движенія находился, по всей вѣроятности, въ Сидонѣ, а на югѣ, послѣ паденія Газы и Ашдода,—въ филистимскихъ городахъ Ашкелонѣ и Экронѣ. Однако особенно важнымъ представлялось, повидимому, участіе въ задуманномъ дѣлѣ Хизкіи, такъ какъ къ нему было снаряжено особое посольство. Несомнѣнно, что впослѣдствіи Хизкія игралъ въ союзѣ руководящую роль.

Хизкія, вѣроятно, недолго колебался. И въ Іерусалимѣ и при дворѣ партія, настаивавшая на войнѣ, пользовалась большимъ вліяніемъ. Правда, ей противодѣйствовала партія трезво-мыслящихъ и благоразумныхъ, но она и въ Іудѣ, какъ и всюду, была въ меньшинствѣ. Во главѣ ея стоялъ Исаія. Въ разрывѣ съ Ассиріей онъ усматриваетъ начало новыхъ несчастій, надвигающихся на Іудею, ибо онъ ясно представлялъ себѣ положеніе вещей.

Такъ, вскорѣ послѣ убійства Саргона, еще въ царствованіе Ахаза, Исаія, памятуя о судьбѣ Газы и Ашдода, восклицалъ, обращаясь къ филистимлянамъ: нечего филистимской землѣ проявлять чрезмѣрную радость по поводу того, что сломана палка, наносившая ей удары; изъ змѣи произрастетъ василискъ, и плодомъ ея будетъ драконъ. Далѣе, въ 711 г. онъ настойчиво предостерегалъ Іуду отъ необдуманныхъ шаговъ. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ планъ возстанія приближается къ своему осуществленію, Исаія со всей энергіей старается рас-

крыть передъ Іерусалимомъ грозящую ему опасность, стремясь предотвратить рѣшительный шагъ. Вѣроятно, цѣлый циклъ рѣчей Исаіи, гл. 28—31, относится къ этому періоду замысловъ и плановъ. Рѣчи произносились, вѣроятно, параллельно прохожденію задуманнаго дѣла черезъ различныя стадіи, вплоть до самаго момента катастрофы. Пророкъ напрягаетъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы удержать царя и народъ на пути благоразумія и осторожности.

Горе, Аріэлю, Аріэлю, городу, гдѣ Давидъ разбилъ лагеры! [1])
Прибавляйте годъ къ году, совершайте чередъ праздниковъ—
А я буду тѣснить Аріэль, такъ что въ немъ раздадутся вопли и стоны,
И ты будешь мнѣ (поистинѣ) Аріэль! [2])
И я разобью лагерь противъ тебя со всѣхъ сторонъ.
Стѣсню тебя насыпями и валы сооружу противъ тебя [3]).

Въ особенности союзъ съ Египтомъ внушаетъ Исаіи самыя серьезныя опасенія. Въ своей рѣчи онъ, шагъ за шагомъ, разбираетъ переговоры съ фараономъ, которые велись съ величайшей таинственностью. При этомъ онъ съ крайнимъ неуваженіемъ отзывается о странѣ фараоновъ. Онъ не ждетъ отъ нея блага для Іуды и опасается лишь новыхъ осложненій: египтяне для него люди, а не богъ, и кони ихъ плоть, а не духъ.

Горе упрямымъ сынамъ! говоритъ Іагве:
Замышляете вы планы, но не отъ меня,
Заключаете союзъ, но безъ моей воли...
Собираетесь въ путь въ Египетъ, не спросивъ устъ моихъ,
Чтобы защититься защитою фараона, укрыться въ тѣни Египта...
Чрезъ страну нужды и ужаса,
Гдѣ гнѣздятся левъ и львица, ехидна и драконъ летающій,
Потащатъ они на спинахъ ословъ добро свое,
На горбахъ верблюдовъ сокровища свои--
Къ народу, который не поможетъ ничѣмъ! [4])

Содержаніе рѣчей Исаіи противъ Египта показываетъ, что всѣ старанія пророка были тщетны. Послы Хизкіи уже находятся по пути въ Египетъ—и, конечно, везутъ съ собою богатые дары. Послѣдняя надежда Исаіи заключалась въ томъ, что ихъ вернутъ обратно съ дороги, и что союзъ съ Египтомъ будетъ расторгнутъ. Но и эта надежда не оправдывается. Анти-ассирійская, дружественная Египту, партія въ Іерусалимѣ получаетъ, повидимому, все болѣе и болѣе значительный перевѣсъ. Хизкія рѣшилъ не упускать благопріятнаго момента; онъ мечтаетъ о возстановленіи самостоятельности Іуды, а можетъ быть и о возстановленіи Давидова царства. Онъ безъ оговорокъ присоеди-

---

[1]) אריאל—по Іезек. 43, 15 обозначаетъ ту часть алтаря для всесожженій, гдѣ разводится огонь; слѣдов., слово собственно означаетъ „жертвенный очагъ". Здѣсь, повидимому, слово употреблено въ смыслѣ образнаго изображенія той наиболѣе священной части города, гдѣ Давидомъ былъ поставленъ алтарь, а Соломономъ сооруженъ храмъ *Прим. ред.*

[2]) Т.-е. Іерусалимъ обагрится кровью и загорится, какъ жертвенный очагъ.

[3]) Ис. 29, 1—3.

[4]) Ис. 30, 1, 2, 6.

няется къ всеобщему возстанію и занимаетъ даже, повидимому, выдающееся положеніе среди союзниковъ: именно, самъ Хизкія побѣждаетъ и беретъ въ плѣнъ Пади, царя Экрона, сохраняющаго вѣрность Ассиріи.

Однако даже теперь, когда Іуда пошелъ по ложному пути, Исаія не оставляетъ надежды. Несмотря на свое безуміе, Іуда не можетъ окончательно погибнуть: Іагве не оставитъ дома Давида и не отдастъ врагамъ своего священнаго города. Но спасеніе придетъ не оттуда, откуда ждутъ его вожди Іуды, и всего менѣе изъ Египта: одинъ Іагве принесетъ Іудѣ помощь. И спасеніе кажется взору пророка болѣе близкимъ, чѣмъ ранѣе. Но оно строится уже не на уничтоженіи Іуды: въ бѣдствіяхъ осады пророкъ видитъ искупленіе, изъ котораго Іуда выйдетъ чудесно спасеннымъ, выйдетъ очищеннымъ, новымъ и угоднымъ Іагве народомъ. Предстоящій судъ погубитъ лишь грѣшниковъ, городъ и храмъ Іагве устоятъ передъ нимъ; Сіонъ—нерушимый краеугольный камень, о который разобьются всѣ вражескія силы.

Такъ выясняется религіозное и политическое credo Исаіи въ эту бурную эпоху. Восклицаніе, обращенное прежде къ Ахазу, онъ нынѣ повторяетъ почти буквально: „кто вѣруетъ, тотъ устоитъ" (28, 16). Пророкъ твердо увѣренъ, что Іагве поведетъ свой народъ по вѣрному пути, если Іуда будетъ возлагать свои надежды на своего бога. Отъ Іуды требуется только то, чего Исаія уже давно—правда безуспѣшно—требовалъ отъ Ахаза,—спокойнаго упованія на Іагве: „въ спокойствіи и упованіи вы обрѣли бы силу и спасеніе—но вы не пожелали!" (30, 15). Напротивъ, всякая самопомощь въ видѣ политическихъ и военныхъ мѣропріятій и, прежде всего, союзъ съ Египтомъ—есть зло.

Тутъ передъ нами вновь Исаія временъ Ахаза. Для него и политика есть прежде всего проблема религіозная; ее, въ конечномъ итогѣ, творитъ Іагве, и люди должны дѣйствовать сообразно ея цѣлямъ, въ противномъ же случаѣ они будутъ посрамлены. Передъ нами прежняя смѣлость и величіе религіознаго идеализма, прежняя возвышенная чистота религіознаго міросозерцанія, зиждущагося на вѣрѣ.

Мы знаемъ, какъ Саргонъ и, еще ранѣе, Тиглатъ-Пилесеръ III поступили съ царствомъ Эфраима. Исаія впервые въ 733 г. имѣлъ случай наблюдать систему ассирійской политики, представлявшуюся варварской даже и съ точки зрѣнія этическихъ понятій древности,—систему, состоявшую въ томъ, что цѣлые народы, сопротивленіе которыхъ желательно было сломить, насильно вырывались изъ той почвы, въ которой они пустили корни, и такимъ образомъ лишались питавшихъ ихъ жизненныхъ соковъ. Безъ сомнѣнія, частое появленіе ассирійскихъ войскъ въ Палестинѣ послѣ 722 года не разъ давало случай наблюдать всю жестокость ихъ принциповъ и всю безчеловѣчность ихъ мѣропріятій. Такая политика Ассиріи укрѣпляла въ Исаіи увѣренность въ томъ, что великая ассирійская монархія обречена на гибель. Онъ прилагаетъ мѣрило незыблемаго для него нравственнаго міропорядка къ поведенію Ассиріи: оцѣниваемая съ точки зрѣнія та-

кого критерія, Ассирія должна погибнуть; судъ исторіи произнесъ уже надъ ней свой приговоръ. Правда, Іагве сдѣлалъ Ассирію орудіемъ своего гнѣва, чтобы покарать безбожные народы. Но Ассирія думаетъ иначе; она хочетъ покарать ихъ и въ то же время уничтожить, дѣйствуя отъ собственнаго имени, а не какъ орудіе Іагве; она хочетъ посягнуть на Сіонъ, на то мѣсто, гдѣ стоитъ алтарь Іагве, гдѣ самъ Іагве имѣетъ мѣстопребываніе—и за эту дерзость она должна погибнуть. „Собственными силами совершилъ я это, моею мудростью, ибо я уменъ. Я перемѣщаю границы народовъ... какъ берутъ снесенныя яйца, такъ я захвачу весь міръ въ свои руки". Это—одна изъ грандіознѣйшихъ рѣчей Исаіи; вмѣстѣ съ тѣмъ это первая попытка создать универсальную философію исторіи съ точки зрѣнія нравственнаго начала: всемірная исторія есть всемірный судъ [1]).

Вернемся, однако, къ Санхерибу. Ассирійскій царь, несомнѣнно, поступалъ умно, не обращая на первыхъ порахъ вниманія на палестинское возстаніе, хотя возставшихъ и поддерживалъ Египетъ. Онъ рѣшилъ вырвать зло съ корнемъ; корень же былъ въ Вавилонѣ. Надлежало сначала одолѣть стараго мятежника Меродахъ-Баладана. Въ 702 г. Санхерибу удается справиться съ нимъ; теперь у него развязаны руки, и въ 701 г. онъ идетъ на западъ. По собственнымъ подробнымъ сообщеніямъ Санхериба, его походъ въ Сирію распадается на нѣсколько отдѣльныхъ операцій. Сначала онъ приступаетъ къ усмиренію финикійскихъ городовъ отъ Сидона до Акко. Въ Сидонѣ Санхерибъ возводитъ на престолъ нѣкоего Эшбаала и отдаетъ ему нѣсколько финикійскихъ городовъ, чтобы создать противовѣсъ Тиру. Завоевать Тиръ ему, повидимому, не удалось. Отсюда Санхерибъ обращается на югъ, противъ филистимскихъ городовъ Ашкелона и Экрона. Ему удается побѣдить ашкелонскаго царя Цедека, котораго онъ, въ качествѣ плѣнника, отправляетъ въ Ассирію. Одновременно съ наступленіемъ ассирійцевъ на Экронъ на выручку послѣдняго приближается отрядъ египтянъ и эѳіоповъ. Сраженіе происходитъ при Альтаку, или Эльтеке. Самъ Санхерибъ похваляется большой побѣдой, будто бы имъ здѣсь одержанной. Во всякомъ случаѣ, ассиріяне удержали за собой поле сраженія, и путь въ Экронъ теперь Санхерибу открытъ. Городъ достается послѣднему, онъ жестоко расправляется съ мятежниками и заставляетъ ихъ впослѣдствіи вновь признать своимъ царемъ изгнанаго Пади.

Тѣмъ временемъ большая часть остальныхъ отпавшихъ государствъ предпочла подчиниться Санхерибу: таковы Аммонъ, Эдомъ, Моабъ. Только Іуда продолжаетъ оказывать сопротивленіе. Послѣднюю операцію похода Санхериба составляютъ военныя дѣйствія противъ Хизкіи. Здѣсь мы можемъ черпать свѣдѣнія уже изъ Библіи. Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что Санхерибъ не использовалъ своей побѣды при Эльтеке и такимъ образомъ далъ египтянамъ возможность оправиться. Это заставляетъ думать, что побѣда досталась Санхерибу не безъ существеннаго ущерба для него самого, такъ что Хиз-

[1]) Ис. 10, 5—19. Отрывокъ относится, вѣроятно, къ 711 г.

кія могъ рискнуть продолжать сопротивленіе. Библейскія извѣстія, если мы ихъ вѣрно понимаемъ, это подтверждаютъ. Согласно этимъ извѣстіямъ, Санхерибъ направилъ свои дѣйствія противъ укрѣпленныхъ городовъ Іудеи и завоевалъ ихъ, въ томъ числѣ старинный Лахишъ. Это было необходимо лишь въ томъ случаѣ, если Хизкія не соглашался сложить оружіе. И только послѣ паденія крѣпостей Хизкія рѣшается подчиниться Санхерибу. Послы Хизкіи сообщаютъ о его рѣшеніи въ Лахишъ, въ главную квартиру ассиріянъ. Санхерибъ требуетъ уплаты дани въ размѣрѣ 300 талантовъ серебра и 30 талантовъ золота. Хизкія доставляетъ дань не безъ крайняго напряженія. Чтобы собрать эту сумму, приходится взять все, что есть драгоцѣннаго въ храмѣ и въ сокровищницахъ царя. Одновременно съ этимъ Хизкія выдалъ, вѣроятно, находившагося у него въ плѣну, царя экронскаго Пади, котораго Санхерибъ и возвелъ обратно на престолъ. Однако Санхерибъ не довольствуется данью. Получивъ ее, онъ требуетъ сдачи ему столицы. Онъ посылаетъ къ Іерусалиму военный отрядъ подъ начальствомъ своего „рабшаке",—безъ сомнѣнія, одного изъ высшихъ сановниковъ,—чтобы добиться сдачи. Переговоры, которые рабшаке ведетъ съ высшими сановниками Хизкіи, съ начальникомъ дворца Эльякимомъ бенъ-Хилькія, государственнымъ писцомъ Шебной и канцлеромъ Іоахомъ бенъ-Асафъ, оказываются безрезультатными. Посолъ Санхериба приступаетъ къ осадѣ города.

Въ Іерусалимѣ, согласно библейскому разсказу, царитъ уныніе вслѣдствіе неудачнаго исхода переговоровъ. Хизкія разрываетъ на себѣ одежды и взываетъ къ Исаіи о заступничествѣ передъ Іагве. Но Исаія и теперь еще увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. „Поистинѣ"—такъ будто бы воскликнулъ онъ, возвѣщая Хизкіи изреченіе Іагве относительно Санхериба: „я внушу ему, чтобы онъ услышалъ вѣсть и возвратился въ свою страну, и въ странѣ его я погублю его мечомъ". И дѣйствительно, получается извѣстіе объ отступленіи Санхериба изъ Лахиша; рабшаке, при этомъ извѣстіи, прервалъ, повидимому, на время осаду Іерусалима. Оставленіе Лахиша находилось, вѣроятно, въ связи съ извѣстіемъ о наступленіи фараона Тирхаки противъ Санхериба; это извѣстіе, согласно сообщенію библейской книги Царей, побуждаетъ также Санхериба не только отказаться отъ возобновленія осады Іерусалима, но и вообще начать отступленіе изъ Палестины. Можетъ быть, на рѣшеніе царя повліялъ сомнительный исходъ битвы при Эльтеке. Но рѣшающее значеніе для Санхериба, безъ сомнѣнія, имѣли тревожныя извѣстія, полученныя съ востока. Вполнѣ понятно, что библейскій повѣствователь не имѣлъ о нихъ болѣе точныхъ свѣдѣній. Другое извѣстіе нашей книги Царей, которое нашло отраженіе и у Геродота [1]), сообщаетъ о сильной чумѣ въ ассирійскомъ лагерѣ, при помощи которой ангелъ Іагве погубилъ будто бы за ночь 185.000 ассиріянъ. Весьма возможно, что и этому извѣстію соотвѣтствуетъ историческій

[1]) Полевыя мыши—такъ сообщаетъ Геродотъ—забрались ночью въ лагерь Санхериба. Мышь есть образъ чумы (ср. I Сам. 6).

фактъ и что, дѣйствительно, уходъ Санхериба есть результатъ цѣлаго ряда причинъ.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что воспроизведенныя здѣсь извѣстія книги Царей въ основныхъ чертахъ совпадаютъ съ дѣйствительнымъ ходомъ событій. Ибо именно тѣ ихъ составныя части, которыя мы находимъ и въ ассирійскихъ извѣстіяхъ, поразительно съ послѣдними совпадаютъ. Таковы сообщенія о нападеніи Санхериба на Іудею, о подчиненіи Хизкіи и осадѣ Іерусалима. Санхерибъ сообщаетъ, что у іудея Хизкіи, который не пожелалъ ему покориться, онъ отобралъ 46 городовъ и укрѣпленій и безчисленныя селенія и засчиталъ въ свою добычу 200.150 плѣнныхъ разнаго возраста и пола [1]). „Его самого я заперъ, какъ птицу, въ его резиденціи, Іерусалимѣ"... Въ дополненіе къ прежней дани, онъ наложилъ на него новую, ибо Хизкія былъ ослѣпленъ блескомъ его державы, а именно: 30 талантовъ золота и 800 талантовъ серебра, а равно украшенія изъ слоновой кости и драгоцѣнное дерево, и сверхъ того потребовалъ выдачи его дочерей и женъ, пѣвцовъ и пѣвицъ.

Если не считать очевиднаго преувеличенія, которое допускаетъ ассирійскій царь при опредѣленіи числа попавшихъ ему въ плѣнъ людей и размѣра дани, и если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что самъ Санхерибъ н е г о в о р и т ъ о в з я т і и І е р у с а л и м а, а только объ уплатѣ дани, то нельзя не видѣть, что и въ ассирійскихъ свѣдѣніяхъ ясно сквозитъ сознаніе того факта, что Санхерибу пришлось отступить, не успѣвъ овладѣть Іерусалимомъ. И во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ является фактъ к а т а с т р о ф ы того или иного рода.

Исаія оказался правымъ, и съ нимъ—его богъ Іагве: доселѣ ни одно предсказаніе не оправдывалось такъ блестяще. Еще при Саргонѣ,—и во всякомъ случаѣ, тогда, когда Санхерибъ былъ еще далеко, ранѣе окончательнаго разрыва съ Ассиріей, Исаія проникся увѣренностью, что Іагве не выдастъ своего города, если на него совершено будетъ нападеніе. Увѣренность эта лишь окрѣпла, когда Санхерибъ двинулся въ походъ и напалъ на Іуду. Чѣмъ сильнѣе былъ страхъ въ Іерусалимѣ, тѣмъ непоколебимѣе была радостная увѣренность Исаіи въ побѣдѣ. И когда Санхерибъ принялъ дань Хизкіи и сталъ требовать сдачи Іерусалима, то пророкъ увидѣлъ въ этомъ низкое предательство, за которое Іагве не можетъ не покарать:

Горе тебѣ, опустошителю, кто самъ еще не испыталъ опустошенія!
Горе тебѣ, предателю, кто самъ еще не узналъ измѣны!
Опустошалъ ты до конца—самъ будешь опустошенъ!..

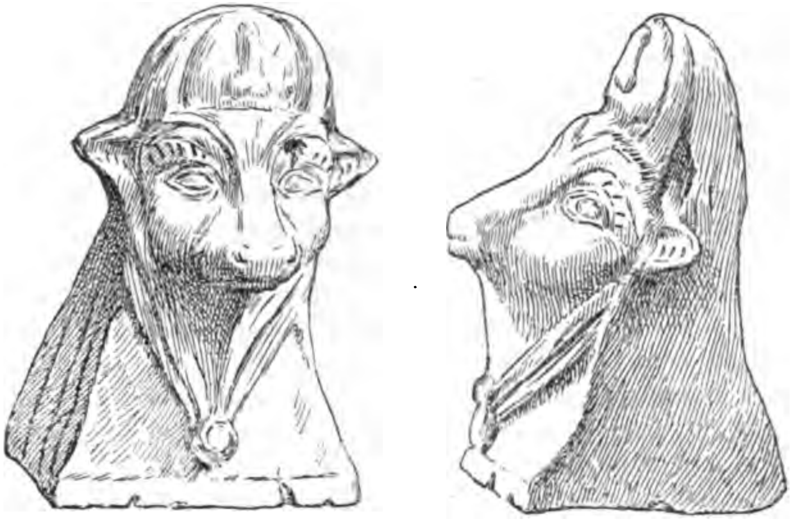
А Іерусалимъ, напротивъ, будетъ торжествовать:

Гдѣ тотъ, кто считалъ (дань)? гдѣ тотъ, кто вѣшалъ?
Гдѣ тотъ, кто считалъ башни?
Чужого народа ты больше не увидишь,
Народа съ темнымъ, непонятнымъ языкомъ! [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ не о дѣйствительномъ уводѣ, но о демонстраціи, имѣвшей цѣлью показать установленіе ассирійскаго владычества.

[2]) Ис. 33, 1 и сл., 18 и сл.

Такъ называемая голова Молоха.

3. Менаше. Амонъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Хизкіи намъ ничего неизвѣстно. Также и Исаія послѣ 701 года скрывается отъ нашего взора. Положеніе Іудеи послѣ отступленія Санхериба было незавидно. Хизкія продолжаетъ оставаться вассаломъ Ассиріи, тѣмъ болѣе, что Санхерибъ, хотя и не возвращается болѣе въ Палестину, однако на востокѣ одерживаетъ большія побѣды, при чемъ ему удается даже завоевать и разрушить Вавилонъ. Страна Хизкіи, послѣ перенесенныхъ бѣдствій войны и послѣ продолжительной изолированности, находилась, вѣроятно, въ тяжеломъ состояніи. Но всѣ страданія ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ гордости, которое въ правѣ была питать изъ всѣхъ южно-палестинскихъ государствъ одна Іудея. Величайшій изъ земныхъ владыкъ, передъ которымъ склонялись всѣ царства земли, разбился о скалу Сіона. Это радостное сознаніе могло способствовать тому, что Іуда скоро оправился отъ нанесенныхъ ему ранъ. Можетъ быть, именно къ этому времени слѣдуетъ отнести извѣстія объ успѣшной борьбѣ Хизкіи противъ филистимлянъ. Возможно, что послѣ ухода Санхериба Хизкіи удалось вернуть Іудѣ нѣкоторыя области, которыя Санхерибъ роздалъ отдѣльнымъ филистимскимъ князьямъ. Во всякомъ случаѣ, уваженіе къ Іагве и Сіону должно было безконечно возрасти подъ вліяніемъ успѣшнаго исхода борьбы Іуды съ Ассиріей. Исаія оказался правъ, когда утверждалъ, что гора Сіонъ выше всѣхъ горъ и что Іагве защититъ свой „божественный очагъ“.

Однако со смертью Хизкіи картина сразу рѣзко мѣняется. О сынѣ его Менаше (686—641), который вступилъ будто бы на престолъ въ 12-тилѣтнемъ возрастѣ, книга Царей сообщаетъ, что онъ возобновилъ прежніе культы. Онъ возстановилъ высоты, упраздненныя Хизкіей, вновь выстроилъ алтари Ваала и вернулъ въ іерусалимскій храмъ удаленныя изъ него ашеры. Онъ вновь вводитъ ханаанейскій обычай

жертвоприношенія дѣтей и всякія формы колдовства и чародѣйства. Ассирійскій культъ небесныхъ свѣтилъ также находитъ въ немъ горячаго приверженца.

Такъ началась бурная реакція противъ политики Хизкіи и іерусалимскихъ жрецовъ. Народная религія не желала отказаться отъ стараго, полнаго непосредственности, жизнерадостнаго культа съ его жертвенниками на высотахъ, священными изображеніями и традиціонными святынями. Эта реакція нашла себѣ горячую поддержку со стороны жрецовъ, служившихъ въ мѣстныхъ святилищахъ. Поддержка была вполнѣ естественна: какъ мы видѣли, вѣроятно, уже Хизкія при проведеніи своихъ реформъ въ значительной степени подчинялся іерархическимъ тенденціямъ жреческаго сословія въ Іерусалимѣ. При крупныхъ святилищахъ и великолѣпныхъ зданіяхъ храмовъ всегда создается властолюбивое и стяжательное жреческое сословіе [1]). Подобное явленіе не могло не обнаружиться и при іерусалимскомъ храмѣ. Раньше, во времена Давида и Соломона, царь назначалъ жрецовъ. Теперь картина мѣняется: мы видѣли, когда рѣчь шла о Іоашѣ, что жрецъ возвелъ на престолъ царя. Выгода, которую жрецы іерусалимскаго храма могли получить вслѣдствіе отмѣны нѣкоторыхъ древнихъ, а также ряда новыхъ культовъ, была слишкомъ очевидна для того, чтобы они упустили моментъ ею воспользоваться; но одновременно съ этимъ они навлекли на себя вражду болѣе мелкихъ жрецовъ, служившихъ на высотахъ и въ другихъ старинныхъ мѣстахъ культа. Такъ создалась почва для реакціи со стороны мѣстнаго жречества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную роль могли играть политическія соображенія совѣтниковъ царя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ассирійскимъ культамъ. Если предсказанія Исаіи заслуживали довѣрія, то именно теперь и должна была начаться для Іуды пора безмятежнаго благоденствія: Ассиріи предстояла погибель, а Іерусалимъ и Іуда вправѣ были со все возрастающей гордостью взирать на окружающее. Но всѣ эти ожиданія совсѣмъ не оправдывались на дѣлѣ. Въ дѣйствительности Ассирія именно теперь достигла апогея своего величія, а Іуда, хотя и оказалъ успѣшное сопротивленіе этому колоссу, не могъ, однако, и думать о томъ, чтобы пріобрѣсти въ ближайшемъ будущемъ какое-либо серьезное значеніе. Іудейское царство было и оставалось вассаломъ Ассиріи, которая въ это время была на пути къ достиженію послѣдней цѣли своей завоевательной политики—на пути къ захвату Египта [2]).

---

[1]) Въ особенности поучительно прослѣдить, какъ въ Египтѣ крупные храмы захватываютъ громадныя земельныя имущества, управляемыя при помощи сложнѣйшаго административнаго аппарата, и какъ при нихъ образуется могущественная іерархія; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, любопытно наблюдать, какъ неизмѣнно національная религія возстаетъ противъ реформъ, связанныхъ именно съ этой іерархіей. Великій богъ слишкомъ далекъ для народныхъ массъ; онѣ не хотятъ забыть своихъ болѣе мелкихъ заступниковъ.

[2]) Преемникомъ Санхериба былъ сынъ его Ассаргаддонъ (680—668). Онъ стремился къ тому, чтобы вновь укрѣпить положеніе ассиріянъ въ Сиріи, сильно пошатнувшееся вслѣдствіе неудачъ Санхериба. Эту задачу онъ выполнилъ блестяще. Среди вассальныхъ государей, платящихъ ему дань, упоминается также Ме-

Такое положеніе дѣлъ легко могло охладить воодушевленіе сторонниковъ Іагве. Невольно возникалъ вопросъ: кто же, собственно, одержалъ въ концѣ-концовъ, побѣду, Санхерибъ или Хизкія, Іагве или боги Ассиріи? Правда, послѣ 701 г. Іудея наслаждалась продолжительнымъ и, повидимому, непрерывнымъ миромъ: но что значило спокойствіе подъ скипетромъ Ассиріи въ сравненіи съ тою картиною, которую предсказывалъ Исаія? А разъ Іуда на самомъ дѣлѣ жилъ лишь милостью Ассиріи, то было вполнѣ послѣдовательно не лишать ассирійскихъ боговъ причитавшагося имъ, на ряду съ Іагве, уваженія. Ассирійская партія, долгое время державшаяся въ сторонѣ и, вслѣдствіе успѣховъ Хизкіи, отошедшая на задній планъ, вновь могла смѣло поднять голову. Мало того, Менаше, при создавшемся положеніи вещей, могъ считать прямо желательнымъ всѣми мѣрами добиваться расположенія своего верховнаго властителя. Враждебное Ассиріи теченіе въ странѣ, во главѣ котораго стоялъ нѣкогда Исаія и которое вмѣстѣ съ тѣмъ было партіей друзей Іагве, руководимыхъ пророками и жрецами, перестало играть роль.

Такимъ образомъ, въ Іерусалимъ и въ храмъ одно за другимъ вновь проникаютъ ханаанейскія и ассирійскія божества и чужіе обряды богопочитанія, возрождаются высоты съ ихъ алтарями, ашеры и массебы вновь становятся составными частями израильскаго богослуженія, даже „кедеши", т.-е. жрицы, посвятившія себя проституціи въ честь Астарты, поселяются въ непосредственной близости храма. Возрождается обычай принесенія въ жертву дѣтей, который достигъ, повидимому, при Менаше особенно сильнаго распространенія. Въ долинѣ Гинномъ, въ ложбинѣ, расположенной на юго-западной окраинѣ Іерусалима, было устроено мѣсто, гдѣ сжигались дѣти, подвергшіяся закланію въ честь Мелеха (Молоха) [1]). Какъ было сказано, возобновляется и ассиро-вавилонскій культъ небесныхъ свѣтилъ. Въ іерусалимскомъ храмѣ вновь появляются колесницы и кони Солнца [2]), изображенія „небеснаго воин-

---

наше, царь іудейскій (Menasie sar Jaudi), а рядомъ съ нимъ Тиръ, Эдомъ, Моабъ, филистимляне, Аммонъ (673). На 3—5 гг. своего царствованія Ассаргаддонъ подчинилъ Сидонъ, а на 6—10 гг. (674—670) предприняль походъ въ Египетъ, разбилъ Тирхаку и овладѣлъ Мемфисомъ. Сынъ Ассаргаддона, Ассурбанипалъ (668—626), принужденъ предпринять новый походъ противъ Тирхаки. Онъ разбиваетъ его войско близъ Мемфиса, гдѣ находится Тирхака. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Тирхака бѣжитъ въ Өивы, которыми ассиріяне также овладѣваютъ (666). Множество мелкихъ князей и правителей, назначенныхъ еще Ассаргаддономъ, нынѣ вновь утверждаются. 22 вассальныхъ царя, въ томъ числѣ Менаше, доставляютъ великому царю свои войска для войны съ Тирхакой.

[1]) Въ II Цар. 21, 6; 23, 10 говорится о „проведеніи черезъ огонь"; судя по контексту и по другимъ указаніямъ Библіи, тутъ разумѣется именно принесеніе въ жертву посредствомъ сожженія (ср. Втор. 12, 31; II Цар. 17, 31; Іерем. 7, 31, гдѣ рѣчь идетъ о дѣйствительномъ принесеніи въ жертву дѣтей, при чемъ Іеремія имѣетъ въ виду именно жертвоприношенія въ долинѣ Гинномъ). Въ лицѣ Молоха мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ какимъ-либо изъ финикійскихъ Вааловъ, почитаніе котораго проникло въ эту эпоху въ Іудею.

[2]) II Цар. 23, 11, 12. Если судить по этому описанію, рѣчь идетъ о драгоцѣнной деревянной колесницѣ-тронѣ солнечнаго бога (Шамаша) и о живыхъ коняхъ,

ства", т.-е. созвѣздій зодіака; богъ солнца окруженъ цѣлымъ придворнымъ штатомъ небесныхъ существъ, звѣздъ, которыя въ качествѣ боговъ низшаго порядка также требуютъ себѣ поклоненія [1]). Несомнѣнно, возобновляется также культъ Адониса-Таммуза, который имѣлъ распространеніе, въ особенности среди женщинъ, еще въ эпоху Ахаза [2]). Всѣ эти чужеземные культы способствовали значительному подъему художественнаго вкуса и умѣнья въ искусствѣ и ремеслѣ. Изъ открытыхъ до сихъ поръ произведеній той эпохи наиболѣе выдающимися являются разрисованный сосудъ для воскуренія изъ Мегиддо (ср. таблицу при стр. 448—449) и, вѣроятно, также такъ называемый „жертвенникъ для воскуреній" изъ Таанаха.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это тѣсное сближеніе іудейскаго культа съ религіознымъ культомъ Ассиріи было лишь симптомомъ болѣе общаго явленія. Если такъ широко распространилось подражаніе Ассиріи въ дѣлахъ религіозныхъ, то, вообще, въ эпоху Менаше должно было совершиться тѣсное сближеніе съ Ассиріей въ области политической, а также и въ другихъ областяхъ. Примиряясь постепенно съ фактомъ вассальнаго подчиненія Ассиріи, народъ проникся уваженіемъ къ прежнему врагу и сталъ подражать ему. Бытъ и духовный укладъ ассиріянъ, ихъ обычаи и ихъ культура, покрой ихъ одежды—все это, несомнѣнно, вмѣстѣ съ ихъ религіей получило еще большее распространеніе, чѣмъ прежде.

Къ сожалѣнію, извѣстія, дошедшія до насъ объ этомъ важномъ 80-лѣтнемъ періодѣ (701—621) іудейской исторіи, такъ скудны, что мы не можемъ взять на себя смѣлость высказать болѣе или менѣе опредѣленныя сужденія относительно вліянія Ассиріи въ другихъ областяхъ, кромѣ области религіознаго культа. Многіе предполагаютъ, что именно въ эту эпоху синкретизма въ Іудею проникла ассиро-вавилонская миѳологія и переплелась съ древне-израильскими разсказами о первобытной исторіи міра и человѣка. Конечно, заимствованіе ассирійскихъ элементовъ въ миѳологіи могло произойти и значительно ранѣе, еще при Ахазѣ. Но теперь, во всякомъ случаѣ, вліяніе вавилонской миѳологіи должно было укрѣпиться. Въ частности, сторонники ассирійскихъ культовъ должны были занять опредѣленную позицію по отношенію къ ассиро-вавилонской жреческой философіи. Вводя въ Іерусалимѣ вавилонскую астральную религію, съ богами солнца, луны и другихъ небесныхъ свѣтилъ, приходилось, волей-неволей, примѣнять къ Іагве также и ученіе вавилонскихъ жрецовъ и вавилонскую философію. Вавилонскому представленію о божествѣ, какъ о небесной силѣ, проявляющей свою волю въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, предстояло затмить собою ученіе пророковъ о Іагве, какъ властелинѣ міра и создателѣ вселенной, какъ объ единомъ справедливомъ и святомъ боже-

ибо они стоятъ въ помѣщеніи при входѣ въ наружный дворъ, а не на болѣе виднномъ мѣстѣ. Возможно что, въ честь Солнца происходили процессіи. Именно въ это время культъ Шамаша игралъ большую роль въ Ниневіи.

[2]) II Цар. 21, 5.

[3]) Ср. Ис. 1, 29, 17, 10 („сады" Адониса).

Сосудъ для воскуренія, найденный при раскопкахъ въ Мегиддо.
Шестой пластъ, VIII—VII в.в.

„ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

Типо Лит. Т-ва ... сква

ствѣ. Пережившая себя, народная полуханаанейская религія теперь должна была уступить мѣсто новой, казавшейся болѣе духовною, вавилонской астральной религіи.

Конечно, такая политика не могла осуществиться безъ примѣненія силы. Вѣрные Іагве элементы въ Іудѣ, въ особенности группы, концентрировавшіяся вокругъ Исаіи, не могли и не желали молчаливо терпѣть политики Менаше. Пророческая партія стала въ оппозицію изъ религіознаго рвенія, жрецы храма—потому, что ихъ положеніе и ихъ власть подвергались явной опасности. Обнаруживалась также и политическая оппозиція. Ассаргаддону, а послѣ его смерти Ассурбанипалу приходилось вести продолжительныя и трудныя войны съ Тирхакой. Пусть Менаше оставался вѣрнымъ Ассиріи,—все же въ Іудѣ не могла изгладиться память о томъ, что въ свое время именно выступленіе Тирхаки явилось одной изъ вѣроятныхъ причинъ отступленія Санхериба. Поэтому было бы чудо, если бы на этотъ разъ египетская партія не проявила себя ни въ чемъ, не дѣйствовала рука объ руку съ партіей приверженцевъ Іагве. Всѣмъ было ясно, что на берегахъ Нила происходитъ, наконецъ, великая, давно готовившаяся, развязка борьбы между Египтомъ и Ассиріей. Люди, сочувствовавшіе пророкамъ, несомнѣнно, даже склонны были предугадывать близкое осуществленіе предсказаній Исаіи о гибели Ассиріи, хотя самъ Исаія, вѣроятно, представлялъ себѣ ея паденіе совершенно иначе.

Однако Менаше, повидимому, каралъ, смертью всякую попытку сопротивленія его мѣропріятіямъ. Можетъ быть, онъ принужденъ былъ такъ поступать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ оппозиціи политической, чтобы доказать ассирійскому царю свою лойяльность. Только такимъ образомъ мы можемъ себѣ объяснить, почему книга Царей обвиняетъ царя въ томъ, что онъ пролилъ рѣки невинной крови, такъ что Іерусалимъ, подобно переполненной чашѣ, былъ до краевъ наполненъ кровью. Преданіе отнесло Исаію къ числу тѣхъ мучениковъ за дѣло Іагве, кровь которыхъ была пролита при Менаше. Если не самъ онъ, то многіе изъ его учениковъ были среди казненныхъ. И Іеремія, повидимому, намекаетъ на совершавшіеся при Менаше ужасы, когда говоритъ о томъ, что мечъ пожралъ пророковъ Іуды, какъ яростный левъ [1]).

Однако грубая сила могла заставить пророковъ замолчать, но не измѣнить своей вѣрѣ. Напротивъ, надо думать, что втайнѣ пророки и жрецы Іагве изъ іерусалимскаго храма тѣмъ энергичнѣе вели пропаганду, первые—во имя Іагве и его славы, а вторые—во имя храма и его культа Іагве. Здѣсь оба теченія сливались. Основнымъ зломъ эпохи было для нихъ униженіе культа Іагве. Зло можно было пресѣчь, только осуществивъ разъ навсегда то, къ чему стремился безъ особеннаго успѣха Хизкія. Высоты съ ихъ жертвенниками и всевозможными связанными съ ними народными культами и ассирійскіе религіозные культы и обряды должны быть окончательно устранены, и должно быть прове-

[1]) Іер. 2, 30.

дено почитаніе только Іагве и только въ іерусалимскомъ храмѣ. Это направленіе мысли повело къ появленію въ кругахъ приверженцевъ Іагве книги, которая съ радостью была встрѣчена храмовыми жрецами, и которой суждено было сыграть роль лишь при Іошіи—къ появленію Второзаконія. Неблагопріятныя времена, въ особенности—тяжкія преслѣдованія, которымъ подвергались при Менаше мужественные приверженцы Іагве, не позволяли теперь же сдѣлать эту книгу достояніемъ гласности. Поэтому она сохраняется въ храмѣ, и остается тамъ скрытой отъ людскихъ взоровъ, пока на 18 году царствованія Іошіи ее вновь не извлекаютъ на свѣтъ.

Книга Царей не сохранила никакихъ другихъ свѣдѣній о царствованіи Менаше. Описаніе его правленія заканчивается обычной фразой, что все остальное, сдѣланное имъ, записано въ лѣтописяхъ царей Іуды [1]). Сынъ и преемникъ Менаше, Амонъ (641—639), шелъ, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ по стопамъ своего отца; черезъ два года послѣ вступленія на престолъ онъ падаетъ жертвой дворцовой революціи.

Кипрская женщина съ „садикомъ Адониса" (глинянымъ сосудомъ, въ которомъ посажены быстро-растущія растенія, символъ побѣды весенняго бога).

[1]) II Цар., 21, 17. Позднѣйшій разсказъ кн. Хроникъ (II Хр. 33, 10 и сл. сообщаетъ о плѣненіи Менаше ассиріянами. Его, будто бы, въ цѣпяхъ увели въ Вавилонъ, но, благодаря его молитвамъ, впослѣдствіи вновь освободили и опять возвели на престолъ. Книга Царей объ этомъ ничего не знаетъ. По всей вѣроятности, разсказъ этотъ возникъ вслѣдствіе стремленія Кн. Хроникъ согласовать долгое, спокойное царствованіе Менаше съ его религіозной политикой, представлявшейся благочестивому автору книги верхомъ нечестія.

Вавилонскіе знаки зодіака.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Конецъ іудейскаго царства.

1. Іошія и его реформа.

На освободившійся послѣ убійства Амона престолъ былъ возведенъ его 8-лѣтній сынъ Іошія (639—608). Въ эпоху его царствованія Іуда еще разъ выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица на арену великихъ міровыхъ событій. Могучее ассирійское царство, достигшее подъ эгидой великаго и благороднаго царя Асаргаддона вершины своего могущества, начинало уже съ царствованія Ассурбанипала (668—626) постепенно приближаться къ завершенію своей исторической роли. Въ началѣ царствованія Ассурбанипала Ассирія находилась еще въ расцвѣтѣ своихъ силъ и величія. Однако постепенно все болѣе и болѣе проявляется значеніе великихъ народныхъ передвиженій, потрясшихъ во второй половинѣ VII вѣка всю Переднюю Азію и разрушившихъ ассирійскую державу. Уже въ серединѣ царствованія Ассурбанипала, около 645 года, правитель Египта Псамметихъ свергъ ассирійское владычество, со временъ Асаргаддона тяготѣвшее надъ его царствомъ. Ассирія была не въ состояніи на долгое время удержать въ своей власти страну фараоновъ, для пріобрѣтенія которой ей пришлось напрячь всѣ свои силы. Въ сущности, ассирійское господство въ Египтѣ было лишь непродолжительнымъ эпизодомъ. Затрудненія были слиш-

комъ велики, ибо могущество мѣстныхъ князей и слабость центральной власти представляли постоянную опасность, вынуждавшую держать въ Египтѣ сильное войско, чего Ассирія не могла сдѣлать вслѣдствіе непрерывныхъ волненій и столкновеній на дальнемъ Востокѣ, въ Ассиріи, Вавилонѣ, Эламѣ, а также вслѣдствіе нашествія скиѳовъ, мидянъ и т. п. При такихъ условіяхъ Псамметиху (663—610) безъ особаго труда удалось свергнуть эѳіопскую династію: сначала онъ, при поддержкѣ Ассиріи, подчинилъ себѣ отдѣльныхъ египетскихъ князей, а затѣмъ онъ возстановилъ единство царства и одновременно съ этимъ его независимость. Другіе послѣдовали примѣру Псамметиха, и все это завершилось тѣмъ, что міровое господство, находившееся въ теченіе тысячелѣтія въ рукахъ семитовъ, было отнято у нихъ и перешло къ арійцамъ. Первый смертельный ударъ послѣ ряда предшествующихъ столкновеній нанесли ассирійскому царству мидяне. Въ серединѣ VII вѣка они отложились отъ Ассиріи и начали устраивать свое собственное государство. Рѣшительное столкновеніе было нѣсколько отсрочено появленіемъ скиѳовъ. Подобно болѣе позднему нашествію гунновъ или монголовъ, орды восточныхъ всадниковъ пронеслись въ то время (около 634 г.) черезъ всю Переднюю Азію, грабя и разрушая все на своемъ пути. Нашествіе это потрясло всѣ устои ассирійскаго царства. По сообщенію Геродота, скиѳы проникли вплоть до Сиріи и до египетской границы. И едва лишь было ликвидировано вторженіе скиѳовъ, какъ мидяне соединились съ вавилонянами для рѣшительнаго нападенія на Ниневію (608 г.).

Іуда прямо или косвенно вовлекается во всѣ отдѣльные эпизоды этого всеобщаго броженія. Со времени отложенія Египта и Мидіи стало ясно, что всесильный колоссъ, столѣтіями державшій въ страхѣ весь міръ, начинаетъ колебаться. Новыя стремленія и надежды оживаютъ въ вассальныхъ государствахъ, и въ Іудѣ начинаютъ сознавать правоту Исаіи, предсказавшаго гибель заносчиваго и высокомѣрнаго врага. Ассирійскія божества теряютъ свое обаяніе, оживаетъ духъ Исаіи, снова усиливается вліяніе пророческой партіи, и она получаетъ возможность выступить открыто. Когда же ко всему этому присоединилось еще и скиѳское нашествіе, докатившееся вплоть до границы Іудеи, то серьезность момента и опасность, грозившая какъ Іудѣ, такъ и другимъ народамъ, создали благопріятную почву для новаго расцвѣта пророчества.

Цефанія—имя перваго извѣстнаго намъ пророка новаго поколѣнія. Въ отложеніи ли Египта или въ скиѳскомъ нашествіи узрѣлъ онъ перстъ Іагве,—но онъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію о близкомъ наступленіи грознаго „дня Іагве“. „Близокъ великій день Іагве, близокъ—и весьма поспѣшаетъ; чу! слышенъ голосъ дня Іагве. Горько возопіетъ тогда и самый храбрый! День гнѣва—день тотъ, день скорби и тѣсноты, день опустошенія и разоренія, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и браннаго клича противъ всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ и всѣхъ высокихъ башенъ. И стѣсню я людей и приведу ихъ въ трепетъ, и они будутъ ходить, какъ слѣпые, потому что они согрѣ-

шили противъ Іагве, и разметана будетъ кровь ихъ, какъ прахъ, и плоть ихъ—какъ пометъ. Ни серебро ихъ, ни золото ихъ не спасетъ ихъ въ день гнѣва Іагве, и огнемъ ревности его пожрана будетъ вся эта земля, ибо смерть и истребленіе совершитъ онъ надъ всѣми жителями земли" [1]). И прежде всего карающая десница обрушится на Іуду, если не будетъ положенъ предѣлъ его беззаконію; если найдутся среди Іуды опомнившіеся и раскаявшіеся люди, то они, быть можетъ, будутъ помилованы [2]). Вскорѣ послѣ Цефаніи, также еще до реформы Іошіи, выступетъ пророкъ Нахумъ. Ассирія падетъ, Ниневія будетъ разрушена, ибо изъ нея вышелъ тотъ, кто замыслилъ злое противъ Іагве и задумалъ нечестивое. „Я сокрушу ярмо его, разорву узы его..... и не будетъ никого, кто будетъ носить имя твое (Ниневіи); изъ дома бога твоего истреблю я истуканы и кумиры: приготовлю тебѣ въ немъ могилу, ибо ты будешь презрѣнъ" [3]). Увѣренный въ побѣдѣ и исполненный крайняго презрѣнія къ поработителямъ, народъ іудейскій радуется паденію великана. Нахумъ описываетъ это паденіе столь яркими красками, словно онъ былъ его очевидцемъ. Возможно, однако, что это описаніе есть только литературная форма, и что Нахумъ лишь предвидитъ паденіе Ассиріи, чувствуетъ всю его неизбѣжность. Отсюда можно заключить, что дѣятельность его относится къ эпохѣ, когда Ассирія въ царствованіе мидійскаго царя Кіаксара была тѣснима одновременно мидянами и скиѳами.

Ослабленіе Ассиріи немедленно отозвалось на положеніи іудейскаго царства. Ассирійская партія потеряла почву подъ ногами; выдвинулась вновь партія націоналистовъ съ пророками и іерусалимскими жрецами во главѣ. Послѣдніе захватываютъ въ свои руки руководство молодымъ царемъ. При ихъ поддержкѣ Іошія, послѣ смерти Ассурбанипала, сталъ постепенно освобождаться отъ своей вассальной зависимости. По крайней мѣрѣ, позже онъ считаетъ себя господиномъ и повелителемъ Палестины: онъ вводитъ реформы въ Палестинѣ и преграждаетъ путь фараону Нехо, когда тотъ двинулся въ походъ черезъ Ханаанъ. Въ связи съ этимъ исчезаетъ авторитетъ ассирійскихъ и вообще чужеземныхъ боговъ. Іагве вновь пріобрѣтаетъ свое былое значеніе, а съ нимъ вмѣстѣ возрастаетъ престижъ сіонскаго храма. Провозглашеніе Второзаконія является только однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи этихъ явленій. Еще до появленія этой книги Іошія уже трудится надъ обновленіемъ храма; въ это время онъ узнаетъ про „книгу закона", которая даетъ новое содержаніе его стремленіямъ.

Изъ второй книги Царей (гл. 22 и 23) мы узнаемъ, что Іошія послалъ однажды царскаго писца Шафана въ храмъ взять изъ денежнаго ящика вложенныя въ него народомъ деньги, понадобившіяся для ремонта храма и уплаты мастеровымъ за работу. Верховный жрецъ Хилкія передалъ въ храмѣ Шафану книгу и сказалъ: „Я нашелъ книгу закона". Шафанъ прочелъ книгу, сообщилъ о ней царю и про-

[1]) Цеф. 1, 14—18.
[2]) Цеф., 2, 1—3.
[3]) Нах. 1, 11, 13, 14.

челъ ее ему. Испуганный противорѣчіемъ между господствовавшими религіозными обрядами и предначертаніями вновь найденной книги закона, царь разрываетъ на себѣ одежды и посылаетъ Хилкію и Шафана вмѣстѣ съ другими своими приближенными къ пророчицѣ Хульдѣ за совѣтомъ. Согласно данному ею отвѣту, онъ собираетъ на храмовомъ дворѣ представителей Іуды и Іерусалима и читаетъ передъ ними книгу, „найденную въ храмѣ Іагве". Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ народомъ торжественно даетъ клятву свято соблюдать законъ Іагве. Клятва эта немедленно претворяется въ дѣло: устраняются различныя злоупотребленія и справляется по новому обряду праздникъ Пасхи.

Заслуживаетъ ли этотъ разсказъ довѣрія, и какова его цѣнность? Быть можетъ, онъ подвергся легкой переработкѣ, но содержитъ въ общемъ законченное сообщеніе, составленное, повидимому, лицомъ, хорошо освѣдомленнымъ и, повидимому, еще до смерти царя Іошіи. Такимъ образомъ, всего какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ отдѣляютъ запись разсказа отъ самаго событія, въ немъ изложеннаго [1]), ибо Іошія палъ въ 608 году. Но если бы даже допустить, что разсказъ составленъ на нѣсколько десятилѣтій позже, все же достовѣрность его во всѣхъ основныхъ моментахъ не можетъ быть заподазриваема. Не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію, что законодательный сборникъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ собою никоимъ образомъ не все Пятикнижіе, а также и не такъ называемую „Книгу Союза", но подходитъ по своему содержанію ближе всего къ Второзаконію. Устраненіе по царскому повелѣнію, въ согласіи съ новымъ закономъ, высотъ и ихъ жрецовъ, равно какъ массебъ и ашеръ, устройство царемъ празднованія Пасхи и проклятія, направленныя имъ самимъ и Хульдой противъ всѣхъ нарушителей закона, не оставляютъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію [2]). Возникаетъ, однако, вопросъ, какая часть современнаго Второзаконія появилась при Іошіи подъ именемъ „книги закона", и затѣмъ, когда и какимъ образомъ возникла эта книга.

По первому вопросу недостаточность единства, цѣлостности современной пятой книги Моисея и фактъ участія въ ея составленіи нѣсколькихъ различныхъ лицъ не вызываетъ сколько-нибудь серьезныхъ разногласій; но по вопросу объ объемѣ такъ называемаго первичнаго Второзаконія мнѣнія расходятся [3]). Приходится поэтому ограничиться указаніемъ на то, что первичное Второзаконіе было значительно меньшаго объема, чѣмъ современная книга, и что оно безусловно заключало въ себѣ имѣющіеся въ послѣднемъ основные законы, сыгравшіе главную роль въ предпринятыхъ Іошіей реформахъ. Несравненно большее значеніе имѣетъ другой вопросъ—о времени и условіяхъ составленія первичнаго Второзаконія. Вопросъ этотъ со-

---

[1]) Пророчество о Іошіи должно было бы гласить совершенно иначе, если бы оно было составлено послѣ его далеко не „мирной" кончины (II Цар. 22, 20). Но именно отсюда же вытекаетъ и подлинность отрывка II Цар. 22, 15—20.

[2]) Достаточно указать Второз. гл. 12, 16 и 27 и сравнить Второз. 18, 1 и сл. съ II Цар. 23, 8, и сл.

[3]) См. статью во II томѣ „Библія какъ историческій памятникъ".

впадаетъ въ значительной мѣрѣ съ другимъ: дѣйствительно ли имѣла мѣсто находка книги верховнымъ жрецомъ Хилкіей, или же она является плодомъ вымысла? Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ вопросъ о томъ, былъ ли онъ самъ составителемъ книги, составленной спеціально для этого случая, былъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, близокъ къ автору ея и не способствовалъ ли онъ тому, что царь былъ введенъ въ заблужденіе.

Повѣствователь дважды подчеркиваетъ, что книга была „найдена"; въ первый разъ онъ влагаетъ это сообщеніе въ уста верховнаго жреца, во второй разъ онъ говоритъ объ этомъ самъ отъ себя. Находка книги вполнѣ вѣроятна и по другимъ соображеніямъ. Будь Хилкія или кто-либо изъ его близкихъ составителемъ книги, она должна была въ существеннѣйшемъ мѣстѣ гласить совершенно иначе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что Второзаконіе содержитъ (18, 6 и сл.) прямое предписаніе допустить къ служенію при центральной святынѣ (храмѣ) разсѣянныхъ по странѣ левитовъ. Очевидно, что это предписаніе можетъ относиться только къ жрецамъ при высотахъ. По сообщенію же во II книгѣ Царей (23, 8 и сл.) предписаніе это при проведеніи реформы *не* было соблюдено, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ іерусалимскаго жречества. Поэтому если бы глава послѣдняго, самъ верховный жрецъ Хилкія, или кто-либо изъ его приближенныхъ былъ авторомъ закона, легшаго въ основу реформы, то такое предписаніе врядъ ли могло быть включено въ текстъ закона. Приходится предположить, что жречество, принимавшее, несомнѣно, главное участіе въ составленіи книги, принуждено было сдѣлать въ этомъ пунктѣ теоретическую уступку, которая при проведеніи реформы была сведена на нѣтъ. Уступка могла быть сдѣлана только подъ вліяніемъ пророческой партіи, такъ какъ только послѣдняя могла, кромѣ жречества, принять нѣкоторое участіе въ составленіи книги.

Но разъ это такъ, то вполнѣ возможно, что книга была составлена раньше царствованія Іошіи, когда жрецы высотъ имѣли бо́льшее значеніе, и съ ними приходилось считаться, и, всего вѣроятнѣе, еще при Менаше. Составленная книга могла храниться въ іерусалимскомъ храмѣ, сообразно обычаю хранить въ священныхъ мѣстахъ священныя книги и рукописи, а также законодательные кодексы [1]).

Книга была найдена въ 18 году царствованія Іошіи, слѣдовательно, въ 621 году, незадолго до Пасхи. Книга до нѣкоторой степени

---

[1]) Указанія въ I Сам. 10, 25 и Второзак. 31, 26, гдѣ говорится о возложеніи въ первомъ случаѣ царскаго устава, а во второмъ—самого Второзаконія предъ Іагве рядомъ съ ковчегомъ, разсѣиваютъ всѣ сомнѣнія въ существованіи этого обычая. Послѣдняя ссылка совершенно ясно указываетъ и причину такого обычая: Іагве призывается здѣсь во свидѣтели и стражи устава, для чего послѣдній и помѣщается какъ бы предъ его лицомъ. Уставъ либо просто лежалъ здѣсь открытый, либо хранился въ глиняныхъ ящикахъ, либо, наконецъ, задѣлывался для сохранности въ стѣну. Существованіе глиняныхъ ящиковъ доказывается раскопками въ Таанахѣ (ср. Іер. 32, 14 о глиняномъ сосудѣ), далѣе въ такомъ ящикѣ Оритенъ нашелъ въ Іерихонѣ библейскіе тексты; слѣдуетъ отмѣтить также, что Тутмосъ III при перестройкѣ храма нашелъ важные документы, относящіеся къ этому храму, замурованными въ кирпичную стѣну.

отвѣчала желаніямъ пророчества. Постоянное требованіе пророковъ, чтобы законы Iагве соблюдались, и воля его творилась, здѣсь было облечено въ форму ясныхъ положеній, предписывающихъ Израилю поведеніе, необходимое для того, чтобы народу быть священнымъ и достойнымъ „святого Израилева“, какъ называлъ Iагве Исаія. Но тѣмъ самымъ пророчество вступаетъ въ самую близкую связь съ дѣятельностью и интересами жреческаго сословія. Единый культъ Iагве и достойные его порядки въ богослуженіи и въ жизни—такова основная идея книги. Путь къ осуществленію ея въ значительной степени состоитъ въ установленіи очищеннаго культа. Второзаконіе содержитъ, правда, значительное число этическихъ и, въ особенности, соціальныхъ предписаній, стремящихся осуществить въ народѣ пророческій идеалъ справедливости. Они остались, однако, по большей части простыми требованіями; непосредственно выполнимымъ и вполнѣ соотвѣтствовавшимъ духу времени было энергичное проведеніе идеи единства культа.

Послѣ всего сказаннаго врядъ ли можно считать простой случайностью, что и пророки и жрецы съ равнымъ усердіемъ принимали участіе въ торжественномъ опубликованіи книги и въ проведеніи ея требованій. Хилкія, сознавая значеніе книги, хотя бы и не отвѣчавшей всѣмъ его идеаламъ, извлекаетъ ее на свѣтъ; пророчица Хульда своимъ изреченіемъ оказываетъ вліяніе на рѣшеніе царя. Послѣ торжественной клятвы царя и народа соблюдать новый законъ начинается чистка храма. Изъ храма была вынесена вся утварь, служившая для поклоненія Ваалу, Астартѣ и „воинству небесному“, всѣ ихъ изображенія и священные сосуды, были удалены кони и колесницы бога Солнца. Все это вынесли за Iерусалимъ, въ долину Кидрона, и тамъ сожгли. Тофетъ, святилище Молоха, находившееся въ долинѣ Гинномъ, было разрушено, а мѣсто, на которомъ оно находилось, было обращено въ свалку нечистотъ. Затѣмъ настала очередь высотъ, сначала іерусалимскихъ, потомъ провинціальныхъ: жертвенники, стоявшіе на высотахъ, были разрушены, священныя деревья были сожжены, каменные столбы разбиты, священныя рощи вырублены; заклинатели духовъ, гадатели и всякіе другіе волшебники были перебиты. При тогдашней слабости ассирійской власти Iошія получилъ возможность распространить свою реформаторскую дѣятельность даже за предѣлы своей собственной страны. Реформа его распространяется также на былыя израильскія области, уже ровно 100 лѣтъ входящія въ составъ ассирійской территоріи; разрушается даже алтарь въ Бетъ-Элѣ. При этомъ показательно для всего характера реформы, что жрецы упраздненныхъ святынь на высотахъ подпадаютъ подъ дѣйствіе запрета, не соотвѣтствующаго ни тексту новаго закона, ни первоначальному намѣренію царя. По буквѣ закона они должны были оставаться на мѣстѣ прежняго своего жительства, прекративъ лишь совершеніе богослуженія; при этомъ имъ разрѣшалось отъ времени до времени являться въ Iерусалимъ для участія въ жертвоприношеніяхъ. Iошія, очевидно, имѣлъ первоначально намѣреніе вознаградить лишавшееся своихъ до-

ходовъ жречество при высотахъ причисленіемъ его къ іерусалимскому храму. Но іерусалимскіе жрецы, повидимому, воспротивились такому нежелательному увеличенію ихъ численности и не допускали жрецовъ высотъ къ алтарю. Фактически жречество іерусалимскаго храма получило отнынѣ въ свои руки монополію, прежніе же разсѣянные по странѣ левиты оказались разжалованными; формальное признаніе этого положеніе вещей получило лишь значительно позже, при Іезекіилѣ.

Такимъ образомъ, реформа, начатая по идеѣ пророковъ, превратилась въ мѣропріятіе жрецовъ. Она оказала могущественнѣйшую поддержку положенію іерусалимскаго жречества. Таково было одно изъ дѣйствій новаго закона. Другое, несравненно болѣе существенное послѣдствіе его состоитъ въ томъ, что отнынѣ идея монотеизма и монолатріи Іагве получаетъ общепризнанное, такъ сказать офиціальное выраженіе. Была объявлена принципіальная, послѣдовательная и систематическая война древней народной религіи, никогда въ сущности не порывавшей связи съ поклоненіемъ силамъ природы съ его явнымъ или скрытымъ многобожіемъ. Такимъ образомъ, реформа Іошіи заложила фундаментъ для дальнѣйшаго существованія націи въ изгнаніи и послѣ него. Еще глубже было третье послѣдствіе реформы. Народное собраніе, въ которомъ царь и народъ взаимно обязываются передъ Іагве соблюдать новый законъ, превращаетъ этотъ законъ въ государственный законъ Израиля. До сихъ поръ законъ былъ либо изустнымъ предписаніемъ жреца, либо записаннымъ обычнымъ правомъ, соблюдаемымъ и охраняемымъ по обычаю: теперь появился признанный законодательный кодексъ, „каноническая“ книга. Здѣсь мы находимъ первый слѣдъ священной книги въ качествѣ **священнаго писанія**.

Процессія ассирійскихъ боговъ (слѣва направо: Ассуръ, Бэлита, Синъ, Бэлъ, Шамашъ—на конѣ, Ададъ, Иштаръ; по краямъ—жрецы).

Изображеніе тельца на воротахъ Иштаръ въ Вавилонѣ.

2. Іеремія. Послѣдняя борьба за независимость.

Въ сторонѣ отъ пророческихъ круговъ, одобрившихъ реформу Іошіи, остался послѣдній великій пророкъ доплѣнной эпохи, Іеремія.

Пророческая фигура Іереміи, подобно лучамъ яркаго солнечнаго заката, озолотила клонившуюся къ упадку націю. Какъ человѣкъ, онъ изъ всѣхъ пророковъ намъ наиболѣе близокъ и понятенъ. Онъ говоритъ мощнымъ языкомъ Гошеи, онъ громитъ подобно Исаіи, но наряду съ этимъ его сердце обливается кровью при сознаніи печальной участи народа и глаза его проливаютъ жгучія слезы при видѣ горькой судьбы его родины. Онъ сгораетъ отъ пламенной любви къ своему несчастному народу. И все же долгъ его къ Іагве заставляетъ его выступать съ обвиненіями, когда ему хотѣлось бы сказать слово утѣшенія. Сердце его обливается кровью, но онъ мужественно вступаетъ въ трагическую борьбу съ самимъ собою и, будучи благороднѣйшимъ патріотомъ всѣхъ временъ, терпитъ позорное обвиненіе въ измѣнѣ родинѣ. Лучше всѣхъ остальныхъ предвидитъ онъ предстоящую развязку. Противодѣйствовать ея наступленію было бы дерзостью, оплакивать ее—было бы тщетно, и ему, какъ болѣе раннимъ пророкамъ, остается лишь надежда на будущее возрожденіе. Но у Іереміи она принимаетъ иной обликъ. Не полное или частичное возстановленіе внѣшняго существованія страны интересуетъ его, хотя онъ думаетъ и о немъ: законъ Іагве въ глубинѣ сердца и новый союзъ—таковъ тотъ знакъ, подъ коимъ будетъ стоять Израиль будущаго. Такимъ образомъ, Іеремія наканунѣ гибели древняго Израиля является уже проницательнымъ провозвѣстникомъ новаго времени.

Трагедія борьбы между собственнымъ чувствомъ и божественнымъ велѣніемъ особенно характерна въ проповѣди Іереміи; онъ становится мученикомъ своего призванія; онъ не хочетъ, и все же долженъ. Высшій долгъ подчиняетъ его личную волю и въ особенности его естественную любовь къ родинѣ; однако послѣдняя все таки постоянно пробивается наружу, съ тѣмъ, чтобы вновь и вновь признавать себя побѣжденной. Онъ хотѣлъ бы выйти изъ повиновенія Іагве—и не можетъ, онъ хочетъ молчать—и долженъ говорить (20, 9), онъ хочетъ молить о пощадѣ, но не долженъ (7, 16; 14). И все же онъ не можетъ заставить свое сердце замолчать, искоренить изъ него чувство состраданія (8, 23: „о если бы голова моя была водою, и глаза источникомъ слезъ,—день и ночь оплакивалъ бы я убитыхъ народа моего"). Въ отчаяніи онъ проклинаетъ самый день своего рожденія (20, 14, 18: „для чего вышелъ я изъ утробы матери, чтобы видѣть горе и скорбь, и чтобы дни мои влачились въ безславіи").

Субъективизмъ Іереміи—совершенно новое явленіе въ пророчествѣ; сообразно съ этимъ, и языкъ его является совершенно новымъ. Онъ неизвѣстенъ прежнимъ пророкамъ: и въ этомъ отношеніи Іеремія является предвѣстникомъ новаго времени. Его языкъ гораздо разсудочнѣе языка предшествующихъ пророковъ, подчасъ поражаетъ своей мягкостью, чаруетъ своими лирическими изліяніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и менѣе непосредственъ, не столь сжатъ и энергиченъ, подчасъ даже склоняется къ пространности.

Первое пророческое выступленіе Іереміи относится къ 13 году царствованія Іошіи, слѣдовательно, къ эпохѣ, предшествовавшей реформѣ. Это была та эпоха, когда и Іудѣ грозило нашествіе скиѳовъ. Іеремія въ то время восклицалъ:

Собирайтесь и пойдемъ въ укрѣпленные города,
Подымите стягъ вашъ надъ Сіономъ!
Бѣгите—не стойте на мѣстѣ!
Ибо бѣду несу я съ сѣвера,
Страшный готовлю ударъ! [1]).

Вскорѣ послѣ этого состоялась реформа Іошіи. Мы не знаемъ, принималъ ли въ ней участіе Іеремія, но несомнѣнно, что онъ долженъ былъ къ ней относиться съ живѣйшимъ интересомъ. Однако, въ виду того направленія, по которому развивались событія вскорѣ послѣ реформы, вполнѣ понятно, что Іеремія продолжаетъ попрежнему свои старыя жалобы противъ сыновъ Іуды и открыто высказывается противъ упованія на внѣшнюю перемѣну въ области культа. Онъ не хочетъ знать внѣшнихъ уставовъ и заученныхъ человѣческихъ предписаній; онъ требуетъ обновленія духа. Но послѣдняго онъ не находитъ и теперь, какъ не находилъ до реформы.

Событія царствованія Іошіи послѣ реформы намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны; повидимому, однако, время протекало вполнѣ благополучно. Внутри страны царилъ миръ, извнѣ гнетъ чужеземнаго ига послѣ упад-

---

[1]) Іер. 4, 5—6.

ка Ассиріи болѣе не ощущался. Со времени послѣдней карательной экспедиціи Ассурбанипала въ 645 году противъ нѣсколькихъ финикійскихъ городовъ, во время которой онъ безжалостно сажалъ на колъ возмутившихся жителей Акко, ничего болѣе не слышно о попыткахъ ассиріянъ вновь проявить въ Палестинѣ свою власть, а со времени отложенія Набополассара (625) господство Ассиріи надъ Сиріей и Палестиной сохранялось вообще лишь номинально. Вассалы, въ томъ числѣ и Іошія, были въ дѣйствительности совершенно независимы. Псамметихъ I, правда, соотвѣтственно всѣмъ традиціямъ страны фараоновъ, стремился, какъ только сталъ самостоятельнымъ, использовать благопріятныя условія для возстановленія въ возможно полномъ объемѣ былого господства Египта надъ Сиріей и Палестиной. Этимъ объясняется его нападеніе на филистимлянъ, завершившееся долгой осадой Ашдода. Но о проникновеніи Псамметиха на іудейскую территорію намъ ничего неизвѣстно; оно, впрочемъ, и невѣроятно, такъ какъ относящійся къ этому именно времени натискъ скиѳовъ (приблизительно въ 625 г.), долженъ былъ заставить Псамметиха удовольствоваться сохраненіемъ собственной египетской территоріи.

Послѣ реформы проходитъ 13 лѣтъ, пока до насъ вновь доходитъ вѣсть о Іошіи. Нападенія на ассирійскую державу успѣли вслѣдствіе союза мидянъ съ Вавилономъ вступить въ новую стадію. Въ 608 году мидійскій царь Кіаксаръ вмѣстѣ съ Набополассаромъ, царемъ вавилонскимъ, вступаетъ въ послѣднюю рѣшительную схватку съ Ассиріей. Послѣдняя идетъ прямо къ своей гибели. Египетъ, конечно, тоже стремится не упустить этого случая для возобновленія своихъ исконныхъ притязаній на Сирію. Только что—въ 610 году—вошедшій на престолъ фараонъ Нехо, сынъ Псамметиха, приближается, какъ сообщаетъ книга Царей, со своимъ войскомъ къ Палестинѣ, собираясь итти къ Евфрату противъ ассирійскаго царя. Казалось, то былъ исключительно благопріятный моментъ для попытки вырвать изъ рукъ Ассиріи господство надъ Сиріей и возстановить царство фараоновъ въ его старинныхъ правахъ.

Такъ какъ Библія приводитъ объ этихъ событіяхъ лишь краткое сообщеніе, а отъ самого Нехо до насъ не дошло никакихъ надписей о его походѣ, то намъ ничего неизвѣстно и объ отношеніи къ его предпріятію отдѣльныхъ мелкихъ сирійскихъ государствъ. Слѣдуетъ, однако, предположить, что, не имѣя надежды на поддержку со стороны Ассиріи, они собственными силами сдѣлали попытку отстоять свою самостоятельность, только что пріобрѣтенную послѣ столѣтій непрерывной борьбы. Но образъ дѣйствій Іошіи доказываетъ, что мелкія сирійскія государства какъ прежде, такъ и въ этотъ рѣшительный моментъ не умѣли объединиться для совмѣстныхъ дѣйствій. Этимъ, конечно, заранѣе рѣшена была участь тѣхъ немногихъ, которые отважились оказать сопротивленіе. И вотъ Іошія, не желая отдавать безъ боя новому властелину только что пріобрѣтенную независимость, вынужденъ былъ на собственный страхъ и рискъ выступить противъ Нехо. Сраженіе произошло близъ Мегиддо въ долинѣ Кишона, на сѣ-

верной границѣ принадлежавшей Іошіи территоріи; Іошія самъ палъ въ бою, и воины привезли прахъ его въ Іерусалимъ.

Въ Іерусалимѣ пораженіе Іошіи вызвало неописуемое отчаяніе. Такой развязки здѣсь не ожидали. Повидимому, реформа Іошіи и упадокъ Ассиріи вызвали въ народѣ увѣренность, что Іуда вернулъ себѣ расположеніе Іагве и поддержку его могущественной десницы. Но всякій, кто трезво смотрѣлъ на вещи, не могъ не назвать образа дѣйствій Іошіи безумно смѣлымъ и дерзкимъ. Такъ именно оцѣнивалъ, повидимому, положеніе вещей Іеремія.

Когда, послѣ пораженія Іошіи, перепуганный народъ толпами стекался въ храмъ по случаю поста, вполнѣ увѣренный, что Іагве не покинетъ своего города, что нужно только выказать побольше рвенія къ богослуженію,—Іеремія называетъ эту надежду самообольщеніемъ. „Какъ, вы крадете, убиваете и прелюбодѣйствуете и клянетесь лживо, кадите Ваалу и идете за иными богами, которыхъ вы не знаете. И потомъ вы приходите и становитесь предъ лицомъ моимъ въ этомъ домѣ, который нареченъ именемъ моимъ, и говорите: „мы спасены"— и потомъ продолжаете дѣлать всѣ эти мерзости" [1]). Напрасно: какъ храмъ въ Шило сталъ добычею враговъ, такъ можетъ случиться и съ іерусалимскимъ храмомъ. Само собою разумѣется, что Іеремія, высказывая такое мнѣніе, вступилъ въ рѣзкій конфликтъ съ общественнымъ мнѣніемъ въ Іерусалимѣ; за его рѣчи старѣйшины и жрецы грозили ему смертью, и только заступничество нѣкоторыхъ благоразумныхъ лицъ, напомнившихъ, что во времена Хизкіи выступалъ съ такими же рѣчами Миха изъ Морешета, но никто не покусился на него, какъ на посланника Іагве, спасло Іеремію отъ гибели.

Страхъ передъ возможностью немедленнаго появленія фараона Нехо подъ стѣнами Іерусалима оказался напраснымъ. Фараонъ поспѣшилъ къ Евфрату. Тѣмъ временемъ царемъ былъ провозглашенъ младшій сынъ Іошіи Іоахазъ (Шаллумъ); старшій, Эльякимъ, вѣроятно склонялся къ подчиненію Египту, почему и былъ обойденъ избраніемъ [2]). Въ Іерусалимѣ, вѣроятно, все еще теплилась надежда, что Іудѣ удастся добиться независимости. Возможно также, что въ Іерусалимѣ дѣйствовали подъ вавилонскимъ вліяніемъ. Правленіе Іоахаза длилось, однако, всего три мѣсяца. Фараонъ, путь котораго принялъ на первыхъ порахъ совершенно иное направленіе, чѣмъ предполагали въ Іерусалимѣ, былъ, конечно, весьма недоволенъ избраніемъ Іоахаза; изъ Риблы въ Келесиріи онъ налагаетъ на Іудею денежный штрафъ, беретъ въ плѣнъ Іоахаза и низлагаетъ его. На его мѣсто Нехо назначаетъ Эльякима, подъ именемъ Іоакима (608—597) [3]). Іоахазъ былъ увезенъ въ Египетъ, гдѣ онъ впослѣдствіи и умеръ; на Іоакима была наложена

---

[1]) Іер. 7, 9 и сл. и гл. 26.

[2]) II Цар. 23, 30—35.

[3]) Имя это далъ ему самъ фараонъ; въ этомъ случаѣ существенно не значеніе имени, а лишь самый фактъ переименованія и совершеніе его опредѣленнымъ лицомъ. Первое свидѣтельствуетъ о возникновеніи новаго отношенія, второе—о зависимости переименованнаго отъ дающаго новое имя.

тяжелая дань, которую онъ, какъ говоритъ библейское повѣствованіе, „по оцѣнкѣ“ перелагаетъ на имущее населеніе, а послѣднее, въ свою очередь, взыскиваетъ дань съ неимущихъ. Іоакимъ, повидимому, всецѣло становится на тотъ путь, по которому шелъ въ свое время Менаше. Теперь, при мысли о печальной судьбѣ Іошіи, постигшей его, несмотря на его благочестіе, стали входить въ обиходъ изреченія въ такомъ родѣ: „отцы ѣли неспѣлое, а у дѣтей появилась оскомина“. Само собою напрашивалось сопоставленіе: „когда мы въ Іудѣ и Іерусалимѣ кадили богинѣ неба (т.-е. въ эпоху Менаше), мы были сыты и счастливы и не знали бѣды. А съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали дѣлать это, мы терпимъ во всемъ недостатокъ и гибнемъ отъ меча и голода“ [1]). Положеніе еще ухудшалось вслѣдствіе того, что Іоакимъ былъ царемъ, деспотичнымъ по натурѣ и склоннымъ къ чрезмѣрной роскоши; между тѣмъ Іудѣ при тогдашнемъ серьезномъ положеніи, нуженъ былъ правитель, опиравшійся на довѣріе народа и обладавшій въ его глазахъ достаточнымъ нравственнымъ авторитетомъ.

Фараонъ все еще находился въ Сиріи, доставшейся ему, повидимому, безъ особаго труда. Нѣкоторое время могло казаться, что онъ является тамъ полновластнымъ хозяиномъ. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что своимъ положеніемъ въ Сиріи онъ обязанъ не столько собственной силѣ, сколько безсилію ассирійскаго царства. Когда же послѣднее, давно уже зависѣвшее отъ доброй воли другихъ, пало, фараону Нехо пришлось выдержать испытаніе въ борьбѣ съ другими соперниками. Князь халдеевъ, Набополассаръ, завоевавъ въ 625 году Вавилонъ, поставилъ себѣ цѣлью возстановленіе древней гегемоніи Вавилона надъ Ассиріей. Союзъ съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ приближаетъ его къ достиженію этой цѣли, и въ 606 году Ниневія попадаетъ въ руки союзниковъ. Послѣдніе дѣлятъ между собою громадное царство, при чемъ мидяне получаютъ собственно Ассирію и области къ сѣверу отъ нея и къ западу до Галиса до границы Лидійскаго царства, а Месопотамія и Сирія достаются Вавилону. Такимъ образомъ, со времени паденія Ниневіи стала неизбѣжной рѣшительная борьба между Египтомъ и новымъ хозяиномъ Сиріи. Между тѣмъ заболѣвшаго Набополассара смѣнилъ на тронѣ сынъ его Навуходоносоръ (Небукадрессаръ), который и выступилъ противъ фараона Нехо. Послѣдній направился изъ Риблы къ югу и, какъ кажется, овладѣлъ всей территоріей до Евфрата. При Кархемышѣ онъ долженъ былъ либо перейти

---

[1]) Іер. 31, 29; 44, 17—19. Слова о „царицѣ неба“ были сказаны Іереміи переселившимися въ Египетъ женщинами; но смыслъ этихъ словъ таковъ, что они могли быть сказаны и въ это время. Рѣчь идетъ, несомнѣнно, о поклоненіи Иштаръ, супругѣ солнечнаго бога Таммуза, отождествлявшейся съ богиней планеты Венеры. Въ качествѣ богини плодородія и материнства она почитается въ особенности женщинами; кромѣ возліяній, ей приносятся жертвы въ видѣ печеній съ ея изображеніемъ (ст. 19)—слѣдовательно, звѣзды или мѣсяцы изъ тѣста. Ср. также 7, 18, гдѣ предолагается, что въ культѣ ея участвуетъ вся семья, мужъ, жена и дѣти, и что печенія бросаются богинѣ въ жертвенный огонь. Іезекіиль свидѣтельствуетъ еще о почитаніи Таммуза (8, 14), тѣсно связанномъ съ культомъ Иштаръ.

Евфратъ, либо дождаться противника. Тутъ въ 605 году и происходитъ столкновеніе. Армія Нехо была совершенно разбита. Сирія послѣ побѣды Навуходоносора подпала подъ власть халдеевъ. Книга Царей замѣчаетъ кратко и многозначительно (II Цар., 24, 7): „царь египетскій не выходилъ болѣе изъ земли своей, потому что царь вавилонскій отнялъ все, что принадлежало царю египетскому отъ потока Египетскаго до рѣки Евфрата". Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тщетныхъ надеждъ на полное освобожденіе Іоакимъ (около 601 года) подчиняется, подобно другимъ сирійскимъ царямъ, новому побѣдителю. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ исправно платилъ наложенную на него дань, но затѣмъ рѣшился отпасть отъ Навуходоноссора. Іеремія въ то время переживалъ тяжелые дни. Уже во время пораженія Нехо онъ ясно предвидѣлъ судьбу Египта:

Пойди въ Гилеадъ, принеси оттуда бальзамъ,
    Дѣва, дочь египетская!
Напрасно ты дѣлала снадобья цѣлебныя во множествѣ—
    Нѣтъ для тебя исцѣленія!
Народы слышатъ о твоемъ позорѣ,
    Твой жалобный вопль наполняетъ землю;
Ибо сильный повергаетъ сильнаго,
    Но оба они падаютъ вмѣстѣ (46, 11 и сл.).

Уже въ это время Іеремія боялся гибели Іерусалима отъ руки Навуходоносора. Въ самомъ Іерусалимѣ, повидимому, также существовали этого рода опасенія. Въ предотвращеніе бѣдствія налагается всенародный постъ. Но и теперь Іеремія не можетъ молчать: онъ долженъ указать своему народу истинный путь къ спасенію. Публичное выступленіе ему запрещено; поэтому ему остается только одинъ путь: велѣть своему писцу Баруху прочесть его слова, записанныя въ книгу. Въ этой книгѣ заключались, вѣроятно, угрозы, какія встрѣчаются мѣстами въ произведеніяхъ Іереміи: народы сѣвера и даже самъ царь вавилонскій нахлынутъ на Іудею и Іерусалимъ, разгромятъ страну, и исчезнетъ въ ней „голосъ жениха и голосъ невѣсты, звукъ жернововъ и свѣтъ свѣтильника" [1]). Слѣдуя указанію царедворцевъ, Іоакимъ изрѣзалъ книгу Іереміи въ куски и бросилъ ее въ жаровню съ угольями. Іеремія попалъ въ опалу, которая должна была становиться все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ пророкъ, подобно своему предшественнику Исаіи, все рѣшительнѣе выступалъ противъ партіи безразсудныхъ патріотовъ и пытался противодѣйствовать отпаденію Іоакима отъ Навуходоносора.

Когда послѣднее все таки произошло, Навуходоносоръ прежде всего организовалъ набѣги на Іудею сосѣдей при содѣйствіи вавилонскихъ отрядовъ. Затѣмъ, въ скоромъ времени онъ и самъ со своимъ войскомъ вторгся въ Палестину (597). Внезапная смерть избавила Іоакима отъ тяжкаго униженія. Его незавидное наслѣдство досталось его 18-тилѣтнему сыну Іоахину, именовавшемуся также Іехоніей. Этотъ юноша, неожиданно для самого себя очутившійся на тронѣ, счелъ своей обя-

[1]) Ср. Іерем. 25, 8 и сл. и гл. 36.

занностью продолжать сопротивленіе, столь смѣло предпринятое его отцомъ. Навуходоносоръ приступаетъ тогда къ осадѣ Іерусалима. Чтобы предотвратить самое крайнее бѣдствіе, Іехонія сдается раньше, чѣмъ войска Навуходоносора приступили къ штурму. Въ сопровожденіи своей матери, всего двора и военачальника онъ вынужденъ въ качествѣ плѣнника Навуходоносора отправиться въ главную непріятельскую квартиру. Кромѣ того, Навуходоносоръ требуетъ выдачи ему 7.000 человѣкъ, способныхъ къ ношенію оружія, т.-е. землевладѣльцевъ, и 1.000 кузнецовъ и слесарей. Всѣ эти плѣнники вмѣстѣ съ Іехоніей, его дворомъ и гаремомъ выселяются въ Вавилонію; увозится также часть священныхъ сосудовъ. Навуходоносоръ, въ виду столь самоувѣреннаго выступленія противъ него Іерусалима, рѣшилъ сломить его упорство и лишить его возможности дальнѣйшаго сопротивленія. Однако онъ недостаточно оцѣнилъ силу стремленія къ свободѣ, жившаго въ душахъ сыновъ Іуды. Среди переселенныхъ въ Вавилонію находился и пророкъ Іезекіиль. Отъ него мы узнаемъ, что плѣнники были поселены на берегахъ рѣки Хобаръ. Молодой Іехонія томился 37 лѣтъ въ вавилонскихъ темницахъ. Іермія восклицаетъ по его адресу слѣдующія слова: „О земля, земля, земля! Слушай слово Іагве. Такъ говоритъ Іагве: запишите этого человѣка бездѣтнымъ, человѣкомъ злополучнымъ во-вѣки; ибо никто уже изъ его рода не будетъ сидѣть на престолѣ Давидовомъ и владычествовать надъ Іудой“ (Іер., 22, 29—30).

На іудейскій тронъ Навуходоносоръ посадилъ сына Іошіи, 21-лѣтняго Маттанію. Въ качествѣ царя онъ именуется Цидкіей (597—586) [1]. Онъ не обладалъ ни умѣніемъ, ни энергіей, чтобы справиться съ трудными обстоятельствами. Предпринятое Навуходоносоромъ переселеніе состоятельныхъ и руководящихъ элементовъ въ Вавилонію было источникомъ многихъ затрудненій при новыхъ условіяхъ существованія государства. Для людей неспособныхъ, но честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ, открылся широкій просторъ вслѣдствіе того, что всѣ должности были вакантны, и множество владѣній осталось безъ владѣльцевъ. Новые носители власти и обладатели имуществъ въ своемъ увлеченіи выскочекъ еще менѣе своихъ предшественниковъ желали отказываться отъ притязаній Іуды на самостоятельную роль. Они вновь начинаютъ прислушиваться къ египетскимъ нашептываніямъ, вновь начинаютъ лелѣять надежду на скорую гибель Вавилона, надежду, подкрѣпляемую пророчествомъ Хабаккука: „будетъ нѣкогда опустошенъ опустошитель за кровь человѣческую и насилія надъ землями, городами и всѣми ихъ жителями“. Возникаетъ борьба партій; случаются, повидимому, также насилія и кровопролитія; полный распадъ воцарился въ Іерусалимѣ.

---

[1]) II Цар. 24, 18—25; ср. Іер. гл. 52. Перемѣна имени объясняется тѣми же причинами, что и въ аналогичномъ случаѣ съ Эльякимомъ. Изъ книги Іезекіиля (17, 13) мы узнаемъ еще, что Цидкіи пришлось принести особую присягу на вѣрность Навуходоносору. Это, очевидно, было нѣчто большее, чѣмъ обычный обѣтъ вассаловъ; вѣроятно, Навуходоносоръ, наученный опытомъ, хотѣлъ себя обезопасить отъ новыхъ попытокъ возстанія.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко. Москва.

РАЗВАЛИНЫ БОЛЬШОГО КАРНАКСКАГО ХРАМА ВЪ ѲИВАХЪ.

Повидимому, не одинъ только Іуда мечталъ о скоромъ паденіи Вавилона и объ использованіи этого момента для сверженія чужеземнаго ига. Какъ въ эпоху Хизкіи, такъ и теперь (вѣроятно, около 595 или 594 года) Іерусалимъ осаждается посланцами изъ другихъ странъ. Эдомъ, Аммонъ, Моабъ и Сидонъ принимаютъ участіе въ союзѣ. Іеремія употребляетъ всѣ силы, чтобы удержать своего царя въ предѣлахъ благоразумія, подобно тому, какъ въ свое время дѣлалъ это Исаія. Но все напрасно. Надежда на скорое крушеніе Вавилона, все еще питаемая и поддерживаемая націоналистами-пророками, въ связи съ расчетами на помощь Египта, увлекаетъ массы, которыя оказываются сильнѣе царской воли. Даже изгнанники въ Вавилонѣ вовлекаются въ это броженіе [1]). Легенда разсказываетъ даже, будто они готовились уже къ возвращенію въ Іудею. Только Іеремія, какъ нѣкогда Исаія, сознаетъ безумную смѣлость такого начинанія. Но голосъ его замираетъ, почти никѣмъ не услышанный.

Въ первый моментъ, правда, увѣщанія пророка не остались безъ извѣстнаго вліянія. Возможно, что и Египетъ нѣсколько заколебался, когда вѣсть о затѣваемой коалиціи дошла до двора вавилонскаго владыки. Поэтому Цидкія посылаетъ въ Вавилонъ посольство, очевидно, для успокоительныхъ завѣреній. Послы, вѣроятно, съ вѣдома царя, везутъ письмо Іереміи къ вавилонскимъ іудеямъ, въ которомъ пророкъ призываетъ ихъ къ сохраненію покоя и вѣрности Вавилону и предостерегаетъ ихъ отъ необдуманныхъ шаговъ; письмо это предназначалось царемъ, вѣроятно, для успокоенія Навуходоносора. „Заботьтесь о благосостояніи страны, въ которую я переселилъ васъ, и молитесь за нее, ибо при благосостояніи ея и вамъ будетъ миръ“. Однако посольству не удалось убѣдить Навуходоносора въ вассальной вѣрности Цидкіи. Царю приходится самому отправиться ко двору Навуходоносора. Лишь здѣсь удается ему вновь пріобрѣсти довѣріе суверена, который для своего времени вообще представляется великодушнымъ и мягкимъ правителемъ.

Все это было въ четвертомъ году царствованія Цидкіи, слѣдовательно, еще въ 594 году. До тѣхъ поръ, пока былъ живъ Псамметихъ II, Цидкія оставался спокойнымъ. Военная партія въ Іерусалимѣ, вѣроятно, сама убѣдилась въ томъ, что отъ этого фараона ничего

[1]) Іеремія въ глав. 27—29 весьма наглядно изображаетъ событія. Дѣло происходитъ во всякомъ случаѣ въ началѣ царствованія Цидкіи. По проискамъ Египта въ то время въ Сиріи вновь начинается броженіе. Свое мнѣніе Іеремія высказываетъ царю и посламъ, наложивъ на себя путы и деревянное ярмо, въ слѣдующихъ словахъ: „Я сотворилъ землю... великимъ могуществомъ моимъ... И нынѣ я отдаю всѣ земли сіи въ руку царя вавилонскаго... И если какой народъ и царство не захочетъ служить ему, царю вавилонскому, и не преклонитъ выи подъ ярмо царя вавилонскаго,—этотъ народъ я накажу мечемъ, голодомъ и моровою язвой, говоритъ Іагве; народъ же, который преклонитъ выю свою подъ ярмо царя вавилонскаго и станетъ служить ему, я оставлю на землѣ его, и онъ будетъ воздѣлывать ее и жить на ней“. Одинъ изъ пророковъ, Хананія, возражая ему, снимаетъ съ него деревянное ярмо и разбиваетъ его, говоря: „Такъ сокрушу я ярмо царя вавилонскаго, снявъ его съ выи всѣхъ народовъ“ (28, 10). Въ отвѣтъ на это Іеремія предсказываетъ ему смерть: „Въ этомъ же году ты умрешь... и умеръ онъ въ седьмомъ мѣсяцѣ“ (28, 17).

нельзя было ждать. Однако положеніе вещей немедленно измѣнилось въ 588 году съ воцареніемъ фараона Хофре. Онъ вспомнилъ вновь о былыхъ временахъ Египта, и тутъ-то военная партія въ Іерусалимѣ опять выступаетъ на первый планъ. Цидкія, если бы даже хотѣлъ, врядъ ли теперь могъ сохранить свою прежнюю позицію. Для того, чтобы остаться при политикѣ сохраненія вѣрности Вавилону, ему надо было обладать желѣзнымъ, непоколебимымъ мужествомъ Іереміи. и моральной силой. Однако послѣдній отпрыскъ дряхлѣющаго рода Давидова далеко не обладалъ всѣми этими качествами.

Сколько союзниковъ принимало участіе въ общемъ движеніи противъ Вавилона, мы не знаемъ: кромѣ Іуды, во всякомъ случаѣ въ ихъ числѣ были Тиръ и Аммонъ. Разъ въ это предпріятіе былъ замѣшанъ Египетъ, Навуходоносоръ не могъ, конечно, оставаться пассивнымъ зрителемъ. Онъ приближается со своимъ войскомъ и, какъ въ свое время Нехо, разбиваетъ свой лагерь въ Риблѣ. Часть его войскъ направляется противъ Тира, съ главными же силами онъ зимою 588/7 года подступаетъ къ Іерусалиму и немедленно начинаетъ готовиться къ осадѣ города. Въ Іерусалимѣ возникаетъ паника. Все населеніе готовится къ оборонѣ до послѣдней крайности. И дѣйствительно, стѣны Іерусалима оказались достаточно прочными, его гарнизонъ достаточно храбрымъ, чтобы оказать сопротивленіе Навуходоносору. Когда же, наконецъ, появилась помощь со стороны Египта, и египетскія войска подъ начальствомъ фараона Хофре вступили въ Палестину, Навуходоносору пришлось даже снять осаду. Всѣ ликуютъ—всѣ, кромѣ Іереміи: онъ предвидитъ, что враги вскорѣ вернутся; если даже войска Цидкіи разобьютъ ихъ на голову, Іагве къ концѣ концовъ все таки предастъ Іерусалимъ въ руку Навуходоносора [1]).

За свою откровенность Іеремія платится позорнымъ заключеніемъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревается перейти на территорію колѣна Веніаминова, его хватаютъ, какъ перебѣжчика, и приводятъ на судъ главарей озлобленной противъ него военной партіи. Послѣдніе обвиняютъ его въ возбужденіи народа—не даромъ терроризмъ военной партіи пугалъ самого царя—и бросаютъ его въ темное и сырое подземелье, гдѣ ему пришлось томиться довольно долгое время. Потрясающее впечатлѣніе производитъ извѣстіе, что Іеремія и въ этомъ положеніи непреклонно даетъ все тотъ же отвѣтъ, когда слабодушный царь тайно приходитъ къ нему узнать волю Іагве. И если царь не смѣетъ открыто призвать къ себѣ Іеремію, то тѣмъ менѣе можетъ онъ освободить его [2]); ему еле-еле удается вырвать лучшаго мужа страны изъ рукъ фанатиковъ, требующихъ его смерти.

---

[1]) Мысль Іереміи, съ самаго начала принципіально осуждавшаго идею отпаденія отъ Навуходоносора, заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, что сохраненіе народа возможно лишь путемъ подчиненія суверенитету Вавилона, какъ, по его мнѣнію, повелѣвалъ Іагве.

[2]) Іер. 37, 12 и сл., ср. ст. 4. Темница его переносится временно въ караульное помѣщеніе, находящееся надъ землею, ежедневно ему приносится изъ улицы пекарей каравай хлѣба—отдѣльные промыслы группировались, вѣроятно, тогда уже по отдѣльнымъ улицамъ и базарамъ (ст. 21).

Пока пророкъ томится, опозоренный обвиненіемъ въ измѣнѣ родинѣ и предательствѣ, начинаютъ сбываться его вѣщія слова. Непріятель возобновляетъ осаду. Голодъ и жажда свирѣпствуютъ въ городѣ. Въ книгѣ „Плача" мы находимъ потрясающія картины ужасовъ осады[1]):

Жрецы мои и старѣйшины томились въ городѣ,
Искали себѣ пищи поддержать свою жизнь...
Даже шакалы давали сосцы кормить ихъ младенцевъ:
Дочь народа моего стала лютой, точно страусы въ пустынѣ.
Языкъ младенца прилипъ отъ жажды къ нёбу,
Дѣти просили хлѣба, но никто не приносилъ имъ...
Дитя и младенецъ томились на улицахъ города,
Испуская духъ свой на материнской груди...
Ужели женамъ ѣсть плодъ свой, дѣтей своей заботы?
Ужели въ святилищѣ господа будутъ убиты и жрецъ и пророкъ?
Лежали тогда на землѣ по улицамъ и малый и старый,
Мои дѣвы и юноши пали отъ меча:
Убилъ ты ихъ въ день твоего гнѣва, заклалъ безъ состраданья...
Руки добросердечныхъ женъ варили дѣтей своихъ—
Они были имъ пищей при гибели народа моего!

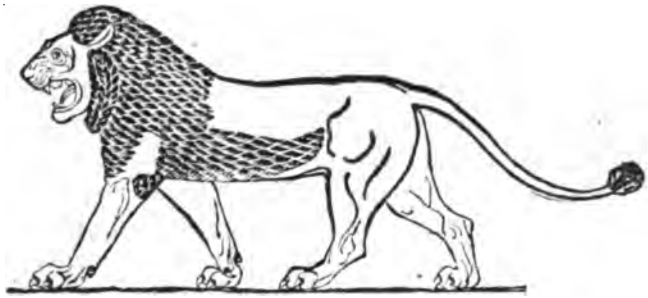
Послѣ осады, длившейся полтора года, войскамъ Навуходоносора удается пробить брешь въ городской стѣнѣ. Цидкію охватываетъ тутъ мужество отчаянія. Онъ рѣшается на вылазку. На южной сторонѣ ему удается пробить ряды осаждающихъ; вырвавшись изъ желѣзнаго кольца, онъ пытается бѣжать въ Заіорданье. Однако близъ Іерихона преслѣдователи настигаютъ его, разсѣиваютъ его отрядъ и берутъ его въ плѣнъ. На глазахъ царя Навуходоносоръ предаетъ казни сыновей его, послѣ чего самъ царь былъ ослѣпленъ и увезенъ въ Вавилонъ. Городъ въ теченіе мѣсяца грабятъ непріятельскія войска, а потомъ сжигаютъ его вмѣстѣ съ храмомъ. Стѣны рушатся, уцѣлѣвшіе сосуды храма увозятся въ Вавилонъ. Надъ оставшимися въ городѣ чинится страшная расправа. Значительная часть населенія вновь уводится въ плѣнъ; оставляется лишь небольшое количество хлѣбопашцевъ и виноградарей во избѣжаніе запустѣнія страны. Къ сожалѣнію, число уведенныхъ въ Вавилонъ осталось неизвѣстнымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя рушилась и послѣдняя попытка возстановленія на развалинахъ стараго еврейскаго государства новаго общежитія. Несмотря на вторичное выселеніе важнѣйшихъ элементовъ, въ странѣ имѣлось достаточно людей; среди нихъ даже было нѣсколько бывшихъ мятежниковъ. Навуходоносоръ назначилъ намѣстникомъ въ Іудеѣ друга и сторонника Іереміи, благороднаго Гедалію бенъ Ахикамъ бенъ Шафанъ съ резиденціей въ Мицпѣ. Новый правитель пытался собрать разсѣянныхъ жителей и возстановить въ Іудеѣ подъ верховной властью Вавилона порядокъ и благосостояніе. Однако страсти, разгорѣвшіяся во время возстанія, партійныя распри и недоброжелательство сосѣднихъ аммонитянъ не даютъ покоя несчастной странѣ. Царь аммонитскій побуждаетъ нѣкоего Измаила, потомка рода Да-

[1]) Ср. I, 19; 4, 3 и сл.; 2, 11—12, 20—21; 4, 10; также II Цар. 25, 3.

видова, убить Гедалію. Черезъ три мѣсяца послѣ паденія Іерусалима и черезъ два мѣсяца послѣ его разрушенія Измаилъ и его приверженцы чинятъ въ Мицпѣ кровавую расправу надъ всѣми, кто признаетъ себя вавилонскимъ подданнымъ. Послѣ этого Измаилъ бѣжитъ на аммонитскую территорію. Все остальное населеніе, опасаясь мести Навуходоносора, рѣшаетъ переселиться въ Египетъ. Среди переселяющихся мы снова видимъ скорбную фигуру Іереміи. Во время завоеванія Іерусалима онъ находился еще въ темницѣ; завоеватели освободили его и увели его было вмѣстѣ съ переселяемыми въ Вавилонъ, но въ Рамѣ вновь отпустили его на свободу. Теперь, послѣ окончательнаго крушенія Іуды, онъ вслѣдъ за жалкими остатками народа съ разбитымъ сердцемъ идетъ въ далекую неволю...

Такъ завершилась первая эпоха еврейской исторіи. Народъ былъ оторванъ отъ родной почвы, остатки его были переселены въ новыя, чуждыя земли, въ Вавилонъ и Египетъ; но тамъ они возрождаются и даютъ новые ростки. Гибель государства и древняго жизненнаго уклада была лишь кажущейся гибелью націи.

Левъ съ „улицы процессій" въ Вавилонѣ.

Очеркъ разработки исторіи древняго Израиля въ XIX вѣкѣ.

Н. Никольскаго.

Habent sua fata libelli! Фатумъ „Книги закона, пророковъ и писаній“ заключается въ томъ, что она сдѣлалась священной собственностью сначала іудейской синагоги, а потомъ и христіанской церкви. Тѣмъ самымъ надолго была закрыта возможность для научнаго изученія этой книги; а когда такое изученіе все-таки, хотя и съ большими затрудненіями, началось, оно было предпринято прежде всего не свѣтскими учеными, а іудейскими и христіанскими богословами, и ставило себѣ не столько историческія, сколько богословскія задачи. Для іудейскаго и христіанскаго богослова Библія есть прежде всего источникъ вѣры, поучительная книга; историческое знаніе, которое богословъ можетъ почерпнуть оттуда, есть для него не цѣль, а средство для построенія богословской системы. Іудейскій богословъ будетъ искать въ Библіи корни, оправдывающіе позднѣйшую талмудическую систему; христіанскій богословъ построитъ „ветхозавѣтную теологію“, изъ которой, какъ дерево изъ почвы, въ слѣдующемъ томѣ у него выраститъ „новозавѣтная теологія“. Исторія древняго Израиля и для того и для другого важна именно съ религіозной стороны; при этомъ у того и у другого есть опредѣленная, заранѣе созданная спеціальнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, мессіаническая точка зрѣнія: и для того и для другого древній Израиль есть избранный народъ, хотя, конечно, въ этотъ терминъ каждый влагаетъ свое содержаніе. Неудивительно поэтому, что девять десятыхъ трудовъ, имѣющихся по исторій древняго Израиля, принадлежатъ перу богослововъ и обладаютъ специфическими особенностями всякой работы, написанной съ конфессіональной религіозно-исторической точки зрѣнія. При этомъ львиная доля принадлежитъ трудамъ христіанскихъ богослововъ; главное вниманіе іудейскихъ богослововъ всегда было направлено не столько на библейскій періодъ исторіи евреевъ, сколько на болѣе поздніе періоды, и поскольку историческіе труды іудейскихъ богослововъ не были простыми пересказами Библіи, подобно христіанскимъ учебникамъ „священной исторіи“, они не представляютъ изъ себя ничего оригинальнаго или самостоятельнаго (таковъ, напр., извѣстный трудъ Греца, первые томы котораго посвящены библейскому періоду). Обзоръ этихъ трудовъ составитъ первую и главную часть нашего очерка.

Свѣтскіе историки, въ особенности авторы „Всеобщихъ исторій", которыя неоднократно появлялись въ Германіи въ эпоху господства всемірно-исторической точки зрѣнія [1]), включали въ свои обзоры также исторію древняго Израиля; но исходя изъ представленія о предопредѣленной каждому народу роли во всемірно-историческомъ процессѣ, они быстро и безъ оговорокъ усвоили мессіаническую точку зрѣнія христіанскихъ богослововъ на исторію древняго Израиля. Только разработка исторіи народовъ древняго Востока, въ средѣ которыхъ жилъ древній Израиль, выдвинула новыя точки зрѣнія на исторію древняго Израиля. Среди египтологовъ и ассиріологовъ появляется большой интересъ къ исторіи послѣдняго, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія взаимоотношеній и культурныхъ связей древняго Израиля съ великими сосѣдними державами. Появились труды, рѣзко расходившіеся съ работами богослововъ и пытавшіеся вдвинуть исторію древняго Израиля въ качествѣ придатка въ рамки исторіи великихъ державъ древняго Востока. Обзору главнѣйшихъ трудовъ этой категоріи будетъ посвящена вторая часть настоящаго очерка.

Труды оріенталистовъ, однако, не исчерпываютъ всѣхъ проблемъ исторіи древняго Израиля. Если для богослововъ важна религія древняго Израиля, то для оріенталистовъ важны прежде всего международное положеніе древняго Израиля и вытекающія отсюда явленія. Остается еще внутреннее развитіе исторической жизни Израиля, какъ всякаго другого народа: процессъ развитія хозяйственной жизни, соціальныхъ отношеній, политическаго быта. На этомъ фонѣ и вопросъ объ исторіи религіи можетъ и долженъ получить новую постановку, не съ богословской, а съ общеисторической точки зрѣнія. Эта эмансипація исторіи древняго Израиля отъ путъ теологіи и оріентализма еще только начинается; первые шаги ея еще носятъ разрозненный характеръ развѣдокъ, изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ. Но они настолько важны, что должны войти въ третью и заключительную часть настоящаго очерка.

1. Религіозно-историческая школа.

Критическая разработка исторіи древняго Израиля возникла въ нѣдрахъ протестантскаго богословія. Только послѣднее, провозгласившее со времени Лютера принципъ свободнаго изслѣдованія священнаго писанія, могло пойти дальше простого пересказа событій, какъ они изложены въ книгахъ Библіи. Но вплоть до половины XIX вѣка работы богослововъ протестантской церкви по исторіи древняго Израиля были мало плодотворны, хотя въ этой области и выдвинулось нѣсколько весьма крупныхъ именъ.

Причина этого явленія заключалась прежде всего въ томъ, что не

[1]) Эта точка зрѣнія исходила изъ понятій единства человѣчества и единства культуры и распредѣляла созданіе опредѣльныхъ элементовъ культуры между отдѣльными народами, какъ ихъ спеціальную миссію.

были окончательно разрѣшены вопросы о времени происхожденія какъ цѣлыхъ книгъ Библіи, такъ и ихъ составныхъ частей. Исторія критическаго изученія книгъ Библіи не входитъ въ рамки настоящаго очерка и будетъ сдѣлана въ другомъ мѣстѣ.[1]); но постановку основной проблемы необходимо выяснить, ибо безъ этого не будетъ понятно развитіе религіозно-исторической школы. Въ началѣ XIX вѣка уже было признано, что бóльшая часть книгъ Библіи, въ томъ числѣ все Пятикнижіе и историческія книги, представляютъ изъ себя весьма сложную комбинацію, составлены изъ разныхъ источниковъ, часто лишь механически связанныхъ другъ съ другомъ. Болѣе или менѣе согласно опредѣлялось число и характеръ этихъ источниковъ, а также принадлежащія къ нимъ составныя части библейскихъ книгъ. Но критическая работа этимъ еще не заканчивалась. Кардинальнымъ вопросомъ былъ вопросъ о времени происхожденія ветхозавѣтныхъ книгъ въ цѣломъ и ихъ составныхъ частей. Въ зависимости отъ разрѣшенія этого вопроса должна была такъ или иначе строиться и исторія, для богослововъ прежде всего исторія религіи.

Отвергнувъ традиціонную точку зрѣнія о составленіи Пятикнижія Моисеемъ, которой уже нельзя было поддерживать послѣ результатовъ критическаго анализа, богословы тѣмъ не менѣе признавали традиціонный порядокъ расположенія частей Ветхаго Завѣта соотвѣтствующимъ ихъ хронологической послѣдовательности: законъ ранѣе пророковъ, пророки ранѣе писаній. Сообразно съ этимъ строилась схема исторіи древняго Израиля, представлявшаяся въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ пустынѣ былъ данъ Моисеемъ законъ, сообразно которому израильтяне должны были жить послѣ поселенія въ землѣ Ханаанской. Законъ Моисеевъ устанавливалъ религію чистаго монотеизма, не терпящую изображеній божества, и давалъ всему строю жизни теократическую организацію. Но послѣ поселенія въ Ханаанѣ законъ Моисеевъ былъ забытъ и не соблюдался, израильтяне заразились отъ язычниковъ-хананеевъ ихъ культами и вѣрованіями, вслѣдствіе чего вся жизнь пришла въ состояніе упадка и анархіи. Пророки изобличали отпаденіе Израиля отъ ихъ Бога и его закона, нечестіе и безнравственность народа, грозили ему судомъ божіимъ; въ концѣ концовъ этотъ судъ и пришелъ, разразившись сначала надъ сѣвернымъ царствомъ Эфраима, а затѣмъ надъ южнымъ царствомъ Іуды въ видѣ ассирійскаго и халдейскаго завоеванія. Наученные горькимъ опытомъ, сыны Іуды, послѣ возвращенія изъ плѣна вавилонскаго, строго соблюдаютъ законъ Моисеевъ и устраиваютъ сообразно съ нимъ всю свою жизнь, въ ожиданіи возрожденія чрезъ обѣщаннаго царя-Мессіи изъ рода Давидова.

Въ сущности говоря, эта схема мало чѣмъ отличалась отъ схемы „священной исторіи". Правда, въ ней не было мѣста чудесамъ или толкованію пророчествъ въ смыслѣ предсказаній о пришествіи Христа; но за этими и другими мелкими исключеніями она могла бы быть

[1]) См. статью во II томѣ „Библія, какъ историческій памятникъ".

принята и ортодоксіей. Однако отдѣльныя детали были въ ней цѣнны и открывали путь къ дальнѣйшему развитію. Въ особенности это надо сказать по отношенію къ характеристикѣ пророчества. Роль пророковъ, какъ проповѣдниковъ этическаго монотеизма, была выяснена уже въ первой половинѣ XIX вѣка; правда, ученые при этомъ не замѣчали противорѣчія, въ которое они впадали, отожествляя постулаты нравственнаго закона, провозглашавшіеся пророками, съ требованіями обрядоваго закона Моисеева, но именно это противорѣчіе и дало плодотворный толчокъ послѣдующимъ изслѣдованіямъ. Кромѣ того, въ трудахъ первой половины XIX вѣка была уже болѣе или менѣе разработана исторія царской эпохи, поскольку ее можно было возсоздать только по однимъ библейскимъ даннымъ, безъ привлеченія неизвѣстныхъ еще въ то время ассиро-вавилонскихъ данныхъ.

Наиболѣе виднымъ и талантливымъ изслѣдователемъ этой эпохи является Гейнрихъ-Георгъ-Августъ Эвальдъ (1803—1875). Какъ и другіе современные ему ветхозавѣтники, Эвальдъ много потрудился надъ литературной критикой и истолкованіемъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Комментаріи „Die Dichter des Alten Bundes“ и „Die Propheten des Alten Bundes“ составили Эвальду заслуженную и громкую славу; послѣ этого, какъ самъ Эвальдъ говоритъ, для него было естественно привлечь въ кругъ изслѣдованія историческія книги и дать „обзоръ израильской древности въ ея цѣломъ“. Этотъ обзоръ и данъ былъ Эвальдомъ въ „Geschichte des Volkes Israel bis auf Christus“ (первое изданіе 1843—1855 гг. въ пяти томахъ; слѣдующія изданія въ семи томахъ, при чемъ два послѣднихъ обнимаютъ исторію эпохи Іисуса и апостольскаго періода до разрушенія Іерусалима). Цѣль работы Эвальда — чисто богословская: выяснить развитіе отъ Ветхаго Завѣта къ Новому, показать, какъ „библейскія явленія“ ведутъ къ „новозавѣтнымъ цѣлямъ“. Но его блестящій литературный талантъ и теплое искреннее чувство помогли ему создать нѣкоторыя страницы, въ особенности посвященныя характеристикѣ пророчества, поистинѣ безсмертныя, читающіяся и до сихъ поръ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Понятно, что на своихъ современниковъ онъ оказалъ громадное вліяніе. Всѣ работы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ носятъ на себѣ печать его вліянія; Веберъ и Гольцманъ первую часть своего труда („Geschichte des Volkes Israel und die Entstehung des Christentums“, 1867) составляютъ прямо по Эвальду. Другимъ крупнымъ именемъ былъ Фердинандъ Гитцигъ (1807—1867), фигура, значительно отличавшаяся отъ Эвальда. Его двухтомный трудъ „Geschichte des Volkes Israel von Anbeginn bis zur Eroberung Masadas im Jahre 72 nach Christus“ (1869) представляетъ изъ себя любопытный образчикъ того, какъ пишутъ исторію ученые, погрузившіеся въ детали литературной критики: нагроможденіе этимологическихъ экскурсовъ и мелкой полемики по поводу отдѣльныхъ мѣстъ Библіи совершенно закрываетъ собою историческую нить, а поскольку послѣдняя все-таки проглядываетъ, она рабски слѣдуетъ традиціонной схемѣ.

Работы Эвальда, Гитцига и другихъ ветхозавѣтниковъ этой эпохи были безплодны постольку, поскольку онѣ держались традиціонной

схемы. Но непрочность этого основанія уже чувствовалась; въ особенности ее чувствовали тѣ ученые, которымъ приходилось спеціально заниматься исторіей древне-израильской религіи. Дѣло въ томъ, что при изложеніи общей исторіи Израиля, хотя и съ преобладающимъ религіознымъ интересомъ, многія противорѣчія сглаживались или могли быть объяснены случайными историческими условіями. Напротивъ, при построеніи систематической ветхозавѣтной теологіи, гдѣ всѣ составныя части и всѣ детали должны были представлять изъ себя стройное цѣлое, неудовлетворительность традиціонной схемы чувствовалась на каждомъ шагу; еще въ 1835 г. противъ нея выставилъ вѣскія возраженія Вильгельмъ Ватке („Die bibilische Theologie wissenschaftlich dargestellt") и почти одновременно съ нимъ Рейссъ (въ лекціяхъ, читанныхъ въ 1833 или 1834 г., но опубликованныхъ только въ 1879 г.— „L'Histoire Sainte et la Loi"). Поворотный моментъ наступилъ со времени выхода въ свѣтъ геніальной книги Юліуса Велльгаузена „Prolegomena zur Seschichte Israels" (первое изданіе 1878 г., подъ заглавіемъ „Geschichte Israels", I).

Велльгаузенъ разработалъ и поставилъ на твердую почву гипотезу, высказанную еще въ 1867 году Карломъ-Генрихомъ Графомъ и заключавшуюся въ томъ, что книги, составляющія вторую часть канона („пророки"), были составлены ранѣе „закона". Путемъ остроумнаго и детальнаго изслѣдованія исторіи древне-израильскаго культа и исторической традиціи и сопоставленія основныхъ идей, которыя были выработаны Израилемъ въ доплѣнную эпоху его существованія, съ принципами послѣплѣннаго іудейства, Велльгаузенъ пришелъ къ неопровержимому выводу, что такъ называемый законъ Моисеевъ въ его цѣломъ, какъ онъ фигурируетъ теперь въ Пятикнижіи, не существовалъ въ доплѣнную эпоху. Если внимательно изслѣдовать историческія и пророческія книги, то мы не найдемъ тамъ никакихъ слѣдовъ существованія теократической организаціи и строго регламентированнаго культа, установленнаго Моисеемъ. Напротивъ, передъ нами свободное развитіе народно-религіозной жизни, которая вовсе не втиснута заранѣе въ прокрустово ложе закона, но живетъ по обычаю, по традиціямъ сѣдой старины, святыхъ патріарховъ, которые не знали ни единства культа, ни профессіональнаго кастоваго клира, ни монополіи іерусалимскаго жречества, ни писаныхъ договоровъ народа съ божествомъ. Пророки, ссылаясь на законъ Іагве, имѣютъ въ виду вовсе не обрядовый, но нравственный законъ; въ то время, какъ обрядовой законъ требуетъ по всякому поводу жертвы, Іагве пророковъ ненавидитъ жертвы и не нюхаетъ ихъ благоуханія, хочетъ, чтобы люди служили ему правдой и милостью. Въ историческихъ книгахъ есть, правда, оговорки, что служеніе Іагве на высотахъ и въ священныхъ рощахъ неправомѣрно, и что слѣдуетъ служить Іагве только въ іерусалимскомъ храмѣ, но всѣ эти оговорки есть не что иное, какъ результатъ позднѣйшей редакціонной переработки, произведенной надъ традиціей ради примиренія ея съ закономъ царя Іошіи, найденнымъ въ 621 г. и требовавшимъ централизаціи культа въ Іерусалимѣ. Какъ было доказано еще ранѣе Велльгаузена, этотъ законъ соотвѣтствуетъ ядру современнаго Второзаконія и является древ-

нѣйшимъ законодательнымъ кодексомъ, регулирующимъ культъ и объявляющимъ борьбу высотамъ и другимъ мѣстнымъ святилищамъ. Въ эпоху плѣна и послѣ плѣна идеи Второзаконія развиваются дальше, создается постепенно „жреческій кодексъ", обнимающій въ современной Библіи всю книгу Левитъ и большую часть книгъ Исходъ и Числъ, соединяется со Второзаконіемъ, десятью заповѣдями, „Книгой Союза" и народными преданіями въ одно цѣлое и подъ названіемъ „Книги закона Моисеева" торжественно вводится въ дѣйствіе Эзрой въ 440 г., въ качествѣ теократической конституціи общины второго храма. Такимъ образомъ, законъ Моисеевъ оказался псевдонимнымъ; мало того, онъ сталъ въ концѣ исторіи Израиля вмѣсто ея начала. Вся традиціонная схема оказалась разрушенной.

Книга Велльгаузена произвела цѣлый переполохъ въ кругахъ нѣмецкихъ богослововъ. Молодежь ее шумно привѣтствовала; старики не могли съ ней примириться. Съ ихъ точки зрѣнія гипотеза Графа-Велльгаузена ставила на голову всю исторію древняго Израиля; они приводили противъ нея всевозможныя возраженія, но, увы, по выраженію Велльгаузена, „сила пущенныхъ въ ходъ аргументовъ заключалась въ нравственномъ убѣжденіи, что законодательство о культѣ должно быть древнимъ и не могло быть написано въ періодъ іудейства; если оно не дѣйствовало въ доплѣнный періодъ или было неудобоисполнимо въ доплѣнныхъ условіяхъ, то все-таки именно поэтому оно могло существовать ранѣе. Это убѣжденіе было тѣмъ болѣе непоколебимо, чѣмъ менѣе было въ его пользу основаній" [1]). Несмотря на градъ возраженій, Велльгаузенъ пошелъ далѣе и выпустилъ вслѣдъ за Prolegomena обзоръ исторіи Израиля и Іуды, построенный на основѣ выводовъ, сдѣланныхъ въ Prolegomena („Abriss der Geschichte Israels und Juda", 1884, переработанный въ 1894 г. въ „Israelitische und jüdische Geschichte"). Слѣдуя по стопамъ Велльгаузена, издалъ свой классическій трудъ Штаде („Geschichte des Volkes Israel" въ серіи Онкена, 1889), далъ блестящую популяризацію Корниллъ („Der israelitische Prophetismus", 1894; „Geschichte des Volkes Israel", 1898), составилъ блѣдный, но обстоятельный учебникъ Гуте („Geschichte des Volkes Israel", 1904), построилъ схему религіознаго развитія Будде („Die Religion Israels bis zur Verbannung", 1900). Установилось на долгое время господство школы Графа-Велльгаузена; съ ней примирились даже ея многіе противники, какъ Киттель, который въ первомъ изданіи своей исторіи („Geschichte der Hebräer", 1888—1892) полемизировалъ съ новой школой, но во второмъ призналъ ея выводы, правда, съ большими оговорками.

Концепція школы Графа-Велльгаузена, какъ она выразилась въ трудахъ перечисленныхъ ученыхъ, отличается отъ концепціи Эвальда-Гитцига въ построеніи самаго хода исторіи древняго Израиля, но цѣликомъ раздѣляетъ съ послѣдней ея точку зрѣнія на смыслъ исторіи древняго Израиля. И для Велльгаузена, и для Штаде, и для Корнилля, и для Киттеля исторія древняго Израиля есть та почва, на которой

---

[1]) Prolegomena, 5 изд., стр. 12.

выростаетъ іудейство, давшее, въ свою очередь, начало христіанству. Такимъ образомъ, мессіанизмъ остался, только въ самомъ процессѣ его развитія устанавливаются теперь три ступени вмѣсто двухъ. Но разъ Моисеева теократія оказалась второй ступенью, то нужно было изслѣдовать и изложить содержаніе первой ступени. Какова же была эта ступень? Иными словами, что представляла изъ себя религія Израиля въ доплѣнную эпоху? Этотъ вопросъ сталъ кардинальнымъ вопросомъ для школы Графа-Велльгаузена. Велльгаузенъ и его искренніе и прямые послѣдователи не могли здѣсь итти на компромиссъ со старой точкой зрѣнія, какъ сдѣлалъ это во второмъ изданіи своей исторіи Киттель. Признавъ такъ называемый „законъ Моисеевъ" результатомъ трудовъ жречества эпохи плѣна и, быть можетъ, послѣдняго поколѣнія до плѣна, Киттель спасъ все-таки дѣло Моисея и старую концепцію тѣмъ, что приписалъ Моисею десять заповѣдей и вывелъ изъ нихъ начала этическаго монотеизма, не терпящаго изображеній божества. Вся послѣдующая исторія Киттелю представляется сплошнымъ **отпаденіемъ** отъ завѣтовъ Моисеевой эпохи, которые сохраняются лишь въ кругахъ пророковъ, рехабитовъ и отчасти жрецовъ. Но такимъ путемъ Киттель изъ одной опасности попалъ въ другую: незамѣтно для себя онъ повторяетъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, концепцію послѣдняго редактора книгъ Судей и Царей, обработавшаго доплѣнную эпоху въ духѣ идей Второзаконія.

Велльгаузенъ и его прямые послѣдователи, конечно, не были столь наивны; имъ показалось бы верхомъ насмѣшки надъ всѣми законами эволюціи возводить Моисея въ рангъ проповѣдника этическаго монотеизма или съ серьезнымъ видомъ увѣрять, что въ теченіе почти 600 лѣтъ Израиль и Іуда все время только тѣмъ и занимались, что „отпадали" отъ Іагве. Напротивъ, въ точки зрѣнія школы Графа-Велльгаузена, религія Израиля развивалась нормальнымъ, естественнымъ путемъ. Первая ступень—**народная религія**, **Volksreligion**, которая, въ свою очередь, проходитъ двѣ стадіи — религіи пустыни и религіи Ханаана. Отвергая почти цѣликомъ историческую достовѣрность преданій о патріархахъ, о переселеніи въ Египетъ и объ исходѣ изъ Египта, главнѣйшіе представители школы Велльгаузена, какъ и онъ самъ, считаютъ первымъ достовѣрнымъ фактомъ исторіи Израиля пребываніе послѣдняго въ оазѣ Кадешъ [1]). Тамъ Моисей объединяетъ колѣна, возведя Іагве, который доселѣ былъ божествомъ только какого-то одного колѣна, въ рангъ національнаго бога Израиля. Это не значитъ, что Моисей установилъ монотеизмъ; та форма религіи, которую установилъ Моисей, можетъ быть названа **національнымъ генотеизмомъ**. Суть послѣдняго заключается въ томъ,что данный народъ, не отрицая

---

[1]) На крайнихъ полюсахъ стоятъ тутъ Гуте, признающій пребываніе въ Египтѣ и исходъ оттуда подъ предводительствомъ Моисея, и Штаде, который совершенно отрицаетъ и пребываніе въ Египтѣ и существованіе Моисея, какъ историческаго лица, и начинаетъ исторію израильскихъ колѣнъ прямо съ эпохи завоеванія ими Ханаана. Слѣдуетъ отмѣтить, что Штаде остался съ этой точкой зрѣнія почти одинокимъ.

реальнаго существованія другихъ боговъ, своимъ спеціальнымъ богомъ-покровителемъ и владыкой считаетъ опредѣленнаго бога и только ему воздаетъ культъ, какъ національному богу. Колѣна, сплотившись во имя Іагве, завоевываютъ Ханаанъ и разселяются тамъ; въ новой обстановкѣ видоизмѣняется и ихъ религія. Національнымъ богомъ остается Іагве; но рядомъ съ нимъ возникаетъ почитаніе мѣстныхъ святынь, мѣстныхъ боговъ-вааловъ, покровителей земледѣлія и опредѣленныхъ мѣстностей. Сліяніе израильтянъ съ ханаанеями влечетъ за собою и сліяніе религій; образуется жизнерадостная религія земледѣльческаго народа, съ праздниками посѣва, жатвы и сбора плодовъ, съ жертвенными пирами, съ безшабашнымъ весельемъ. Эта народная религія встрѣчаетъ оппозицію съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, противъ нея выступаютъ пророки. Выступленіе Ассиріи въ качествѣ грозной міровой державы рождаетъ въ ихъ умѣ идею универсальнаго этическаго монотеизма. Іагве для нихъ есть не только маленькій божокъ маленькаго народа, онъ есть богъ и судія вселенной, требующій правды, а не жертвы, послушанія, а не молитвы. Проповѣдь пророковъ питается насиліями и неправдой въ соціальной жизни, формальнымъ отношеніемъ къ культу въ области религіи: за всѣ грѣхи Израиля и Іуду постигнетъ суровый судъ Іагве, который накажетъ свой грѣшный народъ чрезъ посредство Ассиріи и Вавилона. Такъ на мѣсто Volksreligion въ проповѣди пророковъ становится міровая религія, Weltreligion, „предтеча христіанства". Съ другой стороны, противъ народной религіи возстаютъ изъ своихъ интересовъ цари Іуды и жрецы іерусалимскаго храма. Проповѣдь пророковъ противъ жертвеннаго культа на высотахъ они повертываютъ по-своему и проводятъ централизацію культа въ Іерусалимѣ, уничтоживъ всѣ мѣстныя святыни. Съ разгромомъ Іерусалима замолкъ голосъ пророковъ, но жрецы остались и использовали гибель націи въ интересахъ теократіи. Ихъ обрядовое творчество продолжалось и вылилось въ „Книгѣ закона Моисеева", которую Эзра и ввелъ въ дѣйствіе въ общинѣ второго храма. Такъ изъ націи стала община вѣрующихъ, жизнь втиснулась въ рамки закона, который, какъ педагогическое исправительное средство, твердо охранялъ начала супранатуралистическаго монотеизма и въ своей „шероховатой скорлупѣ" сохранилъ то „драгоцѣнное ядро", которое дало возможность явиться Іисусу съ его пророческой проповѣдью.

Эта схема была чрезвычайно стройна и послѣдовательна; вмѣстѣ съ тѣмъ она давала возможность, при желаніи, вывести конструкцію развитія древне-израильской религіи изъ области чисто логическихъ построеній и связать ее съ конструкціей общей исторіи Израиля. Въ работахъ Велльгаузена и Штаде, въ особенности въ велльгаузеновскихъ Prolegomena, связь исторіи культа, жречества и религіозныхъ идей съ матеріальными условіями существованія Израиля въ различныя эпохи подчеркивается и проводится детальнымъ образомъ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ схема школы Велльгаузена страдала крупнымъ недостаткомъ. Блестящимъ образомъ доказавъ, что „книга закона Моисеева", т.-е. Пятикнижіе въ его цѣломъ видѣ, явилась только въ эпоху

Эзры, и что жреческій кодексъ составляетъ его позднѣйшую часть, Велльгаузенъ и его послѣдователи не дали себѣ труда прослѣдить, что̀ въ этомъ жреческомъ кодексѣ существенно новаго и что́ является только кодификаціей, письменнымъ юридическимъ закрѣпленіемъ давно существовавшихъ обычаевъ, быть можетъ, разрозненныхъ, лишенныхъ системы, практиковавшихся не вездѣ и повсемѣстно, но теперь признанныхъ достойными стать обязательными и всеобщими. Они упустили изъ виду огромную силу традиціи въ религіозномъ обрядѣ; какъ показываетъ исторія культа всѣхъ извѣстныхъ намъ религій, возможна почти полная насильственная отмѣна обряда, но едва ли мыслимо кабинетное сочиненіе новой обрядности и введенія ея въ жизнь путемъ простымъ соглашенія между ея авторами и вѣрующими. Жреческій кодексъ могъ видоизмѣнить, преобразовать, усилить, подчеркнуть, регламентировать обрядъ и его значеніе; но сила и святость извѣстнаго обряда прежде всего коренится въ традиціи, въ примѣрѣ, въ доказательности его необходимости и полезности изъ прежней практики. Не сдѣлавъ указанной работы, представители школы Велльгаузена усвоили себѣ въ то же время чисто-механическій способъ расчлененія Пятикнижія и другихъ книгъ Ветхаго Завѣта на составныя части. Опредѣливъ крупныя составныя части, относящіяся къ различнымъ опредѣленнымъ источникамъ, представители этой школы занялись изслѣдованіемъ деталей, спорами о принадлежности тому или другому источнику отдѣльныхъ фразъ и даже словъ; болѣе остроумные среди нихъ пытались разложить крупныя составныя части, въ свою очередь, на болѣе раннія и болѣе позднія, дробя тѣмъ самымъ библейскій текстъ до безконечности [1]). Конечно, эта работа далеко не была безплодна и дала нѣкоторые безспорные результаты; но, увлекшись мелочами литературной критики, представители школы Велльгаузена ушли далеко отъ разрѣшенія чисто историческихъ вопросовъ. А такихъ вопросовъ было немало.

Прежде всего оставалась, конечно, попрежнему неразработанной соціальная исторія Израиля, хотя именно теперь, послѣ разрѣшенія главной проблемы о составѣ и времени происхожденія библейскихъ книгъ и въ особенности Пятикнижія, для такой разработки открывалась полная возможность, ибо главный матеріалъ для соціальной исторіи содержится именно въ законодательныхъ частяхъ Пятикнижія. Съ другой стороны, занимаясь главнымъ образомъ исторіей религіи, школа Графа-Велльгаузена и въ этой области далеко не дала исчерпывающаго разрѣшенія вопроса. Прежде всего въ основѣ своей новая схема страдала нѣкоторой искусственностью. Какъ примирить принципъ національнаго генотеизма съ культомъ ханаанскихъ Вааловъ или съ культами иноземныхъ боговъ, финикійскихъ, египетскихъ и вавилонскихъ, существовавшими и на сѣверѣ и на югѣ въ эпоху раздѣльныхъ царствъ?

---

[1]) Образцомъ можетъ служить 3-е изданіе нѣмецкаго перевода Ветхаго Завѣта подъ ред. Кауча, гдѣ на поляхъ условными буквами обозначаются части, заимствованныя составителями библейскихъ книгъ изъ разныхъ источниковъ. Ср. также статью во II томѣ „Библія, какъ историческій памятникъ".

Если фактически принципъ національнаго генотеизма въ историческую эпоху не существовалъ, а въ эпоху кочевья въ пустынѣ былъ только провозглашенъ, то не является ли онъ просто фикціей, теоретическимъ домысломъ творцовъ школы? Далѣе, и самъ Велльгаузенъ и его послѣдователи не привлекали для освѣщенія многихъ явленій древне-израильскаго религіознаго быта никакихъ параллелей, которыя могла дать сравнительная исторія религій; мало того, они считали возможнымъ обойтись даже безъ привлеченія матеріала изъ области финикійскихъ, египетскихъ и вавилонскихъ культовъ, оказавшихъ, по свидѣтельству самой Библіи, значительное вліяніе на религіозный бытъ древняго Израиля. Между тѣмъ, за это дѣло принялись ассиріологи и египтологи, и въ ихъ работахъ вопросъ получилъ совершенно неожиданное и крайне непріятное для богословской школы разрѣшеніе; когда этотъ врагъ выступилъ во всеоружіи своего знанія, такіе ветхозавѣтники, какъ Будде или Кёнигъ, могли противопоставить его аргументаціи лишь жалкія общія соображенія на тему о томъ, что можетъ быть какія-нибудь заимствованія и были, но геній Израиля все очищалъ и преобразовывалъ до неузнаваемости, идя къ своей великой провиденціальной цѣли. Занимаясь религіей исключительно по литературнымъ данным, представители школы Графа-Велльгаузена не интересовались археологическимъ матеріаломъ; между тѣмъ съ 1890 г. въ Палестинѣ начинаются раскопки, давшія огромный и любопытный матеріалъ какъ разъ по исторіи культа и въ основныхъ чертахъ подтверждающія ту характеристику, которую давалъ Велльгаузенъ матеріальной сторонѣ культа въ эпоху, предшествовавшую Второзаконію. Но результаты раскопокъ еще разъ и чрезвычайно настойчиво требовали примѣненія сравнительнаго метода при изученіи исторіи израильскаго религіознаго быта. Археологическимъ матеріаломъ воспользовался только Киттель во II изданіи своей исторіи; но онъ далъ главнымъ образомъ сводку добытаго сырого матеріала и почти не пытался освѣтить его данными изъ области первобытнаго религіознаго быта и изъ области другихъ восточныхъ религій.

Таковы результаты дѣятельности религіозно-исторической школы. Бо́льшаго она не могла дать, не выходя изъ рамокъ богословскаго изученія. Ибо если бы она отказалась отъ трактованія исторіи Израиля, какъ подготовительной ступени къ христіанству, и признала, что древній Израиль былъ такимъ же народомъ, какъ всѣ прочіе, безъ всякой провиденціальной миссіи, то она перестала бы быть сама собой. Наука отъ этого, конечно, только бы выиграла; но пришлось бы признать несостоятельность теологіи въ разрѣшеніи даже такой маленькой научной проблемы, какъ исторія Израиля, а на такую выдачу себѣ testimonii paupertatis нѣмецкіе богословы не пойдутъ. Они предпочитаютъ, какъ мы увидимъ, использовать къ своей выгодѣ фантастику панвавилонизма, и этимъ хотя бы на время отсрочить капитуляцію своей монополіи въ вопросахъ ветхозавѣтной науки.

Намъ осталось отмѣтить только еще одну работу, правда, не вполнѣ примыкающую къ нѣмецкой религіозно-исторической школѣ,

но ставящую себѣ приблизительно тѣ же задачи. Это „Histoire du peuple d'Israel“ (пять томовъ, 1867—1893) Эрнеста Ренана, извѣстнаго французскаго семитолога (1823—1892). Ренанъ—не богословъ по своимъ задачамъ, хотя получилъ богословское католическое образованіе; отъ католической догмы онъ, однако, рѣзко отмежевался и былъ чистымъ раціоналистомъ, съ весьма замѣтнымъ налетомъ идеалистической романтики. Вопросами исторіи христіанства онъ чрезвычайно интересовался и хотѣлъ разрѣшить проблему происхожденія христіанства не богословскимъ, а историческимъ путемъ. Главнымъ его трудомъ и явилась серія „Histoire des origines du Christianisme“, въ которой исторія Израиля должна была служить первой частью. Уже это обстоятельство показываетъ, что богословское образованіе Ренана дало свои плоды; въ текстѣ „Исторіи израильскаго народа“ мы находимъ другія свидѣтельства того, насколько даже такой великій умъ, какъ Ренанъ, могъ подчиниться дѣйствію тысячелѣтней традиціи. Человѣческая культура, созданная, по словамъ Ренана, геніемъ Греціи, не всѣмъ своимъ содержаніемъ обязана ея творчеству. Именно, идея созданія универсальной религіи человѣчества, провозглашающей принципъ божественной справедливости, была чужда греческому духу; чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, былъ призванъ къ жизни „вдохновенный геній“ маленькаго племени, затерявшагося среди народовъ Сиріи. Подлинными создателями этой универсальной религіи были пророки, а прямыми ихъ наслѣдниками являются основатели христіанства. Если тутъ Ренанъ выступаетъ въ качествѣ типичнаго представителя всемірно-исторической точки зрѣнія, то въ вопросѣ о ходѣ развитія израильской религіи онъ примыкаетъ въ сущности къ чисто традиціонной точкѣ зрѣнія, хотя и пытается внести въ нее нѣкоторыя поправки. По мнѣнію Ренана, въ эпоху кочевой жизни въ пустынѣ богъ еврейскихъ племенъ былъ уже абсолютнымъ божествомъ, любящимъ добро и ненавидящимъ зло; этому единому всевышнему правителю вселенной поклонялись, правда, подъ разными наименованіями, но множественность именъ божества не нарушала принципа монотеизма, подчеркивая лишь различныя формы и проявленія дѣятельности одного и того же божества. Чистота и возвышенность монотеизма нарушились со времени завоеванія Ханаана. Во время войнъ Іагве сталъ національнымъ богомъ, раздѣляющимъ со своимъ народомъ его побѣды и пораженія, дающимъ ему землю: осѣдлость и собственная территорія превратили универсальнаго бога въ узкое національное божество, любящее только свой народъ и ненавидящее всѣ другія, подобно тому, какъ (говоритъ Ренанъ) Германія послѣ объединенія сейчасъ же создала себѣ національнаго Бога,— unser Gott, какъ говорилъ императоръ Вильгельмъ I. Пророки возродили понятіе универсальнаго монотеизма и вновь направили религію на истинный путь. Однако въ исторіи Израиля Ренана не занимаетъ исключительно исторія религіи, которой онъ, конечно, отводитъ видное мѣсто; напротивъ, Ренанъ старается дать исторію народа и его вождей. Прекрасный знатокъ арабскаго быта, Ренанъ привлекаетъ его для блестящей характеристики кочевого періода исторіи Израиля; его мало интересуетъ принадлежность легендъ кн. Бытія

и Исходъ тому или иному источнику, но онъ пользуется ими и толкуетъ ихъ, судя по ихъ соотвѣтствію съ основами кочевого быта; съ той же точки зрѣнія разсматриваетъ Ренанъ и обрядовое законодательство пустыни, открывая въ немъ, съ присущей ему интуиціей, архаическія черты. Далѣе идетъ драматическая картина завоеванія Ханаана и разселенія въ этой странѣ Израиля, блестящія характеристики царей Саула, Давида и Соломона. Съ особымъ подъемомъ разсматриваетъ Ренанъ дѣятельность пророковъ, выдвигая на первый планъ ихъ значеніе, какъ борцовъ за соціальную правду. Выше ея для пророковъ ничего не было, ради ея торжества они шли на гибель государства, „подобно русскимъ анархистамъ", именно постулатъ соціальной правды и выдвинулъ для нихъ необходимость провозглашенія универсальнаго этическаго монотеизма, принципъ котораго заглохъ со времени національнаго объединенія и созданія національнаго государства. Увлекательно написанная, исторія Израиля Ренана содержитъ, безспорно, множество мѣткихъ сопоставленій и яркихъ характеристикъ; но ея достоинства парализуются цѣлымъ рядомъ отрицательныхъ сторонъ. Блестящій лингвистъ, Ренанъ не былъ ни историкомъ, ни литературнымъ критикомъ; недостатокъ критическаго изученія текста Библіи онъ восполнялъ раціоналистической дивинаціей и субъективными гипотезами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ другихъ своихъ работахъ, Ренанъ и здѣсь прибѣгаетъ къ модернизаціямъ, къ привлеченію явленій его современности для объясненія явленій древности по яркимъ признакамъ сходства, хотя бы только внѣшняго. Эти модернизаціи и личныя изліянія самого Ренана сообщаютъ его работамъ нѣкоторый публицистическій тонъ. Ренанъ насъ трогаетъ, увлекаетъ, но не учитъ; и, быть можетъ, съ извѣстной точки зрѣнія нѣмецкіе ветхозавѣтники правы, обходя его молчаніемъ въ своихъ исторіографическихъ обзорахъ и ссылкахъ.

2. Сравнительное изученіе исторіи Израиля.

Богословы критической школы трактовали израильскій народъ, какъ избранный, а его религію и культуру, какъ нѣчто несоизмѣримое съ религіей и культурой другихъ народовъ; поэтому ихъ мало занимала та среда, въ которой жилъ Израиль и вліяніямъ которой онъ подвергался. Между тѣмъ во второй половинѣ XIX вѣка было дешифрировано клинообразное письмо, были прочитаны и переведены ассиро-вавилонскіе тексты, открылись великолѣпные памятники ассиро-вавилонской культуры, корни которой, какъ оказалось, восходятъ къ четыремъ тысячелѣтіямъ до Р. Х. Естественно, что въ памятникахъ клинообразной письменности стали искать прежде всего параллелей къ историческимъ разсказамъ библейскихъ книгъ. Еще въ 70-хъ годахъ ветхозавѣтникъ Эбергардъ Шрадеръ, занимавшійся также ассиріологіей, выпустилъ книгу „Die Keilinschriften und das Alte Testament" (1872), въ которой собралъ данныя изъ лѣтописей вавилонскихъ и ассирійскихъ царей для повѣрки библейскихъ данныхъ, а также миѳологическій матеріалъ, который можно было использовать для коммен-

таріевъ къ нѣкоторымъ преданіямъ Библіи. Шрадеръ не выдвигалъ никакихъ новыхъ схемъ, но хотѣлъ дать только справочное пособіе: онъ цитировалъ по порядку всѣ мѣста Библіи, къ которымъ можно было дать клинообразные комментаріи, и давалъ параллельно соотвѣтствующіе клинообразные тексты съ самыми необходимыми разъясненіями. Главный результатъ работы Шрадера заключался въ томъ, что только теперь явилась возможность установить, на основаніи точныхъ данныхъ клинообразныхъ документовъ, хронологію царскаго періода, такъ какъ библейская хронологія была совершенно искусственной [1]). Съ другой стороны, вавилонскую миѳологію привлекъ для объясненія библейскаго миѳа о твореніи и цѣлаго ряда образовъ библейской поэзіи ветхозавѣтникъ Германъ Гункель („Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit", 1895). Выясняя тѣсную литературную зависимость библейскаго миѳа о твореніи отъ вавилонскаго эпоса VII таблицъ и огромное вліяніе послѣдняго на символику израильской пророческой и богослужебной поэзіи, Гункель тѣмъ не менѣе утверждалъ, что по существу іудейская религія не испытала на себѣ никакого вавилонскаго вліянія; вавилонскій миѳъ о твореніи былъ заимствованъ, по его мнѣнію, еще до-израильскимъ населеніемъ Ханаана, и отъ послѣдняго перешелъ къ евреямъ, но до плѣна не имѣлъ религіознаго значенія: онъ давалъ Израилю лишь своего рода знаніе о началѣ и строеніи міра, т. е. то, что Исаія называетъ вавилонскою мудростью, а впослѣдствіи его фантастическіе образы стали служить символами для изображенія идеальнаго будущаго. Стараясь, такимъ образомъ, остаться на почвѣ религіозно-исторической школы, Гункель не замѣчаетъ, что впадаетъ въ противорѣчіе: разъ въ такомъ важномъ пунктѣ, какъ концепція начала міра, библейская теологія почерпала свое знаніе изъ вавилонской мудрости, то тѣмъ самымъ уже дается убѣдительное доказательство наличности вавилонскаго вліянія въ области израильскихъ религіозныхъ идей.

Богословы-ветхозавѣтники инстинктивно останавливались на полдорогѣ на этомъ скользкомъ пути, не имѣя мужества открыто признать вавилонское вліяніе въ исторіи и культурѣ Израиля. Неудивительно, что со стороны ассиріологовъ такое признаніе было провозглашено тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе. Въ 1903 г. выступилъ со своимъ знаменитымъ докладомъ „Babel und Bibel" ассиріологъ Фридрихъ Деличъ. Въ сущности докладъ Делича вовсе не является серьезнымъ научнымъ произведеніемъ; это былъ своего рода манифестъ или вызовъ, брошенный ветхозавѣтной наукѣ со стороны ассиріологіи и апел-

[1]) Въ Библіи исторія Израиля распадается на три совершенно равныхъ періода, по 480 лѣтъ: 480 лѣтъ отъ Авраама до исхода изъ Египта, 480 лѣтъ отъ исхода до построенія Соломономъ храма и 480 лѣтъ отъ построенія храма до разрушенія Іерусалима. Каждый изъ этихъ періодовъ, въ свою очередь, раздѣляется на 12 поколѣній по 40 лѣтъ въ каждомъ; чтобы провести это дѣленіе, редакторамъ библейскихъ книгъ пришлось насильственнымъ образомъ пригонять къ этой схемѣ годы правленія судей и царей, такъ что и вся схема въ цѣломъ и ея отдѣльныя слагаемыя были совершенно неналежны.

лировавшій сразу къ широкимъ кругамъ публики; въ этомъ и заключалось все его значеніе и весь шумъ, поднявшійся вокругъ него. Религіозно-историческая школа говорила, что въ религіи и литературѣ Израиля все самобытно, все оригинально. Ничего подобнаго,—заявляетъ Деличъ: все, что есть у Израиля, заимствовано изъ Вавилона, который имѣлъ это въ самомъ лучшемъ видѣ. Библейская литература есть лишь жалкій сколокъ съ вавилонской, Іагве и Эль—названія вавилонскихъ боговъ, монотеизмъ Іагве имѣлъ предшественника въ видѣ монотеистическихъ стремленій въ пользу вавилонскаго Мардука, суббота, херувимы, серафимы, псалмы—вавилонскаго происхожденія. Понятіе о нравственности, законодательство, положеніе женщины и многое другое у вавилонянъ выше и чище, чѣмъ у евреевъ; цари израильскіе и іудейскіе только насильничали, а Хаммураби построилъ свое царство на справедливости, отчего оно и держалось два тысячелѣтія. Все это было высказано съ большимъ задоромъ, но съ весьма слабой аргументаціей; детальныя изслѣдованія были еще впереди. Среди богослововъ, однако, поднялся переполохъ; одни съ такимъ же задоромъ, но съ такою же неубѣдительностью, стали доказывать, что, напротивъ, въ Библіи все лучше, чѣмъ въ Вавилонѣ, другіе пустились на инсинуаціи, многозначительно подбирая созвучныя слова: Babel, Bibel und... Bebel. Въ морѣ словопреній, грязной подчасъ полемики и самохвальства богослововъ грозила потонуть научная разработка столь важнаго вопроса. А болѣе порядочные и разумные ветхозавѣтники, не осмѣливавшіеся итти противъ очевидныхъ фактовъ, старались найти какой-либо благочестивый исходъ, безъ ущерба для божественнаго характера израильской религіи. И тотъ же Гункель въ брошюрѣ „Israel und Babylonien“, написанной имъ по поводу доклада Делича, говоритъ, что если мы вѣримъ въ Бога, открывающагося въ исторіи, то не можемъ ему предписывать, какъ должны итти событія, и если мы найдемъ въ религіи Израиля вавилонскіе элементы, то „наша вѣра должна радоваться, что мы видимъ дѣло божіе тамъ, гдѣ раньше его не подозрѣвали“.

Между тѣмъ въ это время вопросъ о зависимости израильской культуры отъ вавилонской сталъ разрабатываться уже съ другой стороны, въ трудахъ такъ называемыхъ панвавилонистовъ. Созданный трудами Штукена и, главнымъ образомъ, знаменитаго Гуго Винклера [1]), панвавилонизмъ представлялъ изъ себя стройную концепцію, исходившую формально какъ будто изъ документальныхъ данныхъ, а на самомъ дѣлѣ изъ апріорныхъ соображеній, лишь подкрѣплявшихся нѣкоторыми, иной разъ спорными, документами. Концепція панвавилонистовъ, какъ она изложена систематически въ цѣломъ рядѣ трудовъ Винклера, сводится къ слѣдующей схемѣ. Въ древнемъ мірѣ, включая Грецію и Римъ, господствовало особое древневосточное міросозерцаніе, совершенно непохожее на наше, мыслившее явленія природы и факты исторической жизни въ совершенно иныхъ категоріяхъ

---

[1]) Ср. перечень его работъ въ VIII отдѣлѣ „Библіографіи“.

и восходившее въ своей основѣ къ изначальной (uralt) вавилонской астральной религіи. Эта послѣдняя была комбинацией астрологическихъ вѣрованій и нѣкоторыхъ астрономическихъ положеній. Всякое божество, по вѣрованію этой религіи, есть идеальная сила, духовная величина, пребывающая на небѣ и управляющая оттуда міромъ. Воля этихъ небесныхъ боговъ открывается чрезъ посредство движенія и соотношенія великихъ небесныхъ свѣтилъ, именно—солнца, луны и пяти извѣстныхъ вавилонянамъ планетъ. Ихъ движенія и соотношенія являются опредѣляющими моментами для жизни въ нижнемъ мірѣ, на землѣ: все, происходящее на небѣ, получаетъ свое отображеніе на землѣ. Небесная географія параллельна земной, исторія земли параллельна исторіи неба. Исторія неба сводится къ исторіи вѣкового движенія солнца среди небесныхъ свѣтилъ, связаннаго съ явленіемъ прецессіи (предваренія равноденствія); вслѣдствіе этого явленія солнце, находящееся въ настоящее время въ моментъ весенняго равноденствія въ созвѣздіи Рыбъ, 2.000 лѣтъ тому назадъ было въ созвѣздіи Овна, еще 2.000 лѣтъ раньше—въ созвѣздіи Тельца, еще 2.000 лѣтъ раньше—въ созвѣздіи Близнецовъ и т. д.; въ 24.000 лѣтъ солнце совершаетъ по зодіаку полный кругъ. Винклеръ предполагаетъ, что это явленіе прецессіи было извѣстно искони вавилонянамъ (на самомъ дѣлѣ, какъ теперь доказано, въ астрологическихъ текстахъ вавилонской и ассирійской эпохъ нѣтъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на знакомство съ прецессіей) и опредѣлило собою характеръ вавилонской религіи и миѳологіи. Та и другая—астральны; астрально и все міровоззрѣніе, выражающее изъ такой религіи. Въ вѣкъ Близнецовъ, т.-е. за 3.000 лѣтъ до Р. Х., въ Вавилоніи были наиболѣе чтимыми богами лунный богъ Синъ и солнечный богъ Шамашъ, два бога-близнеца; второй вѣкъ Тельца ознаменованъ господствомъ культа Мардука, бога Вавилона, считавшагося богомъ весенняго солнца и изображавшагося въ видѣ тельца. Далѣе, въ вѣкѣ Овна, Вавилонъ теряетъ свою политическую самостоятельность; но вавилонское астральное міровоззрѣніе (это другой кардинальный пунктъ теоріи Винклера) было заимствовано (entlehnt) всѣми народами древности, не исключая китайцевъ и перуанцевъ; поэтому схема продолжается въ Римѣ, въ культѣ Юпитера съ бараньими рогами. Смыслъ всей вавилонской миѳологіи, обычаевъ, обрядовъ—астральный; все символизируетъ тѣ или иныя астральныя явленія и построено по системѣ священныхъ чиселъ, заимствованныхъ изъ астрономическихъ наблюденій. Такихъ чиселъ много: два—солнце и луна, три—солнце, луна и Венера, четыре—прочія четыре планеты, пять—пять планетъ, кромѣ солнца и луны, семь—солнце, луна и пять планетъ, двѣнадцать—число созвѣздій зодіака и мѣсяцевъ въ году, $60 = 5 \times 12$ и т. д.; кратныя всѣхъ этихъ чиселъ (70, 360, 600, 3600 и др.) также священны.

Установивъ „астральный“ характеръ вавилонскаго міровоззрѣнія и его первичность и утверждая, что все міровоззрѣніе, миѳологія и религія другихъ древнихъ народовъ, какъ заимствованныя изъ Вавилоніи, также астральны, Винклеръ переходитъ къ анализу Библіи. По мнѣнію Винклера, ее надо понимать и толковать, исходя изъ духа вави-

лонской культуры, среди которой она возникла. Слѣдовать богословскому методу послѣ „открытій“ Винклера—все равно, что пользоваться почтовой каретой, когда можно ѣхать по желѣзной дорогѣ, т.-е. пользоваться панвавилонистскимъ методомъ. Для Винклера нѣтъ никакихъ индивидуальностей, есть одинъ древній Востокъ, нѣтъ никакого индивидуальнаго развитія ни въ религіи, ни въ культурѣ, но есть лишь народы, въ той или иной мѣрѣ причастные къ вавилонской религіи и культурѣ. Поэтому Винклеръ считаетъ дѣло религіозно-исторической школы конченнымъ и предлагаетъ свою концепцію израильской религіи, легенды и исторіи. Она изложена въ двухтомной „Geschichte Israels in Einzeldarstellungen“ (I—„Geschichte“, 1895, II—„Legende“, 1900) и въ первой половинѣ III изданія уже упоминавшейся книги Шрадера, переработанной до неузнаваемости Винклеромъ въ сотрудничествѣ съ Циммерномъ (1903).

Въ I томѣ „Geschichte Israels“, посвященной политической и международной исторіи Израиля и сосѣднихъ съ нимъ народностей, вліяніе панвавилонистскихъ идей еще не такъ замѣтно: съ одной стороны, въ 1895 г. „система“ еще только намѣчалась, съ другой стороны, самъ Винклеръ еще не освободился отъ нѣкоторыхъ традицій религіозно-исторической школы. Сама по себѣ исторія древняго Израиля не должна бы вызывать со стороны Винклера особаго интереса. И дѣйствительно, по его мнѣнію роль Израиля въ политической исторіи Востока была малозначительна, Израиль по большей части выступалъ въ качествѣ чужого орудія. Но Винклеръ признаетъ, что на почвѣ Палестины была родина монотеизма, одной изъ основъ современной европейской культуры, и ради этого считаетъ необходимымъ заняться исторіей такого малозначительнаго народа. При этомъ онъ оговаривается, что прежнія построенія исторіи Израиля и его религіи грѣшили оторванностью отъ общихъ условій существованія всякаго народа. Религіозное развитіе всегда бываетъ тѣсно связано съ политическими и хозяйственными условіями жизни данной страны, съ борьбою общественныхъ теченій и партій, съ движеніемъ впередъ и реакціей внутри страны, а также съ международными отношеніями. Такимъ образомъ, выдвигая на первый планъ опять-таки проблему религіозной исторіи, Винклеръ собирается разрѣшить ее иными путями, несомнѣнно, гораздо болѣе близкими къ научной истинѣ, чѣмъ пути религіозно-исторической школы. Однако исполненію задачи сильно вредитъ презумпція Винклера въ пользу преобладающаго вліянія Ассиро-Вавилоніи. Эта презумпція не чувствуется еще въ первой половинѣ исторіи Израиля Винклера. Тутъ онъ исходитъ изъ правильнаго по существу взгляда, что Израиль передъ занятіемъ Ханаана отнюдь не былъ единымъ народомъ, но составлялъ конгломератъ родственныхъ племенъ или колѣнъ; колѣна поселились въ Ханаанѣ постепенно, а не сразу подъ предводительствомъ одного вождя, и послѣ поселенія связи между ними или совсѣмъ отсутствовали или были очень слабы. При такой обстановкѣ, конечно, не могло быть и рѣчи объ единомъ національномъ богѣ. Іагве былъ богомъ только Калеба-Іуды и до Давида такимъ оставался; только Да-

видъ, судя по легендамъ, пытался возвести его на степень общеизраильскаго божества, но все-таки общаго признанія Іагве въ Израилѣ не получилъ, и божества Беeръ-Шебы, Дана и Бетъ-Эля всегда успѣшно конкурировали съ нимъ. Со времени раздѣленія царствъ борьба за Іагве, какъ за единаго бога Израиля, переносится на чисто-политическую почву. Только въ царствѣ Іуды культъ Іагве остается офиціальнымъ; въ сѣверномъ царствѣ, если имя Іагве и произносится, то какъ далекій, полумиѳическій отзвукъ полумиѳическаго славнаго царства Давида. Этимъ обстоятельствомъ пользуются цари Іуды въ своихъ стремленіяхъ объединить подъ своей властью весь народъ израильскій. Со всѣми изложенными выводами можно вполнѣ согласиться; но, начиная съ пророческой эпохи, Винклеръ выставляетъ уже весьма спорныя положенія. Онъ доказываетъ, что въ союзѣ съ пророками и въ надеждѣ на Ассирію, а затѣмъ прямо въ согласіи съ нею, іудейскіе цари выдвигаютъ устами пророковъ идею о единомъ богѣ Израиля Іагве и грозятъ сѣверу за „отпаденіе" отъ этого бога разгромомъ со стороны Ассиріи. Но въ рукахъ такого могущественнаго союзника іудейскіе цари и пророки становятся только послушными орудіями, и вмѣсто торжества Іагве и Іуды получается торжество Ассиріи. Послѣ разгрома Самаріи рухнули надежды на гегемонію Іуды въ Ханаанѣ, и развитіе іагвизма идетъ уже по другому пути: жреческая партія въ Іерусалимѣ пользуется слабостью политической власти, чтобы провести свои теократическія тенденціи. Въ результатѣ является сначала централизація культа при Іошіи (введеніе Второзаконія), а затѣмъ, послѣ разгрома южнаго царства, созданіе іудейской секты, іерократической общины второго храма.

Мы видимъ, что здѣсь нѣтъ еще типичнаго фантастическаго панвавилонизма: передъ нами люди, какъ люди, дѣйствующіе и думающіе не по астральному рецепту, но подъ вліяніемъ чисто жизненныхъ условій. И однако панвавилонизмъ, хотя и въ модифицированной формѣ, сказался и тутъ. Превративъ пророковъ въ простое орудіе Ассиріи, чуть ли не въ ея тайныхъ агентовъ, Винклеръ обезцѣнилъ во славу великой месопотамской державы характернѣйшее явленіе внутренней, соціальной жизни Израиля. Для Винклера оказались прежде всего важными политическіе аппетиты царей Іуды и міровая политика Ассиріи; этими двумя факторами онъ объясняетъ все, забывая, что былъ еще израильскій народъ, была среди него соціальная борьба, вліявшая и на политику царей и явившаяся главной основой пророческаго движенія. Если богословы религіозно-исторической школы переоцѣнивали религіозное творчество пророковъ, то Винклеръ не только не дооцѣнилъ всю ихъ дѣятельность, но и неправильно ее понялъ. Въ результатѣ получился жалкій для Израиля итогъ: въ политической области Израиль и Іуда были поглощены до потери всякой исторической индивидуальности Ассиріей и Вавилономъ, а въ религіозной области важнѣйшія явленія были сведены на степень недальновидныхъ политическихъ интригъ. Но этотъ приговоръ блѣднѣетъ передъ тѣми выводами, которые Винклеръ дѣлаетъ во II части „Ceschichte Israels" и въ „Keilinschriften" Шрадера.

Тутъ онъ оперируетъ съ библейской легендой, которой онъ придаетъ первостепенное значеніе: только въ этой области его панвавилонистскія построенія оказываются примѣнимыми и приводящими къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Астральное міровоззрѣніе, по мнѣнію Винклера, опредѣлило собою методъ древнихъ историковъ и ихъ концепцію исторіи; астральный методъ примѣнялся и къ систематизаціи легендъ и къ связному изложенію историческихъ событій и замѣнялъ собою для древности нашъ ретроспективный методъ или эволюціонный методъ. Примѣняя астральный методъ къ толкованію библейской традиціи, Винклеръ считаетъ возможнымъ вскрыть ея тайный смыслъ и почерпнуть изъ легенды точное знаніе, сводящееся, конечно, къ тому, что все было изъ Вавилона. Таково прежде всего происхожденіе и содержаніе израильской религіи (не офиціальнаго іудейскаго культа Іагве, а народной религіи): легенды объ Авраамѣ и Іосифѣ, основателяхъ этой религіи, говорятъ, что Авраамъ былъ родомъ изъ Ура, древняго вавилонскаго мѣста луннаго культа, а Іосифъ — изъ Египта, страны бога солнца; отсюда, библейская религія была вавилонскаго происхожденія, съ примѣсью египетскихъ элементовъ, и заключалась въ культахъ солнца и луны, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ мѣстнымъ святилищамъ. Анализируя далѣе библейскую легенду, Винклеръ находитъ, что она слѣдуетъ за вѣковымъ движеніемъ солнца по закону прецессіи. Авраамъ — лунный герой; но, съ другой стороны, онъ, какъ одинъ изъ близнецовъ (братъ Лота) и какъ супругъ-братъ Сары, есть солнечный герой, Таммузъ-Адонисъ. Исаакъ—лунный герой, неясенъ; Іаковъ—лунный герой, у него 12 сыновей-мѣсяцевъ, Лія—новолуніе, Рахиль—полнолуніе, двѣ наложницы Іакова—первая и вторая четверти луны. Лунный герой появляется въ легендѣ три раза, чтобы отмѣтить три эона: Близнецовъ, Тельца и Овна. Далѣе идутъ солнечные герои; ихъ четыре, по числу временъ года: Іосифъ,—какъ сынъ луннаго бога, Моисей — съ лучами на головѣ, Іошуа, остановившій солнце, Калебъ. Царская эпоха строится въ легендѣ по той же схемѣ. Саулъ—лунный герой, его три сына, умирающіе вмѣстѣ съ нимъ,— три стражи, на которыя дѣлилась на востокѣ ночь, семь потомковъ— семь дней недѣли и т. д. Іонатанъ — солнечный герой, ибо воюетъ днемъ, съ лукомъ въ рукахъ. Давидъ—солнце первой половины года; его имя этимологически происходитъ отъ еврейскаго имени Таммуза (Додъ, דוד); борьба Давида съ Голіаѳомъ—параллель борьбы Мардука съ Тіаматъ, Абигаиль—Иштаръ, Набалъ—Оріонъ, Батшеба—тоже. Иштаръ. Соломонъ—солнце второй половины года, соотвѣтствуетъ вавилонскому Набу. И Давидъ и Соломонъ для Винклера въ сущности легендарные герои, а не историческія лица.

Wilde Phantastereien (дикая фантастика)—такъ окрестилъ панвавилонизмъ извѣстный историкъ Эдуардъ Мейеръ. Апріорность и предвзятость всей схемы, астральный методъ толкованія, смахивающій на каббалистику,—все это заставляло относиться къ панвавилонизму скорѣе, какъ ученому курьезу, чѣмъ какъ къ серьезной научной гипотезѣ. Въ немъ было столько слабыхъ пунктовъ, что богословамъ не составило

особаго труда не столько критиковать, сколько высмѣивать Винклера, Штукена, Іенсена и другихъ панвавилонистовъ. Но ненаучность панвавилонистской схемы, съ другой стороны, дала возможность инымъ богословамъ обратить и эту теорію въ орудіе ad majorem dei gloriam. Именно, панвавилонизмъ нашелъ себѣ среди богослововъ двухъ страстныхъ адептовъ, пастора Іеремiаса и молодого ветхозавѣтника Эрбта. Іеремiасъ въ своей работѣ „Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients“ признаетъ, что мы должны изучать древневосточную культуру и древневосточное міросозерцаніе, какъ ф о р м у, въ которую библейскіе писатели включили „богооткровенное содержаніе“. Послѣ этого Іеремiасъ со спокойной совѣстью могъ искать и находить астральные мотивы въ Библіи даже тамъ, гдѣ ихъ не рѣшался находить самъ Винклеръ. Рѣшительный ударъ панвавилонизму былъ нанесенъ, однако, со стороны самихъ же ассиріологовъ. Астрономъ-ассиріологъ Куглеръ („Sternkunde und Sterndienst in Babel“, 1907—1909) съ документами въ рукахъ доказалъ, что астральная система есть очень поздняя концепція школы вавилонскихъ жрецовъ, не имѣвшая опоры въ народной религіи. Послѣ этого къ концу жизни внесъ въ свою систему цѣлый рядъ оговорокъ и самъ Винклеръ.

Однако вопросъ о зависимости культуры древняго Израиля отъ сосѣднихъ восточныхъ культуръ остался въ полной силѣ. Крушеніе панвавилонистской схемы показало, что въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, прежде всего надо исходить изъ точно установленныхъ и провѣренныхъ данныхъ и не ограничиваться лишь одной областью миѳологіи и легенды. Въ этой послѣдней, какъ показалъ опытъ Гункеля, возможны любопытныя открытія и сопоставленія; но для нихъ нужна твердая почва. Это чувствовалъ уже Гуго Винклеръ, выпустившій небольшой сборникъ ассиро-вавилонскихъ текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ Ветхому Завѣту („Keilinschriftliches Textbuch zum Alten Testament“). Но сборникъ Винклера не исчерпывалъ даже клинообразнаго матеріала и совсѣмъ оставлялъ въ сторонѣ матеріалъ египетскій и финикійско-сирійскій. Наиболѣе полное собраніе провѣреннаго критически литературнаго матеріала, египетскаго, ассиро-вавилонскаго, сирійскаго и финикійскаго, имѣющаго отношеніе къ Библіи, дали Г р е с с м а н н ъ и У н г н а д ъ въ первой половинѣ своего изданія „Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament“ (1909). Тутъ собранъ матеріалъ чрезвычайно разнообразный. Составители не ограничились только религіозными текстами, какъ дѣлали ранѣе другіе (напр., французскій богословъ Dhorme), но дали также богатый матеріалъ надписей и юридическихъ текстовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ исторіи Израиля и Ханаана. Между прочимъ, данъ цѣликомъ кодексъ Хаммураби, многія положенія котораго находятъ для себя параллели въ „Книгѣ Союза“. Всѣ тексты даны въ новыхъ нѣмецкихъ переводахъ и снабжены вступительными и подстрочными примѣчаніями. Эти послѣднія даютъ лишь самыя необходимыя разъясненія по исторіи, библіографіи и объясненію текстовъ; никакихъ в ы в о д о в ъ о значеніи тѣхъ или иныхъ текстовъ въ примѣненіи къ исторіи Израиля составители не дѣлаютъ, предо-

ставляя ихъ тѣмъ, кто будетъ пользоваться ихъ книгой. Во второй части своего сборника Грессманнъ и Унгнадъ дали цѣлый рядъ рисунковъ, воспроизводящихъ археологическій матеріалъ, и притомъ не только египетскій и вавилонскій, но также и палестинскій. Этотъ послѣдній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается въ числѣ и пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Данныя матеріальной культуры освѣщаютъ новымъ свѣтомъ библейскія данныя, и обходить ихъ теперь не можетъ уже ни одинъ ветхозавѣтникъ. Преимущественно на археологическихъ данныхъ построено новое изданіе „Herbräische Archäologie" Бенцингера, который учелъ также въ надлежащей мѣрѣ вавилонское и египетское вліяніе въ религіозномъ и матеріальномъ быту древняго Израиля; а изслѣдованіе Дибеліуса „Die Lade Jahves" (1906) представляетъ изъ себя новаго типа образцовую монографію, комбинирующую библейскія данныя съ археологическимъ матеріаломъ разныхъ странъ и народовъ.

Въ общемъ сравнительное изученіе исторіи Израиля имѣетъ уже нѣкоторые, твердо установленные отправные пункты и дало нѣкоторые, правда, очень общіе результаты. Если оставаться только на почвѣ фактовъ политической исторіи и археологическихъ данныхъ, то приходится признать, что промежуточное положеніе Палестины между Месопотаміей и Египтомъ опредѣлило собою судьбу ея культуры и ея исторіи независимо отъ смѣны господствовавщихъ въ Палестинѣ народовъ. Какъ до прихода Израиля, въ эпоху Эль-Амарны, такъ и позднѣе въ Палестинѣ господствуетъ въ большей или меньшей степени синкретизмъ въ религіи и культурѣ, самостоятельныя явленія перемѣшиваются съ продуктами египетскихъ, вавилонскихъ и финикійскихъ вліяній. Мы не можемъ говорить объ оригинальномъ палестинскомъ искусствѣ и съ большими оговорками можемъ говорить о самостоятельномъ характерѣ всѣхъ прочихъ проявленій палестинской культуры. Съ другой стороны, промежуточное положеніе дало въ политическомъ отношеніи тотъ результатъ, что Палестина не могла стать прочнымъ самостоятельнымъ государствомъ. Исторія самостоятельныхъ еврейскихъ царствъ была лишь пятисотлѣтнимъ эпизодомъ въ исторіи Палестины, начиная отъ 2000 лѣтъ до Р. Х. и кончая нашимъ временемъ. Библейскія данныя лишь подтверждаютъ эти общіе выводы.

Проблема исторіи Израиля съ этой точки зрѣнія заключается въ изслѣдованіи того израильскаго элемента, который долженъ остаться послѣ разложенія палестинской амальгамы на составныя части. Въ сущности говоря, такъ ее понялъ уже Киттель, который оцѣнилъ все значеніе результатовъ сравнительнаго изученія и использовалъ, по мѣрѣ своего разумѣнія, археологическій матеріалъ. Но нельзя вливать вино новое въ мѣхи старые: вмѣсто того, чтобы искать израильскій элементъ путемъ объективнаго анализа, безъ всякихъ презумпцій, Киттель, какъ вѣрный сынъ религіозно-исторической школы, считаетъ этотъ элементъ даннымъ и давно извѣстнымъ. Разлагать нечего, все давно обозначено этикетками: израильскій элементъ—это религія чистаго іагвизма, которую установилъ Моисей, придавшій ей съ самаго начала характеръ

этическаго монотеизма; это драгоцѣнное сокровище въ теченіе вѣковъ сохранялось пророками, рехабитами, благочестивыми царями и жрецами, а упрямый народъ въ это время постоянно качался между Египтомъ и Вавилономъ, усвоилъ себѣ ханаанейскій культъ природы, кадилъ египетскимъ и вавилонскимъ богамъ; отсюда—трагическій конфликтъ внутри націи, и, какъ слѣдовало ожидать, гибель подъ ударами Ассиріи и Вавилона [1]). Такое чисто механическое соединеніе результатовъ сравнительно-историческаго изученія съ давно изжитыми богословскими концепціями еще разъ подчеркиваетъ тяжелый кризисъ, переживаемый религіозно-исторической школой. Очевидно, разрѣшеніе проблемы принадлежитъ не ей.

3. Очередныя проблемы.

Изученіе исторіи древняго Израиля, т.-е. хронологически промежутка времени приблизительно отъ 1100 — 1000 лѣтъ до Р. Х. до 586 года, только тогда дастъ плодотворные результаты, когда пойдетъ обычными путями исторической науки. Оно должно исходить изъ того, что всякій отдѣльный историческій процессъ и культурный типъ суть результаты работы внутреннихъ соціальныхъ силъ, не остающихся, конечно, недоступными вліяніямъ и толчкамъ извнѣ. Израиль, какъ опредѣленная племенная группа, есть носитель своей исторіи и культуры; онъ создавалъ свою исторію и культуру въ опредѣленной географической и этнографической обстановкѣ. Чтобы правильно разрѣшить задачу, недостаточно установить, что обстановка чуть ли не вся чужого производства; надо все время помнить, что далеко не все изъ этой обстановки вошло въ синкретическую израильскую культуру, и оцѣнивать то, что вошло, съ точки зрѣнія нуждъ и стремленій израильскаго народа.

Но для этого прежде всего надо изучить его самого, его хозяйственное и соціальное развитіе, его юридическій бытъ. Къ сожалѣнію, на эту сторону вопроса доселѣ не обращалось должнаго вниманія, хотя Библія, при всей своей односторонности, даетъ для этого достаточный матеріалъ. Мы можемъ уловить черты первоначальной родовой организаціи и постепенный переходъ ея въ феодальную; феодальныя отношенія могутъ быть обрисованы уже съ достаточной опредѣленностью, такъ же какъ и дальнѣйшее развитіе—разложеніе феодализма подъ вліяніемъ роста городской жизни, со всѣми сопутствующими явленіями кризиса мелкаго населенія. Но эта картина развитія въ печати еще никѣмъ не обрисована; и брошюра Буля (Buhl) „Die socialen Verhältnisse der Israeliten“ (1899), равно какъ статья объ аграрныхъ отношеніяхъ Вебера (въ энциклопедіи „Handbuch der Staatswissenschaften“) въ сущности даютъ сырой матеріалъ, распредѣленный по самымъ элементарнымъ категоріямъ. Чрезвычайно мало сдѣлано также

[1]) Изложенная концепція Киттеля, систематически проводимая въ его оригинальномъ трудѣ, въ настоящемъ русскомъ изданіи значительно смягчена и освобождена отъ всѣхъ богословскихъ домысловъ и разсужденій.

для анализа значительнаго юридическаго матеріала, содержащагося въ Пятикнижіи. Все вниманіе ветхозавѣтниковъ было направлено на его литературное расчлененіе и установленіе хронологической послѣдовательности частей, а на чисто реальное объясненіе содержащихся въ немъ нормъ и на изслѣдованіе ихъ развитія ветхозавѣтники не покушались. Открытіе кодекса Хаммураби еще болѣе замедлило дѣло: увлеклись сравненіемъ его положеній съ положеніями законодательства кн. Исходъ (напр., Мюллеръ, въ его прекрасномъ изслѣдованіи „Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln", 1903), не замѣчая въ то же время, что для оцѣнки каждаго законодательнаго акта важнѣе всего не его отношеніе къ чужеземному образцу, хотя бы и очень близкое, но его отношеніе къ соціальнымъ условіямъ того общества, для котораго онъ назначается. Въ результатѣ мы имѣемъ только одно небольшое изслѣдованіе Меркса („Die Bücher Moses und Josua", 1907), гдѣ имѣется юридическій анализъ содержанія законодательства и болѣе или менѣе прослѣжено отраженіе и практическое примѣненіе его нормъ въ соотвѣтствующія эпохи.

Такимъ образомъ, въ сущности, соціальное изученіе исторіи Израиля еще впереди; но пока оно не сдѣлало значительныхъ шаговъ впередъ, нѣтъ надежды на разрѣшеніе другихъ проблемъ исторіи Израиля, въ томъ числѣ и религіозной. Ибо опять-таки нельзя считать изслѣдованіе религіи законченнымъ, сказавъ, что въ религіи Израиля господствовали заимствованные элементы, или что сущность ея состояла въ этическомъ монотеизмѣ, народными массами въ дѣйствительности никогда не раздѣлявшемся. Безспорно, что религія Израиля вобрала въ себя цѣлый рядъ чужеродныхъ элементовъ; безспорно, что среди Израиля были теченія, относившіяся отрицательно къ формамъ и вѣрованіямъ народной религіи. Но при всемъ томъ, при смѣшанномъ характерѣ культа и вѣрованій, при наличности пророческаго протеста, все-таки религія Израиля сама по себѣ была индивидуальнымъ явленіемъ, не совпадавшимъ цѣликомъ или даже въ главныхъ чертахъ ни съ вавилонской, ни съ египетской, ни съ ханаанейской религіей, ни съ религіей пророковъ. Надо ее описать въ ея историческомъ развитіи и объяснить ея происхожденіе.

Одна изъ коренныхъ ошибокъ религіозно-исторической школы заключалась въ томъ, что она описывала происхожденіе и развитіе древне-израильской религіи an und für sich, не привлекая родственнаго этнографическаго матеріала. Между тѣмъ, при величайшей силѣ традиціи въ области религіозныхъ вѣрованій и культа, надо было ожидать, что въ религіи древняго Израиля сохранялись элементы прасемитской религіи; выдѣленіе ихъ и характеристика могли бы пролить свѣтъ на многія темныя стороны вопроса. Въ этомъ направленіи много поработалъ англійскій ученый Робертсонъ Смитъ („The religion of the Semites"), попытавшійся выяснить общесемитскіе элементы въ религіяхъ израильской, арабской, финикійской и ассиро-вавилонской и связать ихъ въ общую картину. Робертсонъ Смитъ строитъ свою ра-

боту главнымъ образомъ на данныхъ литературнаго матеріала; другой ученый, Куртиссъ, въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи („Ursemitische Religion im Volksleben des heutigen Orients“, 1903) пытается разрѣшить тотъ же вопросъ инымъ путемъ. Исходя изъ факта чрезвычайной живучести религіозныхъ пережитковъ, Куртиссъ во время путешествія по Сиріи и Палестинѣ собралъ богатый матеріалъ личныхъ наблюденій и записей, который и систематизировалъ въ своей книгѣ. Она даетъ картину чрезвычайно красочную и живѣйшимъ образомъ напоминающую и объясняющую многіе факты и явленія, извѣстныя намъ изъ Библіи. Эти два изслѣдованія, однако, не столько объясняли, сколько описывали различные элементы израильской религіи, подготовляя почву для будущихъ болѣе сложныхъ изслѣдованій.

Съ другой стороны, схема религіозно-исторической школы была старой спекуляціей, исходила изъ господствовавшаго въ половинѣ XIX вѣка взгляда, что первая ступень религіознаго развитія есть религія природы. Съ тѣхъ поръ сравнительное изученіе этнографическаго матеріала выставило новую, наиболѣе вѣроятную гипотезу происхожденія религіи: страхъ смерти есть источникъ религіознаго чувства, культъ душъ умершихъ (анимизмъ) есть первая ступень въ развитіи религіи. На почвѣ этой гипотезы весьма правдоподобно разрѣшался вопросъ о фетишизмѣ и тотемизмѣ; эти два явленія оказались общими для всѣхъ малокультурныхъ племенъ и по существу являются лишь особыми формами культа мертвыхъ и предковъ. Дальнѣйшее развитіе религіи тѣсно связано съ соціальнымъ и политическимъ развитіемъ: по мѣрѣ перехода родоваго быта въ племенной изъ числа родовыхъ боговъ-предковъ выдвигается одинъ племенной богъ въ качествѣ главнаго національнаго бога; въ зависимости отъ географическихъ и хозяйственныхъ условій и вліяній другихъ болѣе развитыхъ религій, на этого бога переносятся функціи сначала бога извѣстныхъ силъ природы, потомъ небеснаго бога. Процессъ подчиненія другихъ боговъ главному можетъ при извѣстныхъ условіяхъ привести къ уничтоженію всѣхъ мѣстныхъ культовъ и къ деградаціи прежнихъ боговъ до роли простыхъ служебныхъ духовъ—такъ создается монотеизмъ. Эта этнологическая схема развитія религіи со временъ Тэйлора, Липперта, Ланга и другихъ этнографовъ весьма успѣшно примѣнялась къ изслѣдованію различныхъ первобытныхъ религій и исторіи ихъ развитія. Она должна была дать интересные результаты и по отношенію къ исторіи израильской религіи.

Прежде всего при помощи ея возможно было разрѣшить острый вопросъ о сущности первоначальной израильской религіи и богѣ Іагве. Почти одновременно и приблизительно одинаково разрѣшили этотъ вопросъ Куновъ и Шнейдеръ. Брошюра перваго „Theologische oder ethnologische Religionsgeschichte?“ (1901) вышла годомъ позже этюда Шнейдера, но по своему характеру заслуживаетъ вниманія въ первую очередь. Центръ тяжести брошюры Кунова не столько въ новомъ построеніи исторіи изральской религіи—онъ не спеціалистъ въ этой области и потому даетъ только пробные наглядные примѣры—сколько въ

жестокой и справедливой критикѣ схемы религіозно-исторической школы. Принимая почти безъ оговорокъ результаты критическаго анализа книгъ Библіи, Куновъ устанавливаетъ, что въ древнѣйшихъ ея частяхъ нельзя найти доказательствъ сущности Іагве, какъ божества грома, или божества войны, или божества-покровителя земли, или божества-создателя міра; тѣмъ болѣе нельзя найти въ тѣхъ же частяхъ библейскихъ книгъ никакихъ слѣдовъ монотеизма. Напротивъ, если освѣтить библейскія легенды этнографическимъ матеріаломъ, то сейчасъ же обнаружится передъ нами система первобытной религіи, съ культомъ духовъ, предковъ, фетишизмомъ и тотемизмомъ. Пережитки этой религіи живутъ во множествѣ въ историческую эпоху, когда выдвинулся культъ Іагве. Послѣдній былъ первоначально лишь богомъ-родоначальникомъ колѣна Іуды; его тотемистическимъ изображеніемъ былъ молодой быкъ. Другія племена имѣли своихъ боговъ-предковъ, своихъ тотемовъ и не признавали своимъ богомъ Іагве до эпохи Давида, подчинившаго себѣ всѣ израильскія племена и установившаго культъ Іагве, какъ національнаго бога. Послѣ раздѣленія царствъ на сѣверѣ возрождается культъ мѣстныхъ племенныхъ боговъ, но сохраняется и культъ Іагве, вслѣдствіе чего идетъ ожесточенная религіозно-политическая борьба между сѣверомъ и югомъ. Монотеизмъ устанавливается только тогда, когда ассиро-вавилонская держава уничтожаетъ независимость еврейскихъ царствъ: изгнаніе обезкровило и разрушило прежнюю родовую и племенную организацію, вырвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ корнями и всѣ мѣстные культы; послѣ изгнанія на мѣсто родовой организаціи (Geschlechterverfassung) стало жреческое государство (Priesterstaat), съ культомъ единаго Іагве. Такимъ образомъ, монотеизмъ явился не въ результатѣ „этическихъ спекуляцій о божествѣ“, но въ результатѣ соціальнаго развитія еврейскаго народа.

Брошюра Кунова, несмотря на многіе правильные выводы, все-таки грѣшитъ односторонностью. Куновъ почти совершенно обходитъ молчаніемъ пророческое движеніе, выросшее на почвѣ соціально-политической борьбы, не интересуется реформой Іошіи и ростомъ жреческаго сословія въ Іерусалимѣ. Эти недостатки зависятъ, главнымъ образомъ, отъ переоцѣнки роли родовыхъ организацій и родовыхъ культовъ въ эпоху существованія независимыхъ царствъ и отъ недостаточно яснаго представленія объ общемъ ходѣ соціальнаго развитія Израиля. Родовыя связи расшатались задолго до паденія царства; ихъ разложеніе можно довольно ясно прослѣдить по источникамъ; Куновъ, конечно, въ полемической брошюрѣ не могъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что тутъ ему пришлось бы предпринять самостоятельную большую работу.

Иной характеръ носитъ этюдъ Шнейдера „Die Entwicklung der Jahureligion und der Mosessagen in Israel und Juda“. Шнейдеръ не полемизируетъ, но изслѣдуетъ; его цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы доказать необходимость примѣненія этнологической схемы къ исторіи религіи Израиля, но въ томъ, чтобы изслѣдовать ея корни, развитіе и завершеніе. При этомъ Шнейдеръ подчеркиваетъ характерную особен-

ность нашего источника — библейскихъ книгъ. Въ ихъ современномъ видѣ онѣ даютъ не исторію, а скорѣе „философію исторіи", ихъ авторы не проводили различія между дѣйствительностью и идеей и дали, въ сущности, изображеніе осуществленія божественнаго плана съ примѣрами изъ дѣйствительной исторіи. Исходной точкой для этой религіозно-исторической концепціи послужило установленіе послѣ плѣна монотеизма Іагу (какъ называетъ Шнейдеръ Іагве, на основаніи данныхъ Элефантинскаго папируса); въ связи съ принципами религіи Іагу была переработана вся легенда и вся исторія. Легенду Шнейдеръ толкуетъ въ связи съ египетскими извѣстіями о различныхъ еврейскихъ племенахъ Ханаана въ эпоху египетскаго владычества. Онъ различаетъ племена Іаковъ-Эль и Іосифъ-Эль, жившія въ Ханаанѣ въ эпоху фараона Мернепта, и племя хабири, вторгшееся въ Ханаанъ въ эпоху Эль-Амарны. Къ числу хабири Шнейдеръ относитъ племена Іуду и Израиля, двигавшіяся отдѣльно другъ отъ друга, имѣвшія между собою мало общаго и поселившіяся въ разныхъ мѣстахъ. Каждое изъ этихъ племенъ имѣло свой циклъ преданій, впослѣдствіи переработанныхъ теоретиками религіи Іагу; преданія вскрываютъ тѣмъ не менѣе культы каждаго изъ этихъ племенъ. Іаковъ-Эль и Іосифъ-Эль, растворившіеся впослѣдствіи въ Израилѣ, имѣли культы: первый въ Бетъ-Элѣ, съ фетишемъ, въ позднѣйшее время имѣвшимъ форму быка, второй — близъ Сихема, у священнаго дерева, гдѣ позже показывали могилу Іосифа; въ лицѣ этихъ фетишей почитались герои-эпонимы и родоначальники, Іаковъ и Іосифъ. Племя Израиль (Isra-el) послѣ поселенія въ Ханаанѣ избрало мѣстомъ для культа своего бога Шило; фетишъ Израиля имѣлъ форму ковчега, почему и жрецы его назывались „сынами ковчега" (ארון), изъ чего впослѣдствіи были сдѣланы „сыны Аарона" (אהרון). Племя Іуды, первоначально состоявшее не только изъ историческаго Іуды, но и изъ племени Іауди, поселившагося впослѣдствіи въ Сиріи и имѣвшаго культъ бога Іау (упоминается въ VIII в. въ ассирійскихъ надписяхъ), заняло во время поселенія югъ Ханаана, а мѣстомъ его культа сталъ Іерусалимъ. Фетишемъ Іуды былъ змѣй (мѣдный змѣй Нехуштанъ въ Іерусалимѣ, „змѣиный камень" близъ Іерусалима, легенды іагвиста о змѣѣ); назывался онъ Іагу, или Леви—змѣй [1]); по первому имени называлось главное племя, по второму — небольшой придатокъ его, скоро исчезнувшій; подобно тому, какъ жрецы ковчега въ Израилѣ назывались „сынами ковчега", такъ и жрецы Іагу назывались сынами Леви-змѣя. Только позднѣйшая переработка сдѣлала всѣхъ этихъ эпонимовъ героями легендъ и поставила въ связь Леви и Аарона.

Такимъ образомъ, первоначально каждое племя имѣло своего бога-родоначальника, почитавшагося въ образѣ того или иного фетиша. Дальнѣйшее развитіе религіи Іагу связано уже, съ одной стороны, съ

---

[1]) Евр. לוי дѣйствительно, можетъ имѣть такое значеніе, ибо оно входитъ въ составъ имени לויתן (Левіаѳанъ), означающаго морского чудовищнаго змѣя (псал. 104, 26; Іовъ, 40 25), или небеснаго дракона (ср. Іовъ, 3, 8; Ис., 27, 1).

политической исторіей еврейскихъ царствъ, съ другой—съ проникновеніемъ вавилонскихъ и египетскихъ вліяній. Послѣднія сказываются, главнымъ образомъ, въ сферѣ культа: Іагу пріобрѣтаетъ человѣкообразный видъ, Нехуштанъ уничтожается, вводятся вавилонскіе обычаи. Гораздо важнѣе политическая сторона дѣла. Тутъ Шнейдеръ примыкаетъ довольно близко къ точкѣ зрѣнія Винклера. Возведеніе Іагу въ рангъ національнаго и единаго бога было дѣломъ іудейскихъ царей, стремившихся объединить такимъ путемъ подъ своею властью весь Израиль. Имъ помогаютъ жрецы Іагу, пророки и рехабиты. Но дѣло рушится подъ ударами Ассиріи и Вавилона, и лишь въ плѣну и послѣ плѣна жрецы Іагу создаютъ законченную религію Іагу и перерабатываютъ въ ея духѣ всю легенду и исторію.

Изслѣдованіе Шнейдера, конечно, также нельзя назвать исчерпывающимъ вопросъ; для этого оно слишкомъ коротко, и, кромѣ того, нѣкоторые его выводы, основанные преимущественно на этимологіи, довольно спорны. Но послѣ работъ Робертсона Смита и Куртисса, съ одной стороны, и Кунова и Шнейдера — съ другой, намѣчается уже и нѣчто безспорное. Какъ намъ кажется, такихъ безспорныхъ выводовъ четыре: 1) не можетъ быть рѣчи ни объ единомъ Израилѣ, ни объ единой религіи Израиля не только въ эпоху переселенія въ Ханаанъ, но и въ болѣе позднее время; 2) первоначальная религія израильскихъ племенъ ни въ коемъ случаѣ не была монотеизмомъ, но носила обычный анимистическій характеръ всѣхъ первобытныхъ религій, съ культами духовъ, тотемовъ и фетишей; 3) Іагве (или Іагу) былъ племеннымъ богомъ Іуды, и какъ Іудѣ не удалось до плѣна достичь объединенія подъ своей властью израильскихъ племенъ, такъ и Іагве до плѣна не могъ сдѣлаться единымъ богомъ единаго Израиля; 4) монотеизмъ и монолатрію Іагве на практикѣ мы находимъ только въ іудейской общинѣ второго храма, и съ точки зрѣнія этой іудейской религіи Іагве была переработана вся легенда и вся исторія доплѣннаго Израиля.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о новѣйшихъ теченіяхъ въ области разработки такого важнаго явленія въ исторіи Израиля, какъ пророческое движеніе. Тутъ намѣчается два направленія, оба среди богослововъ критической школы и потому невыдержанныя, искажающія суть дѣла, но тѣмъ не менѣе характеристичныя. Клейнертъ („Die Profeten Israels in socialer Beziehung, 1905“) попробовалъ обрисовать соціальную роль пророковъ. Къ сожалѣнію, его небольшая книга по общему тону скорѣе смахиваетъ на проповѣдь добраго и весьма филистерски настроеннаго лютеранскаго пастора, чѣмъ на объективное изслѣдованіе; но имъ собранъ все-таки значительный сырой матеріалъ. Гельшеръ (Hölscher, „Die Profeten“, 1914) также останавливается на соціальной роли пророчества, кратко, но выразительно изображая соціальный кризисъ IX вѣка. Но центръ его изслѣдованія, хотя и построеннаго по обычному богословскому шаблону, въ другомъ. Онъ первый обратилъ должное явленіе на явленія пророческаго экстаза, его психологическія основы и связь съ мантикой. Для освѣщенія во-

проса Гельшеръ привлекъ обширный сравнительно-историческій матеріалъ и изслѣдовалъ корни пророческой экстатики въ Аравіи, Палестинѣ и Передней Азіи. Въ этой части изслѣдованія Гельшера содержатся весьма цѣнные выводы и наблюденія; то, что лишь чувствовалось другими изслѣдователями, здѣсь найдено и поставлено на твердую почву.

Таковы новыя попытки разрѣшить очередныя проблемы исторіи древняго Израиля. Однако послѣднія будуть разрѣшены окончательно только тогда, когда исторія Израиля перестанетъ быть монополіей профессіональныхъ богослововъ или ассиріологовъ, но сдѣлается предметомъ изученія историковъ. Только путемъ примѣненія общихъ методовъ исторической науки мы можемъ достигнуть точнаго знанія судебъ древняго Израиля и пониманія его религіи и культуры.

Библіографія къ I тому.

Составлена *Н. М. Никольскимъ* и *М. А. Соловейчикомъ.*

(Звѣздочкой отмѣчены труды, упомянутые въ „Очеркѣ разработки исторіи древняго Израиля въ XIX вѣкѣ“).

I. Общіе обзоры.

Bertheau. Zur Geschichte der Israeliten (1842).

* **H. Ewald.** Geschichte des Volkes Israel bis auf Christus (семь томовъ, изъ нихъ первые шесть вышли третьимъ изданіемъ въ 1864—1868 гг., VII — вторымъ изданіемъ въ 1868 г.).

* **Weber-Holtzmann.** Geschichte des Volkes Israel und die Entstehung des Christentums (1867).

* **F. Hitzig.** Geschichte des Volkes Israel von Anbeginn bis zur Eroberung Masadas im Jahre 72 nach Christus (два тома, 1869).

* **H. Graetz.** Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart (доплѣнному періоду посвящены первые два тома, 1853—1874).

Herzfeld. Geschichte des Volkes Israel, I—II (1863).

A. Köhler. Lehrbuch der biblischen Geschichte (два тома, 1875—1884).

A. Kuenen. De Godsdienst van Israel tot den Ondergang van de joodischen Staat (два тома, 1869—1870).

E. Reuss. Geschichte der heiligen Schriften Alten Testaments (даетъ въ связи съ исторіей литературы и исторію Израиля, 1 изд., 1881, второе—1890).

* **J. Wellhausen.** Prolegomena zur Geschichte Israels (6 изданіе, 1905; русскій переводъ Н. Никольскаго: Введеніе въ исторію Израиля, Спб., 1909).

* — Israelitische und jüdische Geschichte (4 изд., 1901).

* **B. Stade.** Geschichte des Volkes Israel (въ Oncken's Allgemeine Geschichte, I, 6, 1889).

* **R. Kittel.** Geschichte der Hebräer (два тома, 1888—1892).

* — Geschichte des Volkes Israel (второе изданіе предшеств. труда; т. I—1912, т. II—1909).

* **E. Renan.** Histoire du peuple d'Israël (пять томовъ, 1887 — 1893; доплѣнной эпохѣ посвящены три первые тома; нѣмецкій переводъ E. Schälsky, 1894; русскій переводъ подъ ред. С. М. Дубнова въ изд. Брокгауза-Ефрона и подъ ред. Е. Смирнова въ изд. Глаголева).

* **H. Winckler.** Geschichte Israels in Einzeldarstellungen (т. I—1895, т. II—1900).

A. Klostermann. Geschichte des Volkes Israel bis zur Restauration unter Esra und Nehemia (1896).

C. F. Lehmann-Haupt. Israel. Seine Entwicklung im Rahmen der Weltgeschichte (1911).

H. Guthe. Geschichte des Volkes Israel (учебный компендіумъ съ рѣзко выраженнымъ богословскимъ направленіемъ, но въ духѣ школы Графа-Велльгаузена, 1904).

С. М. Дубновъ. Всеобщая исторія евреевъ, т. I.

C. Piepenbring. Histoire d'Israël (1898).

C. Cornill. Geschichte des Volkes Israel (1899, въ духѣ теоріи Велльгаузена).

M. Löhr. Geschichte des Volkes Israel in acht Vorträgen dargestellt (1900, въ томъ же родѣ, какъ и книга Корнилля).

Henry Preserved Smith. Old Testament History (New-Jork, 1903).

S. Oettli. Geschichte Israels bis auf Alexander den Grossen (1905).

J. Benzinger. Geschichte Israels bis auf die griechische Zeit (приняты во вниманіе результаты раскопокъ и учтено вавилонское вліяніе; 2 изд., 1908).

W. Erbt. Handbuch zum Alten Testament (съ панвавилонистской точки зрѣнія; 1909).

H. Weinheimer. Geschichte des Volkes Israel (1909).

Н. Никольскій. Древній Израиль. Изд. т-ва „Міръ", М., 1911.

М. Соловейчикъ. Очерки по еврейской исторіи и культурѣ. Томъ I. Библейскій періодъ (1912).

י. קלוזנר. הסתוריה ישראלית. חלק א (1899).

Монографіи въ энциклопедіяхъ, всецѣло или отчасти посвященныхъ библейской эпохѣ:

Cheyne and Sutherland. Encyclopaedia Biblica (4 тома);

Hastings and Selbie. Dictionary of the Bible (5 томовъ);

Hamburger. Realenzyklopädie für Bibel und Talmud (библейскому періоду посвященъ первый томъ);

Guthe. Kurzes Bibelwörterbuch (въ одномъ томѣ);

Riehm. Handwörterbuch des biblischen Altertums (2 тома);

Еврейская энциклопедія;

The Jewish Encyclopaedia;

Herzog-Hauck. Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche;

Die Religion in Geschichte und Gegenwart.

Статьи по исторіи библейскаго періода помѣщаются въ многочисленныхъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ спеціально библейской исторіи, а также научному богословію, исторіи Востока и другимъ смежнымъ дисциплинамъ.

Важнѣйшія изъ нихъ (кромѣ поименованныхъ ниже, въ концѣ отдѣла II этой библіографіи):

The American Journal of Theology;
The Biblical Wordl;
Journal of Biblical Literature;
The Jewish Quarterly Review;
Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums;
Magazin für die Wissenschaft des Judentums;
Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft;
Norsk Theologisk Tidsskrift;
Orientalistische Literaturzeitung;
Proceedings of the Society of Biblical Archaeology;
Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale;
Revue biblique internationale;
Revue des études juives;
Rivista Storico-critica di Scienze Teologiche;
Studia Biblica et Ecclesiastica;
Theologische Literaturzeitung;
Theologische Rundschau;
Theologische Studien und Kritiken;
Theologisch Tijdschrift;
Teologisk Tidsskrift;
Vierteljahrsschrift für Bibelkunde;
Zeitschrift für Assyriologie;
Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft;
Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft;
Zeitschrift für Theologie und Kirche;
Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie.

Исчерпывающую библіографію по всѣмъ отраслямъ библейской географіи, исторіи, археологіи и соприкасающихся съ ними дисциплинъ и обзоръ всѣхъ научныхъ статей, появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, заключаетъ въ себѣ выходящій съ 1882 года ежегодникъ: Theologischer Jahresbericht (**изданіе** I. C. B. Mohr, Tübingen; **раньше:** M. Hensius Nachfolger, Leipzig).

II. Географія и археологія.

The survey of Eastern Palestine и The survey of Western P. (изд. Palestine Exploration Fund).

Robinson. Palästina und die südlich angrenzenden Länder (1841—42).

F. Buhl. Geographie der alten Palästina (1896).

K. Baedecker. Palästina und Syrien (**содержитъ на ряду съ указаніями для туристовъ множество научно цѣнныхъ данныхъ изъ области географіи и археологіи**).

Palmer. Der Schauplatz der 40-jährigen Wüstenwanderung (1870).

Blanckenhorn. Entstehung und Geschichte des Toten Meeres (въ Zeitschr. d. deutsch. Pal.-Ver. за 1896 г.).

Musil. Arabia Petraea I—III (1907—1908).

Kümmel. Materialien zur Topographie des alten Jerusalem (1904—06).

G. Adam Smith. The historical Geography of the Holy Land (1894).

א. ספיר, הארץ (1911).

H. Guthe. Die Ausgrabungen bei Jerusalem (1883).

W. M. Flinders Petrie. Tell el-Hezy (Lachis) (1891).

— Researches in Sinai (1906).

Bliss. A mound of many cities (2 изд., 1898).

Bliss and Macalister. Excavations in Palestine 1898—1900 (1902).

E. Sellin. Tell Ta'annek (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, 1904).

— Eine Nachlese aus dem Tell Ta'annek (1905).

Schumacher. Tell el-Mutesellim (вышелъ т. I: Fundbericht. A. Text. B. Tafeln. 1908).

E. Sellin und C. Watzinger. Jericho. Die Ergebnisse der Ausgrabungen (1913).

G. Dalman. Petra und seine Felsheiligtümer (1908).

— Neue Petra-Forschungen und der Heilige Felsen von Jerusalem (1912).

John P. Peters and H. Thiersch. Painted tombs in the Necropolis of Marissa (1905).

H. Thiersch. Die neueren Ausgrabungen in Palästina (въ Archäol. Anzeiger zum Jahrb. d. Arch. Institut zu Berlin, 1907—1909).

Clermont-Ganneau. Archeological Researches in Palestine during the years 1870—1874 (1899).

H. Vincent. Canaan d'après l'exploration récente (прекрасный подробный обзоръ результатовъ раскопокъ, 1907).

H. Gressmann. Die Ausgrabungen in Palästina und das Alte Testament (въ серіи Religionsgeschichtliche Volksbücher, популярный краткій обзоръ, 1908).

E. Sellin. Der Ertrag der Ausgrabungen im Orient (1905).

П. В. Безобразовъ. Новѣйшія раскопки въ Палестинѣ (въ „Сообщеніяхъ Правосл. Имп. Палестинскаго Общества", т. XX, вып. IV, 1909).

K. Budde. Das Alte Testament und die Ausgrabungen (1903).

Karge. Die Resultate der neueren Ausgrabungen und Forschungen in Palästina (1910).

Driver. Modern research as illustrating the Bible (1909).

R. A. S. Macalister. Streiflichter zur biblischen Geschichte aus Gezer (1907).

P. Thomsen. Palästina und seine Kultur in 5 Jahrtausenden (1909).

— Kompendium der palästinischen Altertumskunde (1913).

J. Benzinger. Hebräische Archäologie (2 изд., 1907; прекрасный обзоръ всѣхъ сторонъ матеріальнаго быта по раскопкамъ, библейскимъ, ассиро-вавилонскимъ и египетскимъ даннымъ).

Nowack. Hebräische Archäologie (два тома, 1904).

R. Kittel. Studien zur hebräischen Archäologie (1908).

R. A. S. Macalister. A history of Civilisation in Palestine (1913).

В. Потемкинъ. Очерки по культурной исторіи древнихъ евреевъ (Восходъ 1904).

Дж. Фентонъ. Древнѣйшая жизнь евреевъ (М., изд. „Юридическаго Вѣстника").

א"ש הרשברג, הלבשה העברית הקדומה, חקירה בארכיאולוגיה העברית הקדומה בתקופת כתבי הקדש (1911).

H. Gressmann. Musik und Musikinstrumente im Alten Testament (1903).

P. Torge. Aschera und Astarte (1902).

Bauer. Volksleben im Lande der Bibel (интересныя параллели къ быту библейской эпохи въ обычаяхъ и нравахъ жителей современной Палестины. 1903).

J. Benzinger. Bilderatlas zur Bibelkunde (1913).

Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, IV-me volume.

G. Schiaparelli. Astronomie im Alten Testament (übersetzt von W. Lüdtke, 1904).

M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I. Text (1898).

— Altsemitische Texte, I. Heft. Kanaanäische Inschriften (1907).

— Ephemeris für semitische Epigraphik (1902—1909).

H. Pognon. Inscriptions sémitiques de la Syrie, de la Mésopotamie et de la région de Mossoul (1907).

Статьи въ журналахъ: Quarterly Statements of Palestine Exploration Fund;

Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft;

Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins;

Mitteilungen und Nachrichten des Deutschen Palästina-Vereins.

III. Эпоха переселенія въ Ханаанъ.

E. Meyer. Kritik der Berichte über die Eroberung Palästinas (въ Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1881).

R. Kittel. Die Herkunft der Hebräer nach dem Alten Testament (въ Theologische Studien aus Württemberg, 1886).

W. Spiegelberg. Erste Erwähnung Israels in einem ägyptischen Texte (1896).

J. Lévy. Les Horites, Edom et Jacob dans les monuments égyptiens (1906).

G. Ebers. Durch Gosen zum Sinai (1881).

H. Clay Trumbull. Kadesh-Barnea (1884).

H. Brugsch. L' Exode et les monuments égyptiens (1875).

Ed. Naville. The Store-City of Pithom and the route of the Exodus (1885).

E. de-Bunsen. The Pharaohs of Moses according to Hebrew and Egyptian chronology (1890).

Laroche. Chronologie des Israélites, des Egyptiens: L' Exode (1892).

W. Max Müller. Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern (1893).

E. Mahler. Der Pharao des Exodus (1896).

J. Lieblein. L' Exode des Hébreux (1898).

W. Spiegelberg. Der Aufenthalt Israels in Aegypten im Licht der ägyptischen Monumente (1904).

F. de-Moor. L'exode des Hébreux d'Egypte sous Moïse (1901).

O. Toffteen. The historic Exodus (1909).

D. Völter. Aegypten und die Bibel: die Urgeschichte Israels im Licht der ägyptischen Mythologie (1909).

C. Steuernagel. Die Einwanderung der israelitischen Stämme in Kanaan (1901).

E. Meyer. Israeliten und ihre Nachbarstämme.

— Der Stamm Jakob und die Entstehung der israelitischen Stämme (въ журн. Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1886).

B. Stade. Die Entstehung des Volkes Israel (1897).

H. Weinheimer. Hebräer und Israeliten (въ Zeitschr. f. d. alttestamentliche Wiss., 1909).

— Die Einwanderung der Hebräer und Israeliten in Kanaan (въ Zeitschrift der Deutsch. Morg. Gesell., 1912).

F. Hommel. Die altisraelitische Überlieferung in inschriftlicher Beleuchtung (1897).

B. Luther. Die israelitischen Stämme (въ журн. Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1901).

C. Niebuhr. Studien und Bemerkungen zur Geschichte des alten Orients (статьи по эпохѣ вторженія и по эпохѣ судей).

F. Petrie. The period of the Judges (1896).

F. Böhl. Kanaanäer und Hebräer (1911).

M. Gemoll. Israeliten und Hyksos (1913).

H. Zimmern. Palästina um das Jahr 1400 vor Chr. nach neuen Quellen (1890).

И. Соловейчикъ. Палестина въ XV в. до н. э. при свѣтѣ новѣйшихъ открытій (Журн. Мин. Нар. Просв., 1896).

Knudzon. Die El-Amarna Tafeln (транскрипція и нѣмецкій переводъ; съ 1907 г. до лѣта 1915 вышло 15 выпусковъ).

C. Niebuhr. Die Amarna-Zeit (2 изд., 1903, въ серіи Der alte Orient).

B. Weill. Le séjour des Israélites au désert et le Sinaï (1909).

P. Volz. Mose (1907).

H. Gressmann. Mose und seine Zeit (важнѣйшее изъ новыхъ изслѣдованій; 1913).

IV. Саулъ, Давидъ и Соломонъ.

Stark. Gaza und die philistaïsche Küste (1852).

A. Kamphausen. Philister und Hebräer zur Zeit Davids (въ журн. Zeitschrift für alttestamentliche Wissensch., 1886).

A. Noordtzij. De Filistijnen (1905).

V. Lichtenberg. Beiträge zur Geschichte von Kypros (1906).

י. קלוזנר. שלמה המלך ומלכת שוא (השלח, כרך יג).

G. Beer. Saul, David, Salomo (въ серіи Religionsgeschichtliche Volksbücher, 1906).

B. Baentsch. David und sein Zeitalter (въ серіи Wissenschaft und Bildung, 1907).

M. Dieulafoi. Le roi David (1897).

Н. Никольскій. Царь Давидъ и псалмы (Спб., 1908).

R. Pietschmann. Geschichte der Phönizier (1889).

W. Caspari. Aufkommen und Krise des israelitischen Königtums unter David (1909).

K. Peters. Das goldene Ophir Salomos (1895).

A. Sanda. Salomo und seine Zeit (1913).

A. Alt. Israels Gaue unter Salomo (въ Alttestamentliche Studien, R. Kittel zum 60 Geburtstag dargebracht; 1913).

A. Bertholet. Die Stellung der Israeliten zu den Fremden (1896).

Th. Friedrich. Tempel und Palast Salomos (1887).

O. Wolff. Der Tempel von Jerusalem und seine Maasse.

Chipiez et Perrot. Le temple de Jérusalem et la maison du Bois-Liban (1889).

C. Schick. Die Stiftshütte, der Tempel in Jerusalem und der Tempelplatz der Jetztzeit (1896).

М. В. Никольскій. Iakhin и Bo'az (въ сборникѣ Χαριστήρια, въ честь Ѳ. Е. Корша, 1896).

V. Эпоха раздѣльныхъ царствъ.

M. Duncker. Geschichte des Altertums, I (5 изд., 1878).

Lenormant. Histoire ancienne de l'Orient, I—III (2 изд., 1895—1899).

E. Meyer. Geschichte des Altertums, I (изданіе 1884 г.; въ послѣднемъ изданіи I т. исторія Израиля не доведена до царской эпохи).

C. P. Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte, II (1888).

G. Maspero. Histoire ancienne des peuples d'Orient (имѣется русскій переводъ: Г. Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока". М., изд. Солдатенкова).

A. Wiedemann. Aegyptische Geschichte, II (1884).

E. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens (1889).

Breasted. A history of Egypt (1905); нѣмецкій переводъ Ranke, Geschichte des alten Aegyptens, переработанъ для нѣмецкаго изданія авторомъ (1909); русскій пер. В. Викентьева, изд. М. С. Собашниковыхъ (1915).

F. Hommel. Geschichte Babyloniens und Assyriens (въ серіи Oncken'a, 1895).

H. Winckler. Geschichte Babyloniens und Assyriens (1892).

Archinard. Israël et ses voisins asiatiques, la Phénicie, l'Aram et l'Assyrie de l'époque de Salomon à celle de Sanchérib (1890).

W. Erbt. Untersuchungen zur Geschichte der Hebräer. Heft 1 (1913).

Б. Тураевъ. Исторія древняго Востока (два тома, второе изданіе, 1913—1913. Хорошее изложеніе политической исторіи Египта и Ассиріи; экскурсы въ область внутренней и религіозной исторіи Израиля грѣшатъ склонностью къ православно-богословской точкѣ зрѣнія).

V. Prasek. Forschungen zur Geschichte des Altertums, II (1898).

H. Winckler. Altorientalische Forschungen (passim).

Montgomery. The Samaritans (1907).

C. Niebuhr. Chronologie der Geschichte Israels, Aegyptens und Assyriens.

A. Kamphausen. Die Chronologie der hebräischen Könige (1893).

Rühl. Die Chronologie der Könige von Israel und Juda (въ журн. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaften, 1895).

Н. Астафьевъ. Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи (Журн. Мин. Нар. Просв., 1876).

— Лѣтописи ассирійскихъ царей (Ж. М. Н. П., 1879—1880).

A. Alt. Israel und Aegypten (очеркъ политическихъ отношеній между израильско-іудейскимъ царствомъ и царствомъ фараоновъ; 1909).

R. Smend und A. Socin. Die Inschrift des Königs Mesa von Moab (1886).

И. Соловейчикъ. Изслѣдованіе о надписи Меши (Ж. М. Н. П., 1900).

H. Winckler. Alttestamentliche Untersuchungen (1892).

— Musri, Meluhha, Ma'in (въ журн. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 1898, I, IV).

J. V. Prasek. Sanheribs Feldzüge gegen Juda (въ томъ же журналѣ, 1903, IV).

М. В. Никольскій. Саргонъ, царь ассирійскій (въ журн. „Русскій Вѣстникъ", 1881, кн. VII).

G. Nagel. Der Zug des Sanherib gegen Jerusalem (1902).

S. Schiffer. Die Aramäer (1911).

A. Socin. Die Siloahinschrift (1899).

W. Staerk. Das Deuteronomium (1894).

C. Steuernagel. Die Entstehung des deuteronomischen Gesetzes (1896).

S. A. Fries. Die Gesetzschrift des Königs Josia (1903).

G. Sternberg. Die Ethik des Deuteronomiums (1908).

A. F. Puukko. Das Deuteronomium (1910).

A. Billerbeck und A. Jeremias. Der Untergang Nineves und die Weissagungsschrift des Nahum von Elkosch (1895).

* **F. Buhl.** Die sozialen Verhältnisse der Israeliten (1899); русскій переводъ А. А. Глаголева „Соціальныя отношенія израильтянъ“ въ „Сообщеніяхъ Имп. Правосл. Палестинскаго Общества“ за 1908 и 1909 г.

* **A. Merx.** Die Bücher Moses und Josua (въ серіи Religionsgeschichtliche Volksbücher, 1907).

* **Weber.** Agrarfrage bei den Israeliten (статья въ энциклопедіи „Handbuch der Staatswissenschaften“).

I. Weismann. Talion und öffentliche Strafe im Mosaischen Rechte (очеркъ развитія израильскаго права; 1913).

Н. М. Никольскій. Древній Вавилонъ (1913. Изд. Т-ва „Міръ“).

Л. Каценельсонъ. Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ (Сборникъ Будущности; 1900).

וו. נובק. הליכות המדינה של העברים בימי קדם (1904)

VI. Вѣрованія и религіозный бытъ.

* **W. Robertson-Smith.** The religion of the Semites (2 изд., 1894; нѣмецк. перев. R. Stübe, Die Religion der Semiten, 1899; основной трудъ по вопросу).

Baudissin. Studien zur semitischen Religionsgeschichte, I—II (1876—1878).

F. Baethgen. Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte (1888).

* **S. Curtiss.** Ursemitische Religion im Volksleben des heutigen Orients (очень важное и интересное изслѣдованіе на основаніи личнаго знакомства съ жизнью современной Сиріи и Палестины; 1903).

S. A. Cook. The religion of ancient Palestine in the second millenium b. C. (1908; прекрасный обзоръ доизраильскаго періода).

E. König. Die Hauptprobleme der altisraelitischen Religionsgeschichte gegenüber den Entwickelungstheoretikern beleuchtet (1884).

J. Wellhausen. Die israelitisch-jüdische Religion (блестящая статья въ изданіи Die Kultur der Gegenwart, Teil I, Abt. 4; русск. перев. Н. М. Никольскаго „Израильско-іудейская религія“ въ сборникѣ „Изъ исторіи ранняго христіанства“, М., 1907).

R. Smend. Lehrbuch der alttestamentlichen Religionsgeschichte (2 изд., 1899).

K. Marti. Geschichte der israelitischen Religion (2 изд., 1902; въ духѣ религіозно-исторической школы).

— Die Religion des alten Testaments unter den Religionen des vorderen Orients (1903; краткій обзоръ, типичный для религіозно-исторической школы).

* **K. Budde.** Die Religion des Volkes Israel bis zur Verbannung (1900).

— Die altisraelitische Religion (переработка предшествующей книги).

* **W. Vatke.** Biblische Theologie wissen schaftlich dargestellt (1835).

H. Schultz. Alttestamentliche Theologie (5 изд., 1895;).

A. Dillmann. Biblische Theologie des Alten Testaments (1895; въ обработкѣ Р. Киттеля).

B. Stade. Biblische Theologie des Alten Testaments (1905).

E. Kautzsch. Biblische Theologie des Alten Testaments (1911).

Шантепи-де-ля Соссей. Иллюстрированная исторія религіи (т. I, глава объ израильской религіи).

F. Giesebrecht. Die Grundzüge der israelitischen Religionsgeschichte (1904).

W. Nowack. Entstehung der israelitischen Religion (1895).

Lagrange. Etudes sur les religions sémitiques (1905).

* **J. Wellhausen.** Prolegomena zur Geschichte Israels, часть I.

W. Erbt. Die Sicherstellung des Monotheismus durch die Gesetzgebung im vorexilischen Juda (1903).

* **H. Cunow.** Theologische oder ethnologische Religionsgeschichte (въ Ergänzungshefte zur Neuen Zeit, № 8, 1910).

* **H. Schneider.** Die Entwicklung der Jahureligion und der Mosesagen in Israel und Juda (въ брошюрѣ Zwei Aufzätze zur Religionsgeschichte Vorderasiens, 1909).

S. Jampel. Vorgeschichte Israels und seiner Religion (1913).

B. Baentsch. Altorientalischer und israelitischer Monotheismus (1906).

K. Budde. Das nomadische Ideal im Alten Testament (въ журн. Preussische Jahrbücher, LXXXV, 1896).

E. König. Der Offenbarungsbegriff des Alten Testaments (1882).

I. Koeberle. Natur und Geist nach der Auffassung des Alten Testaments (1900).

ד. נימרק, תולדות העקרים בישראל, כרך ראשון (1913).

A. Kamphausen. Das Verhältnis des Menschenopfers zur israelitischen Religion (1896).

M. Löhr. Die Stellung des Weibes [zu Iahve-Religion und Kultus (1908).

B. Duhm. Die Gottgeweihten in der alttestamentlichen Religion (1905).

R. Schäfer. Das Passah - Mazzoth - Fest (1900).

B. Eerdmans. Das Mazzoth-Fest (въ сборникѣ Orientalische Studien, Theodor Nöldeke gewidmet, 1906).

Westphal. Jahves Wohnstätten nach den Anschanungen des Alten Hebräer (1908).

A. von Gall. Altisraelitische Kultusstätten (1898).

K. H. Graf. Zur Geschichte des Stammes Levi (въ Merx' Archiv für wissenschaftliche Erforschung des Alten Testaments, I, 1867—1869).

Oort. De Aaroniden (въ журн. Theologisch Tijdschrift, XVIII, 1884).

W. Baudissin. Geschichte des alttestamentlichen Priestertums (1889).

E. Sellin. Das israelitische Ephod (въ томъ же сборникѣ).

F. Schwally. Semitische Kriegsaltertümer, I: Der heilige Krieg im alten Israel (1901).

J. Meinhold. Die Lade Jahves (1900).

* **M. Dibelius.** Die Lade Jahves (1906).

VII. Пророчество.

A. Kuenen. De Profeten en de Profetie onder Israel (1875).

B. Duhm. Die Theologie der Propheten (1875).

W. Robertson-Smith. The prophets in Israel and their place in history (1882).

Э. Рейссъ. Пророки (Восходъ, 1885).

I. Darmesteter. Les prophètes d'Israël (1895).

F. Walter. Die Propheten in ihrem sozialen Beruf und dem Wirtschaftsleben ihrer Zeit (1900).

F. Giesebrecht. Die Berufsbegabung der alttestamentlichen Propheten (1897).

* **P. Kleinert.** Die Profeten in sozialer Beziehung (1905).

C. Cornill. Der israelitische Prophetismus (10 изданіе, 1912, популярное изложеніе; русскій перев. подъ ред. Н. М. Никольскаго: „Пророки". М., 1915).

E. Sellin. Der alttestamentliche Prophetismus (1912).

I. Hermann. Die soziale Predigt der Propheten (1911).

A. Causse. Les Prophètes d'Israël et les Religions de l'Orient (1913).

W. Staerk. Das assyrische Weltreich im Urteil der Propheten (1908).

י. קלוזנר. הרעיון המשיחי בישראל בתקופת הנביאים (1908).

W. Nowack. Die Zukunftshoffnungen Israels in der assyrischen Zeit (1902).

* **G. Hölscher.** Die Profeten (1914).

H. Gunkel. Der Prophet Elias (въ журн. Preussische Jahrbücher, LXXXVII, 1897).

— Elias, Jahwe und Baal (въ серіи Religionsgeschichtliche Volksbücher, 1907).

W. Nowack. Amos und Hosea (въ той же серіи, 1908).

H. Guthe. Jesaia (въ той же серіи, 1907).

R. Liechtenhan. Jeremia (въ той же серіи, 1909).

I. I. P. Valeton. Amos und Hosea (1898).

I. Meinhold. Jesaja und seine Zeit (1898).

F. Wilke. Jesaja und Assur (1905).

H. Hackmann. Die Zukunftserwartung des Jesaja (1893).

W. Erbt. Jeremia und seine Zeit (1902).

K. Marti. Der Prophet Jeremia von Anatot (1889).

I. Köberle. Der Prophet Jeremia (1905).

F. Wilke. Die politische Wirksamkeit der Propheten (1913).

VIII. Израиль и Вавилонъ.

* **H. Gunkel.** Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit (1895).

F. Delitzsch. Babel und Bibel (первое изд., 1902); есть русскій очень плохой переводъ Ф. Деличъ: Библія и Вавилонъ (1912).

S. Oettli. Der Kampf um Babel und Bibel (1903).

* **H. Gunkel.** Israel und Babylonien (1903).

K. Budde. Israel und Babylon (1903).

O. Weber. Theologie und Assyriologie im Streite um Babel und Bibel (1904).

* **E. Stucken.** Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Aegypter (въ пяти частяхъ).

* **E. Schrader.** Die Keilinschriften und das Alte Testament (третье изданіе въ обработкѣ Winckler'a и Zimmern'a, 1903).

* **H. Winckler.** Himmelsbild und Weltenbild der Babylonier (въ серіи Der alte Orient).

— Die babylonische Geisteskultur in ihren Beziehungen zur Kulturentwicklung der Menschheit (въ серіи Wissenschaft und Bildung, 1910; русск. пер., изд. т-ва „Фаросъ", подъ ред. Н. М. Никольскаго: Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества. 1913).

— Der alte Orient und die Bibel (1906).

— Altorientalische Geschichtsauffassung (1906).

— Religionsgeschichtlicher und geschichtlicher Orient (1906).

— Abraham als Babylonier, Joseph als Aegypter (1903).

— Altorientalische Forscnungen.

— Geschichte Israel's (т. II, 1900).

* **A. Jeremias.** Das alte Testament im Lichte des alten Orients (2 изд., 1906).

— Handbuch der altorientalischen Geisteskultur (1913).

— Das Alter der babylonischen Astronomie (1909).

— Im Kampfe um Babel und Bibel (4 изд., 1903).

P. Jensen. Das Gilgameschepos in der Weltliteratur (1906).

F. Delitzsch. Wo lag das Paradies? (1880).

H. Zimmern. Biblische und babylonische Urgeschichte (въ серіи Der alte Orient, 3 изд., 1903).

J. Hehn. Siebenzahl und Sabbat bei den Babyloniern und im Alten Testament (1907).

— Die biblische und die babylonische Gottesidee (1913).

H. Gressmann. Der Ursprung der israelitisch-jüdischen Eschatologie (1905).

* — Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament (Band I. Texte; Band II. Bilder; 1909).

* **H. Winckler.** Keilinschriftliches Textbuch zum Alten Testament (2 изд., 1903).

* **R. P. P. Dhorme.** Choix des textes religieux assyro-babyloniens (1907).

Keilinschriftliche Bibliothek, hrsgg. von E. Schrader (тексты въ транскрипціи и переводѣ, изданіе выходитъ выпусками съ 1899).

* **D. H. Müller.** Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur Mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln (1903; текстъ, нѣмецкій и еврейскій переводъ и сравнительный анализъ.

H. Winckler. Die Gesetze Hammurabis (1904).

M. Schorr. Das Gesetzbuch Hammurabis (und die zeitgenössische Rechtpraxis (въ Bull. Acad. Cracov. 1907).

Kohler und Peiser. Hammurabis Gesetz (1904).

Ring. Letters and inscriptions of Hammurabi (1900).

A. Ungnad. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurabi-Dynastie (1914).

И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби (1914; русскій переводъ кодекса).

— Кодексъ Гаммураби (Журн. Мин. Нар. Просв., 1910).

И. Кистяковскій. Новый законодательный памятникъ древности (Научное Слово, 1904).

J. Jeremais. Moses und Hammurabi (2 изд. 1903).

Н. М. Никольскій. Израиль и Вавилонъ въ журн. „Вѣстникъ Европы" (1910, кн. V и VI).

Статьи въ журналѣ Orientalistische Literaturzeitung.

(Литературу по библейской критикѣ, а также изданія, переводы и комментаріи библейскихъ книгъ см. въ Библіографіи ко II тому).

Оглавленіе I тома.

Стр.

Отъ редакціи IX

Предисловіе къ I тому. *Н. М. Никольскаго* XIII

Еврейская исторіографія въ XIX вѣкѣ. Д-ра *С. Бернфельда* XV

Глава первая. Страна Израиля, ея природа и населеніе 1

Глава вторая. Палестина въ доисторическую эпоху.

1. Каменный вѣкъ 14
2. Заселеніе Палестины семитами. Начало аморейскаго господства въ Сиріи 22

Глава третья. Исторія Палестины въ первую половину второго тысячелѣтія.

1. Палестина и Египетъ въ эпоху Средняго царства 31
2. Взаимоотношенія между Палестиной и Вавилоніей до 1600 г. . . 35
3. Гиксосы и египетское владычество въ Сиріи 40
4. Эпоха эль-Амарны 46

Глава четвертая. Древнѣйшая культура Ханаана.

1. Новѣйшія раскопки въ южной Палестинѣ 54
2. Новѣйшія раскопки въ сѣверной Палестинѣ 56
3. Первобытная культура Ханаана (2500 г.) 67
4. Культура Ханаана въ эпоху отъ 2500 до 2000 гг. 72
5. Ханаанъ въ первую половину второго тысячелѣтія 76

Глава пятая. Культурное состояніе Ханаана отъ XVI вѣка до завоеванія его израильтянами.

1. Общественная и матеріальная культура 82
2. Письменность и духовная жизнь . 90
3. Ханаанскій пантеонъ 99
4. Культъ, его мѣста и обряды . . . 110

Глава шестая. Древнѣйшая исторія Израиля.

1. Вступленіе 126
2. Эбериты и израильтяне. Лія и Рахиль 134
3. Египетъ и Сирія въ эпоху послѣ эль-Амарны 146

Глава седьмая. Эпоха Моисея и Іошуи.

1. Исходъ изъ Египта и странствованіе въ пустынѣ 155
2. Вопросъ о Моисеѣ и его религіозномъ творчествѣ 164
3. Вторженіе въ Ханаанъ 176

Глава восьмая. Утвержденіе израильтянъ въ Ханаанѣ.

1. Общее положеніе. Задачи Израиля. 183
2. Израильскія колѣна 189
3. Дальнѣйшія завоевательныя войны. 199

Глава девятая. Судьи.

1. Нападенія степняковъ 204
2. Царство въ Офрѣ. Абимелехъ въ Сихемѣ 208
3. Легенды объ Ифтахѣ и Самсонѣ . 213

Глава десятая. Культура и религія въ эпоху судей.

1. Образъ жизни и общественное устройство 216
2. Право и письменность 219
3. Религія и культъ 224

Глава одиннадцатая. Самуилъ и Саулъ.

1. Филистимское иго 233
2. Воцареніе Саула 239
3. Саулъ и Давидъ 244
4. Смерть Саула 253

Стр.

Глава двѣнадцатая. Царствованіе Давида.

1. Давидъ и Ишбаалъ 258
2. Основаніе Іерусалима и борьба съ филистимлянами 268
3. Войны и войско Давида. Отношеніе Давида къ дому Саула . . . 276
4. Изъ семейной хроники Давида. Абшаломъ 282

Глава тринадцатая. Соломонъ.

1. Внѣшняя и внутренняя политика. 289
2. Храмъ и дворецъ Соломона . . . 300

Глава четырнадцатая. Культура и религія въ періодъ первыхъ царей.

1. Общая характеристика 305
2. Образъ жизни, культура и общественный строй 310
3. Письменность и духовная жизнь . 316
4. Религія и культъ 321

Глава пятнадцатая. Рехабеамъ, Іеровоамъ и ихъ ближайшіе преемники.

1. Раздѣленіе царствъ 329
2. Рехабеамъ, Абія, Аса 334
3. Іеровоамъ и его первые преемники 341

Глава шестнадцатая. Династія Омри.

1. Правленіе Омри 345
2. Ахабъ, Илія и пророчество его времени 351
3. Борьба династіи Ахаба съ Дамаскомъ и Ассиріей 359

Глава семнадцатая Іегу и его династія. Царство Іудейское.

1. Переворотъ Іегу 365

Стр.

2. Іошафатъ, царь іудейскій, и его сыновья. Аралія 368
3. Іегу и его преемники до Іеровоама II 373

Глава восемнадцатая. Культура и религія эпохи царей.

1. Образъ жизни и культура 379
2. Государственный и общественный строй 385
3. Религія и культъ 389

Глава девятнадцатая. Пророчество VIII столѣтія.

1. Общая характеристика 399
2. Амосъ. Гошеа 409

Глава двадцатая. Конецъ Сѣвернаго царства.

1. Азарія. Менахемъ 416
2. Сирійско-эфраимитская война . . 420
3. Паденіе Самаріи 428

Глава двадцать первая. Борьба Іуды съ Ассиріей.

1. Хизкія (719—686) 433
2. Санхерибъ въ Палестинѣ 437
3. Менаше. Амонъ 445

Глава двадцать вторая. Конецъ Іудейскаго царства.

1. Іошія и его реформа 451
2. Іеремія. Послѣдняя борьба за независимость 458

Очеркъ разработки исторіи древняго Израиля въ XIX вѣкѣ. *Н. М. Никольскаго* 469

Библіографія 498

Рисунки въ текстѣ.

Стр.

1. Общій видъ Іерусалима (съ сѣверо-востока) 1
2. Древнѣйшее начертаніе имени „Израиль" іероглифическимъ и клинообразнымъ письмомъ 13
3. Золотое нагрудное украшеніе съ изображеніемъ фараона Аменемхета III (XIX в. до хр. эры), сражающаго азіата 14
4. Діоритовая статуя, изображающая Гудеа, сумерійскаго царя города Лагаша 30
5. Колоннада главнаго Карнакскаго храма въ Өивахъ 31
6. Глиняная таблица изъ Телль эль-Амарны съ письмомъ Абдихибы къ фараону Аменхотепу IV 53
7. Видъ холма Телль эль-Хези (на мѣстѣ древняго Лахиша) послѣ произведенныхъ въ немъ раскопокъ . . 54
8. Глиняныя чаши и лампы финикійскаго образца изъ Лахиша . . 58
9. Общій видъ развалинъ древняго Іерихона 59
10. Фундаментъ іерихонскихъ стѣнъ съ сѣвера 66
11. Расположеніе слоевъ въ Телль эль-Хези 67
12. Жертвенная скала съ углубленіями изъ Мегиддо 71
13. Костяные предметы изъ Мегиддо. Бронзовыя орудія изъ Лахиша 72
14. Архаическіе идолы изъ Гата, Гезера и Мегиддо 75
15. Кольцо съ головкой кролика и черепаха (*Мегиддо*). Скарабей съ изображеніемъ человѣческ. фигуры, держащей цвѣтокъ лотоса (*Таанахъ*). Цилиндрическая печать Атанахили (*Таанахъ*). Веретенныя кольца и ткацкіе привѣски (*Мегиддо*) 76

Стр.

16. Скарабеи-печати изъ Мегиддо 81
17. Общій видъ жертвеннаго мѣста въ Петрѣ 82
18. Бронзовые мечи изъ Гезера и изъ Вавилона (XIV в.) 89
19. Обломки бронзовой чаши изъ Лимассоля съ финикійской надписью (X в.) 90
20. Ханаанская гробница. Шахтенная гробница изъ Гезера 98
21. Хаторъ. Глиняная женская фигура изъ Лахиша. Астарта (*Таанахъ* и *Гезеръ*). Изображеніе женскаго божества (*Гезеръ*). Астарта (*Таанахъ*) . 99
22. Бронзовыя фигурки Бэса изъ Лахиша и Таанаха. Глиняная фигурка неизвѣстной богини 109
23. Ханаанское святилище съ рядомъ массебъ въ Гезерѣ 110
24. Алтарь въ Петрѣ 125
25. Колодезь въ Беэръ-Шеба . . . 126
26. Ассирійскія палатки 133
27. Керамическія издѣлія изъ Гезера (XII—IX вв.) 134
28. Работы семитскихъ азіатовъ въ Египтѣ 145
29. Фараонъ Тутанхамонъ принимаетъ дань отъ азіатскихъ пословъ . 146
30. Стэла Мернепты 154
31. Синайская пустыня 155
32. Ковчегъ (*реконструкція по Бенцингеру*) 163
33. Такъ наз. Источникъ Моисея въ Синайской пустынѣ 164
34. Обрѣзаніе въ Египтѣ 175
35. Аялонъ 176
36. Излучина Іордана близъ Іерихона 182
37. Гибеонъ 183
38. Вершина Масада въ Іудейской пустынѣ 188
39. Горы Эфраимъ 189

Стр.
40. Истоки Іордана въ Данѣ . . . 199
41. Кишонъ 203
42. Гора Таборъ 204
43. Бронзовая группа изъ Галилеи. 207
44. Гора Геризимъ 208
45. Хороводъ вокругъ священнаго дерева 212
46. Газа 213
47. Сраженіе Гильгамеша сольвомъ. 215
48. Современная арабская деревня въ Палестинѣ 216
49. Ручная каменная мельница изъ Гезера 218
50. Алтарь изъ неотесанной скалы изъ Цоры) 219
51. Контрактъ изъ Гезера, написанный клинообразными знаками . . . 223
52. Видъ семитской высоты (*по барельефу, открытому въ Сузѣ около 1100 г. до Р. Х.*) 224
53. Бронзовое изображеніе тельца. 232
54. Образцы филистимской керамики, найденные при раскопкахъ въ Гатѣ 233
55. Гибеа Веніаминова 239
56. Развалины Шило 243
57. Іудейская пустыня 244
58. Израильскіе плѣнные, играющіе на лирахъ 252
59. Такъ наз. Гора Самуила 253
60. Священный дубъ Авраама въ Хебронѣ 258
61. Бронзовое оружіе изъ Гезера . 267
62. Сіонъ 268
63. Финикійскій „божій домъ“ изъ глины 275
64. Развалины Раббатъ-Аммона . . 276
65. Долина Кидрона 282
66. Большая египетская арфа . . 288
67. Ливанскіе кедры 289
68. Алтарь Соломонова храма (*реконструкція*) 300
69. Такъ назыв. „могилы царей“ въ Іерусалимѣ 305
70. Планъ царскихъ могилъ . . . 309
71. Древне-палестинскіе сосуды . . 310
72. Башня въ виноградникѣ . . . 315
73. Ручки отъ глиняныхъ кувшиновъ изъ Телль-Захаріе съ надписями эпохи царей 316
74. Печать Шемы, слуги Іеробеама 320
75. Соломоновъ храмъ (*реконструкція по Шику*) 321
76. Ашеры 328

Стр.
77. Образцы іерихонской керамики 329
78. Стэла Шошенка въ Карнакскомъ храмѣ 334
79. Бэтъ-Эль 381
80. Глиняная жаровня изъ Таанаха. 344
81. Самарія 345
82. Дамаскъ 351
83. Камень Меши 358
84. Дань израильтянъ Салманассару 359
85. Источникъ Элиши 365
86. Глиняная лампа въ формѣ утки (*изъ Гезера*, X—IX в.) 367
87. Внутренность царскихъ могилъ 368
88. Іегу приноситъ Салманассару дань 373
89. Обелискъ Салманассара . . . 378
90. Жатва въ современной Палестинѣ 379
91. Печать Асафа 384
92. Древне-палестинскія печати . 385
93. Печать изъ Мегиддо VII в. . . 388
94. Глиняная табличка изъ Гезера съ начертаннымъ на ней такъ наз. „земледѣльческимъ календаремъ“ . . 389
95. Финикійская вотивная плита изъ Лилибея 398
96. Древнія и современныя палестинскія украшенія 399
97. Ассирійское войско 409
98. Жертва сикоморѣ въ Египтѣ . 415
99. Тиглатъ-Пилесеръ III 416
100. Ассирійскій штандартъ 420
101. Глиняныя издѣлія израильской эпохи изъ Таанаха 421
102. Рельефъ съ дверного косяка (изъ Абдэ) 427
103. Саргонъ 428
104. Ассирійскій царь на тріумфальной колесницѣ 432
105. Надпись изъ Шилоаха 433
106. Начало канала Шилоаха . . . 436
107. Санхерибъ принимаетъ дань отъ жителей побѣжденнаго Лахиша. 437
108. Такъ наз. голова Молоха . . 445
109. Кипрская женщина съ „садикомъ Адониса“ 450
110. Вавилонскіе знаки Зодіака . . 451
111. Процессія ассирійскихъ боговъ. 457
112. Изображеніе тельца на воротахъ Иштаръ въ Вавилонѣ 458
113. Левъ съ „улицы процессій“ въ Вавилонѣ 468

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Стр.

1. Сооруженія каменнаго вѣка (мегалитическія постройки), сохранившіяся въ Палестинѣ 16
2—3. Древнѣйшіе слѣды владычества Египта надъ Сиріей въ египетскихъ памятникахъ 24
4. Типы народовъ древняго Востока (*народы несемитическіе*) 32
5. Типы народовъ древняго Востока (*народы семитическіе*) 32
6. Діоритовая плита (стэла) съ начертанными на ней законами Хаммураби.—Шамашъ, сидящій на своемъ тронѣ.—Мардукъ.--Изображеніе Хаммураби на известняковой плитѣ.—Отрывокъ изъ кодекса Хаммураби . 36
7. Обелискъ Тутмоса III въ Александріи.—Перечень городовъ, завоеванныхъ Тутмосомъ III, на стѣнѣ храма Амона въ Карнакѣ.—Колоссальныя статуи Аменхотепа III, такъ наз. „Колоссы Мемнона" близъ Ѳивъ.—Сфинксъ Аменхотепа III въ Петроградѣ. — Колоннада Аменхотепа III въ Луксорскомъ храмѣ 48
8. Орудія и сосуды каменнаго вѣка, найденные въ Палестинѣ . . 64
9. Торговый караванъ семитовъ, направляющійся въ Египетъ. Цвѣтная таблица. 72

Стр.

10. Древне-палестинскія укрѣпленія. 80
11. Образцы древне-палестинскаго и крито-эгейскаго письма 92
12. Печати и скарабеи 104
13. Предметы домашняго и религіознаго быта (*Гезеръ, Мегиддо, Таанахъ*) 120
14. Боевыя колесницы египтянъ и хетитовъ въ битвѣ при Кадешѣ. Цвѣтная таблица 132
15. Вершины Синая (Джебель Сербалъ) 170
16. Видъ на равнину Іерихона съ запада 176
17—18. Образцы древне-палестинской керамики и орнаментики . . . 232
19. Хебронъ 248
20—21. Храмъ Соломона.—Утварь храма Соломона 304
22. Гора Кармель 352
23. Видъ на Масличную гору съ Сіонскаго холма 368
24. Гора Хермонъ 400
25. Пирамиды въ Гизе, близъ Каира. 432
26. Сосудъ для воскуренія, найденный при раскопкахъ въ Мегиддо. Цвѣтная таблица 448
27. Развалины большого Карнакскаго храма въ Ѳивахъ 464

Географическія карты.

Стр.

1. Палестина 8
2. Сирія, Синай и Египетъ въ XV—XIII вв. до новой эры 144
3. Карта библейской этнографіи . 144
4. Палестина въ періодъ возникновенія царской власти 192
5. Владѣнія 12-ти колѣнъ израильскихъ 192

Стр.

6. Царство Давида и Соломона . . 272
7. Іерусалимъ въ царствованіе Давида и Соломона 272
8. Іерусалимъ въ VII в. до новой эры 272
9. Палестина и Месопотамія въ VIII—VI вв. до новой эры 272

Поправки.

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр.	11,	строка	8 снизу	Якова	Іакова
„	20,	„	18 снизу	II	при стр. 17
„	23,	„	16 сверху	III	при стр. 25
„	26,	„	2 сверху	IV и V	при стр. 33
„	26,	„	18 снизу	Гисху	Гишху
„	28,	„	4 снизу	преемниковъ	царей Ширпурлы, правившихъ позднѣе
„	38,	„	18 сверху	VI	при стр. 37
„	44,	„	7 сверху	VII	при стр. 49
„	65,	„	1 снизу	во 2-мъ томѣ	на стр. 433
„	65,	„	4 снизу	Хискіи	Хизкіи
„	115,	2-ое примѣчаніе		24,6	Исходъ 24,6
„	116,	3 примѣчаніе, 2 строка сверху		XX	LXX
„	127,	„	19 сверху	исторіи	формы
„	171,	„	10 сверху	עלין	עליון
„	„	2-ое примѣч., 2 строка снизу		Элефактинѣ	Элефантинѣ
„	186,	„	23 сверху	שפטים	שופטים
„	190,	примѣч.		52	5,2
„	218,	строка	9 сверху	וקנים	וקנים
„	246,	„	2 снизу	Михалъ	Михаль
„	249,	„	5 снизу	Сифъ	Зифъ
„	302,	„	9 снизу	Ватинанскаго	Ватиканскаго
„	318,	„	1 снизу	Іонаѳанъ	Іонатанъ
„	354,	„	7 сверху	אחץ	אחו
„	355,	„	20 сверху	אל	אלי
„	385,	подпись, стр. 2		Камошъ	Кемошъ
„	386,	примѣч. стр. 8 сверху		דברה	דברי
„	404,	строка	2 снизу	נבאה	נבא
„	426,	„	8 снизу	Исіонъ	Иліонъ
„	427,	примѣч. стр. 2 снизу		Газы	Газы
„	„	примѣч. стр. 2 снизу		Моаби	Моаба
„	433,	строка	1 сверху	הוה	היה

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.